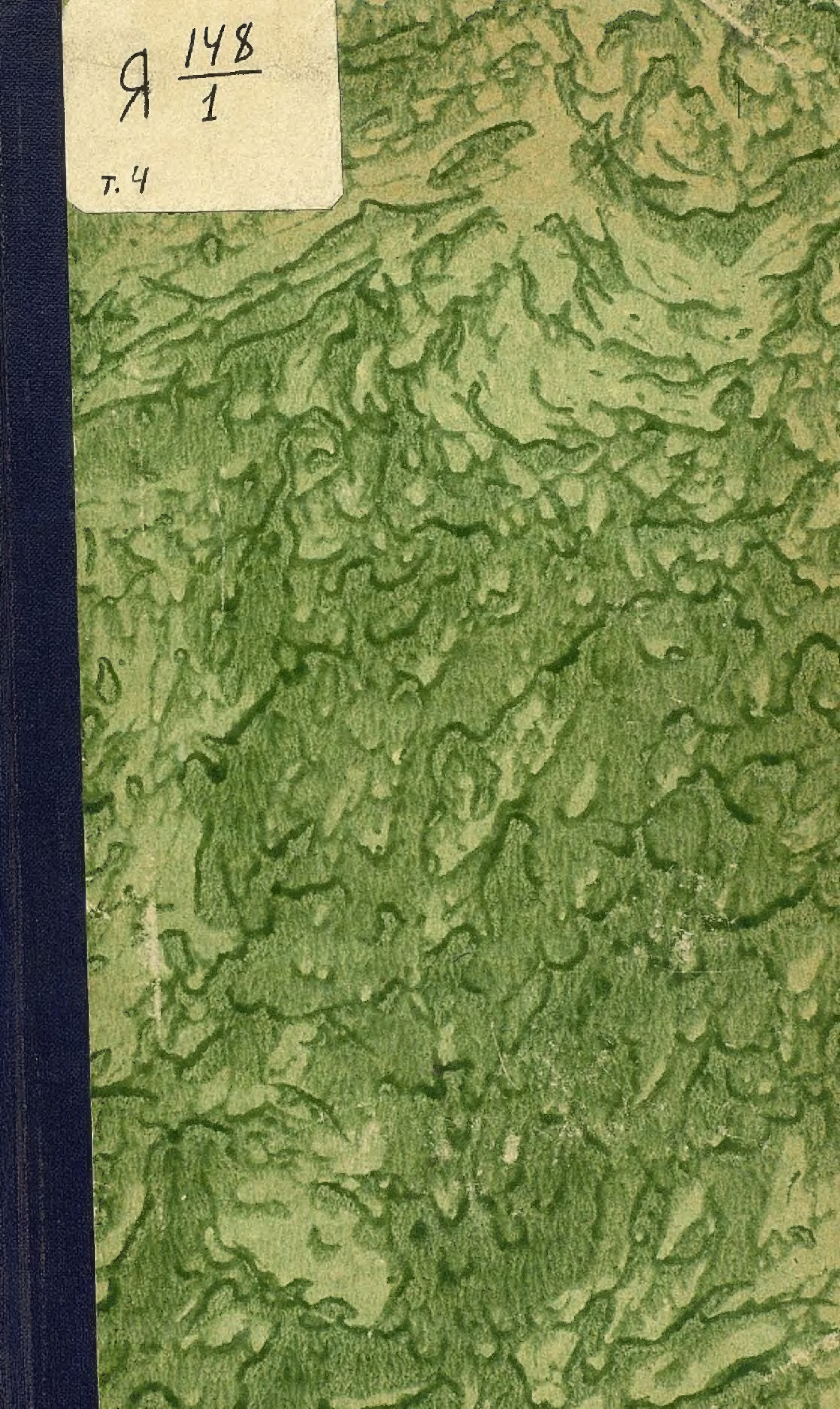


ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ

АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ

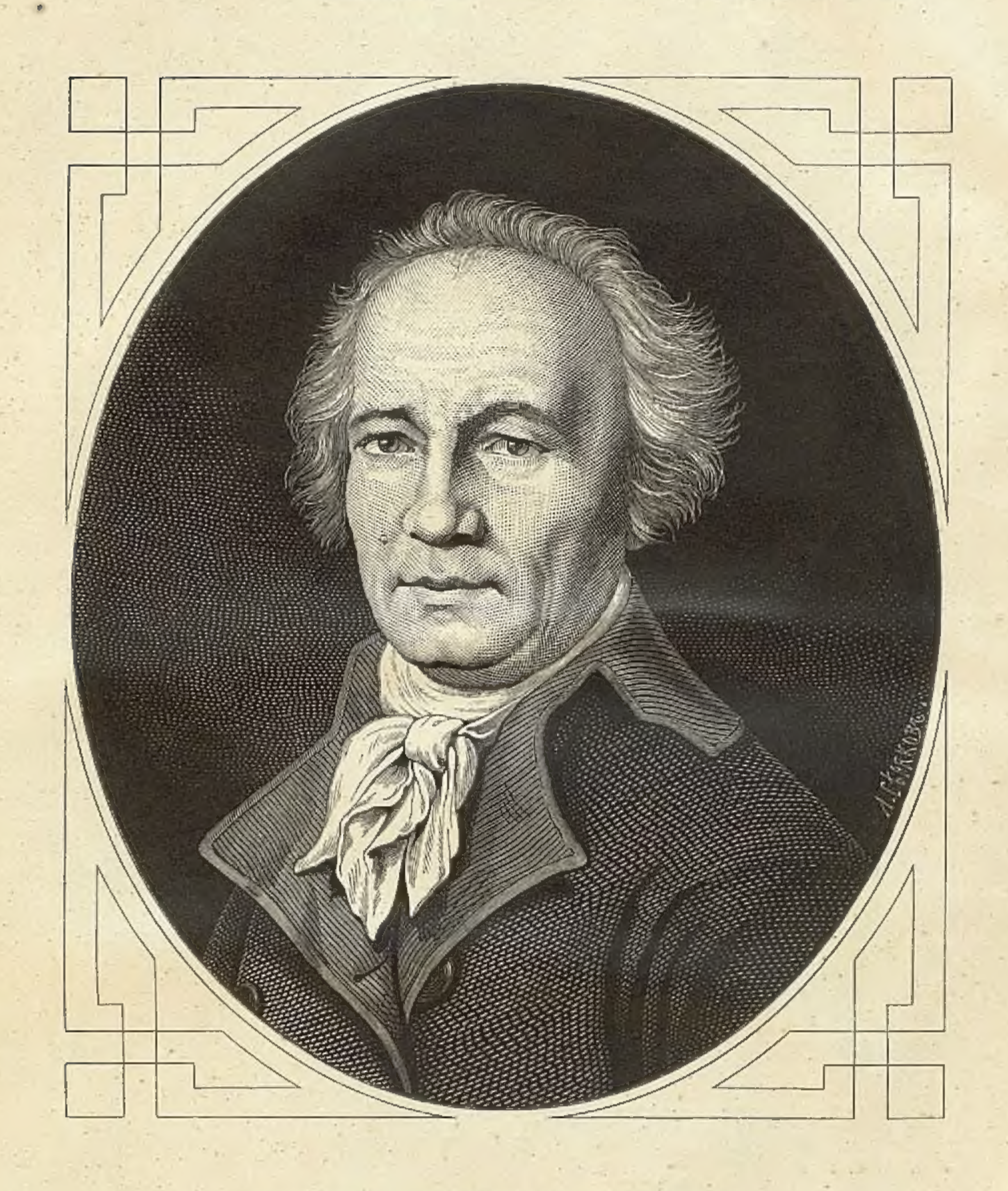
ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

1738—1795.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева. Большая Садовая, № 2—49.
1873.

2007041914



А. Т. БОЛОТОВЪ.

1737—1833.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 іюля 1873 г. Типографія В. С. Балашева, Бол. Сад., № 49—2.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XXII.

(Въ Дворениновѣ, начата февраля 16-го 1810, а кончена октября 31-го дня того-жъ года).

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Богородицкѣ послѣ пожарнаго бѣдствія.

1785 годъ.

Письмо 221.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ 1785 годъ началъ я провождать, находясь въ Богородицкѣ и живучи въ мирѣ и тишинѣ и во всякомъ изобиліи. Одно только меня озабочивало, что жена моя была около сего времени не очень здорова. Со всѣмъ тѣмъ, мы достальные дни святокъ нашихъ провели довольно весело въ ежедневныхъ свиданіяхъ съ своими городскими друзьями и знакомцами. Но въ самый послѣдній день оныхъ перетревоженъ я былъ полученными изъ Козлова писмами. Писали ко мнѣ, что наше спорное межевое дѣло вошло въ находящуюся уже тамъ межевую контору и вскорѣ будетъ разсматриваемо, и что для самого сего надобно мнѣ необходимо поспѣшить туда своимъ пріѣздомъ.

Извѣстіе сіе озаботило меня чрезвычайно, и тѣмъ паче, что надлежало туда всячески поспѣшить, а путь былъ самой скверной, ибо зима у насъ въ семъ году была самая голая и снѣга было чрезвычайно мало, а отъ осеннихъ дождей вся поверхность земли обледенѣла. Но какъ ѣзда была самая необходимая и не терпѣла ни малѣйшей отсрочки, то, не долго думая, на другой же день, собравшись на скорую руку, и пустился я въ сей путь, взявъ въ сотоварищество къ себѣ старика - нѣмца нашего переплетчика Ивана Андреевича Банніера, которому случилось тогда имѣть въ Козловѣ какую-то собственную нужду, а я тому и радъ былъ, что мнѣ съ нимъ не таково было скучно.

Ѣзда сія была, по причинѣ дурноты дороги, для насъ крайне безпокойная. Мы ѣхали чрезъ Данковъ и Ранибургъ, гдѣ пристали мы у знакомца и друга своего Ивана Христофоровича Добраса, бывшаго у насъ въ Богородицкѣ казначеемъ, а тутъ въ Ранибургѣ городничимъ. Сей любезный человѣкъ и его жена обрадовались мнѣ, какъ бы какому родному, и старались угостить меня всячески, и охотно хотѣли снабдить меня кибиткою на колесахъ, для продолженія пути моего, за неимѣніемъ тамъ совсѣмъ почти снѣга. Но, по счастію, въ самую ночь

сію выпалъ изрядный снѣжокъ, и намъ можно было продолжать свой путь въ своихъ прежнихъ повозкахъ, и столь хорошо, что мы въ тотъ же день, и довольно еще рано, доѣхали до Козлова.

Тутъ расположившись на пріисканной квартеркѣ, спѣшилъ какъ можно скорѣе повидаться съ родственникомъ нашимъ, двоюроднымъ братомъ жены моей, Николаемъ Александровичемъ Кавериным ъ, жившимъ по счастію тогда съ женою своею въ Козловѣ, по случаю, что былъ онъ уѣзднымъ судьею. Сей столько же былъ радъ моему пріѣзду, сколько я тому, что нашелъ въ немъ любезнаго и такова человѣка, который могъ мнѣ быть въ тогдашнемъ случаѣ, по знакомству его со всѣми городскими и межевыми, быть полезнымъ. Онъ съ превеликою охотою брался сдѣлать все, что только было ему можно. И дѣйствительно: исполнилъ тогда долгъ родства и дружества. Чрезъ его стараніе познакомился я съ межевымъ секретаремъ Дьяковымъ, у котораго наше дѣло было въ повытьѣ, и не только переговорилъ съ нимъ обо всемъ нужномъ, но и задобрилъ его подаркомъ. Но скоро открылось, что ѣзда моя была въ сей разъ въ Козловъ почти по-пустому, и до дѣла нашего далеко еще не доходила очередь; а по причинѣ переноса онаго Пашковымъ въ сенатскую межевую экспедицію, была еще относительно до онаго великая остановка. А самое и сіе причиною тому было, что тогдашнее пребываніе мое въ Козловѣ было кратковременное и не продолжалось болѣе трое сутокъ.

Совсѣмъ тѣмъ и сіи три дни провелъ я тамъ не безъ дѣла, а по крайней мѣрѣ имѣлъ случай спознакомиться съ межевыми судьями, изъ коихъ главнымъ былъ тогда баронъ Дельвигъ, а другой г. Гневушевъ, и оба мнѣ незнакомые до того люди, а сверхъ того спознакомиться и со многими другими межевыми и свидѣться со стариннымъ моимъ знакомцемъ и пріятелемъ межевщикомъ Золотухинымъ, такъ и съ свойственникомъ нашимъ Яковомъ Кузьмичемъ Кузьминымъ. Словомъ: родственникъ мой г. Каверинъ замыкалъ меня, возя съ собою по всѣмъ его знакомымъ. Что-жъ касается до самого его, то я ласкою и угощеніями его меня былъ очень доволенъ, и радъ былъ, что нашелъ въ немъ друга и такого человѣка, на котораго дружбу и вспоможеніе могъ я и впредь полагать надежду. Но, увы! Судьба не допустила его оказать мнѣ дальнѣйшей услуги, лишивъ весьма рановременно жизни сего любезнаго и достойнаго человѣка, ибо онъ вскорѣ послѣ того занемогъ и умеръ.

Впрочемъ, относительно до сего пребыванія моего въ Козловѣ памятенъ мнѣ особливо одинъ случай, принудившій меня противъ хотѣнія пить такое питье, котораго и самый запахъ былъ для меня крайне противенъ, а именно аглицкое пиво, бывшее тогда въ великомъ еще у насъ употребленіи, и, что смѣшнѣе всего, приневоливалъ себя къ тому въ угожденіе пьянаго межеваго секретаря. Случилось же однажды какъ заѣхали мы къ нему съ Николаемъ Александровичемъ, онъ, будучи ему пріятелемъ и очень ему радъ, ну его поить тѣмъ-и-сѣмъ, и между прочимъ и симъ ненавистнымъ для меня напиткомъ, а вмѣстѣ съ симъ и меня всячески упрашивать, чтобы я сдѣлалъ ему одолженіе и выпилъ. Что было дѣлать, чтобы не разгнѣвить сего негодяя, до котораго могла мнѣ дойтить нужда, принужденъ былъ исполнить его хотѣніе и цѣлыхъ два стакана, проклиная его въ умѣ, выпить и перенесть оттого послѣ великую тошноту! Итакъ, сбылась тогда со мною пословица, что «нужда научитъ всякаго калачи ѣсть».

Такимъ образомъ, кончивъ все, что было тогда можно сдѣлать, и распрощавшись съ Николаемъ Александровичемъ, котораго я съ того времени болѣе уже не видалъ, пустились мы съ Баншіеромъ въ свой обратный путь, и на третій день возвратились опять въ свое мѣсто, въ Богородицкъ.

Тутъ, къ немалому огорченію своему, нашелъ я жену, слегшую даже въ постель, ибо прежняя ея болѣзнь нѣсколько

еще увеличилась, а на другой день получили мы извѣстіе, что другой и меньшой братъ Николая Александровича Каверина, Евграфъ Александровичъ, жившій съ женою своею неподалеку отъ насъ, за Епифанью, былъ также при смерти боленъ, что̀ и принудило тещу мою тотчасъ къ нему отправиться, для навѣщенія. А черезъ нѣсколько дней послѣ того услышали мы и о его кончинѣ. И какъ онъ былъ къ намъ отмѣнно ласковъ, то и пожалѣли мы объ немъ чувствительно.

Между тѣмъ, отдохнувъ отъ своего путешествія и пользуясь свободнымъ зимнимъ временемъ, принялся я опять за обыкновенныя свои комнатныя упражненія. И достопамятно, что я около самаго сего времени основалъ и сдѣлалъ свою картинную книгу, и вмѣстѣ съ симъ трудился я надъ вклеиваніемъ въ нее всѣхъ имѣвшихся у меня разнаго рода большихъ и маленькихъ эстамповъ, и что мы съ женою занимались сею работою нѣсколько дней сряду и вклеили въ нее ровно цѣлую тысячу картинъ всякаго рода.

Въ семъ упражненіи, равно какъ и въ продолженіи сочиненія матеріала для «Экономическаго Магазина» и въ частыхъ свиданіяхъ съ своими городскими друзьями и угащиваніи многихъ пріѣзжавшихъ къ намъ въ сіе время гостей,—проводилъ я всѣ достальные дни января мѣсяца, въ которое время имѣлъ я удовольствіе слышать въ первый разъ пѣніе учившихся пѣть ребятишекъ нашихъ, и успѣхомъ наемнаго учителя былъ совершенно доволенъ.

Въ началѣ февраля случилось родить молодой женѣ нашего виннаго пристава Петра Максимовича Викулина, и я прошенъ былъ быть сей новорожденной дочери его Маріи воспріемникомъ. И какъ отецъ оной былъ отмѣнно приверженъ ко мнѣ ласкою и дружествомъ, то и сдѣлалъ я ему сіе удовольствіе и окрестилъ дочь его, вмѣстѣ со старушкою нашею Марьею Юрьевною Петровою. А не успѣли мы сего праздника отпраздновать, какъ получено было извѣстіе, что командиръ мой г. Давыдовъ возвратился уже изъ Петербурга и находится въ Москвѣ. Я не сомнѣвался тогда, что скоро позоветъ оный меня въ Тулу къ себѣ, для свиданія, и въ томъ не обманулся. Онъ не успѣлъ въ Тулу пріѣхать, какъ тотчасъ далъ мнѣ о томъ знать и звалъ меня къ себѣ, и я принужденъ былъ тотчасъ къ нему ѣхать, и крайне любопытенъ былъ узнать, имѣлъ ли онъ какой успѣхъ по своимъ дѣламъ въ Петербургѣ, гдѣ надѣялся онъ за чужіе труды получить, и Богъ знаетъ какія, милости отъ императрицы. Но услышалъ только отъ него, что планы мои были государынѣ очень угодны, а болѣе ничего; почему и имѣлъ я справедливую причину сомнѣваться въ томъ, имѣлъ ли онъ счастіе быть представленнымъ государынѣ и говорить съ нею, или не удостоился и того, а проѣздилъ по-пустякамъ, и потому заключилъ, что всѣ послѣдніе труды мои, употребленные на сочиненіе плановъ, едва ли не пропали по-пустому, и ни мнѣ, и ни ему не принесли ни какой пользы. Впрочемъ, удивилъ онъ меня, сказавъ, чтобъ я дни три пожилъ въ Тулѣ и его пообождалъ, предпринимающаго ѣхать на самое короткое время въ Калугу, къ намѣстнику. Но какъ мнѣ никакъ не хотѣлось жить столько времени безъ всякаго дѣла въ Тулѣ и я охотнѣе брался пріѣхать къ нему вторично изъ Богородицка, то и не сталъ онъ меня держать и отпустилъ домой.

Такимъ образомъ случилось мнѣ тогда два раза въ теченіе одной недѣли пріѣзжать въ Тулу и оба раза на самое короткое время и для одной только поговорки. И хотя мнѣ таковыя частыя помычки, а особливо въ тогдашнюю жестокую стужу и не весьма были пріятны, но какъ перемѣнить было не чѣмъ, то принужденъ я былъ переносить то съ терпѣніемъ. По крайней мѣрѣ, радъ я былъ тому, что около сего времени жена моя выздоровѣла и начала по-прежнему выѣзжать со двора и могла съ нами вмѣ-

стѣ разъѣзжать по гостямъ въ наступившую тогда у насъ масленицу.

Но едва только начали мы бѣшеную недѣлю сію провождать по старинному обыкновенію своему въ катаніи и разъѣздахъ другъ къ другу, какъ является къ намъ вдругъ пріѣхавшій, противъ всякаго чаянія и ожиданія, изъ Калуги, вновь опредѣленный въ нашъ городъ городничимъ, грузинскій князь Назаровъ, по имени Егоръ Михайловичъ, и привозитъ прежнему нашему городничему г. Сухотину повелѣніе, чтобъ онъ сдалъ ему городъ, а самъ бы переѣзжалъ въ Тулу, по причинѣ пожалованія его въ тульскую казенную палату совѣтникомъ, а ко мнѣ словесное повелѣніе отъ намѣстника, чтобъ и я пріѣхалъ къ нему неукоснительно въ Калугу.

Легко можно заключить, что все сіе сдѣлало масленнымъ нашимъ увеселеніямъ великое помѣшательство. Съ одной стороны жаль было намъ всѣмъ нашего прежняго городничаго, съ которымъ, живучи столько лѣтъ вмѣстѣ, имѣли мы время свыкнуться и сдружиться; да и самому ему охотнѣе хотѣлось бы остаться по-прежнему въ Богородицкѣ, нежели жить въ Тулѣ, почему онъ не весьма радъ былъ и своему производству и множайшему жалованью; съ другой стороны—надлежало намъ вновь спознакомливаться съ новымъ, который и съ самаго уже начала казался намъ человѣкомъ, хотя добрымъ, но далеко не такимъ простодушнымъ и дружелюбнымъ, каковъ былъ прежній, но, по природѣ своей, болѣе лукавымъ, скрытнымъ и практичнымъ. Онъ не преминулъ на другой же день ко мнѣ пріѣхать, для сдѣланія мнѣ визита и сообщенія мнѣ помянутаго намѣстническаго повелѣнія, которое еще болѣе насъ смутило и озаботило. Итакъ, послѣдніе дни масленицы и хотя провели мы въ разъѣздахъ и свиданіяхъ другъ съ другомъ, но далеко уже не такъ весело какъ первые.

Итакъ, недумано-негадано принужденъ я тотчасъ, по наступленіи великаго поста, опять въ путь отправляться и всю первую недѣлю проводить въ семъ путешествіи, ибо въ Калугѣ я въ сей разъ былъ не болѣе однихъ сутокъ. Надобность намѣстника до меня состояла въ томъ, что какъ онъ, будучи въ Петербургѣ, имѣлъ случай нѣсколько разъ съ императрицею о нашихъ волостяхъ разговаривать и получилъ отъ нея на многія представленія его разрѣшенія, то какъ онъ во всемъ надѣялся и полагался во всемъ болѣе на меня, нежели на моего командира г. Давыдова, то минувъ его, хотѣлъ онъ непосредственно дать обо всемъ, чтò было нужно, повелѣніе. Итакъ, занявшись со мною цѣлое утро разговорами и потомъ унявъ у себя обѣдать и давъ на все за подписаніемъ своимъ повелѣнія, въ слѣдующее утро меня и отпустилъ обратно, чѣмъ я былъ весьма и доволенъ.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ ни коротко было мое въ сей разъ въ Калугѣ пребываніе, но я успѣлъ кой-гдѣ побывать и кой съ кѣмъ видѣться какъ въ Калугѣ, такъ и въ проѣздъ мой чрезъ Тулу. Въ первой имѣлъ я случай видѣть родного брата намѣстника Петра Никитича и славнаго въ тогдашнее время бывшаго гвардейскаго маіора, Ѳедора Матвѣевича Толстаго, съ которымъ и я вмѣстѣ у него обѣдалъ. А послѣ обѣда успѣлъ побывать и у знакомцевъ своихъ г. Кошелева и секретаря намѣстническаго г. Михайлова, который, будучи сродни нашей новой городничихѣ, отмѣнно ко мнѣ ласкался и доставилъ особенное удовольстіе, показавъ мнѣ свой натуральный и медальный кабинетъ, которымъ не могъ я довольно налюбоваться. Въ Тулѣ же ѣздилъ я съ г. Сокольниковымъ вечеркомъ на оружейный заводъ и съ отмѣннымъ удовольствіемъ и любопытствомъ разсматривалъ сдѣланную модель всему затѣваемому намѣстникомъ вновь оружейному заводу, которая, безъ всякаго сочиненія, стоила многихъ денегъ, трудовъ и работы, но въ послѣдствіи времени ни къ чему не послужила и осталась только памятникомъ великолѣпнымъ затѣямъ г. Кречетникова.

Какъ вся сія ѣзда продолжалась менѣе недѣли (и я поѣхавъ въ понедѣльникъ, успѣлъ въ субботу возвратиться уже и назадъ, и поспѣть еще къ обѣду), то неожидавшіе столь скораго возвращенія моего, родные мои были тѣмъ крайне обрадованы, и тѣмъ паче, что я привезъ съ собою и дозволеніе, данное мнѣ отъ намѣстника съѣздить съ ними на короткое время въ Москву, для исправленія нѣкоторыхъ нашихъ надобностей.

Итакъ, проводивъ съ ними и случившеюся быть тогда у насъ теткою госпожею Арцыбышевою и пріѣхавшимъ къ намъ въ сіе же время родственникомъ нашимъ Петромъ Алексѣевичемъ Кирѣевымъ и его семействомъ и племянникомъ его, прежнимъ моимъ ученикомъ и воспитанникомъ господиномъ Семеновымъ, первое воскресенье и послѣдующій день,— собрались мы опять въ путь и вмѣстѣ съ женою и старшею моею дочерью и пустилися въ новое путешествіе.

Ѣзда наша въ сей разъ, по случившимся дурнымъ тогда погодамъ была безпокойная, и мы не прежде какъ въ четвертый уже день пріѣхали въ Москву и остановились въ сей разъ на Шабаловкѣ, въ домѣ у знакомца и пріятеля нашего Ивана Ефремовича Кислинскаго и стояли вмѣстѣ съ пріѣхавшими въ самое тоже время и нашими Федешовскими родными. И какъ хозяинъ нашъ былъ человѣкъ одинокій и квартиру имѣлъ довольно просторную, то и намъ всѣмъ было довольно покойно.

Какъ главная наша нужда состояла въ исправленіи нужныхъ для себя разныхъ покупокъ, то и пробыли мы въ сей разъ въ Москвѣ не болѣе 4-хъ сутокъ и замучились отъ безпрерывной и ежедневной ѣзды то въ ряды, то для свиданія съ кѣмъ было нужно, почему не произошло съ нами въ сей разъ ничего особливаго. Совсѣмъ тѣмъ успѣли мы побывать у старинныхъ нашихъ Офросимовыхъ и друга нашего г. Кологривова, а я повидаться съ пріятелемъ своимъ г. Владыкинымъ и г. Новиковымъ и съ симъ послѣднимъ переговорить обо всемъ нужномъ, относящемся до моего «Экономическаго Магазина» и съ нимъ счестся.

Итакъ: и вторую, и третью недѣли великаго поста находился я отъ дома въ отлучкѣ и въ безпрерывной волокитѣ. Въ Богородицкъ возвратились мы не прежде какъ уже предъ самымъ Благовѣщеніемъ, 23-го марта, и рады были, что убрались до наступленія самой половоди, которая вскорѣ по возвращеніи нашемъ и началась. Я возвратился въ Богородицкъ не совсѣмъ въ спокойномъ духѣ, ибо въ проѣздъ мой чрезъ Тулу при свиданіи съ полукомандиромъ моимъ г. Давыдовымъ, получилъ я отъ него, между прочимъ, многія такія приказанія, которыя ввергли меня въ великое недоумѣніе и озаботили такъ, что я не зналъ что̀ дѣлать. Были они совсѣмъ несообразны съ прежними его поступками, и даже ни съ чѣмъ не сообразны, а что̀ всего хуже — ни мало несоотвѣтственныя безпристрастному и прямо усердному попеченію намѣстника о волостяхъ нашихъ. Ибо надобно знать, что между тѣмъ какъ сей о истинной пользѣ нашихъ волостей и о умноженіи казеннаго дохода и о введеніи во всемъ лутчаго порядка помышлялъ и старался [не послѣдовалъ оному] давно г-нъ Давыдовъ и, не соотвѣтствуя ни мало его къ себѣ милостямъ и довѣрію, помышлялъ только о томъ, какъ бы ему и чѣмъ бы то ни было отъ волостей нашихъ можно было поживиться и нагрѣть себѣ руки; а потому и выдумалъ всѣ удобовозможные къ тому способы; а всходствіе того и предписывалъ мнѣ отъ времени до времени, многое такое, чего мнѣ никакъ, не подвергая себя гнѣву отъ намѣстника, исполнить было не можно. А такого точно рода были данныя мнѣ и въ сей разъ нѣкоторыя его приказанія, которыя заставили меня не только думать, но и напрягать всѣ силы ума и знанія своего, чтобы изобрѣсти какое-нибудь такое посредство, что и онъ сколько-нибудь удовлетворенъ могъ быть въ своихъ желаніяхъ и я не могъ подвергнуться дальнему за то отвѣту. И признаюсь, что самое сіе наиболѣе меня во все время управленія его волостями

озабочивало и отягощало. Не рѣдко случалось, что я, по пословицѣ говоря, принужденъ бывалъ «ужемъ и жабою вертѣться» и употреблять «и лисій хвостъ и волчій ротъ», либо для уничтоженія безпредѣльныхъ его вожделѣній, либо для сокращенія и уменьшенія его чорныхъ и непозволительныхъ замысловъ. И хотя то иногда и удавалось, но какъ не было ни силъ, ни возможностей ему противоборствовать, то доходило не рѣдко до того, что я со страхомъ и трепетомъ принужденъ бывалъ выполнять его повелѣнія.

Кромѣ сего озабочивало меня тогда и то, что мнѣ, не помню для какой-то необходимой надобности, нужно было на другой же день по возвращеніи моемъ отправить сына моего одного въ Тулу, и это было еще самое первое путешествіе, въ которое ѣздилъ онъ одинъ и, по счастію, не смотря на всю дурноту пути и начинающееся половодіе, онъ коммиссію, возложенную на него, исправилъ и успѣлъ еще до половоди большой къ намъ на другой день возвратиться.

Вслѣдъ за тѣмъ начались мои хлопоты и обыкновенныя ежегодныя заботы о прудахъ нашихъ. Всѣхъ ихъ надлежало тои-дѣло осматривать и гдѣ нужно было спуски и плотины поправлять и починивать, а особливо на прудахъ, вновь мною сдѣланныхъ. Вездѣ-и-вездѣ разставлены и опредѣлены были у меня люди, для наблюденія за ними, и со всѣхъ сторонъ доставлялись мнѣ ежечасныя почти увѣдомленія, хорошо-ли вода стекаетъ и не дѣлаетъ ли гдѣ каковаго повреждения. Въ каковыхъ случаяхъ безъ памяти бѣжалъ или скакалъ я на лошадяхъ самъ туда, для скорѣйшаго и лучшаго поправленія. Словомъ, всякая половодь была для меня почти сущею каторгою: я не имѣлъ ни минуты почти спокойной и нерѣдко принужденъ былъ вставать даже ночью и поспѣшать туда, куда требовала надобность, и невѣдомо какъ радъ всегда бывалъ, когда половодь начинала уже проходить и оканчивалась благополучно.

Въ сихъ заботахъ и попеченіяхъ о прудахъ засталъ меня апрѣль мѣсяцъ, начавшійся въ семъ году на пятой недѣли великаго поста. И какъ въ сіе время обнажилися уже всѣ мѣста, а особливо возвышенныя, отъ снѣга, то начались у меня новыя заботы и хлопоты. Я обѣгалъ и объѣзжалъ всѣ мѣста, въ саду и въ окрестностяхъ, примѣчалъ, не испортила ли гдѣ чего вода и спѣшилъ приказывать поправлять всѣ поврежденія, а особливо въ моемъ водоводѣ. А между тѣмъ помышлялъ уже заблаговременно о томъ, что-и-что мнѣ сею весною вновь дѣлать и предпринимать, и съ нетерпѣливостью дожидался того, чтобъ земля обсохла и можно-бъ было приступить къ надворнымъ работамъ.

Между тѣмъ были у меня и другія нужнѣйшія хлопоты. Претерпѣваемая доселѣ тѣснота въ моемъ домѣ побуждала меня воспользоваться даннымъ мнѣ отъ намѣстника дозволеніемъ распространить оный пристройкою нѣсколькихъ покоевъ. И какъ нужный къ тому еловый лѣсъ и прочіе матеріалы были закуплены и привезены еще зимою, то и спѣшилъ я начать сіе дѣло, и основавъ оное, велѣлъ плотникамъ рубить свою пристройку и поспѣшать колико можно.

Состояла она собственно въ двухъ довольно просторныхъ комнатахъ, изъ которыхъ одну назначалъ я для своей гостинной, а другую—для своей спальни съ нишемъ; но для сохраненія угловъ приставилъ я ихъ не вплоть къ старымъ хоромцамъ, а аршина на четыре отступя отъ оныхъ, дабы, соединивъ промежутокъ сей простѣнками, можно было выгадать еще два покойца: одинъ маленькій, для проходной гостинной, а другой—для буфета, гардеропа и просторныхъ сѣней; съ боку же велѣлъ я прирубить еще небольшой флигель для ткацкой, а черезъ все сіе, по отдѣлкѣ всего, и составился мой домикъ довольно просторный и помѣстительный.

Между тѣмъ имѣлъ я то неудовольствіе, что отняли у меня садовника, который такъ много помогалъ мнѣ при начальномъ устроеніи сада. Намѣстникъ

возъимѣлъ объ немъ, по рекомендаціи моей, столь хорошее мнѣніе, что, будучи въ Петербургѣ, расхвалилъ его кому-то изъ знатныхъ, имѣющему нужду въ садовникѣ, и я принужденъ былъ потомъ уступить ему его, а г. Давыдовъ приказалъ пріискать для себя, и нанять какова-нибудь другова садовника. Но сіе скорѣе можно было сказать, нежели сдѣлать: ничего у насъ труднѣе нѣтъ, какъ отыскать хорошаго наемнаго садовника, и я не только принужденъ былъ дожидаться долгое время другова, но и послѣ, хотя и прислали ко мнѣ нѣмца, но оный и ноги его не стоилъ; а между тѣмъ я принужденъ былъ оставаться совсѣмъ безъ садовника и лишенъ въ семъ ровно какъ правой своей руки, производить уже самъ, или пользоваться глупыми садовыми ученичишками.

Въ самое тоже время пріѣхалъ къ намъ и приглашенный изъ Калуги Есмемѣръ (?) для росписыванія алфреско-нижнихъ покоевъ во дворцѣ. Сіе доставило мнѣ хотя новыя заботы и хлопоты, но сему человѣку былъ я радъ, поелику онъ былъ совершенный мастеръ своего дѣла, и я всякій день съ удовольствіемъ посѣщалъ его и смотривалъ на его искусную работу. Я не могъ ею довольно налюбоваться, и мнѣ осталось болѣе у него перенимать, нежели ему въ чемъ-нибудь указывать. Однако ко многому и я преподавалъ ему мысли, и онъ охотно совѣтамъ моимъ послѣдовалъ, а наши совокупныя мысли и труды и производили то, что всѣ комнаты росписаны были отмѣнно хорошо и всѣ видѣвшіе ихъ превозносили искусство его невѣдомо какими похвалами.

Какъ скоро сошолъ снѣгъ и земля сколько-нибудь обсохла, то и приступилъ я опять къ садовымъ работамъ. Мое первое дѣло состояло въ томъ, чтобы назначить куртины и мѣста подъ посадку яблонь и грушъ и другихъ плодовитыхъ деревъ, съ которыми хотѣлось отмѣнно г. Давыдову напичкать большую половину нашего сада, хотя сіе ни мало не совмѣстно было съ садомъ натуральнымъ, и я не очень былъ на то сначала согласенъ. Но увидѣвъ, что сего моему командиру неотмѣнно хотѣлось и онъ брался достать въ Тулѣ и прислать намъ потребное къ тому число наилучшихъ родовъ плодовитыхъ деревьевъ, то согласился наконецъ на то и я, и потому всю шестую недѣлю наиусерднѣйшимъ образомъ трудился надъ назначеніемъ мѣстъ подъ оныя. Но какъ же досадовалъ послѣ, когда прислано было ко мнѣ хотя превеликое множество молодыхъ яблонь и грушъ, купленныхъ въ Тулѣ самимъ командиромъ моимъ неслыханною почти дорогою цѣною, но всѣ онѣ были ни куда не годныя и не было почти ни одного порядочнаго деревца, принадлежащаго къ родамъ именитымъ и хорошимъ, а всѣ были такая дрянь, что жалко было занимать ими и мѣста въ таковомъ знаменитомъ садѣ. А что того еще было хуже, то всѣ онѣ были въ такомъ худомъ состояніи и вырыты были съ такимъ небреженіемъ, что никакой почти надежды не было, чтобъ онѣ всѣ принялись, а особливо въ тамошнемъ, повидимому хотя очень хорошемъ, но подъ плодовитыя деревья совсѣмъ неспособномъ грунтѣ. Что дѣйствительно и воспослѣдовало послѣ, и я сколько объ нихъ ни старался, но не имѣлъ удовольствія и пятой доли изъ нихъ видѣть принявшимися и пошедшими въ ростъ свой.

Произошло сіе наиболѣе отъ того, что какой-то бездѣльникъ тульскій оружейникъ, навязалъ по какому-то случаю почти насильно всю сію негоду на г. Давыдова и вытаблилъ за нихъ такую сумму денегъ, какой и четверти доли онѣ не стоили. Почти уже извѣстно какъ у нихъ сошлось тамъ сіе дѣло. Но какъ я въ поступкѣ сей и въ самой затѣи не имѣлъ ни малѣйшаго участія и за доброту ихъ не могъ отвѣтствовать, то и мало я о томъ и заботился, а досадно было мнѣ только то, что могли иные подумать, что не принялись онѣ отъ моего нераченія.

На Вербное посѣтили меня тогдашніе винные откупщики г. Хомяковъ, А. Ф.,

и господа Мансуровы. Но какъ всѣ они были друзья и пріятели моему командиру, имѣвшему съ ними тайныя связи, то, противъ хотѣнія моего, принужденъ я, въ угодность ему и по точному его приказанію, дѣлать имъ возможнѣйшія удовлетворенія въ разсужденіи продажи вина, и съ досадою принужденъ былъ смотрѣть, что вмѣсто прежней строгости и отвращенія крестьянъ отъ пьянства, дана была симъ господамъ полная и совершенная воля хозяйствовать въ волостяхъ, какъ имъ хотѣлось, и дѣлать все, что имъ было угодно. И они такъ хорошо пользовались симъ дозволеніемъ, что истинно не доставало только того, что вина насильно не лили мужикамъ въ горло. И богатые наши мужички наметали имъ столько денегъ, что доходовъ съ нихъ получали они болѣе, нежели сколько самой императрицѣ доходило съ ихъ оброка. И я съ истиннымъ негодованіемъ принужденъ былъ смотрѣть на сіе сквозь пальцы.

Не лучшее хозяйство производимо было командиромъ моимъ и съ нашими карпями. До сего по продажѣ оныхъ получали мы въ казну ежегодно значительныя суммы, а въ сіе время только и зналъ я, что получалъ ордеръ за ордеромъ, письмо за письмомъ, чтобъ отпустить тому и тому и со полшеста-сотъ за ничего незначущую цѣну или вовсе безъ заплаты. А что того еще хуже, для многихъ покупать на казенныя деньги бочки, нанимать лошадей и отправлять ихъ съ солдатами за нѣсколько сотъ верстъ на казенномъ囗 коштѣ безъ единаго возврата. А все сіе долженъ былъ я производить съ крайнею досадою и негодованіемъ и чтобы не навлекать .... былъ по крайней мѣрѣ доволенъ тѣмъ, что на всѣ такія законныя и незаконныя издержки получалъ ордера и повелѣнія, слѣдовательно и въ семъ не подвергался отчота (sic). Со всѣмъ тѣмъ случалось иногда, что при непонятныхъ и сумнительныхъ требованіяхъ я нѣсколько упирался и чрезъ то подавалъ поводъ командиру моему жаловаться инымъ на меня, что я упорствую иногда и не все то исполняю, что ему хочется. Друзья его не преминули меня о томъ извѣстить. Но я, уважая болѣе повелѣнія намѣстника и предохраняя самъ себя отъ отвѣта, мало сіе уважалъ, а продолжалъ дѣлать то, что повелѣвалъ мнѣ долгъ и что дѣлать было должно.

Наконецъ настала у насъ Страшная недѣля, въ которую мы, по обыкновенію, говѣли. И препроводилъ всю оную въ богомоліи и въ трудахъ надворныхъ. И какъ было сіе время года самое уже наиспособнѣйшее для весенней садки деревъ, то всѣ остающіяся отъ богомолія минуты употреблялъ я на распоряженія сей садки въ саду какъ плодовитыхъ деревъ и кустарниковъ, такъ и привозимыхъ изъ лѣса, и насадилъ опять превеликое множество оныхъ въ мѣстахъ разныхъ. А между тѣмъ въ великій четвергъ мы исповѣдывались и, по обыкновенію, пріобщались Святыхъ Тайнъ.

Святая недѣля началась у насъ въ сей годъ съ 20-го апрѣля, и мы провели ее довольно весело, и тѣмъ паче, что случились въ теченіе оной и другіе праздники, какъ-то: въ понедѣльникъ былъ день торжественный, а въ четвергъ была старшая моя дочь Елисавета, которой исполнилось тогда 18-ть лѣтъ и пошелъ 19-й, имянинница. Итакъ, по поводу обоихъ оныхъ были у меня пиры для всѣхъ нашихъ городскихъ, и разныя увеселенія. Нашего прежняго городничаго хотя тогда уже у насъ не было, и онъ жилъ со всѣмъ своимъ семействомъ въ Тулѣ и мы лишились въ немъ добраго сотоварища, но и съ новымъ мы успѣли уже около сего времени ознакомиться, и начинали уже переѣзжаться другъ съ другомъ. Но всѣмъ они, то-есть мужъ и жена, далеко были не таковы какъ прежніе, и все обращеніе ихъ не такъ было простодушно и откровенно, какъ г. Сухотина; однако мало-по-малу посвыклись и довольно сдружились мы и съ ними.

Привезеніе изъ Тулы яблонокъ воспрепятствовало намъ препроводить и достальные дни сей недѣли въ такихъ же

увеселеніяхъ, какъ и начальные. Но я съ пятницы принужденъ былъ приступить къ садкѣ оныхъ и прочихъ деревьевъ и кустарниковъ, также къ поправленію и прочищенію моихъ водоводовъ. А между тѣмъ выдумывалъ и затѣвалъ новыя для сада и также необыкновенныя украшенія, и мои первыя помышленія были о сдѣланіи въ самой близости подлѣ сада на тѣхъ двухъ фальшивыхъ насыпяхъ фигуръ, которыя такъ много его лѣтомъ украшали и для всѣхъ посѣщающихъ оный служили пріятнымъ сюрпризомъ. Я воспользовался къ тому косиною противоположнаго берега ближней вершины и изобразилъ одною изъ нихъ огромную и развалившуюся уже отчасти башню съ нѣсколькими пристройками прямо въ ландшафтномъ видѣ, а другою—порядочной вышины садовый домикъ, или большой павильонъ, съ восмерикомъ надъ онымъ. И мнѣ удалось какъ-то обѣ ихъ сдѣлать такъ хорошо, что я самъ не могъ ими довольно налюбоваться. Всѣ же пріѣзжающіе въ садъ для гулянья обрадовались ими такъ, что не хотѣли даже вѣрить, чтобъ были это только насыпи, а въ самомъ дѣлѣ—ни развалинъ, ни зданій никакихъ тамъ не было. А что всего лучше, то обѣ фигуры сіи были не только издали съ проведенныхъ противъ ихъ дорогъ хороши, но и въ самой близи были не дурны и столько же почти глаза обманывали. Совсѣмъ тѣмъ я тогда только ихъ еще затѣвалъ и изображалъ сперва въ своихъ мысляхъ и отчасти начиналъ ихъ рисовать драницами, а отдѣлкою ихъ занимался уже послѣ.

Впрочемъ достопамятно, что въ Ѳоминое воскресенье была у насъ въ сей годъ въ Богородицкѣ сватьба: женился нашъ соляной приставъ Михаилъ Максимовичъ Викулинъ на госпожѣ Нечаевой, дѣвушкѣ, живущей съ отцомъ своимъ въ Епифанскомъ уѣздѣ. И какъ женихъ въ особливости привержепъ былъ дружбою къ нашему дому, то приглашены были и мы на сію сватьбу, которая и была хотя не пышная и не богатая, но довольно порядочная и парадная, и мы таки довольно повеселились на оной.

Между тѣмъ съ наступленіемъ Ѳоминой недѣли начались у насъ уже въ развалъ всѣ садовыя и другія работы, и я такимъ же образомъ, какъ и въ прошедшее лѣто, занимался оными ежедневно и посвящалъ имъ почти все свое время. А какъ и работныхъ людей и всякаго рода мастеровыхъ согнано было множество, то едва успѣвалъ все нужное имъ показывать и распоряжать дѣлами ихъ, а въ томъ я провелъ достальные дни апрѣля.

Симъ окончу я сіе мое письмо, достигшее до своей обыкновенной длины и скажу вамъ, что я есмь вамъ, и прочее.

(Февраля 17-го дня 1810 года).

Письмо 222.

Любезный пріятель! Наступившій послѣ сего мѣсяцъ май ознаменовался болѣзнею моей старшей дочери и былъ для насъ всѣхъ очень горестнымъ и печальнымъ и по сему обстоятельству весьдля насъ достопамятнымъ. Занемогла она у насъ не въ самомъ началѣ сего мѣсяца, но [на] другой день нашего праздника Николаева дня. И произошла болѣзнь сія собственно отъ простуды. Будучи, по обыкновенію женщинъ, подражающихъ во всемъ матерямъ своимъ, приверженною слишкомъ къ частому хожденію въ церковь, не хотѣла она никакъ преминовать, чтобъ и въ сей праздникъ не быть въ нашей церкви, не смотря какъ ни была она отмѣнно холодна отъ случившейся на тотъ разъ самой скверной погоды. И какъ она была по молодости и суетности своей очень легко одѣта, то и простудилась такъ, что нажила оттого себѣ самую простудную горячку. Весьма много поспѣшествовало къ тому и то, что она въ тотъ же день ѣздила съ нами въ городъ въ гости, и тѣмъ еще болѣе простуду свою умножила. Но какъ бы то ни было, но сначала болѣзнь сія казалась ничего незначущею, и потому, обманувшись какъ-то, по несчастію мы

ее и не уважили и упустили первыя и нужнѣйшія минуты къ предваренію сего зла черезъ напоеніе ее своимъ цѣлебнымъ декоктомъ. Но послѣ схватились, но уже было поздно. Я во все сіе время занятъ былъ премногими дѣлами, а потому мнѣ сначала никто о томъ не сказалъ, боясь, чтобъ я за неосторожность и излишнюю набожность не сталъ браниться. Итакъ, мнѣ было и не до того, чтобы о томъ помышлять, а жена моя также какъ-то болѣзнь сію сначала не уважила и мало-по-малу допустила ее такъ увеличиться, что хотя мы уже всѣ старались ей всячески помогать, но все уже не пособляло, и она, бѣдняжка, черезъ нѣсколько дней слегла совсѣмъ въ постель, и болѣзнь ее такъ увеличилась, что не въ состояніи былъ помочь ей и самый уже нашъ лѣкарь. Словомъ, она превратилась въ настоящую и прежестокую и самую злую и продолжительную горячку, доведшую ее черезъ нѣсколько дней до самаго края гроба и до того, что мы нѣсколько разъ совсѣмъ уже отчаявались и считали, что она неминуемо умретъ, и даже причастивъ, приготовили уже къ самой смерти.

Не могу никакъ изобразить, сколь горестно и печально было для насъ все то время, покуда сія ея болѣзнь продолжалась и каковы были для насъ тѣ дни, въ которые бывала она въ наивеличайшей опасности и мы считали ее уже умирающею. По особливой нашей къ ней и всеобщей любви жаль намъ было ее чрезвычайно, и мы все сіе время, которое, къ вящщему огорченію нашему, продлилось очень долго и болѣе мѣсяца, были почти внѣ себя отъ горести и печали. Но молодость ея и особое счастливое происшествіе, что вся недужная матерія произвела не внутри ея, а снаружи антоновъ огонь, и обстоятельство, что мы благовременно то усмотрѣли,—спасли ее въ сей разъ отъ смерти. Я не успѣлъ услышать, что на лядвеѣ показалось какое-то синее и черноватое пятно, какъ въ тотъ же мигъ поскакалъ за лѣкаремъ, а сей, узнавъ, что было то дѣйствительно антоновъ огонь, въ тотъ же мигъ сталъ спѣшить останавливать его разными травяными припарками и имѣлъ въ томъ успѣхъ возжелѣнный. Напослѣдокъ воспослѣдовалъ и возжелѣнный кризисъ или переломъ болѣзни, и она, къ неописанному обрадованію нашему, стала приходить въ память, и хотя очень медленными шагами, но начала мало-по-малу выздоравливать.

Но не успѣла она подняться на ноги, какъ напало на насъ новое горе. Помянутый остановленный антоновъ огонь, по начавшемуся гніенію всего зараженнаго имъ мѣста, надлежало вырѣзывать и рану сію у ней опять залѣчивать, что опять продлилось очень долго, и если не помогло намъ въ семъ случаѣ искусство нашего лѣкаря, то не знали бы мы, что съ нею и дѣлать. Но сіе было далеко еще не все. Но послѣдствіемъ болѣзни сей было то, что она впала въ глубочайшую ипохондрію и начала всего-и-всего бояться и дѣлаться равно какъ повредившеюся въ умѣ. А сіе сразило насъ всего болѣе. Мы отчаявались почти въ совершенномъ ея выздоровленіи и не прежде успокоились какъ по прошествіи цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ, когда исчезли уже всѣ и малѣйшіе слѣды ея болѣзни, и она пришла въ совершенное опять здоровье.

Между тѣмъ какъ все сіе продолжалось, происходило у насъ много всякой всячины. И сколько духъ мой не былъ огорченъ и обуреваемъ сожалѣніемъ о сей любимой моей дочери, но я при всемъ томъ не оставлялъ заниматься и прочими своими дѣлами, а особливо бывшими тогда въ самомъ развалѣ многими садовыми и другими работами. Пристройка моя приходила тогда къ своему окончанію, и я имѣлъ множество хлопотъ при отдѣлываніи оной внутри и дѣланіи ея къ житію удобною. Надлежало класть въ ней печи, оклеить ее обоями, подбѣлять потолки, дѣлать перегородки и прочее, и прочее. И какъ сначала она намъ, во время дочерниной болѣзни, ни мѣшала и къ душевному безпокойству ни при-

бавляла много и тѣлеснаго, но наконецъ удалось мнѣ ее къ половинѣ іюня совсѣмъ кончить. И мы, переходя въ нее, перевели съ собою уже любезную, начавшую тогда выздоравливать дочь нашу и имѣли сугубое тогда удовольствіе, ибо съ одной стороны нажили себѣ просторъ, а съ другой — могли ласкаться уже надеждою, что дочери своей мы не лишимся.

Къ самому сему же времени отдѣлался и г. Михайловъ, расписывающій весь нижній этажъ дворца нашего. И легко можно заключить, что и сія работа также ежедневно привлекала меня къ себѣ и заставляла пробывать у него по нѣскольку иногда часовъ времени.

Что касается до сада, то въ ономъ во все сіе время произведено было мною множество дѣлъ, и ими занимался я еще болѣе, нежели въ минувшее лѣто и имѣлъ столько труда и безпокойства душевнаго и тѣлеснаго, что два раза самъ занемогалъ. Едва-было не нажилъ себѣ лихорадки и на-силу-на-силу успѣлъ ее захватить въ самомъ началѣ, и съ тѣмъ декоктомъ своимъ отлѣчиться. Наиглавнѣйшія работы мои состояли: въ отдѣлкѣ помянутыхъ двухъ фальшивыхъ фигуръ: въ раскапываніи многихъ мѣстъ въ горахъ, отчасти для удобнѣйшихъ въѣздовъ на горы, отчасти для спокойнѣйшей ходьбы при гуляніи, въ устиланіи многихъ мѣстъ дерномъ; въ откопаніи найденнаго стариннаго тайника или потаеннаго, высѣченнаго въ самой древности въ горѣ сей, къ водѣ схода изъ бывшей тутъ въ старину крѣпости; въ отдѣлкѣ моего каскада и каменной на верху его построенной бесѣдки, въ отдѣлкѣ нижняго большаго водоема и островка посреди онаго, съ поставленною на немъ статуею; въ раскрашиваніи каменной ротунды; въ расширеніи моего большаго водовода и сдѣланіи его прочнѣйшимъ чрезъ устланіе дна и краевъ его плитами и каменьями; въ основаніи еще новыхъ водоводовъ изъ магазейнаго парка; въ сдѣланіи въ ономъ новыхъ украшеній; въ основаніи и назначеніи многихъ другихъ мѣстъ для водяныхъ резервуаровъ или водохранилищъ; въ разрытіи и пріуготовленіи мѣста для затѣваемаго фонтана; въ сдѣланіи разныхъ деревянныхъ и раскрашенныхъ сидѣлокъ; въ построеніи новыхъ кирпичныхъ сараевъ для заготовленія кирпича къ будущимъ строеніямъ; въ построеніи многихъ мостовъ для спокойнаго переѣзда чрезъ вершины, въ посажденіи опять многихъ тысячъ дикихъ и плодовитыхъ деревъ и кустарниковъ и множествѣ другихъ разныхъ мелочныхъ работъ. И какъ все сіе не только надлежало мнѣ самому назначать и всѣ работы распорядить, но и за самымъ производствомъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ имѣть частое смотрѣніе, то легко можетъ всякій заключить, сколь многочисленнымъ надлежало быть въ сіе время трудамъ и хлопотамъ моимъ. Словомъ, ихъ такъ было много, что я самъ себѣ дивился, какъ успѣвалъ я все то дѣлать и переносить всѣ труды сіи.

Но какъ бы то ни было, но я, не смотря и на частые бывшіе въ семъ году въ началѣ большіе и проливные дожди, мѣшавшіе мнѣ въ работахъ, успѣлъ и въ теченіе одного мая мѣсяца весьма многое сдѣлать и имѣлъ притомъ удовольствіе видѣть у себя одного иностраннаго знаменитаго путешественника, ѣздившаго по всему свѣту для обозрѣнія всего любопытнаго. Былъ то нѣкакій графъ Мантейфель, человѣкъ молодой и очень любопытный и знающій. Разнесшаяся повсюду слава о нашемъ Богородицкѣ побудила его нарочно къ намъ пріѣхать, и я принужденъ былъ его, вмѣстѣ съ спутникомъ его, всюду-и-всюду и по всѣмъ зданіямъ и мѣстамъ выводить и все-и-все имъ показывать. Оба они смотрѣли на все съ превеличайшимъ любопытствомъ и удовольствіемъ, а всего болѣе наша церковь и мой гротъ, который имъ отмѣнно полюбился, и зеркальная дверь и ихъ такъ хорошо обманули, что и они посхватали съ себя свои картузы для поклона на встрѣчу къ намъ самихъ ихъ идущихъ. Они расхвалили въ-прахъ меня

за выдумку совсѣмъ новаго рода украшенія и признавались, что она зрѣнія въ особливости достойна. Когда же завелъ я ихъ противъ отдѣльныхъ уже тогда моихъ фальшивыхъ фигуръ, то они поразились такимъ удивленіемъ, что изобразить онаго были не въ состояніи и признавались, что они сколь много ни путешествовали уже по свѣту, но нигдѣ такихъ рѣдкостей не видывали, каковыми почитали они сіи фигуры, мой гротъ, а всего паче мою песчаную рюину и пещеры, которыя превозносили они до небесъ похвалами. Да и все расположеніе сада такъ имъ понравилось, что они приписывали ему и мнѣ тысячу похвалъ и поѣхали отъ меня, принося мнѣ множество благодареній за доставленное имъ мною удовольствіе. Чѣмъ и я съ моей стороны былъ очень доволенъ, ибо считалъ сіе наилучшею за всѣ труды мои наградою.

Впрочемъ, достопамятно, что въ концѣ сего мѣсяца состоялась у тетки жены моей Арцыбышевой Матрены Васильевны свадебка. Она рѣшилась выдать и меньшую свою дочь за сватавшагося уже давно за нее отставнаго кавалергарда, тульскаго помѣщика Льва Савича Крюкова, о которомъ я имѣлъ уже случай упоминать. И какъ она во время болѣзни дочери моей нарочно къ намъ для нея изъ Ефремовской своей деревни пріѣзжала и тѣмъ въ тогдашней горести нашей одолжила насъ очень много, то какъ мнѣ ни было недосужно, но я не могъ никакъ отказаться, чтобъ не сдѣлать и ей удовольствія и не пріѣхать къ ней на сію сватьбу въ Ефремовскую ея деревню и тѣмъ исполнить и долгъ родственный и оказать свою благодарность, что и учинить намъ было тѣмъ удобнѣе, что въ разсужденіи болѣзни дочери моей вся величайшая опасность тогда уже миновалась.

Итакъ, въ послѣдній день мѣсяца мая мы оставили съ больною ея мать, а сами съ сыномъ моимъ и матушкою, тещею, какъ родною невѣстиною теткою и отправились за Ефремовъ и тамъ сію сватебку и сънграли 1-го числа іюня. И, отправивши княжій пиръ на третій день, послѣ того возвратились опять въ Богородицкъ, получивъ чрезъ сей случай новаго себѣ и такого родственника, которымъ мы во все послѣдующее время и даже до сего времени были очень довольны.

Не успѣли мы изъ сего путешествія возвратиться, какъ дошелъ до насъ слухъ, что въ Москву прибыла сама императрица, въ намѣреніи, поживъ въ ней, отправиться потомъ въ полуденныя губерніи своего государства, и что во второй половинѣ сего мѣсяца пріѣдетъ къ намъ опять нашъ намѣстникъ.

Сіи извѣстія побудили меня еще болѣе усугубить труды и старанія мои о приданіи саду нашему колико можно множайшихъ украшеній и о приведеніи его въ лучшее совершенство. Всходствіе чего и принялся я за произведеніе въ дѣйствіе еще одной большой, невиданной затѣи, о которой давно уже бродили у меня въ головѣ мысли. А именно: еще въ прошедшую осень затѣялъ-было я взгромостить на мысъ за ближнею вершиною нѣкоторый родъ каланчи или четвероугольную большую и высокую башню, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ снаружи придать ей видъ старинной городской ветхой башни, какія изображаютъ иногда на ландшафтахъ, а внутри скрыть прекрасно убранную бесѣдку съ большими окнами со вставкою въ нихъ пронизочныхъ щитовъ; дабы всякаго вошедшаго внутрь сей башни человѣка могло поражать сіе необыкновенное и крайне пріятное зрѣлище. Всходствіе чего и срублено было у меня тогда же въ-лапу нѣсколько срубовъ па площади передъ моимъ домомъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ ихъ послѣ перевезти на помянутый высокій мысъ горы поставить ихъ другъ на друга и взгромостить изъ нихъ превысокую башню. Срубы сіи такъ у меня предъ домомъ и зимовали. Но какъ въ прошедшую зиму случилось мнѣ достать одинъ эстампъ, изображающій отмѣннаго рода большое садовое

зданіе, представляющее нѣкоторый родъ пышныхъ, но вверху начинающихся уже разваливаться тріумфальныхъ воротъ, съ двумя по сторонамъ внутри себя комнатами, и изображеніе зданія сего мнѣ такъ полюбилось, что вдругъ захотѣлось и самому воздвигнуть подобное тому въ саду нашемъ, и онымъ преградить всю ближнюю къ саду вершину въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ переведенъ чрезъ нее нижній и главный водоводъ мой, и чрезъ того выгадать три или четыре пользы: во-первыхъ, закрыть зданіемъ симъ всю верхнюю и дурнѣйшую часть сей вершины; во-вторыхъ, изъ обѣихъ побочныхъ комнатокъ — одну обработать и убрать родомъ хорошенькой бесѣдки, могущей служить для отдохновенія гуляющихъ, а въ другой, пользуясь водоводомъ, смастерить каменную купальню, дабы въ ней въ жаркое лѣтнее время купаться было можно; а въ-третьихъ, наконецъ, придать симъ зданіемъ наилучшее всему саду наружное украшеніе, которое тѣмъ было бы знаменитѣе, что видимо было бы оно во всѣхъ фасадахъ своихъ съ большой дороги изъ самого города.

Какъ мысли о семъ занимали меня съ самой весны и препоною къ произведенію оныхъ въ дѣйство было только множество трудовъ, потребныхъ къ срубленію такой большой машины, а сверхъ того боялся я, что и къ украшенію оналю потребно будетъ много коштовъ, — то долго не отваживался я на сіе пуститься. Но въ сіе время какъ-то вдругъ пришло мнѣ въ голову, что все сіе можно произвести мнѣ несравненно съ меньшимъ трудомъ и хлопотами, нежели какъ я сначала думалъ. Попались мнѣ на глаза помянутые готовые срубы. «Ба! сказалъ я самъ себѣ, чѣмъ громостить изъ нихъ башню, которая еще Богъ знаетъ, какова выдетъ, не употребить ли мнѣ ихъ лучше на сіи вороты къ зданію, но башню я ни то буду дѣлать, ни то нѣтъ. И какъ она уже срублена и готова въ сихъ струбьяхъ, то, вить стоитъ мнѣ только, раздѣливъ на двое, переставить въ вершину и, поставивъ два струба сажени на двѣ другъ отъ друга, переложить промежокъ сей между ними аркою и наддѣлать сверхъ ихъ такой, какой въ рисункѣ». Не успѣлъ я симъ образомъ самъ съ собою начать говорить, — какъ тянущіяся другъ за другомъ мысли представили мнѣ все сіе столь удобопроизводимымъ и возможнымъ и воспламенили во мнѣ толь сильное къ производству того желаніе, что, по обыкновенной нетерпѣливости моей въ такихъ случаяхъ, восхотѣлось мнѣ уже въ тотъ же часъ и начать оное дѣлать. Я и дѣйствительно въ тотъ же часъ, побѣжавъ туда и схватя изъ другого мѣста работниковъ, велѣлъ я все то мѣсто расчищать и разравнивать, гдѣ затѣвалъ я сіе зданіе строить. А къ утрему наряжены были уже и подводы для перевозки струбовъ и плотники для поставленія и надрубанія оныхъ.

Итакъ, на другой же день послѣ того съѣхавшіеся подводы и начали у меня сіи струбы разбирать и возить въ назначенное мѣсто, а плотники, по назначенію моему, оные ставить. Между тѣмъ другіе возили изъ лѣса бревенья, а иные откомандированы были для покупки и привоза нужнаго на обивку всего сего зданія снаружи и внутри теса, гвоздей и прочаго. Каменщики же, между тѣмъ, копали четвероугольную внутри яму и готовили для обдѣлки оной внутри уступами бѣлый камень, и все сіе закипѣло такъ скоро, что въ теченіе одной недѣли, не смотря на всю огромность и величину, воздвигнулось у меня сіе огромное зданіе вчернѣ и осталось только оное снаружи распестрить и раскрасить такъ, чтобъ оное походило на старое каменное. Но сіе не такъ уже легко и скоро можно было сдѣлать какъ прочее. Потому что какъ все разсказывать надобно было съ мыслями и подъ натуру, и сего, кромѣ самого меня, не могъ никто иной произвести въ дѣйство,—то принужденъ былъ самъ я приняться при помощи нашего малера, моего сына и штукатура за сіе дѣло, и лазая по подмосткамъ, не только назначать имъ какъ, гдѣ и

какими красками по назначеннымъ самимъ мною чертамъ размазывать, но и самъ иное, надѣвъ на себя запанъ (sic), кистями мазать. И занимался тѣмъ нѣсколько дней сряду, не заботясь ни мало, буду ли я такъ запачканъ, какъ чумичка, разными масляными красками. Но какъ бы то ни было, но поспѣшность моя и прилежность въ семъ дѣлѣ такъ были велики, что къ половинѣ сего мѣсяца поспѣло все зданіе сіе у меня совершенно и вылилась изъ него штука, превзошедшая и собственное мое воображеніе, и такая, которою не только ктонибудь, но и самъ не могъ довольно налюбоваться. Она оживотворила собою всю ту часть сада, гдѣ она была воздвигнута, и сдѣлала ее почти лучшею изъ всѣхъ прочихъ. Сама вершина совсѣмъ отъ него преобразилась и не только потеряла всю прежнюю свою дурноту, пустоту и дикость, но составила собою наипрекраснѣйшую садовую сцену. А что̀ всего удивительнѣе, то само собою открылось за симъ зданіемъ такое нѣчто, чего я и въ мысляхъ не имѣлъ дѣлать, и что̀ меня до чрезвычайности обрадовало и увеселило, а именно: необыкновенная и удивительная способность онаго къ произведенію эхи (sic).

Открылось сіе и узнали мы о томъ совсѣмъ нечаянно и по самомъ уже окончаніи сего зданія. Мнѣ надобно было велѣть разрыть гораздо шире и сдѣлать просторнѣйшимъ тотъ уступъ въ косинѣ берега вершины сей со стороны сада, по которому веденъ былъ водоводъ, и сдѣлать тутъ широкую порядочную и пескомъ усыпанную дорогу, по которой бы къ зданію сему, даже въ экипажахъ, спокойно подъѣзжать было можно. И какъ при семъ расшириваніи уступа и дѣланіи дороги случилось мнѣ, однажды стоючи сажень за семдесятъ отъ сего зданія, обратясь къ нему, закричать къ садовому ученику, тамъ бывшему, и произнести громко слово «Ѳедотъ», поелику такъ садовника звали,—то вдругъ не вѣдомо какъ поразился я удивленіемъ, что, по прошествіи одной или двухъ секундъ, эхо отвѣтствовало мнѣ, и точно какъ бы другой человѣкъ, и выговорило наияснѣйшимъ образомъ все помянутое слово: «Ѳедотъ». «Ба, ба, ба! воскликнулъ я, удивясь такому прекрасному эху: это что̀-то мудреное и удивительное», ибо признаться надобно, что сколько разъ до того я не слыхивалъ эхо, но такова прекраснаго никогда еще мнѣ слыхать не случалось. Я повторялъ кричаніе свое другой и въ третій, и въ четвертый разъ, произнося разныя слова; и удивленіе, совокупно съ удовольствіемъ, во мнѣ увеличивалось съ каждымъ разомъ, и до того, что я самъ почти себѣ не вѣрилъ, что нечаяннымъ образомъ удалось мнѣ смастерить такую штуку, о которой навѣрное я заключалъ, что она болѣе всего всякаго удивлять будетъ, и какой другой нигдѣ подобной нѣтъ.

Да и въ самомъ дѣлѣ: достойно было удивленія, что все сіе сдѣлалось само собою нечаянно и произошло единственно оттого, что стѣна зданія сего, будучи построена вертикально, обита была сплошь гладкимъ и сухимъ тесомъ и по оному расписана красками, и потому въ состояніи была отражать отъ себя прилетающій къ ней звукъ голоса и возвращать его прямо, тою же чертою, по воздуху, назадъ. Но надобно-жъ было нечаянно случиться такъ, что я при первомъ моемъ кричаніи стоялъ въ такомъ точно отдаленіи отъ сего зданія, какое нужно было для услышанія явственнаго и совершеннаго соотвѣтствія, и въ такомъ пунктѣ мѣста, которое было прямо въ разрѣзъ противъ зданія, то есть на точно перпендикулярной линіи отъ передней стѣны зданія, и чрезъ что можно было отраженію голоса по той самой чертѣ прилетѣть обратно ко мнѣ. Послѣ узналъ я, что если сажени на двѣ подняться съ того пункта въ правую или лѣвую сторону, то никакова соотвѣтствія не было слышно; а когда нѣсколько сажень подвинуться къ зданію ближе, то хотя и было слышно эхо, но далеко не столь явственное и замедлительное, а

поспѣшнѣйшее. Словомъ: случилось сіе такъ хорошо, что мнѣ, и сколько-бъ искавши, не найтить лучшаго къ тому мѣста, а такова прекраснаго эхоническаго зданія со всею остротою своего разума не выдумать.

Легко можно заключить, что я крайне обрадовался такому нечаянному открытію и не преминулъ замѣтить сіе мѣсто. И какъ оное случилось почти точно тоже, гдѣ замышлялъ я сдѣлать фонтанъ и предъ нимъ деревянную нишь или полусидѣлку, то спѣшилъ скорѣе оное мѣсто разровнять и помянутую нишь сдѣлать и успѣлъ еще и оную до пріѣзда нашего намѣстника кончить.

Кромѣ сего удалось мнѣ до сего прибытія нашего начальника сдѣлать еще одно открытіе, а именно: нечаянно найтить еще одно мѣсто въ тамошнихъ горахъ съ мраморными песками, гдѣ хотя не таковы были хороши, какъ на горѣ пониже дворца, однако разноцвѣтностью своею также особливаго примѣчанія достойны. Почему и сіе мѣсто успѣли еще сколько-нибудь начать разработывать.

Получивъ извѣстіе о скоромъ прибытіи намѣстника, усугубили мы всѣ свои и труды, и старанія, и принялись совокупными силами все холить и вычищать, дабы не стыдно было показать садъ свой намѣстнику. По счастію, успѣли мы множество начатыхъ въ немъ работъ къ сему времени кончить, и было также множество новыхъ и такихъ вещей, которыхъ онъ еще не видѣлъ.

Наконецъ, 23-го іюня пріѣхалъ сперва командиръ мой г. Давыдовъ, для встрѣчи намѣстника, какъ хозяинъ, и у меня обѣдалъ, и съ которымъ послѣ обѣда ходили мы по садамъ, и я показывалъ ему все, что мною въ сіе лѣто было сдѣлано. Онъ удивился, что могъ я столь много дѣлъ произвести и въ столь короткое время. И какъ онъ любилъ все относить къ себѣ, то, изъявляя превеликое удовольствіе, твердилъ только, что есть намъ что показать намѣстнику и есть чѣмъ доставить удовольствіе. А наутріе начали мы дѣлать всѣ нужныя къ принятію и угощенію намѣстника приготовленія, и онъ, какъ хозяинъ, распоряжался всѣмъ къ тому нужнымъ и не жалѣлъ ни коштовъ, ни убытковъ, какіе къ тому были надобны. И какъ намѣстнику въ сей же день передъ вечернею надо было пріѣхать, то и отправились мы вмѣстѣ съ Семеномъ Алексѣевичемъ Верещагинымъ, бывшимъ уже тогда Бобриковскимъ управителемъ, на встрѣчу въ деревню Крутую.

Тутъ встрѣтили мы его, пріѣхавшаго незадолго уже до вечера, и онъ сдѣлалъ мнѣ весьма благосклонное привѣтствіе, пригласивъ меня опять съ нимъ сѣсть въ карету, въ которой ѣхалъ онъ тогда вмѣстѣ съ бывшимъ прежде сего у него адъютантомъ г. Грохольскимъ и еще однимъ тульскимъ чиновникомъ. Во время остальнаго пути занимался онъ въ безпрерывныхъ со мною разговорахъ. А подъѣзжая къ городу, вспомнилъ о прежнихъ сюрпризахъ, ему сдѣланныхъ. Желая показать фальшивое мое зданіе за прудомъ господамъ, съ нимъ бывшимъ и оное еще невидавшимъ, сказалъ мнѣ, чтобъ я на томъ мѣстѣ велѣлъ каретѣ останавливаться, откуда можно было наилучше оное видѣть, что я и не преминулъ учинить. И тогда началъ онъ спутникамъ своимъ оное показывать и, смѣючись, спрашивалъ ихъ, что бы они о семъ предметѣ думали и чѣмъ бы таким почитали? Какъ фигуру сію успѣлъ я въ сіе лѣто еще болѣе распространить и гораздо еще предъ прежнимъ усовершенствовать и придать ей еще болѣе натуральнаго вида, то почли господа сіи ее дѣйствительно строеніемъ, и намѣстникъ хохоталъ надъ ними. Однако, и онъ опять ею много любовался и тотчасъ заприметилъ, что было нѣсколько къ ней вновь отъ меня прибавлено. По пріѣздѣ же въ городъ и какъ мы поровнялись противъ нашего сада и вершины, то кинувшіяся вдругъ въ глаза ему всѣ наиглавнѣйшія наши садовыя зданія побудили его сказать: «вотъ, судырь, въ саду у васъ вижу даже я и обновки, и онѣ, какъ кажется, оживили собою всю сію

гору.... но что это показалось мнѣ, продолжалъ онъ, большое такое тамъ въ вершинѣ?»—«Это изволите увидѣть ваше превосходительство», сказалъ я и замолчалъ.—«Хорошо, судырь, подхватилъ онъ, я не хочу далѣе и спрашивать, вы любите все дѣлать мнѣ сюрпризы, такъ вѣрно и тутъ что-нибудь уже будетъ, и я возьму терпѣніе».

Въ сихъ разговорахъ доѣхали мы до дворца. Тутъ встрѣтилъ его г. Давыдовъ, какъ хозяинъ, со всѣми нашими городскими судьями. И онъ не успѣлъ войтить въ комнаты, какъ съ отмѣннымъ удовольствіемъ сталъ осматривать всѣ комнаты и хвалить, что онѣ расписаны очень хорошо и со вкусомъ. И, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «вотъ, судырь, не лучше ли теперь и не болѣе [ли] походитъ уже домъ сей на дворецъ императрицынъ? Прежде какія пакостныя были у васъ обошки; вотъ, спасибо, что вы вадоумили меня и эти двери велѣли вновь проломать и сдѣлать. Теперь несравненно болѣе уже простора, и эта комната мнѣ отмѣнно пріятна и можетъ служить обыкновенною столовою». Послѣ чего, смотря изъ оконъ ея въ садъ, продолжалъ: «вотъ и садъ отсюда уже видѣнъ, и жаль, что теперь уже поздно и походить въ немъ некогда; однако, на это будетъ еще довольно времени».

Симъ кончились тогда наши съ нимъ разговоры, ибо достальное время до ужина занялся онъ разговорами съ нашимъ городничимъ и судьями. Между тѣмъ приготовленъ былъ уже у насъ вечерній для него столъ въ той комнатѣ, которую онъ полюбилъ отмѣнно и которая соединена была съ заломъ новою дверью.

А наутріе поѣхали всѣ мы съ нимъ въ Бобрики, и мы успѣли только въ сіе утро представить ему набранныхъ ребятишекъ для обученія грамотѣ и пѣнію. Всѣмъ имъ, по приказанію г. Давыдова, пошиты были одноманерныя платьицы, и намѣстникъ былъ успѣхами ихъ въ ученіи доволенъ, поощрялъ ихъ и приказалъ пошить для нихъ несравненно лучшее платье, если они будутъ не прочь учиться прилежно.

Какъ въ Бобрикахъ намѣстнику не случалось еще никогда до того времени бывать, то, по пріѣздѣ туда, съ любопытствомъ осматривалъ онъ все тамошнее огромное строеніе, отдѣланное тогда уже совсѣмъ вчернѣ и стоящее впустѣ. Но ему не понравилось ни положеніе мѣста, ни самое зданіе въ Бобрикахъ, и онъ удивлялся почему такая громада въ такомъ пустомъ мѣстѣ построена, каковы были Бобрики, и говорилъ, что зданію такому несравненно бы лучше быть въ Богородицкѣ, какъ въ средоточіи обѣихъ волостей и гораздо живѣйшемъ мѣстѣ, и жалѣлъ, что на построеніе Бобриковскаго дома употреблено столь великое иждивеніе, говоря, что едва ли онъ когда-нибудь отдѣланъ и тутъ кто жить будетъ.

Отобѣдавъ въ домѣ у г. Верещагина, гдѣ приготовленъ былъ для него обѣденный столъ, и отдохнувъ нѣсколько, поѣхали мы обратно въ Богородицкъ. И польза отъ всей ѣзды сей произошла только та, что, ѣдучи чрезъ село Ивановское и увидѣвъ тутъ ни къ чему годную и почти развалившуюся деревянную церковь, приказалъ построить каменную и ассигновалъ нѣкоторую сумму на вспоможеніе крестьянамъ.

Какъ въ Богородицкъ возвратились мы уже передъ самымъ вечеромъ, то и въ сей день не удалось намѣстнику побывать въ саду нашемъ. Но за то весь послѣдующій день употребилъ онъ на осмотрѣніе всего мною сдѣланнаго, и не успѣлъ одѣться, какъ приказалъ мнѣ вести себя и все показывать. А вмѣстѣ съ нами пошли и всѣ съ нимъ пріѣзжіе.

Поелику у меня было уже все предварительно придумано и распоряжено гдѣ-и-гдѣ его вести и что прежде, и что послѣ показывать, то и повелъ я его сперва отъ дворца подъ гору, по новоразрытому и спокойному новому съѣзду, къ пруду и къ нашей прекрасной [башнѣ]. Тутъ прежде всего кинулся ему въ глаза вновь отрытый и прекрасный [съѣздъ], бѣлый какъ кипень, съ жолтыми и ко-

фейными жилами и крапинами. И онъ, любуясь имъ, хвалилъ меня, что я сдѣлалъ тутъ такой спокойный съѣздъ, и съ удовольствіемъ пошолъ по набережной дорожкѣ, сдѣланной подлѣ самой воды большого нашего пруда. Тутъ, доведя его до разрытаго тайника, показалъ ему сей памятникъ и ступени, вырубленныя въ горѣ еще въ самой древности. И онъ, смотря на сіе съ особымъ любопытствомъ, хвалилъ меня, что я не испортилъ сего мѣста и, согласно съ моимъ мнѣніемъ, приказывалъ, чтобъ оставили его въ томъ видѣ. Вслѣдъ за симъ предстала его [глазамъ] наша прежняя развалина. Она была уже въ сіе время совсѣмъ отдѣлана и представляла несравненно великолѣпнѣйшій видъ издали, въ какомъ видѣлъ онъ ее прежде. Съ превеликимъ удовольствіемъ смотрѣлъ онъ на всѣ вновь вырѣзанныя мною отчасти въ самой горѣ, отчасти раскинутыя нарочно и лежащія въ разныхъ мѣстахъ архитектурныя украшенія бывшаго якобы великолѣпнаго зданія. Онъ превозносилъ все похвалами и въ особливости доволенъ былъ тѣмъ, что сдѣлалъ я предъ сею великолѣпною штукою довольно просторную площадку съ каменною въ прудѣ пристанью для причаливанія лодки, которая у насъ была куплена и вся раскрашена для катанья на ней по пруду.

Но удовольствіе его увеличилось несравненно, когда, взведя его на вырубленное изъ песку и довольно просторное и спокойное крыльцо, вывелъ въ самую внутренность горы, въ прорубленныя и (свѣтломъ, входящимъ сквозь прорубленныя окны,) довольно освѣщенныя пещеры и оными повелъ сквозь весь мысъ той песчаной горы. Какъ онъ, такъ и всѣ бывшіе не могли довольно надивиться естественной красотѣ сихъ пещеръ и прекраснымъ пескамъ, и всѣ единогласно утверждали, что натура произвела тутъ сущее чудо и такую игру естества, какая едва гдѣ въ другомъ мѣстѣ можетъ отыскаться, и превозносили все сіе мѣсто похвалами.

Но какимъ новымъ удивленіемъ поразился онъ, когда, по выходѣ изъ сихъ пещеръ, вдругъ представился зрѣнію его ревущій, съ превеликимъ шумомъ, съ превысокой и крутой горы, и видъ совершенно дикаго водостока имѣющій, каскадъ, и вода, стремящаяся въ разныхъ мѣстахъ, съ обѣихъ сторонъ, внизъ предъ самыми ногами его утекающая въ подземельный протокъ! «Ба! ба! ба! воскликнулъ онъ, это что̀ такое? И какъ это догадало тебя, Андрей Тимоѳеевичъ, смастерить такую прекрасную штуку? И смотри, пожалуй, какъ натурально сдѣлана у него сія каменная стремнина и какъ хорошо разметаны сіи водостоки! Помилуй, гдѣ ты такое множество воды взялъ, со всѣхъ сторонъ и въ множествѣ она течетъ? И какъ это ты все сдѣлалъ?» «Какъ-нибудь, ваше высокопревосходительство, — сказалъ я, — и съ очень малымъ и легкимъ трудомъ, а вода все это одна и очень небольшая, какъ взойдя уже на гору, там вы изволите сами все это увидѣть».—«Прекрасно, прекрасно!» продолжалъ намѣстникъ, восхищаясь, полюбуемся симъ зрѣлищемъ. И это для меня вы сдѣлали такой сюрпризъ пріятный, и я вамъ за то благодаренъ».

Отъ сего мѣста, проводя его тѣсною, кривою дорожкою на протокъ къ нижнему и главному водоему, показалъ я ему мимоходомъ скрытую тутъ внизу небольшую пустыньку или такъ-называемую меланхолическую сцену. Мѣстечко сіе окружено было кругомъ густымъ и непрозрачнымъ лѣсомъ и посреди площадки, на небольшомъ холмикѣ, поставлена была чорная пирамида, съ бѣлыми на ней надписями, имѣющая видъ нѣкотораго надгробія. Намѣстнику сцена полюбилась, и онъ похвалилъ меня и за оную. Но не успѣли мы выйти изъ сего меланхолическаго мѣста и пробраться сквозь чащи лѣсочка на просторъ, какъ, въ пріятный контрастъ тому, представилась вдругъ взору его самая лучшая и прекраснѣйшая во всемъ саду смѣющаяся сцена. Тутъ въ правой сторонѣ увидѣлъ онъ между двумя покосами горы

растущими густыми лѣсочками прекрасную лужайку, простирающуюся отлого съ самого низа горы до самого ея верха, и прямо въ концѣ оной стоящій на горѣ каменный, круглый, хотя небольшой, но прекрасный и къ сему времени совсѣмъ отдѣланный павильонъ. Впереди, въ полугорѣ и въ нѣкоторомъ отдаленіи, увидѣлъ онъ нашу прекрасную ротунду или круглую сквозную изъ многихъ колоннъ составленную и круглымъ куполомъ верхъ имѣющую и прекрасно отдѣланную и раскрашенную бесѣдку. Она съ мѣста того казалась стоящею поверхъ ближнихъ лѣсочковъ, на каменной крутой скалѣ и властно какъ господствующею надъ всѣмъ садомъ и всѣми тутошними окрестностями. А въ лѣвой сторонѣ, также впереди, представился взору его нашъ нижній и главный водоемъ, имѣющій видъ довольно порядочной величины прудка, съ сдѣланнымъ посреди его небольшимъ островкомъ, съ стоящимъ, какъ на пьедесталѣ, мраморнымъ бѣлымъ бюстомъ, а внизу другой островокъ съ прекрасною березовою рощицою и съ сдѣланными на немъ съ обоихъ береговъ для перехода мостиками.

Всѣ сіи прекрасныя зрѣлища такъ намѣстника изумили, что онъ не зналъ на которое изъ нихъ прежде смотрѣть и которымъ изъ нихъ прежде любоваться. Онъ остановился даже, и нѣсколько минутъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, твердя: «Какъ это все прекрасно и хорошо! Какъ кстати и у мѣста стоитъ на горѣ эта каменная бесѣдка; какая это прекрасная лужайка, какъ пріятны и хороши эти лѣсочки, съ разными ихъ изгибами и мысочками; какъ красятъ эти бугорки, окружающіе воду сію съ нагорной стороны, и какъ кстати ростутъ на нихъ сіи группы деревцовъ. А эта ротунда, какой прекрасный видъ она имѣетъ, и какъ оживляетъ собою все это мѣсто, и какъ натураленъ подъ нею этотъ каменный бугоръ, видъ нѣкакой скалы имѣющій; а этотъ прудокъ съ островками — какъ прекрасенъ онъ!!» И такъ далѣе.

Наконецъ блеснувшая ему въ глаза вдали изъ-за кустовъ бѣлая моя вечерняя сидѣлка, сдѣланная за водоемомъ, противъ самой ротунды, побудила его меня спросить: «А это что такое тамъ бѣлѣется вдали?» — «Маленькая сидѣлочка, сказалъ я, сдѣланная тамъ для отдохновенія гуляющихъ». — «О! такъ пойдемъ же туда, подхватилъ онъ, мнѣ хочется и ее видѣть». И пошолъ къ оной.

Не успѣлъ онъ туда притить и бездѣлку сію, сдѣланную однако со вкусомъ, вблизи увидѣть, какъ начались о ней похвалы и одобренія. Сдѣлана была она хотя и деревянная, но раскрашена подъ видъ камня и состояла хотя изъ простой лавочки, но сзади придѣланъ былъ для защиты отъ солнца щитъ, а на верху образный мальчикъ, спящій будто на книгахъ, и посередъ сего видъ имѣла довольно прекрасный, и такъ что она намѣстнику, по простотѣ и дешевизнѣ своей, отмѣнно полюбилась, а особливо приличною въ стихахъ надписью, изображенною по среди щита сего.......... «Бездѣлка, сказалъ намѣстникъ, но такъ хороша, что я съ удовольствіемъ хочу на ней немножко отдохнуть», и тотчасъ сѣлъ, пригласивъ и меня и прочихъ сѣсть подлѣ себя.

Какъ съ сего мѣста наилучшій видъ простирался на всю гору, и вся оная со всѣми зданіями и лѣсочками своими, равно какъ и самый дворецъ виденъ былъ и въ самой водѣ въ превратномъ видѣ, то, воспользуясь симъ случаемъ и желая обратить взоры намѣстника на сей предметъ, въ особливости прелестный, сказалъ я ему: «Не изволите ли видѣть, ваше превосходительство, какою прекрасною, но въ превратномъ видѣ представляется вся сія гора здѣсь въ водѣ». — «И въ самомъ дѣлѣ, воскликнулъ тогда обратившій на воду свой взоръ намѣстникъ, и какъ прекрасно изображается все это тутъ, какъ въ зеркалѣ; вотъ ротунда, вотъ бесѣдка, вотъ самый и домъ». — «Признаюсь, подхватилъ я тогда, что я наиболѣе для самого сего зрѣлища и помѣстилъ здѣсь эту сидѣлку». — «И вы

очень, очень хорошо это сдѣлали», сказалъ намѣстникъ.

Не успѣлъ онъ сего слова выговорить, какъ показался идущій къ намъ съ письмами курьеръ, нарочно присланный изъ Тулы. Намѣстникъ, принявъ оныя, сказалъ: «Вотъ и кстати, что мы здѣсь сѣли отдыхать и намъ удобнѣе здѣсь въ тѣни, нежели на жару прочесть сіи письмы». И тотчасъ сталъ ихъ распечатывать и читать. И прочитавъ первое, обратился къ Давыдову и сказалъ: «вотъ, судырь, къ намъ обѣщаются быть сюда, либо нынѣшнею ночью, либо завтрѣ поутру, гости, и мы очень будемъ имъ рады, и добро пожаловать».—«А кто такой?» спросилъ г. Давыдовъ. — «Матвѣй Васильевичъ Муромцовъ и Ѳедоръ Матвѣевичъ Толстой, сказалъ намѣстникъ, и я очень имъ буду радъ». Послѣ чего сталъ онъ читать другія письма. И какъ чтеніе сіе продлилось съ полчаса почти времени и остановило наше гулянье, то дозвольте и мнѣ, на семъ мѣстѣ остановясь, отдохнуть и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и проч.

(Февраля 17-го дня 1810 года).

Письмо 223.

Любезный пріятель! По прочтеніи всѣхъ писемъ и сказавъ, что собирается къ нему и еще кое-кто изъ Тулы пріѣхать, всталъ намѣстникъ и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «ну, куда жъ вы, судырь, меня теперь поведете и какъ бы намъ пробраться на ротунду». — «Вотъ сюда пожалуйте», сказалъ я и повелъ его чрезъ мосточки и на островъ, и шелъ далѣе на берегъ и мимо нашей улитки далѣе въ гору. Какъ вошли мы въ пышную и прекрасную нашу ротунду, то, обозрѣвая изъ ней всѣ окрестности, сказалъ намѣстникъ: «прекрасное мѣсто и зданіе красивое и могущее служить болѣе только украшеніемъ садовъ, а не для употребленія, и ни отъ вѣтра, ни отъ жара здѣсь убѣжища найтить не можно, а хорошо только ею полюбоваться».—«Конечно такъ, подхватилъ я, но нужно и сіе; а для убѣжища отъ вѣтровъ и прохлады, отъ жаровъ и отдохновенія есть другія мѣста».

Въ самое сіе время взглянулъ намѣстникъ на то мѣсто, гдѣ прежде сего видѣлъ онъ погребную яму и, увидѣвъ тутъ уже обросшій травою и окруженный кустарникомъ прекрасный холмикъ, съ стоящимъ на немъ на пьедесталѣ мраморнымъ бюстомъ, мнѣ сказалъ: «вотъ, судырь, вы таки засыпали бывшую тутъ яму, такъ какъ я говорилъ, и теперь гораздо лучше, и она не дѣлаетъ уже собою безобразія саду».—«Конечно такъ, ваше превосходительство, сказалъ я, однако, извините меня, что я не совсѣмъ ваше велѣніе выполнилъ».—«А какъ же?» спросилъ онъ.—«А вотъ, подхватилъ я, не изволите ли, ваше превосходительство, сюда пожаловать и посмотрѣть, что̀ я изъ ямы той сдѣлалъ». И повелъ его къ другому боковому, съ нагорной стороны, въ гротъ мой входу. Тутъ увидѣлъ онъ предъ собою нѣкоторый родъ простой дикой каменной пещеры, простирающейся внизъ подъ землю и похожей на выходъ изъ какого-нибудь погреба, изумился и спросилъ меня: «Помилуй, да куда ты меня ведешь, не въ погребъ ли какой?»—«Да, не въ большой погребокъ, отвѣчалъ я, для прохлажденія отъ жара, на который ваше превосходительство изволили только жаловаться. Пожалуйте, ваше превосходительство, продолжалъ я, увидѣвъ его остановившагося-было, можетъ быть погребокъ мой будетъ вашему превосходительству и угоденъ».—«Хорошо, судырь, отвѣчалъ онъ, пойдемъ туда и посмотримъ какой».

Входя въ самый подземный ходъ, обросшій сверхъ уже деревьями и кустарникомъ, я увидя наипрочнѣйшую изъ дикихъ камней окладенную пещеру, усмѣхнувшись сказалъ: «у васъ, судырь, всегда и вездѣ пещеры, тамъ песчаныя, здѣсь каменныя, но этой не худо бы быть нѣсколько и получше». Я усмѣхался, сіе слушая и далъ ему волю говорить, что̀ хотѣлъ, и думалъ съ любопытствомъ, что̀ послѣдуетъ далѣе, когда подойдетъ онъ къ

самимъ дверямъ стекляннымъ; и чего я ожидалъ, то и воспослѣдовало. Не успѣлъ онъ въ зеркальныя двери усмотрѣть другой такой же выходъ съ противуположной стороны и людей, по оному на встрѣчу къ себѣ идущихъ, какъ остановясь и обратясь ко мнѣ, спросилъ: «да это кто-жъ такой идетъ къ намъ? оттуда уже не гости ли какіе пріѣхали къ намъ» и готовился-было снимать съ себя уже шляпу. Но мы съ г. Давыдовымъ не допустили его до того, и засмѣявшись, спѣшили ему сказать: «нѣтъ, ваше превосходительство, гостей и людей тамъ никакихъ нѣтъ, а это мы сами себя видимъ».

Изумленіе, какимъ поразился тогда намѣстникъ, когда вошедъ въ мой гротъ и столь неожиданнымъ образомъ увидѣлъ все его расположеніе и украшеніе, не могу уже я никакъ изобразить. Болѣе минуты онъ стоялъ, не говоря ни слова, и обозрѣвалъ только съ превеликимъ любопытствомъ всѣ его внутреннія украшенія и любуясь ихъ красотою, наконецъ обратясь ко мнѣ, сказалъ: «ну, Андрей Тимоѳеевичъ, вы сдержали свое слово и сдѣлали мнѣ подлинно на семъ мѣстѣ сюрпризъ, и сюрпризъ весьма пріятный, никогда и никакъ я сего здѣсь не ожидалъ, и эта штучка ваша превосходитъ уже прочія. Это такой погребокъ, въ который смѣло могли-бъ мы отважиться завести и самую Государыню, еслибъ она сюда къ намъ пожаловала; взглянула бы вѣрно и она на него съ удовольствіемъ! И не понимаю, какъ это вздумалось тебѣ такую прекрасную штуку сдѣлать, и гдѣ ты такое множество собралъ раковинъ и улитокъ, и такихъ прекрасныхъ?»—«На Окѣ рѣкѣ, сказалъ я, ѣдучи отъ вашего превосходительства изъ деревни, и естественно не преминулъ имъ помочь сколько-нибудь искусствомъ, размѣстивъ и раскрасивъ оныя».—«И въ самомъ дѣлѣ, воскликнулъ онъ, этого я и не запримѣтилъ. Какъ же право все это хорошо и съ какимъ вкусомъ все расположено и сдѣлано; ну, право, спасибо, и я очень охотно извиню васъ въ томъ, что вы ямы сей, по словамъ моимъ, не засыпали, а превратили ее въ такое прохладное убѣжище отъ жара. Здѣсь съ удовольствіемъ можно въ сихъ нишахъ сидѣть и прохлаждаться».

Сказавъ сіе, присѣлъ онъ на лавку въ одной изъ нишей. А между тѣмъ какъ онъ продолжалъ симъ и видимымъ въ зеркальныя двери другимъ такимъ же гротомъ увеселяться, обратилъ я зрѣніе прочихъ на лантернъ въ сводѣ, и далъ имъ запримѣтить видимый тамъ въ зеркалѣ весь городъ, прудъ и всѣ окрестности около онаго. «Вотъ и это прекрасно», воскликнули они. А намѣстникъ, услышавъ сіе, съ поспѣшностью спросилъ: «а что тамъ такое?» Тогда сказали они ему: «извольте-ка, ваше превосходительство, посмотрѣть, у него и тамъ сдѣлана прекрасная штука» и побудили тѣмъ намѣстника вскочить и итить также смотрѣть на новое зрѣлище, которое ему также весьма полюбялось. А какъ онъ услышалъ, что весь лантернъ сей снаружи представляетъ самый пьедесталъ подъ статуею, то сіе его еще болѣе съ пріятной стороны удивило. Словомъ, онъ залюбовался впрахъ моимъ гротомъ и нѣсколько разъ принимался благодарить меня за него.

По выходѣ изъ грота, спросилъ меня намѣстникъ: «куда жъ поведете вы теперь, Андрей Тимоѳеевичъ?»—«Не угодно ли сюда въ вершину, сказалъ я, посмотрѣть того зданія, въ оное, которое ваше высокопревосходительство изволили запримѣтить при пріѣздѣ въ городъ».—«Очень хорошо, отвѣчалъ онъ, поведите меня туда, я очень любопытенъ его видѣть».—Тогда повелъ я его вдоль, по прекрасной дорогѣ, вдоль вершины, подлѣ водовода проведенной, и доведя его до того мѣста, откуда наилучшимъ образомъ можно было слышать отвѣтствующее эхо, остановивъ его, сказалъ: «Вотъ зданіе, ваше высокопревосходительство, которое, кромѣ красы, дѣлаемой имъ всему саду, производитъ еще нѣкоторыя и другія полезности собою».—«А какія?» спросилъ намѣстникъ.—«Во-первыхъ, сказалъ я, оживляетъ собою все сіе мѣсто

и самое худшее въ саду мѣсто превращаетъ въ пріятнѣйшій ревиръ сада, какъ вы сами то изволите видѣть».—«Да, сказалъ намѣстникъ, и въ самомъ дѣлѣ, теперь оно совсѣмъ въ другомъ и несравненно въ лучшемъ видѣ, нежели въ какомъ я оное прежде видѣлъ. Эта дорога, эти труды, эти мосточки, эти насажденія деревъ и самая сія полубесѣдка придаютъ уже много красы и пріятности сему негоднѣйшему мѣсту. А это огромное впереди зданіе, равно какъ господствуетъ надъ всѣмъ симъ мѣстомъ. Но когда ты успѣлъ такое воздвигнуть и не дорого-ль оно слишкомъ стало?» — «Ахъ, нѣтъ, ваше высокопревосходительство, сказалъ я, все оно деревянное и стоитъ очень немногова, и менѣе ста рублей».—«Не вправду ли, подхватилъ удивившійся намѣстникъ, я никакъ тому не повѣрилъ это сущая бездѣлка, я не жалѣлъ бы и пятисотъ рублей, и такъ дешево можете только вы, судырь, дѣлать».

«Во-вторыхъ, продолжалъ я, закрываетъ оно собою достальную и безобразную часть вершины; въ третьихъ, имѣетъ внутри у себя комнату, удобную для отдохновенія при гуляньи и еще нѣчто, что ваше высокопревосходительство увидѣть въ ней изволите; а, накопецъ, случайнымъ образомъ и само собою открылась въ немъ еще одна способность къ произведенію эхи (sic) и способность рѣдкая и удивительная; не изволите ли послушать, я закричу». Сказавъ сіе, закричалъ я: «Ѳедотъ!» Прекрасное и отмѣнно явственное соотвѣтствіе сего слова поразило и намѣстника, и всѣхъ бывшихъ съ нимъ такимъ пріятнымъ удивленіемъ, что они не могли довольно тѣмъ налюбоваться, и я принужденъ былъ еще нѣсколько разъ повторять кричанье и произносить разныя слова, и произвелъ тѣмъ въ намѣстникѣ превеликое любопытство узнать, какъ и отчего тутъ такое необыкновенное эхо, и я принужденъ былъ ему то изъяснить математически, и онъ всѣмъ тѣмъ былъ очень доволенъ.

Навеселившись симъ эхомъ, пошли мы далѣе. Но не успѣлъ нѣсколько шаговъ перейтить, какъ повстрѣчавшійся съ зрѣніемъ его новый предметъ паки его поразилъ и остановилъ. Была то насыпь, сдѣланная на сопротивномъ косомъ берегѣ вершины, изображающая нѣкоторый родъ развалившагося высокаго каменнаго зданія въ ландшафтномъ видѣ. Фальшивую картину сію удалось мнѣ смастерить отмѣнно хорошо и такъ, что она и въ самой близи обманывала чрезвычайно зрѣніе и стоила особаго вниманія; онымъ и удостоена она была отъ намѣстника. И какъ и она составила для его новый и пріятный сюрпризъ, то залюбовался онъ и симъ ничего нестоющимъ, но необыкновеннымъ и пріятнымъ украшеніемъ садовымъ, и, расхваливъ оное впрахъ, только и твердилъ: «у васъ, судырь, на всякомъ шагу чудеса за чудесами, и все такое, чего никогда я еще не видывалъ».

Полюбовавшись симъ предметомъ, дошли мы наконецъ къ самому мѣсту эховическаго зданія. Тутъ, не входя еще въ оное, остановился опять намѣстникъ и долго любовался наружностью сего зданія и огромностью онаго, и повторяя нѣсколько разъ: «прекрасно, прекрасно!» сказалъ мнѣ наконецъ: «но когда это вы успѣли сгромостить такую машину и кто это такъ хорошо и со вкусомъ у тебя ее раскрашивалъ?» — «Что дѣлать, ваше высокопревосходительство, нуждѣ помогаючи, принужденъ былъ самъ гваздаться и марать, какъ умѣлось». — «Возможно ли, подхватилъ намѣстникъ, вы право, судырь, отмѣнный человѣкъ и на все васъ стало. Вотъ и комната такая изрядная, продолжалъ онъ, вошедъ въ одно изъ боковыхъ отдѣленій, здѣсь можно дѣйствительно отдыхать и надобно ее снабдить креслами и софами. А тамъ, въ другой половинѣ, что вы сдѣлали?» — «А здѣсь, сказалъ я, вводя его туда, помѣстилъ я ванну и купальню для прохлажденья въ жары, кому угодно». — «Это прекрасно», сказалъ онъ, увидавъ оную; «но откуда же вода въ нее возмется?»—«Изъ водовода, сказалъ я, и тотчасъ велѣлъ пустить оную изъ

маленькаго водоемца, нарочно для того подлѣ зданія сего сдѣланнаго, и какъ вдругъ полилась она, чистая какъ слеза, и широкою и тонкою струею по скрытому подъ стѣною широкому и плоскому жолобу, то сіе вновь утѣшило намѣстника и побудило спросить: «И хорошо, судырь, купаться тутъ?» — «Очень хорошо, ваше высокопревосходительство, а особливо когда на эти каменныя лавочки сѣсть, подъ самымъ водостокомъ, и дать водѣ течь на спину и плечи свои. Вода такая чистая и теплая. Сверхъ того, можно столько купальню сію водою наполнять, сколько угодно, по первый, по второй, третій, или четвертый уступъ, и стóитъ только замкнуть трубу нижнюю, изъ которой вода вонъ вытекаетъ, такъ можетъ она въ немногія минуты наполниться вся, и такъ, что стоящему на днѣ человѣку она по самую шею будетъ».—«Право, судырь, это хорошо, и очень хорошо, сказалъ намѣстникъ, и у васъ все достойно перениманія. Мнѣ захотѣлось уже и у себя въ деревнѣ такую же смастерить».—Сказавъ сіе, пошелъ онъ разсматривать, какъ все это было у меня сдѣлано и вода пропущена, и изъявлялъ на все и все свое благоволеніе.

Какъ между симъ наступило уже обѣденное время, то, постоявъ тутъ нѣсколько времени, пошли мы въ обратный путь къ дому, и я провелъ его чрезъ другія и тѣ нагорныя части сада, которыя онъ еще не видалъ. И показывая ему всѣ разныя мои насажденія и верхній свой водоводъ, довелъ его и до своего лавиринта. Симъ также былъ онъ очень доволенъ. А наконецъ, доведя его до каменнаго павильона, показалъ ему, какъ спускается изъ верхняго бассейна подземныхъ водопроводовъ вода въ каскадъ нашъ, и какъ оный весь расположенъ и сдѣланъ. И онъ разсматривалъ и сіе все съ особеннымъ вниманіемъ и любопытствомъ и все одобрялъ совершенно и повторялъ опять удивленіе свое тому, что я успѣлъ въ столь короткое время и такъ много дѣлъ подѣлать, а что всего лучше — все съ малымъ и ничего почти незначущимъ коштомъ, и не могъ довольно расхвалить меня за то.

Послѣ обѣда ѣздили мы въ нашъ паркъ или увеселительный лѣсокъ, и я показывалъ намѣстнику все тамъ затѣваемое вновь и отчасти сдѣланное, отчасти начатое, и онъ и тамъ на все изъявлялъ свое одобреніе. По возвращеніи въ домъ и при смотрѣніи изъ онаго чрезъ садъ на прудъ, кинулся ему въ глаза одинъ мысъ берега прудоваго, вдавшійся далеко въ оный со стороны отъ города, и подалъ поводъ сказать: «Какъ бы, Андрей Тимоѳеевичъ, нельзя ль бы какъ нибудь вонъ тамошній мысъ поотдѣлить отъ берега проливомъ и составить изъ него островъ». — «Чего не можно, отвѣчалъ я, но не будетъ ли сіе стоить многихъ трудовъ и работы, и не отяготимъ ли мы тѣмъ людей? Если отдѣлить его отъ берега узкимъ проливомъ, то ничего не будетъ значить, а ежели широкимъ, то доведется много копать земли и работы будетъ очень много». — «Какая нужда, подхватилъ намѣстникъ, мы сдѣлаемъ такъ, чтобы работа сія была для волостныхъ крестьянъ не чувствительна и произведемъ ее бѣдняками городскими мѣщанами изъ найму».—«Это дѣло другое, ваше высокопревосходительство», сказалъ я.—«А мнѣ очень этого хочется, и такъ пожалуйте-ка съѣздите туда и назначьте какъ бы сему проливу быть».—«Очень хорошо, сказалъ я, и тотчасъ велѣлъ отвезти туда нѣсколько десятинъ новаго теса, и поѣхавши туда, указалъ ими обѣ черты затѣваемаго прокопа. Но намѣстнику сіе мое назначеніе было не угодно. Ему показался назначаемый островъ слишкомъ малъ. «Нѣтъ, сказалъ онъ, это слишкомъ мало, а поназначьте его уже гораздо болѣе, и вотъ такъ-то и такъ-то», указавъ мнѣ рукою.—«Хорошо, ваше высокопревосходительство, сказалъ я, но тутъ берегъ уже нарочито высокъ и въ семъ случаѣ копки доведется очень много, и островъ сей будетъ коштовать многихъ денегъ».—«А какая нужда, подхватилъ намѣстникъ, хотя-бъ и въ тысячу рублей или болѣе обошолся, мы бы

тѣмъ помогли еще и бѣднякамъ городскимъ». — «Ежели такъ, отвѣчалъ я, то за мною дѣло не станетъ.» И тотчасъ поѣхалъ и назначилъ, какъ ему хотѣлось; но признаюсь, что дѣлалъ сіе съ нѣкоторымъ нехотѣніемъ, ибо вся сія намѣстникова затѣя была не по моимъ мыслямъ, и я предусматривалъ, что работы и трудовъ будетъ много и что денегъ растеряемъ мы, и никакой дальней красы тѣмъ не произведемъ и ничего важнаго изъ того не выйдетъ. Но, какъ любящій все великое. намѣстникъ неотмѣнно того хотѣлъ, то принужденъ я былъ его желаніе исполнить и заблаговременно приготовлялъ себя къ многимъ новымъ трудамъ и заботамъ.

Въ слѣдующую затѣмъ ночь предъ свѣтомъ пріѣхали къ намъ дѣйствительно ожидаемые знаменитые гости, Ѳедоръ Матвѣевичъ Толстой и Матвѣй Васильевичъ Муромцовъ. И первый не успѣлъ проснуться, какъ. задолго до вставанія намѣстника, прислалъ за мною и просилъ меня, чтобъ я сводилъ его въ садъ и показалъ ему все мною сдѣланное. Я охотно согласился на его желаніе и, водя его всюду-и-всюду, имѣлъ удовольствіе слышать и отъ сего, весь свой вѣкъ при дворѣ жившаго и все видѣвшаго вельможи, всему-и-всему, сдѣланному мною, превеликія похвалы, и при семъ увѣрился, что все расположено и сдѣлано было мною съ наилучшимъ и новѣйшимъ вкусомъ. Песчаной руинѣ, каскаду и гроту не могъ онъ приписать довольно похвалъ; но ни чѣмъ я его такъ не удивилъ какъ своимъ эхоническимъ зданіемъ. И этотъ случай въ особливости такъ мнѣ памятенъ, что не могу и нынѣ его забыть. Приведя его въ надлежащій размѣръ, спросилъ его: «каково сіе зданіе кажется вашему превосходительству». — «Очень хорошо и очень у мѣста», сказалъ онъ. — «Но за нимъ есть еще штука, подхватилъ я, оно у меня эхоническое и производитъ прекрасное эхо: не изволите ли послушать?» — Сказавъ сіе, закричалъ я. Г. Толстой не успѣлъ услышать отвѣтъ, какъ усмѣхнувшись сказалъ мнѣ: — «ахъ, братецъ, вздумалъ обманывать. посадилъ тамъ человѣка, да и говоритъ, что эхо». — «Неужели вы не вѣрите, подхватилъ я, и вправду думаете, что тамъ у меня человѣкъ для отвѣтствованія посаженъ?» — «Да какъ же не такъ, подхватилъ онъ, какъ можно этакому эху быть?» — Засмѣялся я, сіе услышавъ, и сказалъ: «но какъ можно, чтобъ я сталъ васъ обманывать? Но коротко: ежели не изволите вѣрить, что это натуральное эхо, то не угодно ли самимъ вамъ закричать, вѣрно вашъ голосъ отмѣненъ отъ моего и вы услышите, что тѣмъ же голосомъ будетъ и отвѣтъ». — Онъ тотчасъ закричалъ и, услышавъ отвѣтъ, онъ опять таки сказалъ: «воля твоя, а я не вѣрю». — «Ну, хорошо, подхватилъ я, когда не вѣрите, то не изволите-ль закричать что-нибудь по-французски или по-нѣмецки?» — «Неужели у тебя тамъ французъ, или нѣмецъ посаженъ?» — Онъ и закричалъ дѣйствительно по-французски. И какъ такой же отвѣтъ услышалъ, то тогда только онъ удостовѣрился, и сіе побудило его сказать: «фу, какая пропасть, отъ роду не слыхивалъ такого прекраснаго и удивительнаго эхо; но отчего же это и какъ?» — И тогда принужденъ былъ я ему также сіе изъяснить, и потомъ повелъ къ самому зданію.

Въ самое сіе время прибѣжали къ намъ сказывать, что намѣстникъ всталъ. А сіе и принудило насъ поспѣшить своимъ возвращеніемъ во дворецъ. Какъ былъ онъ намѣстнику хорошимъ пріятелемъ, то гость сей былъ для него очень пріятнымъ, и онъ не успѣлъ поздоровкаться, какъ и началъ расхваливать нашъ садъ и все видѣнное имъ, и тѣмъ возбудилъ и въ господинѣ Муромцовѣ крайнее любопытство все видѣть. По сему брался намѣстникъ самъ все показывать, какъ и дѣйствительно мы во весь почти сей день всѣ сообща по саду проходили и по всѣмъ мѣстамъ проѣздили. А какъ всѣ сіи, такъ и многіе другіе пріѣхавшіе изъ Тулы гости все превозносили и похваляли, то

намѣстнику было сіе очень пріятно и онъ отмѣнно былъ веселъ.

Какъ въ послѣдующій за симъ день былъ праздничный, какъ день возшествія на престолъ императрицы, то и намѣстникъ, со всѣми гостями своими, былъ у насъ въ церкви, для слушанія обѣдни и благодарного молебна, и былъ очень доволенъ, что мы успѣли уже выучить тѣмъ временемъ пѣвчихъ. Что-жъ касается до г. Толстова, то сего вазы мои такъ прельстили, что онъ одну изъ нихъ выпросилъ для образца, желая таковыя же сдѣлать и въ своей церкви. Послѣ обѣдни угощалъ намѣстникъ всѣхъ гостей у себя обѣденнымъ столомъ, а послѣ обѣда опять ходили мы гулять по саду, и день сей провели весело. Для меня же былъ онъ болѣе всѣхъ пріятенъ, поелику мнѣ произносимы были всѣми похвалы, что̀ весьма щекотило мое самолюбіе. Но никѣмъ я такъ доволенъ не былъ, какъ г. Толстымъ. Сей, стоючи съ намѣстникомъ на крыльцѣ въ саду, при случаѣ разговора о красивости положенія тамошняго мѣста и сада, сказалъ: «все это хорошо, но лучше всего этова самъ Андрей Тимоѳеевичъ». Этими словами доставилъ онъ мнѣ болѣе удовольствія, нежели какимъ бы дорогимъ подаркомъ, и удовольствіе мое усугубилось, когда намѣстникъ, улыбнувшись ему въ отвѣтъ, на сіе сказалъ: «Да, это правда».— А не менѣе было мнѣ и то пріятно, что всѣ, бывшіе тутъ гости, видя особенное благоволеніе ко мнѣ намѣстника, оказывали и сами мнѣ отличное уваженіе и наперерывъ другъ передъ другомъ ко мнѣ ласкались. Многіе изъ нихъ не преминули на другой день посѣтить и меня въ моемъ домѣ, а бывшія тутъ же нѣкоторыя госпожи сдѣлали честь своимъ посѣщеніемъ и женѣ моей. Самъ г. Толстой, вмѣстѣ съ г. Муромцовымъ, не оставили также сдѣлать мнѣ утренній визитъ, и мы ласкою ихъ всѣхъ были очень довольны.

Сіе услаждало намъ всѣ наши хлопоты, суеты и даже самые убытки, которые мы имѣли по случаю сего пріѣзда и праздника, и дѣлало ихъ менѣе чувствительными. Совсѣмъ тѣмъ признаться надобно, что были они намъ и не безъ отягощенія. Попеченіе о продовольствованіи толь многаго народа и стараніе о угощеніи не только господъ, но и самихъ слугъ ихъ, доставляло мнѣ и всѣмъ домашнимъ моимъ хлопотъ и суетъ превеликое множество, и мы рады-радёшеньки были, что продолжалось все сіе не очень долго, и что, на третій день послѣ праздника, намѣстникъ со всѣми пріѣхавшими гостьми, поблагодаривъ меня за все и за все многократно, отъ насъ опять въ Тулу и отъѣхалъ.

Совсѣмъ тѣмъ суеты и хлопоты наши чрезъ отъѣздъ его не совсѣмъ еще кончились. Послѣ его остался еще у насъ командиръ мой г. Давыдовъ и мнѣ надлежало имъ еще заниматься и какъ у себя его угощать, такъ и ѣздить съ нимъ въ городѣ или кому въ гости. Но, по счастію, уѣхалъ на другой день и онъ отъ насъ, расположившись съѣздить до ярманки нашей въ Ефремовъ въ гости.

Не успѣлъ я того гостя сжить съ рукъ, какъ принялся я за выполненіе намѣстникова приказанія въ разсужденіи прокопа. И какъ цѣна положена за каждую кубическую сажень довольная, то какъ скоро мы о томъ въ городѣ и въ деревняхъ распубликовали, то и явились многіе охотники изъ городскихъ бѣдныхъ мѣщанъ и того множайшіе изъ нашихъ волостныхъ мужиковъ, также отставныхъ конюховъ, имѣвшихъ жительство свое въ селѣ нашемъ, и я едва успѣвалъ назначать имъ и вымѣривать мѣста при помощи солдатъ, въ моей командѣ находившихся. Дѣло сіе было сопряжено для меня съ немалымъ трудомъ, и который тѣмъ былъ для меня отяготительнѣе, что не доставлялъ никакого мысленнаго удовольствія, поелику я предвидѣлъ, что хотя употребимъ мы трудовъ множество, растеряемъ денегъ бездну, а изъ всего того не выйдетъ ничего хорошаго. Что̀ и совершилось дѣйствительно. Мы, работая надъ симъ глупымъ и прямо, можно сказать, топорнымъ и крайне для меня скуч-

нымъ дѣломъ нѣсколько недѣль сряду, употребили на сію глупую затѣю болѣе тысячи рублей денегъ, и я хотя напрягалъ всѣ силы ума своего къ приданію сему широкому и глубокому прокопу и дѣлаемому чрезъ то островку колико можно лучшаго и натуральнаго вида, но всѣми стараніями своими не могъ сдѣлать ничего достойнаго замѣчанія и хорошаго, и нельзя было никакъ поддѣлать подъ натуру. И мы, вмѣсто желаемаго острова, получили превеликій клокъ земли, отдѣленный отъ супротивнаго берега широкимъ прокопомъ, въ который хотя и пропустили изъ пруда воду, но оная, за высотою береговъ прокопныхъ, изъ дома была совсѣмъ почти не видна. Словомъ, дѣло сіе было столь не удачно, что со временемъ принуждены мы были все сіе кинуть, какъ вещь, болѣе безобразія, нежели желаемаго украшенія производящую, которая и по-нынѣ служитъ, да и навсегда останется памятникомъ пустой затѣи бывшаго тогда нашего намѣстника.

Между тѣмъ, какъ мы устроивали и начинали производить сіе дѣло, приближалась и наша ярманка, которая въ сей годъ была для меня тѣмъ скучнѣе и отяготительнѣе, что принужденъ я былъ угощать у себя многихъ съѣхавшихся на сію ярманку дворянъ. Но всѣ сіи, какъ знакомые и друзья, не столько меня обременили, какъ возвратившійся изъ Ефремова мой меньшой командиръ г. Давыдовъ, или паче пышная и взнѣженная супруга его, пріѣхавшая нарочно для сей ярманки изъ Тулы. Сія госпожа, бывшая многіе годы любовницею нашего намѣстника и навыкнувъ тогда гордости и несносному высокомѣрію, не оставляла оное и въ сіе время, хотя мѣсто ея давно уже другая занимала, а потому и трудно было моимъ семьянинкамъ къ ней прикраиваться и доставлять ей удовольствія. И всѣ мы очень были рады, какъ на другой день послѣ праздника возвратнымъ своимъ отъѣздомъ въ Тулу освободили они насъ отъ сего бремени.

Освободившись наконецъ отъ всѣхъ гостей и препоручивъ съ наемщиками копать землю своимъ подчиненнымъ, самъ я весь іюль мѣсяцъ занимался множествомъ разныхъ любопытнѣйшихъ и для меня пріятнѣйшихъ надворныхъ работъ, служащихъ для дальнѣйшаго украшенія нашего парка или магазейной рощи и тамошнихъ окрестностей. Мнѣ вздумалось прорубить еще нѣсколько аллей въ сей прекрасной рощѣ, запрудить внутри оной еще прудъ, росписать всю длинную заднюю стѣну нашего магазина такъ, чтобъ она со стороны рощи представляла цѣлый рядъ большихъ каменныхъ двухэтажныхъ домовъ, раскрашенныхъ разными красками и испещренныхъ множествомъ оконъ; чѣмъ и придалъ я всему сему мѣсту новую и чрезвычайную красу.

Кромѣ сего многіе дни занимался я подниманіемъ вновь нижнихъ, вытекающихъ изъ горы источниковъ при верховьѣ моего длиннаго водовода. Мнѣ хотѣлось испытать, не могу ли я соединить сію воду съ верхнею и тѣмъ увеличить теченіе въ водоводѣ. Сіе составило не малый кусокъ работы, и трудовъ къ тому положено было много. Но, по крайней мѣрѣ, вознаграждены они были превеликимъ удовольствіемъ, которое я имѣлъ, достигнувъ до желаемаго и получивъ въ сей затѣи успѣхъ совершенный.

На производство всѣхъ сихъ работъ употреблялъ я, съ дозволенія и приказанія намѣстника, провинившихся разными дурными дѣлами волостныхъ крестьянъ, вмѣсто наказанія, наряжаемыхъ по списку, въ который всѣ они были вписываемы. Но между тѣмъ какъ я съ ними хлопоталъ и трудился, не одинъ разъ принужденъ бывалъ отъ работъ сихъ отрываться, какъ для угощенія пріѣзжающихъ то-и-дѣло ко мнѣ разныхъ гостей, такъ и для собственной ѣзды съ семьянинками моими по сосѣдственнымъ дворянамъ, друзьямъ и знакомцамъ нашимъ. Не одинъ разъ отвлекали меня отъ работъ и разныя именитыя особы, проѣзжающія чрезъ нашъ городъ и селеніе и заѣзжающія ко мнѣ на перепутьи и для гулянья въ нашемъ саду.

Изъ числа сихъ въ особливости достопамятенъ мнѣ былъ сынъ тогдашняго именитаго большаго вельможи нашего графа Строганова, Павелъ Александровичъ, прославившійся послѣ, во время французской войны, военными дѣйствіями и славящійся еще и понынѣ. Онъ былъ тогда хотя еще мальчикомъ лѣтъ 15-ти, но носилъ уже званіе камеръ-юнкера и путешествовалъ по разнымъ мѣстамъ Россіи, съ гувернеромъ своимъ, однимъ профессоромъ, иностранцемъ, человѣкомъ весьма знающимъ и ученымъ. Сему, въ проѣздъ свой черезъ Богородицкъ, восхотѣлось также видѣть нашъ главный садъ и всѣ въ немъ украшенія, и я принужденъ былъ водить его по всѣмъ мѣстамъ и все-и-все показывать, и очень доволенъ былъ совершеннымъ всего одобреніемъ отъ его гувернера, какъ знатока во всемъ великаго. Онъ расхваливалъ впрахъ всѣ произведенныя мною дѣла и всѣ мои выдумки и затѣи. Что-жъ касается до самого его питомца, то сему, по молодости его, всего болѣе полюбился мой лавиринтъ, въ одномъ ревирѣ сада помѣщенный, и для скорости изъ низенькаго и прекраснаго частокольца составленный. Любопытство сего молодаго человѣка было такъ велико, что онъ избѣгалъ самъ всѣ дорожки, съ превеликимъ для себя удовольствіемъ, и расхваливалъ мою выдумку и всѣ употребленные при томъ обманы и распутія. Обѣихъ ихъ угостилъ я у себя завтракомъ и съ удовольствіемъ проводилъ ихъ отъ себя въ дальнѣйшій путь.

Кромѣ сего, памятно мнѣ, что мы съ сыномъ занимались около сего времени составленіемъ изъ разноцвѣтныхъ и удивительныхъ песковъ нашихъ песчаныхъ коллекцій, сдѣлавшихся впослѣдствіи времени столь славными, что, по рѣдкости своей, служили украшеніями самимъ натуральнымъ кабинетамъ и кунсткамерамъ. Поводъ къ выдумкѣ и изобрѣтенію сему подало намъ множество глыбъ изъ разноцвѣтныхъ песковъ, остававшихся при обдѣлкѣ песчаной развалины нашей и при разработкѣ другихъ мѣстъ съ сими рѣдкими и удивительными песками. Сперва дѣлывали мы изъ нихъ разныя фигурки, пирамидки и пьедестальцы. Но какъ съ сими было не мало хлопотъ, да они же были и не прочны, то вздумалось мнѣ, для лучшаго представленія всякому сей удивительной игры натуры, распиливая пилами помянутые куски и глыбы, обтирать и выдѣлывать изъ нихъ тоненькія четвероугольныя дощечки и набирать изъ нихъ разноцвѣтные цѣлые плоскіе ящички, отдѣляя штучку отъ штучки узкими полосками зеленаго сукна. И какъ для обоихъ насъ съ сыномъ была работа сія не только любопытна, но и крайне увеселительна, то не одинъ разъ всѣ столы въ моемъ кабинетѣ укладены бывали нѣсколькими сотнями таковыхъ разноцвѣтныхъ песчаныхъ дощечекъ, и мы оба съ нимъ въ работѣ сей не знавали даже усталости, и впослѣдствіи времени, одаряя кое-кого таковыми ящичками, доставляли многимъ превеликое тѣмъ удовольствіе. И они сдѣлались такъ славны, что восхотѣла имѣть ихъ императорская академія, для пересылки ихъ въ подарокъ въ иностранные натуральные кабинеты, а въ достопамятность храню я по-нынѣ у себя нѣсколько таковыхъ ящичковъ, наполненныхъ наилучшими штучками.

Но я заболтался уже, разсказывая вамъ о сихъ мелочахъ, и мнѣ время уже сіе письмо кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочая.

(Сентября 26-го дня 1810 года).

Письмо 224.

Любезный пріятель! Продолжая мое повѣствованіе, скажу вамъ, что не успѣлъ наступить августъ мѣсяцъ, какъ потребовали меня опять въ Тулу для поговорки съ намѣстникомъ. Тамъ принужденъ былъ я пробыть цѣлые четыре дня, въ которые нѣсколько разъ былъ я у намѣстника и говорилъ съ нимъ о многомъ, относящемся до волостей. Онъ навалилъ на меня опять работу. Ему восхотѣлось составить о волостяхъ цѣлую книжку, для поднесенія государынѣ, и пріобщить къ ней, какъ садамъ

нашимъ, такъ и другимъ вещамъ планы и рисунки, и онъ просилъ меня, чтобъ принялъ я на себя трудъ и сочинилъ по его предписанію и желанію. По ласковому его со мною обхожденію не отрекся я и въ сей разъ отъ выполненія его желанія. Но, признаюсь, что толь часто повторяемое дѣланіе плановъ и описаній начинало мнѣ уже и прискучивать. Но какъ бы то ни было, но я обѣщалъ сіе сдѣлать и, не безъ досады на сіе, возвратился въ свое мѣсто.

Тутъ принялся я за продолженіе прежнихъ работъ своихъ, какъ надворныхъ, такъ и кабинетныхъ, и провелъ въ томъ бóльшую половину сего мѣсяца. Въ послѣднихъ же числахъ онаго восхотѣлось мнѣ съѣздить съ сыномъ своимъ, хоть на самое короткое время, въ свою деревню, куда мы съ нимъ 22-го числа отправились.

Ѣдучи туда, заѣзжали мы ночевать къ роднымъ нашимъ въ Федешовѣ, гдѣ находясь услышалъ я непріятныя для себя вѣсти, а именно, что г. Веницеевъ, управляющій всѣми важнѣйшими дѣлами у намѣстника, распускаетъ повсюду нѣкоторыя обо мнѣ плевелы и кривые толки. Сіе было мнѣ весьма прискорбно, и тѣмъ паче, что я къ сему любимцу намѣстникову всегда имѣлъ до того искреннее почтеніе и не подалъ ему ничѣмъ и ни малѣйшаго повода къ какому-нибудь на себя неудовольствію. Помышляя, отчего бы то происходило, не находилъ я другой причины, кромѣ зависти, гнѣздящейся въ сердцахъ у многихъ противъ меня, особливо за отмѣнное благоволеніе, оказываемое ко мнѣ намѣстникомъ. А какъ сей господинъ Веницеевъ пріѣзжалъ, вскорѣ послѣ намѣстника, къ намъ, въ Богородицкъ, и квартировалъ у нашего городничаго князя Назарова, пылающаго издавна ко мнѣ завистью, то почти не сомнѣвался я, что льстецъ сей много къ тому подалъ повода и ему, какъ весьма благопріятствующей къ себѣ особѣ, наклеветалъ чтó-нибудь обо мнѣ. Совсѣмъ тѣмъ, какъ ни прискорбны были мнѣ такіе кривые толки, но я радъ былъ, что, по крайней мѣрѣ, узналъ объ оныхъ; а впрочемъ, очень мало о томъ заботился, ибо какъ я шолъ всегда прямою дорогою и ничего худова о себѣ не зналъ, то, надѣяся на Бога и помня пословицу, что когда «Богъ не выдастъ, то свинья не съѣстъ», утѣшалъ себя тѣмъ, что таковыя клеветы и кривые толки обыкновенно всѣмъ дурнымъ и порочнымъ людямъ свойственны, и что они не рѣдко и разсѣваются послѣ, какъ легкій прахъ, вѣтромъ.

На Дворениново, сіе прежнее милое и любезное мое обиталище, въ сей разъ я не успѣлъ порядочно и взглянуть. Пріѣзжали мы въ него съ сыномъ на-легкѣ и пробыли въ немъ не болѣе трехъ сутокъ. А въ такое короткое и притомъ еще самое рабочее время, въ которое всѣ люди заняты были уборкою хлѣба, чтó можно было успѣть сдѣлать? Къ вящей досадѣ, и оное [время] болѣе нежели на половину сократили пріѣзжающіе къ намъ разные гости и отнимавшіе у насъ время и свободу къ предпріятію чего-нибудь желаемаго. Относительно до сихъ гостей, въ особливости достопамятно, что въ сіе время въ первый разъ пріѣзжалъ къ намъ мой крестникъ и новый нашъ сосѣдъ Иванъ Александровичъ Ладыженскій, живущій послѣ умершаго уже отца своего въ Сѣвино и занимавшій его мѣсто.

Но какъ много гости сіи не отнимали у насъ время, однако мы успѣли съ сыномъ нѣчто предпріять, относящееся до будущаго украшенія моего сада. Будучи около сего времени объятъ я мыслями о водоводахъ, съ которыми я такъ много и съ толикимъ успѣхомъ занимался въ Богородицкѣ, восхотѣлось мнѣ испытать, не можно ли и у себя въ деревнѣ со временемъ смастерить подобный тому водоводецъ и провесть воду изъ родника, истекающаго изъ берега, пониже плотины моего нижняго стариннаго пруда къ хоромамъ, на тотъ конецъ, чтобъ предъ окнами самого дома на нижнемъ (sic) терасѣ, пониже главнаго цвѣтника, можно было сдѣлать басейнъ изъ чистой

ключевой воды и оною потомъ умножить воду, находящуюся въ нагорной сажелкѣ. И какъ я во всѣхъ такихъ случаяхъ весьма нетерпѣливъ, то и проватерпасили мы все мѣсто между родникомъ и помянутымъ терасомъ, идучи по правой косинѣ нашей вершины. И какъ сіе ватерпашеніе намъ доказало, что оный терасъ имѣетъ положеніе свое гораздо ниже помянутаго родника и, въ случаѣ водовода, вода могла бы съ удобностью туда изъ онаго протекать, то не затрудняло сіе предпріятіе крутая косина берега вершиннаго. Однако ни на что не смотря и при самомъ еще мѣшающемъ намъ ненастьи, начали мы по линіи сей дѣлать въ косинѣ берега уступъ для затѣваемаго сего водовода. Но краткость времени дозволила намъ сдѣлать тому тогда только начало, и мы принуждены были оное оставить впредь до удобнѣйшаго къ тому случая и досуга, но которое и по сіе время еще не отыскалось, почему тогдашняя наша затѣя и осталась безъ производства, а при единомъ только узнаніи, что къ тому есть возможность.

Впрочемъ, нашелъ я деревню свою и все въ домѣ и въ садахъ за отлучкою нашею часъ-отъ-часу приходящее въ худшее состояніе. Сады мои ни шли, ни ѣхали, и сколько я объ нихъ по заочности ни заботился, но, небреженіемъ садовниковъ моихъ и за неимѣніемъ рабочихъ людей, не только они не разростались, но паче съ каждымъ годомъ болѣе пустѣли и разстраивались.

На возвратномъ пути заѣзжали мы въ Алексинскую свою деревню Коростино, для разбирательства нѣкоторыхъ ссоръ и наказанія виновныхъ. А ѣдучи отуда, чрезъ Тулу, водилъ я сына моего на оружейный заводъ и показывалъ ему на ономъ все имъ до того невиданное и примѣчанія достойное.

Возвратившись въ Богородицкъ, и съ наступленіемъ сентября мѣсяца, принужденъ я былъ по-неволѣ приняться за него. Безпрерывное занятіе работами, отнимавшее у меня въ теченіе всего сего лѣта все почти время, произвело то, что я такъ запустилъ издаваемый мною «Экономическій Журналъ», что боялся уже, чтобъ не сдѣлалось въ издаваніи онаго, по недостатку матеріаловъ, остановки. А потому и принужденъ я былъ присѣсть и поработать нѣсколько дней сряду надъ сочиненіемъ матеріала. И какъ работа сія была для меня легкая и нескучная, то и успѣлъ въ немногіе дни изготовить онаго на нѣсколько печатныхъ листовъ и отправить въ Москву благовременно. Исправивъ сіе необходимое дѣло, приступилъ я опять къ продолженію работъ надворныхъ и производству въ дѣйствіе многихъ новыхъ затѣевъ для дальнѣйшаго украшенія сада, а особливо пространнаго промежутка, между садомъ и паркомъ находящагося. Всѣ прожекты мои намѣстнику были такъ угодны, что онъ даже дозволилъ мнѣ иныя вещи производить и наемными работниками. Итакъ, имѣя въ семъ случаѣ развязанныя руки и желая отчасти болѣе угодить намѣстнику, не жалѣлъ я ни мало трудовъ своихъ и занимался сими разными дѣлами во весь сентябрь мѣсяцъ, и бралъ отдохновеніе себѣ только тогда, когда бываемые около сего времени проливные дожди и ненастья меня изъ сада и отъ работъ прогоняли въ домъ, или какіе-нибудь пріѣзжіе гости или необходимые и свои по гостямъ разъѣзды, отъ нихъ отвлекали или заставливали заниматься чѣмъ-нибудь инымъ въ домѣ.

Симъ образомъ прошелъ почти весь и сентябрь мѣсяцъ. А какъ въ концѣ онаго надлежало намъ переоброчивать отдаточныя въ наемъ земли, то къ сему времени разсудилось пріѣхать къ намъ опять моему меньшому командиру г. Давыдову. Сіе навлекло опять мнѣ хлопоты и заботы. На торгъ сей съѣхалось опять множество дворянства и командиру моему восхотѣлось всѣхъ ихъ угостить у себя обѣдомъ. Но я, по крайней мѣрѣ, былъ тѣмъ доволенъ, что при семъ торгѣ и праздновании происходило у насъ все порядочно, доколѣ не пришла

ему охота, по окончаніи онаго, повеселиться звѣриною ловлею. Множество подлипалъ, а особливо изъ пріѣзжихъ съ нимъ тульскихъ, уговорили его ѣхать съ ними въ волость и повеселиться охотою, а сіе и положило предѣлъ порядочному его до того у насъ поведенію. Ибо не успѣлъ онъ съ сими молодцами пріѣхать въ село Іевлево и тамъ, какъ въ отъѣзжемъ полѣ, со псами своими квартировать расположиться, какъ и началось у нихъ тамъ пьянство, буянство, собираніе бабъ, скачка, пляска и всякія гадкости и такія безпутства, что я, услышавъ о ихъ проказахъ, пожималъ только плечами и содрогался отъ удивленія и искренно сожалѣлъ о семъ добродушномъ своемъ начальникѣ.

Къ вящему для его несчастію подъѣхалъ къ нимъ туда на другой день и самый помянутый г. Веницеевъ изъ Тулы. И какъ сей человѣкъ, при всемъ своемъ великомъ разумѣ, былъ не изъ послѣднихъ охотниковъ до бражничанья и безпутствъ всякаго рода, то проказы ихъ тамъ увеличились еще болѣе.

Таковыя проказничанья и постыдныя безпутства, производимыя ими въ Іевлевѣ и деревнѣ Черневкѣ продолжались нѣсколько дней сряду и продлились бы можетъ быть еще долѣе, если бы вдругъ прискакавшій изъ Калуги отъ намѣстника курьеръ, съ какими-то повелѣніями, не разстроилъ всѣ ихъ бесѣды и не принудилъ ихъ всѣхъ скакать прямою дорогою, и не заѣзжая уже къ намъ въ Богородицкъ, въ Тулу, куда возвращаясь, увѣнчали они всѣ свои проказничанья тѣмъ, что перессорились и передрались впромежду собою. О чемъ услышавъ, благодарилъ я невѣдомо какъ Бога, что меня тамъ съ ними не было и я оставался дома, и сердечно сожалѣлъ о г. Давыдовѣ, что онъ допустилъ себя симъ образомъ марать льстецамъ и негодямъ.

По отбытіи отъ насъ сей шайки развратныхъ людей и съ наступленіемъ октября, наступившая дурная осенняя погода положила предѣлъ нашимъ надворнымъ работамъ и усадила меня въ домъ, гдѣ занялся я сочиненіемъ тѣхъ плановъ и бумагъ, о которыхъ просилъ меня намѣстникъ. А между тѣмъ по вечерамъ принялся опять за сочиненіе матеріала для «Экономическаго моего магазина», и не въ многіе дни весь матеріалъ на тогдашній 1785 годъ кончилъ. Разохотившись же въ семъ родѣ писанія и полагая навѣрное, что г. Новиковъ будетъ просить меня о продолженіи онаго и въ послѣдующій 1786 годъ, началъ на досугѣ заготовлять матеріалъ и на оный.

Между симъ нечувствительно наступилъ и день моихъ имянинъ и вступленіе въ 48-й годъ моей жизни. Мы праздновали оный по обыкновенію, и я сдѣлалъ у себя пиръ для всѣхъ нашихъ городскихъ знакомыхъ; а такимъ же образомъ отпраздновали мы и свой сельскій праздникъ въ мирѣ, тишинѣ и удовольствіи. Но спокойствіе мое не долго продолжалось, ибо, черезъ недѣлю послѣ того, вдругъ получилъ я повелѣніе, чтобъ мнѣ ѣхать къ намѣстнику въ Калугу и привести къ нему всѣ планы и бумаги, которыя велѣно мнѣ было отъ него сдѣлать.

Никогда не чувствовалъ я такой досады и неудовольствія отъ сихъ поѣздокъ, какъ въ сей разъ. Получилъ я повелѣніе о семъ въ концѣ уже октября мѣсяца и въ самое дурнѣйшее тогда годовое время, ибо наступила уже самая глубокая осень и бывшія въ сей годъ частыя ненастья, слякоти, дожди, стужа и морозы испортили такъ всѣ дороги, что изъ доброй воли я тогда ни для чего бы въ свѣтѣ никуда не поѣхалъ. Къ вящей досадѣ, планы мои не совсѣмъ были тогда еще готовы и надлежало нѣкоторыя мѣста въ усадьбѣ и окрестностяхъ вымѣрять для означенія ихъ на оныхъ, что учинить бывшія тогда ненастье и дурныя погоды меня не допустили.

Но тогда нечего было дѣлать, я долженъ былъ повелѣнію повиноваться, и не смотря на всю стужу и дурноту погоды, иттить и спѣшить скорѣе вымѣривать все нужное, а по-вечерамъ уже накладывать на планы и оканчивать бу-

маги; а потомъ и нехотя пускаться въ предлежащій себѣ и порядочно дальній путь.

Предчувствіе мое, что я много имѣть буду въ семъ путешествіи труда и безпокойствія, совершилось въ полной мѣрѣ. Никогда почти не случалось мнѣ ѣзжать въ такую распутицу и такими скверными и дурными дорогами, какъ въ сей разъ. Вездѣ были не только грязи, но и самыя топи, и вездѣ надлежало не ѣхать, а мучиться. И какъ дни были уже тогда короткіе, а по ночамъ была страшная темнота, то принужденъ я былъ препроводить цѣлые четыре дни въ семъ путешествіи, и во время котораго тысячу разъ проклиналъ какъ прихоти намѣстника, такъ и собственное свое, слишкомъ уже великое къ удовлетворенію его желанія, усердіе.

Но какъ бы то ни было и хотя съ превеликимъ трудомъ и безпокойствомъ, но наконецъ я въ Калугу прибылъ, гдѣ приставъ на постояломъ дворѣ, цѣлый почти день принужденъ былъ отдыхать. Намѣстникъ, по обыкновенію своему, принялъ меня ласково и былъ весьма привезенными мною планами и бумагами доволенъ. Онъ продержалъ меня у себя въ Калугѣ цѣлыхъ четыре дни, въ которые всякій день я у него почти бывалъ, и были у насъ съ нимъ о многомъ разговоры и конференціи; а по-вечерамъ принужденъ я былъ, по приказанію его, заниматься на квартирѣ своей многими планами по причинѣ затѣваемыхъ имъ вновь разныхъ въ волостяхъ распоряженій и дѣлъ, и ему представлять по-утрамъ написанное и обо всемъ съ нимъ трактовать. Обѣдать же долженъ я былъ всегда оставаться у него, а иногда послѣ обѣда ѣздить съ нимъ по гостямъ, къ тамошнимъ именитымъ людямъ, чѣмъ хотѣлось ему усладить нѣсколько труды мои. Но мнѣ все то, равно какъ и ихъ театръ, въ который и я также однажды съ нимъ ѣздилъ, было уже не въ диковинку, а я охотнѣе-бъ хотѣлъ сидѣть въ сіе время дома, въ своемъ спокойномъ кабинетѣ. Наконецъ удивилъ и смутилъ онъ меня опять одною новою, ни мало мною неожиданною затѣею, а именно: ему восхотѣлось въ саду у насъ, въ Богородицкѣ, построить каменную и преогромную ранжерею, въ которой не было намъ тогда ни малѣйшей нужды, да и была она, по пословицѣ говоря «ни къ селу, ни къ городу», ибо у насъ и маленькую деревянную ранжерею, за неимѣніемъ порядочнаго и знающаго садовника, содержать было не кому, а пользоваться большою и огромною ранжерееею и подавно было не кому. И какъ я при первомъ упоминаніи о томъ намѣстника легко могъ предварительно заключить, что сія пустая затѣя навлечетъ на меня тысячу новыхъ хлопотъ и трудовъ, и безпокойствъ, то хотя и заикнулся-было я мысли его отъ сего предмета отклонить, но, примѣтивъ, что онъ крѣпко къ нимъ прилѣпился, принужденъ былъ, противъ хотѣнія своего и со внутреннею досадою, къ желанію его прикраиваться, совсѣмъ тѣмъ какъ онъ вздумалъ-было навалить на меня и самое сочиненіе затѣваемой имъ ранжереи плана, со смѣтою, сколько чего на построеніе оной надобно, то я, не обинулсь, отъ сего отрекся, сказавъ, что я въ семъ дѣлѣ не искусенъ и надобно сдѣлать сіе архитектору. «Очень хорошо, сказалъ онъ, такъ сходите-жъ къ здѣшнему нашему архитектору и вмѣстѣ съ нимъ подумавъ, сдѣлайте прожектецъ и мнѣ представьте».

Новая коммиссія сія и препоручаемое мнѣ дѣло превышало дѣйствительно всѣ мои силы и знанія. Я дѣйствительно не занимался никогда дѣланіемъ плановъ каменнымъ зданіямъ, да и не разумѣлъ сего дѣла. Итакъ, съ крайнимъ нехотѣніемъ, пошолъ я отыскивать архитектора, съ которымъ мы и составили-было прожектецъ умѣренной и не слишкомъ большой ранжереи. Но статочное ли дѣло! Намѣстнику, привыкшему затѣвать все огромное и великое, совсѣмъ прожектъ нашъ, по малости и простотѣ его, не понравился, и онъ приказалъ архитектору составить планъ несравненно огромнѣйшему зданію, со многими пустыми

причудами и назначилъ самъ всему мѣру. И бѣдный архитекторъ принужденъ былъ заниматься вновь симъ дѣломъ и потѣть надъ нимъ нѣсколько дней сряду.

Но какъ мнѣ плана сего дожидаться слишкомъ было долго, то не сталъ меня намѣстникъ за нимъ задерживать и, обѣщавъ оный послѣ ко мнѣ прислать, отпустилъ меня опять въ Богородицкъ. Но сія обратная ѣзда была для меня еще вдвое труднѣе и безпокойнѣе прежней, ибо въ самое сіе время начиналась у насъ тогда становиться зима, и я тащился, гдѣ по грязи, гдѣ по колеямъ, и ѣхалъ гдѣ на колесахъ, гдѣ на саняхъ, и насилу-на-силу въ пятый уже день и на саняхъ притащился въ Богородицкъ, негодуя тысячу разъ за пустыя затѣи намѣстника.

По пріѣздѣ своемъ, нашолъ я всѣхъ домашнихъ своихъ, горевавшихъ о трудностяхъ моего путешествія и обрадовавшихся очень моему возвращенію. Они встрѣтили меня увѣдомленіемъ, что меня дожидаетъ полученное ко мнѣ, безъ меня, письмо изъ Москвы отъ Новикова, которымъ сей мой знакомецъ просилъ меня, чтобъ я согласился сочинять «Экономическій Магазинъ» и въ будущемъ 1786 году, и заготовлялъ бы для онаго матерію, увѣдомляя, что публика продолжаетъ принимать сей журналъ съ прежнимъ благоволеніемъ и что многіе лучшіе люди продолженія онаго желаютъ. Сіе побудило меня приняться прилежнѣе за сіе и безъ того уже начатое дѣло, и какъ тогдашнее самое глухое ноябрьское осеннее время, въ которое, за непогодами и распутицею, никуда ѣздить было не можно, было къ тому наиудобнѣйшимъ,—то и занялся я симъ дѣломъ во все продолженіе ноября мѣсяца, и успѣлъ въ теченіе онаго заготовить матеріала множество. При чемъ достопамятно было, что я въ сей годъ началъ помѣщать въ журналъ свои переводы изъ славной Гиршфельдовой садовой книги, поправившей во многомъ и собственный мой вкусъ въ садахъ предъ прежнимъ и вперившій во многихъ новый и до того неизвѣстный вкусъ въ оныхъ.

Между тѣмъ, какъ я симъ пріятнымъ и ни мало не скучнымъ и не отяготительнымъ для себя дѣломъ, особливо по-утрамъ и длиннымъ ноябрьскимъ вечерамъ, занимался, были и старшія мои дѣти не безъ дѣла. Большая моя дочь, освободившись совершенно отъ долговременной своей болѣзни, кромѣ обыкновенныхъ своихъ женскихъ дѣлъ, упражнялась кое-въ-какомъ рисованіи, къ которому имѣла она довольную охоту, а сынъ мой трудился надъ приготовленіемъ вазъ для намѣстника, которому церковныя наши вазы такъ понравились, что онъ убѣдительно просилъ надѣлать и ему таковыхъ же нѣсколько, что я ему и принужденъ былъ обѣщать. И какъ работа сія могла производима быть любопытнымъ моимъ сыномъ, то подъ руководствомъ своимъ и поручилъ я ее ему, чѣмъ онъ съ удовольствіемъ и занимался.

Наступившія въ концѣ ноября именины нашего городничаго и жены его, и дѣлаемые ими по сему случаю пиры отвлекли насъ на нѣсколько дней отъ работъ нашихъ и упражненій. И какъ тогда настала у насъ уже и зима, то вслѣдъ за тѣмъ начались у насъ, у всѣхъ лучшихъ людей въ Богородицкѣ, вечеринки, которыя хотя далеко не таковы были какъ прежнія, однако доставляли намъ веселое препровожденіе времени.

Въ сихъ пріятныхъ и спокойныхъ занятіяхъ засталъ насъ декабрь мѣсяцъ, въ началѣ котораго продолжалъ я заниматься тѣмъ же, также сочиненіемъ еще нѣкоторыхъ плановъ по приказанію намѣстника, для помѣщенія съ прочими бумагами въ книгу, назначаемую имъ для поднесенія государынѣ и которую велѣлъ онъ переплесть нашему переплетчику въ богатый переплетъ. Но едва успѣлъ я сіе, наскучившее уже мнѣ дѣло, кончить, какъ вдругъ прискакалъ ко мнѣ нарочный изъ Тулы, съ повелѣніемъ отъ моего меньшого командира, чтобъ я сочинилъ еще одинъ планъ и велѣлъ оный переплесть, вмѣстѣ съ прочими, въ книгу,

и чтобъ поспѣло сіе въ четыре дни, и я съ ними-бъ пріѣхалъ къ нему въ Тулу. Таковое строгое повелѣніе было по необыкновенности своей мнѣ уже и досадно. «Что-жъ это такое, говорилъ я самъ себѣ: и долго-ли мнѣ гнуть спину и трудиться надъ сими планами и рисунками, и будетъ ли когда имъ конецъ?» И смѣшно право! Сперва меня о томъ добрѣмъ упрашивали и убѣждали ласковѣйшими просьбами, а теперь вздумали уже и приказывать и заставляютъ и по-неволи работать. Однако, сколько я ни досадовалъ, но нечего было дѣлать: принужденъ былъ вновь приниматься за работу и удовлетворять желанію моего командира и, промучившись надъ тѣмъ дни четыре и кончивъ ее, поскакалъ опять въ Тулу.

Ѣзда моя и въ сей разъ была, по случаю бывшей превеликой вьюги и мятели, безпокойная. Но въ Тулѣ за то было мнѣ не скучно. Я квартировалъ въ сей разъ у друга своего и сотоварища прежняго г. Сухотина, бывшаго у насъ городничимъ, и имѣлъ случай спознакомиться съ совѣтниками казенной палаты Гасомъ и Сиверсомъ, обласкавшими меня чрезвычайно и съ которыми провелъ я вечера съ удовольствіемъ. Сверхъ того, въ сію поѣздку исправилъ я и собственную свою нужду и отдалъ за свои души рекрута, ибо и въ сію зиму былъ у насъ рекрутскій наборъ.

Въ Тулѣ я въ сей разъ не болѣе пробылъ двухъ сутокъ и, кончивши свои дѣла съ моимъ командиромъ, благополучно возвратился назадъ къ своимъ домашнимъ, съ которыми и провели мы все достальное время сего года по-прежнему въ семейственныхъ удовольствіяхъ и упражненіяхъ разныхъ.

Съ наступленіемъ святокъ начались у насъ опять съѣзды и разныя увеселенія. Къ намъ къ празднику Рождества Христова пріѣхала изъ Ефремовской своей деревни тетка [Матрена] Васильевна, и мы для нея въ первый день святокъ задали изрядную-таки пирушку. Всѣ наши городскіе у насъ въ сей день обѣдали и провели весь день и вечеръ у насъ, занимаясь не только разными играми, но даже и самыми танцами, и всѣ мы были довольно веселы; а въ послѣдующіе за тѣмъ дни ѣздили мы къ другимъ нашимъ сотоварищамъ и вездѣ были также игры и разныя увеселенія.

Симъ образомъ кончилъ я тогдашній 1785 годъ, который достопамятенъ былъ въ жизни моей какъ разными бывшими со мною происшествіями, такъ и изобиліемъ многихъ выдумокъ и изобрѣтеній, учиненныхъ не только мною, но и самымъ моимъ уже любопытнымъ и замысловатымъ сыномъ, и всѣ они не составляли дальней важности, а были болѣе мелочныя и относящіяся большею частію до красокъ и рисованья разными манерами. Кромѣ сего, изобрѣлъ я и другія любопытныя бездѣлки, какъ напримѣръ, чтобы четырмя литерами написать нижеслѣдующую рѣчь:

«Большой покой на землѣ—великое добро есть»:

П Д.
з е

«Или какъ можно вѣрно со всякимъ спорить и биться объ закладъ, что есть червь, величиною со всю русскую землю»:

Ч. З.

«Или какъ можно вѣрно утверждать и со всякимъ спорить, что есть люди подъ землею, такъ велики, какъ черви»:

З
л. ч.

Далѣе достопамятно, что въ сей годъ получила основаніе свое та большая книга съ эстампами, которая и понынѣ увеселяетъ многихъ, особливо занимаетъ собою и увеселяетъ малыхъ дѣтей, ибо какъ накопилось у меня множество всякихъ эстамповъ и картинокъ, то вздумалось мнѣ велѣть переплетчику нашему переплесть изъ бѣлой бумаги большую и толстую книгу, въ которую потомъ и вклеилъ я всѣ тогда бывшія у меня картинки и эстампы.

Упражнялись же мы съ сыномъ въ выдумываніи и разныхъ алфабетовъ для

таинственнаго и такого писанія, которое ни кому, незнающему того и неимѣющему ключа, разобрать было не можно.

Что же касается до меня, изъ выдумокъ, относящихся до составленія красокъ и разныхъ рисованіевъ, то были онѣ почти безчисленныя, и онѣ не такъ важны, чтобъ объ нихъ стоило упоминать. Что принадлежитъ до выдумокъ, относящихся до украшеніевъ садовъ, то о множайшихъ упомянуто въ моемъ предслѣдующемъ письмѣ, почему объ нихъ и не повторяю, а поспѣшаю, съ окончаніемъ описанія сего года, кончить и сіе мое письмо, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ, и проч.

(28-го сентября 1810 года).

1786.

Письмо 225.

Любезный пріятель! Приступая теперь къ описанію всего происходившаго со мною въ теченіе 1786 года, предварительно скажу, что во все продолженіе онаго не было со мною никакихъ чрезвычайныхъ и такихъ происшествій, которыя бы могли сей періодъ жизни моей сдѣлать отмѣнно достопамятнымъ. При началѣ онаго, семейство мое состояло въ тѣхъ же особахъ, въ какихъ было оно при началѣ предслѣдующаго года: я, моя жена и ея мать составляли старѣйшихъ, а пятеро дѣтей моихъ—младшихъ членовъ оныхъ. Сверхъ того жилъ у насъ около сего времени одинъ мальчикъ г. Баевъ, по имени Николай Ефимовичъ, родственникъ нашихъ приставовъ, просившихъ меня поучить его чему-нибудь.

Между тѣмъ какъ мы старшіе, пользуясь вожделѣннымъ здоровьемъ, продолжали жить по-прежнему во всякомъ изобиліи и, по милости Господней, пользоваться всѣми благами жизни сея, не претерпѣвая ни въ чемъ недостатка и утѣшаясь дѣтьми своими, сіи часъ-отъ-часу возрастали болѣе, и дарованіями своими доставляли намъ отчасу болѣе удовольствія. Старшая дочь моя Елисавета была уже совершенною невѣстою, и наставало время выдавать ее замужъ, и мы поозабочивались уже нѣсколько тѣмъ, что, не смотря на всѣ ея личныя достоинства, не являлись еще никакіе женихи, искавшіе руки ея; однако какъ была она еще не перестарокъ, то, льстясь надеждою, что безъ жениховъ она не останется, тѣмъ успокоивались. Что касается до моего сына, то былъ онъ уже довольно на возрастѣ, и продолжая заниматься чтеніемъ и науками, пріобрѣталъ часъ-отъ-часу множайшія знанія и дѣлался въ способностяхъ ума своего совершеннѣйшимъ, во многихъ дѣлахъ и особливо въ любопытныхъ занятіяхъ былъ уже мнѣ нарочитымъ сотоварищемъ, и природныя дарованія его часъ-отъ-часу развертывались болѣе. Какъ онъ былъ у насъ одинъ, то, натурально, любя его чрезвычайно и сохраняя здоровье его какъ порохъ въ глазѣ, озабочивались мы много уже тѣмъ, что хотя, по тогдашнему обыкновенію, и записанъ онъ былъ въ гвардію императорскую, но не былъ еще причисленъ въ дѣйствительную службу, а по лѣтамъ его быть ему въ оной уже было давно время. По сей причинѣ уже не одинъ разъ помышлялъ я о томъ, чтобъ мнѣ съ нимъ съѣздить въ Петербургъ и какъ о опредѣленіи его въ дѣйствительную службу, такъ и о доставленіи ему сержантскаго чина постараться. Но должность моя и обстоятельства того мнѣ еще не дозволяли. Что касается до средней моей дочери Настасьи, то какъ и сія была уже довольно на возрастѣ и почти полуневѣстою, то помышляли мы о томъ, какъ бы и ее свозить въ Москву и тамъ поучить также танцамъ, для приданія дарованіямъ ея лучшаго совершенства. Третья дочь моя Ольга догнала сію своимъ ростомъ и расцвѣтала какъ распуколка розовая. Что-жъ касается до меньшей моей дочери Катерины, то сія была еще почти ребенкомъ и научилась только-что порядочно говорить.

Относительно до состоянія моего скажу, что хотя деревни мои, за отсутст-

віемъ моимъ и за невозможностью отлучаться въ нихъ часто, п приходили отъ часу болѣе въ упадокъ,—но сіе не препятствовало достатку моему мало-по-малу увеличиваться, хотя весьма медленными и неважными стопами, поелику не пріобрѣталъ я ничего неправдою или какимъ-нибудь шилничествомъ по примѣру другихъ многихъ.

Впрочемъ, находился я во всей силѣ и крѣпости тѣлесной, и хотя лѣтами своими и переступилъ уже давно на другую половину теченія своей жизни, но былъ свѣжъ, крѣпокъ и здоровъ, и могъ безъ всякой нужды переносить тѣ многіе и разнообразные труды, которыми я около сего времени ежедневно и неусыпно занимался, а въ такомъ же бодрственномъ состояніи находились и самыя душевныя мои силы.

Что касается до внѣшнихъ моихъ обстоятельствъ, то я продолжалъ пользоваться и наслаждаться неоцѣнимою милостію Господнею, что всѣ добрые люди меня искренно любили и почитали, и дружества моего искали. Однимъ только негоднымъ и завистливымъ людямъ былъ я какъ терніе въ глазу, но и сіи только втайнѣ недоброхотствовали мнѣ изъ единой зависти, что я пользуюсь такимъ хорошимъ и выгоднымъ мѣстомъ, а притомъ еще и особенною благосклонностію ко мнѣ отъ нашего намѣстника; въявь же, при всѣхъ своихъ злодѣйскихъ ковахъ и хитростяхъ, и тѣ должны были, по примѣру прочихъ, оказывать мнѣ ласку и почтеніе и тѣмъ паче, что я и съ ними, равно какъ не вѣдая о ихъ посяганіяхъ на меня, обходился всегда ласково и дружелюбно и никогда не подавалъ и вида къ наружнымъ какимъ-нибудь на нихъ неудовольствіямъ.

Но я заговорился уже о побочностяхъ, и время приступить къ продолженію прежняго своего повѣствованія.

Итакъ, 1786 годъ начали мы препровождать, находясь по-прежнему въ Богородицкѣ, и первый день онаго ознаменовали данною у себя доброю вечеринкою. Судьи наши хотя всѣ около сего времени были въ разъѣздѣ по домамъ, однако ввечеру сего дня было у меня довольно-таки гостей. Пріѣзжалъ ко мнѣ нашъ тогдашній казначей г. Писаревъ, съ женою и дочерью, оба наши пристава, нашъ стряпчій, госпожа Маслова, съ обѣими дочерьми, старушка, прежняя казначейша Петрова, господинъ Челищевъ и наконецъ подкомандующій мой Бобриковскій управитель молодой господинъ Верещагинъ. И со всѣми сими людьми провели мы первый вечеръ сего года очень весело и прямо по-святочному: играли во всякія игры и до усталости рѣзвились.

Пріѣздъ г. Верещагина въ сей разъ ко мнѣ меня нѣсколько удивилъ. Какъ должность его была ничего незначущая и онъ жилъ послѣ своего старшаго брата въ Бобрикахъ, ничего не дѣлая и пользуясь только жалованьемъ и содержаніемъ, и равно какъ на пенсіи, то и не доходило ни ему до меня, ни мнѣ до него никакого почти дѣла, и мы видались съ нимъ рѣдко, и тѣмъ паче, что онъ по недальнему своему разуму не могъ составлять мнѣ хорошаго собесѣдника. Но въ сей разъ онъ даввымъ-давно уже не бывалъ, сердясь на меня, самъ не вѣдая за что. Совсѣмъ тѣмъ пріѣзжалъ онъ ко мнѣ не столько въ гости и не по должности, а болѣе для собственной нужды. Не знаю, не вѣдаю, зачѣмъ вознадобилось ему побывать въ Петербургѣ, и онъ привезъ ко мнѣ ордеръ объ отпускѣ его туда, и чтобъ дать ему взаймы 200 рублей денегъ. Я тотчасъ сіе выполнилъ и пожелалъ ему счастливаго пути.

Дня четыре спустя послѣ сего имѣлъ я неудовольствіе узнать о чудной и удивительной клеветѣ на моихъ домашнихъ, сплетенной старшею сестрою сего господина Верещагина, старинною и тайною недоброхоткою къ нашему дому. Изъ досады и зависти для госпожъ Бакуниной, [которая] къ намъ была весьма благопріятна, восхотѣла она ее съ нами разсорить, и для того сплела и насказала ей на жену и прочихъ домашнихъ мо-

нихъ такую дьявольскую небылицу, какой у нихъ никогда и на умѣ не было, и довела до того, что сестра госпожи Бакуниной болѣе года на насъ сердилась. Услышавъ о семъ, не могъ я довольно надивиться злости людей и той хитрости, съ какою бездѣльники стараются собственными своими затѣями обвинять другихъ и влепывать на нихъ то, что имъ и во снѣ на умъ не приходило. Относилось сіе до нѣкоторыхъ обидныхъ словъ, говоренныхъ будто женою и ея матерью о племянницѣ госпожи Бакуниной; но, по счастію, ѣздившая около сего времени къ госпожѣ Бакуниной моя жена съ дочерью, имѣла случай оправдаться и вывесть сіи сплетни наружу и сохранить чрезъ то дружбу съ симъ домомъ.

Не успѣли мы святокъ своихъ кончить, какъ на самое крещеніе принужденъ я былъ опять скакать въ Тулу, для поговорки съ отъѣзжающимъ въ Петербургъ моимъ меньшимъ командиромъ. Въ сей разъ я съ тѣмъ меньшею досадою отправился въ сей путь, что имѣлъ я до него и собственную свою нуждицу. Хотѣлось мнѣ его попросить, не можетъ ли онъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, учинить что-нибудь въ пользу моего сына. Свиданіе съ нимъ было и въ сей разъ таковое же, какъ и прежнее, и казалось, что сей полукомандиръ мой былъ столько-жъ ко мнѣ благосклоненъ, какъ и прежде, но что на сердцѣ у него было, того мнѣ знать было не можно, и нѣкоторыя вѣсти, слышанныя мною въ сей разъ въ Тулѣ, приводили меня въ смущеніе и нѣсколько озабочивали. Сказывали мнѣ, яко бы онъ на меня очень сердится и злится, думая, что я на него намутилъ намѣстнику; но Богу одному извѣстно, сколь невиненъ я былъ съ сей стороны, и сколь всегда былъ, по добродушію своему, удаленъ отъ такихъ ненавидимыхъ мною и въ другихъ людяхъ наушничествъ. Далѣе сказываемо мнѣ было, яко бы и намѣстнику на меня имъ и другими наскучено всякой всячины довольно, и что онъ отзывался, будто бы, что онъ теперь обо мнѣ не такихъ уже мыслей, какъ былъ прежде. Сему хотя я худо вѣрилъ, и тѣмъ паче, что и слышалъ отъ такова человѣка, который не самъ то слышалъ, однако какъ все то отъ завистниковъ моего мѣста, и особливо Веницеева и князя Назарова, весьма легко могло статься, что прискорбно весьма мнѣ все сіе было, и я жалѣлъ буде бы то все была правда; однако, надѣялся, что невинность когда-нибудь окажется сама собою и ложныя клеветы злодѣевъ откроются къ собственному стыду ихъ. Я утѣшался до поры до времени тѣмъ, что тогда въ обращеніи со мною командира моего не замѣтно было ничего тому подобнаго. Онъ разстался со мною дружески и не только далъ охотно мнѣ дозволеніе съѣздить безъ него сею зимою на короткое время въ Москву, но обѣщалъ и въ разсужденіи сына моего употребить все, что ему будетъ можно.

Въ кратковременную мою въ сей разъ бытность въ Тулѣ, квартировалъ я опять у прежняго нашего городничаго г. Сухотина, бывшаго уже совѣтникомъ въ казенной палатѣ, и пріязнью сего моего прежняго знакомца и пріятеля былъ очень доволенъ. Онъ и жена его были мнѣ очень рады и угощали меня какъ бы роднаго. И какъ съ нимъ случилось мнѣ ѣздить къ тульскому знаменитому купцу и заводчику Антипу Максимовичу Мосолову, то сей случай спознакомилъ меня съ симъ весьма ласкавшимся ко мнѣ умнымъ человѣкомъ. Были мы также съ хозяиномъ моимъ и у сотоварища его, совѣтника Сиверса, гдѣ препроводилъ весь вечеръ въ играніи съ нимъ въ вистъ. И проигравъ съ нимъ около десяти робертовъ, возненавидѣлъ я еще болѣе сію игру, которая и до того для меня ни мало была не увеселительна, и я не инако какъ съ крайнею неволею играть въ нее саживался.

Отправившись 9-го числа обратно въ Богородицкъ, принужденъ я былъ терпѣть много безпокойствъ въ дорогѣ отъ сдѣлавшейся вдругъ посреди зимы превеликой оттепели и оттого такой распутицы, какая бываетъ въ самую даже по-

ловодь. Почему, хотя съ трудомъ, но коекакъ добрался я до спокойнаго своего мѣста и тотчасъ принялся опять за свои кабинетныя упражненія.

Сіи состояли въ сіе время наиболѣе въ сочиненіи матеріала для моего «Экономическаго Магазина», также въ читаніи и переправкѣ переведеннаго мною прекраснаго романа «Герфорта и Клары». Кромѣ сего, по-вечерамъ читывалъ я дѣтямъ своимъ и «Дѣтскую свою Философію», и посредствомъ оной спознакомливалъ ихъ съ натурою.

Дни черезъ три послѣ пріѣзда моего, имѣлъ я у себя неожидаемаго, но несколько замѣчанія достойнаго гостя. Былъ то господинъ Каверинъ, Иванъ Никитичъ, сынъ деревенскаго сосѣда моего Никиты Ивановича и внукъ того самаго старика Ивана Ѳедоровича Каверина, о которомъ я нѣкогда вамъ разсказывалъ, а племянникъ родной самого того г. Новикова, съ которымъ имѣлъ я тогда по изданію моего «Экономическаго Магазина» дѣло. Гость сей былъ человѣкъ молодой и могшій быть женихомъ моей старшей дочери. Дѣла никакого хотя еще не было, но мы желали давно его видѣть. Госпожа Челищева, гостившая у насъ незадолго предъ симъ, предлагала намъ его въ женихи сама отъ себя, но онъ, какъ сказывали намъ, сватался тогда на дочери друга моего Василія Ѳедоровича Шушерина; но та невѣста была для него слишкомъ богата, а моя, напротивъ того, слишкомъ бѣдна. Итакъ, хотя для всѣхъ насъ показался онъ довольно сносенъ и непротивенъ, но ничего не воспослѣдовало, и невидимая десница Всемогущаго спасла дочь мою отъ сего жениха, который и по-нынѣ еще не женатъ и едва ли когда-нибудь женится, будучи за нѣкоторые проступки лишенъ чиновъ и достоинства.

Не успѣли мы сего пробывшаго у насъ цѣлый вечеръ и ужинавшаго гостя отъ себя проводить, какъ перетревожены мы были неожиданнымъ пріѣздомъ къ намъ намѣстничьяго адъютанта Ивана Елисѣевича Комарова, посланнаго на встрѣчу переѣзжающему изъ Воронежа въ Калугу бывшему крымскому хану Шагинъ-Гирею и долженствующему проѣзжать чрезъ нашъ Богородицкъ. И какъ сей проѣздъ его былъ нѣсколько достопамятенъ и для меня, то разскажу я вамъ объ ономъ нѣсколько подробнѣе.

Сей извѣстный въ свѣтѣ послѣдній обладатель знаменитаго полуострова Крыма, по уступленіи намъ на вѣкъ своего владѣнія, жилъ до сего въ Воронежѣ, гдѣ довольствованъ онъ былъ всѣмъ возможнымъ изобиліемъ и доставляемо было ему всякое успокоеніе; но около сего времени, неизвѣстно уже для чего, высочайшей волѣ нашей тогдашней императрицы угодно было приказать перевесть его изъ Воронежа въ Калугу и тамъ для жительства построить ему особый домъ и доставлять также всѣ житейскія выгоды. Носилася тогда молва, что нѣкоторый родъ притѣсненія терпѣлъ онъ отъ имѣвшаго тогда уже во всемъ великую власть извѣстнаго князя Потемкина, за чтото его нелюбившаго и старавшагося всячести недопустить его до двора императрицы, чего онъ съ великою ревностью добивался. Но какъ бы то ни было, но велѣно было, при тогдашнемъ его переѣздѣ изъ Воронежа въ Калугу, оказывать ему вездѣ особенную честь, какъ бывшему владѣющему государю; выставлять вездѣ подъ него и свиту его до ста подводъ и вездѣ его встрѣчать и провожать исправникамъ и городничимъ, и вездѣ доставлять возможнѣйшее успокоеніе. А для всѣхъ нужныхъ распоряженій къ тому и для встрѣчи его на границахъ нашего намѣстничества и отправленъ былъ отъ намѣстника, какъ помянуто, адъютантъ г. Комаровъ.

Какъ видно, сему хану, между прочимъ, назначена была станція и у насъ въ Богородицкѣ и по зимнему тогда холодному времени во всемъ городѣ нашемъ не было лучшей и спокойнѣйшей для его квартеры, кромѣ моего дома, то и прислано было ко мнѣ помянутымъ адъютантомъ повелѣніе, чтобъ я, ни мало не медля, очистилъ и опросталъ домъ свой для пре-

быванія сей знаменитой особы, а для свиты его приготовилъ бы тѣ комнаты во флигелѣ дворца нашего, гдѣ живали до сего судьи наши, съ присовокупленіемъ, чтобъ я съ моей стороны постарался доставить ему при проѣздѣ его всѣ выгоды.

Неожидаемое сіе повелѣніе перетревожило меня и всѣхъ моихъ домашнихъ до чрезвычайности, и тѣмъ паче, что какъ прибытіе хана ожидаемо было уже въ скоромъ времени, то надлежало намъ, ни минуту не медля, перебираться совсѣмъ куда-нибудь изъ своего дома и очищать ему оный для квартеры. А куда-бъ намъ дѣваться—мы не знали и не вѣдали. Но какъ отстраниться отъ сего повелѣнія и неисполнить его ни какимъ образомъ было не можно, то и нѣхотя принуждены были тотчасъ начать сіе дѣло и перебираться со всѣми моими домашними въ дома канцелярскихъ моихъ служителей, утѣшаясь по крайней мѣрѣ тою мыслью, что сіе опростаніе дома нашего будетъ не надолго. Итакъ, ну-ка мы скорѣе все прибирать и все нужное перевозить въ домъ къ секретарю моему Щедилову и къ Ломакину, а иныя вещи, собравъ въ заднія комнаты, запирать. Что-жъ касается до моего кабинета, то не разсудилъ я за нужное его опрастывать, а прибравъ его сколько-нибудь, остался въ немъ самъ какъ хозяинъ для пребыванія, ибо нужно было, чтобъ не находилось въ домѣ никакихъ женщинъ.

Едва мы все очистили и опростали, какъ и началось уже шествіе. Сперва, именно 14-го января, пріѣхалъ обозъ ханскій и нѣсколько человѣкъ изъ знаменитыхъ его чиновниковъ. Былъ тутъ, во-первыхъ, одинъ князь или мирза, бывшій у него государственнымъ казначеемъ; во-вторыхъ, такъ называемый ефенди, наиглавнѣйшая духовная особа; въ-третьихъ, ханскаго корабля капитанъ-ага; въ-четвертыхъ, секретарь ханскій, далѣе мола или попъ ханскій, и еще одинъ знатный татаринъ, и человѣкъ двадцать прочихъ нижнихъ служителей. Всѣмъ симъ отведена была квартира въ помянутомъ каменномъ дворцовомъ флигелѣ, гдѣ не успѣли они расположиться, какъ изъ любопытства пошолъ я къ нимъ для сдѣланія визита. Было это въ первый разъ въ жизни, что я имѣлъ случай видѣть татаръ; сей народъ, бывшій до сего только враждебный и бѣдственный для нашего отечества, но тогда нами въ подданство приведенный. Я смотрѣлъ на нихъ и на всѣ обряды, одежды и обыкновенія ихъ съ примѣчательнымъ окомъ и съ особенными душевными чувствіями. Они приняли меня довольно вѣжливо и обходились съ нами весьма учтиво и ласково, подчивали меня, по обыкновенію своему, трубкой съ табакомъ, въ которыя нашолъ я ихъ курящихъ, и разговаривали со мною кое-о-чемъ чрезъ переводчика. Мнѣ показались они людьми неглупыми, и я всѣмъ поведеніемъ ихъ былъ весьма доволенъ и съ такимъ любопытствомъ смотрѣлъ на разныя ихъ одежды, что, по отъѣздѣ ихъ, могъ по памяти сухими красками нарисовать видъ и образъ ихъ ефендія, такъ какъ онъ былъ тогда въ волчурѣ; которое изображеніе, очень сходное съ его лицемъ, хранится у меня и по-нынѣ еще въ цѣлости.

Какъ господа сіи у насъ тогда только пообѣдали, а потомъ тотчасъ отправились въ дальнѣйшій путь, то имѣлъ я случай видѣть и образъ ихъ обѣдовъ. Всѣ они, человѣка по четыре въ кучкѣ, усѣлись, по обыкновенію своему, поджавъ ноги, на полу, и приготовленное по ихъ манеру ихъ поварами кушанье приносимо было и уставляемо, вмѣсто столовъ, на большихъ круглыхъ деревянныхъ подносахъ, и поставляемо посреди каждой кучки, съ которыхъ они, безъ тарелокъ и ножей, по-своему, большею частью руками, яствы брали и ѣли.

Проводивъ отъ себя сію первую партію, стали мы дожидаться пріѣзда самого хана. И дабы намъ можно было успѣть его встрѣтить, то выслалъ я нарочнаго, въ одно наше волостное село, верстъ за 20 отъ насъ, по дорогѣ къ Воронежу

отстоящее, и велѣлъ тотчасъ скакать ко мнѣ съ извѣстіемъ, какъ скоро ханъ туда пріѣдетъ. Но пріѣздъ его нѣсколько замѣшкался, и далеко не воспослѣдовалъ такъ, какъ мы думали. Весь тотъ и послѣдующій день прошолъ въ тщетномъ ожиданіи. Наконецъ въ ночь, подъ 16-е число, прискакалъ ко мнѣ мой посланный съ извѣстіемъ, что ѣдетъ госпожа Лашкарева, жена находившагося при намѣстнической нашей канцеляріи совѣтника, и что будетъ стоять въ моемъ домѣ. Сіе припудило меня скорѣе вставать и одѣваться, и бѣжать дожидаться ее, вмѣстѣ съ княземъ, нашимъ городничимъ, въ моемъ домѣ. Госпожа сія пріѣхала къ намъ еще до-свѣта, и расположившись тутъ, спала нѣсколько часовъ; а потомъ, напившись чаю и кофе, поѣхала далѣе. Съ нею было только пятеро дѣтей и двѣ служанки, и всѣ онѣ были гречанки, какъ и самая госпожа ихъ, и тутъ имѣлъ я случай видѣть греческое женское одѣяніе, которое мнѣ довольно полюбилось.

О ханѣ между тѣмъ получали мы многія разныя и все недостовѣрныя извѣстія. Наконецъ писали намъ, что онъ 17-го числа выѣдетъ изъ Воронежа и будетъ въ Тулу на другой день къ обѣду, и чтобъ мы дожидались его ночью. Однако, мы прождали сей и послѣдующій день по-пустому, и сіе тщетное ожиданіе было для насъ уже и скучненько. Домашніе мои, переугорѣвъ въ своихъ квартирахъ и отъ претерпѣваемаго ими разнаго безпокойства, переѣхали къ намъ ближе въ связь, гдѣ жила старушка казначейша Петрова, и болѣе для того, что всѣ думали и твердили, что ханъ не выходитъ нигдѣ изъ кареты, ѣдетъ очень скоро и у насъ въ Богородицкѣ едва ли остановится.

Наконецъ, 19-го числа, въ третьемъ часу по-полудни, прискакалъ къ намъ первый курьеръ съ извѣстіемъ, что ѣдутъ его передовые, которые вскорѣ послѣ его вмѣстѣ съ ханскою кухнею и пріѣхали. Сіе опять всѣхъ насъ перетревожило. Городничій нашъ поскакалъ, съ своими драгунами, ему на встрѣчу, а я распоряжалъ къ пріему его все нужное въ квартирѣ. А немного погодя, пріѣхалъ наконецъ и самъ, его свѣтлость ханъ. Мы, со всѣми нашими судьями и множествомъ сбѣжавшагося народа, встрѣтили его у крыльца моего дома, и я провелъ его въ свою гостинную, гдѣ онъ разоблачился, и скинувъ свою соболью шубу и съ головы шаль, которою былъ окутанъ, остался въ одно́мъ своемъ длинномъ, носильномъ платьѣ, похожемъ весьма на монашескую ряску или полукафтанье, а и шапка на немъ осталась во всемъ подобная монашеской камилавкѣ, съ тою только разницею, что сшита была изъ наимельчайшихъ черныхъ овчинокъ. Теплый мой и спокойный домикъ такъ ему полюбился, что онъ тотчасъ сказалъ пріѣхавшему съ нимъ вмѣстѣ г. Лашкареву, что онъ вознамѣрился здѣсь взять отдохновеніе и переночевать, и въ дальнѣйшій путь отправится уже наутріе. На что̀ онъ ему отвѣчалъ, что это будетъ очень кстати, поелику коляски, въ которыхъ ѣхали его чиновники, по дурнотѣ тогдашнихъ зимнихъ дорогъ и по ухабамъ, такъ изломались, что ихъ доводится бросить и доставать вмѣсто ихъ зимнія кибитки.

Не успѣли всѣ узнать, что ханъ расположился у насъ ночевать, какъ всѣ наши судьи ему откланялись, и остался съ нимъ одинъ только я, какъ хозяинъ, и г. Лашкаревъ, что̀ мнѣ было въ особливости пріятно, поелику я получилъ случай не только насмотрѣться на него, сколько мнѣ было угодно, но съ нимъ вступилъ и въ разговоръ. Онъ показался мнѣ еще очень нестарымъ и не болѣе какъ лѣтъ 35 или 40. Собою былъ высокъ, сухъ и худъ, и точно какъ монахъ, весь въ черномъ платьѣ, но видъ имѣлъ пріятный, и всѣ черты лица его означали въ немъ разумъ острый и великій. Онъ сѣлъ тотчасъ для отдохновенія на наше канапе́, по обыкновенію нашему, а не по азіатскому, а въ тотъ же почти мигъ камердинеръ его, французъ, поднесъ ему кофе, стоя предъ нимъ на колѣнахъ. Я

удивился сему обыкновенію, также и тому, какъ онъ курилъ табакъ изъ трубки, поданной ему послѣ кофе. Сія была обыкновенная глиняная, турецкая, съ предлиннымъ чубукомъ, и ханъ курилъ изъ нея, вставши уже съ канапе и расхаживая по комнатѣ, и особливость куренія его была та, что онъ, курнувъ не болѣе разовъ трехъ или четырехъ, пускалъ потомъ изо рта такое великое множество дыма, что весь онымъ обнимался, и трубка выкуривалась уже вся и подавали ему чрезъ нѣсколько минутъ уже другую.

Между тѣмъ, какъ онъ, куря свою трубку, расхаживалъ по комнатѣ, разговаривалъ онъ съ г. Лашкаревымъ по-французски, и смѣялся, и шутилъ надъ нимъ по поводу, что случилась съ нимъ бѣдушка, и онъ, подъѣзжая къ Богородицку, упалъ въ снѣгъ, при случаѣ изломавшейся его коляскѣ, и потерялъ свои золотые часы, говоря, что онъ желалъ бы душевно, чтобъ часы его найдены были послѣ какимъ-нибудь бѣднымъ человѣкомъ, которому бы они очень пригодились. Я любовался духомъ, слыша сіи слова, изображающія черту его благодушія, однако не разсудилъ за благо давать имъ знать, что я разумѣю по-французски, а самое сіе и побудило хана, желавшаго вступить со мною въ разговоръ, начать со мною говорить по-русски, хотя сіе не прежде онъ учинилъ, какъ обозрѣвшись и увидѣвъ, что насъ было въ комнатѣ только трое; ибо при прочихъ не говорилъ онъ инако, какъ по-татарски и по французски. Я удивился услышавъ, что онъ изряднёхонько говорилъ по-русски, чего мы до того никакъ не знали. Онъ распрашивалъ меня, весьма благопріятнымъ образомъ, о нашей волости, о дворцѣ и много кое-о-чемъ о прочемъ. И какъ я примѣтилъ, что былъ онъ весьма любопытный и свѣдующій о многомъ человѣкъ, то мало-по-малу завелъ я его въ разговоры о разныхъ матеріяхъ, продолжавшихся болѣе часа и съ такимъ съ обѣихъ сторонъ удовольствіемъ, что я его душевно полюбилъ. И какъ мнѣ восхотѣлось нарисовать для себя и его видъ и оставить у себя вмѣсто памятника, то, желая ближе его разсмотрѣть и позамѣтить всѣ черты и примѣты лица его, и пришла мнѣ мысль употребить къ тому небольшую хитрость, а именно: я довелъ рѣчь до нашихъ садовъ и удивительныхъ песковъ мраморныхъ и вздумалъ поднести ему ящичекъ съ наилучшею коллекціею сихъ песковъ въ подарокъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, что когда онъ станетъ ихъ разсматривать и имъ дивиться, могъ бы я въ самой близи, держучи предъ нимъ ящичекъ, разсматривать и замѣчать въ умѣ всѣ черты лица его, что мнѣ, по желанію, и удалось. Ибо какъ онъ любопытенъ былъ пески наши видѣть, то побѣжалъ я тотчасъ въ свой кабинетъ и принесъ ему свою коллекцію, которую многія минуты разсматривалъ онъ съ особливымъ любопытствомъ и удовольствіемъ, и признавался, что составляютъ они самую рѣдкость въ натурѣ; а я между тѣмъ имѣлъ довольно времени разсматривать черты лица его и замѣтить столь живо въ своей памяти, что, по отъѣздѣ его, въ состояніи былъ заочно нарисовать сухими красками его портретъ, столь на него похожій, что всѣ татары, заѣзжающіе послѣ его ко мнѣ, тотчасъ узнавали, что это портретъ ихъ хана, и дивились, какъ я могъ заочно и такъ хорошо потрафить. Онъ и дѣйствительно нарочито былъ на него похожъ, и картина сія украшаетъ и понынѣ еще за стекломъ стѣны моей гостинной и служитъ памятникомъ тогдашнему времени и происшествію.

Ханъ принялъ отъ меня прекрасный ящичекъ сей въ подарокъ съ отмѣннымъ благоволеніемъ и вскорѣ послѣ того, раскланявшись съ нами, пошолъ спать въ мою спальню, гдѣ для него служителями его приготовлена была постель; а я съ г. Лашкаревымъ, вышедъ въ залъ, нашолъ ее всю наполненную табачнымъ дымомъ, произведеннымъ трубками, куримыми ханскими приближенными чиновниками. Въ числѣ ихъ былъ первый его министръ Зеидъ-ефенди, о кото-

ромъ говорили, что онъ былъ весьма ученый и разумный человѣкъ; другой—былъ его дворецкій, также человѣкъ весьма неглупый и любопытный; третій—адъютантъ, братъ казначейскій, и нѣсколько человѣкъ другихъ; и между прочимъ и молодые, нѣкоторый родъ ханскихъ пажей; но всѣхъ ихъ было не слишкомъ много. Упражненіе ихъ состояло въ питіи чая и кофе и куреніи табака, а нѣкоторые отдыхали. Изъ нашихъ же, ѣхавшихъ съ нимъ, кромѣ г. Лашкарева, безотлучнаго при немъ пристава, былъ помянутый намѣстническій адъютантъ г. Комаровъ и еще одинъ полковникъ-нѣмецъ изъ Воронежа. Со всѣми ими я познакомился скоро, и будучи ласкою ихъ доволенъ и поговоривши съ ними нѣсколько минутъ, оставилъ ихъ брать себѣ покой и удалился къ домашнимъ моимъ на квартиру.

По-утру вставши, спѣшилъ я опять иттить къ гостямъ, думая, что ханъ поѣдетъ отъ насъ скоро, однако, нашолъ его еще спящимъ, или, по крайней мѣрѣ, не выходившаго еще изъ его спальни, гдѣ и, вставши, отправлялъ онъ свои утреннія молитвы, и какъ сказывали мнѣ, съ великимъ усердіемъ и стоючи на колѣняхъ.

Пребываніе его въ спальнѣ продлилось очень долго и до самого обѣденнаго стола. Да и сей имѣлъ онъ тамъ же, и мы только видѣли носимое туда на серебреныхъ блюдахъ и въ таковыхъ же мискахъ кушанье, и чѣмъ онъ тамъ все утро занимался, того не знали. Между тѣмъ старался я угостить по-своему нашихъ русскихъ, бывшихъ съ нимъ, подорожнему приготовленнымъ для нихъ въ задней комнатѣ обѣдомъ; татарскихъ же чиновниковъ его—занимать всякими разговорами и показываніемъ имъ своей иллюминаціи и картинъ; и они всѣ казались были очень довольными. Всѣ они въ сіе утро переодѣлись и надѣли наилучшее свое платье, и я, смотря на особый покрой оныхъ и на разныя ихъ шапки, и сравнивая тогдашнее ихъ состояніе съ состояніемъ прежнимъ, а особливо въ вѣка прешедшіе, не одинъ разъ помышляя, самъ себѣ говорилъ: «было время, что куртки, шаровары и шапки сіи нагоняли собою страхъ и ужасъ на нашихъ русскихъ, и предки наши не инако, какъ со страхомъ и трепетомъ и благоговѣніемъ, на нихъ сматривали; да и недавно еще не такъ-то было, господа сіи со мною обходились, какъ теперь; но если-бъ по какому-нибудь несчастному случаю случилось мнѣ также, какъ моему прапрадѣду, попасться къ нимъ въ Крымъ и находиться подъ ихъ властью! Ахъ! все на свѣтѣ подвержено измѣненію и превратностямъ. Нѣкогда было ихъ время, а теперь наступило наше! А впредь что будетъ — единому Богу извѣстно!»

Ханъ не прежде изъ спальни своей въ гостинную вышелъ, какъ предъ самымъ уже отъѣздомъ, и когда уже все дорожное его платье, а особливо чорная его изъ наитончайшей матеріи шаль, которою онъ обыкновенно, при выходѣ въ публику, увертывалъ и голову, и шапку, такъ что видимою оставалась малая только часть лица его, — была уже готова. Къ сей шали чиновники его оказывали особенное почтеніе, и я съ любопытствомъ смотрѣлъ, какъ они, съ великимъ благоговѣніемъ, ее растягивали, распрямливали, вытрясали изъ нея пыль и свертывали. И дивился сему ихъ обряду. Далѣе обращалъ вниманіе мое плоской оловянный сосудъ, наполненный горячею водою и завинченный шурупомъ, который служители ханскіе приготовляли и брали съ собою въ дорогу. Вода сія нужна была хану для обыкновенныхъ ихъ обмываній, которыя составляютъ у нихъ существенную часть ихъ религіи и отправляютъ всякій разъ предъ начинаніемъ молитвъ, отправляемыхъ ими пять разъ въ сутки.

Вышедши изъ спальни, ханъ уже не долго у насъ пробылъ, но, поговоривъ нѣсколько минутъ съ г. Лашкаревымъ и со мною, сталъ въ путь свой собираться и укутываться. Въ самое сіе время вызвалъ меня г. Лашкаревъ, вмѣстѣ съ нашимъ городничимъ, въ залу, и тутъ,

отъ лица ханскаго, одарилъ меня за угощеніе подарками — меня золотыми прекрасными часами, а для жены и дочери моей—двумя кусками прекрасной шелковой дорогой матеріи, а городничаго нашего—золотою табакиркою, рублей во сто. Насъ сіе не мало удивило, ибо мы хотя и слышали, что ханъ вездѣ и всѣхъ одаривалъ во время своего проѣзда, но никакъ не ожидали, чтобъ подарки были такъ знамениты, и едва успѣли возблагодарить за то хана, шедшаго уже мимо насъ садиться въ свою карету.

Симъ образомъ проводили мы сего почтеннаго гостя, и я пожелалъ ему искренно счастливаго пути и всякаго благополучія въ продолженіи его жизни. Но желаніе мое не совершилось! Но я чрезъ нѣсколько времени услышалъ, что ему и въ Калугѣ князь Потемкинъ не допустилъ окончить жизнь свою спокойно, но довелъ его наконецъ до того, что онъ сталъ проситься объ увольненіи его къ своимъ одновѣрцамъ въ Турецію. Куда его проводили, хотя со всею подобающею честью и отдали съ рукъ на руки туркамъ, но у сихъ не нашолъ онъ того счастья, которымъ ласкался, но былъ чрезъ нѣсколько времени отъ султана сосланъ на одинъ островъ въ ссылку, и тамъ, по приказнію его, удавленъ. Я услышалъ о семъ, пожалѣлъ искренно о семъ добродушномъ и достойномъ лучшей участи несчастномъ владѣльцѣ.

Теперь, возвращаясь къ прерванной нити моей исторіи, скажу, что не успѣли мы сжить съ рукъ своихъ сихъ неожиданныхъ гостей и перебраться опять въ домъ свой, какъ и начали мы помышлять о московской своей ѣздѣ, откуда хотѣлось намъ съѣздить и въ Кашинъ и побывать у моихъ племянницъ. Итакъ, препроводивъ нѣсколько дней въ сборахъ и разныхъ занятіяхъ и угощеніяхъ пріѣзжаемыхъ къ намъ кой-какихъ гостей и отпраздновавъ день имянинъ моей тещи, наконецъ 28-го числа генваря въ сей путь и отправились.

Ѣздилъ я въ сей разъ въ Москву съ женою, обѣими старшими моими дочерьми и сыномъ, а меньшія дѣти оставались съ ихъ бабушкою въ Богородицкѣ. На пути семъ, проѣзжая чрезъ Тулу, были мы у жены г. Давыдова, моего командира, принявшей, противъ обыкновенія, жену мою очень ласково и пріятно, а продолжая свой путь, заѣзжали къ роднымъ нашимъ въ Федешево. И повидавшись съ ними и переночевавъ у нихъ, на другой день заѣхали въ свое Дворениново. И какъ было тогда зимнее время и дѣлать намъ было нечего, то и тутъ, отъужинавъ у сосѣдки нашей Марьи Петровны, вмѣстѣ съ случившимися тутъ быть господами Челищевыми, переночевали только одну ночь, спавши въ первый разъ въ своихъ маленькихъ хоромцахъ. Ибо какъ большой нашъ домъ во время отсутствія нашего началъ приходить уже въ ветхость и дѣлаться къ жилью и топкѣ неспособнымъ, то въ теченіе еще минувшаго лѣта разсудилось намъ велѣть перевесть изъ жениной деревни Коростиной крѣпкую половину ихъ тамошнихъ хоромцовъ, и прирубивъ къ ней еще покойца два, построить тутъ же возлѣ, на дворѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли старинные хоромы, маленькій домишко для нашего пріѣзда и временнаго пребыванія. И какъ сей домикъ былъ тогда уже совсѣмъ готовъ и для нашего пріѣзда истопленъ, то мы въ немъ впервые и ночевали, а по-утру, отобѣдавъ и пустившись въ дальнѣйшій путь и переночевавъ въ Серпуховѣ у знакомаго своего купца Квасникова, наконецъ 2-го числа февраля пріѣхали въ Москву и остановились въ сей разъ въ пріисканной и нанятой уже для насъ квартирѣ, въ Зарядьѣ, въ приходѣ у Николы Мокраго, въ каменномъ старинномъ домикѣ, принадлежащемъ господамъ Арбузовымъ.

Симъ кончу я сіе письмо, предоставивъ повѣствованіе о московскомъ пребываніи письму будущему, скажу между тѣмъ, что я есмь вашъ, и проч.

(Октября 3-го дня 1810 года).

Письмо 226.

Любезный пріятель! Пребываніе наше въ сей разъ въ Москвѣ продлилось долѣе, нежели мы думали. Мы ѣхали въ нее на короткое время и съ тѣмъ, чтобъ съѣздить изъ ней, хотя на сутки, къ племянницамъ моимъ въ Кашинъ; но отъ сей ѣзды избавились тѣмъ, что нашли ихъ пріѣхавшихъ въ Москву, чему мы обрадовались много. А какъ между тѣмъ, мы исправляли свои нужды, возвратился изъ Петербурга командиръ мой г. Давыдовъ, то получилъ я отъ него дозволеніе пробыть въ ней и всю масляницу. Итакъ, мы прожили до самой первой недѣли великаго поста и возвратились изъ ней уже въ концѣ февраля мѣсяца.

Во все время сего пребыванія не случилось съ нами никакихъ чрезвычайныхъ и такихъ случаевъ, которые бы заслуживали особеннаго упоминанія, а коротко скажу, что мы не сидѣли почти ни одинъ день дома безъ дѣла, а безпрерывно, либо исправляли свои надобности покупаніемъ разныхъ намъ надобныхъ вещей, либо разъѣзжали по всѣмъ прежнимъ нашимъ друзьямъ и знакомымъ, равно какъ ихъ, пріѣзжающихъ иногда къ намъ, у себя принимали и угащивали. Впрочемъ, какъ наиглавнѣйшая наша надобность состояла въ томъ, чтобъ выучить среднюю дочь мою Настасью танцовать, то съ самого пріѣзда постарались мы пріискать танцмейстера, и, нанявъ онаго, сіе дѣло исправили и ее сему искусству столько научили, сколько требовала необходимая надобность.

Командиръ мой возвратился изъ Петербурга вскорѣ послѣ нашего пріѣзда, и я, поспѣшивъ къ нему, стоявшему въ домѣ отца своего, имѣлъ удовольствіе узнать, что пребываніе его въ Петербургѣ было хотя самое кратковременное и онъ хотя самъ не получилъ ничего отъ императрицы, для чего онъ наиболѣе ѣздилъ, и едва ли удалось ему ее видѣть, но мнѣ разсказалъ, что успѣлъ будто сдѣлать одолженіе и, по обѣщанію своему, сына моего не только выпросить въ сержанты, но заочно ввести его и въ дѣйствительную службу. Симъ увѣреніемъ своимъ обрадовалъ онъ не только меня, но и все мое семейство, и 9-е число февраля, въ которое мы о семъ узнали, было для насъ очень радостнымъ. Однако, послѣ открылось, что все сіе было неправда, и онъ сохвасталъ, и ему ничего въ пользу его тогда не удалось сдѣлать, и радость наша была по-пустому.

Далѣе помню я, что сему сыну своему удалось мнѣ показать невиданныя имъ еще всѣ натуральныя и искусственныя рѣдкости, находящіяся въ домѣ г. Демидова. Вновь пріобрѣтенный нами знакомецъ Лука Семеновичъ Емельяновъ, будучи знакомъ въ семъ домѣ, доставилъ намъ сей случай и свозилъ насъ въ сей домъ, въ отсутствіе хозяина, и мы всё-всё пересматривали, сколько хотѣли; чѣмъ и доставилъ я сыну своему превеликое удовольствіе.

Въ разсужденіе старшей моей дочери льстились-было мы надеждою, не произойдетъ ли какое сватовство, поелику былъ тогда въ Москвѣ и г. Каверинъ, съ своимъ сыномъ, и мы съ нимъ видались. Но скоро увидѣли, что ничему не бывать, и что у нихъ свататься на умѣ не было. Итакъ, имѣла она только случай нѣсколько разъ побывать опять съ сестрами своими въ маскарадахъ и въ театрѣ, а впрочемъ, не разъ ѣзжала съ нами по гостямъ разнымъ и спознакомливалась часъ-отъ-часу больше со свѣтомъ.

Кромѣ прежнихъ нашихъ знакомыхъ живущихъ въ Москвѣ, были мы нѣсколько разъ и у прежняго моего подкомандующаго Петра Алексѣевича Верещагина, продолжающаго съ нами прежнее знакомство и дружбу; также къ госпожѣ Олицовой; другу и куму моему Василію Ѳедоровичу Шушерину и къ другимъ многимъ, случившимся тогда быть въ Москвѣ.

Съ пріятелемъ моимъ, издателемъ моего «Экономическаго Магазина», Николаемъ Ивановичемъ Новиковымъ я также

не одинъ разъ видѣлся и бывалъ всегда осыпаемъ отъ него ласками и благопріятствомъ. Онъ во всю мою бытность нѣсколько разъ покушался заманить къ себѣ на вечеринку, но я, вѣдая какія онѣ у него бывали, оттого по-прежнему поотклонялся. А кромѣ дѣлъ нашихъ по «Магазину», вручилъ ему еще переводъ свой «Герфортъ и Клара», для напечатанія; однако, сіе учинить ему какъ-то не удалось, а онъ затерялъ только сей мой переводъ и сдѣлалъ то, что труды мои пропали тщетно.

Не одинъ разъ видѣлся я также и съ прежнимъ моимъ издателемъ и знакомцемъ г. Ридигеромъ и опять накупилъ у него нѣсколько книгъ нѣмецкихъ и французскихъ. Впрочемъ, памятно мнѣ, что я въ сію мою бытность купилъ въ рядахъ и тотъ прекрасный микроскопъ, которымъ впослѣдствіи времени мы такъ много утѣшались; а для ѣзды себѣ новую четвероместную карету, ибо прежняя уже поизъѣздилась.

Симъ образомъ въ разныхъ занятіяхъ и сколько съ одной стороны въ разныхъ увеселеніяхъ, а съ другой—въ безпрерывныхъ хлопотахъ и безпокойствахъ, проживши въ Москвѣ съ цѣлый мѣсяцъ и растерявъ въ ней нѣсколько сотъ рублей, пустились мы 24-го февраля въ обратный путь. И заѣхавъ опять въ свое Дворениново, повидались съ братомъ Михаиломъ Матвѣевичемъ и переночевавъ тутъ, заѣзжали опять на перепутьи въ Фелешево, а въ Тулѣ, побывавъ у командира своего, наконецъ въ послѣдній день февраля, возвратились благополучно въ Богородицкъ и обрадовали остававшихся тутъ родныхъ нашихъ своимъ пріѣздомъ.

Тутъ, разобравшись и повидавшись со всѣми нашими городскими пріятелями и знакомцами, не успѣлъ я еще порядочно отдохнуть и едва только присѣсть и приняться за продолженіе своего «Магазина», какъ потребовали меня опять по нѣкоторымъ волостнымъ надобностямъ въ Тулу, и какъ дорогѣ случилось быть опять прескверной и отъ бывшей, въ первыя числы марта, оттепели испортившейся, то претерпѣлъ и въ сію короткую поѣздку опять превеликое безпокойство. А что того хуже и для меня досаднѣе было, что не успѣлъ я возвратиться домой и пробыть тутъ одни сутки, къ превеликому огорченію моему, получилъ я повелѣніе, чтобъ опять скакать въ Тулу. Тогда призывалъ меня къ себѣ мой командиръ, а въ сей разъ, пріѣхавшій на самое короткое время въ Тулу, самъ намѣстникъ. Что̀ было дѣлать! Хотя крайне не хотѣлось, но принужденъ былъ велѣть опять запрягать лошадей и поспѣшать въ Тулу заставать намѣстника. Но какъ ни спѣшилъ, но, пріѣхавъ въ Тулу, услышалъ, что намѣстникъ часовъ тольза пять до моего пріѣзда уѣхалъ въ Калугу. Господи! какая тогда чувствуемая была мною досада. Г. Давыдовъ сказывалъ мнѣ, что намѣстнику неотмѣнно со мною, и надобно было, и хотѣлось видѣться, и потому совѣтовалъ мнѣ подхватить почтовыхъ лошадей и пуститься скорѣе вслѣдъ за нимъ. «Можетъ быть, говорилъ онъ, не застанете-ль вы его на заводѣ, находящемся на дорогѣ. Онъ хотѣлъ тамъ у заводчика обѣдать, а не то, вы должны будете ѣхать къ нему въ Калугу». Что было дѣлать! Принужденъ былъ, послѣдуя его совѣту и подхватя почтовыхъ въ бездѣльной кибитчонкѣ, гнать по сущей бездорожицѣ вслѣдъ за онымъ. Но не досада ли еще вящая? Какъ мы съ ямщикомъ ни напрягали всѣхъ своихъ силъ и какъ ни гнали лошадей, но, прискакавъ на заводъ, услышали, что намѣстникъ только что оттуда и не болѣе какъ за полчаса выѣхалъ.

Не могу изобразить, сколь прискорбно было тогда сіе для меня извѣстіе. Но какъ вся досада моя мнѣ ни мало не помогала и не оставалось другаго средства, какъ ѣхать вслѣдъ за нимъ въ Калугу, то вооружился я терпѣніемъ и поѣхалъ уже тише и, переночевавъ на дорогѣ, поднялся со свѣтомъ вдругъ и пустился далѣе. Но сіе путешествіе чуть-было не сдѣлалось мнѣ бѣдственно, и я спустившись на Оку-рѣку, чуть-было въ ней не утонулъ. Отъ бывшей тогда ранновременной оттепели, она такъ испортилась и

сдѣлалась опасна, что если бы не остерегла меня ѣхавшая предо мною и провалившаяся какая-то кибитка, то купаться бы и мнѣ въ струяхъ ея. Но мы, увидѣвъ сіе бѣдствіе, ну-ка скорѣе назадъ, да на берегъ, и поѣхали уже нагорною стороною, не смотря на всю тогдашнюю бездорожицу, и съ превеликимъ трудомъ доѣхали къ вечеру въ Калугу.

Поутру явившись къ намѣстнику, имѣлъ я съ нимъ долговременный переговоръ. Онъ ѣздилъ также въ Петербургъ и, только-что оттуда возвратившись, привезъ съ собою множество поводовъ къ новымъ и разнымъ мнѣ повелѣніямъ, относящимся къ волостямъ нашимъ, и я принужденъ былъ опять на квартерѣ много, по его приказанію, писать и изготовлять къ подписанію его бумаги. И отобѣдавъ у него, трудился въ томъ же другой разъ до поту лица своего и на-силу-на-силу успѣлъ все кончить и получить то, по крайней мѣрѣ, удовольствіе, что онъ, видя самъ разрушающійся уже совсѣмъ путь, не сталъ меня долѣе задерживать, но въ тотъ же день передъ вечеромъ отпустилъ. И тутъ, надобно-жъ, къ пріумноженію моей досады, случиться, что на ту пору не могъ я отыскать себѣ и лошадей ямскихъ и ихъ на силу отыскали мнѣ къ свѣту; но тогда не сталъ я уже ни минуты медлить. По случившемуся морозку перелетѣли верстъ 50 до обѣда; но какъ ни спѣшили мы, но не успѣли въ тотъ день доѣхать до Тулы, и я, соснувъ нѣсколько на дорогѣ, прискакалъ уже въ оную къ свѣту, и какъ, по счастью, въ тотъ разъ меньшой мой командиръ случился быть гдѣ-то въ отлучкѣ, то, обрадовавшись тому, не сталъ я въ Тулѣ ничего уже мѣшкать и успѣлъ на новыхъ лошадяхъ еще въ тотъ же день кое-какъ къ ночи дотащиться въ Богородицкъ.

Тутъ радъ я былъ, что добрался, по крайней мѣрѣ, до совершенной половоди до мѣста, и какъ вскорѣ послѣ того путь нашъ совершенно рушился, то успокоился я, надѣясь, что меня вновь никуда опять не потурбачутъ.

Таковая частая волокита и безпокойство начинали мнѣ становиться часъ-отъ-часу тягостнѣе и скучнѣе, и я не радъ уже былъ, что намѣстникъ нашъ слишкомъ прилѣпился къ нашимъ волостямъ и занимался толь многими, относящимися до нихъ, затѣями и дѣлами, изъ которыхъ многія были ни мало не нужны.

Не успѣлъ я отдохнуть и нѣсколько собраться съ духомъ, какъ наступившая половодь опять переполнила весь духъ мой множествомъ заботъ, а тѣло мое подвергла безпокойствамъ новымъ. Нѣсколько дней сряду принужденъ былъ ѣздить по прудамъ и денно и ночно заботиться о томъ, чтобъ ихъ половодью не прорвало, но, по счастью, они въ сей разъ опять уцѣлѣли всѣ, и я успокоился духомъ при прошествіи съ миромъ оной.

Но тутъ начала открываться весна и новые для меня поводы къ трудамъ, заботамъ и безпокойствамъ. Вездѣ надлежало отчасти продолжать старыя, отчасти начинать новыя работы; но какъ сіи сопряжены были для меня съ душевнымъ, по охотѣ моей къ садамъ, удовольствіемъ, то всѣ труды мои по прожектамъ были для меня уже не такъ тягостны, какъ проклятыя ѣзды и волокиты.

Въ сихъ ежедневныхъ надворныхъ работахъ, по отпразднованіи нашей Святой недѣли, препроводилъ я не только весь апрѣль, но и май мѣсяцъ, производя въ дѣйство многія новыя затѣи, относящіяся до дальнѣйшихъ украшеній садовъ нашихъ, однако, не упуская притомъ коекогда и кабинетныя упражненія, а также продолженіе своего писанія «Экономическаго Магазина», и въ теченіе обоихъ сихъ мѣсяцевъ случилась только надобность мнѣ съ домашними моими съѣздить за Ефремовъ на родины меньшой дочери тетки Матрены Васильевны, Александрѣ Андреевнѣ. А по возвращеніи оттуда, ѣздила жена моя съ старшею дочерью и съ сыномъ въ Лебедянь на Троицкую ярманку; я же оставался дома, для работъ, и въ концѣ мая получилъ изъ деревни своей извѣстіе, что невѣстка моя, жена брата Михаила Матвѣевича, кончила свою жизнь отъ слу-

чившейся ей болѣзни, оставивъ послѣ себя двухъ малолѣтнихъ еще дѣтей. Для всѣхъ насъ извѣстіе сіе было неожидаемо и поразительно, и тѣмъ паче, что мы недавно видѣли ее совершенно здоровою и не въ такихъ еще лѣтахъ, чтобъ можно было думать, что она такъ скоро переселится въ вѣчность. Мы, погоревавъ объ ней и пожелавъ ей вѣчнаго покоя, жалѣли болѣе о ея дѣтяхъ, оставшихся съ отцомъ, любившимъ слишкомъ рюмку и находящимся въ несостояніи воспитывать дѣтей какъ должно и какъ надобно.

Съ мѣсяцемъ іюнемъ настали для меня новыя заботы и безпокойства. Въ самомъ началѣ онаго пріѣхалъ опять въ Тулу нашъ намѣстникъ и ко мнѣ прискакалъ отъ него курьеръ, съ повелѣніемъ, чтобъ я поѣхалъ въ Тулу и привезъ къ нему рапортъ и вѣдомость о всѣхъ произведенныхъ и производимыхъ мною работахъ.

Итакъ, принужденъ былъ я ѣхать въ Тулу и опять, по случившемуся около сего времени ненастью, тащиться по лужамъ грязи. Намѣстникъ принялъ меня по-прежнему очень милостиво, разспрашивалъ обо всѣхъ работахъ, былъ вѣдомостью моею доволенъ, велѣлъ остаться у себя обѣдать, а потомъ, давъ кое-какія повелѣнія, въ тотъ же день отпустилъ меня обратно, сказавъ, между прочимъ, чтобъ я дожидался его къ себѣ и что онъ въ томъ же еще мѣсяцѣ намѣренъ, при объѣздѣ городовъ, побывать и у насъ въ Богородицкѣ.

Сіе и исполнилъ онъ дѣйствительно, и 24-го іюня воспослѣдовало его къ намъ прибытіе. Какъ онъ заѣхалъ къ намъ изъ Епифани и мы о скоромъ прибытіи его были предувѣдомлены, то выѣзжалъ я къ нему на встрѣчу за нѣсколько верстъ отъ города. Онъ обошелся и въ сей разъ со мною очень благосклонно и въ тотъ же еще день обходилъ со мною весь садъ и былъ всѣми моими дѣлами и произведенными работами весьма доволенъ.

Наутріе пріѣхалъ къ нему въ гости опять Ѳедоръ Матвѣевичъ Толстой и, по особливой ко мнѣ благосклонности, остановился въ сей разъ у меня въ домѣ, и я радъ былъ сему знаменитому и умѣющему цѣнить достоинства умному постояльцу и гостю. Превеликое ненастье помѣшало въ сей день пріѣзжимъ нашимъ гулять по садамъ, и намѣстникъ занимался во весь день городскими дѣлами.

Пребываніе его въ сей разъ у насъ въ Богородицкѣ продлилось противъ обыкновенія долѣе, нежели во всѣ прежніе разы. Цѣлыхъ пять сутокъ онъ у насъ прожилъ, которыя наибольшую часть въ гуляньяхъ по садамъ съ своими гостями. Но какъ у насъ съ нимъ все было ладно и шло хорошо, и онъ такъ ко мнѣ былъ благосклоненъ, что 26-го числа іюня удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ и у меня даже обѣдалъ, то я тѣмъ ни мало не скучалъ, хотя такое долговременное его у насъ пребываніе и было намъ, особливо моимъ домашнимъ, довольно отяготительно по безчисленному множеству хлопотъ и заботъ, которыя всѣ мы должны были имѣть относительно продовольствованія всей его свиты и доставленія слугамъ его всего нужнаго. Но всѣ сіи отягощенія съ избыткомъ услаждаемы были изъявляемымъ мнѣ отъ намѣстника всякій день новыми благоволеніями.

Наконецъ, на самый Петровъ день, отслушавъ обѣдню, отобѣдавъ и походивъ съ г. Власовымъ и со мною еще по саду, поѣхалъ онъ отъ насъ, осыпавъ меня публично при всѣхъ многими похвалами и благодареніями, и я проводилъ его съ удовольствіемъ. Но не успѣлъ онъ уѣхать, какъ весь духъ мой былъ растревоженъ при услышаніи, что и въ сей разъ мой лжедругъ, нашъ городничій, по дьявольской зависти своей, не преминулъ производить бездѣльническія клеветы и ковалъ противъ меня тайные ковы. Я, не зная за собою ничего худаго и будучи по всѣмъ отношеніямъ невиненъ, хотя и не опасался оттого никакихъ для себя вредныхъ слѣдствій, но скорбѣлъ духомъ, узнавъ новые опыты неблагодарности и злобы ко мнѣ сего человѣка, которому я никогда ни малѣйшаго зла

и досады не причинялъ, а обращался съ нимъ, какъ другъ, съ наивозможнѣйшимъ благопріятствомъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда намѣстникова наступила обыкновенная наша годовая ярманка, во время которой было только то достопамятное происшествіе, что подъ самый праздникъ во время всенощной была такая страшная у насъ гроза, съ дождемъ проливнымъ и безпрерывною молніею, что мы на-смерть были ею испуганы, и тѣмъ паче, что въ городѣ у насъ двухъ человѣкъ убило до смерти громомъ. Мы находились въ самое то время въ церкви и съ превеликою нуждою могли убраться изъ ней и добѣжать до своего дома, хотя былъ оный и очень отъ насъ близокъ. Впрочемъ, пріѣзжихъ дворянъ въ сей день было мало; однако у меня былъ изрядный-таки обѣдъ и гостей довольно.

Отпраздновавши сей праздникъ, принялся я опять за продолженіе своихъ работъ садовыхъ и кабинетныхъ. Но не успѣло дней десяти пройти, какъ оторванъ я былъ отъ нихъ опять пріѣздомъ къ намъ моего младшаго командира, пріѣзжавшаго къ намъ въ сей разъ для нѣкоторыхъ надобностей, а притомъ, чтобъ ему тутъ погулять и повеселиться. Онъ пробылъ у насъ нѣсколько сутокъ. И какъ въ самое сіе время случилось, что и ко мнѣ пріѣзжало много гостей, то было сіе время у насъ довольно весело и все шло хорошо и ладно. Всякій день гуливали мы съ гостями по садамъ и по улицамъ, а въ жары купывались въ моей прекрасной ваннѣ. И какъ командиръ мой былъ въ сей разъ отмѣнно ко мнѣ благопріятенъ, то сдѣлалъ я и для него у себя обѣдъ. А въ другой разъ ѣздили мы всѣ поужинать у лѣкаря нашего въ гошпитальномъ англійскомъ садочкѣ и гуляли въономъ. А наконецъ угостилъ и самъ онъ всѣхъ насъ и многихъ пріѣзжихъ гостей во дворцѣ обѣдомъ, гдѣ послѣ обѣда были даже и танцы. Словомъ, всѣ дни сіи провели мы съ великимъ удовольствіемъ, и командиръ мой былъ отмѣнно веселъ.

Какъ намъ въ сіе лѣто хотѣлось побывать въ своей деревнѣ и пожить тамъ сколько-нибудь по-болѣе, то, пользуясь помянутою благосклонностью моего командира, выпросилъ я у него себѣ дозволеніе туда съѣздить, на что онъ охотно и согласился.

Достопамятно было, что около сего времени, а особливо по отъѣздѣ моего начальника, занимался, подъ руководствомъ моимъ, сынъ мой срисовываніемъ съ натуры разныхъ и лучшихъ садовыхъ сценъ, притомъ уже изряднёхонько производилъ сіе дѣло не только съ великою охотою, но и съ отмѣннымъ успѣхомъ, такъ удивлялъ самаго меня рѣдкою и удивительною его способностью къ рисованью съ натуры всякаго рода положеній, мѣстъ, а особливо наилучшихъ сценъ садовыхъ. Способность его къ сему была такъ велика, что онъ въ состояніи бывалъ въ одинъ день надѣлывать до десяти списовъ таковыхъ картинъ ландшафтныхъ, которыя всѣ онъ послѣ не только обрисовывалъ, но выработывалъ ихъ красками, и такъ хорошо, что я не могъ тѣмъ довольно налюбоваться, и какъ таковыхъ картинъ въ короткое время накопилось уже довольно, то и вздумалось намъ велѣть переплетчику нашему переплесть особливую для сего книгу, въ листъ величиною, дабы намъ всѣ сіи садовыя картины въ нее можно было помѣстить, что и произвели мы впослѣдствіи времени въ самое дѣйствіе, и составившаяся изъ всѣхъ ихъ нарочитой толщины книга сдѣлалась для всѣхъ любопытныхъ зрѣнія и пересматриванія достойною. Сія книга цѣла и хранится у насъ и по нынѣ и служитъ не только памятникомъ тогдашняго его трудолюбія, но и самымъ монументомъ садовъ Богородицкихъ, срисованныхъ во множествѣ картинъ въ наилучшемъ ихъ тогдашнемъ видѣ.

По наступленіи августа мѣсяца, улучивъ свободное время отъ работъ, ѣздили мы со всѣмъ семействомъ въ свое Дворенинино и прожили въ немъ до самаго сентября мѣсяца, гдѣ имѣлъ я удовольствіе найти всѣ сады свои, а особ-

ливо верхній, обремененными такимъ множествомъ плодовъ, каковыхъ я никогда еще не видывалъ: всѣ сучья приклонены были тягостью оныхъ до самой земли, и я не могъ всѣмъ тѣмъ довольно налюбоваться и радоваться, что купцы, скупившіе у насъ сей садъ, могли ласкаться получить отъ него добрый себѣ прибытокъ.

Живучи тутъ недѣли три, не были мы оба съ сыномъ безъ дѣла. Намъ восхотѣлось въ ближнемъ къ дому саду сдѣлать реформу и превратить его изъ регулярнаго въ иррегулярный, или особаго рода русско-аглинскій, или натурально-прекрасный увеселительный садъ. Почему, соображаясь съ пріобрѣтеннымъ въ садахъ новѣйшихъ вкусомъ, положили мы основаніе многимъ перемѣнамъ и употребляли къ тому все праздное время, сколько оставалось онаго отъ угощенія пріѣзжающихъ къ намъ гостей и отъ собственныхъ своихъ по гостямъ разъѣздовъ. Въ этомъ во всемъ и провели мы все сіе время очень весело, и мы такъ-было къ тихой и скромной деревенской жизни уже привыкли, что намъ не хотѣлось уже съ нею и разставаться.

Наконецъ, наступившій сентябрь мѣсяцъ принудилъ насъ съ любезнымъ Дворениновымъ опять разстаться и ѣхать обратно въ Богородицкъ и подвергать себя новымъ хлопотамъ и заботамъ.

Тутъ весь сентябрь и октябрь мѣсяцъ провели мы въ мирѣ, тишинѣ и спокойствіи. Я занимался по-прежнему множествомъ разныхъ работъ въ саду и разъѣздахъ по гостямъ и по волости, по надобностямъ. Всѣмъ остающимся оттого свободнымъ временемъ жертвовалъ наукамъ и литеральнымъ, и любопытнымъ упражненіямъ кабинетнымъ. Къ числу сихъ принадлежало, между прочимъ, и совокупное наше съ сыномъ стараніе умножить для купленнаго нашего микроскопа число объектовъ, для смотрѣнія въ оный. Мы велѣли надѣлать себѣ въ Тулѣ множество мѣдныхъ досчечекъ, съ прорѣзанными дырками и, вставляя въ нихъ слюдбенныя крошки, собирали всевозможныя мелочныя вещицы для помѣщенія оныхъ, и усовершенствовали чрезъ то свой микроскопъ во многомъ, а было и кромѣ сего у насъ съ нимъ много и другихъ любопытныхъ занятій.

По наступленіи 7-го и 17-го числъ октября, праздновали мы и въ сей годъ оба сіи достопамятные дни моего рожденія и имянинъ по обыкновенію. Съ сего времени пошолъ мнѣ уже 49 годъ отъ моего рожденія, и я въ сей новый годъ вступилъ довольно весело. Всѣ друзья и знакомые наши, городскіе и сосѣдственные, посѣтили меня въ день имянинъ моихъ и мы-таки попировали съ ними какъ водится и порѣзвились мы, занимаясь играми и танцами.

Наконецъ, наступила и глубокая осень, положившая предѣлъ всѣмъ нашимъ надворнымъ работамъ и присадила меня опять въ теплѣ за перо и бумагу. И какъ я всякій годъ наиболѣе въ сіе глухое время и въ длинныя утры и вечера занимался письменными упражненіями, то и въ сей годъ въ теченіе октября, ноября и декабря мѣсяцевъ заготовилъ столько матеріи для своего «Экономическаго Магазина», что онаго не только на все остальное время сего года стало довольно, но поелику г. Новиковъ просилъ меня, чтобъ продолжилъ я издаваніе онаго и въ слѣдующій годъ, то наготовилъ множество матеріи и на счетъ сего будущаго года.

Совсѣмъ тѣмъ по наступленіи зимы и длинныхъ декабрьскихъ вечеровъ, возобновили мы прежнія свои вечеринки и нерѣдко, съѣзжаясь другъ у друга, препровождали вечера съ удовольствіемъ. Самый пріѣздъ нашихъ гостей и также и родныхъ нашихъ, гостившихъ у насъ нѣсколько дней сряду и бравшихъ участіе въ нашихъ веселостяхъ, помогали намъ также съ удовольствіемъ провождать скучное осеннее и зимнее время. Впрочемъ, не помню я, чтобы въ теченіе сей осени были съ нами какія-нибудь особенныя происшествія, кромѣ того, что я въ ноябрѣ на короткое время съѣздилъ

опять по призыву въ Тулу къ моему командиру.

Наконецъ, дождались мы праздника Рождества Христова и настали наши святки, изъ которыхъ всѣ первые, а послѣдніе сего года дни провели мы также весело въ ѣздахъ и свиданіяхъ другъ съ другомъ и въ святочныхъ играхъ и увеселеніяхъ. И достопамятно, что въ сіе время случилось быть въ Богородицкѣ и у насъ одному изъ молодыхъ дворянъ, живущихъ въ нашемъ намѣстничествѣ, изъ фамиліи господъ Кобелевыхъ. Сего человѣка можно почесть первымъ женихомъ, искавшимъ руки моей старшей дочери и помышлявшимъ на ней жениться, для которой причины и пріѣзжалъ онъ наиболѣе къ намъ въ Богодицкъ и былъ у меня какъ гость не одинъ разъ и провождалъ съ нами святочные вечера въ обыкновенныхъ играхъ и забавахъ. И какъ мы чрезъ то имѣли случай съ нимъ познакомиться и его разсмотрѣть, то и не находили мы въ немъ ничего противнаго и онъ намъ всѣмъ довольно полюбился, да и по достатку своему могъ доставлять онъ сходную партію для моей дочери. Словомъ, дѣло начало-было уже совсѣмъ клеиться и намъ дѣланы были со стороны его о семъ предложенія; но какъ Провидѣнію Господню не угодно было, что дочь моя была за нимъ, то нашлись люди, старавшіеся разбить сіе начинающееся сватовство и дѣло. Надобно было въ самое то время случиться быть у насъ короткой нашей пріятельницѣ и отчасти дальней родственницѣ Аграфенѣ Михайловнѣ Челищевой, которую мы всѣ за веселый ея нравъ душевно и сердечно любили, да и она была къ намъ очень привержена. У сей госпожи Челищевой былъ родственникъ, нѣкто изъ господъ Хотяинцовыхъ, живущій за Москвою, и по имени Дмитрій Ивановичъ, и также человѣкъ молодой и довольно достаточный. И какъ она дочь мою прочила за него и насказала намъ, а особливо дочери моей, столь много хорошаго и выгоднѣйшаго предъ симъ женихомъ, что мы сами смутились мыслями; дочь же моя при вопрошаніи нашемъ изъявила намъ прямо нехотѣніе свое выходить за г. Кобелева; почему дѣло сіе и осталось такъ. И мы хотя ему и не отказали совершенно, но отложили дѣло сіе до времени, и онъ отъ насъ ни съ чѣмъ поѣхалъ.

Далѣе памятно мнѣ, что какъ около сего времени надлежало быть въ Тулѣ новымъ выборамъ, и слухъ былъ, что будетъ великій для сего съѣздъ всему дворянству, по поводу имѣющихъ быть въ сіе время въ Тулѣ маскарада, театра и разныхъ другихъ увеселеній, то восхотѣлось въ сей разъ не только мнѣ, но и моимъ домашнимъ взять въ сихъ публичныхъ увеселеніяхъ соучастіе. Почему и начали мы къ тому собираться и предъ послѣднимъ днемъ въ путь сей и отправились.

Мы пріѣхали въ Тулу наканунѣ новаго года и остановились сперва у г. Пастухова, откуда домашніе мои въ тотъ же день поѣхали въ Федешово на имянины къ Василію Ивановичу Кислинскому, а я, оставшись въ Тулѣ, переѣхалъ стоять на квартиру къ другу нашему Антону Николаевичу Сухотину, дабы быть ближе и къ пріѣхавшему уже въ Тулу намѣстнику и ко всѣмъ прочимъ своимъ знакомымъ. И всю Тулу нашли мы наполненную уже съѣхавшимся для выборовъ дворянствомъ и всѣ ожидали начала выборовъ и долженствующихъ быть притомъ увеселеніевъ.

Симъ образомъ кончился 1786 годъ, а вмѣстѣ съ нимъ дозвольте кончить мнѣ и письмо сіе, и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Октября 4-го дня 1810 года).

1787.

Письмо 227.

Любезный пріятель! Приступая теперь къ описанію происшествій, бывшихъ со мною въ теченіе 1787 года, предварительно скажу, что сей годъ былъ вообще въ жизни моей весьма достопамят-

нымъ, но не столько добромъ, сколько худомъ. Онъ былъ для меня прямо чорнымъ годомъ и преисполненъ множествомъ не только трудовъ, хлопотъ, заботъ, но и самыхъ недоумѣній, досадъ и разнаго рода неудовольствій и огорченій. Происходили они наиболѣе отъ зависти къ моему мѣсту, отъ людей злыхъ и негоднѣйшихъ характеровъ, и для меня потребна была вся моя философія къ терпѣливому переношенію всѣхъ бывшихъ со мною непріятностей, и еслибъ не бдило надо мною Всевидящее Око и не пеклось благодѣтельное обо мнѣ Провидѣніе Господне, то не знаю, чего-и-чего не могло со мною воспослѣдовать.

Уже при самомъ началѣ онаго озабочивался я весьма и безпокоился помышленіями о моемъ уже довольно взросшемъ сынѣ. Я уже увѣдомлялъ васъ, что изъ всѣхъ обѣщаній г. Давыдова постараться объ немъ въ бытность его въ Петербургѣ и изъ самыхъ увѣреній его по возвращеніи оттуда, будто-бы онъ и въ сержанты произведенъ и въ дѣйствительную службу введенъ, не вышло ничего и онъ все еще былъ каптернамусомъ (sic) и не въ дѣйствительной службѣ; и какъ по послѣднему пашпорту приближался уже срокъ явиться ему къ полку для вступленія въ дѣйствительную службу, то не знали мы что дѣлать. Одного его отпустить туда мнѣ не хотѣлось, а самому мнѣ весною съ нимъ туда ѣхать было никакъ не можно. Итакъ, принуждала меня самая необходимость помышлять о ѣздѣ съ нимъ туда въ самую тогдашнюю еще зиму, дабы, явивъ его въ службу, выпросить его еще на годъ домой; а буде можно, то какимъ-нибудь образомъ постараться ему и сержантскій чинъ, котораго онъ еще не имѣлъ. И какъ мнѣ безъ дозволенія отъ намѣстника въ такую даль отлучиться было не можно, то и намѣренъ я былъ въ сію бытность мою въ Тулѣ испросить у него на то дозволеніе.

Въ сихъ помышленіяхъ пріѣхалъ я тогда въ Тулу. И какъ случилось сіе накануне самаго новаго года, то, по наступленіи перваго дня онаго, вставши пораньше и одѣвшись, поѣхалъ я сперва къ моему меньшому командиру, г. Давыдову, а оттуда вмѣстѣ съ нимъ, для обыкновеннаго поздравленія, къ намѣстнику, который, увидѣвъ меня, по обыкновенію своему, не преминулъ со мною хотя немного поговорить и, по-прежнему, весьма благосклонно. Вскорѣ послѣ того поѣхалъ онъ, и мы вмѣстѣ съ нимъ, въ соборъ, для слушанія обѣдни и прекрасно поющихъ пѣвчихъ. Тутъ случилось мнѣ стоять вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ славнаго г. Игнатьева, Аѳанасьемъ Ивановичемъ, человѣкомъ, имѣющимъ совсѣмъ отмѣнный отъ своего головорѣза братца, характеръ—тихій, дружелюбный и любезный. И какъ мы тутъ кой-о-чемъ съ нимъ говорили, то и познакомились съ нимъ короче и взаимно другъ друга полюбили.

Какъ все дворянство, которымъ церковь вся была наполнена, по окончаніи обѣдни поѣхало къ намѣстнику, для поздравленія его съ новымъ годомъ, то поѣхали и мы съ нимъ туда же, гдѣ, проводивъ съ часъ въ толпѣ народа, былъ я помянутымъ г. Игнатьевымъ приглашенъ ѣхать къ нему обѣдать; чему я, какъ заѣзжій человѣкъ, и радъ былъ. Онъ ласкался ко мнѣ чрезвычайно, и даже до того, что какъ дошла не нарочно у меня съ нимъ рѣчь о моемъ сынѣ и моей заботѣ, то предлагалъ онъ мнѣ, въ разсужденіи его, свои услуги, и говоря, что онъ имѣетъ у себя въ Петербургѣ многихъ знаменитыхъ друзей и знакомыхъ, и готовъ описать къ нимъ и просить ихъ постараться объ ономъ. Симъ невѣдомо какъ обрадовалъ онъ меня для новаго года, и я поѣхалъ отъ него въ превеликомъ удовольствіи.

По возвращеніи на квартиру имѣлъ я второе удовольствіе чрезъ свиданіе съ другомъ моимъ и давнишнимъ знакомцемъ отцомъ Іеронимомъ, бывшимъ въ сіе время уже игуменомъ и пріѣзжавшимъ нарочно ко мнѣ по любви своей для свиданія. Мы провели съ нимъ нѣсколько минутъ въ пріятныхъ разгово-

рахъ, а между тѣмъ показывалъ я ему и многимъ другимъ, бывшимъ у хозяина моего, гостямъ, привезенную съ собою книгу съ садовыми изображеніями, рисованными отчасти самимъ мною, а наиболѣе моимъ сыномъ, и имѣлъ удовольствіе слышать всеобщую похвалу онымъ.

По наступленіи вечера поѣхалъ я въ бывшій въ сей вечеръ въ залѣ собранія большой маскарадъ и пробылъ въ ономъ до перваго часа ночи, имѣя удовольствіе свидѣться со многими моими знакомцами и, между прочимъ, съ другомъ моимъ и прежнимъ корреспондентомъ по «Экономическому Магазину» Васильемъ Алексѣевичемъ Левшинымъ, бывшимъ тогда еще отставнымъ подпоручикомъ, и говорить съ нимъ о многомъ.

Въ послѣдующій за симъ второй день новаго года ѣздилъ я опять къ своему меньшому командиру и былъ опять у намѣстника, а у перваго и обѣдалъ. И какъ въ сей день никакихъ увеселеній не было, то возвратился я послѣ обѣда на свою квартиру и нашолъ тутъ пріѣхавшаго изъ Федешова моего сына и весь вечеръ сего дня провелъ дома въ пріятныхъ разговорахъ съ пріѣзжавшимъ ко мнѣ опять отцомъ Іеронимомъ.

Какъ 3-го числа начались у насъ уже выборы, то мы съ дѣтьми поѣхали поутру въ залу собранія, но тамъ никого не застали, ибо все дворянство было уже въ соборѣ для обыкновенной присяги. И какъ намъ ни тамъ, ни тутъ однимъ дѣлать было нечего, то разсудили мы между тѣмъ съѣздить къ намѣстнику. Однако его неудалось намъ видѣть, почему возвратились мы опять въ залу собранія и нашли уже все дворянство, занимающееся въ выборѣ по уѣздамъ новыхъ предводителей. Я, какъ посторонній членъ, не бралъ въ томъ соучастія, а смотрѣлъ только безпристрастнымъ окомъ на все тутъ происходившее и досадовалъ на наглую несправедливость, при баллотировкѣ наблюдаемой (sic), и на явное пристрастіе многихъ, и суетился только о томъ, чтобъ узнать, кого выберутъ къ намъ въ Богородицкъ въ судьи и съ кѣмъ намъ судьба опредѣлитъ этотъ годъ вмѣстѣ раздѣлить время.

Обѣдалъ я въ сей день опять у г. Давыдова, а, возвратясь на квартиру, нашолъ тамъ пріѣхавшаго ко мнѣ Василія Ивановича Кислинскаго изъ Федешова, а изъ Калуги самую хозяйку, съ сыномъ своимъ, Петромъ Антоновичемъ, имѣвшимъ незадолго до того въ Калугѣ несчастіе: что при стрѣляніи изъ ружья разорвало оное и повредило ему чрезвычайно руку; а ввечеру ѣздили мы всѣ въ театръ и съ удовольствіемъ смотрѣли представленіе комедіи «Хвастуна» и оперы «Бочара».

На четвертый день происходилъ выборъ дворянскихъ предводителей, а потомъ въ кандидаты въ верхній земскій судъ. И какъ намъ хотѣлось и сіе видѣть, то ѣздилъ я опять въ залу собранія и упрошенъ былъ алексинскими дворянами баллотировать вмѣстѣ съ ними. Все сіе продолжалось очень долго и меня зазвалъ обѣдать къ себѣ отмѣнно меня приласкавшій г. Григоровъ, Петръ Васильевичъ. Ввечеру же ѣздили мы въ бывшій въ сей день концертъ, гдѣ я видѣлся опять со многими изъ своихъ знакомцевъ.

При наступленіи 5-го дня, занялись всѣ дворяне выборомъ новыхъ судей, но я при томъ не былъ и не баллотировалъ, а ѣздилъ по дѣламъ своимъ къ г. Давыдову, куда прискакалъ отъ намѣстника за мною ординарецъ съ приказаніемъ, чтобъ я къ нему былъ. Я обрадовался сему случаю и, вознамѣрясь употребить его въ свою пользу, завернулъ на минутку въ свою квартиру для взятія съ собою садовой книги. Намѣстникъ принялъ меня по-прежнему весьма благосклонно и, пользуясь досугомъ, расспрашивалъ меня о волости и обо всемъ, что было надобно. По окончаніи же того, приступилъ я къ нему съ просьбою объ увольненіи меня въ Петербургъ. Намѣстникъ изумился, о семъ услышавъ. И какъ ему отпустить меня для волостныхъ надобностей не хотѣлось, то спросилъ онъ меня: зачѣмъ бы я туда хотѣлъ

и какая бы была мнѣ нужда? Тогда пересказалъ я ему свою надобность, о чемъ не успѣлъ онъ услышать, какъ мнѣ сказалъ: «О, когда только въ этомъ состоитъ ваша надобность, то не для чего вамъ забиваться въ такую даль, а оставайтесь-ка спокойно при волости, а о сынѣ вашемъ беру я на себя выпросить у князя Григорія Александровича ему и сержантскій чинъ и отсрочку, на сколько тебѣ надобно». Я ему за сіе большой поклонъ и, поблагодаривъ, сказалъ далѣе: «великую бы, ваше высокопревосходительство, оказали мнѣ тѣмъ милость и тѣмъ паче, что мнѣ хотѣлось очень еще подержать его при себѣ годъ или другой, для усовершенствованія его въ наукахъ, а особливо въ рисованіи, къ чему онъ имѣетъ великую охоту и отмѣнную способность, а особливо къ рисованію съ натуры разныхъ видовъ и мѣстоположеній». И тотчасъ послѣ сего сталъ ему сказывать, что онъ уже сдѣлалъ и такую книгу, составленную изъ срисованныхъ сценъ и садовыхъ видовъ. Симъ произвелъ я въ намѣстникѣ превеликое любопытство. «Ее видѣть весьма бы я хотѣлъ, сказалъ онъ мнѣ, и не привезъ ли ты ее съ собой?»—«Привезъ, ваше высокопревосходительство, и она со мною здѣсь».—«О, такъ покажи же намъ, покажи же». Тогда побѣжалъ я тотчасъ за нею къ каретѣ и принесъ ее къ нему, разговаривавшему между тѣмъ съ случившимися быть тогда у него генераломъ Бутурлинымъ и нашимъ губернаторомъ г. Заборовскимъ. Намѣстникъ не успѣлъ ее издали увидѣть, какъ воскликнулъ: «о, какая ажно у васъ она большая! Покажи-те, судырь, покажите». Тогда раскрывъ ее, сказалъ я ему: «но извините, ваше высокопревосходительство, рисовальщикъ въ ней одни только скицы нарисовалъ, на скорую руку и почти вчернѣ только, а онъ могъ-бы нарисовать сіи и гораздо лучше».

Не успѣлъ намѣстникъ увидѣть, что они нарисованы уже довольно порядочно красками, какъ велѣлъ тотчасъ подать къ себѣ столикъ и, посадивъ съ собою обоихъ генераловъ, сталъ ее разсматривать съ особливымъ вниманіемъ. И какъ ему всѣ срисованные виды въ самой натурѣ были знакомы, и онъ тотчасъ всякое мѣсто могъ узнавать, то не можно изобразить, съ какимъ особымъ удовольствіемъ онъ ихъ разсматривалъ и сколько поводовъ подавала она ему къ разсказыванію обоимъ помянутымъ генераламъ о красотѣ всѣхъ сихъ мѣстъ и самыхъ рѣдкостяхъ натуры, срисованныхъ въ книгѣ. Ко мнѣ же обращаясь, только и твердилъ: «ахъ, какъ это хорошо и натурально все срисовано; я, смотря на рисунки, ровно какъ хожу точно по нашему саду». Оба собесѣдники его превозносили также все видимое похвалами, а намѣстникъ только и твердилъ, что онъ весьма доволенъ, и благодарилъ очень меня за доставленіе ему сего новаго удовольствія.

По разсмотрѣніи всей книги съ начала до конца, остановился онъ и, позадумавшись, мнѣ сказалъ: «Ахъ, право, это хорошо, но послушайте, Андрей Тимоѳеевичъ, нельзя-ли какъ сыну вашему, выбравъ изъ картинъ сихъ десятка два наилучшихъ и интереснѣйшихъ, по разсмотрѣнію вашему, нарисовать получше на хорошей бумагѣ, и чтобъ можно было составить изъ нихъ хотя небольшую, но порядочную книжку; я бы кстати взялъ смѣлость поднести ее Государынѣ и не сомнѣваюсь, что она, по охотѣ своей къ садамъ, удостоила-бъ ее своего благоволенія; а сіе могло бы быть не безполезно и для вашего сына?»—«Для чего не можно, сказалъ я, онъ охотно сіе исполнитъ къ удовольствію вашего высокопревосходительства и нарисовать можетъ несравненно лучше, нежели какъ здѣсь онѣ нарисованы».—«О, такъ пожалуйте-жъ постарайтесь, подхватилъ намѣстникъ, и посмотрите сами за тѣмъ, чтобъ онѣ получше были, а я съ моей стороны вновь повторяю обѣщаніе мое постараться о пользѣ вашего сына».

Симъ кончилась тогда наша бесѣда, и какъ я не сомнѣвался ни мало въ исполненіи обѣщанія намѣстника, то и былъ

крайне радъ, что избавился чрезъ то отъ ѣзды Петербургской и съ особливымъ удовольствіемъ, раскланявшись съ нимъ, поѣхалъ обѣдать по приглашенію опять къ г. Давыдову. Вечеръ же провелъ на квартирѣ съ хозяиномъ и гостями, у него бывшими.

Я не преминулъ пересказать друзьямъ моимъ и самому сыну моему то, что происходило у насъ съ намѣстникомъ и всѣ, услышавъ все то, почитали дѣло почти сдѣланнымъ и говорили, что на обѣщаніе намѣстника вѣрнѣе положиться можно, нежели на Давыдовское. Сынъ же мой съ великою радостью соглашался потрудиться надъ картинами.

Въ день Богоявленія Господня собирались всѣ лучшіе люди, и я вмѣстѣ съ ними, по-утру къ намѣстнику, и всѣ комнаты его набиты были по обыкновенію народомъ. Потомъ съѣздили мы съ нимъ всѣ къ обѣдни, а изъ церкви опять къ нему на водку. Обѣдать пріѣхалъ я опять къ своему меньшому командиру. Ввечеру же были мы всѣ опять въ театрѣ, гдѣ играли опять одну оперу и комедію.

На другой день послѣ сего помышлялъ я уже о возвращеніи въ свое мѣсто. Но какъ надобно было о многомъ по дѣламъ волостнымъ говорить съ обоими моими командирами, то ѣздилъ я къ нимъ обоимъ. Но оба они не имѣли къ тому свободнаго времени за ѣздою главнаго въ соборъ для приведенія къ присягѣ выбранныхъ судей, почему въ сей день ничего у насъ не было, и я обѣдалъ опять по приглашенію у г. Игнатьева вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. И какъ не смотря на все обѣщаніе намѣстника, могущее исполниться не иначе какъ со временемъ, заботился я о просрочкѣ сына, то при семъ случаѣ повторилъ я свою просьбу г. Игнатьеву о письмѣ въ Петербургъ, чтобъ друзья его исходатайствовали сыну моему еще отсрочку на годъ, дабы тѣмъ надежнѣе и спокойнѣе можно мнѣ было ждать милости намѣстнической, и онъ обѣщалъ мнѣ сіе навѣрное исполнить.

Послѣ обѣда пріѣзжалъ ко мнѣ на квартиру другъ мой г. Левшинъ и просидѣлъ до вечера, занимаясь пріятными разговорами. Оба мы были тогдашняго времени именитѣйшими литераторами и, помогая другъ другу, трудились въ пользу отечества. Я занимался экономическими сочиненіями, а онъ переводами разныхъ книгъ, а отчасти также кой-какими и сочиненіями. Итакъ, было намъ о чемъ съ нимъ говорить. По наступленіи-жъ вечера ѣздили мы съ нимъ и со всѣми прочими въ бывшій въ сей день вторичный маскарадъ, гдѣ имѣлъ я случай видѣть опять новаго своего знакомца и нашего святочнаго гостя г. Кобелева, продолжавшаго ко мнѣ все еще ласкаться. На другой уже осьмой день пребыванія моего въ Тулѣ, желая скорѣе окончить свои дѣла, поѣхалъ я къ намѣстнику поутру и хотѣлъ ему откланяться. Но онъ приказалъ мнѣ пріѣхать послѣ обѣда, вмѣстѣ съ г. Давыдовымъ; а сіе и побудило меня проѣхать отъ намѣстника къ нему. Тутъ показывалъ я и ему свою садовую книгу, которая и ему также полюбилась. Однако онъ смотрѣлъ на нее далеко не съ такимъ любопытствомъ и удовольствіемъ, какъ намѣстникъ, и можетъ быть было ему непріятно, что я ее, мимо его, намѣстнику представлялъ. Но какъ бы то ни было, но я, побывавъ у него, ѣздилъ послѣ обѣда къ намѣстнику и, не заставъ его дома, пріѣхалъ опять къ Давыдову и услышалъ, что намѣстникъ хотѣлъ къ нему самъ заѣхать, гдѣ и дождались мы его дѣйствительно. Однако, тутъ не сталъ онъ ничего съ нами о дѣлахъ говорить, а велѣлъ обоимъ пріѣзжать къ себѣ. Но мы, пріѣхавъ, къ досадѣ своей, не застали его, за отъѣздомъ въ концертъ, дома, и принуждены были просидѣть у него со скукою весь вечеръ и его дожидаться изъ концерта. Наконецъ, на-силу-на-силу дождались его, и онъ, поговоривъ съ нами и давъ послѣднія повелѣнія, отпустилъ меня наконецъ совсѣмъ и дозволилъ ѣхать въ Богородицкъ.

Симъ образомъ, пробывъ цѣлыхъ восемь дней въ Тулѣ и проводивъ ихъ въ

вихрѣ безпрерывныхъ движеній и хлопотахъ, возвратился я въ Богородицкъ, привезя вмѣстѣ съ собою и хозяйку нашу, госпожу Сухотину, съ сыномъ; ибо какъ для излѣченія поврежденной его руки потребенъ былъ искусный врачъ, а таковаго имѣли мы у себя въ особѣ г. Бентона, общаго нашего пріятеля и знакомца, то, по предложенію моему, убѣдилъ я ее привезть сына своего къ нему, и на все то время, покуда онъ станетъ залѣчивать его рану, оставить жить у меня въ домѣ; чѣмъ хотѣлось ихъ возблагодарить за всѣ ихъ къ намъ ласки, пріязнь и дружество, которое, по отъѣздѣ ихъ отъ насъ изъ Богородицка, сдѣлалось прямо искреннимъ. А чтобъ услуга моя къ ней была еще существеннѣе, то вознамѣрился я постараться, чтобъ все время, которое пробудетъ у насъ сей умный и хорошаго такого и кроткаго характера молодой человѣкъ, прежній соученикъ и товарищъ и другъ моему сыну, могло ему, кромѣ лѣченія, обратиться въ существенную пользу чрезъ преподаваніе ему о многихъ нужныхъ и относящихся до образованія сердца и ума свѣдѣній.

Пріѣхавши въ Богородицкъ, узнали мы о воспослѣдовавшей перемѣнѣ судей нашихъ, и что вновь судьею выбранъ былъ г. Дьяковъ, Михаилъ Григорьевичъ, зять друга моего г. Албычева, а прочими прежній нашъ другъ, нашъ и знакомецъ, Николай Сергѣевичъ Арсеньевъ; а изъ новыхъ г. Пургасовъ, двое господъ Карповыхъ и Рылѣевъ. И какъ всѣ они уже къ своей должности и явились, то я на другой же день, по случаю бывшаго воскресенья, пригласилъ ихъ и прежнихъ, тутъ же еще бывшихъ, на вечеринку и угостилъ ихъ у себя ужиномъ.

Съ ними вмѣстѣ былъ у насъ и городничій нашъ князь Назаровъ, о которомъ я хотя и зналъ, что онъ, отъ зависти по грузинской своей совѣсти, намъ не доброхотствовалъ и всячески мнѣ втайнѣ вредить старался, и что всѣ оказываемыя имъ мнѣ наружно ласки и пріязнь были не истинныя и все обхожденіе его съ нами было коварное и лукавое, но, не хотя давать знать, что мнѣ это извѣстно, обращался съ нимъ по-прежнему съ прямымъ сердцемъ и душею.

Наутріе съ чувствительнымъ сожалѣніемъ проводили мы отъѣзжающаго отъ насъ изъ Богородицка и бывшаго до сего засѣдателя г. Чулкова, котораго всѣ мы за тихій и кроткій его характеръ и за оказываемую намъ всегда искреннюю пріязнь и ласку, сами всѣ искренно любили и почитали и чрезъ отбытіе его потеряли въ немъ добраго себѣ компаніона.

Тотчасъ послѣ сего, поотдохнувъ отъ своей ѣзды и проводивъ отъ себя и нашу гостью съ меньшимъ ея сыномъ, принялись оба мы съ сыномъ своимъ за свои дѣла: я за писаніе опять своего «Магазина», а сынъ мой — за новую и важную свою работу, и именно за рисованіе садовыхъ картинъ для Государыни. Оба мы долго думали, которую бы изъ садовыхъ сценъ къ тому преимущественно выбрать и какъ бы рисунки сіи расположить и сдѣлать колико можно лучше. Мы отобрали къ сему 24 наилучшихъ и интереснѣйшихъ садовыхъ видовъ и положили увеличить ихъ нѣсколько противъ прежнихъ рисунковъ и рисовать ихъ на лучшей александринской бумагѣ и употребить къ лучшей и чистѣйшей отдѣлкѣ ихъ все искусство моего сына, который принялся съ особою охотою за сіе дѣло и имѣлъ въ томъ столь великое стараніе, что я удивился самъ его искусству и не могъ довольно нарадоваться, видя его такой успѣхъ, какого не ожидалъ я самъ. Словомъ, картины выходили прямо прекрасныя и рисовка выливалась такая, которая равнялась почти съ лучшею англійскою и ни мало была не постыдна для представленія ея очамъ нашей монархини. Но чтобъ впредь о томъ не повторять, скажу и то, что употребилъ онъ на нарисованье всѣхъ сихъ картинъ много времени. Возможнѣйшее напряженіе всѣхъ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ его стоило ему очень много; ибо, кромѣ премногихъ трудовъ, употребленныхъ къ тому, обратилось мелкое рисо-

ванье ихъ въ великій вредъ глазамъ его, но, къ сожалѣнію, возчувствуемый уже поздно, и былъ тѣмъ для насъ прискорбнѣйшимъ, что продолжился онъ на всю его жизнь и сдѣлался неизлѣчимымъ.

Впрочемъ, достопамятно то, что при общемъ у насъ съ нимъ приступленіи къ сей важной и многотрудной работѣ, получилъ я первую мысль о пріуготовленіи и другой вещицы, для поднесенія государынѣ, а именно: о сдѣланіи ящика съ съ наилучшею коллекціею нашихъ марморныхъ песковъ и убранія онаго ... . самимъ мною и сыномъ обработанными и росписанными стеклами; которая мысль впослѣдствіи времени отчасти и произведена была нами въ дѣйствіе, какъ о томъ упомяну въ своемъ мѣстѣ.

Между тѣмъ, какъ мы при дневномъ свѣтѣ начали заниматься сими своими работами, началъ я тотчасъ и все праздное вечернее время употреблять на пользу нашему гостю, а вмѣстѣ съ нимъ и моимъ дѣтямъ. Дѣло сіе состояло въ читаніи имъ такихъ книгъ, которыя бы могли образовать ихъ умы и сердца и полагать основаніе къ любви христіанскаго закона и добродѣтельной жизни. Къ сему избралъ я наиглавнѣйше своего «Путеводителя», также и нѣкоторыя другія важныя и нравоучительныя книги, и читая оныя, самъ останавливался почти на всякомъ пунктѣ, дѣлая имъ дальнѣйшія всему объясненія и замѣчанія; чѣмъ тогдашнее мое чтеніе могло равняться съ обыкновенными философическими лекціями, читаемыми профессорами въ университетахъ, но было для слушателей моихъ едва ли не полезнѣе оныхъ.

Въ сихъ упражненіяхъ и въ частыхъ свиданіяхъ съ городскими нашими старыми и новыми знакомцами и друзьями, провели мы большую часть генваря мѣсяца. Предъ окончаніемъ онаго и дня за три до имянинъ моей тещи, пріѣхалъ къ намъ въ гости Василій Ивановичъ Кислинскій, съ двоюроднымъ братомъ жены его, Михаиломъ Васильевичемъ Арсеньевымъ, учившимся у насъ за нѣсколько лѣтъ до сего, вмѣстѣ съ сыномъ моимъ, въ пансіонѣ, и сдѣлавшійся чрезъ то его пріятелемъ, и положилъ прогостить у насъ до самыхъ имянинъ тещи моей и дожидать пріѣзда къ намъ тещи его Матрены Васильевны. Таковой рановременный пріѣздъ сихъ гостей и необыкновенное намѣреніе пробыть у насъ столь долго удивилъ меня. Я не зналъ, что о томъ думать. Однако я былъ имъ, какъ роднымъ и пріятелямъ, душевно радъ, и ни мало не воображая, что имѣли они, какъ я послѣ узналъ, нѣкоторые сокровенные и досадные для меня виды и намѣренія, состоящіе, между прочимъ, въ томъ, чтобъ прельстить насъ съ дочерьми моими ѣхать въ гости за 150 верстъ отъ насъ; къ чему они убѣдительными своими просьбами, не смотря на все мое нехотѣніе забираться въ такую даль, едва-было меня и не преклонили. Но Провидѣнію угодно было разрушить всѣ ихъ потаенные и предосудительные для насъ, а особливо г. Арсеньева замыслы и подать къ тому особенный поводъ. Надобно было наканунѣ самаго дня имянинъ моей тещи, къ которому дню пріѣхали къ намъ и тетка Матрена Васильевна, съ меньшею своею дочерью и зятемъ Чертковымъ, случиться такъ, что у меня зашолъ съ г. Кислинскимъ разговоръ о законѣ христіанскомъ и чтобъ сему разговору обратиться потомъ въ жаркій съ нимъ и такой споръ объ ономъ, чрезъ который я, къ великому сожалѣнію моему, узналъ, что сей искренно до того любимый мною молодой человѣкъ имѣлъ такой характеръ, какого я себѣ никогда не воображалъ, и который произвелъ въ душѣ моей нѣкоторую разстройку въ дружескихъ моихъ къ нему расположеніяхъ и доказалъ мнѣ. что обходиться съ нимъ надо было мнѣ осторожнѣе; а самое сіе произвело и то слѣдствіе, что я въ помянутые дальніе гости ѣхать совсѣмъ отказался. А отъ сего и нѣкоторыхъ другихъ дрязговъ произошло то, что г. Кислинскій, при отъѣздѣ своемъ отъ насъ, разбранился почти и съ самою моею женою и не

только дочь мою довелъ до слезъ, но и жену мою заставилъ иначе о себѣ думать. Словомъ, сей пріѣздъ ихъ тогда къ намъ былъ совсѣмъ какъ-то не ловокъ и сопряженъ со многими непріятностями. Однако мы, не смотря на то, день имянинъ тещи моей отпраздновали, какъ водится, и увеселяли ввечеру гостей нашихъ, сихъ и другихъ, сожженіемъ маленькаго фейерверка и себя при садѣ домовомъ.

По сбытіи съ рукъ своихъ сихъ, въ сей разъ не совсѣмъ пріятныхъ для насъ гостей, принялись мы опять за свои дѣла и упражненія; а особливо за продолженіе нашего рисованья, которымъ посиѣшать какъ мнѣ, такъ и сыну моему, подавалъ наиболѣе поводъ начавшійся тогда разноситься слухъ, что въ будущее лѣто восприметъ Государыня путешествіе въ южныя провинціи своей монархіи и будетъ не только въ Тулѣ, но и у насъ въ Богородицкѣ. Нѣкто изъ князей Долгоруковыхъ, проѣзжавшій около сего времени черезъ Богородицкъ, увѣрялъ за истину, что сіе воспослѣдуетъ дѣйствительно; а все сіе натурально и долженствовало насъ побуждать своимъ дѣломъ, дабы оно къ пріѣзду императрицы было готово.

Кромѣ сего, обремененъ я былъ великимъ множествомъ разныхъ и важныхъ дѣлъ, относящихся до самыхъ волостей нашихъ и по моей должности. Намѣстнику нашему, по охотѣ его къ замысламъ, предпріятіямъ и перемѣнамъ разнымъ, восхотѣлось со всѣмъ не кстати и изъ единаго такъ-сказать умничанья и, мѣшаясь въ дѣла, ни мало ему непринадлежащія, учинить и во внутреннемъ правленіи нашихъ волостей нѣкоторыя перемѣны и завесть совсѣмъ новые порядки, ничѣмъ не лучшіе предъ прежними и едва ли не худшіе и ему только казавшіеся лучшими. Всходствіе чего и дано мнѣ было отъ него множество разныхъ повелѣній, которыя всѣ долженъ былъ я производить въ дѣйство. Обѣ волости предписано мнѣ было раздѣлить на нѣсколько равныхъ частей и въ каждой части выбрать бурмистровъ, долженствующихъ имѣть въ вѣдомствѣ своемъ по нѣскольку селъ и деревень и отправлять надъ мужиками судъ и расправу. Сихъ бурмистровъ велѣно было мнѣ одѣть въ особое платье, сшитое изъ хорошаго малиноваго сукна, особо покроено, и снабдить ихъ особыми поясами, шапками и начальническими жезлами. Набранныхъ и учащихся въ школѣ грамотѣ и пѣнію велѣно учить духовой и смычковой музыкѣ и для обученія сего пріисканъ былъ капельмейстеръ. О семъ долженъ былъ я также имѣть попеченіе. Для содержанія садовъ и ранжерей пріисканъ я нанятъ былъ садовникъ, природою пруссакъ, но бывшій мнѣ худымъ помощникомъ. Съ симъ имѣлъ я также многихъ хлопотъ, по причинѣ страсти его къ питью. Но все сіе было почти ничто, въ сравненіи съ тѣми душевными озабочиваніями, какія со мною часъ-отъ-часу болѣе производилъ мой меньшой командиръ особливостью своего характера и всѣмъ своимъ поведеніемъ. Будучи отъ природы хотя весьма добродушнымъ и въ обхожденіи пріятнымъ и любезнымъ человѣкомъ, а имѣлъ однако онъ ту слабость, что былъ весьма самолюбивъ и наклоненъ слишкомъ къ тщеславію, распутству и даже мотовству самому, и съ сей стороны былъ крайне дуренъ самъ для себя. Находясь многіе годы въ отмѣнной милости у намѣстника, по причинѣ любви сего къ женѣ его, и избаловавшись тѣмъ слишкомъ все время, продолжалъ онъ и въ сіе время держаться прежнихъ своихъ привычекъ, и не отставая никакъ отъ расточительности и мотовства, предпринималъ и производилъ такія дѣла, которыя несообразны были ни съ какимъ благоразуміемъ и которыя самыя наводили на меня превеликую заботу и опасеніе, чтобъ не претерпѣть когда-нибудь и мнѣ чего-нибудь худаго за его безпутство и не только весьма худое раченіе о нашихъ волостяхъ, но паче и за самое расхищеніе многаго, до нихъ принадлежащаго. Какъ по самолюбію и тщеславію его было то

ему крайне непріятно, что намѣстникъ мѣшался въ дѣла наши и не давалъ ему во всемъ совершенную волю, какую ему имѣть хотѣлось, нося имя «директора экономіи и командира волостей нашихъ при правленіи оными», то, не смотря на то, старался онъ при всякомъ случаѣ, а особливо при пріѣздахъ своихъ къ намъ, не только принимать на себя видъ самовластнаго начальника надо всѣмъ, но и дѣйствительно отваживался дѣлать то, чего бъ ему никакъ не слѣдовало, и что совсѣмъ несообразно было съ намѣреніями и приказаніями намѣстника, а иногда и совсѣмъ противно онымъ; и дабы онъ о томъ не узналъ, то старался онъ производить то скрытно отъ него и желалъ притомъ, чтобъ и отъ меня сему не было о томъ никогда доносимо и упоминаемо. А самое сіе и приводило меня не рѣдко въ превеликое недоумѣніе и даже въ самое опасеніе, чтобъ не подвергнуть себя чрезъ то какому-нибудь отвѣту или, по крайней мѣрѣ, гнѣву отъ намѣстника, и я принужденъ былъ напрягать всѣ силы ума своего къ выдумыванію средствъ, удобныхъ къ сохраненію отъ обоихъ ихъ къ себѣ благосклонности и къ спасенію себя отъ нареканія и дурнаго имени. И одному Богу извѣстно, сколь многихъ мнѣ сіе трудовъ и заботъ стоило и сколь трудно было мнѣ, угождая одному, другому не пакостить, ни къ себѣ не вооружать. И какою желчью огорчало сіе все то, что я въ сіе время чувствовалъ хорошаго и пріятнаго.

Наиглавнѣйшее зло проистекало оттого, что расточительному моему меньшому командиру и директору, примѣняя не домоводство, а пустодомство, хотѣлось поживляться чѣмъ нибудь отъ нашихъ волостей и тѣмъ сколько-нибудь поддержать свои финансы, находившіеся весьма въ дурномъ положеніи; а потому и изыскивалъ онъ какъ самъ, такъ и по совѣту прихлебателей и лжедрузей своихъ, всѣ удобные къ тому способы и употреблялъ всевозможные къ тому тайные замыслы и хитрости. Наиглавнѣйшая цѣль его устремлена была на волостныя деньги, и дабы ему можно было ими транжирить какъ хотѣлось, то и преклонилъ онъ намѣстника, чтобъ дозволено ему было отъ обыкновенныхъ доходовъ, которые велѣно было ему доставлять въ казенную палату для сохраненія, отдѣлять нѣкоторую часть на мелочные по волостямъ расходы и называть экономическою суммою, препоручивъ ему оную въ полную волю и распоряженіе. Сихъ денегъ накоплялось у насъ-таки довольно, и съ ними онъ такъ хозяйствовалъ, что не рѣдко у меня становились оттого и волосы дыбомъ. Какое множество изъ нихъ растеряно было совсѣмъ на пустое и на однѣ его прихоти и излишнія затѣи, какое множество раздавалось имъ ни за что, ни про что разнымъ людямъ и какое множество расхищено самимъ имъ! Словомъ, всѣмъ симъ денежкамъ давалъ онъ совершенный карачунъ. Но симъ далеко онъ еще доволенъ не былъ; но ему хотѣлось запустить руки и въ главную сумму. И Боже мой! сколько заботъ наводилъ онъ мнѣ сими своими покушеніями и какихъ-и-какихъ предосторожностей ни долженъ я былъ употреблять при исполненіи насылаемыхъ ко мнѣ и даваемыхъ повелѣній, относящихся до присылки и употребленія денегъ. Не рѣдко доходило до того, что я не зналъ, что дѣлать, особливо, когда получалъ письма отъ него, либо объ отпускѣ куда-нибудь, либо объ употребленіи на что-либо денегъ, безъ записыванія въ расходную книгу, и сколько трудовъ мнѣ стоило вывертываться изъ такихъ критическихъ случаевъ. И я истинно уже не знаю, какъ меня Богъ спасъ съ сей стороны отъ опасностей и помогъ мнѣ отдѣлываться отъ него, въ разсужденіи сего пункта, безбѣдственно.

Другой предметъ для тайныхъ покушеній его былъ нашъ волостной хлѣбъ, собираемый уже изъ давнихъ лѣтъ въ нашъ большой и просторный каменный магазинъ. При вступленіи его былъ онъ весь наполненъ хлѣбомъ и было его нѣсколько десятковъ тысячъ четвертей. И

какъ надъ симъ имѣлъ онъ полную власть и могъ распоряжаться имъ, какъ ему хотѣлось, то истинно изобразить не можно, чего-чего онъ съ нимъ не предпринималъ. Онъ не только хваталъ самъ онаго по нѣсколько сотъ и тысячъ четвертей, подъ видомъ будто займа и продажи, но раздавалъ и друзьямъ, и знакомцамъ своимъ по нѣсколько сотъ и тысячъ четвертей заимообразно, и на большую часть такимъ, отъ которыхъ никакой не было надежды къ полученію онаго обратно. Такимъ же образомъ транжирилъ онъ имъ, раздавая, безъ дальней нужды, и разнымъ нашимъ подкомандующимъ, въ прибавокъ къ ихъ жалованью; а наконецъ и самымъ волостнымъ крестьянамъ, заимообразно. Я сколько ни представлялъ ему, что намъ собирать онаго съ нихъ и со всѣхъ заемщиковъ будетъ стоить очень многаго труда и что мы со многихъ и получить его не можемъ, но какъ онъ не хотѣлъ меня въ семъ случаѣ никакъ слушать, то и тѣмъ озабочивалъ меня чрезвычайно, и тѣмъ паче, что мнѣ не хотѣлось увѣдомленіемъ о томъ намѣстника приводить его ему подъ гнѣвъ, а себя съ сей стороны обезпечивать было очень трудно и стоило большихъ выдумокъ.

Не лучшимъ образомъ хозяйствовалъ онъ и нашими излишними, въ оброкъ отдаваемыми землями, и сколько оныхъ раздаваемо было друзьямъ и прихлебателямъ его почти даромъ и за ничто, и чего-и-чего и въ разсужденіи сего пункта ни происходило! Онъ и съ сей стороны ни мало не уважалъ всѣ дѣлаемыя мною ему представленія и предостереженія; а такимъ же образомъ хозяйствовалъ онъ и съ нашими карпями и продажею оныхъ. Боже мой! сколько мы растеряли оныхъ и раздарили оныхъ его друзьямъ и знакомцамъ, и сколько растеряли даже самихъ денегъ при развозкѣ ихъ въ мѣста, иногда дальнія, на казенномъ коштѣ. Словомъ, все его хозяйство было прямо удивительное и такое, которое можно было назвать совершенно расточительнымъ.

Итакъ, будучи принужденъ ему во всемъ томъ по неволѣ и противъ хотѣнія содѣйствовать, имѣлъ я тысячу заботъ, смущеній и безпокойствъ, и оныя продолжались во все теченіе сего года и были для меня особенно чувствительны, и тѣмъ паче, что при всемъ томъ долженъ я былъ весьма многое терпѣть и отъ негодяевъ, завистниковъ моихъ, напрягавшихъ всѣ силы умовъ своихъ къ вымышленію разныхъ козней и старающихся всячески оклеветать меня не только намѣстнику, но самому даже г. Давыдову, дабы тѣмъ уничтожить въ обоихъ ихъ прежнее ко мнѣ благорасположеніе и вымышляющихъ всевозможныя хитрости къ тому, чтобъ столкнуть меня съ моего мѣста, что все узнаете вы изъ дальнѣйшаго описанія происшествій сего года.

А теперь обращаясь къ прерванной сею побочностію нити моей исторіи, скажу, что въ помянутыхъ занятіяхъ проводилъ я весь тогдашній генварь мѣсяцъ. А съ началомъ февраля наступила у насъ тогда масляница, которую провели мы довольно весело. Въ продолженіе оной были у насъ у всѣхъ городскихъ не только ежедневные съѣзды и при съѣздахъ сихъ разныя забавы и игры, но у насъ сдѣланы были даже и горы для катанія, и мы увеселялись даже оными какъ съ городскими своими друзьями, такъ и съ пріѣзжавшими къ намъ въ сіе время многими гостями, и я самъ, будучи всегдашнимъ охотникомъ, по старинной памяти покатался сколько-нибудь на оныхъ.

Пріѣздъ къ намъ посреди сей недѣли на короткое время г. Давыдова, моего младшаго командира, поразстроилъ-было нѣсколько наши масляничныя забавы. Онъ пріѣзжалъ въ сей разъ не столько по должности, сколько для своихъ собственныхъ надобностей. Для поправленія разстроеннаго состоянія своего, вздумалось ему вступить въ часть откупа виннаго и согласиться въ томъ съ тогдашнимъ нашимъ откупщикомъ г. Хомяковымъ, Иваномъ Васильевичемъ, весьма добрымъ человѣкомъ и всѣмъ намъ общимъ пріятелемъ, и главное намѣреніе

его состояло въ томъ, чтобъ въ пользу сего откупа и виннаго Хомяковскаго завода посчётиться у насъ изъ магазина тысячью четвертями хлѣба подъ видомъ отданія оныхъ заимообразно помянутому Хомякову.

Со всѣмъ тѣмъ, хотя главная нужда его была и сія, и чтобъ во всемъ съ г. Хомяковымъ поговорить и во всемъ, особливо въ томъ, согласиться, какъ бы имъ удобнѣе всю нашу волость спаивать съ кругу; однако, для вида, не преминулъ онъ и всѣ мѣста у насъ обходить и осмотрѣть, и такимъ образомъ, какъ онъ до того не дѣлывалъ и который произвелъ во мнѣ уже нѣкоторое и довольно меня смутившее сумнѣніе, ибо казалось мнѣ, что имѣлъ онъ нѣчто сокровенное на умѣ.

Но какъ бы то ни было, но онъ пробылъ у насъ въ сей разъ одни только сутки, квартировалъ во флигелѣ, и какъ обѣдалъ, такъ и ужиналъ со всѣми пріѣзжавшими къ нему гостями у меня, и ввечеру казался быть опять по-прежнему добрымъ и вмѣстѣ съ нами провелъ сей вечеръ весело.

Проводивъ его въ пятницу опять въ Тулу, принялись мы опять за свои масляничныя веселости и провели остальные дни, а особливо субботу, очень весело; въ который день угощалъ насъ у себя засѣдатель нашъ г. Арсеньевъ, Николай Сергѣевичъ, квартировавшій также во дворцовыхъ флигеляхъ.

Наконецъ наступили заговины и послѣдній день нашей Сырной недѣли, употребленный нами по обыкновенію на разъѣзды другъ къ другу и прощанья, а простымъ народомъ на пьянство и сумасбродство. Мы провели и сей день довольно весело, ни мало не воображая, что конецъ онаго произведетъ всѣмъ намъ, особливо мнѣ, такую досадную неожидаемость, которая смутила весь духъ мой неизобразимымъ образомъ и обременила меня тысячью новыхъ хлопотъ, трудовъ, заботъ и безпокойствъ, и едва-было-едва не обратилась и самому здоровью моему во вредъ великій и опасный.

Было это уже при концѣ самаго дня и въ самыя сумерки, какъ нѣкоторые изъ подкомандующихъ моихъ прибѣжали ко мнѣ безъ души, съ увѣдомленіемъ, что во флигелѣ дворцовомъ, въ концѣ онаго, примыкающемъ къ башнѣ или нашей колокольнѣ, въ комнаткахъ, находящихся во второмъ этажѣ, что-то загорѣлось и сдѣлался пожаръ. Легко можно заключить, что я почти оцѣпенѣлъ, о семъ услышавъ. Я безъ памяти бросился бѣжать съ ними туда, чтобъ сіе увидѣть и спѣшить употребленіемъ средствъ къ погашенію сего только начавшагося пожара; но, прибывши, увидѣлъ, что вся человѣческая помощь была уже тщетная. Произошелъ пожаръ сей отъ непростительнаго небреженія нѣкоторыхъ старушекъ и жильцовъ, помѣщенныхъ, по приказанію моего командира, въ помянутыхъ маленькихъ комнаткахъ, въ концѣ онаго флигеля, надъ кухнею находящихся. Жильцы сіи топили по обыкновенію свою печь и какимъ-то образомъ огонь изъ нея пробрался въ одну изъ балокъ, бывшую подъ печью и подъ поломъ сей канурки. Бездѣльники чувствовали еще въ полдень, что пахло у нихъ что-то гарью, но были такъ оплошны, что сего не увидѣли, а поспѣша скитаться по городу для прощанья, заперли ее и ушли; а когда огонь имѣлъ время усилиться и отъ него всѣ тутошныя комнаты такъ къ вечеру, когда сіе усмотрѣли, наполнились дымомъ и зноемъ, что не было никакой возможности уже въ нихъ войтить, а поелику весь сей флигель былъ каменный и покрытъ желѣзомъ, то и снаружи ничего къ погашенію пожара учинить и предпріять было не можно.

Господи! какъ я смутился отъ досады и вздурился, когда я, прибѣжавъ, увидѣлъ, что вся человѣческая помощь была тщетна и не могла остановить дѣйствіе сего скорыми шагами увеличившагося пожара. Я бросался, кричалъ, приказывалъ, но все было тщетно. Чрезъ нѣсколько минутъ огонь такую взялъ уже силу, что принужденъ былъ дать ему совершенную уже волю разрушать сей

огромный и прекрасный флигель, и тутъ-то имѣлъ я случай впервые еще видѣть, какъ горятъ каменныя, двух-этажныя и покрытыя желѣзомъ зданія и ужасаться. Пожаръ происходилъ очень медленно и, продлившись всю ночь, представлялъ при концѣ своемъ зрѣнію нашему сущій адъ съ разверстымъ зѣвомъ, и я за счастіе еще почелъ, что мнѣ удалось спасти цѣлую половину сего огромнаго флигеля особливою выдумкою. Всѣ они разграждены были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ брандмаурами или цѣльными, безъ всякихъ отверстій, стѣнами; но какъ усмотрѣлъ я, что и они помогли мало, а огонь по слегамъ подкровельнымъ переходилъ изъ одного отдѣленія въ другое, то велѣлъ я скорѣе взобраться людямъ съ топорами въ незагорѣвшее еще отдѣленіе и перерубить снизу всѣ оныя деревянныя слеги, по которымъ простиралась по всему флигелю желѣзная кровля подлѣ одной брандмауры. А сіе вмѣстѣ съ нею и не допустило огонь простираться далѣе, и цѣлая половина сего флигеля осталась чрезъ то цѣлою, хотя, къ неописанной досадѣ моей, при вынашиваніи изъ оной всего въ ней бывшаго, негодный нашъ сбѣжавшійся чорный народъ переломалъ и перековеркалъ не только всѣ оконницы, но и самыя кафельныя, бывшія въ ней печи, и не могъ надивиться, что за удовольствіе находили бездѣльники проламывать чѣмъ-то всѣ кафли въ тонкихъ мѣстахъ насквозь; на что не могъ я взглянуть, не пожимая плечами.

По какъ бы то ни было, но половина флигеля сгорѣла, и казна претерпѣла чрезъ сей случай великій убытокъ; но сего было еще не довольно и надобно было, чтобъ и я, неимѣвшій хотя ничего моего собственнаго въ семъ флигелѣ, а претерпѣлъ-таки не столько большой сколько чувствительный и досадный убытокъ чрезъ растеряніе многихъ книгъ изъ моей библіотеки. Вся она, за неимѣніемъ мѣста помѣстить всю ее въ моемъ домѣ, находилась въ комнатахъ, надъ помянутой колокольней находящихся, и какъ пожаръ сдѣлался подлѣ самой оной, то, боясь, чтобъ не загорѣлась и она, за необходимое я счелъ велѣть скорѣе всѣ книги мои и бывшій тамъ же мой запасный табакъ и прочія вещи выносить изъ оныхъ, внизъ по лѣстницѣ, вонъ, и для безопасности переносить въ нашу каменную и довольно отъ сего мѣста отдаленную церковь. «А при семъ перенашиваніи и угодно было бездѣльникамъ растаскать и расхитить у меня множество книгъ, не только русскихъ, но самыхъ и французскихъ, и нѣмецкихъ, которыя бездѣльникамъ и грабителямъ симъ ни къ чему не годились, а у меня только разрознили и окорнали многія книги, изъ разныхъ частей состоящія. Не могу изобразить, какъ было мнѣ сіе досадно, и тѣмъ паче, что колокольня осталась цѣла и не претерпѣла никакого поврежденія, а я, отъ излишней осторожности, лишился множества книгъ и табаку, который также они гораздо-и-гораздо поубавили.

Но и сего было еще не довольно; но надлежало и самому мнѣ при семъ пожарѣ претерпѣть столь сильный толчокъ въ грудь концомъ лѣстницы, что я съ нуждою тогда устоялъ на ногахъ, и боль отъ сего толчка нѣсколько недѣль послѣ того чувствовалъ и боялся, чтобъ не впасть оттого въ чахотку. Но при помощи Божеской и искусства нашего лѣкаря, лѣчившаго меня отъ сего зла, благополучно отъ сего избавился.

Симъ образомъ, „ни-думано-ни-гадано, конецъ масляницы нашей былъ совсѣмъ не таковъ веселъ, какъ ея начало и продолженіе, и пожаръ сей такъ дѣло подгадилъ, что не взмилились намъ всѣ наши забавы и увеселенія.

А какъ я письмо мое достигло до своихъ обыкновенныхъ предѣловъ, то дозвольте мнѣ и оное на семъ мѣстѣ кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Октября 11 дня, 1810 года. Дворениново).

Письмо 228.

Любезный пріятель! Легко можно заключить, что описанный въ предслѣдовавшемъ моемъ письмѣ несчастный случай былъ для меня весьма поразителенъ. Къ пожару сему хотя я собственно самъ собою и не подалъ ни малѣйшаго повода и я былъ въ разсужденіи онаго ни мало не виноватъ, но мысль, что извѣстіе объ ономъ, отправленное на другой день съ нарочнымъ въ Тулу, безсомнѣнно будетъ обоимъ моимъ начальникамъ крайне непріятно, и опасеніе, чтобъ не произвелъ сей случай отъ нихъ на меня нѣкотораго негодованія,—весьма меня озабочивали и тревожили.

Въ сихъ безпокойныхъ мысляхъ препроводилъ я всю первую недѣлю тогдашняго великаго поста, въ которую мы со всѣмъ домомъ говѣли и по обыкновенію молились Богу, а въ праздные часы, оба съ сыномъ, занимались рисованіемъ своихъ картинъ садовыхъ. Я работывалъ нѣкоторые его скицы въ книгѣ, а онъ рисовалъ свои картины для государыни. По утрамъ же занимался я сочиненіемъ матеріаловъ для «Магазина»; вечернее-жъ время посвящали мы чтенію важныхъ нравоучительныхъ и духовныхъ книгъ.

Между тѣмъ получилъ я отвѣтъ на мой рапортъ о пожарѣ и радъ былъ, что въ ономъ ничего не содержалось для меня непріятнаго, и потому, съ спокойнѣйшимъ духомъ сталъ дожидаться пріѣзда младшаго моего командира, для осмотра пожарища.

Сей пріѣздъ не прежде воспослѣдовалъ, какъ въ половинѣ уже февраля мѣсяца. И какъ, между тѣмъ, надо было увѣдомить о пожарѣ нашемъ и намѣстника и отъ него получить отвѣтъ, то я ожидалъ себѣ отъ обоихъ ихъ за пожаръ сей выговора. Однако, къ особому моему удивленію, не получилъ я никакого, и отъ обоихъ ихъ не оказано было мнѣ ни малѣйшаго за то неудовольствія, а приказано было только г. Давыдову самому все поврежденное пожаромъ осмотрѣть на мѣстѣ, со мною подумать о томъ, какъ бы сію сгорѣвшую половину флигеля колико можно скорѣе возобновить и опять отдѣлать по-прежнему. И какъ командиръ мой, стоявшій въ сей разъ въ домѣ у Варсобина, былъ ко мнѣ въ сей пріѣздъ отмѣнно благосклоненъ, то постарался я у себя въ домѣ сдѣлать для него праздничекъ и угостить его со всѣми пріѣзжавшими къ нему гостьми ужиномъ и доброю веселою вечеринкою, а при осмотрѣніи пожарища съ охотою принялъ на себя коммиссію не только прожектировать, какимъ образомъ намъ лучше и удобнѣе его поправить и, пользуясь уцѣлѣвшими каменными стѣнами, опять выстроить и расположить еще лучше противъ прежняго, но сдѣлать и смѣту, чего все то будетъ стоить. Въ семъ послѣднемъ дѣлѣ и принужденъ я былъ тогда впервые еще въ жизни упражняться. И какъ всѣмъ симъ надлежало намъ возможнѣйшимъ образомъ поспѣшить, ибо и самымъ поправленіемъ флигеля хотѣлось всѣмъ намъ успѣть до ожидаемаго пріѣзда императрицы, то успѣли мы еще въ тотъ же день сторговать и истребовать къ тому лѣсъ у Алексинскаго купца Маслова, пріѣзжавшаго къ намъ вмѣстѣ съ моимъ командиромъ, и подрядить и и другое что было нужно.

Итакъ, не успѣлъ я проводить своего командира, какъ съ величайшею ревностію и принялся я за очищеніе пожарища и приуготовленіе всего, что было нужно къ возстановленію флигеля. Но едва только дня три прошло, какъ удивленъ и въ превеликое недоумѣніе приведенъ я былъ полученіемъ отъ самаго намѣстника къ себѣ ордера, съ повелѣніемъ, чтобы мнѣ немедленно, вмѣстѣ съ г. Давыдовымъ, пріѣхать къ нему въ Калугу и привезть съ собою относящіяся до волостей нѣкоторыя бумаги.

Удивленіе мое сему неожидаемому призыву было тѣмъ больше, что я не зналъ, зачѣмъ бы насъ обоихъ намѣстникъ и въ такое время и съ строгостью призывалъ, въ которое по сдѣлавшейся около сего времени распутицѣ почти ѣхать бы-

ло не можно. Но какъ повелѣніе надлежало выполнить, то, позабывъ всю дурноту дороги, я принужденъ былъ на другой день въ сей путь отправиться и нашолъ въ Тулѣ г. Давыдова, такимъ же удивленіемъ объятаго, ибо и онъ не зналъ и не могъ догадаться, за чѣмъ бы такимъ насъ въ Калугу спрашивали. Но какъ перемѣнить мы были не въ состояніи, то и принуждены были оба, сѣвши въ кибитку и забравъ съ собою писцовъ, въ сей путь отправиться и имѣть множество не только трудовъ, но и самыхъ опасностей въ дорогѣ; ибо отъ сдѣлавшагося тепла дороги такъ испортились, а Ока рѣка сдѣлалась опасна, что мы, ѣдучи вдоль оной, того и смотрѣли, чтобъ не попасть гдѣ-нибудь въ полынью, и съ трудомъ дотащились 23 февраля по-утру до Калуги.

Тутъ остановившись вмѣстѣ въ трактирѣ и повидавшись съ намѣстническимъ адъютантомъ г. Комаровымъ, пошли мы къ намѣстнику. Я не инако думалъ, что онъ призывалъ по поводу пожара и будетъ говорить объ ономъ, и потому готовился ему отвѣчать. Но какимъ удивленіемъ оба мы, съ г. Давыдовымъ, поразились, когда онъ, вмѣсто того, началъ намъ предлагать многіе и такіе вопросы, до волостей нашихъ относящіеся, какихъ мы всего меньше ожидали, и которые были такъ темны, что мы не понимали, чтобъ такое все это значило, а могли только заключить, что намѣстнику подали поводъ къ тому какія-нибудь отъ бездѣльниковъ тайныя шпионическія на насъ клеветы и ухищренія, а особливо устремленныя на меня. И какъ явленіе сіе было совсѣмъ новое, до того небывалое и необыкновенное, и дѣло касалось до чувствуемаго будто бы великаго всѣми волостными крестьянами на дѣлаемыя новыя распоряженія неудовольствія, и намѣренія ихъ просить о томъ государыню, то сіе смутило весь мой духъ и приводило мысли мои въ крайнюю разстройку, такъ, что я не зналъ, что̀ о семъ думать и кого бы изъ недоброхотовъ и завистниковъ моихъ тѣхъ обвинять. Словомъ, оба мы, съ г. Давыдовымъ, приведены были въ превеликое недоумѣніе и только сей неожидаемости дивились.

Какъ тогдашняя распутица дѣлалась съ каждымъ днемъ хуже, то намѣстникъ не сталъ насъ держать долго и отпустилъ обратно, говоря, чтобъ мы взяли осторожность, и приказавъ г. Давыдову объѣздить со мною наши волости и поразвѣдать сколько можно обо всемъ томъ, о чемъ предлагалъ онъ намъ загадочные вопросы. Итакъ, отобѣдавши у него, на другой день поѣхали мы съ г. Давыдовымъ назадъ и, ѣдучи рѣкою Окою, чуть-было не вскакали въ полынью превеликую, сдѣлавшуюся на самой дорогѣ тамъ, гдѣ наканунѣ она вовсе не была. Мы, ни мало не воображая того, скакали себѣ во всю прыть и вдругъ, увидѣвъ предъ собою превеликую полынью въ такой близости, что лошади въ нее почти ногами попали, въ прахъ перепугались, и едва-едва успѣли ихъ остановить и повернуть въ сторону, дабы ее объѣхать. Но каково-жъ смущеніе наше было, когда увидѣли мы, что и по обѣимъ сторонамъ въ томъ мѣстѣ были страшныя полыньи и между ими только самая узенькая и такая полоска льда осталась цѣлою, что съ нуждою могли пройти сани. Господи! какъ мы тогда перетревожились и съ какимъ страхомъ, вышедши изъ повозки, принуждены были пѣшкомъ переходить по сей узкой полосѣ и перевозить потомъ по ней свою повозку. Съ каждою минутою думали мы, что онѣ обрушатся, но, по счастію, кое-какъ перебрались мы чрезъ сіе опасное мѣсто и вскорѣ потомъ выѣхали на берегъ, гдѣ хотя и труднѣе было ѣхать, но не таково опасно. И какъ г. Давыдовъ, заѣзжавшій тогда на часокъ въ любезное свое Аннинское, по пріѣздѣ въ Тулу, не сталъ держать меня ни минуты, то и на шестой день послѣ отъѣзда моего возвратился я кое-какъ, хотя съ крайнею нуждою, въ свое мѣсто.

Во все время кратковременнаго сего, но труднаго и скучнаго, а особливо обратнаго путешествія, мысли о предлагае-

мыхъ намъ вопросахъ не выходили у меня изъ головы и смущали меня до чрезвычайности. Но сколько я ни думалъ, но никакъ не могъ навѣрное полагать, кто-бъ такой произвелъ сіи сплетни и отъ кого-бъ ковались противъ меня такіе сокровенные ковы и злодѣйства. И какъ по всему видимому, можно было заключить, что происходятъ они отъ людей, которымъ вся внутренность нашихъ волостей была коротко извѣстна, то наиболѣе подозрѣвалъ я въ томъ нашего грузина-городничаго и огорчался тѣмъ, что сей человѣкъ, которому я ничего, кромѣ чистосердечнаго благопріятства, ни оказывалъ, питалъ ко мнѣ, самъ не зная за что, въ сердцѣ своемъ злобу и мнѣ всячески только вредить старался. Но какъ меня все сіе съ одной стороны ни озабочивало и ни смущало, такъ напротивъ того утѣшала и подкрѣпляла духъ мой надежда и упованіе, возлагаемое мною всегда и во всемъ на помощь, покровительство и охраненіе Божеское, а потомъ и на самое искреннее благорасположеніе ко мнѣ и самого намѣстника.

Какъ политика и всѣ обстоятельства требовали, чтобъ намъ все слышанное отъ намѣстника подержать за собою, то я не сказалъ о томъ ни кому и ничего, и не давая ни малѣйшаго вида, принялся я, по возвращеніи своемъ, опять за прежнія мои упражненія, а особливо за поправленіе сгорѣвшаго флигеля и другія дѣла по волости. Сихъ столкнулось тогда такъ много, что какъ ни хотѣлось намъ, для нѣкоторыхъ нуждъ, съ женою моею съѣздить на самое короткое время въ Москву, пользуясь остальнымъ еще зимнимъ путемъ, но никакъ отъ волости отлучиться было не можно, и потому другого не оставалось, какъ отпустить ее туда одну, съ старшею моею дочерью и сыномъ, въ который путь они 1-го числа марта и отправились. Но дурнота пути принудила ихъ, по пріѣздѣ въ Тулу, сію ѣзду отложить и возвратиться ни съ чѣмъ опять ко мнѣ въ Богородицкъ.

Лишь только отпустилъ я жену свою съ дѣтьми въ сію дорогу, какъ на другой день прискакалъ ко мнѣ нашъ городничій, съ извѣщеніемъ, что вскорѣ проѣзжать будетъ чрезъ Богородицкъ главный въ тогдашнее время и знатный генералъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ, бывшій Орловскій намѣстникъ, и всѣми очень уважаемый, чего онъ былъ и достоинъ. И мы условились съ княземъ, чтобъ приготовить ему квартиру у меня въ домѣ; на что я охотно и соглашался, поелику мнѣ давно хотѣлось видѣть сего славнаго и добраго вельможу. Однако все наше ожиданіе его пріѣзда было тщетное. Онъ что-то позамѣшкался и не пріѣхалъ; а вмѣсто того воспослѣдовало прибытіе также ожидаемаго мною командира моего г. Давыдова для помянутаго объѣзда обѣихъ волостей и расспрашиванія.

Въ сей путь мы съ нимъ тотчасъ и отправились, и поѣхали сперва въ Бобриковскую волость, и объѣздивъ всю ее, поѣхали потомъ въ Богородицкую и побывали во всѣхъ знаменитѣйшихъ селеніяхъ по оной и вездѣ данныя намъ отъ намѣстника бумаги читали и по повелѣнію его о всѣхъ неудовольствіяхъ разспрашивали, но не могли нигдѣ ничего найти и такое услышать, что-бъ сообразно было сколько-нибудь съ тѣмъ, что мы отчасти отъ намѣстника слышали; но вездѣ всѣ крестьяне не приносили ни малѣйшей ни на что жалобы, а твердили только, что они всѣмъ-и-всѣмъ довольны, и что и на умѣ ни у кого нѣтъ приносить какія-либо жалобы. Словомъ, сколько мы ни старались, но не могли ничего открыть и остались опять въ прежнемъ недоумѣніи о тайныхъ противъ насъ козняхъ и замыслахъ бездѣльниковъ.

Въ семъ путешествіи провели мы почти цѣлую недѣлю, будучи принуждены въ деревняхъ обѣдывать и ночевать въ избахъ чорныхъ. Между тѣмъ безъ насъ въ Богородицкѣ дожидались также тщетно проѣзда другихъ генераловъ, Шипова и Бутурлина; а къ намъ привезенъ былъ какой-то капельмейстеръ для обученія мальчиковъ волостныхъ музыкѣ. Былъ онъ природой полякъ, хотя и на-

зывался Иваномъ Ивановичемъ Розенбергскимъ и ходилъ хотя на костылѣ, будучи хромоногимъ, но дѣло свое разумѣлъ довольно. Мы тотчасъ выбрали ему изъ нашихъ школьниковъ столько человѣкъ, сколько нужно было для полной капели и отправили его въ Москву для покупки всѣхъ нужныхъ къ тому инструментовъ.

По отъѣздѣ отъ насъ г. Давыдова, во все достальное время тогдашняго великаго поста не было и не происходило у насъ ничего важнаго и особливаго, кромѣ того, что, по привезеніи инструментовъ, мы начали тотчасъ назначенныхъ мальчиковъ учить музыкѣ. И какъ около сего времени столкнулось у насъ въ домѣ довольное количество учившихся грамотѣ взрослыхъ уже ребятишекъ, то вздумали и мы съ сыномъ воспользоваться симъ случаемъ и, приласкавъ къ себѣ капельмейстера, отдали шестерыхъ мальчиковъ учить ему, а вкупѣ началъ и самъ сынъ мой учиться у него играть на скрипицѣ.

Впрочемъ, во все сіе время занимался я, по прежнему обыкновенію своему, въ безпрерывныхъ трудахъ и упражненіяхъ разныхъ, и все остающееся время отъ дѣлъ по моей должности посвящалъ я литературѣ и художествамъ. Я спѣшилъ понаготовить сколько можно болѣе матеріала для своего «Экономическаго Магазина», дабы мнѣ въ лѣтнее время тѣмъ было свободнѣе; а сверхъ того, принялся-было передѣлывать и всю свою «Дѣтскую философію», о напечатаніи которой г. Новиковъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, и написалъ-было уже новые начальные разговоры, ибо прежніе мнѣ не нравились; но трудъ сей употребленъ былъ тщетно, ибо дѣло сіе какъ-то у насъ съ г. Новиковымъ не состоялось и ему что-то помѣшало произвести сіе обоюдное наше желаніе въ дѣйствіе. Кромѣ сего, я и сынъ мой продолжали заниматься рисованіемъ картинъ нашихъ, а въ праздничное время, вмѣстѣ съ г. Сухотинымъ, по-прежнему читали хорошія и учительныя книги.

Съ наступленіемъ Святой недѣли, начавшейся въ сей годъ 28 марта, и которую мы провели довольно весело, начались для меня новыя хлопоты и заботы. Наступила половодь, и пруды наши подверглись опять отъ нея опасностямъ, и одинъ изъ нихъ, маленькій и новый, и прорвался совершенно. Итакъ, принужденъ былъ я опять денно-и-нощно заниматься помышленіями объ оныхъ и то и дѣло все ихъ осматривать и приказывать дѣлать все, что къ сохраненію ихъ было потребно.

Не успѣлъ я отъ заботы въ разсужденіи прудовъ освободиться, какъ открывшаяся весна открыла новое поприще къ безчисленнымъ трудамъ и работамъ надворнымъ. Бывшая въ сей годъ теплая зима и дурная половодь перепортили у меня многое въ саду. Все сіе надлежало поправить и починить, а сверхъ того множество и другихъ начатыхъ и неоконченныхъ дѣлъ спѣшить оканчивать и сады наши для ожидаемаго прибытія въ сіе лѣто Государыни въ Тулу приводить, колико можно, въ лучшее состояніе; ибо всѣ не сомнѣвались въ томъ, что она побываетъ и у насъ въ Богородицкѣ. Почему, сообразуясь съ повелѣніями намѣстника, не жалѣлъ я ни трудовъ, ни работъ и нерѣдко безвыходно почти провождалъ все вешнее время въ садахъ, но сверхъ того и трудился еще надъ сочиненіемъ большаго плана нашему саду. Сынъ же мой всячески старался выдѣлкою своихъ садовыхъ картинъ для Государыни, и картины сіи выходили такія, что я самъ ими не могъ довольно налюбоваться.

Итакъ, я во весь апрѣль занимался сими садовыми работами, производимыми отчасти по-прежнему — виноватыми крестьянами, отчасти выбранными около сего времени дворовыми людьми, или такъ названными бобылями; ибо какъ при объѣздѣ волостей нашли мы въ разныхъ селеніяхъ нѣсколько человѣкъ отъ пьянства и нераченія совсѣмъ обѣднявшихъ крестьянъ, находящихся не въ состояніи платить оброка и податей, то

вздумали мы всѣхъ сихъ взять въ огородники и составить изъ нихъ нѣкоторый родъ дворовыхъ людей, которые, питаясь тутъ казеннымъ хлѣбомъ и довольствуясь опредѣленнымъ имъ небольшимъ жалованьемъ, могли исправлять всѣ нужнѣйшія мелкія работы и чрезъ то освободить насъ отъ еженедѣльнаго наряда, для сихъ мелкихъ ежедневныхъ работъ, волостныхъ крестьянъ, которыя для нихъ обращались въ нѣкоторое отягощеніе. И сими-то такъ названными бобылями пользовался я при исправленіи нужнѣйшихъ работъ вешнихъ. Но какъ дѣлъ и работъ, а особливо по случаю поправленія сгорѣвшаго флигеля и строенія большой каменной ранжереи было великое множество и сими людьми всѣ оныя далеко исправить было не можно, то самая необходимость заставливала меня, по прежнему обыкновенію, наряжать кой-когда и съ волостей по стольку человѣкъ конныхъ и пѣшихъ работниковъ, сколько когда было нужно, и производить ими иныя другія работы. О семъ упоминаю я болѣе для того, что отъ самаго сего проистекли послѣ непріятныя для меня послѣдствія, какъ услышите о томъ въ свое время.

Между тѣмъ какъ сіе происходило, имѣлъ я неудовольствіе узнать, что на подкомандующаго моего, Бобриковскаго управителя г. Верещагина, произошла отъ тамошнихъ крестьянъ жалоба о взяткахъ и дѣлаемыхъ имъ съ мужиковъ нѣкоторыхъ поборахъ. Ко мнѣ присланъ былъ объ немъ ордеръ и велѣно было мнѣ изслѣдовать сіе и принудить его всѣхъ просителей удовольствовать. Итакъ, принужденъ былъ я въ Бобрики къ нему ѣздить и, поговявъ его хорошенько за такія шалости и дурноты, заставилъ при себѣ удовлетворить всѣхъ просителей и впередъ отнюдь на то не покушаться.

Еще памятно мнѣ, что около сего времени дѣланы мнѣ были изъ-подъ руки предложенія, не хочу ли я войтить въ часть откупщикамъ по тогдашнему откупу. Но я, гнушаясь всегда сими неправильными наживами, на-отрѣзъ въ томъ отказалъ, а хотѣлъ довольствоваться однимъ тѣмъ, чѣмъ Богъ меня благословилъ.

Еще достопамятно, что около сего же времени случилось-было съ сыномъ моимъ превеликое несчастіе: капельмейстеръ нашъ, при ученіи его на скрипицѣ, ненарочнымъ образомъ чуть-было не выкололъ ему глаза, и самъ Господь спасъ его отъ явной сей бѣды превеликой.

Въ сихъ происшествіяхъ наступилъ наконецъ нашъ май мѣсяцъ, котораго 1-е число, провожденное нами въ гуляньи и очень весело, сдѣлалось достопамятно мнѣ полученіемъ ордера, чтобъ мнѣ быть въ Тулу для отданія отчета въ своихъ дѣлахъ пріѣхавшему уже туда намѣстнику и представленія ему бумагъ нашихъ. Всходствіе чего и принужденъ я былъ, забравши съ собою все нужное, и между прочимъ какъ свои планы, такъ и рисованныя сыномъ моимъ картины, ѣхать въ сей губернскій городъ.

Тутъ дѣланы уже были всѣ нужныя къ ожидаемому прибытію Императрицы пріуготовленія. И какъ для пребыванія оной назначенъ былъ каменный небольшой домъ, бывшій на оружейномъ заводѣ, то увеличивался оный, и передѣлывалось въ немъ все, что было надобно; почему намѣстника нашелъ я стоящаго уже въ другомъ домѣ. Онъ принялъ меня по-прежнему очень милостиво и благосклонно, и увидѣвъ картины сына моего, былъ ими чрезвычайно доволенъ и говорилъ, чтобъ я велѣлъ ему ими какъ можно поспѣшать и чтобъ, по изготовленіи всѣхъ 24, переплести ихъ въ богатый переплетъ, отдѣланный зеленымъ гарнитуромъ и раззолоченный приличнымъ образомъ. Такимъ же образомъ былъ онъ доволенъ и моими планами и всѣми моими дѣлами. И наконецъ, давъ повелѣніе о нарядѣ и приготовленіи нѣкотораго количества лошадей на станцію, для проѣзда Императрицы, и приказавъ и въ прочемъ поспѣшить мнѣ своими работами въ садахъ, не сталъ меня держать ни минуты и въ тотъ же день отпустилъ обратно въ Богородицкъ. И все у насъ

при семъ свиданіи было по-прежнему ладно и все шло хорошо.

Одобренъ будучи таковымъ ласковымъ и благопріятнымъ пріемомъ и возвратившись съ спокойнымъ духомъ въ Богородицкъ, принялся я съ усугубленною ревностью за продолженіе работъ садовыхъ и прочихъ и занимался тѣмъ во весь май мѣсяцъ, не жалуясь ни мало ни на труды, ни на безпокойства, хотя сихъ, по случаю дѣланія многихъ водяныхъ украшеній, было весьма довольно; но какъ всѣ онѣ были самимъ мною выдумываны и затѣваемы и я спѣшилъ какъ можно произвести ихъ въ дѣйство и окончить до ожидаемаго прибытія Императрицы, то и производилъ всѣ сіи работы самопроизвольно и безъ всякаго принужденія, и труды, съ коими онѣ были сопряжены, были мнѣ ни мало не тягостны и совсѣмъ почти нечувствительны.

Въ сихъ безпрерывныхъ занятіяхъ застало меня въ половинѣ сего мѣсяца письмо, присланное ко мнѣ нарочнымъ отъ намѣстника, съ увѣдомленіемъ, что чрезъ нашъ городъ проѣзжать будетъ славный въ тогдашнее время у насъ генералъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ, и приказаніемъ, чтобъ я учинилъ къ продовольствію его всѣ нужныя приготовленія. Какъ сего вельможу не случалось мнѣ еще никогда видѣть, то радъ я былъ, что получу случай его видѣть и узнать, и съ удовольствіемъ приготовлялъ для него во дворцѣ нашемъ квартиру. Однако ему что-то не разсудилось стать въ ономъ, а онъ остановился въ городѣ, въ домѣ у одного купца. Мы со всѣми городскими не преминули тотчасъ къ нему сбѣжаться, и князь обошелся съ нами, а особливо со мною, весьма благосклонно, и все поведеніе его было таково, что онъ съ первыхъ минутъ заставилъ всѣхъ насъ себя полюбить и возымѣть къ нему искреннее почтеніе.

Было уже то передъ вечеромъ, какъ онъ къ намъ пріѣхалъ. И какъ онъ расположился у насъ въ городѣ ночевать, то и имѣлъ я случай спознакомиться съ симъ великимъ и славнымъ человѣкомъ короче. Онъ былъ человѣкъ умный, знающій и весьма любопытный. И какъ стоялъ онъ въ такомъ домѣ, изъ котораго изъ-за рѣки видѣнъ былъ весь нашъ дворецъ и садъ, то все сіе и подало ему поводъ ко вступленію со мною опять въ разговоръ; а мнѣ то только было и надобно, и я такъ занялъ его съ своими разсказами о пескахъ и прочемъ, и въ такое привелъ любопытство, что онъ жалѣлъ, что было уже такъ поздно, а то-бъ онъ хотѣлъ видѣть садъ нашъ самолично. А я, услышавъ сіе, предложилъ: не угодно ли ему, по крайней мѣрѣ, видѣть его въ рисункахъ, и тотчасъ сбѣгалъ въ сѣни за принесенною съ собою садовою своею книгою и ему ее представилъ. Пожелавъ очень ее видѣть, съ величайшимъ любопытствомъ и удовольствіемъ разсматривалъ онъ всю ее, и любопытство его такъ увеличилось, что онъ наконецъ мнѣ сказалъ: «Вы, судырь, заставили меня перемѣнить мое намѣреніе, я хотѣлъ-было завтрѣ до свѣта отсюда ѣхать далѣе, но теперь располагаю уже пробыть завтрѣ здѣсь и все утро, и только для того, чтобъ побывать въ саду вашемъ и посмотрѣть все то въ натурѣ, что видѣлъ теперь въ прекрасныхъ рисункахъ».—«Мы очень тому будемъ рады и сочтемъ сіе за бо́льшую честь», сказалъ я ему на сіе въ отвѣтъ, и вскорѣ послѣ сталъ-было откланиваться, чтобъ итти домой, но князь успѣлъ уже такъ меня полюбить, что просилъ меня раздѣлить съ нимъ и дорожный его ужинъ. И благосклонность его была такъ велика, что какъ хозяйскій столъ былъ очень не великъ и всѣ едва за нимъ усѣлись, то самъ онъ присѣлъ на лавкѣ къ стѣнѣ на уголкѣ, а никакъ не хотѣлъ, чтобъ я не имѣлъ за столомъ довольно простора, какъ я отъ того ни отговаривался. Словомъ, ласки и благосклонность его были ко мнѣ отмѣнныя. Когда же на другой день по-утру онъ дѣйствительно пріѣхалъ къ намъ въ садъ, для гулянья, то заводилъ я его всюду-и-всюду до того, что онъ отъ чувствуемаго повсюду отмѣннаго удовольствія не зналъ

уже какъ меня болѣе расхваливать, и всѣ мѣста и украшенія ему были по книгѣ такъ памятны, что онъ тотчасъ ихъ узнавалъ и говорилъ: «вотъ, вотъ вашъ водоводъ, ваша ротунда», и такъ далѣе. Словомъ, удовольствіе его было превеликое, и онъ, распрощаясь со мною и благодаря за всё-и-всё, говорилъ, что онъ непремѣнно отпишетъ обо мнѣ и обо всемъ Михайлѣ Никитичу. А для меня сіе всего было и лучше, и пріятнѣе.

Едва мы сего знаменитаго гостя проводили, какъ принужденъ я былъ другихъ гостей у себя угащивать. Съѣхалось тогда все Богородицкое дворянство, съ предводителемъ, для совѣщанія о нѣкоторыхъ вещахъ, нужныхъ по случаю проѣзда Императрицы, и всѣ они были у меня; а на другой день послѣ сего проводили мы отъ себя жившаго у насъ четыре мѣсяца и лѣчившагося сожителя Петра Антоновича Сухотина, которому лѣкарь нашъ помогъ очень хорошо. Съ симъ молодымъ и любезнымъ человѣкомъ такъ успѣли мы свыкнуться и его полюбить, что разставались съ нимъ какъ бы съ самымъ ближнимъ родственникомъ.

Чрезъ недѣлю послѣ того проѣзжала чрезъ нашъ городъ еще одна весьма знаменитая особа изъ свиты самой Императрицы, находившейся около сего времени на обратномъ своемъ путешествіи изъ Крыма и Кіева. Была то ближняя къ ней и спутница ея, госпожа Нарышкина, Марина Осиповна, жена Льва Александровича Нарышкина. И какъ мнѣ дано было также о томъ знать, то приготовилъ я ей, ѣдущей въ Епифань, нашъ дворецъ для отдохновенія и угощалъ ее лимонадомъ и разными вареньями. Умная, вѣжливая придворная сія была тѣмъ очень довольна. И какъ она вступила со мною тотчасъ въ разговоры и я жалѣлъ, что тогдашній жаръ мѣшалъ ей сходить въ нашъ садъ и посмотрѣть оный, то предложилъ я ей также, что не угодно ли ей посмотрѣть его хоть въ рисункахъ. И услыша ея желаніе, тотчасъ велѣлъ сыну своему принести самые тѣ, которые рисовалъ онъ для Государыни и которые всѣ почти были уже тогда отдѣланы.

Не могу никакъ изобразить, съ какимъ любопытствомъ и удовольствіемъ она ихъ разсматривала и сколь много превозносила все—и самую работу, и рисованіе — похвалами: только и знала, что твердила, что они ни въ чемъ не уступаютъ самимъ англійскимъ, и что садъ нашъ не стыдно показать самимъ англичанамъ. Словомъ, она такъ всѣмъ была очарована, что наконецъ сказала мнѣ: «Ахъ, ради Христа! не пропустите вы, чтобъ не показать сіи рисунки самой Государынѣ; она весьма жалуетъ сады сего рода, и я могу васъ смѣло увѣрить, что она будетъ имъ чрезвычайно довольна». А услышавъ, что намѣстникъ нашъ хочетъ ихъ ей поднести, похвалила его за то, и при отъѣздѣ своемъ, благодаря меня за угощеніе и за все, еще разъ повторила: «да не забудьте-жъ и не сдѣлайте того, чтобъ не поднести государынѣ рисунки».

Легко можно заключить, что таковое полное одобреніе отъ столь знаменитой и о дѣлахъ сихъ лучше всѣхъ прочихъ судить могущей особы было мнѣ крайне пріятно и служило уже нѣкоторымъ образомъ награжденіемъ за всѣ труды, понесенные мною и моимъ сыномъ, и мы не сомнѣвались уже тогда почти, что получимъ что-нибудь за то и отъ Императрицы и питались наилестнѣйшими по сему случаю надеждами. И какъ рисунки всѣ были тогда уже готовы, то и спѣшили мы переплести ихъ въ богатый переплетъ, и переплетчикъ нашъ и убралъ его дѣйствительно такъ хорошо, какъ лучше желать было не можно.

Едва мы сіе, да и все нужнѣйшее въ садахъ, къ пріѣзду пріуготовляемое, окончили, какъ вдругъ и противъ всякаго моего чаянія, пріѣзжаетъ къ намъ младшій командиръ г. Давыдовъ. Я удивился неожидавному его пріѣзду. Но удивленіе мое увеличилось еще несказанно больше, какъ въ послѣдующее утро явилось къ сему начальнику нашему пре-

великое множество волостныхъ нашихъ мужиковъ, съѣхавшихся изъ деревень разныхъ и обступившихъ его съ неотступными и почти наглыми просьбами о снабженіи ихъ хлѣбомъ. Всѣ кричали ему, что они умираютъ съ голоду, что имъ нечего ѣсть, и чтобъ онъ изволилъ ихъ снабдить хлѣбомъ изъ магазина.

Явленіе сіе было не только для него, но и для меня совсѣмъ неожидаемо. Оба мы не только удивились, но даже изумились отъ этого и не знали, что̀ думать и къ чему сіе отнести, и тѣмъ паче, что она кричали въ разные голоса, между прочимъ, приговаривали, что магазинъ раздаетъ постороннимъ людямъ, а оттого сами въ хлѣбѣ крайне нуждаются, а при томъ и измучены еще на работахъ. Итакъ, онъ спрашивалъ меня, а я его о томъ, что̀ бъ это такое было и отчего такой почти мятежъ совершился? Но какъ обоимъ намъ и въ голову не приходило, чтобъ тутъ скрывались какія-нибудь постороннія интриги, то я, зная, что, по случаю тогдашняго крайне неурожайнаго и голоднаго года, многіе изъ крестьянъ дѣйствительно нуждались въ хлѣбѣ, однако совсѣмъ не такъ много, какъ они криками своими изъясняли, и судя, что такое неудовольствіе было тогда совсѣмъ не ко времени, я совѣтовалъ своему начальнику, чтобъ помыслить намъ объ удовлетвореніи ихъ просьбъ какимъ бы то образомъ ни было. Но вопросъ былъ, гдѣ намъ столько взять хлѣба, сколько нужно было для прокормленія всѣхъ нуждающихся, которыхъ отыскивалось, по словамъ ихъ, слишкомъ много. Въ магазинѣ нашемъ, хотя былъ хлѣбъ, но находилось его, за раздачею въ займы разнымъ помѣщикамъ, очень мало. Весь было успѣлъ командиръ мой друзьямъ и пріятелямъ своимъ раздать и размытарить почти невозвратно, а сіе и смущало его до крайности. Онъ не зналъ, что̀ дѣлать, и перетрусился тѣмъ паче, что мы вслѣдъ за симъ ожидали къ себѣ тогда и самого намѣстника.

Пріѣздъ сего главнаго нашего командира и воспослѣдовалъ на другой день дѣйствительно, и сей его пріѣздъ былъ для меня весьма достопамятенъ. Намѣстникъ пріѣхалъ-было съ тѣмъ, чтобъ ему всѣми моими дѣлами и садами повеселиться. Онъ привезъ съ собою для компаніи бывшихъ тогда въ Тулѣ начальниковъ войскъ, генералъ-маіоровъ Фонъ-деръ-Палена, Фролова-Багреева, также нѣкоторыхъ изъ своихъ чиновниковъ, которымъ всѣмъ хотѣлось ему садъ нашъ показать и имъ похвастаться. Показать тогда было что̀ дѣйствительно. Все было уже готово, вездѣ все отдѣлано, вычищено, усыпано и къ пріѣзду его и самой Императрицы приготовлено, и оставалось только любоваться и хвалить меня по-прежнему за всё, про всё, чего я, почти надрываясь въ послѣднюю недѣлю отъ трудовъ, и ожидать имѣлъ справедливую причину. Но, ахъ! не то воспослѣдовало, чего всѣ мы ожидали, а произошло нѣчто такое, чего никому изъ насъ и въ мысль не приходило, и что вмѣсто удовольствія, переполнило весь духъ мой наичувствительнѣйшею досадою и прискорбіемъ.

По о семъ дозвольте вамъ пересказать въ письмѣ будущемъ, а сіе симъ кончить, и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Октября 28-го дня 1810 года).

КАТАСТРОФЪ.

Письмо 229.

Любезный пріятель! Оставивъ васъ при заключеніи послѣдняго моего письма, какъ думаю, въ великомъ любопытствѣ, удовлетворю теперь оное, разсказавъ вамъ въ подробности о томъ особливомъ происшествіи, которое тогда весь мой духъ встревожило и огорчило чрезвычайнымъ образомъ.

Я имѣлъ уже случай не однажды вамъ сказывать, что благоволеніе, оказываемое мнѣ отъ намѣстника и любленіе его меня, навлекло мнѣ много завистниковъ и недоброхотовъ, и что сіи всячески старались лишить меня намѣстнической ми-

лости и вымышляли всевозможные способы къ повреждению меня въ его мысляхъ, а буде можно и къ согнанію меня съ моего мѣста, которое почитали они лучше всякаго губернаторскаго. Къ числу сихъ, между прочими завистниками и недоброхотами, принадлежалъ и князь Назаровъ, нашъ городничій. Какъ сему грузину болѣе всѣхъ извѣстны были всѣ выгоды моего мѣста, то онъ искалъ и видѣлъ только то, какъ бы ему, при помощи знакомцевъ и друзей своихъ, находящихся при намѣстникѣ, получить мое мѣсто. Но съ него надобно было напередъ меня, какимъ бы то образомъ ни было, спихнуть. Но самое сіе и составляло для него затрудненіе превеличайшее. Прямымъ путемъ и истиннымъ дѣломъ итить противъ меня не было никакова способа: не былъ я ничѣмъ замаранъ и ничего такого не находили они, чѣмъ бы меня очернить можно было, а посему другого не находили, какъ итить окольною, кривою и тайною дорогою и ковать противъ меня ковы совсѣмъ непримѣтнымъ образомъ. Къ сему въ помощники и путеводители избрали они моего секретаря Варсобина. Наслышавшись давно отъ сего простачины и глупова человѣка, что онъ всѣми моими дѣлами и распоряженіями не доволенъ и всѣ ихъ, по глупому умничанью своему, критиковалъ, и что желаетъ душевно видѣть на моемъ мѣстѣ другого и съ характеромъ своимъ сообразнѣйшаго человѣка, то-есть такого, который бы и самъ воровалъ и наживался и не мѣшалъ бы и ему тоже дѣлать,—рѣшились они употребить сего глупца къ тому орудіемъ. Я уже истинно сіе знаю, по чьему наставленію сей бездѣльникъ затѣялъ произвести то посредствомъ произведенія въ волостныхъ мужикахъ на меня неудовольствія и чрезъ побужденіе ихъ къ жалобѣ на меня намѣстнику и къ формальной просьбѣ, чтобъ меня смѣнили и дали имъ другого управителя. И къ такой злоумышленной жалобѣ почитали они тогдашнее время наилучшимъ и способнѣйшимъ. Ѣхала тогда къ намъ въ Тулу сама Императрица, и всѣ за вѣрное полагали, что заѣдетъ и къ намъ въ Богородицкъ, и заключали сіе наиболѣе по дѣлаемымъ нами къ тому великимъ пріуготовленіямъ, для осмотрѣнія которыхъ и пріѣзжалъ тогда къ намъ намѣстникъ. Итакъ, сей случай казался имъ къ тому наилучшимъ, и Варсобину велѣно было употребить къ тому всевозможные способы.

Сей глупый, но съ другой стороны коварный и прехитрый на такія бездѣльничества человѣкъ, сколь много ни имѣлъ у себя въ волостяхъ приверженцевъ и даже самыхъ родственниковъ между крестьянами и сколько ни старался преклонять тогда старшинъ, начальниковъ и лучшихъ людей въ деревняхъ, но никакъ ему успѣть въ томъ не удавалось. Всѣ, любя меня искренно и не имѣя на меня ни въ чемъ ни малѣйшаго неудовольствія, не хотѣли о томъ и слышать, а всѣ отзывались мною довольными и не хотѣли никакъ и ни въ чемъ на меня жаловаться. При таковой неудачѣ и отъ поспѣшенія симъ дѣломъ, другого не оставалось ему, какъ преклонить къ тому нѣсколькихъ изъ простыхъ мужиковъ, ему болѣе знакомыхъ и самыхъ бездѣльниковъ, и набравъ изъ нихъ шайку, человѣкъ въ пять или шесть состоящую, приготовить ее къ пріѣзду намѣстника и бездѣльнически наставить ихъ, что имъ дѣлать и говорить.

Вотъ какая заведена была втайнѣ противъ меня адская машина; о чемъ обо всемъ я не только ничего не зналъ, но мнѣ никогда и на умъ того не приходило, чтобъ могла принесена быть на меня какая-нибудь жалоба; почему и встрѣтилъ я намѣстника наиспокойнѣйшимъ духомъ и повелъ его съ гостями тотчасъ по всему саду для показыванія всѣхъ новыхъ вещей, въ немъ сдѣланныхъ.

Намѣстникъ, по обыкновенію своему, былъ всѣмъ крайне доволенъ и на всякомъ почти шагу меня благодарилъ или изъявлялъ свое благоволеніе, а ходившіе за нимъ его гости только и знали, что

превозносили все похвалами. Наконецъ, исходивши весь садъ, возвращаемся мы всѣ во дворецъ. Тутъ надобно было проходить намъ всѣмъ чрезъ большой и круглый дворъ замка, на который не успѣли мы взойтить, какъ съ удивленіемъ увидѣлъ я цѣлую кучу мужиковъ, стоящихъ у стѣны, подлѣ дороги и кланяющихся намѣстнику, дѣлая видъ, что они его просить хотятъ о своей нуждѣ. «Что вамъ, друзья мои, надобно?» спросилъ, остановясь, намѣстникъ.—«Что, ваше превосходительство, закричали они всѣ въ одинъ голосъ,—пожалуйте перемѣните намъ управителя, мы этого не хотимъ, и имъ не довольны!»

Легко можете заключить, что слова сіи, всего меньше мною ожидаемыя, не только сразили меня какъ громовымъ ударомъ, но и самого намѣстника неожидаемостью своею привели въ такое настроеніе и смущеніе духа, что онъ, остановясь болѣе минуты, не въ состояніи былъ не только имъ чего въ отвѣтъ сказать, но даже одного слова выговорить. Что-жъ касается до меня, то вся кровь во мнѣ воспламенилась и сердце вострепетало такъ, что хотѣло выпрыгнуть; и я такъ симъ разстроенъ былъ, что какъ наконецъ намѣстникъ, обратясь ко мнѣ, спросилъ: «что это такое, Андрей Тимоѳеевичъ?» Я едва-едва былъ въ силахъ ему сказать: «не знаю, ваше превосходительство, и для меня это такъ удивительно и неожидаемо, что я не понимаю и не могу тутъ съ мыслями собраться и даже помыслить о томъ, отчего бы это происходило, и дозвольте мнѣ сказать, что другого не нахожу, что тутъ есть чья-нибудь коварная интрига и бездѣльники кѣмъ-нибудь научены и настроены».—«Но, скажите мнѣ, подхватилъ намѣстникъ, что это за мужики, старосты и начальники деревенскіе?»—«Ахъ, нѣтъ сказалъ я, тутъ не вижу я ни одного изъ старостъ и бурмистровъ, и всѣхъ этихъ не знаю я въ глаза и не вѣдаю, изъ какихъ они даже селъ и деревень». Намѣстникъ удивился и задумался, сіе услышавъ, а я, пользуясь симъ его недоумѣніемъ и собравшись между тѣмъ сколько-нибудь съ мыслями, ему сказалъ: «когда уже до того дошло, такъ дозвольте имъ, ваше превосходительство, по крайней мѣрѣ, съ лица-на-лицо предъ вами ихъ спросить, чѣмъ такъ они и кѣмъ недовольны?» И тотчасъ обратясь къ бездѣльникамъ, спросилъ ихъ: «хорошо, друзья мои, когда вы отзываетесь мною недовольными, такъ сказывайте вотъ прямо его превосходительству, чѣмъ бы такимъ я произвелъ въ васъ неудовольствіе? Взятки ли я съ васъ беру, или обираю васъ какими поборами?»—«Ахъ, нѣтъ нѣтъ! закричали они въ одинъ голосъ, это намъ грѣхъ сказать, что и говорить, и чего не было, то не было».— Любо было сіе намѣстнику слышать, а и мнѣ было признаться сіе не непріятно.— «Ну, скажите же далѣе, сказалъ я, и скажите по чистой совѣсти, сужу ли я васъ неправильно и не дѣлаю ли я богатымъ предъ бѣдными какого преимущества?»—«Ахъ, нѣтъ, закричали они опять всѣ, и этого намъ и никакъ сказать нельзя, а мы всѣ, судырь, и расправою вашею довольны и грѣхъ, коли на васъ въ этомъ пожаловаться». Таковой отзывъ ободрилъ меня еще того болѣе, а и намѣстникъ только-что улыбнулся; а я продолжалъ далѣе: «Но скажите-жъ, по крайней мѣрѣ, его превосходительству, не разорилъ ли я кого изъ васъ и не пустилъ ли кого по-міру и не оказалъ ли какую кому неправду?»—«Что, судырь, говорить и объ этомъ, закричали они, не было никакъ и этого, и развѣ какой безсовѣстный бездѣльникъ это сказать можетъ».—«Что-жъ, подхватилъ я, развѣ вы тѣмъ недовольны, что я иногда бездѣльниковъ за шалости наказываю?»— «О, что про это говорить, подхватили они, бездѣльникамъ дать волю негодится и ихъ какъ не наказывать!»—«Ну, за что-жъ такое вы меня вдругъ такъ не взлюбили, что не хотите болѣе быть подъ моимъ управленіемъ?»—«Да вы насъ отягощаете работами».—«О, что касается до этого, подхватилъ я, такъ и это отягощеніе для васъ слишкомъ сносное, и

вамъ грѣхъ сказать, чтобъ вы слишкомъ отягощены были ими. Къ тому-жъ, я не самъ собою и не на себя васъ работами отягощаю, а это все, обратясь къ намѣстнику, сказалъ я, дѣлалъ я, по приказанію и дозволенію вашего превосходительства, а мнѣ самому въ работахъ сихъ такъ мало надобности, что ежели не приказано будетъ чего дѣлать, такъ самъ отъ себя ни одного человѣка не трону. Къ тому, знаете вы, что большую часть работъ сихъ производили виноватые, вмѣсто наказанія за шалости».— «То такъ-то такъ, закричали они, однако всѣмъ намъ работы сіи тягостны! воля ваша!»— «Хорошо, хорошо, друзья мои, сказалъ на сіе намѣстникъ, работъ сихъ не велю я впредь производить, когда вамъ онѣ тягостны, мы, что нужно будетъ, сдѣлаемъ и наймомъ; и потому, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «извольте, сударь, приказать всѣхъ мужиковъ съ работы спустить и впредь не наряжать ихъ безъ моего особливаго приказанія».— «Очень хорошо», сказалъ я, и тотчасъ послалъ съ приказаніемъ, чтобъ ихъ спустили. А намѣстникъ между тѣмъ сказалъ, бездѣльникамъ симъ: «ну, такъ дѣло то все выходитъ ни на чемъ и вы, мужички, по пустому на управителя вашего жалуетесь, и это дурно, и не годится. Я его знаю, онъ человѣкъ честный и добрый и не заслуживаетъ того. А нѣтъ ли развѣ какой другой вамъ надобности? такъ скажите мнѣ».—«Какъ не быть, ваше превосходительство, вотъ нынѣ у насъ голодный и худой годъ, и многіе изъ мужиковъ нуждаются хлѣбомъ; лѣто проходитъ, ѣсть нечего; а изъ магазина намъ не даютъ, или даютъ, да мало».— «Но многаго и давать нельзя, подхватилъ я, вы любите, друзья мои, брать, но отдавать не любите. Сколько забрали многіе изъ васъ уже хлѣба казеннаго».— «О, что касается до этого, перехватилъ намѣстникъ, такъ это дѣло другое и мы и въ этомъ случаѣ васъ сколько можно удовлетворимъ. Ну, подите себѣ съ Богомъ»! Сказавъ сіе, пошолъ онъ прочь отъ нихъ во дворецъ, а мы всѣ за нимъ.

Пришедши въ оный, взялъ онъ меня одного въ свой кабинетъ и сталъ со мною говорить о семъ происшествіи. Я повторилъ ему и тутъ, что происшествіе сіе для меня очень сумнительно, и что я подозрѣваю, что тутъ кроются какія-нибудь сокровенныя бездѣльничества. «О такъ надобно, сударь, до нихъ добраться и дѣло сіе поизслѣдовать, мнѣ весьма сіе непріятно; и хорошо, что они сами васъ предъ всѣми оправдали, а то, признаюсь, я самъ-было усумнился. Что-жъ касается до жалобъ ихъ на работы, то не трогайте ихъ болѣе. Пропади они совсѣмъ, бездѣльники!»— «Но теперь, сказалъ я, нѣтъ въ томъ и дальней нужды, все почти уже кончено».—«Но какъ же бы намъ удовлетворить ихъ въ просьбѣ о хлѣбѣ? спросилъ меня намѣстникъ. Есть ли, и довольно ли у васъ хлѣба въ магазинѣ?»—«Есть, ваше превосходительство, сказалъ я, но не такъ его много, чтобъ всѣхъ нуждающихся удовлетворить было можно. Множество его роздано по займамъ».— «Да на что вы раздаете?» спросилъ меня далѣе намѣстникъ. И я, хотя нѐ-хотя, но принужденъ былъ ему сказать, что собственно самъ я не давалъ никому ни одного зерна, а всѣ отпуски и выдачи производимы были по повелѣнію отъ Николая Сергѣевича. Сіе смутило весьма моего намѣстника. «Пожалуйте мнѣ вѣдомость о хлѣбѣ и расходѣ онаго», сказалъ онъ.— «Вотъ она», сказалъ я, доставъ ее изъ кармана и ее ему подавая. Не успѣлъ онъ ее пробѣжать глазами, какъ, пожавъ плечами, сказалъ: «Боже мой! что это за человѣкъ и что мнѣ съ нимъ дѣлать? Пойдите-ка, пошлите ко мнѣ его одного, а сами останьтесь тамъ, покуда я васъ опять кликну».

Я выполнилъ тотчасъ его повелѣніе, и что онъ съ нимъ тамъ говорилъ съ добрыхъ четверть часа, того уже я не знаю; но только то знаю, что какъ кликнулъ меня опять туда, то нашолъ я г. Давыдова всего раскраснѣвшагося и въ пре-

великомъ нестроеніи. Почему и заключалъ, что была ему отъ памѣстника за раздачу хлѣба добрая гонка. Однако, памѣстникъ умѣлъ скрыть свою на него досаду и, какъ ничего будто не было, былъ со мною и съ Давыдовымъ очень благосклоненъ, совѣтовалъ какъ бы и чѣмъ пособить общему нашему горю, въ разсужденіи малаго количества оставшагося въ магазинѣ хлѣба, котораго, по всему видимому, далеко было недостаточно для продовольствованія всѣхъ крестьянъ, нуждающихся въономъ. Итакъ, дѣло дошло опять до того, чтобъ мнѣ преподавать свои о томъ мысли. Я, подумавъ нѣсколько, предложилъ имъ такія, которыми оба они были довольны, а именно, чтобъ скорѣй переписать всѣхъ крестьянъ, тѣхъ, кои наиболѣе въ хлѣбѣ нуждаются, также и тѣхъ, у которыхъ есть оный въ излишествѣ, стоящій въ гумнахъ, не молоченой, и чтобъ весь имѣющійся въ магазинѣ хлѣбъ нѣсколькимъ удѣлить его, либо роздать самымъ бѣднякамъ; а прочихъ богатыхъ бы убѣдить снабжать заимообразно своимъ излишнимъ хлѣбомъ. Нельзя изобразить, какъ я тѣмъ угодилъ намѣстнику. Онъ тотчасъ къ сему прилѣпился и приказалъ г. Давыдову остаться послѣ себя у насъ и вмѣстѣ со мною обранжировать какъ можно получше сіе дѣло; а между тѣмъ стараться открыть, отчего произошла помянутая жалоба и кто тому наиболѣе причиною.

Симъ образомъ кончилось сіе критическое для меня тогда дѣло, произведшее въ душѣ моей собою превеликое впечатлѣніе и во многихъ обстоятельствахъ превеликую перемѣну. Со всѣмъ тѣмъ, предъ отъѣздомъ намѣстника, не преминулъ я вручить ему изготовленную уже тогда совсѣмъ книгу съ садовыми рисунками моего сына, и намѣстнику она такъ полюбилась, что онъ расхвалилъ ее впрахъ, и разстался со мною съ оказаніемъ всего прежняго ко мнѣ своего благоволенія, что сколько-нибудь меня тогда и поуспокоило.

По отъѣздѣ его, принялись мы тотчасъ за выполненіе приказаніе въ намѣстника. Въ тотъ же еще день собраны были со всѣхъ деревень старосты и всѣ лучшіе люди и пошли спросы и распросы и разслѣдованія. Всѣ они съ крайнимъ негодованіемъ выслушали о жалобщикахъ и всѣ клялись и божились, что ни у кого изъ нихъ и на умѣ, и въ помышленіи не было приносить на меня жалобы, и что они въ томъ дѣлѣ ни малѣйшаго не имѣли и не имѣютъ участія, и дабы себя въ томъ оправдать, то сами тотчасъ все дѣло и открыли и доказали, что просители были самые бездѣльники, друзья и кумовья Варсобина, и что не инымъ кѣмъ, какъ имъ къ тому подбуждены и научены были.

Не можно изобразить, какъ было стыдно и совѣстно сему старому негодяю, когда его въ томъ явно уличили и съ какимъ малодушіемъ онъ старался себя оправдать. Въ тогдашнее время, не хотя ему за себя мстить и будучи доволенъ, что дѣло сіе такъ кончилось и что, вмѣсто сдѣланія мнѣ вреда, онъ мнѣ нѣкоторымъ образомъ доставилъ случай чрезъ торжественное признаніе самихъ его единомышленниковъ убѣдить намѣстника въ томъ, что я управляю волостью честно, презрилъ я сіе его дѣло и тѣмъ самымъ произвелъ то, что онъ въ послѣдующее время никогда уже на меня не посягалъ и старался уже загладить вину сію мнѣ всякаго рода услугами. Но сего еще не довольно. Но послѣ и вскорѣ, чрезъ него же, узналъ я, что въ помянутомъ на меня посяганіи имѣлъ и самый мой младшій командиръ нѣкоторое тайное соучастіе и, копая для меня яму, самъ въ нее тогда ввалился.

Но какъ бы то ни было, но мы тогда съ нимъ цѣлые три сутки промучились и прохлопотали съ мужиками и мнѣ превеликаго труда стоило уговорить и преклонить къ тому всѣхъ зажиточныхъ мужиковъ, чтобъ они обѣщали нуждающимся своимъ братьямъ помогать своими избытками въ хлѣбѣ, подъ моимъ собственнымъ о возвратѣ имъ онаго поручительствомъ; а самымъ симъ и успоко-

нихъ я всѣхъ сихъ волнующихся бѣдняковъ, терпѣвшихъ дѣйствительно въ хлѣбѣ оскудѣніе и нужду.

Происходило все сіе въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца. А какъ около половины сего мѣсяца ожидаемо было уже и прибытіе Императрицы въ Тулу, то все дворянство готовилось къ тому времени ѣхать въ сей губернскій городъ, дабы имѣть случай видѣть сей торжественный пріѣздъ и самую Императрицу, къ принятію которой дѣланы были въ немъ превеликія пріуготовленія. Вмѣстѣ съ прочими, восхотѣлось неотмѣнно быть въ Тулѣ и женѣ моей, съ дочерьми и сыномъ. И какъ всѣ госпожи шили, сообразно съ алымъ цвѣтомъ тульскаго мундира, и себѣ алыя русскія шелковыя платья, то спѣшили и онѣ запастись такимъ же себѣ одѣяніемъ и нарядами, не взирая на весь убытокъ, съ тѣмъ сопряженный. Что касается до меня, то я, будучи тогдашними хлопотами отвлеченъ отъ литературныхъ своихъ занятій и запустивъ такъ свой «Экономическій Магазинъ», что боялся, чтобъ не сдѣлалось въ издаваніи его остановки, спѣшилъ тогда, какъ можно скорѣе, снабдить издателя своего матеріаломъ, и нѣсколько дней трудился надъ тѣмъ, не вставая почти съ мѣста.

Кромѣ того, надобно мнѣ было поспѣшить отдѣлкою флигеля и своего ящичка съ марморными песками, назначенными для поднесенія Государынѣ, и мы оба съ сыномъ трудились такъ-сказать до положенія ризъ надъ симъ дѣломъ. А сверхъ того велѣли мы наловить и самыхъ крупныхъ карповъ и отправить въ Тулу къ прибытію Императрицы. И какъ обыкновенною ловлею нельзя было никакъ изловить такихъ, какіе были надобны, то необходимость заставила меня спустить для сего одинъ изъ прудовъ нашихъ, въ которомъ я зналъ, что есть самые крупные карпіи. И подлинно, досталъ я тутъ такихъ величинъ, что всѣ удивились величинѣ оныхъ, а особливо величинѣ щукъ, тутъ отысканныхъ, изъ которыхъ иныя даже пожелтѣли отъ старости, и были страшной и такой величины, каковой я никогда еще щукъ не видывалъ.

Все сіе и прочее, что нужно было исправивши, отпустилъ я жену свою съ дѣтьми въ Тулу 12 числа іюня, а вслѣдъ затѣмъ, на другой день, и самъ на перемѣнныхъ отправился за ними. Мы пристали и въ сей разъ на квартирѣ у прежняго нашего городничаго Антона Никитича Сухотина, и хозяева были намъ очень рады. Но я былъ очень встревоженъ и смущенъ, услышавъ распущенные о себѣ въ Тулѣ весьма невыгодные слухи, и, что всего для меня удивительнѣе было, самимъ моимъ младшимъ командиромъ, который, для прикрытія своихъ грѣховъ, всѣ ихъ взваливалъ на меня, но какъ къ чистому поганое никакъ не могло пристать, то я хотя и огорчался тѣмъ, но утѣшался своею правотою и досаду свою скрывалъ въ своемъ сердцѣ.

На другой день, явившись къ своему младшему командиру, поѣхалъ я къ намѣстнику, для показанія ему своего ящика съ песками, которымъ былъ онъ также весьма доволенъ и велѣлъ мнѣ у себя его хранить до поры до времени. И какъ времени до прибытія Императрицы оставалось уже мало, то приказалъ мнѣ намѣстникъ въ тотъ же день ѣхать почтою въ Богородицкъ, для скорѣйшаго отправленія съ волости подводъ подъ свиту Государыни на большую Елецкую дорогу. Итакъ, принужденъ я былъ скакать опять обратно въ Богородицкъ и, прискакавъ туда въ полночь, разослалъ скорѣй людей для сгонянія подводъ и лошадей. Сихъ ни мало, ни много, надобно было 525. И я хотя съ трудомъ, но успѣлъ ихъ на другой же день всѣхъ собрать и, вручивъ ихъ своему Бобриковскому управителю г. Верещагину, отправилъ его съ ними на станцію.

Исправивъ сіе дѣло, сталъ я собираться опять ѣхать въ Тулу, но застигшее превеликое ненастье и стужа остановили меня и принудили остаться въ сей день дома и заняться сочиненіемъ матеріала для «Экономическаго Магазина». Но за

то 17-го числа ранымъ-ранёхонько пустился я въ Тулу и, взявъ въ Дѣдиловѣ почтовыхъ лошадей, спѣшилъ какъ можно пріѣздомъ въ Тулу, дабы не опоздать и поспѣть къ пріѣзду Императрицы. Но тутъ, какъ нарочно попадись мнѣ ямщикъ такой, который не успѣлъ со мною выѣхать, какъ онѣмѣлъ и ослабъ такъ, что не могъ владѣть никакимъ членомъ и повалился въ мою кибитку. Господи, какая была тогда на меня досада! Мы кричать и нукать лошадей; но лошади, привыкнувши повиноваться крику только своего хозяина, насъ не слушаются. Что дѣлать? «Садись, говорю я слугѣ своему, ты кучеромъ и погоняй».—«Но чѣмъ, судырь, кнута нѣтъ?»—«Чѣмъ нибудь, говорю, и не жалѣй лошадей». И подлинно, досталось тогда отъ насъ симъ бѣднымъ тварямъ и попалась намъ какая-то палка и мы всю ее объ нихъ изломали. Но за то и летѣли они съ нами и доставили насъ въ Тулу такъ рано, что я еще успѣлъ въ тотъ же день побывать на заводѣ, видѣть все тамъ для Императрицы приготовленное, а потомъ съѣздить еще въ арсеналъ и насмотрѣться и тамъ всей пыли, какую старались тогда кинуть въ глаза Императрицѣ; а наконецъ съѣздить съ своими домашними и въ редутъ и видѣться тамъ со многими изъ своихъ знакомыхъ, которые смутили опять меня разсказываніемъ о разсѣянныхъ обо мнѣ разныхъ слухахъ; но я всѣхъ ихъ переувѣрилъ, разсказавъ имъ, что-и-что у насъ въ Богородицкѣ происходило и чѣмъ все кончилось; чему они не могли довольно надивиться.

Вся Тула наполнена была тогда съѣхавшимся со всѣхъ сторонъ обоего пола дворянствомъ и всѣ, такъ сказать, на цыпочкахъ ходили, дожидаясь съ часу-на-часъ прибытія Императрицы; однако, она ни въ тотъ, ни въ оба послѣдующіе дни еще не бывала. Намѣстника не было уже тогда въ городѣ. Онъ ускакалъ впередъ для встрѣчи Государыни, и какъ чрезъ то была намъ своя воля, то оба сіи дни употребили мы на разъѣзды по гостямъ къ своимъ знакомымъ и ѣздили, между прочимъ, ко дворцу на оружейный заводъ, смотрѣть разводъ церемоніальной смѣны караула, также зажигаемую для пробы иллюминацію, сдѣланную противъ самаго дворца, за каналомъ, подлѣ крѣпости; также приготовленіе на каналѣ для послѣдующаго дня серенады. Всѣ сіи предметы были, по новости своей, довольно пріятны, а особливо невидавшимъ никогда оные. Собственно иллюминація и не составляла дальней важности: былъ сдѣланъ небольшой щитъ и освѣщенъ скрытыми впереди и поставленными на землѣ плошками. Что-жъ касается до серенады, то сія пріятна была болѣе для слуха, нежели для глаза. Два нарочитой величины плоскодонныя судна, иллюминованныя, съ насаженными въ нихъ пѣвчими и музыкантами, поющими пріятные гимны, сочиненные нарочно для сего случая, разъѣзжали, тихо будучи тянуты канатами взадъ и впередъ мимо дворца, по широкому каналу, и весь народъ, которымъ оба берега канала сего были унизаны, любовался симъ зрѣлищемъ. Подлѣ дворца видѣли мы уже нѣсколько придворныхъ, пріѣхавшихъ съ передовыми и весь вечеръ сей провели въ разъѣздахъ сихъ и въ смотрѣніи всѣхъ сдѣланныхъ пріуготовленій очень весело. Ввечеру въ предслѣдовавшій день давалъ знакомецъ мой г. Игнатьевъ у себя балъ, на которомъ, по сдѣланному отъ него приглашенію, былъ и я съ обѣими дочерьми моими.

Тутъ какъ и прежде не одинъ разъ случилось мнѣ видѣть моего младшаго командира и жену его. Самъ онъ казался весьма смущеннымъ и погруженнымъ въ великую задумчивость. Можетъ быть, опасался онъ, чтобъ не открылись при семъ случаѣ кой-какія сдѣланныя имъ шалости и чтобъ не было чего-нибудь для него худого, со мною обходился онъ и холодно и благосклонно, такъ что я не могъ подлинно судить о тогдашнемъ его душевномъ ко мнѣ расположеніи. Что-жъ касается до его супруги, то она явно почти оказывала свой гнѣвъ и неблаговоленіе къ моимъ домашнимъ, что ихъ такъ разстроило, что они обливались даже оттого сле-

зами. Словомъ, обоихъ ихъ поведеніе противъ насъ было въ сей разъ столь страннымъ и непонятнымъ, что самъ я озабочивался оттого и смущался не мало духомъ.

Въ ночь подъ 20-е число прискакалъ изъ путешествія своего нашъ намѣстникъ для сдѣланія въ Тулѣ, для встрѣчи Императрицы, имѣющей прибыть въ тотъ день, всѣхъ нужныхъ распоряженій. Я не успѣлъ услышать о его пріѣздѣ, какъ ранымъ-ранёхонько поскакалъ къ нему и получилъ отъ него приказаніе о встрѣчаніи Государыни, вмѣстѣ со всѣми судьями и дворянствомъ, подлѣ судебныхъ большихъ корпусовъ, гдѣ всѣмъ судьямъ велѣно было съ обѣихъ сторонъ стоять и дожидаться пріѣзда Императрицы. Госпожамъ же всѣмъ велѣно въ нарядахъ своихъ собраться въ соборъ мимо крыльца и входа, въ который надлежало Государынѣ ѣхать.

Не могу безъ смѣха вспомнить о той превеликой суетѣ, въ какой находились всѣ въ сіе достопамятное утро и какая скачка поднялась по всей Тулѣ каретъ и колясокъ и бѣганіе взадъ и впередъ народа. Вся большая Кіевская улица, отъ самаго въѣзда и сооруженныхъ при ономъ великолѣпныхъ тріумфальныхъ воротъ до самаго собора и далѣе до дворца, установилась въ одинъ почти мигъ безчисленнымъ множествомъ народа, и онъ, съ неописанною нетерпѣливостью, ожидалъ прибытія государыни и той минуты, въ которую увидитъ онъ свою обладательницу. Соборъ наполнился такъ боярынями, что сдѣлалась въ немъ оттого духота совершенная. Всѣ онѣ одѣты были въ новые свои однорядные или женскіе мундиры, и всякая изъ нихъ старалась получить для себя лучшее и выгоднѣйшее мѣсто для смотрѣнія Государыни, о которой всѣ здѣсь навѣрное полагали, что она, поровнявшись противъ собора, непремѣнно остановится и, вышедъ изъ кареты, войдетъ въ церковь для поклоненія святымъ иконамъ. Что касается до намѣстника, то сей, распорядивъ нужное, съ нѣкоторыми изъ чиновниковъ своихъ и 12 человѣками почетныхъ, выбранныхъ изъ молодыхъ дворянъ и одѣтыхъ въ богатое платье, поскакали верхами за городъ для встрѣчи Императрицы.

Въ семъ положеніи и стоючи всѣ въ своихъ мѣстахъ, провели мы все тогдашнее прекрасное, свѣтлое и тихое лѣтнее утро. Наконецъ, въ 12 часу громъ пушечной за городомъ пальбы возвѣстилъ намъ о приближеніи къ городу Императрицы. Въ мигъ тогда всё-и-всё и весь народъ установился въ порядкѣ по своимъ мѣстамъ и всѣ, съ неизъяснимымъ вожделѣніемъ, стали дожидаться ея прибытія и глазами искать уже вдали ея кареты, ѣхавшей за многими другими, проскакавшими мимо насъ впереди. Наконецъ, показалась и она, окруженная множествомъ всадниковъ, скакавшихъ по обѣимъ сторонамъ оной. Самъ намѣстникъ скакалъ подлѣ кареты сей съ боку, верхомъ, и не успѣла оная поровняться противъ насъ, какъ всѣ мы отдали ей глубочайшій поклонъ. Но самое сіе поклоненіе и лишило насъ съ толикою нетерпѣливостью ожидаемаго удовольствія ее увидѣть, ибо, вмѣсто того, чтобъ ей противъ насъ остановиться, какъ того мы всѣ ожидали, проскакала она мимо насъ такъ скоро что мы, поднявъ головы свои, увидѣли уже карету ея далеко отъ насъ уже удалившуюся и посмотрѣли только вслѣдъ за оною.

Столь же хорошо въ лестныхъ ожиданіяхъ своихъ обманулись и всѣ наши госпожи боярыни, находившіяся въ соборѣ ибо и тамъ императрицѣ не угодно было выйти изъ кареты. Но она, остановившись на секунду противъ отворенныхъ въ соборѣ дверей, перекрестилась только предъ вынесеннымъ къ ней архимандритомъ крестомъ и приказала тотчасъ продолжать путь свой далѣе ко дворцу. Итакъ, всѣ тутъ ожидавшіяся госпожи, искони не видавшія государыни и въ глаза, принуждены были ни съ чѣмъ и съ чувствительнымъ неудовольствіемъ разъѣзжаться по своимъ домамъ и квартирамъ. Всѣми ими предводительствовала тогда наша

губернаторша, госпожа Заборовская, но и ей самой столь же мало удалось государыню видѣть, какъ и всѣмъ прочимъ.

Господи! какое началось тогда у всѣхъ у насъ, а особливо у госпожъ и барынь нашихъ, о семъ происшествіи судаченье и какія сожалѣнія слышны были повсюду и отъ всѣхъ, что всѣ труды и хлопоты ихвіе обратились въ ничто и были тщетны. Но всѣ, по крайней мѣрѣ, утѣшали себя надеждою, что увидятъ Государыню въ приготовленномъ въ сей день въ театрѣ спектаклѣ, о которомъ всѣ не сомнѣвались, что Государыня удостоитъ оный своимъ посѣщеніемъ.

Сіе всеобщее желаніе наконецъ совершилось. Государыня, дѣйствительно, удостоила оный своимъ посѣщеніемъ, и не успѣло, предъ вечеромъ, все дворянство въ театръ съѣхаться и всѣ ложи онаго наитѣснѣйшимъ образомъ собою наполнить, какъ пріѣхала и Государыня въ препровожденіи намѣстника и прочихъ господъ и госпожъ изъ своей свиты. Минута пришествія ея, скажу, была восхитительная для всѣхъ. У всѣхъ зрѣніе и сердца обращены были на оную, и не успѣла Государыня показаться, какъ съ возгремѣвшею вдругъ музыкою, всѣ вставъ ей наиглубочайшимъ образомъ поклонились, и удостоены были и отъ ней соотвѣтственнымъ поклономъ. Съ сей минуты всѣхъ очи обращены были на ее во все продолженіе представляемой тогда пьесы, которую едва-ли и десятая часть народа тогда видѣла. Но сколь удовольствіе всѣхъ ни было велико, однако оно было еще несовершенно; ибо видѣніе издали не удовлетворило далеко еще желанія всѣхъ, хотѣвшихъ видѣть черты лица ея въ близи самой. Но сіе удовольствіе надѣялись всѣ имѣть на балѣ, который назначенъ былъ въ послѣдующій день въ залѣ дворянскаго собранія, и который, какъ всѣ говорили навѣрно, удостоитъ также Императрица своимъ посѣщеніемъ.

По окончаніи спектакля поѣхала Императрица обратно во дворецъ, а мы всѣ, по выходѣ изъ театра, поѣхали вслѣдъ за нею, для смотрѣнія иллюминаціи и серенады въ полномъ ихъ видѣ и дѣйствіи ко дворцу, и провели остальное время сего вечера довольно весело; ибо было дѣйствительно много зрѣнія достойнаго; въ особливости же любовался я безчисленнымъ множествомъ плошекъ, которыми всѣ стѣны Тульской старинной крѣпости и ея башень были иллюминованы. Къ послѣднимъ, къ пріѣзду Государыни, придѣланы были сверху другія башеньки съ шпицами, существующія и по-нынѣ, и всѣ онѣ установлены были множествомъ плошекъ, и всѣ онѣ вмѣстѣ, съ наставленными по всѣмъ зубцамъ ниже оныхъ рядами проволоки съ скипидаромъ, зажжены были въ одинъ мигъ и представляли преузорочное зрѣлище. А таковое же душевное удовольствіе доставляла всѣмъ зрителямъ и тогдашняя серенада. Оба разъѣзжающія тихо по каналу, мимо дворца, судна, были въ сей вечеръ не только наипрекраснѣйшимъ образомъ разноцвѣтными огнями иллюминованы, но, кромѣ музыкантовъ и пѣвчихъ, наполнены были множествомъ господъ и госпожъ, и тихая восхитительная гармонія духовой и вокальной музыки услаждали слухъ каждаго. Одинъ только недостатокъ при всемъ томъ былъ тотъ, что тогдашній іюньскій вечеръ былъ свѣтлый и не доставало нужной темноты для всѣхъ сихъ иллюминаціонныхъ зрѣлищъ. Что касается до Императрицы, то она весь сей вечеръ провела во внутреннихъ своихъ покояхъ и болѣе въ отдохновеніи отъ трудовъ и безпокойствъ, съ путешествіемъ сопряженныхъ.

Послѣдующій за симъ день 21-го числа іюня пробыла Государыня весь въ губернскомъ нашемъ городѣ Тулѣ, и сей день былъ рѣшительнымъ всѣмъ нашимъ ожиданіямъ, надеждамъ и опасеніямъ, для меня въ особливости достопамятнымъ. Всѣмъ судьямъ и всему дворянству сдѣлана была еще съ вечера повѣстка, чтобъ собраться имъ въ 9-мъ часу по-утру въ дворцовую залу, гдѣ имѣютъ они быть представлены намѣст-

никомъ Императрицѣ. Но я, какъ посторонній человѣкъ, заботясь болѣе о своихъ надобностяхъ, не разсудилъ ѣхать вмѣстѣ съ прочими во дворецъ, а одѣвшись порапѣе, черканулъ за рѣку, въ квартиру намѣстника, и засталъ его еще одѣвающагося. Онъ принялъ меня милостиво и очень благосклонно и говорилъ многое со мною и сказывалъ мнѣ, между прочимъ, что онъ намѣренъ въ сей день представлять книги свои государынѣ, но не знаетъ, удастся ли ему представить и мою. Однако, говорилъ, чтобъ взять и ее, и пески съ собою; мнѣ-жъ велѣлъ пріобщиться къ судьямъ калужскимъ для шествія къ рукѣ императрицы. Пользуясь таковою его ко мнѣ благосклонностью, рѣшился я напомянуть ему о моемъ сынѣ и попросить его о неоставленіи его по своему милостивому обѣщанію. Но на сіе сказалъ онъ мнѣ, что теперь сіе сдѣлать никакъ нельзя, а когда поѣдетъ чрезъ Тулу князь Потемкинъ, то онъ сдѣлаетъ и выпроситъ ему чинъ. Симъ ошарахнулъ онъ меня такъ, что вдругъ упала въ моемъ сердцѣ послѣдняя надежда, и тѣмъ паче, что о князѣ, оставшемся при арміи, было еще неизвѣстно, поѣдетъ ли онъ чрезъ Тулу, или нѣтъ. Но душевное смущеніе мое въ сей разъ не долго продолжалось: намѣстнику что-то пришло вслѣдъ за симъ па мысль перемѣнить свое намѣреніе и вздумалъ онъ вдругъ всѣ книги свои и мою поручить мнѣ и употребить самого меня для поднесенія ихъ Государынѣ. Таковое его ко мнѣ благорасположеніе не только успокоило, но и обрадовало меня чрезвычайно. Я началъ ласкать себя наипріятнѣйшею надеждою, что, можетъ быть, иметь я буду счастіе говорить съ самою Государынею, не сомнѣваясь ни мало въ томъ, что Императрица не преминетъ книги разсмотрѣть, а при семъ самомъ, по любопытству своему, восхочетъ поговорить со мною о Богородицкѣ и о садѣ въ ономъ. А тутъ, думалъ я, можетъ быть и спроситъ о рисовальщикѣ сихъ книгъ, и я ласкался уже надеждою, что сей случай будетъ наивожделѣннѣйшимъ для намѣстника, для испрошенія ему отъ Императрицы милости. Въ сей пріятной надеждѣ, подхвативъ книги, и поскакалъ я вслѣдъ за намѣстникомъ, поѣхавшимъ во дворецъ, и дорогою мечталъ въ мысляхъ своихъ невѣдомо что, и строилъ на воздухѣ гишпанскіе замки. Но, увы! все совершилось и пошло не такъ, какъ я думалъ и себѣ воображалъ.

Не успѣлъ я пріѣхать на оружейный заводъ, въ концѣ котораго находился дворецъ, какъ увидѣлъ разстилаемыя повсюду красныя сукна, для шествія государыни, и услышалъ, что она перемѣнила свое намѣреніе, и вмѣсто того, чтобъ смотрѣть заводъ послѣ обѣда, расположила употребить къ тому тогдашнее утреннее время; и говорили, что она вскорѣ уже изъ дворца вытить изволитъ. Сіе смутило не только меня, но и самого намѣстника, ни мало того неожидавшаго. Я, прискакавъ ко дворцу и вошедъ въ залъ, нашолъ уже весь оный наполненный дворянствомъ, и намѣстникъ, увидѣвъ меня, велѣлъ мнѣ скорѣе подавать книги. Я бросился благимъ матомъ за ними въ карету, въ которой онѣ у меня оставлены были. Ее успѣли уже невѣдомо куда отъ крыльца отогнать и я на силу могъ ее отыскать. Тутъ, подхвативъ ихъ всѣ, потащилъ ихъ безъ души во дворецъ. Была ихъ цѣлая ноша и всѣ превеликія, состоящія изъ многихъ атласовъ и ландкартъ, и разныхъ плановъ, до Тульской губерніи относящихся. Съ превеликимъ трудомъ отыскалъ я намѣстника между народомъ, и онъ, схватя меня, поставилъ-было сперва въ залѣ, но вскорѣ потомъ ввелъ меня въ другую внутреннюю и находящуюся подлѣ зала комнату, и поставивъ въ темный уголокъ подлѣ окна и двери, въ которую Государынѣ выходить въ сію комнату изъ внутреннихъ своихъ покоевъ надлежало, и велѣлъ мнѣ тамъ стоять и дожидаться до выхода Государыни.

Тутъ принужденъ я былъ стоять съ добрую четверть часа и держать подъ мышкою отяготительную свою ношу.

Книги были превеликія и тяжелыя и держать ихъ было мнѣ не безъ труда. Къ сему свою, переплетенную въ зеленый гарнитуръ и въ прахъ раззолоченную, по приказанію намѣстника, положилъ я на самый верхъ, и держучи ее, помышляя, самъ себѣ говорилъ: «что ты, моя голубушка, произведешь? Трудовъ надъ тобою положено много и пойдутъ ли они въ прокъ?» И вознося мысли свои далѣе, предавалъ судьбу ее на произволъ невидимаго Всемогущаго существа, прося Его учинить съ нею то, что Ему благоугодно будетъ и что Онъ признаетъ для обоихъ насъ съ сыномъ за наиполезнѣйшее.

Между тѣмъ какъ я такимъ образомъ умствовалъ, вдругъ растворились двери и показалась шествующая въ нихъ Государыня въ провожденіи всѣхъ своихъ спутниковъ и придворныхъ. Минута сія была для меня самая критическая: уголокъ, въ которомъ я подлѣ самыхъ дверей и окошка стоялъ, былъ самый темненькой, и я, боясь, чтобъ не преградить собою путь Государынѣ, принужденъ былъ въ семъ уголкѣ прижаться. И какъ въ самый тотъ моментъ растворились двери и въ залу, изъ оной вошолъ выписанный для сего случая ученый и славный архимандритъ Павелъ, поелику тогдашняго нашего старичка архіерея Θеодосія не было уже въ живыхъ, и епархія наша была праздною, и Государыня, отступя шага только два отъ дверей и на аршинъ только отъ меня, принуждена была для выслушанія говоренной архимандритомъ привѣтственной рѣчи остановиться; а весь промежутокъ, между ея и дверьми, заступили вельможи ея свиты; то, будучи стѣсненъ, не зналъ я, что дѣлать, и видя сущую невозможность пробраться сквозь ихъ на другую сторону дверей, стоялъ почти внѣ себя отъ смущенія. Рѣчь, говоренная архимандритомъ, была хотя не очень длинная, однако продлилась минуты двѣ или три, въ теченіе которыхъ вся комната сія наполнилась множествомъ народа. А не успѣла рѣчь кончиться и Государыня приложиться къ подносимому архимандритомъ образу и, принявъ его, отдать своимъ придворнымъ, какъ подступилъ къ ней тогдашній нашъ губернскій предводитель съ такою-жъ привѣтственною рѣчью, продолжавшеюся еще того долѣе.

Сіе смутило меня еще больше. Со всѣмъ тѣмъ, стоючи въ такой близости, позади своей монархини, имѣлъ я случай не только оной насмотрѣться, но и заняться мыслями о сей великой обладательницѣ толикихъ милліоновъ народа, которыхъ всѣхъ судьба и счастіе зависѣли отъ ея особы, и отъ которой и я ожидалъ тогда какой-нибудь милости. Но всѣ сіи размышленія разсѣялъ усмотрѣвшій меня намѣстникъ и подающій мнѣ рукою знакъ, чтобъ я съ книгами моими какъ-нибудь пробрался позади Императрицы, сквозь стоящихъ ея вельможей. Тогда другого не оставалось, какъ попросить господъ дать сквозь кучу свою проходъ; что они тотчасъ и учинили. А какъ между тѣмъ, какъ я, пробравшись сквозь придворныхъ, подошолъ къ намѣстнику, кончилъ и предводитель свою рѣчь, то намѣстникъ, не медля ни минуты, и подвелъ меня съ книгами къ Государынѣ и сказалъ ей нѣкія слова, въ которыя я, въ тогдашнемъ смущеніи, не могъ вслушаться, а только знаю, что не успѣлъ я, преклонившись, поднесть книги свои къ Государынѣ, какъ кто-то изъ ея придворныхъ схватилъ всѣ оныя у меня изъ рукъ, и я съ тѣхъ поръ ихъ не видѣлъ, ибо онъ въ мигъ скрылся съ ними за народомъ, и куда онъ ихъ понесъ, я того не могъ уже никакъ видѣть, ибо въ самый тотъ моментъ и стали подходить къ Государынѣ наши градоначальники и судьи, а за ними и все дворянство къ рукѣ, и множествомъ своимъ такъ меня стѣснили, что я съ нуждою пробрался сквозь ихъ въ дальнѣйшій уголъ.

Тутъ, стоючи позади ихъ и смотря на весь сей торжественный обрядъ, продолжавшійся нарочито долго, имѣлъ я время заняться опять какъ прежними своими о монархинѣ сей помышленіями, такъ и мыслями о дальнѣйшей судьбѣ съ моею

книгою. Я поискалъ ее повсюду глазами и увидѣлъ ее лежащую съ прочими книгами въ одномъ углѣ на столикѣ. Вздохнувъ самъ въ себѣ, мыслями сказалъ: «Ахъ, голубка моя! Что-то съ тобою, бѣдняжка, воспослѣдуетъ впередъ? а начало что-то не хорошо; не въ такое бы время желалъ бы я, чтобъ ты поднесена была къ Государынѣ: когда ей теперь тебя разсматривать? и хорошо, если она тебя замѣтитъ, и ей благоугодно будетъ послѣ полюбопытствовать и ее разсмотрѣть; а если сего по несчастію не воспослѣдуетъ и ее куда-нибудь спрячутъ, то прощай, какъ ее звали, и всѣ лестныя мои надежды лопнутъ и труды, употребленные на нее, пропадутъ тщетно и безъ всякаго возмездія!»

Помышленія сіи привели весь духъ мой въ такое смущеніе, что я, огорчаясь тѣмъ, не имѣлъ уже охоты, вмѣстѣ съ прочими, итить къ рукѣ Государыни, но далъ волю прочимъ заниматься симъ обрядомъ и тѣсниться другъ съ другомъ; а самъ, между тѣмъ, все еще ласкался надеждою, не удостоитъ-ли Государыня послѣ возрѣнія своего моей книги, и не востребованъ-ли я буду къ ней для какихъ-нибудь вопрошаній. Но, увы! и въ сей надеждѣ обманулся я совершенно, и какъ того во все теченіе сего дня ни ожидалъ, но сего не воспослѣдовало, и о книгѣ моей не было ни малѣйшаго тогда слуха и послушанія; почему и заключилъ я, что Государыня никакъ объ ней тогда не изволила и вспомнить, а того менѣе ее разсматривать; а правду сказать, было ей тогда и некогда помышлять о такомъ бездѣлиі; а всѣ мысли ея тогда были не тѣмъ, а гораздо важнѣйшими предметами очень заняты. Ибо не успѣла она всѣхъ бывшихъ тогда въ собраніи допустить къ рукѣ, какъ, не возвращаясь уже назадъ во внутренніе покои, восприяла прямо черезъ залъ шествіе свое для осмотрѣнія оружейнаго завода, и намѣстникъ нашъ пошолъ предъ нею для показыванія ей и всей ея свитѣ машинъ и производства оружейнаго дѣла. Вся толпа повалила тогда изъ залы и многіе стали разъѣзжаться, а другіе пошли вслѣдъ за оною; что увидя, вздохнувъ, сказалъ я опять самъ себѣ: «Ну, поздравляю, вотъ тебѣ и все! бѣги въ воду!» И всѣ труды и надежды мои полетѣли, какъ ключъ ко дну.

Погоревавъ о таковой неудачѣ, съ досады хотѣлъ-было я убираться на квартиру, но, подумавъ-погадавъ, рѣшился и я пойтить вслѣдъ за Императрицею и поглядѣть, по крайней мѣрѣ, на ея хожденіе по заводу и осматриваніе всѣхъ представляемыхъ ей вещей. Но, къ умноженію моего душевнаго прискорбія, и тутъ не имѣлъ я великаго и такого удовольствія, какого-бы мнѣ имѣть хотѣлось, за превеликимъ множествомъ всякаго рода и званія людей, не только ходившихъ толпами вслѣдъ за Государынею, но перебѣгающихъ съ мѣста-на-мѣсто, дабы видѣть ее съ лица, и по причинѣ, что она, а особливо въ тѣсныхъ мѣстахъ, окружена была всегда знатными особами ея свиты. Какъ я ни старался поймать гдѣ-нибудь случай видѣть Императрицу опять въ самой близи, слышать ея слова и замѣчать всѣ ея движенія, но не имѣлъ въ томъ никакой удачи, а насмотрѣлся только на графа Ангальта, съ нею изъ вельможъ нашихъ бывшаго, да на цесарскаго посланника графа Кобенцеля, также на спутника ея и друга, славнаго принца де-Линя, и то потому, что они иногда отставали отъ Императрицы и иныя вещи особенно пересматривали, и самаго даже тогдашняго ея фаворита, послѣдующаго повсюду за Государынею, случилось мнѣ только раза два, и то вскользь, видѣть; и я принужденъ былъ тѣмъ только и довольствоваться.

Осматриваніе сіе и пересматриваніе всего-и-всего продлилось-таки нарочито долго, но наконецъ оно кончилось, и Государыня пошла опять обратно во дворецъ, куда всѣ повалили за нею опять гурьбою, а вмѣстѣ съ ними и я льстился все еще надеждою, не дойдетъ-ли дѣло до меня и не станетъ-ли намѣстникъ, ушедшій съ нею во внутренніе покои,

отыскивать меня; почему, втискавшись съ прочими въ залъ, наполнившійся опять народомъ, становился я нарочно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ намѣстнику удобнѣе бы было меня усмотрѣть. Но какъ я выхода его ни ожидалъ, но онаго не воспослѣдовало, и я, увидѣвъ наконецъ, что стали носить на столъ, приготовленный въ другомъ залѣ, кушанье, и всѣ начали разъѣзжаться, принужденъ былъ и самъ послѣдовать ихъ примѣру и уплетаться ни съ чѣмъ на свою квартиру.

Тамъ нашолъ я всѣхъ своихъ, ожидающихъ возвращенія моего съ великою нетерпѣливостію и начавшихъ тотчасъ меня спрашивать, что произошло съ моею книгою. Но что можно мнѣ было имъ сказать? я хотя и порадовалъ ихъ тѣмъ, что я имѣлъ счастіе подносить самъ ее Государынѣ, но самъ въ себѣ, почитая счастіе сіе сущею ничтожностію, далеко не такъ его цѣнилъ, какъ они; и хотя имъ говорилъ, что Государынѣ разсматривать ее было некогда и никакъ не можно, и что можетъ быть будетъ она пересматривать ее послѣ обѣда, и не воспослѣдуетъ-ли оттого какихъ пріятныхъ для насъ послѣдствій, но внутренно въ себѣ не смѣлъ почти уже ласкаться сею надеждою.

Оставался еще нѣкоторый лучъ надежды, — тотъ, что не будетъ-ли чего-нибудь на балѣ, на который всѣ тогда собирались въ наилучшихъ своихъ нарядахъ ѣхать, ибо какъ всѣ навѣрное полагали, что Государыня не только оный удостоитъ своимъ присутствіемъ, но и пробудетъ наономъ во весь вечеръ, то и ласкался я надеждою, что не сдѣлаетъ-ли въ пользу мою чего-нибудь намѣстникъ, которому тутъ же быть необходимо надлежало, или, по крайней мѣрѣ, не услышу ли я отъ него чего-нибудь о судьбѣ моей книги; а по всему сему поѣхалъ и я съ сыномъ своимъ и боярынями на сей торжественный тогда и великолѣпный съѣздъ и собраніе съ отмѣнными и нетерпѣливыми, меня смущающими, душевными чувствіями.

Мы нашли всю огромную залу дворянскаго собранія, наполненную уже народомъ и набитую безчисленнымъ почти множествомъ господъ и госпожъ и всѣхъ съ крайнею нетерпѣливостью и вожделѣніемъ дожидающихся той минуты, въ которую Государыня прибыть имѣетъ. А не успѣли мы нѣсколько осмотрѣться, какъ вдругъ и заговорили всѣ: «ѣдетъ, ѣдетъ!» А не успѣло слово сіе повсюду разнестись, какъ въ мигъ произошла страшная между всѣми суета и волненіе. Все поспѣшило какъ можно скорѣе становиться въ строй и составить изъ себя улицу для входа и прохода къ трону Государыни, и сколько толчковъ надавано было при семъ случаѣ отъ протѣсненій другъ другу. Всякому хотѣлось стать впереди и занять выгоднѣйшее мѣсто, и у всѣхъ духъ почти переводился, какъ услышали уже шествіе пріѣзжихъ въ сѣни.

Вдругъ наконецъ загремѣла музыка, и въ тотъ же мигъ растворяются настежъ входныя двери. Но, подумайте и вообразите себѣ, какъ сильно поразились всѣ бывшіе тогда въ собраніи, и какъ изумились, увидѣвъ, вмѣсто Государыни, нашего только намѣстника, ведущаго за руку госпожу **Протасову**, спутницу Императрицы, а вслѣдъ за нимъ другихъ вельможъ, съ нею пріѣхавшихъ и ведущихъ также знаменитѣйшихъ госпожъ за руки, которыя всѣ не успѣли войти въ залу, какъ и пошли танцовать большой длинный польской.

Господи! какое началось тогда у всѣхъ шептаніе и перешоптываніе. Поразясь сею неожиданностью, спрашивали всѣ другъ у друга: «гдѣ-жъ и что-жъ Государыня-то? развѣ она не изволитъ быть?» И съ неописаннымъ прискорбіемъ скоро услышали и узнали, что хотя она и намѣрена была удостоить сей балъ своимъ посѣщеніемъ и осчастливить всю нашу публику своимъ присутствіемъ, но, по причинѣ усталости и небольшаго недомоганья, ѣзду сію отмѣнила, а изволила отпустить на балъ нашъ всѣхъ своихъ только спутниковъ и спутницъ. Не успѣло извѣстіе сіе по залѣ разнестись, какъ

началось у всѣхъ неописанное о томъ сожалѣніе; всякъ изъявлялъ чувствованіе и прискорбіе свое о томъ другъ другу. Что-жъ касается до госпожъ, обманувшихся въ наилестнѣйшихъ своихъ надеждахъ и увидѣвшихъ тогда, что всѣ ихъ траты и убытки, употребленные на свои наряды, обратились въ ничто и сдѣлались тщетными, то прискорбія, сожалѣнія и даже самой внутренней досады изобразить никакъ было не можно.

Самого меня неожидаемость сія смутила вновь неизобразимымъ образомъ, и я только и зналъ, что самъ въ себѣ твердилъ: «вотъ тебѣ на! И вотъ чѣмъ всѣ наши ожиданія кончились! Жди себѣ, пожалуй, пока не дождешься». А какъ вскорѣ потомъ услышали, что Государыню не усталость и не недомоганіе отъ ѣзды къ намъ удержали, а прискакавшій, за часъ предъ тѣмъ, изъ арміи отъ князя Потемкина курьеръ, привезшій какія-то очень важныя извѣстія, и что Государыня очень ими смутилась и занялась тогда же писаніемъ, то воскликнулъ я самъ себѣ: «Господи! надобно же было и сему произойтить помѣшательству и такому несчастію особливому!»

Симъ и подобнымъ сему образомъ, говорилъ я тогда самъ съ собою въ мысляхъ, стоючи подлѣ стѣны и прислонившись къ оной, и признаюсь, что минуты сіи были мнѣ очень прискорбны и преисполнили духъ мой даже досадою и негодованіемъ на Государыню за таковое неуваженіе нашей публики и, такъ-сказать, шутку, съигранную съ оною.

Но какъ мало мы тогда знали о истинной причинѣ такой ея поступки, то охотно-бъ всѣ мы ее въ томъ извинили, если-бъ оная была намъ извѣстна. Послѣ узнали мы, что привезенное симъ курьеромъ извѣстіе было, въ самомъ дѣлѣ, не бездѣльное, но такое, которое не о балѣ нашемъ, а о иномъ и гораздо важнѣйшемъ заставило Государыню думать. Словомъ, курьеръ сей присланъ былъ отъ князя Потемкина, съ первымъ увѣдомленіемъ о томъ, что турки, противъ всякаго чаянія и ожиданія, объявили намъ войну. А самое сіе и смутило Императрицу тогда до чрезвычайности.

Но какъ тогда всего того намъ было еще неизвѣстно, то, погоревавъ нѣсколько минутъ о неприходѣ на балъ Государыни, вся публика принялась за танцы и провела опять весь вечеръ съ обыкновеннымъ удовольствіемъ. Я самъ, какъ ни скученъ былъ симъ случаемъ, по пробылъ на ономъ до самаго отъѣзда намѣстника и всѣхъ вельможъ пріѣзжихъ, и хотя впродолженіе сихъ танцевъ и старался нѣсколько разъ становиться въ такомъ мѣстѣ, гдѣ-бъ намѣстникъ могъ меня видѣть, ласкаясь все еще сколько-нибудь надеждою, не молвитъ ли онъ со мною хотя нѣсколько словъ; но ему тогда далеко не до того было, чтобъ обо мнѣ и о разговорѣ со мною помышлять, а всѣ мысли его заняты были угощеніями его гостей знаменитыхъ и доставленіемъ имъ всевозможныхъ удовольствій.

Такимъ образомъ пробывъ на семъ балѣ только въ угодность своимъ домашнимъ даже за полночь и не дождавшись и въ сей вечеръ ничего, принужденъ былъ и я съ своими и съ прочими уѣхать на квартиру, чтобъ взять сколько-нибудь отъ трудовъ сего дня отдохновенія.

Симъ окончу я сіе письмо, превзошедшее давно уже свой обыкновенный предѣлъ, и предоставляя дальнѣйшее повѣствованіе письму будущему, остаюсь вашъ, и прочее.

(Октября 31-го дня 1810 года).

Письмо 230.

Любезный пріятель! Приступая теперь къ продолженію повѣствованія моего о пребываніи Императрицы въ Тулѣ и о бывшихъ при семъ случаѣ со мною происшествіяхъ, начну тѣмъ, что, возвратившись съ помянутаго въ предслѣдующемъ письмѣ бала и легши спать, не могъ я очень долго уснуть отъ толпящихся въ головѣ моей множества разныхъ мыслей какъ о бывшихъ въ тотъ

день происшествіяхъ, такъ и томъ, чего въ послѣдующій за тѣмъ день ожидать надлежало. Никому изъ насъ не было еще тогда съ точностью извѣстно, долго ли продолжится тогдашнее пребываніе Государыни въ Тулѣ, а думали только вообще, что она, когда не долѣе, то, по крайней мѣрѣ, весь послѣдующій день пробудетъ еще въ Тулѣ, и заключали сіе наиболѣе потому, что не была она еще въ арсеналѣ и не удостоила сего запаса и магазина приготовленнаго оружія своимъ обозрѣніемъ, и который, по многимъ отношеніямъ, того былъ достоинъ.

Равномѣрно неизвѣстно было еще никому, куда она изъ Тулы отправиться изволитъ, и въ Москву-ли прямо будетъ продолжать путь свой, или расположится заѣхать на короткое время къ намъ въ Богородицкъ, чтобъ удостоить взоромъ своимъ волость свою собственную и толико ею уважаемую. Сего послѣдняго я тогда уже и желалъ, и нѣтъ; ибо какъ до сего и ни велико было мое желаніе, чтобы всѣ труды мои имѣли счастіе удостоены быть монаршимъ взоромъ и благоволеніемъ, въ которыхъ я, по извѣстному любленію ея садовъ новаго вкуса, почти не сомнѣвался, но послѣднее неожиданное и досадное происшествіе, случившееся въ Богородицкѣ, такъ меня смутило и настращало, что я опасался уже, чтобы недоброхоты мои не подожгли глупыхъ мужиковъ къ утружденію и самой Императрицы бездѣльническими просьбами и жалобами, и чтобъ не могло оттого произойтить какихъ-нибудь и не выгодныхъ для меня слѣдствій, и опасеніе мое, въ разсужденіи сего пункта, было столь велико, что я тогда охотнѣе уже почти желалъ, чтобы она къ намъ и не заѣзжала; а потому заключая, чтобъ къ заѣзду къ намъ могла-бъ побудить ее наиболѣе моя книга и любопытство видѣть въ натурѣ садъ нашъ, съ его изображенными на картинахъ прекрасными видами и украшеніями, началъ мало-по-малу примиряться въ мысляхъ съ неожидаемымъ худымъ успѣхомъ подношенія ей оной и почти доволенъ уже былъ тѣмъ, что ей некогда тогда было удостоить ее своимъ разсматриваніемъ.

Съ сими утѣшительными мыслями и заснулъ я тогда. Но какъ при всемъ томъ хотѣлось мнѣ удостовѣриться въ томъ, заѣдетъ-ли она или не заѣдетъ, дабы въ первомъ случаѣ успѣть сдѣлать къ пріему ея всѣ нужныя приуготовленія, и заключая, что непремѣнно о томъ знать надлежало намѣстнику, то и положилъ я въ слѣдующее утро встать поранѣе и, одѣвшись, скакать за рѣку, на квартиру къ намѣстнику, и постараться застать его опять еще одѣвающимся, дабы тѣмъ удобнѣе имѣть случай съ нимъ поговорить и обо всемъ нужномъ узнать и услышать.

Сіе я и выполнилъ въ самой точности. Но какъ ни рано я всталъ, какъ ни спѣшилъ себя убирать и съ какою скоростью ни ѣхалъ къ нему на квартиру, но, къ превеликой досадѣ моей, не могъ его застать уже дома, а повстрѣчался съ нимъ, съѣхавшимъ уже со двора и скачущимъ въ каретѣ своей съ такою скоростью во дворецъ, что онъ не успѣлъ и взглянуть на мою карету и на меня.

Погоревавъ и потуживъ о семъ, другого не оставалось тогда мнѣ, какъ поплестись вслѣдъ за онымъ и льститься надеждою найтить случай видѣть его и поговорить съ нимъ уже во дворцѣ. Но судьбѣ угодно было, чтобъ и въ сей надеждѣ я обманулся. Уже и замѣченная мною во время дороги превеликая скачка взадъ и впередъ адъютантовъ, ординарцевъ и драгунъ, и удивила, и привела меня въ нѣкоторое смущеніе. А не успѣлъ я прибыть ко дворцу и войтить въ залъ, какъ поразился слухъ мой новою неожидаемостью и тверженіемъ всѣми тутъ бывшими, что Государыня въ то же утро изволитъ отъѣзжать изъ Тулы, продолжая путешествіе свое прямо въ Москву, и что къ отъѣзду ея дѣлаютъ наипоспѣшнѣйшія приуготовленія, и она скоро уже въ путь сей и отправиться изволитъ.

Удивился и смутился я сіе услышавъ. Но смущеніе мое еще несказанно уве-

личилось, когда, въ тотъ же почти мигъ подошедъ къ кучкѣ разговаривающихъ между собою нѣсколькихъ знаменитыхъ чиновниковъ, услышалъ и узналъ я о настоящей причинѣ толикой ея поспѣшности къ отъѣзду, то есть — объявленіе намъ Турками войны, и что по самому тому и князю Потемкину быть въ Тулу уже не можно, и что ему велѣно остаться при войскахъ, на границѣ находящихся, для дѣланія нужнѣйшихъ къ оборонѣ распоряженій, и о томъ уже отправленъ къ нему отъ Государыни курьеръ.

Господи! какъ меня все сіе смутило и растревожило. «Ну, вотъ тебѣ на! воскликнулъ я самъ въ себѣ въ мысляхъ; вотъ что ажно удержало вчера Государыню отъ пріѣзда къ намъ на балъ! до тово-ли ей было, чтобъ помышлять объ ономъ, а того паче, чтобъ разсматривать мою книгу и затѣвать ѣхать къ намъ въ Богородицкъ! Видно теперь по всему, что самому Провидѣнію не угодно было и не назначено было произвести ей какое-нибудь полезное для насъ дѣйствіе; и теперь сумнѣваться почти не можно, что всѣ и мои, и сына моего труды ухнули и пропали по-пустому и останутся безъ малѣйшаго возмездія! Но, ахъ! продолжалъ я далѣе, вспомнивая прошедшее: вотъ тебѣ и князь Григорій Александровичъ, жди его, пожалуй, и льстись выпрашиваніемъ у него сыну моему чина!»

Не могу изобразить, сколь прискорбна была для меня въ тогдашнюю минуту сія послѣдняя мысль и явное удостовѣреніе въ томъ, сколь мало можно полагаться на обѣщанія вельможъ знатныхъ и сколь они малосильны къ произведенію чего-нибудь такого, что не угодно Промыслу Господню. Я не сумнѣвался уже тогда въ томъ, что всѣ мои надежды и лестныя ожиданія рушились совершенно и исчезли какъ дымъ въ воздухѣ. И какъ перемѣнить всего того было уже не можно, то помышлялъ я уже о воспріятіи прибѣжища къ своей философіи и при помощи оной о пріисканіи и запасеніи себя удобнѣйшими къ утѣшенію себя въ семъ неблагопріятномъ случаѣ мыслями.

Между тѣмъ какъ я, удалившись въ уголокъ, сими помышленіями занимался, увидѣлъ я вдругъ вышедшаго въ залу изъ внутреннихъ покоевъ адъютанта нашего намѣстника и спѣшащаго идти на дворъ. Тутъ приди мнѣ охота спросить у него, какъ у знакомаго мнѣ довольно человѣка, гдѣ находится теперь намѣстникъ и не могу ли я получить случай его видѣть и съ нимъ поговорить. «Эхъ, братецъ, воскликнулъ онъ, продолжая итить далѣе, онъ тамъ у Государыни и до того ли теперь Михайлѣ Никитичу, чтобъ ему говорить съ тобою. Государыня спѣшитъ своимъ отъѣздомъ и приказала ему провождать ее не только до границы его намѣстничества, но препроводить ее до Москвы самой. У него теперь голова уже кружится отъ раздаваемыхъ разныхъ повелѣній и отъ разсылки всѣхъ насъ и ординарцевъ своихъ въ разныя мѣста съ приказаніями. И если милы тебѣ твои бока и не хочется также, сломя голову, куда-нибудь скакать, то совѣтовалъ бы лучше ему не попадаться на глаза, а особливо, если нѣтъ тебѣ до него какихъ-нибудь необходимыхъ нуждъ, а то онъ и тебя также куда-нибудь да протуритъ, и ты тамъ уже животу своему не будешь радъ, какъ я теперь». Сказавъ сіе уже при выходѣ на крыльцо, бросился онъ на подведенную къ нему лошадь и исчезъ у меня изъ глазъ въ ту же минуту.

Предостереженіе сіе было мнѣ весьма кстати и крайне для меня непротивно. Я поблагодарилъ его въ мысляхъ за оное, а потому, опасаясь, чтобъ въ самомъ дѣлѣ не попасться намѣстнику подъ обухъ и не быть куда-нибудь также протуреннымъ и чрезъ то лишиться случая видѣть Государыню еще разъ при отъѣздѣ, рѣшился хотя возвратиться опять въ залу и дожидаться въ ней выхода и отъѣзда Государыни, какъ лучшаго случая еще разъ ее видѣть поближе и всячески тулиться отъ намѣстника и, при выходѣ его изъ внутреннихъ покоевъ, прятаться за народъ, котораго было въ залѣ великое уже множество. «Пропади онъ со всѣмъ, думалъ и говорилъ я тутъ

самъ съ собою, и не одинъ разъ, дѣла никакого не надѣлаешь, да и ждать теперь отъ него нечего, а какъ увидитъ, то, въ самомъ дѣлѣ, не протурилъ бы куда-нибудь и не навалилъ бы такой коммиссіи, которой и не радъ будешь!» Но, по счастью, случилось такъ, что онъ во все время стоянія моего тутъ, которое продолжалось-таки нарочито долго, ни одинъ разъ къ намъ не выходилъ, и я увидѣлъ его уже при выходѣ Государыни, а тогда уже некогда ему было мнѣ что-нибудь препоручать, и онъ спѣшилъ скорѣе самъ скакать вслѣдъ за Государынею.

Между тѣмъ, какъ я помянутымъ образомъ въ залѣ, вмѣстѣ съ прочими, выхода Императрицы дожидался, разнесшійся по городу слухъ о скоромъ отъѣздѣ Государыни встревожилъ всю Тулу и вскружилъ у всѣхъ голову, а особливо у госпожъ и боярынь, въ ней тогда бывшихъ. Всѣмъ имъ, неимѣвшимъ воображаемаго счастья видѣть ее ни въ городѣ, ни на балѣ, восхотѣлось непремѣнно, по крайней мѣрѣ, видѣть ее при выѣздѣ изъ Тулы. И, Господи! какая поднялась тогда изо всего города ѣзда каретъ въ Московскую улицу, и какой стукъ и громъ происходилъ отъ множества каретъ, поспѣшающихъ въ оную. Всѣмъ и каждому изъ нихъ хотѣлось благовременно пріискать себѣ тамъ чей-нибудь домъ, или, по крайней мѣрѣ, окошко въ немъ, для смотрѣнія, и многія не жалѣли никакихъ денегъ при нанимапіи на нѣсколько часовъ оныхъ. Со всѣмъ тѣмъ, многимъ не удалось найтить себѣ мѣстъ въ домахъ и окошкахъ, а принуждены онѣ были стоять въ каретахъ, на улицѣ самой, и выходить изъ нихъ при проѣздѣ мимо ихъ Государыни. Но, бѣдныя и жалкія, всѣ онѣ не получили за всѣ свои труды и убытки удовлетворенія; всѣмъ имъ вообще удалось только взглянуть на проскакавшую мимо ихъ, со скоростью, подобною молніи, карету съ Императрицею, и я сумнѣваюсь, чтобъ которой-нибудь изъ нихъ удалось ее въ лицо увидѣть.

Что касается до меня и всѣхъ бывшихъ тогда въ дворцовой залѣ, то имѣли мы вожделѣннѣйшій случай видѣть Государыню какъ при проходѣ чрезъ залы, такъ и при вхожденіи въ стоящую предъ окнами сей залы, свою карету. Мы, налюбовавшись ею до-сыта, проводили ея съ глубочайшими поклонами и сердечнымъ желаніемъ, чтобъ путешествіе ея было благополучно. Она сѣла прямо въ карету сама-четвёртъ, а именно: съ госпожею Протасовою, принцемъ де-Линемъ и цесарскимъ посланникомъ Кобенцелемъ. И не успѣла сѣсть, какъ поскакала и скрылась изъ глазъ нашихъ въ одну минуту. И черезъ нѣсколько минутъ выстрѣлы изъ пушекъ, поставленныхъ при выѣздѣ изъ города, возвѣстили намъ и о ея выѣздѣ изъ онаго.

Симъ образомъ проводили мы тогда нашу монархиню, и сей разъ былъ послѣдній, что я ее при жизни видѣлъ. Услышавши пальбу, поклонился я ей еще вслѣдъ, и внутренно мыслилъ о своей книгѣ, полетѣвшей вмѣстѣ съ нею. Что съ нею послѣ воспослѣдовало и разсматривала-ли ее когда-нибудь Государыня, того я уже со всѣмъ не знаю. А удалось мнѣ только чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того слышать, что ее видѣли, лежащую вмѣстѣ съ прочими рѣдкостными книгами въ Императорскомъ эрмитажѣ, въ Петербургѣ. Но то только извѣстно: не произвела она никакихъ выгодныхъ ни для меня, ни для сына моего слѣдствій, и труды наши, совокупно съ нею, пропали по-пустому, а обратились только во вредъ трудившемуся неутомимо надъ рисованіемъ картинъ, въ ней находящихся, по причинѣ мелкой работы; ибо онъ, какъ думаю самъ я теперь, повредилъ и ослабилъ на вѣкъ, къ великому нашему прискорбію и сожалѣнію, свое зрѣніе.

Проводивъ симъ образомъ свою монархиню, поѣхалъ я съ сыномъ, бывшимъ тогда со мною, отыскивать своихъ домашнихъ, о которыхъ зналъ я, что и онѣ вмѣстѣ съ прочими поѣхали въ пріисканный знакомыми домъ на Московскую улицу. И отыскавъ ихъ и побывавъ на

той же улицѣ у квартировавшей тетки ея госпожи **Арцыбышевой** и у **Верещагина**, возвратился къ обѣду на свою квартиру. А послѣ обѣда поѣхалъ я къ г. Давыдову, какъ младшему и ближайшему своему командиру, для принятія отъ него приказаніевъ объ волости, ибо мы, не имѣя съ нимъ надобности болѣе жить въ Тулѣ, располагались, въ послѣдующій за симъ день, пуститься обратно въ Богородицкъ.

Г. Давыдова засталъ я дома, и нашолъ его весьма въ веселомъ духѣ и, по всему видимому, радующимся о скоромъ отъѣздѣ Государыни. Ибо, какъ бы то ни было, чрезъ самое то исчезли всѣ его опасенія, чтобъ не вышли наружу и не сдѣлались какимъ-нибудь образомъ извѣстными всѣ его шалости и проказы въ дѣлахъ управленія ея волостями. Онъ не преминулъ распросить меня о томъ, что произошло съ моею книгою, и услышавъ отъ меня обо всемъ происхожденіи, улыбался только, равно какъ бы будучи доволенъ, что такъ случилось; ибо я давно уже заприметилъ, что онъ смотрѣлъ на все, относящееся до нея, косымъ окомъ, хотя и не могъ не хвалить ея работу. Можетъ быть, происходило сіе отъ нѣкотораго рода зависти и досады, для чего и все сіе дѣло производилъ не чрезъ его. Но какъ бы то ни было, но онъ кончилъ критикованіемъ памѣстника, говоря, что напрасно онъ то сдѣлалъ, что присовокупилъ ее къ своимъ книгамъ и атласамъ, и что гораздо лучше было, если-бъ отложилъ поднесть оную особливо до другого и удобнѣйшаго времени, нежели какое тогда было. Впрочемъ, изъявилъ и онъ мнѣ свое сумнѣніе о томъ, чтобъ могла произойти отъ ней какая-нибудь для насъ польза, а тоже думалъ, что и я, то есть, что едва-ли она не погибнетъ совершенно. Наконецъ, отпустилъ онъ меня, давъ мнѣ нужные по нѣкоторымъ дѣламъ ордеры и сказавъ, что онъ въ непродолжительномъ времени пріѣдетъ и самъ къ намъ въ Богородицкъ, чтобъ вмѣстѣ со мною объѣздить всю волость.

Итакъ, собравшись съ утра послѣдующаго дня, и пустились мы въ свой обратный путь, и успѣли еще въ тотъ же день пріѣхать въ Богородицкъ, гдѣ нашли всѣхъ остававшихся тамъ, своихъ родныхъ, въ добромъ здоровьѣ. Всѣ они, и всѣ наши городскіе друзья и пріятели, небывшіе въ Тулѣ, замучили насъ своими вопрошаніями обо всемъ тамъ происходившемъ, и между прочимъ, и о самой судьбѣ нашей книги съ рисунками. Я при разсказываніи обо всемъ, до ней относящемся, хотя для скрытія внутренняго своего неудовольствія и старался придавать всему видъ, сколько можно лучшій, и не изъявляя ни мало сожалѣнія своего въ томъ, что не произошло отъ нея ничего, хотя приписывалъ все коротkости времени, недопустившей Государыню на сіи рисунки наши взглянуть, и говорилъ хотя, что воспослѣдуетъ сіе непремѣнно, либо въ Москвѣ, либо въ Петербургѣ,—но домашнихъ своихъ трудно было мнѣ переувѣрить въ томъ мнѣніи, что всѣ труды наши пропали по-пустому, и ихъ далеко не могъ я столь скоро утѣшить, какъ хотѣлъ, въ прискорбіи, произведенномъ въ нихъ симъ неудачнымъ и неблагопріятнымъ случаемъ. Но они не переставали долгое время о томъ горевать и тужить о потерянныхъ тщетно столь многихъ трудахъ и стараніяхъ.

Что-жъ касается собственно до меня, то я, слѣдуя всегдашнимъ правиламъ своимъ, очень скоро и безъ дальнаго труда самъ себя утѣшилъ и духъ свой успокоилъ; чему въ нѣкоторое свидѣтельство могутъ служить пріобщенныя къ сему точныя слова, какими заключилъ я тогда въ журналѣ моемъ записку о семъ происшествіи. Вотъ какого была она содержанія:

«Симъ образомъ кончилось и наше путешествіе и рѣшились всѣ наши сумнительства, опасенія и мысли, и надежды. Ежели останется на семъ и не произойдетъ ничего въ Москвѣ, куда вслѣдъ за Государынею поѣхалъ памѣстникъ, то можно прямо съ Эзоповою баснею сказать: что трясущаяся великая гора родила

только мышь, и вся громада нашихъ надеждъ и трудовъ разрушилась и пропала по-пустому и исчезла, яко дымъ. Однако, я обо всемъ томъ ни мало не безпокоюсь и не тужу, по той причинѣ, что я при самомъ еще началѣ просилъ моего покровителя Бога, чтобъ Онъ при семъ случаѣ распорядилъ всѣ обстоятельства такъ, какъ Онъ за лучшее и полезнѣйшее для меня признаетъ, и потому и теперь не дерзаю никакъ роптать и чувствовать и изъявлять какое-либо неудовольствіе о томъ, что такъ все произошло, а не иначе. Ему, Господу моему, болѣе меня и болѣе всѣхъ извѣстно, что̀ надобно и что̀ нѣтъ, а потому и буди Его во всемъ святая воля!»

Послѣдствіе времени и доказало мнѣ довольно, что сія неудача далеко не была такъ велика и для всѣхъ насъ предосудительна, какъ многіе тогда думали и почитали, и что я въ мысляхъ и заключеніяхъ своихъ ни мало не ошибался, и что благодѣтельствующему намъ Промыслу Господню угодно дѣйствительно все тогдашнее происшествіе такъ, а не иначе распорядить, совсѣмъ не ко вреду, а къ самой существительной еще пользѣ нашей. Вреда оттого не произошло намъ ни малѣйшаго, а польза произошла та, что отъ сего времени перемѣнилъ я во многомъ образъ моей жизни и свои занятія. И перемѣна сія, освободивъ меня отъ многихъ пустыхъ, излишнихъ трудовъ, доставила мнѣ болѣе спокойствія въ жизни и болѣе удобности употреблять время свое на занятія полезнѣйшія и такія, которыя удобнѣе были къ сдѣланію дней моихъ счастливѣйшими, нежели всѣ ожидаемыя тогда за труды наши тщетныя возмездія и награды. Почему и нынѣ, вспоминая тогдашнее время, заключаю я, что въ случаѣ, если-бъ Императрицѣ всѣ тогдашніе наши рисунки и работы, по разсмотрѣніи оныхъ, понравились, то весьма легко могло бы воспослѣдовать, что бъ она, какъ любительница такихъ садовъ, отъ тогдашнихъ моихъ меня оторвавъ, взяла къ себѣ въ Петербургъ и опредѣлила бы къ какимъ-нибудь садамъ тамошнимъ; гдѣ живучи, далеко не могъ бы я такимъ истиннымъ счастіемъ и благополучіемъ въ жизни пользоваться, какимъ съ того времени пользовался и пользуюсь и теперь еще. Въ разсужденіи же самого сына моего не извѣстно еще, произошла ли бы оттого какая польза, а онъ и безъ того получилъ послѣ все нами желаемое, и при болѣзненномъ своемъ состояніи не имѣлъ бы ни малѣйшей причины сожалѣть о томъ, что произошло все тогда не такъ, какъ мы думали и ожидали, а совсѣмъ иначе. А въ разсужденіи самаго ослабленія его зрѣнія еще не извѣстно въ точности, отъ тогдашней ли мелкой и тщательной работы произошло оное или отъ какихъ-нибудь иныхъ и натуральныхъ причинъ. Словомъ, по всѣмъ обстоятельствамъ нынѣ совсѣмъ я иначе о происшествіяхъ тогдашняго времени думаю, нежели тогда думалъ, и благодарю еще Господа, что все тогда такъ, а не иначе случилось.

Наконецъ, надобно мнѣ слова два сказать и о нашемъ ящичкѣ съ марморными нашими песками. Ему удалось имѣть тогда лучшій жребій. И доставила ему оный его тягость; ибо какъ мнѣ вмѣстѣ съ книгами держать было неудобно, то приказалъ мнѣ намѣстникъ оставить его до востребованія онаго Государынею, въ каретѣ, гдѣ онъ благополучно тогда, а послѣ у меня и остался, и служилъ себѣ послѣ долго достопамятнымъ памятникомъ тогдашнихъ временъ и происшествій.

Симъ окончу я сіе мое письмо, а вмѣстѣ съ нимъ и заключу и все сіе собраніе моихъ писемъ, и учиню сіе тѣмъ удобнѣе, что съ сего времени, по случаю премѣненія весьма многихъ обстоятельствъ, и дальнѣйшее повѣствованіе будетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ инаково. Итакъ, сіе покончивъ, скажу вамъ что я есмь вашъ, и прочее.

Конецъ XXII части.

(Октября 31-го дня 1810 года).

Примѣчаніе. XXII ч., кажется, не была переписана Болотовымъ: мы ее напечатали съ черновой рукописи, до крайности не разборчивой. М. С.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XXIII.

(Въ Двореннновѣ, начата декабря 10-го дня 1810, а окончена декабря 22-го дня 1810 года).

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Богородицкѣ послѣ отбытія Императрицы изъ Тулы до замужества старшей моей дочери.

Продолженіе 1787 г. и моего 49 года жизни.

Письмо 231.

Любезный пріятель! Послѣднее мое письмо къ вамъ, кончилъ я описаніемъ достопамятной эпохи въ моей жизни и возвращеніемъ моимъ въ Богородицкъ, послѣ неудачнаго въ Тулѣ пребыванія и неожиданнаго разрушенія всѣхъ лестныхъ надеждъ нашихъ. А теперешнее начну описаніемъ новаго періода моей жизни, который былъ также наполненъ многими пріятностями и непріятностями, и по нѣкоторымъ отношеніямъ былъ также довольно достопамятнымъ въ моей жизни. День, въ который возвратились мы въ Богородицкъ, случился быть 23 мѣсяца іюня. И какъ въ сіе время не было уже никакихъ надворныхъ работъ, да и вся надобность въ нихъ уничтожилась, поелику мы не могли уже болѣе ласкаться тою надеждою, что удостоится садъ нашъ и всѣ труды наши воззрѣніемъ Императрицы (и что было наиглавнѣйшею побудительною причиною къ предпринимапію оныхъ), то при всемъ душевномъ прискорбіи о тщетности всѣхъ трудовъ моихъ, чувствовалъ я, по крайней мѣрѣ, ту отраду, что вдругъ чрезъ то освободился я отъ несмѣтнаго множества ежедневныхъ заботъ и хлопотъ, соединенныхъ обыкновенно и съ неудовольствіями разными. Съ плечъ моихъ тогда ровно какъ превеликая гора свалилась, и я уже не о работахъ, а о томъ помышлять началъ, какъ бы мнѣ будущее время свое употребить болѣе въ собственную свою пользу и снискивать колико можно болѣе пріятнѣйшихъ минутъ въ жизни.

Итакъ, отдохнувъ отъ своего путешествія и оставя большой садъ спокоемъ, принялся я за свои кабинетныя упражненія, доставлявшія мнѣ всегда болѣе успѣха и удовольствій, нежели какія иныя дѣла и вещи, и которыя вкупѣ служили мнѣ всегдашнимъ отдохновеніемъ отъ трудовъ надворныхъ. И какъ во всѣ бывшія въ послѣдніе мѣсяцы многоразличныя и безпрерывныя надворныя занятія не имѣлъ я времени не только продолжать сочиненіе издаваемаго мною «Экономическаго Журнала», но и помыслить объ немъ (и чрезъ то дѣло сіе было у меня и гораздо позапущено),—то, не хотя, чтобы въ еженедѣльномъ изданіи онаго произошла и малѣйшая остановка, принялся я тотчасъ за приготовленіе въ запасъ матеріала для онаго, и во всѣ достальные дни мѣсяца іюня занимался почти однимъ симъ дѣломъ, и позапасся чрезъ то опять на нѣсколько недѣль матеріаломъ.

Однако продолжалось сіе не далѣе какъ до 4 числа іюля, въ который день оторванъ былъ я опять отъ сихъ занятій пріѣздомъ къ намъ младшаго моего командира г. Давыдова. Пріѣзжалъ онъ къ намъ въ сей разъ не столько за дѣломъ, сколько за бездѣльемъ, и пробылъ

у насъ въ гостяхъ безъ-мала двѣ недѣли. Главная цѣль пріѣзда его состояла, какъ я послѣ узналъ, въ тайномъ и злоумышленномъ посягательствѣ противъ меня и въ отыскиваніи чего-нибудь, чѣмъ бы меня въ умѣ намѣстника очернить и, лишивъ меня той благосклонности, которою я отъ сего пользовался, разными пронырствами довесть до того, что[бы] я былъ смѣненъ и на мое мѣсто опредѣленъ былъ другой и такой, который бы не такъ много мѣшалъ ему поправлять разстроенное состояніе свое на счетъ волости, или, прямѣе сказать, набивать отъ ней дырявый карманъ свой. Всходствіе чего и привезъ онъ съ собой землемѣра Рудина, человѣка, способнаго на всякое зло и прескверпаго характера, назначаемаго наружно для снимавія на планъ и измѣренія нѣкоторыхъ мѣстъ и земель, опредѣляемыхъ подъ населеніе переводимыхъ въ волость и купленныхъ отъ г. Верещагина изъ Щеглова крестьянъ, а втайнѣ къ тому, чтобъ онъ помогалъ ему ковать помянутый тайный и коварный ковъ противъ меня, чему также должны были съ своей стороны поспѣшествовать и Варсобинъ, вмѣстѣ съ княземъ нашимъ городничимъ.

Случай ко всему тому казался всѣмъ имъ тогда наиспособнѣйшій, по причинѣ бывшей при послѣднемъ пріѣздѣ къ намъ намѣстника, по наущенію Варсобина, злоумышленной жалобы и просьбы отъ крестьянъ о недостаткѣ хлѣба по тогдашнему неурожайному году, ибо какъ отъ намѣстника по поводу сего приказано было г. Давыдову объѣздить самому лично всю нашу волость и осмотрѣть дѣйствительно худобу урожая и недостатки крестьянъ, и сдѣлать по всѣмъ просьбамъ ихъ удовлетвореніе, то и употребилъ онъ самый сей объѣздъ волости къ прикрытію своего сокровеннаго умысла, и пріѣхалъ будто для сего личнаго освидѣтельствованія неурожая и ѣзды по волости.

Кромѣ сего, хотѣлось ему попраздновать у насъ и въ приближающуюся годовую нашу Казанскую ярманку, а сверхъ того поволочиться за дочерьми г. Маркова, ибо какъ сей сосѣдственный дворянинъ имѣлъ у себя двухъ большихъ и весьма вольнаго поведенія дочерей, изъ которыхъ меньшая была на лицо очень недурна, и ему ихъ нѣкогда видѣть и сею прельститься случилось, то хотѣлось ему и въ нихъ испытать поискать своего счастія.

Все сіе было, однако, такъ скрыто и утаено, что я, ни мало о томъ тогда не зная и не вѣдая, а видя его по-прежнему къ себѣ благопріятнымъ и дружелюбнымъ, встрѣтилъ его съ обыкновеннымъ своимъ простодушіемъ и къ нему приверженностью, и радъ еще былъ, что онъ въ сей разъ пріѣхалъ одинъ и не привезъ съ собой своей горделивицы супруги. И потому и помышлялъ о томъ, какъ бы его угостить лучше и сдѣлать ему пребываніе его у насъ колико можно пріятнѣйшимъ.

Поелику дней до наступленія ярманки нашей оставалось уже немного и ему хотѣлось ими, въ разсужденіи помянутаго объѣзда волости, воспользоваться и успѣть сколько-нибудь деревень до ярманки объѣздить, то на другой же день, отобѣдавъ у меня, взявъ съ собою помянутаго землемѣра и Варсобина, мы съ нимъ въ одну сторону волости и отправились, и были въ селахъ Іевлевѣ и Черневкѣ и деревняхъ Щегловкѣ и другихъ нѣсколькихъ, гдѣ, осмотрѣвъ поля, и ночевали, а между тѣмъ землемѣръ долженъ былъ снимать на планъ огороды и, вмѣстѣ съ тѣмъ, производить и другое свое дѣло, состоящее въ тайныхъ распрашиваніяхъ у мужиковъ обо всемъ и обо всемъ и въ отыскиваніяхъ чего-нибудь къ оклеветанію на меня.

На другой день такимъ же образомъ объѣздили мы селенія Озерки, Плесы, Упище, Красную Слободу и село Верхоупье, и во всѣхъ ихъ происходили осмотры, спросы и разспросы и разбирательства крестьянскихъ дрязговъ и ничего незначущихъ просьбъ другъ на друга. Но какъ ни желалъ онъ, чтобы что-нибудь вышло на меня, но ничего не выходило, да и выттить было нечему, ибо

всѣ крестьяне были мною совершенно довольны и не имѣли ни малѣйшей причины къ какимъ-либо жалобамъ. Итакъ, не солоно хлебавъ и пообѣдавъ въ послѣднемъ мѣстѣ, возвратились мы въ Богородицкъ, гдѣ и нашли начало ярманки.

Сія была у насъ въ сей годъ довольно многолюдная и состояла болѣе изъ простаго народа; дворянъ же пріѣзжихъ, кромѣ Марковыхъ и другихъ нѣкоторыхъ, было немного. Мы провели первый день оной въ разъѣздахъ по ней и по гостямъ и объѣздили всѣхъ нашихъ городскихъ, и командиръ мой былъ веселъ какъ мѣдный грошъ, и болѣе отъ того, что въ сей день получили они съ городничимъ нашимъ Императрицыны подарки, которые и она, также какъ и ханъ, всюду-и-всюду во время путешествія своего разсыпала и теряла на сіе безъ всякой пользы превеликія суммы, ибо подарки раздаваемы были всѣмъ чиновникамъ, достойнымъ того и недостойнымъ. На часть командира моего досталась изрядная золотая табакирка, а городничему часы. И я, смотря на то, подумалъ тогда: «ахъ, еслибы Государыня знала, есть ли за что одарять сихъ господъ, а особливо перваго, то не то бы было: не того, а иного онъ за дѣянія свои достоинъ!» Тому, кто трудился и работалъ и прямо достоинъ былъ добраго подарка, ничего и даже спасибо не сказано; а кто больше ничего не дѣлалъ, какъ только мытарилъ и дурилъ, пожалована табакирка дорогая! Но такъ-то у насъ и всѣ дѣла идутъ!

Въ день самаго праздника было у насъ общее собраніе въ церкви, а потомъ для всѣхъ мужчинъ обѣдъ во дворцѣ у моего командира, а для всѣхъ боярынь и дѣвицъ у меня въ домѣ, куда послѣ обѣда пришли и мы всѣ и съобща провели весь сей день въ гуляньи по садамъ и въ забавахъ разныхъ, и кончили общимъ ужиномъ у меня въ домѣ.

Наутріе поѣхалъ командиръ мой обѣдать по приглашенію къ господину Маркову. И дабы ему тамъ удобнѣе было безъ меня продолжать свои интриги и, по обыкновенію своему, подгулять и пображничать, то не взялъ меня съ собою, а препоручилъ объѣздить одному всю Бобриковскую волость, ибо мое присутствіе его связывало по рукамъ и по ногамъ. Что у нихъ тамъ происходило, того уже подлинно не знаю, а доходили только послѣ до насъ слухи, не весьма выгодные о его поведеніи, и такіе которымъ мы и дивились, и хохотали не одинъ разъ, и я былъ и радъ, что меня тамъ не было, и я освобожденъ былъ отъ стыда и срама.

Итакъ, повинуясь приказанію, ѣздилъ я съ однимъ изъ канцеляристовъ своихъ въ Бобриковскую волость. И объѣзжая всѣ села и деревни, принужденъ былъ проводить въ томъ цѣлыхъ два дня. Возвратясь въ Богородицкъ, поѣхалъ отыскивать своего Николая Сергѣевича, хотѣвшаго, переночевавъ у Маркова, пуститься опять въ волость, но вмѣсто того заѣзжавшаго еще въ гости къ господину Сафонову. Тутъ, будучи и подгулявши, проболтался онъ во многомъ о своихъ противъ меня тайныхъ посягательствахъ, но г. Сафоновъ былъ такъ честенъ, что противорѣчилъ ему всячески и хулилъ его за намѣреніе противъ меня, совсѣмъ съ своей стороны ни въ чемъ невиннаго, что всё узналъ я послѣ и очень благодаренъ былъ за то г. Сафонову, очень меня тѣмъ одолжившему.

Итакъ, въ третей уже день отыскалъ я г. Давыдова въ волостномъ нашемъ селѣ Михайловскомъ, откуда, кончивъ свои распросы и пустыя дѣла, поѣхали мы съ нимъ обратно въ Богородицкъ, но ему у г. Маркова такъ полюбилось, что онъ не утерпѣлъ, чтобы еще не заѣхать къ нему въ дорогѣ ночевать, отпустивъ меня напередъ прямо ѣхать въ городъ, и самъ не прежде какъ на другой день къ обѣду къ намъ отыскался.

Тутъ принялись мы съ нимъ за писаніе разныхъ ордеровъ и повелѣній и провели въ томъ цѣлыхъ два дня, занимаясь между тѣмъ и разными веселостями. Я принужденъ былъ строить для него

опять пиры и заводить танцы и балы, обѣды и ужины, и насилу-насилу поѣхалъ онъ отъ насъ уже въ двѣнадцатый день по своемъ пріѣздѣ, и мы рады-рады были, что его отъ себя проводили.

Бывшіе при немъ съѣзды и разныя увеселенія такъ насъ разохотили, что мы продолжали и послѣ его отъѣзда почти всякій день съѣзжаться и провождать время въ играхъ и въ гуляніяхъ, а особливо по садамъ, въ лучшемъ видѣ тогда находившимся. Прекрасная и лучшая лѣтняя погода поспѣшествовала къ тому много: не одинъ разъ забавлялись мы также катаньемъ въ прекрасной лодкѣ по прудамъ и во время жары купаньемъ въ своей купальнѣ, и не одинъ разъ говаривали: «когда Государынѣ не удалось у насъ побывать и садомъ нашимъ повеселиться, то, по крайней мѣрѣ, чтобъ труды наши не пропали тщетно, повеселимся имъ сами и тѣмъ вознаградимъ себя за свои хлопоты и безпокойства». А 18-го числа сего мѣсяца, по случаю отправляемаго въ сей день торжества о выздоровленіи великихъ князей отъ оспы, согласясь между собой, составили мы во дворцѣ порядочный редутъ. И какъ случились въ сіе время къ намъ кой-кто и пріѣзжіе, то было у насъ тутъ и множество танцевъ. Словомъ, весь почти сей мѣсяцъ провели мы какъ-то отмѣнно весело.

Въ концѣ же онаго имѣли мы у себя важнаго гостя. Случилось проѣзжать черезъ Богородицкъ именитому нашему вельможѣ и бывшему потомъ главнокомандующимъ въ Москвѣ, а напослѣдокъ фельдмаршаломъ и предводителемъ всей нашей арміи князю Александру Александровичу Прозоровскому. И какъ, по обыкновенію, мы всѣмъ знаменитымъ особамъ назначали нашъ дворецъ для квартированія, то стоялъ и онъ съ княгинею, женою своей, въ ономъ, и я имѣлъ чрезъ то случай спознакомиться съ ними короче. Оба они гуляли по нашему саду и хвалили весьма нашу развалину, гротъ и все прочее, что для меня было весьма непротивно. Я поднесъ имъ небольшую коллекцію изъ своихъ марморныхъ песковъ, и они приняли съ великою благодарностію.

По отъѣздѣ сего гостя, провелъ я всѣ достальные дни іюля и всю первую половину августа мѣсяца въ мирѣ и тишинѣ. И какъ въ садахъ и въ прочихъ мѣстахъ никакихъ болѣе уже работъ не было, то тогда только почувствовалъ я прямо пріятность свободы и совершеннаго досуга, что и побуждало меня не предпринимать уже ничего болѣе въ большомъ казенномъ саду, а ограничить себя единымъ поддерживаніемъ его въ такомъ состояніи, въ какомъ онъ тогда находился, и то единственно для того, чтобы мнѣ можно было самому имъ увеселяться и водить въ него друзей и пріятелей своихъ, также и любопытныхъ проѣзжихъ, желавшихъ оный видѣть, для гулянія въ ономъ; а, впрочемъ, на досугѣ заниматься уже болѣе своимъ собственнымъ садикомъ, который и доведенъ былъ въ такое уже совершенство, что онъ веселилъ меня еще больше большаго, и я не рѣдко провождалъ въ немъ по нѣсколько часовъ сряду въ читаніи книгъ, въ гуляньи по маленькомъ своемъ аглицкомъ и со вкусомъ расположенномъ тутъ садику, въ отдыханіи на дерновыхъ и деревянныхъ сидѣлкахъ и лежанкахъ, а иногда занимался въ тѣни подъ деревьями даже и самымъ писаніемъ своимъ, и по всему тому сдѣлался онъ мнѣ весьма любезнымъ.

Но едва только началъ приближаться праздникъ Успенія Богородицы, какъ встревоженъ я былъ опять письмомъ отъ моего командира, призывавшимъ меня немедленно къ себѣ въ Тулу, наипаче въ деревню его Анненское, гдѣ имѣлъ онъ тогда свое пребываніе. Но ѣзда сія была мнѣ не столько досадна и обременительна, какъ пріятна. Г. Давыдовъ выписывалъ меня въ сей разъ только для того, чтобъ по случаю отъѣзда его въ Петербургъ, куда призывали его какія-то надобности, переговорить со мной кое-о-чемъ, относящемся до волости. И какъ я къ нему въ его Анненское пріѣхалъ, то принялъ

меня съ отмѣнною ласкою и благопріятствомъ, такъ какъ небывалаго еще у себя тамъ гостя, и, показывая мнѣ все свое житье-бытье, заводилъ меня по всѣмъ мѣстамъ своей усадьбы, а наутріе, въ самый день праздника Успенія Богородицы, возилъ съ собою въ гости къ дядѣ своему, почтенному и доброму старичку Николаю Ивановичу Лаговщину, тестю знакомца моего г. Хомякова, Ивана Васильевича. Тамъ, кромѣ насъ, были и многіе другіе, и наиболѣе прихлебателей и любимцевъ намѣстниковыхъ, какъ-то: г. Веницеевъ, Бееръ, Шепелевы (оба брата) и г. Арсеньевъ, Михаилъ Ивановичъ. И мы всѣ провели сей праздникъ у добродушнаго хозяина очень весело, и возвратились въ Анненское съ удовольствіемъ.

Наутріе, заботясь все о моемъ сынѣ, не упустилъ я объ немъ при разговорѣ съ Давыдовымъ упомянуть объ ономъ. И какъ онъ опять охотно бралъ на себя постараться о доставленіи ему сержантскаго чина, или, по крайней мѣрѣ, отсрочки, то вручилъ я ему привезенный съ собой пашпортъ его и онъ свято обѣщалъ мнѣ употребить въ пользу его все, что только учинить онъ въ состояніи. Потомъ, переговоривъ со мной обо всемъ нужномъ, отпустилъ меня обратно въ Богородицкъ, куда пріѣхавъ, нашолъ я опять князя Прозоровскаго, ночующаго у насъ во дворцѣ. И повидавшись въ тотъ же вечеръ съ нимъ, проводилъ его наутріе въ дальнѣйшій путь. И съ того времени я уже и не видалъ болѣе сего нашего знаменитаго боярина, который какъ въ свое время ни славенъ былъ, но я при случаѣ разговоровъ съ нимъ и щупая, такъ-сказать, его пульсъ, по многимъ отношеніямъ находилъ между нимъ и княземъ Репнинымъ великую разницу и не могъ никакъ восчувствовать къ нему такого искренняго почтенія и уваженія, какое вперилъ въ меня къ себѣ князь Николай Васильевичъ.

По отъѣздѣ его, занялся я опять продолженіемъ своихъ кабинетныхъ литературныхъ упражненій, и не только заготовлять запасный матеріалъ для своего журнала, но и переправлять первую часть своей «Дѣтской Философіи». Поводомъ къ тому были просьба и желаніе г. Новикова напечатать сіе мое сочиненіе совсѣмъ вновь. И какъ прежнее расположеніе самаго начала онаго мнѣ не совсѣмъ нравилось, то хотѣлось мнѣ самое вступленіе и начальные разговоры совсѣмъ перемѣнить и сдѣлать лучшими и интереснѣйшими. И симъ-то дѣломъ занялся я наиболѣе въ сіе время. Но изо всего того ничего не вышло: я хотя и сочинилъ помянутые разговоры, но судьбѣ не угодно было, чтобы книга сія была вновь г. Новиковымъ напечатана. Стеченіе разныхъ обстоятельствъ положило ему въ томъ препону.

Между тѣмъ, пользуясь досугомъ и отсутствіемъ обоихъ моихъ начальниковъ и командировъ, восхотѣлось мнѣ побывать симъ лѣтомъ въ своей деревнѣ и пожить въ ней недѣлю-другую времени. Итакъ, рѣшившись туда съѣздить и взявъ съ собою жену, старшую нашу дочь и сына, 22-го августа въ сей путь и отправились.

Ѣзда наша туда была въ сей разъ сопряжена съ нѣкоторыми непріятностями. Не успѣли мы въ Тулу въѣхать, какъ изломайся подъ нашею каретою заднее колесо, и такъ исправно, что мы принуждены были выпросить у знакомца своего г. Рыкачова карету, въ которой бы намъ доѣхать можно было до Пастухова, гдѣ имѣли множество хлопоть съ пріискиваніемъ другого колеса. Но и съ симъ при продолженіи своего пути промучились мы долго, а сверхъ того захромала у насъ еще лошадь, что присовокупило досаду къ досадѣ. Но какъ бы то ни было, но мы наконецъ до своего Дворениннова дотащились.

Ѣдучи въ оное, дорогою оба мы съ сыномъ занимались мыслями и разговорами о нашемъ обиталищѣ и садахъ его и о томъ, что бы въ оныхъ сдѣлать. Привыкнувъ совсѣмъ уже къ новому вкусу въ садахъ и полюбя новоманерные ир-

регулярные или паче натуральные, хотѣлось обоимъ намъ преобразить и свой ближній къ дому садъ, и какъ оный, такъ и нижній украсить, по примѣру Богородицкаго, разными водяными и другими натуральными украшеніями и придать ему видъ совсѣмъ отмѣнный передъ прежнимъ. Съ наполненною о семъ мыслями головою не успѣли мы въ свою деревню пріѣхать, какъ и начались у насъ прожекты за прожектами, и если бы не помѣшало намъ случившееся въ самый первый день пребыванія нашего тамъ превеликое и весьма для насъ неблаговременное и крайне досадное ненастье, то мы въ тотъ же бы еще день и приступили уже къ работѣ. Но, за ненастьемъ, принуждены мы были сидѣть, поджавъ руки. По счастію, продолжилось оно менѣе сутокъ и, къ обоюдному удовольствію нашему, развязало намъ руки.

Итакъ, не успѣло сколько-нибудь разведриться, какъ и принялись мы за свое дѣло, и съ того часа во всё двѣнадцатидневное тогдашнее пребываніе мое въ деревнѣ занимались безпрерывными и столь многими трудами и работами, что не имѣли ни минуты свободнаго и празднаго времени. Почему и успѣли въ самое сіе короткое время надѣлать и совершить множество дѣлъ, а многимъ другимъ положить основаніе. И въ сіе то время, во-первыхъ, и распространили мы свой нижній садъ, присоединивъ къ нему весь низокъ по самую рѣку. Во-вторыхъ, расширили свою нижнюю сажелку, и изъ прежней четвероугольной ея фигуры превратили ее въ пространнѣйшее и иррегулярное озерко. Въ третьихъ, основали прудокъ въ вершинѣ и оба нижніе басейны съ островками. 4) Сдѣлали рыбный каналъ съ мосточкомъ чрезъ оный, провели воду изъ подточка и заставили ее каскадомъ литься въ свою сажелку или озерко. 5) Перенесли съ горы маленькій свой осмиугольный павильонъ и основали оный на холмѣ, подлѣ озерка, гдѣ оный стоитъ и по-нынѣ. 6) Проложили многія вновь по горѣ новыя дороги. 7) Основалъ я и назначилъ на клину затѣваемый вновь аглинской садъ. 8) Прожектировалъ запруженіе новаго большаго пруда выше своего стариннаго верхняго. 9) Получилъ первую мысль о насажденіи тамъ же за старинною рощею новой для грибовъ рощи, которую послѣ и дѣйствительно насадили и которая существуетъ и увеселяетъ меня и по нынѣ. Но и кромѣ всѣхъ сихъ затѣевъ, было у насъ множество разныхъ и другихъ прожектовъ и затѣевъ, и чего-и-чего мы съ сыномъ тутъ ни затѣвали, который, между тѣмъ, какъ я занимался работами и распоряженіями оныхъ, срисовывалъ и тутъ съ натуры разные садовые виды и нарисовалъ ихъ четыре. Словомъ, у обоихъ у насъ были полны руки дѣла, и за ними и не видали мы какъ протекло сіе время, которое, впрочемъ, провели мы съ нимъ съ отмѣннымъ удовольствіемъ.

Что-жъ касается до моей жены и дочери, то сіи не долго съ нами тутъ пробыли, но на третій уже день послѣ нашего пріѣзда уѣхали назадъ въ Богородицкъ, оставя насъ однихъ заниматься нашими работами. Но, наконецъ, надлежало и намъ разставаться опять съ своимъ любезнымъ Дворениновымъ и ѣхать опять въ свое мѣсто. И какъ отъ сдѣлавшагося ненастья, и отъ того грязи, ѣхать намъ было не можно скоро, то не прежде туда пріѣхали, какъ 6-го сентября, проведя цѣлыхъ почти три дня въ дорогѣ, и привезя съ собою прекрасную моську, пойманную на дорогѣ между Суземой и Тулицою и отъ кого-то отставшую. Сей породы собакъ никогда еще до того въ домѣ нашемъ не было, и я такъ ее полюбилъ, что съ сего времени были всегда и безпереводно у меня моськи, какъ и теперь еще одна престарѣлая существуетъ.

Въ Богородицкѣ нашолъ я всѣхъ своихъ здоровыми, но до крайности раздосадованъ былъ дошедшими до меня разными слухами и болѣе огорчительными и досадными. Происходили тутъ въ отсутствіе мое многія неустройства и безпорядки, а особливо отъ Варсобина и

снюхавшагося съ нимъ землемѣра Рудина, продолжавшаго все еще у насъ свою работу, и не столько дѣлающаго дѣло, сколько разнаго рода пакостей, и такихъ, которыми я былъ очень недоволенъ.

Не успѣлъ я пріѣхать и собраться еще съ духомъ, какъ и принужденъ уже былъ принимать и угощать у себя многихъ гостей. Пріѣхала къ намъ г-жа Бакунина, съ сестрою своею и ея зятемъ г. Хвощинскимъ и его женою, а былъ съ ними и сынъ госпожи Бакуниной, учившійся прежде того у насъ въ пансіонѣ, но въ сіе время выросшій уже довольно великимъ и бывшій молодцомъ добрымъ и завиднымъ. Всѣ они не только у насъ ночевали, но и пробыли весь послѣдующій день и вмѣстѣ съ нами праздновали день Рождества Богоматери, въ который угощали мы ихъ у себя обѣдомъ и ужиномъ, а днемъ водили гулять ихъ по садамъ, а потомъ увеселяли музыкою и танцами, и провели время сіе съ ними очень весело. Всѣ мы почитали сей пріѣздъ ихъ ничего незначущимъ и обыкновеннымъ, но послѣ и чрезъ долгое время узнали, что имѣли они при томъ особливые виды. Госпожѣ Бакуниной нравилась очень старшая дочь моя по ея доброму и любезному характеру, и у ней давно уже мысли были о томъ, чтобы женить ей сына своего на ней, котораго она для того болѣе и привозила съ собою, чтобы ему, ее давно невидавшему, показать. И какъ дочь моя и ему полюбилась очень, то и стали они о томъ помышлять пристальнѣе. И госпожа Бакунина жалѣла только о томъ, что сынъ ея былъ слишкомъ еще молодъ и находился въ службѣ, почему о томъ тогда ничего говорено и не было.

Гости сіи едва только съѣхали со двора, какъ пріѣхали къ намъ уже и другіе. Была то тетка Матрена Васильевна съ обоими своими зятьями и дочерьми. Итакъ, принуждены мы были ихъ у себя угощать проживишихъ у насъ болѣе сутокъ. А едва только сіи съѣхали со двора, какъ смотримъ третьи гости на дворъ, господа Болховскіе съ родственницею нашею Татьяною Ѳедоровною Кавериной, а вмѣстѣ съ ними и нашъ городничій съ женою. Сіи пріѣзжали было къ намъ съ важнымъ дѣломъ и хотѣли сватать дочь мою за знакомца и друга своего землемѣра г. Качалова, человѣка изряднаго, но неимѣющаго никакого достоянія. Но спасибо, что все собирались о томъ говорить; но не собрались, а мы тому были и рады, ибо дочери своей отдавать за него никакъ были не намѣрены.

Всего удивительнѣе, что сей пунктъ времени особливаго примѣчанія достоинъ былъ въ разсужденіи моей дочери и разныхъ сватовствъ за нее жениховъ многихъ и въ одно почти время, ибо, кромѣ обоихъ вышеупомянутыхъ затѣваемыхъ сватовствъ, на другой день получилъ я письмо отъ сродственницы нашей Анны Осиповны Гурьевой, съ формальнымъ сватовствомъ за нее нѣкоего алексинскаго помѣщика г. Салтанова, Николая Ивановича, а дня черезъ два послѣ того прискакала къ намъ пріятельница наша Аграфена Михайловна Челищева съ предложеніемъ намъ и съ своей стороны еще одного жениха, ея родственника Дмитрія Ивановича Хотяинцова. Все сіе не только насъ удивляло, но приводило въ нестроеніе и всѣ мысли наши. Ибо сколько съ одной стороны было намъ и не противно, что столько жениховъ начало вдругъ за Елисавету нашу являться, столько съ другой не знали, къ которому изъ нихъ наиболѣе прилѣпляться, и помышляли только о томъ, какъ бы не спѣшить симъ дѣломъ, а выигрывать время для обстоятельнаго обо всемъ развѣдыванія и точнѣйшаго разсмотрѣнія.

Между тѣмъ, какъ сіе все происходило, прискакалъ къ намъ въ Богородицкъ еще одинъ знаменитый гость, а именно генералъ Иванъ Ивановичъ Давыдовъ, пріѣхавшій, по данному ему отъ командира моего дозволенію, тѣшиться въ волости нашей псовою охотою. Итакъ, принужденъ я былъ ходить къ нему на квар-

тиру и потомъ угощать его и у себя. Но, по счастію, пробылъ онъ у насъ не долго, и дня черезъ два опять уѣхалъ, поблагодаривъ меня за дозволеніе ему ѣздить съ собаками. А не успѣли мы сего проводить, какъ новые и незнакомые гости на дворъ. Были то два карабинерныхъ офицера, стоявшіе въ Дѣдиловѣ съ эскадрономъ своимъ на квартирахъ и пріѣзжавшіе тогда со мною познакомливаться. Одинъ изъ нихъ былъ нѣмецъ, по фамиліи Таубе, человѣкъ очень хорошій и веселый, а другой — ротмистръ, родомъ полякъ и также человѣкъ ласковый и пріятный, съ которыми обоими мы тотчасъ познакомились и сдружились. А вслѣдъ за ними пріѣхалъ къ намъ и внучатный братъ тещи моей, Петръ Алексѣевичъ Киреевъ, съ женою своею и свояченицею, и сіи прогостили у насъ также двое сутки.

Симъ образомъ имѣли мы почти двѣ недѣли сряду безпрерывно у себя гостей, отнимавшихъ у меня все время для собственныхъ моихъ упражненій, такъ что въ сіе время я едва успѣлъ написать письмо къ родному племяннику своему, Михаилу Васильевичу Неклюдову, сыну покойной сестры моей Прасковьи Тимоѳеевны. О семъ узналъ я около сего времени, что онъ съ семействомъ своимъ находится въ Петербургѣ и живетъ въ собственномъ своемъ домѣ. И какъ мнѣ таковый знакомецъ и столь близкій родственникъ и другъ былъ при тогдашнихъ моихъ обстоятельствахъ очень нуженъ въ Петербургѣ, то хотѣлось мнѣ извѣстить его о себѣ и возстановить съ нимъ переписку.

Далѣе примѣчанія достойно, что около самаго сего времени разнеслась у насъ молва, что намѣстника нашего берутъ къ арміи, и будто вмѣсто его поручаются наши волости Алексѣю Васильевичу Нарышкину. Легко можно заключить, что слухъ сей, пересказанный мнѣ нѣкоторыми пріѣзжавшими ко мнѣ сосѣдями, весьма меня смутилъ и перетревожилъ. однако, я, не совсѣмъ тому вѣря, положилъ дожидаться достовѣрнѣйшаго о томъ извѣстія.

Вслѣдъ за симъ наступилъ праздникъ коронаціи императрицыной, въ который день, будучи у обѣдни, имѣлъ я удовольствіе въ первый разъ слышать пѣвчихъ своихъ, поющихъ въ куполѣ оной, будучи совсѣмъ отъ народа невидимыми. И былъ очень доволенъ, что выдумка и затѣя моя имѣла успѣхъ наивождѣленнѣйшій, ибо какъ въ церкви нашей не было хоровъ, а въ большихъ окошкахъ, находящихся въ куполѣ, было столько простора, что въ одномъ изъ нихъ можно было имъ всѣмъ умѣститься, то вздумалъ я велѣть придѣлать по кровлѣ туда всходъ и лѣсенку, дабы могли они съ оной снаружи входить въ амбразуру окна и тамъ пѣть всю обѣдню. Нельзя довольно изобразить, какъ хорошо все сіе удалось и какъ пріятно было слышать поющихъ тамъ въ высотѣ и въ самомъ куполѣ.

Вскорѣ за симъ, по случаю начавшейся Покровской Лебедянской ярманки, вздумалось женѣ моей вмѣстѣ съ обѣими старшими дочерьми моими и сыномъ съѣздить въ Лебедянь, для нѣкоторыхъ покупокъ. А я, оставшись дома, имѣлъ случай угощать у себя пріѣзжавшаго нарочно ко мнѣ для того, чтобы меня узнать, того г. Римскаго-Корсакова, который послѣ того, командовалъ цѣлой арміей въ Швейцаріи противъ французовъ и сдѣлался чрезъ то славенъ. Онъ былъ тогда еще только полковникомъ, и мы проговорили съ нимъ въ кабинетѣ моемъ болѣе двухъ часовъ и разстались со взаимнымъ почтеніемъ другъ къ другу. Онъ разсказывалъ мнѣ многое кое-что о неизбѣжной у насъ войнѣ съ турками, и о объявленіи которой мы въ послѣдующій за тѣмъ день получили и манифестъ самый.

Вскорѣ послѣ возвращенія моихъ домашнихъ изъ Лебедяни, ѣздили мы къ г-жѣ Бакуниной, гдѣ случился быть и г. Верещагинъ, возмутившій весь духъ мой разсказами своими о посягательствѣ противъ меня командира моего

Давыдова и о томъ, какъ онъ клеветалъ всячески на меня намѣстнику и даже, чтобъ меня смѣнить и на мое мѣсто опредѣлить пріятеля его г. Солнцева, бывшаго у насъ нѣкогда въ Алексинѣ воеводскимъ товарищемъ; но что намѣстникъ никакъ его не послушалъ и на предложеніе его не согласился. Всему тому я хотя и не совсѣмъ вѣрилъ, но не могъ, чтобъ не подивиться странному характеру г. Давыдова, и довольно надивиться тому, какъ люди могутъ такъ притворничать и, питая въ душѣ злость и коварство, наружно надѣвать на себя личину благопріятства и дружества и казаться такъ добродушнымъ и ласковымъ. Но какъ бы то ни было, но по соображеніи нѣкоторыхъ дѣяній его со слышаннымъ тогда, имѣлъ я причину въ чистосердечіи г. Давыдова начать сомнѣваться и принимать возможнѣйшія отъ него впредь осторожности и не слѣпо, по простодушію своему, вѣрить всѣмъ его наружнымъ ласкамъ.

Между тѣмъ, сватовство г. Салтанова за мою дочь не выходило у насъ изъ головы. И какъ симъ женихомъ совсѣмъ пренебрегать было не можно, то мы всячески старались развѣдывать короче не только о его состояніи, но и обо всѣхъ касающихся до него обстоятельствахъ, и не только кой къ кому объ немъ писали, но и нарочно посылали инкогнито человѣка въ тѣ мѣста, гдѣ онъ имѣлъ жительство для распросовъ о его житьѣ-бытьѣ и обо всемъ прочемъ. И возвратившійся человѣкъ привезъ намъ такія извѣстія, которыя заставили насъ еще болѣе думать и болѣе еще не спѣшить входить съ симъ женихомъ въ связи, ибо многіе изъ нихъ, а особливо относящіяся до его малаго достатка, а напротивъ того о многихъ его долгахъ были намъ весьма непріятны.

Вскорѣ за симъ наступилъ и мѣсяцъ октябрь, и съ нимъ седьмое число, въ которое совершилось мнѣ 49 лѣтъ, и начался пятидесятый годъ моей жизни. Я праздновалъ его и въ сей разъ болѣе духовно, нежели наружно, размышлялъ о всѣхъ происшествіяхъ въ теченіе минувшей моей жизни, судилъ, что провелъ уже большую половину оной и что оставалось мнѣ жить уже гораздо менѣе, и благодарилъ Господа за всѣ Его безчисленныя милости и благодѣянія, оказанныя мнѣ въ продолженіе толь многихъ лѣтъ, и просилъ Его, чтобы не оставилъ Онъ меня и въ остальные года моей жизни Своимъ милостивымъ покровительствомъ, а особливо при тогдашнихъ моихъ критическихъ обстоятельствахъ и сумнительномъ положеніи, и всемощною Своей десницею защитилъ и охранилъ меня отъ происковъ и злыхъ ковъ всѣхъ тайныхъ завистниковъ и недоброхотовъ. Сіи моленія мои были Имъ и услышаны, но о семъ услышите вы послѣ, а теперь дозвольте мнѣ на семъ мѣстѣ поостановиться и, кончивъ мое письмо, сказать вамъ, что я есмь вашъ, и проч.

(Декабря 10 дня 1810 года).

50-й ГОДЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Письмо 232.

Любезный пріятель! Начало пятидесятаго года моей жизни ознаменовалось новыми для меня заботами и безпокойствами. Пріѣзжаетъ къ намъ изъ Тулы г. Веницеевъ, съ своими любезными псами, чтобы повеселиться въ волостяхъ нашихъ звѣриною ловлею, до которой былъ онъ страшный охотникъ. Гость сей былъ для меня не столько пріятенъ, сколько отяготителенъ. Въ сіе время хотя и не былъ онъ уже секретаремъ при намѣстникѣ, а былъ совѣтникомъ при оружейномъ заводѣ, но какъ, не смотря на то, все еще продолжалъ быть фаворитомъ и первѣйшимъ дѣловымъ человѣкомъ у намѣстника и имъ очень уважаемъ, то необходимость заставливала и меня уважать его всячески и о угощеніи его имѣть попеченіе. Но, признаюсь, что я дѣлалъ сіе противъ своей воли, вѣдая довольно, что человѣкъ сей, не зная, не вѣдая за что, не весьма ко мнѣ доброхотствовалъ, и былъ втайнѣ

моимъ почти недругомъ, а задушевнымъ другомъ всегдашнему завистнику и недоброхоту моему князю Назарову, нашему городничему. Ожидалъ я, что и при семъ случаѣ произойдутъ отъ сего послѣдняго какія-нибудь клеветы и каверзы, и по всему тому не лежало у меня никакъ къ нему сердце. Со всѣмъ тѣмъ, принужденъ я былъ скрывать во внутренности души моей все къ нему чувствуемое и показывать наружно всевозможнѣйшее къ особѣ сей почтеніе и благопріятство.

Какъ въ сообществѣ его находился Александръ Ивановичъ Хрущовъ, родной племянникъ пріятеля моего г. Новикова, и котораго я видалъ у него не одинъ разъ вскользь, то имѣлъ я тогда первый случай съ симъ любезнымъ молодымъ человѣкомъ познакомиться и сдружиться. Но какъ услышалъ отъ него нѣкоторыя непріятныя вѣсти о его дядѣ, и что оный угрожаемъ былъ великимъ несчастіемъ, то и сіе меня озаботило и смутило; я опасался, чтобъ не пропали мои оставшіяся еще на немъ за журналъ мои деньги и чтобъ не пресѣклось чрезъ то самое издаваніе онаго.

Кромѣ того, смутилъ меня и озаботилъ весьма и ордеръ, полученный мною въ самое то же время отъ намѣстника изъ Калуги, которымъ предписывалось мнѣ доставить ему подробнѣйшее донесеніе о состояніи нашего хлѣбнаго магазина и о количествѣ имѣющагося въ наличности и въ долгахъ на разныхъ людяхъ хлѣба. Я трепеталъ духомъ, чтобы не узналъ какимъ-нибудь образомъ намѣстникъ о забранномъ самимъ г. Давыдовымъ изъ магазина нашего многомъ хлѣбѣ, и не зналъ, что ему сказать о томъ въ отсутствіе самого виновника, и принужденъ былъ уже кое-какъ изъ сего щекотливаго дѣла вывертываться и поутаить сколько было можно грѣхи его. Со всѣмъ тѣмъ, ордеръ сей заставилъ меня не одинъ день потѣть и трудиться надъ сочиненіемъ вѣдомостей.

Но сего было еще недовольно. Но надобно было въ самое тоже время произойтить досаднымъ дрязгамъ и ссорѣ у нашего поляка хромаго, капельмейстера, съ негодяемъ учителемъ въ нашей волостной школѣ. Произошли отъ сего послѣдняго такія пакости, которыхъ терпѣть было не можно. Но какъ и наказывать его я не былъ въ правѣ, то и принужденъ я былъ уже кое-какъ прекращать все зло и улаживать опять симъ дѣломъ.

Кромѣ сего, чувствовалъ я нѣкоторое неудовольствіе и отъ того, что проѣзжавшій чрезъ нашъ городъ знакомецъ и пріятель мой Ѳома Васильевичъ Хотяинцовъ ко мнѣ не заѣхалъ. Я упоминалъ уже выше, что госпожа Челищева предлагала намъ въ женихи старшей дочери моей одного замосковскаго помѣщика г. Хотяинцова. Мы его хотя еще не знали, но какъ по всѣмъ отношеніямъ и похваламъ, приписываемымъ ему госпожею Челищевой, казался онъ намъ изъ всѣхъ жениховъ для дочери нашей наивыгоднѣйшимъ (помянутый же Ѳома Васильевичъ Хотяинцовъ былъ ему ближній родственникъ и отъ котораго тотъ во многомъ зависѣлъ),—то хотѣлось намъ его у себя получше угостить, а притомъ и поговорить съ нимъ о его родственникѣ. Но какъ онъ къ намъ не заѣхалъ, то не знали мы, что о томъ заключить, и нѣсколько тѣмъ озаботились и усумнились.

Вотъ сколько вдругъ и въ одно время случилось съ нами непріятностей. Не смотря на то, по наступленіи дня моихъ имянинъ, не преминулъ я сдѣлать у себя добраго пира, и никогда еще не бывало у меня такъ много гостей, какъ въ сей разъ, и кромѣ всѣхъ нашихъ городскихъ, было много и пріѣзжихъ. Музыка въ первый разъ гремѣла у меня во время продолжавшагося стола; а ввечеру былъ у нас порядочный балъ и танцы. Словомъ, мы провели сей день довольно весело.

Такимъ же образомъ провели мы и бывшій послѣ того нашъ храмовой праздникъ, въ который день былъ у меня опять обѣдъ, а на другой день для г. Ве-

ницеева сборная вечеринка и опять танцы и ужинъ.

Между тѣмъ, въ праздное время продолжалъ я заниматься своими литературными упражненіями, къ чему, по тогдашнему осеннему уже времени и начавшимся длиннымъ вечерамъ, было довольно и досугу. Занимался я тогда однимъ новымъ и такимъ дѣломъ, которое было для меня и не слишкомъ весело. Г. Новиковъ, увѣдомляя меня, что оба первые года моего журнала такъ раскуплены, что оставалось уже очень мало экземпляровъ, и потому хочетъ онъ ихъ напечатать вторымъ изданіемъ, и потому просилъ, чтобы я всѣ оныя 8 частей пересмотрѣлъ, все нужное въ нихъ переправилъ и приготовилъ къ вторичному изданію. Сіе хотя и льстило много моему самолюбію, но работа сія скоро мнѣ такъ прискучила, что я не инако уже какъ съ нѣкоторымъ нехотѣніемъ за нее принимался.

Впрочемъ, всѣ послѣдніе дни октября и всю почти первую половину ноября мѣсяца занимался я ежедневно выбираніемъ изъ волостныхъ крестьянъ рекрутъ, ибо, по случаю начавшейся и уже тогда загорѣвшейся войны съ турками, обнародованъ былъ большой рекрутскій наборъ, и мнѣ надлежало множество выбирать людей къ тому способныхъ. Сіе дѣло было для меня наискучнѣйшее изъ всѣхъ, и я нѣсколько недѣль сряду принужденъ былъ съ крайнимъ отягощеніемъ для себя заниматься онымъ.

Наконецъ, 11-го числа ноября услышали мы съ достовѣрностью, что намѣстникъ нашъ дѣйствительно берется и отъѣзжаетъ въ армію. Сіе извѣстіе не столько меня смутило, сколько отчасти обрадовало, потому что чрезъ отлучку его разрушились на то время всѣ дѣлаемые противъ меня завистниками моими и негодными людьми ковы, и я съ сей стороны сколько-нибудь обезпечился, ибо какъ и о комъ иномъ, кому бы волости наши были поручены, было не слышно, то, за отсутствіемъ намѣстника, не могъ я ни отъ кого ожидать себѣ зла или какого-нибудь притязанія.

Въ половинѣ ноября, а именно 18-го числа, случилось со мною странное и удивительное. Въ ночь подъ сіе число, вижу я во снѣ будто бы пріѣхалъ ко мнѣ изъ Москвы пріятель мой Николай Ивановичъ Новиковъ. Но, вообразите себѣ мое удивленіе, когда по-утру сонъ сей дѣйствительно сбылся, и мой Николай Ивановичъ дѣйствительно предо мною явился. «Ба! ба! ба! воскликнулъ я, его встрѣчая; откуда это вы, батюшка Николай Ивановичъ, взялись? И какіе вѣтры занесли васъ въ наши края?» — «Ѣду въ гости къ роднымъ своимъ въ Елецъ», отвѣчалъ онъ, меня обнимая. — «По сказать-ли вамъ нѣчто такое, подхватилъ я, чему вы столько же удивитесь, сколько я. Возможно ли, что я васъ за нѣсколько часовъ до сего во снѣ видѣлъ у себя пріѣхавшимъ и точно въ такомъ экипажѣ, какъ теперь вижу». Онъ дѣйствительно также удивился странности, и просилъ, чтобы мы скорѣй дали ему чего-нибудь перехватить, ибо онъ спѣшитъ своею ѣздою.

Между тѣмъ покуда готовились и подавали горячее, а потомъ набирали на столъ, старались мы всячески угостить сего любезнаго и никогда еще у насъ небывалаго и въ обхожденіи крайне веселаго и пріятнаго гостя. Онъ соотвѣтствовалъ всѣмъ нашимъ ласкамъ своими, и мы во все время пребыванія его у насъ не переставали съ нимъ ни на минуту говорить. И я обрадовался, услышавъ, что устрашавшая его буря благополучно миновала и дѣлаемыя противъ его нѣкоторыми ненавистниками посягапія разрушились сами собою. Потомъ дошла у насъ рѣчь до моего «Экономическаго Магазина». Я вручилъ ему пересмотрѣнныя и переправленныя 8 первыхъ частей онаго для втораго изданія, а онъ просилъ меня о продолженіи и на будущій годъ моего журнала. Что я ему и тѣмъ охотнѣе обѣщалъ, что у меня насчетъ онаго заготовлено уже было и матеріала нѣсколько.

Онъ пробылъ у насъ въ сей разъ не долго. И обѣщавъ заѣхать ко мнѣ и при обратномъ пути, поѣхалъ далѣе, и я, оставшись, принялся уже пристальнѣе за свою работу и заготовленіе матеріала для будущаго года, въ чемъ наиболѣе и препроводилъ я все достальное время ноября мѣсяца.

Въ началѣ мѣсяца декабря раздосадованъ я невѣдомо какъ былъ гордостью и глупымъ высокомѣріемъ грузина нашего городничаго, которое дѣлалось часъ-отъ-часу несноснѣе. Онъ находилъ, неизвѣстно для какой причины, наилучшее удовольствіе въ томъ, чтобы отвлекать всѣхъ не только отъ дружбы, но и самаго знакомства со мною и въ семъ скаредномъ ремеслѣ своемъ упражнялся онъ во всю его бытность у насъ городничимъ. Словомъ, этотъ князь былъ чудной человѣкъ, и меня одна неволя заставляла имѣть съ нимъ обхожденіе, а инако я бы къ нему въ домъ не заглянулъ, ибо не любилъ никогда съ такими людьми обходиться, кои злоковарны и съ коими не можно имѣть дружескаго и откровеннаго обхожденія. Послѣднюю досаду произвелъ онъ мнѣ наиглупѣйшими и крайне досадными своими поступками, при случаѣ бытности нашей вмѣстѣ съ нимъ на имянинахъ у исправника нашего Николая Сергѣевича Арсеньева, съ которымъ, издавна намъ дружественнымъ, домомъ хитростями своими едва-было онъ насъ совсѣмъ не разсорилъ.

Въ самое сіе время произошло еще одно сватовство за дочь мою отъ нѣкоего г. Арбузова. Но какъ невѣста наша сдѣлалась около сего времени что-то больна глазами и такъ, что мы помышляли уже о прикладываніи ей къ затылку шпанскихъ мухъ, то намъ и не до того было, чтобы уважить вниманіемъ своимъ помянутое послѣднее предложеніе. Къ тому-жъ, и писано было о томъ отъ купца тульскаго, человѣка не весьма надежнаго. Мы же, напротивъ того, занимались болѣе мыслями о г. Хотяинцовѣ и замышляли нарочно для того ѣхать въ Москву, чтобы имѣть случай его видѣть, ибо г-жа Челищева увѣряла насъ все еще, что онъ имѣлъ намѣреніе свататься.

Между тѣмъ, достопамятно, что въ первыхъ числахъ сего мѣсяца получилъ я охоту описать всю мою жизнь, наипаче начать продолжать давно уже учиненное тому начало, къ которому дѣлу и приступилъ я 7-го числа сего мѣсяца.

Вскорѣ за симъ получилъ я неожидаемымъ образомъ изъ Калуги письмо отъ г. Комарова, адъютанта намѣстникова, наполненное многими важными и такими извѣстіями, которыя меня смутили и огорчили. Сей благопріятствующій мнѣ человѣкъ увѣдомлялъ меня, что деньги наши требуются въ кабинетъ, что есть намѣреніе для пріумноженія оныхъ весь нашъ магазинный хлѣбъ распродать и обратить въ деньги; что, по мнѣнію многихъ, съ волостями нашими предстоитъ великая перемѣна; что бывшій у насъ землемѣръ Рудинъ распускаетъ обо мнѣ плевелы и безсовѣстныя лжи и неправды; что нѣкто изъ тульскихъ дворянъ поскакалъ въ Петербургъ добиваться моего или Давыдовскаго мѣста, въ намѣреніи пожертвовать за то 5,000 рублей, и такъ далѣе.

Легко можно заключить, что каждое изъ сихъ извѣстій въ состояніи было весь духъ мой встревожить. Что касается до денегъ, то всѣ онѣ находились въ казенной палатѣ, и мнѣ онѣ не наводили никакой заботы. Но въ разсужденіи хлѣба не зналъ я, гдѣ намъ его взять и какъ съ заимщиковъ собрать будетъ можно. Г. Давыдовъ роздалъ его легкомысленнымъ образомъ совсѣмъ ненадежнымъ людямъ, а сверхъ того и самъ захватилъ его не малое количество. Предстоящая перемѣна съ волостьми озабочивала меня также. Что касается до бездѣльника Рудина, то я легко могъ заключить, что злоба и клеветы его происходятъ отъ того, что я не давалъ ему воли бездѣльничать и мужиковъ обманывать и обирать. Но какъ мнѣ извѣстна была та пословица, что одинъ дуракъ кинетъ камень въ воду, а десять умныхъ не вы-

нутъ, то досадовалъ я чрезвычайно на сего негоднаго человѣка. Наконецъ, послѣднее извѣстіе о добивающемся моего мѣста меня и смѣшило, и досадовало, и смущало, и тѣмъ болѣе, что давно уже носился слухъ о князѣ Волконскомъ, что онъ будетъ директоромъ. Но какъ бы то ни было, но всѣ обстоятельства казалися мнѣ какъ-то дурны и неблагопріятны; а всего паче тревожился я тѣми мыслями, что меня при такихъ обстоятельствахъ едва-ли отпустятъ въ Петербургъ, куда я вознамѣривался ѣхать самъ для отвоза моего сына и прилаганія объ немъ старанія, видя, что всѣ просьбы мои и дѣлаемыя мнѣ кое-кѣмъ обѣщанія мало помогаютъ, а онъ уже находился въ такомъ возрастѣ, что нужно было объ немъ помыслить. О г-нѣ Давыдовѣ, находившемся все еще въ Петербургѣ, хотя и писали ко мнѣ оттуда, что онъ собирается просить объ немъ, но я худо тому вѣрилъ и на него мало полагался.

Ко всему тому присовокупился еще досадный слухъ о г-нѣ Веницеевѣ, что и сей, возвратяся въ Тулу, всѣ дѣла мои критикуетъ и порочитъ. Что мнѣ также было весьма непріятно. А ко всему тому услышавъ, что въ Тулѣ ежедневно дожидалися пріѣзда обоихъ моихъ начальниковъ, меня не весьма радовало, и я, опасаясь, чтобы мнѣ не претерпѣть чего-нибудь отъ нихъ худаго, и желалъ того, и нѣтъ; хотя въ разсужденіи просьбы о увольненіи меня въ Петербургъ и была мнѣ до нихъ нужда.

Къ вящему огорченію и безпокойству моему случилось и сыну моему въ самое то же время занемочь прежнею и обыкновенною его болѣзнію, о которой всѣ мы не знали, что изъ ней выдетъ, и къ пользѣ ли она ему, или ко вреду послужитъ; да и всѣ прочія дѣти мои были какъ-то больны глазами, и мы то ту, то другую лѣчить отъ сей болѣзни принуждены были. Къ сему присовокупилось еще извѣстіе, что самый первый женихъ, сватавшійся за мою дочь, г. Кобелевъ сговорилъ уже на другой невѣстѣ, что также нѣсколько насъ трогало, потому что мы не совсѣмъ еще ему отказали. Но въ замѣнъ тому удивилъ насъ слухъ и разнесшаяся молва, будто сватается за нее тотъ г-нъ Бакунинъ, о которомъ я выше упоминалъ. Чего въ самомъ дѣлѣ ничего не бывало, хотя бы то было намъ и непротивно.

Ко всему тому присовокупились хлопоты и безпокойства по моей должности. Въ обѣихъ волостяхъ, по причинѣ тогдашняго голоднаго года, съ каждымъ днемъ оказывалось отъ-часу множайшее количество бѣдняковъ, неимѣющихъ никакого уже пропитанія, и я не зналъ, что мнѣ съ ними дѣлать и какими средствами доставить имъ пропитаніе на все достальное время того года и до будущаго урожая, и я принужденъ былъ употреблять всѣ удобовозможные къ тому способы. Неурожай сего лѣта, а особливо ржи, былъ такъ великъ, что голодъ и дороговизна хлѣба стали почти повсемѣстны; почему и въ собственныхъ моихъ деревняхъ крестьяне терпѣли великую нужду, и я съ нуждою могъ ихъ прокормить въ сей несчастный годъ.

При сихъ толь многихъ непріятностяхъ находилъ я единую отраду въ своихъ литературныхъ упражненіяхъ и въ дружескихъ частыхъ свиданіяхъ съ нашимъ лѣкаремъ и провожденіемъ съ нимъ многихъ минутъ и часовъ пріятныхъ. Онъ одинъ былъ, котораго не подозрѣвалъ я ни въ какомъ себѣ недоброхотствѣ, почему и обходился съ нимъ съ открытою душою и нерѣдко дружескими его разговорами утѣшался и пользовался.

Посреди всѣхъ вышеупомянутыхъ и многихъ другихъ домашнихъ безпокойствъ и дрязговъ, вдругъ получили мы увѣдомленіе изъ Ефремова, что и меньшая дочь тетки Матрены Васильевны, бывшая за г. Крюковымъ, и моей жены двоюродная сестра Александра Андреевна родила сына. Сіе обстоятельство востребовало непремѣннаго нашего туда отъѣзда. Но какъ мнѣ, ожидавшему ежедневно изъ Тулы за мною присылки, ни коимъ образомъ отъ мѣста своего въ такую даль отлучиться было невозможно

то отпустилъ я туда одну только мою жену съ ея матерью, которая должна была крестить новорожденнаго, а самъ остался съ дѣтьми въ Богородицкѣ.

Едва только я ихъ проводилъ со двора, какъ вдругъ получаю нечаянное извѣстіе, что намѣстникъ нашъ еще не скоро въ Тулу прибудетъ. Сіе успокоило меня нѣсколько. Но надобно-жъ было случиться въ тотъ же день и другому происшествію, ввергнувшему меня въ превеликое душевное безпокойство. Предъ вечеромъ сего дня вдругъ является предо мною одинъ изъ Алексинскихъ помѣщиковъ г. Селиверстовъ, Алексѣй Сергѣевичъ, человѣкъ намъ довольно знакомый и отчасти и дальній родственникъ, и сказываетъ мнѣ, что онъ пріѣхалъ въ Богородицкъ не одинъ, а вмѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ Салтановымъ, его сосѣдомъ и другомъ, и что сей чрезъ него проситъ меня о принятіи его въ наше семейство. Господи! какъ перетревожился я, услышавъ такое формальное уже за дочь мою сватовство. Находясь тогда одинъ и не имѣя никого, съ кѣмъ бы могъ я посовѣтоваться о томъ, какъ бы лучше поступить при семъ критическомъ случаѣ, долго не зналъ я, что мнѣ дѣлать. Но какъ мы жениха сего никогда не видали, а онъ такимъ же образомъ никогда еще и невѣсты, то, подумавъ и погадавъ самъ съ собою, рѣшился я просить его, чтобы они въ послѣдующій день пожаловали къ намъ откушать и чрезъ то сколько-нибудь съ нами ознакомились, — и себя показали, а насъ посмотрѣли.

Оба они и не преминули въ послѣдующій день къ намъ явиться и не только у меня обѣдали, но и весь день провели. Я постарался ихъ какъ можно угостить и между тѣмъ всячески жениша сего разсматривать и узнавать всѣ его душевныя совершенства. Сперва смутился-было я очень и находился въ великомъ нестроеніи, не зная что дѣлать. Но какъ скоро увидѣлъ, что былъ онъ не изъ далекихъ и, по просту говоря, человѣкъ добрый, но не весьма завидный, и что партія сія была для насъ не очень лестна, а особливо въ разсужденіи его небольшаго достатка, а при томъ имѣющагося не малаго долга, — то сколько-нибудь поуспокоился духомъ и сталъ уже помышлять болѣе о томъ, какъ бы мнѣ, хотя не совсѣмъ, но до поры-до-времени поотбояриться и оттянуть сіе дѣло въ даль, а особливо потому, что женихъ и дочери моей не весьма полюбился, и намъ хотѣлось напередъ побывать въ Москвѣ и увидать г. Хотяинцова, который по слухамъ былъ по всѣмъ отношеніямъ сего жениха гораздо выгоднѣе. По счастію, гость мой г. Селиверстовъ, во все время пребыванія ихъ у насъ, ничего о семъ дѣлѣ не говорилъ, а отпустивъ г. Салтанова на квартиру одного, началъ уже требовать отъ меня рѣшительнаго отвѣта, объявляя, что дочь моя жениху понравилась, и онъ за счастіе почелъ бы, если-бъ осчастливленъ былъ ея рукою. Я усмѣхнулся, услышавъ, и самъ въ себѣ подумалъ: «О, государь мой! дочь моя не такъ дурна, чтобы она не могла полюбиться; полюбиться можетъ она всякому, но спросили-бъ вы, полюбился ли ей и всѣмъ намъ женишокъ-то твой!» И потомъ, поблагодаря его за такое хорошее о дочери моей мнѣніе, ему сказалъ: что я теперь, за отсутствіемъ жены моей и тещи, на вопросъ его не могу дать никакого рѣшительнаго отвѣта, а надобно непремѣнно мнѣ съ ними о томъ переговорить и посовѣтовать. «И то конечно такъ», сказалъ онъ. — «А по сему, подхватилъ я, и извините вы меня въ сей разъ, а время еще не ушло и дочь моя не перестарокъ». Сими и подобными сему словами отвлекъ я сіе дѣло въ даль, и хотя ему и не совершенно отказалъ, однако былъ такъ осторожень, что не подалъ ему и никакой еще вѣрной надежды, съ чѣмъ они отъ насъ тогда и поѣхали обратно во-свояси.

Не успѣлъ я сихъ неожиданныхъ гостей отъ себя спровадить, какъ по-утру въ слѣдующій день получилъ я столь давно уже ожидаемое извѣстіе о возвращеніи въ Тулу командира моего г. Давыдова

изъ Петербуга. Но какъ повелѣнія о пріѣздѣ своемъ къ нему никакого еще не было, то какъ ни хотѣлось мнѣ скорѣе узнать о судьбѣ сына своего, и привезъ ли онъ ему обѣщанный пашпортъ, повооружился терпѣніемъ и отложилъ ѣзду свою въ Тулу до полученія о томъ приказанія.

Между тѣмъ въ тотъ же день имѣлъ я усебя пріятнаго гостя. Былъ то старшій сынъ знакомца и пріятеля моего Ивана Даниловича Писемскаго. И какъ онъ былъ человѣкъ умный, ученый и обо многомъ свѣдущій и отмѣнно краснорѣчивый, то съ удовольствіемъ препроводилъ я съ нимъ весь день въ дружескихъ и пріятныхъ разговорахъ, а сожалѣлъ только искренно и душевно, что онъ, начитавшись проклятыхъ Вольтерскихъ книгъ, зараженъ былъ по-уши волтеризмомъ и обожалъ до крайности сего истиннаго врага всему человѣческому роду.

На другой день послѣ сего возвратился къ намъ изъ Тулы и мой Варсобинъ, ѣздившій туда для отдачи рекрутъ и привезъ ко мнѣ наконецъ ордеръ, чтобъ мнѣ на другой день Рождества пріѣхать къ г. Давыдову въ Тулу. Но какъ о сынѣ моемъ не могъ онъ ничего сказать, то я началъ уже предусматривать всю тщетность моего ожиданія ему сержантскаго чина, ибо не сомнѣвался, что г. Давыдовъ не преминулъ бы меня извѣстить, если-бъ что было. Итакъ, полагая уже то завѣрное, досадовалъ я на то и нѣтъ, по причинѣ, что мнѣ не очень охотно хотѣлось быть ему обязаннымъ, особливо по его ко мнѣ послѣднему недоброхотству. А какъ въ самый тотъ же день возвратилась къ намъ и старушка Марья Юрьевна Петрова, ѣздившая также для своихъ надобностей въ Петербургъ и знавшая всѣ тамошнія происшествія, то она и вывела меня уже совершенно изъ сумнѣнія, разсказавъ мнѣ, что Николай Сергѣевичъ со всѣми своими обѣщаніями въ разсужденіи сына моего ничего не сдѣлалъ, а напротивъ того она просила уже о томъ одного своего тамошняго знакомца и пріятеля, нѣкоего чиновника господина Маркова. И какъ онъ обѣщалъ ей о томъ постараться, то нужно-бъ ей еще о томъ къ нему отписать, и просила меня, чтобы сочинить отъ ней по сему предмету къ нему просительное письмо.

Легко можно заключить, что я отъ того не отрекся и охотно сіе желаніе ея исполнилъ, и на другой же день письмо сіе сочинивъ, съ почтою въ Петербургъ къ господину Маркову отправилъ. Однако признаться надобно, что хотя и получилъ я чрезъ то новый лучъ нѣкоторой надежды, но надежда сія была очень слабая и весьма недостовѣрная. И какъ я почти навѣрное полагалъ, что и по сему ничего не будетъ, какъ то и оказалось впослѣдствіи дѣйствительно, то начиналъ я усматривать, что мнѣ необходимо надобно будетъ самому ѣхать въ Петербургъ, сколь сильно того мнѣ и не хотѣлось.

Съ сими непріятными и огорчительными чувствіями встрѣтилъ я своихъ семьянинокъ, возвратившихся между тѣмъ изъ Ефремова. Онѣ удивились, услышавъ о пріѣзжаніи ко мнѣ г-на Селиверстова съ г. Салтановымъ. И какъ я имъ все разсказалъ, то похвалили онѣ меня за данный отъ меня нерѣшительный отвѣтъ и радовались, что случилась ихъ отлучка очень кстати. А не менѣе удивилъ я ихъ сообщеніемъ имъ о носящейся вновь молвѣ и слухѣ о немѣреваемомъ сватовствѣ за дочь нашу г-мъ Бакунинымъ, такъ и о томъ, что отыскивается еще одинъ, хотящій также за нее свататься, и что былъ то не кто иной, какъ знакомый намъ человѣкъ Василій Ѳедоровичъ Молчановъ, родной братъ родственницы нашей Татьяны Ѳедоровны Кавериной.

Не успѣли онѣ, подивившись всему тому, осмотрѣться и вмѣстѣ со мною погоревать о неудачѣ нашей въ разсужденіи моего сына, какъ принуждены уже были встрѣчать новыхъ гостей и помышлять о угощеніи оныхъ. Были то оба зятья тетки Матрены Васильевны и Ефремовскій сосѣдъ ея Христофоръ

Александровичъ Ушаковъ. Всѣ они ѣхали и поспѣшали къ празднику въ Тулу, поелику было сіе уже наканунѣ самаго праздника Рождества Христова. И какъ г. Ушаковъ былъ отмѣнно любопытный человѣкъ и у меня никогда еще до того времени не бывалъ, то былъ я сему гостю отмѣнно радъ, и мы проговорили съ нимъ почти безпрерывно во все время ихъ у насъ пребыванія. Онъ разсматривалъ у меня всѣ мои книги и картины и не могъ всѣмъ довольно налюбоваться, и жалѣлъ, что время не дозволяло имъ долѣе у насъ быть, ибо они въ тотъ же день отъ насъ послѣ обѣда и поѣхали.

Наконецъ насталъ день праздника Рождества Христова и начались наши святки. Мы всѣ были хотя въ сей день и не въ весьма веселомъ духѣ по причинѣ, что старшая дочь наша что-то позанемогла (чему приписалъ я причину излишнюю ея набожность, частое хожденіе въ церковь и строгое соблюденіе прошедшаго поста), однако провели его нарочито весело. И хотя за обѣдомъ не имѣли мы у себя никого, кромѣ старушки Марьи Юрьевны, но какъ къ вечеру пріѣхалъ къ намъ Арсеньевъ съ своимъ семействомъ, и намъ вздумалось обновить собственную свою музычку, научившуюся уже играть изряднёхонько,— то мы подъ нее немного и потанцовали.

Какъ на другой день послѣ сего надобно мнѣ было, въ силу приказанія, ѣхать въ Тулу, то я съ самаго утра въ сей путь и отправился. Ѣдучи туда, любопытенъ я былъ видѣть, какъ приметъ меня г. Давыдовъ и что скажетъ мнѣ онъ въ свое извиненіе въ разсужденіи неустойки въ своемъ обѣщаніи, и не сомнѣвался почти, что найду его на себя надутымъ. Въ Дѣдиловѣ, кормя, хотѣлось было мнѣ заѣхать къ новому знакомцу своему г-ну Таубе, но, къ несчастью, не засталъ его дома. Итакъ, не видавшись съ нимъ, пріѣхалъ я въ Тулу и, остановившись у друга своего Антона Никитича Сухотина, удивился сущему тогдашнему сумазбродству всѣхъ тульскихъ господъ, имѣвшихъ смѣшное обыкновеніе рыскать во всѣ сіи первые дни святокъ безпрерывно изъ дома въ домъ, и нигдѣ почти не присаживаться.

Не успѣло наступить утро послѣдующаго дня, какъ убравшись и полетѣлъ я къ своему командиру, и крайне удивился отмѣнно ласковому и благопріятному его меня пріему. Онъ тотчасъ началъ мнѣ давать отчетъ въ разсужденіи своего обѣщанія о моемъ сынѣ и увѣрялъ меня, что онъ объ немъ, колико можно ему было, старался и что ему обѣщали сдѣлать его къ новому году сержантомъ или, по крайней мѣрѣ, прислать пашпортъ еще на годъ. Всему тому я хотя и вѣрилъ, и не вѣрилъ, но благопристойность заставляла меня приносить ему за то мои благодаренія. Послѣ сего сталъ онъ мнѣ разсказывать петербургскія вѣсти, и за симъ наиважнѣйшія были тѣ, что между знатнѣйшими нашими боярами господствовала дурнота и несогласица, а о себѣ коротко только сказалъ, что по дѣламъ его много помогла ему наша волостная, доставленная имъ въ кабинетъ сумма, но напротивъ того досталось ему за нашъ хлѣбъ и засѣку, но отъ чего, намъ того не объяснилъ, а мнѣ не было и резона о подробностяхъ его распрашивать.

Переговоривъ обо всемъ, поѣхали мы съ нимъ вмѣстѣ въ казенную палату. Тамъ, повстрѣчавшись съ Пастуховымъ, услышалъ я отъ него нѣчто такое, что привело меня опять въ смущеніе и безпокойство душевное. Онъ сказывалъ мнѣ слышанныя имъ вѣсти, будто бы хотятъ меня смѣнять, и что вѣсти сіи происходили изъ дома Давыдова, и что онъ слышалъ сіе отъ знакомца своего Гаврилы Михайлова, и что ему самому хотѣлось со мною видѣться и поговорить о томъ.

Удивился и смутился я сіе услышавъ и почудившись вновь безпримѣрному притворству г. Давыдова, просилъ Пастухова, чтобы онъ постарался отыскать Михайлова и распросилъ бы о томъ обстоятельнѣе. Сей усердствующій ко мнѣ человѣкъ тотчасъ и полетѣлъ его

отыскивать и рыскать для сего по всему городу, и хотя его и отыскалъ, но не получилъ отъ него никакого точнаго объясненія.

Г. Давыдовъ, окончивъ свои дѣла въ казенной палатѣ, неотмѣнно хотѣлъ, чтобы я вмѣстѣ съ нимъ ѣхалъ къ нему обѣдать, на что я, хотя противъ хотѣнія своего, и принужденъ былъ согласиться. Тамъ, поговоривъ опять кое-о-чемъ со мною, не сталъ меня далѣе держать у себя и говорилъ, чтобы я ѣхалъ домой и присылалъ бы къ нему скорѣе нашего лѣкаря, въ которомъ обстоитъ ему нужда. Но я, при отпускѣ меня, не преминулъ попросить его, что[бъ] онъ уволилъ меня съѣздить въ Москву, что онъ мнѣ и дозволилъ, сказавъ только, что[бъ] ѣхалъ я туда не прежде какъ послѣ Крещенья.

Будучи симъ доволенъ и распрощавшись съ нимъ, полетѣлъ я на свою квартиру и, взявъ тамъ деньги, поскакалъ въ ряды, а оттуда проѣхалъ къ г. Верещагину, съ которымъ хотѣлось мнѣ видѣться и посовѣтовать о моемъ сынѣ. Сей совѣтовалъ мнѣ непремѣнно ѣхать самому въ Петербургъ и испытать итти послѣднею дорогою и добиваться до желаемаго денежною молитвою. И дабы мнѣ можно было лучше въ томъ успѣть, то брался онъ и писать о томъ напередъ къ знакомымъ своимъ въ Петербургъ, чѣмъ я былъ и доволенъ, хотя слухи о крайней дурнотѣ петербургской дороги и весьма меня озабочивали и смущали.

Возвратясь отъ Верещагина на свою квартиру, хотѣлъ было я съѣздить въ бывшій въ тотъ день маскарадъ. Но какъ не было со мною шляпы и нигдѣ оной въ скорости достать не могъ, то принужденъ былъ остаться дома и довольствоваться слушаніемъ разсказовъ о пристрастіи новаго нашего губернатора Лопухина при рекрутскомъ наборѣ и о несогласіяхъ и ссорахъ, господствовавшихъ тогда между всѣми судьями.

На другой день со свѣтомъ вдругъ пустился я въ свой обратный путь и, по добротѣ тогдашней дороги, долетѣлъ еще рано до своего Богородицка, гдѣ нашелъ у себя въ домѣ опять многихъ гостей и успѣлъ еще вторично повеселиться съ ними своею музыкою и танцами.

Въ слѣдующій за симъ день находились опять всѣ мы въ превеликомъ нестроеніи мыслей по поводу пріѣзда къ намъ госпожи Челищевой съ коммиссіею, порученною ей, чтобы начать дѣйствительное и формальное уже сватовство за дочь мою, но не ея жениха г. Хотяинцова, а въ самомъ дѣлѣ г. Молчанова, о которомъ я упоминалъ выше. И какъ сей Епифанскій дворянинъ былъ и достаточный, и человѣкъ съ достоинствами, которыя мнѣ довольно были извѣстны, а имѣлъ только въ себѣ нѣкоторыя особенныя невыгодности, а паче всего казался намъ весьма нездоровымъ и чахотнымъ, то подверглись мы превеликому раздуманью и не знали какъ быть и что дѣлать. Наконецъ узнавъ, что и невѣстѣ нашей онъ не весьма нравится, а особливо по его строптивому нраву, то кое-какъ и сіе сватовство съ согласія самой г-жи Челищевой отклонили на время отъ себя, продолжая питать все еще свою надежду на г. Хотяинцова, котораго видѣть собирались мы въ Москву ѣхать. Итакъ, не вышло ничего изъ сего дѣла. Впрочемъ, въ сей день разъѣзжали мы по гостямъ въ городѣ, а вечеринка для святокъ была у г-жи Алабиной.

А на другой день послѣ сего вздумалось для всѣхъ насъ и городскихъ сдѣлать вечеринку у себя нашему поляку-капельмейстеру и показать всѣмъ успѣхъ ученія своего казенныхъ мальчиковъ. Всѣ они въ сей день впервые еще увеселяли насъ, играя полнымъ хоромъ. И какъ музыкой и умѣньемъ ихъ всѣ были довольны, и капельмейстеру приписывали за то похвалы, то сіе веселило и радовало меня, особливо въ разсужденіи князя, который, за правило себѣ поставилъ все чернить и порочить, что у насъ ни дѣлалось, всячески старался всѣхъ до того увѣрить, что казенные музыканты и пикнуть не умѣютъ, а тогда всѣмъ

оказалось тому противное, и онъ остался предъ всѣми въ стыдѣ. Послѣ казенныхъ заставили мы играть моихъ мальчиковъ, и какъ и сіи себя не постыдили, то князь отъ зависти и досады почти треснуть хотѣлъ.

Наконецъ насталъ и послѣдній день текущаго тогда 1787 года. И надобно было, чтобы и сей, подстать многимъ другимъ предшедшимъ, сопряженъ былъ съ нѣкоторыми для насъ непріятностями! Всѣ мы, а особливо домашніе мои смутились отъ полученнаго увѣдомленія, что въ день Богоявленія Господня имѣетъ прибыть къ намъ командиръ мой г. Давыдовъ и съ своею супругою, котораго мы ни мало не ожидали. Пріѣздъ сей гордой госпожи и ожиданіе опять притомъ какихъ-нибудь сплетень и отъ ней неудовольствій тревожилъ не только домашнихъ моихъ ужаснымъ образомъ, но и самого меня, находившагося тогда въ отношеніи къ г. Давыдову въ сумнительномъ положеніи. Но какъ бы то ни было, но мы принуждены были приступить къ дѣланію къ пріѣзду сему нужныхъ распоряженій.

Симъ образомъ кончился нашъ 1787 г., который [былъ] по всѣмъ отношеніямъ для меня годомъ чорнымъ и наполненнымъ множествомъ для меня непріятностей; а съ нимъ окончу я и сіе мое письмо, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ, и проч.

(Декабря 11-го дня 1810 года. Двореникиново).

1788.

Письмо 233.

Любезный пріятель! Приступая теперь къ пересказыванію вамъ всего того, что случалось со мною въ теченіе 1788 года, который годъ, по многимъ отношеніямъ и по разнымъ пріятнымъ и непріятнымъ, а не менѣе и важнымъ происшествіямъ, былъ въ жизни моей довольно достопамятнымъ, — начну я изображеніемъ того состоянія и положенія, въ какомъ находилось все мое семейство при наступленіи онаго. Все оно состояло, какъ и прежде, изъ восьми особъ. Я, жена и матушка-теща были старшіе, а прочіе 5 были наши прежнія дѣти. Что касается до моей тещи, то находилась она въ прежнемъ слабомъ состояніи своего здоровья и начала уже приближаться къ старости. Жена моя по-прежнему недомогала часто разными мелкими болѣзненными припадками, а особливо головою и зубами. Что касается до моего сына, то оный часъ-отъ-часу возросталъ болѣе, становился умнѣе, и какъ душевныя его состоянія, такъ и черты будущаго его характера начинали развертываться, которыми были мы весьма довольны; а жалѣли только о томъ, что онъ подверженъ былъ частымъ простудамъ и болѣзнямъ, что не предвѣщало намъ крѣпкаго сложенія и прочнаго состоянія его здоровья. Старшая дочь моя расцвѣла уже какъ роза и была въ наилучшемъ своемъ цвѣтѣ и совершенная уже невѣста, и мы всѣми ея тѣлесными и душевными дарованіями не могли довольно навеселиться. За нее, какъ я уже упоминалъ, сватались уже столь многіе женихи, что мы добрыхъ и худыхъ насчитывали уже 12; но изъ всѣхъ ихъ не было еще ни одного, Провидѣніемъ Господнимъ назначеннаго ей въ мужа. Она была около сего времени совершенно здорова, кромѣ глазъ, которые съ нѣкотораго времени у нея болѣли, и мы не знали, что дѣлать и чѣмъ ее лѣчить отъ нихъ. Другая дочь моя Настасья могла уже также считаться по-нуждѣ невѣстою и одарена была также многими тѣлесными и душевными совершенствами и такими свойствами, которыя также пріобрѣтали ей любовь отъ всѣхъ знакомыхъ. Третья дочь моя Ольга достигла ростомъ своимъ почти до сестеръ своихъ, но была ихъ моложе и отставала отъ нихъ мало чѣмъ въ качествахъ тѣлесныхъ и душевныхъ и казалось, что она будетъ лицомъ еще лучше оныхъ. У ней также около сего времени болѣли глаза. Что касается до меньшой нашей дочери Екатерины, то была она еще не велика и какъ-то все еще худо говорила и худо училась гра-

мотѣ, и казалось, что она многимъ отстанетъ отъ сестеръ своихъ. Впрочемъ, и она также въ сіе время была больна глазами. О себѣ же самомъ скажу вамъ, что хотя находился я тогда уже отчасти при наклонности своего вѣка, но былъ еще совершенно свѣжъ, здоровъ и при всѣхъ еще своихъ силахъ и въ наилучшей порѣ моей жизни, и наслаждался тѣмъ счастіемъ, что всѣ добрые люди меня любили и почитали. Жилъ я по-прежнему умѣренно и не выходилъ ни въ чемъ изъ надлежащихъ предѣловъ, отъ чего достатокъ мой съ года-на-годъ и мало-по-малу увеличивался. И какъ я всего меньше помышлялъ о томъ, чтобы покупать деревни или земли, а болѣе старался сберегать излишки отъ своихъ доходовъ на непредвидимые случаи, а особливо на приданое возростающимъ моимъ дочерямъ, то и возросъ мой капиталъ съ небольшимъ уже за десять тысячъ, къ чему весьма много помогало то, что я пользовался во многомъ казеннымъ содержаніемъ, не имѣлъ нужды покупать ни хлѣба, ни лошадей, ни корма на нихъ и ни же иныхъ какихъ вещей, нужныхъ для содержанія дома, ибо держалъ я при себѣ довольно и собственнаго своего скота и птицъ и могъ ими и доставляемымъ также ко мнѣ изъ деревень моихъ безъ нужды довольствоваться, слѣдовательно, все лишнее въ деревняхъ моихъ — обращать въ деньги. Но въ минувшій годъ имѣлъ я дохода съ нихъ очень мало или почти вовсе ничего. А отъ журнала своего хотя я и получалъ доходецъ, но, въ сравненіи съ трудами и хлопотами моими, ничего почти незначущій, и далеко не такой, какой получаютъ господа нынѣшніе журналисты, наживающіе отъ нихъ многія тысячи, хотя всѣ ихъ писанія и сотой доли такой пользы отечеству не приносятъ, какой производилъ мой. Но тогда были времена, а нынѣ иныя. Тогда не было еще въ обыкновеніи публику ими ограбливать и заставливать за бездѣльныя тетраточки платить по рублю и болѣе, а довольствовались и за весь годовой и превеликій журналъ четырьмя, а съ пересылкою только пятью рублями Но и тѣмъ пользовался не я, а издаватель; мнѣ же доставалось очень мало.

Впрочемъ, жить мнѣ было все еще очень хорошо и, по многимъ отношеніямъ, выгодно. А сіе самое и вперяло во многихъ не столько ко мнѣ, какъ къ мѣсту моему зависть, и тѣмъ паче, что всякій, судя самъ по себѣ, думалъ, что я нажилъ тутъ невѣдомо какія тысячи, хотя они въ томъ ужасно обманывались. А сіе и повергало меня около сего времени въ то критическое въ разсужденіи мѣста своего положеніе, о какомъ я упоминалъ выше; и я какъ ни честно себя во всѣхъ отношеніяхъ велъ, но имѣлъ причину опасаться почти ежегодно, чтобы бездѣльникамъ не удалось какимъ-нибудь образомъ происками и пронырствами своими меня съ моего мѣста столкнуть, что и могло бы меня очень тревожить и безпокоить, если бы я не утѣшалъ и не подкрѣплялъ себя надеждою и упованіемъ на моего Господа и не былъ увѣренъ въ томъ, что никто мнѣ ничего не сдѣлаетъ, если не будетъ на то особенной воли моего небеснаго Покровителя, а потому и озабочивался я около сего времени не столько симъ, сколько попеченіемъ о своемъ сынѣ, достигшемъ до такого возраста, что надлежало помышлять о пристроеніи его куда-нибудь къ мѣсту и безпокоился не мало тѣмъ, что все, употребляемое нами до сего въ его пользу, какъ-то не клеилось и не получало желаемаго успѣха.

Что касается до тогдашняго нашего городскаго общества, то оное несравненно было хуже, нежели въ прежніе года. Г. Дьяковъ, нашъ уѣздный судья, былъ хотя человѣкъ добрый и къ намъ ласкающійся, но недостаточный и не могущій дѣлать частыхъ компаній. Одинъ изъ засѣдателей его г. Карповъ, былъ по прежнему бирюкъ-бирюкомъ, а другой никогда въ домѣ у меня не бывалъ. Г. Пургасовъ и не жилъ почти въ городѣ и былъ странный человѣкъ. Казначей—бирюкъ самъ, а жена его и того еще хуже. Винный приставъ ни рыба, ни мясо. Итакъ, наилучшую особу изъ

всѣхъ нашихъ судей составлялъ г. Арсеньевъ, но и того городничій нашъ чуть-было отъ насъ пронырствами своими не отвратилъ. А кромѣ его былъ еще нѣкто г. Рылѣевъ, человѣкъ небогатый, но котораго сообществомъ были мы очень довольны. Наконецъ, соляной нашъ приставъ г. Гурковъ, былъ хотя изряднымъ полушутикомъ, но составлялъ наилучшаго компаніона.

Кромѣ сихъ, прочее наше общество составляли около сего времени помянутая старушка Марья Юрьевна, оставшаяся вдова послѣ бывшаго у насъ прежде казначея Петрова, женщина особаго и такого характера, что мы ее всѣ любили и нерѣдко бранивали за охоту ея вязать разныя сплетни между домами. Она жила долгое время до сего въ домѣ г. Давыдова, но, не ужившись и тамъ, возвратилась около сего времени жить опять къ намъ въ Богородицкъ. Наилучшая же для моихъ домашнихъ компаніонку составляла другая старушка г-жа Алабина, съ обѣими своими дочерьми. Изъ постороннихъ же, кромѣ родныхъ своихъ, наилучшими пріятелями и друзьями почитали мы женку Матрену Васильевну съ ея родными, г-жу Бакунину, г. Шушерина, г. Сухотина и Ивана Васильевича Хомякова и другихъ нѣкоторыхъ.

Вотъ въ какихъ положеніяхъ я находился при началѣ сего года и съ какими людьми мы жили и имѣли сообщеніе частое. А теперь, пересказавши вамъ все сіе, пойду далѣе.

Безпокойства и неудовольствія, чувствуемыя мною въ концѣ минувшаго года, продолжались и при началѣ вновь наступившаго, и самый первый день ознаменовался уже чувствительною для меня досадою. Въ оный получаю я вдругъ изъ Тулы отъ моего командира и директора не домоводства, а прямѣе сказать пустодомства повелѣніе, чтобъ немедленно наловить въ нашихъ прудахъ 600 крупныхъ карповъ и отправить оные въ казенныхъ бочкахъ и на казенныхъ лошадяхъ и съ казенными людьми и на казенномъ коштѣ въ Москву, чортъ знаетъ къ кому. Не могу изобразить какъ вздурило меня сіе повелѣніе. «О, мотъ!» воскликнулъ я отъ досады превеликой: «долго ли тебѣ расточать такъ легкомысленно казенное имущество! и былъ-ли у тебя умъ и разумъ! Ну, какъ можно наловить теперь такое множество карповъ, да еще самыхъ лучшихъ, когда и въ лѣтнюю пору не такъ-то скоро захватить и наловить можно такое множество. И такая ли теперь пора, чтобы мучить людей надъ прорубаніемъ прорубей и ловлею рыбы! Вотъ тотчасъ я тебѣ и наловлю ихъ, а не изволитъ ли тотъ, къ кому ты ихъ посылаешь, доволенъ быть и такимъ количествомъ, какое поймается и такими, какіе попадутся!» Но нечего было дѣлать. Побранивъ и подосадовавъ симъ образомъ на пустодома своего командира, я принужденъ былъ посылать скорѣе за людьми, заставливать рубить проруби, отыскивать большой неводъ, а между тѣмъ, готовить бочки и лошадей. Цѣлыхъ два дня мы промучились надъ сею ловлею и на-силу на-силу наловили двѣ сотни, и то кое-какихъ. «Ну, воскликнулъ я, полно! будь-ка они и симъ довольны, а то давай-ста имъ 600! Диковинка, что еще не 6,000!» И отправляя оные, написалъ, что сколько ни старались, но болѣе сего количества наловить никакъ не могли, но и то еще слава Богу, что такіе попались.

Другая непріятность была въ сей день для меня то, что я извѣстился о кончинѣ друга и лучшаго корреспондента моего Алексѣя Алексѣевича Владыкина. Чувствительна была для меня сія потеря: я любилъ сего почтеннаго и добраго старика, не менѣе какъ бы ближняго родственника, и зналъ, что и онъ привержен былъ ко мнѣ искреннимъ дружествомъ и любовію, и потому жалѣлъ весьма о его кончинѣ.

Подъ стать тому получили мы и третье непріятное извѣстіе о нѣкоторомъ пораженіи, учиненномъ турками нашимъ войскамъ.

Но сколь все сіе ни было огорчительно и дневное время ни скучно и хлопотливо, но за то вечера въ оба первые дни провели мы прямо по-святочному и были очень веселы. Въ первый день была большая вечеринка у меня. Пріѣзжалъ ко мнѣ другъ мой И. В. Хомяковъ, а вскорѣ за нимъ съѣхались и всѣ почти наши городскіе. Тотчасъ проявилась у насъ музыка и начались танцы и разныя рѣзвости: играніе въ фанты и перерaжаніе; словомъ, весь вечеръ проведенъ весело. А на другой такую же вечеринку сдѣлалъ у себя г. Гурковъ, нашъ солдяной приставъ, и мы всѣ были у него и повеселились также всячески довольно, а между прочимъ, и надъ самимъ простодушнымъ хозяиномъ, влюблявающимся во всѣхъ красавицъ и подающимъ чрезъ то намъ всѣмъ тысячи поводовъ надъ нимъ трунить и издѣваться.

Третій день былъ у насъ днемъ отдохновенія, а въ четвертый не успѣло ободнять, какъ перетревожены были мы извѣстіемъ о скоромъ пріѣздѣ къ намъ моего командира, и такъ ну-ка мы скорѣе все приготовлять къ его пріѣзду и начинать ждать его ежеминутно. Однако, все наше ожиданіе его въ тотъ день было тщетно. А между тѣмъ наѣхало ко мнѣ множество гостей пріѣзжихъ и тутошнихъ. Пріѣхали къ намъ всѣ Кислинскіе, съ женою и съ братомъ, своякъ его Л. С. Крюковъ, а вскорѣ за ними госпожа Елагина съ сыномъ, а къ вечеру И. В. Хомяковъ съ своимъ нѣмцомъ Грунтомъ, г. Арсеньевъ съ дочерью, Марья Юрьевна и Алабина съ дочерьми. Словомъ, народа набралось множество, и мы ну-ка съ ними провождать вечеръ опять по-святочному, ну-ка затѣвать и начинать разныя игры и веселиться всячески, а потомъ всѣ гости у меня ужинали, а пріѣзжіе и ночевали.

Со всѣмъ тѣмъ, какъ всѣ ни веселились, но я находился болѣе въ разстройкѣ мыслей и задумчивости, отчасти по поводу ожидаемаго пріѣзда моего командира, при которомъ случаѣ не сомнѣвался я, что произойдетъ множество всякихъ дрязговъ, вздоровъ, досадъ и неудовольствій, а того болѣе отъ помышленій о ѣздѣ своей въ Петербургъ, куда и хотѣлъ, и не хотѣлъ я ѣхать. Всѣ начали твердить, что произвожденіе тамъ туго и невозможно, и всѣ не совѣтовали мнѣ ѣхать только за тѣмъ, чтобъ явить сына и выпросить его опять обратно, и за то потерять многія сотни рублей. Я, слушая все сіе и не зная, что дѣлать, мятуся мыслями. Наконецъ, предлагаютъ мнѣ совѣтъ, чтобъ просить еще объ отсрочкѣ, и увѣряютъ, что сіе легко сдѣлать можно чрезъ Дмитрія Васильевича Арсеньева.

Наконецъ, по-утру въ слѣдующій день прискакалъ и командиръ мой, привезя вмѣстѣ съ собой и г. Толбузина. Я, радуясь, что пріѣхалъ онъ одинъ и не привезъ съ собой своей супруги, и оставивъ своихъ гостей, бѣгу его встрѣчать и вводить въ приготовленныя и натопленныя для него комнаты во флигелѣ зимнемъ, и принужденъ (позабывъ о своихъ гостяхъ, кои, отобѣдавши у насъ, поѣхали) проводить тамъ весь день и тамъ и обѣдать, и ужинать.

То, что я предугадывалъ, и совершилось дѣйствительно. И не успѣлъ онъ пріѣхать, какъ и начались разныя дрязги, и первый всѣ поводы къ тому подалъ нашъ князь городничій. Онъ, прискакавъ къ нему, началъ тотчасъ съ одной стороны къ нему подлещаться, а съ другой шептать и надувать ему въ уши всякія злоковарныя клеветы на меня, а того болѣе на бѣдняка нашего капельмейстера, на котораго онъ, какъ змѣй, злился за то, для чего дерзнулъ онъ потребовать съ него заплаты за ученіе двухъ его мальчиковъ, а ему заплатить было нечѣмъ да и не хотѣлось. Онъ насказалъ г. Давыдову столь много худаго объ немъ и о нашей музыкѣ, что онъ восхотѣлъ въ тотъ же день ее самъ испытать и слышать. Тотчасъ притащены были они со всѣми своими инструментами и загремѣли, и тутъ-то прямо не могъ я довольно насмѣяться глупымъ и непомѣрнымъ каверканьямъ и жестамъ, дѣлае-

мымъ княземъ для опорочиванья игры, хотя онъ столько же мало разумѣлъ музыку, сколько я китайскіе танцы, которыхъ я никогда не видывалъ. Но сколько онъ ни старался всячески и насильно увѣрить г. Давыдова, что они играютъ дурно и ничего не знаютъ, однако сей, разумѣя болѣе сіе дѣло, принужденъ былъ признаться и сказать, что играютъ они хотя не въ совершенствѣ, но, судя по недолгомъ еще времени ихъ ученія, довольно и предовольно хорошо, и нашъ князь долженъ былъ замолчать и остаться въ стыдѣ.

Не успѣла сцена сія кончиться, какъ непосредственно затѣмъ открылась другая. Пріѣзжалъ въ сей разъ г. Давыдовъ къ намъ для двухъ надобностей. Во-первыхъ, чтобы присутствовать самому при скучнѣйшей у насъ въ самое сіе время переторжкѣ казенной, отдаваемой въ оброкъ, земли и покичиться притомъ своею властію; а во-вторыхъ, и наиглавнѣйшее за тѣмъ, чтобъ, съѣхавшись тутъ вмѣстѣ съ прочими своими товарищами винными откупщиками, счесться между собою въ доходахъ и расходахъ по дѣламъ откупа виннаго, въ которомъ самъ онъ былъ тайный соучастникъ. И какъ всѣ они къ нему тотчасъ слетѣлись и съ нетерпѣливостью ожидали окончанія музыкальной пробы, то не успѣли они выйдить, какъ и начались у нихъ разговоры о дѣлахъ винныхъ. И Господи! какой поднялся у нихъ тутъ шумъ, какое кричанье, какое другъ друга упреканье, какія хвастовства и прочее тому подобное. Я слушалъ, слушалъ, да и сталъ! И какъ мнѣ было сторона дѣло и я ни малѣйшаго соучастія въ ихъ шайкѣ и дѣлѣ не имѣлъ, то, стоючи въ уголку, хохоталъ только мысленно всему этому вздору. Напротивъ того, князь, желавшій невѣдомо какъ втереться въ ихъ сообщество и домогавшійся, чтобъ и въ тогдашній годъ приняли они и его къ себѣ въ часть и пріобщили къ своей компаніи, сталъ, безъ всякой о томъ просьбы, а самъ собою, играть роль миротворителя въ ихъ несогласіяхъ и согласителя въ ихъ спорахъ и распряхъ. На что, смотря только, я дивился и самъ себѣ мысленно говорилъ: «Боже мой! вотъ въ чемъ упражняются сами начальники и командиры!» и пожималъ только плечами.

Таковыя ихъ распри и споры, крики и неудовольствія ихъ другъ на друга продолжались до самаго ужина. И какъ надлежало за оный садиться, то наконецъ поприутихли и начали разговоръ о тогдашнихъ военныхъ дѣлахъ и о новыхъ побѣдахъ надъ турками, пріобрѣтенныхъ нашими войсками, потомъ о тогдашней опасной гвардейской службѣ. И какъ при семъ случаѣ нечувствительно дошла рѣчь до моего сына, то г. Давыдовъ вновь и при всѣхъ подтвердилъ еще разъ, что скоро пришлется къ нему пашпортъ, что меня сколько-нибудь повеселило, хотя я и отваживался тому вѣрить и на слова сіи полагаться. А симъ и кончился тогдашній шумный день.

Наутріе наполнился весь городъ съѣхавшимся для торга и найма нашихъ земель со всѣхъ сторонъ разнымъ народомъ. Съѣздъ былъ превеликій: кромѣ простаго народа и множества повѣренныхъ, однихъ дворянъ съѣхалось болѣе десяти человѣкъ. Всѣ сіи и вмѣстѣ съ ними и пріѣзжіе изъ Дѣдилова карабинерные офицеры, равно какъ наши городскіе, собрались по-утру къ г. Давыдову для поздравленья, ибо случилось сіе на самое Крещенье. И онъ послѣ обѣдни трактовалъ ихъ у себя на мой счетъ обѣдомъ. А послѣ обѣда и ввечеру было полное собраніе у меня, и я угощалъ ихъ всѣхъ баломъ и ужиномъ, и было ихъ такъ много, что какъ ни велика была моя зала, но всѣ они не могли умѣститься за столомъ, ибо набралось всѣхъ болѣе 30 человѣкъ. Итакъ, весь сей день провели мы довольно весело, и ничего дурнаго не было.

А въ послѣдующій день съ самаго утра и началась наша переторжка. Количество съѣхавшихся дворянъ увеличилось еще больше: никогда еще такова большаго съѣзда не было какъ въ сей разъ, но никогда не было и такого пристрастія

и безпорядка при отдачѣ земли въ наемъ. Господа, другъ передъ другомъ наперерывъ, подлещаясь всячески къ г. Давыдову, старались выпрашивать у него себѣ земли безъ переторжки и какія имъ были надобны, а сей, по вѣтренности и любочестію своему, желая играть роль знаменитаго вельможи и самовластнаго повелителя, кичася тѣмъ, шваркался оными, какъ ему хотѣлось. И сколько наилучшихъ земель роздано имъ было тогда за сущій безцѣнокъ! И можно было сказать, что сіи господа одни только и были счастливы, ибо что касается до бѣдныхъ повѣренныхъ и крестьянъ, желавшихъ также получить въ наемъ себѣ земли и начинавшихъ переторговываться, то ихъ не хотѣли почти и слушать, а иныхъ выгоняли даже вонъ, и случившійся быть тутъ егаза Темешовъ юлилъ и мутилъ всѣми. Словомъ, вся святость прежняго обыковенія моего при переторжкахъ такихъ рушилася и наблюдаемый прежде во всемъ порядокъ превратился въ шутовство, и я, смотря на все сіе, отъ негодованія пожималъ только плечами и только въ мысляхъ своихъ твердилъ: «Боже мой, что это происходитъ такое!» Наконецъ, г. Темешовъ вывелъ меня уже изъ терпѣнія. Перевертываясь какъ сущій бѣсъ, ввелъ было онъ командира моего въ превеликій простакъ (sic). Но случилось какъ-то подъѣхать и подоспѣть къ сему времени крестьянамъ графа Румянцова, владѣвшимъ изстари знатною частію сихъ оброчныхъ земель безъ переторжки. Почти что всѣ предмѣстники мои, да и самъ я, по приказанію бывшаго намѣстника, уважалъ ихъ для знаменитаго ихъ господина и никогда не отнималъ отъ нихъ сей крайней нужной имъ земли. А какъ г. Темешовъ, жившій подлѣ ихъ въ сосѣдствѣ давно уже острилъ на сію землю свои зубы, дабы можно было ему наживать отъ нея тысячи, то, пользуясь ихъ непріѣздомъ, употребилъ онъ все пронырство къ увѣренію г. Давыдова, что они отъ земли сей отказались и къ убѣжденію его, чтобъ онъ землю сію отдалъ ему. А сей, не поговоривъ и не посовѣтовавъ о томъ со мною, по легкомыслію своему и махнулъ и ее ему подсунулъ. Господи, какъ сіе меня тогда вздурило! Не утерпѣлъ уже я, но сказалъ: «помилуй, братецъ Алексѣй Ивановичъ, что ты это проказишь; можно-ли такъ статься, чтобъ они отказалися; мнѣ извѣстно, какъ необходимо земля сія имъ надобна; они, того и смотри, сюда подъѣдутъ». И потомъ, отозвавъ командира своего къ сторонѣ, разсказалъ ему, какъ уважалъ ихъ и старикъ мой князь и самъ намѣстникъ и на-силу-на-силу убѣдилъ его и уладилъ такъ, что хотя ее ему и отдали, но такъ, чтобъ ее можно было и возвратить и отдать Румянцовскимъ, ежели они пріѣдутъ. А они въ самое время подъѣхали и заревѣли, услышавъ, что земля отъ нихъ отнята и отдана Темешову. Но, по счастію, дѣло было уже сдѣлано и былъ способъ прекратить ихъ вопли и, возвратя имъ землю, удовольствовать оныхъ.

Симъ образомъ продолжался у насъ крикъ и шумъ во все утро, даже за полдни, и на-силу-на-силу и кое-какъ дѣло сіе кончили и всѣхъ, кромѣ немногихъ, удовольствовали. По разшествіи всѣхъ, надобно было помышлять объ обѣдѣ, который былъ опять приготовленъ у командира моего въ зáмкѣ, и опять сопряженъ былъ для меня онъ съ превеликими безпокойствами, досадами и неудовольствіями. Не убытка мнѣ было жаль и не того, что все происходило на моемъ коштѣ, а досадно было то, что не только во все продолженіе сего времени всѣ бездѣльники и недоброхоты мои мнѣ всячески злодѣйствовали и что не только съ одной стороны князь, а съ другой — Варсобинъ, какъ сущіе змѣи, надували командиру моему на меня всякія клеветы въ уши и бездѣльничали,—но и самые негодяи его слуги присовокуплялись къ ихъ злодѣйской шайкѣ и причиняли мнѣ поступками своими несмѣтныя досады. Но никто мнѣ столько досаденъ не былъ, какъ его камердинеръ, управлявшій тогда всѣмъ его тутъ хо-

зяйствомъ. Сей, будучи превеликій мотъ и шалунъ, въ то время какъ всѣ господа наканунѣ сего дня у меня ужинали, собралъ въ замкѣ у себя цѣлое сборище слугъ и лакеевъ такихъ же мотовъ и бездѣльниковъ, каковъ былъ самъ, и ну съ ними-то пить, играть въ карты, транжирить и за всѣмъ-и-всѣмъ то-и-дѣло посылать ко мнѣ въ домъ. Бѣдные солдатные съ ногъ даже сбились, бѣгая взадъ и впередъ, но и имъ только и слышно было: «давай то, давай другое». Господи! какъ досадно было все сіе намъ, а особливо моимъ хозяйкамъ! Имѣя и безъ того полны руки дѣлъ и головы, наполненныя заботами о приготовленіи собственнаго ужина и угощенія толь многихъ гостей, должны были мы еще и прихоти сего бездѣльника также удовлетворять, и тѣмъ съ вящею досадою, что вѣдали, что тамъ никого изъ гостей нѣтъ и всѣ требованія были пустыя. И какъ по самому тому иное отпускали, а въ иномъ отказывали, то сіе и взбѣсило того мота и бездѣльника, и онъ какъ отъ того, такъ и съ досады, что ввечеру проигралъ 200 рублей и злился, и ярился сильно по-утру и во время пріуготовленія въ замкѣ обѣда надоѣлъ требованіями и укоризнами своими нашимъ какъ горькая рѣдька: ибо по его и то было не такъ, и другое не такъ и дурно, того и того мало, и то, и то давай еще, и такъ далѣе. Но всѣмъ тѣмъ не удовольствуясь, а желая опять ввечеру имѣть для себя свободу, и чтобъ ему попрежнему мотать и транжирить было можно, — ну, онъ всячески мастеритъ и доводитъ господина своего до того, чтобъ онъ назвался опять ко мнѣ на ужинъ и вечеринку, а сей, какъ олухъ, на то тотчасъ и склонился.

Что было мнѣ тогда дѣлать! я и нехотя, а принужденъ былъ и его, и всѣхъ гостей приглашать и звать къ себѣ и посылать къ дому о томъ сказывать и обременять хозяекъ своихъ опять безчисленными хлопотами, трудами и заботами, а вскорѣ зазывать на вечеръ и городскихъ своихъ знакомыхъ.

Итакъ, передъ вечеромъ, и пошли всѣ ко мнѣ гурьбою, и вмѣстѣ съ городскими набралось опять множество народа. И какъ музыка была уже приготовлена и по приходѣ нашемъ тотчасъ загремѣла, то и начались у насъ и особливо у молодежи рѣзвости и танцы, а у всѣхъ игроковъ страшная картежная игра. Самъ командиръ мой, будучи не изъ послѣднихъ охотниковъ до того, бралъ въ томъ также соучастіе и, швыряясь сотнями, проигралъ не малую сумму въ этотъ вечеръ. Весь вечеръ провели мы въ сихъ забавахъ и увеселеніяхъ, а наконецъ кончился онъ опять такимъ же большимъ ужиномъ, какъ и прежде. Словомъ всѣ были, кромѣ меня одного, веселы и разъѣхались съ удовольствіемъ; ибо, что касается до меня, то я, по обыкновенію своему, не бралъ никакого соучастія въ ихъ азартныхъ играхъ; заботился только вмѣстѣ съ хозяйками своими о угощеніи всѣхъ ихъ, и только отъ досады твердилъ и говорилъ, самъ въ себѣ мысля: «Господи! всѣ эти люди затѣмъ только здѣсь, чтобъ наживать себѣ прибытки и барыши, кто отъ земель, а кто отъ откуповъ, а мнѣ ни дай, ни вынеси съ бока да припёка, и только-что безпокойства и убытки, а за все-про-все и спасиба нѣтъ и еще злодѣйствуютъ». Но какъ бы то ни было, но и сей шумный день наконецъ кончился, и я остался провождать ночь съ ночующими опять у меня кавалерійскими офицерами и ихъ женами, которыхъ ласкою были мы отмѣнно довольны.

Съ наступленіемъ третьяго дня начались отъ бездѣльниковъ опять вновь всякаго рода происки, мытарства и шпіонства, а особливо отъ князя, мѣшающагося во всѣ дѣла, ни мало до него не принадлежащія. Въ этотъ день происходили у насъ торги объ отдаваемыхъ въ оброкъ мельницахъ и были такіе же странные и нелѣпые, какъ и прежніе о земляхъ: Я, смотря на все происходившее, пожималъ опять только-что плечами и мысленно хохоталъ, смотря, какъ обалахтывалъ командира моего Варсобинъ, и какъ, дурака въявь обманувъ, сбрилъ себѣ въ

наёмъ за 13 рублей такую мельницу, которая болѣе 200 рублей стоила. Но какъ моихъ словъ не принимали и со мною ни о чемъ не совѣтовали, то принужденъ я былъ смотрѣть на все сіе сквозь пальцы и довольствоваться однимъ молчаніемъ.

Наконецъ, кончилось и сіе недолго продолжавшееся дѣло, и тогда, отведя командира моего къ сторонѣ, сталъ я ему доносить о всѣхъ безпорядкахъ и бездѣльничествахъ нашего школьнаго учителя, который надоѣлъ уже намъ своими бездѣльничествами. Былъ онъ человѣкъ еще молодой, родомъ поповичъ, находился прежде въ семинаріи и опредѣленъ къ намъ для обученія школьниковъ нашихъ и музыкантовъ по новой методѣ грамотѣ; но, будучи негоднѣйшимъ и наираспутнѣйшимъ человѣкомъ, дѣлалъ не только съ учениками своими разныя безчинства и проказы, но не оставилъ ни одного почти изъ всѣхъ бывшихъ тогда въ Богородицкѣ господскихъ домовъ, котораго бы не оскорбилъ онъ чрезъ совращеніе служащихъ въ нихъ лучшихъ дѣвокъ, при помощи какихъ-то напитокъ, коими онъ, заманивая ихъ къ себѣ, поивалъ къ распутству. Словомъ, шалости и проказы его сдѣлались намъ всѣмъ уже нестерпимы, и какъ всѣ мои увѣщеванія, тазанія, брани и самыя угрозы, которыми я его отъ того отвратить старался, ни мало не помогали и имъ даже пренебрегаемы были, то рѣшился я пересказать о всѣхъ шалостяхъ его и жалобахъ, приносимыхъ школьниками на него учителю своему капельмейстеру, г. Давыдову. Сей удивился, сіе услышавъ, и будучи тѣмъ раздосадованъ, вступился-было очень горячо въ сіе дѣло. Но не успѣлъ начать о томъ публично говорить, какъ въ мигъ подскакнулъ къ нему нашъ князь и, по злобѣ на капельмейстера, отъ котораго всѣ проказы учителя и выведены наружу, ну — всячески сего бездѣльника защищать и, говоря въявь и тайно шептавъ ему на ухо, стараться преклонять гнѣвъ его на милость. Господи! какъ я тогда вздурился, и досада моя на сего грузина такъ была велика, что я, при всей моей терпѣливости, не утерпѣлъ, чтобъ не дать ему того почувствовать и, говоря съ другими вслухъ, его обиняками почти ругалъ и такъ что онъ и Давыдовъ могъ то слышать. А самое сіе и поостановило нѣсколько сего послѣдняго и произвело то, что онъ, переставъ князя слушать, велѣлъ тотчасъ всѣхъ школьниковъ кликнуть и сталъ ихъ всѣхъ самъ допрашивать. И какъ справедливость словъ моихъ оказалась явно, то и остался князь равно какъ оплёваннымъ, но онъ и не покраснѣлъ даже отъ того. Что-жъ касается до меня, то сколько съ одной стороны я доволенъ былъ сею одержанной надъ княземъ побѣдой, столько съ другой—поогорчился тѣмъ, что г. Давыдовъ ничего тогда съ учителемъ не сдѣлалъ, а окончивши допросы, совершенно о семъ дѣлѣ замолчалъ.

Непосредственно за симъ начались у всѣхъ товарищей его въ откупѣ опять съ нимъ о винныхъ дѣлахъ разговоры и опять споры, крики и вздоры, продолжавшіеся до самаго обѣда, но кончившіеся ничѣмъ, и все осталось по-прежнему. А удалось только князю, по желанію его, втереться въ ихъ сообщество и довесть ихъ до того, что обѣщали они ему за возможнѣйшее со стороны его поспѣшествованіе къ тому, чтобъ вина продавалось въ городѣ болѣе, давать ему въ годъ по 2,000 рублей. Итакъ, отъ всѣхъ ихъ споровъ выигралъ только онъ одинъ, а они всѣ сдѣлались истинными шутами.

Не успѣли они сіи разговоры свои кончить и потомъ отобѣдать, какъ пошла другая потѣха. Восхотѣлось молодцамъ пображничать и погулять или, прямѣе сказать, попить хорошенько, къ чему они уже за столомъ учинили доброе начало. Итакъ, тотчасъ проявилась на столѣ превеликая чаша и множество бутылокъ, и ну они составлять изъ нихъ какую-то кононовку и потомъ тянуть ее на-перерывъ другъ предъ другомъ. Отъ сего вскорѣ начались-было у нихъ опять вздоры и крики, но прекратились они

тѣмъ, что проявились ломберные столы и на нихъ карты. И въ мигъ принялись всѣ за оныя, и пошла опять новая потѣха. Игра сія была у нихъ страшная и многоденежная, и такая, что у всѣхъ почти и хмѣль изъ головы вылетѣлъ. Она продолжалась до самаго ужина, и командиру моему удалось въ сей разъ отъиграться, а бѣдный и добродушный г. Хомяковъ проигралъ болѣе тысячи рублей. Я, будучи зрителемъ, смотрѣлъ только на сіе и, дивяся всему тому, самъ себѣ въ мысляхъ говорилъ: «вотъ куда идутъ прибыльныя отъ вина денежки. О, моты, моты, моты!» А примѣтивъ командира моего очень повеселѣвшаго отъ отъигрыша, вздумалъ воспользоваться симъ случаемъ и возобновить просьбу мою объ увольненіи меня въ Москву и далѣе въ Петербургъ. Но онъ опять увѣрялъ меня въ достовѣрности полученія сержантскаго чина или, по крайней мѣрѣ, пашпорта объ отсрочкѣ и говорилъ, что въ Петербургъ ѣхать мнѣ совсѣмъ не для чего, а въ Москву онъ меня отпускаетъ, и что могу я тамъ пробыть хоть цѣлый мѣсяцъ.

Будучи по нуждѣ доволенъ тѣмъ и утомившись отъ стоянія при смотрѣніи на ихъ игру и отъ безпокойства того дня, не захотѣлъ я остаться тутъ съ ними ужинать, во время котораго происходили у нихъ опять крики и крупная перебранка, а радъ былъ, что они меня отъ него уволили, почему тотчасъ отъ нихъ и ушолъ.

Итакъ, и сей день провожденъ мною въ досадахъ, безпокойствѣ и неудовольствіяхъ, а особливо чувствительны они мнѣ были ввечеру. Меня трогало то, что князю согласились давать господа откупщики по 2 тысячи на годъ, власно какъ за одно то, что онъ добрымъ людямъ вредилъ, а бездѣльникамъ и негодяямъ покровительствовалъ, или что шелъ, шиканствовалъ и злодѣйствовалъ противъ меня. Всѣ его мытарствы, шпіонствы и шиканствы сдѣлались мнѣ тогда такъ уже извѣстными, что я съ сего времени получилъ внутреннее къ сему грузину отвращеніе и вознамѣривался обходиться съ сего времени съ нимъ не такъ откровенно, дружелюбно, коротко и чистосердечно, какъ прежде, и имѣть къ нему уже менѣе уваженія.

Но всѣ помянутыя неудовольствія и безпокойствы душевныя были далеко еще не всѣ претерпѣнныя мною въ теченіе дня сего, а надобно было присовокупиться къ нимъ еще одному и довольно важному. Надобно было получить еще ввечеру одно неожидаемое и странное письмо, но отъ кого-жъ?.... отъ г-на Салтанова. Мнѣ сказано было еще по-утру, что человѣкъ его меня дожидается. И какъ я тотчасъ догадался, что тутъ чему-нибудь быть надобно, то старался я убѣгать его во весь тотъ день. Однако не ушелъ. Онъ не полѣнился дожидаться меня въ домѣ моемъ даже за полночь и, поймавъ меня, письмо свое мнѣ подалъ. Я удивился, читая оное, и не зналъ, что мнѣ отвѣтствовать, ибо г. Салтановъ сватался уже напрямки за дочь мою и требовалъ отвѣта; но какъ домашніе мои всѣ уже тогда спали, то отложилъ я дѣло сіе до утрева.

Поутру, проснувшись, по обыкновенію своему, задолго еще до свѣта, переговорилъ я о томъ съ своими семьянинками. И какъ и онѣ изъявили желаніе свое, чтобъ намъ какимъ-нибудь образомъ отъ сего невыгоднаго жениха отвязаться, то сперва, для придуманія какъ бы написать письмо лучше, вздумалъ-было я продержать человѣка до отъѣзда г. Давыдова, имѣвшаго намѣреніе въ тотъ день послѣ обѣда отъ насъ отправиться. Но какъ человѣкъ предсталъ предъ меня опять еще до свѣта и требовалъ отвѣта, то перемѣнилъ я свои мысли и, пользуясь предлогомъ крайняго недосуга и что мнѣ истинно тогда не до того было, чтобъ помышлять о такомъ важномъ дѣлѣ,—написалъ къ нему учтивое, короткое, но ничего незначущее отвѣтное письмо и съ нимъ человѣка сего отправилъ. А сіе и положило конецъ сему сватовству.

Какъ скоро проснулся мой командиръ,

то пошелъ я къ нему, и тутъ прежде всего началось у насъ дѣло и разговоръ объ учителѣ. Но какъ удивился я, нашедъ г. Давыдова совсѣмъ съ перемѣнившимися объ немъ мыслями. Ввечеру предслѣдующаго дня положилъ-было онъ совсѣмъ кассировать школу и бездѣльника сего помеломъ выгнать совсѣмъ изъ селенія, а тогда расположился, чтобъ наказать его палками и дать мнѣ ордеръ, чтобъ продержать его двѣ недѣли подъ карауломъ и чтобъ ему не жить болѣе въ школѣ. «Боже мой! подумалъ я тогда самъ въ себѣ, такова-ли наказанія достоинъ сей бездѣльникъ и негодяй за его проказы!» Но какъ дѣлать было мнѣ нечего, то спѣшилъ представить ему одного мужика, жалующагося на самого-жъ сего бездѣльника о взятіи съ него обманомъ взятокъ. Тотчасъ тогда поставлены были оба они на одну доску. Онъ не преминулъ въ томъ запираться, но какъ былъ онъ мужикомъ уличенъ, то при всѣхъ и получилъ сей бездѣльникъ опредѣленное наказаніе его палками, но столь легкое, что онъ того и не почувствовалъ и, по грубіянству своему, самъ тому равно какъ и посаженію его подъ караулъ насмѣхаться началъ.

Послѣ сего страннаго и смѣшнаго наказанія, занялись мы съ нимъ другими дѣлами, относящимися до волости, а потомъ пришелъ одинъ изъ нашихъ поповъ, Филиппъ, просить его окрестить новорожденную свою дочь съ старшею моею дочерью. Какъ и онъ на то охотно согласился и симъ крестинамъ надлежало быть въ моемъ домѣ, то и пошли всѣ ко мнѣ, и я принужденъ былъ дать опять у себя для всѣхъ большой обѣдъ; и хотя доставилъ онъ мнѣ новые убытки въ разсужденіи покупныхъ винъ, которыми я всѣхъ поить былъ долженъ; но какъ былъ сей обѣдъ уже прощальный и онъ вскорѣ послѣ обѣда отъ насъ въ обратный путь свой въ Тулу и поѣхалъ, то я о томъ уже и не охнулъ, а радъ былъ, что сжилъ наконецъ съ рукъ гостей столь неугомонныхъ и для меня убыточныхъ и безпокойныхъ, и остался опять на свободѣ.

А симъ кончу я письмо сіе, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Декабря 13-го дня 1810 года).

БОЛѢЗНИ.

Письмо 234.

Любезный пріятель! Сживъ съ рукъ нашихъ гостей и почувствовавъ отъ бывшихъ при нихъ тягостныхъ безпокойствъ такое облегченіе, какъ бы свалилось съ плечъ нашихъ превеликое бремя, и радуясь ихъ отъѣзду, говорили мы между собою: «Ну, слава Богу! теперь мы сколько-нибудь отдохнемъ и отъ безпрерывныхъ нашихъ безпокойствъ душевныхъ и тѣлесныхъ успокоимся и пособеремся духомъ». Но, ахъ! какъ мы обманулись въ своихъ надеждахъ! Намъ и въ умъ тогда не приходило, что насъ ожидало уже новое и несравненно всѣхъ тѣхъ чувствительнѣйшее и такое безпокойство, которое не только всѣхъ насъ озаботило до чрезвычайности, но и весь духъ нашъ встревожило и всмутило. Не успѣлъ настать послѣдующій день, какъ сказываетъ намъ сынъ нашъ, что у него голова что-то побаливаетъ. Сперва мы-было и не уважили сего, и думали, что это ничего не значитъ. Но какъ къ вечеру не только голова продолжала у него болѣть, но сдѣлался въ немъ уже и жаръ, то и позаботились мы уже и гораздо и спѣшили помогать ему кое-какими домашними средствами. Но смущеніе наше увеличилось еще несравненно больше, когда, вставъ на другой день, нашли мы его гораздо въ худшемъ еще состояніи, и такъ отъ увеличившейся болѣзни ослабѣвшаго, что онъ слёгъ даже въ постель; а что того еще было хуже, то занемогла такимъ же образомъ и старшая дочь наша. И мы объ обѣихъ (sic) ихъ стали уже опасаться, чтобъ не слегли они горячкою. Господи! какъ были мы тогда сею нечаянностію перетревожены. Ну-ка скорѣй посылать за нашимъ лѣкаремъ и нука просить его, чтобъ онъ помогъ бѣднякамъ больнымъ нашимъ. Сей былъ хотя

самъ нездоровъ, но, любя насъ, пренебрегъ собственную болѣзнь свою и къ намъ пріѣхалъ и снабдилъ ихъ своими лѣкарствами.

Къ умноженію нашего безпокойства и смущенія, получили мы въ сей день неожиданныхъ и необычайныхъ у себя гостей. Были то господа Крюковы, Борисъ Ивановичъ, съ выпущеннымъ только что изъ корпуса сыномъ своимъ Іоною Борисьевичемъ, и племянникъ его Егоръ Михайловичъ. Какъ сей послѣдній не былъ мнѣ совсѣмъ еще знакомъ, а, наслышавшись о его дарованіяхъ, давно желалъ я его видѣть и съ нимъ познакомиться, то старался я всячески всѣхъ ихъ, а особливо сего у себя угостить, и сей день положилъ первое основаніе моего съ нимъ и понынѣ продолжающагося знакомства и пріязни.

Съ наступленіемъ послѣдующаго засимъ дня обрадовались-было мы очень, увидя, что обѣимъ (sic) больнымъ нашимъ полегчало, а особливо сыну, который въ состояніи былъ даже встать и перейтить изъ горницы въ горницу, а и дочь, хотя не вставала, но потѣла. Но радость наша не долго продолжалась. Съ половины дня болѣзнь начала опять увеличиваться и къ вечеру жаръ въ немъ и гораздо и такъ увеличился, что мы не сомнѣвались уже, что въ немъ горячка. Господи! какъ мы всѣ опять смутились и какъ трухнулъ я отъ сего случая. Зная, съ какими опасными слѣдствіями, особливо въ его лѣта, сопряжены бываютъ сіи болѣзни, смущался я до крайности всею душою своею, и о тогдашнемъ состояніи оной можно судить по слѣдующимъ словамъ, написаннымъ мною въ журналѣ того года, въ которомъ я все происходившее кратко записывалъ: «При семъ опасеніи, писалъ я, слёзы катились втайнѣ уже изъ моихъ глазъ о семъ толико мною любимомъ и драгоцѣнномъ сынѣ. И я пишу и сіе теперь, утирая катящіяся изъ глазъ слёзы и возсылая объ немъ наитеплѣйшія моленія къ Богу, къ сему Благодѣтелю и Покровителю моего дома, и сердце замираетъ у меня при единомъ помышленіи о возможности лишиться онаго». Вотъ какъ мнѣ было его жаль и какъ безпокоился я объ немъ духомъ. Мы посылали опять за лѣкаремъ. Онъ пріѣзжалъ и нашелъ его весьма уже отъ жара изнемогшимъ и велѣлъ употреблять привезенную имъ камфарную микстуру. Но и сверхъ того поили его своимъ декоктомъ и привязывали къ подошвамъ сельди для уменьшенія жара, отчего онъ не много и заснулъ, и мы, по крайней мѣрѣ, рады были, что не было бреду.

Въ слѣдующее утро порадовались мы сколько-нибудь тому, что больная дочь наша обмоглась и хотя не совершенно выздоровѣла, но, по крайней мѣрѣ, встала. Напротивъ того, сынъ мой все еще лежалъ и пришолъ въ превеликую слабость; но какъ жаръ былъ уже въ немъ меньше, то поуменьшилось нѣсколько и объ немъ наше безпокойство, а особливо потому, что лѣкарь насъ увѣрялъ, что и его болѣзнь пройдетъ. По совѣту его ввечеру банили мы ему ноги, но отъ того почувствовалъ онъ ужасную боль въ головѣ, но потѣлъ за то ночью, что насъ еще болѣе порадовало.

Между тѣмъ все не выходили у меня мысли о его сержантствѣ и отсрочкѣ. И какъ я на увѣренія г. Давыдова худо полагался и изъ Петербурга не было ни отъ кого никакого еще извѣстія, то убѣдилъ я нашу Марью Юрьевну просьбою отписать еще о сынѣ моемъ къ г. Маркову, а вкупѣ и къ тещѣ его г-жѣ Марсочниковой, на которую она наболѣе и надѣялась.

Впрочемъ, ввечеру сего дня и самъ я чувствовалъ себя не весьма здоровымъ, и того и смотрѣлъ, чтобы не занемочь и самому. Господствующія около сего времени въ городѣ, да и въ самомъ домѣ нашемъ между людьми многія болѣзни, отъ которыхъ дней за пять до того лишились и мы одной взрослой уже горничной дѣвки, наводили на меня превеликое сомнѣніе.

Въ слѣдующій за симъ пятый день болѣзни моего сына по-утру было ему какъ отъ потѣнія, хотя небольшаго, такъ

и отъ кровотеченія изъ носа довольно легко, и мы было-обрадовались тому чрезвычайно, но къ вечеру онъ опять ослабѣлъ и привелъ насъ въ безпокойство. Но вдругъ сдѣлался превеликій потъ, и онъ послѣ того спалъ спокойно. Лѣкарь былъ у насъ опять, и самъ его изъ зала, гдѣ онъ лежалъ, перенесъ въ дѣтскую по причинѣ пріѣхавшихъ къ намъ гостей.

Это были Епифанскіе и давно нами уже ожидаемые, а именно Василій Ѳедоровичъ Молчановъ, съ своей сестрою, и г. Григоровъ, Николай Сергѣевичъ, съ женою. Первый изъ нихъ былъ самый тотъ, котораго о затѣеваемомъ за дочь мою сватовствѣ я упоминалъ выше. И хотя гости сіи были тогда и весьма не ко времени, но какъ были они люди умные, съ которыми можно говорить обо всемъ, то былъ я имъ радъ и старался ихъ угостить какъ можно лучше. Всѣ они, какъ пріѣхавшіе изъ далёка, у насъ почевали.

Между тѣмъ, къ умноженію нашего безпокойства въ сей день и съ самаго еще утра, получили мы и еще другую больную въ нашемъ семействѣ. У третьей дочери моей Ольги вдругъ заболѣло горло и сдѣлалась въ шеѣ инфламація. Но какъ отъ сей болѣзни имѣлъ я у себя вѣрное домашнее лѣкарство, то спѣшилъ я поить ее обоими моими неоцѣненными декоктами отъ простуды и отъ горла, и помогъ ей ими такъ, что чрезъ два часа она оправилася и встала.

Гости мои пробыли у насъ и все утро наступившаго потомъ и уже шестаго дня болѣзни моего сына, и не прежде отъ насъ поѣхали какъ послѣ обѣда и мѣшали намъ, невѣдомо какъ, имѣть попеченіе о нашемъ сынѣ, котораго болѣзнь продолжалась, и жаръ хотя уменьшился но онъ очень ослабѣлъ, а къ вечеру опять потѣлъ. Но мы рады были, что, по крайней мѣрѣ, лѣкарь былъ почти при немъ безъ отлучки и пріѣзжалъ къ намъ ежедневно.

О седьмомъ днѣ записано было у меня въ журналѣ слѣдующее: «Сей день былъ для меня весьма радостенъ, а вкупѣ крайне и печаленъ. По-утру сыну моему, сему милому и любезному ребенку, сему наилучшему въ свѣтѣ другу моему (утирая глаза мои, сіе пишу.... слезы текутъ ручьями) было такъ легко, что мы не сомнѣвались о его выздоровленіи. Все утро я съ нимъ проговорилъ, онъ былъ даже веселъ и смѣялся. Смотрѣлъ полученныя новыя газеты и «Натуральный Магазинъ», и было все очень хорошо. Но послѣ обѣда и ввечеру Павелъ мой опять сдѣлался такъ худъ, каковымъ еще никогда не бывалъ. Оказалась въ немъ тоска и малый бредъ. Словомъ—горячка настоящая, и дѣйствія ея усиливались, а не уменьшались, и такъ весь вечеръ провели мы въ величайшемъ безпокойствѣ и смущеніи, и сострадали всѣ съ нимъ вмѣстѣ».

Къ пріумноженію смущенія нашего, бабушка его была въ сей день не очень здорова, и покоя намъ не дала, покуда не пустили ей кровь. Всѣ наши городскіе пріѣзжали къ намъ во всѣ сіи дни навѣщать нашего больнаго, а въ сей день удостоилъ насъ и князь своимъ посѣщеніемъ, но мы его къ больному уже и не водили.

Въ осьмой день записано было у меня въ журналъ слѣдующее: (по-утру) «Сынъ мой всю ночь хотя спалъ, но неспокойно, потѣлъ, но потъ помогалъ мало. Жена вставала перемѣнять на немъ рубаху и опечалила меня въ прахъ, сказавъ, что у него съ языкомъ сдѣлалась перемѣна, сдѣлался жостокъ, сталъ болѣть онъ и во всемъ рту. Увы! вчерашнее утро не послѣднее ли уже было, въ которое я съ симъ любимцемъ моимъ бесѣдовалъ. (Въ 9 часовъ). Нѣтъ, Богу буди благодареніе! и сегодня я съ нимъ еще говорю и имъ любуюсь. Ему опять сдѣлалось лучше, хотя и спалъ онъ ужасно съ лица; что-то будетъ къ вечеру? О! какъ теперешнія минуты для меня пріятны, когда льщусь надеждой о его выздоровленіи. (Ввечеру). Слава Богу, и теперь не такъ, какъ вчера, хотя и спитъ, и тоскуетъ, и бредитъ немного, однако, тоска далеко не такъ велика какъ вчера».

Впрочемъ, я самъ въ этотъ день получилъ прежестокій насморкъ и принужденъ былъ ввечеру лѣчиться. Изъ Петербурга получили мы извѣстіе, что оба соученика сына моего, Сухотинъ, сынъ прежняго нашего городничаго, и Алабинъ, сынъ старушки Анны Ивановны, служившіе въ гвардіи, изъ оной выпущены къ штатнымъ дѣламъ офицерами. Сіе возобновило вновь помышленія мои о Петербургѣ и ѣздѣ своей туда для пользы моего сына.

Въ девятый день болѣзни сына моего ему ни легчало, ни тяжелѣло, но какъ онъ становился часъ-отъ-часу слабѣе и безсильнѣе, то озаботился я чрезвычайно и сталъ опасаться, чтобъ злая сія болѣзнь не превратилась въ страшную и потаенную и изнуряющую лихорадку, которая толико опасна. Весь день наполненъ я былъ мыслями о семъ. Между тѣмъ произошла съ нимъ та перемѣна, что онъ и въ ночь, и днемъ, и ввечеру спокойно спалъ и нѣсколько поѣлъ, самъ того пожелая и потребовавъ, и проснувшись ввечеру казался нѣсколько бодрѣе, а во время сна онъ еще нѣсколько бредилъ. А и собственный мой насморкъ не проходилъ, и мнѣ было хотя сносно, но какъ болѣзни, а особливо простуды и горячки вездѣ отъ-часу размножались, то не пренебрегалъ я никакъ и своей.

Но ввечеру болѣзнь и слабость больнаго моего продолжались и во весь последующій день. Но мы радовались, по крайней мѣрѣ, тому, что ему не дѣлалось хуже, и что лѣкарь увѣрялъ насъ, что все происходящее съ нимъ не дурно.

Въ самое сіе время городничиха наша княгиня родила дочь, и, по обыкновенію, надлежало намъ ѣхать на родины. Я какъ ни слабъ былъ по продолжающейся еще во мнѣ болѣзни, и сколько-бъ ни надлежало мнѣ себя еще поберечь, но, не хотя подать поводъ къ неудовольствію на себя, не смотря на всю слабость здоровья своего, къ нимъ поѣхалъ. Мы отвезли ей съ женою и матушкою обыкновенную дань, и я согласился-бъ дать пятерную, еслибы могъ только купить тѣмъ благосклонность ея мужа или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать то, чтобъ онъ мнѣ не вредилъ. По свойству сердца моего не былъ я ни мало на него золъ, и готовъ бы любить и его такъ же, какъ любилъ всѣхъ людей.

Г. Давыдовъ, между прочимъ, писалъ ко мнѣ въ сей день, что къ нему пишутъ будто изъ Петербурга, что сыну моему сержантскій чинъ доставленъ будетъ скоро. Я порадовалъ тѣмъ своего больнаго, самъ же худо тому вѣрилъ, а въ мысляхъ самъ себѣ говорилъ: «А и надобенъ ли то онъ ему еще будетъ? Какъ не выздоровѣетъ, такъ не нуженъ и офицерскій».

Наставшій послѣ сего день былъ одиннадцатый болѣзни моего сына, и въ этотъ день она не только не облегчилась, но сдѣлалась нѣсколько хуже. Оказался опять жаръ, и лѣкарь принужденъ былъ давать порошки отъ онаго. Сіе смутило опять всѣхъ насъ и озаботило. Къ вящшему смущенію моихъ домашнихъ и самъ я почувствовалъ послѣдствія своего рановременнаго выѣзда и чуть-было не слёгъ въ постель. Во мнѣ самомъ сдѣлался жаръ и великое волненіе въ крови. Всѣ домашнія мои перетревожились тѣмъ чрезвычайно, и тѣмъ паче, что и всѣ старшія дочери мои также были больны насморкомъ. Въ сей крайности, опасаясь и самъ, чтобъ не нажить горячки, спѣшилъ я воспріять прибѣжище къ старинному своему и вѣрному вспомогательному средству отъ жара и укрощенію волненія крови, а именно къ насильственному принужденію себя при помощи свернутой бумажки къ чиханію, а сіе вмѣстѣ съ наблюденіемъ строгой діэты, помогло мнѣ и въ сей разъ очень скоро и жаръ во мнѣ поуменьшило.

Всѣ сіи происшествія, какъ легко можно заключить, не дозволяли мнѣ о московской ѣздѣ и помыслить. И тѣмъ паче, что мнѣ въ нее и хотѣлось, и не хотѣлось ѣхать. А потому всего менѣе объ ней помышляя, я во всѣ свободные часы и продолжалъ заниматься своими литературными упражненіями, а особливо продолженіемъ заготовленія матеріала

для своего журнала. Но у домашнихъ моихъ, имѣвшихъ болѣе охоты и желанія побывать въ Москвѣ, мысли объ ней не выходили почти изъ головы; но какъ видѣли они, что случилась такая неожидаемая и великая остановка и что не было и надежды, что сынъ мой могъ вскоро отъ болѣзни своей оправиться,—то отчаявались почти въ оной и смущались отъ того ежедневно мыслями.

При такихъ обстоятельствахъ обрадовались-было мы очень, что въ послѣдующій за симъ двѣнадцатый день сыну моему такъ полегчало, что онъ до самаго обѣда могъ сидѣть въ своей постели. Но какъ послѣ того опять сдѣлалось ему худо, то сіе опять насъ опечалило, и я сталъ опасаться, чтобъ не сдѣлалось ему рецидива, или чтобъ болѣзнь его не увеличилась; и какъ не было еще никакого кризиса, то находился я въ превеликомъ смущеніи. Къ вящшему моему безпокойству, бездѣльникъ нашъ учитель надѣлалъ опять нѣкоторыя проказы, и капельмейстеръ докучалъ мнѣ своими на него жалобами, и я досадовалъ на сего, что онъ съ негодяемъ симъ связался.

Наконецъ, къ неописанному нашему обрадованію, съ 22-го числа генваря, который былъ уже тринадцатый болѣзни моего сына, начало ему мало-по-малу, однако очень медленными стопами, становиться лучше, и мы начинали ласкаться надеждою, что болѣзнь его пройдетъ, и онъ у насъ опять выздоровѣетъ. Но съ другой стороны смущало и огорчало насъ то, что болѣзни въ домѣ нашемъ и вездѣ размножались отъ-часу. У насъ умерла еще одна женщина, а трое было еще больныхъ изъ людей нашихъ. Сама жена моя что-то разнемогалась, и я трепеталъ духомъ, опасаясь, чтобъ и она у меня не занемогла; а къ усугубленію огорченія нашего и самъ лѣкарь нашъ въ самое сіе время занемогъ и слегъ въ постель. Господи! какъ я встревожился духомъ, о семъ услышавъ. «Ахти! воскликнулъ я, ну, ежели и онъ свалится съ ногъ, кому насъ тогда лѣчить будетъ!»

Въ самое сіе время получилъ я отъ г. Давыдова весьма благопріятное письмо, наполненное благодареніями за присланную ему отъ насъ прекрасную шапку, которою подслужились ему мои семьянинки, связавъ ее сами изъ козьяго пуху. Впрочемъ, увѣдомлялъ онъ меня, что намѣстникъ нашъ изъ арміи въ Калугу возвратился и будетъ недѣли на полторы въ Тулу.

Кромѣ сего, дошли до меня вѣсти о престрашныхъ дѣлахъ, производимыхъ нашею казенною палатою или паче ея членами. Нѣкто изъ ассессоровъ ея, г. Уваровъ посланъ былъ привезти изъ Алатыря въ Тулу вино, и онъ не устыдился показать, что при наймѣ подводъ заплатилъ онъ по 110 коп. съ ведра. Неслыханная дороговизна и явное и наглое воровство: ибо извощики подрядились только по 35 коп., а вся сумма простиралась до 50 тысячъ! У насъ волосы даже становились дыбомъ, при слышаніи сего, и я, пожимая плечами, сказалъ: «Господи! какъ это могутъ люди такъ безсовѣстны и беззаконны быть! и сихъ же за то еще и награждаютъ!» Никто не сомнѣвался въ томъ, чтобъ не имѣлъ участія въ томъ и самъ совѣтникъ винной экспедиціи г. Челищевъ, какъ человѣкъ пронырливый и безпрерывно въ такихъ дѣлахъ упражняющійся и мой кёнигсбергскій еще знакомецъ, и ему же въ проѣздъ Государыни пожалованъ бриллiантовый перстень. «О времена, о нравы!» воскликнулъ я наконецъ и плюнулъ.

Наступившій послѣ сего 23 уже день мѣсяца генваря былъ для меня весь какъ-то очень неладный, и все не то дѣлалось, чего я ожидалъ. Я надѣялся, что сыну моему будетъ еще лучше, но ему опять нѣсколько похужѣло. Думалъ поутру, что всѣ прочіе мы здоровы, а вмѣсто того сказываютъ мнѣ, что матушка-теща моя занемогла и очень сильно. Господи! какъ насъ всѣхъ сіе перетревожило и, опасаясь всего по тогдашнему дурному и опасному времени, спѣшу ее поить своими декоктами и, уклавъ

ее въ постель, укутывать, и, спасибо, она послушалась и получила рожу, отчего и получила облегченіе. Далѣе, думали мы, что въ сей день будемъ мы обѣдать у князя на имянинахъ, а онъ и не подумалъ звать и сдѣлалъ тѣмъ дурачество непростительное, и я о семъ немного тужилъ, а еще доволенъ былъ, что не я у него, а онъ у меня остался въ долгу. Далѣе, думалъ навѣрное, что получу въ сей день многія газеты, и нѣкоторыя мною съ любопытствомъ ожидаемыя, но получилъ одинъ только нумеръ «Ерлангскихъ Вѣдомостей», получаемыхъ мною въ сей годъ. Хотѣлъ изъ нихъ, по обыкновенію своему, интереснѣйшее перевести, но заѣхавшіе гости и сего сдѣлать не допустили. Наконецъ, одну изъ коровъ нашихъ другая пробрухала, и произошли отъ того досадныя домашнія дрязги. «И тьфу! какая пропасть, воскликнулъ я ввечеру сего дня; надобно-жъ случиться такому безпутному дню, наполненному столь многими дурными происшествіями. Ну, не велятъ снамъ вѣрить, а не даромъ я сегодня попа во снѣ видѣлъ. Нѣтъ! нѣтъ! разсмѣявшись потомъ сказалъ я, дурно поповъ во снѣ видѣть!»

Но, взамѣнъ непріятностей сего дня, весь послѣдующій за симъ былъ для насъ пріятный. Весь нашъ домъ обрадованъ былъ тѣмъ, что, по благости Господней, милому нашему Павлу Андреевичу такъ полегчало, что онъ въ состояніи былъ поѣсть и заставить себя выводить на минуту въ перед-спальню, и учился ходить, хотя былъ и очень слабъ, а другую половину дня всю проспалъ. Также и самъ я пооправился; а и матушка стала оправляться, наконецъ и самые гости наши занимали насъ пріятными разговорами.

Но и сей радости и удовольствію нашему не суждено было долго продолжаться. А на другой же день за симъ нарушена она была новою заботою и новою въ домѣ нашемъ тревогою. Начала жаловаться наша старшая дочь опять головою. Я заставливалъ ее чихать, но и сіе помогало мало, что доказывало мнѣ, что боль ея въ головѣ происходитъ отъ простуды. Къ вечеру она такъ разнемоглась, что слегла даже въ постель. Господи! какъ мы опять симъ перетревожились! Мы ну-ка ее скорѣе лѣчить, ну-ка баннть ей ноги. Но какъ и сіе помогало мало, то не инако полагалъ я, что и она сляжетъ у насъ горячкою, ибо всѣ тогдашнія болѣзни начинались головною болью.

Какъ болѣзнь дочери нашей продолжалась и въ слѣдующій день, въ который старушка моя теща была имянинница, да и сынъ все еще худо выздоравливалъ, то не стали мы, по обыкновенію прежнему, звать къ себѣ на обѣдъ гостей, но сіи и сами не преминули ее посѣтить, такъ что къ вечеру съѣхалось ихъ-таки довольно, и былъ у насъ порядочный ужинъ. Но изъ всѣхъ гостей наипріятнѣйшимъ былъ для меня заѣхавшій къ намъ опять г. Хрущовъ, Александръ Ивановичъ, сей и милый, и любезный молодой человѣкъ, котораго я съ перваго взгляда полюбилъ. Онъ ѣхалъ тогда въ Москву и у насъ ужиналъ.

Сыну моему становилось хотя часъ-отъ-часу лучше, но слабость и худоба его была ужасная; онъ такъ исхудалъ, что казалось, будто онъ недѣль шесть лежалъ больнымъ, и силы возвращались въ немъ весьма медленными стопами; а дочь принужденъ былъ уже лѣчить лѣкарь, и она была хотя больна, но все еще такъ, что мы ласкались надеждою, что она не сляжетъ.

О намѣстникѣ нашемъ получилъ я вѣрное извѣстіе, что онъ будетъ къ 28 числу въ Тулу и, тутъ поживъ, поѣдетъ въ Курскъ, а оттуда въ Москву, а въ армію въ дальній путь развѣ будущею весною.

Въ послѣдующій день имѣлъ я у себя трехъ неожиданныхъ гостей, которые всѣ были для меня весьма пріятны, а пріятнѣе и милѣе изъ всѣхъ одинъ, а именно сынъ мой, который столько уже обмогся, что его двѣ сестры приводили на минуточку ко мнѣ въ кабинетъ. Легко можно

заключить, что я встрѣчалъ его съ превеликимъ удовольствіемъ и, благодаря Бога, радовался душевно, видя его опять выздоравливающимъ.

Другой гость былъ неожидаемый и незнакомый, ямбургскаго полка квартирмейстеръ, малый молодой, умный курляндецъ и штудировавшій въ молодости. Онъ пріѣзжалъ съ письмомъ отъ г. Давыдова, въ которомъ писалъ онъ ко мнѣ, чтобъ отпустить имъ 2,000 рубл. денегъ изъ нашей суммы взятую съ него въ нихъ росписку прислать къ нему. Но какъ писано было очень партикулярно, то я усмѣхнулся новому легкомыслію и вѣтренности моего командира. «Какъ это? подумалъ я и сказалъ самъ въ себѣ мысляхъ; и съ ума ли мнѣ сойти, чтобъ сдѣлать такую оплошность!» Со всѣмъ тѣмъ, повелѣніе сіе меня очень смутило и озаботило, но, по особливому счастію, не случилось тогда у насъ въ наличности ни рубля почти денегъ, а всѣ только-что отосланы были въ казенную палату, а сіе и помогло мнѣ изъ сего критическаго положенія, не раскзеливъ командира своего, вывернуться благополучно. Я донесъ ему, что денегъ у насъ въ наличности, за отсылкою оныхъ, ничего нѣтъ, а тѣмъ дѣло и кончилось.

Однако, сіе не помѣшало намъ съ симъ офицеромъ познакомиться и даже полюбить другъ друга. Онъ у меня обѣдалъ и просидѣлъ долѣе, нежели хотѣлъ сперва. Мы съ нимъ говорили о наукахъ и обо всемъ, и были во всемъ согласны. При семъ случаѣ имѣлъ я удовольствіе слышать отъ него объ нынѣшнихъ владѣльцахъ той курляндской мызы Пацъ, въ которой жилъ и учился я въ малолѣтствѣ, а именно, что владѣетъ нынѣ ею старшій братъ изъ тѣхъ молодыхъ господъ Нетелгорстовъ, съ которыми я учился, Эрнстъ, а меньшой братъ Отто въ Дерптѣ плацъ-маіоромъ. Мило было мнѣ слышать о сихъ старинныхъ своихъ сотоварищахъ въ ученіи, къ коимъ сердце мое привязано было какъ къ роднымъ.

Третій гость былъ нашъ лѣкарь, который, выздоровѣвши отъ своей болѣзни, пріѣзжалъ къ намъ навѣщать больныхъ нашихъ и просидѣлъ у меня весь вечеръ, и мы порадовались съ нимъ, что дочери моей было лучше, и она въ состояніи была уже ходить, а и мнѣ самому было сколько-нибудь получше прежняго, и больные въ моемъ домѣ вышли также изъ опасности, отчего всѣ мы были опять нѣсколько поспокойнѣе.

Въ послѣдующую за симъ ночь видѣлъ я сонъ, къ которому я давно уже примѣнился, и властно какъ удостовѣренъ былъ, что онъ даромъ не проходитъ, а что-нибудь въ тотъ день важное и такое будетъ, что приведетъ меня въ заботу и безпокойство. Видѣлъ я золото и нѣсколько червонцевъ, а всегда какъ ни случалось мнѣ видать во снѣ деньги, а особливо золотыя, сіе бывало. И сонъ мой дѣйствительно не солгалъ. Было цѣлыхъ три или четыре проишествія, меня весьма озаботившихъ и смутившихъ, а именно:

По-утру привезли ко мнѣ изъ Тулы отъ одного знакомаго мнѣ дьячка письмо съ неожидаемымъ предложеніемъ новаго сватовства за дочь мою Елисавету. Нѣкто г. Еропкинъ намѣренъ былъ предпринимать сіе дѣло и быть къ намъ либо въ тотъ же самый день, либо 5 февраля. Но какъ было за нимъ только 75 душъ, а притомъ былъ онъ человѣкъ намъ неизвѣстный, то все сіе и не весьма насъ льстило и не привязывало къ нему. «Богу извѣстно, говорилъ я себѣ, что съ этою дѣвкою наконецъ будетъ, число жениховъ часъ-отъ-часу пріумножается! Вотъ уже болѣе 20 ихъ по сіе время, а ни одинъ изъ нихъ слишкомъ для насъ лестенъ. За кого-то ей, бѣдняжкѣ, попасть и какого-то жениха изберетъ ей Промыслъ Господень, Которому поручена отъ меня судьба ея». Сіе было первое обстоятельство важное и меня озаботившее.

Второе было то, что получилъ я еще письмо отъ г. Давыдова, писанное болѣе нежели за недѣлю и лежавшее долго въ Тулѣ, въ которомъ писано было ко мнѣ, чтобъ отпустить взаймы намѣстни-

кову секретарю г. Пахнутьеву 60 четвертей хлѣба. Прочитавъ сіе и пожавъ плечами, воздохнувъ, сказалъ я: «Господи! долго ли это будетъ! и какъ ты изволишь? Намѣстникъ повелѣваетъ ордеромъ никому не давать, а сей давать приказываетъ! Кого слушаться? Дать — бѣды отъ намѣстника, а не дать—навлечешь на себя досаду и гнѣвъ отъ Давыдова, а сдѣлаешь себѣ врагомъ и Пахнутьева!» Поговоря и погорюя симъ образомъ, долго не зналъ и не соображался я съ мыслями, что̀ дѣлать. Къ вящшему смущенію, можно было предвидѣть, что хлѣбъ сей пропадетъ, а что̀ того хуже, то за хлѣбомъ симъ пригнаны были уже и нанятыя подводы. Подумалъ, подумалъ и на страхъ велѣлъ отпустить: по крайней мѣрѣ, думалъ я, количество не весьма велико, и въ крайней нуждѣ можно хлѣбъ сей и своимъ замѣнить!

Третье безпокойство было слѣдующее. Сыну моему было хотя уже гораздо легче, и онъ въ состояніи былъ побывать и посидѣть у меня и учился ходить самъ уже по себѣ, но что-то онъ въ сей день отмѣнно грустилъ и отзывался сестрѣ, что лучше-бъ желалъ смерти и прочее тому подобное, досадовалъ на все, а ввечеру жаловался на грудь и что ему дыханіе тяжело. Все сіе удивляло и смущало меня до чрезвычайности. И я раскаявался уже, что показывалъ ему газеты, въ коихъ сообщенъ былъ списокъ выпущеннымъ изъ гвардіи, который его смутилъ и озабочивалъ о себѣ и о его несчастной службѣ, а болѣе подозрѣвалъ, что онъ въ сей день наѣлся слишкомъ много и что отягощеніе желудка было тому причиною, и боялся, чтобъ отъ того не сдѣлалось ему вреда.

Смущало также меня и состояніе дочери моей. Она хотя ходила и днемъ была весела, но къ вечеру что-то опять было ей не по себѣ, а сіе и доказывало, что она не совсѣмъ еще была здорова и не вышла изъ опасности.

Со всѣмъ тѣмъ, случилось въ сей день нѣчто и такое, что̀ произвело мнѣ и удовольствіе небольшое. Въ газетахъ увидѣлъ я, что книга моего сочиненія «Путеводитель», о которой такъ много я сожалѣлъ, почитая ее погибшею вмѣстѣ съ прочими конфискованными у Новикова, избавилась отъ сего пораженія и продается. Пріятно мнѣ было, что она не умерла, и что можетъ быть будетъ производить въ людяхъ пользу.

Наконецъ, надобно сказать, что и самого меня мысли о службѣ и чинѣ сына моего въ сей день весьма безпокоили и смущали. «Всѣ ожиданія мои, думалъ и говорилъ я, становятся тщетны; давно уже пора притти письмамъ изъ Петербурга, но ихъ и ничего нѣтъ. То, что̀ писалъ Давыдовъ, невѣроятно и подаетъ худую надежду. Ѣхать въ Москву еще нельзя, а въ Петербургъ совсѣмъ ужъ поздно. Не знаю, какъ и быть и что̀ дѣлать. Всѣ люди служатъ, а онъ дома; всѣ сержантами, а онъ каптенармусъ или еще ничто, къ тому-жъ еще и просрочилъ. Богу извѣстно, что̀ будетъ, а сплетеніе обстоятельствъ—странное и удивительное! Вся надежда остается у меня на одного Бога, но надежда и лучшая предъ всѣми! Его святая воля и буди со мною и съ нимъ».

Симъ образомъ дѣйствительно говорилъ тогда я, размышляя о семъ предметѣ, и размышленія сіи прерываются полученнымъ изъ Тулы увѣдомленіемъ, что намѣстникъ въ оную пріѣхалъ. Тогда впалъ я въ новую растройку мыслей, и не зналъ — ни то ѣхать къ нему, ни то нѣтъ; ни то проситься въ Петербургъ, ни то нѣтъ. Все какъ то не ладилось и не хорошо. «О, чѣмъ то все сіе, говорилъ я тогда, все сіе кончится и какое-то орудіе изберетъ Провидѣніе къ произведенію моего сына!» И вотъ что записалъ я въ самый сей день въ тогдашнемъ моемъ журналѣ:

«Объ особливомъ Божескомъ попеченіи обо мнѣ и о моемъ домѣ я не сомнѣваюсь. Тысяча примѣровъ доказываютъ мнѣ сіе, и недавно имѣлъ я новое и очевидное тому доказательство. Во время болѣзни нынѣшней сына моего, когда наиболѣе я смущался и огорчался неиз-

вѣстностью, дерзнулъ я опять полюбопытствовать и видѣть, что̀ скажетъ мнѣ Писаніе Святое, служившее мнѣ уже столь много разъ подпорою, утѣхою и наилучшимъ совѣтодателемъ. Вздыхая на небо, разогнулъ я библію и вотъ что открылось: Да не ревнуетъ сердце твое грѣшникомъ, но въ страсѣ Господнѣ буди весь день; аще бо соблюдеши я, будутъ ти внуци, и упованіе твое не отступитъ» *). Слова, поразившія меня благодарностію къ Богу и утѣшившія меня въ ту-жъ минуту (а нынѣ вижу, что предсказаніе сіе и сбылось дѣйствительно, и двѣнадцать человѣкъ внучатъ, происшедшихъ отъ сына и дочери моей, коими я при старости своей по милости Господней утѣшаюсь, служатъ довольнымъ свидѣтельствомъ тому). «А таковое-жъ дерзновеніе (далѣе написалъ я тогда) и учинилъ я и въ сей день, лыбопытствуя узнать чѣмъ дѣло петербургское кончится и вскрылись слѣдующіе стихи: Видите очима вашими, яко мало трудихся и обрѣтохъ... да возвеселится душа ваша въ милости его и не постыдится въ хваленіи его. Богу извѣстно, что̀ сіи слова значатъ, сказалъ я тогда, а изъ послѣдствія окажется, что и они, какъ обрѣзали, сказали быть имѣющее.

Въ послѣдующій за симъ день было сыну моему того еще лучше. Онъ въ состояніи былъ самъ себѣ прохаживаться о палочкѣ и побрюнчать на скрипицѣ своей, на которой онъ, учась у капельмейстера нашего, игралъ изрядпёховько. Пріятна мнѣ весьма была сія, оттого что слышалъ ее опять отъ сына; но къ вечеру опять-было насъ потревожилъ, сталъ жаловаться на голову, и былъ маленькій жаръ; но уснулъ, и прошло. Напротивъ того, дочь моя выздоравливала худо, и я боялся, чтобъ не сдѣлалось чего продолжительнаго.

Впрочемъ, весь сей день смущался я мыслями о ѣздѣ въ Тулу, и не могъ рѣшиться — ѣхать ли туда самому, или не ѣхать. Звать меня не звали, а самому ежели ѣхать — такъ боялся, чтобъ не раскведить Давыдова. И какъ я не сомнѣвался, что и при семъ случаѣ не преминутъ злодѣи чего-нибудь намутить на меня намѣстнику, но, по обыкновенію моему, препоручалъ защищеніе себя единому Богу, ибо самъ не въ силахъ былъ имъ противоборствовать, и тѣмъ паче, что ненавистники сіи были тайные и мнѣ неизвѣстные. Въ сихъ расположеніяхъ расположился я дожидаться утренней почты и не будетъ ли чего съ нею.

Наконецъ пришла и почта, но все ожиданіе мое писемъ изъ Петербурга было тщетное: не было никакого слуха. Сіе смущало и меня, и всѣхъ насъ. Я писалъ уже и къ г. Верещагину, хотѣвшему писать о томъ же въ Петербургъ, и спрашивалъ, не получилъ ли онъ чего и съ любопытствомъ ожидалъ отвѣта.

Не менѣе продолжала смущать и безпокоить насъ и ѣзда московская. Надлежало ѣхать, а ѣхать, за сыномъ, нельзя было: выздоравливалъ онъ весьма худо. Въ сей день могъ онъ хотя самъ о себѣ ходить, но ввечеру очень жаловался на грудь, такъ что мы принуждены были парить ее байкою, и боялись, чтобъ не вышло изъ того дурныхъ послѣдствій. Итакъ, чтобъ съ собою брать его, о томъ и помышлять было не можно, хотя ѣхать ему туда чрезвычайно хотѣлось, а и дома покинуть было не съ кѣмъ; заключали напередъ, что онъ пропадетъ отъ скуки, ибо видѣли, что онъ и безъ того все грустилъ и воздыхалъ, а по всему тому и не знали мы всѣ, что̀ съ нашею ѣздою будетъ. Кромѣ сего огорчало насъ много и то, что болѣзни не переставали размножаться у насъ въ домѣ. Въ самый этотъ день занемогли у насъ вдругъ оба портные. Сіе также наводило сумнѣніе о ѣздѣ. «Не устать выѣхать, говорили мы между собою, но что̀ если на дорогѣ или тамъ занемогутъ люди, или кто изъ насъ самихъ». И сердце замирало и отъ одного помышленія о томъ. Словомъ, насъ равно какъ нѣкая невидимая рука отводила

*) Притчи Соломона, гл. 23, ст. 17.

отъ московской поѣздки. Самая дочь наша не совсѣмъ была еще здорова, а гостья наша г-жа Челищева, сбиравшаяся ѣхать съ нами въ Москву вмѣстѣ, совсѣмъ-было слегла, и мы опасались, чтобъ она не залежала.

Единую отраду производила намъ въ сей день полученная въ первый разъ большая кипа газетъ, въ числѣ которыхъ были, въ первой еще разъ отъ роду, и французскія, извѣстныя подъ названіемъ «Куріе де-барень». Я выписалъ ихъ наиболѣе для сына, а онъ читалъ ихъ съ великимъ удовольствіемъ; «Ерлангскія» же выписаны были болѣе для лѣкаря, «Гамбургскія» для себя, а русскія для всѣхъ. Никогда я такъ много разныхъ газетъ не выписывалъ, какъ въ сей годъ, и признаюсь, что промоталъ на нихъ не мало денегъ, хотя были онѣ далеко не такъ дороги, какъ нынѣ, но я клалъ это вмѣсто проигрыша въ карты.

Наконецъ насталъ и послѣдній день генваря мѣсяца. Въ оный съ крайнимъ любопытствомъ дожидался я возвращенія отправленнаго за день до того нарочнаго въ Тулу съ живыми зайцами и куропатками къ г. Давыдову, а болѣе для того, не получу ли я съ нимъ какихъ повелѣній и писемъ. Онъ пріѣхалъ, но не привезъ мнѣ ничего, кромѣ извѣстій малозначущихъ и, между прочимъ, что намѣстникъ чрезъ день послѣ того хотѣлъ уже выѣхать. Слѣдовательно, мнѣ ѣхать къ нему было уже некогда, а г. Давыдовъ хотѣлъ самъ ѣхать въ Москву; Верещагина же не нашли; но я доволенъ былъ, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что въ разсужденіи меня было все спокойно.

Сыну моему было лучше вчерашняго. Одна только небольшая одышка при говореніи и сдѣлавшаяся ввечеру въ груди опять жестокая боль насъ всѣхъ перетревожила; но и та прошла скоро. Напротивъ того, самъ я былъ не очень здоровъ: съ самаго утра все ноили у меня ноги, и какъ всѣ тогдашніе больные сначала болѣли ногами, то сіе меня устрашало; а ввечеру вдругъ заболѣло у меня горло и такъ сильно, какъ никогда еще не баливало, и я не могъ даже ужинать и ѣсть ничего. Итакъ, озаботясь тѣмъ, ну-ка я скорѣе отыскивать свои декокты отъ простуды и отъ горла и лѣчиться ими, въ безсомнѣнной надеждѣ, что они мнѣ помогутъ.

Симъ образомъ кончился первый мѣсяцъ сего года, который по всѣмъ отношеніямъ былъ для нась крайне безпокойный и преисполненный многими непріятностями. А что происходило въ послѣдующемъ за симъ, о томъ узнаете вы изъ письма будущаго, а теперешнее дозвольте мнѣ на семъ мѣстѣ кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и проч.

(Декабря 14-го дня 1810 года).

МОСКВА.

Письмо 235.

Любезный пріятель! «Прошедшій первый мѣсяцъ сего года, сказалъ я, вставши по-утру въ первый день февраля мѣсяца, былъ для меня не очень хорошъ, каковъ-то будетъ нынѣшній, и не перемѣнятся ли сцены и обстоятельства». Они и дѣйствительно перемѣнились, какъ вы то впослѣдствіи услышите. А теперь скажу, что, начиная провождать оный, находился я, со всѣми домашними моими, въ разстроенныхъ мысляхъ. Произошли съ нами все неожидаемости превеликія. Мы надѣялись быть около сего времени давно уже въ Москвѣ, или я думалъ о себѣ, что буду въ Петербургѣ, но не то вышло. Прежде упомянутая, нечаянная болѣзнь сына моего сдѣлала превеликую черту въ планѣ нашихъ намѣреній и расположеніевъ. За него принуждены мы были весь мѣсяцъ просидѣть дома и не помышлять о Москвѣ; а не знали и при началѣ сего точно, поѣдемъ ли мы туда, или нѣтъ. Сынъ мой еще худо оправлялся, и я того и смотрѣлъ, чтобъ не сдѣлалось рецидива; дочь также не очень была здорова; я самъ всякій день опасался, чтобъ не занемочь. Повсюду свирѣпствовали болѣзни разныя и болѣе все горячки; у самого меня въ домѣ было

множество больныхъ, и они всякій день умножались. И при такихъ обстоятельствахъ, какъ можно было помышлять о ѣздѣ! Со всѣмъ тѣмъ, ѣзда сія у жены съ ума не сходила.

Въ разсужденіи производства сына моего въ сержанты и его отсрочки вышло также все не то, чего мы ожидали. Мы не сомнѣвались, что въ минувшій мѣсяцъ получимъ ему пашпортъ; но не то вышло: не было о томъ ни слуху, ни духу, ни послушанія, и я находился въ великой разстройкѣ мыслей по сему предмету.

Съ самою моею ѣздою въ Тулу не то вышло, чего я ожидалъ. Я не сомнѣвался, что какъ скоро намѣстникъ пріѣдетъ въ Тулу, меня тотчасъ къ себѣ позоветъ, или я самъ вѣрно къ нему поѣду и его увижу, но вышло не то. Обстоятельства такъ сплелись, что меня не позвали, а я самъ не разсудилъ за благо ѣхать, да и не зачѣмъ было, а къ тому-жъ, былъ и не очень здоровъ. Отъ самаго послѣдняго припадка хотя и помогли мнѣ мои декокты, но не совсѣмъ: боль въ горлѣ все еще я нѣсколько чувствовалъ. Словомъ, все почти шло на бокъ и превратно.

Со всѣмъ тѣмъ, судя по происшествіямъ, бывшимъ въ первый день февраля, льстился я надеждою, что сей мѣсяцъ будетъ для меня гораздо лучше прежняго; ласкало меня наиболѣе то, что я въ теченіе онаго имѣлъ многія удовольствія.

Во-первыхъ, радовался я тому, что сыну моему было въ сей день гораздо уже легче. Онъ могъ ходить самъ о себѣ, былъ у меня въ кабинетѣ; хотѣлъ-было уже начинать дѣла свои, не спалъ уже ввечеру, не имѣлъ боли въ груди и впервые надѣлъ сапоги. Словомъ, онъ сталъ выздоравливать совершенно, и мнѣ производило сіе удовольствіе превеликое

Во-вторыхъ, самому мнѣ было отъ горла гораздо легче, только что-то меня сокровеннѣйшимъ образомъ подирало по кожѣ; и какъ ввечеру опять въ горлѣ было нѣсколько больно, то пилъ я опять свой декоктъ и тѣмъ пособилъ себѣ.

Въ-третьихъ, оправилась дочь моя совершенно, а полегчѣло и одному портному; а другой не горячкою, а лихорадкою оказался болѣнъ. Самому мальчишкѣ, бывшему въ гошпиталѣ отчаянно больнымъ, полегчѣло, и все сіе случилось къ удовольствію моему.

Четвертое удовольствіе было то, что цѣлый вечеръ просидѣлъ у меня прежде бывшій нашъ уѣздный судья и мой любезный пріятель, г. Албычевъ, Алексѣй Андреяновичъ, человѣкъ, котораго я всегда искренно почиталъ и любилъ, и минуты, провожденныя съ нимъ, были для меня очень не скучны. Онъ пріѣзжалъ тогда въ городъ для нѣкоторыхъ дѣлъ къ зятю своему г. Дьякову, и который былъ съ нимъ у насъ тогда вмѣстѣ.

Пятое и наилучшее изъ всѣхъ удовольствіе имѣлъ я при упражненіи въ сей день въ новомъ и особомъ дѣлѣ, о которомъ разсказать мнѣ надобно обстоятельнѣе.

Уже давно, и еще въ минувшемъ году, около самого того-жъ времени, вознамѣрился я употреблять нѣкоторыя свободныя минуты на сочиненіе краткихъ размышленій при разныхъ случаяхъ, подражая нѣкоторымъ образомъ «Бесѣдамъ съ Богомъ». Я тогда же и записалъ уже разные предметы таковымъ мыслямъ, но какъ весь минувшій годъ былъ для меня суетливый и нехорошій, то не до того было, чтобъ за сіе приняться. Въ это же время пришло мнѣ опять сіе на мысль и возродилось тоже желаніе. Первымъ поводомъ было къ тому написаніе сокращеннѣйшей «Утренней Молитвы». Весьма давно собирался я таковую написать, но все не удавалось. Наконецъ, написалъ я ее; и какъ мнѣ не хотѣлось, чтобъ концептъ сей пропалъ, то въ этотъ день вздумалъ я переписать ее на-бѣло въ особливую тетрать, вознамѣриваясь вписывать въ нее всякаго рода и другія мелкія собственныя мои сочиненія. Не успѣлъ я учинить сіе начало, какъ оно,

полюбившись мнѣ, побудило меня продолжать оное далѣе. Мнѣ захотѣлось написать и еще что-нибудь, я и учинилъ то того же часа и сочинилъ подъ стать первой «Вечернюю» и такую-жъ краткую молитву и вписалъ ее туда же. Сынъ засталъ меня въ сей послѣдней работѣ, я показалъ ему ихъ. Ему они полюбились, а сіе подожгло еще болѣе желаніе мое и произвело то, что ввечеру, вмѣсто того чтобъ спать, сочинилъ я еще одну піесу, а именно «Чувствованія благодарности» въ такой день, въ который случится получить отъ Бога какую-нибудь новую милость. Теперь скажу и признáюсь искренно, что ни съ чѣмъ не можно сравнить того душевнаго удовольствія, какое можно имѣть при упражненіи въ таковыхъ сочиненіяхъ. Сердце возносится къ Богу и всѣ мысли занимаются онымъ и чистѣйшее удовольствіе наполняетъ всю душу. Наконецъ замѣчу, что самыя сіи три маленькія піесы со временемъ родили многія другія мелкія сочиненія, и число ихъ простирается теперь уже до 188, и что наполняется ими уже пятая книга.

Вотъ сколько удовольствій имѣлъ я въ тотъ день. Впрочемъ, ничего особливаго въ оный не произошло, кромѣ того, что князь городничій нашъ, сей потаенный врагъ и завистникъ мой, поскакалъ въ Тулу, куда давно онъ ѣхать къ намѣстнику собирался, но до сего времени не могъ получить дозволенія. Мы никакъ не знали, зачѣмъ онъ туда поѣхалъ, и подозрѣвали, не имѣлъ [ли] онъ намѣренія ковать опять противъ меня злые ковы и не сталъ бы опять мутить и клеветать по-прежнему. Но я успокоивалъ себя тою мыслію, что Господь, разрушавшій до того всѣ злые ковы враговъ моихъ и уничтожавшій всѣ ихъ замыслы и предпріятія, притупить можетъ и тогда всѣ стрѣлы, изощренныя на меня, и не предастъ меня въ руки враговъ моихъ!

Въ послѣдующій за симъ второй день февраля произошло съ нами также одно происшествіе, которое произвело всему дому моему и удовольствіе и вкупѣ привело насъ всѣхъ въ разстройку мыслей и такую нерѣшимость, что у насъ у всѣхъ былъ общій совѣтъ о томъ, что дѣлать. Но до того произошло еще слѣдующее.

По-утру не успѣлъ мой сынъ встать, какъ, чувствуя въ себѣ довольное облегченіе, къ удивленію моему, въ разговорахъ съ нами сталъ предназначать уже и день, когда бы намъ ѣхать въ Москву! Чудное нѣчто и удивительное происходило съ нами тогда въ разсужденіи ѣзды сей и намѣренія, до оной относящагося. Жена моя (и дочь) такъ-сказать спала и видѣла, чтобъ туда ѣхать; что-жъ касается до сына, то желаніе его къ тому было чрезмѣрное и какъ-то совсѣмъ необыкновенное и удивительное. Что принадлежало до меня, то я съ самаго начала зимы не чувствовалъ въ себѣ ни особливаго желанія туда ѣхать, но не чувствовалъ и нехотѣнія. Нужды, привлекавшія насъ въ сей столичный городъ, были мнѣ хотя столько-жъ извѣстны, сколько и женѣ, но меня не столько онѣ понуждали. Наиглавнѣйшая нужда состояла въ томъ, что у насъ былъ тамъ на примѣтѣ одинъ выгодный женихъ для нашей дочери. Былъ то упоминаемый мною уже впереди г. Хотяинцовъ, находившійся тогда въ Москвѣ; и всѣмъ нашимъ весьма хотѣлось, чтобъ онъ дочь мою видѣлъ и сіе дѣло совершилось. Но надобно сказать, что жениха сего никогда мы еще не видали, да и сватовства формальнаго никакова еще не было, а затѣила и клеила это дѣло родственница его, а наша пріятельница госпожа Челищева, и весь нашъ домъ плѣнялся однимъ только всеобщимъ слухомъ, что женихъ сей былъ весьма добрый человѣкъ, да и достатокъ имѣлъ изрядный. Впрочемъ, вѣрили мы однимъ только словамъ госпожи Челищевой въ томъ, что будто-бы онъ усердно желалъ дочь мою видѣть, но что одни только обстоятельства мѣшали ему быть до сего въ краяхъ нашихъ; а потому и предлагала она намъ и даже побуждала насъ къ тому, чтобъ ѣхать намъ для сведенія знакомства съ нимъ въ Москву, и бра-

лась ѣхать туда вмѣстѣ съ нами и поспѣшествовать сему дѣлу. Итакъ, сія была наша первая и наиглавнѣйшая надобность. Вторая и побочная состояла въ томъ, чтобъ намъ при семъ случаѣ, будучи въ Москвѣ, поучить меньшихъ нашихъ дочерей Ольгу и Катерину танцовать, къ чему въ Богородицкѣ не имѣли мы способа. Третья, чтобъ отдать намъ двухъ мальчиковъ учиться убирать волосы, заготовляя ихъ въ приданое дочерямъ нашимъ. Четвертая нужда состояла въ томъ, что женѣ моей хотѣлось какъ себѣ, такъ и дочери и сыну нашить платья. Пятая—чтобъ закупить и запастись годовою провизіею и кой-какими вещами, нужными для приданаго дочерняго. Шестая—чтобъ повеселиться московскими веселостями и посмотрѣть еще свѣта. А въ седьмыхъ, наконецъ, и мнѣ самому нужда была видѣться съ господиномъ Новиковымъ и съ нимъ счесться и получить съ него за журналъ свой деньги. Вотъ всѣ наши были нужды. Но признаться надобно, что всѣ онѣ были не самокрайнія и не самонеобходимыя; ибо, что касалось до жениха, то все дѣло составляло еще сущій фантомъ, и мы ѣхали не на достовѣрное и не на положенное; дочерей танцовать учить время еще не ушло, а и прочія нужды также были не слишкомъ важны. Но какъ для замышляемой петербургской ѣзды мнѣ быть и въ Москвѣ было надобно, то и полагалъ я, что въ нее и поѣду.

Но удивительное было дѣло, что отъ сей ѣзды до самаго тогдашняго времени такъ равно какъ бы нѣкая невидимая рука либо вовсе, либо на время отводила. Полагали сперва, чтобъ ѣхать туда по самому первому зимнему пути, и потому съ нетерпѣливостью дожидались снѣга, но вышло не то. Зима настала, но ѣхать мнѣ и отлучиться самовольно отъ волости, за отъѣздомъ намѣстника къ арміи и за отлучкою г. Давыдова, было нельзя. Пріѣхалъ сей, но остановилъ насъ упомянутый въ предслѣдующемъ письмѣ пріѣздъ его къ намъ для отдачи земель въ наемъ и прошло въ томъ недѣли двѣ или больше. Наконецъ не мѣшало повидимому уже ничто. Дѣла всѣ кончились. Я уже отпросился и получилъ дозволеніе. Всѣ мы хотимъ уже собираться и назначили даже день къ отъѣзду, но вдругъ опять и совсѣмъ неожидаемо невидимою рукою протянута чорная черта по всему нашему плану. Внѣдрились болѣзни въ домъ: занемогъ сынъ горячкою, и болѣзнь его прогоняетъ у насъ всѣ мысли о Москвѣ. Чудное по-истинѣ стеченіе обстоятельствъ, а что всего страннѣе, то я самъ равно какъ предчувствовалъ сіе, и мнѣ все какъ-то не очень хотѣлось ѣхать, и сдавалось такъ, что мы поѣдемъ не скоро. И какъ все сіе не уходило отъ моего вниманія, то, помышляя о томъ не одинъ разъ, дивился и не понималъ я, къ чему и на какой конецъ сплетались такъ обстоятельства и къ чему вела насъ судьба Господня.

Но не успѣло сыну моему нѣсколько полегчѣть, какъ у жены и дочери моей возродились опять мысли о Москвѣ. Онѣ помышляли о томъ денно-и-ночно, но не знали, что дѣлать съ сыномъ, котораго слабость никакъ не дозволяла и помыслить еще о томъ, чтобъ его вскорѣ везть было можно. Думали, чтобъ его оставить дома, но о томъ также и помыслить боялись. Самъ онъ толикое желаніе изъявлялъ ѣхать въ Москву, что одна мысль о ѣздѣ туда подкрѣпляла его силы, а помышленія о нескорой ѣздѣ наводили ему тоску, грусть и болѣзнь его поддерживали. При сихъ обстоятельствахъ не знали онѣ, что дѣлать, и были долгое время въ нерѣшимости. Ѣхать вскорѣ всѣмъ нельзя было, а время уходило. Словомъ, обстоятельства сплетались такъ, что жена моя хотѣла уже предпринимать то, чего бы она въ иное время ни изъ чего не сдѣлала, а именно: чтобъ ѣхать ей съ дочерьми напередъ одной, а меня-бъ покинуть на нѣсколько времени, дожидаться покуда сынъ обможется, и чтобъ намъ вмѣстѣ съ нимъ ѣхать послѣ.

Странное по-истинѣ и нѣсколько лег-

комысленное предпріятіе и такая затѣя, которой не могъ я довольно надивиться, ибо надобно знать, что все сіе дѣлалось безъ моего въ томъ соучастія. Я же на все сіе смотрѣлъ хладнокровно, ибо неизвѣстность времени окончанія сыновней болѣзни не дозволяла мнѣ ни о чемъ еще думать.

Со всѣмъ тѣмъ, у жены моей и дочери положено было уже сіе на мѣрѣ. Самый больной сынъ мой присоединился къ сему ихъ замыслу и плану и, что удивительнѣе всего то, поспѣшая сею ѣздою, назначивалъ, какъ выше упомянуто, уже и самый день къ отъѣзду, а именно, чтобъ женѣ моей ѣхать 5-го, а намъ бы съ нимъ 8-го февраля. И какъ до 5-го числа оставалось только два дня, то, вставши въ тотъ день, дивился и говорилъ, для чего мать уже не собирается въ путь. Но какъ начали говорить, что слабость его еще слишкомъ велика, что женѣ ѣхать бы развѣ 8-го, а намъ съ нимъ около 15-го числа того мѣсяца, то небольшая сія отсрочка въ состояніи была его такъ встревожить, что онъ даже осердился и во весь тотъ день былъ какъ въ воду опущенный, и несравненно хуже, нежели въ предшедшій день: былъ слабъ, не веселъ, ничего не говорилъ и не помышлялъ о любезной своей скрипицѣ и, сколько можно было заключать, все досадовалъ и грустилъ, но стараясь, однакожъ, все сіе скрывать и отъ насъ утаивать, ибо за сіе грущеніе была ему отъ насъ уже не одинъ разъ гонка и тазанье.

Все сіе продолжалось до самаго почти вечера. Всѣ наши старанія о томъ, чтобъ его развеселить, были тщетны. Наконецъ, полученное передъ вечеромъ письмо изъ Москвы отъ поѣхавшихъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ туда господъ Алабиныхъ, его нѣсколько поразвеселило или, по крайней мѣрѣ, разогнало и разсѣяло смутныя его мысли. Но самое письмо сіе произвело и самую ту тревогу во всемъ нашемъ семействѣ, о которой я упоминалъ выше и ввергло насъ въ превеликое нестроеніе и нерѣшимость, что дѣлать.

Дѣло состояло въ слѣдующемъ. Семьянинки мои, столько-жъ озабочиваясь и безпокоясь тѣмъ, сколько и я, что производство сына моего въ сержанты ни шло, ни ѣхало и что всѣ просьбы и старанія не успѣвали и выходили одни только проводы, безъ вѣдома моего, и не сказавъ мнѣ ничего, просили старшую дочь госпожи Алабиной, Настасью Тимоѳеевну, чтобъ она отписала въ Петербургъ къ находившемуся тогда тамъ ея брату и попросила его освѣдомиться и узнать, можно ли сдѣлать, чтобъ сыну моему получить сержантскій чинъ чрезъ деньги, а при отъѣздѣ ея съ меньшою ея сестрою въ Москву просили ея, что ежели будетъ оттуда какой отвѣтъ, то увѣдомила-бъ насъ поскорѣе. Сія и не преминула обѣ сіи просьбы выполнить. И какъ, пріѣхавъ въ Москву, получила отъ брата письмо, то и увѣдомляла насъ, что братъ къ ней пишетъ, что онъ со многими тамъ совѣтовалъ и всѣ говорятъ, что въ тогдашнее время по просьбамъ чины получать трудно, а за деньги всего легче, и что ежели мы на то рѣшимся, то онъ охотно принимаетъ на себя трудъ и, при помощи милостивцевъ своихъ, надѣется это сдѣлать и можетъ быть рублей за 300, однако, для всякаго случая надобно бы послать къ нему 500 рублей.

Извѣстіе сіе всѣхъ насъ съ одной стороны обрадовало, а съ другой—привело въ нерѣшимость. Я давно желалъ, чтобъ можно было сіе сдѣлать за деньги и о пожертвованіи для сего 500 рублей и слова не говорилъ, но охотно хотѣлъ ихъ потерять для сына. Но былъ тогда вопросъ: посылать ли ихъ тогда, или нѣтъ. Дѣло было не совсѣмъ еще достовѣрное. Братъ помянутой дѣвицы былъ намъ хотя весьма знакомъ и не мотъ, однако, человѣкъ весьма еще молодой и только-что выпущенный изъ гвардіи въ капитаны и которому самому деньги были весьма надобны. Упоминаемые имъ милостивцы были князья Волконскіе, сущіе

моты и картежники и въ долгахъ по шею. Они хотя-бъ и могли сіе сдѣлать, но ничего неизвѣстно еще было достовѣрнаго. Они заключали только, что можно, а ни съ кѣмъ еще не было о томъ говорено и никакого не было еще основанія. Сія недостовѣрность приводила насъ въ превеликое сомнѣніе. Всѣ мы опасались, чтобъ употребляемымъ до сего отъ разныхъ людей просьбамъ не сдѣлало-бъ сіе послѣднее средство помѣшательства. Сверхъ того, мы не достовѣрно еще знали, что всѣ сіи просьбы остались тщетными, но имѣли причины сколько-нибудь еще ласкаться надеждою. На послѣднее письмо, посланное отъ Марьи Юрьевной къ г. Маркову некогда еще было приттить отвѣту, а ожидать еще надлежало онаго съ первою почтою. Съ стороны же г. Давыдова писано было только за нѣсколько дней до того о увѣдомленіи его изъ Петербурга, что чинъ сержантскій сыну моему доставленъ будетъ скоро. Все сіе могло быть пустое и изо-всего могло не выттить ничего, но легко могло быть и правда. И можно было думать, что онъ уже около сего времени и произведенъ и что везутъ уже и пашпортъ. Итакъ, чтобъ въ семъ случаѣ не послать денегъ въ Петербургъ по напрасну и чтобъ въ семъ случаѣ не дали имъ тамъ уха: всѣ тамъ были молодцы молодые и не совсѣмъ надежные! Сумма же была не такъ мала, чтобъ ею можно было швыряться и на такую неизвѣстность рисковать ею. Весьма легко могли-бъ они всю ее въ таковомъ случаѣ истратить на свои надобности, а тогда — кланяйся имъ, дожидайся многіе годы и отчаявайся въ полученіи обратномъ!

Сіе-то обстоятельство приводило всѣхъ насъ въ разстройку мыслей. Мы учинили тогда всеобщій консиліумъ. Матушка, теща, жена, я, сынъ и дочь участвовали въ семъ совѣтѣ и трактовали цѣлый вечеръ это дѣло. Множество было говорено и разсуждаемо. Но наконецъ всѣхъ мнѣнія были въ томъ согласны, что деньги посылать опасно, и всѣ совѣтовали, чтобъ не посылать, а сдѣлать такъ, какъ я думалъ и предполагалъ, чтобъ писать мнѣ къ племяннику своему Михайлѣ Васильевичу Неклюдову, чтобъ въ случаѣ нужды снабдилъ онъ Алабина сими деньгами, то есть, когда узнаютъ, что сынъ мой еще не пожалованъ и когда оснуютъ уже дѣло, а я бы переслалъ уже ихъ тогда къ нему, а къ г. Алабину писать бы, чтобъ онъ начиналъ дѣло и деньги получалъ отъ онаго.

Сіе казалось всѣмъ намъ наилучшимъ способомъ, однако и съ симъ не остались мы совершенно спокойными. Мысли, что легко статься можетъ, что племянника моего на то время въ Петербургѣ не случится, и что легко статься можетъ, что денегъ у него столько въ готовности быть не можетъ, тревожили насъ очень, и мы боялись, чтобъ самымъ тѣмъ не испортить всего дѣла и чтобъ не почли намъ то въ скупость и излишнюю недовѣрчивость и не бросили-бъ всего дѣла. Однако, рѣшились положиться на власть Божескую и смотрѣть что̀ учинить Его святой волѣ будетъ угодно.

Впрочемъ, я самъ въ здоровьѣ своемъ столько въ сей день поправился, что въ состояніи былъ выѣзжать со двора къ тогдашнему нашему уѣздному судьѣ г. Дьякову въ гости. У него нашелъ я новаго своего [знакомца] г. Шахова, съ которымъ съ удовольствіемъ провели мы весь вечеръ и ни о чемъ почти болѣе не говорили, какъ о князѣ Потемкинѣ, о семъ великомъ вельможѣ тогдашняго времени, ворочившемъ всѣмъ государствомъ, приводившемъ все оное въ удивленіе собою и, какъ казалось, родившемся на сущій вредъ оному; о человѣкѣ, который ненавидѣлъ все свое отечество и причинялъ ему неизреченный вредъ и несмѣтные убытки алчностію своею къ богатству и отъ котораго и впередъ ничего ожидать было не можно, кромѣ вреда и пагубы. Все государство обрадовалось было незадолго до того, по случаю разнесшейся молвы, что пришелъ онъ въ немилость у Императрицы. Однако, оказалось, что онъ опять все превозмогъ и

тогда командовалъ по-прежнему всею арміею и продолжалъ по-прежнему дурить, обжираться и дѣлать проказы, ни мало съ такимъ саномъ несообразныя. Мы дивились тогда и не знали, что съ симъ человѣкомъ наконецъ будетъ и чѣмъ кончится его пышность и величіе.

Какъ въ слѣдующій за симъ третій день февраля отходила изъ Богородицка московская почта, то надлежало намъ уже рѣшиться, что дѣлать и посылать ли въ Петербургъ деньги, или нѣтъ. Весь почти сей день провели мы въ писаніи туда писемъ. Я не успѣлъ встать, какъ принялся за сочиненіе на-черно письма, но все оное, каково ни велико было, не годилось. Надлежало сочинять другое, а тамъ третье и оба переписывать на-бѣло. Письмы были превеликія. Писать необходимо надобно было самому мнѣ и спѣшить, а притомъ въ каждую минуту опасаться, чтобъ не заѣхалъ г. Сахаровъ, котораго въ сей день въ Богородицкѣ дожидались и которому быть у меня было надобно. Ни въ которое время былъ бы я сему гостю такъ много не радъ, какъ тогда, еслибъ онъ заѣхалъ и мнѣ писать помѣшалъ. Для меня была тогда каждая минута дорога. Почтмейстеръ приказывалъ ко мнѣ то-и-дѣло, чтобъ я поспѣшалъ. Наконецъ, одинъ гость ко мнѣ и заѣхалъ, но, по счастію, во время самаго уже запечатыванія писемъ, а притомъ любезный человѣкъ и мой другъ г. Шушеринъ, и который не могъ мнѣ сдѣлать дальней остановки и помѣшательства. А такимъ образомъ я дѣло свое и кончилъ, и отправилъ корабль на произволъ судьбы на воду.

Содержаніе писемъ моихъ было сообразно съ принятымъ нашимъ въ предслѣдовавшій вечеръ намѣреніемъ. Мы денегъ не послали, а писали къ г. Алабину, чтобъ получилъ онъ ихъ отъ г. Неклюдова, а сего просили, чтобъ онъ ему ихъ далъ, и буде своихъ нѣтъ, то хотя-бъ занялъ за какія-бъ то проценты ни было; буде же нѣтъ г. Неклюдова въ Петербургѣ, то писалъ бы г. Алабинъ уже скорѣе ко мнѣ и подождалъ бы уже присылки, ибо деньги были готовы.

Сыну моему въ сей день было гораздо лучше. Онъ въ состояніи былъ уже нѣсколько писать и былъ при сочиненіи письма моего наилучшимъ моимъ совѣтникомъ, и тѣмъ паче, что дѣло сіе до него касалось. Впрочемъ, хотя онъ наружно и ничего мнѣ не оказывалъ, однако, я зналъ стороною, что душа его находилась въ смущеніи и безпокойствѣ. Сего я и ожидалъ по поводу употребленной мною къ пользѣ его и уничтоженію его грусти особой и мнѣ очень хорошо удавшейся хитрости, чрезъ которую и достигъ я до того, что онъ съ того времени казался быть спокойнѣе.

Впрочемъ, какъ г. Шушеринъ, пріѣхавшій тогда къ намъ изъ своей деревни, у насъ тогда ужиналъ и ночевалъ, то провели мы съ нимъ вечеръ тотъ очень весело и наиболѣе въ разговорахъ о нашемъ городничемъ-князѣ, и о послѣднемъ его поступкѣ при случаѣ крестинъ дочернихъ. Онъ столько-жъ не могъ надивиться тому, какъ и мы, что онъ не удостоилъ никого приглашеніемъ на обѣдъ сей, хотя ко всѣмъ присылалъ сказывать о родинахъ и всѣ отвезли къ нему, по обыкновенію, рубли свои; а того еще болѣе не могъ онъ надивиться г. Арсеньеву, что онъ далъ себя сему грузину одурачить и довесть до того, что онъ прежнихъ друзей своихъ оставилъ, промѣнявъ на него, и признавался потомъ, что онъ нѣкогда былъ въ его когтяхъ, но узналъ уже послѣ, сколь человѣкъ сей дуренъ и опасенъ.

Въ наставшій послѣ сего день сыну моему было уже столь легко, что ему можно было считать себя отъ болѣзни своей освободившимся. Онъ вступилъ во всѣ прежнія свои дѣла и осталась въ немъ одна только слабость. За все сіе приносилъ я Богу моему тысячакратныя благодаренія и, болѣе по сему случаю, написалъ чувствованія благодарности, которыя переписалъ я на-бѣло.

Кромѣ сего, достопамятенъ былъ сей день преужасною, страшною и опасною

мятелью, бывшею въ оной. Снѣговъ въ сію зиму было и безъ того очень много, а въ этотъ день пріумножилось еще того болѣе и навалило столько, что нигдѣ не было ни проходу, ни проѣзду. Смѣшно было это: дочерямъ моимъ вздумалось съѣздить во флигель къ г-жѣ Петровой; но не успѣли выѣхать, какъ лошади посреди площади такъ увязли въ снѣгъ, что на-силу ихъ отрыли. Гость мой принужденъ былъ пробыть у насъ, за мятелью сею, во весь тотъ день, и хорошо сдѣлалъ, что не поѣхалъ, ибо мятель была смертоносная и пагубная для многихъ.

Какъ сыну моему отъ-часу становилось лучше, то наутріе жена моя, послѣдуя первому своему намѣренію, начала уже въ Москву ѣхать собираться и все нужное укладывать, и какъ къ отъѣзду назначено было 8-е число, то мы въ этотъ день отправили въ Москву напередъ для пріисканія себѣ квартиры, а въ разсужденіи меня соглашенось было, чтобъ намъ съ сыномъ остаться еще на недѣлю, а потомъ ѣхать за ними.

Въ самый этотъ день заѣзжалъ къ намъ ѣдущій изъ Москвы родственникъ нашъ г. Крюковъ и насказалъ намъ о Москвѣ множество разныхъ вѣстей и, между прочимъ, что никогда еще она такъ не мотала и съ ума не сходила, какъ въ это время. Но важнѣйшія вѣсти были тѣ, что будто-бъ Императрица наша стала очень слаба, и боялись, чтобъ не кончила она скоро своей жизни. Сіе извѣстіе заставило и меня нѣсколько думать, ибо всѣ мы не сомнѣвались, что при перемѣнѣ правительства произойдетъ и съ нашими волостьми неминуемо перемѣна, съ чѣмъ натурально сопряжена будетъ и перемѣна и со всѣми моими обстоятельствами.

Какъ наутріе былъ у насъ почтовый день, то дожидались мы опять почты съ нетерпѣливостію: «авось-либо въ сей разъ получимъ мы что нибудь изъ Петербурга», думали и говорили мы всѣ. Но почта насъ только промучила, а не привезла и въ сей разъ къ намъ ничего, и не было ни слуху, ни духу, ни послушанія. Мы весь сей день были съ людьми: пріѣзжали къ намъ въ гости то тотъ, то другой но изъ всѣхъ ихъ всѣхъ пріятнѣй былъ для меня г. Хомяковъ, Иванъ Васильевичъ. Сей человѣкъ дѣлался отъ-часу ко мнѣ благопріятнѣйшимъ, и я дружелюбіемъ его былъ весьма доволенъ. Между прочимъ, сказывалъ онъ мнѣ, что, онъ, бывши въ Тулѣ, по случаю говорилъ о сынѣ моемъ съ г. Веницеевымъ, и что сей отзывался, что сожалѣетъ, что я съ нимъ о томъ не говорилъ, а то бы поглядѣлъ онъ, не можноль-бы сдѣлать того ему, либо чрезъ г. Попова у князя Потемкина, либо чрезъ петербургскихъ за деньги, или просто. И г. Хомяковъ совѣтовалъ мнѣ не упускать сего случая и, будучи въ Тулѣ, повидаться съ онымъ. Сіе открывало мнѣ хотя новый каналъ, но мнѣ не весьма хотѣлось быть обязаннымъ господину Веницееву.

Сынъ мой въ этотъ день чуть-было опять не занемогъ: сдѣлалась дурнота, ежеминутное рыганіе, небольшая головная боль и волненіе въ крови. Всѣ мы невѣдомо какъ тѣмъ перепугались, опасаясь, чтобъ не сдѣлалось рецидива. Но какъ я заключалъ, что произошло сіе отъ того, что, при возвратившемся аппетитѣ, не поберегъ онъ себя и слишкомъ наѣлся, то тотчасъ взялъ я прибѣжище къ своему неоцѣненному енкритному камню, который тотчасъ и унялъ отрыжку, а Шталевъ порошокъ — волненіе въ крови, и сыну моему къ вечеру полегчѣло.

Въ наступившій за симъ день домашніе мои убирались уже къ отъѣзду въ Москву и укладывались, а передъ вечеромъ ѣздили прощаться къ г. Дьякову, казначею и городничему. Я выѣзжалъ съ ними и не могъ довольно надивиться ужаснымъ снѣгамъ и сугробамъ, за коими нигдѣ не было ни прохода, ни проѣзда. Князь поступилъ въ сей разъ по-княжески: не удостоилъ насъ напоить и чаемъ, поелику онъ уже напился и мы не застали онаго.

Наконецъ, настало 8-е число, назна-

ченное къ отъѣзду. И какъ все было уже готово и укладено, то хотя погода была и не очень хороша, но за нею откладывать не стали. Но по-утру, распрощавшись съ нами, всѣ мои домашніе, кромѣ матушки и сына моего, отправились въ свой путь на пяти повозкахъ. Съ ними поѣхала и Аграфена Михайловна Челищева.

Такимъ образомъ остались мы только трое дома, и изъ дѣтей никого, кромѣ сына. Всѣ поѣхавшія въ путь намѣрены были обѣдать въ Дѣдиловѣ, а ночевать поспѣть въ Тулу, но мы сумнѣвались, что имъ сіе можно было. Не успѣли онѣ выѣхать, какъ погода усилилась и сдѣлалась престрашная кура и такая вьюга, какая рѣдко бываетъ. Мы тужили уже, что онѣ поѣхали и за вѣрное почти полагали, что они далѣе Дѣдилова не поѣдутъ и тутъ ночуютъ, и хорошо-бъ было, еслибо они сіе сдѣлали, ибо стужа была такъ велика, что мы съ сыномъ во всѣхъ хоромахъ не находили мѣста для себя и цѣлый день проносили съ мѣста на мѣсто столъ свой и наконецъ принуждены были поселиться съ нимъ въ спальнѣ подлѣ печки, ибо она одна была теплѣе и спокойнѣе прочихъ, но и у ней всѣ окна отъ сѣвера занесло такъ высоко снѣгомъ, какъ никогда не бывало. Марья Юрьевна и Гурковъ помогли намъ проводить вечеръ, а послѣдній и ночевалъ съ нами.

Скука наша продолжалась и въ послѣдующій за симъ день. Мы во весь оный пробыли почти одни дома, и оба съ оправившимся уже совсѣмъ сыномъ занимались кое-какими дѣлами, я — располаганіемъ заготовленныхъ піесъ для «Магазина», а Павелъ мой занимался разборомъ книгъ и выписываніемъ изъ каталоговъ тѣхъ, которыя хотѣлось намъ взять у Ридигера, для читанія въ Москвѣ. О путешествующихъ нашихъ не было между тѣмъ никакова слуха, и мы заботились тѣмъ, что ѣхать имъ очень дурно: погода была такая-жъ вѣтряная и морозъ прелютый. Мы опять не находили себѣ нигдѣ мѣста, и я сидѣлъ уже въ дѣтской, ибо тамъ было теплѣе.

Въ таковой же скукѣ провели мы и 10-е число. Вѣтръ не переставалъ быть тотъ же и выгналъ насъ совсѣмъ изъ нашего края. Въ сей день на-силу нашелъ себѣ мѣсто въ спальнѣ, но и тамъ угорѣлъ; днемъ сидѣлъ въ залѣ, но и тамъ все несло въ двери, а ввечеру усѣлся уже въ передспальнѣ въ уголку, но скоро задремалъ. Словомъ, весь сей день былъ скученъ. Я писалъ въ Москву къ женѣ письмо, описывалъ ей наше житье-бытье и тужилъ объ нихъ и о Дѣдиловскомъ офицерѣ г. Таубе, о которомъ сказывали намъ, что онъ умеръ скоропостижно. Павлу моему въ сіе время было такъ уже легко, что онъ въ состояніи былъ проѣзжаться въ каретѣ, и я имѣлъ удовольствіе видѣть его опять на дворѣ.

По наступленіи слѣдующаго за симъ дня, имѣли мы удовольствіе услышать о нашихъ дорожныхъ. Съ возвратившимися изъ Тулы людьми, получили мы отъ нихъ письмо и узнали, что онѣ, не смотря на всю жестокую мятель и непогоду, въ тотъ же день доѣхали до Тулы благополучно. Поспѣшествовала къ тому наиболѣе смерть г. Таубе, у котораго въ Дѣдиловѣ хотѣли онѣ обѣдать. И странное случись: онѣ, пріѣхавши въ Дѣдиловъ, посылаютъ провѣдать, дома-ли Иванъ Михайловичъ, а имъ, вмѣсто того, идущій къ нимъ солдатъ сказываетъ, что онъ въ самый тотъ часъ отправился въ вѣчность. Легко можно заключить, что извѣстіе сіе ихъ очень поразило. Онѣ не стали уже для того долго въ Дѣдиловѣ медлить, но, покормивъ немного лошадей, отправились въ Тулу, но ѣхать имъ было весьма трудно и дурно. Дорогу всю занесло, а стужа и мятель превеликая и такая, что вездѣ многихъ людей погубила. Самимъ имъ удалось одного мужика спасти отъ смерти и отрыть увязнувшаго въ снѣгу, а другого нашли совсѣмъ замерзнувшаго на дорогѣ. Со всѣмъ тѣмъ, хотя и поздно, но до-

ѣхали онѣ до Тулы благополучно и расположились тамъ отдохнуть.

Около самаго сего времени и въ ночь подъ самый оный день случилось въ одной неподалеку отъ Богородицка лежащей, волостной деревни весьма странное и достопамятное происшествіе. Въ одномъ крестьянскомъ дворѣ жило небольшое семейство: мужъ съ женою и одинъ маленькій рабёнокъ, родившійся только за четыре мѣсяца передъ тѣмъ, составляли все оное. Одинъ панятой батракъ помогалъ имъ въ работѣ. Бывшая въ сіе время жестокая стужа взогнала отца и мать спать на печь; но сія послѣдняя, по молодости своей, была такъ неосторожна, что люльку съ рабёнкомъ поставила на лавку, и позабывъ или не подумавъ о томъ что тутъ же, въ избѣ, по глупому ихъ обыкновенію, ночевала превеликая свинья съ поросятами. Сія скотина очухала какъто сего несчастнаго рабёнка и была столь свирѣпа, что, стащивъ люльку на землю, растерзала сего младенца и сожрала совсѣмъ безъ остатка, такъ что осталась одна только рубашонка его и нѣсколько крови на полу. Несчастные родители не знали всего того, не вѣдали: они спали крѣпкимъ сномъ и не слыхали ничего. Думать надобно, что лютая сія скотина весьма скоро его задушила и не дала кричать много. Всего того и не узнали бы скоро, если-бъ съ батрака, спавшаго на полатяхъ, не сползла и не упала на полъ шуба. Для подниманія оной сошолъ онъ съ полатей. И тогда попалась ему подъ ноги люлька, и приводитъ въ подозрѣніе. Онъ будитъ мать, спрашиваетъ, гдѣ рабёнокъ; сказываетъ, что люлька на землѣ и свинья свирѣпствуетъ. Вздуваютъ огонь, и все дѣло открывается и производитъ вой, вопль и слёзы.

Какъ дошло извѣстіе сіе до меня и было нѣкоторое сумнительство въ томъ, что ни малѣйшей части отъ рабёнка не осталось, то велѣлъ я свинью убить и взрѣзать, въ которой и нашли многія еще не сварившіяся въ желудкѣ ея части младенца и предали погребенію.

Впрочемъ, старушка моя теща навела на меня въ сей день великую заботу и досаду. Съ нею множество лѣтъ не было того, что въ сіе время случилось, а именно: что она осталась одна дома и разлучилась со всѣмъ ея семействомъ. Домашніе мои, отъѣзжая всѣ въ Москву, ласкались надеждою, что пріятельница ея и такая же старушка Марья Юрьевна поможетъ ей провождать время и скуку, что она и обѣщала, съ каковою надеждою онѣ и поѣхали. Она и гостила у насъ тѣ дни. Но въ это утро что-то вздумалось ей разсердиться за то, для чего матушкѣ подали рано свѣчу и ее чрезъ то разбудили и не дали выспаться, также для чего не поили ее по-утрамъ кофеемъ. Словомъ, она такъ отъ того вздурилась, что уѣхала домой. Сіе старушку-матушку мою такъ огорчило, что она все утро и половину дня провела въ превеликомъ неудовольствіи, и доходило даже до того, что проливала слёзы. Мысли, что она останется одна, оставленная отъ всѣхъ и притомъ въ слабости и дряхлости, смущали ее чрезвычайно, и мнѣ многаго труда стоило разговорить и развеселить ее нѣсколько. Но къ вечеру пріѣхала опять и наша Юрьевна, съ которой спылъ между тѣмъ ея гнѣвъ, свойственный всѣмъ азіаткамъ.

Оба послѣдующіе за симъ дня провели мы съ сыномъ въ сборахъ и приуготовленіяхъ къ своему отъѣзду, остановившемуся только за тѣмъ, что хотѣлось намъ дождаться почты. Но сколько мы ея въ обыкновенный день ни дожидались, но не могли дождаться: за мятелями и бездорожицею, не могла приттить она и до полуночи. Между тѣмъ, по случаю перемѣнившейся погоды и сдѣлавшагося тепла, чему мы были очень ради, сынъ мой для пріученія себя къ воздуху ѣздилъ опять проѣзжаться, но уже не въ каретѣ, а въ новосдѣланной и по моей выдумкѣ вновь расположенной новой кибиткѣ, а вкупѣ кой-съ-кѣмъ и прощаться, а другіе пріѣзжали сами къ намъ для тогоже.

Наконецъ, дождались мы и почты, съ

толикимъ нетерпѣніемъ ожидаемой и пришедшей уже передъ свѣтомъ 14-го числа. Но и сія не привезла къ намъ ничего, кромѣ «Исторіи Петра Великаго», изданной Голиковымъ, которою мы и расположились заниматься дорогою. Послѣ чего не стали мы уже долѣе медлить, но, напившись чаю и распрощавшись со всѣми, на двухъ тройкахъ, съ обоими слугами нашими Филькою и Тимошкою, въ путь свой и отправились.

Ѣзда наша была хотя трудновата, но благоуспѣшна по продолжавшейся оттепели и самаго даже бывшаго въ одну ночь дождя: не терпѣли мы ни стужи, ни дальняго безпокойства, но, напротивъ того, было намъ очень не скучно, поелику мы занимались чтеніемъ «Исторіи Петра Перваго». Ни въ Дѣдиловѣ, ни въ Тулѣ и на заводѣ мы почти не останавливались, а переѣхавъ Оку по водѣ въ Серпуховѣ съ удивленіемъ услышали, что поѣхавшая съ нашими дорожными госпожа Челищева отъ нихъ отстала и далѣе не поѣхала, и не понимали, что-бъ сіе значило. За Серпуховымъ повстрѣчались мы съ людьми и лошадьми, возвращавшимися изъ Москвы и узнали отъ нихъ, что наши доѣхали до Москвы благополучно и остановились въ Нѣмецкой Слободѣ, въ нанятой квартирѣ.

Далѣе достопамятно было, что я, во время продолженія сего пути и сидючи съ сыномъ въ кибиткѣ, имѣлъ съ нимъ длинный и весьма важный и серіозный разговоръ, относившійся до нѣкоего особаго предмета, клонившійся къ существительной его пользѣ, и такой, который, какъ я не сомнѣвался, былъ ему очень долго памятенъ.

Наконецъ, 18-го числа по-утру доѣхали мы съ нимъ благополучно до Москвы и, по сказанному намъ отъ людей, скоро своихъ въ ней отыскали. Но что мы тамъ услышали и дѣлали, о томъ узнаете вы изъ письма послѣдующаго, а теперешнее, какъ достигшее до своихъ обыкновенныхъ предѣловъ, окончу увѣреніемъ васъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Декабря 14-го дня 1810 года).

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ МОСКВѢ.

Письмо 236.

Любезный пріятель! Домъ, въ которомъ нашли мы своихъ квартирующими, принадлежалъ господину Булгакову, доброму и почтенному старику, жившему тутъ-же на дворѣ, но въ особомъ каменномъ домѣ. Мы обрадовались, нашедъ всѣхъ своихъ родныхъ здоровыми и домъ теплый, покойный и просторный, а жалѣли только о томъ, что, находясь въ Нѣмецкой Слободѣ, поудаленъ былъ отъ города. Но радость и удовольствіе наше увеличилось неизобразимо, когда родные наши при первой встрѣчѣ начали поздравлять меня съ гвардейскимъ сержантомъ, а Павла моего съ полученіемъ сего чина и съ отпускомъ еще на годъ. «Что вы говорите и не въ правду-ли», воскликнулъ я, обрадуясь до чрезвычайности. «Точно такъ, отвѣчали они намъ; и какъ мы о Николаѣ Сергѣевичѣ ни сомнѣвались, но онъ говорилъ правду и сдержалъ наконецъ свое слово; и вчера узнали мы, что къ нему уже и пашпортъ присланъ». —«Ну, слава Богу, подхватилъ я, перекрестясь и душевно благодаря за сію милость Господа, и спасибо Николаю Сергѣевичу, одолжилъ онъ насъ тѣмъ много. Теперь избавились мы отъ всѣхъ хлопотъ по сему предмету и нѣтъ нужды посылать денегъ и хлопотать далѣе по сему дѣлу».

И подлинно: съ меня тогда какъ превеликая гора съ плечъ свалилась. Что-жъ касается до сыновней радости, то была она неизобразима. Всѣ мы наперерывъ поздравляли его съ симъ чиномъ и благодарили Бога и г-на Давыдова: перваго—за оказанную намъ отъ Него новую милость и за избавленіе отъ трудовъ, хлопотъ и убытковъ многихъ, а послѣдняго—за оказанное намъ благодѣяніе и одолженіе, который въ тотъ же еще день ввечеру прислалъ къ намъ и пашпортъ, къ нему присланный, а черезъ нѣсколько дней послѣ того получили мы и письмы изъ Петербурга отъ моего пле-

мянника и г. Алабина. Оба они подтвердили намъ тоже; и первый писалъ, что деньги были у него готовы и онъ охотно-бъ мнѣ ими услужилъ, но не было въ томъ никакой уже надобности.

Впрочемъ, нашли мы своихъ кружащихся уже въ вихрѣ московскихъ коловратностей и занимающихся уже множествомъ дѣлъ и хлопотъ по своимъ дѣламъ женскимъ. Онѣ успѣли уже не только повидаться со многими изъ нашихъ родныхъ, друзей и знакомцовъ, находившихся тогда въ Москвѣ, но пріискать и нанять уже и танцмейстера для обученія обѣихъ младшихъ дочерей моихъ, и онъ въ тотъ день уже въ третій разъ пріѣзжалъ къ намъ для ученія танцованію оныхъ.

Кромѣ своихъ родныхъ, нашли тутъ же и родственницу нашу, старушку Марью Семеновну Шелимову, жившую въ Серпуховѣ, въ монастырѣ женскомъ, и привезенную нашими въ Москву съ собою вмѣсто отставшей отъ нихъ г-жи Челищевой, которую, по случаю смерти сосѣдки ея г-жи Смольяниновой, крайнія необходимыя нужды отвлекли отъ нихъ въ ея деревню, неподалеку отъ нашей находившуюся. Но помянутой старушкѣ была жена моя тогда уже и не рада. По женской своей набожности и привычкѣ къ монастырской жизни, не захотѣлось старухѣ долѣе жить въ Москвѣ, и она приставала къ намъ, чтобъ отпустить ее обратно. Мы и отпускаемъ съ радостію, но она не ѣдетъ одна, а дай съ нею человѣка, а человѣка лишняго не было. Горе на насъ превеликое! и насилу-на-силу уладили кое-какъ симъ дѣломъ.

Впрочемъ, застали мы своихъ при пріѣздѣ нашемъ почти на порогѣ хотѣвшими ѣхать въ ряды для закупанія койкакихъ вещей для себя. Пріѣхали мы тогда въ Москву уже въ пятницу на Пёстрой недѣлѣ. И какъ приближалась самая масляница, начинающаяся обыкновенно воскреснымъ маскарадомъ, и онѣ помышляли на оный ѣхать, то и нужны были имъ кой-какія вещи, а я спѣшилъ послать скорѣе за газетами и къ Ридигеру за книгами по запискѣ, дабы было мнѣ и сыну что, въ бытность тогдашнюю въ Москвѣ, пересматривать, читать и выбирать изъ нихъ любыя для покупки. Къ намъ и принесли ихъ цѣлую кипу.

Ѣздившія въ ряды мои домашнія привезли оттуда съ собою и знакомку нашу госпожу Алабину, съ обѣими дочерьми ея, которыя у насъ въ тотъ день и обѣдали, а ввечеру пріѣзжали къ намъ наши Кислинскіе, съ племянникомъ своимъ г. Крюковымъ, и при нихъ получили мы отъ г. Давыдова помянутый пашпортъ Павловъ.

По-утру въ слѣдующій день первымъ дѣломъ моимъ было съѣздить съ сыномъ моимъ къ г. Давыдову, для изъявленія ему нашей благодарности; но съ нимъ едва только успѣли видѣться, ибо онъ въ самое то время съѣзжалъ со двора. Исполнивши свой долгъ и пользуясь утреннимъ свободнымъ временемъ, пустились мы съ нимъ рыскать по всему городу. Были въ аптекѣ, купили что надобно, заѣзжали на Спасскій мостъ, спознакомились тамъ съ книгопродавцомъ Глазуновымъ, оттуда проѣхали къ другу моему г. Ридигеру, повидались и поговорили съ нимъ, заѣзжали къ портному, а тамъ къ г. Новикову; но обоихъ сихъ, не заставши дома, возвратились къ обѣду домой, а послѣ обѣда также по-пустому ѣздили къ старинному знакомцу своему Андрею Петровичу Давыдову и къ Кологривовымъ, ибо и тѣхъ не застали дома. Наконецъ, хотѣлибыло ѣхать къ хозяйкѣ, но вдругъ захватили опять заѣхавшіе къ намъ гости; былъ то родственникъ нашъ г. Кирѣевъ, Петръ Алексѣевичъ, съ женою своею, свояченицею и шуриномъ, другомъ и соученикомъ сына моего, Александромъ Дмитріевичемъ Пустобояровымъ, и всѣ они просидѣли у насъ весь вечеръ, и намъ было очень не скучно.

Наконецъ наступила наша бѣшеная масляница и день перваго маскарада, въ который всѣмъ нашимъ съ толикимъ вожделѣніемъ ѣхать хотѣлось. Наиглав-

нѣйшею, побудительною причиною тому было то, что мы надѣялись видѣть въ ономъ и господина Хотяинцова, составлявшаго главную цѣль ѣзды нашей въ Москву, и подать ему случай видѣть дочь нашу. Легко можно заключить, что по поводу сему всѣ госпожи наши имѣли множество дѣлъ и хлопотъ въ день сей, и было ихъ такъ много, что по-утру разослали мы всѣхъ людей за нуждами разными, и всѣ, кромѣ меня, заняты были мыслями, сборами и приготовленіями къ маскараду. Что касается до меня, то я на досугѣ весь день занимался пересматриваніемъ и разбираніемъ книгъ, полученныхъ отъ Ридигера, и находилъ въ томъ болѣе удовольствія, нежели въ ихъ сборахъ и хлопотахъ; однако, успѣлъ вмѣстѣ съ своими побывать у старика хозяина своего и съ нимъ познакомиться.

Итакъ, по наступленіи вечера, въ сотовариществѣ съ госпожами Алабиными, и ѣздили мы въ маскарадъ, гдѣ, кромѣ многихъ знакомыхъ, имѣли удовольствіе видѣть въ первый разъ и господина Хотяинцова. Онъ былъ тутъ съ обѣими своими дѣвушками-сестрами и показался всѣмъ намъ человѣкомъ довольно изряднымъ и такимъ, что дочери моей быть бы за нимъ не постыдно было; и какъ мы съ нимъ тутъ въ-первыя познакомились, то имѣлъ онъ случай видѣть и дочь мою.

Въ понедѣльникъ, за почувствуемою болью въ горлѣ и груди, принужденъ я былъ весь день пробыть дома и лѣчиться, а жена съ дочерью ѣздила къ знакомкѣ госпожъ Алабиныхъ, къ княгинѣ Аннѣ Михайловнѣ Волконской, и съ нею познакомилась. Мы же съ моимъ Павломъ занимались прежнимъ дѣломъ, то-есть, своими книгами.

Во вторникъ ѣздили мы съ сыномъ въ ряды также пріискивать и торговать себѣ новую карету, а послѣ обѣда ѣздилъ я съ женою и среднею дочерью къ родственнику нашему г. Офросимову, у котораго просидѣли мы весь вечеръ и ужинали, а старшая дочь съ братомъ своимъ ѣздила въ клубъ или, такъ какъ нынѣ называется, Дворянское Собраніе, къ чему князья и княжны Волконскіе снабдили ихъ билетомъ.

Въ середу сынъ мой весь день отдыхалъ отъ трудовъ и безпокойствъ, въ клубѣ пренесенныхъ, а мы съ женою и дочерьми ѣздили къ Кологривовой, заѣзжали къ княгинѣ Волконской, а оттуда проѣхали на другой край Москвы къ пріятелю моему г. Сахарову, у котораго имѣлъ я случай видѣться и познакомиться въ господиномъ Разнатовскимъ, извѣстнымъ переводчикомъ «Шубертовой Системы».

Въ четвергъ обновили мы вновь купленную четвероместную карету и разъѣзжали въ ней по гостямъ, обѣдали у Кислинскихъ, а вечеръ сидѣли и ужинали у тетки моей госпожъ Арсеньевой, гдѣ было множество и другихъ гостей; сынъ же мой ѣздилъ съ Кислинскимъ въ редутъ, для входа въ который доставленъ намъ былъ билетъ отъ госпожи Волконской, нашей пріятельницы и знакомки. Я, пересмотрѣвъ всѣ бывшія у меня книги, получилъ въ сей день цѣлую кипу другихъ.

Какъ въ слѣдующій за симъ день надлежало, по обыкновенію, быть опять большому пятничному маскараду, то, отобѣдавъ дома одни, [стали] мы въ оный собираться. Между тѣмъ пріѣхали къ намъ госпожи Алабины, а вслѣдъ за ними, противъ всякаго нашего чаянія и ожиданія, заѣхалъ и господинъ Хотяинцовъ съ своими сестрами. Легко можно заключить, что мы постаралися какъ можно угостить сего небывалаго у насъ еще гостя, и тѣмъ паче, видя, что всѣ они въ особливости къ намъ ласкались и обходились съ нами дружески; и какъ въ маскарадъ собирались и они такъ же, какъ и мы, ѣхать, то просили они насъ, чтобъ мы заѣхали, хоть на минуту, къ нимъ, дабы вмѣстѣ потомъ съ ними туда ѣхать. Мы охотно и исполнили ихъ просьбы и, проводя отъ себя заѣзжавшаго къ намъ господина Давыдова, Андрея Петровича, и собравшись,

всѣ къ нимъ въ домъ и заѣзжали. Тутъ постарались и они насъ всячески угостить, а особливо своими ласками и привѣтствіями, послѣ чего вмѣстѣ съ ними мы въ маскарадъ и ѣздили и, во все продолженіе онаго, были почти неразлучно вмѣстѣ. Маскарадъ былъ преогромный и мы пробыли въ ономъ до пятаго часа за полночь и были веселы; со всѣмъ тѣмъ, дѣла у насъ съ ними никакова еще не начиналось.

Наутріе проспали мы до десятаго часа, и я чувствовалъ себя нѣсколько простудившимся. Насъ въ сей день звалъ-было къ себѣ А. П. Давыдовъ, но какъ назвались пріѣхать къ намъ обѣдать наши Кислинскіе, то принуждены мы были отказаться. Впрочемъ, положено было у насъ въ сей день съѣздить только въ театръ, но не такъ сдѣлалось. Госпожи Хотяинцовы прислали къ намъ спросить, не можно ли одной изъ нихъ ѣхать съ нами въ театръ, гдѣ мы, по дружбѣ и старанію г. Пустобоярова, достали билетъ на тамбуръ, и будемъ ли мы послѣ въ маскарадѣ, куда онѣ собираются ѣхать и гдѣ будетъ и старшая ихъ сестра, бывшая въ замужствѣ за г. Апрѣлевымъ. И какъ намъ хотѣлось, чтобъ Елизавету мою видѣла и сія госпожа, и заключили, что она для самаго того и въ маскарадъ быть хотѣла, то вздумали, чтобъ мнѣ одному съ Елизаветою побывать въ маскарадѣ, и чрезъ то доставить ей случай видѣть мою дочь.

Итакъ, ѣздили мы всѣ въ театръ и брали съ собою даже и меньшихъ своихъ дочерей Ольгу и Катерину, которымъ никогда еще до того театральныхъ зрѣлищъ видать не случалось. Съ нами была и Надежда Ивановна, одна изъ сестеръ г. Хотяинцова. Представляли тогда оперу «Калифъ на часъ». И для всѣхъ насъ была она тѣмъ пріятнѣе, что мы ее никогда еще не видывали; послѣ оной былъ изрядный балетъ, который также Ольга и Катерина никогда не видывали, и для нихъ вечеръ сей былъ восхитительный.

По окончаніи театра, всѣ наши поѣхали домой, а я съ своею Елизаветою и Надежною Ивановною пошелъ въ маскарадъ, гдѣ и спознакомились съ госпожею Апрѣлевою, но пробыли въ ономъ не долѣе 11 часовъ.

За симъ наступилъ и послѣдній день масляницы нашей. Въ оный не располагались мы ѣхать ни въ театръ, ни въ маскарадъ, а опредѣлили оный на свиданія съ своими друзьями. Всѣ наши семьянинки, по набожности своей, ѣздили къ обѣднѣ, а потомъ находились въ нерѣшимости, куда и къ кому въ тотъ день ѣхать, а между тѣмъ начинали всѣ мы озабочиваться уже нѣсколько продожающеюся неизвѣстностію по нашему главному предмету и не одинъ разъ говорили между собою: «вотъ прошла уже и масляница и настаетъ великій постъ, а о начинѣ нашего дѣла нѣтъ еще ни слуху, ни духу, ни послушанія; кажется, и мы имъ и они намъ ни мало не противны, а что-то нѣтъ еще ничего, ужъ и будетъ ли что-нибудь». Симъ образомъ поговоря и подивяся, не знаемъ, что и думать, и жалѣемъ только, что не было съ нами госпожи Челищевой, первой затѣйщицы сего дѣла, и ждемъ ее не дождемся, ибо она хотѣла пріѣхать съ людьми нашими, которыхъ съ лошадьми ожидали мы уже изъ Богородицка, ибо надлежало уже и намъ помышлять о возвращеніи въ свое мѣсто. «Господи! говорили мы далѣе; ежели мы имъ понравились, такъ чтоже они по сю-пору молчатъ и что-жъ не начинаютъ; неужели хотятъ что-бъ мы начали; но намъ кстать ли и можно ли это дѣлать».

Посреди самыхъ сихъ разглагольствій нашихъ, вдругъ и неожиданнымъ образомъ получаемъ мы цидулку, успокоившую опять нѣсколько наши мысли. Была она отъ Надежды Ивановны, сестры г. Хотяинцова, съ приглашеніемъ насъ ѣхать съ нимп вмѣстѣ на бѣгъ. «Очень хорошо! сказали мы посланному, порадуясь опять сей задиркѣ, и мы будемъ готовы; пускай бы заѣзжали за нами». Не успѣли мы сего посланнаго спровадить, какъ глядимъ — на дворъ къ намъ

госпожа Кологривова, а вмѣстѣ съ нею и госпожа Апрѣлева, старшая сестра г-жъ Хотяинцовыхъ. Мы принимаемъ ихъ, угащиваемъ и догадываемся, что послѣдняя пріѣхала къ намъ болѣе для того, чтобъ узнать жену мою и все прочее семейство наше, а едва только онѣ нѣсколько минутъ посидѣли, какъ прилетѣли къ намъ и всѣ Хотяинцовы, и тотчасъ потомъ всѣ вмѣстѣ съ нашими и поѣхали подъ Донской смотрѣть бѣга. Но я самъ не разсудилъ за благо съ ними туда и въ такую даль ѣхать, единственно за тѣмъ, чтобъ смотрѣть, какъ люди и вѣтрогоны дурачутся, а отпустивъ съ ними своего сына, рѣшился самъ итти опять къ почтенному старику хозяину и въ собесѣдованіи съ нимъ проводить это время.

Побывавши на бѣгѣ, всѣ наши и Хотяинцовы заѣхали опять къ намъ и просидѣли у насъ вечеръ. Чрезъ все сіе знакомство у насъ съ ними увеличилось еще болѣе, и мы, обходясь безъ дальнихъ церемоніаловъ, сдружились съ ними такъ, какъ бы вѣкъ вмѣстѣ жили. Со всѣмъ тѣмъ, хотя ласки ихъ къ намъ со всякимъ днемъ увеличивались, но и въ сей день ничего и ни малѣшихъ замашекъ о дѣлѣ не было. «Господи, думаемъ и говоримъ мы съ женою опять, долго-ли неизвѣстности этой и молчанію продолжаться? неужели не найдутъ они ни кого, кому бы можно-было начинать дѣло и формальное сватовство? Ну, жаль, весьма жаль, что нѣтъ нашей Аграфены Михайловны: чрезъ нее могли-бъ мы узнать о ихъ мысляхъ и что молчанію сему причиною». Въ самое сіе время сказываютъ намъ, что люди съ лошадьми пріѣхали. Мы всѣ бросились встрѣчать нашу Аграфену Михайловну и полагая навѣрное, что она пріѣхала съ ними, но ея не тутъ-то было; и намъ сказываютъ, что она призанемогла и ѣхать ей къ намъ никакъ было не можно. Господи! какъ мы всѣ огорчились, сіе услышавъ: «Ну! сказалъ я, теперь нечего и ждать, чтобъ что-нибудь вышло; не сама ли уже судьба полагаетъ всему дѣлу препятствіе и остановку, и ей! ей! врядъ-ли чему у насъ бывать съ ними».

Съ сими помышленіями заговѣлись мы съ своимъ семействомъ тогда, а по-утру все утро отдыхали отъ масленичныхъ безпокойствъ, а послѣ обѣда, ѣздивши прощаться къ пріятелю нашему г. Давыдову, А. П., затѣяли предъ тѣмъ же предлогомъ заѣхать и къ гг. Хотяинцовымъ. Они намъ очень были рады и продержали у себя весь вечеръ и какъ самъ г. Хотяинцовъ былъ веселаго нрава, то было множество и смѣховъ, и шутокъ, и всѣмъ намъ было очень не скучно, и какъ мы наконецъ имъ сказали, что за нами пріѣхали уже лошади и мы скоро уже поѣдемъ, то сожалѣли они о томъ и говорили намъ, чтобъ мы еще у нихъ въ Москвѣ погостили, и что неужели не пробудемъ мы въ Москвѣ и первой недѣли. «Богъ знаетъ, сказали мы, смотря развѣ по обстоятельствамъ, и ежели не успѣемъ искупить своихъ покупокъ и кончить всѣ дѣла наши». Симъ равно какъ надоумливали мы ихъ, однако, они болѣе ничего на сіе не сказали.

Въ слѣдующій день расположились мы заняться покупками и исправленіемъ своихъ дѣлъ въ городѣ, и первыми занялись такъ, что мы съ сыномъ даже обѣдали въ рядахъ, въ одномъ изъ русскихъ трактировъ. Я былъ въ сей день и въ первый еще разъ у Новикова, ибо до того не допускали меня обстоятельства и недосуги. Онъ былъ мнѣ, по обыкновенію своему, очень радъ и говорилъ со мною о многомъ; для счета же съ нимъ просилъ, чтобъ пріѣхалъ я къ нему въ слѣдующій день. Какъ въ самое то время случилось быть у него и г. Сафонову, тому, который такъ много защищалъ меня предъ моимъ командиромъ, то не преминулъ я поблагодарить его за хорошее о себѣ мнѣніе и отзывы. Оттуда заѣзжалъ я къ Ридигеру, котораго подарилъ при семъ свиданіи однимъ ящичкомъ съ нашими марморными песками, которыми на всякій случай запаслись мы, отъѣзжая изъ Богородицка. Ридигеръ такъ ими

прельстился, что непремѣнно хотѣлъ послать ихъ за диковинку въ Англію къ своимъ корреспондентамъ. «О, когда такъ, сказалъ я смѣючись, такъ завтра же доставлю вамъ другіе, и для васъ собственно». И Ридигеръ мой былъ тѣмъ чрезвычайно доволенъ.

Не успѣли мы изъ города возвратиться и наступить вечеръ, какъ глядимъ пріѣхали къ намъ наши Хотяинцовы для сдѣланія намъ контрвизита, и не только просидѣли у насъ весь вечеръ, но, по приглашенію нашему, остались у насъ даже и ужинать. Но и сего еще было не довольно. Но какъ всѣ наши госпожи смолвились ѣхать наутріе въ Вознесенскій монастырь къ преждеосвяосвященной обѣднѣ, то обѣ сестры г-жи Хотяинцовы остались у насъ даже и ночевать. Вотъ до какой степени достигло уже у насъ съ ними знакомство и дружество.

Итакъ, наутріе всѣ они вмѣстѣ съ обоими молодцами, то есть съ моимъ сыномъ и г. Хотяинцовымъ, и ѣздили гурьбою въ Вознесенскій момастырь молиться и слушать тамошнее прекрасное пѣніе монахинь, а я между тѣмъ отвезъ Ридигеру бывшія у меня его книги, оставивъ у себя тѣ, которыя полюбились мнѣ болѣе прочихъ, также по обѣщанію моему и другой ящичекъ съ песками, и условился съ нимъ объ отдаваемомъ чрезъ него мальчикѣ въ парикмахеры. Тутъ, между прочимъ, сказывалъ онъ мнѣ, что нѣкто изъ князей Голицыныхъ, по имени Павелъ Ѳедоровичъ, человѣкъ умный, любопытный и имѣющій у себя большой натуральный кабинетъ, наслышавшись обо мнѣ, желаетъ весьма со мною познакомиться и просилъ меня, чтобъ я къ нему съѣздилъ, сказывая мнѣ и домъ, гдѣ живетъ оный, что я ему и обѣщалъ охотно сдѣлать. Отъ него проѣхалъ я къ г. Новикову и съ нимъ расчелся и получилъ съ него 500 рублей за мой трудъ и сочиненіе «Магазина», а тамъ заѣзжалъ въ другія книжныя лавки и спознакомился съ новыми книгопродавцами. Возвратившися домой въ одно почти время съ своими, перетревожился я вновь, услышавъ, что сынъ мой, простудившись опять, призанемогъ и принужденъ былъ отпаивать его своимъ декоктомъ, который ему и помогъ.

Привязанность къ намъ г-жъ Хотяинцовыхъ была такъ велика, что онѣ присылали къ намъ звать насъ къ себѣ обѣдать. Но какъ намъ того сдѣлать было нельзя, то ѣздили дамы наши къ нимъ уже послѣ обѣда и съ ними вмѣстѣ потомъ подъ Дѣвичій на Тамасову фабрику покупать товары. А я между тѣмъ, одѣвшись, полетѣлъ отыскивать князя Голицына, съ которымъ самому восхотѣлось мнѣ очень познакомиться; но ѣзда моя была тщетная, я не засталъ его дома и принужденъ былъ возвратиться ни съ чѣмъ. Госпожи наши пріѣхали уже ночью и съ ними опять и самъ г. Хотяинцовъ, подъ предлогомъ прощанія съ нами, поелику и они собирались уже изъ Москвы ѣхать, что удостовѣрило насъ совершенно, что дѣла у насъ съ ними никакова не будетъ.

Симъ образомъ кончился сей день. А поутру въ четвергъ поѣхалъ я опять къ князю Голицыну; но, нашедъ его еще спавшаго, заѣзжалъ въ банковую контору и на почтовый дворъ и, возвратясь оттуда, нашолъ князя уже вставшаго. Онъ былъ мнѣ очень радъ и, обласкавши колико можно лучше, водилъ меня въ свой натуральный кабинетъ и показывалъ всѣ находящіяся въ немъ вещи: былъ онъ превеликій и цѣлая просторная длинная комната набита была всякими натураліями, и было что посмотрѣть и чему подивиться. Пробывъ у него часа два, заѣзжалъ я опять къ Новикову и у него въ сей день и обѣдалъ. Тутъ нашелъ я и знакомца своего Василія Алексѣевича Левшина, такого же трудолюбца, какъ и я; оба мы съ нимъ были въ сіе время— черкаскіе волы и трудились надъ сочиненіями и переводами безъ отдыха. Г. Новиковъ отдавалъ ему тогда переводить ту огромную нѣмецкую книгу, которая напечатана потомъ подъ заглавіемъ «Хозяинъ и Хозяйка» и состояла въ 12-ти томахъ. И я радъ былъ, что отъ труда

сего избавился, ибо сперва хотѣлъ-было г. Новиковъ на меня сей страшный и скучный трудъ навалить. Кромѣ сего, видѣлъ я тутъ г. Ключарева и Карамзина, славныхъ и извѣстныхъ въ нашъ вѣкъ людей. Первый изъ нихъ, отправляющій нынѣ должность почтъ-директора въ Москвѣ, былъ мнѣ уже знакомъ, а послѣдняго впервыя еще видѣлъ и, ни мало не воображая себѣ, чтобъ сталъ онъ послѣ играть такую славную роль и могъ сдѣлаться столь именитымъ писателемъ, ни мало его не уваживалъ, поелику оба они ничего еще тогда не значили. Поѣхавъ отсюда, пробылъ я до самаго вечера въ рядахъ, покупая кой-какія покупки, а оттуда проѣхалъ я къ княгинѣ Волконской и засталъ у ней попа, служащаго ефимонъ и заутреню, а вскорѣ послѣ меня пріѣхали туда же и мои домашніе, ѣздившіе кой-куда и, по нечаянности, заѣзжавшіе къ Хотяинцовымъ, узнавши, что они изъ Москвы еще не поѣхали.

Послѣдующій за симъ день употребленъ былъ нами весь на исправленіе нашихъ нуждъ и покупокъ. И намъ съ Павломъ случилось нечаяннымъ образомъ, будучи у Ниренберцевъ въ домѣ, для отыскиванія и покупанія себѣ ландкартъ, услышать играющіе музыкальные часы съ дудочками, каковые были еще тогда въ превеликую диковинку и совсѣмъ еще неизвѣстны. Оба мы такъ ими прельстились, что, сторговавъ того же часа ихъ, купили за 40 рублей и которыми утѣшили всѣхъ своихъ домашнихъ и которыми пользуемся еще и по-нынѣ, хотя уже съ того времени болѣе 20-ти лѣтъ миновало. Кромѣ сего, одолжили мы въ сей день княгиню Волконскую, ссудя ее 300 рублями денегъ на двѣ недѣли, въ которой случилась ей крайняя нужда и за что была она намъ очень благодарна.

Въ томъ же самомъ провели мы и весь послѣдующій день и пробыли до самой ночи въ рядахъ. Оттуда жена моя съ дѣтьми, по набожности своей, ѣздила въ соборы прикладываться къ мощамъ, а я между тѣмъ расплатился и распрощался съ Ридигеромъ; сынъ же мой опять-было въ сей день занемогъ, и мы принуждены были отпаивать его опять своимъ декоктомъ.

Наутріе оставивъ его дома, по случаю перваго воскресенія, поѣхали мы всѣ въ Успенскій соборъ смотрѣть церемонію и обрядъ проклятія и имѣли удовольствіе видѣть служеніе старичка митрополита Платона и наслаждаться слушаніемъ прекрасной говоренной имъ тогда проповѣди. Я стоялъ подлѣ самого почти его и не могъ надивиться его краснорѣчію, которымъ даромъ одаренъ былъ онъ въ особливости. А послѣ обѣда ѣздили опять со двора, были у госпожи Измайловой, чтобъ видѣть госпожу Апрѣлеву, были у Титовыхъ и ужинали у стариковъ нашихъ Офросимовыхъ, съ которыми и распрощались.

Слѣдующій день былъ у насъ прямо гостиной. До обѣда разъѣзжали мы всѣ кой-куда, а послѣ обѣда пріѣзжали къ намъ разные гости. Я былъ опять и въ рядахъ и у Новикова. Были у старушки нашей Настасьи Гавриловнѣ Кислинской и распрощались съ нею, а тамъ заѣзжали къ нашимъ Кирѣевымъ. Послѣ обѣда же наѣхало къ намъ множество гостей, сперва наши Кислинскіе съ Крюковымъ, за ними госпожа Сахарова съ дочерью, потомъ госпожа Апрѣлева, а наконецъ княгиня Волконская, съ обѣими княжнами, дочерьми своими, и мы едва успѣвали всѣхъ ихъ угащивать, а г. Кислинскій у насъ и ужиналъ. Жена моя во всѣ сіи дни такъ была обезпокоена, что я опасался, чтобъ отъ трудовъ и простуды не занемогла.

Какъ чрезъ день послѣ того положили мы изъ Москвы выѣхать, то употребили мы весь послѣдующій день, который случился быть седьмой марта (слѣдовательно, тотъ, въ который сыну моему совершилось ровно 17 лѣтъ отъ роду) опредѣлили мы на исправленіе достальныхъ своихъ нуждъ и покупокъ. Сынъ мой ѣздилъ къ князю Шаховскому, Николаю Алексѣевичу, желая съ нимъ познакомиться, а я былъ опять у Новикова и

съ нимъ и съ Левшинымъ распрощался; отъ него заѣхалъ въ ряды и нашолъ въ нихъ сына съ Елизаветою своею, ѣздившую также прощаться съ княгинею Волконскою, которая сдѣлалась къ намъ отмѣнно благопріятна. Въ рядахъ были мы съ сыномъ въ музыкальной лавкѣ и накупили себѣ разныхъ инструментовъ, и я въ-прахъ усталъ, бѣгая по рядамъ и покупая покупки, которыми занимались мы почти до вечера и обѣдали дома уже очень поздно, а передъ вечеромъ пріѣзжалъ къ намъ въ послѣдній разъ Дмитрій Ивановичъ Хотяинцовъ и, дождавшись возвращенія Елизаветы моей отъ княгини, распрощался съ нами.

Наутріе, какъ въ день назначенный для отъѣзда, занялись мы писаніемъ писемъ въ Кашинъ къ моимъ племянницамъ, которымъ въ сей разъ не удалось быть въ Москвѣ. Бѣдняжки находились тогда въ горѣ и въ превеликой разстройкѣ мыслей: съ молодою женою своего брата, по купеческой ея природѣ, не могли онѣ никакъ ужиться и вознамѣривались отъ брата своего отдѣлиться и, взявъ на свою часть Бѣжецкую деревню, жить въ ней особымъ домомъ. Потомъ, по недостатку своихъ, принаняли мы еще 6 лошадей, отдали учиться мальчика въ парикмахеры, расплатились съ танцмейстеромъ и хозяиномъ и, наконецъ, въ сотовариществѣ съ госпожею Алабиною и меньшею ея дочерью, выѣхали изъ Москвы, но такъ уже поздно, что едва только доѣхали до Чертанова.

Симъ образомъ кончилось тогдашнее наше пребываніе въ Москвѣ, продолжавшееся ровно 20 дней, препровожденныхъ нами въ безпрерывномъ кругообращеніи и безпокойствахъ; но пользы мы отъ того никакой не получили; кромѣ однихъ только многихъ издержекъ. Ѣзда сія стоила намъ многихъ денегъ: мы употребили ихъ множество на покупки и прочее, и поѣхали изъ Москвы съ такою же неизвѣстностію въ разсужденіи нашей главной цѣли, съ какою въ нее и пріѣхали, и единая пустая польза была только та, буде то пользою почесть можно, что мы повидались съ своими знакомцами, побывали въ маскарадахъ, поучили меньшихъ дѣтей танцовать и свели новое закомство съ г. Булгаковымъ, дочерью его госпожею Приклонскою, и госпожею Измайловою, съ княгинею и княжнами Волконскими, съ княземъ Голицынымъ и, наконецъ, съ г. Хотяинцовымъ и его сестрами. Но и сіи всѣ знакомствы, какъ изъ послѣдствія окажется, не имѣли никогда и никакихъ послѣ себя послѣдствій и были прямо только временныя и мимопроходящія.

Обратная ѣзда наша была благоуспѣшна, хотя дурнота дороги и погода насъ и пообезпокоила. Мы доѣхали благополучно на четвертый день до Тулы, не имѣвъ въ пути никакихъ особыхъ приключеній, а я только опасался, чтобъ сынъ мой опять не занемогъ. Въ Тулѣ пристали мы въ сей разъ у Пастухова. И какъ я услышалъ, что находились тогда въ ней оба мои командиры, то расположились мы взять въ ней отдохновеніе, и болѣе для того, что мнѣ надобно было у обоихъ ихъ побывать и съ ними видѣться.

Итакъ, съ наступленіемъ послѣдующаго дня, который случился быть воскресный, полетѣлъ я сперва къ своему меньшому командиру, который принялъ меня съ обыкновенною ласкою и прежнимъ благопріятствомъ и возилъ меня съ собою потомъ къ новому нашему губернатору г. Лопухину, но который мнѣ всѣми своими поступками весьма не понравился. Отъ него проѣхали мы къ намѣстнику и нашли у него превеликое собраніе всѣхъ господъ Тульскихъ. Отъ него ѣздили мы въ соборъ къ обѣднѣ, гдѣ перетревожены были всѣ случившимся въ самое то время пожаромъ: загорѣлся и сгорѣлъ редутный домъ. А отобѣдавши дома, ѣздилъ я съ боярынями къ госпожѣ Давыдовой; но не заставши ея дома, проѣхали къ другу нашему г. Сухотину и, посидѣвъ у него, заѣзжали опять въ домъ къ Давыдову, но, опять не заставъ, проѣхали къ пріятелю нашему г. Толбузину, бывшему тогда

въ Тулѣ и намъ очень обрадовавшемуся, а отъ него проѣхали мы къ нашимъ Верещагинымъ, которыхъ нашли мы въ превеликомъ горѣ. Получили они извѣстіе изъ Петербурга, что сынъ г-жи Бакуниной, братъ госпожи Верещагиной, былъ тамъ отчаянно болѣнъ чахоткою и они опасались о его жизни. Будучи у нихъ, по холодности ихъ дома, такъ мы съ женою перезябли, что боялись, чтобъ не занемочь оттого.

Наутріе поѣхалъ я, а послѣ меня жена съ дочерью опять къ г. Давыдову, гдѣ, оставивъ госпожъ заниматься своими разговорами, поѣхали мы съ нимъ опять къ нашему намѣстнику и имѣли на досугѣ съ нимъ обо многомъ разговоры. Онъ былъ ко мнѣ, повидимому, стольже благопріятенъ и въ сей разъ, какъ бывалъ и прежде. При выходѣ отъ него, отпущенъ я былъ господиномъ Давыдовымъ, почему, возвратясь на квартиру и пообѣдавъ, не стали мы долѣе медлить, но въ тотъ же день поѣхали изъ оной и успѣли хотя и поздненько добраться до Дѣдилова.

Тутъ переночевавъ и напившись у ротмистра Гримальда и женѣ его, весьма къ намъ ласковой, чаю, продолжали мы свой путь и, поспѣвъ въ Богородицкъ еще къ обѣду, обрадовали до чрезвычайности свою старушку-матушку своимъ пріѣздомъ, которая, услышавъ о всѣхъ происшествіяхъ, бывшихъ съ нами въ Москвѣ, не могла довольно натужиться о томъ, что мы проѣздили по-напрасну, но по крайней мѣрѣ, радовалась тому, что Павла своего, а ея любимаго внучка, привезли мы уже сержантомъ и здоровымъ.

Симъ кончилось все наше тогдашнее путешествіе, въ которомъ провели мы ровно 30 дней, ибо мы возвратились уже 14 марта. Весь послѣдующій за симъ день положили мы для отдохновенія быть дома. Но не успѣли еще мы порядочно разобраться и мы съ Павломъ привести въ порядокъ въ своемъ кабинетѣ, какъ пріѣхавшій изъ Тулы другъ нашъ господинъ Гурковъ перетревожилъ насъ неожидаемымъ ни мало извѣстіемъ, что въ самый тотъ же еще день прибудетъ къ намъ командиръ мой г. Давыдовъ. Удивился я тому очень и не зналъ, что-бъ это значило и зачѣмъ бы ему пріѣзжать къ намъ, ибо въ бытность мою въ Тулѣ ничего о томъ мнѣ онъ не сказывалъ. Со всѣмъ тѣмъ, сколько мы его въ тотъ день ни ожидали, однако, онъ не бывалъ, а ночевалъ въ Крутомъ нашемъ.

Между тѣмъ впродолженіе дня сего пріѣзжали къ намъ съ визитами и для обыкновенныхъ поздравленій съ пріѣздомъ князь и г. Арсеньевъ съ женами: первый обходился по-прежнему съ нами на финтахъ-фантахъ и съ притворною ласкою и благопріятствомъ и, между прочимъ, отзывался намъ, что онъ издаваемымъ около сего времени славнымъ періодическимъ изданіемъ, подъ заглавіемъ «Бесѣды съ Богомъ», весьма недоволенъ и что оно ему не нравится. «Такъ, подумалъ я тогда, этого я и ожидалъ: таковаго разбора людямъ, какъ ты, не можетъ оно никакъ понравиться». И, почитая сіе сочиненіе сущимъ оселкомъ, по которому можно узнавать свойства и душевное расположеніе людей, усмѣхнулся только и дивился всего меньше. Что-жъ касается до г. Арсеньева, стариннаго моего друга и знакомца, то не могъ я тому надивиться, что онъ далъ себя обольстить сему грузину и связался съ нимъ задушевнымъ дружествомъ, хотя характеры ихъ такъ были удалены, какъ небо отъ земли, другъ отъ друга. Впрочемъ, потуживъ о болѣзни родственника нашего Льва Савича Крюкова, къ которому принуждены мы были отправить нашего лѣкаря и разобравшись, принялся я тотчасъ за сочиненіе матеріала для своего «Экономическаго Магазина», поспѣшая заготовить онаго на досугѣ столько, чтобъ стало его на весь годъ и мнѣ бы осталось время для употребленія на другое.

Г. Давыдовъ и дѣйствительно къ намъ по-утру на другой день пріѣхалъ, и тогда узнали мы, что ѣхалъ онъ мимоѣздомъ, будучи отъ намѣстника отправленъ въ Ефремовъ, Чернь и Новосиль, для обо-

зрѣнія однодворцевъ и узнанія, есть-ли имъ что ѣсть по тогдашнему голодному году.

Пребываніе его у насъ въ сей разъ было не долго и продолжилось только съ утра до обѣда. Но и въ сіе короткое время успѣлъ онъ кое-что надѣлать. Я повстрѣчалъ его донесеніемъ о новыхъ сумазбродствахъ и безпорядкахъ, надѣланныхъ нашимъ учителемъ во время моего отсутствія. Сей негодный человѣкъ не только не унялся, но умножилъ еще зло ко злу новыми проказами и бездѣльничествами. Все сіе такъ уже г. Давыдова на него раздражило, что онъ тогоже часа велѣлъ его посадить подъ караулъ и представить о всѣхъ безпорядкахъ его рапортомъ и писалъ самъ къ намѣстнику объ отрѣшеніи сего негодяя.

За симъ имѣли мы съ нимъ секретный, важный и такой разговоръ, который меня смутилъ и заставилъ думать. Отведя меня къ сторонѣ, сказывалъ онъ мнѣ, что намѣстнику намучено было многое койчего на меня и, между прочимъ, пересказано многое кое-что и о забранныхъ имъ изъ казны нашей деньгахъ и магазинномъ хлѣбѣ, и что намѣстникъ и на меня, и на него въ неудовольствіи превеликомъ. Все сіе поразило меня до чрезвычайности, и я не понималъ, отъ кого-бъ все то и какъ происходило, и болѣе ни на кого не думалъ, какъ на нашего грузина князя и на Веницеева, его друга, и смутился отъ того такъ, что дѣло сіе не шло у меня съ ума.

Князь не упустилъ тотчасъ къ намъ прискакать и не преминулъ и въ сей разъ наклеветать столько на бѣдняка моего полѣсовщика, весьма исправнаго и добраго старика капрала Журавлева, что, къ особливому моему сожалѣнію, г. Давыдовъ велѣлъ его отрѣшить отъ смотрѣнія за лѣсами.

Далѣе приказывалъ онъ мнѣ отправить къ намѣстнику кореньевъ и нашихъ песковъ, для отсылки къ князю Потемкину. Я усмѣхнулся, о семъ услышавъ и самъ себѣ сказалъ: «вотъ и сему понадобились пески наши, изволь смотрѣть».

Передъ обѣдомъ съѣхалось къ нему множество особъ разныхъ. Явился тутъ младшій братъ Шепелева, гордый и несговорчивый молодой человѣкъ, другъ его Иванъ Яковлевичъ Сокоревъ, г. Хомяковъ, Заварзинъ; нашъ князь съ женою и нашъ исправникъ, и набралось множество народа. Всѣхъ ихъ принужденъ я былъ угащивать обѣдомъ и съ досадою смотрѣть на всѣ хитрости, притворныя ласки и коварства княжія. Онъ при семъ случаѣ выпросилъ для себя кой-какія выгоды, чему я, не хотя ему зломъ платить за зло, не препятствовалъ, хотя бы и могъ то сдѣлать.

Наконецъ, поѣхалъ отъ насъ г. Давыдовъ, а съ нимъ исчезли и всѣ прочіе его прихлебатели и оставили меня спокоемъ и я радъ-радъ былъ, что отъ нихъ освободился.

А симъ кончу я и сіе письмо мое, сказавъ вамъ, что я есмъ вашъ, и прочее.

(Декабря 17 дня 1810 г.).

БОГОРОДИЦКЪ.

Письмо 237.

Любезный пріятель! Не успѣлъ я гостей своихъ спровадить, какъ чрезъ день послѣ того дошла надобность созывать опять къ себѣ ихъ и строить у себя пиръ и вечеринку. Насталъ день имянинъ жены моей. И какъ мы оный всегда праздновали, то не хотѣлось мнѣ и въ сей годъ не сдѣлать ей сей почести. Итакъ, былъ у меня опять обѣдъ для своихъ городскихъ и вечеринка съ музыкою и танцами. Но у меня тогда не совсѣмъ было на сердцѣ весело, отчасти по вышеупомянутому, пересказанному мнѣ отъ г. Давыдова секретно, извѣстію, по которому ожидалъ я для себя непріятныхъ послѣдствій, отчасти по причинѣ открывшихся въ домѣ разныхъ пропажъ и по невозможности открыть оныя, а болѣе всего по полученному изъ Тулы извѣстію, что одинъ изъ тамошнихъ купцовъ, бывшій мнѣ цѣлою тысячью рублями долженъ, сдѣлался банкрутомъ и

посаженъ въ тюрьму, и я деньги свои могъ почитать почти погибшими. Со всѣмъ тѣмъ, какъ убытокъ сей былъ для меня ни важенъ, но я перенесъ его какъ-то безъ дальней чувствительности, и такъ, что даже самъ тому дивился, а зарекался только впредь вѣрить купцамъ и давать имъ взаймы деньги.

Вскорѣ за симъ имѣлъ я опять неудовольствіе и досаду небольшую. Въ боярыняхъ моихъ возгорѣлось желаніе ѣхать въ Епифань молиться тамошнему образу по сдѣланному ими обѣщанію. Мнѣ же, не отдохнувшему еще отъ прежней дороги, крайне того не хотѣлось: «Господи, говорилъ я самъ себѣ: не тотъ же ли Богъ вездѣ и не такіе же ли образа, и требуетъ ли отъ насъ Всемогущій нашихъ обѣтовъ и ѣзды въ дальнія мѣста Ему молиться! не вездѣ ли Его вездѣ присутствіе? и не на всякомъ ли мѣстѣ Ему молиться можно? а было-бъ только моленіе сіе истинное и прямо душевное, а не въ словахъ однихъ состоящее!» Но сколько я ни досадовалъ, но не могъ отговориться и принужденъ былъ съ ними ѣхать.

Заѣзжая оттуда на перепутьѣ къ госпожѣ Бакуниной, не могъ я на почтенную сію старушку, не знающую еще ничего объ отчаянной болѣзни единственнаго ея и крайне любимаго сына смотрѣть съ спокойнымъ духомъ, предвидя, что скоро поразится она превеликою печалію и нарочно, для предъуготовленія ея къ тому, заводилъ не однажды рѣчь о подобныхъ тому несчастіяхъ въ свѣтѣ и о томъ, какъ многіе переносятъ ихъ съ великодушіемъ удивительнымъ.

По возвращеніи нашемъ, обрадовался я, нашедъ у себя уже ордеръ объ отправленіи негодяя учителя нашего подъ караулъ въ Тулу. «Ну, слава Богу, воскликнулъ я, теперь избавимся мы отъ сего бездѣльника!» Со всѣмъ тѣмъ, и тогда цѣлый почти день принужденъ я былъ съ нимъ прохлопотать и терпѣть отъ него многія досады и радъ-радъ былъ, что наконецъ сжилъ его съ рукъ своихъ и успокоилъ тѣмъ весь почти нашъ городъ.

Не успѣло еще и недѣли пройтить послѣ сего времени и я сколько-нибудь собраться съ духомъ, какъ полученный опять ордеръ отъ намѣстника повергъ меня въ новое смущеніе. Старичокъ подбирался подъ экономическую нашу сумму, чтобъ узнать всѣ мытарствы господина директора домоводства, и я принужденъ былъ вертѣться ужемъ и жабою, чтобъ сколько-нибудь поприкрыть грѣхи господина Давыдова и писалъ требуемыя вѣдомости, надъ сочиненіемъ которыхъ пролилъ не одну каплю пота и находился въ великомъ опасеніи, чтобъ не вышло оттого какихъ досадныхъ послѣдствій. Къ вящей досадѣ начиналась тогда уже половодь и, за испортившимся путемъ, нельзя было послать съ увѣдомленіемъ о томъ и къ забравшему множество сихъ денегъ себѣ господину Давыдову. Словомъ, для меня горе было имѣть дѣло съ такими командирами и единое упованіе возлагалъ я и при семъ случаѣ на Господа и тѣмъ сколько-нибудь успокоевался.

Между тѣмъ 27 марта наступилъ день рожденія моей старшей дочери и ей пошелъ уже 22 годъ отъ-роду. Возрастъ сей былъ наилучшій для сбыванія ея съ рукъ своихъ и отдаванія замужъ и какъ всѣмъ намъ довольно было извѣстно, какъ не хорошо засиживаться дѣвушкамъ, а съ сватовствами за нею все что-то не клеилось дѣло, то и сіе смущало и озабочивало насъ не мало. Въ разсужденіи г. Хотяинцова, хотя и не совсѣмъ мы до сего лишалися надежды, но пріѣхавшая къ намъ около сего времени госпожа Челищева, имѣвшая уже время съ нимъ списаться, уничтожила и послѣдній лучъ небольшой надежды нашей: она сказала намъ, что онъ пишетъ къ ней, что какъ дочь моя, такъ и всѣ мы ему и всему его семейству весьма полюбились, но что онъ все еще не отважливается жениться и все проситъ, чтобъ дали ему подумать. Итакъ, могли-ль мы на него полагать уже надежду, но признаться надобно, что сколько ни льстились мы съ начала симъ женихомъ, да и

узнавъ его не находили въ немъ ничего и худаго, но никакихъ не примѣтили въ немъ дальнихъ преимуществъ и дарованій, а сверхъ того весьма непріятна была намъ и отдаленность его отъ насъ жительства, ибо жилъ онъ за Москвою верстъ за сто, и намъ въ такую даль дочь свою отдавать не слишкомъ хотѣлось, а что всего хуже, то узнали мы, что есть на молодцѣ и должокъ, простиравшійся, по словамъ его, тысячъ до трехъ, а могло быть и гораздо болѣе, которое обстоятельство также было намъ не по душѣ и не весьма насъ радовало, а по всему тому—мы и тужили о томъ, и нѣтъ, что у насъ дѣло съ нимъ такъ хорошо, какъ бы разошлось уже совершенно, а въ сходствіе того перестали о томъ и думать, а жалѣли болѣе о болѣзни и отчаянномъ состояніи г. Бакунина, который изъ всѣхъ жениховъ былъ наисходнѣйшій и для всѣхъ насъ какъ по достатку, такъ и по личнымъ достоинствамъ наипріятнѣйшимъ.

Вскорѣ за симъ настали уже тали и стала приближаться половодь, нагонявшая на меня и приближеніемъ уже своимъ всегда страхъ и опасеніе, а съ началомъ апрѣля рушился уже и путь зимній. Въ первый день сего мѣсяца былъ я и обрадованъ, и напуганъ. Обрадованъ полученнымъ извѣстіемъ, что г. Давыдовъ изъ своего путешествія возвратился въ Тулу, что и побудило меня тотчасъ отправить къ нему вышеупомянутыя сочиненныя нами вѣдомости о экономическихъ деньгахъ; и чтобъ испытать, не могу ли я какимъ нибудь образомъ, въ разсужденіи забранныхъ господиномъ Давыдовымъ, себя обезпечить, отправилъ нарочно съ ними того подъячего, у котораго на рукахъ были деньги и далъ ему нужныя наставленія, что ему дѣлать.

Что касается до втораго пункта, то весь домъ нашъ былъ въ этотъ день на одинъ вершокъ отъ превеликаго несчастія. Сыну моему, при устанавливаніи всего въ нашемъ кабинетѣ и убираніи нашей библіотеки и украшеніи стѣнъ картинами, хотѣлось, подгромостившись, встать на комодъ для удобнѣйшаго прибиванія образа на стѣнѣ, но вдругъ провалилось подъ имъ насквозь стуло, и онъ отъ того упалъ съ комода всѣмъ махомъ на полъ и зашибъ себѣ кострецъ; но еслибъ Ангелъ Охранитель его жизни не поберегъ, то могъ бы онъ разшибить голову и до смерти убиться; столь паденіе сіе было опасно! Мы всѣ перепуганы были симъ случаемъ до чрезвычайности и обрадовались невѣдомо какъ, что сіе паденіе не произвело никакихъ дальнихъ слѣдствій.

На другой день послѣ сего былъ у насъ опять крестильный пиръ, и опять по поводу родившагося у попа ребёнка, котораго, по просьбѣ его, надлежало крестить моей дочери съ княземъ. А по сему случаю—у насъ обѣдъ и гости. А потомъ весь день занимались мы слушаніемъ казенной музыки, которая вся играла у меня въ домѣ и производила шумъ превеликой.

Всѣ послѣдующіе за симъ три дни было мнѣ что-то отмѣнно скучно и грустно, и я, власно какъ ожидалъ на себя какой бѣды, все тосковалъ; къ тому-жъ случились и разныя досады и неудовольствія. Запились у меня кузнецъ съ слесаремъ и какъ оба они мнѣ уже своимъ пьянствомъ надоѣли, то и выпоролъ я ихъ за то плетьми. Но какъ на другой день послѣ того кузнецъ мнѣ опять понадобился, то посылаю я за нимъ солдата; но сей, возвратясь, сказываетъ мнѣ, что нигдѣ не могъ онъ отыскать ни кузнеца, ни слесаря и никто не знаетъ, куда они дѣлись. Тутъ возмечтайся мнѣ, что оба сіи бездѣльника ушли въ Тулу просить на меня намѣстника о томъ, что я ихъ высѣкъ плетьми; оба они были молодцы изрядные, а особливо слесарь—превеликій плутъ, и отъ него, по мнѣнію моему, могло сіе всего скорѣе статься. Господи! какъ меня сіе смутило и потревожило. Ну-ка я посылать опять ихъ вездѣ искать, посылаю одного, посылаю другого и, не удовольствуясь солдатами, посылаю и собственнаго своего человѣка, приказывая вездѣ шарить и искать и жду не дождусь посланныхъ. Цѣлую половину

дня провелъ я въ превеликомъ смущеніи. Наконецъ, обрадовали оніе меня, притащивъ ко мнѣ обоихъ пьянюгъ сихъ, и гдѣ-жъ бы ихъ они нашли? Забившихся въ наиотдаленнѣйшій кабакъ въ городѣ и мертво пьяныхъ. Господи! какъ я тогда обрадовался, я позабылъ даже всю мою на нихъ досаду и отпустилъ имъ всю новую вину ихъ.

Къ усугубленію смущенія моего, начнись въ самое то время половодь, и отъ бывшаго во всю ночь сильнаго дождя вода вездѣ такъ увеличилась дружно, что я обезпамятѣлъ почти, какъ прибѣжали мнѣ сказывать, что привалившая вдругъ вода начала одинъ прудъ подлѣ островка нашего портить, чего никогда до того не бывало. «Давай, давай скорѣй лошадей», закричалъ я, и ну-ка туда самъ скакать и гнать народъ для спасанія онаго.

Но едва я только сіе дѣло кончилъ и кое-какъ прудъ отъ совершеннаго прорванія удержалъ, какъ возвратился мой подъячій съ посланными вѣдомостьми къ г. Давыдову и возвратился ни съ чѣмъ и не сдѣлавъ ничего. Извѣстіе, привезенное имъ, было таково, что въ состояніи было вновь меня смутить и перетревожить. Да и было чѣмъ смутиться, ибо, по разсказамъ и догадкамъ его, молодецъ мой командиръ имѣлъ намѣреніе всѣми забранными имъ отъ насъ денежками и хлѣбцомъ, по словамъ его, подавиться, а тѣхъ и другого была не бездѣлка. Количество денегъ простиралось за полторы тысячи, а хлѣба за двѣ тысячи четвертей. Господи! какъ сіе меня вновь смутило и озаботило: я имѣлъ причину опасаться, чтобъ не вышла отъ того мнѣ, и совсѣмъ невинному человѣку, бѣда и напасть большая, и натурально тѣмъ весьма тревожился.

Съ другой стороны повѣренный мой по вексельному дѣлу увѣдомлялъ меня, что должникъ мой, посаженный въ тюрьму, тамъ занемогъ и лежитъ при смерти въ горячкѣ и совсѣмъ безнадеженъ. Это увеличило еще мое смущеніе.

На другой день послѣ сего получилъ я отъ командира моего очень ласковое и пріятное письмо; но оное меня очень мало радовало, ибо я усматривалъ, что онъ въ разсужденіи забранныхъ денегъ и хлѣба очень трусилъ отъ намѣстника и имѣлъ причину ласкаться ко мнѣ изъ опасенія, чтобъ я не объявилъ всей истины и чтобъ я помогъ ему какъ-нибудь поживиться сими денежками и хлѣбомъ. И я не зналъ что дѣлать.

Наступившій за симъ праздникъ Вербнаго Воскресенья провели-таки мы довольно весело: ко мнѣ пріѣзжали нѣкоторые изъ городскихъ и сидѣли у насъ весь день. При которомъ случаѣ, по нѣкоторому поводу, читалъ я имъ давно сочиненную мною драму «Награжденная Добродѣтель». И какъ оная всѣмъ въ особливости нравилась и многіе отъ чувствительности утирали даже при слушаніи отъ удовольствія слезы, то сіе побудило меня испытать передѣлать ее въ романъ, дабы тѣмъ удобнѣе можно было напечатать сіе сочиненіе, лежавшее до того праздно, которое желаніе возобновлялось во мнѣ и послѣ того нѣсколько разъ, но никогда я къ тому неудосужился, почему она и теперь еще все въ манускриптѣ драмою.

Не успѣли мы начать послѣ того говѣть, какъ смутила меня новая забота и опасеніе. Сказываютъ мнѣ, что бездѣльникъ слесарь нашъ, котораго незадолго до того, какъ вышеупомянуто, я высѣкъ плетьми, занемогъ и лежитъ очень болѣнъ. «Батюшки мои! говорилъ я самъ себѣ въ мысляхъ: чтобъ еще не умеръ этотъ негодяй и чтобъ не нажить мнѣ и отъ сего еще какой бѣды». Итакъ, ну-ка я посылать скорѣе за лѣкаремъ и просить его убѣдительнымъ образомъ, чтобъ онъ постарался полѣчить сего бездѣльника.

Едва только я сіе дѣло кончилъ, какъ полученныя съ пришедшею почтою письма вновь меня смутили и озаботили. Одно было изъ Петербурга съ увѣдомленіемъ, что сынъ госпожи Бакуниной кончилъ наконецъ свою жизнь. Намъ жаль было невѣдомо-какъ сего добраго и завиднаго молодаго человѣка, котораго мы

любили, какъ роднаго, и въ женихи дочери моей прочили. И какъ я прошенъ былъ, чтобъ извѣстіе сіе доставить поспѣшнѣе его матери, о которой боялись всѣ мы, что она сего удара не перенесетъ, то озабочивался я мыслями о томъ, какъ бы сіе сдѣлать лучше; и наконецъ другаго не нашолъ, какъ переслать письмо сіе тайно къ племяннику ея г. Хвощинскому и просить его, чтобъ онъ къ тому времени, какъ можно будетъ мнѣ къ ней пріѣхать поприготовилъ ее стороною къ тому нѣсколько.

Другое письмо было отъ племянницъ моихъ Травиныхъ изъ Кашина. Сіи напубѣдительнѣйшимъ образомъ просили меня ссудить ихъ полутысячью рублями на постройку дома. Требованіе сіе было тогда весьма для меня не ко времени: деньги надобны были и самому мнѣ для всякаго случая при тогдашнихъ обстоятельствахъ; къ тому-жъ не было ихъ тогда столько и въ наличности, а займы сіи были почти безъ отдачи. Итакъ, не зналъ я, что мнѣ и въ семъ случаѣ дѣлать, и не менѣе смущался о томъ мыслями.

Къ умноженію смущенія моего, и оба мы съ сыномъ были какъ-то въ самое сіе время не очень здоровы и оба жаловались на боль въ груди и разслабленіе, а особливо сына моего такъ обезпокоивала возобновившаяся въ груди боль, что мы, озабочиваяся тѣмъ чрезвычайно, принуждены были лѣчить его посредствомъ воронки парами. Хожденіе обоихъ насъ въ баню, до которой оба мы были не охотники, и потомъ ѣзда въ церковь для пріобщенія Святымъ Тайнамъ болѣзнь сію не столько уменьшили, сколько увеличили, къ тому-жъ присовокуплялись и хлопоты при убираніяхъ и приготовленіяхъ къ наступающему празднику.

Въ сихъ неблагопріятныхъ и по многимъ отношеніямъ смутныхъ обстоятельствахъ засталъ насъ день Пасхи, случившійся въ сей годъ въ 16 день апрѣля. Мы отпраздновали его по старинному обыкновенію, переѣзжая другъ къ другу и занимаясь разными веселостями довольно весело. Но едва только прошли первые оба дня нашей Святой недѣли и мы спровадили отъ себя приходившій къ намъ, по обыкновенію, съ образами и обѣдавшій у насъ весь духовный клиръ, какъ по-утру во вторникъ прискакалъ ко мнѣ человѣкъ отъ г. Хвощинскаго съ убѣдительною просьбою, чтобъ мы поспѣшили къ нимъ пріѣхать въ Волково, для сказыванія теткѣ его госпожѣ Бакуниной о смерти ея сына и привезли бы съ собою нашего лѣкаря. Но какъ сіе составляло великую коммиссію, то условились мы ѣхать туда въ послѣдующій день и съ тѣмъ человѣка и отпустили, а сами занялись своими праздничными увеселеніями и угощеніями пріѣзжавшихъ къ намъ въ сей день гостей.

Но едва только началъ приближаться вечеръ, какъ прискакалъ ко мнѣ вторичный гонецъ отъ г. Хвощинскаго съ увѣдомленіемъ, что госпожа Бакунина о смерти сына своего уже знаетъ и находится въ отчаянномъ положеніи, и съ убѣдительнѣйшею просьбою, чтобъ мы колико можно поспѣшили для поданія ей руки помощи. Тогда не оставалось намъ другаго, какъ, бросивъ все, скакать туда въ ту же самую минуту. Итакъ, я, подхватя свою старушку тещу, лѣкаря и меньшую дочь госпожи Алабиной, въ Волково и полетѣлъ.

Какъ селеніе сіе было отъ насъ около двадцати верстъ, то со всею поспѣшностію не прежде мы могли пріѣхать туда, какъ уже ночью. Мы нашли госпожу Бакунину лежащею въ постели и въ прежалостнѣйшемъ положеніи, и я принужденъ былъ употребить всю свою философію и напрягать всѣ силы ума своего къ выдумыванію и употребленію лучшихъ и дѣйствительнѣйшихъ средствъ и убѣжденій къ приведенію сей огорченной до самой крайности матери въ разсудокъ и къ успокоенію ея духа. И какъ употребилъ я не такія пустыя слова, какими другіе обыкновенно печальныхъ утѣшаютъ, а такія, которыя прямо доходили до ея сердца и трогали разумъ, то и удалось мнѣ такъ ее утѣшить и подкрѣпить, что она при отъѣздѣ нашемъ на другой день по-

слѣ обѣда, принося мнѣ тысячу благодареній, признавалась, что я ее оживотворилъ своими убѣжденіями и разговорами, и что она за то обязана мнѣ чрезвычайною благодарностію. Впрочемъ, при семъ случаѣ, узнали мы съ достовѣрностію, что она дѣйствительно имѣла намѣреніе сватать за сына своего нашу дочь. Сама она признавалась намъ, что она спала и видѣла то, чтобъ имѣть при старости своей утѣшеніе и видѣть сына своего пріобщеннаго къ нашему семейству, но что, по всему видимому, не угодно было то волѣ нашего Господа.

Возвратившись оттуда, принялись мы за продолженіе нашихъ праздничныхъ увеселеній и за разъѣзды другъ къ другу. Прекрасная погода, стоявшая около сего времени, и начавшая произрастать трава съ одной стороны, а съ другой—наша музыка поспѣшествовали много къ пріятному препровожденію достальныхъ дней нашей Святой недѣли. Я могъ уже въ первый разъ быть почти весь день на воздухѣ и посѣтить всѣ сады, послѣ долговременнаго невидапія оныхъ, и въ особливости занимался увеселеніемъ себя красотами натуры и получилъ охоту собирать всѣ мысли, относящіяся до сего блаженнаго искусства и записывать оныя, дабы впредь можно было сочинять что-нибудь по сему предмету, каковымъ сочиненіямъ учинилъ я тогда же и нѣкоторое начало. Самый сынъ мой получилъ также въ томъ вкусъ и испытывалъ съ успѣхомъ и свои къ тому способности.

Но господинъ Давыдовъ не далъ намъ и Святую недѣлю провести всю спокоемъ и въ удовольствіи. А не успѣла настать суббота, какъ произошла новая отъ него ко мнѣ бомбандирація. Явились новыя и прямо безстыднѣйшія и безпокойнѣйшія требованія. «Господи! воскликнулъ я, прочитавъ полученное отъ него письмо, отъ досады и удивленія. Что этотъ человѣкъ думаетъ и помышляетъ! Итакъ уже по уши въ бѣдѣ, и чѣмъ бы ту какъ-нибудь тушить, а онъ еще болѣе лихія болѣсти затѣваетъ, и возможно ли? и есть ли въ немъ стыдъ и совѣсть? Дай ему еще сто четвертей гречихи, а про то и позабылъ, что на немъ уже и безъ того до 2,500 четвертей всякаго хлѣба. Пришли къ нему жалованье, а о томъ и позабыто совсѣмъ, что уже и безъ того 2,500 рублей промоталъ и, Богъ знаетъ, на что, и что даже Варсобинъ задержалъ за него 1,000 рублей собственныхъ своихъ денегъ»... Но что было дѣлать? Поговоривъ и подосадовавъ симъ образомъ, принужденъ былъ наконецъ выполнить и сіи его требованія.

Какъ въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣли была старшая дочь моя имянинницею, то по сему случаю сдѣлалъ я у себя опять пирушку. Пригласили всѣхъ городскихъ къ себѣ и угостили ихъ у себя обѣдомъ и потомъ увеселяли музыкою и танцами, и были въ сей день веселы. Павелъ мой въ состояніи былъ уже играть тріо и за игру свою пріобрѣлъ отъ всѣхъ похвалу не лестную. Но и сей день не прошелъ безъ нѣкоторыхъ для меня неудовольствій. Получилъ я письмы изъ деревень своихъ, и письмы непріятныя: изъ Дворенинова моего писалъ прикащикъ, что не достаетъ хлѣба на сѣмяна, а мужикамъ ѣсть нечего, и садовники жаловались на бездѣлье, и что не съ кѣмъ имъ работать въ садахъ моихъ; а изъ Козловской увѣдомляли меня, что межевой секретарь Дьяковъ, у котораго на рукахъ было наше межевое дѣло, умеръ и пошелъ воровать на тотъ свѣтъ. Все сіе было мнѣ непріятно, а особливо, что я съ симъ человѣкомъ былъ знакомъ и его предварительно нѣсколько уже и позадобрилъ. Далѣе подтвердилось извѣстіе, что намѣстникъ нашъ зачѣмъ-то и скоро-на-скоро поскакалъ изъ Тулы въ Москву. Сіе послѣднее меня нѣсколько порадовало и у меня, опасающагося отъ него гнѣва, нѣсколько на душѣ, по крайней мѣрѣ, на время отлегнуло.

Но радость моя не долго продолжалась. На другой же день послѣ того получилъ я ордера отъ своего начальника, которые меня вновь смутили и вздурили. Сей вѣтрогонъ, по отъѣздѣ намѣстника, еще болѣе взбѣленился и дурить началъ.

Въ сей разъ писалъ онъ ко мнѣ не партикулярно, какъ прежде, а безъ церемоніи повелѣвая ордеромъ, чтобъ я отпустилъ сто четвертей гречихи нѣкоторымъ постороннимъ. «Боже мой, воскликнулъ я, сей ордеръ прочитавши, что это за хозяйство? Хлѣба у самихъ нѣтъ и сами предъ недавнымъ временемъ предписали мнѣ, чтобъ оный всячески стараться покупать, дабы крестьяне не могли претерпѣть нужды, а намѣстникъ ордеромъ повелѣвалъ, чтобъ никому изъ постороннихъ не давать, а теперь изволь отпускать и послѣдній постороннимъ. Что это будетъ?!!» Кромѣ сего, было еще новое явленіе. Возмечталось, конечно, ему, что я отъ покупанія на волостныхъ крестьянъ рекрутъ получаю невѣдомо какіе прибытки, хотя въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ я отъ того ни малѣйшихъ, а напротивъ того, скучалъ сими хлопотами. Итакъ, приказывалъ онъ, чтобъ впредь не мнѣ на свое имя ихъ покупать, а хочетъ самъ онъ покупать ихъ на свое имя. Захохоталъ я, сіе прочитавши, и сказалъ: «батюшка ты мой! изволь, изволь, я очень еще радъ, что ты меня отъ сихъ хлопотъ избавляешь. Увидишь самъ, есть ли тутъ какіе барыши, а развѣ самъ захочешь ихъ тѣмъ отягощать; по крайней мѣрѣ, я освобожусь отъ напраснаго оттого нареканія». Но сего было еще не довольно. Но что всего для меня было смѣшнѣе и досаднѣе, то (sic) изволилъ гнѣваться, для чего по сіе время хлѣба мною не накуплено. «Ахъ, сударикъ ты мой! воскликнулъ я, опять захохотавши: разсоривши его самъ, хочешь, чтобъ онъ въ одинъ мигъ былъ и накупленъ; но что изволишь приказать, когда никто его не продаетъ, и мы сколько ни стараемся, но нигдѣ его отыскать въ теперешнее вешнее время не можемъ, и когда онъ всѣмъ самимъ надобенъ, а излишки всѣ давно распроданы. О умницы, умницы дорогія! вамъ бы позднѣе о семъ еще вздумать и позднѣе еще мнѣ о томъ приказывать». Со всѣмъ тѣмъ, какъ ни досадовалъ я, но всѣ новыя требованія сіи приводили меня въ смущеніе и въ недоумѣніе, что дѣлать, а особливо въ разсужденіи хлѣба.

Не успѣлъ я отъ сихъ и нѣсколькихъ другихъ случившихся въ то же время разныхъ досадъ и безпокойствъ поуспокоиться и, собравшись съ духомъ, опять приняться за свои упражненія и продолженіе сочиненія начатой мною книжки «О увеселеніяхъ красотою натуры», какъ, дня чрезъ три послѣ того, ранымъ-ранёхонько прискакалъ ко мнѣ опять гонецъ отъ г. Хвощинскаго, съ извѣстіемъ, что къ госпожѣ Бакуниной пріѣхалъ наконецъ г. Верещагинъ, ея зять съ дочерью ея изъ Петербурга, и что въ домѣ у нихъ происходятъ терзанья и такія сцены, которыхъ онъ изобразить не можетъ, и просилъ меня, чтобъ я опять къ нимъ пріѣхалъ съ лѣкаремъ для подкрѣпленія огорченной старухи. Что было дѣлать! Мнѣ хотя и не очень хотѣлось опять туда ѣхать, и тѣмъ паче, что я заключалъ, что печали старухиной не можно уже такъ быть великой, какъ прежде, а дочь ея съ своимъ мужемъ имѣла болѣе причины втайнѣ смерти брата ея радоваться, нежели объ ней сокрушаться, поелику она осталась тогда единственною всему имѣнію ея наслѣдницею,—но какъ не можно было ни чѣмъ отговориться, то принужденъ былъ, посадивъ лѣкаря съ собою въ карету, опять туда ѣхать. Тамъ нашли мы всѣхъ огорченныхъ, но не столько уже истинною печалью, сколько притворною и наружною, кромѣ старухи; но и сію не трудно уже было мнѣ опять утѣшить и разговорить. Она приносила мнѣ вновь тысячу благодареній, называя меня лестнымъ именемъ «пластыремъ души» ея и отрадою. И мы, пробывъ у ней почти до вечера, въ тотъ же день возвратились опять въ Богородицкъ со множествомъ новыхъ вѣстей, привезенныхъ господиномъ Верещагинымъ изъ Петербурга, а особливо о начинающейся вновь войнѣ съ Шведами и о худомъ положеніи, въ какомъ находилось тогда все наше отечество.

Сіе подлинно находилось тогда въ кри-

тическомъ положеніи. На Югѣ горѣла у насъ страшная война съ турками и вся армія употреблена была противъ оныхъ; она разбита была на нѣсколько частей и одною частію оной командовалъ прежній нашъ славный полководецъ графъ Румянцовъ, но коему не давали ни какой почти воли, а другою и знаменитѣйшею частью—тогдашній великій нашъ вельможа князь Потемкинъ, и сія назначалась для осады Очакова. Начальные успѣхи оной были не всѣ равно хороши, но въ самое то время, когда все вниманіе обращено было на сей край, вдругъ объявлена была на Сѣверѣ война съ Шведами. Владѣвшему тогда сими, бойкому ихъ королю Густаву III, восхотѣлось воспользоваться симъ случаемъ и поиспытать, не можно-ль бы ему было отобрать у насъ всѣ завоеванныя нами провинціи, почему, съякшавшись съ турками и получивъ отъ нихъ многіе мильоны золота, нарушилъ съ нами миръ и дѣлалъ страшныя противъ насъ вооруженія, и мы, не имѣя въ тамошнемъ краю никакихъ почти войскъ, принуждены были посылать туда самую гвардію, а флотъ свой остановить отъ посылки по-прежнему въ Морею и готовить для отраженія шведскаго, устремлявшагося на столицу нашу, и такъ далѣе.

Непосредственно почти за помянутою ѣздою моею въ Волково наступилъ май мѣсяцъ и, по причинѣ развертывающихся уже деревъ, начиналось наиприятнѣйшее время въ году. Мы встрѣтили оное гуляніями по садамъ нашимъ и желаніями, чтобъ хотя сей мѣсяцъ былъ для насъ покойнѣе и не наполненъ толь многими непріятностями, какъ прошедшій. Однако, желанія наши худо совершались. Онѣ продолжались по-прежнему, и въ самый уже день сего мѣсяца смутилъ мой духъ г. Давыдовъ. Является вдругъ множество подводъ, пріѣхавшихъ къ намъ за овсомъ и подающихъ мнѣ приказаніе отъ него, чтобъ отпустить опять 100 четвертей овса. Восхотѣлось ему, и самымъ хищническимъ образомъ, захватить у насъ и послѣдній. Господи! какъ сіе меня опять смутило и озаботило, но нечего было дѣлать, принужденъ былъ повелѣнію командира моего повиноваться.

На другой день послѣ сего, пользуясь прекрасною погодою, поскакалъ я въ волостное огромное село Никитское, какъ для разбиранія разныхъ по землямъ между крестьянами дрязговъ, такъ и для назначенія мѣстъ подъ лавки и хлѣбные анбары, поелику мы затѣвали тамъ заводить вновь еженедѣльный торгъ. Но едва только я, кончивъ тамъ свои дѣла и пообѣдавъ, сталъ на возвратномъ своемъ пути приближаться къ Богородицку, какъ усмотрѣлъ летящую прямо на насъ и приближающуюся страшную съ грозою тучу. Не любя никогда быть во время грозы въ дорогѣ, ну-ка мы спѣшить, скакать во весь духъ и поспѣшать какъ можно добираться до двора, и едва-едва успѣлъ отъ ней увернуться, ибо не успѣлъ я выттить изъ кареты, какъ при страшныхъ громовыхъ ударахъ и полился проливной дождь и въ мигъ послѣ того посыпался страшный и такой градъ, какого я никогда еще до того не видывалъ. Самыя меньшія градины были не меньше какъ въ орѣхъ величиною, а множайшія несравненно болѣе и даже въ голубиное яйцо и въ лѣсное яблоко величиною и такой странной фигуры, что мы съ сыномъ тогдаже нѣкоторыя изъ нихъ въ точной натуральной ихъ величинѣ и видѣ срисовали, который рисунокъ хранится и понынѣ у насъ въ нашей картинной книгѣ. Что-жъ касается до дождя, то оный былъ такой крупный и проливной, какого никогда еще не бывало: онъ продолжался хотя не болѣе двухъ часовъ, но надѣлалъ столько пакостей, сколько не моглибъ учинить и три половоди, будучи совокуплены вмѣстѣ. Воды привалило вдругъ со всѣхъ сторонъ такое множество, что на маленькихъ нашихъ прудахъ шла она чрезъ всѣ плотины на полъ-аршина толщиною и разрыла и набѣдовала невѣдомо сколько. Два небольшихъ прудка совсѣмъ она у насъ снесла и выворотила даже спуски самые, а

прорвала и нижній, и Щедиловскій большой прудъ, котораго мнѣ очень было жаль, по причинѣ находившихся въ немъ множества карпіевъ.

Легко можно заключить, что происшествіе сіе было мнѣ весьма непріятно и доставило мнѣ множество новыхъ хлопотъ, заботъ и трудовъ. Я только ахалъ, пошедши на другой день осматривать сады свои и пруды, и смотря на все, что вода въ нихъ начудотворила, и принужденъ былъ нѣсколько дней сразу, согнавъ народъ, заниматься починками и поправленіями поврежденныхъ и испорченныхъ мѣстъ, гдѣ что было можно; а иныя при тогдашнихъ обстоятельствахъ и совсѣмъ кинулъ и довольствовался поправленіемъ однихъ нужнѣйшихъ. Но болѣе всего занималъ меня прорвавшійся Щедиловскій прудъ, ибо какъ въ стремѣ онаго осталось еще премножество карповъ, то цѣлый день старались мы ихъ вылавливать и наловили ихъ такое множество, что я могъ насажать ими всѣ свои рыбные каналы, водоемы и сажелки, и запастись ими на долгое время.

Между тѣмъ ѣздила жена моя съ среднею дочерью опять навѣщать г-жу Бакунину и привезла оттуда гостившую у ней во все сіе время старшую дочь нашу. Сія имѣла счастіе пріобрѣсть и тамъ отъ всѣхъ къ себѣ любовь и уваженіе, и госпожа Бакунина опять сожалѣла, что судьба не осчастливила ее таковою невѣсткою, и сказывала и имъ, что она только дожидалась возвращенія сыновня, и хотѣла тотчасъ начинать сватовство. Онъ же съ тѣмъ и умеръ, что хотѣлъ быть въ моемъ семействѣ; но Богу было то не угодно, и счетъ сей дѣланъ былъ безъ хойки (?), и хорошо еще было, что мы тогда сего не знали.

Непосредственно за симъ получилъ я изъ Тулы огорчительное извѣстіе, что должникъ мой, въ тюрьмѣ отъ болѣзни умеръ. Я поклонился ему тогда своими пропавшими на немъ денежками, но перенесъ сей непріятный случай довольно съ спокойнымъ духомъ и болѣе потому, что убытокъ сей былъ для меня не слишкомъ разорителенъ. Другую непріятность имѣли мы ту, что должны были разстаться съ другомъ нашимъ господиномъ Гурковымъ, переведеннымъ указомъ въ другой городъ. Онъ любилъ насъ всѣхъ душевно и чистосердечно, а и мы надъ нимъ хотя иногда шучивали, но любили также. При разставаніи проводили мы его почти со слезами дружества, и ради были, что остался у насъ ему памятникъ, ибо сыну моему вздумалось однажды срисовать съ него на бумажкѣ портретъ, довольно на него похожій, который и понынѣ хранится у насъ въ картинной книгѣ.

По случаю наступившей вскорѣ послѣ того Епифанской Никольской ярманки, восхотѣлось домашнимъ моимъ опять побывать на ней и помолиться тамошнему образу. Итакъ, принужденъ былъ я вмѣстѣ съ женою, сыномъ, обѣими старшими дочерьми и Алабиною туда ѣхать. И какъ былъ тамъ съѣздъ многимъ дворянамъ, то имѣли мы случай видѣться со многими нашими друзьями и знакомцами, ходили съ ними по рядамъ, слушали вмѣстѣ въ тамошнемъ соборѣ всенощную, во время которой замучилъ насъ одинъ изъ тамошнихъ поповъ, превеликій охотникъ до пѣвчихъ, громкимъ и нескладнымъ своимъ ораньемъ; и наконецъ ночевали у Челищева, бывшаго въ то время засѣдателемъ. Въ самый же праздникъ, по отслушаніи обѣдни, приглашены мы были на обѣдъ къ тамошнему судьѣ г. Григорову, гдѣ, кромѣ насъ, обѣдало и множество другихъ. Послѣ обѣда же посѣтили нашего солянаго пристава г. Викулина, а отъ него, вмѣстѣ съ Волковскими, проѣхалъ ночевать въ Волково къ госпожѣ Бакуниной.

Тутъ, отъ пріѣзжавшаго также къ ней изъ Тулы зятя ея г. Верещагина, услышалъ я нѣчто новое и неожидаемое, а именно, что есть слухъ, что командира моего Николая Сергѣевича переводятъ отъ насъ въ Калугу. Я тому вѣрилъ и не вѣрилъ, но вкупѣ и не зналъ радоваться-ли тому, или жалѣть, если сіе сбудется, ибо, при всѣхъ дуреньяхъ своихъ,

былъ онъ человѣкъ прямо добродушный, и мы къ нему уже попривыкли. Впрочемъ, госпожа Бакунина такъ была намъ рада, что не отпустила отъ себя и на другой день безъ обѣда, а старшую дочь мою опять у себя гостить оставила, обѣщавъ на тѣхъ же дняхъ прислать ее къ намъ вмѣстѣ съ своими родными.

Не успѣлъ я изъ сего путешествія возвратиться, какъ полученные вновь и пустые ордера обезпокоили опять духъ мой. Нѣкоторымъ изъ волостныхъ крестьянъ вздумалось съ глупыми дрязгами своими, не просивъ напередъ меня, иттить въ Тулу и просить самого намѣстника и Давыдова, а тѣ, принимая глупыя и пустыя ихъ просьбы и входя въ оныя, дѣлали только мнѣ разстройку въ порядкѣ управленія.

Чрезъ три дни послѣ того, проведенные мною отчасти въ обыкновенныхъ моихъ кабинетныхъ упражненіяхъ, отчасти въ угащиваніи пріѣзжавшихъ къ намъ въ оные разныхъ и проѣзжихъ и тутошнихъ гостей,—пріѣхали къ намъ Волковскіе, привезя съ собою и нашу Елизавету. Мы постарались и ихъ угостить у себя взаимнымъ образомъ. Господина Хвощинскаго любилъ и почиталъ я всѣмъ сердцемъ; а г. Верещагинъ насмѣшилъ насъ своими жалобами на мои музыкальные часы, недавшіе ему во всю ночь уснуть порядочно. «Такая бѣда, говорилъ онъ, не успѣю, проснувшись отъ игры ихъ, начать опять засыпать, какъ они опять, тюрюрю, тюрюрю. Что ты изволишь!» — «И, братецъ! сказалъ я; тебѣ бы только кликнуть малаго и велѣть снять большую гирю, такъ бы они и замолчали и будить тебя перестали».— «Ну, этого я истинно не зналъ, сказалъ онъ, а то бы я самъ это сдѣлалъ!»

Гости сіи не только у насъ тогда ночевали, но и пробыли весь почти послѣдующій день. И какъ присовокупились къ нимъ многіе и другіе, то былъ у насъ сей день прямо гостиный и довольно веселый. Какъ въ числѣ сихъ были и выпущенные недавно изъ гвардіи г. Алабинъ и г. Албычевъ, то, по случаю разговора о моемъ сынѣ, брался г. Верещагинъ чрезъ родню свою г. Бакунина въ Петербургѣ сдѣлать то, чтобъ и его выпустили также, и выпросилъ у меня копію съ его пашпорта, которую я ему и далъ, хотя и не полагалъ дальней на то надежды.

Едва только я сихъ гостей отъ себя спровадилъ, какъ вдругъ сказываютъ мнѣ, что прискакалъ опять нарочный гонецъ ко мнѣ изъ Тулы. Былъ онъ отъ г. Давыдова съ требованіями различными, и наиглавнѣйше — о наискорѣйшей присылкѣ всѣхъ имѣвшихся у насъ въ наличности тогда денегъ. И что-то было странное и удивительное: командиръ мой метался, какъ угорѣлая кошка, давай то, давай другое и скорѣй, скорѣй, скорѣй. «Господи, говорилъ я, что это такое и что значитъ?» Однако, все сіе меня не такъ смутило и встревожило, какъ въ то же время полученное извѣстіе, что и самъ онъ чрезъ четыре дня послѣ того къ намъ пріѣдетъ, а недѣли чрезъ двѣ прибудетъ и самъ намѣстникъ. Легко можно заключить, что сей послѣдній слухъ былъ для меня не весьма радостенъ. «Это зачѣмъ такимъ Богъ несетъ», сказалъ я, посмутившись и гораздо духомъ и не сомнѣвался въ томъ, что тутъ дѣло не пройдетъ опять безъ безпокойствъ и интригъ разныхъ.

Но какъ бы то ни было, но я принужденъ былъ съ настаніемъ послѣдующаго дня спѣшить отправленіемъ въ Тулу зелени, карповъ и подводъ за ново-опредѣленнымъ учителемъ въ школу, а между тѣмъ суетиться о скорѣйшемъ отправленіи и оныхъ, ибо по всѣмъ обстоятельствамъ видно было, что они командиру моему гораздо понадобились, ибо въ самое тоже время и въ питейной ихъ конторѣ всѣ сколько ни-было денегъ выгребены и въ тотъ же часъ отправлены были въ Тулу, а по всему тому заключалъ я, что конечно произошло въ Тулѣ нѣчто особливое и опасался, что не дошло [ли] уже дѣло до считанія моего командира.

Я и успѣлъ все повелѣнное въ самомъ скоромъ времени выполнить и радъ былъ,

что сжилъ и сію коммиссію съ рукъ своихъ.

А симъ и кончу я сіе мое письмо, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Декабря 18-го дня 1810 года).

УДОВОЛЬСТВІЯ И НЕПРІЯТНОСТИ РАЗНЫЯ.

Письмо 238.

Любезный пріятель! Отправивъ помянутымъ образомъ и деньги, и все прочее въ Тулу и оставшись съ любопытнымъ ожиданіемъ дальнѣйшихъ изъ Тулы вѣстей, принялся я опять за прежнія свои комнатныя упражненія, которыя состояли около сего времени наиболѣе въ писаніи по вышеупомянутому новому предмету, относящемуся до красотъ натуры, которое, при всѣхъ тогдашнихъ моихъ частыхъ смущеніяхъ и душевныхъ безпокойствахъ, шло съ такимъ успѣхомъ, что менѣе нежели въ три недѣли сочинилъ и написалъ цѣлую книжку о красотѣ натуры, подъ заглавіемъ «Опытъ руководству къ описанію красотъ и пріятностей натуры», которая и понынѣ еще цѣла и хранится въ библіотекѣ моей въ манускриптѣ. Кромѣ того, занимался я продолженіемъ сочиненія матеріала для «Экономическаго Журнала». Сынъ же мой занимался также безпрерывно коечѣмъ, ибо онъ сдѣлался такимъ же охотникомъ до всегдашнихъ упражненій, какъ и я. Впрочемъ, почти ежедневно занимались мы съ нимъ, какъ собственною своею, такъ и казенною музыкою, которая часъ-отъ-часу приходила въ лучшее совершенство и доставляла обоимъ намъ множество удовольствій и пріятныхъ минутъ въ жизни. Она не только часто игрывала у насъ въ домѣ, а особливо при случаѣ пріѣзжающихъ къ намъ очень часто гостей, но не одинъ разъ таскали мы ее въ большой казенный садъ и заставливали играть духовую, либо предъ эхоническимъ нашимъ зданіемъ, либо въ превеликой нашей ротундѣ и утѣшались слушаніемъ оной вдали и съ вечерней нашей сидѣлки. А неудовольствуясь тѣмъ, для ежедневной репетиціи завели порядокъ, чтобъ въ каждой вечеръ приходили они играть зорю предъ окнами дома моего и тѣмъ оканчивали день свой. Сверхъ того, не пропускали мы ни одного хорошаго и удобнаго къ гулянію дня, чтобъ не выходить въ сады наши и не утѣшаться въ нихъ возобновляющимися тогда красотами натуры. Словомъ, если бы только не прерывали забавы наши столь частыя тревоги и душевныя смущенія и безпокойства, то жить бы намъ было очень весело.

Но сіи проклятыя не только не хотѣли пресѣкаться, но съ каждымъ днемъ умножались и увеличивались еще болѣе. Не успѣлъ я помянутымъ образомъ отправить въ Тулу наши деньги, какъ, въ тотъ же еще день къ вечеру, возвратилась къ намъ изъ Тулы наша Марья Юрьевна, гостившая опять нѣсколько недѣль у господина Давыдова въ домѣ и, пришедши къ намъ по-утру, насказала столько вѣстей, и вѣстей столь важныхъ, что онѣ всѣхъ насъ перетревожили и до крайности смутили. Состояли они наиглавнѣйше въ томъ, что тогдашняя любовница намѣстникова, госпожа Вельяминова, возненавидѣвъ за что-то командира моего г. Давыдова, положила непремѣнно и старается всѣми силами столкнуть его изъ директоровъ, а на мѣсто его перевесть своего мужа. И какъ на умѣ у ней расхитить и разворовать нашу волость и тѣмъ поправить разстроенное состояніе своего мужа, то, для удобнѣйшаго произведенія того въ дѣйство, помышляетъ и меня отженить отъ волости прочь и на мѣсто мое опредѣлить мужнина брата Степана Ивановича Вельяминова, имѣвшаго только двѣ способности въ свѣтѣ, а именно: ѣздить и гайкать съ собаками, да играть въ карты и мотать, а болѣе ничего. Но какая до того нужда, а надобно, чтобъ все было уже подъ стать, и что бѣдный человѣкъ намѣстникъ, любя до обожанія сію злодѣйку и повинуясь ей, о томъ и старается, а потому

и хочетъ самъ и невзначай пріѣхать къ намъ въ Богородицкъ и отыскивать все, чѣмъ бы можно было и г. Давыдова, и меня обвинить, и обоихъ насъ лишить мѣстъ нашихъ.

Легко можно заключить, что извѣстіе сіе для всѣхъ насъ было крайне поразительно и перетревожило, и смутило всѣхъ насъ до безконечности. Я самъ, сколь ни худо еще всему тому вѣрилъ, но заключая, что все сіе отъ помянутой госпожи всего легче статься можетъ, начиналъ уже опасаться, чтобъ въ самомъ дѣлѣ не потерять мнѣ своего мѣста, и думать, что становилось оно для меня не совсѣмъ уже надежно, что врядъ-ли мнѣ долго тутъ оставаться, ибо заключалъ, что женская хитрость и горами ворочать можетъ. Однако, говорилъ я: «и то правда, что безъ власти и соизволенія Божескаго ничего они мнѣ сдѣлать со всѣми своими хитростями не могутъ, а ежели Богу будетъ то угодно, то и я отъ того не прочь, ибо Онъ знаетъ, что дѣлаетъ, и Его святая воля въ томъ и буди!» Симъ и подобнымъ сему образомъ говоря и разсуждая, и поуспокоилъ я опять свои мысли и принялся опять за свои упражненія кабинетныя и надворныя, ибо какъ тогда наступило уже время въ садахъ сѣять цвѣты и прочее, то занялся я садами, а особливо своимъ маленькимъ, который часъ-отъ-часу дѣлался мнѣ милѣе и становился пріятнѣйшимъ.

Чрезъ день послѣ того имѣлъ я новое неудовольствіе услышать, что нѣкоторыя изъ самыхъ подкомандующихъ моихъ были мною недовольны и негодовали на то, для чего я за плутовъ и бездѣльниковъ не заступаюсь и имъ не даю воли, и для чего въ угодность ихъ не подвергаю себя опасности. Но какъ происходило сіе отъ людей такого же рода и такихъ же негодяевъ, то я немного на то смотрѣлъ, а дѣлалъ то, что мнѣ предписывалъ разумъ. Со всѣмъ тѣмъ, и сіе обстоятельство было мнѣ тогда непріятно, ибо казалось, что все совокуплялось вмѣстѣ противъ меня и угрожало бурею и лишеніемъ мѣста.

Въ самое то же время и возвратившійся изъ Тулы вахмистръ, съ которымъ я посылалъ деньги, подтвердилъ извѣстіе о намѣстникѣ и увѣрялъ, что оный вѣрно чрезъ одинъ или два дня послѣ того къ намъ пріѣдетъ, но, къ несчастію, письмо, посланное ко мнѣ о томъ отъ г. Давыдова, было имъ какимъ-то образомъ обронено и потеряно, и я невѣдомокакъ о томъ жалѣлъ и досадовалъ, и при отправленіи въ слѣдующее утро въ Тулу спаржи, принужденъ былъ о томъ увѣдомить г. Давыдова и, браня дурака вахмистра, говорилъ, какъ онъ не потерялъ и самого новаго учителя, отправленнаго къ намъ съ нимъ для нашего волостнаго училища, который тогда же и вступилъ въ свою должность.

Какъ слухъ о скоромъ пріѣздѣ намѣстника подтвердился въ тотъ день, то, не долго думая, начали мы дѣлать къ пріѣзду его всѣ нужныя приготовленія и прибирать дворецъ для его пребыванія. Но никогда не ожидалъ я пріѣзда его къ себѣ съ такимъ смущеннымъ духомъ, какъ въ сей разъ, и не однажды самъ съ собою въ мысляхъ говорилъ: «Богъ его знаетъ, съ чѣмъ и за чѣмъ онъ сюда ѣдетъ, и ни то съ добромъ, ни то съ худомъ». Но тутъ надобно было пріѣхать ко мнѣ еще и гостямъ и помѣшать мнѣ въ моихъ заботахъ о приготовленіи всего, что было нужно. И надобно было еще настращать насъ бывшей у меня небольшой чугунной пушечкѣ, изъ которой, гуляя съ гостями, вздумалось намъ для забавы стрѣлять. Негодяйкѣ, выдержавшей до того тысячу разъ стрѣльбу изъ себя, вздумалось на ту пору разорваться, и я благодарилъ Бога, что взялъ предосторожность и что насъ близко при томъ не было и ни кого не повредило.

На другой день имѣлъ я и съ княземъ нашимъ непріятное дѣло. Умножающіеся часъ-отъ-часу слухи о скоромъ пріѣздѣ къ намъ намѣстника и дѣлаемыя нами пріуготовленія побудили и

грузина сего прискакать ко мнѣ въ канцелярію. Онъ суетился тогда невѣдомо какъ о деньгахъ 400 рубляхъ, выпрошенныхъ имъ у г. Давыдова изъ нашей суммы на короткое время и имъ до самаго того времени еще не возвращенныхъ. И какъ ему хотѣлось какимъ-нибудь образомъ избавиться отъ слова и отъ намѣстника за то на себя гнѣва, то хотѣлось ему, чтобъ сумму сію у когонибудь, на часокъ перехватя, къ намъ внесть, а послѣ, чтобъ взять ее опять обратно, но я и не хотѣлъ, и не имѣлъ резону на то согласиться и болѣе потому, что онъ и не хотѣлъ еще покориться, а казокался, что мнѣ было очень досадно. «Вотъ какая диковинка, думалъ и говорилъ я тогда самъ съ собою; и своихъ заботъ полонъ ротъ, а еще заботься и о чужихъ грѣхахъ, люди бездѣльничали, а я опасайся теперь, чтоб не нажить слова!» Также не зналъ я, что и г. Давыдовъ думалъ и дѣлалъ съ своими деньгами; онъ забралъ отъ насъ хотя по ордеру 1,500 рублей, но мы не знали, какъ показать объ нихъ намѣстнику, а съ забратымъ имъ 2,500 четвертей хлѣба не знали, какъ и быть, поелику онъ не помышлялъ объ немъ, а пріѣздъ намѣстника былъ столько ужъ не сумнителенъ, что я весь тотъ день, дожидаясь его, не выходилъ почти изъ дворца и изъ канцеляріи. Однако, никого къ намъ въ сей день не пріѣзжало.

Въ таковомъ тщетномъ ожиданіи, провели мы и весь послѣдующій 23 день мѣсяца мая, и я, не могши ни кого дождаться, послалъ уже нарочныхъ въ Дѣдилово дожидаться, и чтобъ дали мнѣ скорѣе знать, какъ скоро намѣстникъ туда пріѣдетъ.

Между тѣмъ въ самый этотъ день пріѣзжалъ къ намъ въ гости новый и молодой нашъ сосѣдъ Петръ Герасимовичъ Шишковъ, сынъ того гуляки, о которомъ упоминалъ я прежде, при описаніи самаго начальнаго пріѣзда къ намъ намѣстника, и котораго давно уже не было на свѣтѣ. Что касается до сего сына его, то знакомъ онъ намъ былъ еще въ его малолѣтствѣ, поелику онъ съ братомъ своимъ учился у насъ въ пансіонѣ и бывалъ очень часто у насъ и игрывалъ не одинъ разъ съ дѣтьми моими на театрѣ, но послѣ того мы его давно уже не видали, потому что онъ, отбывъ отъ насъ, служилъ въ гвардіи, изъ которой и выпущенъ былъ въ послѣдній выпускъ капитаномъ. И какъ въ сіе время вступилъ онъ во владѣніе всѣми оставшимися послѣ смерти отца его деревнями и жилъ хозяиномъ въ находившейся верстъ за 10 отъ Богородицка деревнѣ своей Ламкахъ, то и пріѣхалъ онъ къ намъ для возобновленія стариннаго своего знакомства съ нами. Мы удивились, увидавъ его, достигнувшимъ уже совершеннаго возраста и имѣвшаго всѣ нужныя молодому человѣку достоинства, и были ему очень ради. Онъ пробылъ у насъ во весь тотъ почти день. И достопамятно, что въ самую сію его у насъ бытность, родилась въ головѣ моей первая мысль о томъ, что не можно ли быть бы ему моимъ зятемъ и намъ отдать за него свою Елизавету. А что удивительнѣе того, то и у него родилась о томъ таже самая мысль, ибо и дочь моя, достигшая также, между тѣмъ, до совершеннаго возраста, ему очень полюбилась. Однако, въ сей разъ и осталось при однихъ только о томъ взаимныхъ мысляхъ и ничего не говорено было о семъ предметѣ.

Какъ въ послѣдующій день по календарю предсказано было солнечное затмѣніе и случился ясный день, то дожидались мы онаго съ любопытствомъ и имѣли удовольствіе видѣть въ самый назначенный часъ оное во всемъ пространствѣ и ему насмотрѣться. Оно продолжалось болѣе часа времени и солнца затмѣвалась почти цѣлая треть съ нижняго бока; мы смотрѣли на оное сквозь закопченныя стекла и въ зрительную трубу, при помощи наклееннаго сверхъ большаго стекла кружка изъ синей бумаги, съ прорѣзанною на немъ поменьше дирочкою, что я въ самое то время выдумалъ.

Кромѣ сего, имѣли мы въ сей день и

другое удовольствіе. Отправленный отъ меня въ Дѣдиловъ дожидаться намѣстника, возвратясь, привезъ къ намъ извѣстіе, что намѣстникъ не будетъ и что его что-то остановило. Сіе обрадовало насъ чрезвычайно, ибо гостю сему были мы тогда не очень ради. И я, подумавъ и подивясь тому, самъ себѣ сказалъ: «Ну, если подлинно ѣхалъ онъ сюда не съ добромъ, то смотри, пожалуй! случись какъ нарочно и препятствіе ему, и властно какъ нѣкая невидимая рука его остановила, а можетъ быть и всѣ замыслы враговъ моихъ разрушила и планы ихъ перечеркнула крестъ-на-крестъ».

Но радость сія не долго продолжалась. А наутріе же, бывши у князя въ гостяхъ, по случаю бывшаго тогда праздника Вознесенія Господня, услышалъ я отъ него, что Хомяковъ писалъ къ повѣренному въ контору, что намѣстникъ собирается къ намъ ѣхать, но когда—неизвѣстно. Итакъ, извѣстіе сіе опять меня смутило и озаботило, и я, отправивъ вновь къ намѣстнику спаржу, редисъ и огурцы изъ нашихъ парниковъ, сталъ опять вѣстей съ посланнымъ дожидаться.

Сіи возвратились къ намъ не прежде, какъ 27 числа съ письмомъ отъ г. Давыдова и съ увѣдомленіемъ, что онъ будетъ къ намъ еще въ самый тотъ же день ночевать. Однако, мы прождали его по-пусту, а прислалъ онъ ночью намъ сказать, что онъ ночуетъ на своемъ хуторѣ и будетъ къ намъ по-утру. Пріѣздъ его былъ въ сей разъ сколько для волостныхъ дѣлъ, а болѣе для угощенія ѣздившаго тогда изъ Петербурга для свидѣтельствованія всѣхъ училищъ, Осипа Петровича Козадавлева, того самаго, который нынѣ у насъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, но тогда былъ онъ еще только коллежскимъ совѣтникомъ и ѣхалъ къ намъ для свидѣтельствованія и нашего училища.

Въ слѣдующій день г. Давыдовъ и дѣйствительно къ намъ по-утру пріѣхалъ и расположился во дворцѣ. Мы тотчасъ къ нему всѣ собрались и, по случаю бывшаго тогда воскреснаго дня, ходили съ нимъ къ обѣдни, а потомъ обѣдали всѣ у него въ дворцѣ. Послѣ обѣда же были всѣ у меня, и мы вмѣстѣ съ боярынями ходили въ большой садъ гулять, и, по случившейся тогда прекрасной погодѣ, гулянье наше было прекрасное. Садъ для пріѣзда намѣстника прибранъ былъ у меня колико можно лучше: музыка вся гремѣла въ каменномъ храмѣ, а духовая въ ротундѣ и гулять было очень весело. Но ожидаемый гость нашъ г. Козодавлевъ пріѣхалъ къ намъ не прежде, какъ уже ввечеру; однако, успѣлъ еще, напившись чаю, погулять по саду, и съ бывшею съ нимъ женою его Анною Петровною. Боярыни наши встрѣтились съ ними будто не нарочно въ саду и познакомились съ его женою, и мнѣ крайне пріятно было, что оба они дивились нашему саду и любовались имъ очень много и были довольны. Между тѣмъ приготовленъ былъ ужинъ, и всѣ ужинали во дворцѣ, гдѣ г. Давыдовъ уступилъ имъ весь нижній этажъ, а самъ перебрался на верхъ для ночеванья.

Гости наши проспали очень долго, и мы принуждены были дожидаться ихъ часу до десятаго. Послѣ чего ходилъ г. Козодавлевъ смотрѣть нашего училища и экзаменовать всѣхъ нашихъ школьниковъ, и онъ всѣмъ былъ доволенъ. Оттуда ходилъ онъ смотрѣть церковь, которая ему также очень полюбилась. А тамъ прошелъ ко мнѣ, ибо я пригласилъ его и всѣхъ къ себѣ обѣдать и постарался угостить обоихъ ихъ, какъ можно лучше. Жена его была дама умная, ласковая и пріятная, а самъ онъ человѣкъ ученый, съ большими обо всемъ свѣдѣніями и очень добрый. Итакъ, сіе подало имъ случай узнать меня и познакомиться съ нами. А поелику онъ нашелъ и во мнѣ такова человѣка, съ которымъ могъ онъ объ ученыхъ дѣлахъ и обо всемъ говорить, то во все продолженіе стола, да и прежде, и послѣ проговорилъ все съ однимъ только со мною, и былъ угощеніемъ моимъ крайне доволенъ. Двѣ музыки и пѣвчіе гремѣли во все продолже-

віе стола; а послѣ обѣда вскорѣ онъ отъ насъ далѣе въ свой путь и поѣхалъ, отзываясь крайне всѣмъ довольнымъ. Мы съ сыномъ, мѣшавшимся также съ нимъ въ разговоры, подарили его двумя ящичками съ нашими марморными песками и кускомъ нашего цѣлебнаго енкритнаго камня, и оба съ сыномъ постарались ему кинуть всѣмъ-и-всѣмъ добру пыль въ глаза и пріобрѣсть любовь его ко всему нашему семейству. Словомъ, мы такъ его тогда всѣмъ очаровали, что онъ и въ теченіе цѣлыхъ 22-хъ лѣтъ, прошедшихъ послѣ того, не могъ насъ и тогдашняго нашего угощенія позабыть, и въ концѣ минувшаго года, будучи уже министромъ, писалъ ко мнѣ лестное для меня письмо и упоминалъ въономъ о тогдашнемъ нашемъ угощеніи и пріятныхъ минутахъ, со мною провожденныхъ.

По отъѣздѣ его, не сталъ долѣе медлить у насъ и г. Давыдовъ; но, взявъ князя съ собою, поскакалъ къ дядѣ своему, добродушному старику г. Лаговщину, о которомъ получилъ онъ еще въ минувшій день печальное извѣстіе, что его, находившагося тогда въ деревнѣ у зятя своего г. Хомякова, разбилъ вдругъ параличъ, и куда тогда-жъ отправленъ уже былъ нашъ лѣкарь. Проводивъ его, остались мы всѣ во дворцѣ и повеселились еще музыкою и даже немного и потанцовали подъ оную. Но ввечеру встревожены мы были присылкою изъ Тулы письма о пріѣздѣ къ намъ какого-то г. Разумовскаго, но который пріѣхалъ уже въ самую полночь и, ставъ во дворцѣ, перемѣнилъ только лошадей и до свѣта опять уѣхалъ, такъ что я его и не видалъ, ибо мнѣ о томъ и не сказали.

Въ слѣдующій за симъ день занялся я отправленіемъ повѣреннаго своего въ Козловскую деревню, для покупки сторгованной старостою моимъ Горитовской дачи у нѣкова г. Карандеева земли за 650 рублей, которая была мнѣ очень нужна и лежала въ сосѣдствѣ, и я тѣмъ былъ очень доволенъ. Староста мой, боясь упустить оную, прискакалъ дня за два до того самъ и нарочно за тѣмъ только ко мнѣ. И какъ у меня случились на лицо тогда и деньги, то я тотчасъ туда ихъ и отправилъ. Напротивъ того, имѣлъ ту непріятность, что въ сей день заболѣли у меня зубы, сдѣлался флюсъ и распухла щека. Между тѣмъ ѣздила жена моя къ Бакуниной; а сынъ мой къ г. Шишкову и въ первый разъ, какъ молодецъ молодой, одинъ въ каретѣ, и возвратясь, насказалъ мнѣ множество похвалъ о домѣ и хозяйствѣ г. Шишкова и о дѣлаемомъ ему угощеніи, что во мнѣ еще болѣе увеличило хорошее мнѣніе о семъ молодомъ человѣкѣ.

Зубы продолжали безпокоить меня и во весь послѣдующій за симъ послѣдній день нашего мая, въ концѣ котораго и во время случившейся престрашной громовой тучи, возвратился и г. Давыдовъ, привезя съ собою и больного дядю въ прежалкомъ и отчаянномъ положеніи, для лѣченія тутъ у насъ его въ Богородицкѣ. Я озаботился-было очень сими непріятными гостями и боялся, чтобъ не прожили у насъ они за симъ долго и ходилъ уже кое-какъ, обвязавшись, къ нимъ во дворецъ. Но, по счастію, больной старикъ не восхотѣлъ никакъ у насъ жить, а давалъ знакъ, чтобъ поспѣшили везть его далѣе въ его собственный домъ, а сіе и побудило г. Давыдова поспѣшить рѣшеніемъ нѣкоторыхъ волостныхъ дѣлъ; а паче всего радъ я былъ, что онъ при семъ случаѣ развязалъ меня и обезпечилъ въ разсужденіи бывшихъ на немъ 1,500 тысячъ денегъ, которыя наводили на меня превеликое сомнѣніе, и я боялся, чтобъ не претерпѣть мнѣ за нихъ отъ намѣстника добрую гонку. Итакъ, послѣ обѣда на другой день всѣ они отъ насъ и поѣхали, и я радъ былъ, что сжилъ съ рукъ своихъ толь многихъ гостей, а особливо больнаго, который чрезъ немногіе потомъ дни и кончилъ жизнь свою отъ сей болѣзни.

По отъѣздѣ ихъ, едва только прошло два дня, которые по причинѣ продолжающейся моей зубной болѣзни, дурной случившейся погоды и отлучки старушки

моей тещи, которую увезла съ собою къ матери своей въ Ефремовъ, заѣзжавшая къ намъ г-жа Крюкова, провели мы не очень весело, — какъ настала у насъ и Троицынъ день. Въ сей праздникъ уговорились-было мы всѣ послѣ обѣда ѣхать въ рощу и тамъ, по старинному обыкновенію, завивать вѣнки. Но какъ было вѣтрено и холодно, то нельзя было туда ѣхать, а вмѣсто того всѣ наши городскіе и лѣчившіеся у насъ въ городѣ господа Похвистневы съѣхались ко мнѣ и провели весь сей день у меня въ танцахъ и другихъ увеселеніяхъ довольно весело.

Праздникъ сей продолжался и въ слѣдующій за симъ 5 день іюня, въ который угощалъ насъ всѣхъ у себя г. Арсеньевъ, но гдѣ, за дурною погодою, было намъ скучновато. Слухи о пріѣздѣ намѣстника хотя продолжались, но никто прямо не зналъ, будетъ ли онъ точно. Впрочемъ, сей день достопамятенъ былъ тѣмъ, что наклюнулось за дочь мою новое сватовство г. Золотухина, Аѳанасья Ивановича, человѣка мнѣ отчасти знакомаго и любезнаго. А услышали мы, что и у г. Шишкова есть на умѣ также свататься. Итакъ, сдѣлалось опять цѣлыхъ три жениха у насъ на примѣтѣ, изъ которыхъ за каждаго отдать бы намъ ее можно было, но находились однако въ невѣдѣніи о томъ совершенномъ, будетъ ли она за кѣмъ изъ оныхъ.

Всѣ послѣдующіе за симъ пять дней протекли у насъ въ мирѣ и тишинѣ и безъ всякой тревоги и безпокойства. Въ оные занимался я опять садовыми работами; по сдѣланной однажды уже привычкѣ къ онымъ и къ увеселеніямъ, съ ними для себя сопряженнымъ, скучно мнѣ было безъ оныхъ. Итакъ, хотя и рѣшился-было я ничего болѣе въ саду большомъ не предпринимать безъ особенной нужды и приказанія, но не утерпѣлъ, чтобъ не затѣять еще небольшаго дѣльца и оное произвесть, хотя уже тѣми немногими людьми, которые были у насъ на мѣсячинѣ и, подъ именемъ бобылей, употреблялись кой на какія дѣла ежедневно.

Дѣло состояло въ слѣдующемъ: сдѣланъ былъ въ саду этомъ у меня лавиринтъ, но оный какъ-то мнѣ не нравился, и опытность доказала, что игрушки сіи не могутъ никогда производить дальняго увеселенія, и весьма рѣдко случается получать кому-нибудь охоту бѣгать и заблуждаться по онымъ. А какъ оный занималъ въ саду только мѣсто и былъ ни то, ни сё, то и возгорѣлось во мнѣ желаніе разрушить и уничтожить оный и мѣсту сему придать иной и сообразнѣйшій видъ къ мѣстамъ прочимъ. А поелику было тогда наиспособнѣйшее время къ лѣтней садкѣ деревъ, то и занялся я симъ дѣломъ и трудился надъ нимъ до самой усталости.

Непосредственно за симъ кончился нашъ мясоѣдъ и наступили заговины. И какъ въ этотъ день случилась наипріятнѣйшая весенняя погода и наилучшее, и способнѣйшее для гулянья время въ году, то смолвились всѣ мы замѣнить въ сей день то, чего, за холодомъ и вѣтромъ, не удалось намъ сдѣлать на Троицынъ день, то-есть погулять всѣмъ обществомъ и повеселиться въ нашей прекрасной Церериной рощѣ, каковымъ именемъ назвали мы находящуюся подлѣ хлѣбнаго магазина, и какъ прежде упомянуто, разрубленную на множество аллей и проспектовъ. Итакъ, былъ у насъ тамъ наипріятнѣйшій деревенскій праздникъ: музыка духовая разсѣвала пріятные тоны свои по всей рощѣ. Мы всѣ, разбившись на разныя партіи, кучками по всей оной гуляли, а молодежь бѣгала и рѣзвилась. Потомъ, собравшись всѣ на одно лучшее, пріятнѣйшее и спокойнѣйшее мѣсто, съ котораго видѣнъ былъ весь городъ и все наше селеніе и всѣ окружающія оное прекрасныя положенія мѣстъ, подъ прекрасными группами молодыхъ березокъ, усѣлись на дерновыхъ лавкахъ кружкомъ, разговаривали, шутили, смѣялись, пили чай, лимонадъ, варили сами себѣ уху, яичницу, заговлялись и были очень веселы. Всѣхъ насъ, мущинъ и женщинъ, и старыхъ, и малыхъ, было до 27-ми человѣкъ, и всѣ давнымъ-давно не имѣли

такого пріятнаго вечера и не увеселялись такъ много.

Какъ слухи о пріѣздѣ къ намъ намѣстника позамолкли, а напротивъ того, стали говорить о скоромъ его отбытіи изъ Тулы, то протекло у насъ опять цѣлыхъ восемь дней сряду въ мирѣ и тишинѣ и безъ тревогъ всякихъ. Все сіе время проводилъ я наиболѣе въ собственныхъ своихъ упражненіяхъ и уединенныхъ прогулкахъ по садамъ съ своимъ сыномъ и, занимаясь съ нимъ то увеселеніями красотами натуры (и вставая иногда ранымъ-ранёхонько, единственно для того, чтобъ удобнѣе можно было утѣшаться утренними пріятностями натуры), то пріятными и дружескими разговорами объ нихъ и другихъ матеріяхъ разныхъ. Но никогда не имѣлъ я столь отмѣннаго удовольствія, какъ 17-го числа тогдашняго іюня мѣсяца. Въ этотъ день, ввечеру, гуляя съ нимъ одни въ саду, занимались мы съ нимъ болѣе двухъ часовъ въ уединенныхъ и прямо философическихъ разговорахъ, и я съ неописаннымъ удовольствіемъ узналъ, сколь далеко простираются его понятія и какъ хорошо расположено было его сердце, и не могъ довольно тому нарадоваться и тѣмъ навеселиться. Словомъ, минуты сіи были для меня пріятнѣйшія въ жизни. Я видѣлъ прекрасные плоды, произрастающіе отъ трудовъ и стараній моихъ, употребленныхъ къ его воспитанію и обученію, и минуты сіи сдѣлали мнѣ его несравненно еще милѣйшимъ и драгоцѣннѣйшимъ предъ прежнимъ.

Таковымъ пріятнымъ образомъ провождать свое время помогали намъ и пріѣзжавшіе къ намъ въ сей періодъ времени разные и, какъ нарочно и подъ стать къ тому, такіе гости, которые могли брать въ удовольствіяхъ нашихъ соучастіе и, гуляя съ нами по садамъ, заниматься не одними пустыми и ничего незначущими разговорами, но производящими и душевную пищу и удовольствіе истинное. Къ числу сихъ принадлежалъ и г. Писменской, пріѣзжавшій въ сіе время за нуждами въ городъ, бывшій у насъ нѣсколько разъ и провождавшій съ нами по нѣскольку часовъ время въ разговорахъ о наукахъ и о прочихъ матеріяхъ умныхъ и любопытныхъ.

Наконецъ, настало 20-е число іюня, который день былъ для меня по многимъ отношеніямъ въ особливости достопамятенъ, и, во-первыхъ, тѣмъ, что въ оный возвратился изъ Тулы возившій туда къ г. Давыдову наши денежныя и хлѣбныя книги, мой наилучшій секретарь Щедиловъ и привезъ ко мнѣ радостное, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, извѣстіе, что намѣстникъ нашъ, наконецъ, съ миромъ изъ Тулы уѣхалъ. «Ну, слава Богу, воскликнулъ я сіе услышавъ, теперь туча сія, которая насъ такъ много собою устрашала, благополучно и не зацѣпивъ насъ прошла мимо, и мы до поры до времени останемся спокоемъ». Послѣ сего спросилъ я его: «ну, что наши книги и зачѣмъ требовалъ ихъ Николай Сергѣевичъ?» — «Что, судырь, отвѣчалъ онъ мнѣ усмѣхнувшись: ему восхотѣлось сдѣлать какой-нибудь конецъ съ заемнымъ своимъ хлѣбомъ и нѣкоторыми деньгами, забратыми имъ изъ экономической нашей суммы и разрѣшить всѣ наши сумнительства». — «Но что-жъ, сдѣлали-ли вы что-нибудь?» спросилъ я. — «Сдѣлали, судырь, отвѣчалъ онъ, но не знаю, какъ вамъ то покажется: нѣсколько часовъ сряду мы съ нимъ думали и гадали, какъ бы лучше, безопаснѣе и удобнѣе сдѣлать и развѣсить все по сучкамъ непримѣтно и насилу-на-силу вздумали, взгадали и написали, и онъ все изволилъ для безопасности нашей впредь подписать и теперь осталось только подписать и вамъ статьи нѣкоторыя». — «Покажи-ка, покажи, сказалъ я удивившись, что такое вы тамъ придумали и сдѣлали?» — Посмотрѣлъ, пожалъ плечами и сказалъ: «ну, не-изъ чего-бъ сего самъ не сдѣлалъ и не захотѣлъ для инаго кого никакъ сдѣлать, но для его, за его добродушіе и, сожалѣя о его разстроенномъ состояніи... быть такъ, сдѣлаю, благо — всѣ нашли такое удобное и хорошее средство. Подай мнѣ перо».

И взявъ оное, въ ту же минуту, гдѣ что нужно было, подписалъ.

Симъ образомъ прикрыли мы кое-какъ всѣ грѣхи и шалости г. Давыдова и погребли ихъ въ бездну забвенія прикрытьемъ толь непримѣтно, что трудно было кому-бъ то ни было до того добраться, и радовались, что удалось намъ такъ искусно и хорошо и его избавить отъ гнѣва и нареканія отъ намѣстника, и себя отъ дальнѣйшаго опасенія какого-нибудь за то себѣ несгодья. Послѣ чего, подтвердивъ Щедилову, чтобъ онъ постарался все сіе сохранить въ тайнѣ и никому-бъ о томъ не разглашалъ, спросилъ я его далѣе: «Что-жъ? а тамъ, что я тебѣ приказывалъ, говорилъ-ли ты съ нимъ, то есть, что нельзя-ли ему, ежели дальняго дѣла до меня нѣтъ, дозволить мнѣ недѣльки на двѣ съѣздить въ свою деревню».—«Говорилъ, судырь, и о томъ», отвѣчалъ мнѣ Щедиловъ.—«Ну, что-жъ онъ, спросилъ я?—«И слова, судырь, не сказалъ, а съ удовольствіемъ еще отпустилъ васъ, говоря, пожалуй, пожалуй, пускай себѣ ѣдетъ и живетъ тамъ хоть до самой ярмонки вашей, а возвратился-бъ къ оной, потому что, можетъ быть, я самъ пріѣду къ вамъ, попраздновать вмѣстѣ съ вами вашъ праздникъ».—«Ну, ладно, сказалъ я, и это дѣло въ шляпѣ, слава Богу!» Сказавъ сіе и отпустя своего Щедилова, побѣжалъ увѣдомлять о томъ своихъ домашнихъ и говорить, чтобъ они начинали въ сей путь собираться, а самъ потомъ спѣшить приводить въ порядокъ заготовленный матеріалъ для журнала, дабы его съ первою почтою можно было отправить въ Москву для печатанія.

Но едва я только симъ дѣломъ занялся, какъ пришли мнѣ сказывать, что пріѣхала къ намъ гостья наша, судейша Татьяна Андреяновна Дьякова, сестра друга моего Алексѣя Андреяновича Албычева, и что желаетъ со мною видѣться и о чемъ-то переговорить. «О чемъ такомъ», сказалъ я съ нѣкоторою досадою о томъ, что мнѣ помѣшали, и пошолъ къ нимъ въ гостиную. Но какъ удивился и изумился я, когда она, поздоровавшись со мною, начала говорить, что она пріѣхала къ намъ не просто, а за дѣломъ, и дѣломъ интереснымъ, словомъ, свахою, и сватать нашу Елизавету Андреевну. «За ково такова?» спросилъ я, засмѣявшись.—«За знакомаго и перезнакомаго и вамъ, и всѣмъ намъ человѣка, словомъ, за Петра Герасимовича Шишкова». И потомъ начала его и достатокъ его расхваливать и сказывать намъ, что онъ самъ ее о томъ просилъ и желаетъ усердно знать, что мы на то скажемъ, и можетъ ли онъ ласкаться надеждою, чтобъ удостоили мы его принять въ свое семейство.

Легко можно заключить, что предложеніе таковое смутило и встревожило во всѣхъ насъ и мысли наши, и души, и мы нѣсколько минутъ не могли сказать ей на то ни одного слова. Наконецъ, собравшись сколько-нибудь съ мыслями, сказалъ я госпожѣ Дьяковой: «такъ, матушка, Татьяна Андреяновна, все это такъ, и все правда, что вы ни изволите говорить, самимъ намъ все это извѣстно, но сами, матушка, разсудите, что дѣло это не составляетъ бездѣлки и не такого рода, чтобъ можно было въ одинъ мигъ сказать и рѣшительный уже отвѣтъ на то. О Петрѣ Герасимовичѣ хотя и не знаемъ и не можемъ сказать ничего въ укоризну и благодаримъ его за честь, дѣлаемую имъ нашей дочери и намъ, но со всѣмъ тѣмъ надобно-таки намъ и между собою о томъ подумать и погадать, да и съ невѣстою о томъ поговорить и имѣть на то нѣсколько времени; и такъ извините васъ, что мы теперь еще ни того, ни другого рѣшительно не скажемъ, а предоставимъ то будущему времени; намъ необходимо надобно сколько-нибудь онаго, чтобъ сообразиться съ мыслями».—«Очень хорошо», сказала она, и будучи довольна, что мы, по крайней мѣрѣ, не отказали, съ тѣмъ тогда отъ насъ и поѣхала.

Намъ и въ самомъ дѣлѣ нужно было время о томъ пристальнѣе подумать и погадать. Женихъ сей былъ намъ хотя довольно знакомъ, но знакомъ болѣе во

время его малолѣтства, ао тогдашнемъ его и не совсѣмъ еще образовавшемся характерѣ, по молодости его и по недавнему еще житью въ деревнѣ и не короткому еще знакомству, не могли судить и знать въ точности. Невѣдомо намъ было и то, какъ провелъ онъ время юношества своего во время гвардейской службы, и не было-ли чего худаго, да и нравъ его былъ намъ совершенно неизвѣстенъ. Итакъ, кромѣ достатка его, противъ котораго не могли мы ничего сказать, поелику съ сей стороны казался онъ намъ для дочери нашей наивыгоднѣйшимъ женихомъ изъ всѣхъ прочихъ,—надобно было о самомъ объ немъ сколько можно пораспровѣдать и узнать. Болѣе же всего озабочивалъ насъ извѣстный намъ слишкомъ характеръ отца его и непомѣрная склонность его къ питью, и мы боялись, чтобъ не вышелъ со временемъ и изъ него человѣкъ такого же разбора. Однимъ словомъ, всѣ обстоятельства были таковы, что намъ трудно и невозможно было скоро дать рѣшительный отвѣтъ, а надобно было имѣть время о томъ подумать и размыслить, а предпринимаемая тогда наша ѣзда въ деревню и случилась къ тому очень кстати.

Итакъ, собравшись на скорую руку, на другой же день послѣ того, и именно 21 числа іюня, мы въ путь сей вмѣстѣ съ женою, съ сыномъ и старшею нашею дочерью, а меньшихъ дѣтей съ ихъ бабушкою оставивъ дома,—въ путь съ утра и отправились.

Какъ жилище г. Шишкова отстояло отъ большой дороги, по которой мы ѣхали, не очень далеко и въ такомъ положеніи, что съ большой дороги все оное и самый каменный домъ его былъ виденъ, то не успѣли мы, проѣхавъ Богородицкіе лѣса и деревню Крутую, на поле выбраться, то и представилась она въ правой сторонѣ нашему зрѣнію, а сіе и подало намъ поводъ пристальнѣе на нее смотрѣть и говорить объ оной. Сыну моему, какъ бывшему уже у него въ гостяхъ, все положеніе оной было уже извѣстно. Итакъ, указывая на нее, началъ онъ намъ разсказывать, гдѣ что тамъ находилось, и, хваля усадьбу и все прочее, по обыкновенію, трунить надъ своею сестрою, говоря, что можетъ быть тутъ-то нѣкогда доведется жить нашей Елизаветѣ Андреевнѣ, и какъ это хорошо будетъ, что жилище сіе такъ отъ насъ близко, и что можно будетъ и ей къ намъ, и намъ къ ней частёхонько ѣздить. Мысль сія и обоимъ намъ съ женою была не противна, а потому и подалъ сей случай поводъ намъ всѣмъ тремъ въ первый разъ къ серіозному о семъ сватовствѣ и такому разговору, который клонился болѣе къ пользѣ, нежели къ предосужденію г. Шишкова, и который былъ всему послѣдующему за тѣмъ дѣлу первѣйшимъ основаніемъ. Что-жъ касается до моей дочери, то она, по обыкновенію всѣхъ дѣвушекъ-невѣстъ, только краснѣла и сидѣла молча, такъ что мы не могли всѣми вопросами своими добиться отъ ней ни одного почти слова. Но мы, правду сказать, и щадили ее при семъ первомъ случаѣ.

Какъ погода и дорога была тогда наипрекраснѣйшая, то мы скоро доѣхали до Дѣдилова, гдѣ, во время кормленія лошадей, встревоженъ я былъ прискакавшимъ вслѣдъ за нами человѣкомъ съ письмами, полученными изъ Козлова. И какъ оными увѣдомляемъ я былъ, во-первыхъ, что въ тамошней межевой конторѣ начинается уже наше шаткое межевое спорное дѣло и что къ слушанію и рѣшенію онаго требуется отъ меня повѣренный съ вѣрящимъ письмомъ по обыкновенію, а во-вторыхъ, что староста сторговалъ мнѣ еще одну землю, то спѣшилъ я написать вѣрящее письмо и, асигновавъ также и деньги, отправилъ человѣка въ тотъ же часъ обратно.

Въ Тулу пріѣхали мы довольно еще рано, такъ что, ѣдучи мимо рядовъ успѣли еще кое-что искупить, и остановились потомъ ночевать у Пастухова. А по-утру на другой день, вставши поранѣе, спѣшилъ я скорѣй одѣться, чтобъ застать г. Давыдова дома, у котораго мнѣ съ путницами своими побывать хо-

тѣлось. Однако, за боярынями и за разборами ихъ, не можно было никакъ рано изготовиться, а потому, поѣхавъ, мы его уже не застали дома и были только у жены его. Послѣ чего ѣздилъ я въ казенную палату. Но какъ и тамъ его не засталъ, то принуждены мы были уѣхать, съ нимъ не видавшись, а заѣхали къ друзьямъ нашимъ Сухотинымъ и, повидавшись съ ними, были еще въ рядахъ и, искупивъ все достальное, что намъ было надобно, возвратились на квартиру и, отобѣдавъ у добраго нашего хозяина, въ тотъ же еще день пустились далѣе въ свой путь. И ѣдучи мимо самого того дома, гдѣ жилъ г. Верещагинъ, хотѣли-было къ нему заѣхать, но какъ и его не застали, то поѣхали далѣе и успѣли ночевать поспѣть къ г. Хомякову въ настоящее его жилище, въ село Слободку.

Г. Хомяковъ, по любви и дружбѣ своей ко мнѣ, былъ намъ очень радъ, заводилъ меня по садамъ своимъ и всячески насъ угостить старался. Отъ него между разговорами услышалъ я вновь подтвержденіе того слуха, что г. Давыдову не долго у насъ быть и что на мѣсто его будетъ директоромъ г. Вельяминовъ, первѣйшій фаворитъ намѣстниковъ и супругъ его любовницы, особа горделивая и напыщенная своимъ фаворомъ. Но я, вѣдая изъ опытности, сколь слухи бываютъ всего чаще неосновательны, и вѣрилъ тому, и не вѣрилъ, хотя мнѣ подъ командою у такого горделивца быть очень-очень не хотѣлось.

Тутъ мы только ночевали, а въ послѣдующій день съ самаго утра пустились въ свой путь далѣе и успѣли еще къ полднямъ пріѣхать въ любезное свое Двоенининово. А симъ и кончу я сіе мое письмо, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Декабря 20-го дня 1810 года, Двоениново).

ДВОРЕНИНОВО И ЯРМОНКА.

Письмо 239.

Любезный пріятель! Желаніе наше побывать въ сіе лѣто въ своей деревнѣ произвели наиболѣе помянутые доходящіе до насъ слухи о затѣваемомъ любовницею намѣстниковою умыслѣ столкнуть меня съ моего управительскаго мѣста и помѣщеніи на мое мѣсто своего деверя. Ибо какъ, при тогдашнихъ критическихъ моихъ обстоятельствахъ, и мѣсто мое становилось далеко уже не такъ вѣрно и надежно, какъ было до того времени, а особливо по благосклонности ко мнѣ намѣстника, и я имѣлъ причину опасаться, чтобъ порочная женщина сія не превозмогла внушеніями своими все его ко мнѣ благорасположеніе и не довела его наконецъ къ исполненію всего ею желаемаго,—то необходимость самая заставляла насъ помышлять о своей деревнѣ и обиталищѣ своемъ въ оной, болѣе и чаще прежняго, и частѣйшимъ посѣщеніемъ онаго не допускать его до совершеннаго опущенія, а мало-по-малу приготовлять въ немъ все нужное къ будущему и, можетъ быть, скорому возвращенію нашему въ деревню, для всегдашняго въ ней опять жительства. Въ теченіе 13 или 14 лѣтъ, съ того времени прошедшихъ, какъ мы изъ дома нашего отлучились, произошли въ ономъ многія и великія перемѣны, и все деревенское наше хозяйство, по нечастымъ нашимъ пріѣздамъ, гораздо-и-гораздо поразстроилось, и тѣмъ паче, что большая часть дворовыхъ нашихъ людей жили вмѣстѣ съ нами въ Богородицкѣ, сколько для услугъ нашихъ, а болѣе еще для паханія нанимаемой тамъ мною земли и производства всего хлѣбопашества и тамошняго моего скотоводства. Въ деревенскомъ же домѣ оставались очень не многіе. Къ вящему же несчастію и прикащикъ, управлявшій въ отсутствіе наше всѣмъ домомъ и тутошними деревнями моими, былъ человѣкъ не весьма рачительный и помышляющій болѣе о своихъ

собственныхъ, нежели моихъ, пользахъ, а потому, по непроворству его и небреженію, все въ домѣ было опущено и часъ-отъ-часу какъ строенія, такъ и все прочее приходили въ худшее состояніе. Прежній добрый, усердный и рачительный садовникъ мой, которымъ я, во время жительства моего въ деревнѣ, былъ такъ доволенъ, выживши уже изъ лѣтъ своихъ, отъ дряхлости умеръ, а оставшійся другой былъ хотя во всей своей порѣ, и при мнѣ ко всему способенъ и проворенъ, но безъ меня лѣнтяй и нерадивецъ, и не столько помышлялъ о поддерживаніи и приведеніи въ лучшее состояніе плодовитыхъ садовъ моихъ, сколько о плутняхъ и мытарствахъ, и, по небреженію его, всѣ оные доведены были до жалкаго состоянія. Словомъ, все было не ладно и становилось съ года-на-годъ хуже. Я сколько ни старался при кратковременныхъ пріѣздахъ своихъ и чрезъ письмы о всемъ нужномъ приказывать, но приказанія мои бывали на большую часть до тѣхъ поръ только на памяти, покуда я присутствовалъ, а по отъѣздѣ моемъ, либо вовсе забываемы были, либо исполняемы весьма недостаточно и только для вида. А по всѣмъ симъ обстоятельствамъ и нужно было почаще посѣщать деревню.

Съ другой стороны гнала насъ съ сыномъ туда и охота наша къ садамъ новаго рода. Привыкнувъ уже увеселяться ими въ Богородицкѣ, хотѣлось намъ нѣчто подобное тому сдѣлать и поприготовить къ возвращенію своему и въ своемъ обиталищѣ. И какъ въ минувшій предъ тѣмъ годъ учинили мы съ нимъ къ преобразованію ближняго сада своего уже доброе начало, то хотѣлось намъ продолжать сіе дѣло и воспользоваться и въ сей годъ своимъ отпускомъ и сколько-нибудь въ немъ поработаться.

Съ сими желаніями и помышленіями пріѣхали мы тогда въ наше Дворениново. Случилось сіе въ 23 день іюня, и въ самые почти полдни. И какъ оставалось въ тотъ день довольно еще времени, то, предоставивъ спутницамъ нашимъ разбираться и приводить въ домѣ все въ порядокъ, сами побѣжали съ сыномъ своимъ въ сады, а особливо въ нижній, гдѣ за годъ до сего употреблено было уже столь много трудовъ для образованія прекраснаго низочка нашего. Мы нашли оный гораздо въ лучшемъ видѣ, нежели въ какомъ его себѣ воображали. Перенесенная съ горы и внизу поставленная на холмѣ, и тогда совсѣмъ уже отдѣланная, бесѣдка или маленькій нашъ павильончикъ оживотворилъ весь сей низокъ и придавалъ ему отмѣнную красу. Оба новые наши водоемы и другія водяныя украшенія были полны водою и, изображая въ струяхъ своихъ видъ павильона и всей горы съ деревьями ея въ превратномъ видѣ, увеселяли насъ чрезвычайно. Мы не могли устать, гуляючи по своему собственному низочку, и провели весь тогдашній вечеръ въ отмѣнномъ удовольствіи: посылали за людьми, велѣли принесть неводокъ, ловили въ озерочкахъ своихъ рыбу, пообрадовались, увидя, что пересланные отъ насъ и посаженные въ нихъ карпы были живы и послали нѣсколько изъ нихъ и другихъ рыбъ для пріуготовленія ужина и угощенія имъ приходившаго къ намъ въ тотъ же день брата Михаила Матвѣевича, который, овдовѣвъ, жилъ тогда одинъ только въ Двореииновѣ, съ дѣтьми своими, дурилъ какъ хотѣлъ и проказничалъ и былъ отъ невоздержанности своей въ прежалкомъ положеніи.

А въ послѣдующій день не успѣло ободнять, какъ, напившись чаю, и принялись мы за свои работы, придуманныя уже и расположенныя въ умѣ въ прошедшій вечеръ. Излишнихъ людей заставили чистить вездѣ дорожки, а сами съ столярами устанавливать и украшать свою нижнюю вечернюю сидѣлку, получившую въ сей день въ первый разъ свое существованіе, и производить съ людьми нѣкоторыя другія мелочныя украшенія въ сей части сада. И ввечеру ходили по среднему своему саду и располагали, какъ его перекаверкать лучше и изъ регулярнаго превратить въ натурально прекрасной; назначили, гдѣ и какія сдѣлать въ

немъ полянки и площади, гдѣ произвесть густыя кулиги и какъ расположить сквозь ихъ изгибистые проходы и дорожки, и прочее тому подобное. Потомъ ходили въ свой верхній большой плодовитый садъ и, найдя его въ прежалкомъ состояніи, какъ отъ жестокихъ зимъ, а того болѣе отъ небреженія садовника, пошумѣли, побранились на него, и въ тотъ же еще день продали плоды въ немъ, приходившимъ къ намъ купцамъ, но за сколькожъ? За 16 только рублей! Какая разница передъ нынѣшнимъ его состояніемъ и сколь мало тогда плодовъ въ немъ было!

Между тѣмъ, какъ мы сими и другими хозяйственными дѣлами занимались, хозяйки наши, по набожности своей, помышляли о богомольѣ, послали поднять и принесть къ себѣ мѣстный храмовой образъ, призвали попа съ причетомъ и заставили пѣть всенощную и молебенъ съ водосвятіемъ. А наутріе, какъ въ день воскресный, ѣздили къ обѣднѣ и проѣхали потомъ къ брату Михаилу Матвѣевичу обѣдать, а послѣ обѣда ѣздили въ Сѣнино къ госпожѣ Трусовой и Ладыженской для свиданія съ ними.

Что касается до меня съ сыномъ, то какъ для насъ была всякая минута дорога и къ сему дню наряжены были всѣ крестьяне и крестьянки, то, удовольствуясь однимъ вечернимъ богомольемъ, принялись мы за копаніе и запруживаніе своего самаго нижняго озерка всѣмъ міромъ и обдѣлку островковъ и усаживаніе ихъ цвѣтами и кустарниками и произведеніе нѣкоторыхъ другихъ работъ по горѣ и въ вершинѣ. И, трудясь надъ ними до поту лица своего, надѣлали какъ въ сей, такъ и въ оба послѣдующіе дня великое множество дѣлъ и успѣли главное и труднѣйшее дѣло, состоявшее въ сдѣланіи помянутаго нижняго водоема, совсѣмъ кончить, который у меня существуетъ и понынѣ и увеселяетъ, и кормитъ насъ своими карпами.

Между тѣмъ имѣли мы удовольствіе въ первый еще разъ угощать у себя въ деревенскомъ домѣ любезнаго сосѣда нашего Василья Ивановича Панова, съ которымъ познакомились мы въ Богородицкѣ и съ коимъ дружба и пріязнь продолжается и понынѣ. Онъ, находясь тогда въ своей Каширской деревнѣ, не успѣлъ услышать, что мы находимся въ Дворениновѣ, какъ тотчасъ къ намъ съ женою своею и пріѣхалъ и пробылъ у насъ почти весь день, а на другой день пріѣзжалъ къ намъ молодой мой сосѣдъ и крестникъ Иванъ Александровичъ Ладыженской съ матерью и сестрою, а ввечеру, для наступающаго праздника Петрóва-дни, было у насъ опять богомолье.

Работы, между тѣмъ, у меня продолжались своимъ чередомъ, и мнѣ удалось въ сей день избавить свой вершинный и первый отъ течки прудовъ, доставляющій воду изъ себя во всѣ мои нижніе водоемы, отъ ежегоднаго занашиванія его въ половодь всякою дрянью. Я принужденъ былъ употребить къ тому особливую выдумку и назначить ходъ половодной водѣ мимо ей, отваливъ ее отъ сего протока длиннымъ съ бока валомъ, и выдумка сія была такъ удачна, что съ того времени никогда уже ея не заносило, и она и понынѣ, не замерзая почти ничего, питаетъ насъ въ зимнее время свѣжею рыбою. Кромѣ сего, успѣли мы сдѣлать и тотъ маленькій между прудковъ водоемецъ, въ который сажаемъ и держимъ мы рыбу для ежедневнаго расхода, и обсадить весь оный пвнякомъ.

На Петровъ день ѣздили мы къ обѣднѣ, а послѣ обѣда въ Глѣбово къ г. Панову, а на другой день въ Домнино, къ другу и сосѣду моему Николаю Александровичу Хитрову, который былъ намъ очень радъ и заводилъ меня по саду и усадьбѣ своей, и я ему многое кое-что присовѣтовалъ еще сдѣлать, ибо и онъ былъ охотникомъ до садовъ. Мы пробыли у него до самой ночи и даже ужинали по неотступной его просьбѣ, чѣмъ и кончили мы тогдашній іюнь мѣсяцъ.

Наутріе принялись мы опять за свои работы и занимались болѣе началомъ переобразованія своего средняго сада. И

хотя время было уже и поздненько для лѣтней садки деревъ, но, на отвагу и удачу, посадили и ихъ нѣсколько, нужныхъ для сгущенія кулигъ въ ономъ. А въ слѣдующій за симъ день начали мы собираться уже и въ обратный путь, въ намѣреніи на другой день уже и выѣхать. Мы старались воспользоваться и симъ днемъ и продолжали свои работы, хотя случившееся въ сей день ненастье и пріѣхавшіе къ намъ гости изъ Сѣнина намъ великое дѣлали помѣшательство. Со всѣмъ тѣмъ, успѣли мы и въ этотъ день надѣлать кой-какихъ дѣлишекъ.

Какъ стеченіе разныхъ обстоятельствъ принудило насъ еще остаться на день, то старались мы съ сыномъ проводить его какъ можно веселѣе и, урываясь отъ продолжаемыхъ и оканчиваемыхъ работъ и другихъ хозяйственныхъ дѣлъ и распоряженій, посвящали всѣ излишнія минуты на гулянье по садамъ нашимъ и усадьбѣ и увеселенію красотами натуры, которыми такъ щедро украсила она все наше обиталище, и прощаясь съ ними опять на долгое время.

Итакъ, въ наступившій послѣ сего и четвертый уже день мѣсяца іюля, хотя нѣхотя, но принужденъ былъ я разстаться съ любезнымъ своимъ Двореницовымъ и ѣхать опять въ Богородицкъ, препроводивъ въ ономъ ровно 10 дней и сдѣлавъ кой-чего опять довольно много.

Какъ выѣхали мы рано, то хоть ѣхать было грязно, но мы успѣли въ тотъ же день доѣхать до Тулы, гдѣ, переночевавъ опять у Пастухова, спѣшилъ я на минуту заѣхать къ своему командиру, приказавъ своимъ дожидаться меня въ рядахъ. Тамъ услышалъ я непріятныя вѣсти, что г. Давыдовъ, со всѣмъ своимъ семействомъ и со множествомъ гостей, будетъ къ намъ на ярмонку и собирается уже совсѣмъ туда ѣхать, почему и не сталъ онъ меня у себя держать долго, а сказалъ, чтобъ я ѣхалъ скорѣе въ Богородицкъ и пріуготовлялъ все къ ихъ пріѣзду. Этимъ гостямъ были мы не очень *ради*, зная изъ опытности, сколь сопряжены бываютъ такіе пріѣзды для насъ съ заботами, хлопотами и убытками. Но какъ нечѣмъ было того перемѣнить, то, раскланявшись съ нимъ, и спѣшилъ я отыскивать своихъ въ рядахъ, чтобъ скорѣе ѣхать и успѣвать въ тотъ же день пріѣхать въ Богородицкъ, ибо вслѣдъ за мною хотѣли ѣхать уже къ намъ и гости. Со всѣмъ тѣмъ, желая узнать, что̀ происходитъ у насъ въ арміи, завернулъ на минуту къ знакомцу и пріятелю своему господину Запольскому, который изъ всѣхъ тульскихъ господъ былъ одинъ только наилюбопытнѣйшій охотникъ до политическихъ новостей, и онъ обрадовалъ меня, разсказавъ мнѣ о успѣхахъ нашихъ войскъ много радостнаго и хорошаго. На сей заѣздъ хотя и употребилъ я еще съ часъ времени, однако мы все еще успѣли доѣхать въ тотъ же день до Богородицка и обрадовались, нашедъ всѣхъ своихъ здоровыми.

Какъ случилось сіе уже въ 5 день іюля, а въ слѣдующій за симъ начинался обыкновенно уже съѣздъ на нашу ярмонку и хотѣли быть уже къ намъ и тульскіе гости, то начали мы дѣлать всѣ къ пріѣзду ихъ пріуготовленія, и я въ тотъ же часъ раздавать нужные къ тому приказы. Но мы не успѣли еще прямо отдохнуть и только что встали и одѣлись, какъ получили извѣстіе, что г. Давыдовъ со всѣмъ своимъ приборомъ уже ѣдетъ. Господи! какъ мы всѣ тѣмъ перетревожились, ибо мы не инако думали, что пріѣдутъ они къ вечеру. Итакъ, давай, давай скорѣе посылать все въ за̀мокъ и заставливать поваровъ своихъ готовить для нихъ обѣдъ, къ которому они ѣхали, и сами убираться и готовиться къ приниманію оныхъ, и спасибо, поправорили и успѣли все то сдѣлать.

Они и пріѣхали къ намъ, дѣйствительно, передъ обѣдомъ въ многочисленныхъ экипажахъ и съ такою толпою гостей и множествомъ всякаго народа, что я, увидя ихъ, ажно ахнулъ, не воображая себѣ никакъ, чтобъ было ихъ такъ много. Были тутъ изъ собственнаго семейства г. Давыдова: онъ самъ съ женою, мать его, двѣ его сестры и свояченица, а изъ

постороннихъ славный нашъ богачъ, армянинъ Мина Лазаревъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ Левшинъ, г. Остафьевъ, г. Батищевъ, г. Соколовскій, г. Всеволодской, г. Ѳедяшевъ, Степанъ Ивановичъ Вельяминовъ и славный шалунъ и игрокъ въ косточки Шахматовъ,— все народъ бойкій, молодой, вѣтрогонный, веселый и не стоющій и двухъ людей степенныхъ, каковъ изъ всѣхъ изъ нихъ былъ одинъ Лазаревъ. Словомъ, ребята всѣ теплые и набраны прямо подъ стать другъ къ другу. Онъ самъ расположился во дворцѣ съ своимъ семействомъ, а прочимъ всѣмъ ассигновалъ комнаты во флигелѣ. Весь дворъ наполнился народомъ, и какое множество было слугъ и прислужниковъ, какое множество лошадей и съ ними кучеровъ и конюховъ, и всѣхъ-то ихъ надобно было намъ и кормить, и поить, и успокоивать, и сколько хлопотъ и заботъ ко всему тому требовалось.

Какъ г. Давыдовъ съ тѣмъ только къ намъ тогда и пріѣхалъ, чтобъ ему тутъ погулять и прямо повеселиться, и для самаго того набралъ съ собою и народъ, къ тому способный, то не успѣли они пріѣхать и нѣсколько поразобраться, какъ до обѣда еще и начались у нихъ веселости. Г. Левшинъ былъ превеликій мастеръ играть на бандурѣ и балалайкѣ, а Батищевъ затѣмъ и взятъ, что очень хорошо игралъ на скрипицѣ, а Шахматовъ для пляски и подпѣванья. Они тотчасъ и составили свой концертъ, который, въ самомъ дѣлѣ, былъ пріятенъ для слуха и, можно сказать, что день сей былъ у насъ прямо весь музыкальный, ибо тотчасъ потомъ загремѣла наша духовая музыка во время обѣденнаго стола, а послѣ обѣда оркестренная и вокальная, вмѣстѣ и попеременно. И г. Давыдовъ кичился тѣмъ и щеголялъ предъ всѣми и былъ веселъ.

Послѣ того всѣ мущины пошли въ садъ и отъ жара пробрались въ нашу прекрасную купальню. Тутъ приди охота г. Давыдову самому вмѣстѣ съ Левшинымъ и Лазаревымъ купаться въ оной. Ну! скорѣй раздѣваться, пускать воду, садиться и ложиться подъ широкій и тонкій стокъ воды и любоваться теплотою оной и утѣшаться купаньемъ. Шахматовъ между тѣмъ, какъ бѣсъ требесилъ. Начались въ водѣ самыя рѣзвости и дуренья, начали брызгаться, стрекаться крапивою и плескаться водою. Шахматова потащили насильно и въ платьѣ въ воду. Онъ барахтается и упирается, прибавляютъ силы къ силамъ, встаскиваютъ насильно, не зная, не вѣдая, что дѣлали то на бѣду собственную. Шахматовъ, ступивъ въ сапогахъ въ ванну, наступилъ какимъ-то образомъ въ водѣ на палецъ у ноги моего Николая Сергѣевича, и такъ хорошо, что своротилъ ноготь съ большаго пальца у ноги его; кровь полилась ручьями и обагряетъ собою всю воду въ ваннѣ. Всѣ перетревожились, выскакиваютъ голые изъ ванны, изъявляютъ свое сожалѣніе, суетятся и не знаютъ, что дѣлать, и комедія превратилась въ полутрагедію.

Г. Давыдовъ какъ ни крѣпился, какъ ни ободрялъ себя, но—членъ чувствительный! Боль преодолѣвала все мужество, пожимается, охаетъ и говоритъ: «какъ бы, братцы, и чѣмъ помочь? Ты, Андрей Тимоѳеевичъ, дока на все, не знаешь ли, чѣмъ и какъ?»—«Извольте», говорю и бросаюсь искать густой грязи, обжимаю ею палецъ и обвязываю; боль утоляется, кровь течь перестаетъ. Всѣ между тѣмъ одѣваются, онъ также. «Слава Богу, ничего, ничего!» Начинается другая сцена, загремѣли рюмки и стаканы, запѣнились напитки, и начались оргіи, приношенія жертвъ Бахусу или, прямѣе сказать, куликанье, и продолжается до вечера, но боль въ ногѣ продолжаетъ свое дѣло и принуждаетъ пораненнаго хромать, посылаютъ за лѣкаремъ и сей перевязываетъ ногу и рану на ней уже порядочно и по своему искусству.

Между тѣмъ, боярыни и дѣвицы, и въ томъ числѣ и наши, гуляютъ по саду. Число гостей умножается, пріѣзжаетъ еще кое-кто изъ Тулы. Наступаетъ вечеръ, надобно иттить всѣмъ во дворецъ,

и больному съ товарищи какъ-нибудь также, какъ-нибудь идетъ и себя переспиваетъ. Пріуготовляется вечерній столъ, всѣ ужинаютъ, шумятъ, кричатъ, спорятъ, смѣются и хохочатъ, музыка гремитъ. Ничего не слышно, всѣ въ удовольствіи, надобно начать праздникъ и послѣ ужина потанцовать, хоть немного. Рѣзвятся, танцуютъ и тѣмъ оканчиваютъ день, и было все весело и хорошо, кромѣ ноги окаянной. Но — такъ и быть!

Въ наступившій за симъ день было у насъ подторжье или, прямѣе сказать, началась самая ярмонка во всемъ своемъ видѣ и совершенствѣ. Въ сей годъ была она не такъ многолюдна, какъ прежде, но дворянства наѣхало множество и больше, нежели въ другіе годы. Мы насчитали однихъ знакомыхъ дворянскихъ фамилій цѣлыхъ три десятка. Подъѣхало и изъ Тулы къ намъ еще нѣсколько гостей новыхъ, другъ мой Антонъ Никитичъ Сухотинъ съ сыномъ, г. Веницеевъ, славный игрокъ и богачъ Гаврила Михайловъ, г. Челищевъ; а изъ деревень: другъ мой Алексѣй Андреяновичъ Албычевъ съ дѣтьми, г. Шушеринъ, г. Шишковъ, господа Марковы, г. Ушаковъ, г. Хомяковъ и многіе другіе; и пристаютъ, кто во дворцѣ у г-на Давыдова, кто у меня въ домѣ, кто въ иныхъ домахъ, у своихъ друзей и знакомыхъ, и прочее.

По-утру не успѣли всѣ и тутошніе, и пріѣзжіе одѣться и убраться, какъ съѣзжаются всѣ во дворецъ на поклонъ и съ привѣтствіями своими къ Николаю Сергѣевичу, какъ къ особѣ, представшей (sic) тогда первое въ городѣ лицо и игравшей знаменитѣйшую ролю. Сіе льститъ его самолюбію, сердце у него прыгаетъ отъ удовольствія и прямо на своемъ мѣстѣ. Онъ принимаетъ всѣхъ дружески и благосклонно, всѣхъ взаимно привѣтствуетъ, всѣхъ и каждаго ласкаетъ, со всѣми обращается просто, безъ всякой спѣси, гордости и дружелюбно, говоритъ то съ тѣмъ, то съ другимъ; тѣ между собою начинаютъ шутки, издѣвки, смѣхи и хохотанья, дѣлается отъ того шумъ гулъ, и раздается по всѣмъ комнатамъ, и все утро проведено весело и пріятно.

Между тѣмъ я во дворцѣ отъ заботъ о пріѣзжихъ и пріѣзжающихъ, а домашніе мои дома съ ногъ сбились отъ угащиванія своихъ собственныхъ гостей и пріуготовленія большаго обѣденнаго стола, ибо всѣмъ знаменитѣйшимъ долженствовало въ сей день обѣдать у меня, а г. Хомяковъ, нашъ главный откупщикъ, суетился также о пріуготовленіи добраго и сытнаго обѣда въ трактирѣ, ибо всѣмъ у меня не можно было никакъ умѣститься. У меня обѣдало человѣкъ съ тридцать. Столъ былъ нарядный, обѣдъ добрый, музыка гремѣла, но Николаю Сергѣевичу не до того было, чтобъ ею утѣшаться; у него за столомъ разбередили какъ-то ногу, и онъ только что пожимался отъ боли и тотчасъ послѣ стола отъ насъ уѣхалъ въ замокъ. Но гости продолжали бесѣдовать, къ числу ихъ присовокупляется еще г. Кирѣевъ, Петръ Алексѣевичъ, пріѣхавшій ко мнѣ съ женою, шуриномъ и свояченицею, и мы едва успѣвали всѣхъ угащивать.

Наконецъ, посидѣвши у меня и напившись кофею, наѣвшись сластей и овощей, всѣ боярыни, а съ ними нѣкоторые и изъ мущинъ, поѣхали на ярмонку, отчасти глазѣть на толпы взадъ и впередъ ходящаго народа и на множество каретъ и колясокъ, туда и сюда разъѣзжающихъ между онымъ, отчасти ходить по лавкамъ, пересматривать и торговать товары. Я на ней не былъ и съ ними не поѣхалъ, мнѣ было не до ней, мнѣ была она не въ диковинку; я въ прахъ усталъ отъ трудовъ и хлопотъ безчисленныхъ, хотѣлось хоть немного отвести духъ въ себѣ и поуспокоиться, а предоставилъ имъ однимъ бродить по ярмонкѣ и утѣшаться ею. Однако, и они веселились ею не долго, налетѣла вдругъ страшная туча съ превеликою бурею и вихремъ, полился проливной дождь и разогналъ весь чорный народъ. Всѣ бросались и совались, куда кому попало. Нечего было и имъ дѣлать, всѣ и они перетревожились, засуетились и, ну, также спѣшить скакать куда-

нибудь подъ кровлю и убѣжище, кто ко мнѣ, кто въ иныя мѣста, кто во дворецъ, и въ сей болѣе всѣхъ другихъ.

Тутъ, между тѣмъ, стоялъ стопъ и шумъ превеликій отъ игроковъ карточныхъ. Сіи всѣ отправляли тутъ свою ярмонку. Была ихъ толпа цѣлая, шумящая за многими столами; кто проигрывался, кто выигрывалъ, и денежки только погромыхивали, а бумажки перелетали изъ рукъ въ руки. А не успѣли всѣ комнаты наполниться народомъ, какъ загремѣла музыка, и шумъ увеличился еще болѣе. Наконецъ наступилъ вечеръ, зазвонили къ всеночной, и всѣ гурьбою пошли въ церковь. Въ сей весь куполъ и всѣ вазы въ немъ освѣщены были огнями, и пріятный гулъ раздавался въ немъ отъ хора пѣвчихъ; служеніе было церемоніальное и собраніе дворянства обоего пола превеликое, словомъ, все было хорошо, мирно, спокойно и порядочно, и ярмонка наша весела, чему много поспѣшествовало и то, что нашъ князь занятъ былъ хлопотами ярмоночными, и не было кому дѣлать каверзъ.

Въ самый послѣдующій за симъ день праздника, было опять, по случаю возстановившейся прекрасной погоды, все въ городѣ у насъ живо и весело. Ярмонка, по обыкновенію, продолжалась до полудня, и народъ кипѣлъ на оной и представлялъ собою смотрящимъ изъ дворца прекрасное зрѣлище. Что касается до дворянства, то все оное поутру съѣхалось во дворецъ для поздравленія командира моего съ праздникомъ. Послѣ чего всѣ были у обѣдни, во время которой пѣвчіе наши оказывали опять все свое искусство въ пѣніи, а Епифаньскій дьяконъ сказывалъ проповѣдь, которою всѣ были очень довольны. По окончаніи божественной службы, всѣ мущины пошли опять во дворецъ на водку; знаменитѣйшіе остались обѣдать, а другіе пошли ко мнѣ и въ другіе дома. Столъ во дворцѣ былъ болѣе нежели на 30 кувертовъ и впродолженіе онаго гремѣла опять музыка. Послѣ обѣда же съѣхались всѣ во дворецъ, и дамы, и мущины, и старушки, и дѣвицы, и было всѣхъ полное собраніе. Тотчасъ тогда загремѣла опять музыка, начался порядочный балъ и вся молодежь принялась за танцы. Сынъ мой былъ первымъ и лучшимъ танцовщикомъ изъ всѣхъ и имѣлъ счастіе, что всѣ его полюбили и хвалили, а старшая дочь моя играла первую роль между танцовщицами и плѣняла всѣхъ красотою и всѣмъ обращеніемъ своимъ.

Между тѣмъ, какъ всѣ мы, а особливо молодежь занималась въ залѣ своими танцами, другіе играли въ карты въ гостиной, а иные разсовались по норамъ, пили и требесили, а нѣкоторые ходили въ ванну и прохлаждались отъ жара купаньемъ, ибо всѣмъ и всякому была воля, каждый занимался, чѣмъ хотѣлъ, и всѣ были веселы и всѣмъ довольны. Словомъ, праздникъ сей никогда такъ веселъ для насъ не былъ, какъ въ сей разъ.

Наутріе все дворянство начало разъѣзжаться, ибо ярмонка уже кончилась. А хотѣлъ-было ѣхать и г. Давыдовъ, но остался еще у насъ на весь сей день. И какъ случился онъ быть воскреснымъ, то по-утру были мы всѣ опять у обѣдни, а потомъ ѣздили въ гошпиталь. Обѣденный столъ былъ опять у г. Давыдова во дворцѣ, но не такой большой, какъ прежде, ибо были только пріѣзжіе къ нему гости Послѣ обѣда ходили мы опять въ ванну, куда подъѣхалъ къ намъ и славный тогдашняго времени прошлецъ, забіяка и богачъ Семенъ Ивановичъ Игнатьевъ, и было опять много смѣховъ и хохотанья съ г. Челищевымъ: играли даже сущую комедію. Бѣдняка, купавшагося тогда въ ваннѣ, изстрекали всего крапивою, и такъ, что онъ шуткѣ сей и не радъ уже былъ. Я самъ купался вмѣстѣ съ ними, и было весело и хорошо. Послѣ того пособралось опять народа довольно во дворцѣ и молодежь потанцовала нѣсколько, а передъ вечеромъ пошли всѣ въ садъ и гуляли въ ономъ съ удовольствіемъ; ввечеру же увеселялъ насъ Шахматовъ на крыльцѣ своимъ пѣ-

ніемъ и пляскою; всѣ полеглись и усѣлись по ступенькамъ большаго дерноваго крыльца предъ дворцомъ, для слушанія и смотрѣнія сего зрѣлища; вечеръ былъ пріятный и прелестный. Левшинъ забавлялъ дѣвицъ своими шутками, а г. Михайловъ только что галился и засматривался на красавицъ. Наконецъ, ужинали всѣ во дворцѣ и были всѣ веселы, а одинъ только я находился въ смущеніи по слѣдующему обстоятельству.

Для дочери моей Елизаветы было время сіе прямо важное и критическое, было тутъ для ей цѣлыхъ три жениха, желавшихъ наиусерднѣйшимъ образомъ получить себѣ ея руку. Во-первыхъ, помянутый карточный богачъ г. Михайловъ, хотѣвшій прельстить ее своимъ богатствомъ, но оное не въ состояніи было ни кого изъ насъ, а того паче ее, прельстить, и мы всего меньше объ немъ думали. Другой былъ г. Шишковъ. Сей началъ дѣйствительно свататься, и свататься вновь и почти неотвязно чрезъ нашего лѣкаря. Въ сей день требовали отъ меня рѣшительнаго отвѣта, и я не зналъ, что сказать, а отговаривался только тѣмъ, что при такихъ-ли суетахъ и въ такое-ли время мнѣ о томъ помышлять можно. Мнѣ партія сія была непротивна, но невѣстѣ не нравилась его ненавычность и недостатокъ такой во всемъ ловкости, какая во многихъ другихъ молодыхъ людяхъ видима бываетъ. Въ немъ и, дѣйствительно, не доставало чего-то съ сей стороны, однако, я относилъ сіе къ его молодости и неимѣнію еще довольнаго случая обращаться между людьми. Бабушка ея была также согласна, но жена моя не очень. Къ вящему смущенію и замѣшательству нашихъ мыслей, явился тогда еще третій и совсѣмъ неожидаемый женихъ, а именно вышеупомянутый г. Левшинъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ, родной братъ пріятеля и корреспондента моего, Василья Алексѣевича Левшина. Николай Сергѣевичъ шутками, по нѣсколько разъ приступалъ къ самой нашей невѣстѣ, чтобъ она любаго выбирала, либо Михайлова, либо Левшина, и хотя по сему дѣлу ничего болѣе не происходило, а осталось при однихъ шуткахъ, но неожидаемая замашка сія привела меня въ смущеніе. Женихъ сей мнѣ очень нравился своимъ разумомъ, ловкостью и дарованіями, но сомнѣніе наводило его неглиже и нездоровость; со всѣмъ тѣмъ, всѣхъ насъ вниманіе обращалъ онъ на себя и даже самой невѣстѣ, какъ казалось, былъ онъ не противенъ. Итакъ, были мы въ сей день по симъ отношеніямъ въ превеликой разстройкѣ мыслей.

Наконецъ, съ наступленіемъ утра слѣдующаго дня, поѣхалъ отъ насъ г. Давыдовъ со всѣми гостьми своими, и мы, радуясь, что сжили съ рукъ своихъ всю сію обузу, проводили его съ удовольствіемъ. Одного только г. Левшина, съ которымъ мы имѣли время спознакомиться и сжиться, уговорилъ я остаться съ нами еще отобѣдать, и умышленно для того, чтобъ его болѣе узнать и поразсмотрѣть. Мы провели съ нимъ весь сей день безъ скуки и послѣ обѣда ходили вмѣстѣ купаться, гдѣ съ нами былъ и князь Волконскій, намъ также знакомый молодой человѣкъ, а потомъ пріѣзжалъ къ намъ г. Арсеньевъ; но къ вечеру всѣ они разъѣхались, и мы остались одни, будучи весьма довольны тѣмъ, что трудовъ и заботъ было хотя много, но, по крайней мѣрѣ, въ сей годъ праздникъ сей провожденъ смирно, хорошо, порядочно и весело. Какъ въ самомъ дѣлѣ все происходило какъ надобно, а были только кой-какія странныя ночныя исторіи, не до насъ касающіяся, о которыхъ узнали мы уже послѣ, а особливо смѣшныя происшествія въ послѣднюю ночь.

Слѣдующій день хотѣли было мы отдыхать отъ трудовъ своихъ. Но какъ въ оный случилось быть имянинницею третьей дочери моей Ольгѣ, которой минуло тогда уже 16 лѣтъ отъ роду, то послѣ обѣда пріѣзжали къ намъ въ гости наши городскіе: князь съ женою, г-жи Алабина и Юрьевна. И какъ былъ въ сей день несносный почти жаръ, то съ княземъ ходили мы два раза купаться сперва

въ ваннѣ, а потомъ въ прудѣ, но ничто не помогало, и мы только что потѣли больше. Впрочемъ, приступала къ намъ Татьяна Андреевна опять и добивалась отъ насъ рѣшительнаго отвѣта въ разсужденіи сватовства ея дочери нашей за г. Шишкова, и мы на-силу кое-какъ отъ ней поотдѣлались, протягивая отъ часу сіе дѣло въ даль. А наутріе не успѣли мы встать, какъ глядимъ ѣдетъ къ намъ г-жи Бакуниной карета и въ ней племянница ея госпожа Хвощинская съ г-жею Челищевой, которыя не только у насъ обѣдали, но, за безпрерывными тучами, поѣхали уже ввечеру и увезли съ собою и Елизавету нашу опять для гощенія у госпожи Бакуниной.

Но симъ наконецъ всѣ наши безпокойства, въ разсужденіи пріѣзда и угощенія гостей, кончились, и мы, оставшись одни, принялись за свои дѣла, и я за свою обыкновенную и нѣсколько тогда запущенную работу, относящуюся до сочиненія матеріала для моего «Экономическаго Журнала». Но спокойствіе духа моего не долго продолжалось, а на другой же день растревоженъ онъ былъ нѣкоторыми разными домашними мелочными дрязгами, которыя хотя сами по себѣ не составляли важности и ничего почти не значили, но подали мнѣ поводъ къ размышленію о всѣхъ безпокойствахъ и непріятностяхъ, бывшихъ со мною въ прошедшую половину тогдашняго года, и къ любопытному счисленію всѣхъ малыхъ и большихъ, важныхъ и неважныхъ. И достопамятно, что я, переписывая оныя, насчиталъ ихъ всѣхъ ровно 55, и потомъ удивился, какъ Богъ [далъ] мнѣ перенесть всѣ оныя, и сказалъ: «Ну, полугодокъ сей былъ для меня неблагопріятенъ, каковъ-то будетъ второй, а начался онъ, кажется, довольно изрядно!»

Чрезъ день послѣ того, вдругъ является ко мнѣ человѣкъ г. Шишкова, съ приказаніемъ звать меня къ себѣ наутріе обѣдать. Я легко могъ догадаться, къ чему сіе клонилось и самъ въ себѣ подумалъ: «Экъ, его пронимаетъ, видно полюбилась ему очень моя дочь и женится на ней хочется». И какъ зовъ сей былъ для меня непротивенъ и могъ мнѣ преподать случай увидѣть самому домъ его, то и сказалъ я слугѣ его: «хорошо, мой другъ, кланяйся Петру Герасимовичу и скажи, что буду».

Итакъ, мы наутріе, вмѣстѣ съ сыномъ, нашимъ лѣкаремъ и капельмейстеромъ къ нему въ Ламки и ѣздили. Онъ угостилъ насъ щегольски и мнѣ домъ его и все въ немъ довольно полюбилось, а особливо близость его жилища къ намъ. Мы просидѣли у него весь день, гуляли по саду и возвратились домой къ вечеру. Достопамятно, что въ самый этотъ день огорчены всѣ мы были полученнымъ манифестомъ о войнѣ, Шведами намъ объявленной, и о впаденіи ихъ въ наши границы, а я особенно — полученнымъ письмомъ отъ повѣреннаго моего изъ Козлова, которымъ увѣдомляя о начавшемся уже межевомъ нашемъ дѣлѣ, совѣтовалъ онъ мнѣ ѣхать туда самому, ибо его силы далеко будутъ недостаточны къ полученію намъ въ томъ выгоднаго успѣха, а необходимо нужно и собственное мое о томъ стараніе, и что безъ денежной молитвы при томъ не обойдется. Извѣстіе смутило меня чрезвычайно. Самъ я зналъ, что онъ говоритъ правду, но не зналъ, можно-ли мнѣ будетъ отъ мѣста своего отлучиться и можетъ быть на нѣсколько недѣль сряду, ибо за вѣрное предполагалъ, что, по извѣстной нескоротечности дѣлъ межевыхъ, въ кратковременное пребываніе ничего не сдѣлаешь и не успѣешь сдѣлать. Однако, какъ мнѣ хотѣлось обстоятельнѣе узнать, въ какомъ положеніи находилось то дѣло, дабы мнѣ можно было пріѣхать туда въ самонужнѣйшій пунктъ времени, то просилъ я друга своего г. Хомякова, отъѣзжавшаго туда же для своихъ надобностей, чтобъ онъ обстоятельнѣе о томъ обо всемъ въ конторѣ развѣдалъ, а особливо о томъ, когда бы мнѣ туда пріѣхать нужнѣе, дабы мнѣ тамъ не жить по-пустому.

Далѣе достопамятно, что около сего времени была у насъ отъ продолжавших-

ся жаровъ такая духота, что мы не знали, куда отъ ней дѣваться, и то-и-дѣло ходили купаться въ свою прекрасную ванну и въ ней иногда по цѣлому часу прохлаждались текущею на себя водою, или совсѣмъ въ ней леживали съ сыномъ, а по вечерамъ и по ночамъ частёхонько превеликій страхъ нагоняли на насъ тучи съ сильными грозами.

Съ другой стороны, смущали насъ слухи о войнѣ Шведской и строгіе указы о прибытіи къ полкамъ всѣхъ служащихъ и находящихся въ отпускахъ. Война сія произвела громъ и шумъ во всемъ государствѣ нашемъ и всѣми почитаема была несравненно опаснѣе войны Турецкой Признаюсь, что я тогда очень радъ былъ что сынъ мой не находился еще въ дѣйствительной службѣ, а то бы, можетъ быть, и ему не отвертѣться отъ похода противъ непріятеля, куда, какъ слышно было, пошли и гвардейскіе баталіоны, и въ Петербургѣ дѣлались страшныя къ оборонѣ отъ шведовъ пріуготовленія, и до того дошло, что набирали даже вольницу изъ людей господскихъ.

Впрочемъ, около самого жъ сего времени заѣзжалъ ко мнѣ гость г. Тутолминъ и звалъ меня невѣдомо-какъ къ родственнику его, а моему пріятелю г. Сахарову, Стратону Ивановичу, въ гости, и чтобъ пріѣхать туда къ Ильину дню, и я принужденъ былъ дать на то мое слово.

Но какъ письмо мое достигло уже до обыкновенной своей величины, то, предоставивъ дальнѣйшее повѣствованіе письму будущему, теперешнее симъ кончу и скажу вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Декабря 21 дня 1810 года).

СВАДЬБА И СГОВОРЫ.

Письмо 240.

Любезный пріятель! Послѣднее мое письмо окончилъ я упоминаніемъ о данномъ мною обѣщаніи ѣхать къ г. Сахарову. Какъ сему любящему насъ человѣку давно уже обѣщали мы пріѣхать когда нибудь къ нему лѣтомъ и повеселиться славнымъ его садомъ, и до сего времени все намъ, а особливо за неблизкимъ разстояніемъ до его жилища, не удавалось у него побывать, а тогда случилось свободное и удобное къ тому время, — то и ради мы были помянутому зову, случившемуся очень кстати. И такъ, наканунѣ Ильина дня собравшись, я къ нему съ женою, съ сыномъ и обѣими старшими дочерьми и поѣхалъ, и покормивъ въ селѣ Никольскомъ, мы къ нему еще засвѣтло и доѣхали.

Г. Сахаровъ былъ намъ очень радъ и старался угостить насъ наилучшимъ образомъ. Мы провели у него почти двое сутокъ въ превеликомъ удовольствіи, и я имѣлъ при томъ случай насмотрѣться всему житью-бытью сего русскаго лорда и славнаго богача, и могу сказать, что смотрѣлъ на все съ удовольствіемъ. Домъ былъ у него превеликій, построенный на полугорѣ и въ красивомъ мѣстѣ. Рѣка Красивая Меча протекала по красивой долинѣ по конецъ сада, расположеннаго предъ домомъ внизу на брегахъ оной; а за оною находилась крутая гора, покрытая густымъ и красивымъ лѣсомъ. На улицѣ предъ домомъ и прекрасно расположенномъ дворомъ великолѣпствовала прекрасная каменная церковь. И все было въ своемъ мѣстѣ. Въ домѣ было множество довольно помѣстительныхъ комнатъ; для гостей находились особыя и спокойныя (въ коихъ была и его небольшая библіотека), въ которыхъ мы спокойно и ночевали. По-утру, одѣвшись и напившись горячаго, водилъ онъ насъ въ свой прекрасный и въ лучшемъ порядкѣ содержимый регулярный садъ и по всѣмъ своимъ прудамъ и сажелкамъ. Я въ-первыя оныя видѣлъ, вездѣ выходилъ и много нашолъ хорошаго, много и пустова. Обѣдъ далъ онъ намъ великолѣпный и сладкій; для десерта уставленъ былъ превеликій столъ разными плодами, ягодами и сластями, и всего было довольно. Послѣ обѣда ѣздили мы на линеѣ за рѣку гулять по его парку, а возвратясь оттуда, угощаемы были чаемъ, а тамъ ѣз-

дили еще разъ съ дѣвицами на прекрасную его за рѣкою гору. Какъ же скоро по наступленіи вечера зажгли огни, то загремѣла его музыка, и мы съ дѣвицами своими и его дочерью нѣсколько потанцовали, а потомъ ужинали, и весь сей день провели весело и хорошо.

На другой день, покуда госпожи вставали и одѣвались, оба мы съ сыномъ все утро занимались его библіотекою, перебирали и разсматривали въ ней книги, а особливо обоимъ намъ незнакомыя и нѣкоторыя отчасти и читали; потомъ ѣздили мы ловить въ прудахъ его рыбу, поелику сей день случился въ пятницу и былъ постный, и любовались множествомъ рыбъ пойманныхъ. Послѣ того ѣздилъ онъ съ нами показывать прекрасные источники, вытекающіе изъ горы съ наичистѣйшею водою, при которомъ случаѣ преподалъ я ему нѣкоторыя мысли о томъ, что-бъ ему еще вновь сдѣлать было можно. И онъ, будучи охотникомъ до всякихъ затѣй, былъ тѣмъ очень доволенъ. Потомъ обѣдали, играли въ билліардъ и увеселялись шутками бывшаго у него одного тульскаго оружейника Сѣдачова, а наконецъ напившись, наѣвшись, налакомившись всего и навеселившись до избытка, распрощались мы съ дружелюбнымъ хозяиномъ и поѣхали далѣе ночевать къ знакомкѣ нашей госпожѣ Писемской, живущей верстъ съ семь отъ него, у которой мы также давно не были. Сія была намъ также весьма рада. Тутъ нашли мы Ефремовскаго городничаго, господина Сафонова, и проговорили съ нимъ и съ сыномъ хозяйки весь вечеръ о войнѣ Шведской, которая тогда всѣхъ занимала собою и хозяйка горевала о томъ, что сыну ея надлежало ѣхать къ полку въ силу обнародованнаго строгаго указа.

Переночевавъ у госпожи Писменской, хотѣли-было мы ѣхать съ утра, но она не отпустила насъ никакъ безъ обѣда. Итакъ, поѣхали мы уже послѣ онаго, и хотя было не близко и мы принуждены были на дорогѣ кормить лошадей, однако успѣли въ тотъ же день доѣхать до двора, гдѣ нашли остававшихся дома нашихъ родныхъ здоровыми, но горюющихъ о бѣдушкѣ, случившейся надъ братомъ моимъ Михайломъ Матвѣевичемъ въ деревнѣ и нажитой имъ, по своему пьянству, отъ одной проказы, учиненной имъ еще во время пребыванія нашего въ деревнѣ. Дѣло было бездѣльное, пьяное и глупое, но навлекшее на него превеликія хлопоты, отъ которыхъ не зналъ онъ какъ и избавиться, а потому смутился и я оттого и пожалѣлъ сего невоздержнаго и слабаго своего родственника. Къ несчастію, и мнѣ ни чѣмъ ему въ томъ пособить было не можно, кромѣ пожертвованія небольшаго количества денегъ, за которыми пріѣзжалъ нарочно къ намъ приходскій попъ нашъ, и которыя, по счастію, помогли имъ послѣ затушить сіе глупое и досадное, но вкупѣ и опасное дѣло, о чемъ, услышавъ послѣ, я не мало порадовался.

Наутріе обрадованы мы были газетами, въ которыхъ извѣщалось о первой у насъ съ Шведами морской баталіи и объ одержанной надъ ихъ флотомъ славной побѣдѣ, со взятіемъ въ полонъ ихъ вицъ-адмирала, что самое побудило меня тогда начать писать историческія записки о происшествіяхъ тогдашняго времени, которыя и понынѣ хранятся въ цѣлости въ библіотекѣ моей въ манускриптѣ. Съ другой стороны, горевали мы о томъ, что дождь и ненастье, наставшее послѣ жаровъ бывшихъ, дѣлало великое помѣшательство въ жнитвѣ и уборкѣ хлѣба.

Наступившій за симъ день пропалъ почти у насъ за пустымъ праздникомъ. У поляка капельмейстера нашего родился сынъ, и ему вздумалось сдѣлать у себя крестинный пиръ и звать окрестить его мою старшую дочь съ нашимъ судьею. А потому званы были и всѣ, и мы обѣдали и пропировали у него весь почти день тотъ. А въ послѣдующій день, вмѣсто прежнихъ несносныхъ почти жаровъ, было у насъ такъ холодно, что мы принуждены были отыскивать и надѣвать шубы, да и въ нихъ съ нуждою могли

заниматься нашими упражненіями и дѣлами.

Непосредственно за симъ получилъ я отъ командира своего увѣдомленіе, что намѣстникъ нашъ въ августѣ къ намъ будетъ и сіе извѣстіе начало меня вновь безпокоить и озабочивать. Другое горе было о хлѣбѣ, который отъ ненастья весь проросъ и погибаетъ сжатый. А третье—привезъ ко мнѣ возвратившійся изъ Козлова г. Хомяковъ и извѣстившій меня, что дѣло мое тамъ въ сумнительномъ положеніи и что надлежитъ мнѣ неотмѣнно самому быть при рѣшеніи онаго, но что нѣтъ еще нужды спѣшить туда ѣздою, а время еще терпитъ.

Черезъ два дня послѣ сего имѣли мы опять день особливый и достойный замѣчанія. Пріѣзжаютъ ко мнѣ вдругъ два виртуоза нѣмца, отецъ съ сыномъ, оба превеликіе мастера играть на всѣхъ инструментахъ, а особливо на скрипицахъ, и находившіеся тогда безъ мѣста и онаго ищущіе. Мы заставили ихъ у себя играть, и сынъ мой, сдѣлавшійся уже охотникомъ до музыки, плѣнился ихъ игрою и признавался, что они несравненно лучше играютъ, нежели полякъ нашъ капельмейстеръ, да и знанія ихъ во всемъ, относящемся до музыки, простирались далѣе. Они предлагали намъ, не можно-ли имъ завесть у насъ музыкальнаго училища? Но какъ мы имѣли у себя уже капельмейстера, то находили то невозможнымъ, а получили другія мысли, а именно: не можно-ль бы намъ какимъ-нибудь образомъ помѣстить ихъ у себя на мѣсто поляка нашего, которымъ были мы не совсѣмъ довольны: человѣкъ онъ былъ слишкомъ капризный, да и не виртуозъ, и у насъ, по глупымъ капризамъ его, не одинъ разъ доходило съ нимъ уже и до ссоры и до превеликой на него досады, и потому льстились мы надеждою, что еслибъ сей добродушный старичекъ г. Бемъ былъ у насъ капельмейстеромъ, то дѣло бъ было у насъ съ музыкою нашею во всемъ лучше, а сверхъ того, не только сынъ мой могъ бы отъ нихъ больше профитовать, но и самыхъ дочерей моихъ могъ бы сынъ его поучить играть на фортепіанахъ, къ чему полякъ нашъ былъ неспособенъ. Но какъ бы это сдѣлать, того мы недоумѣвали, а другаго не находили, кромѣ того, чтобъ самому ему адресоваться къ г. Давыдову и предложить себя на услугу.

Мы уняли обоихъ ихъ у себя обѣдать, и они въ удовольствіе наше проиграли у насъ почти весь день. И какъ на тотъ разъ случился быть у насъ князь, то и ему игра ихъ весьма полюбилась, и онъ, все еще злясь на нашего капельмейстера, говорилъ: «вотъ игра не въ примѣръ поляковской, и имъ-то быть учителями музыкантовъ вашихъ, а не безмозглому поляку вашему». Рады мы были, что и онъ, хотя и не видя сокровенныхъ нашихъ мыслей, а твердилъ то же, и льстились надеждою, что и онъ г-ну Давыдову въ пользу ихъ подмолвить можетъ слово.

Между тѣмъ, и въ самое то время, когда мы послѣ обѣда музыкою сею и игрою ихъ занимались и дѣти даже подъ нее вздумали нѣсколько и потанцовать, вдругъ сказываютъ намъ, что пріѣхали гости. «Кто такой?» спрашиваемъ мы.— «Не знаемъ», отвѣчаютъ люди. И чрезъ минуту входитъ къ намъ престарѣлая, высокая ростомъ и сухощавая и совсѣмъ намъ незнакомая старушка и, рекомендуясь со мною, сказываетъ о себѣ, что она Остафьева, родная бабка обоихъ г. Шишковыхъ, и самая та, которая ихъ съ-малолѣтства у себя въ домѣ воспитывала. Смутила она меня, симъ о себѣ извѣщеніемъ. Но какъ мы объ ней и объ особливомъ характерѣ ея довольно наслышались, то изъ благопристойности воскликнулъ я: «ахъ, матушка Дарья Васильевна, милости прошу, добро пожаловать», и тотчасъ повелъ ее къ своимъ хозяйкамъ въ гостинную, а самъ, между тѣмъ, думаю: «за чѣмъ такимъ она изволила къ намъ пріѣхать, вѣрно для того, чтобъ видѣть и узнать нашу Елизавету, но не вздумала бы еще, старая, сама предлагать намъ внучка своего въ женихи и сватать, то-то удивитъ, срѣжетъ она насъ». Какъ я думалъ, такъ дѣй-

ствительно и сдѣлалось, и я властно какъ на умѣ у ней побывалъ. Не успѣла она сѣсть и нѣсколько словъ вымолвить, какъ и атаковала меня и, безъ дальныхъ околичностей, ну, предлагать мнѣ внучка своего въ зятя и просить о принятіи его въ наше семейство. Господи! какъ она тѣмъ всѣхъ насъ сразила: мы остолбенѣли даже отъ удивленія, и отъ изумленія не знали, что ей сказать и что на ея неожидаемыя слова отвѣтствовать. Наконецъ, собравшись нѣсколько съ духомъ, началъ я, по обыкновенію, благодарить за честь, дѣлаемую ею намъ и дочери нашей, а между тѣмъ придумывать, чѣмъ бы мнѣ отъ старухи отбояриться; со всѣмъ тѣмъ, превеликаго труда мнѣ стоило отъ нея отыгрываться и выигрывать себѣ еще сколько-нибудь времени. Старуха приступала и приставала ко мнѣ непутнымъ дѣломъ, и я кое уже какъ довелъ ее до того, что она замолчала и довольна была тѣмъ, что я хотя слова еще не давалъ, но и не отнималъ у ней всей надежды и отказать не отказывалъ, а съ тѣмъ она отъ насъ и поѣхала.

Между тѣмъ, какъ я въ гостинной занимался съ старухой, дѣти продолжали дѣло свое въ залѣ. По какъ скоро она уѣхала, то принялись мы опять за своихъ виртуозовъ. Сихъ нашелъ я объятыхъ уже другими мыслями. Предлагаемое имъ отъ меня средство показалось имъ слишкомъ продолжительно и ненадежно, и имъ восхотѣлось поскорѣе, и какимъ бы то образомъ ни было, прильнуть къ нашему мѣсту, которое имъ очень полюбилось. Вздумали поговорить и посовѣтовать съ полякомъ нашимъ о томъ, нельзя ли имъ какъ-нибудь съютиться и жить, и учить мальчиковъ вмѣстѣ и брать къ себѣ учениковъ и постороннихъ. Я удивился этой затѣѣ и, почитая ее не весьма удобовозможною, говорю имъ: «хорошо, друзья мои, подите, поговорите и подумайте, я съ моей стороны былъ бы еще и довольнѣе, еслибъ вы между собою сладили и могли бы здѣсь у насъ, съ обоюднаго согласія, остаться; однако, скажу вамъ напередъ, что я худую надежду на то полагаю, чтобъ намъ можно было съ полякомъ нашимъ сладить и ужиться; человѣкъ онъ мудреный, и характеры ваши совсѣмъ противоположны».—«Однако мы хотимъ испытать, сказали они, авось либо и удастся и какъ-нибудь сладимъ».—«Хорошо, подхватилъ я, и ладьте, какъ знаете». И съ тѣмъ ихъ и отпустилъ.

Въ наступившій за симъ день, достопамятный для меня тѣмъ, что я въ оный началъ меньшую свою дочь Катерину учить писать и который былъ послѣдній мѣсяца іюля,—любопытенъ былъ я узнать, что произойдетъ у нашихъ капельмейстеровъ отъ переговоровъ ихъ между собою; и отъ приходившаго къ намъ ужинать молодшаго (sic) Бема услышалъ, что не положено еще ни того, ни сего, и что оба они уѣхали къ г. Шишкову и хотѣли съѣздить еще къ предводителю нашему г. Загряскому поговорить, не отдадутъ ли они также мальчиковъ къ нимъ въ науку.

Симъ кончился тогда нашъ іюль и начался августъ мѣсяцъ, котораго въ первый день были мы, по обыкновенію, у обѣдни, а потомъ ходили на воду и съ колѣнопреклоненіемъ и даже со слезами помолились Богу о ниспосланіи намъ успѣха въ войнѣ противъ шведовъ, по поводу читаннаго тогда всенародно о сей войнѣ манифеста. А наутріе возвратились наши капельмейстеры, и мы обрадовались, услышавъ, что они какъ-то между собою сладили, и Бемъ жить у насъ остался. Въ наступившій же за симъ день чувствовалъ я себя не очень здоровымъ и равно какъ разнемогающимся; однако сіе не воспрепятствовало принять и угостить у себя пріѣзжавшаго ко мнѣ въ сей день съ женою, сыномъ и племянникомъ своимъ, любезнаго, деревенскаго сосѣда и друга моего Н. И. Хитрова, которые у насъ и ужинали и мы съ ними ходили гулять по саду. Между тѣмъ узнали мы, что г. Сахаровъ выдалъ дочь свою, которая у него одна и была, за г. Нестерова, и удивились сей неожидаемости, поелику о томъ до того времени ничего не слыхать было.

Дурнота, почувствуемая мною, продолжалась и въ оба последующіе дня и увеличилась такъ, что я только-что не лежалъ, а то раздряхлъ совсѣмъ: болѣла голова, былъ насморкъ, пропалъ аппетитъ и чувствовалъ боль въ поясницѣ. Приписывая все сіе отчасти простудѣ, отчасти начинающемуся во мнѣ гемморою и не запуская вдаль, воспріялъ я прибѣжище къ прежнему своему лѣкарству и питью своего простуднаго декокта, который и въ сей разъ помогъ мнѣ удивительно и поправилъ здоровье мое такъ, что я въ день Преображенія Господня въ состояніи былъ быть у обѣдни. Между тѣмъ услышалъ я, что оба наши капельмейстеры поѣхали въ Тулу къ знакомому полякову г. Верховскому, для сдѣлки между собою и заключенія договора. А сына моего въ сей день подговорилъ г. Алабинъ съѣздить съ нимъ въ гости къ князю Шаховскому въ его деревню. Впрочемъ, порадовались мы, услышавъ объ одержанной надъ Шведами славнымъ принцемъ Насавскимъ еще морской побѣдѣ.

Сынъ мой проѣздилъ въ гости двое сутокъ, въ которое время пріѣзжала къ намъ старуха г-жа Бакунина съ сестрою и, переночевавъ у насъ, поѣхала въ Тулу. А непосредственно за симъ пріѣхалъ къ намъ опять князь Прозоровскій съ женою, и ночевали во дворцѣ. По приходѣ моемъ къ нимъ, былъ я опять обоими ими очень обласканъ и проговорилъ съ нимъ цѣлый вечеръ, и князь отъ-часу дѣлался ко мнѣ благосклоннѣйшимъ.

Между тѣмъ возвратился и сынъ мой изъ своего путешествія. А въ то же время пріѣхали и капельмейстеры изъ Тулы, пришли ко мнѣ на вечеръ и, во все продолженіе онаго, между собою прокричали и проспорили. Сіе предвозвѣщало мнѣ, что изъ дѣла ихъ ничего не выдетъ, и я не уповалъ, чтобъ могли они между собою сладить, ибо нравы сошлись несогласные и души свойствъ различныхъ. Одинъ изъ нихъ шолъ въ поле, другой—въ лѣсъ по грибамъ, а третій—за малиною; кричали, говорили даже до полуночи, но ничего не сдѣлали и ничего не положили.

Въ этотъ же день пріѣзжалъ къ намъ опять г. Шишковъ и звалъ наутріе опять моего сына къ себѣ, который къ нему и ѣздилъ и почти цѣлый день у него пробылъ, а я между тѣмъ занимался миротвореніемъ своихъ капельмейстеровъ. Оба они, пошедъ ввечеру отъ меня, совсѣмъ-было поладили и обо всемъ условились, но по-утру опять вышелъ у нихъ раздоръ, и я принужденъ былъ ходить къ нимъ и, для пресѣченія ихъ раздоровъ, рѣшился-было уже на то, чтобъ взять ихъ на свой столъ, и тѣмъ-было кончилъ все дѣло. Но тутъ опять дьяволъ ихъ снесъ и опять не поладили. Мнѣ такъ все сіе досадно было, что я наконецъ, расхаркавъ, все сіе дѣло бросилъ и уничтожилъ, ибо видѣлъ, что кромѣ досадъ, ничего отъ нихъ ожидать было не можно.

Едва только я отъ нихъ возвратился, какъ гляжу гость ко мнѣ на дворъ, никогда небывалый. Былъ то г. Нестеровъ, Петръ Григорьевичъ, меньшой братъ молодаго зятя г. Сахарова, пріѣхавшій къ намъ съ билетомъ и убѣдительнѣйшею просьбою, что [бъ] пріѣхать намъ на сватебный балъ къ г. Сахарову, который будетъ у него въ день Успенія Богородицы. Мы его угощаемъ у себя ужиномъ и, поговоривъ между собою, даемъ слово пріѣхать и желаніе Сахарова выполнить.

Въ наставшее потомъ утро пришли ко мнѣ опять нѣмцы, собиравшіеся уже ѣхать. Я унялъ ихъ опять у себя обѣдать, и какъ мнѣ было жаль съ ними разстаться, то далъ имъ убѣдить себя просьбою еще разъ принять на себя трудъ, къ нимъ туда сходить и вступить въ миротвореніе. Итакъ, настроивъ сперва старика-нѣмца, поѣхалъ я къ нимъ настроивать поляка, и на-силу ввечеру споръ ихъ кончилъ, и они ударили по рукамъ, но и сей ихъ ладъ продолжился недолго, а по-утру же на другой день

взбунтовалъ уже старикъ-нѣмецъ и, пришедъ ко мнѣ, сказалъ, что онъ никакъ не намѣренъ у насъ остаться, а хочетъ ѣхать. Такимъ образомъ, все ихъ дѣло и намѣреніе, къ досадѣ и сожалѣнію нашему, тогда рушилось, и они, распрощавшись съ нами, поѣхали.

Какъ случилось сіе уже наканунѣ Успеньяго дня, въ который и намъ надлежало отправляться въ путь свой къ г. Сахарову, то, собравшись съ женою, сыномъ и обѣими старшими дочерьми, мы послѣ обѣда туда на перемѣнныхъ лошадяхъ и поѣхали, и для лучшей удобности расположились заѣхать ночевать къ г-жѣ Писемской. И какъ тогда случился у ней быть и старшій ея сынъ и нашъ пріятель Михаилъ Ивановичъ Писемской, то и провели мы съ нимъ весь вечеръ съ отмѣннымъ удовольствіемъ, а на другой день и поѣхали на пиръ къ г. Сахарову.

Пиръ сей былъ у него великолѣпный и прямо сватебный. Мы нашли у него уже многое множество съѣхавшихся гостей. Была тутъ молодова мать съ обоими его братьями, Николаемъ и Петромъ Григорьевичами и ихъ женами, почтенный старичокъ В. Б. Григоровъ, г. Жемчужниковъ съ женою, г. Тутолминъ, еще г-жа Тутолмина съ дочерью, господа бригадиры Костеринъ и Красильниковъ съ дочерьми, Ефремовскій предводитель М. И. Свѣчинъ съ женою, сыномъ и дочерью, Н. А. Левшинъ съ женою и дочерью, и братомъ своимъ Н. А. и его женою, и дочерью, Х. А. Ушаковъ, Д. В. Плоховъ, г. Безгинъ съ сыномъ, четверо племянниковъ г. Сахарова, и еще кое-кто. Словомъ, собраніе было большое и многолюдное. Обѣденный столъ щегольской съ изобильнымъ десертомъ, гремящею музыкою и пушечною пальбою, а послѣ обѣда порядочный балъ и танцы, а потомъ иллюминація въ саду и небольшой фейерверкъ. Словомъ, все было великолѣпно, пышно и хорошо, и праздникъ добрый. И какъ многіе изъ гостей были мнѣ совсѣмъ незнакомы, то имѣлъ я тутъ случай съ нѣкоторыми изъ нихъ познакомиться. Но ночь не дали мнѣ почти всю уснуть спавшіе близко отъ меня разговорами своими Костеринъ и Свѣчинъ.

Празднество сіе продолжалось и въ послѣдующій день. Гости всѣ были тутъ же; нѣкоторые изъ нихъ хотѣли-было ѣхать, но не отпустили; итакъ, до обѣда было гулянье въ саду. Столъ опять пышный и съ пушечною пальбою, а послѣ обѣда опять танцы и рѣзвости, и было еще веселѣе прежняго, а особливо рѣзвилась молодежь. Я самъ, по прежней своей привычкѣ и охотѣ, съ ними танцовалъ и былъ даже предводителемъ и затѣйщикомъ ихъ рѣзвостей, но имѣлъ также случай кой-съ-кѣмъ говорить, а особливо съ почтеннымъ старичкомъ бригадиромъ Красильниковымъ, съ которымъ и познакомился короче. Словомъ, праздникъ былъ совершенный и хорошій, и оба хозяина, старый и молодой, умѣли всѣхъ угостить и удовольствовать.

Въ семъ послѣднемъ нашли мы умнаго, свѣтскаго, одареннаго многими свѣдѣніями и добрыми качествами молодаго еще человѣка. Онъ находился тогда еще въ службѣ и служилъ въ кадетскомъ корпусѣ, и былъ уже полковникомъ. И какъ партія сія, по богатству г. Сахарова, была для него весьма выгодная, то почитали мы его счастливымъ и пересчастливымъ, но ахъ? могли-ль мы себѣ тогда воображать, что самый сей счастливый и весьма еще не старый и достойный человѣкъ чрезъ весьма немногіе послѣ того годы умретъ на рукахъ почти у насъ въ Богородицкѣ и оставитъ молодую свою жену во вдовствѣ съ малолѣтнею дочерью.

Въ наступившій за симъ день былъ всѣмъ гостямъ разъѣздъ, и всѣ, позавтракавъ, стали разъѣзжаться, а вмѣстѣ съ ними и мы, распрощавшись съ хозяевами, поѣхали обѣдать къ Писемскимъ, а оттуда пробрались уже домой, и въ тотъ же день и пріѣхали.

Тамъ не успѣли мы еще отдохнуть, какъ приведены были въ смущеніе новымъ сватовствомъ за дочь нашу отъ нѣ-

коего г. Рахманинова, отъ котораго прислана была и записка, но изъ котораго ничего не вышло. Обезпокоивали насъ также гости, пріѣзжавшіе къ намъ одни за другими; а иныхъ хотѣвшихъ къ намъ быть, а особливо князя Шаховскаго, должны были и ожидать.

Послѣдующій же за симъ день былъ у насъ прямо гостиный и смутный: весь оный провели мы съ гостями. Была у насъ г-жа Власова съ сестрою своею Поливановою и князь Шаховской, а подъѣхалъ еще и г. Ушаковъ; всѣ они у меня обѣдали, а тамъ ѣздили гулять въ садъ, а потомъ взяли музыку и, по отъѣздѣ г-жи Власовой, потанцовали, но очень мало, потому что гость мой г. князь Шаховской, былъ странный человѣкъ: каждая минута занята была у него шалбереньями съ дѣвицами, и я не слыхалъ отъ него ни одного порядочнаго слова, ажно тѣмъ мнѣ крайне прискучилъ, и тѣмъ паче, что я не могъ къ нему никакъ прикроиться и подладить. Къ вящему смущенію, пріѣхалъ къ намъ лѣкарь и дѣлалъ вновь и усильныя предложенія отъ г. Шишкова. Сей неотступный женихъ требовалъ не съ короткимъ, чтобъ мы сказали да, или нѣтъ. Сіе подало поводъ къ тому, что, между тѣмъ, какъ молодежь наша шалберила и упражнялась въ пустякахъ, мы, старшіе, сошедшись, долгое время и нѣсколько часовъ проговорили между собою о семъ важномъ дѣлѣ, но все еще ни на чемъ не рѣшились. Все какъ-то не ладилось, и мнѣ было очень скучно, и я на-силу приждалъ день этотъ. Князь у насъ ужиналъ и, даже противъ хотѣнія нашего у насъ, какъ издалека пріѣзжій, ночевалъ.

Наставшій послѣ сего день былъ для меня еще скучнѣе прежняго; князь пробылъ у насъ и въ оный до самаго почти вечера и упражнялся безпрерывно въ своемъ требесеньѣ, ажно огадился онъ мнѣ тѣмъ и весьма скучилъ, голова кругомъ даже шла отъ него. Словомъ, гость сей былъ для меня весьма непріятенъ. Передъ вечеромъ собрался онъ ѣхать; я радъ былъ, сживъ его съ рукъ и провожая. Но—нѣтъ: ему надобно было заѣхать къ гг. Алабинымъ и тамъ остаться ночевать. Мои всѣ были также и даже противъ желанія моего остались тамъ ужинать и долго не бывали. Это все было мнѣ крайне непріятно, ибо я думалъ и заключалъ, что отъ такого шалберенья добра быть не можетъ никакова, а зла множество.

Между тѣмъ, какъ жена моя съ дѣтьми была у Алабиныхъ, я, оставшись съ матушкою тещею дома одинъ, говорилъ опять много съ нею о сватовствѣ Шишковскомъ, но все не хотѣлось еще намъ симъ дѣломъ спѣшить, а напередъ посовѣтовать о томъ еще съ нашими друзьями, а особливо съ теткою Матреною Васильевною Арцыбашевою, какъ лучшею нашею родственницею, и ея зятьями. И какъ она находилась въ сіе время у меньшаго своего зятя въ Крюковкѣ, то замышляли даже нарочно для того туда къ нимъ ѣхать.

При сихъ расположеніяхъ нашихъ мыслей и равно какъ нарочно для разрѣшенія нашихъ сумнительствъ, въ разсужденіи сватовства, пріѣзжаетъ къ намъ передъ вечеромъ на другой день г-жа Бакунина съ своею сестрою. Мы были имъ очень ради, и какъ намъ хотѣлось, чтобъ они жениха нашего видѣли, то, переговоривъ съ своими, отписалъ я къ лѣкарю, не можно ли ему выписать къ намъ г. Шишкова, чтобъ намъ показать его сей благопріятствующей намъ и искренно любящей почтенной старушкѣ и сестрѣ ея, и попросить отъ нихъ совѣта. Съ ними пріѣхалъ къ намъ и родственникъ ихъ Михайло Максимовичъ Солнцевъ, человѣкъ молодой и очень хорошій, съ которымъ сынъ мой тотчасъ спознакомился и сдружился.

Переночевавъ у насъ и на другой день отобѣдавъ, гостьи наши хотѣли-было отъ насъ ѣхать, но мы, узнавъ, что г. Шишковъ къ намъ будетъ, уняли ихъ еще у себя ночевать. А вскорѣ за симъ г. Шишковъ къ намъ и пріѣхалъ, котораго продержали мы у себя все достальное время того дня и уняли у себя ужинать. И

какъ помянутыя госпожи и случившіяся при томъ быть и дочери госпожи Алабиной, увидѣвъ его и расхваливъ, начали всѣ намъ дочь нашу за него отдать приговаривать, то мы на то почти и рѣшились, и сей день для нашей Елизаветы Андреевной былъ почти рѣшительный ея жребію. Она одна только не очень на то соглашалась.

Въ послѣдующій день г-жа Бакунина, отобѣдавъ, отъ насъ поѣхала домой, и напередъ обѣ они съ сестрою употребили все, что только могли къ уговариванію Елизаветы нашей выходить за жениха сего замужъ. И какъ дѣло было почти слажено, то, по отъѣздѣ ихъ, и начали наши шить уже нужное къ свадьбѣ. И какъ осталось только посовѣтовать о томъ же съ теткою Матреною Васильевною и ея зятьями, что находили мы необходимо нужнымъ, то стали мы уже пристальнѣе помышлять о томъ и совѣтовать между собою, самимъ ли намъ къ нимъ ѣхать, или о томъ писать, и рѣшились на послѣднемъ.

Въ самый тотъ же вечеръ, вдругъ и противъ всякаго нашего чаянія, пріѣхали назадъ къ намъ наши нѣмцы-капельмейстеры и опять, навалившись на мою шею, нагнали и въ первый вечеръ скуку на меня своими спорами.

Наутріе занялся я писаніемъ писемъ къ роднымъ нашимъ Кислинскимъ и Крюковымъ въ Федешово и Крюковку, писемъ, кои должны были рѣшить судьбу дочери моей. Но она, либо отъ смущенія, или горя, что-то въ сей день позанемогла, да и самому мнѣ что-то не здоровилось. А не успѣлъ сей день пройтить и музыканты наши прожить оный въ мирѣ, какъ тотчасъ произошла опять между ними комедія: до обѣда было всё хорошо, а послѣ обѣда полякъ, напившись пьянъ, опять взбунтовалъ и всѣхъ-было передралъ и, разсердясь, ускакалъ въ Тулу, а за чѣмъ, того никто не зналъ. И какъ я опасался, чтобъ онъ тамъ не набездѣльничалъ и не насказалъ какихъ неправдъ г. Давыдову, то нашолся принужденнымъ отписать о безпорядкахъ его самъ къ г. Давыдову и послать вслѣдъ за нимъ нарочнаго, а мальчиковъ велѣлъ въ отсутствіе его учить новому капельмейстеру-нѣмцу.

Дни чрезъ три возвратился и нашъ посланный съ письмами и не привезъ къ намъ ничего рѣшительнаго, какъ того и ожидать было можно. Всѣ они ни приговаривали, ни отговаривали, а предавали въ нашу волю, а хотѣла только тетка сама скорѣй къ намъ пріѣхать. Между тѣмъ, какъ оба мы съ дочерью опять обмоглись, то дни чрезъ три послѣ того расположились мы для сдѣланія контравизита съѣздить къ г-жѣ Бакуниной, съ тѣмъ чтобъ отъ ней проѣхать и къ г-жѣ Власовой, въ который путь мы вмѣстѣ съ женою, дочерью и старшею госпожею Алабиною 30 августа и отправились.

Въ обоихъ сихъ домахъ были намъ очень ради; у г-жи Бакуниной нашелъ я опять г. Солнцева и съ нимъ весь вечеръ и утро провелъ, какъ съ умнымъ и любопытнымъ молодымъ человѣкомъ, съ особливымъ удовольствіемъ, а г. Власовъ снабдилъ меня множествомъ разныхъ сѣмянъ и радъ былъ, что возобновилось наше съ нимъ знакомство, пресѣкшееся-было со временъ князя Гагарина.

Ѣдучи отъ него и возвращаясь опять въ Волково для ночеванія у г-жи Бакуниной, дорогою завели мы между собою разговоръ опять о сватовствѣ и говорили своей дочери, чтобъ она наконецъ сказала, хочетъ ли она иттить за г. Шишкова, или нѣтъ, дабы я такъ могъ уже и располагаться, и она, подумавъ нѣсколько и сказавъ, что она видѣла въ ту ночь особливый и примѣчательный сонъ, и наконецъ даетъ на то свое произвольное и непринужденное согласіе. Обрадовался я, сіе услышавъ, и сказалъ: «но, правда ли, и когда такъ, то дай же мнѣ въ томъ руку». — «Извольте, батюшка», отвѣчала она и, перекрестясь, то и сдѣлала. Симъ образомъ рѣшилось дѣло сіе и съ ея стороны. И случилось сіе въ самый послѣдній день мѣсяца августа. Мы ночевали въ сей день опять у г-жи Бакуниной, которая обрадовалась также, услыша о

согласія моей дочери и похвалила ее за то, и мы весь сей день и вечеръ были очень веселы.

Наутріе, отобѣдавъ у ней, возвратились мы домой, а съ нами вмѣстѣ пріѣхалъ къ намъ и г. Солнцевъ, которому хотѣлось съ сыномъ моимъ съѣздить къ г. Шишкову, куда они на другой день и ѣздили и весь почти день у него прогостили. А я между тѣмъ занимался кой-какими пріѣзжавшими къ намъ гостями и разбираніемъ привезенныхъ ко мнѣ изъ деревни своей яблокъ, коихъ величиною не могъ довольно налюбоваться, и отдавалъ своихъ мальчиковъ учить новому капельмейстеру; а какъ привезли къ нему учениковъ и отъ г. Загряскаго, то хлопоталъ и за ними.

Въ наступившее за симъ 3-е число сентября, который день случился воскресный, пріѣзжалъ ко мнѣ нашъ уѣздный предводитель г. Загряской съ женою обѣдать. А какъ съѣхались къ намъ и всѣ наши городскіе, то и былъ у насъ маленькій праздничекъ, и мы вздумали послѣ обѣда повеселиться музыкою и танцами. Но тутъ произошла у насъ тревога опять съ возвратившимся уже давно обратно изъ Тулы полякомъ-капельмейстеромъ, не хотѣвшимъ-было отпустить къ намъ музыку. Однако, мы ее получили. Посреди самыхъ сихъ увеселеній пріѣзжаетъ къ намъ наконецъ и тетка Матрена Васильевна, которую мы съ толикимъ вожделѣніемъ дожидались, и поразила насъ своимъ пріѣздомъ, ибо оный долженъ былъ рѣшить все наше дѣло. И какъ она ни мало наше намѣреніе не порочила, а была первая приговорщица, чтобъ намъ дочь свою за сего жениха выдать, и говорила, что не для чего тѣмъ далѣе и медлить, то, благословясь, и дали мы въ этотъ день первое наше слово и объявили сватающимъ о томъ свое согласіе. Признаюсь, что сей пунктъ времени былъ для меня очень критическій: вся душа моя волновалась при изреченіи помянутаго слова. «Богу единому извѣстно, думалъ и говорилъ я тогда самъ съ собою: удачно ли будетъ сіе супружество, но какъ у меня на Его единаго вся надежда и я Ему, распоряжателю всѣхъ судебъ человѣческихъ, съ малолѣтства ее поручилъ, и по всѣмъ обстоятельствамъ вижу, что на сіе есть Его святая воля и сего жениха никто иной, какъ Самъ Онъ ей выбралъ, то и буди съ нею Его святая воля, Ему и препоручаю я ее въ покровительство».

Въ слѣдующій за симъ день, думали мы, что пріѣдетъ къ намъ сестра нашего жениха Катерина Герасимовна, бывшая въ замужествѣ за сосѣдомъ нашихъ родныхъ Кислинскихъ, за тѣмъ г. Крюковымъ, Егоромъ Михайловичемъ, о которомъ я упоминалъ прежде, и ждали ее потому, что она быть къ намъ обѣщала. Но не то вышло. Женихъ нашъ, услышавъ и узнавъ отъ г-жи Алабиной о нашемъ согласіи и обрадовавшись до чрезвычайности, поскакалъ въ тотъ же мигъ къ своей бабкѣ, и, уже не знаю какимъ образомъ, очутились они всѣ въ Ламкахъ, и г-жа Крюкова прислала уже оттуда письмо къ теткѣ Матренѣ Васильевнѣ, которую она знала, съ увѣдомленіемъ, что ей въ тотъ день быть у насъ не можно, а ежели угодно, то будетъ завтра, на что мы были и согласны. И какъ дѣло доходило уже до сговора, то весь вечеръ занимались мы о томъ совѣтами и уговариваніемъ невѣсты, чтобъ она себя не одурачила и во время помолвки не плакала.

Впрочемъ, какъ я уже не сомнѣвался, что нѣмецъ-капельмейстеръ и сынъ его у насъ останутся и послѣднему можно будетъ учить прочихъ моихъ дочерей на фортопіанахъ, то, по неимѣнію у себя сего музыкальнаго орудія и пріискавъ оное купить у г-на Сахарова, за онымъ въ сей день и отправили.

Наутріе думали мы, что у насъ будетъ помолвка, однако пріѣзжала къ намъ сестра жениxова одна, для отобранія слова, а о помолвкѣ положили, чтобъ пріѣзжать имъ къ намъ въ слѣдующій день, съ чѣмъ она отъ насъ и поѣхала. А не успѣла она уѣхать, какъ пріѣхалъ къ намъ, и равно какъ нарочно, дядя Петръ Алексѣевичъ

Кирѣевъ, чему мы были очень и ради. Однако, онъ ввечеру насъ нѣсколько и смутилъ и поразстроилъ своимъ говореніемъ и сужденіемъ. Человѣкъ онъ былъ особливаго характера и, по природному свойству, имѣлъ обыкновеніе все толковать въ худую сторону, обо всемъ сомнѣваться и выводить опасенія, а такимъ же образомъ поступилъ онъ, узнавъ о нашемъ дѣлѣ и при этомъ случаѣ и насказалъ намъ столько сумнительствъ и опасеній, что мы были уже и не ради, ибо онъ всѣхъ насъ тѣмъ смутилъ и перетревожилъ наши мысли и души, что всё было совсѣмъ не ко времени и не къ стати, поелику дѣло зашло у насъ уже столь далеко и перемѣнить даннаго слова было уже не можно.

Наконецъ, наступило 6 число сентября, который день былъ рѣшительный для судьбы Елизаветы моей Андреевны и достопамятенъ тѣмъ, что мы ее въ этотъ день за г. Шишкова помолвили или паче сговорили, ибо, по условію, послѣ обѣда и пріѣхали къ намъ всѣ они, а именно старуха бабка съ обоими своими внучатами и внукою, помянутою госпожею Крюковою, сестрою жениховою. Сговоръ происходилъ съ обыкновенными обрядами и съ нашей стороны присутствовали притомъ, кромѣ насъ, тетка Матрена Васильевна Арцыбашева, дядя Петръ Алексѣевичъ Кирѣевъ и г-жа Алабина съ обѣими дочерьми, Настасьею и Натальею Тимоѳеевными, а болѣе никого. Всѣ они у насъ, по обыкновенію, и ужинали.

Какъ старухѣ, нареченной нашей сватьѣ, было уже поздно ѣхать въ Ламки и она расположилась ночевать со всѣми своими у г-жи Алабиной, то принуждены мы были звать ихъ наутріе къ себѣ обѣдать и сдѣлать у себя порядочный сговорный большой обѣдъ, къ которому пригласили мы и нашего князя съ женою, а къ прочимъ нашимъ знакомымъ и друзьямъ разослали по-утру обыкновенные сговорные билеты, написавъ и разрисовавъ ихъ скорѣе съ сыномъ на тонкой и хорошей бумагѣ. Итакъ, былъ у насъ порядочный обѣдъ съ музыкою, и гости наши разъѣхались уже передъ вечеромъ; и все происходило ладно и хорошо.

Наутріе пріѣзжалъ женихъ нашъ, по обыкновенію, къ невѣстѣ, и по случившемуся тогда празднику Рождества Богородицы, былъ съ нами у обѣдни и у насъ потомъ обѣдалъ, а послѣ обѣда ѣздили всѣ мы къ нашему городничему въ гости и у него сидѣли. Ввечеру же занимались семьянинки мои съ теткою Матреною Васильевною совѣтами и разговорами о томъ, что намъ къ сватьбѣ и для приданаго покупать и приготовлять надлежало.

А въ послѣдующій день званы мы были бабкою въ домъ нареченнаго зятя моего обѣдать или, лучше сказать, посмотрѣть его житья-бытья, что всё семьянинки мои любопытно хотѣли видѣть. Итакъ мы туда и ѣздили въ пяти каретахъ, ибо, кромѣ всѣхъ насъ, приглашены были туда-жъ и князь, и г-жи Алабины, и Марья Юрьевна. Обѣдъ былъ превеликій и угощеніе хорошее; съ ихъ стороны былъ мужъ сестринъ, а жениховъ зять, Егоръ Михайловичъ Крюковъ и другъ мой Алексѣй Андреяновичъ Албычевъ, съ сестрою; а послѣ пріѣхали и господа Остафьевы, ближніе сосѣди жениховы; всѣ мы пробыли тамъ до вечера и возвратились домой уже въ сумерки.

Всѣмъ моимъ роднымъ, а вмѣстѣ съ ними и самой невѣстѣ домъ и все въ немъ полюбилось, и всѣ, казалось, будущимъ жребіемъ ея были довольны и говорили, что она небезсчастлива, и все наше дѣло по сіе время шло весьма порядочно и хорошо. Но достопамятно, что о приданомъ хоть сначала ничего не говорили и ничего не требовали, а отзывались, что они всѣмъ хотятъ быть довольными, что мы ни дадимъ, но въ сіе время начали и гораздо поспрашивать, и тутъ открылось, что нѣкоторые люди, не зная и не вѣдая о томъ, что мы даемъ и что дать въ состояніи, насказали имъ, что мы даемъ и Богъ знаетъ сколько. Но мы какъ прежде, такъ и тогда говорили, что мы не такъ богаты, чтобъ мог-

ли дать за дочерью нашею приданое большое и знаменитое, поелику она у насъ не одна, а кромѣ трехъ еще другихъ, есть и сынъ; достатокъ же нашъ и весь весьма умѣренный и потому не можемъ отъ небольшихъ нашихъ деревень болѣе оторвать 50 душъ людьми, да вещей всякихъ тысячи на двѣ или на три; что-жъ касается до денегъ, то я далеко ихъ столько не имѣю, какъ иные, можетъ быть, думаютъ, и отъ нихъ мнѣ удѣлить нечего.

На другой день послѣ сего, будучи у обѣдни, услышалъ я, что зложелатель мой князь былъ чѣмъ-то недоволенъ въ разсужденіи пріема его въ Ламкахъ. Въ самомъ дѣлѣ, было нѣсколько упущено госпожею Крюковою, какъ хозяйкою: дѣло состояло въ томъ, что она съ нашею княгинею ничего будто не говорила, а это и бѣсило сію самолюбивую госпожу. Но какъ бы то ни было, но и меня сіе растрогало очень, и я крайне сожалѣлъ, что сдѣлана была такая ошибка. Впрочемъ, въ этотъ день пріѣзжалъ къ намъ опять и нареченный зять вмѣстѣ съ сестрою своею и у насъ обѣдали. А какъ случилось тутъ же обѣдать и попамъ нашимъ по случаю праздника, то былъ и въ сей день у насъ столъ нарочито великъ, а послѣ обѣда музыка и танцы, при которыхъ заставили мы танцовать и жениха нашего, а потомъ ѣздили всѣ мы къ нашей Марьѣ Юрьевнѣ, гдѣ былъ и князь съ женою своею, которая все дулась и не хотѣла даже взглянуть на всѣхъ. При отъѣздѣ гостей нашихъ домой, выпросили и увезли они съ собою и сына моего вмѣстѣ съ г. Алабинымъ.

Все утро наступившаго послѣ сего дня занимался я писаніемъ писемъ въ разныя мѣста и ко многимъ людямъ: иныхъ надобно было увѣдомлять о случившемся съ нами происшествіи; къ другимъ писать, чтобъ возвратили они мнѣ имѣющіяся на нихъ мои деньги, которыя мнѣ были тогда самому надобны; инымъ о иныхъ нуждахъ. Но, кромѣ сего, было и въ сей день много всякой всячины и происшествій пріятныхъ и непріятныхъ. Къ симъ послѣднимъ относилось наиглавнѣйше то, что я, при случаѣ киданія въ сей день лѣкаремъ женѣ моей крови, примѣтилъ я, что онъ совсѣмъ не такъ со мною обходился, какъ прежде, и власно какъ бы сердитъ былъ на меня и дулся. Удивился я таковому его необыкновенному поступку, не зналъ чему то приписывать и покоя до тѣхъ поръ не имѣлъ, покуда стороною не узналъ, что онъ на меня и на всѣхъ насъ дѣйствительно сердился, и сердился не напрасно. Какимъ-то образомъ, безъ всякаго умысла, случилось всѣмъ намъ сдѣлать превеликую ошибку и неосторожность и объ немъ при всѣхъ нашихъ сговорныхъ празднованіяхъ совсѣмъ не вспомнить и его къ себѣ не пригласить, а поелику и онъ имѣлъ въ сватовствѣ соучастіе, то натурально было ему сіе и прискорбно, и досадно. Изобразить не можно, какъ я самъ на себя досадовалъ, о семъ узнавши, и другого не нашолъ какъ тотчасъ, подхватя лошадей, къ нему на островокъ скакать и дружески предъ нимъ въ томъ извиняться, но, спасибо, былъ онъ не такой человѣкъ, чтобъ долго далъ мнѣ о томъ заботиться, и, по любви его ко мнѣ, мы тотчасъ съ нимъ опять сладили, и все было позабыто.

Другую досаду причинило мнѣ вновь открывшееся бездѣльничество нашего поляка-капельмейстера. Научи негодяй ребятишекъ перепортить всѣ пищики у духовыхъ инструментовъ, единственно изъ злобы противъ нѣмца и потому, что сей не умѣлъ ихъ такъ хорошо самъ дѣлать, какъ онъ! И какъ сдѣлалась отъ того въ ученіи остановка, то бѣднякъ старикъ прибѣгаетъ ко мнѣ о томъ съ жалобою. Что дѣлать? Принужденъ былъ самъ туда къ нимъ ѣхать и дѣло изслѣдовать, и какъ все зло тотчасъ открылось и полякъ въ томъ изобличенъ былъ, то велѣлъ ребятишекъ пересѣчь, а поляку сказалъ, что онъ дурно это дѣлаетъ, что это не годится, а лучше-бъ былъ онъ воздержнѣе и велъ себя тише и благоразумнѣе. Но онъ несъ гору: не

уважая ни мало моихъ словъ, продолжалъ дѣлать пакости.

Третья непріятность была та, что сама невѣста наша неосторожно расчесала у себя ногу, и оттого прикинулось, и нога у ней болѣла, и мы принуждены были просить лѣкаря спѣшить помогать ей отъ того.

Что касается до пріятностей сего дня, то состояли они въ томъ, что между тѣмъ какъ я послѣ обѣда ѣздилъ на островъ, пріѣхалъ къ намъ другъ мой А. А. Албычевъ съ сестрою своею Марьею Андреяновною, а потомъ опять нашъ нареченный зять съ сыномъ моимъ и г. Алабинымъ, а тамъ наша казначейша. И какъ чрезъ то компанія собралась изрядная, то послали мы за музыкантами и завели танцы, и была у насъ порядочная вечеринка, а потомъ довольно большой ужинъ.

Нога у дочери моей болѣла и наутріе и нагнала на насъ заботу, а жена моя всю почти ночь не спала, раздумавшись о нашемъ женихѣ и боясь, чтобъ онъ не вдался, по примѣру отца своего, въ невоздержности, а особливо въ излишнюю охоту къ питью. Что касается до него, то онъ ночевалъ у Алабиныхъ, а по-утру ну-ка также скакать къ лѣкарю и просить извиненія, ибо и они всё столько-жъ были передъ нимъ виноваты, какъ и мы. А потомъ пріѣхалъ къ намъ обѣдать и пробылъ у насъ до самаго почти вечера.

Къ намъ въ сей день привезли купленныя фортопіаны отъ Сахарова: инструментъ былъ прекрасный и недорогъ; у г. Сахарова сдѣлались они тогда излишними, а потому и уступилъ онъ намъ ихъ за цѣну весьма сходную. Мы не успѣли ихъ разобрать и установить въ маленькой своей проходной комнаткѣ, какъ давай скорѣй посылать за молодымъ господиномъ Бемомъ и заставливать учить на нихъ нашу Настасью и Ольгу Андреевну и утѣшаться пріятнымъ тономъ сего инструмента.

А ввечеру сего дня произошла у насъ съ полякомъ нашимъ капельмейстеромъ новая штука. Понадобилось на что-то нѣкоему г. Бунину музыка, и онъ присылалъ за нимъ и музыкантами. Сіе подало поляку поводъ просить меня, чтобъ отпустилъ я съ нимъ и моихъ собственныхъ музыкантовъ, но я за грубость его ему въ томъ отказалъ. Господи! какъ полякъ мой отъ того вздурился и какой поднялся шумъ. Ребятишкамъ моимъ самимъ хотѣлось очень туда съ нимъ ѣхать, но я мало на то смотрѣлъ, а хотѣлъ поляку дать неудовольствіе мое на него почувствовать. Но наутріе однако умилостивился я надъ нимъ и ребятишекъ, по желанію его, отпустилъ.

Между тѣмъ обрадованы мы были тѣмъ, что нога у невѣсты нашей зажила и ей можно было въ предпринимаемый путь съ матерью своею отправиться. Ибо какъ тогда дѣло наше отъ дальнѣйшаго продолженія остановилось только за тѣмъ, что мы къ сватьбѣ не совсѣмъ были готовы, а надлежало многое кой-что еще искупить, и купить того, кромѣ Москвы, было негдѣ, то необходимо надлежало въ оную для сего на краткое время съѣздить, почему жена моя и начала тотчасъ къ путешествію сему собираться. Ей весьма-было хотѣлось, чтобъ поѣхалъ туда и я съ нею, но мнѣ никакъ было нельзя отлучиться въ то время отъ своего мѣста, ибо въ самое сіе время обнародованъ былъ указъ о поспѣшнѣйшемъ наборѣ со ста душъ рекрутъ, и мнѣ надлежало тотчасъ помышлять о выбираніи и назначеніи оныхъ изъ крестьянъ обѣихъ волостей нашихъ, къ которому скучному и тягостному дѣлу и располагался я приступить во время ихъ отсутствія и спѣшить какъ можно тѣмъ, дабы дѣло сіе не помѣшало мнѣ, по возвращеніи жены моей изъ Москвы, заняться сватьбою и ѣхать потомъ въ Козловъ, откуда ожидалъ я ежедневно за собою присылки и тѣмъ въ особливости озабочивался.

Такимъ образомъ, съ наступившимъ послѣ того днемъ и начала жена моя съ дочерью въ сей путь собираться и, для вспомоществованія себѣ въ покупаніи и выборѣ разныхъ нужныхъ къ приданому

и сватьбѣ вещей, уговорила ѣхать съ собою и старшую дочь госпожи Алабиной, Настасью Тимоѳеевну; вмѣсто же меня взять съ собою, для охраненія въ пути, моего сына.

Итакъ, собравшись и распрощавшись со всѣми и взявъ съ собою тысячи двѣ рублей денегъ, которыми снабдилъ я ее для покупанія на большую часть всякихъ вздоровъ и тѣхъ излишностей, какія у насъ на приданое обыкновенно покупаются, и распрощавшись со всѣми нами, чрезъ день послѣ того, именно 15 числа сентября, они въ путь сей и отправились, а я остался хлопотать съ своими капельмейстерами и рекрутами.

А симъ и окончу я сіе мое письмо и вмѣстѣ съ нимъ и 23-е собраніе оныхъ, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Декабря 22-го дня 1810 года).

Конецъ XXIII части.

Сочинена въ 12 дней и кончена 22 Декабря 1810 года.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XXIV.

(**Въ Двоениновѣ, начата 23 декабря 1810, а окончена 29 января 1811 г.**).

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Богородицкѣ со времени замужества старшей моей дочери до отбытія г. Давыдова изъ Богородицка.

Продолженіе 1788, а моего 50 года жизни.

Письмо 241.

Любезный пріятель! Послѣднее письмо мое къ вамъ и 23-ю часть оныхъ кончилъ я описаніемъ сговора старшей моей дочери и происходившихъ между капельмейстерами нашихъ (sic) глупыхъ дрязговъ и остановился на отъѣздѣ жены моей съ дѣтьми въ Москву, для покупанія разныхъ вещей, нужныхъ для приданова и къ свадьбѣ. Теперь, продолжая дальнѣйшее повѣствованіе о происшествіяхъ, со мною бывшихъ, скажу, что я, во все время отсутствія и ѣзды ихъ, продолжавшейся цѣлыхъ двадцать дней, занимался отчасти обыкновенными своими кабинетными упражненіями и наиболѣе писаніемъ и сочиненіемъ своего «Экономическаго Магазина», который, за бывшими недосугами и хлопотами, былъ у меня нѣсколько запущенъ, и я спѣшилъ снабдить типографію опять поболѣе матеріаломъ, котораго оставалось въ Москвѣ уже очень мало. Кромѣ того продолжалъ я писать «Исторію нашей Шведской войны» и успѣлъ уже въ сіе время кончить всю первую часть оной. Въ работѣ сей упражнялся я наиболѣе по утрамъ и вечерамъ, а днемъ занимали меня рекруты. Пагнали опять со всѣхъ селъ и деревень народа великое множество, и я долженъ былъ заниматься наискучнѣйшимъ дѣломъ отыскивать очереди, назначать, мѣрить, отбирать годныхъ въ службу и слушать просьбы плачущихъ матерей и женъ, разстающихся со своими родными. Нѣсколько дней сряду принужденъ я былъ симъ труднымъ и скучнымъ дѣломъ заниматься-

ся, ибо надобно было назначать болѣе двухъ сотъ человѣкъ, и на-силу-на-силу оное, къ удовольствію своему, кончилъ.

Впрочемъ, занимался я и музыкой, и учащимися оной, также и угощеніемъ пріѣзжавшихъ ко мнѣ временно гостей разныхъ, которые не оставляли меня и въ сіе время посѣщать и пріѣздами своими отвлекать меня отъ моихъ дѣлъ и упражненій. Изъ сихъ наизнаменитѣйшими были г. Сахаровъ съ своимъ молодымъ зятемъ и пріятель мой г. Писменской, который у меня и ночевалъ, и съ коимъ мы опять не могли довольно обо всемъ наговориться.

Симъ образомъ провелъ я въ мирѣ и тишинѣ всю послѣднюю половину сентября. Но ввечеру самаго послѣдняго дня сего мѣсяца возмущенъ опять былъ духъ во мнѣ присланнымъ ордеромъ, которымъ повелѣвалось мнѣ пріѣхать немедленно въ Тулу, привозить рекрутъ и собрать съ крестьянъ весь розданный имъ въ займы хлѣбъ. Сіе послѣднее повелѣніе меня удивило и смутило потому, что такимъ же ордеромъ велѣно было прежде весь оный хлѣбъ оставить мужикамъ безвозвратно. Я не понималъ, чтб бы это значило. И поелику намѣстникъ нашъ находился тогда въ Тулѣ, то сталъ я сомнѣваться, не вышло ли какой-нибудь странности. Кромѣ сего, озабочивало меня и то, что негодяй полякъ все на меня злился и, по дошедшимъ до меня слухамъ, за всѣ мои къ нему благодѣянія умышлялъ злодѣйскимъ и прямо змѣинымъ образомъ мнѣ вредить.

Но какъ бы то ни было, но мнѣ надлежало въ Тулу ѣхать, и ѣхать ни мало не медля. Итакъ, забравъ нужныя вѣдомости и, не смотря на всю дурноту тогдашней погоды и прескверную дорогу, сѣвъ въ маленькую коляску, въ сей путь отправился. И дабы мнѣ скорѣй можно было доѣхать до Тулы, то своихъ лошадей отправилъ напередъ въ Дѣдиловъ, а самъ до оваго поѣхалъ на мужицкихъ. Но сколько разъ раскаявался я и досадовалъ самъ на себя, что ихъ взялъ. Какъ мы ихъ ни турили, но негодницы никакъ не хотѣли меня скоро по грязной дорогѣ везти; а между тѣмъ холодъ, снѣгъ, дождь и пронзительный встрѣчный вѣтеръ—и мочили, и знобили, и безпокоили меня до крайности. Но какъ-нибудь дотащившись на нихъ до Дѣдилова, пересѣлъ я уже на своихъ и поскакалъ далѣе и успѣлъ еще довольно рано пріѣхать въ Тулу.

Тамъ присталъ я къ другу своему Антону Никитичу Сухотину, и моя первѣйшая забота была узнать, не пріѣхали-ль наши съ Москвы, которымъ давно бы уже возвратиться надлежало. Но услышавъ, что нѣтъ еще никакова слуха, началъ уже объ нихъ заботиться и сомнѣваться, опасаясь, что не случилось ли съ ними чего дурнаго, ибо, по письмамъ отъ нихъ, зналъ, что имъ надобно было давно уже быть въ пути и отъ дурной дороги и погоды терпѣть также великое безпокойство. Потомъ послалъ отыскивать находившагося тогда въ Тулѣ, для отдачи рекрутовъ, секретаря своего Варсобина, или кого инаго изъ нашихъ Богородицкихъ, дабы распросить у нихъ, не знаютъ ли и не слыхали-ль они, за чѣмъ меня такъ экстренно спрашиваютъ. Варсобина и другихъ нѣкоторыхъ ко мнѣ тотчасъ и притащили, но они не могли любопытства моего удовольствовать и отзывались незнаніемъ, и что они ничего не слыхали.

Переночевавъ все въ продолжающемся еще сумнѣніи у г. Сухотина, всталъ я ранымъ-ранёхонько и, одѣвшись, поѣхалъ къ командиру своему г. Давыдову. Тутъ услышалъ я и съ досадою, и съ удовольствіемъ, что весь призывъ меня былъ за сущею бездѣлицою, и я перетревоженъ по пустому. Хотѣлось имъ съ намѣстникомъ узнать, сколько у насъ какова хлѣба находилось тогда въ наличности и сколько по собраніи оброчнаго будетъ, дабы чрезъ то можно-бъ было имъ сдѣлать распоряженіе, сколько его продать. Все сіе могли-бъ они узнать отъ меня заочно и не таская меня къ себѣ по такой бездорожицѣ и дурной погодѣ. Но, по крайней мѣрѣ, при услышаніи сего,

отлегнуло у меня сколько-нибудь отъ сердца, и я уже съ спокойнѣйшимъ духомъ принялся тотчасъ за сочиненіе желаемой ими вѣдомости и, по написаніи оной, поѣхалъ съ господиномъ Давыдовымъ въ казенную полату. Тамъ нашли мы самого намѣстника, окруженнаго толпой народа и, въ присутствіи множества дворянъ и господъ, принимающаго лично рекрутовъ. Тутъ подалъ г. Давыдовъ ему мою вѣдомость и сказалъ о моемъ пріѣздѣ. Но какъ ему не до того было, чтобы нами тогда заниматься, а пріему надлежало еще долго продолжаться, то мы, постоявъ тутъ нѣсколько минутъ, поглазѣвшись на народъ, поговоривъ и повидавшись кое съ кѣмъ, лизнули вонъ, и, подхватя съ собою г. Сухотина, поѣхали къ г. Давыдову, по приглашенію его, обѣдать, а потомъ, посидѣвъ, возвратились домой дожидаться, покуда намѣстникъ изъ рекрутскаго пріема пріѣдетъ къ себѣ во дворецъ, гдѣ онъ тогда жилъ. А не успѣло нѣсколько минутъ пройтить, какъ за мной и прислали.

Ѣдучи къ нему, любопытенъ я былъ видѣть, какъ онъ меня приметъ, и попрежнему-ль пріятно, или инако, и крайне обрадовался, увидѣвъ по-прежнему пріемъ себѣ довольно ласковый и пріятный. Сіе меня ободрило чрезвычайно, и я съ покойнымъ духомъ началъ отвѣчать на всѣ дѣлаемыя имъ мнѣ вопрошанія и пробылъ у него цѣлый вечеръ, разговаривая съ нимъ обо многомъ, равно какъ и съ другими, тутъ бывшими, и былъ очень доволенъ тѣмъ, что намѣстникъ обошолся со мною хорошо. Онъ возложилъ на меня коммиссію купить еще 500 молодыхъ яблонокъ, для посадки въ нашъ садъ богородицкій, ибо вздумалъ опять за оный приниматься и пополнить его и плодовитыми деревьями. Отъ него проѣхалъ я опять къ г. Давыдову и у него ужиналъ. Отъ него посылалъ я опять провѣдывать о своихъ московскихъ. Но какъ привезли мнѣ извѣстіе, что ихъ все еще нѣтъ, то сумнѣніе мое объ нихъ увеличилось еще больше.

Послѣдующій день весь почти проѣздилъ я по Тулѣ, проискалъ въ садахъ продажныхъ яблонокъ и приторговывалъ оныя. И какъ шла тогда превеликая слякоть и было и мокро, и очень холодно, а я рыскалъ на выпрошенныхъ у хозяина дрожкахъ, то и измучился я, и въ прахъ иззябъ. Послѣ обѣда ѣздилъ опять за тѣмъ же, и едва только возвратился, какъ сказываютъ мнѣ, что была уже опять присылка за мной отъ намѣстника. Итакъ, скачу къ нему, сказываю, гдѣ и сколько, и по чёмъ отыскалъ купить яблонки. Намѣстникъ тѣмъ доволенъ, приказываетъ купить и посадить. Г. Давыдовъ тутъ же. И оба они велятъ мнѣ исполнить то, велятъ другое и наконецъ отпускаютъ.

Раскланявшись съ ними и будучи тѣмъ очень доволенъ, поскакалъ я на свою квартиру и спѣшу ѣхать къ г. Запольскому, говорить съ нимъ, какъ съ любопытнымъ человѣкомъ, о политическихъ новостяхъ и распрашивать, что слышно о войнѣ нашей. Но вдругъ прибѣгаютъ ко мнѣ сказывать, что наши наконецъ изъ Москвы пріѣхали и остановились у Пастухова. Я вспрыгалъ почти отъ радости и кричу своимъ людямъ: «давай, давай и запрягай скорѣй коляску!» И хоть темно, громоско (sic), тряско и далеко, но какая до того нужда? скачу и спѣшу увидѣться съ своими, нахожу цѣлую толпу ихъ у Пастухова, и въ томъ числѣ и своего нареченнаго зятя; здоровкаюсь со всѣми и радуюсь, видя ихъ всѣхъ здоровыми; а къ г. Шишкову, обратясь, говорю: «да ты, братецъ, какимъ это образомъ здѣсь очутился?» — «И я, батюшка, отвѣчалъ онъ, былъ также въ Москвѣ и согласились вмѣстѣ ѣхать сюда, съ матушкой». — «Ну, еслибы не было съ нами Петра Герасимовича, подхватила жена моя, то было бы намъ тошно лихо!» — «А что такое?» спросилъ я. — «Чего, батюшка, измучилась въ прахъ по эдакой дурной и пропасной дорогѣ, и у насъ, то-и-дѣло, — то то, то другое въ обозѣ нашемъ портилось, и наконецъ дошло до того, что не знали что и дѣлать; одна повозка совсѣмъ изломалась; и спасибо

уже Петру Герасимовичу: велѣлъ переложить все въ свою повозку; но за то, спроси-ка ты, гдѣ онъ самъ ѣхалъ и сидѣлъ?»—«А гдѣ?»—«Да у насъ, на козлахъ, вмѣстѣ съ кучеромъ!»—«Возможно ли, воскликнулъ я отъ удивленія; да развѣ негдѣ было индѣ присѣсть?»—«То-то и дѣло, отвѣчали они; мы-было и хотѣли кое-какъ помѣстить его между собою, но онъ самъ не согласился и выбралъ себѣ мѣсто».—«Ахъ, батюшки мои! воскликнулъ я, смѣючись и удивлялсь: какъ это возможно! да небось ты, братецъ, въ прахъ измучился и перезябъ».—«И, ничего, ничего, батюшка, отвѣчалъ онъ, я человѣкъ молодой и мнѣ не привыкать стать къ такимъ безпокойствамъ, а для Елизаветы Андреевны не грѣхъ было и потрудиться».—«И то правда, примолвилъ я, засмѣявшись, кому же и трудиться, какъ не женихамъ для невѣстъ своихъ; но, слава Богу, что наконецъ сюда доѣхали, и что вижу васъ всѣхъ здоровыми, а теперь уже, воля Господня, недалеко, какъ-нибудь уже, доѣдемъ». Послѣ сего, начались у насъ спросы и разсказы о томъ, какъ они въ Москвѣ были, и какъ свое горе мыкали и тамъ, и въ дорогѣ. Наконецъ, всѣ мы тутъ ужинаемъ, а послѣ ужина говорю я молодцамъ своимъ: «что, ребята! здѣсь всѣмъ намъ ночевать тѣсновато; ужъ не со мною ли къ Антону Никитичу?»—«Очень хорошо, воскликнули они оба, извольте, это въ самомъ дѣлѣ будетъ лучше». Итакъ, ну-ка мы умѣщаться кое-какъ въ мою коляску и ѣхать къ г. Сухотину.

По-утру, едва я проснулся, какъ вдругъ является предо мною, какъ листъ передъ травою, мой деревенскій сосѣдъ, братъ Михайло Матвѣевичъ, и съ попомъ нашимъ Евграфомъ. «Ба! ба! ба! откуда взялся, воскликнулъ я, и, поздоровкавшись съ нимъ вскользь, ни съ другова слова и, качая головою, ему сказалъ: «ахъ, братецъ, братецъ, братецъ! что ты тамъ надѣлалъ? и долго ли тебѣ, проказа, проказничать? вотъ до чего довела тебя твоя глупая и скверная привычка, и какую-было страшную бѣду и напасть ты себѣ отъ ней нажилъ; ну, благодари батьку, что онъ помогъ тебѣ въ этомъ проклятомъ дѣлѣ, а то быть бы бычку на обрывочкѣ». Симъ и подобнымъ сему образомъ, пожуривъ и потазавъ сего молодца гораздо-и-гораздо и отпустя ихъ съ попомъ отъ себя, не сталъ я долѣе въ Тулѣ медлить; а собравшись и распрощавшись съ хозяевами, и поскакалъ съ сыномъ своимъ въ Богородицкъ. А нареченный зять мой полетѣлъ опять къ своимъ спутницамъ, чтобы таскаться съ ними по рядамъ, для исправленія еще нѣсколькихъ покупокъ.

Ѣхать намъ было хотя и очень холодно и тряско, но мы ради были уже тому, что было отъ бывшаго морозца сухо; но скоро опять сдѣлалось грязно. Но какъ бы то ни было, но я долженъ былъ ѣздой поспѣшать, потому что, вслѣдъ за мной, хотѣлъ пріѣхать къ намъ и г. Давыдовъ, чтобъ поѣздить ему опять у насъ съ собаками и повеселиться. И мы, не смотря на всю дурноту дороги, въ тотъ же день къ вечеру въ Богородицкъ доѣхали, а по-утру пріѣхали и наши московскія.

Мое первое дѣло было въ сей день, чтобъ иттить къ нашимъ музыкантамъ, для разбиранія опять разныхъ дрязговъ, случившихся во время моего отсутствія, ибо услышалъ о полякѣ, что онъ все продолжалъ дѣлать разныя пакости. Похлопотавши съ ними, велѣлъ я всей музыкѣ послѣ обѣда приттить къ себѣ, для испытанія новыхъ успѣховъ въ ихъ наукѣ, и они весь вечеръ у меня проиграли. Въ самое сіе время услышалъ я, что пріѣхалъ уже къ намъ въ волость и нашъ Николай Сергѣевичъ съ своею охотою и товарищами, и что въ ту ночь ночуютъ они на его хуторѣ, а наутріе будутъ ночевать въ волостномъ селѣ Іевлевѣ, гдѣ и приказано мнѣ было ихъ отыскивать.

Итакъ, по-утру повидавшись съ пріѣхавшимъ къ намъ г. Солнцевымъ и отобѣдавъ съ нимъ и со всѣми родными, поѣхалъ я въ село Іевлево отыскивать господъ нашихъ охотниковъ. Я нашолъ

нихъ цѣлую шайку, квартирующихъ опять въ просторной избѣ крестьянской и занимающихся тѣмъ, чѣмъ въ отъѣзжемъ полѣ занимаются обыкновенно господа охотники, возвратясь съ поля на свои ночлеги и притоны, т. е. шумящихъ, веселящихся и подпивающихъ чай и прочее, что случилось. Былъ тутъ мой командиръ, какъ первая и главная особа; далѣе: гг. Венцеевъ, Вельяминовъ Языковъ, Ѳедяшевъ и Переславцовъ,—всѣ на отборъ ребята тёплые и любившіе погулять и повеселиться. Вся изба полна была народомъ и стонала отъ шума, криковъ, споровъ, лганья, хвастанья, издѣвокъ, смѣховъ и хохотанья, Словомъ, общество было веселое, обращеніе между всѣми дружеское, братское, вольное, непринужденное, разговоры добрые! Всякій старался изъявить способность свою къ велерѣчію. Со всѣмъ тѣмъ, во все продолженіе вечера, не слыхалъ я отъ нихъ ни одного разумнаго слова. Я былъ всему тому только зрителемъ, и смотря на происходившее, только-что внутренно тому смѣялся. Наконецъ, дошло дѣло до ужина. Настановили крестьянскихъ столовъ, наставили всякой всячины, и, давай, всѣ ужинать и погромыхивать рюмками и бутылками, и прямо по-охотничьи. Послѣ чего не сталъ я уже долѣе у нихъ медлить и связывать ихъ своимъ присутствіемъ; но, желая дать имъ волю, ушолъ на другой крестьянскій дворъ, для спокойнѣйшаго почеванья. Что у нихъ тамъ происходило далѣе, о томъ не зналъ, да и не старался и узнать тогда, какъ о дѣлѣ до меня не касающемся; а послѣ узнавъ, только что пожалъ плечами, усмѣхнулся и замолчалъ.

Наутріе побывавъ опять у нихъ и съ ними позавтракавъ, а потомъ получивъ отъ командира моего приказаніе дожидаться его чрезъ день послѣ того, къ себѣ въ Богородицкъ, я, вмѣстѣ съ пріѣзжавшимъ туда же нашимъ княземъ городничимъ, и поѣхалъ къ своимъ роднымъ, гдѣ нашолъ пріѣхавшаго къ нимъ и будущаго нашего семьянина, г. Шишкова, А поелику былъ все еще у насъ и г. Солнцевъ, то и обѣдали мы всѣ вмѣстѣ, что случилось и къ статѣ, ибо въ самый сей день совершилось мнѣ ровно 50 лѣтъ и начался пятьдесятъ первый.

Желая воспользоваться наступившимъ послѣ сего празднымъ и свободнымъ днемъ, ѣздилъ я съ женой, сыномъ и г-жею Алабиною въ Волково, къ почтенной нашей старушкѣ Катеринѣ Артамоновнѣ Бакуниной, а съ нами ѣздилъ къ ней туда и нареченный зять мой. Елизаветѣ же моей въ сей день пускали кровь, и потому ей съ нами ѣхать было невозможно. Побудительною причиною къ сей почти принужденной ѣздѣ было то, что мы были предъ госпожею Бакуниною нѣсколько виноваты тѣмъ, что, почитая ее находящеюся въ отлучкѣ, не увѣдомили ее о нашей помолвкѣ, и она имѣла на насъ за то маленькую досаду, которую хотѣлось намъ, симъ пріѣздомъ и извиненіемъ себя въ неумышленномъ проступкѣ, уничтожить. Сіе намъ, по дружбѣ и благосклонности ея къ намъ, и удалось сдѣлать. И мы въ тотъ же день и возвратились назадъ въ Богородицкъ.

Симъ образомъ прошелъ и сей день и насталъ тотъ, въ который надлежало пріѣхать къ намъ г-ну Давыдову и въ который случилось со мною множество происшествій, и довольно важныхъ. Я во весь оный, въ ожиданіи пріѣзда командира моего, былъ дома и заботился о музыкѣ, чтобъ она ему понравилась, а болѣе о томъ, чтобъ бездѣльникъ полякъ, по угрозамъ своимъ, не намутилъ на меня чего-нибудь сему властолюбивому начальнику, ибо, сказывали мнѣ, что онъ, съ досады, для чего въ угожденіе его я не выгоняю нѣмцевъ, собирался на меня лгать и писать клеветы и челобитныя. Въ самое сіе время, и за полчаса только до пріѣзда моего командира, вдругъ является ко мнѣ курьеръ отъ него, прискакавшій съ приказаніемъ, чтобъ я тотчасъ, и не медля ни одной минуты, ѣхалъ къ нему въ Рогачи, одну деревню нашей волости, отстоящую отъ насъ верстъ за

двадцать. «Господи, что такое, говорю я, удивившись тому крайне; за чѣмъ такимъ и такъ скоро! ужъ не сдѣлалось ли тамъ чего въ волости!» Но смущеніе мое еще увеличилось оттого, что и самый посланный не могъ мнѣ пересказать о причинѣ такова скораго призыва, а сказывалъ только, что г. Давыдовъ, пріѣхавъ въ Рогачи и нашедъ тамъ пьяныхъ мужиковъ, передравшихся въ кровь, разсердился и его послалъ за бурмистромъ и за мной, и что онъ никогда еще его такимъ сердитымъ не видывалъ.

Странно мнѣ все сіе было и непонятно. Я не зналъ, что дѣлать: ни то ѣхать, ни то нѣтъ! Однако, хотя было очень уже поздно, хотя очень холодно, хотя колоть отъ замерзнувшей грязи была превеликая, но, подумавъ-подумавъ, рѣшился ѣхать, и тотчасъ, приказавъ для скорости запречь себѣ кибитку, и поскакалъ къ нему. И какъ мнѣ сказывали, что поѣдетъ онъ чрезъ село Ломовку, то велѣлъ ѣхать сею дорогою, въ надеждѣ, что съ нимъ повстрѣчаюсь. Дурно весьма было мнѣ тогда ѣхать, но я, закуся уже губы, сидѣлъ и далъ [въ] волю себя кибиткѣ, какъ она хочетъ, мучить. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ и уже обмеркнувъ, встрѣчаюсь я съ ѣдущимъ, собственнымъ его пьянымъ и еле-живымъ человѣкомъ; спрашиваю, гдѣ онъ? отвѣчаетъ мнѣ, что ѣдетъ, и ѣдетъ этой дорогой, и что они приготовили подъ него и лошадей въ Ломовкѣ. «Ну, ступай, говорю я кучеру своему, и погоняй! хоть дурно и очень тряско, но такъ уже и быть!»

Наконецъ, уже ночью пріѣзжаю я къ Ломовкѣ и встрѣчаюсь еще съ мужиками. «Кто ѣдетъ», закричалъ я.—«Мы, мужики изъ Рогачей, отвѣчаютъ мнѣ; ѣдемъ и веземъ скованныхъ мужиковъ!»—«Гдѣ Николай Сергѣевичъ?» спрашиваю далѣе.—«Онъ-ста поѣхалъ уже, отвѣчаютъ мнѣ, и мы сами не знаемъ, гдѣ онъ; конечно, чрезъ Товарково, а не этой дорогой». Услышавъ сіе, смутился я еще болѣе, ибо навѣрное заключалъ, что ему уже тогда въ Богородицкѣ быть надобно. И какъ мнѣ весьма не хотѣлось, чтобы онъ пріѣхалъ туда безъ меня и полякъ не успѣлъ бы чего налгать, то приказалъ я тотчасъ кибитку обернуть и скакать во весь духъ назадъ въ Богородицкъ по всей этой ужасной колоти. Но семь верстъ туда и семь верстъ назадъ не такъ-то скоро переѣхать было можно.

Чего я опасался, то и сдѣлалось! Николай Сергѣевичъ пріѣхалъ уже безъ меня, и я нашелъ его, окруженнаго музыкою и уже врага моего, поляка, посаженнаго въ цѣпь. «Ба! ба! ба! воскликнулъ я, услышавъ о томъ и удивившись; это что такое?» Но теперь надобно мнѣ разсказать всѣ бывшія безъ меня происшествія подробно. Онѣ были слѣдующія:

Подозрѣвалъ я тогда, что князь въ послѣднюю свою бытность у г. Давыдова, по привычкѣ своей, что-нибудь ему на меня втайнѣ наклеветалъ, ибо сей человѣкъ, при всемъ наружномъ дружелюбномъ своемъ обращеніи со мною, былъ мнѣ втайнѣ великій врагъ и недоброхотъ; слѣдовательно, произвелъ въ Давыдовѣ досаду. Сія досада увеличена была лѣсниками Черневскими и порубкою тамъ крестьянскаго лѣса. Попъ тамошній раздосадовалъ его еще вракамн своими объ воспѣ, сказывая, что отъ оной помираетъ въ Озеркахъ множество ребятишекъ. Далѣе раздосадовали его бездѣльники Щегловскіе мужики, о которыхъ онъ, какъ о купленныхъ и переведенныхъ изъ Щеглова, по его хотѣнію, въ особливости пекся тѣмъ, что худо и неприлежно строились, и онъ въ досадѣ всѣхъ ихъ тамъ пересѣкъ. Къ вящему умноженію досады его, по пріѣздѣ въ Рогачи, находитъ онъ пьяныхъ мужиковъ, перепившихся и передравшихся до полусмерти. Симъ онъ еще того болѣе былъ взбѣшонъ. И тогда-то отправилъ онъ бывшаго съ нимъ подьячаго за бурмистромъ и за мной. Было то отъ него, по истинѣ, безразсудное дѣло! Ибо онъ самъ ѣхалъ къ намъ же въ Богородицкъ; итакъ, зачѣмъ было вызывать меня верстъ за двадцать, и по такой пропасти?

Но какъ бы то ни было, онъ пріѣз-

жаетъ въ Богородицкъ еще въ досадѣ. Тутъ полякъ, въ самомъ дѣлѣ, къ нему на встрѣчу и спѣшитъ подавать ему плутовскія и самыя мошенническія бумаги, наполненныя вздоромъ и клеветами, въ закрывательство того, что у него худо выучены были ребятишки. Нѣмецъ является тутъ-же. Спрашиваютъ музыку. Полякъ бѣжитъ, приноситъ инструменты, кладетъ на столъ и наполняетъ его книгами. Но, къ несчастью его, велятъ играть напередъ духовой, которую училъ нѣмецъ. Нѣмецъ оговаривается и проситъ Николая Сергѣевича, чтобы онъ приказалъ мальчикамъ играть такъ, какъ онъ ихъ училъ, а то они всѣ подъучены полякомъ, чтобы нарочно играть дурно. Г. Давыдовъ имъ то приказываетъ и накрѣпко подтверждаетъ. Начинаютъ играть. Игра плѣняетъ у всѣхъ слухи, всѣмъ она нравится, всѣ превозносятъ ее похвалами. Ребятишки, въ самомъ дѣлѣ, играли хорошо и несравненно лучше, нежели прежде, когда ихъ полякъ училъ. Старикъ нѣмецъ получаетъ похвалу и благодарность отъ г. Давыдова. Полякъ бѣсится, досадуетъ, приступаетъ къ нѣмцу, кричитъ, по своему обыкновенію, споритъ и съ самимъ г. Давыдовымъ, и споритъ неучтиво. А какъ сей о полякѣ былъ уже предваренъ отъ князя, то сіе его вздурило. Онъ, разсердившись, закричалъ: «въ цѣпь его! и сію же минуту въ цѣпь!» Сіе въ одинъ мигъ было и исполнено, и усача нашего въ нее и посадили. А тутъ, между тѣмъ, продолжалась музыка, которою всѣ были довольны. Въ самое сіе время я пріѣхалъ, и нашедъ г. Давыдова утѣшающагося пріятностію музыки и позабывшаго всю свою прежнюю досаду, обрадовался и удивился сплетенію всѣхъ помянутыхъ происшествій и обстоятельствъ. Судьба, ровно какъ нарочно, произвела все оное на тотъ конецъ, чтобы мнѣ при томъ не быть: невинность моя защищена и злодѣйство, само по себѣ, было наказано! Итакъ, кто копалъ другому яму, тотъ самъ въ нее попалъ! Впрочемъ, весь тогдашній вечеръ провожденъ весело, и былъ для всѣхъ тутъ изготовленъ ужинъ. Что-жъ касается до поляка, то его чрезъ нѣсколько часовъ изъ цѣпи выпустили; но спѣсь и пышность его была тѣмъ низринута, и онъ былъ уже какъ въ воду опущенный и изъ волка сдѣлался тише агнца, а поутру на другой день былъ уже онъ и формально отрѣшенъ. Итакъ, освободились мы наконецъ отъ сего безпокойнаго и неугомоннаго человѣка и получили, вмѣсто его для ученія музыкантовъ нашихъ, не только искуснѣйшаго по знанію, но и добронравнѣйшаго и степеннѣйшаго старичка, помянутаго г. Бема, съ сыномъ Романомъ Кузьмичемъ, которые у насъ съ того времени и были, и коими мы несравненно довольнѣ, нежели помянутымъ хромоногимъ полякомъ были.

Въ сей другой день долженъ я былъ сдѣлать у себя опять превеликой обѣдъ, и гостей у меня такое множество было, что мнѣ всѣхъ ихъ и помѣстить негдѣ было. Причиной тому было то, что въ самой этотъ день случилось у насъ быть опять переторжкѣ нѣкоторой части нашихъ оброчныхъ земель, и для сего торга съѣхалось опять множество народа и дворянства. Итакъ, всѣ они вмѣстѣ и со всѣми господами охотниками у меня обѣдали, и во время стола играла музыка и заслужила паки отъ всѣхъ похвалу. Что касается до торговли и отдачи земель въ наймы, то происходила она въ сей разъ безъ дальнихъ околичностей и съ наивозможнѣйшею поспѣшностію, потому что господамъ нашимъ охотникамъ не хотѣлось долго за ней жить тутъ въ праздности. Зайцы и лисицы не всѣ еще были вытравлены, и они горѣли, какъ на огнѣ, отъ вожделѣнія ѣхать опять въ Рогачи и ихъ дотравливать. А по самому тому, и командиръ въ тотъ же самой день, послѣ обѣда, съ ними туда-жъ отправился, оставивъ меня на свободѣ заниматься сватебными хлопотами и пріуготовленіями къ оной.

У насъ и дѣйствительно во всѣ послѣдовавшіе за симъ три дни заняты были всѣ руки и минуты сими хлопотами, а

особливо у боярынь и дѣвицъ! И сколько это было тогда кроенія и шитья всякой всячины! Не только свои всѣ занимались тысячью разныхъ дѣлъ, но и посторонпія намъ, по обыкновенію, помогали. Между тѣмъ, въ первый изъ оныхъ дней пріѣзжала къ намъ старушка наша сватья, госпожа Остафьева, для соглашенія съ нами, когда быть сватьбѣ, которую, съ общаго согласія, и назначили мы въ приближающееся 15-е число сего мѣсяца. А положивъ сіе, и разослали мы людей звать нашихъ родныхъ и другихъ, кого было надобно на сватьбу, которые тотчасъ и начали къ намъ со всѣхъ сторонъ съѣзжаться.

Посреди самыхъ сихъ безчисленныхъ заботъ и хлопотъ, и къ умноженію оныхъ, пріѣзжай къ намъ, противъ всякаго нашего чаянія и ожиданія, и командиръ мой г. Давыдовъ обратно съ своей охоты: — ни то она имъ уже прискучила, ни то они въ чемъ-нибудь неполадили между собою! Но какъ бы то ни было, но онъ, со всѣми своими товарищами, передъ вечеромъ третьяго дни, возвратился и пріѣхалъ нѣсколько подгулявши. Я, примѣтивъ сіе, употребилъ все, что могъ, къ тому, чтобы его чѣмъ не разсердить, а былъ бы онъ веселъ, что мнѣ и удалось сдѣлать. Загремѣла музыка, проявились пѣвчіе, и, ну, играть, пѣть и утѣшаться ими. Итакъ, весь вечеръ провели мы во дворцѣ въ мирѣ, тишинѣ и спокойствіи, и все было хорошо и весело, и кончили его тамъ общимъ ужиномъ.

Наступившій за симъ день, былъ хотя для всѣхъ моихъ домашнихъ наитруднѣйшій и хлопотливѣйшій, потому что въ оный надлежало уже намъ отсылать въ домъ къ жениху приданое, а было много еще недошитаго и неизготовленнаго. Но я, оставя всѣхъ ихъ, принужденъ былъ иттить во дворецъ и заниматься своимъ начальникомъ, ибо онъ собирался тогда совсѣмъ уже отъ насъ отъѣзжать. Я нашолъ у него толпу народа: всѣ господа охотники находились тутъ въ собраніи и кричали, орали по своему обыкновенію. Для всѣхъ ихъ сдѣланъ былъ тутъ завтракъ, и были у нихъ рѣзвости и всякая всячина. Наконецъ, часу въ одиннадцатомъ поднялись они и всѣ гурьбой отъ насъ поѣхали. Я радъ-радъ былъ, что сбылъ ихъ съ своихъ рукъ, и что было притомъ все хорошо и ладно. А за нѣсколько времени до сего сгибъ и пропалъ отъ насъ и полякъ, и куда-то со всѣмъ своимъ буторомъ уѣхалъ. Никто не зналъ, куда онъ направилъ стопы свои; и я подумалъ еще не къ намѣстнику ли, въ Тулу жаловаться; однако, болѣе думали, что ускакалъ онъ къ тому г. Бунину, въ Ранибургскія окрестности, къ которому незадолго до того возилъ онъ музыку.

Между тѣмъ къ намъ съѣхались уже наши родные и гости. Пріѣхала тетка Матрена Васильевна съ обѣими дочерьми своими; пріѣхалъ зять ея г. Кислинскій съ братомъ; пріѣхалъ Кесарь Дмитріевичъ Хвощинскій съ женою и г. Солнцевъ. Весь нашъ домъ наполнился людьми и какъ начали укладывать приданое, то заторъ былъ такой, что пройтить было не можно. Служили молебенъ, святили воду, кропили все приданое и наконецъ отпустили оное въ двухъ каретахъ, еще на двухъ цукахъ съ дрогами и одной повозкѣ. При отпускѣ приданова, была трогательная и поразительная для насъ сцена: какъ дочь мою, препровождавшую тогда послѣдній день въ родительскомъ домѣ, надлежало мнѣ благословить образомъ, то упала она къ ногамъ моимъ и благодарила за воспитаніе и за снабженіе ея приданымъ. Я не могъ выдержать сего, не утирая слезъ чувствительности, текущихъ изъ глазъ моихъ. По отъѣздѣ приданова, въ домѣ у насъ сдѣлалась такая безлюдица, что, за отъѣздомъ всѣхъ лакеевъ, принуждены были уже служить кое-кто изъ ребятишекъ. Г. Хвощинскій уѣхалъ ночевать къ Алабинымъ, а прочіе остались у насъ.

Наконецъ, наступило 15-е число октября, составившее важную эпоху въ моей жизни, ибо въ оное рѣшился къ сей день

жребій старшей дочери моей Елизаветы, и она выдана въ замужество за г. Шишкова. Сватьба происходила по обыкновенію: и было все какъ надобно и происходило порядочно. Отцемъ посаженымъ былъ Василій Ивановичъ Кислинской, а матерью — тетка и мать крестная дочери моей — Матрена Васильевна Арцыбышева. А провожали съ ними невѣсту къ вѣнцу изъ мущинъ: Кесарь Дмитріевичъ Хвощинскій, Иванъ Ивановичъ Кислинской, Михайла Максимовичъ Солнцевъ и сынъ мой Павелъ Андреевичъ; а изъ женщинъ: Александра Андреевна Крюкова и Анна Ивановна Алабина. А убирали невѣсту дѣвицы: Настасья и Наталья Тимоѳеевны Алабины, Марья Васильевна Боучарова, Алена Ѳедоровна Бѣляева и сестры невѣстины: Настасья, Ольга и Катерина Андреевны. Были при томъ госпожи: Надежда Павловна Хвощинская, Марья Юрьевна Петрова, Аграфена Михайловна Челищева и матушка моя теща и жена моя. Отпустили мы невѣсту изъ дома родительскаго въ 6-мъ часу вечера, чтò было уже ночью. Сцена при семъ случаѣ и при прощаньѣ была самая трогательная, и мы всѣ переплакались, и только и знали, что утирали глаза свои.

Ѣхать поѣзду нашему до церкви было очень дурно. Вѣнчанье производимо было въ селѣ Савинскомъ, верстъ съ 15-ть отъ Богородицка отлежащемъ. Ѣхать надобно было ночью, въ темнотѣ, въ самую дурную осеннюю погоду, при великомъ дождѣ и бурѣ; однако, доѣхали благополучно. Дорога освѣщена была въ дурнѣйшихъ мѣстахъ горящими смоляными бочками. Жениха нашли они уже въ церкви и часа два дожидавшимся. Отцомъ посаженымъ съ его стороны былъ Алексѣй Андреевичъ Албычевъ, и были при томъ: зять жениховъ, Егоръ Михайловичъ Крюковъ, съ женою, тетка его Аграфена Ѳедоровна Писарева, съ дѣтьми, старушка бабка его госпожа Остафьева, сосѣди ихъ господа Остафьевы, Михайла и Николай Дмитріевичи, Алексѣй Михайловичъ Крюковъ и Иванъ Тимоѳеевичъ Алабинъ. Вѣнчанье происходило съ обыкновенными обрядами и порядочно. Подъѣздъ церкви освѣщенъ былъ плошками, а дорога отъ ней до дома женихова, версты на полторы разстояніемъ, горящими смоляными бочками; домъ иллюминованъ былъ множествомъ огней. Музыка гремѣла при пріѣздѣ и во время вечерняго стола. Была тамъ моя смычковая и казенная духовая. Встрѣчала и принимала новобрачныхъ старушка бабка женихова. Столъ, по обыкновенію, былъ нарядной и обряды притомъ извѣстные. Поелику темнота была превеликая, то, положивъ новобрачныхъ, возвратились къ намъ только наши молодцы молодые, а старые съ боярынями остались тамъ ночевать. Во второмъ часу за полночь, прискакали къ намъ, по обыкновенію, съ извѣщеніемъ, что все кончилось благополучно. На сихъ радостяхъ была тамъ у нихъ жестокая попойка, продолжавшаяся во всю ночь, а и у насъ всѣ боярыни ну-ка пить и меня поить шампанскимъ. Итакъ, симъ этотъ день и кончился: я лишился въ оный изъ дома моего одной семьянинки; но за то получилъ вновь себѣ близкаго родственника и со многими домами вступилъ въ родственную связь.

По-утру, по обыкновенію, пріѣзжалъ къ намъ молодой и Богомъ дарованный намъ зять благодарить насъ за воспитаніе и содержаніе нашей дочери и звать къ себѣ на княжой пиръ обѣдать. Мы всѣ туда гурьбой, и барыни, и барышни, и старушки, поѣхали. Набралось всѣхъ человѣкъ до двадцати. Насъ встрѣтили, по обыкновенію, молодые, и минута та была для меня весьма пріятная въ жизни, когда увидѣлъ я любимую такъ много дочь свою, встрѣчающею меня съ мужемъ и во образѣ уже молодой хозяйки. Столъ былъ огромный и нарядный съ музыкою и угощеніе доброе. При наступленіи вечера хотѣли-было мы ѣхать, но насъ упросили остаться ночевать. Кромѣ насъ, пріѣзжали еще и обѣдали тутъ же Марья Андреевна Албычева и дѣвицы

Пашковы, Авдотья и Анна Ивановны. И было весело! Ночью пускали швермеры и ракеты, а предъ домомъ горѣлъ щитъ, установленный по рисунку иллюминаціонными плошками, и весь вечеръ занимались разными увеселеніями и кончили день такимъ же большимъ ужиномъ.

На другой день былъ у меня, такъ называемый, отводной пиръ. И какъ случился оный въ самый день имянинъ моихъ, то было сіе очень кстати, и сдѣлался чрезъ то сугубый праздникъ. Мы съ женой спѣшили пріѣхать скорѣе домой, чтобъ заставить готовить обѣдъ и позвать кой-кого къ себѣ изъ городскихъ нашихъ, и успѣли къ часу ко второму все нужное изготовить. Къ сему времени пріѣхали къ намъ наши молодые со всѣми своими родными и гостями, и своими, и нашими, также съѣхались и наши городскіе. Столъ и у меня былъ большой и сидѣло за нимъ 32 человѣка. Мы постарались также угостить всѣхъ какъ можно лучше. Музыка духовая гремѣла во все продолженіе онаго, а послѣ стола была небольшая попойка и танцы. Я самъ былъ немножко на радости подгулявши, однако далеко не пьянъ. Князя же нашего городничаго какъ ни старались, но не могли мы споить. Танцевъ не только у молодежи, но и у всѣхъ у насъ происходило множество, а потомъ былъ такой же большой ужинъ, послѣ котораго нѣкоторые изъ гостей разъѣхались по домамъ, а другіе и лучшіе остались у насъ ночевать.

А по сему обстоятельству былъ и въ послѣдующій день у меня еще обѣдъ и довольно опять веселья. И сватьи наши, и Егоръ Михайловичъ съ братомъ поѣхали отъ насъ не прежде какъ уже передъ вечеромъ. Наши же родные остались еще у насъ на ночь, отчасти для того, что я въ сей день собирался уже въ дорогу и въ дальній путь, и всѣмъ имъ хотѣлось со мною проститься, а отчасти для того, что младшему изъ господъ Кислинскихъ случилось въ сей день занемочь. Дочь же мою съ ея мужемъ проводили мы въ сей день изъ своего дома.

Симъ образомъ кончилось все наше сватебное праздество и всѣ наши бывшія при томъ веселости, которыми я какъ много ни занимался, но всѣ онѣ соединены были относительно до меня съ смущеніемъ душевнымъ, по той причинѣ, что во время самаго продолженія торжества сего прискакали ко мнѣ нарочные изъ Козловской деревни съ увѣдомленіемъ, что тамъ въ межевой канторѣ межевое наше дѣло достигло уже до такой степени, что мнѣ необходимо и въ самой скорости надобно было пріѣхать туда самому, буде не хотѣть, чтобы тамъ надѣлали какихъ пакостей. Легко можно заключить, что извѣстіе сіе было совсѣмъ ни къ порѣ, ни ко времени, и для меня и досадно, и крайне огорчительно. Но какъ перемѣнить того ни чѣмъ было не можно, то, пользуясь выпрошеннымъ уже на то отъ командира своего дозволеніемъ и собравшись на скорую руку, а потомъ распрощавшись со всѣми моими домашними и родными,—я въ сей путь 19-го октября съ крайнимъ негодованіемъ на тогдашнюю дурную осеннюю погоду и отправился.

А симъ и кончу я и письмо сіе, достигшее кстати и до величины своей обыкновенной, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Декабря 25-го дня 1810 года).

КОЗЛОВЪ.

Письмо 242

Любезный пріятель! Ну, мой другъ, теперь представлю я вамъ сцену совсѣмъ другова рода на театрѣ моей жизни и начну разсказывать происшествія, весьма отъ прежнихъ отмѣнныя. Относились они наиглавнѣйше до хлопотъ моихъ по межевымъ дѣламъ, имѣвшихъ (sic) великое вліяніе на всѣ мои обстоятельства и которыя сопряжены были также съ непріятностями и пріятностями. Но чтобъ предъуготовить васъ сколько-нибудь къ лучшему уразумѣнію всего послѣдующаго, надобно мнѣ возвратиться нѣсколько

пазадъ, папомянувъ вамъ прежнія, по межевымъ моимъ дѣламъ, происшествія, и разсказать потомъ, въ чомъ состояло существо того дѣла, которое тогда въ Козловъ меня и съ такою скоростію призывали.

Изъ прежнихъ моихъ къ вамъ писемъ знаете уже вы, какія хлопоты имѣлъ я со всѣми моими по Шацкой деревнѣ сосѣдями къ отторженію Пашкова, хотѣвшаго безданно-безпошлинно завладѣть всею лежащею подлѣ насъ казенною обширною степью, и какъ хорошо удалось намъ тогда разрушить всё его замыслы и остановить всё его межеванье. Потомъ разсказывалъ я вамъ и о томъ, какъ чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, при случаѣ бывшей тогда повсемѣстной продажи казенныхъ земель и великой удобности къ покупанію оныхъ всякому чрезъ деньги, удалось ему купить изъ сей степи на разныя имена тысячъ до двѣнадцати десятинъ; и какъ онъ, прямо плутовскимъ образомъ, обтянулъ сею проданною ему землею всю внутренность сей степи узкими полосами на тотъ конецъ, чтобы ему, воспользуясь сими проданными ему на чужія имена данными и всю степь окружающими полосами, можно было всею достальною и весьма еще обширною внутренностію сей степи завладѣть плутовскимъ образомъ безденежно; и какъ онъ сдѣлалъ притомъ преведикую и весьма для меня благопріятную ошибку, оставивъ противъ самыхъ моихъ земель прогалокъ, простиравшійся версты на три непроданнымъ, и чрезъ самое то преподалъ мнѣ поводъ просить въ самомъ семъ мѣстѣ о продажѣ и мнѣ тысячи десятинъ земли и возможность къ полученію оной, которую землю велѣно было тому же землемѣру отмежевать и мнѣ, котораго взялъ онъ на свой коштъ, для отмежеванія себѣ ему проданныхъ земель. Потомъ разсказывалъ я вамъ, какъ, при самомъ началѣ сего межеванья, глупые тамошніе наши сосѣди, разгромивъ всю его межевую команду, дѣло сіе остановили, и какъ онъ, возобновивъ оное на другое лѣто, при помощи подкупленнаго имъ землемѣра Окорокова, успѣлъ всѣ оныя, проданныя ему полосы отмежевать такимъ же бездѣльническимъ образомъ, и между прочимъ, одною проданною на имя генерала Нащокина полосою не только перерѣзать всѣ прилегающія къ сей степи со стороны нашей Пандинской округи и разными владѣльцами владѣемыя распашныя земли и хищническимъ образомъ свезть съ нихъ и поспѣвшій хлѣбъ, но захватить ею и помянутый проданный мнѣ прогалокъ, и чрезъ то лишить меня возможности къ отмежеванію и полученію мнѣ проданной земли. Далѣе, разсказывалъ я вамъ впослѣдствіи, что самое сіе принудило меня скакать тогда въ межевую канцелярію и, подавъ историческую челобитную, вывесть наружу всѣ его плутни и бездѣльничествы, что сіе подало поводъ межевой канцеляріи остановить тогдашнее межеванье и отправить, для снятія всей оной степи на планъ и для принятія всѣхъ споровъ, казеннаго землемѣра Тархова; и какъ справедливостію сего былъ Пашковъ недоволенъ, то, по проискамъ его, отправленъ былъ послѣ того другой землемѣръ, Салковъ, будто-бы для повѣрки Тарховскаго снимания, а въ самомъ дѣлѣ для произведенія новыхъ плутней въ пользу Пашкова и насильственнаго противъ всей правды и совѣсти утвержденія, что населенныя имъ тутъ недавно деревни сидятъ будто-бы тутъ со временъ давнихъ. Все сіе было и смошенничано, не смотря на всѣ наши противорѣчія и объявленія. Но что всего для меня было непріятнѣе, то что всѣ тамошніе мои сосѣди, отступя отъ прежняго нашего плана и моего совѣта, при обѣихъ сихъ межеваньяхъ надѣлали множество глупыхъ и самыхъ неосновательныхъ споровъ, а особливо повѣренные стариннаго моего неспокойнаго сосѣда г. Рахманова, который усиліемъ своимъ захватилъ во владѣніе свое изъ сей степи земли всѣхъ прочихъ болѣе и у котораго по самому тому и отрѣзана была Нащокинскою полосою почти вся нагло захваченная имъ во владѣніе земля и которую при сихъ межеваньяхъ называ-

ли они опять своею; словомъ, всѣ сіи господа надѣлали тогда спорами своими такую чуху, что не только межевой канцеляріи, но и самой тогдашней межевой экспедиціи въ сенатѣ, въ которую, по проискамъ Пашкова, спорное дѣло сіе перенесено было, въ голову не лѣзло, какъ бы имъ сіе огромное и крайне запутанное дѣло разобрать и рѣшить можно было. И потому она, попаривъ оное у себя нѣсколько лѣтъ, и чтобъ свалить оное съ своихъ плечъ, рѣшилась наконецъ переслать оное въ Тамбовскую межевую кантору, бывшую тогда въ Козловѣ, и велѣть оной въ то время, когда дойдетъ до нашихъ мѣстъ генеральное межеванье, дѣло сіе разобрать и рѣшить на основаніи законовъ. Но оно и тутъ нѣсколько лѣтъ лежало безъ всякаго производства, но въ сей годъ дошла до него очередь, и господа члены принялись за оное и приказали, по обыкновенію, дѣлать изъ него выписку. И какъ сія уже оканчивалась и доходила до слушанія, то потому-то и дали мнѣ знать, чтобъ я поспѣшалъ туда какъ можно, чтобъ мнѣ, при случаѣ сей выписки, быть самому и не упустить чего нужнаго, а притомъ и о выгоднѣйшемъ для себя рѣшеніи сего дѣла постараться. И какъ меня увѣдомляли при томъ, что одинъ изъ главныхъ соперниковъ моихъ, имѣвшихъ въ семъ дѣлѣ соучастіе, а именно г. Рахмановъ, давно уже самъ въ Козловѣ находился и со всѣми друзьями имѣлъ время подружиться, то все сіе меня очень озабочивало, а особливо потому, что у меня изъ тогдашнихъ межевыхъ судей и нѣкоторыхъ секретарей не было никого знакомыхъ, а о главномъ судьѣ всѣ говорили, что оный задобренъ былъ не только отъ Пашкова, но и отъ г. Рахманова. А потому и принужденъ я былъ, все бросивъ и, не смотря на всю тогдашнюю распутицу и позднее осеннее время, скакать тогда въ межевую кантору.

Итакъ, 19-го октября, вставши поранѣе и распрощавшись съ своими домашними и гостями, поѣхалъ я въ Козловъ, не смотря какова ни дурна ни была погода и ни скверна дорога. И какъ на сей разъ не случилось у меня легкой дорожной кибитки, а ѣхать надобно было налегкѣ, то взялъ я ее у молодаго своего зятя, и съ однимъ только слугою, да кучеромъ, да солдатомъ и поскакалъ.

Ѣхать мнѣ, по тогдашней бездорожницѣ, было чрезвычайно дурно, и въ кибиткѣ, по непривычкѣ, очень тряско. Стужа, морозы и вѣтры безпокоили меня очень, а того больше —ломающіяся оси то подъ моей кибиткой, то подъ телѣгою козловскаго мужика, пріѣзжавшаго за мною и съ нами возвращавшагося. Не одинъ разъ принуждены мы были за ними останавливаться, терять время на подѣлку оныхъ и оттого опаздывать, и прихватывая почи, ѣхать въ темнотѣ самой. Но какъ бы то ни было, но мы на четвертый день по-утру благополучно до Козлова доѣхали.

Тамъ присталъ я на первый случай на квартирѣ, гдѣ стоялъ мой повѣренный Василій, и тутъ ровно какъ нарочно пырь мнѣ въ глаза самой тотъ секретарь Морозовъ, у котораго въ рукахъ было мое дѣло, и съ нимъ г. Кузьминъ, одинъ изъ тамошнихъ межевыхъ приказныхъ, мнѣ довольно знакомый и намъ еще нѣсколько сродни и къ нашему дому весьма приверженный человѣкъ. Я обрадовался сему, какъ бы ближнему родному, и удержалъ его у себя, чтобъ поговорить съ нимъ и пораспросить обо всемъ нужномъ, а между тѣмъ послалъ пріискать себѣ квартерку получше и поспокойнѣе.

Покуда ходили пріискивали и нанимали для меня квартеру, говорю я съ г. Кузьминымъ, Яковомъ Кузьмичемъ, обо всемъ и обо всемъ, прошу его помогать мнѣ во всемъ, въ чемъ можетъ. Онъ съ радостію обѣщаетъ и обрадовалъ меня, сказавъ, что въ городѣ у нихъ есть коикто и еще мнѣ знакомые; что городничимъ у нихъ нашъ прежній богородицкій казначей Иванъ Христофоровичъ Добрасъ, весьма добрый человѣкъ и мой искренній пріятель, а въ канторѣ директоромъ также знакомый мнѣ человѣкъ,

сынъ Серпуховскаго секретаря Дьяконова, Петръ Ивановичъ Ивановъ, котораго зналъ я еще мальчикомъ и котораго отецъ меня всегда любилъ и уважалъ. Далѣе, что изъ тамошнихъ землемѣровъ былъ также одинъ очень меня знающій человѣкъ, а именно г. Золотухинъ, съ коимъ я имѣлъ случай познакомиться еще въ Серпуховѣ и по дѣлу нашему съ волостью Нарышкинскою. Радъ я былъ, что хотя сіи люди были мнѣ знакомые, и такіе, коихъ въ благопріятствѣ къ себѣ я не могъ сумнѣваться. Потомъ разсказывалъ онъ мнѣ о всѣхъ своихъ межевыхъ судьяхъ и ихъ свойствахъ и характерахъ; что главнымъ судьею и первымъ членомъ у нихъ былъ одинъ русскій нѣмецъ баронъ Василій Ивановичъ Дельвигъ, вторымъ членомъ былъ нѣкто г. Кусаковъ, Михайла Даниловичъ, а третьимъ — г. Черневскій, Θедоръ Θедоровичъ. О первомъ изъ нихъ сказывалъ онъ мнѣ, что онъ человѣкъ гостепріимный, добрый, но не совсѣмъ важный, что имѣетъ онъ молодую жену красавицу, которая съ помянутымъ директоромъ г. Ивановымъ, имѣетъ короткую дружбу, и наконецъ, что имѣетъ онъ причину подозрѣвать, что не закупленъ ли сей первый членъ отъ Пашкова, потому что онъ, какъ слышно, все тянетъ его руку, и совѣтовалъ мнѣ поспѣшить однако съ нимъ познакомиться. О второмъ своемъ членѣ, г. Кусаковѣ, сказывалъ онъ мнѣ, что онъ человѣкъ очень тихой, доброй, честный, уклоняющійся отъ всѣхъ, но, къ сожалѣнію, имѣющій всего менѣе вліянія въ рѣшеніи дѣлъ. Что касается до третьяго члена, господина Черневскаго, говорилъ онъ, то этотъ — самая приказная строба, знающій всѣхъ болѣе дѣла, и важнѣе всѣхъ прочихъ судей; но, къ несчастію, выслужившійся изъ секретарей и самая горделивая и почти неприступная особа, но отъ котораго много рѣшеніе нашего дѣла зависѣть будетъ, и что мнѣ со всѣми ими надобно будетъ познакомиться. Наконецъ, совѣтовалъ онъ мнѣ какъ-можно сдружиться съ секретаремъ и повытчикомъ, у которыхъ въ рукахъ мое дѣло: отъ обоихъ ихъ, какъ говорилъ онъ, зависѣть будетъ многое, ибо послѣдній сочиняетъ выписку, а первый будетъ писать опредѣленіе, и что обоихъ ихъ мнѣ не трудно будетъ позадобрить и сдѣлать къ себѣ благопріятными.

Между тѣмъ, какъ мы такимъ образомъ съ симъ другомъ и приверженнымъ ко мнѣ человѣкомъ разговаривали, и я радовался, что онъ мнѣ обо всемъ преподавалъ нужное понятіе, — сыскали и наняли мнѣ квартеру, по тамошнему городу для одинокаго человѣка довольно спокойную, на которую мы, ни мало не медля, и переѣхали. Оттуда, я въ тотъ же часъ послалъ къ городничему просить себѣ дрожекъ. Г. Добрасъ обрадовался, услышавъ о моемъ пріѣздѣ, и, приславъ ко мнѣ дрожки, велѣлъ звать къ себѣ обѣдать, къ которому я одѣвшись тотчасъ и поѣхалъ.

Г. Добрасъ и жена его Анисья Сергѣевна встрѣтили и приняли меня какъ бы близкаго роднаго, угостили обѣдомъ и не могли со мною обо всемъ довольно наговориться. Словомъ, я былъ ихъ пріемомъ, ласкою и благопріятствомъ очень доволенъ и просидѣлъ у нихъ почти весь тотъ день. Передъ вечеромъ старался я увидѣться съ секретаремъ, но какъ его не было дома, то и просидѣлъ весь вечеръ съ г. Кузьминымъ и, по особливой его словоохотности, проговорилъ съ нимъ во все продолженіе онаго, чѣмъ сей первый день пребыванія моего въ Козловѣ и кончился.

На утріе (что было уже 23-го числа мѣсяца октября) вставши ранёхонько и съ свѣтомъ вдругъ одѣвшись, посылаю я съ повѣреннымъ своимъ къ секретарю гостинчикъ: состоялъ онъ въ прекрасномъ, кожею оклеенномъ и раззолоченномъ пулпетѣ, какіе тогда переплетчикъ нашъ, по образцу моего, самимъ мною выдуманнаго и самаго того, на которомъ и понынѣ я пишу, для многихъ дѣлывалъ и прекрасно отработывалъ. Какъ симъ, такъ и другими дѣлаемыми имъ бездѣ-

лушками я позапасся съ собою при отъѣздѣ своемъ изъ Богородицка, дабы употребить ихъ кое-кому въ подарки. Итакъ, пославъ къ секретарю, на первый случай тотъ пулпетъ, велѣлъ я звать къ себѣ въ гости. Онъ тотчасъ ко мнѣ, дожидавшемуся его, вмѣстѣ съ бывшимъ у меня уже Кузьминымъ и прилетѣлъ. Былъ онъ человѣкъ еще молодой, умный, пышный, словоохотливый и такой, что я могъ надѣяться съ нимъ подружиться скоро. Я принимаю его съ возможнѣйшею ласкою, рекомендуя себя въ его благопріятство; угощаю его чаемъ и пуншемъ, зная, что всѣ межевые до сего охотники, разговариваю съ нимъ кое-о-чемъ, на первый случай вскользь, и спознакомившись уже нарочито довольно, радуюсь, что удалось мнѣ вперить въ него и при первомъ уже семъ случаѣ хорошее о себѣ мнѣніе, да и нѣкоторое уваженіе, чему можетъ быть поспѣшествовало много и носимое мною званіе управителя собственныхъ императрицыныхъ волостей, что и для всѣхъ тамошнихъ было громко и много помогло мнѣ въ снискиваніи ихъ къ себѣ благорасположенія и пріязни.

Проводивъ отъ себя секретаря, пошедшаго въ кантору, спѣшу я ѣхать къ первому члену, яко главному судьѣ, чтобъ съ нимъ обрекомендоваться. Баронъ принимаетъ меня вѣжливо и, узнавъ, кто я, оказываетъ самую ласку, но извиняется, что ему тогда было очень недосужно, а зоветъ меня къ себѣ обѣдать. Обрадовавшись такому хорошему началу и будучи пріемомъ его очень доволенъ, спѣшу отъ него къ другому судьѣ; но сего, не заставъ дома, иду домой, посылаю за портнымъ, покупаю матерію для исподняго платья и отдаю шить оное. Между тѣмъ приходитъ ко мнѣ г. Кузьминъ и совѣтуетъ звать секретаря къ себѣ на водку. Я радуюсь, что одолжаетъ онъ меня своими совѣтами и попеченіями о моей пользѣ. Посылаю за секретаремъ; сей приходитъ, и я стараюсь угостить его, а самъ между тѣмъ спѣшу ѣхать къ барону. Чрезъ сіе увеличилось знакомство наше съ секретаремъ еще больше.

Баронъ принимаетъ меня изрядно, мало-по-малу входимъ мы съ нимъ въ разговоры. Я испытываю его умъ и склонности, узнаю, что онъ охотникъ говорить о вещахъ лѣкарственныхъ и о наукахъ: на что сего лучше! дѣло сіе мнѣ извѣстное! Я тому радуюсь, вступаю съ нимъ въ балы и разговоры. Баронъ тому радъ, привязывается ко мнѣ, полюбилъ и со мною не наговорится: несетъ пыль, вретъ нелѣпицу, но я потакаю. Барону это любо; становится отъ-часу ко мнѣ ласковѣе, угощаетъ меня обѣдомъ; вижу его жену: боярыня свѣтская, молодая, прекрасная и ему ни мало не подъ стать. Сижу у нихъ почти до вечера. Заѣзжаю отъ него къ другу своему г. Добрасу. Оба они съ женою мнѣ ради, интересуются моимъ дѣломъ, желаютъ мнѣ добраго успѣха и просятъ пріѣзжать къ нимъ чаще и разсказывать, что происходить будетъ. Посидѣвъ у нихъ, возвращаюсь домой и нахожу у себя многихъ, друга моего Якова Кузьмича, воспитанника и ученика своего г. Пахомова и повытчика по моему дѣлу. Угощаю ихъ всѣмъ, чѣмъ можно, говорю съ ними о межевомъ дѣлѣ, и всѣ ласкаютъ надеждою, что я получу искомое. А симъ этотъ день и кончился.

Послѣдующій за симъ третій день пребыванія моего въ Козловѣ во многомъ меня озаботилъ и опечалилъ. По-утру ходилъ я спознакомливаться съ третьимъ важнѣйшимъ членомъ г. Черневскимъ, и нашелъ въ немъ истиннаго секретаря, крючкотворца и весьма бойкую особу, что было и неудивительно! Произошолъ онъ въ судьи изъ секретарей межевыхъ, такъ и не быть ему бойкому и знатоку въ дѣлахъ было не можно. Онъ принялъ меня ни тепло, ни холодно, однако изрядно; разговаривая съ нимъ о межевомъ нашемъ дѣлѣ, примѣтилъ я, что мысли ихъ наклоняются къ намѣрванію дачь на души въ нашей округѣ; сіе меня смутило чрезвычайно, ибо, по малочисленности моихъ душъ, было сіе для меня очень невыгодно, а выгодно только для тѣхъ, кои успѣли населить тамъ изъ дру-

гихъ своихъ деревень множество крестьянъ, какъ напримѣръ, г. Рахманову. Далѣе, примѣтно было, что онъ задобренъ былъ Рахмановымъ, а можетъ быть и Пашковымъ. Сіе заставило меня думать и, по возвращеніи на квартеру, стараться узнавать чрезъ повытчика о количествѣ душъ во всей нашей Пандинской округѣ, дабы видѣть, станетъ ли столько земли, и вычислять по скольку на душу обойдется оной, а потомъ читать межевые законы. Для сего препроводилъ я весь этотъ день дома; къ тому-жъ, захватилъ меня и знакомецъ мой Михайла Максимовичъ Сонцевъ, заѣхавшій ко мнѣ въ проѣздъ свой въ тамошнюю свою деревню и обѣдавшій со мною вмѣстѣ. Передъ вечеромъ зазвалъ я къ себѣ повытчика и много съ нимъ поговорилъ, и подарилъ ему 10 рублей и коробочку табачную. Словомъ, весь сей день былъ для меня хлопотами и сумнительствами наполненный; къ тому-жъ, и указъ былъ полученъ о перемѣщеніи нашего секретаря Морозова, съ которымъ я уже познакомился, въ другое мѣсто, и я уже жалѣлъ объ ономъ.

Какъ я не былъ еще на дому у секретаря и не сдѣлалъ ему сего учтивства, то наутріе ходилъ я къ нему и едва засталъ дома. Онъ принялъ меня весьма ласково и благопріятно, и пошелъ потомъ вмѣстѣ со мною въ кантору, въ которой я также еще до того не былъ. Тамъ увидѣлъ я почти всѣхъ знаменитѣйшихъ тогда тамъ людей, и между прочимъ, пріѣхавшаго только что изъ Петербурга, помянутаго директора ихъ г. Иванова, человѣка мнѣ знакомаго, который, увидѣвши меня, возобновилъ со мною прежнее свое знакомство и довольно меня обласкалъ. Былъ тутъ и соперникъ мой г. Рахмановъ, съ которымъ также не преминулъ я познакомиться. Это былъ уже не прежній старикъ Степанъ Мироновичъ, съ которымъ я имѣлъ столько дѣла и который, за нѣсколько лѣтъ до сего, уже переселился на тотъ свѣтъ, со всѣми своими наглостями и охотою обижать своихъ сосѣдей, а одинъ изъ сыновей его, по имени Ѳедоръ Степановичъ, о которомъ я уже съ перваго на него взгляда получилъ лучшія и выгоднѣйшія мнѣнія, нежели какія имѣлъ я объ отцѣ его. Былъ онъ человѣкъ молодой, высокорослый, дородный, свѣтскій и, какъ казалось, лучшаго и дружелюбнѣйшаго характера. По богатству своему и по охотѣ къ карточной игрѣ, игралъ онъ тутъ знаменитую роль; всѣ межевые были ему уже знакомы и друзья, и братья. И какъ я не имѣлъ на него ни какой досады, то, сочтя не за излишнее съ нимъ короче познакомиться и пощупать, такъ сказать, у него пульсъ,—обрекомендовался съ нимъ, какъ ближній его сосѣдъ по деревнѣ и живущій съ нимъ въ одной округѣ, и былъ доволенъ тѣмъ, что и онъ взаимно соотвѣтствовалъ мнѣ своими ласками и наружнымъ благопріятствомъ. Секретарь предъ выходомъ изъ канторы сказалъ мнѣ, чтобъ я приходилъ послѣ обѣда въ кантору читать вмѣстѣ съ нимъ выписку изъ нашего дѣла и повѣрять ее съ планомъ. И какъ сіе было для меня всего лучше, то, отобѣдавъ дома, и побѣжалъ я туда, куда пришелъ и секретарь. Итакъ, засѣвши и начали мы съ нимъ читать оную выписку, положа предъ собою спорный планъ и повѣрять все съ онымъ, - и въ чтеніи семъ провели весь тотъ вечеръ до девятаго часа. А тогда зазвалъ я его къ себѣ, и мы съ нимъ и Яковомъ Кузьмичемъ, и повытчикомъ проговорили съ нимъ до перваго часа обо всемъ и обо всемъ. И оба они съ повытчикомъ опорожнили у меня множество бутылокъ съ разными напитками, которыми не преминулъ я запастись, вѣдая, что и сіе орудіе дѣйствуетъ въ межевыхъ очень много. Со всѣмъ тѣмъ, сколько ни старались мы съ г. Кузьминымъ ихъ угобзить сими нектарами, но не могли никакъ споить его, ибо былъ онъ не только крѣпокъ, но и привыкъ уже къ онымъ. Но какъ бы то ни было, но я симъ случаемъ былъ доволенъ.

Въ наступившій за симъ пятый день пребыванія моего въ Козловѣ, получивъ отъ повытчика достальную выписочку о

дачахъ, удивился я увидѣвъ, что въ прилегающей къ Пашковой землѣ деревнѣ Бахиревой находилось цѣлыхъ 37 тысячъ десятинъ лишней противъ дачъ земли. И взявъ сіе на замѣчаніе, сталъ думать о томъ, нельзя ли мнѣ симъ обстоятельствомъ воспользоваться. Потомъ, написавъ письма къ своимъ домашнимъ и отправивъ нарочнаго съ увѣдомленіемъ ихъ о себѣ, ходилъ я опять въ кантору, но за тѣмъ только, чтобъ по пословицѣ говоря: «бить табалу и людей видѣть», которыхъ всякое утро бывало тамъ довольное собраніе; дѣла-жъ никакого не было. Но за то пообѣдавъ одинъ дома и пришедъ опять въ контору, принялись мы съ секретаремъ за продолженіе начатаго нами дѣла, то есть за дальнѣйшее читаніе огромной нашей выписки. Но едва только усѣлись и начали дѣлать свое дѣло, какъ, гдѣ ни возьмись, присланный къ секретарю звать его куда-то въ гости, и какъ думать надлежало, играть въ карты. Проклятыя сіи карты занимали тогда тамъ всѣхъ людей собою. Секретарь, извинившись предо мною, тотчасъ туда и полетѣлъ, а я съ превеликою досадою принужденъ былъ ни съ чѣмъ, и потерявъ цѣлый день по пустому, возвратиться домой и заняться своими упражненіями.

На другой день пошелъ я въ кантору уже поранѣе и читалъ выписку сперва одинъ, а потомъ съ секретаремъ и примѣтилъ въ ней новое плутовство Пашкова, употребленное имъ для умноженія количества своихъ дачныхъ земель. Догадало его велѣть вписать тутъ же крѣпость его на одну земляную дачу, которая ни мало къ сему дѣлу не слѣдовала, ибо дача сія лежала слишкомъ нежели за сто верстъ отъ нашей степи и была совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. «Ба! ба! ба! воскликнулъ я, сіе увидѣвъ; это совсѣмъ сюда нейдетъ и не принадлежитъ къ нашему дѣлу!» Секретарь, которому мѣстное положеніе дачъ и земель было незнакомо, долженъ былъ самъ признаться, что, буде это такъ, то не годится; но какъ вписано было сіе въ выписку по объявленію Пашковскаго повѣреннаго, то другого не оставалось, говорилъ онъ, какъ подать мнѣ въ кантору доношеніе объ исключеніи оной, или сдѣлать оговорку о семъ въ рукоприкладствѣ. Другой недостатокъ замѣтилъ я тотъ, что въ выпискѣ сей не упомянуто было обо всемъ Тарховскомъ межеваньѣ и не внесенъ былъ его ходъ, означенный на планѣ; въ разсужденіи сего признавался секретарь, что это упущено повытчикомъ, и что вписать ходъ сей необходимо надобно, почему и приказалъ повытчику то непремѣнно сдѣлать.

Какъ между тѣмъ читаніе выписки мы съ секретаремъ въ сіе утро кончили, то, побывъ еще нѣсколько времени въ канторѣ, пошелъ я домой и, отобѣдавъ съ другомъ своимъ Яковомъ Кузьмичемъ и посовѣтовавъ съ нимъ кое-о-чемъ, поѣхалъ я къ барону и отвезъ ему кусокъ своего енкритнаго врачебнаго камня, который случился быть со мною. Въ послѣднюю мою бытность у него между разговорами упоминалъ я объ ономъ, и какъ барону хотѣлось его видѣть, то и разсудилъ я его имъ подарить. Баронъ, былъ тѣмъ чрезвычайно доволенъ, былъ ко мнѣ очень ласковъ и просилъ меня, чтобы я почаще къ нему ѣздилъ. Тутъ видѣлъ я опять г. Черневскаго, сего гордаго судью, хвата и крючкотворца. Въ сумерки же проѣхалъ я отъ него къ городничему и, просидѣвъ весь вечеръ у него, ужиналъ.

За симъ днемъ наступила суббота и начался уже седьмой день житья моего въ Козловѣ. И какъ въ сей день ничего въ канторѣ не было, то и оный пропалъ у меня по-пусту. Всѣ межевые въ оный пьянствовали, и я удивился, увидѣвъ у себя по-утру повытчика, пришедшаго ко мнѣ опохмѣляться. Молодецъ сей, позабывъ всѣ приказанія секретаря о скорѣйшемъ внесеніи въ выписку рапорта Тархова и его хода, пропьянствовалъ почти всю ночь, и я удивился, какъ люди сіи и по самымъ утрамъ могутъ пить, какъ свиньи. Поговоривъ съ нимъ, раз-

судилось мнѣ съѣздить въ этотъ день ко второму члену, господину Кусакову, у котораго я еще не былъ и съ нимъ познакомиться. Сей принялъ меня довольно благосклонно и мнѣ показался онъ лучше и добрѣе всѣхъ прочихъ. Пользуясь его благопріятствомъ, объяснялъ я ему въ разговорахъ съ нимъ всю свою нужду и разсказалъ всю исторію о бывшихъ у насъ съ Пашковымъ всѣхъ происшествіяхъ и вперилъ въ него тѣмъ полное и ясное понятіе о существѣ всего нашего дѣла. Онъ выслушивалъ все мое повѣствованіе съ особливымъ вниманіемъ, а потомъ разсказывалъ и самъ мнѣ много кой-чего о плутняхъ и мошенничествѣ прежняго секретаря Дьякова, у котораго прежде было на рукахъ наше дѣло. И тогда порадовался я, что сей бездѣльникъ умеръ, и что оно попало чрезъ то въ лучшія руки. Просидѣвъ у него болѣе двухъ часовъ и наговорившись съ нимъ обо всемъ довольно, проѣхалъ я отъ него къ городничему и у него обѣдалъ, а потомъ возвратился на квартиру и принялся за продолженіе своего дѣла.

Оное состояло въ сочиненіи матеріала для моего «Экономическаго Магазина», который, по случаю сватебныхъ хлопотъ и другихъ недосуговъ, былъ у меня гораздо позапущенъ. Но какъ мнѣ не хотѣлось сдѣлать въ издаваніи его ни малѣйшей остановки, то, при отъѣздѣ въ Козловъ, забралъ я съ собою и всѣ книги, которыя мнѣ нужны были для сочиненія матеріала для онаго, и ровно какъ предвидя, что мнѣ доведется тутъ жить долѣе, нежели я думалъ, а потому и во все время пребыванія моего въ Козловѣ употреблялъ я всѣ праздные часы и минуты, а особливо по утрамъ, вставая задолго до свѣта, на сіе дѣло, которое занимая меня собою, не давало мнѣ чувствовать скуки.

Въ наступившій послѣ сего воскресный день, и подавно не было никого въ канторѣ, и потому долженъ я былъ вооружиться терпѣніемъ и провесть и сей день тщетно. Но дабы не потерять его совсѣмъ по-пустому, то, вмѣсто того, чтобы ѣхать по-утру на поклонъ къ барону, какъ то дѣлали прочіе, рѣшился я остаться дома и употребить все утреннее время на сочиненіе оговорки моей въ рукоприкладствѣ къ выпискѣ и доношенія, которое мнѣ надобно было подать въ кантору, а къ барону ѣздилъ уже послѣ обѣда и пробылъ у него хотя до самаго вечера, но съ неудовольствіемъ и въ скукѣ, ибо какъ нашелъ я всѣхъ тамъ бывшихъ, занимающихся на разныхъ столахъ карточною игрою, и не было ни кого, съ кѣмъ бы можно было мнѣ заняться разговорами, то принужденъ былъ, по пословицѣ говоря: «платить только глазопялова». Отъ него заѣзжалъ я къ директору Иванову, жившему отъ меня всѣхъ ближе, но нашолъ и тамъ тоже самое, или еще болѣе шума, игры и мотовства самаго, а это все было не по мнѣ и не по моему вкусу.

Едва только наступилъ понедѣльникъ, то ранымъ-ранёхонько ходилъ я къ секретарю и просилъ у него совѣта о подачѣ челобитной. И какъ онъ, разсмотрѣвъ оную и одобривъ подавать ее присовѣтовалъ, то, побѣжавъ въ кантору и дождавшись времени, велѣлъ я подать ее своему повѣренному, ибо написана она была отъ его имени. Ее приняли, но что-жъ? Какимъ-то образомъ, при читаніи оной, и кому-то изъ судей, попадись на глаза, одно твердо [т. е. буква т.], написанное въ титулѣ не трехножное, а одноножное; сіе показалось имъ невѣдомо какою важностію; думали-думали и сочли ее наконецъ неисправною и отдали назадъ, чтобы ее переписать опять снова и непремѣнно поставить твердо трехножное. Господи! какъ я вздурился, сіе услышавъ. И захохотавъ отъ досады, самъ себѣ сказалъ: «возможно ли, что за эдакой, ничего не значущею бездѣлкою, долженъ я потерять опять цѣлыя сутки времени по-пустому, и не кукольная ли это истинно комедія! и что за важность?» Но, по счастію, узналъ я, что и выписка наша все еще была отъ медленности повытчика неокончена, и я

поуспокоившись себѣ сказалъ: «ну, прахъ ихъ побери, кстати уже ждать будетъ!»

Баронъ, при выходѣ изъ канторы и идучи мимо насъ, примѣтя, можетъ быть, на лицѣ моемъ неудовольствіе, произведенное ихъ дурачествомъ, восхотѣлъ прикрыть грѣхи свои ласкою и пригласилъ меня вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими къ себѣ обѣдать. Итакъ, мы у него сей день обѣдали. А не успѣли встать изъ-за стола, какъ и пошла у нихъ опять потѣха карточная: загремѣли денешки, полетѣли изъ рукъ въ руки бумажки, начался шумъ, проклинанія и терзанія картъ и прочія, подобныя тому, сцены. Я смотря на все то, «платилъ опять глазопялова» и пожималъ только плечами, видя какъ молодцы, а особливо г. Рахмановъ сорили денежками; сей послѣдній проигралъ въ этотъ день ни болѣе, ни менѣе, какъ цѣлыхъ двѣ тысячи рублей. Я ахнулъ даже, сіе увидя, и самъ себѣ сказалъ: «ну, братъ, видно, что у тебя ихъ много, когда ими ты такъ швыряешься!» Потомъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ и, соскучившись смотрѣть далѣе на ремесло господъ игроковъ, лизнулъ я тайкомъ отъ барона и поѣхалъ къ городничему, но и тамъ нашелъ общество не по себѣ; нѣсколько господъ наполняли всю гостиную комнату, въ числѣ ихъ тутъ и г-жа Баженова, жена тутошняго откупщика, непохожая совсѣмъ на купчиху, а модницу, богачиху и умницу. Подивясь оной и посидѣвъ съ полчаса, полетѣлъ я домой, чтобъ напиться до-сыта своего чайку съ милою трубочкою и поужинавъ, ложиться скорѣе спать и готовиться къ утрему.

Сей вновь наступившій день былъ уже десятый со времени моего пріѣзда и послѣдній октября. Я пошолъ, по обыкновенію, опять въ кантору, написавъ напередъ новую оговорку. Челобитная моя была въ сей день принята, поелику тверды всѣ были въ ней трехножныя, и ни одного не было одноножнаго, а и выписка приходила уже къ окончанію. Время свое въ канторѣ провождалъ я обыкновенно въ экзекуторской побочной комнатѣ, въ сотовариществѣ съ другими приходящими также для нуждъ своихъ господами, шалберя и разговаривая съ ними. Но въ сей день имѣлъ я удовольствіе проговорить тутъ почти все утро съ вторымъ членомъ г. Кусаковымъ; сему случилось выттить зачѣмъ-то изъ судейской и зайтить къ намъ въ экзекуторскую. Тутъ не успѣлъ онъ увидѣть, какъ, поздоровкавшись со мною, какъ съ знакомымъ себѣ уже человѣкомъ, началъ со мною говорить, и проговорилъ почти все утро, чѣмъ я былъ и доволенъ, ибо сіе доказывало мнѣ, что сей умный, степенный и съ прочими не якшавшійся судья получилъ обо мнѣ выгодное мнѣніе. Всѣ званы были въ сей день на обѣдъ къ какому-то Суданову, но я туда не поѣхалъ, а брызнулъ домой, и пообѣдавъ въ своемъ уединеніи, принялся опять за «Магазинъ» свой и трудился надъ нимъ до самаго ужина.

Непосредственно за симъ наступилъ уже нашъ и ноябрь мѣсяцъ и начался превеликою досадою на повытчика за лѣнивое и нескорое писаніе имъ выписки. Но скоро увидѣлъ, что сіе послужило для меня ни мало не во вредъ, а еще и на пользу, ибо я успѣлъ спроворить и смастерить, чтобы вписана была въ нее и моя челобитная, но за то не отходилъ почти ни пяди отъ повытчика, ибо зналъ, что симъ средствомъ можно сихъ людей понудить къ прилежнѣйшему писанію.

При выходѣ изъ канторы, зазвалъ я къ себѣ на водку Кузьмина, г. Рахманова и Жихарева, самаго того, которому такъ хорошо удалось объиграть г. Рахманова, съ которымъ между тѣмъ успѣлъ я уже короче познакомиться и, поприкрапившись къ нему, почти и сдружиться, къ чему много поспѣшествовало то, что былъ онъ человѣкъ добрый, невысокомѣрный и въ обхожденіи благопріятный. Проводивъ ихъ отъ себя, ходилъ я послѣ обѣда опять въ кантору, ибо кому до игры и мотовства, а у меня не шло мое дѣло съ ума, и я, зазвавъ къ себѣ на вечеръ повытчика, опять проговорилъ съ нимъ съ часъ о всякой вся-

чинѣ, а между тѣмъ не забывалъ и «Магазина» своего.

Послѣдующій за симъ день былъ для меня хлопотливый. Въ оный выписку нашу на силу-на-силу кончили, и мы ласкались надеждою, что судьи съѣхавшись, начнутъ ее слушать, но не то сдѣлалось! А къ неописанной досадѣ нашей, принесло на ту пору въ городъ къ третьему судьѣ нашему его вторую или другую жену, ибо первая была еще жива и находилась въ Москвѣ, и онъ по сему случаю и не пріѣзжалъ въ кантору, а за нимъ не было и барона. Итакъ, произошла дѣлу нашему опять остановка. Досадую, но нечего дѣлать. Принужденъ былъ вооружиться терпѣніемъ, и доволенъ былъ тѣмъ, что второй членъ, соскучившись одинъ въ судейской, вышелъ къ намъ въ экзекуторскую и опять проговорилъ со мною во все утро. Между тѣмъ, шли у насъ перекоры о томъ, кому напередъ прикладывать руку къ выпискѣ и писать свои оговорки; Рахманову хотѣлось, чтобы напередъ писалъ я, дабы видѣть, что будетъ написано мною, а я, для самаго того-жъ, хотѣлъ чтобъ писалъ напередъ онъ, а за тѣмъ и стало у насъ дѣло. Между тѣмъ, узнаю я, что Рахмановъ подалъ какое-то доношеніе и нахожу случай узнать, что въ ономъ было и написано. И какъ въ немъ упомянуто было нѣчто до меня предосудительное, то, раздосадовавъ за то, противъ него вооружаюсь и, возвратясь на квартиру, посылаю тотчасъ за Кузьминымъ, чтобы совѣтовать съ нимъ, что дѣлать? Кузьминъ прибѣгаетъ. Думаемъ, говоримъ, разсуждаемъ и останавливаемся на томъ, что надобно доставать какъ-нибудь Рахманова доношеніе, чтобы, сообразясь съ нимъ, написать и подать новую челобитную. Но какъ достать? Г. Кузьминъ беретъ эту коммиссію на себя и, подхватя шапку, бѣжитъ и дѣломъ спроворнваетъ. Протоколистъ самъ приноситъ оное ко мнѣ; я его поить, угощать и доношеніе списывать; весь вечеръ проноилъ ихъ, какъ свиней, а самъ послѣ того засѣвъ, ну-ка писать челобитную и всю ночь прописалъ, а затѣмъ никуда въ этотъ день не ѣздилъ.

Симъ кончу я сіе письмо, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Декабря 28 дня, 1810 года).

КАНТОРА.

Письмо 243.

Любезный пріятель! При концѣ послѣдняго моего письма, оставилъ я васъ, чаятельно, въ любопытствѣ узнать, что произойдетъ далѣе по моему дѣлу и какой успѣхъ имѣть я буду въ продолженіе онаго. Теперь, продолжая повѣствоніе мое далѣе, скажу, что, препроводивъ двѣнадцатой день пребыванія моего въ Козловѣ помянутымъ образомъ въ особенныхъ суетахъ и хлопотахъ, не успѣлъ я дождаться слѣдующаго утра, какъ пошелъ опять въ межевую кантору, которая, по счастію, была недалеко отъ моей квартеры, въ одномъ старомъ дворянскомъ домѣ. Итакъ, хотя было тогда и очень грязно, но ходить въ нее можно было и пѣшкомъ. Вновь написанная челобитная была у меня уже готова и въ карманѣ. Однако, мнѣ хотѣлось напередъ видѣться съ г. Рахмановымъ и поговорить съ нимъ полюбовную рѣчь. На ту бѣду, онъ, за грязью, не изволилъ въ кантору въ этотъ день пріѣхать; итакъ, дѣло остановилось опять за рукоприкладствомъ. Между тѣмъ, въ ожиданіи провозглашенія, чтобъ всѣ челобитчики шли въ судейскую, шалберю я и разговариваю коесъ-кѣмъ въ директорской. И какъ случилось тутъ на сей разъ быть нѣкоторые изъ межевыхъ и изъ самыхъ канторскихъ люди молодые и любопытные, то догадало меня довесть рѣчь до задачекъ разнаго рода, смѣшныхъ и любопытныхъ, которыхъ зналъ я довольное множество, и для смѣха и препровожденія времени задать любопытнѣйшимъ изъ нихъ нѣкоторыя изъ оныхъ. Сіе возбудило во всѣхъ любопытство, всѣ окружили меня, смотрѣли мнѣ въ глаза, любопытствовали узнать и просили, чтобы я

имъ сказалъ, признаваясь, что они рѣшить ихъ не могутъ. Я отказываюсь, смѣясь, и наконецъ удовлетворяю ихъ просьбу. Симъ очаровываю я ихъ такъ, что они, полюбя меня за то, приступаютъ ко мнѣ съ просьбами, не знаю ли я еще какихъ-нибудь тому подобныхъ пріятныхъ штучекъ. «Конечно знаю, говорю я имъ смѣючись; но не все вдругъ, государи мои, а надобно оставить что-нибудь и для переду; время еще къ тому будетъ, а теперь довольствуйтесь и сими». Это возбудило въ нихъ еще болѣе любопытства и произвело то, что они съ того времени всякій день съ превеликимъ вожделѣніемъ прихода моего въ кантору дожидались; а завидѣвъ меня, тотчасъ сбѣгались ко мнѣ въ директорскую, здоровкались со мною, какъ друзья и братья, называли меня милымъ и любезнымъ старичкомъ, которымъ званіемъ они еще впервыя меня тогда пожаловали, и прашивали, чтобъ я опять ихъ чѣмъ-нибудь занялъ и утѣшилъ. Легко можете заключить, что все сіе было для меня не противно. Я охотно удовлетворялъ ихъ просьбу и былъ очень доволенъ тѣмъ, что самыя сіи бездѣлушки послужили мнѣ тогда въ превеликую пользу и пріобрѣли мнѣ отъ многихъ дружбу и искреннюю ко мнѣ приверженность, и особливо—одного изъ тутошнихъ канторскихъ письмоводителей, землемѣрнаго помощника г. Кузьмина, однако не того, о которомъ я упоминалъ прежде, называя Яковомъ Кузьмичемъ, а совсѣмъ другова человѣка, знающаго, бойкаго и любопытнѣйшаго изъ всѣхъ. Сей полюбилъ меня за сіе отмѣнно и благопріятство его ко мнѣ впослѣдствіи времени пригодилось мнѣ очень, очень кстати. Но я возвращусь теперь къ прежнему.

Между тѣмъ, какъ я помянутымъ образомъ всѣхъ задачками своими въ директорской занималъ и удивлялъ, кликнули наконецъ челобитчиковъ. Мой повѣренный тотчасъ и полетѣлъ съ челобитною въ судейскую. Челобитную приняли, но скоро вынесъ секретарь ее назадъ, объявивъ, что велѣли судьи сказать, чтобъ я внесъ все это въ оговорку въ рукоприкладствѣ. Я возвращаюсь домой и пишу сіе; но не успѣлъ отобѣдать, какъ гляжу, идетъ ко мнѣ секретарь одинъ. Я ему радъ, прошу его употребить съ его стороны все, что ему только можно будетъ при приближающемся рѣшеніи нашего дѣла, говорю съ нимъ полюбовную рѣчь, обѣщаю ему быть благодарнымъ и увѣряю, что онъ будетъ мною доволенъ; между тѣмъ угощаю его всячески и пою всѣмъ, что было. Подошолъ къ намъ и мой Яковъ Кузьмичъ и помогаетъ мнѣ его подчивать. Оба они просидѣли у меня до десятаго часу, и секретарь, при отходѣ своемъ, обѣщаетъ мнѣ, что купленная мною земля мнѣ отмежуется. Я радъ тому до чрезвычайности и провожаю его съ удовольствіемъ и поклонами; а между тѣмъ, какъ мы тутъ съ секретаремъ бесѣдовали, Рахмановъ прикладывалъ къ выпискѣ руку и писалъ свои оговорки, и я смастерилъ и добился-таки до того, что не я, а онъ напередъ сіе сдѣлалъ.

По-утру, вставъ, по обыкновенію, до свѣта, сочинилъ я рукоприкладство и оговорку и внесъ въ нее все, что въ послѣднемъ моемъ доношеніи было написано. Но какъ нужно было видѣть, что написалъ Рахмановъ въ своемъ рукоприкладствѣ, и не надобно ли мнѣ будетъ что-нибудь къ своему прибавить, то, пришедъ въ кантору, сталъ я всячески домогаться, чтобъ оговорки его увидѣть, и хотя съ трудомъ, но того добился и увидѣлъ, что и подлинно мнѣ очень нужно было многое къ оговоркамъ моимъ, въ опроверженіе Рахмановскихъ объявленій, присовокупить. И какъ надобно было о томъ подумать и дѣло сіе сдѣлать не спѣша, то, пользуясь тогдашнимъ субботнимъ днемъ, выпросилъ я всю выписку къ себѣ на домъ, которая у меня и ночевала, и я имѣлъ время придумывать и писать въ рукоприкладствѣ своемъ, что хотѣлъ; и радовался тому, что былъ послѣдній, ибо что касается до повѣреннаго Пашкова, то оный приложилъ руку еще прежде обо-

ихъ насъ, къ превеликому моему удовольствію, совсѣмъ просто и не сдѣлавъ ни о чемъ ни какой оговорки, а сказалъ только, что онъ всею выпискою доволенъ и на судей ни какого подозрѣнія не имѣетъ.

Какъ наступившій послѣ сего день былъ воскресный и гулящій, то, приказавъ повѣренному своему переписывать все сочиненное мною рукоприкладство на выпискѣ и къ ней прикладывать руку, пошелъ я къ барону съ утреннимъ визитомъ, а отъ него прошелъ къ городничему; обѣдать же звалъ меня въ сей день другъ мой Яковъ Кузьмичъ, отъ котораго зашелъ я опять къ городничему и у него съ гостьми просидѣлъ весь вечеръ.

Наконецъ, 6-го числа ноября и въ шестнадцатый уже день съ моего пріѣзда, на-силу-на-силу началось наше дѣло, и судьи стали выписку нашу слушать, а до того все еще были однѣ только пріуготовленія. Между тѣмъ, какъ они тѣмъ въ судейской занимались, оба мы съ г. Рахмановымъ, находясь въ директорской, завели между собою полюбовную рѣчь и дружелюбной разговоръ. И какъ мнѣ очень было нужно его усыпить и обезпечить, то подступилъ я къ нему, по пословицѣ говоря, «съ лисьимъ хвостомъ», и всячески старался его увѣрить, что я ни какъ не намѣренъ съ нимъ ссориться и предпринимать что-нибудь ему во вредъ и въ предосужденіе, а хочу жить съ нимъ по-сосѣдски и въ дружбѣ, а что въ оговоркѣ моей кое-что было написано, то извинилъ бы онъ меня въ томъ, ибо сего требовалъ порядокъ дѣла, да нужно было то необходимо къ преодолѣнію общаго нашего врага г. Пашкова, о чемъ обоимъ намъ равно стараться надобно. Симъ и подобнымъ сему образомъ и удалось мнѣ его такъ убалахтать, что онъ совершенно въ разсужденіи меня обезпечи*тел*ся (sic) и соотвѣтствовалъ мнѣ взаимными ласками и увѣреніями о своемъ ко мнѣ благорасположеніи, и въ доказательство того открылся мнѣ, что онъ, по наслышкѣ отъ судей, можетъ меня смѣло удостовѣрить, что проданную мнѣ землю отрѣжутъ дѣйствительно, что́ меня весьма порадовало. Впрочемъ, у меня и въ самомъ дѣлѣ не было ни мало на умѣ ему чѣмъ-нибудь вредить, а я писалъ и дѣлалъ все только для предостереженія себя отъ него и отъ Пашкова.

Кромѣ сего, имѣлъ я въ сей день и другое удовольствіе, узнавъ чрезъ полученныя письма изъ Богородицка, что родные мои тамъ находились благополучно, и что все у нихъ тамъ было хорошо и порядочно, а третье удовольствіе было отъ того, что у насъ въ этотъ день стала зима, и мы избавились отъ грязи, которая намъ уже надоѣла. Впрочемъ, какъ въ сей день отходила въ Москву почта, то съ нею писалъ и я къ своимъ роднымъ и увѣдомлялъ ихъ о себѣ и о томъ, что́ у насъ происходитъ, а въ Москву отправилъ цѣлую книгу заготовленнаго матеріала для печатанія въ издаваемомъ журналѣ, и радъ былъ, что успѣлъ поснабдить типографію довольнымъ количествомъ онаго.

Въ наступившей послѣ сего день ласкались мы надеждою, что дѣло наше дослушаютъ. Но не то сдѣлалось. Я въ кантору, но судей нѣтъ; слышу, что третьяго и важнѣйшаго члена не будетъ, а потому не было и слушанья. И потому съ досадою пошелъ домой и принялся опять сочинять и писать матеріалъ для «Магазина». Къ тому-жъ, былъ какъ-то не очень здоровъ, попростудившись, и принужденъ былъ отпиваться своимъ декоктомъ, а потому никуда въ этотъ день и не ѣздилъ, а провелъ вечеръ съ Яковомъ Кузьмичемъ, пришедшимъ ко мнѣ съ небывалымъ еще у меня гостемъ г. Островскимъ, съ которымъ говорили мы много о рисованьѣ, до котораго онъ былъ охотникъ. Съ симъ человѣкомъ познакомился я, заходя въ канторѣ въ чертежную, гдѣ видѣлъ рисуемый имъ прекрасной вѣеръ и не могъ работою его довольно налюбоваться.

Къ умноженію досады моей на остановки, которыя для заѣзжей нашей братьи

всего чувствительнѣе, случись и на утріе день табельный, и такой, въ который присутствія и никакихъ дѣлъ въ канторѣ не было. Былъ то Михайловъ день. И какъ въ оной второй членъ былъ имянинникомъ, то разсудилось мнѣ съѣздить къ нему и поздравить его съ днемъ его Ангела, побывавъ напередъ по-утру у директора Иванова, для прочтенія послѣднихъ газетъ, получаемыхъ онымъ. Г. Кусаковъ былъ очень доволенъ моимъ къ себѣ пріѣздомъ, но я у него въ сей разъ недолго пробылъ, а проѣхалъ къ барону, гдѣ нашелъ и другихъ многихъ, и посидѣвъ у него, отъѣзжавшаго тогда въ уѣздъ въ гости, возвратился обѣдать домой. А послѣ обѣда, напившись до-сыта чаю съ своею трубочкою, поѣхалъ на вечеръ къ городничему. Тамъ нашолъ я пріѣхавшаго изъ Раненбурга штабъ-лѣкаря Останина, человѣка очень умнаго и хорошаго, и имѣлъ удовольствіе съ нимъ познакомиться. Вскорѣ послѣ меня пріѣхала туда-жъ и госпожа баронша, а вслѣдъ за нею еще двѣ тамошнихъ госпожи, съ которыми и просидѣли мы весь вечеръ и говорили много. Но ужиналъ я дома.

Въ слѣдующее утро, услышавъ въ канторѣ, что баронъ изъ гостей своихъ еще не возвращался и что его не будетъ, взгоревался-было я опять очень по причинѣ сей новой остановки, ибо думалъ, что безъ него дѣло слушать не станутъ. Но, по счастію, были оба прочіе члена и выписку продолжали слушать и безъ барона, и слушали очень долго, желая выслушать всю на той же недѣлѣ. Сіе сколько-нибудь меня поутѣшило, и я съ удовольствіемъ поѣхалъ оттуда въ разваленкахъ, въ какихъ тогда всѣ мы по снѣжку разъѣзжали, къ городничему, куда я въ этотъ день званъ былъ обѣдать, и гдѣ просидѣлъ я весь тотъ день.

Наутріе обрадованъ былъ я невѣдомокакъ тѣмъ, что дѣло наше господа судьи слушаніемъ кончили, не смотря на то, что барона и въ сей день не было въ канторѣ. Итакъ, осталось тогда класть имъ резолюцію или, прямѣе сказать, рѣшить наше дѣло. Но и ту обѣщали положить въ понедѣльникъ, посліку оба слѣдующіе за симъ дни были неприсутственные, суббота и воскресенье. Итакъ, сколько я ни вожделѣлъ скорѣйшаго окончанія, но принужденъ былъ опять возложить узду на свою нетерпѣливость и быть сею остановкою довольнымъ. При окончаніи слушанія и по прочтеніи нашихъ оговорокъ, говорили судьи, что хотятъ насъ съ Рахмановымъ помирить. Сіе насъ и радовало, и печалило. Я не понималъ, что у нихъ на умѣ, и какимъ образомъ думаютъ они это сдѣлать. Ибо мнѣ, по всѣмъ обстоятельствамъ, казалось то совсѣмъ невозможнымъ: всѣ они имѣли такое между собою сплетеніе, что, повидимому, ни какъ нельзя было сдѣлать такъ, чтобъ оба мы остались довольными, ибо интересы наши были совсѣмъ противоположны и я къ полученію желаемаго мною имѣлъ всѣ права, а онъ ни малѣйшаго. Итакъ, желая поговорить о томъ съ секретаремъ, зову я его при выходѣ изъ канторы къ себѣ, но онъ обѣщаетъ быть на вечеръ, почему и принужденъ я былъ во весь день сидѣть дома и его дожидаться. Наконецъ, онъ и приходитъ. Но, къ превеликой досадѣ моей, не одинъ, а со многими другими изъ своихъ канторскихъ. Что ты изволишь! нельзя было и одного словца промолвить съ нимъ о дѣлѣ. Просидѣли весь вечеръ, пили, врали, мололи дѣло и бездѣлье, а дѣла ничего, и время только что пропало.

Господи! какъ мнѣ все сіе было досадно. Я не могъ даже долго послѣ нихъ уснуть, раздумавшись о всѣхъ тогдашнихъ обстоятельствахъ и находясь въ превеликомъ недоумѣніи о томъ, что мнѣ дѣлать. Наиболѣе приводило меня въ смущеніе то, что срокъ, на который я отъ командира своего былъ отпущенъ, начиналъ уже приближаться, и мнѣ надлежало уже помышлять объ отъѣздѣ. Прошло уже тогда цѣлыхъ двадцать дней съ моего пріѣзда въ Козловъ, и во все сіе время дѣло мое дошло только до своего начала, а когда оно и какъ кончится, того и предвидѣть было не можно. По

извѣстной медленности теченія всѣхъ дѣлъ, а особливо межевыхъ спорныхъ, не было и надежды, чтобъ могло оно въ немногіе дни кончиться совершенно, ибо надобно было еще судьямъ трактовать между собою о томъ, какъ разрѣшить имъ всѣ спорные узлы, запутанные до крайности между собою, и какую положить резолюцію. И не извѣстно было еще, будутъ ли они между собою во всемъ согласны и не произойдутъ ли споры и несогласицы. Да хотя-бъ и согласились во всемъ, такъ надобно было писать еще опредѣленіе, которому, по всѣмъ обстоятельствамъ, надобно было быть огромному, большому и такому, на сочиненіе и разсмотрѣніе котораго требовалось, когда не больше, то, по меньшей мѣрѣ, недѣля времени, хотя-бъ не произошло ни какой другой остановки. Итакъ, не зналъ я, что мнѣ дѣлать, оставаться ли и ждать сего рѣшенія, или ѣхать домой. Но какъ забившись въ такую даль, не сдѣлавъ ничего и не дождавшись конца, ѣхать мнѣ крайне не хотѣлось, хоть Козловское житье мнѣ уже и понаскучило, то помышлялъ уже о томъ, не послать ли мнѣ еще въ Богородицкъ нарочнаго и не просить ли командира моего объ отсрочкѣ и о дозволеніи пробыть тутъ еще долѣе.

Въ семъ недоумѣніи, проснувшись на другой день, рѣшился я послать за другомъ своимъ Кузьмичемъ, чтобъ, по крайней мѣрѣ, поговорить и посовѣтовать съ нимъ откровенно обо всемъ моемъ недоумѣніи. Онъ тотчасъ ко мнѣ и прилетѣлъ, и тогда, ну, мы съ нимъ говорить и обо всемъ совѣщаться и разсуждать, и положили наконецъ, чтобъ мнѣ воспользоваться обоими тогдашними неприсутственными днями и постараться убѣдить просьбами своими на домахъ судей о скорѣйшемъ рѣшеніи нашего дѣла и, смотря по тому, что они скажутъ и чѣмъ обнадежутъ, рѣшиться уже ѣхать домой, или оставаться долѣе и послать просить объ отсрочкѣ. И какъ вся важность состояла и все зависѣло отъ третьяго члена г. Черневскаго, ворочавшаго тогда всею канторою, то совѣтовалъ онъ мнѣ приняться напередъ за него и ни мало немедленно къ нему и тогда же ѣхать.

Итакъ, слѣдуя сему искреннему совѣту, сѣлъ въ розваленки и полетѣлъ я къ сему горделивцу. И какъ я не инако, какъ гордаго пріема отъ него дожидался, то, признаюсь, что при входѣ къ нему, трепеталъ во мнѣ весь духъ мой отъ смущенія, и я мысленно возносился къ Богу, сему всегдашнему моему Помощнику и Покровителю, и просилъ Его о подаяніи мнѣ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, руки помощи. Моленіе мое было и услышано. Я не только обрадовался, но поразился даже удивленіемъ, нашедъ г. Черневскаго совсѣмъ въ отношеніи ко мнѣ предъ прежнимъ перемѣнившимся и увидѣвъ его принимающаго меня очень благопріятно и ласково. Уже истинно не знаю, хорошая ли молва, распространившаяся обо мнѣ по всему Козлову, оказываемое мнѣ всѣми уваженіе, или что иное и мнѣ неизвѣстное произвело въ немъ таковую выгодную ко мнѣ перемѣну, но какъ бы то ни было, но я принятъ и обласканъ былъ имъ совсѣмъ неожидаемымъ образомъ. Сіе такъ меня порадовало и ободрило, что я, посидѣвъ и поговоривъ съ нимъ нѣсколько минутъ о постороннемъ, тотчасъ приступилъ къ нему съ своею просьбою. «Что, батюшка, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, сказалъ я ему; я пріѣхалъ къ вамъ съ нижайшею и прекорнѣйшею просьбою».—«Вѣрно о томъ, подхватилъ онъ, не давъ мнѣ далѣе говорить, чтобы мы рѣшили ваше дѣло, и съ выгодою для васъ?»—«Конечно такъ, батюшка! сказалъ я; но вкупѣ и о томъ, нельзя ли сдѣлать милость и поспѣшить рѣшеніемъ симъ колико можно; обременять васъ моею препокорнѣйшею просьбою въ томъ принуждаютъ меня мои обстоятельства; вамъ извѣстно, въ какой нахожусь я важной и именитой должности; у начальника своего уволенъ я сюда на срочное время; срокъ сей истекаетъ, и мнѣ надлежитъ уже помышлять объ отъѣздѣ отсюда; а дѣло мое, какъ вамъ извѣстно, только

что началось, и я въ разсужденіи рѣшенія онаго нахожусь еще въ совершенной неизвѣстности; итакъ, не знаю истинно, какъ быть и что дѣлать; хотѣлось бы, натурально, дождаться рѣшенія онаго: но не знаю, долго ли оно еще продлится и какъ рѣшится, и оттого нахожусь въ превеликомъ смущеніи и недоразумѣніи. Итакъ, помогите мнѣ, ради Бога, въ такомъ критическомъ моемъ положеніи». Сказавъ сіе, сталъ я его убѣждать своими поклонами. «О, пожалуйте, пожалуйте, перестаньте, подхватилъ онъ меня, отъ дальнѣйшихъ поклоновъ унимая: я съ моей стороны готовъ вамъ всячески служить и въ удовольствіе ваше поспѣшу какъ можно производствомъ и рѣшеніемъ дѣла вашего; но о томъ, долго ли оно еще продлится, не могу вамъ сказать ничего вѣрнаго; зависѣть то будетъ отъ обстоятельствъ и какой возъимѣетъ оно ходъ; я не одинъ, а насъ трое, и обстоятельства могутъ случиться непредвидимыя; но какъ бы то ни было, но вамъ никакъ не надлежало бы отсюда отлучаться, а непремѣнно бы дождаться конца онаго; итакъ, подумайте и посмотрите, нельзя ли вамъ испросить себѣ дозволенія пожить у насъ здѣсь еще нѣсколько времени. Что-жъ касается до самаго существа рѣшенія, то будьте спокойны и не озабочивайтесь онымъ; можетъ быть, мы рѣшимъ дѣло сіе такъ, что вы съ своей стороны останетесь рѣшеніемъ нашимъ довольны». Я ему превеликій поклонъ, а онъ, продолжая далѣе сказалъ: «съ г. Пашковымъ мы уже знаемъ, что сдѣлать; и хотя то и правда, что мы купленныхъ имъ на разныя имена земель отнять у него и покупки сіи уничтожить не можемъ, а сохранить должны и самыя межи, имъ положенныя, но какъ господинъ Окороковъ намежевалъ имъ множество излишнева, то на умѣ у насъ есть всѣ сіи излишки, посдвинувъ къ одному мѣсту, намѣрить изъ нихъ и вамъ, и другимъ покупщикамъ все купленное вами и ими количество, и по старшинству дачъ каждому изъ васъ нарѣзать; и какъ вы изъ нихъ первый, то первому вамъ и нарѣжемъ тамъ, и такъ, какъ вамъ самимъ будетъ угодно». Симъ, какъ легко можно заключить, приложилъ онъ ровно какъ пластырь къ смущенному моему сердцу. Для меня не могло быть сего лучше. Итакъ, будучи тѣмъ весьма-и-весьма доволенъ, отвѣсилъ я ему опять пренизкой поклонъ и благодарилъ за таковое ко мнѣ доброе его благорасположеніе. А онъ, въ дальнѣйшее доказательство тому, сталъ звать меня къ себѣ наутріе обѣдать, что меня порадовало еще болѣе, и я съ охотою обѣщалъ желаніе его исполнить. Тутъ пріѣхалъ къ нему и г. Рахмановъ. Однако, съ нимъ при мнѣ ничего говорено не было, да и я, желая дать имъ свободу, тотчасъ послѣ сего, раскланявшись, отъ нихъ и поѣхалъ. Отъ него полетѣлъ я съ таковою же просьбою ко второму члену г. Кусакову. Сей былъ уже мнѣ знакомѣе, принялъ меня благосклонно и на просьбу мою сказалъ почти самое тоже, обѣщавъ съ своей стороны помогать правому моему дѣлу, сколько можетъ.

Будучи и симъ весьма доволенъ, поѣхалъ я на свою квартиру, но не успѣлъ войтить въ свою хижину, какъ является ко мнѣ посланный отъ директора, г. Иванова, и зоветъ къ нему обѣдать, поелику было у него въ сей день полное собраніе всѣхъ госпожъ и господъ, въ городѣ тогда бывшихъ. Я благодарилъ за честь, мнѣ сдѣланную, и обѣщалъ тотчасъ къ нему быть. Итакъ, былъ я на банкетѣ, и провелъ весь этотъ день на ономъ. Гостей было множество; угощеніе доброе и было довольно гулянья и игры карточной; но я и въ томъ, и другомъ не имѣлъ соучастія, а занимался болѣе разговорами съ боярынями и другими нѣкоторыми, и будучи происшествіями сего дня доволенъ, провелъ весь его безъ скуки, а въ удовольствіи.

На утріе, не успѣло ободнять, какъ является ко мнѣ человѣкъ отъ родственника моего и двоюроднаго брата жены моей, Николая Александровича Каверина, съ извѣщеніемъ, что онъ, съ же-

пою своею Анною Петровною, пріѣхалъ въ Козловъ и, желая со мною видѣться, хочетъ, чтобы я къ нему пріѣхалъ обѣдать. Но какъ сего послѣдняго мнѣ сдѣлать было не можно, за обѣщаніемъ быть въ сей день на обѣдѣ у г. Черневскаго, то, отговорившись отъ того, посланному сказалъ, что я не премину съ ними повидаться; да и тотчасъ одѣвшись, къ нимъ и поѣхалъ, но нашелъ дома одну только Анну Петровну, съ которою повидавшись, проѣхалъ я къ барону, чтобъ и его попросить о скорѣйшемъ рѣшеніи нашего дѣла. Сей, по обыкновенію, принялъ меня очень ласково и также обѣщалъ съ своей стороны о томъ постараться, чѣмъ я былъ и доволенъ. Отъ него заѣхалъ я къ г. Добрасу, который былъ уже съ нѣкотораго времени не очень здоровъ и, посидѣвъ у него поѣхалъ уже на обѣдъ къ г. Черневскому.

Тамъ нашелъ я одного только г. Рахманова, съ которымъ, какъ казалось былъ г. Черневскій въ особенности друженъ. Но скоро пріѣхали и всѣ прочіе званые гости, и ихъ набралось такое множество, что каковъ столъ ни великъ былъ, но хозяину не было и мѣста умѣститься за онымъ. Угощеніе было изобильное, а послѣ стола началась изрядная попойка и игра въ карты. Наконецъ, чтобъ сдѣлать пиръ совершеннѣйшимъ послали за бывшими тогда въ городѣ цыганами, которыми наполнилась полна зала, и началась скачка, пляска и такое оранье и кричанье, что прокричали ажно всѣ уши. Мнѣ, не любившему никогда увеселенія сего рода, такъ они криками и ораньемъ своимъ надоѣли, что я рѣшился-было отъ нихъ уѣхать къ городничему, у котораго въ сей день обѣдалъ родственникъ мой, г. Каверинъ съ женою, и къ которому обѣщалъ-было я пріѣхать послѣ обѣда. Но хозяинъ, примѣтивъ, что я взялъ шапку, ухватилъ меня и никакъ не отпустилъ. Итакъ, принужденъ я былъ предать опять уши свои страданію отъ несноснаго ихъ крика и вопля и пробыть тутъ до самой ночи. Но наконецъ кое-какъ я увернулся и вечеръ просидѣлъ у городничаго и ужиналъ.

Въ послѣдующій за симъ день, еще до свѣта, прибѣжалъ ко мнѣ другъ мой Кузьмичъ, для совѣта: мнѣ нужно было съ нимъ посовѣтовать о томъ, какъ бы поправить мнѣ одну ошибку, учиненную въ разсужденіи крѣпостной моей дачи, въ сельцѣ Болотовкѣ, о которой какъ-то не упомянуто было ничего въ выпискѣ, а мы то какъ-то прозѣвали. Онъ совѣтовалъ мнѣ поговорить о томъ съ секретаремъ, къ которому я со свѣтомъ почти вдругъ и поѣхалъ. Сей охотно брался сдѣлать мнѣ сіе одолженіе и ошибку сію поправить, но говорилъ, что надобно о томъ поговорить и попросить г. Черневскаго. Итакъ, ѣздилъ я и къ сему, благодарилъ его за вчерашнее угощеніе, а кстати попросилъ и о семъ; и онъ съ охотою на сіе дозволеніе свое далъ, чѣмъ дѣло сіе было и поправлено. Отъ него проѣхалъ я къ моему родственнику и, посидѣвъ у него, брызнулъ въ кантору, думая не инако, что достанется мнѣ опять только табалу бить, ибо не думалъ, чтобъ судьи въ этотъ день что-нибудь сдѣлали. Однако, я въ томъ, и къ удовольствію моему, обманулся. Судьи не были такъ лѣнивы, но въ сей день трактовали о нашемъ дѣлѣ и положили на мѣрѣ, чѣмъ оное рѣшить. Самъ баронъ, вышедши къ намъ, сказалъ: «рѣшили!» Сего одного слова довольно было къ тому, чтобы обрадовать всѣхъ насъ до чрезвычайности, хотя никто изъ насъ не зналъ, на чомъ и какъ рѣшено было дѣло, да и узнать сего никакъ было не можно, покуда не напишутъ и не подпишутъ опредѣленія. Къ вящему удовольствію моему, зазвалъ меня баронъ къ себѣ обѣдать, у котораго нашелъ я весьма страннаго богача, барона Петра Ивановича Черкасова, удивившаго меня особымъ своимъ характеромъ.

Отъ барона, послѣ обѣда, заѣзжалъ я къ своему родственнику, а отъ него, возвратясь на квартиру, принялся за писаніе къ роднымъ своимъ въ Богородицкъ писемъ. Ибо какъ мнѣ другова не оста-

валось, какъ просить командира своего объ отсрочкѣ, которую и получить я ни мало не сомнѣвался, то рѣшился я, для доставленія къ нему просительнаго письма и полученія отвѣта, послать въ Богородицкъ нарочнаго и препоручить своимъ роднымъ отправить какъ-возможно скорѣе съ письмомъ моимъ къ г. Давыдову въ Тулу и, по полученіи отвѣта, немедленно доставить оный ко мнѣ. Впрочемъ, какъ давно уже я думалъ о томъ, чѣмъ бы мнѣ подарить господъ судей за все ихъ ко мнѣ благопріятство, и нечаянно получилъ мысль употребить къ тому мой «Экономическій Магазинъ», котораго около сего времени напечатано было уже 32 части, и у меня было его нѣсколько экземпляровъ въ переплетѣ,—то и писалъ я къ сыну своему, чтобъ онъ при семъ случаѣ прислалъ мнѣ 3 экземпляра въ лучшемъ переплетѣ, и уложивъ всѣ 96 книгъ какъ-возможно лучше въ ящикъ.

Далѣе, достопамятно, что въ сей вечеръ имѣлъ я у себя особаго и весьма пріятнаго для меня и такого гостя, съ которымъ я весь вечеръ съ особливымъ удовольствіемъ провелъ, въ благоразумныхъ и прямо философическихъ разговорахъ. И, къ удивленію, былъ то одинъ Веневскій купецъ Бородинъ, человѣкъ отмѣнно умный и весьма любопытный; онъ пріѣзжалъ также въ кантору для нѣкоторыхъ по межевымъ дѣламъ справокъ и, узнавъ обо мнѣ, приходилъ удовлетворить давнишнее свое желаніе видѣть меня и со мною познакомиться.

Какъ, при всѣхъ моихъ тогдашнихъ хлопотахъ и недосугахъ, не позабылъ я и о своихъ любезныхъ гамбургскихъ газетахъ, доставлявшихъ мнѣ всегда столь великое удовольствіе и которыя хотѣлось мнѣ получать и въ слѣдующій годъ, то, боясь, чтобъ не упустить время къ выпискѣ оныхъ, ѣздилъ я на утріе, не смотря на всю тогдашнюю стужу и установившіеся жестокіе морозы, на почтовый дворъ и отправилъ съ отходящею почтою въ Москву за нихъ деньги и объявленіе. А оттуда заѣзжалъ на часокъ въ кантору, гдѣ узналъ, что въ сей день носили выписку нашу къ барону на домъ и трактовали о томъ, какъ написать резолюцію. При отходѣ изъ канторы, звалъ я секретаря къ себѣ на водку, въ намѣреніи денежною молитвою попреклонить его быть ко мнѣ при писаніи опредѣленія благосклоннѣйшимъ. Но какъ онъ зашелъ ко мнѣ не одинъ, то и нельзя мнѣ было того въ сей разъ сдѣлать, а принужденъ былъ отложить то до другова времени. Впрочемъ, за стужею, я въ этотъ день никуда болѣе не ѣздилъ, а просидѣлъ дома и писалъ все матеріалъ для своего «Магазина».

Наступившій за симъ день, къ превеликой досадѣ моей, пропалъ у меня ни за полушечку, ибо въ канторѣ по дѣлу нашему не было ни какого производства, по той причинѣ, что не было въ ней г. Черневскаго; прочіе же оба судьи, хотя и были, но безъ него ничего не сдѣлали. Я обѣдалъ опять у барона, заѣзжалъ навѣщать любезнаго нашего городничаго, а вечеръ весь прождалъ къ себѣ секретаря; но былъ одинъ только другъ мой Кузьмичъ. Впрочемъ, имѣлъ я удовольствіе кончить въ этотъ [вечеръ] весь матеріалъ для тогдашняго года и началъ заготовлять и на предбудущій, по просьбѣ о томъ г. Новикова.

На утріе собрались наконецъ всѣ судьи и мы, обрадовавшись тому, говоримъ между собою: «ну, теперь пойдетъ дѣло наше своимъ чередомъ», и дожидаемся, такъ сказать, на цыпочкахъ, милости Господней. Но, вмѣсто того, что-же? Къ неизобразимому всѣхъ насъ неудовольствію, вышелъ вздоръ и у судей между собою споръ и несогласица. Господи! какъ поразился и огорчился я, о семъ услышавъ. Но смущеніе мое несказанно еще увеличилось, какъ самъ баронъ, вышедши къ намъ въ директорскую и сказывая, что пошло дѣло на голосахъ, присовокупилъ къ тому, противъ всякаго нашего чаянія и ожиданія, что, по его мнѣнію, тутъ, то-есть въ степи нашей, казенной земли ни какой нѣтъ, и что у Пашкова отнять ее не за что! Всѣ мы изумились, сіе отъ него услышавъ, ибо никто того

отъ него не ожидалъ. И какъ онъ симъ явно доказалъ, что онъ отъ Пашкова былъ подкупленъ и съ избыткомъ угобженъ, то, по отходѣ его отъ насъ, и начали всѣ, усмѣхаясь между собою, о томъ перешоптывать. Что-жъ касается до меня, то я отъ смущенія нѣсколько минутъ не могъ собраться съ мыслями и духомъ: такъ поразилъ меня сей неожидаемый споръ! Послѣ чего, сталъ я всячески стараться распровѣдывать и узна[ва]ть, о чемъ такомъ они заспорили и въ чемъ состояло собственно дѣло. Но какъ никто того не зналъ и ни отъ кого не могъ я ничего добиться, то сіе и болѣе еще меня смутило, и я только взадъ и впередъ, повѣся голову, ходилъ, и самъ себѣ въ мысляхъ говорилъ: «вотъ тебѣ на! вотъ и всѣ лестныя надежды и ожиданія; не исчезли бы всѣ онѣ, какъ дымъ, выходящій изъ трубы въ воздухѣ, и споръ этотъ проклятый не надѣлалъ бы мнѣ пакостей; еще не вздумали бы они уничтожить и обѣ покупки мои? чего добраго! и тогда прости и прощай и земелька моя, и всѣ хлопоты объ ней!» Симъ и подобнымъ сему образомъ мыслилъ и говорилъ я умственно самъ съ собою, и одна огорчительная мысль прогоняема была другою, той еще смущеннѣйшею.

Но какъ бы то ни было, но въ день сей не было ничего положительнаго, и онъ пропалъ по-пустому и проведенъ въ бездѣлушкахъ, ибо на ту пору принесло въ Козловъ фигляровъ, по которому случаю баронъ, желая увеселить ими всю тамошнюю публику, приглашалъ всѣхъ для зрѣнія ихъ къ себѣ въ домъ, меня же увезъ къ себѣ даже обѣдать. Итакъ, послѣ обѣда съѣхались туда всѣ, и тѣмъ охотнѣе, что забава сія никому ничего не стоила, кромѣ только одного барона; и тотчасъ потомъ комедіянты начали представлять намъ кукольную свою комедію, а потомъ, при играніи на органахъ, разнымъ образомъ коверкаться и ломаться, и довольно хорошо. Но какъ у меня на сердцѣ не весьма было весело, то не столько утѣшался я зрѣніемъ, какъ слышаніемъ прекраснаго и пріятнаго игранія на органахъ. По окончаніи-жъ всего и при разъѣздѣ, секретарь и межевщикъ Кузьминъ, поѣхали ко мнѣ и просидѣли у меня весь вечеръ, въ теченіе котораго выпорожнено было опять ими нѣсколько бутылокъ; говорено же было хотя много, но все о постороннемъ; о дѣлѣ же и существѣ спора не открывался секретарь ни однимъ словомъ.

Такимъ же почти образомъ прошелъ въ пустякахъ и весь послѣдующій день. Въ кантору пріѣхалъ одинъ только третій членъ, а перваго и втораго уже не было. «Господи! говорилъ я, о семъ услышавъ: то того, то другого нѣтъ, и долго ли все это будетъ: прогулъ за прогуломъ!» Однако скоро успокоился, услышавъ, что пріѣхавшій тогда и важнѣйшей третій членъ не сидѣлъ въ судейской праздно, а налагалъ и писалъ резолюцію. А послѣ обѣда ходилъ секретарь куда-то. Итакъ, мы и въ сей день въ канторѣ били только табалу, которая мнѣ уже такъ наскучила, что я уѣхалъ обѣдать домой и занимался весь день своимъ писаніемъ. Ввечеру-же, приходилъ ко мнѣ опять Дмитрій Егоровичъ Бородинъ, прежній мой философическій собесѣдникъ, и мы съ нимъ и съ Кузьмичемъ проговорили опять съ удовольствіемъ весь вечеръ.

Какъ на утріе настала опять суббота, то и дѣло наше опять почивало, ибо въ канторѣ не было ни какого присутствія. Отъ досады и нехотѣнія терять время въ пустыхъ разъѣздахъ, рѣшился я весь этотъ день съ утра до ночи просидѣть дома. И случилось сіе еще въ первый разъ съ самаго пріѣзда моего въ Козловъ. Я во весь оной занимался писаніемъ своего «Магазина»; но послѣ узналъ, что г. Черневскій и въ сей день продолжалъ писать свою резолюцію.

Въ наступившее за симъ воскресенье исполнилось ровно четыре недѣли пребыванія моего въ Козловѣ, и я имѣлъ удовольствіе по-утру въ этотъ день услышать, что г. Черневскій мнѣніе и резолюцію свою кончилъ, и что оныя переписываются на-бѣло въ канторѣ. Любопытенъ будучи узнать содержаніе оной, при-

казалъ я своему повѣренному бѣжать въ кантору и всячески добиваться ее увидѣть, и буде можно и списать и употребить къ тому хоть и нѣсколько денегъ. А самъ между тѣмъ, одѣвшись, поѣхалъ къ знакомцу своему директору, и съ нимъ потомъ къ барону съ утреннимъ визитомъ; отъ него къ городничему; а тамъ опять къ барону, у котораго и мы, и всѣ прочіе и обѣдали, и гостей у него было довольно. Весь день препровожденъ опять въ обыкновенномъ ихъ упражненіи, то есть, въ играніи въ карты. По возвращеніи-жъ домой, имѣлъ я удовольствіе видѣть начало резолюціи г. Черневскаго, списанной моимъ повѣреннымъ, и порадовался, нашедъ ее написанною благоразумно и во всемъ сообразно со всѣми межевыми законами; слѣдовательно, совсѣмъ не въ пользу Пашкову, а съ наблюденіемъ всей справедливости. Я расцѣловалъ за то мысленно г. Черневскаго и сколько-нибудь тѣмъ ободрился; наиболѣе утѣшило меня утвержденіе всѣхъ моихъ знакомыхъ, что нужно бы только двумъ членамъ быть одкаго мнѣнія, такъ на несогласіе третьяго не посмотрятъ, и дѣло рѣшится и безъ него, и что голосъ сего, какой бы написанъ ни былъ, помѣшательства и остановки не сдѣлаетъ, а о мнѣніи втораго члена г. Кусакова, всѣ мы почти не сомнѣвались, а навѣрное полагали, что оное будетъ во всемъ согласно съ резолюціею г. Черневскаго.

Итакъ, вставши по-утру съ веселѣйшимъ и спокойнѣйшимъ уже духомъ, поѣхалъ я въ кантору. Тамъ услышалъ я, что барона нѣтъ и въ тотъ день не будетъ, и увидѣлъ всѣхъ знакомыхъ своихъ смѣющихся и говорящихъ, что сего и ожидать надлежало; ибо-де у барона старинное обыкновеніе, что какъ скоро затѣетъ онъ творить пакости, то и засядетъ дома и въ кантору не ѣздитъ. Вскорѣ послѣ того, вышелъ къ намъ изъ судейской второй членъ и проговорилъ со мною весьма благопріятнымъ образомъ почти все утро и звалъ даже къ себѣ. Я думалъ, что былъ онъ тогда одинъ только въ канторѣ, но скоро узналъ, что былъ тамъ же и г. Черневскій, и что оба они читали и, подписавъ журналъ, учинили тѣмъ рѣшенію нашего дѣла начало и приказали секретарю сносить оный для подписанія послѣ обѣда къ барону. Я вспрыгалъ почти отъ радости, о семъ услышавъ и перекрестясь втайнѣ говорилъ: «ну, слава Богу! авось-либо теперь пойдетъ наше дѣло на ладъ!»

Что у секретаря съ барономъ происходило въ домѣ, о томъ было мнѣ тогда неизвѣстно, и болѣе потому, что я послѣ обѣда ѣздилъ ко второму судьѣ, по приглашенію его, въ гости. Онъ былъ мнѣ очень радъ и не могъ со мною довольно наговориться; и благосклонность его ко мнѣ была такъ велика, что онъ откровенно разсказывалъ мнѣ цѣлыя исторіи о своихъ канторскихъ межевыхъ дѣлахъ, которыя, по истинѣ, были смѣшныя, странныя и вздорныя, особливо, по поступкамъ барона. Чрезъ сіе получилъ я о семъ послѣднемъ весьма худшее мнѣніе, нежели какое имѣлъ до того времени. Мы просидѣли и проговорили съ г. Кусаковымъ до самаго вечера, и я возвратился домой съ веселымъ духомъ.

Но симъ и окончу я сіе письмо, достигшее до обыкновенной своей величины, и скажу, что я есмь вашъ, и прочее.

(Декабря 30-го дня 1810 года).

ДОМЪ ГОРОДНИЧАГО.

Письмо 244.

Любезный пріятель! Въ семъ письмѣ представятся умственному взору вашему такія сцены, какихъ вы не ожидали: онѣ были прямо трагическія! Однако, о семъ услышите вы въ свое время, а теперь начну я продолжать повѣствованіе мое далѣе и разсказывать вамъ, что происходило у насъ послѣ того дня, которымъ окончилъ я мое предслѣдовавшее письмо. Оной былъ уже двадцатый мѣсяца ноября и 30-й моего пребыванія въ Козловѣ. А какъ въ наступившій за симъ день былъ праздникъ Введенія Богородицы и по сему случаю опять въ

канторѣ присутствія и ни какого дѣла не было, то, вставши по-утру и досадуя на новую сію остановку, сталъ я помышлять о томъ, куда бы мнѣ въ сей день ѣхать и чѣмъ заняться; а между тѣмъ поджидалъ уже и возвращенія посланнаго въ Богородицкъ и извѣстія отъ своихъ домашнихъ, ибо, по счисленію времени, надлежало уже ему около сего возвратиться назадъ. А не успѣлъ я напиться чаю, какъ погляжу, онъ и въ двери, и подаетъ мнѣ ожидаемыя письма. Господи! какъ я ему тогда обрадовался и какъ спѣшилъ спрашивать его, всѣ ли наши здоровы? «Слава Богу, отвѣчалъ онъ, всѣ здоровы и благополучны, приказали вамъ кланяться и прислали къ вамъ множество всякой всячины и все, о чемъ вы ни изволили писать».—«Очень, очень хорошо, подхватилъ я, такъ ступай же, братъ, и вноси сюда ко мнѣ все присланное съ тобою». А самъ спѣшилъ распечатывать и читать письма. Домашніе мои увѣдомляли меня, что они находились дѣйствительно всѣ живы, здоровы и благополучны, что все у нихъ тамъ было хорошо и въ порядкѣ, кромѣ только того, что отъ безмозглаго поляка вышли опять на меня новыя клеветы, совсѣмъ несообразныя съ разумомъ, но что онѣ презрѣны; что касается до моей отсрочки, то г. Давыдовъ и слова не сказалъ и дозволилъ мнѣ столько пробыть, сколько требовать будутъ необходимо обстоятельства дѣла, а только бы я безъ дѣла не заживался.

Всѣмъ симъ былъ я очень и доволенъ, а вскорѣ и натаскали ко мнѣ всего множество; но для меня всего пріятнѣе были присланные экземпляры «Экономическаго Магазина», о которомъ, разсказывая нашимъ судьямъ, я успѣлъ уже такъ ихъ разохотить оный видѣть, что они вожделѣли уже получить себѣ сіи книги, которыми предварительно и обѣщалъ уже я имъ услужить. Но тогда уже нѣсколько и тужилъ, что обѣщалъ ихъ барону; но какъ обѣщаніе было уже сдѣлано, къ тому-жъ, и не грѣхъ было услужить ему за его хлѣбъ-соль и ласку симъ ничего мнѣ не стоившимъ подаркомъ, то, отобравъ одинъ экземпляръ, въ тотъ же часъ къ нему съ нимъ и поѣхалъ.

Баронъ принялъ меня ласково и подаркомъ моимъ былъ чрезвычайно доволенъ. Впрочемъ, примѣтно было, что онъ стыдился и совѣстился предо мною по поводу мытарства или, прямѣе сказать, плутовства своего, дѣлаемаго имъ, противъ всей справедливости, въ пользу Пашкова. Онъ началъ тотчасъ говорить о нашемъ дѣлѣ и стараться всячески прикрывать свою неправду кой-какими, но только слабыми резонами, что мнѣ не трудно было всѣ ихъ разрушать, и я напрямки ему ихъ оспаривать, хотя дѣлалъ сіе такъ, чтобъ онъ не могъ за то на меня разсердиться. Посидѣвъ у него и поговоривъ съ нимъ помянутымъ образомъ, поѣхалъ я отъ него къ городничему, который былъ въ сіе время уже очень болѣнъ, а вслѣдъ за мною, пріѣхалъ навѣщать его и баронъ нашъ, любившій сего добраго человѣка очень, а посидѣвъ у него, увезъ меня съ собою къ себѣ обѣдать. Между тѣмъ, пріѣхали къ нему и всѣ тамошніе оберъ-моты: Жихаревъ, Рахмановъ, Ивановъ и другіе, неспавшіе всю ту ночь напролетъ и проигравшіе болѣе двухъ тысячъ рублей одному попавшемуся въ ихъ когти дурачку и шутнику, нѣкакому господину Извольскому. У нихъ сдѣланъ былъ заговоръ, чтобъ сего пріѣзжаго изъ уѣзда простачка завести въ игру и обыграть какъ липку, но какъ-то имъ не удалось, а проигрались сами. Итакъ, и сей день препровожденъ былъ весь у нихъ въ игрѣ и за картами; но я, не дождавшись конца ихъ игры, уѣхалъ опять къ бѣдному нашему больному другу и, возвратясь отъ него на квартиру, засѣлъ читать свои гамбургскія газеты которыхъ прислали ко мнѣ домашніе мои цѣлую кипку изъ Богородицка.

Въ наставшій за симъ день ѣздилъ я, по обыкновенію, въ кантору. Судьи въ ней были всѣ и трактовали еще о нашемъ дѣлѣ и что-то положили. Секретарь,

вышедши изъ судейской, далъ мнѣ объщаніе, что онъ въ самый этотъ же день начнетъ писать опредѣленіе и кончитъ все чрезъ недѣлю и насъ отпуститъ. Не могу изобразить, какъ обрадовалъ онъ меня симъ своимъ обѣщаніемъ, ибо мнѣ тогдашняя козловская жизнь уже гораздо скучать начинала. Я зазвалъ его опять къ себѣ на водку и постарался поугостить его, какъ можно лучше. А послѣ обѣда, ѣздилъ я опять къ больному, которому становилось отъ часу хуже, и онъ находился почти при самой смерти; былъ тамъ же и баронъ, и мы пробыли у него до самаго вечера, а сей, возвратясь домой, препроводилъ я весь въ своемъ писаніи. Между тѣмъ, въ городѣ и въ сей день продолжалась ужасная игра, и Рахмановъ проигралъ цѣлыя четыре тысячи, а мнимый ихъ дуракъ выигралъ. Они хотѣли выиграть у него 10 рублей, а онъ и проучилъ самихъ ихъ такъ, что они почти не опомнились.

Въ слѣдующій день на-силу-на-силу кончили судьи всѣ свои голоса и начали писать опредѣленіе. И какъ они обѣщали отпустить насъ чрезъ недѣлю, то сіе удвоило мою радость, и я уже съ охотою билъ табалу, пріѣзжая въ этотъ день въ кантору, откуда поѣхалъ я къ барону и у него обѣдалъ, а тамъ ѣздилъ къ городничему, которому въ сей день немного полегчѣло. Тутъ познакомился я съ штабълѣкаремъ тамбовскимъ Виквитомъ, за которымъ нарочно на почтовыхъ для городничаго посылали, былъ тутъ же и нѣкто г. Голофѣевъ, славный силачъ и забіяка, устрашавшій нѣкогда весь Ряжскій уѣздъ.

Наутріе, по причинѣ викторіальнаго праздника, былъ у насъ опять день гулящій. Я, видѣвши въ ночь подъ сіе число особливаго рода сонъ, предугадывалъ уже по оному, что этотъ день не пройдетъ безъ диковинки, а сіе, дѣйствительно, и совершилось.

По настаніи утра, переговоривъ коечто съ протоколистомъ, приходившимъ ко мнѣ съ Кузьмичомъ моимъ, поѣхалъ я рыскать по городу съ поздравленіями и сперва къ живущему ближе всѣхъ ко мнѣ, директору г. Иванову. Сего нашелъ я уже натощакъ играющаго въ карты съ г. Извольскимъ. Поздравивъ его съ праздникомъ и пожелавъ имъ счастія, поѣхалъ я отъ него и за тѣмъ же къ г. Черневскому, а отъ него къ барону, — также идолопоклонничать. Тутъ огорчился я, увидѣвъ помянутаго штабълѣкаря, увѣряющаго всѣхъ, что въ городничемъ нѣтъ никакой надежды, и что онъ вѣрно умретъ. Погоревавъ о семъ, ходили мы съ барономъ въ находившуюся подлѣ дома соборную церковь къ молебну, а оттуда зашли опять къ нему, а потомъ поѣхали съ нимъ вмѣстѣ обѣдать къ одному изъ землемѣровъ г. Селиванову, старичку очень доброму и всѣхъ насъ на пиръ къ себѣ приглашавшему. Тутъ было намъ очень тѣсно; однако, обѣдъ былъ изрядной. Послѣ обѣда, сдѣлалась-было у директора съ Жихаревымъ ссора, вышли какія-то сплетни и ежели-бъ Жихаревъ не ушолъ, то дошло бы до чухи и драки. Баронъ съ господами уѣхалъ отъ насъ скоро; а послѣ него началась тотчасъ опять игра карточная и мотовство. Но какъ мнѣ на глупости сіи смотрѣть было скучно, то вздумалъ я съѣздить лучше къ нашему бѣдному больному. Сего нашолъ я спящаго, и очень сладко, противъ обыкновенія. Сіе показалось мнѣ очень сумнительно, и я самъ себѣ въ мысляхъ сказалъ: «ахъ, уже не передъ послѣднимъ ли концемъ онъ такимъ сладкимъ сномъ наслаждается?» А сіе и дѣйствительно такъ было: не успѣлъ я, возвратясь на квартиру свою, раздѣться и напиться чаю, какъ и прискакали уже ко мнѣ сказывать, что онъ кончилъ жизнь свою. Господи! какъ поразило меня сіе извѣстіе! Я любилъ сего добраго человѣка искренно и былъ увѣренъ въ его искренней любви ко мнѣ, почему и сожалѣлъ я объ немъ душевно; и не успѣлъ о кончинѣ его услышать, какъ велѣлъ запрягать поспѣшнѣе лошадь и самъ давай, давай скорѣе опять одѣваться и спѣшить ѣхать туда. Тамъ нашолъ я уже барона, запе-

чатывающаго весь домъ и пожитки умершаго, а жену его — увезенную уже въ домъ къ барону. Я помогалъ ему прибирать и опечатывать все, что было получше, послѣ чего поѣхали мы съ нимъ къ нему, и нашли полонъ дворъ гостей. Посидѣвъ у него нѣсколько, ѣздилъ я еще разъ въ домъ къ умершему, для сдѣланія предварительныхъ приготовленій къ погребенію покойника, ибо труды и заботы о томъ приняли мы на себя оба съ барономъ, поелику никто его такъ много не любилъ, какъ мы оба, да и онъ насъ почиталъ наилучшими своими пріятелями. Окончивъ свое дѣло, возвратился я опять къ барону, у котораго и ужиналъ. А въ послѣдующій день званы мы были всѣ на обѣдъ къ пріѣзжимъ господамъ Марковымъ.

Итакъ, лишились мы любезнаго своего Ивана Христофоровича Добраса, а городъ Козловъ — своего добраго и такого городничаго, которымъ всѣ жители оного были очень довольны, и этотъ былъ уже другой городничій, котораго смерть у нихъ похитила. Онъ былъ человѣкъ еще не старый, но слабъ всегда своимъ здоровьемъ, и нрава и характера очень хорошаго и за то любимъ и почитаемъ былъ всѣми ему знакомыми.

Въ наступившій за симъ день, по-утру, хотѣлъ-было я съѣздить поранѣ въ канцелярію, чтобы попросить секретаря о скорѣйшемъ писаніи опредѣленія. Но его тамъ не было. А между тѣмъ, прислалъ за мною баронъ, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ съѣздить въ домъ покойника и достать деньги и все нужное, для обивки гроба, ибо ему не хотѣлось безъ меня ничего распечатывать и доставать. Итакъ, мы туда съ нимъ ѣздили и все нужное исполнили, а возвратясь оттуда въ домъ къ барону, отправили пріѣзжавшаго штабълѣкаря тамбовскаго; а послѣ того всѣ гурьбой поѣхали обѣдать въ домъ землемѣра Новикова, къ господамъ Марковымъ, его шурьямъ. Сіи господа Марковы были люди весьма еще молодые и самые тѣ наши сосѣди по Богородицку, о которыхъ упоминалъ я прежде, говоря о частой ѣздѣ къ нимъ въ домъ командира моего, г. Давыдова, и у которыхъ было двѣ сестры въ дѣвкахъ, а третья замужемъ, за помянутымъ землемѣромъ Новиковымъ. Молодцамъ симъ, бывшимъ почти еще ребятишками, удалось-было какъ-то обалахтать меньшаго брата, зятя моего Шишкова, Александра Герасимовича, и преклонить его къ женитьбѣ на одной изъ незамужнихъ сестеръ своихъ. И какъ дѣло сіе было у нихъ совсѣмъ уже слажено, то пріѣзжали они тогда къ помянутой замужней сестрѣ своей, Аграфенѣ Васильевнѣ, боярынѣ очень умной, бойкой и по Козлову именитой и славной, вмѣстѣ съ женихомъ, для какихъ-то надобностей. Я не могъ тогда довольно надивиться, какъ допустилъ себя г. Шишковъ симъ ребятишкамъ, или паче бойкой ихъ сестрѣ, себя прельстить и довесть-было совсѣмъ до того, что онъ хотѣлъ на ней жениться, хотя невѣста сія совсѣмъ была ему не подъ стать. Но чего не можетъ сдѣлать молодость, и красота, и бойкость женщинъ! Но, по счастію, дѣло сіе какъ-то у нихъ послѣ расклеилось, и онъ впослѣдствіи времени женился на другой.

Но какъ бы то ни было, будучи у своего зятя въ Козловѣ, вздумалось имъ для барона, любившаго ихъ зятя, сдѣлать пиръ, а вмѣстѣ съ нимъ звать и насъ всѣхъ къ себѣ, или паче къ зятю своему, на обѣдъ, которымъ и угостилъ всѣхъ, какъ лучше требовать не можно; и мы просидѣли у нихъ до самаго вечера и были угощеніемъ ихъ очень довольны.

Между тѣмъ, несчастная и новая вдова чуть-было безъ насъ не умерла. Она была ужасно поражена смертію своего мужа, лежала въ домѣ барона почти безъ чувствъ и [одни] обмороки послѣдовали за другими и были величайшіе. Мы, возвратясь, старались ей помочь всѣмъ, чѣмъ было можно, а между тѣмъ, дѣлали свои распоряженія къ погребенію на другой день ея покойнаго мужа. Но какъ баронъ послѣ сего засѣлъ опять за свое любимое упражненіе, игранье въ карты, то я украдкой брызнулъ домой и тамъ,

поднсавшись, прилегъ отдохнуть и проспалъ весь вечеръ.

Какъ слѣдующій за симъ день назначенъ былъ для погребенія покойнаго г. Добраса и главное попеченіе о томъ имѣлъ баронъ со мною, то, вставъ поранѣе и одѣвшись, поѣхалъ я въ печальный домъ и, осмотрѣвъ все тамъ нужное, къ барону. Сего засталъ я еще спящаго. Но, дождавшись и переговоривъ между собою, поѣхали мы оба опять въ домъ умершаго и занялись распоряженіями церемоніи при выносѣ и пріуготовленіями къ трактованію всего духовенства послѣ погребенія. Но какъ мы всѣмъ тѣмъ ни спѣшили, но дѣло продлилось до перваго часу, къ которому времени съѣхались туда всѣ городскіе; а скоро за симъ привезли и жену покойникову, которую лучше бы и не привозили, ибо она, бѣдная, измучилась тутъ, упавши въ жестокій обморокъ; я сколько ни отговаривалъ, но не могъ переспорить. Но какъ бы то ни было, но мы погребли тѣло покойника въ Яковлевскомъ монастырѣ, находившемся неподалеку отъ города; и какъ въ ономъ были всѣ нужныя къ таковымъ обрядамъ вещи, то процессія была изрядная. Гробъ обитъ былъ зеленымъ атласомъ и галуномъ серебрянымъ, покрывало атласное, пунцовое; везли его на лошадяхъ, покрытыхъ чорными попонами и ведомыхъ людьми въ епанчахъ чорныхъ; факелы, несомые съ боковъ, были восковые, а предъ гробомъ шла военная команда, отдававшая ему послѣднюю честь. Всѣ городскіе отчасти пѣшими, отчасти въ каретахъ и другихъ экипажахъ провожали тѣло до монастыря самаго; духовнаго чина было множество. Но какъ погребали, я не видалъ, ибо я оставался въ домѣ, для попеченія о столѣ. По возвращеніи же отъ церкви, обѣдали тутъ игуменъ со всѣми попами и дьяконами, и мы съ барономъ ихъ угощали и занимались тѣмъ до самаго вечера, такъ что деньгами одѣляли ихъ уже при огнѣ. По удовольствованіи и распущеніи всѣхъ и по окончаніи всего, проѣхалъ я къ барону, гдѣ нашолъ полное собраніе всѣхъ городскихъ и опять игру карточную. Но я, соскучившись снова зрѣніемъ на сіе упражненіе, уѣхалъ скоро опять тайкомъ и провелъ весь вечеръ дома въ обыкновенныхъ своихъ занятіяхъ.

Итакъ, предали мы прахъ друга нашего землѣ, и любезнаго нашего Ивана Христофоровича какъ не бывало! Онъ былъ хотя природою нѣмчинъ, но какъ былъ онъ въ нашемъ законѣ, да и женатъ на россіянкѣ и во всемъ почти русскій, то потому и погребли мы его въ монастырѣ Яковлевскомъ и по обрядамъ нашей церкви. Я оросилъ гробъ его дружескою слезою, при послѣднемъ прощаніи, и вспоминая то, какъ онъ меня любилъ, не могу и понынѣ вспомнить его безъ сожалѣнія, и чтобъ не пожелать, дабы прахъ его почилъ съ миромъ.

Въ наступившій за симъ понедѣльникъ (27-е число ноября), вставши, по обыкновенію, до свѣта, занялся я писаніемъ своего «Магазина», продолжая дѣло сіе безпрерывно и посвящая ему всѣ праздныя и досужія свои минуты А какъ ободняло, то заходилъ ко мнѣ секретарь нашъ просить матери своей лѣкарства; ибо меня считали всѣ наравнѣ почти съ лѣкаремъ. Онъ, сказывая мнѣ, что продолжаетъ писать наше опредѣленіе, обѣщалъ кончить оное дня черезъ три и вѣрно къ четвергу, чѣмъ я былъ весьма доволенъ. И какъ мы думали тогда, что, по подписаніи судьями сего рѣшительнаго опредѣленія, уже не для чего будетъ мнѣ жить долѣе въ Козловѣ, то начиналъ я уже и радоваться тому, что скоро пущусь въ свой обратный путь, и помышлять о приготовленіи къ тому нужныхъ зимнихъ повозокъ. Впрочемъ, хотя и не было мнѣ нужды быть въ канторѣ, но, по привычкѣ, часу въ двѣнадцатомъ поѣхалъ я и въ этотъ день туда, чтобъ, по крайней мѣрѣ, повидаться съ бывающими тамъ ежедневно многими людьми. И какъ баронъ, увидѣвъ меня, звалъ къ себѣ опять обѣдать, то отъ скуки и провелъ я весь сей день у него, гдѣ читали вновь полученныя газеты и

труниле надъ г. Извольскимъ, какъ надъ добрымъ, но счастливымъ тогда шутникомъ. Всѣмъ симъ занялись мы съ удовольствіемъ, такъ что я домой пріѣхалъ уже ночью.

Какъ въ кантору безъ дѣла и по пустому ѣздить мнѣ наскучило, а къ барону было уже и совѣстно, хотя былъ онъ мнѣ и всегда радъ и никогда не скучалъ моими къ нему пріѣздами,—то расположился-было я въ наступившій послѣ сего день никуда не ѣздить, и тѣмъ паче, что въ оный въ канторѣ ни судей, ни секретаря нашего не было, и сей послѣдній писалъ опредѣленіе наше, запершись у себя въ домѣ. Но едва только я усѣлся и началъ продолжать свое писаніе, какъ гляжу, идетъ ко мнѣ другъ мой Кузьмичъ, а вслѣдъ за нимъ прилетѣли господа Марковы, съ нареченнымъ своимъ зятемъ Шишковымъ, съ благодареніемъ за посѣщеніе, и для сдѣланія контръ-визита, и заняли меня собою. А не успѣлъ я, проводивъ ихъ отъ себя, отправить на почту опять добрый пакетъ съ матеріаломъ для «Магазина» и потомъ отобѣдать, какъ, по привычкѣ быть всегда на людяхъ, одному весь день дома просидѣть уже мнѣ и соскучилось, и потому вздумалъ въ этотъ день съѣздить ко второму члену и отвезть къ нему экземпляръ своего «Экономическаго Магазина». Г. Кусаковъ былъ тѣмъ очень доволенъ и убѣдилъ меня просидѣть у него до самой ночи. По, ѣдучи отъ него въ легонькой своей шубкѣ, по случившейся тогда жестокой стужѣ, я очень-очень попрозябъ и радъ былъ, добравшись до своей тёпленькой и покойной квартирки. Тутъ нашелъ я г. Бородина, меня дожидавшагося, и радъ ему былъ, какъ родному. Итакъ, ну-ка мы съ нимъ пить чай и ну-ка читать моего «Путеводителя» и со взаимнымъ удовольствіемъ занялись тѣмъ до десятаго часа, или покуда было мнѣ можно, и тѣмъ день сей и кончили.

Секретарь нашъ продолжалъ сидѣть запершись и писать опредѣленіе наше и во весь послѣдующій день. А я, между тѣмъ, имѣлъ удовольствіе достать для прочтенія голосъ баронскій и резолюцію общую, и крайне доволенъ былъ, что опредѣлено было меня, въ разсужденіи обѣихъ моихъ покупокъ, удовольствовать, болѣе чего я не желалъ, и не требовалъ; такимъ же образомъ опредѣлено было удовлетворить и другихъ покупщиковъ, а наконецъ удовольствовать и г. Рахманова по деревнѣ его Коширкѣ, лежащей отъ селенія нашего верстъ за 15, и по землямъ которой имѣлъ онъ также нѣкоторыя требованія. Что касается до проданныхъ Пашкову на разныя имена земель, то покупка сія была утверждена, съ сохраненіемъ даже и всѣхъ наружныхъ межъ ихъ; но всѣ излишки въ нихъ опредѣлили отчислить и, соединивъ въ одно мѣсто, нарѣзать изъ нихъ наши купленныя земли. Относительно же всей обширной внутренности степи, которую Пашкову хотѣлось беззаконнымъ образомъ получить себѣ безденежно, опредѣлено было намѣрить ему только изъ ней слѣдующее ему по крѣпостямъ его небольшое количество, а достальную всю, какъ казенную, взять на государя. А противъ самаго сего послѣдняго и подалъ баронъ свой голосъ, въ которомъ нагорожено было хотя и множество всякаго вздора, но весь онъ, въ самомъ существѣ своемъ, былъ ничего не значущій и не важной, и онъ сдѣлалъ сіе болѣе для того, чтобъ избавить себя отъ нареканія отъ г. Пашкова, которому, какъ видно было, онъ обѣщалъ земельку сію доставить безъ покупки, и за то слизнулъ, можетъ быть, съ него добрый магарычъ. Приносилъ ко мнѣ всѣ сіи бумаги протоколистъ съ Кузьмичемъ, которыхъ не преминулъ я за сіе попотчивать получше. А отпустивъ ихъ отъ себя, хотѣлъ-было все утро пописаться, но вдругъ прислалъ баронъ за мною, и я прошенъ былъ отвезть новую вдову Анисью Сергѣевну въ ея домъ, куда мы ее и привезли и ввели во владѣніе всѣмъ оставшимся послѣ мужа ея небольшимъ имуществомъ; причемъ было намъ не безъ хлопотъ. Оттуда ѣздилъ я на часокъ въ кантору,

а обѣдать, по просьбѣ ея, возвратился къ ней и пробылъ у ней весь тотъ день, занимаясь разбираніемъ его платья, переписываніемъ всего и укладываніемъ въ сундуки и помоганіемъ ей во всемъ, что было нужно.

Какъ на утріе былъ у насъ праздникъ гг. кавалеровъ, то и сей сороковой уже день моего пребыванія въ Козловѣ пропалъ у меня по пустому. Но, по счастію, опредѣленіе было еще не готово; итакъ, я объ немъ уже и не тужилъ, тѣмъ паче, что я и въ оный былъ не безъ дѣла. Госпожа Добрасина (sic) просила меня, чтобъ я и въ сей день къ ней пріѣхалъ и разобралъ, и переписалъ всѣ оставшіяся послѣ ея мужа бумаги и векселя на деньги, кои были у нихъ кое-на-комъ въ долгахъ, чѣмъ и не отрекся я ей услужить. Итакъ, съѣздивъ по-утру къ директору, занимавшемуся своимъ дѣломъ съ игроками, и на часокъ къ барону, проѣхалъ къ Анисьѣ моей Сергѣевнѣ и у ней обѣдалъ и ужиналъ, и весь день провелъ въ помянутомъ разбираніи и переписываніи бумагъ.

Наконецъ, насталъ нашъ и декабрь мѣсяцъ. И какъ первое число онаго случилось въ пятницу, то спѣшилъ я ѣхать по-утру въ кантору, чтобъ узнать, кончено-ли наше опредѣленіе, которое обѣщали еще къ четвергу кончить. Тамъ, увидѣвъ своего секретаря, спрашиваю его о томъ, и онъ отвѣчаетъ, что не дописано только листа два, и извиняется тѣмъ, что на ту пору въ прошедшій день принесло къ нему въ гости барона, со всею его оравою, и они ему кончить помѣшали, но что, однакожъ, онъ въ этотъ день оное допишетъ, а между тѣмъ заставилъ написанное перебѣливать,—чѣмъ я былъ и доволенъ. Но тутъ досадно мнѣ невѣдомо-какъ было на пьяницу повытчика: сидитъ себѣ и ничего не пишетъ, а послѣ обѣда былъ какъ зюзя пьянъ,—что ты съ нимъ изволишь! Въ канторѣ были всѣ, кромѣ барона, и я, побывъ въ ней немного, поѣхалъ къ сему послѣднему, но его не засталъ, а нашелъ его уже у Анисьи Сергѣевны, гдѣ онъ меня дожидался, чтобы распечатать деньги и серебро. Посидѣвъ, поѣхалъ онъ въ гости обѣдать, а мы съ штабъ-лѣкаремъ Останинымъ остались тамъ и пробыли весь день, и болѣе потому, что хозяйка очень занемогла.

Въ слѣдующее утро отослалъ я съ человѣкомъ своимъ и къ третьему члену г. Черневскому экземпляръ своего «Экономическаго Магазина», и онъ былъ очень доволенъ. Самъ же, одѣвшись, поѣхалъ я къ директору, и напившись у него кофею, проѣхалъ къ секретарю и втеръ ему въ руки 100 рублей ассигнаціями, которыми былъ онъ очень доволенъ и обѣщалъ навѣрное кончить къ понедѣльнику наше опредѣленіе, которое онъ тогда дописывалъ. Отъ него возвратился я опять къ Иванову и, нашедъ тутъ штабъ-лѣкаря, ѣздилъ съ нимъ ко вдовствующей городничихѣ для сочтенія всѣхъ долговъ по ея векселямъ. Обѣдать званы мы были къ директору, у котораго въ сей день былъ для всѣхъ молодыхъ обѣдъ, а послѣ обѣда игра карточная, къ которой подъѣхалъ и баронъ со многими другими, и игра продолжалась во весь день въ-развалъ. Вечеркомъ ѣздили мы съ лѣкаремъ еще разъ къ городничихѣ, а отъужинавъ у ней, возвратились опять къ г. Иванову и нашли всѣхъ еще неужинавшихъ и продолжающихъ играть, но общество было прямо дружеское и братское, и всѣ веселы. Симъ тогда наша суббота и кончилась.

По-утру же, въ воскресенье, проѣхалъ чрезъ Козловъ въ Тамбовъ тогдашній намѣстникъ Рязанской, но нигдѣ не останавливался. Я, вставши по-утру, объѣздилъ опять всѣхъ именитѣйшихъ особъ въ городѣ и былъ сперва у директора, потомъ у г. Черневскаго, который благодарилъ меня невѣдомо-какъ за мой подарокъ, отзываясь, что я его тѣмъ очень одолжилъ; отъ него проѣхалъ къ барону, отъ него же къ обѣднѣ, а отслушавши оную, къ городничихѣ, у которой въ сей день и обѣдалъ. Она рада была мнѣ, какъ бы ближнему родственнику, и отзывалась очень благодарною за всѣ мои

къ ней одолженія и помоганія при тогдашнихъ ея несчастныхъ обстоятельствахъ. Просидѣвъ у ней до вечера, заѣзжалъ я опять къ барону; но какъ онъ занимался игрою въ карты и мнѣ у него соскучилось, то отретировался я домой и, нашедъ тамъ у себя своего Дмитрія Бородина, просидѣлъ и проговорилъ съ нимъ весь вечеръ.

Въ понедѣльникъ опять былъ одинъ только второй членъ въ канторѣ, а прочіе не пріѣзжали. Я взгоревался-было, узнавъ о томъ по пріѣздѣ въ кантору; но утѣшился, услышавъ, что опредѣленіе наше кончено и отдано переписывать набѣло и изготовлять для подписанія. Итакъ, съ удовольствіемъ возвращаюсь на квартеру съ межевщикомъ, г. Островскимъ, для наученія его золотить стекла, котораго искусства онъ еще не зналъ; потомъ ѣду обѣдать къ барону, и обѣдалъ съ нимъ одинъ, что̀ случалось очень рѣдко, ибо, по хлѣбосольству его и открытой жизни, бывалъ къ нему всякій день пріѣздъ и всегда гости. Отъ него заѣхалъ опять къ горемыкѣ-вдовѣ и занимался еще переписываніемъ бумагъ и другихъ вещей до самаго вечера.

Всѣ мы навѣрное полагали и ласкались надеждою, что въ послѣдующій день опредѣленіе наше господа присутствующіе подпишутъ; и я такъ былъ уже въ томъ несумнителенъ, что собирался уже на утріе, въ день праздника Николая Чудотворца, выѣхать изъ Козлова въ Богородицкъ, ибо думалъ, что послѣ подписанія рѣшительнаго опредѣленія, дѣлать мнѣ въ Козловѣ болѣе нечего, и радовался мысленно, что скоро увижу уже своихъ родныхъ и отъ всѣхъ тогдашнихъ хлопотъ и суетъ избавлюсь. Однако, вышло совсѣмъ не то, и счетъ сей дѣлалъ я безъ Хозяина, а Сему угодно было весь мой мысленный планъ перечеркнуть невидимою Своею святою Десницею и предложить предъ меня новый листъ чистой бумаги, для начертанія совсѣмъ инаго. Разрѣшеніе сей загадки найдете вы впослѣдствіи, а теперь скажу только то, что, пріѣхавъ по-утру въ кантору съ крайнимъ неудовольствіемъ услышалъ я, что тамъ ни перваго, ни третьяго члена не было, а былъ только одинъ второй, слѣдовательно, и подписыванію опредѣленія воспослѣдовать было не можно. Я бросаюсь къ секретарю, и сей говоритъ, что онъ сдѣлалъ все, что̀ только можно, и возилъ даже опредѣленіе бѣлое къ третьему члену на домъ, но̀ что оный цѣлый день его разсматривалъ и на-силу-на-силу его апробовалъ, но что оно все еще не подписано, и потому, что надлежало цѣлый листъ переписывать, — а потому видно, что дѣло сіе пойдетъ до четверга. Господи! какъ мнѣ все сіе было прискорбно! Ни которая оттяжка не стала мнѣ такъ досадна, какъ сія неожидаемая, но нечего было дѣлать: принужденъ былъ и въ сей разъ вооружиться терпѣніемъ, и поелику по-пустому время свое терять въ канторѣ мнѣ не хотѣлось, то поѣхалъ опять къ городничихѣ и, отобѣдавъ у ней, спѣшу скорѣй ѣхать домой, чтобъ послать отыскивать секретаря и звать его къ себѣ, для поговорки и ближайшаго узнанія отъ него обо всѣхъ обстоятельствахъ, ибо въ канторѣ обо всемъ говорить съ нимъ было не можно.

Секретарь ко мнѣ тотчасъ и прилетѣлъ. И какъ подарокъ мой много на него подѣйствовалъ, то обходился онъ со мною предъ прежнимъ гораздо дружелюбнѣе и, сдѣлавшись совсѣмъ приверженнымъ, говорилъ со мною обо всемъ уже дружескимъ и откровеннымъ образомъ. Разсказывалъ мнѣ обстоятельно, что̀ третьяго члена приводило въ недоумѣніе и для чего собственно велѣлъ онъ переписать цѣлый листъ въономъ; далѣе сказывалъ онъ мнѣ, что онъ для поспѣшествованія скорѣйшему моему отъѣзду, велѣлъ уже заготовлять для меня и копію съ опредѣленія, которую, скрѣпленную имъ, необходимо мнѣ получить надобно. Я благодарилъ его за сіе обо мнѣ попеченіе, а онъ, услышавъ отъ меня, что я сбирался-было уже на утріе и отъѣзжать отъ нихъ, и простирая попеченіе о пользѣ моей еще далѣе, воскликнулъ: «Ахъ, нѣтъ, батюшка! такъ скоро вамъ отъѣзжать

отъ насъ ни какъ бы не годилось, и вамъ непремѣнно надобно пожить еще у насъ, по меньшей мѣрѣ, съ недѣльку или еще поболѣе, ибо, во-первыхъ, надобно вамъ получить помянутую себѣ скрѣпленную копію съ опредѣленія; во-вторыхъ, хорошо, когда бы при васъ еще и сдѣлали на планѣ самую нарѣзку вашимъ покупнымъ дачкамъ и вы могли бы видѣть, гдѣ онѣ вамъ назначутся, или и сами еще показать, гдѣ бы вамъ ихъ и какъ лучше и выгоднѣе для васъ назначить, а особливо тѣ сто десятинъ, которыя опредѣлено вырѣзать вамъ внутри вашихъ чрезполосныхъ дачъ; наконецъ, очень бы нужно прожить вамъ до окончанія перваго и наиважнѣйшаго семидневнаго срока послѣ подписанія опредѣленія и видѣть, всѣ ли подпишутся въ удовольствіи нашимъ рѣшеніемъ и не произойдетъ ли, въ теченіе сего времени, отъ кого-нибудь пакости и подписки въ неудовольствіи, отчего всему нашему рѣшенію можетъ произойтить великое помѣшательство и ненадежность. Итакъ, совѣтую я вамъ, какъ другъ, не спѣшить никакъ вашимъ отъѣздомъ, а лучше дождаться совершеннаго конца, а то мнѣ жаль будетъ, когда вы, проживши у насъ столь долгое время, поѣдете отъ насъ, такъ сказать, еще ни съ чѣмъ».

Слова сіи и весь этотъ дружескій и искренній совѣтъ былъ для меня такъ поразителенъ, что я не находилъ довольно словъ къ изображенію ему за то своей благодарности, и въ тотъ же часъ перемѣнилъ мысли свои объ отъѣздѣ и, по совѣту его, положилъ еще остаться до окончанія помянутаго семидневнаго срока. Его просилъ о поспѣшествованіи съ его стороны скорѣйшей нарѣзкѣ дачъ моихъ на планѣ. Сіе онъ мнѣ охотно и обѣщалъ; однако, какъ сіе зависѣло отъ ихъ директора надъ чертежною, Петра Ивановича Иванова, то совѣтовалъ онъ мнѣ попросить самого его о томъ, и поелику оный со мною обходился такъ дружно, то не сомнѣвался онъ, что директоръ для меня и велитъ поспѣшить симъ дѣломъ. Симъ разговоръ нашъ тогда и кончился и, по счастію, были мы съ нимъ одни, и намъ никто не мѣшалъ между собою наединѣ разговаривать.

Итакъ, Николинъ нашъ день встрѣтилъ я съ перемѣнившимися уже мыслями объ отъѣздѣ и не горевалъ уже о томъ, что и оный пропадетъ у меня, какъ праздничный и неприсутственный, по-пустому. Въ оный, не успѣло ободнять, какъ пришелъ ко мнѣ мой воспитанникъ Пахомовъ, бывшій въ сей день имянинникомъ; и какъ былъ онъ человѣкъ самый бѣдный, а по канторѣ для меня небезполезный, то обрадовалъ я его, подаривъ ему 10 рублей на имянины. Вслѣдъ за симъ, прилетѣлъ ко мнѣ и нашъ повытчикъ, просидѣвшій всю ту ночь, списывая для меня копію съ опредѣленія; итакъ, надобно было и его попотчивать и за трудъ его чѣмъ-нибудь угобзить. Послѣ того, хотя и не хотѣлось, но, почти по долгу, поѣхалъ я и самъ съ поздравленіями сперва къ директору, до котораго доходила тогда мнѣ большая нуждица; отъ него къ барону, у котораго я и обѣдалъ и почти весь день пробылъ, а ввечеру прислала звать меня къ себѣ Анисья Сергѣевна, къ которой я тотчасъ и поѣхалъ; и хотя переѣхать надлежало мнѣ одну только городскую площадь, и съ небольшимъ сажень со сто, но была тогда такая стужа и кура, что я чуть-было не замерзъ и на-силу-на-силу добрался до ней; тамъ, посидѣвъ нѣсколько и спознакомившись съ бывшимъ у ней г. Тяпкинымъ, торговавшимъ у ней одного излишняго человѣка, поѣхалъ домой и успѣлъ еще нѣсколько пописаться.

Напослѣдокъ наступило 7 число декабря, день весьма достопамятный и важный: въ оный рѣшился наконецъ жребій нашихъ земель спорныхъ, и рѣшительное опредѣленіе судьями было подписано. Не могу изобразить, сколь радостна и восхитительна была для меня та минута, въ которую секретарь, вышедши изъ судейской, началъ меня и прочихъ соучастниковъ поздравлять съ рѣшеніемъ нашего дѣла. Я приносилъ тысячу разъ въ мысляхъ благодаренія мои за то Го-

споду, и съ удовольствіемъ сердечнымъ принималъ поздравленія отъ всѣхъ своихъ друзей и знакомцевъ, съ выгоднымъ для меня рѣшеніемъ сего сумнительнаго дѣла. Подписали оное въ 12 часу предъ полуднемъ. Но прежде еще разъѣзда всѣхъ изъ канторы, пекущійся о пользѣ моей и благодѣтельный мнѣ Промыслъ Всемогущаго открылъ мнѣ путь къ новымъ хлопотамъ и къ домогательству еще одного дѣла, которое хотя не было до того у меня и на умѣ, но было для меня крайне нужно и могло бы увѣнчать все мое дѣло, а именно: нѣкоторымъ изъ бывшихъ тутъ друзей моихъ и знакомыхъ, знающихъ болѣе моего межевыя дѣла, вздумалось вдругъ предложить мнѣ совѣтъ, и совѣтъ такой, который встревожилъ всѣ мои мысли и вскружилъ, такъ сказать, мою голову. Говорили они, что хорошо, что такъ дѣло мое рѣшилось, но было бы того еще лучше и для меня, по всѣмъ отношеніямъ, выгоднѣе, еслибы постарался я о томъ, чтобъ собственно меня откопировали совсѣмъ прочь и отторгли тѣмъ отъ сего общаго спорнаго и большаго дѣла, въ разсужденіи котораго не сомнѣвались они, что Пашковскій повѣренный не упуститъ подписать неудовольствіе и возьметъ дѣло на апелляцію. «Да какъ, развѣ это возможно?» спросилъ я ихъ, удивившись. — «Конечно, можно, отвѣчали они; если только захотятъ судьи и вы къ тому ихъ преклонить постараетесь, благо они къ вамъ всѣ такъ благопріятны; а есть къ тому и поводъ, и удобность, говорили они далѣе: вѣдь Пашковъ остался только въ неудовольствіи въ разсужденіи отнимаемой у него внутренности степи, и если онъ будетъ апеллировать, такъ только относительно до сей степи; а о проданныхъ ему на разныя имена земляхъ, изъ которыхъ вамъ назначено покупную вами землю вырѣзать, ему спорить и говорить нечего, поелику всѣ онѣ ему утверждены, а отрѣжутся изъ нихъ однѣ только излишки, на которыя не имѣетъ онъ ни какого права; такъ для чего-жъ бы и не отдѣлить вашего дѣла совсѣмъ отъ него прочь: и для васъ бы сіе было очень-очень хорошо, и вы могли бы остаться спокоенъ отъ дальнѣйшихъ его происковъ. Итакъ, подумайте-ка, батюшка, о семъ и постарайтесь; можетъ быть, вамъ сіе и удастся, а дѣло, право, бы было въ шляпѣ».

Легко можно заключить, что предложеніе такого искренняго и полезнаго совѣта было мнѣ весьма пріятно; я приносилъ имъ тысячу благодареній за оный и за преподаніе мнѣ о томъ мыслей, къ которымъ я тотчасъ и прилѣпился, и съ той же минуты рѣшился приступить къ симъ новымъ хлопотамъ; а вслѣдствіе того, увидѣвъ секретаря, тотчасъ къ нему съ симъ и адресовался. Онъ, подтвердивъ тоже, мнѣ сказалъ, что конечно бы это было очень хорошо, и есть къ тому почти возможность, но не знаетъ, согласятся ли на то господа судьи, а надобно о томъ подумать и поговорить съ ними.

Съ сими новыми мыслями и поѣхалъ я тогда домой обѣдать, а потомъ ѣздилъ опять къ городничихѣ помогать ей продавать человѣка; вечеръ же просидѣлъ съ другомъ своимъ Кузьмичемъ и просовѣтовалъ съ нимъ, какъ бы удобнѣе приступить къ помянутой новой просьбѣ.

Симъ окончу я сіе мое письмо, достигшее до своихъ предѣловъ, и сказавъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Генваря 1 дня 1811 года).

ДОМЪ БАРОНСКОЙ.

Письмо 245.

Любезный пріятель! Господинъ Кузьминъ, одобряя весьма новое мое предпріятіе, совѣтовалъ мнѣ приниматься въ семъ случаѣ наиглавнѣйше за г. Черневскаго, отъ котораго наиглавнѣйше и сіе долженствовало зависѣть, и не терять ни одной минуты времени, да и употребить всевозможное о томъ стараніе, а для удобнѣйшаго преклоненія его къ тому, употребить сколько-нибудь и денегъ. Итакъ, слѣдуя совѣту сему, едва только ободняло на другой день, какъ, завернувъ барашка въ бумажку или

сотеньку рублей ассигнаціями, полетѣлъ я къ нему, что было и кстати, потому что не благодарилъ я еще его за выгодное для меня рѣшеніе дѣла. Но какъ мнѣ надлежало ѣхать мимо квартеры директора, то я завернулъ напередъ къ нему и приступилъ къ нему съ просьбою о скорѣйшемъ нарѣзаніи на планѣ слѣдуемыхъ мнѣ землянныхъ дачъ, что онъ, по любви своей ко мнѣ, и обѣщалъ тотчасъ исполнить.

Будучи симъ и такимъ хорошимъ началомъ доволенъ, не сталъ я долго у него мѣшкать, но поѣхалъ заставать третьяго члена дома и успѣвать съ нимъ переговорить, покуда не уѣхалъ онъ въ канцтору. Г. Черневскій принялъ меня, по обыкновенію, очень ласково и былъ доволенъ моими благодареніями, а того довольнѣе втертою въ руки ему моею бумажкою. Сія надѣлала истинное тогда чудо! Не успѣлъ онъ, отвернувшись на минуту въ другую комнату, узнать, что въ ней было, какъ вышелъ ко мнѣ съ удовольствіемъ, написаннымъ на лицѣ его, и сдѣлался ко мнѣ еще благопріятнѣе; я, примѣтивъ сіе, тотчасъ приступаю къ нему съ просьбою и говорю: «батюшка, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, милость вы мнѣ оказали великую, но нельзя ли усовершенствовать ваше ко мнѣ благодѣяніе тѣмъ, чтобы меня совсѣмъ откопировать и отдѣлить отъ общаго плана и дѣла». Услышавъ сіе, онъ на минуту позадумался и потомъ пріятнымъ образомъ мнѣ сказалъ: «нѣтъ, государь мой! хорошо-бъ и это, но того бы лучше, когда бы вамъ, выпросивъ землемѣра, скорѣе бы и вымежевать земельки ваши и въ самой натурѣ, чтобъ вамъ на весну можно было вступить и во владѣніе оными. Вотъ бы я вамъ что совѣтовалъ»!

Слова сіи, совсѣмъ мною неожидаемыя, не только поразили меня удивленіемъ, но вскружили даже мнѣ всю голову, такъ что я въ скорости не могъ другова ему въ отвѣтъ сказать, какъ слѣдующихъ словъ: «какъ бы, батюшка, не хорошо, это бы всего для меня лучше было, и я невѣдомо-какъ бы тому былъ радъ, но можно ли только сіе, батюшка, сдѣлать по нынѣшнему такъ уже позднему и самому зимнему времени?» — «И, возразилъ онъ, дали-бъ только вамъ землемѣра, и за этимъ, судырь, дѣло не станетъ: столбы, поставленные Окороковымъ, вить видны, ихъ и ямы отыскать можно, а новые не диковинка и врубить въ землю, а межнику можно проѣхать и весною, а что снѣгъ, то онъ не помѣшаетъ дѣйствовать землемѣру своимъ инструментомъ; словомъ, дѣло это совсѣмъ возможное, да у насъ и бывалъ уже не одинъ примѣръ такой. Итакъ, подумайте-ка, батюшка, о семъ и поѣзжайте-ка скорѣе къ барону и попросите его о томъ; можетъ быть, онъ, по благосклонности своей къ вамъ, и будетъ на то согласенъ, а ежели станетъ упрямиться, то самъ поѣду къ нему и просить его о томъ стану».

Легко можно заключить, что слова сіи еще болѣе меня обрадовали и удивили. Они были того меньше мною ожидаемы, ибо могъ ли я думать и себѣ воображать, чтобъ самъ важнѣйшій судья сталъ мнѣ не только предлагать такое выгодное для меня дѣло, о какомъ я не смѣлъ и думать, но и самъ меня къ тому убѣждать и уговаривать. «Господи! думалъ я, тогда и самъ себѣ въ мысляхъ отъ радостнаго удивленія говорилъ: что такое это дѣлается и творится и ожидалъ ли я всего этова!»

И какъ другого тогда мнѣ не оставалось, какъ возблагодарить г. Черневскаго множествомъ препизкихъ поклоновъ за его къ себѣ благорасположеніе и спѣшить потомъ скорѣе къ барону, то я въ тотъ же мигъ и полетѣлъ къ оному.

Тамъ нашолъ я и г. Рахманова, и что всего было удивительнѣе, пріѣхавшаго къ барону съ просьбою о томъ же, ибо и ему также хотѣлось скорѣе отмежеваться по деревнѣ его Коширкѣ. Я обрадовался невѣдомо-какъ, отъ него о семъ узнавши, и видя его на то согласіе. Итакъ, не долго думая, и приступили мы сообща къ барону о томъ съ просьбою. Но баронъ нашъ упрямится, землемѣра не

даетъ, говоритъ, что какъ можно межевать теперь, посреди зимы самой; словомъ, отказалъ намъ на отказъ, а давалъ обѣщаніе дать намъ землемѣра на весну, и какъ скоро будетъ можно, и хотя-бъ то было въ мартѣ. Что дѣлать? Мы ждать, поджидать г. Черневскаго, но онъ не ѣдетъ, а баронъ между тѣмъ собрался уже ѣхать въ кантору, и поѣхалъ. Не оставалось тогда и намъ другаго дѣлать, какъ, не солоно хлебавъ, поплестись за нимъ туда же. И ѣдучи туда вмѣстѣ, говоримъ и твердимъ только: «эдакой баронишка! заупрямился, да и только всего, что ты съ нимъ изволишь!» Но правду сказать, и требованіе наше было несогласное ни съ какимъ благоразуміемъ, ибо чортъ ли видалъ, въ самомъ дѣлѣ, межеванье посреди зимы самой, и когда вся земля покрыта была глубокими снѣгами.

Не успѣли мы войтить въ кантору, какъ и начали спѣшить просьбою объ нарѣзкѣ на планѣ, и тогда открылась для очей моихъ новая и наиприятнѣйшая сцена. Директоръ спѣшитъ приказывать, секретарь бѣгаетъ, ищетъ планы и самъ волочитъ ихъ; тотчасъ многіе, и наперерывъ другъ передъ другомъ, спѣшатъ опрастывать и сдвигать многіе столы вмѣстѣ и разстилаютъ весь огромный спорный планъ на оныхъ. Поддиректоръ беретъ самъ на себя коммиссію дѣлать исчисленія и нарѣзки; я предлагаю ему самого себя на вспоможеніе, поелику дѣло то мнѣ довольно знакомо; онъ радуется тому и проситъ помогать ему въ сей работѣ; многіе другіе помогаютъ намъ въ томъ же, и мнѣ мило было видѣть, какъ всѣ старались и мнѣ доброхотствовали. Итакъ, ну-ка мы всѣ проданныя Пашкову на разныя имена дачи измѣривать и исчислять, ну-ка ихъ сдвигать къ однимъ мѣстамъ, ну-ка всѣ излишки отъ нихъ отрѣзывать и сгонять къ одному и тому мѣсту, гдѣ отмежеваны были дачи на имя г. Нащокина; и какъ излишковъ сихъ набралось множество, то и ушла она вся подъ оные, и намъ можно было умѣстить въ ней всѣ проданныя мнѣ и другимъ моимъ сосѣдямъ земли; и какъ звено сіе лежало подлѣ самыхъ нашихъ крѣпостныхъ земель и простиралось вдоль подлѣ побочины оныхъ, то и было для насъ сіе очень кстати, и тутъ даютъ мнѣ на волю самому назначать и нарѣзывать свою дачу. Нарѣзка вышла для меня очень выгодна, и несравненно лучше, нежели я думалъ и себѣ воображалъ: вся проданная мнѣ изъ дикихъ земель дачка выходила сама по себѣ прекрасная, со многими угодьями, и для меня тѣмъ наиспособнѣйшая, что пришлась подлѣ самыхъ моихъ земель и гораздо къ селенію нашему ближе, нежели я думалъ и помышлялъ. Словомъ, я усматриваю въ томъ явныя дѣйствія благодѣющаго мнѣ Промысла Господня, и что самое сдѣланное мнѣ Пашковымъ зло превращалося мнѣ въ добро, и не могъ довольно тому надивиться и нарадоваться.

Между тѣмъ, баронъ выходитъ изъ судейской и отъѣзжаетъ изъ канторы; идучи мимо насъ въ чертежную, говоритъ мнѣ, чтобы я пріѣзжалъ къ нему обѣдать. «Очень хорошо, буду», отвѣтствую я, а самъ остался еще въ канторѣ, ибо дѣло наше было далеко еще не окончено. Между тѣмъ наклюнулось другое. Рахмановъ сватается около секретаря, говоритъ ему втайнѣ, не можетъ ли онъ какъ-нибудь пособить нашему горю и нельзя ли получить намъ землемѣра чрезъ деньги. Секретарь думаетъ и наконецъ хочетъ постараться и обѣщаетъ отвѣтъ дать на утріе. Обрадуясь сему новому лучу надежды, ѣду я къ барону; обѣдъ продолжался долго, баронъ заговорилъ меня въ прахъ, на-силу нашолъ случай увернуться и отъ него уйтить. Спѣшу скорѣе скакать опять въ кантору, для продолженія своего дѣла; но тамъ, спасибо, работали уже и безъ меня и дѣло почти кончили. Я благодарю всѣхъ за трудъ, зову всѣхъ секретарей и другихъ нужнѣйшихъ людей къ себѣ на вечеринку, и спѣшу ѣхать домой, чтобъ послать закупать напитки для подчиванія ихъ и за другомъ своимъ Кузьмичемъ, чтобъ помогать ему мнѣ

въ угощенія ихъ, ибо въ семъ ремеслѣ былъ я не весьма искусенъ. Гости мои въ сумерки ко мнѣ и прилетѣли и всѣхъ ихъ было цѣлыхъ девять человѣкъ. Итакъ, ну-ка мы ихъ съ Кузьмичемъ угощать, ну-ка гремѣть рюмками и стаканами, ну-ка дѣлать пунши, подносить разные напитки и поить какъ добрыхъ чушекъ. И сколько это было тогда выпито и бутылокъ опорожнено! Но какъ бы то ни было, но мы удовольствовали ихъ до-сыта и какъ надобно, и я радъ былъ, что поѣхали они отъ меня, самихъ себя почти не помнивъ и принося мнѣ тысячу благодареній. Словомъ, никогда мнѣ не случалось ни прежде, ни послѣ заниматься такъ много сею необыкновенною и крайне для меня скучною работою, но нужда чего не заставитъ дѣлать!

Препроводивъ симъ образомъ сей достопамятный для меня день въ толь многихъ суетахъ, заботахъ и трудахъ, поутру на другой день занимался я помышленіями о томъ, какъ бы мнѣ въ этотъ день кончить всѣ свои дѣла и потомъ собираться къ отъѣзду въ Богородицкъ, ибо какъ баронъ въ дачѣ намъ землемѣра для отмежеванія совершенно отказалъ, то и нечего мнѣ было болѣе дѣлать, и тѣмъ паче, что секретарь хотя и обѣщалъ постараться, но я не полагалъ на то ни какой надежды, поелику дѣло сіе казалось въ самомъ дѣлѣ невозможнымъ. Но вдругъ вышло, противъ всякаго чаянія, совсѣмъ не то. Не успѣлъ я одѣться, какъ гляжу, скачетъ ко мнѣ Рахмановъ, который никогда еще до того у меня еще не былъ. Что такое? думаю я, и зачѣмъ такимъ? Принимаю его и прошу садиться, но онъ, ни съ другова слова, говоритъ мнѣ, что дѣло наше начинаетъ клеиться, и что просятъ только двухъ сотъ рублей съ насъ обоихъ. Я поразился и радостію, и удивленіемъ, сіе услышавъ, ибо ни какъ не думалъ и не воображалъ себѣ, чтобъ могло сіе такъ дешево обойтиться; и потому какъ скоро Рахмановъ, продолжая, сказалъ, что надобно намъ сдѣлать складчину, то тотчасъ ему въ отвѣтъ сказалъ: «изволь, братецъ, съ радостію моею готовъ; къ эдакому празднику люди и пѣшкомъ ходятъ, такъ для чего не дать!» — «Но нѣтъ ли, братецъ, подхватилъ Рахмановъ, и на мою долю сто рублей, у меня теперь ихъ нѣтъ». — «Изволь, братецъ, говорю, и за нихъ нѣтъ слова, благо случились»! Итакъ — двѣсти рублей ему въ руки, и мой Рахмановъ поскакалъ.

Между тѣмъ, я ѣду въ кантору оканчивать нарѣзку и нахожу тамъ поддиректора Кузьмина въ превеликомъ недоумѣніи: вышла разстройка и несогласица, которая вскружила имъ голову. Я и тутъ подоспѣлъ проникнуть въ существо дѣла и добраться до истинной причины ихъ недоумѣнія. Произошла она отъ тѣхъ ста десятинъ, которыя мнѣ велѣно вырѣзать изъ нашей дачной Болотовской черезполосной земли, съ обмѣномъ съ сосѣдями моими тѣхъ десятинъ, которыя войдутъ ихъ въ сію нарѣзку; мнѣ и тутъ дали волю назначить сію нарѣзку тамъ, гдѣ мнѣ угодно. Я избираю и назначаю къ тому мѣсто на Лѣсномъ Ложечномъ. Настроивъ опять симъ образомъ дѣло на ладъ, возвращаюсь на квартеру и жду къ себѣ опять Рахманова, и любопытствую узнать, что̀ будетъ.

Немного погодя, смотрю, скачетъ мой Рахмановъ вмѣстѣ съ секретаремъ, и оба поздравляютъ, что межевщика дали, и кого же, самого Гаврилу Кузьмина, человѣка намъ очень знакомаго и къ обоимъ намъ благопріятнаго, и самого того, который такъ много занимался моими задачками и отправлялъ тогда должность поддиректора въ чертежной. Легко можно заключить, что сіе меня и обрадовало, и удивило: я самъ себѣ не вѣрю, на яву ли то вижу, или во снѣ, и приношу тысячу благодареній моему Господу.

Секретарь протурилъ Рахманова просить, для проформы, барона. Онъ поскакалъ туда, и баронъ самъ уже предлагаетъ, чтобъ намъ взять землемѣра и скорѣй отмежеваться, и назначаетъ межевщика. Я удивляюсь вновь тому: все сіе было для меня чудно и непонятно; не постигаю, какъ все это могло сдѣ-

латься и произойтить такъ скоро. Рахмановъ прискакалъ и поздравляетъ меня вновь и уже съ достовѣрностію. Но вдругъ изъ словъ его и разговора со мною открывается нѣчто странное, неожидаемое и для меня непостижимое. Усматриваю я, что онъ, при всей своей наружной бойкости и великомъ знаніи въ ремеслѣ карточномъ, весьма худой знатокъ былъ по дѣламъ и, такъ сказать, ни бельмеса не зналъ о самомъ существѣ рѣшенія всего дѣла, и что всего для меня непостижимѣе было, что хотя все опредѣленіе читалъ и самъ планъ разсматривалъ и нарѣзки видѣлъ, но совсѣмъ того еще не зналъ и не догадывался, что у него превеликое множество земли по силѣ сего рѣшенія и нарѣзки отходило. Онъ твердилъ только Тарховскій ходъ и спрашивалъ у всѣхъ, по Тарховскому ли ходу назначается межа и граница нашей Пандинской округи противъ его владѣнія. Всѣ увѣряли, что по Тарховской, и онъ оставался тѣмъ доволенъ. Но теперь надобно знать, что Тарховскій ходъ былъ не одинъ, а было ихъ на планѣ означено цѣлыхъ три: оба первые тѣ, когда онъ для повѣрки ходилъ (sic) обмежеванное Окороковымъ звено Нащокинское, протянутое длинною полосою поперегъ чрезъ владѣемую Рахмановымъ, и хотя неправильно, но покойнымъ его отцомъ нагло и усиліемъ захваченную изъ степи нашей землю; а третій ходъ Тархова былъ по отводу ихъ повѣреннаго, простирающемуся еще гораздо далѣе за сею полосою во внутренности степи, и когда онъ Тархову показывалъ, до которыхъ мѣстъ они владѣли до межеванья Пашковскаго. Но, какъ думать надлежало, натолковано было г. Рахманову отъ своихъ о семъ только послѣднемъ Тарховскомъ обходѣ, и что всѣ его мысли и желанія стремились къ полученію всей прежде владѣемой ими земли по отводу его повѣреннаго при Тарховскомъ обходѣ и сниманіи всей нашей степи на планъ, — то по самому тому и твердилъ онъ только Тарховскій ходъ и спрашивалъ у всѣхъ канторскихъ, по Тарховскому ли ходу назначена землямъ его граница. И ему отвѣчали, что по Тарховскому ибо всѣ были Тарховскіе, а того и не ума (sic) было ему спросить, по ближнему ли, среднему ли, или дальнему. Самъ же, не смысля ничего по планамъ, не могъ понять, по какому изъ нихъ назначено быть межѣ его, почему и вселилось въ его голову, что назначена межа по дальнему ходу, и что вся его бывшая у него въ прежнемъ владѣніи остается за нимъ; а вмѣсто того отходила изъ нея не только вся та, которая попала въ Нащокинскую полосу, но и вся дальняя за нею въ степи, которой также было множество великое. Надоумить же его и вразумить въ томъ было некому, ибо всѣмъ канторскимъ положеніе нашихъ мѣстъ и владѣній было неизвѣстно; а усматривалъ то только я одинъ и дивился еще тому, что Рахмановъ смотрѣлъ съ спокойнымъ духомъ на дѣлаемую мнѣ изъ Нащокинскаго звена, по необходимости изъ бывшей до того его земли, нарѣзку. И какъ я не инако считалъ, что ему то извѣстно и что онъ за нею уже не гнался, то, натурально, мнѣ не было резону ему то разтверживать, и тѣмъ паче, что я могъ бы тѣмъ все собственное свое дѣло испортить и подать поводъ къ подписанію неудовольствія и апелляціи.

Но въ сей разъ, какъ я по нѣкоторымъ его словамъ сталъ усматривать, что все молчаніе его о томъ происходило отъ грубѣйшей его ошибки и совершеннаго неразумѣнія плановъ, то сіе меня до крайности удивило, смутило и привело въ превеликое размышленіе. Дѣло сіе и всѣ тогдашнія происшествія казались мнѣ столь странными, чудными и необыкновенными, что я истинно не могъ самъ съ собою сообразиться съ мыслями и едва тому вѣрилъ, что происходило и усматривалъ во всемъ томъ не инако, какъ преудивительное сплетеніе судебъ Господнихъ и, съ одной стороны, явное наказаніе наглости и непомѣрнаго жадничества отца ихъ къ неправильному захваченію себѣ казенной земли во владѣніе, а съ другой — очевидное почти по-

печеніе о пользѣ моей Небеснаго Повѣреннаго моего Господа Бога, на Котораго я во всемъ этомъ дѣлѣ возлагалъ все мое упованіе, и Коего милость къ себѣ не могъ довольно воспрославить и возблагодарить, ибо неудивительно ли, въ самомъ дѣлѣ, было, что самые тѣ, которымъ бы надлежало мнѣ мѣшать, старалися тогда о скорѣйшемъ окончаніи и утвержденіи такова дѣла, которое имъ во вредъ, а мнѣ — въ превеликую пользу обращалось.

Господи! говорилъ только я, что это дѣется, и не чудеса ли истинныя происходятъ! Со всѣмъ тѣмъ, какъ первый апелляціонный срокъ еще не кончился и въ остальные немногіе уже дни можно еще было Рахманову поправить свою ошибку и подписать неудовольствіе, то смущало меня сіе обстоятельство очень, и я ужасть-какъ боялся, чтобъ Рахманова кто-нибудь въ сіе время не надоумилъ, и потому со страхомъ и трепетомъ дожидался послѣдняго дня аппеляціоннаго срока, позабылъ уже и помышлять о ѣздѣ въ Богородицкъ, а началъ заниматься мыслями о ѣздѣ съ межевщикомъ въ свою степную деревню, гдѣ присутствіе мое необходимо было нужно, и располагался уже послать туда напередъ нарочнаго человѣка, для сдѣланія нужныхъ приготовленій къ моему пріѣзду и къ предстоящему межеванью. Впрочемъ, какъ мнѣ при всѣхъ вышеупомянутыхъ обстоятельствахъ не годилось дремать, а надлежало имѣть бдительное око и все пронюхивать, то, будучи радъ, что въ тотъ, какъ въ субботній, день былъ, по обыкновенію, открытый обѣдъ у директора и онъ меня прашивалъ пріѣзжать къ нему въ сей день обѣдать, поѣхалъ я, проводивъ Рахманова отъ себя, къ нему, и тамъ, вмѣстѣ со всѣми, провелъ весь тотъ день, не пропуская почти ни одного слова Рахманова безъ замѣчанія. Но, по счастію, всѣ его мысли занимались болѣе картами, а не дѣломъ.

Наступившій за симъ десятый день декабря, а пятидесятый уже съ моего пріѣзда, былъ достопамятенъ тѣмъ, что была у насъ такая кура и мятель, какой я отъ роду не видывалъ, и что никому со двора ѣхать было не можно. Баронъ хотѣлъ-было ѣхать въ уѣздъ къ Таптыкову въ гости, но отказался, а ко мнѣ, не хотѣвшему никуда-было, за курою, ѣхать, прислалъ вдругъ Рахмановъ человѣка съ просьбою, чтобъ я къ нему пріѣхалъ для крайней нужды. Господи! какъ я перетревожился тогда симъ неожидаемымъ зовомъ. За чѣмъ такимъ? думалъ я. Ахъ, батюшки, ужъ не узналъ ли Рахмановъ всего дѣла! И озаботился тѣмъ такъ, что позабылъ про куру и вьюгу, а давай, давай скорѣе одѣваться, давай запрягать сани и къ нему ѣхать. Но какъ обрадовался я, какъ отлегло у меня на сердцѣ, когда услышалъ отъ него, что все дѣло состояло въ томъ, что приходилъ къ нему нашъ секретарь и сказывалъ, что директоръ Ивановъ хочетъ мѣшать данію межевщика, и нужда во мнѣ была та, чтобъ я постарался упросить директора, какъ отмѣнно ко мнѣ благопріятствующаго и стариннаго моего знакомца и пріятеля. «Хорошо, братецъ, сказалъ я, въ сей же часъ къ нему поѣду и постараюсь гнѣвъ его преклонить на милость и употреблю все возможное». Между тѣмъ, думаю, чѣмъ бы мнѣ къ нему подольститься, и обрадовался, вспомнивъ, что ему одна изъ моихъ книгъ очень полюбилась. Итакъ, ну-ка я скорѣе домой и, схватя книгу, къ директору и его ею дарить и обѣщать и еще, а потомъ просить объ отпускѣ землемѣра. Г. Ивановъ тѣмъ доволенъ и, будучи ко мнѣ въ самомъ дѣлѣ очень хорошо расположенъ, далъ обѣщаніе желаніе мое выполнить. Обрадуясь сему, думаю, куда мнѣ ѣхать: сѣмъ-поѣду къ барону обѣдать, говорю; какъ-нибудь укутавшись доѣду, благо уже одѣтъ. Баронъ мнѣ радъ; заговорилъ меня опять въ прахъ, ибо былъ онъ весьма словоохотенъ, но о землѣ не говоритъ со мною ни слова. Но Ивановъ, пріѣхавшій туда же для интригъ своихъ съ бароншею, на которой онъ, послѣ смерти барона, впослѣдствіи времени женился, говоритъ уже

инымъ голосомъ и согласно съ моимъ желаніемъ. Но у меня что-то мудреное было на сердцѣ: и мнѣ хотѣлось, и нѣтъ ѣхать въ степь. Не то отдаленность моей деревни, не то тогдашняя стужа уменьшили охоту; но какъ бы то ни было, а ѣхать надлежало. Съ сими мыслями возвратился я на квартеру и весь вечеръ провелъ въ писаніи и прочитываніи еще разъ со вниманіемъ всего нашего опредѣленія и въ размышленіяхъ обо всемъ настоящемъ и будущемъ.

Слѣдующій день произвелъ въ обстоятельствахъ многія перемѣны и новыя для меня заботы. По-утру пришелъ ко мнѣ повытчикъ и скрѣпилъ заготовленную и данную мнѣ съ опредѣленія копію. За сіе я ему въ руки бѣленькую бумажку. Потомъ поѣхалъ въ кантору, чтоб поспѣшить на планѣ нарѣзками, кромѣ моей, прочихъ дачъ, которыя были еще не кончены. Тамъ нахожу директора, пріѣхавшаго очень рано; начали продолжать дѣлать нарѣзки, и вдругъ встрѣчается одно сумнительное обстоятельство: на покупной Пашковымъ на имя Мусина-Пушкина землѣ явились два хутора экономическихъ, о которыхъ въ опредѣленіи вовсе позабыто и не сказано ни слова. Что дѣлать? сомнѣніе большое! Сами судьи перетревожились тѣмъ ужасно: думаютъ, говорятъ, совѣтуютъ между собою и все дѣло не ладится; но я, смотря на все сіе, выдумываю особый къ поправленію того способъ; предлагаю мой совѣтъ. Оный всѣмъ понравился, и тотчасъ, по совѣту моему, исправляютъ ошибку и приписываютъ въ опредѣленіе все, чтб было нужно, и мнѣ говорятъ за то спасибо. Между тѣмъ, примѣчаю я, что Рахманова нарѣзка моя начинаетъ безпокоить, и что онъ на-силу-на-силу сталъ открывать глаза и усматривать, что у него земли отходитъ много, чего онъ совсѣмъ до того не зналъ и не вѣдалъ. Сіе перетревожило меня до чрезвычайности. Ахти, батюшки мои, говорю я самъ себѣ съ трепещущимъ сердцемъ, чтобъ не вздурился бы онъ, окаянный! Но успокоиваюсь нѣсколько, видя его хладнокровіе, и заключаю, что онъ, конечно, не всю еще величину своей потери знаетъ; однако, боюсь и смущаюсь духомъ. Къ вящему усугубленію моего смущенія, услышалъ я, что одинъ изъ нашихъ сосѣдей, а именно г. Хрипуновъ хочетъ подписать апелляцію. Сіе встревожило меня до чрезвычайности; я боюсь, чтобъ чрезъ то не разрушилось все наше дѣло. Но секретарь говоритъ и увѣряетъ, что это ничего. Сіе поутѣшило меня нѣсколько, я зову его къ себѣ на водку и угощаю, а послѣ обѣда спѣшу уѣхать изъ жаркой и душной своей квартеры къ другу своему Кузьмичу, чтобъ навѣстить его въ болѣзни и поговорить съ нимъ обо всѣхъ тогдашнихъ обстоятельствахъ и посовѣтовать обо всемъ нужномъ. Отъ него ѣздилъ я два раза къ Анисьѣ Сергѣевнѣ, у которой было множество гостей и ей была до меня нуждица. Возвратясь на квартиру, заготовляю въ Богородицкъ къ своимъ роднымъ письма, увѣдомляю ихъ о своихъ обстоятельствахъ и замышляемой ѣздѣ въ степь; наконецъ, сказываю, что осталось только два дня до апелляціоннаго срока, что оба сіи дня для меня великой важности, и что отъ нихъ будетъ зависѣть, можно ли намъ будетъ ѣхать, или не можно.

Съ одной стороны хотѣніе Хрипунова подписывать апелляцію, а съ другой—усматриваніе Рахмановымъ своей ошибки такъ меня въ сей день настращало, что я, раздумавшись о томъ ночью и проснувшись на другой день, отчаявался почти въ успѣхѣ моего дѣла. И какъ случился тогда ѣздокъ въ наши края, то спѣшилъ написать еще письмо къ своимъ роднымъ и просить ихъ, чтобъ они письмо мое къ г. Давыдову не спѣшили еще отсылать въ Тулу, и что можетъ быть я въ степь еще и не поѣду. Но не успѣло ободнять, какъ гляжу, идетъ ко мнѣ отъ Рахманова человѣкъ и говоритъ мнѣ: «приказали-де Ѳедоръ Степановичъ вамъ кланяться и просить васъ, батюшка, къ себѣ». Сердце во мнѣ затрепетало, когда услышалъ я неожи-

даемо сей зовъ, и я, чудяся и не понимая, за чѣмъ бы такимъ хотѣлось ему меня у себя видѣть, подумалъ уже и сказалъ самъ въ себѣ: «ахти, ужъ не хочетъ ли онъ возвратить мнѣ мои деньги и сказать, что онъ отъ намѣренія своего ѣхать въ степь межеваться отступаетъ и хочетъ подписать аппелляцію». Однако, для сокрытія смущенія своего, человѣку сказалъ: «хорошо, братъ, какъ одѣнусь, тотчасъ и буду». И дѣйствительно: тотчасъ началъ спѣшить одѣваться, и къ нему поѣхалъ. При входѣ, я того и жду, и смотрю, что начнетъ онъ говорить о деньгахъ и аппеляціи, но, къ удовольствію моему, вышло совсѣмъ не то. А Рахмановъ встрѣтилъ меня увѣреніемъ, что Хрипуновская аппеляція намъ ни мало не помѣшаетъ произвести намѣреніе наше въ дѣйство, поелику дѣло его не съ нами, а съ Пашковымъ связано, и до насъ не касается, но что хочетъ онъ просить меня объ одномъ дѣльцѣ. «Что такое?» спросилъ я съ поспѣшностію.—«А вотъ что, сказалъ мнѣ г. Рахмановъ; вы знаете нашу деревню Рахмановку или, какъ вы называете, Грибановку? не знаю, не вѣдаю, на что покойному батюшкѣ угодно было поселить ее недавно—ни къ селу, ни къ городу—на самомъ концѣ вашихъ Болотовскихъ дачъ, а давича нечаянно увидѣлъ я на планѣ, что гдѣ она означена, что вплоть подлѣ самой ей проведена черта Нащокинскаго звена, которое, какъ говорятъ, все почти ушло въ твою нарѣзку, то у мужиковъ нашихъ сей деревни не останется почти ни борозды изъ той земли, которою они тутъ владѣли и пахали, ибо вся она была въ Нащокинскомъ звенѣ, и имъ даже и скотинки своей со дворовъ выпустить будетъ некуда, то прошу я тебя, братецъ, не можно ли тебѣ, голубчикъ, сдѣлать мнѣ одолженіе и уступить намъ нѣсколько десятинъ, противъ самой сей деревни лежащихъ, а вмѣсто ихъ такое же количество взять у меня въ другомъ мѣстѣ. Я говорилъ уже о томъ съ секретаремъ и другими канторскими и спрашивалъ, можно ли такой обмѣнъ намъ сдѣлать, и всѣ говорятъ, что не только можно, но и всего при теперешнемъ случаѣ легче и удобнѣе, если только оба мы будемъ на то согласны, и что намъ нѣтъ нужды и ни какой дѣлать сдѣлки, а нужно только подать общее отъ себя въ кантору о томъ просительное доношеніе, такъ тотчасъ и велятъ нарѣзку на планѣ въ семъ мѣстѣ перемѣнить и сдѣлать такъ, какъ вамъ угодно, и сіе послужитъ лучше всякаго акта. Итакъ, не одолжишь ли ты меня симъ, братецъ?»

Все сіе было для меня такъ неожидаемо, и просьба сія удивительна и поразительна, что я никакъ не въ состояніи изобразить то состояніе, въ какомъ находилась въ сей пунктъ времени вся душа моя. Тысячи разныхъ мыслей возбудились въ ней въ одинъ мигъ, и одна другой интереснѣе. Съ одной стороны вообразилась мнѣ упоминаемая имъ деревенька его Грибановка и ея извѣстное мнѣ въ натурѣ положеніе, и я вѣдалъ, что была она для всѣхъ нашихъ Болотовскихъ владѣльцевъ какъ чирей на глазу, потому что хватало-отецъ ихъ поселилъ ее тутъ на краю нашихъ дачъ нартомъ (sic) и усиліемъ, и единственно только по ненасытной алчности своей къ захватыванію себѣ во владѣніе наилучшихъ угодій и болѣе земли и для прегражденія намъ простирать наши распашки далѣе въ степь; и какъ тогда оставалась она дѣйствительно вовсе безъ земли, то и радовался-было я, что самое сіе принудитъ Рахмановыхъ снесть ее на другое и отдаленнѣйшее отъ сего мѣсто и насъ отъ ней избавитъ (что впослѣдствіи времени и принуждены были они наконецъ сдѣлать); съ другой стороны усматривалъ я тогда и то, что Рахманова смущала и озабочивала одна только сія его деревенька и частичка Нащокинскаго звена, прикосновенная къ оной, и что въ разсужденіи всей прочей и главной своей потери, находился онъ все-таки еще во мракѣ и невѣдѣніи, и потому что онъ и самъ въ натурѣ всего положенія тамошнихъ мѣстъ и протяженія всего Нащокинскаго звена никогда не вѣдалъ и не имѣлъ объ немъ ни ма-

лѣйшаго понятія, и по самому тому въ мнѣніи своемъ ошибался, что̀ все меня и радовало чрезвычайно; а съ третьей стороны—легко я могъ предвидѣть и заключить, что упоминаемая имъ подача въ кантору общаго о семъ обмѣнѣ отъ насъ доношенія свяжетъ его по рукамъ и по ногамъ и совсѣмъ преградитъ ему путь къ подписыванію аппеляціи, которой я всего паче страшился, то какъ мнѣ ни не хотѣлось соглашаться уступать ему противъ деревни помянутой земли, но, по всѣмъ вышеупомянутымъ обстоятельствамъ и имѣя тысячу резоновъ во всемъ ему, а особливо въ критическое тогдашнее время, угождать и тѣмъ его усыплять,—рѣшился тотчасъ на все предлагаемое имъ согласиться, и въ отвѣтъ ему сказалъ: «очень хорошо, братецъ, я съ удовольствіемъ соглашаюсь оказать вамъ сію услугу, и тѣмъ удостовѣрить васъ въ томъ, что я никакъ не хочу имѣть съ вами по сосѣдству вражды и несогласія, а намѣренъ всегда жить съ вами мирно и согласно, и того же прошу и желаю отъ васъ; словомъ, чтобъ доказать вамъ и болѣе мое доброе къ вамъ расположеніе, то, вѣдая какъ нуженъ вамъ и вашъ Митрофановъ пчельникъ, уступаю и оный вамъ на обмѣнъ».

Рахмановъ мой вспрыгался почти отъ радости, сіе услышавъ, и приносилъ мнѣ множество за то благодареній, сталъ тотчасъ спѣшить исполненіемъ сего дѣла и говорить о томъ, какъ бы намъ написать сіе доношеніе. Но какъ надлежало напередъ попросить о томъ судей, а тогда и назначить сей обмѣнъ чертами на планѣ и сообразжаясь уже съ онымъ писать доношеніе, то и отложили то до свиданія въ канторѣ.

Симъ возобновилась тогда моя надежда, и я съ удовольствіемъ поѣхалъ отъ него на квартеру; но, ѣдучи мимо директора, заѣзжаю къ нему и, прочитавъ у него газеты, ѣду къ барону; у него нахожу толпу народа и превеликое собраніе и показываю ему выдуманныя мною разнаго рода печати изъ смѣшанныхъ сургучей, и тѣмъ его удивляю; потомъ, уклонясь въ уголокъ, прочитываю гамбургскія получаемыя имъ газеты, а обѣдать ѣду къ городничихѣ, гдѣ и провелъ все достальное время того дня; а къ вечеру, возвратясь на квартеру, располагаю примѣрно, какъ бы лучше написать намъ помянутое доношеніе и пишу о томъ прожектъ.

Какъ непосредственно за симъ наступилъ наконецъ и послѣдній уже и самый важный аппеляціонный день, то ожидалъ я его со страхомъ и трепетомъ, а видѣнный мною въ сію ночь страшный сонъ, будто бы хотѣлъ меня какой-то человѣкъ зарѣзать ножемъ, приводилъ меня еще въ пущее смятеніе, и я предварительно ожидалъ уже въ сей день чего-нибудь важнаго, или по крайней мѣрѣ, неожидаемаго. А сіе и начало тотчасъ совершаться: не успѣло хорошенько ободнять, какъ гляжу, скачетъ ко мнѣ самъ директоръ. Странно сіе было и необыкновенно. Господи! говорю я самъ себѣ, за чѣмъ это? Но какъ онъ въ самое то время въ двери, то вскочивъ воскликнулъ я: «А, батюшка Петръ Ивановичъ, добро пожаловать». И прошу его садиться, но онъ, вмѣсто того, говоритъ мнѣ: «я къ вамъ съ просьбою, Андрей Тимоѳеичъ, у Николая Алексѣича Нордштейна жена очень занемогла, сдѣлай, батюшка, милость поѣдемъ къ нему со мною; вы у насъ и докторъ, и лѣкарь, и лучше всѣхъ ихъ! посмотрите, ради Бога, и помогите, если чѣмъ можно».—«Извольте, извольте», сказалъ я, усмѣхнувшись. Ивановъ мой радъ, и тотчасъ подхватя и посадивъ меня съ собою въ сани, и полетѣлъ къ Нордштейну. Домъ сего именитаго межевщика былъ мнѣ хотя незнакомый, но съ самимъ Нордштейномъ я имѣлъ уже случай познакомиться довольно. Болѣзнь жены его была въ самомъ дѣлѣ весьма странная; но я, заключая, что произошла она отъ простуды, напоилъ ее гораздо своимъ простуднымъ декоктомъ, и оный, какъ я послѣ услышалъ, произвелъ чудное дѣйствіе, и г. Нордштейнъ былъ мною очень доволенъ. Отъ него поѣхалъ я въ кантору. Тамъ увидѣлъ, что Пашковымъ

повѣреннымъ уже подписана была аппеляція, а при мнѣ подписалъ и Грушецкой или Хрипунова человѣкъ. Я трепеталъ всею душею, боялся, чтобъ не подписалъ и Рахмановъ, котораго аппеляція была для меня всѣхъ страшнѣе. Онъ былъ тутъ же, но о томъ всего меньше помышлялъ, а звалъ меня въ чертежную разсматривать планъ и согласиться какъ бы намъ на ономъ примѣрно назначать, гдѣ бы мнѣ ему, а ему мнѣ въ замѣнъ отдать и сколько земли. Я радуюсь, что онъ занимается мыслями о семъ, но вкупѣ трепещу духомъ, чтобъ не открылись ему при семъ случаѣ глаза и не узналъ бы онъ и всей важности незнаемаго имъ дѣла. Но изобразить невозможно, какъ удивился я, когда, по назначеніи карандашемъ того мѣста, которое ему хотѣлось получить отъ меня противъ деревни своей Рахмановки, дошло дѣло до того, чтобъ назначивать ему то мѣсто, гдѣ бы прирѣзать мнѣ къ нарѣзкѣ моей толикое жъ число десятинъ въ замѣнъ изъ распашныхъ его собственныхъ земель, и когда онъ самъ назначиваетъ такое мѣсто, подлѣ Нащокинскаго и мнѣ достающагося звена, что я ажно ахнулъ, примѣтя изъ того явно, что онъ и по то еще время все еще былъ во мракѣ и невѣдѣніи о всей великой потерѣ земли изъ своего владѣнія и все еще былъ въ томъ мнѣніи, что у него ничего не отходитъ, и что межа владѣнія его назначена по Тарховскому дальнему ходу и былъ, къ непостижимому удивленію моему, такъ слѣпъ, что не замѣтилъ, что назначена она не по дальнему, а ближнему его ходу. Вотъ — примѣръ, доказывающій, какъ худо молодымъ людямъ быть вовсе по планамъ незнающими и заниматься болѣе однѣми картами, а о снисканіи другихъ полезнѣйшихъ свѣдѣній всего меньше стараться. Но какъ бы то ни было, но легко можно заключить, что я не замедлилъ согласиться на его указаніе, гдѣ тотчасъ карандашемъ и назначена было мнѣ все слѣдуемое въ замѣнъ количество земли, чѣмъ мы тогда сіе дѣло и основали, и осталось только получить согласіе на то судей и писать полюбовную сказку и подавать ее при доношеніи. Со всѣмъ тѣмъ, помянутое недоразумѣніе Рахманова все еще приводило меня въ превеликое смущеніе, и какъ день сей далеко еще не прошолъ, то боялся я, невѣдомо какъ, чтобъ онъ какимъ нибудь образомъ въ достальное время не узналъ, или кто нибудь не образумилъ бы его въ этомъ важномъ дѣлѣ, а потому и положилъ стараться послѣдовать за нимъ вездѣ, и досадовалъ, что далъ слово пріѣхать обѣдать къ городничихѣ. Но какъ узналъ, что Рахмановъ будетъ у барона, то послѣ обѣда тотчасъ и самъ полетѣлъ туда же и, нашедъ его тамъ, во весь день не отставалъ отъ него ни пяди, а занимался съ нимъ разговорами о постороннемъ. Ввечеру баронъ нашъ очень занемогъ, и тогда и тутъ долженъ я былъ отправлять должность лѣкаря и лѣчить его чѣмъ зналъ. Наконецъ, всѣ мы поѣхали отъ него къ директору, тутъ сидѣли вечеръ, балагурили и ужинали, въ продолженіе котораго раза три доходила рѣчь до нашего дѣла, и чуть-было чуть не открылась вся сокровенность. Самъ Богъ уже вступясь тому воспрепятствовалъ. Итакъ, мы, условившись съ Рахмановымъ на утріе ѣхать къ барону поранѣе просить о скорѣйшемъ отправленіи межевщика, на томъ и разстались и по квартерамъ своимъ разъѣхались. Я, возвратясь въ свою, не вѣрилъ почти, что сей важный день прошолъ благополучно, благодарилъ невѣдомо сколько разъ Господа, и только и твердилъ: «ну, слава Богу, день прошолъ, аппеляціонный срокъ кончился, и главная опасность теперь вся миновалась».

Но и въ послѣдующій за симъ день во многомъ была работа Божеская и распоряженіе дѣлъ невидимою рукою. По-утру не успѣлъ я одѣться, какъ спѣшу ѣхать поранѣе къ Рахманову, надѣясь вѣрно застать его дома; но, хвать, его и слѣдъ уже простылъ; сказываютъ мнѣ, что поѣхалъ онъ къ Черневскому. Это меня и удивило, и испугало, ибо я того и смотрѣлъ, что онъ осмотрится и заарта-

чится; я скорѣе и самъ туда же и нахожу его все еще въ мракѣ и просящаго о скорѣйшемъ окончаніи дѣла. Поговоривъ тутъ, поскакали мы вмѣстѣ къ барону. Тутъ сказываютъ намъ, что баронъ очень болѣнъ и никого къ нему не пускаютъ, но что за мною посланъ человѣкъ, котораго видѣли мы встрѣтившагося съ нами въ воротахъ. Меня свели въ спальню; баронесса еще спала, я осматриваю больнаго, даю совѣты и вкупѣ прошу о землемѣрѣ. Наконецъ, согласился и баронъ дать землемѣра и велѣлъ намъ сказать о томъ Черневскому. Мы къ нему, сказываемъ о согласіи барона и говоримъ съ нимъ о желаемомъ нами обмѣнѣ земли, и Рахмановъ на свою голову о томъ его проситъ и кланяется, а мнѣ не было резону и противиться тому. Г. Черневскій снисходитъ на Рахманову просьбу и говоритъ, что необходимо надобно обоимъ намъ подать отъ себя о семъ размѣнѣ полюбовную общую и самими нами подписанную сказку, и туритъ насъ скорѣе ѣхать въ кантору. Мы туда. Рахмановъ спѣшитъ и проворитъ дѣломъ, а я того еще болѣе, но дѣлаю то непримѣтнымъ образомъ. Наконецъ, написали, подписали и подали, и тѣмъ какъ печатью дѣло утвердили. Бумага сія была великой важности, и я не сомнѣвался, что она послужитъ мнѣ въ пользу. Секретари и всѣ трудятся о скорѣйшемъ производствѣ сего новаго дѣла; однако, не успѣли все нужное по этому написать и отложили до утрева.

Между тѣмъ, судьи осматриваютъ на планѣ и апробуютъ нарѣзки. Тутъ опять все дѣло висѣло на волоску, и Рахмановъ явно доказалъ, что онъ и тогда еще ничего не видѣлъ и не усматривалъ. Спрашиваетъ, но ему за меня и то отвѣчаютъ, что̀ надобно, онъ указываетъ пальцемъ, но совсѣмъ не туда и несетъ пыль и нелѣпицу. Канторскіе даже усмѣхаются его незнанію и говорятъ: «такъ, дескать, такъ»; а чего такъ, ничего такъ не бывало! Словомъ, онъ и тогда все еще былъ въ томъ мнѣніи, что у него ни шага земли не отходитъ, а вмѣсто того, отрѣзывалось отчасти мнѣ, отчасти въ казну цѣлыхъ 1,300 десятинъ. Вотъ какое странное дѣло! Истинно самъ Богъ затмѣвалъ ему по сіе время глаза и Самъ побуждалъ его утверждать ошибку свою помянутымъ доношеніемъ, и я только всему тому чудился.

За симъ произошла остановка всему дѣлу за землемѣромъ. Рахманову и мнѣ, и самому барону хотѣлось, чтобъ посланъ былъ Гаврила Кузьминъ, а Черневскому того не хотѣлось; а услышали мы съ неудовольствіемъ, что ему хочется отправить съ нами Судакова, а за симъ, въ сей день и не положено было еще ничего, и мы принуждены были ни съ чѣмъ и въ недоумѣніи о томъ разъѣхаться. Я поѣхалъ къ барону, и нашедши его въ жару, лѣчу его кое-чѣмъ и, отобѣдавъ у него, уѣзжаю къ Иванову; тамъ засадили меня поневолѣ играть въ вистъ, и я долженъ былъ, въ угожденіе ихъ, просидѣть за симъ цѣлый день и вечеръ. Наконецъ, ужинаемъ, рѣзвимся, веселимся, сожигаемъ маленькій фейерверкъ и тѣмъ оканчиваемъ сей день, и я возвращаюсь на квартеру въ удовольствіи, ибо шло все хорошо и ладно.

Настаетъ за симъ 15-е декабря и уже 55-й день пребыванія моего въ Козловѣ. Въ этотъ день, всѣ бывшія происшествія были для меня сущею загадкою, ибо я не постигалъ къ чему онѣ всѣ клонились, и думая, что можетъ быть и ихъ устрояла и располагала невидимая рука Господня, ожидалъ, что разрѣшитъ все время. Вставши, по обыкновенію, очень рано, спѣшилъ я изготовлять почту и заготовленныя сочиненія свои для отсылки въ Москву, для печати, занимаясь тѣмъ все утро. Потомъ поѣхалъ я къ Рахманову, осматриваю у гусара его больную ногу, и увидя антоновъ огонь, даю совѣтъ, чѣмъ скорѣе его захватывать и лѣчить ногу. Отъ него поѣхалъ къ Черневскому лѣчить больную жену его, но ей уже полегчѣло. Я прошу его о дѣлѣ, и онъ обѣщалъ въ тотъ день окончить все,—отъ него поскакалъ я къ барону. Ему также полегчѣло, и онъ дивился, для че-

то по сіе время не исполнено всего по нашему дѣлу. Оттуда скачу въ кантору, куда съѣхались уже всѣ, но изъ судей былъ только одинъ Черневскій. Мы ждемъ милости Господней. Но что-то остановилось, и дѣло наше не подписывается. «Господи! что такое?» говоримъ; и слышимъ, что остановилось за нерѣшимостію, кого послать изъ землемѣровъ. Я упоминалъ уже, что Рахманова догадало просить Кузьмина, какъ проворнѣйшаго изъ всѣхъ, и баронъ его и посылалъ; но Черневскій, по какой-то злобѣ на него, никакъ того не хотѣлъ. Пошли споры и пересылки. Говорятъ намъ, что хотятъ отправить съ нами дурака Судакова, мы охаемъ и не знаемъ, что намъ съ симъ шутомъ и болваномъ будетъ дѣлать; стараемся всячески сіе отклонить, но ни что не успѣваетъ! Судья закарячился! Поѣхалъ секретарь къ барону и повезъ къ нему бумаги наши.

Между тѣмъ, по планамъ въ разсужденіи нарѣзки покупной и завладѣнной земли г. Бѣляевымъ въ нашей Пандинской округѣ, вышелъ-было опять споръ отъ г. Салтыкова; но, по счастію, я, вошедъ въ посредничество и разбирательство сего ихъ спора, успѣлъ и оный прекратить и оставить ихъ въ удовольствіи. Секретаря всѣ дожидались очень долго, но не могли дождаться; и всѣ ушли изъ канторы, но мы съ Рахмановымъ остались еще дожидаться. Ждали, ждали, да и стали! Наконецъ, идемъ пѣшкомъ къ директору обѣдать, куда пріѣзжаетъ къ намъ секретарь и сказываетъ, что баронъ опредѣленіе о посылкѣ землемѣра подписалъ, а прочіе нѣтъ. «Экое горе, говоримъ, что дѣлать: надобно ѣхать послѣ обѣда опять къ Черневскому и просить?» Находимъ у него землемѣра Буксгеведена, просящаго, чтобъ его послали. Черневскій намъ прямо и съ клятвою сказалъ, что Кузьмина не пошлетъ. Всѣ просьбы Рахманова не успѣваютъ ни мало. Нечего дѣлать, возвращаемся ни съ чѣмъ опять къ директору и играемъ въ карты; но и карты нейдутъ на умъ, говоримъ опять о своемъ дѣлѣ, думаемъ, совѣтуемъ между собою и рѣшаемся ѣхать къ барону. Сидимъ у него вечеръ и сказываемъ, что судьи меньшіе не хотятъ подписывать опредѣленіе. Баронъ вздурился: хочетъ на своемъ сдѣлать. Директоръ того еще больше хочетъ на своемъ поставить. Мы попались между ссорою ихъ, досадуемъ, что за насъ и по нечаянности такъ все вышло. Наконецъ возвращаемся опять къ Иванову, играемъ и у него ужинаемъ, а тѣмъ и кончился сей бурный и хлопотливый и безпокойный день.

Наконецъ, наступаетъ 16-е число мѣсяца декабря. Въ оный находясь въ совершенной неизвѣстности о томъ, чѣмъ оный кончится и что произойдетъ далѣе, одѣвшись по-утру поѣхалъ я въ кантору и велѣлъ сдѣлать достальную нарѣзку промѣненнымъ землямъ и оттушевать оныя. Сіе тотчасъ было и исполнено. Оттуда пріѣхалъ я къ Рахманову узнавать, не знаетъ ли онъ вновь чего, и вмѣстѣ съ нимъ свое горе мыкать; но ему столько-жъ мало было извѣстно, сколько и мнѣ. Вздумали послать провѣдать о секретарѣ. И какъ услышали, что онъ поѣхалъ къ Черневскому, то рѣшились и сами туда же съ г. Рахмановымъ ѣхать. Однако секретаря тамъ уже не застали, а г. Черневскій обрадовалъ насъ, сказавъ, что онъ наконецъ, по просьбѣ барона, дѣло наше подписалъ, и поздравлялъ насъ съ окончаніемъ онаго.

Нельзя изобразить, какъ много оба мы обрадовались, сіе услышавъ: обоимъ намъ жизнь Козловская уже понаскучила. И какъ оставалось намъ тогда помышлять уже о сборахъ къ отъѣзду, то тотчасъ поѣхали мы благодарить барона. Посидѣвъ у него, проѣхали къ Рахманову пить кофе, и гдѣ насъ уже оный дожидался. Туда пріѣхали также Ивановъ, Морозовъ, Буксгеведенъ и лѣкарь. Напившись кофе, мы разъѣхались врознь: я поѣхалъ въ кантору искать межевщика, но его тамъ не засталъ, но попроворилъ, по крайней мѣрѣ, указами. Тотчасъ были и тѣ подписаны и готовы, ибо всѣ старалися намъ помогать. По воз-

вращенія на квартеру, приходилъ ко мнѣ Николай Степановичъ, меньшой братъ г. Рахманова, и посидѣлъ; потомъ былъ у меня и межевщикъ и я его подчивалъ. Проводивъ его, пошелъ я обѣдать къ Иванову; тамъ засадили меня тотчасъ опять играть въ карты, и день сей былъ мнѣ и въ игрѣ счастливъ, я выигралъ болѣе шести рублей. Но послѣ обѣда, бросивъ карты, спѣшилъ исполнить долгъ, и поѣхалъ благодарить втораго члена, у котораго я еще не былъ. Отблагодаривъ его и посидѣвъ, проѣхалъ къ городничихѣ; тамъ, напившись съ лѣкаремъ чаю, поѣхалъ къ барону; у него посидѣвъ, съ нимъ распрощался и проѣхалъ къ Иванову; отъ него ходилъ къ Морозову, секретарю, и у него посидѣлъ и, поблагодаривъ, пошелъ опять къ Иванову, а оттуда домой, гдѣ нашолъ купца Бородина и при немъ уклалъ всѣ свои книги и буторъ и собрался въ путь. Но какъ дѣлать было нечего, то, простившись съ Бородинымъ, пошелъ опять къ Иванову, чтобъ тамъ ужинать, гдѣ услышалъ, что Рахмановъ мой, вмѣсто того, чтобъ спѣшить собираться и проворить дѣломъ, поскакалъ играть съ пріѣзжими, и проигралъ 120 рублей. Между тѣмъ дѣло наше все шло своимъ чередомъ. Назначенный межевщикъ, будучи человѣкъ проворный, вертѣлъ и крутилъ всѣмъ дѣломъ, принималъ, переписывалъ дѣла; собирали команду и отправляли. Наконецъ пріѣхали и хозяева, и мы отъужинавъ, распрощались со всѣми. Рахмановъ положилъ ѣхать на другой день въ обѣдъ, а я — съ полуночи.

Симъ кончился сей послѣдній день ровно двухмѣсячнаго моего пребываія въ Козловѣ, а симъ окончу я и сіе письмо мое, превзошедшее уже свои предѣлы и скажу, что я есмь вашъ, и проч.

(Генваря 3-го дня 1811 года).

БОЛОТОВКА.

Письмо 246.

Любезный пріятель! Ну, теперь откроется опять новая сцена, и умственному вашему взору представятся происшествія совсѣмъ другаго рода. Вы должны будете воображеніемъ своимъ сопутствовать мнѣ, ѣздящему и бродящему по лѣсамъ, по горамъ, по буграмъ и по полямъ, покрытымъ глубокими снѣгами, и взирать на новые мои труды, хлопоты, заботы и безпокойства. Но чтобъ представить все оное вамъ живѣе, то прицѣплюсь я къ концу прежней нити моего повѣствованія и простру оное далѣе.

Итакъ, препроводивъ помянутымъ образомъ въ городѣ Козловѣ цѣлые два мѣсяца въ безпрерывныхъ суетахъ, заботахъ, хлопотахъ и безпокойствахъ и добившись на-силу-на-силу до конца дѣла моего по канторѣ, — рѣшился я подвергнуть себя трудамъ и безпокойствамъ новымъ, необходимо сопряженнымъ съ тѣмъ неблизкимъ путешествіемъ зимнимъ, въ которое положилъ я непремѣнно отправиться. Отъѣздъ мой воспослѣдовалъ дѣйствительно на другой день, случившійся 17-го декабря, и задолго еще до свѣта. Но какъ ни рано мы съ квартиры своей выѣхали, но, ѣдучи мимо двора, гдѣ жилъ другъ мой, Яковъ Кузьмичъ, не могъ я того сдѣлать, чтобъ къ нему не заѣхать и съ нимъ не проститься и не поблагодарить его за всѣ его себѣ услуги, ласки и благопріятство. По счастію, нашли мы его уже вставшаго и отъ болѣзни своей поправляющагося. Итакъ, посидѣвъ у него немного минутъ и поговоривъ обо всемъ и простившись, пустились мы въ свой путь изъ города.

Ночь была тогда самая темная и стужа презѣльная, а потому и неудивительно, что не успѣли мы выѣхать изъ Козлова и выбраться въ степь, какъ въ темнотѣ и сбились съ большой, занесенной почти совсѣмъ и непримѣтной дороги и заѣхали далеко въ сторону. Узнавъ, наконецъ, по примѣтамъ, что мы не туда ѣдемъ, стали мы въ пень и не знали, куда ѣхать далѣе и какую избирать намъ изъ попадающихся намъ дорогъ многихъ. Но, по счастію, услышали мы впереди собачій лай и, заключая, что тутъ надобно быть какой-нибудь деревнѣ, на

оную и пустились. Мы, и дѣйствительно, скоро послѣ того пріѣхали къ одному, совсѣмъ намъ незнакомому селенію, и ради были, что до онаго добились. Но тутъ новое напало на насъ горе: не можемъ никого убѣдить взять на себя трудъ выпроводить насъ на большую Тамбовскую дорогу: никому не хотѣлось разстаться съ тепломъ и на стужѣ зябнуть болѣе получаса, принуждены мы были стоять, покуда нашли нанять одного знающаго проводника, который и вывелъ насъ на путь истинный.

Тогда старались мы все потерянное время замѣнить скорѣйшею ѣздою, и ѣхали такъ скоро, что со свѣтомъ вдругъ успѣли доскакать до Двориковъ, отстоящихъ за 33 версты отъ Козлова. Тутъ, покормивъ лошадей и пообѣдавъ по-дорожному, пустились мы въ дальнѣйшій путь и продолжали оный съ такою поспѣшностію, что въ тотъ же еще день, хотя въ прахъ перезябнувъ, но успѣли доѣхать до Тамбова, гдѣ, вмѣсто того, чтобы скорѣй обогрѣться, принуждены были опять съ полчаса стоять на улицѣ и зябнуть на стужѣ, покуда могли отыскать себѣ квартеру, которую хотя и нашли наконецъ въ харчевнѣ, но такую, которой были мы и не ради: проклятая, была такъ холодна, что я принужденъ былъ спать на печи, да и тамъ едва согрѣлся.

Переночевавъ кое-какъ, встали мы опять очень рано и задолго до свѣта. Тутъ почувствовалъ я превеликую боль въ плечѣ, безпокоющую меня крайне. И какъ не трудно было заключить, что произвелъ ее пронзительный холодный вѣтеръ, дувшій мнѣ влѣво съ боку моей повозки, то за нужное почелъ, прежде выѣзда изъ города, заслать въ аптеку и купить въ ней ромашки и канфоры, которыхъ со мной тогда не случилось, и кои нужны были для недопущенія усилиться боли. Аптеку нашли, но сколько ни стучались, но не могли ни кого достучаться: всѣ спали еще глубокимъ сномъ въ городѣ. Подосадовавъ на то, но, не хотя долго затѣмъ мѣшкать, принужденъ я былъ предать плечо свое на произволъ судьбѣ и велѣть пускаться въ путь. Ѣхать намъ было хотя опять очень темно, но, по крайней мѣрѣ, не могли сбиться: по всей дорогѣ и по полямъ и въ лѣсу были кошолки, и онѣ намъ служили провожатыми. Итакъ, мы со свѣтомъ вдругъ прилетѣли въ село Разсказово и остановились кормить въ тамошней харчевнѣ, которая одна только и была въ семъ огромномъ селеніи, да и та прескверная, чадная и безпокойная, но на дорогѣ до того ли, чтобъ разбирать,—мы и той были ради.

Не успѣли мы отпречь лошадей и сколько-нибудь отогрѣться, какъ поднялась такая страшная мятель, что никакъ не можно было далѣе ѣхать и пускаться въ нашу обширную степь, а особливо къ ночи: тутъ не было ни кошолокъ и ни какихъ другихъ примѣтъ, и всего легче можно было сбиться съ дороги и въ степи погибнуть. Думали, думали, горевали, но принуждены были рѣшиться остаться ночевать въ Разсказахъ. Въ самое то время глядимъ, скачутъ къ намъ и оба наши Рахмановы съ межевщикомъ и пристаютъ въ той же харчевнѣ. «Добро пожаловать», говорю я имъ и радуюсь, что съ ними, по крайней мѣрѣ, будетъ не скучно. «Что, братцы, спрашиваю, какова погодка, и можно ли ѣхать далѣе?» —«Куда тебѣ, отвѣчаютъ они, безъ смерти смерть, мы и сюда на силу доскакали».— «Да какъ же намъ быть?» спросилъ я.— «Да ночевать здѣсь, да и только всего», отвѣчали они.—«Конечно, говорю я, другаго нечего дѣлать; но квартерка-то, братцы, видите какая скверная, грязная, мокрая, холодная и дурная; въ прахъ мы всѣ тутъ иззябнемъ и обезпокоимся».— «Ну, чтожъ дѣлать, сказалъ Рахмановъ, такъ уже и быть». Но межевщикъ подхватилъ: «постойте, ребята, у меня здѣсь есть попъ Егоръ знакомый, и у него свѣтлички изрядныя, не послать ли мнѣ къ нему и не поможетъ ли онъ въ нашей нуждѣ и горѣ? не пригласитъ ли къ себѣ?»—«Хорошо бы это, и очень-очень недурно», воскликнули мы всѣ.

Тотчасъ наряжается къ попу посланникъ, а между тѣмъ садимся за столъ и начинаемъ по-дорожному утолять свой голодъ; всѣмъ намъ уже не до разборовъ, а ѣдимъ чтó случилось съ собою и чтó нашли у харчевника. Мы не успѣли еще отобѣдать, какъ глядимъ, и самъ отецъ Егоръ въ двери и убѣдительно проситъ насъ всѣхъ переѣхать къ нему въ домъ ночевать; сказываетъ намъ, что у него есть особая теплая свѣтлица, и что намъ въ ней будетъ спокойнѣй; мы тому ради, тотчасъ соглашаемся, благодаримъ его, и пошли того-жъ часа съ нимъ вмѣстѣ, ибо домъ его былъ недалеко, а повозкамъ велѣли переѣзжать послѣ себя. Попъ намъ радъ, а мы ради тому, что нашли у него преспокойную для себя, особую хату. Тотчасъ за нами пріѣхали и повозки наши. «Ну, ребята, говоримъ мы своимъ людямъ, носите постели и все-и-все сюда, и принимайтесь за самоваръ, а ты, братъ, сказалъ Рахмановъ своему повару, принимайся-ка за свои кастрюли и изготовь намъ получше ужинъ, и чтобъ мы всѣ не были голодны». Чрезъ нѣсколько минутъ самоваръ и проявился на столѣ. «Ну, ребята, говоримъ мы между собою, давайте пить чай и отогрѣваться онымъ». Была съ нами и французская водочка, ну-ка мы затѣвать и пуншикъ и поить имъ межевщика съ хозяиномъ нашимъ, а мнѣ отыскали мою трубочку; я ну-ка курить и запивать чайкомъ и напился до-сыта. По снятіи самовара, говорю я сотоварищамъ своимъ: «ну, что-жъ, братцы, станемъ мы теперь дѣлать, до ужина еще долго, и такъ сидѣть скучно?» — «Всего бы лучше, сказалъ на сіе Рахмановъ, заняться картами; но вотъ бѣда, что ни ты, ни братъ въ банкъ не играете, а Гаврила Алексѣевичъ и ни въ какую».—«Постойте, ребята, воскликнулъ я на сіе: не хотите ли играть въ реверсисъ, это игра такая, въ которую всѣ мы играть можемъ, и навеселимся, и нахохочемся довольно, а при томъ и совсѣмъ незадорная и неубыточная». — «Хорошо-бъ! сказалъ на сіе младшій Николай Рахмановъ; но мы объ ней и не слыхивали и никто изъ насъ ее не знаетъ». — «О, что касается до этого, то, сказалъ я, такъ я васъ въ одинъ мигъ ей научу; она совсѣмъ немудреная и всякому тотчасъ ее понять можно».—«Ну хорошо, братецъ, сказалъ старшій г. Рахмановъ, поучи ты насъ оной, я охотно хочу ее видѣть». И тотчасъ тогда проявились на столѣ карты, отыскали тарелочку, а вмѣсто марокъ употребили самыя мелкія мѣдныя деньги и я, ну, ихъ учить и разсказывать всѣ правила, при игрѣ сей наблюдаемыя. Какъ всѣ они люди были умные и понятливые, то въ мигъ и поняли они ее, и не успѣли игры двѣ съиграть, какъ сдѣлались уже и мастерами въ оной! А тогда и пошли у насъ смѣхи и хохотанья. Всѣмъ имъ она отмѣнно полюбилась, и межевщикъ только и твердилъ: «ай, квинола! (?) а вѣдь игра прямо веселая и на что ея лучше!» Словомъ, весь этотъ вечеръ провели мы очень весело и за игрою своею и не видѣли, какъ прошелъ онъ. Между тѣмъ изготовили намъ сытный ужинъ, и мы, наѣвшись и напившись, полеглись поваленою на полу спать, имѣя притомъ удовольствіе услышать, что и мятель наша утихла, и что сдѣлалось темно.

На утріе поднялись мы-таки довольно рано. И пустившись въ путь, доѣхали до предѣловъ нашей Пандинской округи, и тутъ разъѣхались врознь: Рахмановъ поѣхалъ прямо въ свое Калугино, а я—въ свою Болотовку, куда и успѣлъ доѣхать еще въ двѣнадцатомъ часу, и радъ былъ, что нашолъ у себя хоть невзрачную и некрасивую, но теплую и спокойную бѣлую свѣтличку. Прикащикъ мой выбѣжалъ меня встрѣчать и не успѣлъ услышать отъ меня, на чемъ и какъ рѣшилось наше дѣло и за чѣмъ я тогда пріѣхалъ, какъ воспрыгался отъ радости и не вѣрилъ почти самъ себѣ, что это онъ слышитъ, а особливо не могъ надивиться онъ недогадливости Рахманова и надсѣдался даже со смѣху, какъ я разсказывалъ ему все происходившее у насъ. Однако, я ему подтвердилъ, чтобъ онъ

до поры, до времени ничего о томъ не говорилъ и не сказывалъ. Далѣе чудился онъ тому, что хотимъ мы землю межевать зимою, что казалось ему со всѣмъ невозможнымъ дѣломъ. «Молчи! говорю я ему, это не твое уже дѣло будетъ, и можно, а ты дѣлай только то, что я тебѣ приказывать стану!» — «Хорошо, судырь, отвѣчалъ онъ, я готовъ исполнять приказанія ваши, но боюсь чтобъ не вышли у насъ вздоры и чтобъ не взбунтовали наши сосѣди, да и самъ Рахмановъ чтобъ не взбѣленился и не вздурился, какъ узнаетъ, сколько у него земли отходитъ, и теперь нельзя уже ему не узнать того».— «То такъ, говорю я, однако поглядимъ и посмотримъ, что будетъ, а между тѣмъ вели-ка ты скорѣе заготовлять межевые столбы и скажи мнѣ, что у васъ здѣсь дѣлается и происходитъ». — «Столбы, судырь, тотчасъ поспѣютъ, отвѣчалъ онъ, а мы только-что изготовили къ отправленію въ Богородицкъ къ вамъ обозъ со столовымъ запасомъ».—«Ну, это хорошо, сказалъ я, благо кстати мнѣ отписать къ домашнимъ своимъ туда письма». Въ самое сіе время въ двери ко мнѣ нашъ приходскій попъ Александръ, съ которымъ мы вмѣстѣ и отобѣдали и весь день проговорили. Онъ дивился также тому, что мы хотимъ межевать зимою, и опасался также, что[бъ] не вышло какихъ вздоровъ отъ тамошнихъ глупыхъ и безразсудныхъ сосѣдей, а я не столько опасался сего, какъ страшился той минуты, въ которую узнаетъ Рахмановъ всю свою ошибку и недогадливость, и занимался уже мыслями о томъ, что мнѣ ему тогда говорить и чѣмъ его успокоивать.

Попъ просидѣлъ у меня до самаго вечера, а сей проводилъ я въ судаченьѣ съ своими о предстоящемъ межеваньѣ и въ писаніи къ роднымъ своимъ писемъ. Сихъ увѣдомлялъ я о своемъ пріѣздѣ въ свою степную деревню и обо всѣхъ обстоятельствахъ и заключилъ тѣмъ, что не знаю еще, какъ пойдетъ наше дѣло, и не могу ничего сказать о томъ, долго ли я тутъ пробуду.

На другой день послѣ сего все утро провелъ я въ совѣщаніяхъ и разговорѣ съ своими о межеваньѣ, а потомъ поѣхалъ къ Рахмановымъ въ Калугино. Тамъ нашелъ уже пріѣхавшую межевую команду и межевщика, отправляющаго въ нашъ уѣздный городъ своего помощника за исправникомъ, а солдатъ по разнымъ деревнямъ за повѣренными и понятыми, ибо безъ всѣхъ сихъ людей къ межеванью приступить было не можно. Рахмановы были мнѣ очень ради; я нашолъ ихъ живущихъ уже въ новомъ, порядочномъ и довольно большомъ домѣ, а не въ такихъ маленькихъ хоромцахъ, въ какихъ живалъ отецъ ихъ. И какъ послѣ обѣда поднялась опять кура, то не пустили они меня отъ себя, а уняли ночевать, чему я былъ и радъ, ибо хотя до жилища моего не далѣе было верстъ шести или семи, но въ такую дурную погоду и къ ночи ѣхать мнѣ не хотѣлось. Чтобъ веселѣе проводить время, а особливо вечеръ, то засѣли мы играть въ карты и опять въ реверсисъ, который имъ очень полюбился. Итакъ, было у насъ много смѣховъ и хохотанья и довольно весело, а мнѣ тѣмъ паче, что дѣло мое все было на старомъ, и Рахмановъ все еще не усматривалъ своей ошибки, хотя всякой часъ твердилъ Нащокинскую землю и Тарховъ ходъ и былъ все еще въ томъ мнѣніи, что у него ничего не отойдетъ земли.

Какъ кура и мятель не только не унялись въ ночь, но продолжались и во весь послѣдующій день, то господа Рахмановы, особливо меньшой, полюбившій меня отмѣнно, унимали меня пробыть у нихъ и сей день весь; а поелику мнѣ было хорошо, то и самъ я домой не тянулся и охотно на ихъ просьбу соглашался и остался еще у нихъ ночевать. Въ сей день пріѣхалъ къ намъ Тараковскій, а потомъ Бѣляевъ. Сей послѣдній только-что прискакалъ тогда изъ Козлова. У него были также купленныя земли, но какъ онъ во время рѣшенія нашего дѣла не прилагалъ о полученіи оныхъ ни малѣйшаго старанія, то канторою

были они какъ-то и пропущены. А тогда вздумалось ему, упустя время, иттить въ лѣсъ по малину и ихъ отыскивать и доставать. Онъ бросился въ кантору, и, какъ думать надобно, сунулъ тамъ большой кусокъ въ руки, ибо привезъ съ собою къ межевщику письма, въ которыхъ писали къ нему, чтобъ онъ перемѣнилъ нарѣзку на планѣ и помѣстилъ и ему проданную землю. Но межевщикъ усмѣхнулся только и ему сказалъ: «государь мой, этакихъ дѣлъ по приватнымъ письмамъ не дѣлаютъ и мнѣ сего никакъ сдѣлать невозможно, а развѣ привезете вы ко мнѣ формальный указъ о томъ изъ канторы». И съ тѣмъ его отпустилъ. Всѣ начали смѣяться тому, по его отъѣздѣ, но меня обстоятельство сіе весьма озаботило и смутило, и я боялся, чтобъ мнѣ не вышло оттого какого-нибудь помѣшательства. Итакъ, и сей день препроводилъ я въ совершенной о судьбѣ своей неизвѣстности.

Въ наставшій послѣ сего день все утро провели мы въ балагуреньѣ и играніи въ карты, а межевщикъ въ дѣланіи нашего плана. Въ обѣдъ возвратился изъ Кирсанова помощникъ, съ извѣстіемъ, что вслѣдъ за нимъ хотѣлъ пріѣхать и исправникъ; также возвратился и одинъ солдатъ, посыланный за повѣренными. Передъ вечеромъ поѣхалъ я домой, и ѣдучи мимо воротъ деревенскаго сосѣда моего, старика Тараковскаго, завернулъ къ нему, чтобъ уговорить его услужить чѣмъ-нибудь межевщику; но какъ у него случилось тогда множество гостей, и всѣ они были подгулявши, то и нельзя было о томъ съ нимъ говорить. Что касается до нашего дѣла, то оно было все еще на прежнемъ основаніи, и Рахмановъ, все еще помраченъ былъ тьмою и невѣдѣніемъ. Между тѣмъ, повѣренный мой и крестьяне бродили въ сей день по степи и отыскивали по Нащокинскому рубежу подлинныя межевыя ямы, ибо столбовъ не было уже ни одного, и всѣ они были въ претекшіе многіе годы растасканы, и я, по возвращеніи своемъ ввечеру домой, нашолъ ихъ въ прахъ перезябшими и измучившимися до безконечности. Но, по счастію, проходили и промучились они не по-пустому, и всѣ ямы отыскавъ, позамѣтили ихъ тычками, за то и сказалъ я имъ большое спасибо.

Не успѣлъ я по-утру на другой день напиться своего чаю и, присѣвъ немного, пописаться, какъ гляжу — ѣдутъ ко мнѣ гости: сосѣдъ мой, г. Тараковскій и вслѣдъ за нимъ и г. Бѣляевъ, Иванъ Авксентіевичъ. Я принимаю ихъ съ обыкновенною ласковостію и стараюсь занять ихъ кой-какими разговорами о постороннемъ. Но у нихъ на умѣ болѣе наше межеванье, и я въ разсужденіи онаго и кое-какъ ихъ поубаилъ и поуспокоилъ. По отъѣздѣ же ихъ отъ меня, сажусь въ сани и скачу опять къ Рахмановымъ. Сихъ нахожу я совсѣмъ уже въ другомъ положеніи, ибо завѣса начинала уже подниматься и они узнавать странное и страшное для себя и такое дѣло, которое они себѣ и не воображали,—однако, все еще не довольно ясно усматривали всю истину. Произошло сіе, какъ думать надобно, отъ того, что какъ въ минувшій день повѣренные и мужики мои бродили по степи, отыскивали и замѣчали ямы, то случилось то увидѣть его крестьянамъ и донести господину своему о томъ, что наши обходили и замѣтили всю ихъ находящуюся въ Нащокинскомъ звенѣ землю, и спрашивали у него, неужели отойдетъ отъ нихъ вся земля оная. Сіе натурально долженствовало смутить тогда весь духъ въ господинѣ Рахмановѣ, и всѣ мысли его привесть въ такое замѣшательство и разстройку, что онъ не зналъ что̀ и думать, и гадать; и находясь въ семъ смущеніи неописанномъ, начиналъ между разговорами самъ мнѣ признаваться, что у него въ Нащокинскомъ звенѣ есть владѣніе. Сіе поразило и смутило и самого меня, но я имѣлъ столько еще духа, чтобъ сказать ему: «а какъ же, братецъ, неужели ты сего до сего времени не зналъ, а кажется ты сколько разъ видѣлъ и разсматривалъ планъ и читалъ опредѣленіе, какъ бы тебѣ, кажется, давно не усмо-

трѣть и не знать того!»—«То-то и дѣло, сказалъ онъ, качнувъ головою и самъ на себя негодуя: кабы знато было да вѣдано, такъ не то бы можетъ быть было!»—«Ну, сказалъ я на сіе, хотя я и не знаю, что̀ бы такое могло быть иное, но то, по крайней мѣрѣ, знаю, что ежели и отойдетъ изъ владѣнія вашего сколько-нибудь земли, такъ, по крайней мѣрѣ, не я тому причиною, и ты, пожалуй, братецъ, на мой счетъ не относи того и не думай никакъ, чтобъ произошло то по какимъ-нибудь моимъ проискамъ и домогательствамъ. Этого совсѣмъ не бывало, и я въ семъ пунктѣ совсѣмъ ни мало предъ тобою не виненъ, а всему тому виноватъ злодѣй Пашковъ: его, проклятаго, догадало отмежевать себѣ всю сію землю на имя Нащокина, которую отмежевку канторѣ никакъ уничтожить уже было не можно; а что мнѣ она теперь достается, тому причиною совсѣмъ уже не то, а жадность Пашкова и то обстоятельство, что онъ во всѣхъ купленныхъ земляхъ замежевалъ себѣ множество излишней земли, и какъ ихъ всѣ отъ нихъ отчислили и ихъ сдвинули, то и опросталось тѣмъ звено Нащокина, изъ котораго мнѣ и другимъ покупщикамъ и намѣрили, и это пришло уже само по себѣ и случайнымъ образомъ, по необходимости и безъ всякаго нашего о томъ домогательства; да инако и быть уже не могло».—«Да, да, подхватилъ онъ, слышалъ я тоже и отъ Гаврилы Алексѣевича: но... но»... Въ самое сіе время подошли къ намъ другіе и помѣшали намъ далѣе продолжать сей важный разговоръ.

Симъ образомъ старался я всячески его поубаить, но изъ послѣднихъ его неоконченныхъ словъ и сказанныхъ «но, но...»—заключилъ я, что всѣ слова мои его далеко еще не успокоили, и подозрѣвалъ, что на умѣ у него есть что-нибудь не даровое противъ меня; а сіе подозрѣніе и увеличилось, какъ онъ вскорѣ послѣ сталъ говорить, что опасается онъ, чтобъ Караваенскіе, узнавъ все дѣло, не сдѣлали бунта и не помѣшали бы ему отрѣзать свою дачу по Коширкѣ отъ нашей общей округи; и потому, будто бы для сего собственно, сталъ меня просить, чтобъ я допустилъ его напередъ отмежеваться отъ Караваенскихъ земель, а тамъ бы уже межевалъ свою землю. Неожидаемая сія просьба проникла въ одинъ мигъ сквозь всю мою душу, и я тотчасъ усмотрѣлъ, что это былъ финтъ и затѣянный единственно для выигранія времени, для скованія противъ меня какого-нибудь злаго кова, а потому и не хотѣлъ никакъ, не смотря на всѣ ихъ уговариванья и просьбы, на то согласиться; но представлялъ имъ тысячу справедливыхъ резоновъ, понуждающихъ меня спѣшить своимъ отмежеваньемъ. Словомъ, сколько всѣ они меня ни убѣждали, но я остался непреклоннымъ и радовался тому, что, по крайней мѣрѣ, межевщикъ не мѣшался въ наше, во весь вечеръ продолжавшееся, преніе и сидѣлъ только молча. Вскорѣ потомъ пошолъ онъ со старшимъ Рахмановымъ въ баню, а мы съ меньшимъ братомъ занялись бездѣлушками; и какъ онъ охотникъ былъ до рисованья и во всѣхъ отношеніяхъ и умнѣе, и добронравнѣе, и любопытнѣе былъ старшаго брата, то училъ я его на досугѣ рисовать вилками картинки сквозь бумагу. Что̀ у межевщика съ Рахмановымъ происходило и говорено было въ банѣ, того уже не знаю, а только старшій братъ пришелъ оттуда очень смутенъ и туманенъ.

Какъ вскорѣ за симъ накрыли на столъ и мы поужинавъ пошли всѣ спать, и въ спальнѣ ихъ, гдѣ намъ постланы были всѣмъ постели, случилось быть на сей разъ очень холодно, то я очень долго не могъ заснуть, сперва отъ того, что долго не могъ согрѣться, а тамъ отъ того, что раздумался о происшествіяхъ сего дня и обо всѣхъ тогдашнихъ обстоятельствахъ и критическомъ моемъ положеніи. Съ одной стороны, подозрѣніе мое о замышляемомъ Рахмановымъ противъ меня какомъ-нибудь ковѣ, увеличивалось отъ-часу болѣе и, по многимъ его словамъ, не имѣлъ я уже въ томъ никакого сумнѣнія, съ

другой—не весьма уже надѣялся на все благопріятство ко мнѣ межевщиково, а начиналъ уже по нѣкоторымъ словамъ его подозрѣвать, что едва-ли и онъ не имѣетъ въ заговорѣ противъ меня какого соучастія. Человѣкъ сей, при всей его наружной приверженности и благопріятствѣ ко мнѣ, не совсѣмъ мнѣ нравился: былъ онъ самая проворная и хитрая особа и походилъ во всемъ болѣе на лукаваго іезуита, нежели на добраго и простодушнаго русака. Съ третьей — зналъ я довольно всѣ плутни, шильничество и мытарства, дѣлаемыя межевщиками, и какія могутъ они, ежели захотятъ, строить каверзы, а особливо такіе проворы и хитрецы, каковъ былъ сей. Далѣе приходило мнѣ на мысль и то, что хотя онъ въ преніе наше и не мѣшался, а сидѣлъ только ничего не говоря, но что у него на умѣ было, того неизвѣстно. Можетъ быть, говорилъ я самъ себѣ, онъ въ самое то время выдумывалъ средства къ сдѣланію Рахманову какой-нибудь въ предосужденіе меня помощи, и почему знать, не задобренъ ли онъ былъ уже отъ него и не убѣжденъ ли держать болѣе ихъ сторону, нежели мою. Кромѣ сего, зналъ я и признавался самъ себѣ, что хотя я и не соглашался дать волю межеваться Рахманову напередъ, но все мое противорѣчіе ничего не значило и было сущими пустяками, ибо зависѣло то совсѣмъ не отъ меня, а отъ воли межевщиковой и кого онъ напередъ межевать захочетъ. Далѣе помышлялъ я, что отлаганіе межеванья моего въ долгій ящикъ можетъ не только меня задержать и принудить долго жить въ скукѣ, въ своей мурьѣ, но въ случаѣ семъ всего легче могутъ произойти отъ сосѣдей моихъ и Караваенскихъ, у которыхъ также земли много отходило, споры и разныя каверзы, могущія надѣлать мнѣ множество пакостей и остановокъ. А все сіе приводило всѣ мысли мои въ такую разстройку и замѣшательство, что я долго обо всемъ томъ и о способахъ къ отвращенію всего того думалъ. И какъ по всѣмъ обстоятельствамъ находилъ, что тогда дорога была для меня каждая минута, и отъ ускоренія межеваньемъ зависилъ весь успѣхъ моего дѣла, и что мнѣ необходимо нужно было тѣмъ поспѣшить и достигать до того всѣми возможностми,— то рѣшился я, въ случаѣ нужды, взять на помощь себѣ обыкновенную денежную молитву и, не жалѣя денегъ, заткнуть межевщику пасть и заставить его тѣмъ плясать по своей дудкѣ, ибо вѣдалъ изъ опытности, что орудіе сіе можетъ сильнѣе всего дѣйствовать. Что дѣлать? мыслилъ и говорилъ я тогда самъ себѣ; сіе хотя и доставитъ мнѣ новый убытокъ, но какъ получу землю во владѣніе, такъ она мнѣ всѣ мои убытки въ одинъ годъ, или въ два возвратить можетъ. А съ сими мыслями и расположеніемъ я и заснулъ.

Наступившій за симъ день былъ тотъ, въ который поднялась, наконецъ, или исчезла вся завѣса, закрывавшая до того глаза Рахманову, и онъ узналъ всю величину своей потери и всю важность своего недосмотрѣнія. Не успѣли мы встать и напиться чаю, какъ — гляжу — тащитъ Рахмановъ копію свою съ опредѣленія и проситъ землемѣра, чтобъ вмѣстѣ все оное вновь прочесть и спустить (sic) съ планомъ, и чтобъ онъ ему все яснѣе растолковалъ по плану. Итакъ, засѣли всѣ мы за столъ, стали читать вслухъ съ разстановкою и все нужное разсматривать на планѣ, и я думаю, что г. Рахмановъ впервыя тогда читалъ его съ надлежащимъ вниманіемъ и, при помощи общаго нашего съ межевщикомъ толкованія, понималъ все дѣло. Не можно изобразить, въ какомъ душевномъ смятеніи и состояніи онъ былъ въ ту минуту, когда открылось уже всё-и-всё и онъ узналъ, сколь велика была его оплошность. Лицо его то блѣднѣло, то краснѣло, то багровѣло, и онъ только-что кусалъ себѣ губы, непримѣтно вздыхалъ, самъ на себя досадовалъ, но всячески уже старался предъ нами сокрывать стыдъ свой и, въ прикрытіе оного, говорилъ, что теперь видитъ онъ и самъ, что все такъ, какъ мы говорили; но какъ

земли, отъ него отходитъ пропасть изъ владѣнія, то, натурально, ему очень ее жаль. «Но такъ уже и быть!» сказалъ онъ наконецъ. и тѣмъ дѣло сіе повершилъ.

Я радъ-радъ былъ, что дѣло сіе кончилось и что обоимъ намъ съ межевщикомъ удалось, наконецъ, его удостовѣрить въ томъ, что причиною тому совсѣмъ не я, а всему злу производителемъ былъ Пашковъ своимъ Окоровскимъ межеваньемъ, и что, по самому тому, ему досады имѣть на меня за сіе зло не за что. Итакъ, повидимому, и остались мы по-прежнему друзьями и пріятелями, однако, я не совсѣмъ наружности сей вѣрилъ, а имѣлъ причину все-таки имѣть опасеніе. И что я въ мнѣніяхъ своихъ не обманывался, то и оказалось въ скорости.

Едва только мы все сіе кончили, какъ и подступилъ къ межевщику помощникъ его съ вопросомъ, куда прикажетъ онъ посылать за рабочими, и какое назначать имъ мѣсто? И межевщикъ тотчасъ назначилъ къ тому Рахманову деревню Коширку. Слово сіе кинуло меня ажно въ жаръ: такъ смутился я, сіе услышавъ. А! а! вижу я, что̀ это значитъ, подумалъ и сказалъ я тогда самъ въ себѣ; вотъ догадка моя и совершилась! И какъ легко я могъ заключить, что наступила минута самая критическая и что мнѣ не надлежало терять ни одного мгновенія ока, а ковать желѣзо, покуда оно было еще горячо,— то, изъявивъ на лицѣ своемъ крайнее смущеніе и огорченіе, подошелъ къ межевщику, подавилъ ему непримѣтно руку, такъ что онъ догадался, что я хочу поговорить съ нимъ наединѣ и пошолъ самъ въ другую комнату. Межевщикъ, будучи человѣкомъ догадливымъ, тотчасъ увернулся вслѣдъ за мною въ спальню, а я, схватя его за руку, и безъ дальнихъ околичностьвъ, ему сказалъ: «пустое это ты затѣваешь, Гаврила Алексѣевичъ, и послушайка: я, по всему твоему ко мнѣ благопріятству, почиталъ тебя себѣ другомъ, итакъ — неужели я обманулся въ этомъ мнѣніи о тебѣ, и ежели нѣтъ, то докажи мнѣ свою дружбу, отмежуй меня напередъ и будь увѣренъ, что безъ благодарности отъ меня не останешься за то; и увѣряю тебя, какъ честный человѣкъ, что услужу тебѣ такимъ кускомъ, какова ты вѣрно отъ Рахманова не получишь,— пожалоста, одолжи меня тѣмъ!» Сказавъ ему сіе, подалъ я ему руку, а онъ, только покраснѣвъ въ лицѣ, мнѣ сказалъ: «хорошо, изволь!» И тотчасъ отъ меня брызнулъ. Чрезъ минуту потомъ подхватилъ онъ за руку Рахманова и повелъ его для такой же тайной конференціи въ спальню. Что̀ они тамъ говорили, того уже не знаю, но говорили что̀-то долго и видно — межевщикъ его уговаривалъ къ согласію, что межеваться напередъ мнѣ, ибо не успѣли они выттить оттуда, какъ межевщикъ, кликнувъ помощника, сказалъ ему, что онъ намѣреніе свое перемѣнилъ и чтобъ посылали за работниками и велѣли явиться имъ въ Болотовку. Сіе меня обрадовало, и надежда моя начала возобновляться. Межевщикъ, отвернувшись опять, сказывалъ мнѣ, что Рахмановъ невѣдомо-какъ досадуетъ самъ на себя, что прозѣвалъ столь важное дѣло; но я-де его убаилъ и доказалъ что пособить тому уже нѣчѣмъ и его поуспокоилъ. Я благодарилъ втайнѣ моего Бога и не смѣлъ еще вѣрить, чтобъ желаемое совершилось. Къ обѣду подъѣхалъ къ намъ одинъ изъ тамошнихъ помѣщиковъ г. Ржавитиновъ, а послѣ обѣда молодой Тароковской, но я, почувствовавъ, что спавши въ холодной комнатѣ попростудился, а къ тому-жъ, желая сдѣлать разныя пріуготовленія и наряды, не сталъ долго медлить, а поѣхалъ домой, и ввечеру напился своего декокту и тѣмъ простуду свою уничтожилъ.

Все сіе происходило наканунѣ уже самого праздника Рожества Христова. И какъ въ оной межеванью быть было еще не можно, то, между тѣмъ какъ люди ходили къ завтрени и къ обѣдни, занимался я все утро дома другими дѣлами. Я послалъ повѣреннаго своего вымѣривать ложечныя вершины, дабы намъ такъ на-

рѣзку сдѣлать, чтобъ было безобидно моимъ деревенскимъ сосѣдямъ и не могло произойтить дальняго спора. Повѣренный мой исправилъ коммиссію сію очень хорошо и сдѣлалъ мнѣ всему абрисъ. Дождавшись его и отправивъ мужиковъ въ степь разрывать въ снѣгу ямы, поѣхалъ я обѣдать къ Рахмановымъ и на-силу засталъ у нихъ обѣдъ. Рахмановы были мнѣ ради, однако можно было примѣтить, что были они сумрачны. Но дѣло шло своимъ чередомъ: передъ вечеромъ собрались, забрали все нужное и поѣхали всѣ ночевать ко мнѣ въ деревню. Тутъ постарался я всѣхъ ихъ угостить какъ-можно лучше, и, между тѣмъ, какъ приготовляли, какъ умѣлось, добрый и сытной ужинъ, ну-ка я ихъ поить чаемъ и, тѣхъ кто пилъ, пуншемъ у другими напитками, которыми позапасся я въ Козловѣ; а потомъ, ну, играть въ карты, шутить, балагурить, и весь вечеръ провели весело и съ удовольствіемъ. Наконецъ, по[т]чивалъ ихъ ужиномъ, и всѣ были имъ и угощеніемъ моимъ довольны, всѣ сдѣлались друзья и братья и полеглись наконецъ повалкою на полу спать.

Наконецъ наступило 26 число декабря, въ который день начало желаніе мое совершаться, и тянувшееся слишкомъ 20 лѣтъ дѣло приходить къ окончанію. Въ оной, не смотря на тогдашніе праздники, положено было учинить межеванью нашему начало, и въ сей день вырѣзать ближнія 100 десятинъ мнѣ въ чрезполосномъ нашемъ владѣніи и въ землѣ дачной. Господа тамошніе—мои деревенскіе сосѣди: Тараковской, Язвинцовъ, Бѣляевъ и Молчановы вздумали-было калякать и спорить. Но мы смѣялись только пустымъ ихъ разглагольствіямъ и поговоривши дѣло свое, пріѣхавъ на Лѣсное-Ложечное, благословясь начали. Тутъ особливаго примѣчанія достойно было то, что на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ надлежало поставить намъ первый межевой столбъ, получили мы извѣстіе такое, которое заставило меня отъ радости плакать. Привезены были письма къ Рахманову, которыми увѣдомляли, что, наконецъ, послѣ продолжительной, кровопролитной, самой трудной и многихъ милліоновъ намъ стоющей осады, городъ Очаковъ палъ и на Николинъ день взятъ былъ нашими войсками приступомъ. Порадовавшись тому и врубивши въ землю первый столбъ, пошли мы межевать по снѣгу далѣе. По особливому счастію, отъ бывшаго незадолго до того дождя и послѣдовавшаго за нимъ жестокаго мороза, вся поверхность тогдашнихъ глубокихъ снѣговъ такъ окрѣпла и сдѣлалась тверда, что намъ можно было ходить по ней, какъ по мостовой; и случилось сіе какъ нарочно въ пользу нашу, ибо безъ того не можно-бъ было никакъ межевать. Съ другой стороны, день случился красный и ясный. Итакъ, въ нѣсколько часовъ мы сію маленькую дачку и отхватали. Причемъ не могу и понынѣ безъ нѣкотораго душевнаго удовольствія вспомнить, какъ мы съ любезнымъ Николаемъ Степановичемъ, перелазивая чрезъ глубокое Лѣсное-Ложечное, утопали нѣсколько разъ въ снѣгу, какъ, подавая руки, таскали другъ друга изъ онаго и какъ тому хохотали и смѣялись. Взлѣзая въ теплыхъ сапогахъ и отягченъ будучи шубами по глубокому снѣгу на гору очень крутую, выбился я на полугорѣ совсѣмъ изъ силъ, и такъ, что принужденъ былъ на полугорѣ сѣсть и противъ солнца на снѣгу отдыхать, и не помню, чтобъ когда-нибудь я съ такимъ удовольствіемъ отдыхалъ какъ тогда тутъ. Сосѣди наши, видя, что ихъ не слушаютъ, съ досады уѣхали отъ насъ прочь, да и мы довольно поозябли. Я затѣялъ-было взять съ собою большой чугунный котелъ съ жаромъ для обогрѣванія рукъ, но — такая бѣда, что возить его съ собою было не можно, ибо настъ хотя людей на полѣ поднималъ, но лошади проваливались и ѣхать на нихъ цѣликомъ былъ сущій матъ.

Дачка обмежевалась тутъ мнѣ очень хорошая, и я, любуясь ею и ея выгодными угодьями, замышлялъ уже поселить на ней подлѣ Ложечнаго со-временемъ особую деревеньку. Кончивши дѣло, возвратились мы домой, гдѣ дожидались уже

насъ присланные отъ господъ Тараковскаго и Язвинцова звать насъ къ нимъ въ гости, куда, напившись чаю, Рахмановы тотчасъ и поѣхали, а мы съ межевщикомъ за ними, и были сперва у Язвинцова, Авраама Родивоновича, а потомъ у Тараковскаго, гдѣ у нихъ были съ межевщикомъ тайные противъ меня переговоры, ибо они всѣмъ снисхожденіемъ моимъ были недовольны. Но какъ дѣло было уже сдѣлано, то я мало уже тѣмъ безпокоился. Наконецъ, всѣ возвратились ко мнѣ и, отъужинавъ, опять у меня почевали.

Въ послѣдующій день положено было начинать разрѣзывать Нащокинскую дачу и отмежевывать мнѣ изъ ней проданныя мнѣ 1,250 десятинъ. Итакъ, по-утру всѣ мы поѣхали въ лежащую подлѣ ней, прежде упоминаемую мною, Рахмановскую деревеньку Грибановку, и собравшись начали свое дѣло. Въ самое то время поднялась превеликая кура и мятель. Господи! какъ я испужался, ее увидѣвъ, ибо думалъ, что межевать намъ никакъ будетъ не можно. Однако, коекакъ мы, не смотря на всё, пошли, а Рахмановы, за мятелью, остались тутъ въ своей деревенькѣ. Но, правду сказать, имъ и непріятно было иттить и смотрѣть, какъ отмежевывали мнѣ бывшую во владѣніи ихъ землю! Шли-шли, пришли къ вершинѣ. Тутъ болѣе часа не могли отъискать въ сугробахъ ямы, принуждены были посылать промѣривать, а сами отъ стужи и зàмети согрѣваться за стогомъ сѣна. Потомъ, поставивъ столбъ, пошли далѣе и, отрѣзавъ промѣнную землю, дошли до земли Караваенской. Тутъ также не нашли ни столба, ни ямы и принуждены были остановиться и отложить дальнѣйшее межеванье до утрева. Отъ сего мѣста до Грибановки было уже нѣсколько верстъ. И какъ на лошадяхъ ѣхать не было ни какой возможности, то везли насъ съ межевщикомъ уже люди на себѣ, посадивъ насъ на дровни, чему мы надсѣлись хохотавши. Насъ привезли уже ночью въ Грибановку, а оттуда въ мою деревню и того еще позднѣе, но тутъ ѣхали мы уже всѣ на лошадяхъ, по дорогѣ. Тамъ нашли мы у себя гостя, г. Семенова, были еще и господа Курдюковскіе, дворане, но безъ насъ; а при насъ пріѣхалъ еще г. Баульской, старинный мой знакомецъ. И какъ былъ онъ человѣкъ весьма умѣющій шутить, то проговорили, прошутили и просмѣялись мы весь вечеръ, и было намъ очень не скучно, а, наконецъ, поужинавъ и ночевали.

По-утру, на другой день, продолжаемо было межеванье. Начали отъ Грибановки и пошли въ другую сторону и обошли много, и почти всю мою покупную дачу. Съ нами во все утро ходилъ г. Бѣляевъ, Иванъ Аксентьевичъ, и обѣдалъ съ нами на степи, гдѣ сугробъ долженъ былъ нами служить столомъ, а епанча вмѣсто скатерти. Что-жъ касается до ѣствъ и напитковъ, то было ихъ довольно: всѣмъ тѣмъ мы не позабыли запастись съ избыткомъ. По счастію, погода въ сей день была умѣренная, но туманъ превеликой. Мы обмеркли на степи, растеряли-было людей и не знали что̀ дѣлать. Часа два стояли мы ночью на степи, дожидались посланныхъ людей промѣривать одну линію и не могли никакъ дождаться. По счастію, отъискали насъ наши повозки. Мы ради были, добившись оныхъ; и какъ до двора ѣхать было около 12 верстъ, то пріѣхали мы уже очень поздно. Тутъ пріѣхалъ къ намъ г. Бѣляевъ и былъ еще Салтыковъ съ Тараковскимъ молодымъ. Мы просидѣли и проговорили долго и поужинавъ распрощались съ ними и ночевали съ межевщикомъ уже одни, ибо Рахмановы поѣхали ночевать домой, чтобъ готовить для межевщика квартиру въ своей Коширкѣ.

По наступленіи въ слѣдующій день утра, пріѣхалъ къ намъ г. Заводцевъ, знакомецъ землемѣровъ, стряпать за г. Иванова, оберъ-секретаря сенатскаго, у котораго была тутъ также купленная дачка и назначенная къ отрѣзкѣ изъ Нащокинскаго звена. И какъ намъ за нимъ мѣшкать не хотѣлось, то и онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ нами на межу. По-

елику мнѣ домежевывать оставалось очень не много, то и кончили мы мое межеваніе скоро. Тогда межевщикъ пошелъ далѣе, а меня отпустилъ. Итакъ, возвратился я въ свою деревню, получивъ наконецъ свое желаніе противъ всѣхъ чаяній и ожиданій и приносилъ Богу моему наичувствительнѣйшее благодареніе за неизреченную къ себѣ отъ Него милость, и находился въ неизъяснимомъ отъ того удовольствіи.

Пообѣдавши, осматривалъ я гумно и лошадей, и достальное время сего дня, который былъ уже 29-го декабря провелъ одинъ дома, а межевщикъ, между тѣмъ, продолжалъ межу нашей округи мимо Караваина и поѣхалъ почевать въ Коширку. Говорили-было и мнѣ, чтобъ я пріѣхалъ ночевать къ нимъ туда же; но какъ ѣхать было болѣе 15-ти верстъ, то мнѣ не захотѣлось, и я, отговорившись недосугами, ночевалъ дома.

Въ слѣдующее 30-го числа декабря пробылъ я весь день до вечера дома, переписывая и распрашивая кое-что. Но, по привычкѣ быть съ людьми, скоро мнѣ скучилось. Я обѣщалъ пріѣхать ночевать въ Калугино къ господамъ Рахмановымъ, куда хотѣлъ быть и межевщикъ, который въ этотъ день утверждалъ межу между Кареевкою и Коширкою. Итакъ, собравшись ввечеру, я поѣхалъ въ Калугино и пріѣхалъ туда уже ночью. Я надѣялся найтить тутъ межевщика; однако, обманулся и нашелъ однихъ Рахмановыхъ. Оба молодцы позѣнились быть съ межевщикомъ на межѣ, хотя межевали собственную ихъ землю и подали чрезъ то поводъ къ ошибкѣ. Тутъ у нихъ опять нечаяннымъ образомъ десятинъ десять отмежевали къ Кареевымъ. Они такъ мало заботились о землемѣрѣ, что онъ принужденъ былъ ночью верстъ шесть иттить домой пѣшкомъ, и мы на-силу его дождались. Препроводивъ весь вечеръ въ разныхъ шуткахъ и разговорахъ, ночевали мы тутъ и вмѣстѣ съ нами г. Семеновъ, старающійся объ отмежеваніи проданной г. Андрееву также изъ Нащокинскаго звена земли.

Послѣдній день тогдашняго 1788 года провелъ я весь у господъ Рахмановыхъ, кои были мнѣ вкупѣ — и соперники, и друзья! По-утру принужденъ я былъ быть переносителемъ или сводчикомъ между землемѣромъ и г. Семеновымъ и сказывать сему послѣднему, что землемѣръ требуетъ сто рублей за то, чтобъ отмежевать ему сто десятинъ. Не сущій ли истинно былъ грабежъ и разбойничество, и вотъ какъ хватали межевщики! Но что было дѣлать! Бѣднякъ испужался ажно, услышавъ о семъ требованіи, и поѣхалъ искать денегъ. Мы же, между тѣмъ, подписали съ г. Рахмановымъ еще о размѣнѣ земель полюбовную сказку, а межевщикъ скопировалъ мнѣ дачѣ моей планъ. Къ обѣду пріѣхали къ намъ г. Бѣляевъ и Язвенцовъ. Рахмановъ настращалъ меня, что сосѣди мои не хотятъ допустить меня до владѣнія стами десятинами; но я пустилъ имъ другую пыль въ глаза вѣдомостью о пропорціи земли и далъ самъ подписку, что съ ними землею размѣняюсь. Симъ и успокоилъ я ихъ, а особливо обѣщаніемъ отдавать имъ излишнюю землю внаймы, о чемъ просилъ меня даже и самъ Рахмановъ. Между тѣмъ, по совѣту межевщика, посылалъ я съ письмецомъ въ свою деревню и велѣлъ тотчасъ копать ямы въ мѣстахъ нужнѣйшихъ. Не смотря на всю дурноту погоды и бывшій тогда воскресный день, а продолжалась въ оный и межевая работа, и помощникъ землемѣровъ Рошковъ ходилъ утверждать межу между Калугинымъ и Караваеномъ. Мы же весь день проиграли въ реверсисъ и были нарочито веселы и тѣмъ сей послѣдній день сего года кончили, и я ночевалъ тутъ въ Калугинѣ.

А симъ окончу я и письмо сіе, превзошедшее уже нѣсколько свои предѣлы, и скажу, что я есмь вашъ, и прочее.

(Генваря 5-го дня 1811 года).

1789 годъ.

Письмо 247.

Любезный пріятель! Первый день наставшаго вновь славнаго и достопамятнаго во всемъ свѣтѣ 1789 года началъ я, какъ вамъ изъ послѣдняго моего письма уже извѣстно, провождать, находясь въ отдаленіи отъ своихъ родныхъ, въ дальней своей степной Кирсановской деревнѣ и ночуя тогда въ селѣ Калугинѣ, у сосѣдей соперниковъ и пріятелей своихъ Ѳедора и Николая Степановичей Рахмановыхъ, съ которыми только-что кончилъ славное свое и чудное межеваніе, и будучи здоровъ и успѣхомъ дѣла своего весьма доволенъ.

Проснувшись по-утру, устремилъ я первую мысль къ моему Небесному Отцу и во всѣхъ дѣлахъ моихъ Помощнику и Покровителю, благодарилъ Его за всѣ оказанныя мнѣ въ минувшемъ году милости и щедроты и препоручилъ Ему себя въ дальнѣйшее покровительство и въ теченіе вновь наступившаго, предавая впрочемъ, по обыкновенію моему, все относящееся до себя въ Его святую волю.

Потомъ, помышляя о тогдашнихъ своихъ обстоятельствахъ, позаботился я мыслями о томъ, что земля моя была хотя отмежевана, но дѣло еще не кончено, и написанныя полевыя записки были межевщикомъ еще не подписаны. Медленность его въ семъ пунктѣ начинала мнѣ казаться уже и сомнительною. И насмотрѣвшись въ минувшій день его похабничества по дѣлу съ г. Семеновымъ, опасался я, чтобъ онъ не надѣлалъ мнѣ какихъ пакостей и не оставилъ дѣла моего неоконченнымъ. Все сіе побуждало меня поговорить съ нимъ полюбовную рѣчь, и какъ можно скорѣе съ нимъ объясниться и спросить, будетъ ли онъ доволенъ тѣмъ, что я ему дамъ за труды его и услугу. Въ разсужденіи сего пункта былъ я не согласенъ самъ еще съ собою, что и сколько ему дать. При помышленіи о грабительствѣ ихъ, поднимались у меня даже волосы и становились дыбомъ. Вознамѣриваюсь, наконецъ, пожертвовать ему тремя стами рублей, но боюсь, не мало ли еще будетъ; дожидаюсь съ нетерпѣливостію ево вставанья; говорю съ нимъ наединѣ и спрашиваю безъ обиняковъ, сколько ему надобно. Онъ отдавался на мою волю, тогда предложилъ я помянутое число, и онъ казался быть весьма еще посредственно тѣмъ довольнымъ, и почти нѣхотя соглашается. Омерзѣлъ онъ даже тогда мнѣ симъ своимъ поступкомъ! Однако, предложеніе сіе подѣйствовало: онъ тотчасъ подписалъ полевыя записки и далъ приложить къ нимъ и мнѣ руку, а симъ сколько-нибудь дѣло и поутвердилось, и я успокоился.

Послѣ сего, встаемъ всѣ, поздравляемъ другъ друга съ новымъ годомъ, одѣваемся, и поѣхали обѣдать къ Язвенцову, звавшему насъ къ себѣ въ минувшій до того день, напередъ условившись съ межевщикомъ, чтобъ ему пріѣхать ко мнѣ ночевать, и на другой день начинать межевать землю брата Михайла Матвѣевича, ибо и онъ имѣлъ также покупную и назначенную къ отрѣзкѣ къ нему изъ Голицынскаго звена вплоть подлѣ моей и у рѣчки Паники. Господинъ Язвенцовъ былъ намъ радъ и угощаетъ насъ по своему достатку въ комнатахъ, столь холодныхъ, что мы даже дрожали отъ холоду; однако, обновили и сей годъ играніемъ въ карты въ мой реверсисъ. Были тутъ и двѣ старушки сосѣдки, коихъ земли вошли также въ маленькую мнѣ отмежеванную дачку. Я увѣрилъ какъ ихъ, такъ и хозяина, что я никакъ ихъ не обижу и возвращу имъ такое же число изъ своихъ пашень и, успокоивъ ихъ съ сей стороны, разстаюсь съ ними, какъ съ друзьями. Господа Рахмановы провожаютъ меня въ мою хату. И какъ я располагался на утріе выѣхать уже въ путь свой, то распрашиваются со мною какъ друзья и ѣдутъ домой, а я съ межевщикомъ остался ночевать одинъ. Стужа была презѣльная, такъ что и моя теплушка, по глупости топлельщиковъ, была

не очень тепла. Мы весь вечеръ провели въ читаніи моихъ переводовъ о Шведской войнѣ и въ другихъ разговорахъ; а легши спать, межевщикъ выдумывалъ еще разныя средствы къ полученію себѣ хобара отъ тамошнихъ сосѣдей и посторонних, ибо кому до чего, а ему болѣе всего и была нужда въ набиваніи своихъ кармановъ.

Наконецъ насталъ второй день новаго года и послѣдній пребыванія моего въ сей разъ въ своей Тамбовской деревнѣ. Поспѣшая сборами къ своему отъѣзду, всталъ я задолго еще до свѣта, и съ межевщикомъ, почти съ свѣтомъ вдругъ, завтракаю, а потомъ вручаю ему два ста рублей, а третье сто приказываю прикащику своему отдать ему послѣ, ибо деньгами я такъ поистрялся, что оставалось уже ихъ немного, а онѣ нужны были мнѣ еще и въ Тамбовѣ. Межевщикъ мой казался быть тѣмъ довольнымъ. Послѣ его, угобзилъ я такимъ же образомъ и его помощника и всю межевую команду. Не успѣлъ я съ ними раздѣлаться, какъ пріѣзжаетъ къ намъ г. Бѣляевъ, чтобъ ѣхать съ межевщикомъ на межу. Я отправляю ихъ на оную, и самъ, хотя и не вѣдая того, на вѣкъ съ обоими ими распращиваюсь, ибо съ того времени не видалъ уже я ни того, ни другова.

Не успѣли они выттить, какъ входитъ ко мнѣ пріѣхавшая ко мнѣ бѣдная и жалкая вдова Марья Васильевна Казначеева, проливаетъ слезы, горюетъ о своемъ несчастіи, проситъ о неоставленіи и поданіи совѣтовъ. Я утѣшаю ее, даю совѣтъ и обѣщанія ей служить и провожаю; а вслѣдъ за нею сживаю съ рукъ и попа, приходившаго со крестомъ, будто бы изъ учтивства, а въ самомъ дѣлѣ для полученія себѣ гривны другой-третьей въ карманъ.

Раздѣлавшись съ сими посѣтителями, сзываю мужиковъ, говорю съ ними обо всемъ, пересматриваю и переписываю всѣхъ дѣвокъ и невѣстъ, также всѣхъ мальчиковъ и жениховъ, рѣшу судьбу и жребій нѣкоторыхъ изъ оныхъ, дѣлаю разныя распоряженія, даю наставленія своему повѣренному и прикащику, и наконецъ, въ то же утро, часу въ одиннадцатомъ, сажусь въ свою повозку и пускаюсь въ путь.

Симъ образомъ, препроводивъ ровно 14 дней въ своей деревнѣ и кончивъ благополучно и съ успѣхомъ всѣ свои дѣла, поѣхалъ я обратно, къ роднымъ своимъ, въ Богородицкъ. Ѣзда въ сей день была дурна. Погода случилась скверная, холодъ и замѣть превеликая; вѣтръ несетъ прямо въ глаза и знобитъ ужасно. Нечего дѣлать! прячусь совсѣмъ подъ тулупъ, закрываюсь онымъ, и тѣмъ спасаюсь отъ стужи. Но какъ бы то ни было, но къ ночи пріѣзжаемъ въ Разсказово. Но тутъ обманываюсь въ своей надеждѣ, что буду ночевать опять у знакомца своего попа Егора, въ домѣ. Попъ рыскаетъ по приходу, и дома у него нѣтъ почти никого. Не осталось другова дѣла, какъ расположиться ночевать въ прескверной тамошней харчевнѣ. Между тѣмъ, покуда мнѣ грѣли и приуготовляли чай, не забываю я о своемъ обѣщаніи, данномъ землемѣру, чтобъ поговорить съ тамошнимъ головою и лучшими мужиками и какъ-нибудь убѣдить ихъ — пріѣхать къ нему и съ нимъ повидаться. Все дѣло состояло въ томъ, что хотѣлось ему и съ нихъ ни-за-что ни-про-что сорвать, какъ волку, срыву. Итакъ, хоть противъ хотѣнія своего, посылаю ихъ отыскивать и звать къ себѣ. Бородачи входятъ. Я сказываю имъ, въ какихъ находятся они обстоятельствахъ, какъ рѣшено дѣло не въ ихъ пользу, толкую и совѣтую съѣздить къ межевщику и съ нимъ повидаться. Дураки, имѣя въ головахъ шпильки, заорали-было нелѣпую. Я плюнулъ и, замолчавъ оказывая презрѣніе къ онымъ, говорю, чтобъ шли они допивать свои браги. Симъ укротилъ я ихъ крики, смягчилъ грубости, и они пошли, пораженные смущеніемъ, а я ну-ка приниматься за свой чаекъ съ сливочками и за любезную свою трубочку и отогрѣваться онымъ, а потомъ до ужина утѣшать свой духъ читаніемъ прекрасныхъ «Флоріановыхъ Повостей», случившихся быть со мною.

Наконецъ, ужинаю по-дорожному и тѣмъ оканчиваю день.

По-утру, вставъ ранымъ-ранёхонько, радуемся мы, что ѣхать намъ будетъ хорошо и свѣтло, по случившемуся быть тогда сіянію мѣсечному. Но всякій бережетъ свой носъ и рожу: морозъ былъ презѣльный! Пріѣзжаемъ въ Тамбовъ съ свѣтомъ вдругъ, становимся въ прежней прескверной харчевнѣ и калачнѣ. Я обезпокоиваюсь крайне: и холодно, и дымно, и гадко, и дурно; боюсь, чтобъ не угорѣть отъ чаду страшнаго, ухожу на дворъ, но оттуда прогоняюсь стужею и дивлюсь, какъ спасся отъ угара.

Перехвативъ кое-что по-дорожному и почти хорошенько не отогрѣвшись, спѣшимъ скорѣе ѣхать. Погода была хорошая, но морозъ жестокой: люди то-и-дѣло трутъ у себя щоки и носы; не помогаетъ имъ и бѣганіе самое. Дорога прекрасная, утертая. Въ мигъ добѣгаемъ до *села* Лысыхъ-Горъ, а къ ночи поспѣваемъ на Польной Воронежъ. Тутъ суетимся, бѣгаемъ, ищемъ теплой избы, нигдѣ не находимъ. Деревушка прескверная и всѣ дворишки пакостные; становимся въ какой-то уже глиняной холодной избенкѣ; тутъ кое-какъ отогрѣваюсь чаемъ и укладываюсь спать.

Но ночь сію не проспали мы спокойно. Въ самую полночь поднимается на улицѣ шумъ и крикъ, просятся, дерутся и вламываются къ намъ въ избу многіе люди. Будучи тѣмъ разбуженъ, досадую я и не понимаю, что это значитъ, и потомъ удивляюсь, услышавъ голосъ друга сердечнаго и козловскаго шутника и богача Ивана Михайловича Извольскаго. «Ба! ба! ба! говорю, это, конечно, ты, Иванъ Михайловичъ!» — «Я, братецъ! отвѣтствуетъ онъ, иззябъ какъ канальи, забѣжалъ погрѣться».— «Немного, братъ, найдешь и здѣсь тепла», говорю и кричу хозяйкамъ, чтобъ дули огонь скорѣй. Вздуваютъ его, и мы ну-ка съ нимъ говорить, смѣяться и хохотать. Истинно съ цѣлой часъ онъ продержалъ [меня] неспящимъ и на-силу-на-силу я его выждалъ и почти неволею вытурилъ.

Но не успѣлъ онъ уѣхать, какъ началось другое и противное тому явленіе. Слышу я страшное сопѣніе, а потомъ степанье и оханье; не понимаю, что значитъ; спрашиваю и узнаю, что моего спутника-мужика схватило ужасное колотье. Сіе меня встревожило и озаботило; думаю, чѣмъ бы бѣдняку помочь, сожалѣю, что ничего съ собою нѣтъ, бужу людей, посылаю въ кабакъ за виномъ. Вино не помогаетъ. Господи! какое на меня горе! боюсь, чтобъ не сдѣлалъ онъ въ ѣздѣ остановки! Велю грѣть скорѣй чайникъ, пою его своимъ декоктомъ. Сіе нѣсколько помогаетъ, но не совсѣмъ и во всемъ томъ проходитъ много времени.

Послѣ сего приключенія, уснувъ нѣсколько и вставъ уже позднѣе обыкновеннаго, спѣшимъ мы ѣхать. Морозъ того еще жесточе; но, какъ бы то ни было, пріѣзжаемъ въ Козловъ на разсвѣтѣ. Тутъ не знаемъ, гдѣ стать: прежняя квартера занята; друга моего, Якова Кузьмича, жившаго подлѣ самаго въѣзда, нѣтъ дома. Постоялый дворъ, подлѣ его — хоть волковъ мори: такъ холоденъ, а мы всѣ въ прахъ перезябли. Ради-ради были, что жена Кузьмича пригласила насъ къ себѣ: уже не до простора! Помѣстились и въ саженной комнаткѣ, въ какой они жили, и ради, что нашли себѣ пристанище.

Расположившись тутъ и отправивъ мужиковъ въ свою Козловскую деревню за старостою, спѣшу бриться, чесаться и одѣваться. Выпрашиваю санки у хозяйки и, укутавши носъ отъ мороза, ѣду въ городъ видѣться съ межевыми. Заѣзжаю по дорогѣ прежде всѣхъ къ госпожѣ Добрасшѣ, Анисьѣ Сергѣевнѣ: она рада мнѣ, какъ бы какому родному. Обогрѣвшись у ней, спѣшу къ секретарю Морозову, чтобъ отвезть къ нему пошлину или еще сто рублей, въ благодарность за рѣшеніе дѣла и за всѣ его хлопоты и старанія; къ тому-жъ, нуженъ былъ онъ мнѣ и впредь. Секретаря не застаю дома, заѣзжаю къ директору. Сей радуется моему пріѣзду, спрашиваетъ обо всемъ о межеваньѣ, о Рахмановѣ и о прочемъ. Я ему разсказываю всё-и-всё и читаю у

него стихи на взятіе Очакова. Потомъ спѣшу ѣхать къ барону, благодарю его за милость и хоть отъ холода зябну, но остаюсь у него обѣдать, и обѣдаю, и вижу его въ послѣдній разъ въ жизни, ибо послѣ того его уже я и не видалъ. Пообѣдавъ и распрощавшись съ нимъ, всегда ласкавшимся ко мнѣ и не долго потомъ жившимъ человѣкомъ, уѣзжаю грѣться опять къ своей Анисьѣ Сергѣевной (sic). Тутъ съѣзжаюсь съ козловскимъ новымъ исправникомъ Суховерковымъ. Обогрѣвшись у ней, ѣду къ третьему члену, г. Черневскому, благодарю его за милость. Онъ распрашиваетъ меня также обо всемъ, поздравляетъ съ полученіемъ земли, говоритъ, что поставленные однажды столбы не такъ-то легко и скоро могутъ быть опять вынуты и разсказываетъ потомъ о ссорѣ своей съ барономъ. Выслушавъ все и узнавъ, что Морозовъ дома, спѣшу ѣхать къ нему. Застаю у него Смирнова и стариннаго своего знакомца и друга, межевщика Василья Ивановича Золотухина. Хозяинъ мнѣ чрезвычайно радъ, угощаетъ меня какъ друга; тутъ сидимъ, говоримъ о наукахъ и провождаемъ вечеръ весело. Я всунулъ ему въ руки сто рублей, онъ притворяется, что не хочетъ, но беретъ и обѣщаетъ быть наилучшимъ моимъ повѣреннымъ; и дѣйствительно: послѣ, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, мнѣ пригодился кстати и весьма мнѣ услужилъ, какъ о томъ услышите впослѣдствіи. Отъ него спѣшу ѣхать, заѣзжаю къ директору, но не застаю дома. Продолжая путь, заѣзжаю прощаться съ Анисьею Сергѣевною и распрощался съ ней также едва ли не на вѣкъ, ибо съ того времени я ее уже не видалъ и не знаю, гдѣ она и въ живыхъ ли, или уже въ мертвыхъ находится. Потомъ, возвратясь на квартеру, ужинаю, разбираюсь и забочусь о томъ, гдѣ спать; но хозяйка была такъ учтива, что оставила мнѣ свою комнату и сама ночевала въ людской; я принужденъ былъ нѣхотя ея послушаться и, поговоривъ съ пріѣхавшимъ ко мнѣ своимъ козловскимъ старостою, сплю спокойно.

Такимъ образомъ, окончилъ я свое дѣло въ Козловѣ и распрощался съ онымъ. Городомъ симъ былъ я въ сей разъ весьма доволенъ, всѣ меня тутъ полюбили, у всѣхъ я былъ въ почтеніи и всѣ старались мнѣ помогать. Но, со всѣмъ тѣмъ, не желалъ я въ немъ опять жить и такъ много убытчиться. Я препроводилъ въ немъ болѣе двухъ мѣсяцевъ, которые мнѣ стоили многова, но я доволенъ былъ, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что жилъ не попустому, а совершилъ великое и славное дѣло.

Въ послѣдующій день, вставъ довольно рано, выѣзжаемъ мы еще ночью изъ Козлова, такъ что ранёхонько доѣхали до Иловой. И какъ тутъ кормить было еще рано, то продолжаемъ путь и останавливаемся обѣдать въ Клёновой, и уже за 15 верстъ только отъ Ранибурга. Тутъ въ первой еще разъ провожу я утро въ дыму и, по случившемуся быть въ сей день сочельнику, говѣю и питаюсь одними кренделями съ чаемъ. Послѣ обѣда сдѣлалась прекраснѣйшая зимная погода и самая умѣренная, такъ что мы продолжали путь свой съ удовольствіемъ.

Въ самой сей день, ѣдучи дорогою, занимался я мыслями о всемъ своемъ тогдашнемъ вояжѣ и обо всѣхъ происшествіяхъ, случившихся во время онаго, и обстоятельствахъ, при производствѣ моего дѣла бывшихъ; и чѣмъ далѣе объ нихъ я размышлялъ, тѣмъ болѣе находилъ въ нихъ удивительнаго и особливаго. Словомъ, я усматривалъ тогда и примѣчалъ особое нѣкое и странное сплетеніе всѣхъ обстоятельствъ, и власно какъ нѣкоею невидимою рукою расположенное такъ, чтобъ могла отъ того произойтить мнѣ существительная польза. И чудяся всему тому, мысленно говорилъ самъ себѣ: Господи! вѣдь надобно-жъ было такъ случиться, что я подоспѣлъ въ Козловъ въ наилучшую самую пору, и не слишкомъ рано, и не слишкомъ поздно; что нашолъ тутъ нѣсколькихъ своихъ знакомцовъ и пріятелей, ровно какъ дожидавшихся меня для дѣланія мнѣ всякихъ услугъ и вспоможеній; надобно-жъ было такъ слу-

читься, что всѣ меня полюбили, всѣ мнѣ благопріятствовали и всѣ помогать мнѣ всячески старались. Сколько новыхъ друзей и знакомцовъ я тутъ себѣ пріобрѣлъ, и чего-чего они для меня ни дѣлали и и ни оказывали мнѣ: и ласкали меня, и угощали, и надоумливали во всемъ и помогали! А что всего удивительнѣе, то и самые тѣ, которымъ бы мнѣ въ дѣлѣ моемъ мѣшать долженствовало, по чудному и непостижимому сплетенію судебъ, мнѣ не только ни мало не вредили, но еще и сами съ своей стороны, и вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ, выгоднѣйшему рѣшенію и окончанію моего дѣла ревностно и противъ собственныхъ своихъ пользъ поспѣшествовали! Самое поведеніе при семъ случаѣ наиглавнѣйшаго моего соперника г. Пашкова было для меня поразительно, удивительно и непостижимо! Я не могъ довольно начудиться тому, какъ онъ, при всемъ своемъ умѣ и при всемъ своемъ богатствѣ и коварствѣ, былъ на сей разъ такъ плохъ и такъ безразсуденъ, что совсѣмъ почти пренебрегъ тогдашнее рѣшеніе канторою общаго нашего и столь важнаго для него дѣла и предалъ его, такъ сказать, на одинъ произволъ судьбѣ; и можно-ль было ожидать того, чтобъ онъ такъ на сей разъ оплошалъ, что не прислалъ даже въ Козловъ ни какова умнаго и расторопнаго повѣреннаго, который бы могъ юрить и проворить симъ дѣломъ, а прислалъ какова-то, ничего несмыслящаго простака и сущаго дурачину, да и тому не болѣе 5 рублей далъ денегъ, такъ что ему не только кого чѣмъ дарить, но и самому трескать было нечего! Правда, по всему видимому, положился и понадѣялся онъ на барона, котораго онъ позадобрилъ, но и того едва ли угобзилъ досыта, ибо усердіе бароново къ нему не слишкомъ было ревностно. Что-жъ касается до обоихъ прочихъ членовъ, директора и секретаря, то объ нихъ онъ совсѣмъ позабылъ; а самое сіе и произвело то, что они ровно какъ нарочно на зло барону всему дѣлу дали законной ходъ и рѣшили его по всей справедливости и на основаніи законовъ, чего онъ никакъ не ожидалъ. Что-жъ касается до другова моего соперника г. Рахманова, который для меня не менѣе былъ страшенъ самого Пашкова, то примѣръ его былъ для меня еще поразительнѣе, и я тогда все еще не могъ тому довольно начудиться, что случись же такъ, что онъ, при всемъ благопріятствѣ, снисканномъ имъ отъ всѣхъ судей, не могъ ко вреду моему ничего сдѣлать; и надобно-жъ было такъ случиться, что онъ, при всемъ своемъ собственномъ незнаніи ничего по межевымъ дѣламъ и по планамъ, не имѣлъ при себѣ умнаго и толковаго человѣка повѣреннымъ, который бы могъ усматривать все существо дѣла и его во всемъ надоумливать; а самому ему, надобно-жъ было заниматься одними картами и быть ровно какъ ослѣпленнымъ и не видѣть и не знать, что отнималось у него земли превеликое множество, и узнать о томъ уже тогда, когда ничѣмъ ошибки поправить и дѣлу его помочь было не можно. Словомъ, всѣ обстоятельства и происшествія казались мнѣ такъ чудны и удивительны, что я не инако почиталъ все то, какъ дѣйствіемъ пекущагося о благѣ моемъ Промысла Господня. И вновь симъ примѣромъ удостовѣряясь въ томъ, сколь хорошо полагаться на Него во всемъ и ввѣрять судьбу свою въ Его святую волю и десницу, и потому будучи вновь проинзенъ чувствованіями благодарности къ сему Небесному своему Покровителю и во всемъ помощнику возносился къ Нему духомъ и благодарилъ Его за всё-и-всё душою своею и сердцемъ.

Посреди самыхъ сихъ размышленій и къ усугубленію чувствуемаго мною впродолженіе ихъ душевнаго удовольствія, сказываютъ мнѣ люди, что ѣдутъ на встрѣчу къ намъ возившіе въ Богородицкъ запасъ и возвращающіеся оттуда наши крестьяне. Я обрадовался сему случаю, надѣясь получить съ ними отъ родныхъ своихъ письма, которыя мнѣ они тотчасъ и подали. И я, прочитавъ ихъ въ тотъ же мигъ, порадовался, узнавъ, что всѣ они были здоровы и что все у нихъ было

хорошо и они веселы. Послѣ чего, съ вящимъ удовольствіемъ, продолжая путь и проѣхавъ Ранибургъ, поспѣли мы ночевать въ Головинщину и нашли хорошую и спокойную квартеру, гдѣ, напившись чаю, провелъ я весь вечеръ въ писаніи своего дорожнаго журнала, который продолжаемъ былъ безпрерывно все это время.

Переночевавши въ семъ богатомъ селѣ и вставши рано, продолжали мы свой путь, и пользуясь прекрасною погодою, поспѣли кормить лошадей и обѣдать въ городъ Донковъ. Тутъ нечаянный случай доставилъ намъ весьма спокойную квартеру у знакомца незнакомаго, одного бѣднаго дворянина отставнаго корнета Степана Михайловича Харламова, который прежде женатъ былъ на одной нашей дальней родственницѣ, Степанидѣ Алексѣевной (sic) Лихаревой, а тогда женатъ былъ уже на другой женѣ. Я радъ былъ, узнавъ нечаянно сего человѣка и обласкался и спознакомился съ онымъ и положилъ всегда впредь, ѣдучи чрезъ Донковъ, заѣзжать къ нему на перепутьѣ; благо у нихъ домикъ былъ такой спокойной и стоящій на самомъ берегу Дона.

Какъ въ сей день случился праздникъ Богоявленія Господня, то имѣлъ я удовольствіе видѣть изъ окна квартеры своей всю духовную процессію и всѣхъ жителей сего города, ходившихъ, по обыкновенію, на воду, которой освященіе производимо было на Дону, и зрѣлище было довольно занимательное. Вскорѣ за симъ, пообѣдавъ и распрощавшись съ привѣтливыми своими хозяевами, поѣхали мы далѣе въ свой путь и поспѣли ночевать въ село Ивановское, отстоящее уже за 25 верстъ только отъ нашей Богородицкой волости. Тутъ становиться было хотя раненько, однако мы не поѣхали далѣе, а ради, нашедъ хорошую и спокойную квартеру, гдѣ и провелъ я весь вечеръ въ питьѣ чая и читаніи книги, а между тѣмъ шелъ и валилъ превеликій снѣгъ, тихой, и напало его очень много.

Сей вновь нападшій снѣгъ надѣлалъ намъ въ послѣдующей день много хлопотъ. Предлежалъ намъ путь отъ села Ивановскаго до села Зиновьева разстояніемъ на 12 верстъ; но дорога въ семъ мѣстѣ была малая, и ни какихъ примѣтъ по сторонамъ не имѣвшая. Снѣга же навалило столько, что не только маленькія, но и большія дороги сдѣлались совсѣмъ непримѣтными, такъ что не осталось ни малѣйшихъ признаковъ; къ вящему несчастію, пресѣклись и бывшія до того по сторонамъ дороги малыя плетеныя кошолки. Выѣжжая ночью изъ помянутаго села, говорю я, что надобно взять проводника, но мужикъ, котораго звали, не похотѣлъ обуваться и увѣрилъ насъ, что кошолки есть и впереди, и что мы не собьемся. Однако, не то сдѣлалось. Кошолки и дѣйствительно были, но простирались только версты на двѣ, и покуда онѣ были, то мы ѣхали все хорошо и порядочно, но какъ скоро онѣ кончились, то и началось плутанье. Ѣздить мы ѣздить по полю и бродить какъ куры слѣпыя: не видно было нигдѣ и ничего, ни впереди, ни по сторонамъ! Вижу я, что дѣло дурно; боюсь, чтобъ не сдѣлалось мятели и чтобъ не заѣхать намъ и Богъ знаетъ куда; говорю людямъ: «стойте, ребята, оборачивайте-ка и ступайте назадъ въ село и держите-жъ своего слѣду». Они было не хотѣли, но я принудилъ. Пріѣзжаемъ въ село, отыскиваемъ старосту, требуемъ проводника, хлопочемъ, наконецъ—даютъ. «Слава Богу», говоримъ мы; но утѣхи мало. Проводникъ столько-жъ мало могъ подать намъ помочи, сколько мы сами себѣ; въ мигъ опять сбились съ дороги, опять ѣздимъ, сами не зная куда. Принуждены опять остановиться, и опять всѣ разошлись искать дороги, опять всѣ ходимъ, бродимъ, ищемъ дороги и не находимъ, да и найтить никакъ нельзя, не помогаетъ и самой мѣсяцъ. Господи! какая досада, но—нечего дѣлать! Наконецъ кое-какъ увидѣли вдали деревню и услышали собачій лай, и тогда другова не оставалось, какъ ѣхать на нее и прямо цѣликомъ. Тащились, тащились, но наконецъ кое-какъ пріѣхали къ ней. Тутъ

дождались мы уже свѣту, взяли другова проводника и сей довелъ уже насъ до Зиновьева.

Какъ съ сего мѣста была уже большая дорога Лебедянскадо Богородицка, то думаемъ мы, что намъ ѣхать будетъ уже хорошо; однако, и въ томъ хорошохонько обманулись: въ ночь сію не одни мы, а весь народъ плуталъ; всѣ бродили по степямъ какъ куры слѣпыя, вездѣ наклadены были дороги вновь вавилонами зигъзагомъ по цѣлику и вездѣ снѣгъ мѣшался; не одинъ разъ приходили въ такой тупикъ, что не знали, по какому слѣду ѣхать, и на-силу-на-силу доѣхали до перваго волостного села Михайловскаго. Тутъ, бросивъ своихъ лошадей, велѣлъ запрягать свѣжихъ крестьянскихъ и поскакали домой. Но скоро и новыя лошади такъ упрыгались, что, не доѣхавъ и до Крутова, стали почти въ пень, и я былъ однажды даже на боку. По счастію, нашли тутъ другихъ лошадей готовыхъ; давай скорѣй перепрегать и скакать далѣе. Пошла мятель и началась вьюга. Знобитъ насъ всѣхъ; но такъ уже и быть, до дома уже недалеко, говорю только: «погоняй», а самъ кое-какъ уже кутаюсь. Со всѣмъ тѣмъ, хотѣли домой поспѣть къ обѣду, но ради-ради были, что часу къ третьему отыскались и пріѣхали наконецъ въ Богородицкъ.

Такимъ образомъ кончилъ я свое долговременное и безъ-мала три мѣсяца продолжавшееся путешествіе и отлучку. Удовольствіе, какое чувствовалъ я, увидя своихъ родныхъ, было неизобразимое. Всѣ мои дѣти выбѣжали меня встрѣчать; всѣхъ ихъ и прочихъ своихъ милыхъ родныхъ нашолъ я въ добромъ здоровьѣ и въ собраніи. Были тутъ и наши молодые, и съ ними родственница зятя моего княгиня Кропоткина съ дѣтьми. Присовокупилась къ тому и г-жа Челищева и Алабины. Музыка была готова; итакъ, мы, повидавшись, поговоривши, пообѣдавъ и дождавшись вечера, успѣли еще всѣ вмѣстѣ проводить Святки и поиграть, и потанцовать нѣсколько. Былъ тутъ же и Рылѣевъ, и приставъ винной, и всѣ, гости у меня ужинали.

Итакъ, симъ и дозволь[те] мнѣ окончить и сіе письмо, и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Генваря 6 дня 1811 года).

ЛАМКИ.

Письмо 248.

Любезный пріятель! Описавъ въ преслѣдовавшихъ письмахъ всю мою долговременную и со многими трудами и хлопотами сопряженную поѣздку въ Козловъ и въ свою Тамбовскую деревню для межеванья, возвращусь теперь къ прежнему повѣствованію своему о происшествіяхъ, бывшихъ со мною въ Богородицкѣ. Тутъ опять услышите вы о новыхъ моихъ заботахъ и хлопотахъ, также удовольствіяхъ и неудовольствіяхъ. Но прежде, нежели я начну вамъ по порядку все бывшее разсказывать, надобно мнѣ вамъ сказать, чѣмъ въ особенности занимался я первые дни по моемъ возвращеніи изъ Козлова.

Переночевавъ съ своими родными и проводивъ по-утру своихъ новобрачныхъ, поѣхавшихъ съ гостьми своими отъ насъ въ свою деревню, первое мое дѣло состояло въ томъ, чтобъ разобрать цѣлую кипу, накопившуюся безъ меня и присланныхъ ко мнѣ изъ разныхъ мѣстъ писемъ и прочесть оныя. Потомъ счелъ я своего Дворениновскаго прикащика, пріѣхавшаго ко мнѣ въ самое сіе время и тутъ бывшаго. Потомъ пишу письма въ Кашинъ къ племянницамъ своимъ и племянникамъ; распрашиваю о волостныхъ дѣлахъ; узнаю о многихъ бывшихъ въ отсутствіе мое происшествіяхъ, произведшихъ во мнѣ досады и неудовольствія. А послѣ обѣда посѣщаю вмѣстѣ съ сыномъ своимъ свою библіотеку на колокольнѣ; отбираю въ ней множество книгъ для отсылки въ Козловъ, отчасти къ барону, отчасти къ директору Иванову, которому я книгъ прислать обѣщалъ. Посылаю за переплетчикомъ, по-

купаю у него прекрасную шкатулку для отсылки туда же въ подарокъ, пишу ко всѣмъ тамошнимъ благодѣтелямъ и друзьямъ своимъ письма и отправляю пріѣхавшихъ со мною туда своихъ мужиковъ Козловскихъ. Но гость, заѣхавшій ко мнѣ, помѣшалъ мнѣ заниматься всѣми сими хлопотами и причиною тому было то, что я не успѣлъ въ сей день обо всемъ и узнать и по надлежащему осмотрѣться.

Наступившее потомъ утро достопамятно было тѣмъ, что я въ оное впервые основалъ порядочную ежедневную записку всѣмъ случающимся со мною происшествіямъ, и самый тотъ историческій журналъ, которой, начавшись съ сего года, продолжался и продолжается безпрерывно даже до сего времени, и изъ котораго составились у у меня уже нѣсколько переплетенныхъ, порядочныхъ книгъ, которыя, по нуждѣ, могутъ уже служить продолженіемъ описанія моей жизни или, по крайней мѣрѣ, быть наилучшими матеріалами къ замышляемому мною около сего времени особому сочиненію, содержащему въ себѣ порядочное описаніе всей моей жизни въ пользу моихъ дѣтей и потомковъ, которое вскорѣ послѣ сего я и началъ, какъ о томъ упомяну я ниже. Впрочемъ, занявшись въ этотъ день обранжированіемъ и приведеніемъ въ порядокъ всѣхъ своихъ дѣлъ, передъ вечеромъ поѣхали мы въ Ламки къ моему зятю и замужней своей дочери, у которой я еще не былъ такъ, какъ у хозяйки.

Какъ дорогѣ случилось быть тогда очень дурной и тяжелой, то пріѣзжаемъ мы туда уже ночью и, противъ всякаго чаянія, находимъ тамъ нашего городничаго князя съ женою. На сего человѣка, продолжающаго все еще въ глаза мнѣ льстить и лицемѣрить, а въ тайнѣ непрестающаго мнѣ злодѣйствовать, я начиналъ уже и негодовать за то, что онъ по ту пору у меня не былъ. Онъ извинялся предо мною тѣмъ, что хотѣлъ ко мнѣ ѣхать въ самой этотъ день, но услышавъ, что мы ѣдемъ въ Ламки, и самъ туда поѣхалъ. Зять мой и дочь обрадовались невѣдомо-какъ моему пріѣзду. Я нашелъ ихъ уже свыкнувшимися между собою и дочь свою исправляющею уже совсѣмъ должность молодой хозяйки, и довольно порядочной. Мы застали у нихъ еще княгиню Крапоткину, женщину не старыхъ еще лѣтъ, умную, благонравную и ласкавшуюся ко всѣмъ къ намъ, а дочь мою крайне полюбившею. Съ сими гостями провели мы весь вечеръ въ пріятныхъ и веселыхъ разговорахъ, и наконецъ поужинавъ и ночевали. Зять мой унималъ было ночевать и князя, но онъ не остался.

Что касается до командира моего, г. Давыдова, то онъ находился въ сіе время въ Петербургѣ и удивилъ меня нѣкоторыми оставленными послѣ себя мнѣ ордерами, которые прочитывая въ сей день по-утру, принужденъ я былъ не одинъ разъ усмѣхаться, находя въ нихъ сущія нелѣпости и заключать, что писалъ онъ ихъ, будучи самъ другъ, или подгулявши.

Княгиня Крапоткина поѣхала отъ насъ на другой день рано, а я, вставъ по обыкновенію своему рано, занимался въ особомъ, для меня назначенномъ, кабинетѣ все утро чтеніемъ взятой съ собою пріятной книги; а дождавшись какъ всѣ встали, провели все утро и весь день какъ родные и уже безъ церемоніаловъ, и я обо многомъ говорилъ съ зятемъ. Молодая хозяйка, отмѣнно меня всегда любившая, старалась наилучшимъ и наивозможнѣйшимъ образомъ меня у себя угостить, и ну плакать, какъ я собрался ввечеру ѣхать и не хотѣлъ согласиться на ихъ просьбу, чтобъ остаться у нихъ еще ночевать. Впрочемъ, была она уже совсѣмъ не таковою, какова была въ дѣвкахъ, но весьма похудѣла. Причиною тому было то, что она съ самой свадьбы понесла и была уже беременна; и какъ она жаловалась на чувствуемую ею боль въ животѣ, то сіе насъ и озабочивало уже нѣсколько. Впрочемъ, происходили у насъ многіе совѣты о ѣздѣ въ Москву.

Зятю моему нужно было въ ней побывать. Онъ подзывалъ съ собою и меня, или, по крайней мѣрѣ, жену мою съ сыномъ, и мы почти условились, чтобъ отпустить мнѣ ее, буде самому ѣхать будетъ не можно. Мы поѣхали отъ нихъ въ сумерки, оставивъ вмѣсто себя погостить у нихъ дочь нашу Настасью, и по испортившейся дорогѣ пріѣхали домой уже ночью.

Тутъ во весь вечеръ занимался я разборомъ піесъ, заготовленныхъ для «Экономическаго своего Магазина», и отмѣткою тѣхъ, которыя были уже напечатаны, для узнанія сколько находилось еще тутъ и въ Москвѣ не напечатанныхъ, дабы узнать, надобно ли было спѣшить продолженіемъ сей работы, или нѣтъ. Между тѣмъ, далъ я сыну своему прочесть сочиненныя мною еще въ Козловѣ три особыя піесы, содержащія совѣты молодымъ экономамъ, для узнанія его объ нихъ мыслей. Онѣ ему очень полюбились, однако онъ не совѣтовалъ мнѣ помѣщать ихъ въ «Экономическій Магазинъ», а говорилъ, что лучше-бъ, продолживъ ихъ, напечатать оныя особою книжкою, и что она, по полезности своей, многимъ полюбиться и произведетъ болѣе пользы. Я согласенъ былъ съ его мнѣніемъ, и мы съ общаго согласія положили тогда такъ и сдѣлать. Но изъ сего однако-жъ ничего не вышло: стеченіе разныхъ обстоятельствъ не допустили меня до продолженія оныхъ, почему и остались онѣ и донынѣ еще въ манускриптѣ.

Весь послѣдующій день занятъ я былъ многими недосугами и хлопотами. Продолжая осматриваться и приводить всѣ свои дѣла въ порядокъ, спѣшилъ я, вставъ за долго до свѣта, кончить начатое ввечеру дѣло съ своими піесами, и порадовался, узнавъ, что заготовленныхъ піесъ могло стать болѣе нежели на два мѣсяца. Какъ же скоро ободняло, то, по случаю бывшаго тогда почтоваго дня, принялся я писать письма: въ Петербургъ—къ племяннику моему о замужествѣ моей дочери; въ Москву — къ г. Новикову — о заготовленіи слѣдуемыхъ мнѣ къ полученію съ него денегъ и о нерастериваніи моихъ, посылаемыхъ къ нему, піесъ; къ графу Воронцову — о карпіяхъ; въ почтамтъ — о газетахъ и посылкѣ за нихъ денегъ; въ Серпуховъ — къ купцу — о приуготовленіи къ сроку имѣющихся на немъ моихъ денегъ. И отправилъ на почту цѣлую кипку писемъ.

Послѣ обѣда же спѣшу начинать другое и важное дѣло: по случаю наступившаго новаго года и претерпѣнныхъ въ претекшій многихъ убытковъ, нужно было смѣтиться съ своимъ денежнымъ капиталомъ. Итакъ, принимаясь за сіе, и нахожу, что въ минувшій годъ произошла съ нимъ великая перемѣна. При началѣ онаго, простирался онъ до 13 тысячъ, а тогда и со всѣми долгами, изъ коихъ многіе были не надежны, не простирался оной далеко и до 10 тысячъ, и весь онъ почти цѣлою третьею долею уменьшился. Причиною тому были большіе въ тотъ годъ убытки и издержки. Съ цѣлую тысячу прожилъ я въ Москвѣ, другая пропала на обанкрутившемся и умершемъ купцѣ Тульскомъ. Слишкомъ двѣ издержалъ на свадьбу дочерню, да съ тысячу стало мнѣ межеванье. Все это были большіе и важные куски! Но какъ всю сію перемѣну въ обстоятельствахъ моихъ угодно было произвесть Богу, то и молчалъ я, на сіе смотря; ибо какъ Онъ — всѣхъ благъ Податель, то въ Его волѣ состояло уменьшать и прибавлять наши достатки и давать всякому, по Своему святому произволенію.

Посреди самыхъ сихъ упражненій застаетъ меня князь, нашъ городничій, пріѣхавшій съ женою, для сдѣланія намъ визита. Я угощаю ихъ и утѣшаю во всю достальную часть дня и во весь вечеръ своею музыкою. И у насъ былъ въ сей день какъ маленькій концертикъ; начало сдѣлали мои валторнисты, коихъ играніе я еще впервыя тогда услышалъ, потомъ играли мои флейтраверсисты дуэты и плѣнили тѣмъ князя, да и меня увеселили. Послѣ того играли на трехъ инстру-

ментахъ аріи изъ оперы, тріо и дуэты, а наконецъ Романъ съ сыномъ моимъ на фортепіанахъ. И можно было сказать, что сей день былъ у насъ музыкальный, и я никогда еще не утѣшался своею собственною музыкою такъ, какъ сей вечеръ.

Не успѣлъ я ввечеру проводить князя и кончить начатые счоты, какъ поражаетъ меня новое явленіе и совсѣмъ неожидаемое. Входитъ въ двери курьеръ, присланный нарочно ко мнѣ отъ губернатора тульскаго съ ордерами отъ него и отъ командира моего г. Давыдова изъ Петербурга. Сіе меня удивляетъ, а содержаніе ордеровъ еще того больше. Писано было, что Государынѣ Императрицѣ угодно было повелѣть купить въ Богодицкой волости 4,000 кулей муки и отправить на Гжацкую пристань, и потому повелѣваемо мнѣ было спросить у крестьянъ, согласятся ли они и что̀ возмутъ съ поставкою на мѣсто.

Теперь надобно признаться, что тягость сего вновь налагаемаго бремени была мнѣ не весьма пріятна. Коммиссія сія была такая, при которой трудовъ, заботъ, хлопотъ, суетъ и досадъ имѣть долженствовало множество, а чести и благодарности пріобрѣсть было неотчего. Я не зналъ, что̀ дѣлать и ка̀къ приступить къ сему важному и почти невозможному дѣлу. Посылаю тотчасъ за своими тайными совѣтниками и думными дьяками-секретарями; говорю съ ними о томъ; думаемъ всѣ сообща, гадаемъ, кладемъ такъ и сякъ, но все дѣло не клеилось, и всѣ не знаемъ, ка̀къ начать и быть, и что̀ дѣлать. Рѣшились разослать людей за старостами и лучшими людьми, чтобъ говорить съ ними о семъ дѣлѣ.

Между тѣмъ, какъ на другой день, разосланные за сими бородачами ѣздили и ихъ въ городъ сгоняли, озабоченъ я былъ передъ обѣдомъ своимъ сыномъ, занемогшимъ опять головною болью и помраченіемъ въ глазахъ, которое уже съ нѣкотораго времени надъ нимъ и не рѣдко дѣлалось, и чѣмъ мы несказанно огорчались. Онъ провалялся почти весь день. Я лѣчилъ его своимъ декоктомъ и ему-было полегчѣло, но къ вечеру онъ опять сталъ жаловаться головою. Мы сотя и заключали, что это простуда; однако боялись, чтобъ онъ опять не схлебнулъ горячки, такъ какъ было то въ минувшій годъ и около самого сего времени. Не могу изобразить, какъ мнѣ было его жаль и какъ тревожилось и безпокоилось мое нѣжнолюбящее сердце и сколь много частыя его недомоганія и болѣзненные припадки приводили меня въ сомнѣніе.

Наконецъ, къ вечеру собрались всѣ бурмистры, старосты и лучшіе люди изъ всей волости и составили равно какъ маленькій сеймъ. Присылаются ко мнѣ власно какъ депутаты, и я ѣду въ канцелярію. Вся она набита была лучшими и богатѣйшими мужиками. Я предлагаю имъ полученныя мною бумаги, читаю самъ, толкую, увѣщеваю, предлагаю совѣтъ, что не худо бы имъ сдѣлать то въ угодность Государынѣ и въ благодарность за ея къ нимъ милости, въ разсужденіи платежа ими толь малаго оброка и за охраненіе ихъ ото всѣхъ постороннихъ притязаній и за всѣ выгоды, которыми они несравненно предъ всѣми другими казенными крестьянами пользуются; и дѣлаю наконецъ пропозиціи, ка̀къ бы сіе сдѣлать. Но они шумятъ, кричатъ, несутъ околесную, говорятъ и дѣло, упираются, не хотятъ, спорятъ, упрямятся, не знаютъ сами, что̀ дѣлать, и все дѣло кончилось еще ни на чомъ, а только выпросили себѣ срока на ночь — подумать о томъ между собою. Я дозволяю сіе и въ худой надеждѣ разстаюсь съ ними до утрева.

Въ сіе утро обрадовался я, увидѣвъ сына моего, пришедшаго опять ко мнѣ въ кабинетъ заниматься своими дѣлами. Ему полегчѣло и оказалось, что была то обыкновенная простуда. Онъ занимался около сего времени списываніемъ тѣхъ финляндскихъ морскихъ картъ, которыми украшается мой русской атласъ, и кои мнѣ во время послѣдней Шведской войны очень пригодились.

Едва только ободняло, какъ пришли ко мнѣ оба мои совѣтники, для конфе-

ренціи о тогдашнемъ нашемъ дѣлѣ. Поговоривъ съ ними, отправляюсь я въ канцелярію. Тамъ, какъ въ парламентѣ, говорю съ челомъ всей волости и требую, чтобъ сказали либо то, либо сё. Но они все еще мнутся, все несутъ околесную, сущій вздоръ, и хуже еще вчерашняго. Я досадую, уговариваю, увѣщеваю, употребляю все, что должно и можно, но все мало успѣваетъ. Переписываю (sic) самъ резоны ихъ, для чего не хотятъ; симъ они довольны, но дѣла не говорятъ; я употребляю и «волчій ротъ и лисій хвостъ»—и кое-какъ наконецъ, склоняю и довожу до того, что сказали цѣну и на предлагаемое рѣшились.

Все сіе отняло у меня большую половину дня тогдашняго, и сей случай доказалъ, что эдакихъ глупцовъ, грубіановъ, нечувствительныхъ и неблагодарныхъ людей, каковы были тамошніе волостные крестьяне, трудно было въ иныхъ мѣстахъ найтить. Они поступили при семъ случаѣ, какъ сущія каналіи и, въ благодарность за все свое благоденствіе и милости монаршія, явили себя сущими грубіянами и бездѣльниками и подтвердили вновь справедливость словъ, мною часто объ нихъ говариваемыхъ, а именно, что они превеликіе только охотники до свиней, любятъ ихъ водить, любятъ ихъ кормить, любятъ съ ними жить, любятъ ихъ ѣсть, да и сами свиньи. Они не только не хотѣли того сдѣлать, чего желала Государыня, но и хлѣбу такую цѣну положили, какая неслыханна, совсѣмъ безстыднѣйшую и вдвое больше противъ обыкновенной, но я радъ уже былъ, что они что-нибудь сказали. Но какъ бы то ни было, но сіе навлекло мнѣ много работы, я принужденъ былъ писать репорты и большое письмо въ Петербургъ, описывать въ немъ все происходившее и трудиться надъ тѣмъ цѣлый почти вечеръ, и написавъ все, отправляю съ тѣмъ ввечеру нарочнаго курьера.

Между тѣмъ, пріѣзжали къ намъ въ сей день къ обѣду наши молодые. И какъ они собиралися уже ѣхать въ Москву, то началисъ новыя уговариванія меня имъ сотовариществовать, но мнѣ, для вышеупомянутыхъ обстоятельствъ, и помышлять о томъ было не можно, а сверхъ того и не весьма хотѣлось, а особливо для избѣжанія многихъ излишнихъ издержекъ, которыя и безъ того въ минувшій годъ были очень значительны, но женѣ моей что-то отмѣнно хотѣлось съ ними ѣхать, и я почти нéхотя рѣшился отпустить ее съ сыномъ и второю моею дочерью и дозволить имъ съѣздить на короткое время въ Москву, чѣмъ всѣ они были и довольны.

Въ сей путь отправились они, однако, не прежде какъ черезъ три дни послѣ того, которые проведены были ими въ сборахъ, а я во всѣ праздныя минуты, остававшіяся отъ угощенія пріѣзжавшихъ къ намъ кой-какихъ гостей и отъ другихъ моихъ хлопотъ, занимался сочиненіемъ статей для своего «Экономическаго Магазина», которыхъ хотѣлось мнѣ какъ можно болѣе отправить въ Москву съ своими родными. Между тѣмъ, перетревожилъ-было меня пронесшійся слухъ, будто-бъ намѣстникъ нашъ назначается въ Москву на мѣсто Еропкина главнымъ командиромъ; но, по счастію, былъ онъ совсѣмъ неосновательный, о чемъ узнавъ, успокоился я опять духомъ.

Наконецъ, въ 17-й день генваря собралась жена моя съ дѣтьми въ свою московскую поѣздку, почему, препроводивъ все утро въ писаніи въ Москву писемъ и собравши ихъ совсѣмъ въ путь, поѣхали мы всѣ изъ дому по-утру. Она въ Москву, а мы провожать ихъ до Ламовъ и пріѣхали туда къ обѣду. Тамъ нашли мы зятя и дочь, насъ уже дожидающихся, и провели съ ними и нѣкоторыми бывшими у нихъ гостьми остатокъ дня сего и вечеръ и съ особливымъ удовольствіемъ. Я былъ въ сей разъ еще впервые въ Ламкахъ такъ, какъ у своихъ ближайшихъ родныхъ, и уже запросто, безъ всѣхъ церемоній, и могъ тамъ быть такъ, какъ у себя въ домѣ, въ совершенной свободѣ. Молодая хозяйка утѣшала насъ своею заботливостью о хозяйствѣ и сво-

ею ласкою къ намъ, а особливо попеченіемъ о угожденіи во всемъ мнѣ. Они обходились съ мужемъ, какъ влюбленные любовники, и казались быть довольными своимъ жребіемъ, и у меня не одинъ разъ навертывались слезы на глазахъ, при размышленіи о томъ, что Богъ пристроилъ первую мою дочь симъ образомъ къ мѣсту. Я благодарилъ Его изъ глубины моего сердца и просилъ о принятіи сихъ молодыхъ супружниковъ въ милостивое Свое покровительство и о ниспосланіи имъ Своей милости, также и о томъ, чтобъ такимъ же образомъ помочь мнѣ пристроить и прочихъ моихъ дочерей къ мѣсту. Впрочемъ, въ сей вечеръ было все мое семейство и ужинало въ Ламкахъ вмѣстѣ, и время сіе едвали не наиріятнѣйшее было въ моей жизни: всѣ мы были здоровы, веселы и спокойны; никакія дальнія заботы не обезпокоивали сердца наши, а все шло еще хорошо и пріятно.

Въ наступившій за симъ день встали мы всѣ довольно рано, и хозяева, собравшись къ свѣту, отправились въ Москву. Жена моя, съ обѣими старшими дочерьми, Настасьею и Ольгою и моимъ сыномъ сотовариществовала съ ними; а я съ матушкою тещею и меньшою дочерью Катериною поѣхали назадъ въ Богородицкъ и остались одни.

Молодымъ моимъ ѣхать въ Москву и хотѣлось, и нѣтъ. Побудило ихъ къ тому наиболѣе то обстоятельство, что зять мой былъ тысячьми тремя или четырьмя долженъ, который долгъ, по достатку его, хотя и не составлялъ дальней важности, но дочь мою озабочивалъ. Они имѣли нѣкоторую надежду къ полученію въ Москвѣ денегъ, для заплаты сего долга, а затѣмъ болѣе и поѣхали; что-жъ касается до моей жены, то поѣхала она отчасти для покупокъ, отчасти [для] дочерей меньшихъ и сына, да и для самой замужней. Съ сыномъ моимъ условились мы переписываться въ сіе отсутствіе, и я поручилъ ему множество кой-какихъ коммиссій, для исправленія вмѣсто себя.

Такимъ образомъ, остался я почти одинъ дома въ уединеніи. И какъ около сего времени было у насъ, за отсутствіемъ командира моего, все тихо и смирно, да и дѣлъ по волости никакихъ особыхъ не случилось, то и началъ я время свое препровождать въ обыкновенныхъ своихъ упражненіяхъ, въ читаніи разныхъ книгъ и въ писаніи, и провелъ въ томъ болѣе осьми дней, безъ всякихъ особыхъ приключеній, а досадовалъ только, что временемъ мѣшали мнѣ тѣмъ заниматься пріѣзжавшіе и приходившіе ко мнѣ, не столько интересные и пріятные, сколько скучные гости, которымъ иногда я такъ былъ не радъ, что не знавалъ, какъ ихъ отъ себя и выжить, и уже не одинъ разъ затѣвалъ, для непотерянія сихъ минутъ праздно, посылать за своими ребятишками, учащимися музыкѣ, и заставливалъ ихъ играть для узнанія ихъ въ наукѣ успѣховъ. Изъ интереснѣйшихъ же гостей, пріѣзжавшихъ ко мнѣ въ теченіе сего періода времени, былъ, во-первыхъ, родня нашъ, Лёвъ Савичъ Крюковъ, пріѣзжавшій къ намъ кидать себѣ кровь и проживпіій у меня болѣе двухъ сутокъ, а другой, прискакавшій ко мнѣ на почтовыхъ и совсѣмъ мною неожидаемый, былъ то славный козловскій щоголь, котораго прозвали мы тамъ маркизомъ де-Курасмъ, или, прямѣе сказать, одинъ изъ тамошнихъ межевщиковъ, г. Ванюковъ, Николай Семеновичъ, особа весьма отличная въ Козловѣ. Онъ далъ мнѣ еще въ Козловѣ обѣщаніе ко мнѣ заѣхать и сдержалъ свое слово, и я провелъ съ нимъ вечеръ довольно весело. Онъ разсказывалъ мнѣ многое о козловскихъ происшествіяхъ, а того болѣе о подробныхъ происшествіяхъ, бывшихъ при осадѣ и взятьѣ Очакова, наслышавшись о томъ отъ бывшаго при томъ и пріѣхавшаго оттуда князь Сергія Ѳедоровича Голицына, которыя повѣствованія были для меня отмѣнно интересны и пріятны и подали мнѣ послѣ поводъ къ описанію всего того въ особой книжкѣ, которая и понынѣ хранится у меня въ библіотекѣ. Я постарался угостить сего умнаго и ласкающагося ко мнѣ человѣка

какъ возможно лучше, показывалъ ему свои картины и все, кидающееся въ глаза, и послѣ ужина проводилъ поскакавшаго далѣе въ свой путь въ Тулу.

Къ числу таковыхъ же пріѣзжавшихъ ко мнѣ разныхъ людей принадлежалъ и нашъ деревенскій попъ и мой прежній отецъ духовной Евграфъ. Сей, будучи превеликимъ охотникомъ говорить, надоѣлъ мнѣ какъ горькая рѣдька. Онъ пробылъ у меня без-мала двое сутокъ, и безпрерывными своими повѣствованіями и разсказами не допустилъ меня ни въ чемъ порядочно упражняться. Они мнѣ уже такъ наскучили, что не одинъ разъ я предпринималъ нарочно во время оныхъ читать и писать и иныя дѣла дѣлать, и всячески давать ему знать, что я не хочу его слушать, и что онъ мнѣ мѣшаетъ, но ничто не помогало. Онъ продолжалъ безпрерывно свое дѣло и обращался мнѣ въ тягость, и на-силу-на-силу сжилъ я его съ своихъ рукъ и проводилъ со двора, давъ ему нѣсколько рублей на дорогу.

Пріѣзжалъ онъ ко мнѣ нарочно и не безъ дѣла, и оное относилось болѣе до чудака, моего двоюроднаго братца, Михайла Матвѣевича и до его дома. Отъ него услышалъ я, что сей жалкій человѣкъ не только не отставалъ отъ своего проклятаго ремесла, пьянства и драки, но часъ-отъ-часу становился хуже и спѣшилъ скорыми шагами къ своей погибели. Въ порокъ сей вдался онъ уже такъ около сего времени, что ничто не въ состояніи было его исправить, и мы дивились даже, какъ онъ еще живъ былъ. Но жалко было то, что вмѣстѣ съ нимъ погибали его дѣти. Попъ сказывалъ мнѣ, что, при его распутной и негодной жизни, сдѣлалась будто бы и самая его дочь таковою-жъ, а сынъ весь избитъ, изувѣченъ, и что не великъ прокъ и надежда была и въономъ. Далѣе сказывалъ мнѣ онъ, что за дочь его сыскался уже женихъ, и что онъ нарочно за тѣмъ и пріѣхалъ, чтобъ меня о семъ увѣдомить, и говорилъ, что, по всѣмъ обстоятельствамъ, надобно-бъ спѣшить отдавать ее замужъ. Я всему тому и вѣрилъ, и нѣтъ. Но то была правда, что чудакъ сей дѣлалъ величайшее пятно и безчестіе нашей фамиліи, и она сколько мною славилась, столько имъ чернилась, что, натурально, меня очень огорчало. Впрочемъ, обрадовалъ меня попъ сей привезеніемъ извѣстія, что наши дорожные хотя отъ крайней дурноты дороги и много безпокойства претерпѣли, но доѣхали благополучно до Серпухова.

Что касается до моихъ литературныхъ упражненій въ сей періодъ времени, то состояли они болѣе въ писаніи. Я занимался отчасти продолженіемъ своихъ экономическихъ сочиненій для журнала, отчасти затѣваніемъ кой-какихъ новыхъ письменныхъ работъ, но изъ коихъ только двѣ получили въ сіе время свое порядочное основаніе. Первое состояло въ основаніи порядочныхъ историческихъ записокъ, относящихся до всего нашего отечества, для пользы и любопытства потомкамъ, и въ книгу сію, какъ въ магазинъ, собирать всѣ носившіяся въ народѣ молвы и слухи, извѣстія подлинныя и летающія сочиненія и стихи, которыми, впослѣдствіи времени, я наполнилъ нѣсколько книгъ, и кои отчасти продолжаются и по-нынѣ. А второе состояло въ пристальнѣйшемъ продолженіи описанія собственно моей жизни и всѣхъ бывшихъ со мною происшествій. Дѣло сіе начато было у меня уже очень давно, но все прерывалось и я окончить давно собирался. У меня написано было уже два тома, и я довелъ исторію свою уже до пребыванія моего въ Кенигсбергѣ, но какъ первая часть оной, во время пожара, у меня сгорѣла, а вторая часть была уже переплетена, то вздумалось мнѣ написать опять вновь и первую, а буде можно — то и всю жизнь, и поспѣшить тѣмъ, покуда всѣ происшествія, а особливо бывшія въ малолѣтствѣ, были еще довольно мнѣ памятны и не позабыты, къ чему я около сего времени, а именно 24 числа генваря и приступилъ, съ котораго времени потомъ, хотя не безпрерывно, но по временамъ, урывками и урывками, я и продолжалъ сіе дѣло, даже до

самыхъ нынѣшнихъ временъ и написалъ уже многія части. Всѣми сими разными писаніями и занимался я во всѣ свободные часы, даже до 26 генваря, въ который день была опять старушка теща моя именинницею. И какъ ей съ сего времени пошолъ уже шестидесятый годъ отъ рожденія, то, изъ почтенія и любви къ ней, восхотѣлось мнѣ въ сей день, по обыкновенію, сдѣлать у себя небольшую пирушку и пригласить къ себѣ кой-кого изъ городскихъ нашихъ. Но она была такъ счастлива, что пріѣхали къ намъ нѣкоторые изъ друзей нашихъ и изъ уѣзда, а что̀ всего страннѣе, то въ самой этотъ день заѣжжали ко мнѣ и друзья, и соперники мои господа Рахмановы и сидѣли у меня вечеръ и ужинали.

Достопамятно, что сіи неожидаемые гости заѣжжали тогда ко мнѣ не столько для того, чтобъ со мной видѣться, сколько для убѣжденія меня продать имъ мою Тамбовскую деревню. Они предлагали мнѣ сіе подъ тѣмъ предлогомъ, что, будто бы за отмежеваніемъ мною у нихъ земли, деревни ихъ не осталось чѣмъ владѣть, и потому рѣшились они у меня всю сію землю и вмѣстѣ съ самою моею деревнею купить, почему и вымажживали они у меня ее всячески. Напротивъ того, у меня не было никогда и на умѣ, чтобъ ее продавать, потому что она одна и была у меня капитальная деревня. Со всѣмъ тѣмъ, какъ они уже непутнымъ дѣломъ стали ко мнѣ приставать и, въ противномъ случаѣ, угрожать, что они станутъ просить о перемежевкѣ и о томъ, чтобъ меня отодвинули отъ нихъ далѣе, то не зналъ я, что̀ дѣлать, и опасаясь, чтобъ они не навлекли мнѣ новыхъ хлопотъ (что̀ по богатству своему учинить они были въ состояніи), то вздумалъ наконецъ запросить у нихъ за нее такую цѣну, какую не думалъ я, чтобъ они согласились дать, а именно 20 тысячъ. Цѣна̀ сія, дѣйствительно, показалась имъ непомѣрною, и они много о томъ говорили, но я никакъ не соглашался взять меньше, да и на сіе соглашался не инако, какъ въ такомъ случаѣ, ежели мнѣ удастся найтить купить себѣ гдѣ-нибудь поближе способную деревеньку. Они, услышавъ о семъ, тотчасъ стали мнѣ предлагать на обмѣнъ свою Епифанскую деревню, обѣщаясь приплатить мнѣ, что̀ будетъ надобно. А сіе и заставило меня, дѣйствительно, о томъ думать, и тѣмъ паче, что великая отдаленность моей деревни и неспособная ѣзда въ нее мнѣ всегда не нравилась, и я охотнѣе бы хотѣлъ имѣть у себя степную деревню поближе. А какъ, сверхъ того, зналъ я, что и господа Остафьевы, ближніе сосѣди моего зятя въ Ламкахъ, собирались продавать свою половину, то мечталъ я себѣ въ мысляхъ, что не можно-ль мнѣ будетъ, съ нѣкоторою прибавкою денегъ, воспользоваться и обѣими сими деревнями, вслѣдствіе чего и не отказывался я господамъ Рахмановымъ въ разсужденіи обмѣна. Но какъ о состояніи деревни ихъ надлежало мнѣ напередъ узнать въ подробности и послать ее осмотрѣть, на что̀ и они были согласны, то на томъ дѣло сіе тогда и осталось. И для меня было великое счастіе, что они не согласились тогда дать мнѣ требуемыя 20 тысячъ; которая цѣна хотя и была, по тогдашнимъ покупкамъ земель и деревень, великовата, но какъ цѣны вскорѣ послѣ того ужасно поднялись, то потужилъ бы я послѣ тысячу разъ, что продалъ такъ дешево, ибо послѣ стала она болѣе и 40 тысячъ.

Всѣ достальные дни текущаго тогда генваря мѣсяца протекли у насъ въ мирѣ и тишинѣ и не было ничего чрезвычайнаго. Кромѣ того, что однажды перестращали насъ съ матушкою, при случаѣ ѣзды нашей въ гости къ нашему городничему, завезя нашу карету на полоскахъ въ такой узкой проѣздъ между строеніемъ и бывшими тогда страшными сугробами, что она, опрокинувшись совсѣмъ на бокъ, ущемилась такъ, что еслибы лошади не случились быть смирными, то и карету бы всю изломали въ дребезги, и насъ бы перебили; но, по счастію, лошадей поостановили, а мы принуждены были уже кое-какъ вылѣзать изъ кареты

въ боковое окно вверхъ, чего съ нами никогда не случалось, и отдѣлались отъ сей опасности небольшимъ только повреждeніемъ кареты.

Кромѣ сего, въ послѣднихъ числахъ сего мѣсяца встревоженъ я былъ полученнымъ извѣстіемъ, что командиръ мой г. Давыдовъ скоро возвратится изъ Петербурга, ибо какъ я не сомнѣвался, что при семъ пріѣздѣ его будетъ происходить опять всякая всячина — и хорошее, и дурное, то сіе меня очень озабочивало.

Но не однѣ сіи непріятности повстрѣчались со мною въ теченіе сего времени, а было нѣчто и пріятное. Получили мы отъ своихъ отсутствующихъ родныхъ письмы, которыя увѣдомляли насъ, что они въ Москву пріѣхали благополучно и, остановившись въ нанятомъ домѣ Лихарева, на Шабаловкѣ, имѣли уже время кой-у-кого побывать и познакомиться съ родственниками зятя моего, и что вездѣ приняты были хорошо и обласканы, и что все у нихъ тамъ происходитъ хорошо и порядочно, чѣмъ всѣмъ я такъ былъ обрадованъ, что изъ глазъ моихъ вытекла даже слеза удовольствія. Впрочемъ, увѣдомляли они меня, что и меньшому брату зятя моего восхотѣлось также неотмѣнно жениться, и что онъ, отставъ отъ госпожи Марковой, сговорилъ уже жениться на дочери господина Ильина и поспѣшалъ сватьбою своею до чрезвычайности.

Далѣе обрадовался-было я очень въ послѣдній день сего мѣсяца, получивъ съ почтою два превеликіе пакета. Не сомнѣваясь ни-мало, что то были газеты, которыхъ, ко всеобщему удивленію, за какими-то препятствіями, неиздаваемо было еще ни одного нумера съ начала года и во весь этотъ мѣсяцъ, чего до того никогда не бывало, однако мы обманулись, и ожиданіе наше на сей разъ было тщетное. Былъ то мой «Экономическій Магазинъ» и нѣкоторыя присланныя ко мнѣ книги; но я, по крайней мѣрѣ, радъ былъ тому, что въ книги сіи всунуты были гамбургскія газеты. И какъ въ оныхъ писано было уже и объ Очаковѣ, и объ многомъ другомъ интересномъ, то и занялся я чтеніемъ оныхъ съ отмѣннымъ любопытствомъ, а потомъ писаніемъ къ своимъ роднымъ въ Москву, къ сыну же своему — предлиннаго письма. И какъ случилась тогда въ Москву нарочная посылка для нѣкоторыхъ казенныхъ покупокъ, то отправлялъ опять цѣлую партію заготовленныхъ піесъ для своего журнала.

Въ сихъ обстоятельствахъ засталъ насъ февраль мѣсецъ, котораго и въ самой уже первый день перетревоженъ я былъ чрезвычайнымъ образомъ. Было то уже уже ввечеру. И когда мы, поужинавши, легли уже спать, я успѣлъ уже заснуть крѣпкимъ и сладкимъ первымъ сномъ, какъ вдругъ пробуждаетъ меня слуга, со свѣчкою въ рукахъ, подающій мнѣ ордеръ. «Такъ, воскликнулъ я тогда самъ въ себѣ, видно что уже пріѣхалъ нашъ другъ въ Тулу и начались опять бамбандированія!» Я не менѣе ожидалъ, что велятъ мнѣ пріѣхать въ Тулу и въ томъ не обманулся. Писано было, дѣйствительно, чтобъ я на утріе же былъ бы въ Тулу и привезъ бы съ собою вѣдомости о доходахъ и хлѣбѣ, но такія, которыя въ единый мигъ и такъ скоро сочинить было невозможно; къ тому-жъ, требованіе сіе было отъ самого намѣстника, и не очень толковитое; и я, по всему видимому, заключалъ, что тревожила ихъ самая та покупка хлѣба у мужиковъ, о которой говорилъ я впередъ. Думать надлежало, что предложили они о томъ подтрушивались къ государынѣ, и сами были тому уже не ради.

Легко можно заключить, что ордеръ сей меня очень смутилъ и перетревожилъ. Я принужденъ былъ въ тотъ же часъ посылать будить своего секретаря Щедилова и приказывать ему приниматься тотчасъ за сочиненіе помянутыхъ вѣдомостей, и хоть всю ночь не спать, а приготовить ихъ къ утрему; а самъ, дождавшись утра, началъ тотчасъ собираться въ Тулу, ибо какъ бы то ни было, но я долженъ былъ неукоснительно туда ѣхать. Но тутъ, гдѣ ни возьмись, опять

превеликая и ужасная мятель: поднялась такая кура и смертоносная вьюга, какая была уже у насъ въ декабрѣ, и столь сильная, что никуда глазъ показать было не можно; всѣ обозы даже остановились, и никто не отваживался пускаться на явную опасность. «Ахти! что́ дѣлать! воскликнулъ я сіе увидѣвъ; какъ можно въ этакую пропасть ѣхать и подвергать себя опасности явной! нѣтъ! воля Господня! а я и не подумаю ѣхать, что́ бъ они тамъ ни говорили!» И, дѣйствительно, остановился. Но какъ непогода сія продолжалась только до половины дня, а къ вечеру сдѣлалось тихо и тепло, а между тѣмъ поисправился я и вѣдомостьми, — то, не хотя дѣлать ослушанія, да и самъ усматривая нужду и надобность въ поспѣшнѣйшемъ пріѣздѣ, рѣшился, хотя передъ вечеромъ, а выѣхать, что́ дѣйствительно и исполнилъ.

Выѣхавши въ сей путь, увидѣлъ я, что натура наконецъ надъ бѣдными нашими путешествующими сжалилась и сдѣлала уже сама то, что надлежало бы дѣлать правительству, то-есть, исправила всѣ наши дороги, до крайности до того испорченныя ухабами и изрытыя, сгладивъ оныя на большую часть помянутою, продолжавшеюся хотя нѣсколько только часовъ мятелью. Почему ѣхать мнѣ было хотя и трудновато, да и поздно, ибо я на Крутомъ уже обмеркъ, но, прихвативъ часа два ночи, благополучно до Дѣдилова доѣхалъ. И тутъ переночевалъ у знакомца своего Юлш и вставъ, часа за два свѣта, успѣлъ еще довольно рано пріѣхать въ Тулу и поспѣть еще къ чаю къ другу Антону Никитичу Сухотину, у котораго я и въ сей разъ остановился.

А симъ окончу я и письмо сіе, которое кстати достигло и до обыкновенныхъ своихъ предѣловъ и скажу, что я есмь вашъ, и прочее.

(Генваря 9 дня 1811 года).

ЗАМОКЪ БОГОРОДИЦКІЙ.

Письмо 249.

Любезный пріятель! Послѣднее мое письмо кончилъ я пріѣздомъ моимъ въ Тулу, а теперь, продолжая повѣствованіе мое далѣе, скажу вамъ, что мое первое дѣло было то, чтобъ, одѣвшись поскорѣе, спѣшить ѣхать къ командиру своему и застать его у себя въ домѣ. Между тѣмъ какъ я одѣвался, отыскали мнѣ моего секретаря Варсобина, бывшаго тогда въ Тулѣ. Сей обрадовалъ меня, извѣстивъ, что дѣло, относящееся до покупки ржи, оставлено, и намъ по оному ни какихъ хлопотъ не будетъ. По сколько обрадовало меня сіе извѣстіе, столько смутило другое. Хозяева мои спѣшили меня увѣдомить, что командиръ мой, вмѣстѣ съ г. Вельяминовымъ, Николаемъ Ивановичемъ, представлены отъ намѣстника кандидатами на вице-губернаторское мѣсто въ Калугу, поелику тамошній вышелъ въ отставку, и что никто не сомнѣвался въ томъ, что пожалуется въ достоинство сіе командиръ мой г. Давыдовъ. Но какъ съ тѣмъ сопряжено и то, что волости наши возьмутся отъ сего изъ вѣдомства, то едва ли не получу я въ скоромъ времени себѣ другова командира, и что симъ ни кто иной будетъ, какъ помянутый г. Вельяминовъ, мужъ любимицы намѣстниковой.

Извѣстіе сіе было для меня не весьма радостно. Командиръ мой каковъ ни былъ, но я къ нему уже привыкъ и пользовался всегда его къ себѣ ласкою и благопріятствомъ, а не рѣдко и самыми благодѣяніями, а новый каковъ будетъ — было еще неизвѣстно. А то только мы знали, что былъ онъ человѣкъ гордый, пышный, надменный и неприступный, и что онъ давно уже сего мѣста и съ худыми намѣреніями добивался. А потому и легко можно было заключать, что при семъ случаѣ и съ моими обстоятельствами можетъ произойтить великая и важная перемѣна, и я принужденъ буду тогдашняго мѣста сво-

его, которымъ я толико уже лѣтъ пользовался и наслаждался, лишиться.

Словомъ, извѣстіе сіе было такого рода, что надлежало бы ему меня весьма встревожить; но удивительно было, что оно меня какъ-то не весьма трогало: ни то недостовѣрность еще сей перемѣны была тому причиною, ни то подкрѣпляла меня надежда и упованіе на моего Бога, опредѣлившаго меня въ мое мѣсто и Которому я и тогдашній случай предавалъ въ волю; ни то сердце мое ничего дурнаго не предчувствовало. Но какъ бы то ни было, но я услышалъ сіе безъ трепетанья сердечнаго и волнованья духа, а подумалъ только, что Богу угодно, то и будетъ.

Одѣвшись, не сталъ я ни мало медлить, но поѣхалъ къ моему командиру. Онъ принялъ меня очень ласково и благопріятно. Я засталъ его дожидавшагося къ себѣ гостей, ибо въ самый тотъ день была жена его имянинницею, и онъ готовился угощать всѣхъ тульскихъ именитѣйшихъ людей и дать имъ у себя большой пиръ. Ихъ, и дѣйствительно, набралось дамъ и господъ такое великое множество, что всѣхъ негдѣ было и посадить, и многіе принуждены были обѣдать въ другой комнатѣ.

Будучи занятъ хлопотами по сему случаю, отложилъ онъ то дѣло, за которымъ меня призывалъ, до утрева. Я, видя сіе и не хотя весь день потерять тутъ попустому, согласился съ хозяиномъ моимъ, обѣдавшимъ тутъ же передъ вечеромъ, ѣхать къ губернскому казначею г. Запольскому, Петру Ивановичу. Сей человѣкъ, о которомъ я уже и прежде упоминалъ, былъ особливаго примѣчанія достоинъ тѣмъ, что имѣлъ хотя небольшой чинъ и былъ сущимъ драгунскимъ офицеромъ, но, при всемъ томъ, наилюбопытнѣйшій человѣкъ во всей Тулѣ. Онъ держалъ газеты и не только читалъ ихъ съ должнымъ вниманіемъ, но обо всѣхъ новыхъ слухахъ имѣлъ особое попеченіе, и у него всегда и обо всемъ можно было узнавать первые и вѣрнѣйшіе слухи и новизны. За самое такое-жъ любопытство любилъ онъ и меня отмѣнно и былъ намъ чрезвычайно радъ. Тутъ имѣлъ я случай видѣть обстоятельный планъ всей Очаковской осады и наслушаться многихъ анекдотовъ. Мы провели съ нимъ весь вечеръ съ удовольствіемъ и въ безпрерывныхъ разговорахъ о политическихъ происшествіяхъ въ свѣтѣ, и я не видалъ какъ прошелъ вечеръ. Онъ унялъ насъ у себя ужинать, и мы угощеніемъ его были очень довольны.

Кромѣ сего, имѣлъ я тутъ удовольствіе получить изъ Москвы всѣ газеты и въ нихъ читать большую реляцію, также письма отъ своихъ московскихъ, особливо отъ сына, и узнать, что они находились благополучно, а онъ имѣлъ случай быть въ оружейной палатѣ и насмотрѣться всѣмъ царскимъ древностямъ. Впрочемъ, и старушка наша, М. Юрьевна, жившая тогда у г. Давыдова, подтвердила мнѣ тоже, что слышалъ я отъ г. Сухотина о г. Давыдовѣ, говоря притомъ объ немъ, что онъ самъ тому очень не радъ, а охотнѣе хотѣлъ остаться въ прежнемъ чинѣ и мѣстѣ.

Симъ кончился тогда первый день пребыванія моего въ Тулѣ, а на утріе, вставши съ свѣтомъ вдругъ, поспѣшилъ я одѣться, чтобъ поранѣе пріѣхать къ г. Давыдову и поговорить съ нимъ о дѣлахъ. Я засталъ его одѣвающагося и тотчасъ приступилъ къ дѣлу. Тутъ узналъ я, что ордеръ о присылкѣ вѣдомостей отъ намѣстника присланъ уже послѣ его отъѣзда изъ Петербурга, и что онъ самъ не зналъ, для чего сіе требуется. Онъ разсказывалъ мнѣ о многихъ петербургскихъ происшествіяхъ и, между прочимъ, что онъ еще 12 генваря представленъ въ докладъ въ вице-губернаторы Калужскіе, но по сіе время ничего еще на то не вышло. Въ разсужденіи хлѣба разсказывалъ онъ мнѣ, что Государыня хотѣла было сдѣлать мужикамъ милость. Но какъ смѣтились, что по такой дорогой цѣнѣ, какую они требуютъ, куль муки обойдется въ Петербургѣ въ 9 рублей, то и плюнули. Впрочемъ, удивилъ онъ меня, разсказывая, какъ намѣстникъ шагалъ и

хвасталъ тамъ нашимъ урожаемъ хлѣбнымъ и какъ увеличивалъ оный самъ. Я, разсматривая поданную ими въ Петербургѣ вѣдомость, открылъ въ ней преужасную погрѣшность, учиненную ими отъ скорости и смутилъ тѣмъ г. Давыдова. Впрочемъ, онъ, давъ мнѣ наставленія какія и какъ сочинить мнѣ требуемыя вѣдомости, оставилъ мнѣ на произволъ, тутъ ли оныя писать, или ѣхать для сего на квартеру, обѣщая ввечеру разсмотрѣть мои бумаги, чему я и радъ былъ, ибо тутъ писать было неудобно.

Итакъ, откланявшись, поѣхалъ я на квартеру и въ уединенномъ покойцѣ принялся сочинять пустыя и нисколько неосновательныя, но совсѣмъ почти ложныя вѣдомости, служащія только къ тому, чтобъ ими блеснуть и пустить въ глаза пыль! По всему видимому, назначаемы онѣ были для засвидѣтельствованія, сколь великое усердіе и ревность имѣлъ г. Давыдовъ при управленіи волостьми и сколь много достоинъ за то награжденія! Но, ахъ! когда-бъ знала царица самую истину,— не награжденія, а наказанія долженствовалъ бы онъ тогда дожидаться!

Препроводивъ нѣсколько часовъ въ поспѣшествованіи сему человѣку въ собраніи плодовъ съ чужихъ трудовъ и поломавъ довольно голову надъ симъ дѣломъ, въ которомъ поневолѣ принужденъ я былъ писать неправду, поѣхалъ я послѣ обѣда къ г. Давыдову, чтобъ предложить на разсмотрѣніе мои вѣдомости. Сказали мнѣ, что онъ ѣдетъ въ свое Анненское. и я взгоревался, что не застану и чрезъ самое то принужденъ буду цѣлый день лишній прожить въ Тулѣ. Я, и дѣйствительно, не засталъ его дома; однако, онъ былъ въ Тулѣ и поѣхалъ развозить визиты.

Поговоривъ со свояченицею его и старушкою нашею М. Юрьевною и сообща погоревавъ о предстоящей перемѣнѣ, вздумалъ я съѣздить на досугѣ къ г. Верещагину. Но не успѣлъ посидѣть у него съ часъ времени, какъ пріѣхали за мною отъ г. Давыдова; я благимъ матомъ поскакалъ къ нему и нашолъ его сидящаго подлѣ своей жены, вдругъ отчего-то занемогшей. Онъ всѣми сочиненными мною вѣдомостями былъ доволенъ и велѣлъ переписать ихъ къ утрему. Потомъ, поговоривъ со мною кое-о-чемъ, хотѣлъ-было, чтобъ я ѣхалъ съ нимъ въ театръ; однако, я не поѣхалъ, а отговорился, что мнѣ нужно при себѣ заставить переписывать вѣдомости, чѣмъ я и занялся тотъ вечеръ на квартерѣ.

Симъ кончился второй день пребыванія моего въ Тулѣ, а въ третій—отвезъ по-утру къ командиру моему переписанныя вѣдомости; но, вмѣсто предписаннаго возможнѣйшаго поспѣшенія, на-силу-насилу отправили мы въ сіе утро курьера съ сими бумагами въ Петербургъ. Послѣ чего г. Давыдовъ не сталъ меня долѣе задерживать, но отпустилъ, сказавъ, что онъ самъ чрезъ недѣлю къ намъ въ Богородицкъ пріѣдетъ.

Впрочемъ, въ сію мою бытность у него, имѣлъ я удовольствіе видѣть ученика своего, упражнявшагося въ рисовальной по стеклу работѣ, которая была мною изобрѣтена и выдумана, а имъ доведена уже до довольнаго совершенства. Это былъ одинъ крестьянскій сынъ изъ нашихъ волостей, который, живучи у меня, учился рисовать, и такъ въ томъ успѣлъ, что искусство сіе сдѣлалось ему потомъ очень полезно.

Кромѣ сего, поразило меня въ сіе утро добродушіе г. Давыдова. Онъ самъ собою и безъ всякой просьбы представилъ къ намѣстнику о произведеніи въ чины моихъ нижнихъ канцелярскихъ служителей Товалова, Молчанова и Щедилова; первыхъ — въ регистраторы, а послѣдняго — въ канцеляристы. Произошло сіе прямо отъ его добродушія и желанія людямъ дѣлать добро, а въ самомъ дѣлѣ всѣ они такова награжденія едва-ли были достойны. Первый изъ нихъ былъ сколько-нибудь малой изрядный и мой воспитанникъ и ученикъ, а послѣдніе оба были бездѣльники и того не стоили.

По возвращеніи на квартеру, сталъ я тотчасъ собираться въ путешествіе домой и радъ былъ, что могъ ѣхать вмѣстѣ съ

другомъ моимъ, г. Хомяковымъ. За обѣдомъ имѣлъ я опять сладкое удовольствіе слышать многое хорошее о сынѣ хозяина моего, Петрѣ Антоновичѣ Сухотинѣ, жившемъ у меня въ минувшемъ году нѣсколько мѣсяцевъ. Говорили, что онъ, живучи у меня, весьма многое у меня занялъ, и что наставленія мои пали на плодоносную землю. Онъ сдѣлался ботаникомъ и велъ жизнь порядочную и философическую, и родители его были тѣмъ крайне довольны, а я того болѣе, слыша о ученикѣ своемъ столь много хорошаго.

Послѣ обѣда не сталъ я долѣе медлить ни минуты, но пустился въ путь въ Богородицкъ къ оставшимъ (sic) моимъ любезнымъ роднымъ. Въ пути семъ было мнѣ весьма весело, ибо погода была хотя холодная, чрезвычайно вѣтреная, но я, ѣдучи въ своемъ миломъ и спокойномъ возочкѣ своего изобрѣтенія, ничего того не чувствовалъ, а сидѣлъ какъ въ теплой горенкѣ и во всю дорогу занимался чтеніемъ веселой и крайне пріятной и любопытной книги «Дѣянія Петра Великаго», которую ни одному россіянину читать устать не можно и за которую вся Россія обязана весьма много г. Голикову. И за симъ чтеніемъ и не видалъ какъ переѣхали мы весь путь до Дѣдилова.

Тутъ расположились мы ночевать въ трактирѣ, и спутникъ мой, г. Хомяковъ, какъ хозяинъ, угощалъ меня чаемъ и ужиномъ. Съ нами былъ и винокуръ его, нѣмецъ Крестьянъ Ивановичъ Грунтъ, котораго любилъ я душевно, и мы весь вечеръ провели съ удовольствіемъ въ разныхъ и любопытныхъ разговорахъ. А въ слѣдующее утро, напившись чаю и продолжая путь, пріѣхали ранёхонько въ Богородицкъ, гдѣ нашолъ я домашнихъ своихъ, дожидавшихся меня съ превеликимъ уже нетерпѣніемъ.

Симъ образомъ кончивъ и сію свою нечаянную поѣздку и возвратясь въ свое мѣсто, принялся я опять за прежнія свои упражненія, а особливо за описаніе всего того, что я и прежде въ Тулѣ будучи слышалъ, о разныхъ происшествіяхъ и любопытныхъ анекдотахъ, случившихся при осадѣ Очаковской, а изъ чего и составилась у меня та самая книжка, которая и понынѣ хранится у меня въ библіотекѣ и служитъ памятникомъ самому сему періоду времени.

Но едва только дни три прошло, и я не успѣлъ еще порядочно отдохнуть отъ своего путешествія, какъ ввечеру третьяго дня перетревоженъ я былъ уже опять извѣстіемъ о пріѣздѣ командира моего ночевать въ его хуторъ, и что въ слѣдующее утро онъ и къ намъ пріѣдетъ. Какъ причина пріѣзда его въ сей разъ была мнѣ неизвѣстна, то и думалъ я, что призывали его какія-нибудь надобности по ихъ откупщицкимъ дѣламъ и по питейной канторѣ. Однако, въ семъ мнѣніи я обманулся, а притянула его къ намъ другая нужда. Его велѣно было Счетной Экспедиціи за всѣ годы правленія его счесть, и онъ привезъ съ собою своего секретаря для сочиненія вѣдомостей въ приходѣ и расходѣ денегъ. Однако, онъ самъ за сіе важное дѣло и не принимался, а поручилъ оное секретарю, а сей вмѣсто того прогулялъ и пропилъ весь день у Варсобина.

Г. Давыдовъ пріѣхалъ къ намъ 9 февраля довольно рано и сталъ опять во флигелѣ дворцовомъ въ верхнихъ покойцахъ надъ музыкантами. Къ нему собрались тотчасъ всѣ городскіе чиновники и послано было за княземъ и Хомяковымъ, въ ожиданіи котораго и провелъ онъ все утро въ слушаніи музыки и нашихъ пѣвчихъ. Впрочемъ, изъ поведенія его усматривалъ я, что былъ онъ нѣсколько повеселѣе, нежели въ Тулѣ, однако, все еще не зналъ самъ о себѣ, что̀ будетъ, и съ нетерпѣливостію дожидался извѣстія изъ Петербурга, говоря: «ужъ бы одно что̀-нибудь!» Далѣе сказывалъ онъ, будто бы одинъ изъ пріятелей его пишетъ къ нему изъ Петербурга, что вицъ-губернаторомъ его уже не смѣетъ поздравлять съ того времени, какъ чрезъ Безбородку дѣло взяло совсѣмъ иной

оборотъ и что есть надежда, что того не сдѣлается. Вотъ случай! что люди и чину и вицъ-губернаторству были не ради! Со всѣмъ тѣмъ, какъ съ судьбою его сопрягалась нѣкоторымъ образомъ перемѣна и въ моихъ обстоятельствахъ, то я и тому нѣсколько порадовался.

Послѣ обѣда, бывшаго у него въ замкѣ, ѣздили всѣ мы сидѣть къ князю и, просидѣвъ тамъ до сумерокъ, опять пріѣхали къ нему во флигелёкъ, гдѣ во весь вечеръ проигралъ онъ съ княземъ въ карты, а я былъ только зрителемъ. Что-жъ касается до г. Хомякова, сего добродушнаго человѣка, то онъ ѣздилъ по городу и гулялъ и пріѣхалъ къ намъ уже послѣ ужина и довольно подгулявши. Тутъ началъ онъ, по обыкновенію своему, шумѣть и бурлить и наговорилъ г. Давыдову и князю много истины, однако, такихъ словъ, которыми они не весьма были довольны. Онъ требовалъ неотмѣнно, чтобъ подали еще пить. Итакъ, принуждены были подать бутылку венгерскаго, и мы должны были всякій выпить по стакану. Мнѣ достался также превеликій, и я имѣлъ оттого только то удовольствіе, что у меня выжгло всю душу, и я, пришедши домой, на-силу заснулъ, проклиная и вино, и мотовство, и тѣхъ, кто такія дорогія вина выдумалъ. Симъ образомъ, кончили мы сей день, не сдѣлавъ въ оной ничего важнаго.

Въ послѣдующій за симъ день пробылъ у насъ г. Давыдовъ не долѣе какъ до обѣда, а тамъ поѣхали они всѣ, то-есть онъ, Хомяковъ и князь опять въ Тулу, съ тѣмъ, чтобъ ночевать въ Дѣдиловѣ. Въ сіе утро призываны были къ нему бурмистры, и онъ съ ними говорилъ, а между тѣмъ, писаны и даваны были мнѣ разные кое-о-чемъ ордера, а передъ отъѣздомъ загремѣли опять бутылки съ шампанскимъ, приводимыя въ движеніе г. Хомяковымъ, съ которымъ отправились они и въ путь свой и хотѣли въ Дѣдиловѣ съ ними еще повѣдаться.

Итакъ, въ сей разъ пребываніе г. Давыдова у насъ продлилось очень не долго. Однако, каково коротко оно ни было, но онъ успѣлъ надавать мнѣ множество ордеровъ. Изъ всѣхъ бывшихъ у меня командировъ, ни который не былъ на ордера такъ тчивъ, какъ сей. Во всякій пріѣздъ оставлялъ онъ ихъ мнѣ цѣлыя стопы, и ихъ такъ было много, что онъ самъ въ нихъ запутывался и не помнилъ, какіе уже давалъ. Впрочемъ, въ пріѣздъ сей главная его цѣль состояла въ томъ, чтобъ, какимъ-нибудь образомъ, пораспутать себя въ тѣхъ тенетахъ, въ какихъ запутался по волости, въ разсужденіи забиранія хлѣба и многихъ пустыхъ денежныхъ издержекъ, и для самого того принуждены мы были дѣлать пустыя вѣдомости и трудиться. По всему видимому, опасался онъ, что его станутъ считать, смѣнютъ и отъ насъ отлучатъ. Однако, не преминулъ надѣлать и вновь разныхъ пакостей, какъ напримѣръ, велѣлъ истраченные въ Тулѣ на тамошніе парники и ранжереи двѣстѣ рублей положить на счотъ волости и деньги взялъ къ себѣ; велѣлъ изъ заготовленныхъ волостными крестьянами казенныхъ дровъ 50 сажень, стоящихъ болѣе 200 рублей, отдать Хомякову на пивоварню; опредѣлилъ жалованье одной пришлой старушкѣ по-пустому; уменьшилъ цѣну порціи гошпитальной въ половину; велѣлъ сѣно давать казенной одной женщинѣ; приказалъ дровъ давать не только судьямъ, но и самому городничему. Словомъ, и въ сей разъ, вмѣсто мнимаго умноженія доходовъ, произвелъ убытка только казнѣ рублей на 500, пользы же ни малѣйшей не сдѣлалъ.

Со мною онъ во все тогдашнее пребываніе свое у насъ обходился хорошо, хотя князь, по гнусному и скверному характеру своему, и старался, какъ дьяволъ, всячески прихвостничать, клеветать и вливать ядъ въ его сердце. Онъ два раза у князя былъ, а у меня ни однажды; но я не звалъ, да и не старался о томъ, чтобъ онъ удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ, которыя каждый разъ причиняли мнѣ только убытки, а пользы ни какой не приносили. Пріѣзды

его наскучили мнѣ и безъ того довольно. Много разъ пріѣжжалъ онъ къ намъ по однимъ только откупнымъ своимъ дѣламъ, а я, не имѣя въ томъ ни малѣйшаго участія, со стороны принужденъ былъ терпѣть убытки и его съ толпою его гостей и прихлебателей подчивать, угощать и поить дорогими винами. Князь же, получая отъ нихъ ни-за-что ни-прочто по 2,000 р. въ годъ, не хотѣлъ даже никогда имъ и обѣда у себя сдѣлать. Сей льстецъ и лукавецъ поскакалъ тогда самопроизвольно въ Тулу, услышавъ, что г. Веницеевъ женится и что г. Давыдовъ будетъ его встрѣчать въ домѣ вмѣсто отца посаженнаго. Ни кто его туда не звалъ, а онъ самъ изъ еднаго раболѣпства поѣхалъ туда, чтобъ тѣмъ Веницееву прислужиться.

Проводивъ г. Давыдова, возвратился я въ свое уединеніе и принялся опять за обыкновенныя свои упражненія. Ввечеру приходилъ ко мнѣ Варсобинъ, провожавшій г. Давыдова до князя, и сказывалъ, что онъ примѣтилъ его при отъѣздѣ не весьма веселымъ и отъѣзжающимъ какъ-бы съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, и сколько ему примѣтно было — за то, что не удалось ему сорвать съ волости нашей добрую щетинку. Выходило наружу, что онъ едва-ли не за тѣмъ наиболѣе къ намъ тогда и пріѣзжалъ. Онъ привозилъ съ собою жившаго при немъ мальчишку, сына богородицкаго бурмистра, и чрезъ его давалъ знать о томъ всѣмъ бурмистрамъ. Симъ показалось сіе столь страннымъ и необыкновеннымъ дѣломъ, что они рѣшились поговорить о томъ съ моими секретарями и попросить у нихъ совѣта; но сіи были такъ благоразумны, что, услышавъ о томъ, стали пятиться отъ сего опаснаго дѣла руками и ногами, а присовѣтовали бурмистрамъ принесть г. Давыдову поклонецъ, только маленькой. Итакъ, они и отпо[т]чивали его только нѣсколькими рыбками, цѣной рублей какихъ-нибудь на пять, а ему хотѣлось можетъ быть цѣлой тысячи. Но сей господинъ не зналъ, каковы мужички волостные и сколь трудно, и невозможно было ему отъ нихъ чѣмъ-нибудь знаменитымъ поживиться.

Вслѣдъ за симъ наступила масляница, которую почти всю провели мы въ уединеніи и не очень весело, и болѣе потому, что, при случившихся въ сію недѣлю дурныхъ и безпокойныхъ погодахъ, я не очень былъ здоровъ, а чувствовалъ отъ простуды зубную боль и во всемъ тѣлѣ разстройку и принужденъ быть отлѣчиваться питьемъ своего декокта и воздержаніемъ; а имѣлъ только превеликое удовольствіе отъ услуги, сдѣланной мнѣ нашими капельмейстерами. Мнѣ вздумалось однажды ихъ попросить, не могутъ ли они сочинить какихъ-нибудь особыхъ штучекъ, только на четыре духовыхъ инструмента, то-есть на два флейтаверса и на двѣ валторны, и составить чрезъ то маленькую особаго рода духовную музычку. Хотѣлось мнѣ сего для того, чтобъ могли употреблены быть къ тому оба мои флейтраверсисты. Они и обѣщали мнѣ поиспытать, и дни чрезъ два не только желаемыя штучки сочинили, но успѣли уже обучить имъ и моихъ музыкантовъ. Удовольствіе, которое имѣлъ я, при услышаніи въ первый разъ сей особенной и, такъ сказать, собственнаго моего изобрѣтенія маленькой духовной музыки, было такъ велико, что я того изобразить не въ состояніи. Я вспрыгался даже отъ радости и не могъ пріятностію оной довольно навеселиться, а старика-капельмейстера за то возблагодарить. Онъ, и дѣйствительно, такъ хорошо сіе дѣло смастерилъ, что музычка была хоть-бы-куда, и мнѣ всего пріятнѣе было, что я, пользуясь симъ нововыдуманнымъ средствомъ, могъ обойтись совсѣмъ безъ кларнетистовъ, гобоистовъ и фаготистовъ, и могу сказать, что маленькая сія духовая музыка и впослѣдствіи времени меня многіе годы увеселяла собою.

Наконецъ, въ пятницу на сей недѣли, противъ всякаго чаянія и ожиданія, обрадованы мы всѣ были и благополучнымъ возвращеніемъ всѣхъ нашихъ родныхъ изъ московской ихъ поѣздки. И какъ мы ни-

такъ ихъ въ сей день не ожидали, то и радость моя была тѣмъ больше. Весь нашъ домъ наполнился тогда людьми и, вмѣсто прежняго уединенія, водворилось веселіе и радость. Какіе начались тогда у насъ спросы и распросы о томъ, какъ они въ Москвѣ жили, что видѣли и слышали, и дѣлали, какія показыванія и пересматриванія всего ими съ собою привезеннаго! Всякій, на-перерывъ другъ предъ другомъ, разсказывалъ, что зналъ и что видѣлъ и слышалъ, и какія кто имѣлъ тамъ удовольствія! А къ вечеру подъѣхали къ намъ и наши новобрачные. Итакъ, все наше семейство совокупилось вмѣстѣ, и я благодарилъ Бога, что дорожные наши путешествіе свое кончили благополучно, и всѣ возвратились здоровыми.

Сынъ мой привезъ ко мнѣ множество новыхъ нотъ, купленныхъ имъ въ Москвѣ, и я, вмѣстѣ съ капельмейстеромъ, имѣлъ особливое удовольствіе, при разсматриваніи оныхъ и при слушаніи разыгрывающаго оныя младшаго капельмейстера; сыну же моему спѣшилъ и доставилъ я также удовольствіе показываніемъ нововыдуманной нашей духовой музычки, которая столько же ему полюбилась, сколько мнѣ сначала. При разсказываніи имъ о томъ, что съ нимъ въ Москвѣ происходило, съ особливымъ удовольствіемъ услышалъ я, что ему и въ сію его бытность удалось со многими людьми вновь познакомиться, и что его многіе полюбили. При услышаніи сего, желалъ я душевно, чтобъ онъ столько-жъ счастливъ былъ въ семъ отношеніи, какъ счастливъ былъ я во всю мою жизнь, ибо я могу сказать, что меня какъ-то всѣ, съ кѣмъ я ни имѣлъ дѣло, и безъ всѣхъ моихъ стараній и домогательствъ, любили, и я, почитая то особливымъ отъ Господа даромъ, не могъ Его за то возблагодарить довольно. Кромѣ того, случай допустилъ его потрудиться и похлопотать на сватьбѣ у брата зятя моего и по всей Москвѣ порыскать для исполненія всѣхъ порученныхъ ему коммиссій, и при всемъ томъ многое кое-что и видѣть. Трудовъ и хлопотъ его по сватьбѣ было такъ много, что я чудился, какъ онъ ихъ, по слабости своего здоровья, могъ перенесть, и не простудившись и не занемогши оттого ни однажды.

Изъ числа извѣстій, привезенныхъ имъ, были два, которыя были мнѣ не весьма пріятны. Первое было то, что во всей Москвѣ носился слухъ и почти достовѣрный, что намѣстника нашего отъ насъ отнимали прочь и что будетъ на его мѣстѣ г. Самойловъ, родственникъ и фаворитъ князя Потемкина. Сія вѣсть тревожила мой духъ, поелику отъ сей перемѣны могла произойтить перемѣна и въ моихъ обстоятельствахъ. Однако, какъ была она не совсѣмъ еще достовѣрна, то, послѣдуя прежнимъ моимъ въ такихъ случаяхъ правиламъ и обративъ мысли свои къ Богу и укрѣпившись упованіемъ на Него, я скоро успокоился съ сей стороны опять духомъ.

Другое извѣстіе, нѣсколько меня смущавшее, было то, что г. Новиковъ, издатель моихъ сочиненій, находился тогда въ весьма критическомъ положеніи. Учиненное ему запрещеніе, опечатаніе его книжной лавки и, наконецъ, отнятіе у него университетской типографіи сдѣлало ему ужасной подрывъ, и состояніе его было очень хило. Меня смущало сіе болѣе потому, что онъ долженъ мнѣ былъ за прошедшій годъ около 700 рублей, о которыхъ писалъ я къ нему, чтобъ онъ отдалъ ихъ моему сыну; но сей на-силу-на-силу и съ превеличайшимъ трудомъ могъ получить отъ него только 200 рублей. Итакъ, оставался онъ мнѣ за цѣлой почти годъ должнымъ, и всѣ тамошніе московскіе знакомцы совѣтовали мнѣ, чтобъ я старался получить съ него деньги какъ можно скорѣе, дабы онъ не обанкрутился.

Сіе обстоятельство меня озабочивало очень. И какъ я начиналъ опасаться, чтобъ труды мои не могли пропасть напрасно, то сіе уменьшало во мнѣ охоту, продолжать сочинять свой «Экономической Магазинъ», которому шолъ уже

тогда десятый годъ. Кромѣ сего и переводъ мой «Герфорта и Клары», взятой г. Новиковымъ у меня еще въ минувшую зиму для напечатанія, былъ еще не напечатанъ и лежалъ. Сынъ мой старался оной получить обратно, но никакъ не могъ. Отдавать ему онъ не отдавалъ, а печатать не печаталъ, и мнѣ было сіе очень непріятно. Но сіе было еще не одно, а приступалъ онъ къ сыну моему и просилъ невѣдомо-какъ, чтобъ я готовилъ и присылалъ свою философію скорѣе печатать. Сіе опять меня смущало и заставливало думать. Книгу сію, надъ которою я такъ много трудился, хотя и хотѣлось мнѣ видѣть и напечатанною, но надлежало мнѣ надъ нею много еще сидѣть и переправлять, а прибытокъ отъ ней былъ ненадеженъ и невеликъ, а что̀ всего хуже—то еще сумнительный. Итакъ, боялся я, чтобъ не потерять и книги, и трудовъ по-попустому, и потому не зналъ, на чомъ рѣшиться. Что касается до издателя моего «Сельскаго Жителя», г. Ридигера, то сей продолжалъ ко мнѣ свою дружбу и оказалъ опытъ оной, снабдивъ моихъ заѣзжихъ въ Москву деньгами, въ которыхъ оказалась имъ нужда. Далѣе пріятно мнѣ было узнать, что чрезъ его пески наши сдѣлались въ Европѣ извѣстными. Онъ просилъ, чтобъ я наготовилъ ихъ какъ можно больше для отсылки въ чужіе краи.

Какъ съ пріѣздомъ моихъ дорожныхъ исчезло и все мое до того недомоганье и я оправился, то провели мы оба послѣдніе дни нашей масляницы уже гораздо повеселѣе и употребили все, что̀ можно было, къ сдѣланію ихъ для всѣхъ насъ веселѣйшими. Разъѣзды по гостямъ, угащиванье ихъ у себя и утѣшенія музыкою, катаніе и прочее, тому подобное, помогло намъ провесть оныя съ удовольствіемъ, а особливо обрадовалъ я жену мою, тужившую чрезвычайно о томъ, что случилось ей въ Москвѣ обронить бумажникъ съ 170 рублями денегъ и о чемъ она страшилась почти сказывать. Но я, узнавъ и не сказавъ ни слова, вручилъ ей сію сумму для отдачи тѣмъ, у кого она вмѣсто потерянныхъ заняла оныя.

Симъ образомъ, проводивъ конецъ масляницы довольно весело, начали мы провождать и наступившій за симъ великій постъ, котораго и первый день встрѣтилъ меня чувствительнымъ огорченіемъ. Жена моя, жившая въ Москвѣ во все время на одной квартерѣ съ моимъ зятемъ и имѣвшая чрезъ то случай узнать характеръ его нѣсколько болѣе, насказала мнѣ столь много непріятнаго объ ономъ, что я слушалъ все то съ великимъ безпокойствомъ духа и начиналъ почти разскаеваться въ томъ, что за него дочь свою выдалъ. Оказалось, что молодость его приносила многія худыя слѣдствія за собою. Будучи холостымъ и живучи на своей волѣ, былъ онъ слишкомъ расточителенъ на деньги и отъ того впалъ въ долги, о которыхъ мы и не знали. А таковымъ же невоздержнымъ на деньги былъ онъ и послѣ женитьбы и тратилъ ихъ множество по-пустому. Далѣе оказалось, что былъ онъ вспыльчиваго и горячаго нрава, и я съ прискорбіемъ духа принужденъ былъ слышать, что онъ не одну уже выполку далъ дочери нашей и совсѣмъ за пустое. Боялись мы также, чтобъ не былъ онъ ревнивъ и не сдѣлался-бъ, по примѣру отца своего, пьяницею, мотомъ и игрокомъ картоннымъ. Къ сему послѣднему оказывалась уже въ немъ нарочитая наклонность. Словомъ, опасенія начали уже многія появляться и насъ крайне озабочивать, и я помышлялъ уже о томъ, какъ бы мнѣ съ нимъ о томъ предварительно поговорить и его отъ всего того отвесть постараться. Ко мнѣ изъявлялъ онъ всегда наружное уваженіе, и я хотя не могъ ни мало въ разсужденіи поведенія его противъ меня и благопріятства и почтенія къ себѣ пожаловаться, но то мнѣ было весьма непріятно, что онъ, не смотря на многія тысячи, употребленныя отцомъ и бабкою его на воспитаніе и обученіе его наукамъ, не имѣлъ ни малѣйшей наклонности ко всѣмъ литературнымъ и такимъ занятіямъ и упражненіямъ, въ какихъ

мы съ сыномъ находили наиболѣе удовольствія и пріятности въ жизни. Къ книгамъ и къ чтенію имѣлъ онъ такое отвращеніе, что не хотѣлъ никогда и приняться ни за какую, и не только не имѣлъ охоты къ чтенію, но не любилъ даже и слушать, когда иные ихъ читаютъ; по всему тому, къ крайнему сожалѣнію моему, и не могъ онъ намъ съ сыномъ въ семъ отношеніи дѣлать сотоварищество.

Итакъ, первый день великаго поста былъ для меня не весьма пріятенъ, а во второй встревожили меня гг. Рахмановы присылкою ко мнѣ нарочнаго человѣка съ письмомъ и просьбою о продажѣ имъ моей деревни, за которую давали они мнѣ 15 тысячъ рублей и требовали рѣшительнаго отвѣта. Но какъ мнѣ не хотѣлось съ сей деревнею разстаться, то отказалъ я имъ въ томъ, говоря, что она дороже стоитъ и что я другой на мѣсто ея купить еще не пріискалъ. Правда, меня смущали нѣсколько угрозы ихъ о перемежеваньѣ, но мнѣ, для угрозъ сихъ, не годилось жертвовать деревнею и тою землею, которая мнѣ столь многихъ трудовъ, хлопотъ и издержекъ стоила, и извѣстное промѣнять на неизвѣстное.

Кромѣ сего, озабочивало меня очень въ это же время и сомнительное состояніе нѣкоторыхъ изъ моихъ должниковъ, а особливо купцовъ Алексинскихъ и Ефремовскихъ и Серпуховскихъ. Я имѣлъ причину опасаться, чтобъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ, по разстроенному ихъ состоянію, не пропали деньги, и принужденъ былъ отправить повѣреннаго своего къ нимъ съ понужденіемъ къ платежу и взысканію слѣдуемыхъ мнѣ процентныхъ денегъ. Словомъ, весь мой денежной капиталъ былъ въ сіе время весьма въ худомъ положеніи.

Впрочемъ, всю первую недѣлю великаго поста провели мы въ обыкновенномъ богомоліи и говѣли, а въ субботу, по обыкновенію, вмѣстѣ съ сыномъ и нѣкоторыми другими изъ нашего семейства, исповѣдывались и причащались. Въ праздное же время, между службою, занимались нашими песками, изъ которыхъ надобно было приготовить нѣсколько ящиковъ. Между прочимъ, огорченъ я былъ въ теченіе сей недѣли растерзаніемъ собаками любимаго своего моськи, котораго мнѣ очень жаль было по сдѣланной къ нему привычкѣ. Но за то имѣлъ я удовольствіе получить отъ зятя моего въ подарокъ другую, которою я былъ еще несравненно довольнѣе, нежели погибшею моською. Она была ученая, и хотя собою совсѣмъ невзрачная, но утѣшала насъ всѣхъ своимъ умѣньемъ ходить на двухъ заднихъ ногахъ и самасобою садиться. Звали ее Азоркою. И какъ впослѣдствіи времени мы сшили для ней женское платьицо и ее одѣвали въ чепчикъ и кофточку, какъ маленькое дитя, и она въ платьицѣ семъ, какъ ребенокъ, хаживала, да и въ прочемъ была очень кроткаго и послушливаго и ласковаго нрава,—то не только мы, но и всѣ домашніе мои любили ее чрезвычайно, и она утѣшала насъ собою многіе годы сряду.

Достальные дни тогдашняго февраля мѣсяца провели мы съ сыномъ въ обыкновенныхъ своихъ кабинетныхъ украшеніяхъ, отчасти въ чтеніи, отчасти въ писаніи, и тому подобномъ. Ѣздили также всѣ опять къ роднымъ нашимъ въ Ламки и провели тамъ сутокъ двое съ удовольствіемъ особымъ: отмѣнная ласковость дочери моей ко мнѣ, равно какъ и старанія и самого зятя моего о угожденіи мнѣ во всемъ, дѣлало мнѣ пребываніе у нихъ часъ-отъ-часу пріятнѣйшимъ, и я всегда ѣжжалъ къ нимъ туда охотно, и тѣмъ паче, что я, находясь тамъ, имѣлъ всегда свободу заниматься тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ — писаніемъ ли, или читаніемъ привозимыхъ съ собою книгъ или разговорами съ хозяевами.

Первый день наступившаго марта мѣсяца ознаменовался новымъ для меня удивленіемъ. Пріѣзжаетъ ко мнѣ нечаянный и совсѣмъ неожиданный гость, знакомецъ мой г. Рахмановъ, самый тотъ, съ которымъ имѣлъ я дѣло. Де-

ревня моя, или паче обстоятельство, что имъ надлежало одну изъ своихъ необходимо спосить, тревожило ихъ чрезвычайно и увеличивало желаніе купить мою, Думать надобно, что они кидались уже и въ канцелярію межевую и, можетъ быть, и сказано имъ было, что дѣло ихъ такъ испорчено, что трудно поправить оное, хотя бы они стали просить и о перемежеваньѣ. Сверхъ того, было и то обстоятельство, что всѣмъ братьямъ слѣдовало иттить въ походъ и надлежало скоро изъ Москвы ѣхать въ Петербургъ, а имъ хотѣлось что-нибудь съ деревнею своею сдѣлать и со мною рѣшиться. Словомъ, какъ бы то ни было, но они, получивъ мое письмо, рѣшились дать мнѣ и просимую мною сумму 20 тысячъ рублей, и съ тѣмъ его ко мнѣ прислали. Сему пріѣзду и предложенію былъ я не весьма радъ, ибо какъ мнѣ не весьма хотѣлось разстаться съ своею деревнею, а особливо, не пріискавъ себѣ другой, броситься на однѣ деньги, то и не имѣлъ я причины спѣшить сею продажею, а потому и принужденъ я былъ отъ него всячески отговариваться и дать себя цѣлый день мучить. Онъ у меня обѣдалъ и пробылъ весь почти день, располагаясь даже и ночевать. И во все продолженіе дня не было почти минуты, въ которую-бъ онъ меня просьбою не убѣждалъ. Но я на сей разъ принужденъ былъ сдѣлаться камнемъ и совсѣмъ несговорчивымъ, и всѣ приступанія его отражать всякими отговорками и на-силу-на-силу кое-какъ отдѣлался. Онъ, увидѣвъ свою неудачу, перемѣнилъ свое намѣреніе и рѣшился уѣхать ввечеру. А какъ онъ мнѣ служилъ въ отягощеніе, то и не старался я его слишкомъ унимать, и проводилъ его ввечеру съ удовольствіемъ.

Не менѣе достопамятенъ былъ и второй день марта мѣсяца. Въ оный, разговаривая о происшествіи въ прошедшій день съ г. Рахмановымъ, получили-было мы всѣ вообще охоту и желаніе промѣнять свою Тамбовскую деревню на какую-нибудь ближнюю, и стали-было дѣйствительно помышлять о покупкѣ вмѣсто оной одного прекраснаго села Толстова, на Дону, узнавъ, что оное продается. Однако, изъ всего замысла сего впослѣдствіи не вышло ничего, и случилось сіе, какъ нынѣ вижу, къ особливой пользѣ нашей.

Но сіе не такъ было достопамятно, какъ полученное въ этотъ же день нами поразительное извѣстіе, что любовница нашего намѣстника, госпожа Вельяминова, обладавшая имъ неограниченно и дѣлавшая изъ него все, что хотѣла, наконецъ въ Москвѣ умерла отъ родовъ. Мы удивились сей нечаянной и всего меньше ожидаемой кончинѣ. И признаться надобно, что извѣстіе сіе было не столько для меня, но и для моего дома не противно. Причиною тому было то, что чрезъ смерть сію лишились мы тайной и опасной злодѣйки. Намѣренія сей госпожи, простираясь уже слишкомъ далеко, клонились, между прочимъ, какъ я и прежде уже упоминалъ, къ тому, чтобъ мужу своему доставить тульское директорство, и сіе болѣе для того, чтобъ овладѣть нашею волостью; а при семъ случаѣ—вѣрно-бъ не удержаться и мнѣ въ тогдашнемъ моемъ мѣстѣ, ибо она съ тѣмъ давно сего мѣста для мужа своего и добивалась, чтобъ имъ волость поразграбить и поживиться отъ ней было можно. И какъ для сего потребенъ бы имъ былъ совсѣмъ иной человѣкъ, а не такой какъ я, то, безъ сомнѣнія, они меня и вытѣснили бы вонъ. Сіе дѣло дошло уже до такой крайности, что мы каждый день дожидались извѣстія, что мужъ ея будетъ нашимъ командиромъ. Однако, не то сдѣлалось, и нечаянною смертью ея рушились всѣ ея замыслы!

Чудное, по истинѣ, было дѣло! Уже нѣсколько разъ я запримѣтилъ то, что всегда, какъ скоро кто ополчится на меня и начнетъ строить и заводить противъ меня машины, какъ тотчасъ и случались какія-нибудь всѣмъ замысламъ ихъ неожидаемыя помѣшательства, и власно такъ, какъ бы невидимая рука по всему начертанному ими плану и замысламъ проводила изъ угла въ уголъ ко-

сую черту, крестъ-на-крестъ, и тѣмъ власно какъ сказывала, что всѣ ихъ счоты дѣланы были безъ хозяина и замыслы совсѣмъ пустые! Точно почти такимъ же образомъ случилось и въ минувшее предъ симъ лѣто. Ополчился-было на меня страшный и потаенный врагъ господинъ Лаговщинъ, дядя намѣстниковъ, и восхотѣлъ смастерить, чтобъ на мѣсто мое опредѣленъ былъ зять его г. Вельяминовъ, старшій братъ любимца намѣстникова. Сіе дѣло, какъ я послѣ узналъ, было совсѣмъ уже почти и сдѣлано и меня начали уже гнать и притѣснять, стараясь выжать; но вдругъ надобно было на старика сего притти параличу и его такъ поразить, что онъ чрезъ недѣлю послѣ того и умеръ, а симъ дѣло сіе тогда и остановилось, и всѣ замыслы ихъ противъ меня рушились.

Оба происшествія сіи явно тогда доказывали мнѣ, что Господу и Покровителю моему не угодно еще было лишить меня даннаго Имъ мнѣ мѣста, и мысли о семъ такъ чувствія мои тогда растрогали, что я, записывая происшествія сіи въ моемъ журналѣ, изобразилъ ихъ присовокупленіемъ слѣдующихъ словъ: «О, какъ хорошо жить подъ покровительствомъ великаго нашего Господа и на одного Его во всемъ надѣяться и уповать! Онъ лучше всѣхъ на свѣтѣ стряпчихъ, искателей, защитниковъ и покровителей! Надежда на Него никогда не обманчива, а милости Его такъ велики, что всегда почти превосходятъ самыя ожиданія наши. Я видѣлъ въ жизнь мою много тому примѣровъ и самъ на себѣ явныхъ тому доказательствъ и свидѣтельствую то, по самой истинѣ».

Вотъ что говорилъ, чувствовалъ и писалъ я въ тогдашнее время, а теперь скажу, что и впослѣдствіи времени имѣлъ я не одинъ, а много разъ, случай удостовѣриться въ томъ же самомъ, и прославлять имя Его за оказанныя мнѣ Имъ въ жизнь мою многократныя и особенныя милости и очевидные почти знаки святого Его и всемощнаго покровительства.

Какъ во всю наступившую вслѣдъ за симъ третью недѣлю нашего великаго поста не случилось со мною ничего особливаго, то провели мы всю ее съ сыномъ моимъ, которому въ теченіе сей недѣли совершилось уже 18 лѣтъ, въ обыкновенныхъ своихъ литературныхъ упражненіяхъ, какъ-то: въ читаніи добрыхъ книгъ и въ писаніяхъ разныхъ, и за симъ и не видали, какъ прошла оная.

Но симъ и дозвольте мнѣ и письмо сіе кончить, а дальнѣйшее повѣствованіе предоставить будущему, а между тѣмъ сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочая.

(Генваря 27 дня 1811 года.)

Письмо 250.

Любезный пріятель! Упомянутое въ концѣ послѣдняго моего письма извѣстіе о смерти любовницы нашего намѣстника успокоило дѣйствительно меня во многомъ и уничтожило вдругъ всѣ бывшія въ разсужденіи сей женщины мои опасенія. Я не сомнѣвался тогда ни мало, что мужъ ея лишится чрезъ то всего своего у намѣстника кредита и что у него пройдетъ охота добиваться получить директорское мѣсто и во власть свою наши волости. О самомъ намѣстникѣ не думалъ я, чтобъ онъ уже на то могъ когда нибудь согласиться, ибо характеръ г. Вельяминова и неспособность его къ управленію волостьми была ему довольно извѣстна. Сей находился тогда еще въ Петербургѣ, но вскорѣ ожидали обратно его пріѣзда въ Москву и въ Тулу.

Итакъ, обезпечившись съ сей стороны, принялся я уже съ спокойнѣйшимъ духомъ за продолженіе моихъ прежнихъ литературныхъ упражненій, а особливо за сочиненіе матеріала для своего «Экономическаго Магазина», и тѣмъ паче, что оный въ послѣдніе мѣсяцы у меня нѣсколько позапущенъ былъ. И какъ тогдашнее великопостное и послѣднее зимнее время было къ таковому писанію наиспособнѣйшее, то и хотѣлось мнѣ заготовить матеріала сего къ веснѣ и лѣту колико-можно болѣе, дабы не было нужды тогда надъ нимъ трудиться.

Однако, дѣло сіе было не одно, въ ко-

торомъ я во всѣ достальныя недѣли великаго поста занимался, а затѣвалъ-было я еще другое превеликое и не менѣе важное. Продолжавшееся сряду девять лѣтъ до того издаванія моего «Экономическаго Магазина» начинало мнѣ уже гораздо прискучивать и обращаться нѣкоторымъ образомъ въ отягощеніе. А какъ присовокуплялось къ тому и то, что я за многіе труды, употребляемые на сочиненіе онаго, вознаграждаемъ былъ слишкомъ мало и, кромѣ небольшаго прибытка, получаемаго отъ Новикова, ни какой другой пользы отъ того не имѣлъ (а и сей небольшой прибытокъ, по случаю запутанности дѣлъ г. Новикова, становился невѣрнымъ и ненадежнымъ), — то начиналъ я уже располагаться въ мысляхъ— журналъ сей, съ окончаніемъ текущаго тогда десятаго года, кончить. Но какъ охота моя къ сочиненіямъ и писанію ни мало чрезъ то не уменьшалась, а продолжалась по-прежнему, то возрождалась во мнѣ около сего времени мысль о издаваніи впредь журнала совсѣмъ иного рода, и уже не экономическаго, а нравственнаго и посвящаемаго пользѣ дѣтей взрослыхъ и малолѣтныхъ. Мысль, что тѣмъ могу я не менѣе или еще существеннѣе услужить моимъ соотечественникамъ, побуждала меня къ затѣванію сего новаго предпріятія. Я ласкалъ себя надеждою, что мнѣ можно будетъ съ наилучшею удобностію помѣщать въ журналѣ семъ все, что мною писано было въ моей «Дѣтской Философіи» и въ прочихъ моихъ нравоучительныхъ сочиненіяхъ, и что недостатка въ матеріи къ писанію опасаться ни какъ будетъ не можно. А потому посовѣтовавъ и поговоривъ о томъ съ сыномъ моимъ, я не только сдѣлалъ сему новому изданію планъ и расположилъ все нужное къ тому, но учинилъ и самое сму начало и сочинилъ даже нѣсколько матеріала. Но дѣло сіе какъ-то у меня не пошло на ладъ и скоро мнѣ такъ скучилось и сдѣлалось отяготительно, что я оное оставилъ, не смотря, что трудовъ къ тому употреблено было довольно много, и я нѣсколько недѣль имъ въ разное время и по нѣскольку часовъ сряду занимался.

Между тѣмъ, какъ мы оба съ сыномъ моимъ нашими учеными и любопытными упражненіями занимались, озабоченъ я былъ полученнымъ изъ Козлова извѣстіемъ, что все спорное наше и канторою рѣшенное дѣло, по пронскамъ и просьбѣ г. Пашкова, велѣно прислать въ межевую канцелярію на разсмотрѣніе. Услышавъ о семъ, имѣлъ я тогда еще болѣе причины быть довольнымъ тѣмъ, что удалось мнѣ землю себѣ отмежевать, ибо хотя сія отсылка всего дѣла въ Москву и воспрепятствовала канторѣ дать мнѣ на землю мою планъ и тѣмъ дѣло мое совершенно кончить (и оно осталось, по сему случаю, неоконченнымъ, и дѣло наше пошло въ даль), но я, по крайней мѣрѣ, имѣлъ ту выгоду, что могъ отмежеванною мнѣ землею владѣть до-поры-до-времени невозбранно и пользоваться отъ ней доходами, которые съ тамошней моей деревни съ году-на-годъ увеличивались и дошли въ сей годъ до того, что простирались уже до 1,000 рублей, а на другую было хлѣба въ ней въ запасѣ. И какъ прикащикъ мой никогда еще такъ много денегъ ко мнѣ не привозилъ изъ ней какъ въ самое сіе время, то сіе и дѣлало мнѣ ее уже предъ прежнимъ гораздо милѣйшею и уменьшало охоту нашу сбывать ее съ своихъ рукъ.

Но сколь обстоятельство сіе меня со одной стороны радовало, столько съ другой озабочиваемъ я былъ около сего времени чрезвычайно слабымъ состояніемъ здоровья моего толь много мною любимаго и единственнаго сына. Во все сіе время былъ онъ какъ-то не весьма здоровъ и страдалъ не только часто головною болью и обыкновеннымъ помраченіемъ глазъ, но жаловался очень и на грудь, а при томъ такъ похудѣлъ, что мы всѣ страшились, чтобъ не впалъ онъ въ чахотку и чтобъ злая болѣзнь сія не лишила меня сего наилучшаго друга и единаго, и лучшаго нашего утѣшенія въ жизни. Не могу довольно изобразить, сколь мысли о семъ были для

всѣхъ насъ, особливо для меня, поразительны и съ какимъ раченіемъ старались мы помогать ему всѣмъ, чѣмъ могли, и какихъ-какихъ средствъ ни употребляли мы къ подкрѣпленію его здоровья!

Сверхъ того и самъ я какъ-то около сего времени не весьма здоровъ былъ, но часто претерпѣвалъ болѣзненные припадки, происходившіе наиболѣе отъ простуды, но что́ было и неудивительно, по бывшимъ въ теченіе сего мѣсяца у насъ страшнымъ непогодамъ и частымъ перемѣнамъ въ оныхъ. Давно не было у насъ такой дурной и безпокойной зимы, какъ въ сей годъ. Не одинъ, а нѣсколько разъ случалось то, что вьюги и жестокія мятели заносили всѣ окна въ домѣ нашемъ снизу до самаго верха, такъ что мы принуждены бывали посылать людей отгребать отъ окончинъ снѣгъ для доставленія себѣ свѣта, а стужа и бури такъ комнаты наши выдували, что мы опять, и не одинъ разъ, принуждены были, уходя изъ своего кабинета, искать убѣжища себѣ въ отдаленныхъ и заднихъ комнатахъ.

Кромѣ сего, растревоженъ я былъ въ сіе время извѣстіемъ, что и самой командиръ мой г. Давыдовъ занемогъ горячкою, и столь опасною, что боялись, чтобъ онъ не лишился отъ ней жизни. Обстоятельство сіе было для меня тѣмъ поразительнѣе, что былъ онъ во многомъ еще по нашимъ волостнымъ дѣламъ запутанъ, и я имѣлъ причину опасаться, чтобъ, въ случаѣ смерти его, не претерпѣть бы какова зла оттого. Къ вящему смущенію моему, въ самое сіе время узналъ я о новой пакости, надѣланной имъ во время моей ѣзды въ Козловъ. Находилось у насъ превеликое множество хлѣба въ раздачѣ въ займы, по его велѣніямъ, разнымъ людямъ. Со всѣхъ сихъ браты были обыкновенно при отпускѣ хлѣба обязательствы о возвратѣ онаго въ уреченное время; всѣ сіи обязательствы хранились у насъ до того въ канцеляріи. Но г. Давыдову вздумалось, воспользовавшись моимъ отсутствіемъ, истребовать всѣ ихъ, чрезъ посланное къ управлявшему тогда волостью секретарю моему Варсобину повелѣніе, къ себѣ. Но на что-жъ? На то, чтобъ съ должниковъ хлѣбныхъ получить за оный въ уплату деньги и оныя промотать. Не могу изобразить какъ перетревожился я, о семъ новомъ его подвигѣ услышавъ и узнавъ! Я смутился тѣмъ до чрезвычайности, и не прежде успокоился, какъ узнавъ, что Варсобинъ, при всемъ своемъ простодушіи, былъ такъ остороженъ, что вытяблилъ отъ него ордеръ о полученіи имъ сихъ обязательствъ, и ордеръ такой, который могъ намъ, въ нужномъ случаѣ, служить документомъ и оправданіемъ. Со всѣмъ тѣмъ, все я еще опасался, чтобъ и отъ сего новаго на доходы волостные посягательства не могли произойтить какія-нибудь досадныя слѣдствія, и потому найусерднѣйшимъ образомъ желалъ, чтобъ онъ отъ болѣзни сей избавился и очищалъ самъ себя, какъ знаетъ, отъ сихъ проказъ новыхъ.

Слухъ о опасности, въ какой онъ отъ болѣзни своей находился, привелъ меня въ такое недоумѣніе, что я, при случившейся намъ въ самое сіе время собственной надобности ѣхать въ Тулу (къ чему меня и жена, и зять съ дочерью невѣдомо-какъ подговаривали и убѣждали), не зналъ и самъ съ собою не могъ, по многимъ причинамъ, согласиться — ѣхать ли мнѣ туда, или нѣтъ. Наконецъ, не смотря на всѣ убѣжденія, рѣшился остаться дома и не ѣздить. Послѣ увидѣлъ, что я сдѣлалъ очень хорошо, ибо какъ въ самое то время воспослѣдовалъ пріѣздъ намѣстника нашего въ Тулу, то я, пріѣхавши въ Тулу, попался-бъ ему, такъ сказать, прямо подъ обухъ.

О семъ пріѣздѣ его не успѣлъ я услышать, то тотчасъ разсудилъ отправить къ нему съ нарочнымъ кореньевъ и спаржи, до которой былъ онъ превеликой охотникъ и которою хотѣлось мнѣ ему подслужиться. По счастію, случилась быть у меня тогда она форсированная, въ готовности, и отмѣнно хорошая. Онъ, и дѣйствительно, былъ ею такъ доволенъ, что велѣлъ секретарю своему отписать

ко мнѣ именемъ его за нее благодарность, чтò мнѣ тѣмъ было пріятнѣе, что, за годъ до того, проклятая спаржа сія навлекла на меня онъ него нѣкоторое неудовольствіе, поелику завистники я недоброхоты мои, не находя ничего инаго, вздумали и тѣмъ меня предъ нимъ чернить, что у меня спаржа такъ рано не поспѣла, какъ ему хотѣлось, и что произошло единственно оттого, что мы не знали способа, какъ ее форсировать было можно. Но въ сей разъ былъ я уже осторожнѣе и, узнавъ сіе средство и не жалѣя ни мало прекрасной своей спаржи, велѣлъ ее задолго еще до сего времени форсировать посредствомъ покрыванія горячимъ навозомъ.

Вскорѣ, послѣ сего, къ особливому удовольствію, услышалъ я, что и г. Давыдову полегчѣло, и онъ отъ болѣзни своей началъ оправляться. А непосредственно за симъ разнесся у насъ и другой, не менѣе интересный для насъ, слухъ, что намѣстникъ нашъ получилъ именное повелѣніе отправиться къ арміи, и что онъ на Ѳоминой недѣлѣ и ѣхать туда уже расположился. Самъ г. Давыдовъ писалъ и увѣдомлялъ меня о томъ.

Какъ отъѣздъ сей и отлучка намѣстникова имѣла и къ моему мѣсту великое отношеніе, то не зналъ я радоваться ли тому, или печалиться. Съ одной стороны, казалось, что намъ будетъ безъ него вольнѣе, и мы не только не будемъ имѣть нужды опасаться, чтобъ онъ къ намъ пріѣхалъ и сталъ бы по-прежнему таскать меня часто въ Тулу,—но можно было надѣяться, что мнѣ тѣмъ свободнѣе будетъ отлучиться, по желанію моему, и въ свою деревню. А съ другой стороны, имѣлъ я причину опасаться, чтобъ, оставшись съ однимъ г. Давыдовымъ, не претерпѣть бы мнѣ вновь чего, по его вѣтрености и легкомыслію. Но какъ бы то ни было, но я радъ былъ, по крайней мѣрѣ, тому, что онъ отъ болѣзни своей свободился (sic), ибо если-бъ, къ несчастью, онъ умеръ, а намѣстникъ уѣхалъ, то остался бы я одинъ и, при тогдашнихъ нашихъ запутанныхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ, не зналъ бы чтò дѣлать и предпринимать. А по всему тому и благодарилъ я тогда Бога, что Онъ избавилъ меня отъ сей пропасти, подлѣ которой я такъ близко находился.

Въ сихъ обстоятельствахъ застала меня Святая недѣля, начавшаяся въ сей годъ 8-го апрѣля. Первый день оной провели мы съ отмѣннымъ удовольствіемъ, поелику все мое семейство, съ ново-присовокупившимся къ нему зятемъ, было вмѣстѣ и въ совокупленіи. По послѣдующіе дни, по причинѣ сдѣлавшагося самого разрыва зимняго пути и начавшейся половоди, были уже не таковы пріятны. Зять мой съ дочерью и ея бабушкою спѣшилъ добраться до своего дома. А мы, оставшись на половодь въ Богородицкѣ, таскались, кое-какъ и почти по землѣ на саняхъ, по городу и по своимъ знакомымъ. Что-жъ касается до меня, то я во всю недѣлю не былъ спокоенъ по случаю половоди. Вода никогда еще такъ велика не была, какъ въ сей разъ. И какъ всѣ пруды подвержены были отъ ней опасности, то и принужденъ я былъ то-и-дѣло по онымъ ѣздить и бродить гдѣ по грязи, гдѣ по снѣгу. Со всѣмъ тѣмъ, имѣли мы и множество пріятныхъ часовъ и нѣсколько разъ подъ музыку и танцовали.

Впрочемъ, всѣ праздныя минуты сей недѣли провелъ я въ любопытномъ чтеніи оставшихся по смерти короля прусскаго его сочиненій, доставленныхъ мнѣ нашимъ лѣкаремъ и по-минутно ругалъ онаго стараго хрыча, обезумившагося столь много, что, будучи уже одною ногою во гробу, наилучшее утѣшеніе находилъ въ томъ, чтобъ вредить закону христіанскому и насмѣхатся всему хорошему и радоваться, что развращены всѣ умы и нравы.

Воспослѣдовавшее непосредственно за половодью возобновленіе (sic) весны открыло мнѣ путь къ тысячѣ надворнымъ упражненіямъ и вкупѣ увеселеніямъ возникающими красотами натуры. Время сіе всякій годъ было для меня напріятнѣйшее въ году, новкупѣ и хлопотли-

вѣйшее. Вездѣ и все надлежало осматривать, вездѣ и все, поврежденное зимою, поправлять, а между тѣмъ, затѣвать и предпринимать что-нибудь новое. Но въ сію весну занимался я вешними надворными дѣлами не столько тутъ, какъ въ деревнѣ моего зятя. Къ нему поѣхали всѣ мы какъ скоро ѣхать только можно было и провели у него многіе дни сряду. Въ сію первую еще у него весною бытность, надѣлалъ я у него множество дѣлъ; ибо какъ онъ всѣ свои сады отдалъ въ полный мой произволъ и просилъ меня предпринимать и заставливать дѣлать въ нихъ, что мнѣ угодно, то и не былъ я ни одного часа почти безъ дѣла, но, нашедъ подлѣ самаго двора его небольшую орѣховую рощицу, успѣлъ превратить въ порядочный и довольно хорошій садикъ. А между тѣмъ, какъ занимался я образованіемъ онаго и назначеніемъ въ немъ всѣхъ дорожекъ и площадокъ; сынъ мой трудился надъ разбиваніемъ и дѣланіемъ предъ домомъ зятнинымъ цвѣтника. Что-жъ касается до боярышенъ нашихъ, то сіи учились сіе время ѣздить верхомъ. Словомъ, всѣ дни, провождаемые нами тогда въ Ламкахъ, протекли въ безпрерывныхъ занятіяхъ и увеселеніяхъ разнаго рода, и время сіе для насъ было очень весело, а особливо день имянинъ молодой хозяйки нашей, въ который мужъ ея сдѣлалъ у себя для всѣхъ сосѣдей и городскихъ обѣдъ съ музыкою, и мы повеселились-таки довольно. А отъ него ѣздили мы вмѣстѣ съ нимъ въ деревню къ госпожѣ Бакуниной. А по возвращеніи оттуда, были въ деревнѣ и у бабки зятя моего госпожи Остафьевой. И какъ оная жила въ сосѣдствѣ съ другомъ моимъ Алексѣемъ Андреяновичемъ Албычевымъ то и посѣтили мы сего любезнаго старичка въ его жилищѣ.

Словомъ, весь апрѣль мѣсяцъ прошелъ у насъ почти неприметно, и мы провели его въ мирѣ, тишинѣ и спокойствіи. Хлопотишки и дѣла по волостному правленію хотя кой-какія и были, но вообще ничего незначащія. А единое неудовольствіе имѣлъ я только въ концѣ сего мѣсяца то, что, насланнымъ ко мнѣ ордерамъ, велѣно мнѣ было отстраивать проклятую большую нашу каменную ранжерею. Я ласкался-было надеждою, что строенія сего въ тогдашнее лѣто не будетъ, и что я буду свободенъ. Но не такъ сдѣлалось. И какъ чрезъ то предстояло мнѣ опять множество хлопотъ, трудовъ, заботъ и попеченій, то было мнѣ сіе, какъ великому неохотнику до строенія, крайне непріятно, а особливо потому, что чрезъ то связанъ былъ по рукамъ и и по ногамъ и долженъ былъ, противъ хотѣнія, заниматься симъ огромнымъ дѣломъ.

Съ наступленіемъ мая отправился нашъ намѣстникъ дѣйствительно изъ Тулы къ арміи, и мы остались одни съ г. Давыдовымъ владычествовать надъ волостьми. И сей не преминулъ тотчасъ, по отъѣздѣ его, меня къ себѣ выписать въ милое его Анненское, гдѣ онъ все еще выздоравливалъ отъ своей болѣзни. Итакъ, принужденъ я былъ къ нему туда ѣздить для принятія кой-какихъ приказаній, къ дѣламъ волости относящихся. Но какъ чрезъ ѣзду сію освободился я отъ его къ намъ пріѣзда, то съ охотою симъ трудомъ хотѣнію его жертвовалъ. И ѣзда сія произвела то, что мы весь любезный нашъ май мѣсяцъ провели потомъ въ мирѣ, тишинѣ и на свободѣ и могли все время свое употребить къ тому, къ чему хотѣли.

Сіе употребили мы во все теченіе онаго отчасти на разныя вешнія дѣла въ садахъ нашихъ, отчасти въ угащиваніи пріѣзжавшихъ къ намъ въ сіе время очень многихъ и иногда по нѣсколько дней у насъ жившихъ гостей, и гуляли съ ними по садамъ нашимъ, находившимся тогда въ наилучшей своей красѣ. Музыка и пѣвчіе помогали намъ доставлять имъ тысячи увеселеній, а особливо при гуляніи въ садахъ съ нами. Но не рѣдко заставляли мы играть оныхъ отчасти въ ротундѣ нашей, отчасти предъ эхоническимъ зданіемъ, отчасти при маршированіи по новоотдѣланной набережной, или предъ домомъ моимъ во время зари

вечерней. И можно сказать, что мы прямо наслаждались тогда плодами трудовъ и заботъ своихъ. Никогда еще такъ много не утѣшались всѣми своими музыками, какъ въ тогдашнее спокойное и пріятнѣйшее въ году время. Всѣ они доведены были уже до довольнаго совершенства, и намъ оставалось только ими утѣшаться, чего мы и не упускали дѣлать, и нерѣдко музыкантовъ и пѣвчихъ нашихъ доводили даже до усталости. Рѣдкій день проходилъ, въ который бы не доходило у насъ до нихъ дѣло. Что-жъ касается до бывшихъ въ теченіе сего мѣсяца трехъ вешнихъ знаменитыхъ праздниковъ Николина, Вознесеньева и Троицына дня, провожденныхъ нами, по обыкновенію, со многими гостьми, то всѣ они прямо почти были замучены нами, и можно сказать, что мы въ сей мѣсяцъ имѣли много веселыхъ дней и часовъ. Но нельзя сказать, чтобъ мы весь оной провели въ праздности, а было множество у насъ и всякаго рода дѣлъ и упражненій. Весьма во многіе занимался я съ утра до вечера разными работами въ садахъ какъ въ Богородицкихъ обоихъ, такъ и въ зятнинomъ въ Ламкахъ, куда мы нерѣдко ѣзжали и понѣскольку дней гащивали. И какъ зять мой охотно дѣлывалъ въ саду и въ усадьбѣ своей то, что я затѣвалъ для украшенія оныхъ,—то и было у меня и тамъ множество работъ и упражненій, которыя мнѣ такое же удовольствіе доставляли, камъ и свои собственныя.

Кромѣ сего, многіе дни сряду занимались мы съ сыномъ опять нашими славными марморными песками. Поводъ къ тому подали просьба командира моего, чтобъ сдѣлать ему нѣсколько коллекціонныхъ ящичковъ съ ними. А какъ и Ридигеръ просилъ насъ о томъ же, то мы сдѣлали у себя почти настоящую песочную фабричку и, въ облегченіе самихъ себя, переучили и ребятишекъ опиливать и обдѣлывать песочныя плитки. И по сему случаю никогда еще такъ много не занимались ими, какъ въ сіе время. Со всѣмъ тѣмъ, не гуляло у меня и перо. Но во всѣ праздные часы и минуты должно было и оно работать и, по прежнему, марать бумагу. Я продолжалъ трудиться надъ сочиненіемъ статей для своего «Магазина», который хотѣлось мнѣ уже скорѣе кончить. Но какъ нужно было заготовить матеріала на многіе еще мѣсяцы, то я не упускалъ я ни одной почти праздной и удобной къ тому минуты, а особливо въ ненастные дни и дурную погоду, и посвящалъ обыкновенно все таковое время сему упражненію. При чемъ достопамятно было, что получилъ я изъ Москвы новое предложеніе отъ университетскаго тогдашняго директора г. Мелиссино чрезъ знакомца моего Ридигера, а именно: что нѣтъ ли у меня еще какихъ экономическихъ сочиненій и не отдамъ ли я печатать ихъ въ университетскую типографію, перешедшую тогда въ другія руки. Но мнѣ дѣло сіе уже такъ поприскучило и матеріи экономическія такъ поистощились, что я, не долго думая, совсѣмъ отъ того отказался, а, какъ прежде упоминаемо было, занимался въ сіе время мыслями о издаваніи журнала совсѣмъ инаго рода.

Наконецъ, надобно сказать, что не прошолъ и этотъ мѣсяцъ безъ нѣкоторыхъ для меня неудовольствій и огорченій. Съ одной стороны, тревожилъ меня командиръ мой новыми своими требованіями денегъ и карповъ, для разматыванія первыхъ и разсылки послѣднихъ въ мѣста разныя. Съ другой—разогорчилъ меня однажды и зять мой упреканіями, дѣлаемыми имъ женѣ своей, для чего не принесла она съ собой въ приданое многихъ денегъ, которыя ему такъ нужны были для оплаты прежнихъ и часъ-отъ-часу вновь, по невоздержности его, умножающихся долговъ. Мнѣ такъ сіе досадно было, а особливо потому, что ему предварительно давано было знать, что ни какихъ денегъ не будетъ и въ его волѣ состояло на дочери моей жениться, или нѣтъ, что я даже на него за то почти разсердился и далъ ему то и почувствовать, и самымъ тѣмъ и заставилъ его впредь уняться отъ такихъ

упрековъ, заставляющихъ иногда дочь мою проливать слезы.

Но все сіе не столько было для меня огорчительно, какъ извѣстіе, что одинъ изъ должниковъ моихъ Ефремовскій купецъ Толстухинъ обанкрутился, и что я не имѣлъ чрезъ то ни какой надежды получить бывшія на немъ свои деньги. И какъ число ихъ простиралось до 1,000 рублей, то, натурально, претерпѣніе сего новаго въ капиталѣ моемъ ущерба долженствовало меня нарочито огорчить и заставить вновь закаеваться давать купцамъ взаймы деньги; но, по счастію, я былъ къ тому уже нѣсколько предуготовленъ и уже давно зналъ, что мнѣ едва-ли съ сего бездѣльника деньги свои выручить будетъ можно.

Наставшій за симъ мѣсяцъ іюнь засталъ насъ въ ежечасномъ ожиданіи пріѣзда къ намъ моего командира, писавшаго ко мнѣ, что онъ къ намъ вмѣстѣ съ тогдашнимъ нашимъ тульскимъ губернаторомъ Лопухинымъ будетъ. Однако, все наше ожиданіе было тщетно. Ненастная и дурная погода, бывшая около сего времени, удержала его отъ ѣзды сей, и онъ писалъ ко мнѣ, что отложилъ онъ ѣзду сію до просухи. Пользуясь сею отсрочкою, согласился я съ зятемъ моимъ съѣздить самому съ нимъ въ Тулу, для написанія рядной, которая не была у насъ еще до сего времени написанною. Итакъ, мы туда съ нимъ ѣздили, и дѣло сіе сдѣлали: оною утверждалъ я дочери моей данную ей въ приданое Алексинскую нашу деревню, село Коростино, и нѣскольких людей изъ деревни Кавериной, и чрезъ то оторвалъ отъ недвижимаго имѣнія своего нарочитую часть. Но еслибъ зналъ что̀ впредь воспослѣдуетъ, то лучше-бъ не отдавалъ имъ сей деревни, а далъ бы, вмѣсто сей, деньги; ибо деревня сія была для меня очень нужна, а имъ не принесла она никакой пользы. Зятю моему такъ она не понравилась, что онъ чрезъ короткое время убѣдилъ дочь мою ее продать, съ обѣщаніемъ дать ей, вмѣсто оной, изъ своихъ Новгородскихъ деревень. Что̀ они и сдѣлали. Но деньги, взятыя за нее, зятёкъ мой промоталъ, а замѣны за нее и по сіе время никакой еще не сдѣлано.

Будучи въ Тулѣ, разсудилось мнѣ съѣздить и къ командиру моему въ ево Анненское, и у него кое-о-чемъ спроситься по волости. Онъ пріѣздомъ моимъ былъ очень доволенъ, принялъ меня какъ гостя и заводилъ по всѣмъ своимъ новымъ заведеніямъ; и показывая оныя, во многомъ просилъ моего совѣта.

По возвращеніи моемъ въ Богородицкъ, провели мы всю первую половину сего мѣсяца такимъ же образомъ, какъ и май мѣсяцъ. Разные гости не оставляли и въ сей періодъ времени насъ то-и-дѣло посѣщать и меня отрывать отъ садовыхъ работъ, которыми я въ сіе время занимался. По охотѣ моей къ садамъ, не утерпѣлъ я, чтобы не предпринять еще кой-какихъ небольшихъ дѣлишекъ немногими своими рабочими людьми или такъ-называемыми бобылями, и успѣлъ опять надѣлать нѣсколько обновокъ и саду придать ими новыя украшенія. Всѣми ими утѣшались мы наиболѣе (sic) сами съ сыномъ, ибо что касается до гостей, которыхъ мы обыкновенно въ сады свои važивали и имъ всѣ свои дѣла показывали, то изъ сихъ многіе нечувствительностію и неспособностію своею чувствовать красоты натуры намъ болѣе всего досаждали, нежели доставляли удовольствіе.

Въ числѣ сихъ пріѣзжавшихъ къ намъ въ сіе время гостей, былъ и братецъ мой Михайла Матвѣевичъ, ѣздившій въ свою Епифанскую деревню и ко мнѣ, вмѣстѣ съ г. Лисенкомъ, заѣзжавшій. Съ симъ послѣднимъ я тогда еще впервыя имѣлъ случай познакомиться и сдружиться. Что-жъ касается до братца моего, то я не преминулъ его потазать и погонять гораздо за его невоздержную жизнь и безпорядку (sic). Но ему всѣ мои совѣты и увѣщанія пользовали (sic) очень мало.

Посреди всѣхъ сихъ упражненій и продолжаемыхъ ежедневныхъ увеселеній себя музыкою и гуляньями, перетревожилъ насъ неожидаемый пріѣздъ къ намъ нашего

командира. Онъ пріѣхалъ къ намъ 15 числа сего мѣсяца, и хотя пробылъ у насъ менѣе сутокъ, но успѣлъ надѣлать, по обыкновенію своему, много кой-какихъ мелочныхъ пакостей и проказъ, чему я уже и не удивлялся. Но достопамятнѣйшее же сдѣлалъ онъ въ сей пріѣздъ только то, что остановилъ продолжаемое мною, по его же приказанію, строеніе нашей каменной большой оранжереи, чѣмъ я и съ своей стороны былъ очень доволенъ, ибо строеніе сіе меня очень отягощало, и само по себѣ съ самаго начала мнѣ не нравилось.

Проводивъ его, принялись мы за прежнія свои дѣла и увеселенія и нечувствительно провели въ томъ и всю достальную половину мѣсяца іюня, въ концѣ котораго зять мой, будучи имянинникомъ, сдѣлалъ у себя въ Ламкахъ добрый пиръ, и мы всѣ у него въ сей день праздновали и съ удовольствіемъ окончили сей мѣсяцъ.

Съ наступленіемъ мѣсяца іюля, начались у насъ пріуготовленія къ приближающейся годовой нашей ярмонкѣ. Г. Давыдовъ, въ послѣднюю свою у насъ бытность, предварительно далъ мнѣ знать, что онъ пріѣдетъ къ намъ, опять со всѣмъ своимъ семействомъ, попраздновать нашъ праздникъ, и что будетъ къ нему и много гостей тульскихъ, а потому и просилъ меня, чтобъ я къ сему времени велѣлъ вычистить садъ и поприготовить все, что было нужно. Итакъ, я во всѣ первые дни сего мѣсяца и занимался сими пріуготовленіями. И какъ нужно было поприготовить къ сему времени и нашу музыку, дабы ею можно было блеснуть при семъ случаѣ, то и пришло мнѣ въ мысль сочинить особую вечернюю пѣснь, въ немногихъ бѣлыхъ стихахъ состоящую, приличную къ пѣнію ея въ вечернее время съ пѣвчими и съ музыкою. Не успѣлъ я сію мысль получить, какъ въ тотъ же почти мигъ сочинилъ и велѣлъ ее учителю пѣвчему, положивъ на ноту, выучить нашихъ пѣвчихъ ее пѣть; а такимъ же образомъ попросилъ и старика-капельмейстера своего положить ее на ноту для духовой музыки и обучать играть ее мальчиковъ. Все сіе тѣмъ и другимъ и произведено было въ дѣйство, и съ такимъ успѣхомъ, что я чрезъ день послѣ того и имѣлъ неописанное удовольствіе слышать сочиненіе свое пѣтымъ и играемымъ на музыкѣ. И какъ выдумкѣ сей случилось быть очень удачной, то не могли мы тѣмъ довольно нарадоваться и навеселиться, и ни мало не сомнѣвались, что выдумка моя понравится и всѣмъ будущимъ гостямъ нашимъ.

Сіи пріѣздомъ своимъ къ намъ и не замѣшкались. Не успѣло настать 5 число, какъ съ свѣтомъ вдругъ и прискакали уже передовыя кибитки, съ кухнею, провизіею и припасами; а вслѣдъ за ними пріѣхалъ и самъ нашъ Николай Сергѣевичъ Давыдовъ, вмѣстѣ съ женою своею, свояченицею, сестрою, матерью и сыномъ. Вмѣстѣ съ нимъ былъ и прежній нашъ гость, Ѳедоръ Алексѣевичъ Левшинъ, и нѣсколько человѣкъ другихъ тульскихъ его прислужниковъ. Всѣ они расположились по прежнему во дворцѣ и во флигелѣ онаго, которые всѣ наполнились опять множествомъ народа подъѣзжающимъ съ каждымъ часомъ болѣе, ибо, кромѣ сихъ, ожидаемы были многіе и другіе гости изъ Тулы.

Не успѣли они разобраться и расположиться и принять пришедшихъ нашихъ городскихъ съ обыкновенными поздравленіями съ пріѣздомъ, коихъ всѣхъ унялъ г. Давыдовъ у себя обѣдать, какъ начались у насъ уже увеселенія. Духовая музыка возгремѣла уже тотчасъ, какъ скоро сѣли за столъ, и играла во все продолженіе онаго; а послѣ обѣда перемѣнила ее смычковая. Потомъ, по случаю бывшаго тогда жаркаго дня, ходили мы всѣ въ ванну купаться, которая соблазнила собою даже и боярынь, такъ что и онѣ всѣ рѣшились послѣ насъ удостоить ее своимъ посѣщеніемъ; и дѣйствительно, ввечеру, вмѣстѣ съ самою нѣжною супругою г. Давыдова, въ нее ходили.

Между тѣмъ, какъ онѣ тамъ занимались купаніемъ, мы, мужчины, ходили по всему саду и гуляли. Сей былъ въ нан-

лучшемъ своемъ тогда видѣ, и г. Давыдовъ, сколь ни не способенъ былъ чувствовать изящныя красоты натуры, но принужденъ былъ признаться, что онъ преисполненъ былъ многими пріятностьми. Но ни чѣмъ онъ такъ ни плѣнился, какъ пѣніемъ вечерней моей пѣсни, съ музыкою, нашими пѣвчими. Я, не сказывая ни мало ему о томъ, спроворилъ, что въ то время, когда мы гуляли по низочку, всѣ они вдругъ проявились въ нашей прекрасной ротундѣ и, проигравъ нѣсколько штучекъ, начали наконецъ пѣть и играть вечернюю благодарственную пѣснь къ Богу. И какъ мелодія избрана была къ тому самая пріятная и чувствительная, то всѣ слушали ее съ особеннымъ вниманіемъ и превозносили безконечными похвалами. Что-жъ касается до г. Давыдова, то онъ прыгалъ почти отъ удовольствія и насказалъ мнѣ множество спасибо*въ* за сію особенную выдумку.

На утріе расположился г. Давыдовъ ѣхать со всѣмъ своимъ семействомъ въ Епифань, для богомолія тамошнему образу; свита же его вся осталась у насъ въ Богородицкѣ. Не успѣлъ онъ уѣхать, какъ пріѣхалъ къ намъ другъ мой, Антонъ Никитичъ Сухотинъ, съ сыномъ, и расположился квартировать у меня въ домѣ. Съ сими любезными и пріятными для насъ гостьми и обѣдавшимъ также у насъ господиномъ Левшинымъ ходили мы послѣ обѣда въ ванну, купались и рѣзвились тамъ по своей волѣ и имѣли много удовольствія. И какъ г. Левшинъ былъ страстный охотникъ до музыки, то, въ удовольствіе его, гремѣла у насъ во весь день оная.

Передъ вечеромъ возвратился нашъ и Николай Сергѣевичъ изъ Епифани, и во дворцѣ набралось опять множество народа. Отсюда въ сумерки ходили мы опять въ садъ и заставливали ребятишекъ, въ прекрасныхъ ихъ мундирчикахъ, маршировать и играть на музыкѣ, и всѣ имѣли отъ того много удовольствія. Къ ужину дожидались мы тульскаго вицъ-губернатора, Николая Ефимовича Мясоѣдова, но не дождались, а пріѣхалъ онъ уже въ самый ужинъ, и съ нимъ почтенный и любезный старичокъ Сергѣй Гарасимовичъ Мансуровъ, Андрей Петровичъ Калзаковъ, Осипъ Андреевичъ Кадеви(?); также пріѣхали тогда-жъ г. Сатинъ, Михайла Александровичъ, и прежній нашъ знакомецъ г. Шахматовъ; а ко мнѣ въ домъ, кромѣ моихъ родныхъ, и братъ зятя моего, Александръ Гарасимовичъ, съ молодою его женою. Итакъ, народа набралося вездѣ много, а и въ городѣ собиралась между тѣмъ ярмонка.

Въ наставшее за симъ 7-е число іюля начиналась, по обыкновенію, наша ярмонка. Она была въ сей годъ не такова многолюдна, какъ за годъ до того, и можетъ быть отъ того, что стояла тогда наилучшая сѣнокосная погода. Но за то дворянства было много. Мы въ сей день занимались съ командиромъ моимъ во все утро сужденіемъ мужиковъ и нѣкоторыми разбирательствами между ими. Потомъ вмѣстѣ съ вицъ-губернаторомъ ѣздили въ училище, въ богадѣльню и въ гошпиталь, а потомъ обѣдали во дворцѣ, при играніи музыки. Послѣ обѣда же засѣли господа играть въ карты, а передъ вечеромъ ѣздили на ярмонку. По возвращеніи же съ оной, боярыни всѣ ушли въ церковь ко всеночной, а мужчины всѣ въ садъ. Я нашолъ ихъ спускающихъ рыбный мой каналъ и утѣшающихся ловлею карпіевъ, которыми насаженъ онъ былъ до избытка. Всѣ они до восхищенія почти веселились, смотря на то, какъ обмелѣвшіе карпіи возились тутъ, какъ поросята, что и дѣйствительно представляло пріятное зрѣлище. Сіе увеселеніе побудило ихъ къ другому. Учинена была посылка за пѣвчими и музыкантами, и господину Давыдову восхотѣлось и гостей своихъ также утѣшить, какъ утѣшался онъ въ прошедшій вечеръ. Всѣ они тотчасъ къ намъ явились и началось марширование, пѣніе и играніе. Гостямъ нашимъ какъ музыка, такъ и пѣніе съ нею отмѣнно полюбились. Всѣ они съ особливымъ вниманіемъ слушали оное, а особливо послѣднюю вечернюю пѣснь и

превозносили похвалами. Въ особливости полюбился и садъ нашъ и все прочее знаменитѣйшему изъ всѣхъ ихъ и нашему вицъ-губернатору. Онъ торжественно отзывался, что никогда еще не препровождалъ въ жизнь свою столь пріятно вечера, какъ въ тотъ разъ. Онъ и подлинно былъ наипріятнѣйшій, какой мы имѣли сами. Садъ былъ въ наилучшемъ своемъ видѣ: въ немъ господствовала тогда торжественная тишина, погода была наипріятнѣйшая, пѣніе и музыка прямо трогательныя и восхитительныя! Гости всѣ сидѣли на вечерней нашей сидѣлкѣ, противъ ротунды, за нижнимъ озеркомъ и въ лучшемъ мѣстѣ для слушанія. Многіе изъ нихъ были люди съ чувствіями и могущіе судить и цѣнить все по достоинству. И потому всѣ чувствовали отмѣнное удовольствіе, а я всѣхъ болѣе, слыша отъ всѣхъ ихъ нелестныя похвалы и всему одобреніе, и вечеръ сей для самого меня былъ такъ достопамятенъ и пріятенъ, что я и понынѣ вспоминаю его съ чувствованіемъ нѣкотораго удовольствія. Однѣ только боярыни были не весьма тѣмъ довольны, что мы отняли у нихъ пѣвчихъ; но мы утѣшили ихъ, по возвращеніи изъ церкви, духовою нашею музыкою, которою прельщались всѣ до чрезвычайности, а веселый ужинъ былъ дня сего окончаніемъ.

Въ послѣдующій за симъ день наступилъ самый нашъ ярмоночный праздникъ, случившійся въ сей годъ въ воскресенье. Мы провели его очень хорошо и весело. Народа и дворянства обоего пола было множество. Всѣ, по обыкновенію, ходили въ церковь къ обѣднѣ, гдѣ пѣвчіе наши опять оказывали свое искусство, а одинъ изъ священниковъ нашихъ сказывалъ изрядную проповѣдь. Обѣденный столъ былъ большой у господина Давыдова въ замкѣ, и сидѣло за столомъ болѣе пятидесяти человѣкъ обоего пола. Во все продолженіе онаго играла вокальная и инструментальная, какъ духовая, такъ и смычковая, музыка. А послѣ обѣда начались у молодежи танцы, но, къ сожалѣнію многихъ, продолжались не очень долго, и болѣе потому, что старѣйшіе господа принялись за обыкновенную свою работу, и у нихъ только и ума было, что сидѣть и играть въ карты и проигрываться, чѣмъ всѣмъ другимъ и нагоняли только скуку. Передъ вечеромъ же всѣ пошли ко мнѣ, ибо я звалъ ихъ всѣхъ къ себѣ ужинать, и они всѣ, и даже самъ вицъ-губернаторъ охотно согласился. Сей хотѣлъ-было въ сей вечеръ ѣхать обратно въ Тулу, но за самымъ тѣмъ не поѣхалъ и остался еще ночевать. Итакъ, былъ и у меня въ сей день праздникъ и нарядный большой ужинъ, и гостей такъ много, что едва всѣ помѣстились въ моей залѣ, хотя она была и довольно просторна. Мы постарались угостить ихъ у себя колико можно лучшимъ образомъ и, для сдѣланія ужина веселѣйшимъ, привели музыку и заставили играть ее у себя подъ окнами, ибо въ залѣ не было ей уже мѣста. Ужинъ былъ у насъ прямо пріятный и веселый, и всѣ угощеніемъ моимъ были довольны. Одна только наша госпожа боярыня, супруга г. Давыдова, глупымъ своимъ капризничествомъ и несносною своею надменностію дѣлала всѣмъ веселостямъ нашимъ помѣшательства. Она не ладила все съ мужемъ и своею свекровью и не изволила и къ намъ пожаловать и тѣмъ всѣ наши забавы исполняла нѣкоторою горечью. А впрочемъ все было у насъ хорошо и ладно, и мы провели сей праздникъ съ отмѣннымъ удовольствіемъ и несравненно пріятнѣе, нежели во всѣ прежніе разы, и оный былъ едва ли не послѣдній, проведенный симъ образомъ.

Какъ на утріе званы мы всѣ были на обѣдъ господиномъ Хомяковымъ въ ближнюю его деревню Суходолье, то, препроводивъ все утро еще разъ въ гуляніи по саду, ѣздили мы всѣ гурьбою туда, кромѣ одной только госпожи боярыни, которая, за болѣзнію своего сынка—сущаго повѣсы—, изволила оставаться дома. Сему любимому ея сынку и безцѣнному сокровищу что-то по-утру стошнилось, и она съ ума почти сходила отъ того, а малова надлежало-бъ только высѣчь за его шалости, какъ бы и вся болѣзнь его

исчезла! Во всю жизнь мою не видывалъ я такова негоднаго ребенка, каковъ былъ этотъ до безконечности изнѣженный и избалованный мальчишка, въ которомъ не находилъ я ни синя пороха доброва!

Какъ ѣхать намъ до помянутаго селенія было около 8 верстъ, и все большою Лебедянскою дорогою, то, ѣдучи на линеѣ и въ самую жаркую и яркую погоду, чувствовали мы великое безпокойство отъ жара и пыли, которая всѣхъ насъ перечернила и подѣлала арапами. Г. Хомяковъ хотя и старался насъ угостить также сколько можно лучше, и не жалѣя ни винъ дорогихъ, ни прочаго, но пиръ сей былъ для насъ не столько веселъ, сколько скученъ. Всѣ господа не успѣли пріѣхать, какъ засѣли играть въ карты и провели въ томъ все предъобѣденное время; мы же отъ духоты и скуки не знали куда дѣваться. Самый обѣденный столъ былъ поздній и, за тѣснотою дома, въ раскинутой палаткѣ, производившей еще болѣе зноя отъ палящаго солнца. Словомъ, всѣ жаловались на духоту и жаръ несносный. Но, по счастію, послѣ обѣда не сидѣли долго, и возвратились еще довольно рано въ Богородицкъ, откуда вицъ-губернаторъ, поигравъ еще нѣсколько въ карты, и поѣхалъ отъ насъ съ компаніею своею опять въ Тулу. Мы же, по отъѣздѣ его, увеселялись еще музыкою и ужинали опять во дворцѣ.

Симъ образомъ провели мы и второй день праздника нарочито изрядно, а на третій положено было отъ насъ ѣхать и обѣдать у зятя моего г. Шишкова въ его Ламкахъ, ибо онъ, любя угощать у себя гостей и строить пиры и банкеты, убѣдительно звалъ всѣхъ къ себѣ, и всѣ дали-было ему и слово, но, для болѣзни господчика повѣсы, который давнымъ-давно уже и выздоровѣлъ, или паче по капризничеству его государыни-матушки, дѣло сіе не состоялось, и всѣ они остались и на сей день еще въ Богородицкѣ, который и препровожденъ былъ весь отчасти въ играніи въ карты, а наиболѣе въ перебранкахъ у госпожи боярыни съ ея супругомъ, доводившихъ ее неоднажды до слезъ. Словомъ, госпожа сія всё бѣсилась на свою свекровь и на всѣхъ, но все скрытно и все глупо. Мы же, давая ей полную волю дурачиться, занимались только музыкою и пѣвчими, и будучи принуждены проводить съ ними весь день во дворцѣ, досадовали только, что, вмѣсто того, чтобъ, пользуясь пріятностію тогдашней погоды, ходить и гулять по саду, они сидѣли въ палаткахъ, играя въ карты, и тѣмъ прямо убивали только время; а что̀ всего смѣшнѣе, то одни играли, а другіе, сидя тутъ же, на нихъ только глазѣли.

Наконецъ, послѣ продолжавшейся во всю ночь у госпожи боярыни съ супругомъ ея безпрерывной войны, назначенъ былъ послѣдующій день къ ихъ отъ насъ отбытію и къ окончанію всего нашего ярмоночнаго торжества. Однако, и въ сей день все утро проведено было у господъ въ игрѣ картошной. По какъ бы то ни было, но наконецъ всѣ поднялись и поѣхали, но не прямо въ Тулу, а въ Ламки къ моему зятю. Госпожа не хотѣла-было сперва никакъ заѣзжать туда, а располагалась съ сыномъ своимъ ѣхать прямо въ Дѣдиловъ, но какимъ-то образомъ изволила передумать и поѣхала вмѣстѣ со всѣми нами. Итакъ, въ сей день было празднество и угощеніе всѣхъ гостей у зятя и дочери моей въ Ламкахъ. Тамъ обѣдали и играли въ карты и болѣе ничего; одна только молодежь рѣзвилась и гуляла по саду. Послѣ обѣда же не сидѣли гости уже долго, а поѣхали въ Дѣдиловъ, куда предварительно отправленъ былъ ихъ обозъ прямо изъ Богородицка. Мы же остались у хозяина ночевать и провели вечеръ очень весело. Съ нами остался ночевать тутъ и г. Левшинъ, и мы утѣшались вольностію и прямо деревенскими забавами и провели ночь гораздо спокойнѣе, нежели пышные наши гости въ своемъ Дѣдиловѣ.

По наступленіи слѣдующаго утра возвратились мы наконецъ въ Богородицкъ, куда съ нами пріѣхалъ и г. Левшинъ, полюбившій все наше семейство отмѣннымъ образомъ и увѣрявшій насъ, что

ему сообщество наше несравненно пріятнѣе, нежели тѣхъ, съ которыми онъ къ намъ въ Богородицкъ пріѣхалъ. Тутъ послѣ обѣда ходили мы съ нимъ въ садъ и утѣшались купаньемъ въ нашей ваннѣ, а тамъ пріумножилъ компанію нашу пріѣхавшій къ намъ другъ мой Сергѣй Ивановичъ Шушеринъ съ матерью и сыномъ, которыхъ новыхъ гостей, по отъѣздѣ г. Левшина, увеселялъ я садовою прогулкою и своими музыкантами и пѣвчими, и мы весь тогдашній вечеръ провели въ дружескомъ обхожденіи отмѣнно весело, и тѣмъ всему нашему тогдашнему ярмоночному празднику сдѣлали окончаніе, и который тѣмъ для меня былъ всѣхъ прежнихъ пріятнѣе и веселѣе, что; во все продолженіе онаго, всѣ злодѣи и недоброхоты, наушники и завистники мои мало во всѣхъ своихъ пронырствахъ успѣвали, и я во все время не имѣлъ ни малѣйшаго неудовольствія.

А самимъ симъ дозвольте мнѣ и все сіе письмо, а вкупѣ съ нимъ и самую сію 24 часть моихъ къ вамъ писемъ, кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Генваря 29 дня 1811 года).

Конецъ XXIV части.

(Сочинена въ теченіе 38 дней и окончена 29 генваря 1811 года).

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XXV.

(Въ Двореновѣ, начата 1 февраля 1811, а окончена 22 февраля 1811 г.).

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Богородицкѣ со времени отбытія г. Давыдова изъ Богородицка до наступленія 1790 года.

Продолженіе 1789 года, а моего 51 года жизни.

Письмо 251.

Любезный пріятель! Описавъ, въ концѣ предслѣдовавшей 24-й части описанія моей жизни, бывшее у насъ въ Богородицкѣ веселое, пріятное и тѣмъ въ особливости достопамятное ярмоночное празднество, что оно было послѣднее такого рода, и продолжая теперь исторію мою далѣе, скажу, что не успѣли мы помянутымъ образомъ проводить отъ себя пріѣзжавшихъ къ намъ изъ Тулы толь многихъ гостей и остаться опять одни въ Богородицкѣ, какъ и начали мы помышлять о ѣздѣ въ свою деревню. Въ оной хотѣлось мнѣ и въ сіе лѣто опять побывать и взглянуть, хотя вскользь, на свое любезное Дворениново и красотами прелестнаго его положенія повеселиться, а потому, при отъѣздѣ моего командира отъ насъ, и не преминулъ я испросить на то себѣ дозволенія.

Итакъ, отдохнувъ дни три отъ ярмоночныхъ своихъ трудовъ и проводивъ отъ себя пріѣзжавшаго еще къ намъ въ гости родственника нашего г. Кирѣева доставившаго мнѣ много пріятныхъ минутъ чрезъ разсказываніе о томъ, какъ много вездѣ хвалятъ моего сына, и повеселивъ и сего пріятнаго гостя нашими садами и музыкою, начали мы въ свой путь собираться, а по-утру 16-го іюня въ оный и отправились.

Въ сей разъ ѣздили мы туда не всѣ, а имѣли съ сыномъ у себя только двухъ спутницъ: его бабушку и старшую изъ незамужнихъ сестеръ, Настасью, которымъ наиболѣе потому хотѣлось намъ сотовариществовать, что обѣимъ имъ очень уже давно не случалось быть въ нашей деревнѣ. Жена же моя съ обѣими младшими дочерьми расположилась прогостить, во все время отсутствія нашего, у замужней нашей дочери въ Ламкахъ.

Какъ погода была тогда самая сухая и наилучшая лѣтная, то ѣзда наша была благоуспѣшна. Мы въ тотъ же еще день и такъ рано пріѣхали въ Тулу, что успѣли побывать въ рядахъ, видѣться койсъ-кѣмъ изъ нашихъ знакомыхъ и довольно еще насидѣться у г. Верещагина, у котораго въ домѣ мы тогда останавливались и, по желанію его, ночевали. Тутъ съ удивленіемъ услышалъ я, что къ командиру моему присыланъ былъ отъ первенствующаго тогда нашего министра графа Безбородки нарочный съ требованіемъ извѣстія о нашихъ доходахъ. Я недоумѣвалъ, что̀ бы это значило и сожалѣлъ, что г. Давыдова не было тогда въ Тулѣ и мнѣ обстоятельнѣе узнать о томъ было не отъ кого.

Какъ по самой сей причинѣ не за чѣмъ было мнѣ въ Тулѣ долго медлить, то, вставши по-утру въ слѣдующій день поранѣе, продолжали мы свой путь, и, по долготѣ тогдашнихъ дней, успѣли и въ Ѳедешово заѣхать и тамъ отобѣдать и отдохнуть и въ деревню свою, еще за полчаса до вечера, пріѣхать. Тутъ встрѣтило меня множество досадъ и неудовольствій. Поелику пріѣздъ нашъ въ этотъ разъ былъ совсѣмъ неожидаемымъ, то и нашли мы все въ безпорядкѣ и запущеніи, и не только всѣ сады невычищенными и заросшими всякою дрянью, но и самый дворъ нашъ заросшій такимъ множествомъ вонючей ромашки, что мочи почти не было терпѣть. Между тѣмъ, какъ я досадуя бранилъ и тазалъ за все это моего прикащика и садовника, прибѣжалъ къ намъ и сосѣдушка мой братъ, Михайла Матвѣевичъ, который тѣмъ паче былъ радъ нашему пріѣзду, что мы привезли съ собою и дочь его, гостившую у насъ до того въ Богородицкѣ.

На утріе, съ самаго утра начали мы кое-что дѣлать а вкупѣ утѣшаться пребываніемъ своимъ у себя въ домѣ. Дворъ былъ ранёхонько выкошенъ и всѣ прудки, сажелки и водоемы въ саду отъ травъ, которыми всѣ они заросли, вычистили. Мы съ сыномъ, напившись чаю, тотчасъ пошли въ свой нижній садъ и помогали сами людямъ очищать водоемы и вытаскивать изъ нихъ шелковичниковъ. Оттуда прошли на прудъ ловить рыбу и въ липовую свою, вновь назначенную и тогда совсѣмъ еще пустую, рощу, для осмотрѣнія бывшаго тамъ маленькаго кирпичнаго завода. Оттуда прошли въ свой верхній садъ, осматривали яблони и всё въ немъ находившееся и веселились множествомъ родившихся въ сей годъ и созрѣвающихъ тогда вишенъ. Ни въ который годъ не было ихъ еще такъ много, какъ тогда: всѣ малые и большіе и даже самые малоплодные роды сихъ плодовитыхъ деревъ были ими унизаны. Между тѣмъ, ткачи и ребятишки чистили въ садахъ, а особливо въ нижнемъ, сходы и дорожки, а садовника съ нѣкоторыми другими заставили прививать листки, привезенные съ собою изъ Ѳедешова, особливо славныхъ ихъ анисовскихъ яблокъ, которыхъ въ садахъ моихъ до того не было. Сему помогали и сами мы въ сей работѣ. А потомъ ходили въ рощу, на клинъ; утѣшались рваніемъ найденной тамъ златотысячницы; а оттуда прошли въ большой свой полевой садъ, осматривали оный. И во всемъ томъ провели все время до своего сельскаго обѣда, приготовляемаго между тѣмъ нашими спутницами.

Послѣ обѣда отдохнувъ, пошли мы опять въ садъ. Тутъ пріѣхали къ намъ оба молодые сосѣди наши и мои крестники, Иванъ и Гаврила Александровичи Ладыженскіе. Съ ними посидѣвъ, ходили мы опять въ садъ и веселились въ

немъ своею духовою музыкою, которую привезли мы съ собою, и заставили ихъ играть въ саду. И это было еще въ первый разъ, что садъ мой оживотворялся пріятными звуками и тонами музыки. Матушка-теща моя, не смотря на всю свою слабость, сотовариществовала намъ въ сей садовой прогулкѣ, и минуты тогдашнія были очень веселы и проведены съ удовольствіемъ. По отъѣздѣ же гостей нашихъ, имѣлъ я съ сыномъ своимъ въ саду важный и прямо философическій разговоръ, увеселившій обоихъ насъ очень много, чѣмъ и кончили мы сей день съ удовольствіемъ отмѣннымъ.

Но на утріе не успѣлъ я встать, какъ почувствовалъ себя не весьма здоровымъ отчасти отъ простуды, отчасти отъ разстроившагося желудка, а потому все утро принужденъ былъ сидѣть въ домѣ и заниматься кое-какими разбирательствами и терпѣть скуку отъ приходившаго ко мнѣ приходскаго нашего попа Евграфа, точившаго опять безконечные балы и сплетавшаго клеветы на племянника своего, нашего дьякона. Между тѣмъ, люди продолжали чистить дорожки и, кончивъ сіе дѣло, принялись за ровняніе въ ближнемъ саду моемъ средней и лучшей площадки. Послѣ обѣда же пріѣзжала къ намъ сосѣдка и кума моя, мать господъ Ладыженскихъ, съ сыномъ. Съ ними ходили мы въ свой нижній садъ, веселились своими водоемами и опять игравшею тамъ въ саду нашею музыкою; но налетѣвшая туча съ громомъ и дождемъ прогнала насъ опять въ хоромы.

Какъ болѣзнь моя продолжалась и въ слѣдующій третій день моего пребыванія въ деревнѣ, однако—такъ, что мнѣ на дворѣ быть и ходить можно было,—то продолжалъ я заниматься съ людьми обдѣлываніемъ помянутой главной площадки въ саду и осаживаніемъ ея разными цвѣтами, также ловлею въ сажелкахъ и прудкахъ своихъ рыбы, и утѣшался изловленными и большими въ нихъ карпіями и лещами. А послѣ обѣда ѣздили мы въ домъ къ брату Михаилу Матвѣевичу и угощаемы были дочерью его, а моею племянницею; самого же его не было въ сей день дома. По возвращеніи же оттуда, ѣздилъ сынъ мой съ сестрою своею прогуливаться верхами въ Нотовскую (?) рощу и въ другія окрестъ насъ лежащія пріятныя мѣста, а вечеръ провели мы въ семейственномъ обществѣ и опять въ пріятномъ гуляніи по саду и увеселеніи себя музыкою. И были всѣ веселы и довольны: свое родное какъ-то всѣхъ насъ увеселяло и утѣшало несравненно болѣе, нежели чужое. Къ тому-жъ, и погода случилась тогда самая пріятная, а натура—въ полной своей красѣ и великолѣпіи; почему и было намъ, какъ охотникамъ до красотъ натуры, чѣмъ повеселиться, а особливо сидючи на хребтѣ прекрасной своей горы, ввечеру предъ захожденіемъ солнца. Тысяча наипрелестнѣйшихъ предметовъ представлялась тогда нашему зрѣнію, и мы не могли устать, любуяся разнообразностію и пріятностію оныхъ.

Въ наступившій послѣ сего четвертый день пребыванія моего въ деревнѣ, получивъ отъ болѣзни своей при помощи своего енкритнаго порошка облегченіе, ѣздили мы съ сыномъ и прикащикомъ своимъ осматривать свои хлѣбныя поля, лѣсныя и сѣнокосныя угодья. Объѣздили все Гвоздево и Шестуниху, осмотрѣли Болотовскій Заказъ, проѣхали въ Шахово и тамъ отыскали удобное мѣсто для поселенія маленькаго хутора и назначили—гдѣ быть избѣ, пчельнику и пруду, который мы тамъ запрудить вознамѣривались, — что послѣ все и сдѣлано и существуетъ и понынѣ. И будучи симъ воспріятымъ трудомъ довольны, къ обѣду возвратились къ своимъ хозяйкамъ, занимавшимся между тѣмъ вареніями ягодъ. Братъ Михайла Матвѣевичъ подошелъ къ намъ къ оному съ своею дочерью, съ которыми провели мы наше послѣобѣднѣйшее (sic) время въ разныхъ упражненіяхъ. А предъ вечеромъ пили въ саду на новой нашей площадкѣ въ лиственной полубесѣдкѣ чай, и потомъ опять весь вечеръ веселились, при игра-

ніи музыки, гуляніемъ по саду, и были всѣ веселы и довольны.

Но симъ и кончились всѣ наши тогдашнія деревенскія увеселенія, ибо въ послѣдующій день расположились мы отправиться уже и въ обратный путь. Обстоятельство — что замужная дочь моя была уже на сносѣхъ и время приближалось уже ей родить — не дозволяло намъ долѣе въ деревнѣ своей медлить, а понуждало спѣшить благовременнымъ возвращеніемъ въ Богородицкъ. Почему, препроводивъ послѣднее утро кой-въ-какихъ упражненіяхъ и взявъ у брата съ собою его сына, и поѣхали мы въ сей день послѣ обѣда въ свой обратный путь, проживъ въ сей разъ въ Дворениновѣ своемъ съ небольшимъ только 4 дни и не успѣвъ ничего тутъ сдѣлать, кромѣ упомянутаго выше.

На семъ пути почевали мы въ сей день у родственника нашего г. Кислинскаго въ Ѳедешовѣ, а отъ него поѣхали уже иною и такою дорогою въ Тулу, какою до того ни когда мы еще не ѣзжали. Причиною тому было то, что намъ хотѣлось заѣхать еще въ два дома, во-первыхъ, къ свату нашему Егору Михайловичу Крюкову въ Хвошню, у котораго мы ни когда еще до того не бывали; къ сему проводили насъ наши Кислинскіе, и вмѣстѣ съ нами у него обѣдали. А отъ него, угостившаго насъ какъ-можно лучше, взявъ проводника, проѣхали мы къ другому зятю тетки Матрены Васильевны, Льву Савичу Крюкову, въ его Тульскую деревню, который былъ намъ также очень радъ и угощалъ всячески. А переночевавъ и отобѣдавъ у него, проѣхали мы уже въ Тулу и остановились ночевать у друга нашего Антона Никитича Сухотина, гдѣ отдохнувъ и повидавшись кое-съ-кѣмъ, и пріѣхали на другой день къ вечеру въ Ламки, гдѣ и нашли всѣхъ своихъ прочихъ родныхъ въ добромъ здоровьѣ, и успѣли еще съ ними провести вечеръ въ гуляньи по саду съ особеннымъ удовольствіемъ; съ зятемъ же своимъ — поговорить и дружески посовѣтовать ему не такъ много вдаваться въ разорительную его страсть и непомѣрную охоту къ строеніямъ, чѣмъ онъ, не имѣя склонности ни къ какимъ другимъ благоразумнѣйшимъ упражненіямъ, наиболѣе занимался, и отъ самаго того часъ-отъ-часу входилъ въ множайшія и крайне для него вредныя и предосудительныя издержки и долги. Но, къ несчастію, всѣ мои совѣты помогали очень мало, и всѣ увѣщеванія оставались тщетными. А отъ него на другой день возвратились мы уже всѣ въ свое мѣсто въ Богородицкъ, препроводивъ въ ѣздѣ и отлучкѣ сей ровно 10 дней.

Какъ, по случаю бывшаго ярмоночнаго празднества и сей непосредственной послѣ того отлучки, «Экономическій мой Магазинъ» былъ у меня совершенно и такъ запущенъ, что въ Москвѣ оставалось уже очень мало запаснаго матеріала, то, по возвращеніи своемъ въ Богородицкъ, принялся я тотчасъ опять за сію работу и началъ поспѣшать сочиненіемъ сего матеріала. Но едва я только за дѣло сіе принялся, какъ смотрю—входятъ ко мнѣ незнакомые и со всѣмъ небывалые у меня гости. Былъ то г. Веревкинъ, Михайла Михайловичъ, сынъ славнаго нашего переводчика книгъ г. Веревкина, въ препровожденіи одного молодаго офицера, который былъ самый тотъ Павелъ Михайловичъ Дуброклонскій, съ которымъ послѣ довелось мнѣ жить въ сосѣдствѣ и котораго дружбою пользуюсь и понынѣ. Но тогда былъ онъ мнѣ совсѣмъ еще незнакомъ. Оба они ѣхали тогда чрезъ нашъ городъ въ Кубанскую армію, и гулявши съ княземъ нашимъ и городничимъ по нашему славному тогда саду, вздумали зайтить ко мнѣ, чтобъ меня видѣть и со мною познакомиться, и просидѣли у меня въ кабинетѣ болѣе часа.

Не успѣлъ я ихъ отъ себя проводить и отобѣдать, какъ вдругъ почувствовалъ я въ себѣ нѣчто необыкновенное: заболѣли у меня вдругъ голова и всѣ члены моего тѣла, а внутри чувствовалъ я и необыновенную дрожь и ознобъ. Перетревожась тѣмъ и не понимая что̀ бъ сіе

значило, и слѣдствіемъ ли было то жестокой простуды, или что-нибудь иное, велѣлъ я тотчасъ сварить своего простуднаго декокта и нашился онаго. Но какъ не помогалъ ни мало и онъ и къ вечеру сдѣлался я уже и гораздо болѣнъ, то и принужденъ былъ взять прибѣжище свое къ лѣкарю и послать за онымъ. Сей также счолъ сіе не инымъ чѣмъ, какъ дѣйствіемъ простуды и присовѣтовалъ мнѣ принять пóтовой порошокъ. Но и онъ, въ сужденіи своемъ о болѣзни моей, столь же хорошо обманулся, какъ и я. Была то, какъ послѣ оказалось, совсѣмъ не простуда, а преддверіе таковой же лихорадочной болѣзни, каковою тогда многіе и жестоко страдали въ нашемъ городѣ.

А потому хотя данный мнѣ имъ пóтовый порошокъ и произвелъ во мнѣ потъ, но оный не сдѣлалъ мнѣ ни малѣйшаго облегченія. Но, напротивъ того, по наступленіи ночи, сдѣлалась тошнота и рвота, и я не только всю ночь спалъ очень безпокойно, но и во весь послѣдующій день чувствовалъ изнеможеніе во всѣхъ членахъ и продолжающуюся ознобь; и хотя мнѣ писать все было еще можно, но слабость чувствовалъ превеликую.

Все сіе начинало меня ужъ и озабочивать. А какъ болѣзнь моя и въ послѣдующій за тѣмъ день не только не уменьшалась, но еще и увеличилась, то сталъ я опасаться, чтобъ не схлебнуть горячки. Лѣкарь продолжалъ меня лѣчить, но не помогала и микстура, мнѣ имъ даваемая; и я послѣ обѣда такъ уже ослабъ, что не въ силахъ былъ болѣе и писать, и болѣе оттого, что уже двое сутокъ ничего не ѣлъ. А на другой день по-утру хотя и было мнѣ немного получше и я немного поѣлъ, но послѣ обѣда стало становиться часъ-отъ-часу хуже и происходили со мною разныя перемѣны: то чувствовалъ я въ себѣ внутреннюю ознобь, то жаръ, то болѣла голова, то грудь, то мучилъ кашель, то тошнота. А ввечеру поднялась рвота, а потомъ сдѣлался превеликій жаръ, и я всю ночь провелъ въ превеликомъ безпокойствѣ и страданіи. Словомъ, болѣзнь моя не походила уже на шутку, и не только меня, но и всѣхъ моихъ домашнихъ перетревожила. Но, по счастію, отъ принятаго на другой день слабительнаго мнѣ сколько-нибудь получ[ш]ѣло, и я, получивъ нѣсколько и апетита, въ состояніи былъ ходить, сидѣть, читать книги и нѣсколько пописаться, а и ночь спалъ спокойно, что всѣхъ моихъ опять и поуспокоило.

Въ сихъ обстоятельствахъ засталъ меня августъ мѣсяцъ, достопамятный для меня тѣмъ, что я во все теченіе онаго былъ весьма въ худомъ и сумнительномъ состояніи моего здоровья, особливо въ первую половину онаго и во все продолженіе тогдашняго поста. Самый первый день онаго провели мы и весело, и съ горемъ. Ибо какъ съ утра было мнѣ очень легко, то и ласкались-было мы надеждою, что болѣзнь моя пройдетъ; и какъ день сей былъ праздничный, то и наѣхало къ намъ много гостей, и мы послѣ обѣда начали-было опять увеселяться музыкою и забавляться по-прежнему. Но въ самое сіе время подхватила меня опять ознобь, продолжавшаяся часа три сряду; а потомъ сдѣлалась тошнота и рвота, а вслѣдъ за тѣмъ кинуло въ жаръ, продолжавшійся во мнѣ во всю ночь, что все и доказало наконецъ намъ, что болѣзнь моя была не иное что, какъ перемежающаяся лихорадка, и мы ради уже были тому, что была то не горячка.

Со всѣмъ тѣмъ, и сія гостья, не бывшая у меня очень давно, была мнѣ не весьма пріятна, и тѣмъ паче, что обычаемъ своимъ была какъ-то очень неугомонна и безпорядочна. Сперва оказалась она порядочною тридневною, то-есть посѣщающею меня чрезъ сутки, но послѣ сдѣлалась совсѣмъ безпорядочною и происходившею то рѣже, то чаще, то знобившею меня порядочно, то нѣтъ, а всего ломавшею, и такъ далѣе. Но какъ я отъ нея ни страдалъ, но то было, по крайней мѣрѣ, хорошо, что я не лежалъ въ постелѣ, а во все продолженіе

оной былъ не только на ногахъ, но, въ свободные часы и промежутки, могъ все еще заниматься своими литературными занятіями, а особливо сочиненіемъ матеріала для своего «Магазина», котораго, при всей своей слабости и изнеможеніи, успѣлъ наготовить порочитую партію и переслать по почтѣ въ Москву. Но скоро послѣ сего я такъ ослабъ, что и сего не могъ дѣлать, а принужденъ былъ заставлять писать моего сына, или своего писца, и имъ диктовалъ.

Какъ въ самое сіе время замужная дочь моя часъ-отъ-часу приближалась къ разрѣшенію отъ своего бремени, то жила у ней почти безвыѣздно старушка моя теща, а ея бабушка, а не рѣдко ѣзжала туда же и жена моя. Меня же то-и-дѣло пріѣзжали навѣщать, по любви своей ко мнѣ, наши городскіе; а не было недостатка и въ пріѣзжихъ гостяхъ изъ уѣзда или проѣзжающихъ чрезъ нашъ городъ, которые иногда дѣлали мнѣ уже и отягощеніе, и я принужденъ былъ поручить уже дѣтямъ своимъ угощать оныхъ и водить въ сады и веселить нашею музыкою.

Впрочемъ, достопамятно, что около самаго сего же времени занемогъ и командиръ мой г. Давыдовъ въ своемъ Анненскомъ и сначала такою же болѣзнію, какою я, но обратившеюся послѣ въ жестокую горячку, едва не лишившую-было его жизни, и онъ въ такой находился опасности, что его исповѣдывали и причащали.

Далѣе, достопамятно было, что наканунѣ Успеньева дни удивилъ меня городничій нашъ, прибѣжавшій ко мнѣ поутру во всемъ убранствѣ и при шпагѣ. Я спрашиваю: что за диковинка? И онъ отвѣчаетъ мнѣ, что будетъ-де сюда князь Сергѣй Сергѣевичъ Гагаринъ, и «мнѣ хочется его видѣть; однако, погляжу, если до обѣда не пріѣдетъ, то поѣду въ Тулу навѣщать Николая Сергѣевича». Адская душа! лгалъ немилосердно! ѣхалъ совсѣмъ для своихъ нуждъ, и уже давно добивается отпуска. Лицемѣрство и лукавство его было безпримѣрное, соединенное вмѣстѣ съ злодѣйствомъ. Я не сомнѣвался, что пришествіе его было за тѣмъ, чтобъ видѣть меня, сколько я болѣнъ, и послѣ въ Тулѣ налгать и озлословить.

Помянутый прежній мой командиръ князь Гагаринъ ѣхалъ тогда чрезъ Богородицкъ проѣздомъ изъ своего Сергіевскаго, гдѣ занимался онъ славнымъ своимъ хозяйствомъ. И какъ ему съ самаго отбытія своего и многіе уже годы не случалось еще никогда быть у насъ въ Богородицкѣ, въ которомъ все послѣ его такъ преобразилось, что ему трудно было и узнать,—то, думая, что не остановится ли онъ въ городѣ и не вздумаетъ ли побывать въ нашемъ саду, получившемъ уже послѣ его все свое существованіе, велѣлъ я сыну моему одѣться, чтобъ онъ могъ въ семъ случаѣ вмѣсто меня поводить его по оному и показать ему все мною сдѣланное. Однако, все наше ожиданіе было тщетно. Князь пріѣхалъ уже во время всенощной и только что перепрягъ лошадей и видѣлъ его только нашъ Алабинъ, прогаланившій также весь день для его въ мундирѣ.

Праздникъ Успенья Богородицы провели мы довольно весело, и тѣмъ паче, что мнѣ въ оный отъ болѣзни моей столько полегчѣло, что я могъ ходить безъ дальнаго безпокойства и угощать у себя пріѣзжавшихъ къ намъ въ сей день многихъ гостей. Самая перемѣна пищи произвела во мнѣ хорошія слѣдствія, и я начиналъ уже ласкаться надеждою, что болѣзнь моя скоро пройдетъ. Однако, въ томъ весьма обманулся. Но она продолжалась и еще долго, и была хотя слабѣе, но все меня попеременно, то болѣе, то менѣе ,мучила; а 20 числа сего мѣсяца, перепужала-было меня на смерть сдѣлавшимся вдругъ въ глазахъ моихъ чуднымъ помраченіемъ. Я вдругъ, при писаніи, сталъ видѣть одну только ту литеру, которую писалъ, а прочія и написанныя дѣлались совсѣмъ невидимыми. И какъ во всю жизнь мою такого случая со мной не было, то обмеръ я, испужался боясь, чтобъ

мнѣ не ослѣпнуть и не лишиться зрѣнія, которое было для меня всего драгоцѣннѣе. Однако, какъ я раза два принудилъ себя бумажкою чхнуть, то, къ превеликому удовольствію моему, сіе миновало, и я во весь день могъ сказывать и диктовать сыну моему что̀ писать, стараясь заготовить еще матеріи для своего «Магазина», которой и успѣлъ опять въ немногіе дни наготовить въ запасъ довольно и отправить въ Москву по почтѣ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того случилась у насъ странная исторія съ моимъ **Варсобинымъ**. Сказываютъ мнѣ вдругъ, что онъ у насъ пропалъ. «Какъ это?» удивясь спрашиваю я. «Чего, судырь, отвѣчаютъ мнѣ; вчера-де былъ онъ съ княземъ городничимъ нашимъ у Семена Ивановича **Игнатьева** въ деревнѣ, гдѣ говорятъ всѣ они пили, пили и выпились даже съ ума, и Варсобинъ куда-то ушолъ ночью, а Игнатьевъ перепоролъ всѣхъ людей; и гдѣ онъ теперь, никто не знаетъ». Но скоро принуждены мы были хохотать, услышавъ, что Варсобинъ наконецъ и князь отыскался, и что первый ночевалъ въ лѣсу подъ стогомъ, а второй—въ мужицкой избѣ на голой лавкѣ.

Наконецъ, по долговременномъ ожиданіи, въ послѣднихъ числахъ августа мѣсяца обрадованы мы до безконечности были извѣстіемъ, что дочь моя разрѣшилось благополучно отъ своего бремени и произвела на свѣтъ сына, а мнѣ внука **Павла**. Случилось сіе въ 27 день августа. Мы получили извѣстіе сіе послѣ обѣда, и чрезъ часъ почти послѣ родовъ самыхъ; и оно произвело то, что какъ я, такъ и жена моя сдѣлались на сей разъ, какъ нѣмцы говорятъ, рыбами, нѣмыми и безгласными отъ радости. Слезы удовольствія текли только изъ глазъ нашихъ, дѣти мои всѣ также плакали и другъ друга прерывающимися голосами поздравляли. Мы съ сыномъ прежде всѣхъ увидѣли человѣка, прискакавшаго изъ Ламокъ. Павелъ мой выбѣжалъ и, вбѣгая опять, поздравляетъ меня со внукомъ. Я спѣшу и бѣгу со слезами въ глазахъ сообщить извѣстіе сіе и поздравить со внукомъ жену мою. Дѣти бѣгали туда-и-сюда. Словомъ, весь нашъ домъ наполнился радостію, которая была тѣмъ чувствительнѣе, что мы ее въ сей день не ожидали. Чрезъ полчаса глядимъ—бѣжитъ къ намъ Николай Сергѣевичъ **Арсеньевъ** и поздравляетъ, почти со слезами, и радуется и протуриваетъ насъ, чтобъ мы скорѣе ѣхали. Мы и подлинно рѣшились въ тотъ же еще день въ Ламки ѣхать. Мнѣ какъ нарочно около сего времени полегчѣло и въ сей день было отмѣнно лучше, такъ что мнѣ можно было отважиться пуститься въ сей недальній путь, окутавшись въ каретѣ. Со всѣмъ тѣмъ, сборами своими протянули мы до самой ночи. Женѣ моей вздумалось сходить къ вечернѣ, чтобъ отслужить молебенъ съ акафистомъ; но пьяный протопопъ нашъ пѣлъ цѣлыхъ два часа молебенъ и досадилъ мнѣ тѣмъ чрезвычайно. Наконецъ, поѣхали мы всѣ съ своею семьею въ сумерки и ѣхали ночью. Я окутанъ былъ въ шубахъ и пріѣхалъ благополучно. Не можно изобразить, какъ новой отецъ и мать были намъ ради. Сама прабабушка, встрѣчая насъ, проливала отъ радости слезы.

Странное и нѣчто удивительное сопряжено было съ родами моей дочери! Какъ она сими родами нѣсколько позамѣшкалась, то, недѣли еще за двѣ до оныхъ, не только во всемъ нашемъ городѣ разнеслась молва, что она родила сына, и именно Павла, и въ Тулѣ о томъ вездѣ говорили и зятя моего даже письменно съ тѣмъ поздравляли, хотя она ни мало еще не родила. Но какъ бы то ни было, но я въ сей день сдѣлался впервыя еще дѣдомъ, а жена моя бабкою.

Какъ въ Ламкахъ надлежало намъ пробыть нѣсколько времени, то асигновалъ я тамъ для себя особую комнату и расположился въ ихъ каминной. Тутъ провели мы ночь спокойно, а въ послѣдующій день было мнѣ гораздо легче, такъ что я не чувствовалъ и слѣдовъ лихорадки, хотя день сей былъ ея, а не мой. Почему, имѣя съ собою свой пулпетъ, запялся я все утро писаніемъ; но гости,

начавшіе пріѣзжать на родины, дѣлали мнѣ въ томъ помѣшательство; по крайней мѣрѣ, радъ я былъ, что мнѣ было легче и апетитъ лучше прежняго.

Но сіе продолжалось не долго. А надобно было случиться въ послѣдующій день празднику Усѣкновенія Главы Предтечи. Боярышни наши, по обыкновенной нодобности своей, не хотѣли мнѣ никакъ дозволить ѣсть въ сей день скоромное; а какъ и рыбу ѣсть было мнѣ не можно, то сварили мнѣ какихъ-то совсѣмъ невкусныхъ кашицъ съ прогорклымъ масломъ, и сіи такъ слабый желудокъ мой разстроили, что мнѣ сдѣлалось опять тяжелѣе, и болѣзнь моя возобновилась, и въ послѣдній день августа чувствовалъ я опять въ себѣ ознобъ и лихорадку. Со всѣмъ тѣмъ, и сколько пріѣзжавшіе гости мнѣ ни мѣшали, но я во всѣ сіи дни занимался во всѣ свободные часы писаньемъ.

Между тѣмъ хозяева наши собирались новорожденнаго мальчугу крестить и назначили къ тому, по случаю воскреснаго дня, 2-е число сентября. Но, по наступленіи онаго, не знали что̀ дѣлать. Хотѣла пріѣхать крестить его отцова бабка Дарья Васильевна Остафьева; но утро настало, а ея не было. Мы ждать, подождать, но она и не показывается! «Господи! что̀ это такое?» говоримъ, а того и не знали, что старая сія карга, которую мы, по странному и глупому ея своенравію и капризничеству, не инако называли, какъ старою вѣдьмою и бабою-ягою, изволила на зятя моего разгнѣваться за то, для чего онъ самъ къ ней не пріѣзжалъ звать крестить своего сына. Наконецъ, какъ проходило уже все утро, то принуждены были, не дождавшись ея, крестить и употребить въ куму мою тещу съ братомъ зятя моего, а вторымъ кумомъ былъ сынъ мой съ княгинею Ольгою Степановною Крапоткиною. И весь сей день проведенъ былъ довольно весело. Къ сему времени привезена была туда наша музыка, и дѣти порѣзвились подъ нее и потанцовали, а ко мнѣ — почта, множество новыхъ и любопытныхъ книгъ, почему и мнѣ было чѣмъ заняться. Но, передъ вечеромъ, подхватила меня опять лихорадка: а ввечеру раздосадованы мы были всѣ письмомъ, полученнымъ отъ старой вѣдьмы; письмомъ, въ которомъ писала она къ зятю моему, чтоб онъ ѣхалъ къ ней звать крестить своего сына, хотя прежде сама приказывала, чтоб онъ не пріѣзжалъ, а она сама будетъ.

Проживъ симъ образомъ цѣлую недѣлю въ Ламкахъ, поѣхали мы на утріе домой и нашли тамъ у себя больнаго гостя, братца моего Михайлу Матвѣевича, и при немъ лѣчившаго его нашего лѣкаря, а городскихъ нашихъ — всѣхъ дожидающихся съ-часу-на-часъ пріѣзда туда нашего губернатора. Сей объѣзжалъ тогда всѣ города своей губерніи и находился тогда въ Епифани. Но все ожиданіе его въ тотъ день было тщетное, и не прежде какъ въ послѣдующій за симъ день получено было вѣрное извѣстіе, что онъ въ тотъ день отъ г. Власова къ намъ прибыть изволитъ; однако, и тутъ не прежде онъ пріѣхалъ, какъ уже ночью и сталъ у насъ во дворцѣ. Онъ былъ тогда съ своею съ женою; но я, за болѣзнію своею, и не подумалъ къ нему иттить тогда ночью, а предоставилъ всѣ хлопоты съ нимъ нашему князю.

Но по-утру, въ слѣдующій день расположился я самъ, кое-какъ одѣвшись, сходить къ губернатору, о которомъ сказывали мнѣ, что онъ хотѣлъ меня видѣть, а особливо губернаторша. Мы спѣшили по-утру съ Павломъ своимъ одѣться. Но не успѣли собравшись сѣсть въ карету, какъ прибѣжали мнѣ сказывать, что губернаторъ уже вышелъ изъ дворца и пошелъ въ казначейство. Сіе принудило меня усѣсться дома, чему я и радъ былъ, поелику утро было тогда туманное и холодное. Но чрезъ нѣсколько времени разсудилъ я послать сына своего во дворецъ къ губернаторшѣ, и сей чрезъ нѣсколько минутъ прислалъ ко мнѣ сказать, что губернаторша хочетъ иттить въ садъ и желаетъ меня видѣть. Я тотчасъ тогда во дворецъ и поѣхалъ и нашолъ

ее съ нашею городничихою. И какъ я никогда ее до того не видывалъ, то удивился, увидѣвъ въ ней боярыню, совсѣмъ не подъ пару хухрику ея мужу, но высокаго роста, статную, лицомъ красавицу, а притомъ умную, со вкусомъ и крайне любопытную. Она тотчасъ вступила со мною въ разговоры, и мы не могли довольно съ нею наговориться и свели тотчасъ знакомство. Скоро послѣ того вздумали они иттить въ садъ. Мнѣ крайне было жаль, что я, за болѣзнію моею, не могъ имъ сотовариществовать. Я извинился въ томъ передъ нею, а далъ ей въ препровожденіе своего сына. Они пошли и проходили болѣе двухъ часовъ. Никто еще съ такимъ удовольствіемъ и съ такимъ любопытствомъ въ саду нашемъ не гулялъ, какъ сія умница боярыня. Она любила сады сего рода, смотрѣла на все со вкусомъ и удовольствіемъ и была сыномъ моимъ крайне довольна и не могла потомъ довольно расхвалить его. Между тѣмъ я, возвратившись въ свой домъ, велѣлъ смотрѣть, какъ губернаторъ пойдетъ изъ города на нашу сторону; и какъ сказали, что идетъ, то поѣхалъ я во дворецъ. Однако, принужденъ былъ болѣе часа его дожидаться, ибо онъ зашелъ въ церковь, дослушивалъ обѣдню, потомъ торговалъ лошадей, а тамъ прошелъ въ садъ. Губернаторша была еще въ ономъ, и сынъ мой, смѣнивъ, пошелъ водить губернатора. Однако, сей ходилъ, какъ слѣпой и ничего не видалъ. Наконецъ дождался и я губернатора и губернаторшу, и сперва сію. Мы ослѣпили ихъ всѣми бездѣлушками, показываніемъ картинъ и всего прочаго, и съ того времени, какъ я пришелъ, были и всѣ разговоры съ однимъ мною. На столъ, между тѣмъ, было накрыто, Тогда смѣшно было видѣть, какъ князь старался всѣхъ выгнать, чтобъ никто не остался тутъ обѣдать; а ни у кого и на умѣ не было оставаться: меня хотя-бъ и унимали, но я не остался-бъ. Итакъ, я поѣхалъ домой и имѣлъ вскорѣ удовольствіе видѣть пріѣхавшихъ ко мнѣ Егора Михайловича Крюкова съ моимъ зятемъ, съ которыми и провели мы тотъ день съ удовольствіемъ.

Какъ въ слѣдующій за симъ день было мнѣ уже гораздо легче и случилась прекрасная теплая погода, то отважился я съѣздить на дрожкахъ вмѣстѣ съ своими домашними въ паркъ нашъ прогуляться, а кстати осмотрѣть всѣ производимыя въ разныхъ мѣстахъ работы. А въ наступившій за симъ праздникъ Рождества Богородицы, поѣхали мы опять всѣ въ Ламки, гдѣ нашли родильницу нашу очень занемогшую. Болѣлъ у ней бокъ и былъ жаръ. Сіе перетревожило насъ чрезвычайно, и я трепеталъ духомъ, чтобъ не сдѣлалась горячка и не похитила-бъ она моей дочери. Произошло сіе ни то отъ того, что водили ее въ баню и простудили, ни то помогли къ тому разныя огорченія, сдѣланныя ей старою и глупою хрычовкою ихъ бабкою и дурою ея золовкою, бывшими тогда у нихъ вмѣстѣ съ двумя госпожами Албычевыми. Но какъ бы то ни было, но дочь моя была больна и находилась въ опасности, и я присовѣтовалъ тотчасъ послать за лѣкаремъ.

Болѣзнь дочери моей продолжалась и оба послѣдующіе за симъ дни, и мы принуждены были прожить у нихъ всѣ оные, и не прежде домой возвратились, какъ 11 числа сего мѣсяца. Тутъ вдругъ услышали мы всего меньше нами ожидаемыя и всѣхъ насъ весьма перетревожившія вѣсти, что командира нашего Николая Сергѣевича Давыдова отъ насъ отняли и указомъ велѣно перевесть его въ Калугу въ гражданскую палату предсѣдателемъ. Сіе извѣстіе привезъ къ намъ собственный его секретарь, отправленный отъ него въ ночь, по полученіи указа, съ запискою ко мнѣ, чтобъ мнѣ всѣ списки и вѣдомости готовить къ сдачѣ, и потому было уже достовѣрное.

Не могу изобразить, какъ поразительна была для меня сія неожидаемость, и какъ я началъ уже жалѣть о своемъ Николаѣ Сергѣевичѣ. Привычка къ сему добродушному командиру, всегдашнія его къ намъ благодѣянія, неизвѣстность, кто

займетъ его мѣсто и какого разбора будетъ человѣкъ и съ какими намѣреніями, и не подвергается ли самое мое мѣсто при семъ случаѣ и перемѣнѣ опасности,—приводило всѣхъ насъ въ смущеніе, и я только и твердилъ: «ну, вотъ, совершилось-таки наконецъ то, о чемъ такъ давно начали уже говорить! Вотъ, прощай и Николай нашъ Сергѣевичъ! Вотъ, не будетъ и его! Но кто-то, кто-то воцарится на его мѣсто? И лучше-ли его или еще хуже будетъ? Не предстоитъ ли и всѣмъ здѣшнимъ обстоятельствамъ революція и перемѣна?»

На другой день послѣ сего обрадованы мы были извѣстіемъ, что больной нашей немного стало отъ болѣзни ея, толико насъ устрашавшей, лучше. Мы провели его весь дома, занимались безпрерывно почти разговорами о перемѣнѣ нашего командира. Послѣ обѣда были у меня г. Хомяковъ съ княземъ и княгинею; первый показывалъ втайнѣ письмо отъ Николая Сергѣевича, въ которомъ онъ пишетъ о своей перемѣнѣ, а послѣдніе лукавили и притворялися, будто ничего не знаютъ, и князь былъ очень нахмуренъ. Я смѣялся ихъ притворству и глупости: хотѣли таить то, чтó всѣмъ было уже извѣстно!

Всю послѣдующую за симъ недѣлю занимался я болѣе писаніемъ своего «Экономическаго Магазина» и успѣлъ сочинить столько, что оставалось уже немного дописывать. И какъ оный мнѣ и гораздо уже поваскучилъ, то 20 числа сего мѣсяца и рѣшился я отписать въ Москву, что я далѣе нынѣшняго года продолжать его не буду. Между тѣмъ приходили изъ Тулы то-и-дѣло разные, но все еще недостовѣрные слухи о преемникѣ нашего командира. Множайшіе утверждали, что директоромъ будетъ у насъ прежде упоминаемый г. Вельяминовъ, Николай Ивановичъ; но сіе извѣстіе было таково, что я тому и вѣрилъ, и не вѣрилъ, и оно меня смущало, и нѣтъ. Человѣкъ сей былъ извѣстный горделивецъ и, въ случаѣ его, опасался я, чтобъ не было тутъ комплота, и не захочетъ ли онъ опредѣлить на мое мѣсто своего братца Степана, чтобъ лучше бездѣльничать. Другіе говорили, что будетъ какой-то секретарь сенатскій; а нѣкоторые прочили сіе мѣсто г-ну Веницееву, а иные славили какого-то кабинетскаго секретаря Карачинскаго. Чтожъ касается до господина Давыдова, то сей отпустилъ уже отъ себя и бывшихъ у него нашихъ пѣвчихъ и казенныхъ столяр*ей*, работавшихъ у него въ домѣ; но чтобъ въ остаточное еще дохнуть, то просилъ меня, что[бъ] прислать ему поболѣе карповъ, на чтó я охотно и согласился. А вскорѣ за симъ писано было ко мнѣ, чтобъ я и самъ пріѣхалъ въ Тулу и привезъ всѣ нужныя бумаги.

Между тѣмъ, ежедневно почти, заѣзжали къ намъ разные наши друзья и знакомцы, ѣдущіе на Покровскую-Лебедянскую ярмонку, на которую восхотѣлось для нѣкоторыхъ покупокъ съѣздить и женѣ моей вмѣстѣ съ сыномъ моимъ и дочерью Настасьею. Итакъ, въ 23 день сентября была у насъ разъѣжжая: они поѣхали на ярмонку, а я, собравшись,—въ Ламки, дабы оттуда пуститься уже въ Тулу.

А симъ и окончу я сіе письмо, достигшее до обыкновенныхъ своихъ предѣловъ, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Февраля 1 дня 1811 года, въ Дворениновѣ).

Письмо 252.

Любезный пріятель! Послѣднее мое письмо кончилъ я отъѣздомъ своимъ въ Тулу. Я пріѣхалъ въ оную 24 числа сентября и остановился опять у друга своего г. Сухотина. Тутъ, наконецъ, узналъ я уже съ достовѣрностію, что директоромъ домоводства на мѣсто г. Давыдова будетъ нѣкто Василій Васильевичъ Юницкой изъ Петербурга, и человѣкъ совсѣмъ незнакомый ни кому. Сіе нѣсколько меня поуспокоило, ибо хотя и неизвѣстно еще было, каковъ сей человѣкъ будетъ, но, по крайней мѣрѣ, радовался, что не достанусь я подъ власть

г. Вельяминова. Вслѣдъ за мною пріѣхалъ туда же ночевать и другъ мой Иванъ Васильевичъ Хомяковъ, съ женою и дѣтьми; а подошолъ къ намъ и случившійся въ Тулѣ мой Варсобинъ.

Переночевавъ у г. Сухотина, поѣхали мы по-утру вмѣстѣ съ г. Хомяковымъ сперва въ казенную палату, а потомъ къ г. Давыдову. Я нашелъ его весьма въ жалкомъ положеніи и состояніи. Отъ претерпѣнной жесточайшей горячки былъ онъ очень еще худъ, а душевное сокрушеніе угнетало его еще того болѣе. Обстоятельства его были наисквернѣйшія. Онъ былъ по-уши въ долгахъ, и въ долгахъ совсѣмъ неоплатныхъ. Изъ казенныхъ денегъ было множество имъ нахватано и промотано. Кредиторы его не хотѣли даже его изъ Тулы выпустить. Уже г. Хомяковъ, Христа ради, вступился и взялъ на себя заплатить долги его. Съ нашею волостью имѣлъ онъ также нѣкоторыя запутанныя дѣла: нахваталъ множество денегъ, множества хлѣба, и надобно было какъ-нибудь развязаться съ нею. Итакъ, все сіе его тревожило и все смущало. Криводушникъ и душепродавецъ нашъ Варсобинъ, которымъ званіемъ называли мы его по поводу покупанія имъ людей въ рекруты, успѣлъ уже у него побывать и злодѣйскимъ образомъ постарался надѣть на него новую петлю или дать злодѣйскій совѣтъ произвесть новое бездѣльничество въ разсужденіи нахватаннаго имъ хлѣба. Онъ тотчасъ адресовался ко мнѣ съ предложеніемъ о томъ. Предложеніе сіе меня поразило. Я удивился тѣмъ паче, что собирался самъ дѣлать по сему дѣлу представленіе. Досадно мнѣ было сіе чрезвычайно. Но какъ пособить было нечѣмъ, то сказалъ, что я о томъ еще подумаю и посмотрю, можно ли будетъ то сдѣлать.

Получивъ отъ него на нѣкоторыя другія вещи ордера, для очищенія и обезпеченія себя въ разсужденіи нѣкоторыхъ содѣянныхъ имъ пакостей, и поговоривъ кое-съ-кѣмъ изъ пріѣзжавшихъ, поѣхали мы съ г. Хомяковымъ опять въ казенную палату. Тамъ, къ удовольствію моему, вытяблилъ я отъ секретаря его взятыя имъ отъ насъ обязательства заимщиковъ хлѣбныхъ, о которыхъ упоминалъ я въ прежнихъ моихъ письмахъ. Изъ нихъ онъ успѣлъ уже промотать четыре и почти на цѣлую тысячу рублей. Но я радъ былъ, что получилъ, по крайней мѣрѣ, послѣднія, и что не всѣ имъ были промотаны. Изъ казенной палаты поѣхали мы съ г. Хомяковымъ и нашимъ хозяиномъ, по приглашенію, обѣдать къ г. Давыдову, который старался меня въ особливости угащивать, поелику тогда весьма многое зависѣло отъ меня.

На утріе прописалъ я все утро на своей квартерѣ, дѣлая разныя вычисленія и писавъ еще одинъ нужный ордеръ. Потомъ поѣхалъ къ г. Давыдову. Душепродавецъ опять уже тутъ былъ и успѣлъ опять надѣлать пакости и злодѣйствія разныя. Никогда не доказалъ онъ мнѣ, какъ при семъ случаѣ, что былъ онъ превеличайшій плутъ и бездѣльникъ. Какъ помянутый и нужный для меня ордеръ былъ подписанъ, то распрощался я съ г. Давыдовымъ и, позавтракавъ у своего хозяина, пустился въ обратный путь и успѣлъ пріѣхать ночевать въ Ламки, гдѣ нашолъ и хозяина, возвратившагося уже съ ярмонки, а вкупѣ и родственника своего В. И. Кислинскаго, гонявшаго по всему бѣлому свѣту съ собаками и туда заѣхавшаго, съ которыми, проведя вечеръ, возвратился на другой день съ матушкою-тещею въ Богородицкъ.

Тутъ нашолъ я цѣлую толпу народа дожидавшуюся меня для торга земляного, которому въ самое сіе время быть случилось и который надлежало уже мнѣ самому собою производить. Но какъ мнѣ было тогда очень недосужно, то велѣлъ я народъ сей распустить и торгъ сей отложилъ до субботы, но послѣ тужилъ, что сіе сдѣлалъ, ибо пошли тотчасъ ко мнѣ приступы и досады отъ просителей, домогающихся получить земли и мельницы беззаконно. Но никто мнѣ такъ досаденъ не былъ, какъ нашъ князь городничій, прилетѣвшій ко мнѣ съ просьбою отъ г. Веницеева объ отдачѣ одной

мельницы какому-[то] знакомому ему дьячку за малую цѣну; мельница же была весьма дорогая и важная. Но я не захотѣлъ никакъ, въ угожденіе господину Веницееву, сдѣлаться бездѣльникомъ и отказалъ ему въ томъ на-чисто. Но наиглавнѣйшая моя забота была о требованіяхъ г. Давыдова. Я принужденъ былъ призвать къ себѣ на совѣтъ добродушнаго и мнѣ усерднаго секретаря своего Щедилова и имѣть о томъ съ нимъ конференцію. Но требованія сіи, по милости нашего душепродавца, обоимъ намъ наводили превеликое сомнѣніе, и мы долго не знали, какъ быть и что дѣлать, ибо съ одной стороны—жалокъ былъ намъ Николай Сергѣевичъ и обоимъ намъ хотѣлось ему въ нуждѣ его помочь, а съ другой—опасались, чтобъ не могло произойтить оттого впредь для самихъ насъ какихъ-нибудь дурныхъ слѣдствій, и на-силу-на-силу кое-что сообща придумали и дѣломъ симъ уладили.

Впрочемъ, въ сей день возвратилась и жена моя съ дѣтьми съ ярмонки, и я доволенъ былъ, что ѣзду свою туда отправили они благополучно; а на другой день послѣ сего получилъ я письмо отъ отъ г. Давыдова съ увѣдомленіемъ, что преемникъ его и нашъ новый директоръ не прежде въ Тулу прибудетъ, какъ по первому зимнему пути. Сіе извѣстіе смутило меня и даже огорчило до чрезвычайности, и причина тому была слѣдующая:

Какъ годъ, на который сынъ мой отпущенъ былъ по послѣднему пашпорту, приближался уже къ окончанію, и наше общее желаніе было постараться о выпускѣ его изъ гвардіи къ штатскимъ дѣламъ (поелику онъ, по слабости своего здоровья, къ военной службѣ былъ совсѣмъ не способенъ, да и намъ не хотѣлось его оной подвергнуть; выпуски-жъ были тогда затруднительны и не инако, какъ съ превеликими трудами и стараніями могли быть получаемы),—то наилучшимъ и надежнѣйшимъ средствомъ почитали мы, чтобъ мнѣ ѣхать для сего самому въ Петербургъ и употребить къ тому свое стараніе. И какъ сіе у насъ давно уже предположено было, то и ласкался я надеждою, что я, когда не отъ г. Давыдова, такъ отъ будущаго своего новаго начальника, и могу получить къ ѣздѣ сей увольненіе. Но какъ тогда г. Давыдову отпустить меня было уже не можно, то извѣстіе, что новый начальникъ мой не прежде прибудетъ, какъ въ исходѣ уже тогдашняго года, смутило насъ до чрезвычайности. Ибо какъ до прибытія его мнѣ отъ волости отлучиться не было уже ни какой возможности, а по пріѣздѣ его ѣхать было уже поздно, и мы легко могли заключать, что чрезъ то упущу я наиудобнѣйшее время къ употребленію своихъ просьбъ и старанія о моемъ сынѣ,—то и не оставалось другаго средства, какъ отпускать сына моего въ Петербургъ на службу одного и предоставить уже самому ему о себѣ стараться.

Таковая непредвидимость всѣхъ насъ до безконечности смутила и заставила думать и помышлять о томъ, какъ быть и что дѣлать. Сынъ хотя не былъ уже ребенкомъ, и, по добрымъ его свойствамъ, не могли мы опасаться, чтобъ онъ тамъ могъ избаловаться, но паче надѣялись, что онъ и тамъ не сгинетъ и по нуждѣ могъ и самъ о себѣ приложить стараніе (но какъ онъ никогда еще не бывалъ въ Петербургѣ, да и мы не имѣли тамъ никакихъ вѣрныхъ и надежныхъ людей, которымъ бы мы могли его препоручить въ покровительство),—то и не хотѣлось намъ весьма его одного въ тотъ дальній путь и при такихъ обстоятельствахъ отпустить. Со всѣмъ тѣмъ, требовала того сущая тогда необходимость. А сіе и подало намъ поводъ къ разнымъ о томъ разглагольствіямъ между собою и совѣщаніямъ о томъ съ лучшими нашими друзьями. Сіи всѣ были такого-жъ мнѣнія, что необходимо намъ его не только отправить въ Петербургъ надобно, но и поспѣшить отправленіемъ симъ, не упуская тогдашняго осенняго и способнаго къ путешествію времени. Всѣ они, и справедливо, говорили намъ,

что чѣмъ ранѣе пріѣдетъ онъ туда до Новаго года, тѣмъ болѣе имѣть будетъ времени къ прінсканію о себѣ старателей и удобнѣйшихъ средствъ къ достиженію до желаемой нами цѣли.

Итакъ, вдругъ и нечаяннымъ образомъ, получили мы новую, по сему обстоятельству, заботу и должны были, не упуская ни мало времени, помышлять о сборахъ его въ сей дальній путь и придумываніи всего того, чѣмъ бы ему поспѣшествовать съ своей стороны въ его будущихъ о самомъ себѣ стараніяхъ.

Не успѣли мы начать о семъ помышлять, какъ наступилъ и день, назначенный мною для публичной земляной торговли. И какъ земли всѣмъ были надобны, то народа съѣхалось превеликое множество. Но я радъ былъ, что дворянъ было не много, а только двое, да и тѣ— нестоющіе дальняго уваженія, а потому и могъ я, по желанію своему, давать всѣмъ свободный торгъ и производить оный наибезпристрастнѣйшимъ образомъ. Однако, безъ досадъ многихъ и при семъ случаѣ не обошлось, и хлопотъ было довольно.

На другой день послѣ сего, который былъ уже послѣднимъ мѣсяца сентября, случилось у насъ въ слободѣ странное и необыкновенное происшествіе. Жена протопопа запарилась въ банѣ до-смерти. Какъ она охотница была испивать, то не сумнѣвались мы, что пошла она въ баню подгулявши и, думать надобно, поддала слишкомъ много и отъ неумѣреннаго жара задохлась; но какъ бы то ни было, но нашли ее въ банѣ, на полку́, умершею, съ вѣникомъ въ рукахъ.

Непосредственно за симъ наступилъ нашъ фамильный октябрь мѣсяцъ, бывшій въ сей годъ достопамятенъ для меня многими особенными происшествіями. Самое начало его было уже преисполнено многими для меня досадами, хлопотами и неудовольствіями. Не успѣло пройтить онаго дни два, какъ взбѣшонъ почти былъ я присланнымъ ко мнѣ письмомъ отъ бывшаго командира моего г. Давыдова. Сей горе-командиръ, будучи, такъ сказать, съ ногъ до головы замаранъ дермомъ и находясь въ прескверныхъ и такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ не желалъ бы я быть ни кому, по смѣшному своему любославію, восхотѣлъ еще и тогда покичиться своею потерянною уже надо мною властію. И забывъ все, сколько онъ мнѣ обязанъ, и все то, что́ я для его сдѣлалъ, написалъ ко мнѣ прямо досадное и раздражительное письмо и промѣнялъ меня на бездѣльника мужика, принесшаго ему какую-нибудь голову сахара или чего-нибудь инаго на поклонъ. Поводъ къ тому подала вышеупомянутая переторжка земель и мельницъ. Какъ для ней самому ему уже не кстать, да и нельзя было къ намъ пріѣхать и, по прежнему, безсовѣстно мытарить и плутовать, — то поручилъ онъ производить торговлю сію мнѣ. Но чѣмъ былъ я не весьма доволенъ, ибо онъ хотя и не пріѣхалъ, но заметалъ меня ордерами и письмами въ раздачѣ наилучшихъ земель и мельницъ воровски и за ничто тѣмъ, которые у него тамъ побывали и съ которыхъ онъ сорвалъ срывы. Между прочимъ, прислалъ онъ ко мнѣ одинъ глупый и безтолковый ордеръ объ отдачѣ одной и послѣдней мельницы Бобриковскому мужику за ничто, и только за 30 рублей, не смотря что она стоила гораздо болѣе ста. Досадно мнѣ было сіе невѣдомо-какъ, и тѣмъ паче, что онъ и безъ того всѣ наилучшія мельницы размытарилъ и упустилъ чрезъ то дохода въ казну болѣе 1,000 рублей. И какъ тогдашнія повелѣнія его уже были для меня не слишкомъ важны, и я не имѣлъ причинъ ихъ свято наблюдать, а сверхъ того хотѣлось мнѣ послѣднее его мытарство и бездѣльничество сколько-нибудь поправить безпристрастнѣйшею торговлею,—то и пустилъ я сію мельницу съ прочими въ торгъ и за нее взогнали цѣны свыше полутораста рублей, и осталась она за самымъ тѣмъ же, который хотѣлъ-было схватить ее почти за ничто. Бездѣльникъ сей бросился къ г. Давыдову и, какъ думать можно было, налгалъ ему что-нибудь. А за сіе-то и изво-

лилъ онъ на меня разгнѣваться и, въ досадѣ для чего помѣшалъ я ему и въ семъ случаѣ своровать и сбездѣльничать, написалъ ко мнѣ помянутое обидное и такое письмо, какого я отъ него, а особливо при тогдашнихъ обстоятельствахъ, никакъ ожидать не могъ, и которое для меня тѣмъ было досаднѣе, что я поступилъ при семъ случаѣ по всей справедливости и всего меньше заслуживалъ такого себѣ репреманта. Мнѣ не трудно было въ томъ оправдаться. Но, со всѣмъ тѣмъ, принужденъ я былъ весь почти день по сему дѣлу писать и заниматься глупостьми, ибо мнѣ хотѣлось дать ему учтивымъ образомъ прямо дурной его поступокъ противъ меня повозчувствовать.

Другія хлопоты были для меня въ этотъ же день тѣ, что я принужденъ былъ переписывать, пересчитывать и ранжировать всѣ заготовленныя мною статьи для своего «Экономическаго Магазина» и готовить ихъ для отправленія съ почтою въ Москву. А третья досада была на г. Веницеева, рыскавшаго около сего времени по полямъ нашей волости съ собаками за зайцами. Онъ хотѣлъ ко мнѣ въ сей день пріѣхать, но я цѣлый день прождалъ его по-пустому и съ досадою услышалъ, что онъ еще съ утра ускакалъ прямо въ Тулу. Наконецъ, нѣкоторымъ образомъ и то было особливостью, что въ сей же день привезли ко мнѣ изъ Ламокъ нововыѣзжаго па свѣтъ и небывалаго у меня гостя, моего внука, котораго женѣ моей, а его бабушкѣ, хотѣлось у себя воспитывать.

Непосредственно за симъ наступилъ день имянинъ сына моего, и праздникъ сей былъ для насъ тѣмъ чувствительнѣе, что оставалось ему уже не долго жить съ нами. Въ навечеріи сего дня положено было у насъ уже рѣшительно отправить его въ скоромъ времени. Обстоятельство сіе наполняло глаза жены моей уже слезами, да и намъ всѣмъ скорый отъѣздъ его былъ чувствителенъ и приводилъ въ смущеніе наши мысли. А какъ, сверхъ того, надлежало мнѣ сіе утро писать въ Петербургъ къ племяннику моему М. В. Неклюдову и, его увѣдомивъ о скоромъ пріѣздѣ туда моего сына, просить о помѣщеніи его въ какомъ-нибудь уголкѣ его дома, то и не звали мы къ себѣ никого обѣдать, и у насъ обѣдали только немногіе. Но послѣ обѣда съѣхалось столь много гостей, что мы сдѣлали уже маленькій деревенскій балъ, послали за музыкою, завели танцы и провели день и вечеръ сей довольно весело, и гости всѣ у насъ ужинали, и было ихъ такъ много, что мы ихъ едва помѣстили въ своей залѣ.

Въ слѣдующій за симъ день октября было у насъ въ домѣ множество больныхъ. Я самъ что-то былъ не очень здоровъ и ночь спалъ дурно, а ввечеру чувствовалъ опять въ себѣ ознобъ и боялся, чтобъ лихорадка моя опять не возвратилась и не сдѣлалось бы рецидива. Недомогала также и бывшая тогда у насъ замужняя дочь, и мы посылали за лѣкаремъ, чтобъ поговорить съ нимъ о ея болѣзни. У меньшой моей дочери болѣло ухо, а жена на-силу ходила отъ слезъ и грусти. Она всё суетилась и плакала о сынѣ, съ которымъ тошно было ей разставаться. Но всѣхъ болѣе смущала и озабочивала вторая моя дочь Настасья: сія занемогла формально и была во весь день въ жару, такъ что мы принуждены были ее лѣчить и боялись, чтобъ не было горячки. Однако, было сіе слѣдствіемъ простуды и ей на другой же день полегчѣло, но за то занемогла наша старушка и ее всю каверкало, и какъ говорила она — отъ осуда, чтò было и вѣроятно, ибо е успѣли ее, брызгнувъ въ нее изнавѣсть водою, испужать, какъ ей и полегчѣло. Впрочемъ, въ оба сіи дни сбирали мы уже своего Павла въ Петербургъ, и было по сему случаю хлопотъ довольно. Съ нимъ собирался ѣхать вмѣстѣ и сынъ уѣзднаго нашего секретаря Арефьева, записанный также въ гвардію, и онъ товарищу сему очень радъ былъ, да и намъ было пріятно, что поѣдетъ онъ не одинъ.

Вслѣдъ за симъ наступило 7-е число

октября, въ который совершилось мнѣ 51 и пошолъ 52 годъ отъ рожденія. Но я во весь сей день былъ не очень здоровъ. Перемѣнившаяся около сего времени погода и превратившаяся изъ хорошей въ дурную, ненастную, была причиною тому, что я, за день до сего, простудился и оттого чувствовалъ въ сей день насморкъ, головную боль, тягость во всѣхъ членахъ и ознобъ, почему и былъ для меня сей день не очень веселъ. Домашніе мои ѣздили всѣ въ церковь, но я, за болѣзнію своею, принужденъ былъ оставаться дома и кое-чѣмъ отъ оной лѣчиться.

Въ наступившую за симъ ночь случилось сыну моему видѣть удивительной и почти пророческій сонъ. И какъ разсказывалъ онъ намъ его за обѣдомъ, то сочли мы его пустымъ и ничего незначущимъ. Приснилось ему, что онъ шолъ одинѣ въ Ламки пѣшкомъ и что въ лѣсу испужанъ онъ былъ двумя большими свиньями, выбѣгшими къ нему изъ лѣса, однако, вреда ему ни какого не сдѣлавшими. Но, ввечеру удивились мы невѣдомо-какъ, увидѣвъ, что сей сонъ въ тотъ же день сбылся почти на яву. Зятю моему показалось одно слово, выговоренное сыномъ моимъ въ шуткахъ, какъ-то колкимъ. Онъ вспыхнулъ какъ порохъ и поссорился съ онымъ; а чтò всего удивительнѣе, то слово «свинья» подало къ сей ссорѣ поводъ и причину. Какъ мнѣ происшествіе сіе было очень непріятно, то за ужиномъ нагонялъ я зятика своего стороною гораздо-и-гораздо за то, что онъ, будучи самъ виноватъ, на другихъ разсердился и вспыхнулъ, и тѣмъ ссоришку сію уничтожилъ.

Болѣзнь моя не только не проходила, но продолжалась и во всѣ послѣдующіе за симъ пять дней. И оказалось, что дѣйствительно воспослѣдовалъ рецидивъ моей лихорадки, и она опять стала меня чрезъ день знобить и мучить, и была тогда очень не по времени. Мы всѣ сіи дни провели въ безпрерывныхъ хлопотахъ и суетахъ и заботахъ, по причинѣ сборовъ сына моего къ отъѣзду. Онъ разъѣзжалъ въ сіи дни со всѣми знакомыми уже прощаться, а прочіе часы старались мы съ нимъ провести по-прежнему въ пріятныхъ разговорахъ и читаніи книгъ и воспользоваться колико-можно лучше остальнымъ не многимъ временемъ его со мною пребыванія. Между тѣмъ, услышалъ я, что командиръ мой изъ Тулы уже выѣхалъ въ свое Анненское, и письмо мое его такъ тронуло, что онъ извинялся передо мною въ своемъ противъ меня проступкѣ. И какъ чрезъ то мы съ нимъ опять поладили, то сіе побудило меня попросить его чрезъ вторичное письмо о снабженіи сына моего къ знакомымъ своимъ рекомендовательными письмами, чтò онъ охотно и обѣщалъ сдѣлать; потребовалъ, чтобъ я для сего велѣлъ сыну моему заѣхать въ Анненское, на что мы охотно и согласились, хотя чрезъ то и дѣлалась въ пути сыну моему остановка.

Наконецъ, наступило 14-е число октября, день достопамятный мнѣ и всему семейству моему тѣмъ, что мы отправили въ оный наилучшаго друга и любезнаго моего сотоварища и собесѣдника Павла Андреевича въ Петербургъ и разлучились впервыя съ нимъ на время, которое долго-ли продолжится — о томъ всего меньше мы тогда вѣдали и знали, ибо зависѣло то отъ воли нашего Бога. Онъ поѣхалъ отъ насъ передъ вечеромъ въ кибиткѣ съ помянутымъ товарищемъ своимъ секретарскимъ сыномъ Арефьевымъ и съ однимъ только слугою моимъ Василіемъ, бывшимъ у меня и стряпчимъ, и повѣреннымъ, и писцомъ наилучшимъ. Жена моя и дочь Настасья расположились проводить его до Ламокъ; мнѣ же сдѣлать сего, за болѣзнію моею, было не можно. При прощаніи обмочили мы его, а онъ наши щоки слезами, и всѣ мы утирали глаза, и не только мы, но и самые гости, сдѣлавшіе ему честь и пріѣхавшіе провожать его вмѣстѣ съ нами. И я самъ какъ ни крѣпокъ былъ въ такихъ случаяхъ, но не могъ удержаться, чтобъ имъ въ томъ не совариществовать, и не только до тѣхъ поръ глаза свои то-и-дѣло утиралъ, покуда повозка ег

не скрылась у меня изъ глазъ, но и послѣ того многія минуты сряду.

Не могу изобразить, какъ онѣ были мнѣ чувствительны и въ какомъ расположеніи находились тогда всѣ мои душевныя чувствія и мысли. Самая неволя принудила меня отправить его одного и, отпустивъ на самую неизвѣстность, предать въ десницу и во власть единаго моего Покровителя и Бога. Я снабдилъ его туда хотя разными кой-къ-кому просительными письмами отъ себя и отъ моихъ знакомыхъ, но всѣ они могли и не возымѣть ни какого дѣйствія, равно какъ и деньги, которыя я ему далъ на всякій случай съ собою. «Чтó можетъ все сіе сдѣлать, говорилъ я тогда самъ себѣ, если Богу будетъ то не угодно? а если Онъ пристанетъ, то и пастыря приставитъ». А съ этою надеждою и въ упованіи болѣе всего на единую Его милость я его и отправилъ. Внезапный и скоропостижный случай, побудившій насъ къ тому, и всѣ неожидаемые успѣхи при собираніи его въ путь сей—ласкали меня надеждою, что упованіе мое на Творца моего не останется втунѣ, ибо я много разъ въ жизнь мою запримѣтилъ, что всѣ таковыя скорыя и нечаянныя предпріятія бывали удачны, а изъ послѣдствія увидите вы, что въ надеждѣ и заключеніяхъ своихъ я и не обманулся.

Теперь, для любопытства, упомяну я о томъ, къ кому и къ кому отправилъ я съ сыномъ моимъ просительныя объ немъ письмы. Первое и наиглавнѣйшее письмо послалъ я съ нимъ къ сыну родной моей сестры и моему племяннику Михайлу Васильевичу Неклюдову, у котораго въ домѣ предназначалъ я и квартеровать ему; но мнѣ неизвѣстно еще было, застанетъ ли онъ его въ Петербургѣ и можетъ ли онъ ему въ чемъ-нибудь помочь. Человѣкъ онъ былъ не знаменитый и не весьма расторопный, и потому надежда на него была не весьма велика. Другое письмо послалъ я съ нимъ къ старинному своему и еще кенигсбергкому другу Сергѣю Ѳедоровичу Малиновскому, съ которымъ я вмѣстѣ учился новой философіи и который тогда счислялся при графѣ Безбородкѣ коллежскимъ совѣтникомъ; но и на сего была надежда не велика, ибо неизвѣстно было, можетъ ли онъ чтó-нибудь сдѣлать, и буде можетъ, то расположенъ ли будетъ къ тому; я къ нему писалъ нѣсколько разъ, но не могъ получить ни одного отвѣта. Третье писалъ я къ г. Сонину, Дмитрію Степановичу, старинному и не весьма короткому знакомому, почему и надежда на него была весьма не велика, да я и писалъ, чтобъ сдѣлать только ему его знакомымъ. Четвертое и наиважнѣйшее письмо хотѣлъ послать съ нимъ Николай Сергѣевичъ Давыдовъ къ бабкѣ своей Марьѣ Петровнѣ Травиной, самой той придворной госпожѣ, которая доставила ему сержантскій чинъ; г. Давыдовъ писалъ ко мнѣ, что онъ вѣрно надѣется, что она и прочіе его пріятели сдѣлаютъ желаемое мною; но мнѣ казался и сей путь не весьма надежнымъ. Пятое и также вѣрное письмо хотѣлъ сынъ мой стараться получить въ Москвѣ, отъ родственницы зятя моего Аграфены Ильинишны Толстой къ сестрѣ ея Авдотьѣ Ильинишнѣ Голенищевой-Кутузовой, генеральшѣ и дѣлающей многія дѣла. Но сія надежда всѣхъ была слабѣе, и неизвѣстно было, получитъ ли онъ и письмо сіе, и будетъ ли столько счастливъ, чтобъ тамъ его полюбили и похотѣли для его чтò-нибудь сдѣлать. Шестое письмо хотѣлъ онъ выпросить отъ Егора Михайловича Крюкова къ племяннику его Ивану Ѳедоровичу Крюкову, гвардіи капитану. Въ семъ письмѣ (sic), заключалъ я, что оно можетъ быть ему сгодится, когда надобно будетъ ему служить, а дальней помощи и отъ него ожидать было не можно. Седьмое письмо, надѣялись мы, дастъ ему г. Верещагинъ къ одному своему родственнику, который можетъ пріискать ему каналъ, для полученія желаемаго нами чрезъ деньги; но было неизвѣстно, будетъ ли къ тому возможность и не перемѣнились ли обстоятельствы. Вотъ сколько вспомогательныхъ писемъ

было съ нимъ въ запасѣ, а въ-осьмыхъ, снабдилъ я его и нарочитымъ количествомъ денегъ, дабы, въ случаѣ если ни чьи просьбы не помогутъ, то бы постараться употребить ихъ къ тому. Я отправилъ съ нимъ 650 рублей, но неизвѣстно, куда сіи деньги пойдутъ и кому наиболѣе достанутся.

Впрочемъ, было достопамятно, что въ самый этотъ же день пріѣзжалъ ко мнѣ на часокъ нашъ князь и привезъ ко мнѣ всего меньше ожидаемое письмо отъ Вениццева, въ которомъ онъ писалъ ко мнѣ, что онъ, по довѣренности отъ г. Давыдова и по опредѣленію казенной палаты, вступилъ, до прибытія настоящаго директора, въ управленіе обѣими нашими волостьми. Сіе меня смутило и удивило крайне и было совсѣмъ не понятно, какъ это сдѣлалось. Такимъ образомъ, ни-думано-ни-гадано, получилъ я себѣ новаго временнаго или, такъ сказать, наказного, но такого командира, который не весьма мнѣ нравился, но я ласкался, по крайней мѣрѣ, надеждою, что онъ ничего важнаго со мною предпріять и сдѣлать не можетъ.

Итакъ, проводивъ любезнаго своего товарища, остался я одинъ и весь тотъ вечеръ проводилъ въ скукѣ и въ помышленіяхъ о новомъ своемъ наказномъ начальникѣ, а на другой день послѣ того пріѣзжали ко мнѣ неожиданные гости, господа откупщики епифаньскіе г. Игнатьевъ, Аѳанасій Ивановичъ, и г. Жеребцовъ съ бездѣльною просьбицею, а именно: чтобъ я надѣлъ на себя осёлъ и дозволилъ имъ въ Бобриковской волости надѣлать множество кабаковъ, которыхъ тамъ никогда не бывало. Самая бездѣлка!... а что̀ всего смѣшнѣе, привезли ко мнѣ записочку о томъ отъ Николая Сергѣевича Давыдова, и такую, которая ни въ какой документъ не годилась. По счастію, было мнѣ чѣмъ отговориться. Я, усмѣхнувшись только, сказалъ имъ, что теперь уже не Николай Сергѣевичъ, а Семенъ Никифоровичъ Вениццевъ управляетъ волостьми, и я безъ его воли сего удовольствія имъ сдѣлать не могу. Симъ отбоярилъ я ихъ, и они поѣхали отъ меня не солоно хлебавъ, и можетъ быть не весьма довольными мною, и тѣмъ паче, что я учтивымъ образомъ далъ имъ знать, что сіе не такъ-то легко сдѣлать можно, какъ они думаютъ, и дружески совѣтовалъ лучше сего не затѣвать никогда.

Послѣдующій за симъ день достопамятенъ былъ тѣмъ, что я въ оный окончилъ десятилѣтній мой трудъ, а именно: сочиненіе своего «Экономическаго Магазина», отягощавшаго меня многими трудами, но не принесшаго мнѣ ни какой дальней пользы, кромѣ того, что сдѣлало имя мое во всемъ государствѣ извѣстнымъ и славнымъ. Но и отъ сего польза для меня была очень не велика, и мнѣ опытность толь многихъ лѣтъ доказала, что публика наша наполнена была еще невѣжествомъ и не умѣла, и не привыкла еще цѣнить труды людей, и отечество совсѣмъ было неблагодарное, а лучшею наградою за весь подъятый толь великій трудъ было для меня собственное сознаніе, что я трудился не въ пустомъ, а въ полезномъ и такомъ дѣлѣ, которое нѣкогда не только сынамъ нашимъ и внукамъ, но и правнукамъ и дальнѣйшимъ потомкамъ обратится въ пользу, и что я, съ своей стороны, былъ полезнымъ для своего отечества. Наконецъ и та мысль меня утѣшала, что какъ не было до меня, такъ едва ли и послѣ меня будетъ другой человѣкъ, который бы одинъ и безъ всякой посторонней помощи могъ цѣлыхъ десять лѣтъ сряду издавать журналъ такой огромности и изготовлять матеріи въ каждую недѣлю на два листа печатныхъ, и съ такою исправностію, что никогда не было ни малѣйшей остановки.

Впрочемъ, достопамятно, что какъ мы съ сыномъ условились колико можно чаще переписываться между собою и разсказывать другъ другу все, что съ нами происходить будетъ и переписку сію расположить совсѣмъ на иной ногѣ, нежели на какой бываетъ она у иныхъ отцовъ съ отлучными сыновьями своими, то я съ самаго сего дня и началъ къ

нему уже писать и заготовлять письмо свое къ отсылкѣ въ Петербургъ по почтѣ, дабы онъ, пріѣхавши туда, могъ имъ быть тотчасъ обрадованъ. И какъ переписка сія была подлинно у насъ примѣрная, доставлявшая обоимъ намъ взаимное и превеликое удовольствіе, то, для любопытства, и помѣщу я здѣсь съ перваго письма моего точную копію. И вотъ какого было оно содержанія:

16 октября, ввечеру.

«Другъ мой, Павелъ Андреевичъ! Не успѣло еще двухъ сутокъ послѣ того времени пройтить, какъ ты со мною разстался, какъ начинаю я къ тебѣ уже писать или, лучше сказать, заочно съ тобою бесѣдовать. Можетъ быть, буду я чрезъ то тѣмъ меньше чувствовать тягость, производимую мнѣ лихорадкою. Проклятая, все еще не отстаетъ! Однако, кажется мнѣ, что дѣйствіе ея нѣсколько слабѣетъ; авось либо скоро отстанетъ и совсѣмъ. Я проводилъ оба сіи дни нарочито спокойно, хотя, правду сказать, не однажды, а нѣсколько разъ утиралъ я запястьями рукъ своихъ нѣкоторую влажность, силящуюся насильно изъ глазъ и катящуюся по щекамъ. Въ самую сію минуту мокры они еще отъ подобнаго сему утиранья. Я разскажу тебѣ тому и причину. Весь почти севоднешній день я прописалъ и оканчивалъ «Магазинъ» свой. Не успѣлъ я его и самое заключеніе онаго кончить, какъ подали свѣчи, и я, утомившись отъ труда, всталъ и началъ взадъ и впередъ ходить по своему, теперь опустѣвшему, прямо-уединенному, кабинету. Тутъ, гдѣ ни возмись, мысль въ мою голову: «гдѣ-то теперь мой Павлунушка? Гдѣ-то мой Павелъ?» Не успѣлъ я сихъ двухъ словъ выговорить, какъ цѣлая почти рѣка слезъ, и съ такимъ стремленіемъ покатилась изъ глазъ моихъ, что я первыя изъ нихъ не успѣлъ и подхватить запястьями рукъ моихъ. Тысяча мыслей толпились о тебѣ въ головѣ моей и производили толико же трогательныхъ воображеній, которыя произвели бъ еще больше слезъ, еслибъ, по счастію, не удалось мнѣ вспомнить, что я обѣщалъ къ тебѣ скоро писать, и еслибъ мысль сія не привлекла меня тотчасъ къ моему пулпету и не дала мнѣ пера въ руки. Сіе успокоило нѣсколько, однако не-на-долго. Какъ дошло дѣло писать помянутыя слова, то навернулись-было опять слезы. Ахъ, Павлушка! какъ много я тебя люблю! Истинно, самому мнѣ то было неизвѣстно до сего времени. Но вотъ слышу запѣли попы всенощную въ залѣ, для завтрашнихъ имянинъ моихъ: надобно иттить молиться Богу. Мой первый вздохъ будетъ о тебѣ къ общему нашему Покровителю...

«Вотъ теперь окончили нашу службу. Я на-силу простоялъ. Хотѣлъ бы охотно еще къ тебѣ что̀-нибудь написать, но некогда и не можно. Госпожа Бакунина у насъ ночуетъ, а во всенощную пріѣхали и Ламковскіе: полны хоромы людей! Первая привезла намъ отъ тебя поклонъ: какъ пріятенъ онъ намъ былъ, Мы радовались, услышавъ, по крайней мѣрѣ, что ты до Упской гати доѣхалъ благополучно. Гдѣ-то ты, мой другъ, севоднешнюю ночь ночуешь? и какъ-то былъ въ Анненскомъ и въ Тулѣ?.. Прости, мой другъ!

18 октября, передъ вечеромъ.

«Ну, теперь гостей всѣхъ проводилъ и мнѣ свободнѣй. Остался опять одинъ въ уединенномъ своемъ кабинетѣ. Поговорю опять съ тобою, мой другъ, хоть минуту: я власно какъ повидаюсь чрезъ-то съ тобою.

«День имянинъ моихъ отпраздновали мы изрядно. Наѣхало столько гостей, сколько мы не ожидали. Кромѣ нашихъ городскихъ, которые у меня всѣ обѣдали, пробыла у насъ и г-жа Бакунина, а послѣ обѣда пріѣхали и Хомяковы, а тамъ еще давно не бывалый гость Алексѣй Ивановичъ Писменской съ женою, а съ нимъ и старикъ Алексѣй Даниловичъ, которымъ я въ особливости былъ радъ. Итакъ, всѣ компаты наполнены были гостьми. Музыка гремѣла у меня во весь день. Старику-ка-

пельмейстеру вздумалось что-то сдѣлать мнѣ честь и притти еще до обѣда съ духовою музыкою меня поздравить. Во время стола играла она же, перемѣняясь съ нашею, и это хорошо. По нуждѣ и одна наша столъ исправитъ. Послѣ обѣда же загремѣла полнымъ хоромъ. Я и веселъ былъ, и нѣтъ. День былъ не мой, а лихорадкинъ; однако, слава Богу, обыкновеннаго отягощенія я не чувствовалъ. Вечеръ былъ мнѣ веселѣе. Я просидѣлъ оный въ кабинетѣ и занимался разговорами съ обоими любопытными гостьми моими. Между тѣмъ, барышни наши, которыхъ набралось до осьми, затѣяли танцы. Но какимъ дальнимъ танцамъ быть, когда танцовальщики были только князь и Петръ Гарасимовичъ. Я ихъ истинно и не видалъ, а только слышалъ. Безъ тебя они были, какъ безъ души. Зрѣніе на нихъ меня болѣе огорчило-бъ, нежели увеселяло. И одинъ слухъ напоминалъ мнѣ тебя уже нѣсколько разъ. Мнѣ приходило на мысль, какъ бывало ты танцуешь и всѣмъ распоряжаешь и предводительствуешь. А сія мысль рождала другую о томъ, гдѣ-то ты сей вечеръ и какъ провождалъ. По счету моему надлежало быть тебѣ уже въ Серпуховѣ, но можетъ быть ты ночуешь еще въ Двorениновѣ. Мы заботимся пуще всего, чтобъ ты, не привыкнувши терпѣть еще стужу, не простудился и не занемогъ. Мать съ нетерпѣливостію дожидается отъ тебя первыхъ писемъ завтрѣ.

«Севодни разъѣхались всѣ наши гости. Писемскіе поѣхали далѣе въ свой путь въ Украйну, а Ламковскіе наши къ г-жѣ Бакуниной и къ другимъ развозить визиты. Итакъ, мы остались одни, и я помышляю о томъ теперь, что̀ мнѣ начать дѣлать и писать...

19 октября, по-утру.

«Ахъ, Павлушка! Что̀-то я севодни во снѣ не весьма хорошо о тебѣ видѣлъ, Приснилось мнѣ, будто ты въ пошевняхъ ѣхалъ чрезъ какой-то ручеекъ, занесенный снѣгомъ, и въ немъ съ лошадью и санями своими увязъ и не могъ долго выбиться. Сердце у меня дрожало, когда я проснулся. Сонъ сей впечатлѣлся очень въ мои мысли, и хотя я не суевѣренъ и снамъ мало вѣрю, но сей меня очень безпокоитъ. Дай Богъ! чтобъ съ тобою ничего худаго не произошло. Въ сей день надобно тебѣ, по счету нашему, въ Москвѣ быть. Не произошло-ли въ семъ городѣ съ тобою чего-нибудь непріятнаго, и такого, что̀ могло-бъ навесть намъ огорченіе, что̀ легко можетъ произойти отъ твоей неопытности и неосторожности. Не одинъ вздохъ возлетѣлъ уже па Небо, чтобъ Всемогущій сохранилъ тебя отъ всякаго зла.

Въ тотъ же день, передъ вечеромъ.

«Что̀-то Аѳонька нашъ не ѣдетъ, и нѣтъ еще объ немъ ни слуху, ни духу, ни послушанія. Заботясь о тебѣ, считаемъ мы всѣ минуты, и то-и-дѣло сошедшись говоримъ: «теперь Павлу нашему надобно быть тутъ-то и тутъ, буде ему что̀ особливое не помѣшало. Но, по всему пашему счету, конюху уже время возвратиться: дома у него праздникъ, дорога хороша, вѣрно самъ поспѣшитъ. Но подождемъ еще; къ вечеру ему неотмѣнно быть и письмы отъ тебя привезть надобно».

Письмо сіе и получили мы въ самый этотъ день съ возвратившимся къ намъ конюхомъ, который отвозилъ его на нашихъ лошадяхъ до Двorенинова. Легко можно заключить, что мы онымъ были очень обрадованы. Оно было слѣдующаго содержанія:

Изъ Двorенинова, 17 октября 1789 г. ввечеру.

«Первое мое письмо къ вамъ, милостивый государь батюшка, начну я усерднѣйшимъ моимъ поздравленіемъ васъ съ севоднешнимъ днемъ вашего Ангела. Дай Боже, чтобъ вы проводили его въ совершенномъ здравіи и еще многіе таковые же дни въ радости и въ вожделѣнномъ благополучіи.

«О себѣ я вамъ донесу, что мы, часа за два предъ симъ, пріѣхали сюда, благодаря Бога, всѣ здорово и благополучно. Путешествіе же наше до сихъ мѣстъ происходило слѣдующимъ образомъ. Выѣхавши 15-го числа изъ Ламокъ, кормили мы лошадей и обѣдали на Упской гати, какъ о семъ думаю вы уже и извѣщены Катериною Артамоновною, съ которою я тутъ видѣлся. Признаться, что сей первый мой переѣздъ происходилъ не безъ грусти, и я долго не могъ оную разбить моими размышленіями. Утѣшеніе самого себя, что я не на опасность какую ѣду, а къ своей можетъ быть пользѣ (и что скоро, Богъ дастъ, съ вами, мои дражайшіе родители, опять увижусь и найду васъ также всѣхъ здоровыми) и воображеніе, какая радость и удовольствіе будетъ происходить тогда при радостномъ свиданіи, — утѣшили меня нѣсколько, и такъ мало-по-малу подкрѣпили, что наконецъ я совсѣмъ ободрился и положилъ предаться на милость Божескую, и съ твердымъ духомъ надѣясь на Его покровительство продолжать свое путешествіе.

«Итакъ, продолжая далѣе свой путь, пріѣхали мы довольно еще рано въ Тулу. Тутъ я вознамѣрился заѣхать къ Сухотинымъ сколько для того, чтобъ проститься съ ними, а столько же, чтобъ узнать повѣрнѣе, гдѣ находился Николай Сергѣевичъ. Но я не нахожу ихъ никого дома. Они всѣ поѣхали въ Володиміръ. Освѣдомившись, однако, что Давыдовъ точно въ своемъ Анненскомъ, мы туда поѣхали. Пріѣзжаемъ въ оное уже поздно. Хозяева мнѣ были довольно ради, и Николай Сергѣевичъ для того отложилъ отправленіе меня въ тотъ день, что скоро легъ спать. На другой день хотя онъ и обѣщалъ меня скоро отпустить и мы съ нимъ встали оба довольно рано, однако, сіе отправленіе не прежде кончили 9-ти часовъ утра.

«Письмы его, посланныя со мною, были одно къ М. Н. Травиной съ небольшею желѣзною посылочкою, а другое—къ оберъ-коменданту петербургскому, который вкупѣ и дядя родной нашему полковому секретарю. Въ обѣихъ сихъ письмахъ онъ просилъ обо мнѣ, и диковинка будетъ, ежели они мнѣ хотя нѣсколько не помогутъ.

«Обстоятельствы Николая Сергѣевича весьма смутны, и онъ очень много задумывается. Онъ ждалъ при мнѣ ежеминутно своего секретаря изъ Петербурга, а между тѣмъ, отпускалъ обозъ свой и самъ собирался скоро ѣхать въ Калугу. При мнѣ онъ получилъ ваше письмо о Веницеевѣ, поступокъ котораго сколько его удивилъ, столько и раздосадовалъ. Но полно мнѣ объ этомъ говорить; не до меня это касается, а обращусь лучше опять къ своему путешествію.

«Но вотъ приходитъ ко мнѣ Андрей Михайловичъ и зоветъ меня къ себѣ хоть на часокъ проститься съ его батюшкою. Итакъ, иду съ нимъ теперь на минуту, а пришедъ оттуда окончу вамъ письмо сіе... Вотъ опять возвратился. Михаилъ Матвѣевичъ едва живъ, такъ сыто наполненъ, и если бы тамъ не случился винной алексинскій приставъ Захаровъ, то умеръ бы со скуки и досады, смотря на досадныя колобродничества нашего дядюшки; я на-силу оттуда вырвался, и теперь хочу окончить вамъ донесеніе о нашемъ путешествіи».

«Пріѣхавши изъ Анненскаго въ Тулу, старался я, чтобъ отдать Верещагину письмо ваше. Отъ встрѣтившагося при въѣздѣ нашемъ въ городъ его кучера узнали мы, что онъ давно уже изъ двора съѣхалъ. Мы искали его въ казенной палатѣ, въ городѣ, на заводѣ, но нигдѣ не могли найтить. Исправивъ нужное въ рядахъ, поѣхали мы къ Пастухову обѣдать. Къ нему призванъ былъ его родня съ желѣзными вещьми, и я пряжки дамскія искупилъ. Соединившись потомъ съ спутникомъ своимъ г. Арефьевымъ, отправились мы въ путь свой. Тутъ заѣхалъ я къ Верещагину, надѣясь вѣрно застать его дома, но не засталъ, итакъ, оставилъ къ нему письмо ваше, не получивъ на оное отвѣта, которое можетъ быть и не будетъ нужно.

«Итакъ, отправляемся мы далѣе въ путь свой, и дорогою было мнѣ не скучно, потому что дѣлалъ мнѣ компанію Петръ Ѳедоровичъ. Я, право, имъ очень доволенъ. Мы разговариваемъ съ нимъ о многомъ, также и по-французски, и намъ съ нимъ въ продолженіе пути можетъ быть будетъ не скучно. Въ Ѳедешово пріѣзжаемъ уже поздненько и находимъ дома одного Василія Ивановича съ братомъ, а прочіе всѣ въ Крюковѣ. Сегодня по-утру я ѣздилъ къ Егору Михайловичу, онъ меня снабдилъ письмомъ къ Ивану Ѳедоровичу, и въ семъ прошло все утро, такъ что, возвратившись къ нашимъ Кислинскимъ, мы принуждены были остаться у нихъ обѣдать. Сюда же пріѣхали столь еще не поздно, что успѣлъ я выводить своего спутника по всему саду, по хоромамъ и проч., и онъ всѣмъ прельстился до крайности.

«Итакъ, вотъ вамъ обстоятельное донесеніе о нашемъ переѣздѣ. Теперь скажу вамъ также и о томъ, что я сперва очень испужался, что меня трясло несносно въ кибиткѣ, а о томъ, чтобъ читать въ ней книгу и помыслить было не можно. Сіе меня нѣсколько потревожило, что меня разобьетъ въ столь дальнюю дорогу; но купленный мною въ Тулѣ перевязной ремень, избавилъ меня отъ сего безпокойства; я, перевязавшись онымъ, почти не чувствую трясенія кибитки. Для читанія же книги я также нашолъ способъ: я сѣлъ спиною къ кучеру, а ногами взадъ, сидѣть такимъ образомъ очень спокойно, а особливо на подушкахъ и я читаю безъ труда книгу и сему очень радъ. Бѣда только моя, ежели пойдетъ ненастье и мнѣ сидѣть наружи будетъ нельзя, тогда принужденъ я буду опять трястись внутри кибитки; однако, надежда на ремень, авось-либо не растрясетъ.

«Вотъ сколько я уже къ вамъ написалъ и постараюсь, ежели возможно будетъ, и во все продолженіе нашего путешествія васъ обстоятельно объ ономъ увѣдомлять. Теперь письмо мое окончу тѣмъ, что первѣйшее мое желаніе есть то, чтобъ слышать объ васъ, чтобъ здоровье ваше возстановилось и чтобъ вы наслаждались онымъ ненарушимо и безпрестанно. Сего искренно желаетъ цѣлующій мысленно ваши ручки, вашъ, и проч.»

Вотъ каковы были начальныя наши письма. Но симъ дозвольте и мнѣ сіе письмо кончить и сказать вамъ, и проч.

(Февраля 3 дня 1811 года).

Письмо 253.

Любезный пріятель! Сообщивъ вамъ въ предслѣдовавшемъ письмѣ начало нашей переписки съ моимъ сыномъ, не знаю, не наскучилъ ли я вамъ оными; но какъ болѣе думаю, что вы и ихъ читали не безъ любопытства, то думаю сообщать и впредь къ вамъ нѣкоторыя изъ нихъ, когда во всемъ ихъ пространствѣ, а когда только нужнѣйшими выписками изъ нихъ, и располагаюсь учинить сіе наиболѣе для того, что въ послѣдующихъ моихъ письмахъ къ сыну описаны и всѣ интереснѣйшія происшествія, бывшія около сего времени.

Итакъ, начну сообщеніемъ вамъ втораго моего письма къ сыну, которое я началъ въ тотъ же день ввечеру, въ который получилъ я помянутое первое письмо отъ моего сына и продолжалъ разными пріемами во всю тогдашнюю недѣлю до дня отхожденія почты. Оно было слѣдующаго содержанія:

№ 2.

19 октября, ввечеру.

«Наконецъ, сей часъ обрадованы мы были, другъ мой П. А., твоимъ письмомъ и извѣстіемъ, что ты благополучно доѣхалъ до Дворенинова. Радость наша, и особливо моя, тѣмъ была больше, что мы начинали уже и безпокоиться тѣмъ, что конюхъ не возвращался долго. Сказали же намъ, что ты въ Ѳедешовѣ никого не засталъ, и что Василій Ивановичъ съ братомъ поѣхали дѣлиться, вотъ какое враньё! Нынѣ знать годъ такой, что

всё врутъ и затѣваютъ! Однако, возвратимся къ письму твоему.

«Всѣ мы тебя очень и очень благодаримъ за оное и за твою прилежность и нескучливость при писаніи. Куда бы рады мы были, еслибъ и всегда такія письмы отъ тебя получали! Мы бы также какъ теперь съ тобою власно, какъ повидались. Письмы твои всѣ съ-часъ изъ рукъ въ въ руки переходили, а мать отъ радости и поплакала. Пріятно намъ, что далъ Богъ тебѣ такого товарища, а тужимъ, что не присовѣтовали тебѣ въ Москвѣ купить подвязную дорожную шапку, было-бъ спокойнѣе. Обстоятельство, что оберъ-комендантъ—родня секретарю меня весьма порадовало. Это много помочь можетъ, и я почти не сомнѣваюсь, что все дѣло будетъ Богомъ исправно (sic), а дай только Богъ, чтобъ ты доѣхалъ благополучно: Богъ пристанетъ и пастыря приставитъ! Имѣть только надобно на Него надежду и твердое упованіе.

«Гдѣ-то ты теперь, любезный мой Павлунушка? и не озябъ ли въ севоднешнюю стужу. У насъ въ хоромахъ такъ холодно, что я и принужденъ былъ переселиться къ печкѣ. Мы считали тебя севодни въ Москвѣ, и я всё горевалъ, что тебѣ ѣздить по ней будетъ холодно; но теперь видимъ, что мы въ счотѣ своемъ ошиблись, и ты развѣ къ ночи туда пріѣдешь. Дай Богъ, чтобъ завтрѣ было потеплѣе!»

«У насъ по сіе время ничего такого не произошло, о чемъ бы къ тебѣ отписать было можно. Лихорадка моя, кажется, начинаетъ отставать. Я, сидючи въ уединеніи и по прежней привычкѣ къ писанію, уже работы двѣ-три начиналъ: двѣ составляютъ продолженіе прежде начатыхъ дѣлъ, а третья совсѣмъ новая. Началъ нѣчто переводить, чтобъ въ случаѣ, когда нѣтъ духа что-нибудь сочинять, была бы работа, требующая немногихъ размышленій. А въ самомъ этомъ, сегодня начатомъ упражненіи (переводъ «Жизни Витекинда Великаго») и застало меня твое письмо, за которое благодарю тебя еще разъ и заочно моего друга цѣлую. Вздохъ къ Небу, чтобъ десница Всевышняго покровительствовала тебя въ сію ночь и благословила путешествіе твое, излетѣлъ теперь изъ моего сердца! Я, препоручивъ тебя Его Святой Волѣ, пресѣкаю севоднешній мой съ тобою разговоръ и обращусь къ своей работѣ: будетъ еще время съ тобою наговориться заочно; всякій день хоть по-немногу, такъ наберется много».

*

Со всѣмъ тѣмъ, я цѣлыхъ три дня послѣ сего не принимался за перо для писанія къ нему, въ теченіе которыхъ приходили слухи изъ Тулы, что г. Давыдовъ не получилъ ничего изъ Петербурга, и что его насильно почти считаютъ казенною палатою, и Веницеевъ трудится надъ тѣмъ очень. Далѣе говорили, что ѣздившій отъ г. Давыдова его секретарь въ Петербургъ возвратился ни съ чѣмъ; что былъ онъ у Юницкаго, и его очень хвалитъ, и что будто онъ самъ ему сказывалъ, что опредѣленія и указа объ немъ еще нѣтъ, но что ему мѣсто сіе навѣрное обѣщаю.

Наконецъ, 23 числа по-утру, принялся я опять за продолженіе письма моего къ Павлу и писалъ слѣдующее:

«Цѣлыхъ три дни я къ тебѣ, мой другъ, не писалъ; причиною тому было то, что писать было не о чемъ, да и неспособно. У насъ такая была въ сіи дни стужа, что мы мѣста въ хоромахъ не находили; ничего не можно было дѣлать. Я, сидючи въ передспальнѣ, въ уголку, упражнялся только въ чтеніи своего Карла V,—какая это любопытная книга! Стужа и дурная погода причиною тому были, что у насъ опять сдѣлались больные. Настасья всѣ сіи дни пролежала отъ шеи и лѣчилась. Я самъ вчера опять занемогъ. Проклятая лихорадка не хочетъ никакъ отставать! Это уже въ третій разъ она меня посѣщаетъ.

«Вчера вздумалось Варсобину всѣхъ насъ для праздника (Казанской) трактовать, и былъ превеликій обѣдъ. Были мы со всѣмъ своимъ семействомъ и съ Ламковскими, князь, Арсеньевы, Хомяковы, казначей, судьи, приставъ и лѣкарь, да пріѣзжій Николай Ивановичъ

Хрущовъ. Угощеніе было хорошее, на-силу усѣлись. Но я былъ тамъ чрезъ силу и вѣдалъ бы—не ѣздилъ, ибо пуще болѣзнь усилилась. Впрочемъ, ничего у насъ особливаго не случилось, кромѣ того, что на сихъ дняхъ буянъ Семенъ Ивановичъ Игнатьевъ дошелъ-было [до] рока. Давыдова, Василія Володимiровича, люди такъ хорошо его приколотили, что теперь на простыняхъ ворочаютъ; голову въ двухъ мѣстахъ проломили, а досталось рукамъ и ногамъ, и ребрамъ; было гдѣ-то въ лѣсу по случаю спора; досталось и межевщику, и земскому судьѣ».

*

Чрезъ сутки же послѣ сего продолжалъ я писать слѣдующее:

«Нѣтъ! лихорадка моя не изволитъ отставать! Третьяго дня она меня ужасно тяготила, вчера было легче, а сегодня съ самаго утра опять такъ тяготитъ, что на-силу держу перо въ рукахъ. Настасьѣ полегчѣло, но не совсѣмъ. Вчера принимала она слабительное, а сегодня всѣ собираются къ тебѣ писать, ибо мы положили съ завтрашнею почтою отправить къ тебѣ первый пакетъ съ письмами. Какъ-то придетъ оный въ Петербургъ, прежде ли тебя, или послѣ? Ничего мы теперь о тебѣ не знаемъ, гдѣ ты ѣдешь и здоровъ ли? Считаемъ только, что ты вчера былъ въ Твери и севодни оттуда поѣдешь. Радуемся, что погода стоитъ хорошая и утры свѣтлыя. Писемъ изъ Москвы отъ тебя еще не получали. Мы дожидаемся ихъ, какъ го́рода, надѣясь отъ тебя многое услышать. По, можетъ быть, тебѣ въ чужомъ домѣ и пописаться было негдѣ и не можно. Я, по слабости своей, занимался всѣ сіи дни чтеніемъ и промолотъ всего Карла. Надоѣдаютъ мнѣ только просельщицы: то придетъ барышня, и дай того, и дай другова, то мальчишка; а я не знаю, гдѣ иное и отыскать. При всякомъ разѣ напоминаю любезнаго моего ключника и казначея, и тужу, что онъ теперь въ дорогѣ и терпитъ стужу и безпокойство; я цѣлую его мысленно и, пожелавъ счастливаго пути, обращаюсь къ упражненіямъ моимъ.

«Вчера только разрѣшилъ меня Николай Сергѣевичъ Давыдовъ ордеромъ отъ своей команды и велѣлъ относиться обо всемъ къ Веницееву. Мнѣ великая теперь коммиссія набирать рекрутъ. Пишутъ изъ Тулы, чтобъ скорѣе, а мнѣ и пд-ногу со двора не можно. Щедиловъ и теперь еще въ Тулѣ живетъ; поручено ему смѣчаться съ деньгами и дѣлать счоты, но онъ нашелъ всѣ дѣла и книги такъ запутанными, и въ такомъ безпорядкѣ, что ажно кряхтитъ. Но и я усталъ на смерть, дай отдохнуть немного.

Въ девятомъ часу вечера.

«Вотъ въ сію минуту получили мы и твои письмы изъ Москвы. О! какъ я имъ обрадовался... Я роздалъ теперь всѣ оныя, и мы весь вечеръ будемъ упражняться въ читаніи оныхъ.»

*

Въ сей разъ писалъ сынъ мой изъ Москвы, увѣдомляя, что они доѣхали до сей столицы благополучно, что онъ старался выполнять всѣ порученныя ему отъ меня коммиссіи и на-силу отыскалъ госпожу Толстую въ Вознесенскомъ монастырѣ и, получивъ отъ ней къ сестрѣ просительное письмо, отправлялись тогда далѣе въ свой путь.

Письмо сіе, въ которомъ все пребываніе его въ Москвѣ было въ подробности описано, подало мнѣ поводъ написать еще на утріе къ сыну моему слѣдующее

25 октября, по-утру.

«Письмами твоими ты насъ всѣхъ обрадовалъ и удовольствовалъ. Я вчера такъ имъ обрадовался, что хотя лежалъ, будучи очень слабъ, въ залѣ на канапе и дремалъ, но едва услышалъ, что письмы отъ тебя, то позабылъ болѣзнь свою и вскочивъ бѣжалъ въ лакейскую принимать оныя. Благодарю тебя за нихъ и радуюсь, что ты до Москвы доѣхалъ благополучно; дай Богъ, чтобъ и прочее твое путешествіе было столь же благоуспѣшно.

«Какъ письмо сіе ты долженъ получить уже въ Петербургѣ, то поздравляю

тебя, мой другъ, съ пріѣздомъ въ сей столичный городъ. Ежели будешь столь счастливъ, что застанешь Михаила Васильевича, то какъ ему, такъ и всѣмъ его домашнимъ изъяви наше искреннее почтеніе и поставь сіе себѣ первымъ долгомъ. Общее наше желаніе есть, чтобъ ты былъ здоровъ и благополученъ и чтобъ желаніе твое и наше совершилося. Пиши къ намъ, мой другъ, обо всемъ обстоятельно и не жалѣй денегъ на заплату за письмы. Впрочемъ, Павлушка голубчикъ, не забудь моихъ наставленій и живи такъ, чтобъ мы могли поведенію твоему радоваться и быть тобою довольнымъ. Прости, мой другъ, и будь благополученъ!»

Симъ окончилъ я мое второе письмо, которое, запечатавъ въ одинъ кувертъ вмѣстѣ съ первымъ, въ тотъ же день и отправилъ на почту. А не успѣлъ настать слѣдующій за симъ 26 день октября, какъ я приступилъ къ писанію къ сыну моему уже и третьяго письма и писалъ въ сіе утро слѣдующее:

«Вчера отправили мы къ тебѣ, голубчикъ Павлушка, наше первое и большое письмо подъ № 1 и 2, а севодни начинаю писать уже новое. Дѣлаю сіе для того, что бъ, какъ положилъ я писать къ тебѣ со всякою почтою, успѣть чтó-нибудь написать, ибо мнѣ нонѣшнюю недѣлю будетъ крайне недосужно. Утро выгонитъ, а ночь вгонитъ: все мучить и пытать будутъ рекруты, итакъ, надобно къ тебѣ писать все ущипками и урывками.

«Какъ сіе письмо дойдетъ въ Петербургъ, то тебѣ уже неотмѣнно тамъ быть надобно, и съ сего времени посылай самъ въ почтовые дни поранѣе на почту, чтобъ заставать покуда почталіоны писемъ не разобрали и находить можно ихъ по картѣ, дабы не было нужды платить понапрасну подателямъ.

«Ласкаясь лестною надеждою, что съ тобою, мой другъ, дорóгою никакова зла не приключилось и ты доѣхалъ до мѣста благополучно, воображаю я тебя себѣ пріѣхавшаго, какъ въ лѣсъ, и находящагося посреди совсѣмъ незнакомыхъ людей. Все тебѣ сначала дико и все не обыкновенно; однако, не сомнѣваюсь, что ты скоро обаркаешься и привыкнешь. Проворство твое въ Москвѣ и обстоятельство, что ты въ самое короткое время успѣлъ вездѣ побывать, все отыскать и все исправить, ручается мнѣ, что ты и въ Петербургѣ не загинешь. Куда-съ какою нетерпѣливостью будемъ мы дожидаться отъ тебя извѣстія оттуда! Но до этого времени еще долго и очень долго. Не прежде какъ около заговѣнъ быть сіе можетъ. Слогъ писемъ твоихъ хорошъ, а особливо въ Настасьиныхъ: и мнѣ и всѣмъ онъ полюбился. Пиши къ ней побольше такимъ же образомъ и не жалѣй бумаги почтовой. Мы желали-бъ о всякомъ шагѣ твоемъ быть извѣщенными; для насъ будетъ сіе пріятнѣе всѣхъ газетъ, и мы всякаго воскресенья будемъ дожидаться, какъ нѣкоего празднества и торжества. Чтобъ успѣвать тебѣ болѣе написать, то пиши по-моему, на досугѣ и по-немногу.

«Въ сей день и въ самую сію минуту, какъ я къ тебѣ сіе пишу, надобно тебѣ ѣхать уже далече за Тверью. Обстоятельство, что ежечасно встрѣчаются съ тобою новые и невиданные предметы, надѣюсь,—уменьшатъ сколько-нибудь твою скуку. На Тверь, я думаю, ты засмотрѣлся, и сестры были тебѣ очень ради. Не въ это, а въ то воскресенье, будемъ мы ждать Тверскихъ писемъ.

«Что касается до моей болѣзни, то вчера былъ мой день и мнѣ легко, а севодни еще не знаю. Еще теперь не разсвѣло, однако, ночь спалъ не весьма хорошо, но надѣюсь, что скоро и сей рецидивъ пройдетъ; побольше буду лѣчиться и наблюдать строже діэту. Ну, теперь полно! окошки раскрыли, надобно пить чай и спѣшить въ канцелярію!

Въ тотъ же день, ввечеру.

«Благодарить Бога, мнѣ и сей день было противъ чаянія легко, и я могъ во весь день быть во флигелѣ и въ скучномъ

своемъ дѣлѣ упражняться. Авось-либо оправлюсь опять скоро. Я сижу теперь въ кабинетѣ, Азорка на печкѣ, Бижутка на креслахъ, а Николашка противъ меня и переписываетъ реестръ изряднёхонько: будетъ прекрасный писецъ! Сестры учатся на фортепіанахъ. Мать сидитъ въ спальнѣ и упражняется въ своихъ дѣлахъ. Но гдѣ-то ты, Павлушка мой другъ, севоднешній вечеръ находишься и ка́къ провождаешь оный? Севодни я тебя болѣе десяти разъ вспоминалъ и всякій разъ желалъ благополучнаго путешествія, и чтобъ ты здоровъ былъ».

*

Послѣ сего, 29 числа октября по-утру писалъ я къ нему слѣдующее:

«Вотъ цѣлыхъ два дни, Павлушка мой другъ, не удалось мнѣ написать къ тебѣ ни единой строчки, то за тѣмъ, то за *сѣмъ*, а больше потому, что писать было почти не о чемъ; но вчерашній день снабдилъ меня уже кое-чѣмъ. Во-первыхъ, скажу тебѣ, что болѣзнь моя и въ сей разъ кажется начинаетъ проходить; капли, настоянныя изъ златотысячницы и трилистника водянаго, вылѣчили Власова и мнѣ помогаютъ очень. Во всѣ сіи дни было мнѣ легко, и я ѣздилъ всё въ канцелярію.

«Вчерашняя почта меня обманула. Я ждалъ въ газетахъ многаго, но вышло все еще ничего. Принесли тутъ же письмо изъ Твери. Я обрадовался—не отъ тебя ли? Но вышло, что отъ Надежды Андреевны къ Лизкѣ, и писано еще на мои имянины; итакъ, радость была по-пустому. Я вчера и для воскресенья былъ въ канцеляріи, а наши ѣздили къ А. Н. Полупину, привезли съ собою Н. С. Арсеньева. Я между тѣмъ слушалъ своихъ ребятъ, что́ они вновь выучили; 6-е Вейда тріо всѣхъ прекраснѣе, итакъ, весь вечеръ играли. Н. С. завелъ танцы и я научилъ ихъ въ три пары танцовать польскій, и они были довольны.

«Съ старикомъ нашимъ капельмейстеромъ произошла смѣшная исторія. Понесло его въ Тулу для покупокъ. Сошолся съ какимъ-то своимъ землякомъ полковымъ проѣзжимъ капельмейстеромъ. Сей зазываетъ его въ погребъ распить бутылку аглицкаго пива. Нашъ изъ учтивости покупаетъ другую, подходитъ къ нимъ еще нѣмецъ портной. Сей покупаетъ бутылку малиновки; итакъ, всякій вытянулъ по бутылкѣ. Выходятъ вонъ. Голова у всѣхъ идетъ кру́гомъ. Сами себя не вспомнили, а уже ночь. Портной зоветъ къ себѣ ночевать; проѣжжій идетъ; нашему жаль лошадей,—надобно зайтить посмотрѣть. Идетъ потомъ туда-жъ, не узнаетъ двора портнаго, стучится у чужихъ воротъ; его гонятъ. Наконецъ находитъ, ложатся спать; жена у портнаго—русская, встаетъ рано идетъ къ завтрени; всѣхъ ихъ перебудила. Встаютъ и до свѣту пьютъ пуншъ. Надобно расходиться Но хвать! у нашего нѣтъ муфты, а у проѣзжаго прекрасной-дорогой епанчи. Туда-сюда, и сами не помнятъ, куда дѣвали и гдѣ, и ка́къ потеряли. Надсадилъ старикъ со смѣха, разсказывая мнѣ вчера о томъ, ты знаешь его скупость. Я говорилъ съ нимъ о нашей духовой музыкѣ. Хочетъ Гофмейстерову партію переложить. Цѣлое утро до самаго обѣда промучилъ меня вчера своими: ich wollte bitten. Разсказавъ смѣшное, разскажу теперь нѣчто такое, что́ можетъ служить тому контрастомъ. Щедиловъ нашъ и по сю пору въ Тулѣ съ Маркою, и еще выписали и Товалова. Новый нашъ командиръ ни то временной, ни то всегдашній (ибо объ Юницкомъ говорятъ, что онъ уже вовсе не будетъ, и что едва-ли не навсегда будетъ Веницеевъ нами командовать); что-то слишкомъ уже начинаетъ умничать и власно какъ-будто посягать на меня. Щедиловъ то-и-дѣло ко мнѣ пишетъ и обо всемъ увѣдомляетъ. Всѣ письма его приводятъ меня въ новую досаду и подаютъ поводъ подозрѣвать, не начинаетъ ли его пьяное высокоблагородіе ковать какіе-нибудь потаенные ковы, и не помышляетъ ли о опростаніи моего мѣста какому-нибудь своему другу. Заключаю я сіе по его глупымъ критикованьямъ. Уже поетъ, поетъ (пишетъ Щедиловъ) всякій разъ, какъ

его ни увидитъ: для чего то въ волости такъ? для чего иное такъ? и прочее. Но вотъ бѣда-то важная: для чего крестьянскія риги въ деревняхъ пораскрылись? для чего рвами не окопаны? для чего токовъ не сдѣлано? Но, о пьяная премудрая голова! спросилъ бы напередъ, для чего сами-то онѣ? Не составляютъ-ли единственно монументовъ безразсуднѣйшей и глупѣйшей затѣи? Не стоятъ ли праздными, и не сгніютъ ли, простоявъ безъ употребленія? Развѣ осѣломъ мужиковъ таскать и заставливать молотить въ нихъ свои хлѣба. Далѣе, для чего бурмистры пьянствуютъ и мужики ихъ не слушаютъ? Умница дорогая! лучше бы ты самъ себя унялъ отъ пьянства! Вольно было умничать, отнимать власть и запрещать наказывать!

«Симъ и подобнымъ сему образомъ, когда нѣтъ дѣла, то надобно бездѣльемъ язвить и, какъ змѣя, жалить, а самое сіе и вперяетъ въ меня нѣкоторое подозрѣніе и сомнѣніе, не скрывается ли подъ симъ нѣчто. Однако, если Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ! можетъ быть, и не удастся ему надъ нами покомандовать».

«Отъ Елизаветы нашей получили извѣстіе, что она пріѣхала съ мужемъ изъ Михайлова. Княгиня Кропоткина въ превеликомъ удовольствіи. Братъ ея, Николай Степановичъ Тютчевъ, женится въ Петербургѣ на богатой невѣстѣ. Онъ служитъ въ гвардіи. Княгиня писала къ нему о тебѣ и просила о неоставленіи. Отыщи его тамъ».

*

Помянутымъ образомъ писалъ я о Веницеевѣ съ досады на его умничанье и на меня посяганье. Я не сомнѣвался, что у него есть что-нибудь злое противъ меня на умѣ, ибо что господинъ сей, происшедшій въ люди изъ подлости, имѣлъ уже давно непріязненныя противъ меня мысли и давно твердилъ, что мѣсто мое надлежало бы дать какому-нибудь заслуженному человѣку,—было мнѣ извѣстно. Итакъ, неудивительно было, что, получивъ во власть свою наши волости, имѣлъ онъ, можетъ быть, на умѣ произвесть чрезъ намѣстника какую-нибудь перемѣну и меня ехидническимъ образомъ вытурить. Но какъ было уже противъ меня много такихъ злыхъ ковъ, я всѣ они, по милости Господней, разрушалися невидимо, то я, въ надеждѣ и упованіи на помощь Господню, немного тѣмъ смущался, а говорилъ только, что покровителемъ у меня Богъ, на Котораго я возлагаю все мое упованіе, и если Ему угодно, то Онъ сотретъ рогъ врагамъ моимъ и всѣ ихъ замыслы разрушитъ, а если Ему угодно будетъ, чтобъ я вышелъ изъ своего мѣста, то и я готовъ. А таковыя мысли меня и успокоивали.

На другой день послѣ сего (что̀ было въ 30 день октября) продолжалъ я писать къ сыну моему слѣдующее:

«Сей часъ пришелъ ты мнѣ опять, Павлушка, на мысль. Я вспомнилъ тебя и, еслибъ можно, полетѣлъ бы и посмотрѣлъ, гдѣ ты, мой другъ, въ сію минуту находишься и что̀ дѣлаешь? По нашему счету надобно тебѣ севодни ночевать въ Новѣгородѣ. Какъ-то ты, бѣдняжка, ѣдешь? Небось мостовыя тебѣ всѣ бока отбили, а мы все сидимъ на одномъ мѣстѣ. Теперь дома насъ только трое, а матушка съ Ольгою въ Ламкахъ. Елизавета ѣдетъ завтра къ Егору и беретъ съ собою Ольгу, а матушка привезетъ Катюшку. Дни сіи провели мы благополучно. Я все ѣзжу въ канцелярію и перебираю рекрутъ, а на досугѣ все писалъ и оканчивалъ первую часть собственной своей исторіи: севодни ее кончилъ, и Настасья читаетъ уже ее съ превеликимъ любопытствомъ».

*

Наконецъ, по наступленіи 1-го ноября, кончилъ я все мое третье письмо слѣдующимъ образомъ:

«Ну, вотъ, наконецъ, четвергъ и почта, надобно оканчивать къ тебѣ письмо. Щедиловъ пріѣхалъ вчера на часокъ изъ Тулы. Невѣроятное дѣло, что̀ тамъ по счету открылось и сколько промотано другомъ нашимъ Николаемъ Сергѣевичемъ казенныхъ денегъ! Возможно-ли, что то число, о которомъ мы тогда при-

мѣрно говорили, еще очень мало, а надобно класть вдвое, да и то еще мало? Ужъ прямо былъ директоръ домоводства, и какъ это можно быть такъ отважну! Подумай, пожалуй! но полно о семъ: не наше это дѣло, а обратимся къ своему.

«Тогда, какъ письмо сіе дойдетъ до мѣста, надобно тебѣ давно быть въ Петербургѣ. Ахъ, Павлушка! какъ-то ты тамъ, мой другъ, поживаешь и въ какихъ-то находишься обстоятельствахъ? Куда-любопытенъ я о томъ вѣдать! Между тѣмъ, прошу тебя еще разъ и заклинаю, чтобъ ты жилъ тамъ порядочно и хорошо и былъ во всѣхъ предпріятіяхъ своихъ осторожень и благоразуменъ. Я все боюсь, чтобъ ты, по молодости твоей, не сдѣлалъ чего-нибудь дурнаго и такого, что̀ и меня, и всѣхъ твоихъ родныхъ огорчить можетъ. Разсуди, какъ это будетъ намъ несносно, и какъ худо заплатишь ты тѣмъ за любовь, какую мы къ тебѣ имѣемъ. Однако, не услышь Небо, чтобъ что̀-нибудь подобное тому было. Я буду уповать и надѣяться отъ тебя лучшаго и всего такого, за чтобъ я похвалить и тебя, моего друга, расцѣловать, и все твое лицо слезами радости и удовольствія смочить могъ. Ты вѣрно сіе исполнишь. Между тѣмъ, прости, мой другъ, и будь благополученъ. Я цѣлую тебя тысячу разъ заочно! Небо да поспѣшествуетъ тебѣ во всѣхъ твоихъ предначинаніяхъ и удостоитъ тебя своимъ покровительствомъ»!

Чрезъ два дни, по отправленіи сего письма по почтѣ, началъ я писать слѣдующее четвертое письмо къ моему сыну:

№ 4.

Ноября 3 дня, 1789 г.

«Вотъ опять начинаю къ тебѣ, Павлушка мой другъ, писать и спѣшу тѣмъ паче, что, можетъ быть, дни черезъ два поѣду въ Тулу и мнѣ не удастся быть въ четвергъ здѣсь, такъ заготовить надобно письмо заранѣе. Сперва разскажу тебѣ о себѣ. Мнѣ во всѣ сіи дни было легко, однако, я все еще не надѣюсь, чтобъ лихорадка совсѣмъ отстала. Единое, что̀ меня ласкаетъ, есть то, что я все уже могу пить и ѣсть и ни къ чему не имѣю отвращенія. Домашніе наши всѣ здоровы и только то-и-знаютъ, что вмѣстѣ со мною вспоминаютъ и говорятъ о тебѣ. Ежели чего особливаго въ дорогѣ съ тобою не сдѣлалось, то теперь неотмѣнно тебѣ быть надобно въ Петербургѣ. Ну, какъ-то ты, мой другъ, тамъ и что̀-то съ тобою происходитъ? Завтрешняго дня дожидаемся мы нетерпѣливо, ибо думаемъ, что вѣрно придутъ твои Тверскія письма.

«Я во всѣ сіи дни замучился переборомъ рекрутъ, раза по три, по четыре во флигель ѣзжу. По крайней мѣрѣ, разбирать уже хорошо и просторно въ залѣ, а за сею скучною работою и не удалось мнѣ ничего дома сдѣлать; продолжаю только по-немногу переводить «Витекинда». Лизка теперь съ мужемъ у Егора. Маленькій твой крестникъ только-что кричитъ, мучится все какою-то сыпью. Арсеньевы уѣхали уже со всѣмъ домой. Князь продолжаетъ все умничать; никогда онъ намъ такъ вреденъ не былъ, какъ нынѣ по связи своей съ Веницеевымъ. Сей составляетъ почти только эхо и переговариваетъ точно его слова. Такова ехиднаго расположенія шпіонъ и въ такой близи — весьма мнѣ непріятенъ. Съ оказавшимся въ Тулѣ недостаткомъ нашихъ волостныхъ денегъ, размытаренныхъ Давыдовымъ, не знаютъ что̀ и дѣлать. Теперь опомнились и говорятъ, на что-де бы ихъ брать изъ Богородицка, а тамъ бы и выдавать по закладнымъ. Вотъ теперь стали умны, а тогда не хотѣли мнѣ и тысячи повѣрить, по куда-хорошо уберегли сами!»

Въ наступившій послѣ сего день мы и обрадованы были полученіемъ изъ Твери письма отъ моего сына; оно было уже третье послѣ отъѣзда и послано 24-го октября изъ Твери, и онъ написалъ къ намъ въ сей разъ слѣдующее:

«За пріятное удовольствіе и непремѣнный долгъ считаю, милостивый государь

батюшка, писать къ вамъ съ отходящею завтра отсюда почтою и донесть, что мы, продолжая путь свой, благополучно пріѣхали сюда сегодня по-утру, также, слава Богу, всё здорово. Надежду Андреевну и Анну Андреевну нахожу я, къ удовольствію своему, обѣихъ дома. Онѣ обрадованы были мнѣ до безконечности, и хотя я и увѣренъ, что вы, судя по всегдашней ихъ великой къ намъ любви и ласкамъ, легко тому можете повѣрить. Но ежели бы я предпріялъ учинить вамъ описаніе той радости и чрезвычайному удовольствію, какое я имъ принесъ неожидаемымъ своимъ пріѣздомъ, то всѣ бы мои силы недостаточны бы были изобразить половину тѣхъ чувствіевъ и движеній восхищенія, какія они при семъ случаѣ оказали. Словомъ, онѣ не вѣрили глазамъ своимъ, что меня передъ собою видятъ. Увѣрившись въ томъ, плакали отъ радости, и мы не могли долго начать порядочнаго разговора. Сотни вопросовъ летѣли ко мнѣ, не дожидаясь моего отвѣта, и мы десятки матерій начали между собою говорить, не окончивъ ни одной. Много и долго бы мнѣ вамъ описывать о продолженіи ихъ радости и послѣ первыхъ движеній оной, и когда онѣ уже увѣрили себя, что видятъ меня въ своемъ домѣ. Истину сказать, что мнѣ казалось, что не двоюродныя, а родныя сестры меня принимаютъ, послѣ долгаго разлученія. Я опечалилъ-было ихъ весьма, сказавъ, что я не долѣе пробуду съ ними вмѣстѣ, какъ до завтрешняго утра. И посудите сами, батюшка, могъ ли я, видя ихъ великія ко мнѣ ласки, противостоять множеству атакамъ просьбъ и умоленіевъ, чтобъ остаться у нихъ еще на весь завтрешній день. Такъ! Онѣ насъ уговорили, упросили и укланялись, но не только намъ съ Петромъ Ѳедоровичемъ, но даже самымъ нашимъ извощикамъ кланялись почти до земли, упросили и задобрили ихъ, чтобъ они не роптали, если я соглашусь на требуемое ими.

«Не удовольствуясь всею своею радостію, онѣ послали тотчасъ еще къ своимъ знакомымъ сообщить о своей радости, что я пріѣхалъ къ нимъ и чтобъ они раздѣлили съ ними сіе великое удовольствіе ихъ. Узнавъ, что сіи знакомые ихъ будутъ сюда, долженъ я былъ одѣваться и за сіе безпокойство заплаченъ былъ тѣмъ, что познакомился со многими здѣшними жителями и узналъ нѣкоторую часть, завидной согласіемъ своимъ, здѣшней публики. Еще до обѣда побывала здѣсь вся фамилія Олсуфьевыхъ, а ввечеру они опять здѣсь всѣ были и еще много другихъ гостей, съ которыми я со всѣми былъ сестрами познакомленъ и имѣлъ счастіе найтить во всѣхъ къ себѣ любовь и ласку, и столь много, что самъ не знаю за что. По этому одному можно судить, сколь ласковое здѣсь общество, что всѣ почти сіи гости пріѣзжали сюда для моего только пріѣзда, потому что хозяйки не только не думали никакъ угощать у себя севодни гостей, но еще располагались сами быть весь день въ гостяхъ. Нѣкоторыя изъ дамъ здѣсь и ужинали. Теперь только мы ихъ проводили, и уже совсѣмъ раздѣвшись, усѣлся къ вамъ писать, и хотя уже поздненько, но хочется, чтобъ письмо къ вамъ написать севодни, для того, что завтра поутру будетъ некогда, опять будутъ гости и меня самого также звали въ гости. Итакъ, я думаю, что сіе мое писаніе продолжится еще довольно долго. Я увѣренъ, однако, что оно не принесетъ вамъ неудовольствія и собственная выгода моя къ тому меня принуждаетъ. Ахъ, батюшка, вы не повѣрите какое утѣшеніе и отраду мнѣ приноситъ и сіе одно заочное съ вами разговариваніе, и я воображаю, что когда буду имѣть утѣшеніе получать отъ васъ письмы, то сіе слабое удовольствіе превратится для меня въ великую радость.»....

За симъ, описавъ въ подробности все свое отъ Москвы путешествіе, говорилъ онъ:

«Признаюсь вамъ, что чѣмъ далѣе отъ васъ отъѣжжаемъ, тѣмъ память обо всѣхъ васъ дѣлается драгоцѣннѣе и ежели-бъ не товарищъ мой, не книги и не встрѣчавшіеся во множествѣ новые по дорогѣ

предметы, то, мнѣ кажется, мысли и вспоминанія о Богородицкѣ не выходили-бъ у меня ни на минуту изъ моей головы.... Скажу вамъ, батюшка, что мы втягиваемся очень въ дорожныя трудности, и я привыкъ не только лежать въ кибиткѣ, но и спать въ оной, а особливо ночью. Я читаю также книги, а на квартерахъ записываю кое-какія замѣчанія о своемъ путешествіи. Новые, невиданные никогда предметы, являющіеся безпрестанно почти глазамъ нашимъ, замѣняютъ нѣсколько долготу дороги и ее сокращаютъ. Иногда невиданныя еще селенія, хорошо отдѣланныя дороги, мосты и прочее — все можетъ довольно занять вниманіе. Скажу вамъ, напримѣръ, о сдѣланномъ за 5 верстъ отъ Твери огромномъ мостѣ, что есть чтò посмотрѣть и подивиться великому искусству человѣческому. Онъ сдѣланъ на огромныхъ трехъ аркахъ и одниxъ каменныхъ надолбъ, соединенныхъ между собою толстыми чугунными прутами, кои служатъ вмѣсто перилъ, я счолъ слишкомъ 120. Самая Тверь должна уже превзойтить всѣ прочіе предметы, и можно сказать, что, по благоустройству и прекрасному строенію, можно считать ее въ числѣ самыхъ лучшихъ городовъ. Меня севодни послѣ обѣда сестры нарочно возили по всему городу въ каретѣ и все показывали.

«Писалъ бы еще и болѣе кое-о-чемъ, но на сей разъ и такъ довольно много. Въ другой разъ больше, а теперь свидѣтельствую вамъ....» (и прочее, съ обыкновеннымъ привѣтствіемъ и окончаніемъ).

Не успѣлъ я сего письма получить, какъ въ тотъ же еще день ввечеру, продолжая начатое уже четвертое письмо мое къ сыну, писалъ слѣдующее:

«Надежда наша насъ не обманула. Мы получили, дѣйствительно, севодни твои тверскія письмы, и сей день былъ для насъ праздникомъ. Во весь оный мы ихъ нѣсколько разъ и себѣ и другимъ прочитывали и ими веселились, и все хвалили тебя за прилежность и стараніе увѣдомлять насъ обо всемъ, до тебя касающемся, чѣмъ мы всѣ весьма довольны.

«Что сестры тебѣ будутъ ради, это заключили мы напередъ; а что тебя въ Твери всѣ полюбили, это было власно какъ нѣкакой усладительный бальзамъ для сердецъ нашихъ. При прочитываніи строкъ о семъ въ твоихъ и сестриныхъ изъ Твери письмахъ, руки мои принуждены были опять утирать щоки, смоченныя слезами удовольствія, а сердце не преминуло испустить глубокій вздохъ благодарности къ Тому, Кто одарилъ тебя такими качествами, которыя тебѣ любовь отъ всѣхъ пріобрѣтаютъ. Ахъ, Павлушка, это не иное что, какъ неоцѣненный даръ, свисносылаемый немногимъ отъ Неба, за который обязанъ ты Ему безконечною благодарностію. Ты долженъ сіе всегда помнить и стараться не упускать изъ рукъ сего сокровища, но хорошимъ поведеніемъ дѣлаться его отъ-часу достойнѣйшимъ. Оно принесетъ тебѣ безчисленныя пользы и выгоды! Какая радость для насъ будетъ, если услышимъ мы, что тебя и въ Петербургѣ также всѣ полюбятъ и будутъ къ тебѣ благопріятны.

«Подтверждаемое извѣстіе, что Михаила Васильевича нѣтъ теперь въ Петербургѣ, весьма меня озабочиваетъ. Не получилъ и я отъ него еще писемъ. Но чтò дѣлать! Надобно будетъ тогда—случаю, обстоятельствамъ времени и судьбѣ повиноваться. Она, лишивъ тебя сей выгоды, можетъ быть сама уже откроетъ тебѣ путь и стезю къ достиженію до намѣренія нашего. Но я все еще льщусь надеждою, что авось-либо и не такъ, и что мнѣніе сіе оснуется на единой догадкѣ.

«За любопытное примѣчаніе твое я весьма тебя похвалилъ. Возможно-ли! Сколько видали мы ѣздившихъ по сей дорогѣ, съ сколь многими говаривали, а ни отъ кого еще не случалось мнѣ о мостѣ подлѣ Твери слышать, власно такъ какъ бы это было ничего незначущая и нестоющая примѣчанія вещь? Не олухи-ли сущіе! Не упускай, мой другъ, также и въ Петербургѣ ничего достойнаго примѣчанія и употребляй свободное время

на осматриваніе всего достойнаго зрѣнія. Ты мнѣ лучшее понятіе обо всемъ можешь подать, нежели цѣлая сотня другихъ.

«Описаніе путешествія твоего въ письмахъ твоихъ ко мнѣ, къ матери и сестрѣ читали мы съ особливымъ удовольствіемъ и на упражненія ваши смотрѣли. Я сказывалъ тебѣ напередъ, что ты къ дорожнымъ безпокойствамъ привыкнешь, и они тебѣ чѣмъ далѣе, тѣмъ сноснѣе казаться будутъ».

«Надежда Андреевна писала къ намъ, что и она о тебѣ въ Петербургъ писала. Теперь писемъ тебѣ цѣлый коробъ надавали. Когда-бъ всѣ они тебѣ сколько-нибудь помогли! Я не сомнѣваюсь, что ты о дѣйствіи ихъ ко мнѣ отпишешь.

«По сіе время отвѣтствовалъ я тебѣ на письмо твое, а теперь обращусь къ здѣшнимъ происшествіямъ. Вчерашній день я весь прохлопоталъ съ рекрутами, а сегодня весь день занятъ былъ упражненіями иного рода и пріятнѣйшими. Не успѣлъ настать день, какъ принесли ко мнѣ почту. Увидѣвъ одинъ большой пакетъ, поспѣшно я и съ нѣкоторымъ безпокойствомъ спросилъ, а маленькій есть-ли? «Есть, судырь, сказалъ солдатъ и полѣзъ за пазуху».—«Подавай, братецъ, скорѣй, Христа ради, и не мучь меня». Тутъ началось тотчасъ читанье твоихъ писемъ, тамъ читанье газетъ, которыя нынѣ довольно любопытны. Ахъ, Павлушка, съ какимъ это восторгомъ и какъ сладко пишутъ Цесарцы о побѣдѣ принца Кобургскаго и Суворовской. Я, по чувствительности своей, не могъ безъ слезъ удовольствія читать перечни о томъ старику-капельмейстеру. Для чего не пишутъ у насъ такимъ же образомъ и не дѣлаютъ всякую побѣду для насъ вдвое радостнѣйшею! Послѣ обѣда пріѣхалъ къ намъ лѣкарь и вскорѣ за нимъ князь съ женою. Мы читали имъ твои письмы, и они слушали ихъ съ удовольствіемъ; жаль только, что ты на сей разъ не приписалъ имъ поклона. Впередъ не позабудь это сдѣлать. Они просидѣли у насъ до самой ночи, а теперь сижу я въ кабинетѣ и съ тобою, мой милый и любезный Павлунушка, разговариваю, и мысленно тебя сто разъ за всё и про всё цѣлую и тебѣ всѣхъ благъ и всего добраго, а паче всего того желаю, чтобъ ты былъ у меня тамъ здоровъ и, въ случаѣ, если живешь одинъ, не свелъ бы съ какими-нибудь негодяями знакомства и дружбы и не далъ бы имъ себя преклонить къ чему-нибудь худому, могущему причинить и тебѣ существенный вредъ, и намъ огорченіе и досаду, которой бы намъ никогда имѣть не хотѣлось. Ахъ! какъ бы это хорошо было, еслибы ты къ намъ таковымъ же благоразумнымъ, порядочнымъ и добрымъ малымъ возвратился, какимъ мы тебя отсюда отпустили. Вздохи о семъ къ Небу часто излетаютъ изъ моего сердца, а и теперь произвелъ такой-же. Ахъ, Павлушка,—негодницъ, повѣсъ и шалуновъ и безъ тебя на свѣтѣ и у насъ слишкомъ много, и ей! ей! не великая честь и утѣшеніе быть въ числѣ оныхъ, а хорошо — когда-бъ быть отмѣннымъ отъ нихъ! Хорошо, когда-бъ составлять предметъ, привлекающій отъ всѣхъ къ себѣ зрѣніе! Хорошо, когда-бъ при всемъ наивеличайшемъ поврежденіи нравовъ нынѣшняго свѣта и въ такія лѣта, какъ ты, уцѣлѣть и остаться добрымъ! Вотъ—истинная честь и самому себѣ лестное удовольствіе! А намъ бы какая радость была, когда-бъ сынъ у насъ былъ власно какъ отмѣнный соболь отъ всѣхъ прочихъ своихъ собраній. Но ты вѣдь вѣрно о семъ и постараешься, мой другъ? По крайней мѣрѣ, обѣщалъ ты мнѣ сіе тогда, когда отпускалъ я тебя отсюда и когда слезы мои совокуплялись съ твоими. Смотри жь, Павлунушка, сдержи свое слово и утѣшь отца весьма много тебя любящаго».

*

Онъ и сдержалъ слово свое дѣйствительно, итакъ, что мнѣ не было нужды повторять ему впослѣдствіи времени таковыя напоминанія, и я могу сказать, что я поведеніемъ его былъ всегда доволенъ.

Чрезъ два дни послѣ того, продолжая письмо мое, писалъ я слѣдующее:

«Какъ я въ Тулу еще не поѣхалъ, то хотѣлъ-было съ тобою, Павлушка, еще вчера ввечеру мысленно повидаться и на письмѣ поговорить. Но пріѣхали наши Ламковскіе и помѣшали. На-силу, на-силу только теперь отыскались отъ Егора Крюкова. Торжествованіе имянинъ у него было громкое и многолюдное; однихъ каретъ было 16 на дворѣ, а за столъ по 35 человѣкъ садилось; между прочими былъ и Дмитрій Васильевичъ Арсеньевъ, обожаемый тамъ всѣми. Но что-жъ они дѣлали всѣ тамъ? Ничего инаго, какъ играли въ карты, которыя у нихъ изъ рукъ не выходили. За нѣсколько часовъ еще до свѣта, Дмитрій Васильевичъ всѣхъ неволей перебудитъ, и сядутъ за карты; столы приготовлены съ вечера, а тамъ часа три за полночь сиди за ними-жъ. Словомъ, кто не игралъ, тѣ были на сущей каторгѣ. Нашимъ въ двое сутокъ не удалось и 6 часовъ уснуть. Ольга нашла тамъ нѣсколько себѣ подругъ, и онѣ отъ скуки играли уже въ фанты, но все пустые, ибо не кому было быть заводчикомъ. Всѣ и самыя старушки сиживали за картами за полночь. Странное празднество, и я не хотѣлъ бы быть на такомъ пиру!

«У насъ здѣсь ничего особливаго не произошло. Я хлопоталъ всё съ рекрутами и на-силу вчера отправилъ ихъ въ Тулу съ Варсобинымъ. А теперь думаю самъ ѣхать, но болѣзнь моя все страшитъ; нѣтъ, нѣтъ, да и опять! возможно-ли, всѣ почти волосы у меня въ болѣзни вылѣзли, ползутъ цѣлыми клоками; и принуждено будетъ парикъ носить, ежели не выростутъ опять. Я остался теперь здѣсь одинъ безъ всякихъ канцелярскихъ служителей, одинъ только дуракъ Журавлевъ; остался-было Ломакинъ, но и тотъ долженъ былъ въ Тулу ѣхать; всё счоты и пересчоты. Понадобилась имъ на что-то хлѣбная вѣдомость, и Ломакинъ всю ночь принужденъ былъ писать и выписывать. У новаго командира моего затѣя за затѣями: вздумалось приказать мнѣ отыскивать здѣсь въ волости каменья на точилы, и прислалъ оружейника, и мы должны были и по сему предмету хлопотать».

Въ послѣдующій день присовокупилъ я еще слѣдующее:

«Вотъ дождался я и до четверга и имѣю удовольствіе отправить къ тебѣ, Павлушка мой другъ, самъ мое 4-е письмо. Разныя обстоятельствы, а притомъ и то ѣздѣ моей помѣшало, что я весь вчерашній день былъ опять отъ лихорадки въ разслабленіи, — отъ сущей бездѣлицы, отъ съѣденія двухъ или трехъ моченыхъ яблокъ посѣтила она меня опять; однако, не думаю, чтобъ долго продлилась. У насъ были вчера двѣ сватьбы, женили Кириллу и Андрея портнова. Обѣдалъ Михаилъ Никитичъ Албычевъ съ женою, и мы съ нимъ нѣсколько разъ о тебѣ вспоминали, а барыни и старушки и въ карты ужъ загадывали. Но «говори, говори, да молви», а насъ весьма озабочиваетъ та мысль, если нѣтъ Михайлы Васильевича въ Петербургѣ, и что, пріѣхавши туда, станешь ты, какъ ракъ на мели, и не будешь знать, что дѣлать? Однако, всю надежду нашу полагаемъ мы на Бога и просимъ Его, чтобъ помочь тебѣ въ семъ случаѣ. Возлагай и ты, мой другъ, также наивеличайшее свое на Него упованіе и чаще Его вспоминай. Если Михаилъ Васильевичъ тутъ, то кланяйся ему и домашнимъ его отъ всѣхъ насъ. Ну, теперь до будущей почты. Прости, мой другъ, и будь благополученъ».

А симъ окончу и я сіе мое письмо, достигшее до своихъ предѣловъ, и скажу, что я есмь вашъ, и проч.

(Февраля 4 дня 1811 года, въ Дворениновѣ).

Письмо 254.

Любезный пріятель! По отправленіи моего четвертаго письма, цѣлыхъ почти три дни я не принимался за перо для писанія къ моему сыну, и на третій уже ввечеру, отъ досады на неприходя-

щую почту, сѣлъ и началъ писать къ нему свое пятое письмо слѣдующаго содержанія.

№ 5.

Въ воскресенье, ввечеру, 11 ноября.

«Что за диковинка. Вотъ уже огонь подали, а почта еще не бывала! Цѣлый севоднешній день мы ее прождали и она насъ промучила! Не знаешь, не вѣдаешь, чтобъ тому было причиною? кажется, дороги здѣсь не очень дурны, а развѣ далѣе грязны. Я, дожидаючись ея, и не писалъ еще все къ тебѣ, Павлушка мой другъ, ибо думалъ, не будетъ ли съ нею отъ тебя писемъ, а къ тому-жъ и писать было не о чемъ. Съ самой среды по вчерашній день промучила меня лихорадка; а теперь опять стало становиться легче, итакъ, за болѣзнію сижу дома и въ Ламки къ ихъ празднику не поѣхалъ. Всѣ наши тамъ пируютъ, а мы только съ матушкою и Катериною дома, и къ намъ пріѣхалъ Егоръ Михайловичъ оттуда и просидѣлъ у меня до вечера. Оба сіи дня были такъ туманны, темны и скучны, что на дворъ не хотѣлось смотрѣть. Я все писалъ въ оные и не вставалъ почти съ мѣста. Началъ писать вторую часть своей исторіи. Въ Тулу не поѣхалъ я, за болѣзнію, да и спѣшить почти не для чего. Теперь нѣтъ у меня здѣсь при канцеляріи ни одного секретаря и ни одного подъячаго: всѣ въ Тулѣ; иные сдаютъ рекрутовъ, а иные работаютъ у Веницеева. Ему хотѣлось и меня запречь въ ту же работу и недѣли двѣ продержать въ Тулѣ, но я—покорно благодарствую! ни то онъ будетъ командиръ, ни то нѣтъ, а мнѣ мое здоровье дорого. Вчера пишетъ Варсобинъ, что въ Тулѣ есть уже молва, что директоромъ будетъ моргунъ Петръ Ивановичъ Свѣчинъ, но сіе уже всего смѣшнѣе будетъ: не стало уже людей на свѣтѣ! однако, все-де зависитъ отъ воли Михаила Никитича.

«Вотъ, кажется, все пересказалъ; теперь нетерпѣливо дожидаюсь еще почты. Послалъ еще разъ провѣдывать и дожидаться. Хочется вѣдать, не привезетъ-ли она дорожнаго письмеца отъ тебя, весьма бы я обрадовался оному. Ежели ты въ Петербургѣ и писалъ уже ко мнѣ, то сколько почтарей скачутъ теперь съ твоими ко мнѣ и съ моими къ тебѣ письмами!

Въ понедѣльникъ, по-утру, 12 ноября.

«На-силу, на-силу пришла!.... Вчера не могли мы ни какъ дождаться этой досадной почты! Но чтó-жъ и тутъ? Пакета моего и газетъ не привезла, но, по крайней мѣрѣ, обрадованъ я былъ твоимъ письмомъ изъ Крестцовъ. Не успѣлъ я встать и притти въ кабинетъ, какъ Яшка и подаетъ мнѣ письмо твое. Солдатъ же и ночевалъ на почтѣ и теперь только-что принесъ. Ну, слава Богу, сказалъ я и спѣшилъ читать оное».

Письмо сіе отправлено было сыномъ моимъ, по пріѣздѣ его, въ Крестцы 30 октября, было четвертое и слѣдующаго содержанія:

«Пріѣхавъ сей часъ только сюда, предприпимаю васъ, м. г. батюшка, о томъ увѣдомить и донесть, что мы, благодаря Бога, доѣхали до сихъ мѣстъ здоровы и благополучны. Я какъ скоро сюда пріѣхалъ, то освѣдомился у почтмейстера, когда отходитъ почта въ нашу сторону, и узнавъ, что письма собираютъ завтра, весьма тому обрадовался. А какъ, для усталости нашихъ лошадей, мы располагаемся завтра до обѣда здѣсь взять отдыхъ, то и радуюсь, что имѣть буду довольно времени написать къ вамъ письмы и поговорить съ вами заочно въ четвертый уже разъ въ дорогѣ нашей, будучи увѣренъ, что вы, батюшка, вѣрно не поскучите частыми моими о себѣ увѣдомленіями. Итакъ, о ѣздѣ своей до сего мѣста донесу вамъ слѣдующее: тотъ день, въ который отправилъ я къ вамъ мое послѣднее письмо, пробыли мы весь въ Твери; у сестеръ обѣдало множество гостей, а иные даже ужинали. Ласками фамиліи Олсуфьевыхъ я болѣе всѣхъ

обязанъ, и по зову ихъ и самъ у нихъ на часокъ былъ. По условію съ сестрами, мы сидѣли почти до двухъ часовъ по полуночи вмѣстѣ и безпрестанно разговаривали о многомъ. Наконецъ, сестры хотя и нехотя, но должны были отъ себя отпустить. Мы сѣли прямо въ свои повозки и выѣхали по-тихоньку изъ Твери, но сонъ скоро насъ склонилъ, и мы съ товарищемъ своимъ проснулись, привезенные уже за 30 верстъ отъ Твери въ село Мѣдное, гдѣ, покормивъ лошадей, ночевать поспѣли въ Торжокъ».

За симъ, описавъ всѣ станціи, гдѣ они обѣдали и ночевали, писалъ онъ: «Итакъ, изволите видѣть, что станціи наши не всѣ были въ знаменитыхъ селеніяхъ. Ѣдучи на долгихъ, нельзя располагаться, куда хочешь поспѣть: иногда не доѣдешь, а иногда переѣдешь. Вотъ уже 16 день, какъ мы изъ двора; послѣ завтрева, Богъ дастъ, пріѣдемъ въ Новгородъ, а оттуда, можетъ быть, дня черезъ три и въ Петербургъ. Крестцы нашли мы, противъ чаянія своего, городомъ, очень изрядно выстроеннымъ; квартеруемъ мы хотя у мѣщанина, но квартера наша—хотябъ у лучшаго въ нашей сторонѣ купца: какой большой домъ, сколько разныхъ покоевъ и какой прекрасный дворъ, отъ нашихъ степныхъ дворовъ столь различный, какъ небо отъ земли! Въ здѣшнихъ мѣстахъ на дворахъ хоть танцуй себѣ во время самаго ненастья: столь хорошо вымощены и плотно скрыты! Валдаи мнѣ показались весьма безпорядочнымъ городомъ, и строится очень туго. Прочіе два города — Вышній - Волочекъ мы проѣхали ночью, а въ Торжокъ также и пріѣхали и поѣхали ночью, слѣдственно я не имѣлъ чести ихъ разсмотрѣть хорошенько.... Теперь время спать, мы съ дороги очень устали и рады, что добились покойнаго ночлега. Желаю вамъ также покойной ночи, а мнѣ позвольте отложить до завтрева окончаніе сего письма и описаніе нашего путешествія.

По-утру, 31 октября.

«Вставши только сію минуту, бодрственнѣе могу описывать вамъ, м. г. батюшка, о своемъ путешествіи. Итакъ, скажу, что по сей дорогѣ много представляется глазамъ новаго и достойнаго разсмотрѣнія. Въ Валдайскихъ горахъ въ особливости находится столько прекрасныхъ мѣстоположеній, что можно бы ими любоваться до безконечности, ежелибъ весьма безпокойный переѣздъ по онымъ не заставлялъ забывать сіи красоты, а только бранить такое кривое и неровное положеніе мѣста, а особливо, какъ намъ довелось ѣхать по сему мѣсту всё грязью; а къ тому-жъ мѣстами глубокіе пески, а въ другихъ не очень исправныя мостовыя—намъ ужасно-какъ надоѣдали. Они заставливали насъ ѣхать шагомъ, а сіе не очень весело, для того, что переѣзды не такъ велики, а трясенье — все-таки трясеньемъ. Слава Богу, что погода намъ отмѣнно благопріятствуетъ, и хотя не давно сдѣлавшееся ненастье и сильный дождь испужалъ-было, но сіе не долго продолжалось, и мы грязью не ѣхали болѣе двухъ дней. Здѣсь-же не только нѣтъ грязи, но еще и очень сухо, а вчера была прекрасная во весь день погода, такъ что мы могли съ товарищемъ моимъ на послѣдней отсюда станціи пойтить прогуляться, а дорогою сидѣть внѣ кибитки и свободнѣе увеселяться прекрасными положеніями мѣстъ.

«Пользуясь теперь свободнымъ временемъ для писанія къ вамъ, опишу вамъ подробнѣе образъ нашего путешествія. Хотя мы долго уже ѣдемъ и сія долгота довольно намъ приноситъ скуки, но дорога кажется намъ какъ-то коротка, потому что мы не болѣе ее видимъ въ день, какъ одну упряжку, т. е. послѣобѣденную, а утреннюю почти всю спимъ, привыкнувъ уже къ тому, не смотря на все трясеніе кибитки. Выѣзжаемъ мы съ квартеръ очень рано; становимся кормить лошадей часу въ 8 или 9 и стоимъ часу до 1 или втораго; въ сіе время напиваемся мы до-сыта чаю; имъ однимъ поч-

ти мы и дышемъ, потомъ приносятъ мой пульпетъ, и я записываю въ своемъ календарѣ все нужное и замѣченное. Тамъ мы обѣдаемъ: обѣды наши состоятъ не изъ пышныхъ яствъ и соусовъ, а мы довольны бываемъ и малымъ; въ дорогѣ какъ-то очень мало ѣстся, однако, я всегда сытъ. Чай замѣняетъ у насъ иногда за столомъ горячее, а прочія блюда состоятъ въ соленомъ маслѣ, не много нарѣзанныхъ колбасовъ и кускѣ разогрѣтой жареной говядины. Признаться, что единообразное, ежедневное повтореніе сихъ кушаньевъ уже очень прискучило. Хозяйскія щи очень плохи и намъ не по вкусу, хотя мы и пробуемъ сдобривать ихъ иногда нашими приправами. Василій, однако, старается насъ кормить и все подчуетъ. На сихъ дняхъ, какъ купили мы на дорогу часть новой говядины, то онъ, отдѣливъ отъ ней нѣсколько, сдѣлалъ намъ такой прекрасный супъ съ крупами, что мы, какъ люди дорожные, давно уже такого не ѣдали. Пообѣдавъ, продолжаемъ мы свое путешествіе. Упряжки наши состоятъ обыкновенно верстъ изъ 30, а иногда и болѣе. Съ наступающимъ вечеромъ становимся мы опять на квартеры; тутъ не всегда уже пьемъ мы чай; а смотря по погодѣ и времени. Ужинъ у насъ всегда очень легкій и состоитъ въ мясной окрошкѣ съ квасомъ да кускѣ разогрѣтаго мяса, послѣ чего отходимъ мы ко сну. Но куда-же? Изволите ли знать? Не иначе какъ въ кибитку. Жаръ въ избахъ, иногда крикъ ребятъ и раннее вставанье насъ заставили принять сіе средство, которымъ мы очень довольны. Спать намъ тутъ очень спокойно. Мы раздѣваемся нѣсколько, насъ закрываютъ кожею, и мы спимъ столь крѣпко, что не слышимъ, какъ насъ со двора свезутъ и просыпаемся уже дорогою. Для сей причины извощики наши встаютъ иногда уже съ полуночи, и мы, ѣдучи потихоньку, переѣзжаемъ до-свѣту уже добрую упряжку. Въ свое время становимся опять на квартеру и повторяемъ ежедневно тоже. Дорогою же, то есть послѣ обѣда, съ товарищемъ своимъ мнѣ не скучно. Какъ книги отъ трясенія кибитки читать ни какъ не можно, то занимаемся мы безпрестанно различными разговорами: говоримъ по-французски, поемъ отъ скуки иногда пѣсни и жустаримъ все по-немногу, накладенныя по сторонамъ насъ въ мѣшечкахъ, разные припасцы, какъ-то: яблоки, орѣшки, крендели съ товарищи и прочее.

«Мы часто очень разговариваемъ объ васъ и вспоминаемъ то-и-дѣло говоря: чтò-то наши теперь въ Богородицкѣ? можетъ быть, они объ насъ также теперь вспоминаютъ. Мы сообщаемъ другъ другу о томъ свои мысли, равно и о будущей своей жизни въ Петербургѣ. Въ случаѣ скучныхъ и печальныхъ мыслей не рѣдко случается, что утѣшаетъ либо онъ онъ меня, либо я его. Смѣшной также у насъ съ нимъ контрастъ и въ томъ, что когда случается мнѣ спать очень спокойно, то не спитъ онъ, а когда онъ очень покойно спитъ, то не спится мнѣ. Трясеніе большое кибитки можетъ меня скорѣе разбудить и прогнать отъ меня сонъ, а его скорѣе сіе засыпитъ и заставитъ спать крѣпче.

«Вотъ, батюшка, о какихъ даже мелочахъ я къ вамъ пишу и о какихъ пустякахъ описываю. Я надѣюсь, что вы меня въ томъ извините и простить изволите. Свободное время велитъ мнѣ собою воспользоваться, а заочные разговоры съ вами приносятъ мнѣ нѣкоторую отраду. Въ Петербургѣ можетъ быть не всегда удастся такъ много къ вамъ писать, хотя я и буду о томъ стараться. Я льщу себя надеждою, что, по пріѣздѣ въ Петербургъ, на первой почтѣ буду имѣть удовольствіе читать отъ васъ письмы и увѣдомленія, что вы находитесь всѣ въ добромъ здоровьѣ и благополучны, чего я отъ всей искренности моего сердца усердно слышать отъ васъ желаю, а между тѣмъ кончу мое письмо подтвержденіемъ, что я, во всю жизнь мою пребуду съ глубочайшимъ моимъ высокопочитаніемъ вашъ, и прочее».

Прочитавъ сіе письмо, продолжалъ я прежде начатое свое и писалъ слѣдующее:

«Весьма и весьма доволенъ я тобою, мой другъ, что ты не пропустилъ отписать къ намъ письма изъ Крестцовъ. Оно служило намъ не малымъ утѣшеніемъ. По крайней мѣрѣ, узнали мы, что ты до Крестцовъ доѣхалъ благополучно и много тому порадовались. Описаніемъ путешествія твоего я доволенъ и нахожу въ письмахъ твоихъ слогъ часъ-отъ-часу лучшій и пріятнѣйшій. Вотъ-что́ дѣлаетъ практика и многое упражненіе! Теперь повезли твое письмо въ Ламки, ибо мать еще тамъ, и хотѣли домой пріѣхать сего дня съ Лизкою. У насъ въ самое сіе утро кажется сдѣлалось начало зимы: туманы миновались, сдѣлался въ 6 градусовъ морозъ, прояснилось и выпалъ снѣжокъ, забѣлившій только землю, а у васъ, надѣюсь, давно уже зима. Но Богу извѣстно не сойдетъ ли еще?

«Какъ сіе письмо къ тебѣ дойдетъ, то будетъ уже недѣли двѣ и слишкомъ, какъ находишься ты въ Петербургѣ. О, Павлушка! какъ-то ты въ семъ славномъ городѣ поживаешь, и что́-то съ тобою, мой другъ, тамъ происходитъ? Ты въ Настасьиномъ письмѣ пишешь, что однажды, сидя на бугоркѣ подъ елками, думалъ, что полетѣлъ бы къ намъ въ нашу сторону, а я полетѣлъ бы теперь къ тебѣ, посмотрѣлъ бы на тебя, на всѣ твои дѣла и на все происходящее съ тобою.

«Безсомнѣнно, ты кой-съ-кѣмъ теперь уже познакомился и жить тамъ попривыкъ уже сколько-нибудь. Желалъ бы я, мой другъ, чтобъ ты, въ разсужденіи не коротко извѣстныхъ людей, имѣлъ всегда осторожность и всегда-бъ то помнилъ, что нынѣ наполненъ свѣтъ множествомъ такихъ людей, коихъ наружности ни какъ не можно вѣрить, и что, положась на оную, тотчасъ обмануться можно. А особливо обходись осторожно съ молодыми людьми. Изъ нихъ постоянныхъ и добродѣтельныхъ нынѣ со свѣчкою посреди бѣла дня искать надобно. Берегись, чтобъ они не завели тебя въ какія сѣти и не запутали во что́-нибудь худое. Въ особливости береги какъ-можно деньги и не теряй ихъ по-пустому. Я потребую отъ тебя въ нихъ отчоту, и тебѣ стыдно будетъ, ежели ненужными издержками ты меня огорчишь и уменьшишь ту радость, которую имѣть я буду при твоемъ возвращеніи. Тебѣ надобно уже учиться хозяйничать и помнить, что и весь нашъ достатокъ не великъ. Тебѣ-жъ самому сбереженное послѣ сгодится, а какъ не достанетъ на надобное, то гдѣ ты тогда изволишь взять?

«Неизвѣстность о Михайлѣ Васильевичѣ насъ пуще всего тревожитъ, и мы будущей почты съ величайшею нетерпѣливостью будемъ дожидаться, надѣясь, что получимъ съ оною отъ тебя письмы изъ Петербурга, и что оныя рѣшатъ, по крайней мѣрѣ, въ семъ пунктѣ наше сомнѣніе. О, какъ бы желали мы, чтобъ ты нашелъ его въ Петербургѣ. Ежели онъ тутъ, то скажи ему отъ меня, что я приношу уже ему тысячу благодареній за всѣ его къ тебѣ ласки, о которыхъ я не сомнѣваюсь, что онъ тебѣ оказываетъ, и желаю ему всѣхъ на свѣтѣ благъ, а не пишу къ нему за тѣмъ, что нахожусь еще въ неизвѣстности.

«Безсомнѣнно получилъ ты теперь и первыя мои къ тебѣ письмы. Я исполняю вѣрно мое обѣщаніе и пишу къ тебѣ со всякою почтою всё-на-всё что́ съ нами происходитъ. Не сомнѣваюсь также, что и письма, бывшія съ тобою, ты уже кой-къ-кому разнесъ и можешь насъ теперь о дѣйствіи ихъ увѣдомить. О, какъ интересны для насъ будутъ съ сего времени твои письмы! Я бы желалъ, чтобъ ты описывалъ намъ всё-и-всё и увѣдомлялъ насъ о всѣхъ происшествіяхъ обстоятельно. Каждое твое слово будетъ для меня любопытно и пріятно. Чтобъ успѣвать тебѣ болѣе написать, то пиши, когда досужно заблаговременно и сколько когда написать удастся, такъ какъ то дѣлаю я. Чрезъ что и наберется много, а чѣмъ больше будешь писать, тѣмъ для насъ пріятнѣе, а тебѣ полезнѣе будетъ, ибо тѣмъ болѣе пріучишься къ слогу писемъ.

«Въ праздное время ищи пребываніе свое сдѣлать себѣ колико можно полезнѣйшимъ, стараясь видѣть все зрѣнія и примѣчанія достойное. Поищи случая побывать на фарфоровой, на хрустальной и на шпалерной фабрикѣ, также въ Академіи Наукъ и Художествъ, въ Адмиралитетствѣ, въ Невскомъ монастырѣ и въ другихъ тому подобныхъ знаменитыхъ мѣстахъ, и замѣчай все, чтобъ было тебѣ, по пріѣздѣ къ намъ, о чемъ разсказать и тѣмъ доказать, что ты не по-пустому былъ въ Петербургѣ.

«Ежели нечего тебѣ читать, то отыщи книжныя лавки, а особливо Миллерову, яко наиглавнѣйшую. Набери поболѣе вездѣ каталоговъ и не найдешь-ли какой хорошей біографической книги. Пожалуй себѣ хоть купи оную и читай. Еще не отыщешь-ли въ академической лавкѣ «Петербургскихъ проспектовъ», и когда деньги будутъ въ остаткахъ, то купи и привези съ собою. Я давно ихъ добиваюсь. Ежели попадутся эстампы съ портретами какихъ-нибудь знаменитыхъ людей, напримѣръ, у Пиренберцевъ, и не очень дорогіе, то и оные купить можешь. Все сіе составитъ для меня наилучшій гостинецъ, но на все сіе не спѣши терять деньги. Вотъ — чѣмъ-и-чѣмъ наполняю я къ тебѣ уже письмо, когда о иномъ писать нечего, но теперь покуда полно....»

Чрезъ день послѣ того, ввечеру 14-го ноября, дополнилъ и окончилъ я письмо слѣдующимъ:

«Какъ завтра у насъ почта, то надобно мнѣ исписать чѣмъ-нибудь и достальное порожнее мѣсто на бумагѣ и что-нибудь еще съ тобою, Павлушка мой другъ, поговорить. Скажу тебѣ, что всѣ сіи три дни провелъ я благополучно и мнѣ опять полегчѣло. Мать твоя съ Елизаветою дѣйствительно въ понедѣльникъ, и очень еще рано, изъ Ламокъ пріѣхали и застали у насъ князя, разсказывающаго о своемъ несгодьѣ. Въ воскресенье хотѣлось Петру Гарасимовичу, чтобъ и онъ у него былъ. Итакъ, посылали звать, но онъ отказался, но послѣ передумалъ и, согласясь съ нашимъ виннымъ приставомъ, поскакалъ туда съ нимъ на его лошадяхъ и дрожкахъ. Ламковскіе ему ради, угощаютъ; онъ препровождаетъ тамъ весь день и ужинаетъ. Унимаютъ его ночевать, но онъ не остается, но въ полночь отъѣзжаетъ домой, говоритъ: «свѣтло-де и мѣсяцъ, долго-ль доѣхать». Говорятъ ему: «поздно, право поздно!» Но, нѣтъ, ничего. Хорошо, поѣхали. Ѣдутъ себѣ и ѣдутъ хорошохонько. Но не успѣли проѣхать Княжій Колодезь, какъ хряпъ! и оси подъ дрожками какъ не бывало! Вотъ тебѣ на! закричали они оба. Эдакая бѣда!.. Что дѣлать? Думать да гадать, а ѣхать далѣе никакъ нельзя и дѣлать нечего. Чтобъ воротиться назадъ въ деревню и взять у мужика телѣгу—того имъ и на умъ не приходитъ. А они думали, думали, но другого не придумали, какъ сѣсть обоимъ на лошадей верхами и ѣхать домой, а дрожки съ солдатомъ кинуть. И тутъ-то была сущая между ими комедія: лошаденки скверныя, сѣделъ не бывало; ѣхать принуждены на голыхъ спинахъ; хомуты мѣшаютъ; морозъ превеликій; свѣтло, но не очень! Маленькій снѣжокъ затрусилъ ямки и обманывалъ только зрѣніе: кажется, все гладко, анъ нѣтъ! Лошади то-и-дѣло оступаются, скользятъ, и ихъ то въ ту, то въ другую сторону покачиваетъ. То одинъ закричитъ «ухъ!.. упалъ бы, братъ, совсѣмъ»; то другой подтверждаетъ тожъ и бранитъ и лошадь, и переломившуюся ось. Г. Крупенинъ — худой ѣздокъ: жмется все съ боку къ князю. Дорога идетъ подлѣ самаго вала и рва; въ потемкахъ лошадь его вскарапкывается на валъ, оступается въ ровъ и его едва съ себя не скидываетъ. Онъ хватается за князя, и его тащитъ за собою! «Что ты, братецъ, въ умѣ-ли? самъ падаешь, да и меня стащилъ-было; я-то что? да можно-ли тебѣ подалѣе отъ меня ѣхать?» — «Радъ бы, ваше сіятельство, да лошадь что-то нейдетъ, не сладишь съ проклятою!» — «Э! конечно, супонью затянулась».—«И быть знать такъ; но какъ же быть?» — «Слѣзать видно тебѣ долой

и разсупонивать».—«Но взлѣзать-то, ваше сіятельство, ка̀къ опять? насъ вѣдь сажали». — «Экой ты! да развѣ бугорковъ мало?» Милый нашъ приставъ и сталъ-было уже пріискивать бугорокъ, но князь, захохотавъ, его уже остановилъ: «какъ ты, братецъ такой, говоритъ ему; какъ ты не разсудишь? какой супони мѣшать лошади верховой?» И такъ далѣе. Симъ образомъ путешествуя, на-силу, на-силу доѣхали они домой.

«Болѣ сего писать негдѣ: бумага вся. Итакъ, прости, Павлушка, и будь благополученъ».

Чрезъ четыре дни послѣ отправленія сего письма, писалъ я опять къ нему отъ 19-го ноября слѣдующее:

№ 6.

«Нѣтъ! Вчерашная почта насъ обманула. Съ коликою нетерпѣливостію мы оной дожидались, съ толикимъ прискорбіемъ принуждены были видѣть, что принесли къ намъ одни только большіе пакеты, а маленькаго письмеца—тю-ти! Мнѣ случилось тогда быть вмѣстѣ съ Петромъ Гарасимовичемъ въ моемъ кабинетѣ. Мы вспрыгались-было отъ радости, увидѣвъ идущаго солдата съ почты, котораго мы болѣе часа дожидались съ крайнимъ нетерпѣніемъ. Я бросилъ все, что̀ ни дѣлалъ, а Петръ выскочилъ даже на крыльцо ему на встрѣчу. Но вдругъ оба мы осѣлись и сдѣлались какъ въ воду опущенными, когда маленькаго письма нѣтъ и не бывало. Къ вящей досадѣ, и газеты не полны. Въ одномъ пакетѣ всѣ, а въ другомъ однѣ только русскія газеты, а нѣмецкихъ нѣтъ. Всѣ присланные листы «Магазина» перешарили разъ пять, — нѣтъ! «Что за диковинка, говорю; конечно, не пришла почта иностранная». А о тебѣ, Павлушка, думаемъ мы, что ты, конечно, въ Петербургъ въ воскресенье не пріѣхалъ, такъ какъ мы за вѣрное считали, а знать какая-нибудь сдѣлалась тебѣ въ дорогѣ остановка; или и пріѣхалъ въ воскресенье, но такъ поздно, что тебѣ никакъ не можно было успѣть написать и послать писемъ къ намъ съ понедѣльничною почтою, и ты отложилъ можетъ быть писать до четверговой. Худшаго, по крайней мѣрѣ, мы ничего не думаемъ. Итакъ, знать подождать еще недѣльку. Но въ сей разъ и такъ, и сякъ думаемъ, и полагаемъ на̀-двое. Но, ну! если и съ будущею почтою писемъ отъ тебя не будетъ? Мы вѣдь уже и очень перетревожимся. И тогда шутка будетъ рядъ дѣлу! тогда не будемъ знать, что̀ о тебѣ и думать. Какъ бы тебѣ было недосужно, въ какихъ бы ты обстоятельствахъ ни былъ, но все писать бы тебѣ успѣть было можно. А дорога сколь ни дурна, но почтѣ и письму притти все будетъ можно.

«Но теперь надобно тебѣ разсказать о здѣшнихъ происшествіяхъ. У насъ въ сіи три дни произошло много кой-чего такова, о чемъ тебя увѣдомить можно. Что касается до насъ, то мы, слава Богу, всѣ здоровы и благополучны и теперь всею семьею вмѣстѣ. Третьёводни ввечеру пріѣхала къ намъ Елизавета съ мужемъ: они пробыли у насъ весь вчерашній день и домой ѣдутъ сегодня съ свѣтомъ вдругъ. Итакъ, о себѣ мнѣ разсказывать нечего. Но, кромѣ сего, случилось нѣчто, чего ты себѣ никакъ вообразить и догадаться не можешь. Умеръ одинъ человѣкъ, котораго ты никакъ не угадаешь, хотя онъ весьма и весьма тебѣ знако̀мъ и о которомъ ты столько же потужишь, какъ тужили мы. Смерть похитила его въ наицвѣтущемъ его возрастѣ и лѣтахъ, и никто изъ смертныхъ не ожидалъ, чтобъ онъ могъ умереть такъ скоро. Нѣтъ никого, кто бъ объ немъ не тужилъ и не жалѣлъ, ибо онъ того былъ и достоинъ. Изо всей канцеляріи былъ онъ у меня лучшенькой, и ты удивишься, когда скажу, что это никто иной былъ, какъ нашъ Дмитрій Товаловъ. «Ахти! скажешь ты, не вправду ли?» Такъ-то закричалъ я, когда Платоновичъ пришелъ и сказывалъ мнѣ, что его уже нѣтъ на свѣтѣ. Венццеевы, Варсобины, Щедиловы уморили ма-

лаго ни за полушку! Первый невиннымъ образомъ подалъ къ тому первѣйшій поводъ, посылая его изъ Тулы сюда въ Богородицкъ на короткое время и за самыми пустяками; въ сихъ переѣздахъ онъ простудился; возвращаясь въ Тулу, говоритъ: «что-то мнѣ не по себѣ». Декоктъ бы нашъ тотчасъ ему помогъ, но ихъ догадало присовѣтовать ему кинуть кровь. Видано ли когда, чтобъ въ простудѣ кровь кидать!? Но и тутъ надобно сплестись несчастнымъ уже обстоятельствамъ: совѣтуютъ ему и уговариваютъ, чтобъ штабъ-лѣкарю кинуть. «И, нѣтъ! говоритъ онъ; у меня есть знакомый цирюльникъ». Первый вѣрно бы ему не кинулъ. Сею кровью они и испортили все дѣло. Простуда осѣла внутрь, привалила къ горлу и, произведя жесточайшую жабу, въ одни сутки его задушила. Лѣчили и лѣкари, штабъ-лѣкари, но уже было поздно; къ тому-жъ, у нихъ отъ жабы нѣтъ и лѣкарствъ хорошихъ; наши травы отъ горла помоглп-бъ лучше всѣхъ лѣкарствъ ихъ. Но какъ бы то ни было, но Митьки нѣтъ и какъ не бывало! Ужасть, какъ жаль! Третьяго дня здѣсь его погребали и была превеликая жалость!

«Вотъ тебѣ первое происшествіе, а теперь разскажу другое и не столь печальное. Вчера была у насъ маленькая пирушка. Кромѣ своей семьи, обѣдали у насъ еще Н. С. Арсеньевъ, Пургасовъ и попы. Во время стола играла наша духовая музыка, выучившая еще штучки двѣ-три новыхъ довольно изрядныхъ. Причиною праздника сего были крестины. Елизавета съ Пургасовымъ крестили одну маленькую дѣвчоночку, родившуюся на сихъ дняхъ на свѣтъ, и эта дѣвчоночка ни кто иной была, какъ внучка Трифонова, а Васильева дочь. Скажи ему, Павлушка, что жена его родила и что зовутъ ея Екатериною.

«Вотъ тебѣ и другое, а теперь, въ-третьихъ, надобно тебѣ сказать, что слухъ о П. Н. Свѣчинѣ, къ безмѣрному удивленію всѣхъ, подверждается. Уже извѣстно, что отъ намѣстника дѣйствительно онъ представленъ въ директоры, и намѣстникъ самъ къ нему о томъ пишетъ. Чудное, по истинѣ, дѣло! Но какъ подумаю съ другой стороны, то какому-то олушку и быть теперь директоромъ: разумный человѣкъ и руками, и ногами отпятится отъ сей должности. Итакъ, ежели онъ будетъ, то Веницееву можетъ быть и дѣйствительно не достанется нами помудровать. Уже и нынѣ сталъ онъ посмирнѣе, однако, замучилъ всѣхъ моихъ канцелярскихъ, и теперь еще всѣ до единаго живутъ въ Тулѣ, и болѣе за пустяками, нежели за дѣломъ. Я самъ жду всякій часъ писемъ отъ Щедилова, который хотѣлъ меня увѣдомить, когда мнѣ пріѣхать, чтобъ не жить по-пустому. Нынѣ начинаютъ ждать скоро намѣстника, ибо слухъ есть, что Бендеры уже взяты.

«Наконецъ, надобно тебѣ сказать и четвертое и нѣчто о себѣ. Ахъ, Павлушка, волосковъ моихъ какъ не бывало, всѣ почти отъ болѣзни вылѣзли, да что-то и не ростутъ болѣе; приходитъ по неволѣ носить парикъ; не знаю, гдѣ и достать. Приходится нарочнаго въ Москву посылать *); ты и не узнаешь, пріѣхавши меня въ немъ; но я радъ уже тому, что болѣзнь моя нѣсколько проходитъ, хоть не смѣю еще сказать, что миновала. Тульская ѣзда меня много заботитъ.

«Впрочемъ, скажу тебѣ еще о себѣ, что я въ обѣ прошедшія недѣли упражнялся наиболѣе все въ писаніи; но въ какомъ? Въ описаніи моей жизни. Вчера по-утру имѣлъ я удовольствіе окончить вторую часть и съ нею всю исторію моего малолѣтства. Въ двѣ недѣли далъ я ей все ея существованіе. Не знаю, каковъ тебѣ сей мой трудъ покажется. А Настасья говоритъ, что книги сіи очень любопытны. Матушка и она читаютъ ихъ прилежно, и я долженъ былъ только успѣвать и подпекать имъ власно какъ блинки. А что буду на сей недѣли дѣ-

*) Однако, до сего дѣло не дошло, но волосы мои опять выросли, и я понынѣ еще съ ними.

лать, того ни я и ни кто не знаетъ въ цѣломъ свѣтѣ.

«Ну, что-жъ бы тебѣ еще сказать? Куда какъ жаль, что нѣтъ отъ тебя писемъ, и мы ничего о тебѣ не знаемъ. Ежели-бъ были, то поговорилъ бы съ тобою, что-нибудь о Петербургѣ, а то ничего не знаемъ, а здѣшнее я тебѣ все уже пересказалъ. У насъ въ сіи дни напало довольно снѣга и путь санной сдѣлался изрядный.... Но вотъ уже разсвѣтаетъ и наши встали и собираются ѣхать. На время перестану.... Въ сію минуту проводилъ я своихъ Ламковскихъ. Петръ Гарасимовичъ жалуется что-то на бокъ; ѣздилъ недавно въ Тулу: ни то отколотило ему бокъ, ни то простудился; уже три дня говоритъ, что бокъ болитъ; лѣкарь далъ ему уже лѣкарство. Теперь нечаянно нашелъ я между листами «Магазина» запрятанныя и гамбургскія газеты, и стану ихъ читать.

Въ тотъ же день, ввечеру.

«Ну, Павлушка! И то-то, что я вздумалъ давича по-утру къ тебѣ писать, а то быть бы тебѣ нынѣшнюю почту безъ письма отъ насъ, или получить на самое короткое. Не успѣлъ я давича начать читать пропадавшихъ газетъ, какъ брякъ письмо изъ Тулы и пишетъ Щедиловъ, чтобъ я пріѣжжалъ, а то-де уже Семенъ Никифоровичъ заждался. Итакъ, я туда завтра до-свѣта хочу ѣхать, и писать бы къ тебѣ было некогда. А теперь оставилъ уже Настасьѣ отправить почту, а самъ, за сборами не имѣя времени, скажу только то, что желаю тебѣ, мой другъ, всякаго благополучія, и чтобъ ты былъ здоровъ и имѣлъ успѣхъ въ своемъ дѣлѣ и не пропустилъ бы пуще всего ни одной недѣли, чтобъ къ намъ не писать. Ежели много не досужно, то хоть нѣсколько строкъ, чтобъ мы знали, что ты живъ и здоровъ. Прости, Павлушка, цѣлую тебя заочно».

Сіе письмо было и отправлено, а вскорѣ поѣхалъ и самъ я въ Тулу. А что тамъ со мною происходило, о томъ узнаете изъ послѣдующаго за симъ 7-го письма моего къ сыну, писаннаго по возвращеніи моемъ въ Богородицкъ. А между тѣмъ дозвольте мнѣ сіе мое письмо къ вамъ на семъ мѣстѣ прервать и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Февраля 6-го дня 1811 года, въ Дворениновѣ).

ДѢДИЛОВЪ.

Письмо 255.

Любезный пріятель! Помянутое седьмое письмо къ моему сыну началъ я писать, по возвращеніи своемъ изъ Тулы въ Богородицкъ, ноября 24-го дня ввечеру, и оно было слѣдующаго содержанія:

«Ахъ, Павлушка! Обстоятельство, что не было и съ другою московскою почтою отъ тебя писемъ меня поразило. Пріѣхавши въ Тулу въ среду къ ночи, на утріе посылалъ я Фильку на почтовый дворъ, чтобъ взять свои письма. Я надѣялся безсомнѣнно, что принесетъ онъ ко мнѣ отъ тебя письмецо и потому дожидался его съ нетерпѣливостью. Но какъ увидѣлъ только пакетъ съ газетами и услышалъ, что другихъ писемъ ни какихъ нѣтъ, то затрепетало мое сердце и власно какъ на вершокъ опустилось ниже. Сомнѣніе о тебѣ овладѣло всѣми моими мыслями, и я не инако уже считалъ, ты либо занемогъ, либо дорогою что-нибудь съ тобою сдѣлалось, или уже тебя нѣтъ на свѣтѣ. И ты можешь самъ себѣ вообразить, какова пріятна для меня долженствовала быть мысль таковая! Словомъ, руки мои опустились, и я, погрузившись въ уныніе, не зналъ что о тебѣ думать и пригадать. Истинно не помню, что когда-нибудь читалъ я газеты съ столь малымъ любопытствомъ и вниманіемъ, какъ въ сіе время. Мысли лѣзли совсѣмъ не тѣ въ голову и производили то, что я не разумѣлъ самъ что читалъ. И я не знаю, долго-ль бы продлилось таковое мое разстроенное душевное состояніе, еслибъ хозяинъ мой, Пасту-

ховъ, услышавъ о моемъ горѣ, меня не ободрилъ тѣмъ, что сею почтою не къ одному ко мнѣ, но и ко всѣмъ Тульскимъ нѣтъ петербургскихъ писемъ, и что по многимъ такимъ его знакомымъ нѣтъ ихъ, которые еженедѣльно получали. Итакъ, не иное что оставалось заключать, что Петербургская почта, за распутицею, не пришла въ Москву къ тому времени, какъ надобно отходить сюда Московской. Сіе мнѣніе ободрило меня нѣсколько и возобновило вновь надежду, что съ будущею почтою авось-либо отъ тебя будутъ письма. Но что-то скажетъ завтрешнее утро: завтрѣ ей надобно притти сюда. Бѣды! ежели и съ сею почтою отъ тебя ничего не будетъ: уже не буду истинно знать, что о тебѣ подумать, а и мать и всѣхъ прочихъ чѣмъ будетъ утѣшать — не понимаю.

«Въ Тулу съѣздилъ я благополучно, ибо лихорадка моя, кажется, уже поотстала, и я начинаю оправляться; однако, все еще ѣмъ скоромное и наблюдаю діэтъ. Волосковъ моихъ осталось развѣ десятая доля, однако, пробиваюсь все еще безъ парика; можетъ быть, и не будетъ въ немъ нужды. Въ Тулу г. Веницеевъ звалъ и добивался меня за самою безделицею,—взять только для храненія сюда планы и именные указы и росписаться въ нихъ. Изъ доброй воли ни для чего-бы не поѣхалъ; дороги ничего нѣтъ, а голая земля: бывшая на сихъ дняхъ страшная мятель снесла весь снѣгъ съ полей и съ дорогъ въ лѣса и въ вершины: колоть такая, что ужасть, а морозъ со встрѣчнымъ вѣтромъ столь презѣльной, что я и въ возочкѣ своемъ не могъ найтить мѣста, и въ самой муфтѣ мерзли у меня руки, а люди разъ по пяти оттирали у себя рыло! Одно только утѣшеніе имѣлъ я то, что нѣсколько часовъ любовался разноцвѣтными огненными столпами, бывшими по обѣимъ сторонамъ солнца и такими, какихъ я отъ роду моего не видывалъ. Можно по справедливости сказать, что зрѣлище было пышное и великолѣпное, и я тужилъ, что не было со мною моего любезнаго Павлунушки; повеселился бы онъ вмѣстѣ со мною онымъ. Въ Тулѣ на другой день—такой же жестокій морозъ! По счастію, поспѣла наша карета, и я могъ въ ней къ Веницееву съѣздить. Веницеевъ мой—ни лой, ни масло: заочно—Господи помилуй! а въ глаза—въ душу вьется. Отъ него спѣшу на квартеру обѣдать и посылать на почту. А какъ она меня смутила, то никуда далѣе не поѣхалъ, а просидѣлъ уже дома, и весь вечеръ проговорилъ съ г. Сокольниковымъ о разныхъ матеріяхъ и пріятно проводилъ время.

«Потужи, Павлушка, о нашемъ Петрѣ Алексѣевичѣ Верещагинѣ, или посмѣйся. Недавно четыре тысячъ пробухалъ, а наканунѣ моего пріѣзда при Сокольниковѣ цѣлыхъ девять тысячь съ рукъ еще спустилъ. Но кому же? Аѳанасію Ивановичу Золотухину и вѣрными деньгами. Вотъ до чего доводитъ игра,—ищущихъ нажиться отъ картъ проклятыхъ! Умница ты, Павлушка, что ты сей игрѣ не учился! Не учись и впредь сей проклятой, но оставляй другимъ забавляться ею....»

*

Въ воскресенье по-утру еще до-свѣта, ноября 25 дня, продолжалъ я писать слѣдующее:

«Ну, вотъ и воскресенье! Что-то скажетъ сегодняшній день, и радоваться-ли я буду, или печалиться въ оной? Сомнѣніе о тебѣ такъ велико, что мнѣ даже хочется и не хочется посылать на почту изъ опасенія, чтобъ солдатъ не пришолъ съ пустыми руками и не поразилъ меня печалью. Никогда еще того не бывало со мною. Вотъ какъ мнѣ ты милъ и какъ много тебя люблю, мошенникъ!...

«Но какъ теперь еще не разсвѣло и и посылать на почту рано, то разскажу тебѣ достальное о своемъ тульскомъ вояжѣ. Вчера помѣшалъ мнѣ далѣе писать Иванъ Тимоѳеевичъ Алабинъ; онъ просидѣлъ у меня долго и выпросилъ прочесть всѣ твои письма, которыхъ онъ еще не видалъ, и читалъ съ великимъ удовольствіемъ. Скажу тебѣ объ немъ, что онъ сдѣлался нынѣ хлѣбнымъ торгашемъ: ску-

паетъ хлѣбъ и ставитъ къ Власову на винокурню изъ барыша, что для него весьма и не дурно: нѣсколько десятковъ перевалится, такъ и слава Богу! Это лучше нежели играть и мотать.

«Въ Тулѣ пробылъ я не долго и, за стужею, нигдѣ не былъ и никого не видалъ. Въ пятницу по-утру ѣздилъ я опять къ Веницееву; и какъ онъ меня отпустилъ, то-давай Богъ ноги домой въ Богородицкъ! И я успѣлъ еще въ тотъ же день доѣхать ночевать до Дѣдилова. Ахъ, Павлушка! во время сего обратнаго путешествія, я тебя опять напоминалъ и нѣсколько разъ утиралъ слезы, катящіяся изъ глазъ. Слова: «гдѣ-то теперь, мой Павлушка голубчикъ? что-то съ нимъ теперь, бѣдняжкою, происходитъ? не лежитъ-ли гдѣ-нибудь боленъ?» и такъ далѣе—извлекали изъ очей моихъ оныя, а натура подала къ тому поводъ. Она равно какъ въ замѣнъ претерпѣваемой мною стужи нарочно произвела тогда на небѣ такое великолѣпное вечернее зрѣлище и такое величественное и преузорочное захожденіе солнца, какова я отъ роду моего не видывалъ и на которое болѣе часа смотрѣлъ и не могъ никакъ налюбоваться довольно. Словомъ, великолѣпіе и красота зрѣлища сего были неописанныя! А самое сіе и привело мнѣ тебя на память. Эхъ! нѣтъ по сю пору моего Павлушки, говорилъ я: въ прахъ бы онъ задивился красотамъ и великолѣпію сему! Но, увы, продолжалъ я: гдѣ-то еще онъ? и что-то съ нимъ происходитъ? и такъ далѣе...

«Въ сихъ отчасти смутныхъ и печальныхъ, отчасти увеселительныхъ помышленіяхъ препроводилъ я все время ѣзды моей отъ Калмыкъ до Дѣдилова. И сей случай явственно доказалъ мнѣ, какая великая разность чувствовать и веселиться красотами естества одному и въ сотовариществѣ съ другимъ такихъ же чувствованій человѣкомъ: одному все власно какъ не достаетъ чего-нибудь.

«Ночевавъ въ Дѣдиловѣ у старика знакомца нашего Юлы и отогрѣвшись у него на печи, всталъ я такъ рано, что засталъ въ Ламкахъ всѣхъ еще спящихъ. Я нашолъ тутъ и мать, и Настасью, а хозяйку—больною отъ горла, но выздоравливающуюся. Первый ихъ вопросъ былъ, «если письмы?»... Что было иначе сказать на сіе, какъ нѣту, и поспѣшать скорѣе ободрять ихъ. Пообѣдавши съ ними, поѣхалъ я домой одинъ и захватилъ еще Катюшкиныхъ имянинъ кончикъ, а они хотѣли пріѣхать севодни... Ну, пошли уже на почту.... Духъ мой истинно теперь не на своемъ мѣстѣ. Поба! вотъ уже и летитъ.—Что-то? что-то? «Ну, слава, слава Богу!» закричалъ я и перекрестился, увидѣвъ письмо твое въ рукахъ у Фильки, подающаго мнѣ оное. «На-силу-на-силу дождался! и вѣрно изъ Петербурга?» такъ!... Ну, слава Богу: давай читать».

Письмо сіе было, писанное по-утру 7 числа ноября, слѣдующаго содержанія:

«Хотя и отправляю севодни нашего извощика обратно съ кибиткою домой и пишу къ вамъ, м. г. батюшка, письма, но, зная, что ѣзда его долѣе продолжится и письмо гораздо позднѣе придетъ, нежели пущенное отсюда съ отходящею завтра въ Москву почтою, то я за непремѣнное счелъ писать къ вамъ и по почтѣ, чтобы вы изволили скорѣе обо мнѣ получить извѣстіе. Для сего раздѣлю я матерію и, чтобъ не отяготить слишкомъ почту, напишу теперь къ вамъ что понужнѣе, а ужо обо всемъ уже пространнѣе.

«Итакъ, прежде всего, донесу вамъ, что мы 4-го числа сего мѣсяца поздно ввечеру достигли благополучно сюда въ Петербургъ. Вы, я думаю, догадываетесь уже изъ неполучаемыхъ отъ брата Михаила Васильевича ни какихъ извѣстій, что его конечно здѣсь, въ Петербургѣ, нѣтъ. Такъ! вы въ томъ и не ошиблись. Я, къ неизреченному огорченію своему и прискорбію, здѣсь его не нашелъ, и не только его одного здѣсь нѣтъ, но и всѣ дѣти и со всѣмъ домомъ они уѣхали еще прошлою зимою въ Псковскую деревню. Вы легко можете вообразить, какъ меня сей случай обезкура-

жилъ. Я не зналъ, что̀ мнѣ въ скорости дѣлать и что̀ начать? По нѣкоторомъ разсужденіи, рѣшились мы наконецъ, не смотря на отсутствіе брата и всѣхъ его домашнихъ, расположиться здѣсь въ его домѣ. И для сего занялъ я двѣ довольно спокойныхъ комнаты, которыя находились праздны. Я бы не зналъ, что̀ мнѣ съ скуки дѣлать и за что̀ приняться для образованія совсѣмъ для меня неожидаемаго рода жизни, ежели бы въ семъ случаѣ не оказалъ мнѣ опять дружбы мой товарищъ г. Арефьевъ. Онъ, не смотря на то, что ходить очень далеко къ преображенскому полку, но чтобъ и ему, и мнѣ не такъ было скучно жить по уединеніямъ розно, то согласился стоять на одной квартерѣ и жить со мною вмѣстѣ. Къ тому-жъ, общими совѣтами и съ Васильемъ, придумываемъ, какъ намъ всѣмъ заводиться и можетъ быть Богъ пошлетъ Свою помощь, и мы какъ обострожимся, то не такъ будетъ казаться дико, какъ казалось намъ спачала наше положеніе. Въ разсужденіи производства дѣла моего, также можетъ быть знакомые не оставятъ совѣтами и неоставленіями. Слѣдовательно, не извольте слишкомъ заботиться и печалиться обо мнѣ. Я надѣюсь болѣе всего на милость и покровительство Божеское. Ему ежели угодно будетъ, то все будетъ благополучно и счастливо окончится.

«Теперь вамъ донесу, что письмо ваше ко мнѣ, м. г., пришло сюда почти въ одно время съ моимъ пріѣздомъ. Ахъ, батюшка! я не знаю, какими словами изобразить вамъ мое чувствительное благодареніе за оное. Не слова, а одно мое чувствованіе въ состояніи только принесть вамъ оное. Я прочитывалъ уже разъ семь всѣ ваши драгоцѣнныя строки, и какъ ни воображалъ, но ни какъ не думалъ, чтобъ онѣ мнѣ столь много принесли радости и утѣшенія. Получилъ же сіе писаніе ваше въ ту же почти минуту, когда огорченъ былъ, узнавши, что Михаила Васильевича здѣсь нѣтъ. Слѣдственно, вдругъ—печаль и радость! Признаюсь, что, начавши читать его, не могъ удержать стремленія слезъ, увидѣвъ изъ него первое, что вы мучаетесь еще своею лихорадкою; во-вторыхъ, что вы, по милости своей ко мнѣ, столь много меня помните и сожалѣете обо мнѣ, и наконецъ, что вы меня такъ часто вспоминаете и желаете знать обо мнѣ и прочее... ...И теперь, когда я пишу сіи строки, то текутъ онѣ у меня въ изобиліи, но сіи слезы суть не иное что, какъ чувствія достодолжной благодарности, которую я ощущаю во всемъ совершенствѣ за ваши ко мнѣ родительскія милости.... Такъ! благодарю еще разъ васъ, батюшка, за ваше многое ко мнѣ писаніе и заочно тысячу разъ цѣлую ваши ручки. Я льщу себя лестною надеждою, что каждое воскресенье будете приносить мнѣ неизреченное удовольствіе читать ваши строки. Я съ моей стороны постараюсь также неленостно и также образомъ журнала описывать вамъ все со мною происходящее. Заочное бесѣдованіе съ вами приноситъ также и мнѣ нѣкоторую отраду и равно какъ-будто съ вами повидаешься и поговоришь заочно. Но обращусь опять къ своимъ дѣламъ.

«При случившейся вчера отсюда оказіи съ мужиками Михаила Васильевича, я къ нему писалъ письмо, увѣдомлялъ о своемъ сюда пріѣздѣ, и что я расположился въ его домѣ. Я послалъ къ нему также ваши письмы, также и письмо отъ Надежды Андреевной, о которомъ она мнѣ приказывала: ежели я его здѣсь не найду, то послать къ нему его неотмѣнно. Посмотрите, ежели Михаилъ Васильевичъ, получивши мое письмо и при ономъ и ваше и Надежды Андреевны, то вѣрно прискачетъ сюда самъ; я, правду сказать, сего весьма бы и желалъ; можетъ быть, онъ помогъ бы мнѣ много чрезъ своихъ знакомыхъ въ моемъ дѣлѣ.

«Впрочемъ, скажу вамъ, батюшка, что я еще ни къ кому не ходилъ; вчера и третьяго дни пробыли дома для отдохновенія съ дороги и только ходили съ Петромъ Ѳедоровичемъ по городу и на гостинный дворъ. Севодни же еще день

положилъ на отдохновеніе; заводимся всѣмъ нужнымъ и я расположился севоднешній день писать къ вамъ письмы и по почтѣ, и съ извощикомъ, также и въ Тверь къ сестрамъ.

«Итакъ, на сей разъ прекращу мое писаніе; ужъ гораздо болѣе буду писать, потому что свободнѣе, а теперь, при изъявленіи вамъ глубочайшаго моего высокопочитанія, желаю усердно, чтобъ оставила васъ лихорадка и возвратилось ваше здравіе; цѣлую мысленно ваши ручки и остаюсь... и прочее.»

Въ отвѣтъ на сіе письмо и, продолжая прежде начатое, написалъ я ввечеру того же дня слѣдующее:

«Ахъ, Павлушка! какъ обрадовалъ ты меня своимъ письмомъ. Весь севоднешній день былъ я веселъ и власно, какъ превеликую находку нашедши. Возможно-ли! Почта — ни много, ни мало — цѣлыхъ 17 дней оное ко мнѣ везла; но я простилъ уже ее давно за удовольствіе, привезенное съ собою севодни ко мнѣ. Самое досадное обстоятельство, что не засталъ ты Михаила Васильевича, было мнѣ не таково чувствительно, за радостію, что узналъ, по крайней мѣрѣ, о тебѣ, что ты живъ и здоровъ. А мать, пріѣхавшая только недавно и съ хозяевами изъ Ламокъ, и радуется, и плачетъ о тебѣ. Все ей попалось: какъ-то тебѣ тамъ жить одному? какъ-то быть? Ужъ мы бранили, бранили, да и стали! Однако, и они всѣ не меньше обрадовались, какъ и я, услышавъ, что отъ тебя есть письмо, въ особливости же Настасья. Словомъ, у всѣхъ у насъ теперь только и разговоры о тебѣ.

«Но «говори, говори, да молви», а обстоятельствы, что нѣтъ Михаила Васильевича и со всѣмъ домомъ въ Петербургѣ и самому мнѣ прискорбно и огорчительно. Изо всего худшаго, воображаемаго мною, не совершилось только того, что домъ не отданъ въ наймы, и что ты не принужденъ нанимать себѣ квартеру. Но что̀ дѣлать уже, Павлушка? мы положились однажды на Провидѣніе и Промыселъ Божескій и на Его святую волю, такъ надобно всѣмъ и довольнымъ быть, что ни угодно будетъ Ему сдѣлать и распорядить; Онъ знаетъ лучше нашего все, что̀ намъ въ пользу и что̀ во вредъ служить можетъ. Ни чѣмъ ты меня такъ много не утѣшилъ, какъ изъявленіями упованія своего на Бога и надежды на Его вспоможеніе. Я расцѣловалъ бы тебя за это! Напоминай и впредь почаще Бога и возлагай на Него свое упованіе и наивеличайшую надежду. Надежда сія никогда тебя не обманетъ, и ты, мой другъ, не раскаешься въ ней никогда. Богъ требуетъ самъ того отъ насъ. Призови меня, говоритъ онъ, въ день скорби твоей и изму тя, и прославиши мя. Реченія, достойныя по истинѣ того, чтобъ ихъ начертать на нашемъ сердцѣ, и я въ жизнь мою множество примѣровъ видѣлъ тому, что они не ложны.

«Душевное состояніе, въ какомъ ты находишься въ первые часы пребыванія твоего въ Петербургѣ, представлялъ я себѣ живо и сочувствовалъ во всѣхъ твоихъ чувствованіяхъ; не дай Богъ, чтобъ послѣдующіе затѣмъ дни были тебѣ не таковы досадны, грустны и печальны, но чѣмъ-нибудь тебя повеселили и порадовали. Что одному жить и всѣмъ заводиться, это не великая еще бѣда? Что̀ дѣлать, хоть и нуждицы прихватишь, такъ и быть, мой другъ! Мы сами служивали и нужду несли. Не все дома, не все въ покоѣ и не все въ довольствіи и изобиліи во всемъ. Надобно учиться и нужду терпѣть и привыкать ко всему въ свѣтѣ. Впрочемъ, почему еще знать, можетъ быть для тебя еще и лучше то, что ты теперь одинъ. Обо всемъ должно судить уже по послѣдствіямъ.

«Я жду теперь съ превеличайшею нетерпѣливостію будущей почты, съ нею, надѣюсь я, услышать, что-нибудь отъ тебя болѣе. Признаюсь, что готовлюсь уже предварительно читать, между прочимъ, и еще что̀-нибудь непріятное и какія-нибудь досадныя и тебѣ, и мнѣ огорчительныя происшествія. Не всѣ-то письмы по желанію удадутся и успѣхъ имѣть

будутъ вожделѣнный. Можетъ быть, иное тебѣ и досаду только навлечетъ. Желалъ бы я, чтобъ ничего тому подобнаго не было и чтобъ, вопреки тому, слышалъ я все радостное и хорошее. Но что̀ дѣлать, если что̀ и не такъ случится, какъ бы намъ хотѣлось. Въ свѣтѣ не можетъ итти все по желаніямъ нашимъ, и потому, если что̀ и не удастся и ты въ какой-нибудь надеждѣ обманешься, то совѣтую тебѣ, мой другъ, тѣмъ никакъ не огорчаться; но чѣмъ меньше будетъ надежды на постороннюю помощь, тѣмъ болѣе надобно надѣяться на Бога. Сіе Великое Существо иногда нарочно лишаетъ насъ всей надежды на человѣковъ, дабы Ему Единому осталось намъ помогать, и чтобъ мы за все Единому Ему были обязаны. И сему примѣры видѣлъ я въ жизнь мою не однажды, а потому и говорю тебѣ сіе.

«Поелику ты теперь живешь одинъ и самъ съ собою, то хотя и много я надѣюсь на тебя, Павлушка мой другъ, и думаю, что ты не позабудешь самъ себя и не похочешь поведеніемъ своимъ огорчить и родителей, и всѣхъ родныхъ твоихъ, толико тебя любящихъ и о тебѣ жалѣющихъ и которымъ всѣмъ былъ ты до сего времени утѣхою и семейству ихъ украшеніемъ. Однако, неизлишнимъ будетъ, если я еще тебѣ напомню, чтобъ ты колико можно болѣе бдилъ самъ за собою и за всѣми своими дѣлами и поступками и наивозможнѣйшимъ образомъ остерегался, чтобъ тебѣ не войтить во что-нибудь худое и не сдѣлать чего такого, что могло-бъ служить намъ въ огорченіе и тебѣ въ истинный вредъ и о чемъ ты послѣ самъ тужить и раскаяваться будешь. Между прочимъ, напоминаю еще разъ: берегись входить въ тѣсную и повѣренную связь и дружбу съ незнакомыми людьми, а особливо молодыми. Свѣтъ нынѣ обманчивъ, и не увидишь, какъ заведутъ въ сѣти и во всё глупое и дурное. Ежели не куда иттить, то сиди лучше дома и въ чемъ нибудь упражняйся. Хоть бы и скучненько нѣсколько было, но ка̀къ быть: лучше претерпѣть нѣсколько скуки, чѣмъ съякшаться съ мотами, игроками и шалунами и въ сообществахъ ихъ заражаться всякимъ ядомъ и терять время. Къ тому-жъ, ты и не за тѣмъ въ Петербургъ пріѣхалъ, чтобъ служить долго, слѣдовательно, и въ дальнихъ знакомствахъ съ своею братьею-молодёж*ью* нѣтъ никакой нужды, а благо — ты стоишь далеко отъ полку. Живи, мой другъ, умѣренно и на ненадобное не теряй денегъ, не равно — понадобятся, гдѣ ты тогда ихъ возьмешь? Однако, самъ себя, для Бога, не мори, а чтобъ былъ ты у меня не голоденъ. Для одного или для двухъ много-ли всего надобно? Береги пуще всего свое здоровье, которое мнѣ всего дороже; не изнуряйся слишкомъ ходьбою пѣшкомъ, можно иногда нанимать и извощиковъ. На все сіе денегъ нѣсколько изойтить можетъ, и мнѣ ихъ не жаль для сохраненія твоего здоровья. Относительно-жъ до твоего дѣла, то если не будетъ ни какой вѣрной надежды получить капитанскій чинъ и выттить къ штатскимъ дѣламъ, то, не много думая, просись въ отставку, чтобъ отставили гвардіи офицеромъ, и то бы весьма хорошо. Не позабудь побывать у Ивана Григорьевича Нестерова и у Варвары Стратоновны. Они одни у тебя люди знакомые въ Петербургѣ, также отыскать и Александра Ивановича Писемскаго. Распровѣдай также и объ Нартовѣ — въ живыхъ ли онъ обрѣтается, или въ мертвыхъ; узнать объ немъ можно въ монетной канцеляріи.

«Радуюсь, что первое мое письмо дошло къ тебѣ вѣрно и въ свое время, ибо я такъ и располагалъ, чтобъ оно къ твоему пріѣзду поспѣло, и доволенъ тѣмъ, что оно тебя сколько-нибудь утѣшило. Отъ тебя мы всѣ получили и, кажется, что и ты наши получать будешь. Мы со всякою почтою къ тебѣ писали и писать станемъ. Не пропускай и ты, для Бога, ни одной, чтобъ мы о тебѣ знали, отпиши, ка̀къ кто тебя приметъ и кто болѣе всѣхъ будетъ къ тебѣ благосклоненъ. Теперь ждемъ вскорѣ извощика твоего и съ нимъ твоихъ писемъ. Жаль, что ты

не примолвилъ, одинъ ли онъ, или съ сѣдоками поѣдетъ. Прости, мой другъ; севодни полно.... зовутъ ужинать....»

*

Чрезъ двои сутки послѣ сего, и именно ввечеру 27-го ноября, продолжалъ я писать къ нему слѣдующее:

«Вотъ опять начинаю къ тебѣ писать, мой Павлушка, и опять заочно съ тобою бесѣдовать. И какъ я въ сей разъ положилъ, чтобъ въ письмѣ моемъ было болѣе лота, то написать еще кое-что можно. Это въ награду за твою прилежность; однако, и то правда, что сколько ни охотникъ я писать, но къ тебѣ писать мнѣ всего пріятнѣе.

«Я начну опять разсказываніемъ о себѣ. Оба сіи дни провели мы благополучно. Вчера былъ у насъ въ городѣ пиръ во весь міръ. Былъ нашъ господинъ градоначальникъ имянинникомъ. Еще не успѣло разсвѣнуть, какъ явился ко мнѣ Костикъ съ докладомъ: «князь-де прислалъ и требуетъ казенной посуды, блюдъ, столовъ и прочаго». Ну, думаемъ мы: конечно, собрался всѣхъ звать и сдѣлать наконецъ хоть одинъ обѣдъ, пора надуматься, столько лѣтъ живемъ вмѣстѣ, а никогда его хлѣба-соли не видали. Итакъ, говорю Костику: «пожалуй, пожалуй, отпускай все, что̀ надобно». Немного погодя сказываютъ мнѣ, что человѣкъ-де отъ князя пришолъ. «Ну, вотъ, думаю, я и зва*тый*». Но не тутъ-то было: хорошохонько и въ сей разъ обманулся я въ своемъ мнѣніи: «князь-де приказалъ просить рыбы», — и только всего. Досадно мнѣ, но нечего дѣлать. У самихъ нѣтъ почти рыбы, а ему изволь давать, какъ оброчный крестьянинъ, кормить Кирѣева! Хотѣлъ-было отказать, но посовѣстился. Такъ и быть.... Посылаемъ къ нему поздравлять, а Елизавета даритъ и манжетами. Послѣ обѣда, ну-ка боярыни и барышни наши собираться, завиваться и пудриться. Хлопотъ-то, хлопотъ! бѣганья и суеченья, почти до самаго вечера проубирались. Наконецъ, ѣдемъ къ нему и думаемъ найтить у него толпу народа. Суетимся заранѣе, что будетъ душно и какъ бы послѣ не простудиться. Но что-жъ? Вмѣсто того находимъ князя одного, лежащаго на канапе, а княгиню на другихъ (sic); спальню же—наполненную поющими женщинами и дѣтей пляшущихъ. Что̀ за диковинка, думаемъ. Диковинка та, что Кирѣевы не бывали, и его сіятельство изволилъ кушать съ одними купцами въ тулупахъ и Варсобинымъ и подгулять. Я еще въ первый разъ вижу его подгулявшимъ. Садимся. Сидимъ часъ, сидимъ другой. Князь говоритъ: «Ну, что? хотѣлъ-было позвать обѣдать, но счолся, что человѣкъ съ двадцать своихъ будетъ, такъ посадить негдѣ, за тѣмъ и раздумалъ». Изрядно! мы не въ претензіи, спасибо и за намѣреніе. Думаемъ, по крайней мѣрѣ, не отпуститъ насъ безъ ужина, и сидимъ еще часъ и больше. Слушаемъ только шпынскія и ругательскія повѣствованія о старикѣ капельмейстерѣ и сынѣ его Романѣ. Нелегкая догадала ихъ безъ меня на Катеринниъ день приттить поздравлять его съ музыкою. Съ какой стати? Но были притомъ столь глупы, что не примѣтили, что князю было то не угодно, а сочли, что эта честь, оказываемая ими, была ему крайне пріятна, и потому ну-ка вчера опять, и одинъ Романъ ужъ съ духовою музыкою. Но досталось же имъ отъ князя на лапу! Въ прахъ разругалъ и разцыганилъ обоихъ простаковъ. Но имъ и ни што!.... Не суйся въ воду, не спросившись броду! Жаль только, что не въ глаза, а при насъ только. Намъ хотя и сторона было дѣло, однако, досадно невѣдомо-какъ, но такъ и быть. Продолжаемъ сидѣть, хозяева молчатъ, — собираемся ѣхать и никто ни одного словечка. Итакъ, благополучно принуждены мы были отправиться и, вмѣсто обѣда или ужина, довольствоваться парочкою чашечекъ чайку.

«Что касается до моихъ въ сіи дни упражненій, то я продолжалъ прежнее дѣло и писалъ третью часть моей исторіи и спѣшу до возвращенія твоего написать побольѣе, чтобъ тебѣ было что̀ почитать. Петръ Гарасимовичъ съ Елизаве-

тою еще здѣсь, и теперь мы съ цѣлый часъ про тебя съ ними разговаривали. Онъ не съ меньшимъ любопытствомъ воскресенья дожидается, какъ и я. Завтрѣ, какъ свѣтъ, ѣдутъ они домой, собираются по-немногу ѣхать въ Тверь и везутъ съ собою Настасью; дожидаются только пути. Намъ безъ нихъ будетъ скучно. У насъ все старое-по-старому, а вновь ничего особливаго нѣтъ. О Свѣчинѣ дѣйствительно представлено. Человѣка сего всѣ не хвалятъ, а жену его еще того больше. Съ маленькаго твоего крестника сыпь все еще не сходитъ.

«Вотъ наше все пересказалъ. Теперь опять возвращусь къ тебѣ. Какъ-то ты, мой другъ, поживаешь въ Петербургѣ? Теперь уже слишкомъ три недѣли, какъ ты уже тамъ. Надобно уже въ сіе время тебѣ вездѣ побывать и многихъ узнать, а можетъ быть учинилъ уже ты и начало своему дѣлу. Кого-то отыщетъ Богъ въ твои помощники? И къ кому-то ты всѣхъ чаще ходишь, и въ чемъ наиболѣе препровождаешь свое время? Тепла-ль твоя квартера? Не терпишь-ли ты холоду и голоду? Купилъ-ли ты сундукъ на платье? Неотмѣнно-бъ надобно съ замкомъ крѣпкимъ. Присовѣтовали-ль тебѣ явиться къ полку, и не явился-ли уже ты, и не несешь-ли службы? Всего-то сего мы еще не знаемъ и всё любопытны узнать. Петръ Гарасимовичъ говоритъ, что тамъ будто нѣтъ обыкновенія ходить съ человѣкомъ. Это превеликая коммиссія: легко можно потерять и шубу, и муфту; все нанимать надобно стеречь. Весьма любопытенъ я узнать, къ кому-то ты прежде адресовался? Николай Степановичъ Тютчевъ всѣхъ къ тебѣ ближе. Думаемъ не къ нему-ли? Хорошо, что сталъ съ тобою Петръ Ѳедоровичъ, не такъ тебѣ скучно, да и людей больше. Я думаю, скрипки у васъ не будутъ гулять. А у насъ Ольга распѣваетъ все, играя на фортепіанахъ пѣсеньки. Стала-бъ пѣть изрядно, когда-бъ болѣе упражнялась. Небось ты, Павлушка, въ сіе время весь Петербургъ высмотрѣлъ и многимъ налюбовался? Но жаль, что годовое время не такое, чтобъ съ удовольствіемъ вездѣ ходить и все разсматривать дозволяло. Стужа у васъ, небось, больше нашей, а у насъ зима по сіе время ни-то еще, ни-сё; снѣгу очень мало. Великій тебѣ и всѣмъ намъ сдѣлаетъ долгъ Михаилъ Васильевичъ, если онъ пріѣдетъ. Я никакъ сего не уповаю. Если-жъ нарочно для тебя, то я не буду знать, какъ его за то благодарить: столь много одолжитъ онъ меня въ семъ случаѣ! На досугѣ постарайся побывать въ Академіяхъ и въ Адмиралтетствѣ, и посмотри какъ корабли строятъ. Чрезъ Д. С. Сонина можно тебѣ сіе послѣднее сдѣлать. А въ Академію можешь сходить въ книжную академическую лавку, для взятья каталога, и тамъ распросишь о средствахъ, какъ бы можно побывать въ Кунсткаморѣ. Любопытенъ я очень знать, найдешь-ли ты Малиновскаго, и какъ онъ тебя приметъ? И ежели хорошо, то посмотри, не можно-ли тебѣ чрезъ его побывать въ Эрмитажѣ. Это бы весьма не худо, и ежели удосужишься, то побывай и въ Петропавловскомъ соборѣ. Я воображаю себѣ то удовольствіе, какое ты имѣть будешь при узрѣніи многихъ тобою невиданныхъ вещей. Ну, теперь полно и въ сей день!»

*

На другой день ввечеру приписалъ я еще слѣдующее:

«Вотъ, какъ не знаемъ мы ничего напередъ вѣрно, что дѣлать станемъ? Письмо сіе съ тѣмъ писано, чтобъ посылать его по почтѣ, но севодни заѣзжалъ къ намъ Александръ Гарасимовичъ Шишковъ и сказывалъ, что онъ послѣ завтрего ѣдетъ на почтовыхъ въ Петербургъ. Итакъ, мы разсудили послать оное съ нимъ; однако, чтобъ ты безъ письма и по почтѣ не остался, то завтра хоть коротенькое къ тебѣ отпишу, а между тѣмъ, пожелавъ тебѣ всѣхъ благъ, остаюсь, и прочее».

Сіе письмо дѣйствительно отправили мы съ братомъ зятя моего; но оно шло

гораздо долѣе, нежели то короткое, которое я въ слѣдующій день отправилъ по почтѣ и которое было уже 8-е по порядку. Въ ономъ увѣдомивъ сына моего о посланіи моего большаго 7-го письма съ А. Г. Шишковымъ, вмѣстѣ къ нему съ посылочкою отъ матери, потомъ вкратцѣ о чемъ мы писали въ ономъ, присовокупилъ я слѣдующее:

«..... Далѣе скажу тебѣ, что вчера ѣздилъ я въ канцелярію для осматриванія съ обоими секретарями своими сундуковъ, бывшихъ на рукахъ у Дмитрія Товалова и свидѣтельствованія денежной казны, запечатанной мною. И какое было на меня горе, какъ мы нигдѣ не нашли одной особой хлѣбной суммы, простирающейся до 675 рублей. Всѣ прочія деньги были тутъ, а ей не было. «Господи помилуй! говоримъ: куда-жъ онъ ее дѣвалъ?» Предъ отъѣздомъ своимъ въ Тулу сказывалъ самъ онъ мнѣ, что она у него въ цѣлости, а нигдѣ ей не было. Не оставалось инаго средства, какъ иттить въ собственный его сундукъ и посмотрѣть, не положилъ-ли онъ туда сихъ денегъ. Перебираемъ и пересматриваемъ мы и тотъ; находимъ золото, серебро, мѣдь, ассигнаціи и векселя и всего - болѣе нежели на 1,000 рублей. Однако, деньги не тѣ, а его собственныя, а о тѣхъ нигдѣ ни слова, ни записочки нѣтъ, а во всемъ прочемъ видимъ, что былъ онъ наиаккуратнѣйшій человѣкъ. «Господи помилуй! думаемъ опять, гдѣ же тѣ подѣвались?» Однако, на сердцѣ у насъ уже гораздо повеселѣе; думаемъ: каково не мѣрай, и если не отыщутся нигдѣ, то есть изъ чего замѣнить! Итакъ, ну-ка мы все опечатывать, переписывать и крѣпить. А какъ пришло намъ въ голову, не отдалъ-ли онъ ихъ Ломакину, какъ хлѣбныя, то ну-ка и Ломакина сундукъ припечатывать и, сдѣлавъ все сіе, такъ было и оставили, и я пошолъ перебирать достальныхъ рекрутъ. Наконецъ, и часа чрезъ два послѣ того промолвился какой-то солдатъ, что покойникъ хаживалъ иногда и въ третій большой сундукъ зачѣмъ-то! Давай смотрѣть и тотъ. Поглядимъ, анъ тутъ онѣ и лежатъ, какъ живыя, и всѣ до полушечки, съ обстоятельною надписью, что онѣ тѣ. Ради мы всѣ невѣдомо-какъ были и даже перекрестились, что Богъ насъ отъ хлопотъ избавилъ

«Еще потужи, Павлушка, о нашемъ переплетчикѣ Банніерѣ; бѣдняка обокрали, но кто-жъ бы? одинъ мальчишка изъ казенныхъ школьниковъ. Онъ, будучи лѣкарскимъ ученикомъ, прислуживалъ ему и металъ (sic) горницу; но, прибирая позабываемые имъ иногда ключи при отхаживаніи къ лѣкарю пить чай, повадился ходить къ нему въ сундукъ и въ разныя времена перетаскалъ у него болѣе 15 рублей серебромъ и мѣдью, а тотъ и не встряпется! Наконецъ, какъ-то онъ 40 копѣекъ встрянулся, возымѣлъ на мальчика подозрѣніе и употребилъ превеликую хитрость къ пойманію его и убѣжденію, что онъ во всемъ томъ признался и повинился. Только эдакаго каналіи, прожженаго вора я отъ-роду не видывалъ и будетъ истинно совершенный разбойникъ, какъ выростетъ! Въ кражѣ признался во всемъ, но не можемъ никакъ добиться, куда онъ ихъ дѣлъ. Замучилъ насъ, сказывая, то на того, то на другаго, кому отдалъ. Смотри, такъ-то и ты, Павлушка, чтобъ кто и у тебя твоихъ денегъ не подтибрилъ, и напомни совѣтъ мой, какой давалъ я тебѣ относительно до сего пункта.

«Ну, вотъ сколько я въ сей разъ къ тебѣ написалъ. Никогда я такъ много къ тебѣ не писывалъ, какъ въ сію недѣлю. Но теперь—полно! и я окончу, сказавъ, что желаю тебѣ всѣхъ благъ и чтобъ ты былъ умёнъ, здоровъ и возвратился бы благополучно къ роднымъ, весьма много тебя любящимъ, и къ отцу, цѣлующему тебя тысячу разъ заочно и полагающему въ тебѣ наилучшее свое утѣшеніе и отраду».

Письмо сіе отправилъ я по почтѣ, а въ послѣдующій за симъ послѣдній день ноября, съ свѣтомъ вдругъ и обрадованы мы были возвращеніемъ возившаго сына

моего въ Петербургъ извощика, привезшаго ко мнѣ того большаго письма, подъ № 6, о которомъ онъ упоминалъ. Оно было отъ 8 ноября и слѣдующаго содержанія:

«Вчерась писалъ я къ вамъ, м. г. батюшка, по почтѣ и увѣдомлялъ о благополучномъ своемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, а теперь пишу еще къ вамъ съ отъѣзжающимъ домой нашимъ извощикомъ. Я думалъ, что онъ вчерась еще поѣдетъ, однако онъ отложилъ до севоднешняго дня. На почтѣ я для того мало писалъ, что спѣшилъ, думая, что почта отходитъ къ вамъ севодни по-утру, однако, отправляется она севодни уже ввечеру или въ полночь. Теперь хочу писать къ вамъ уже попространнѣе, какъ о нашемъ достальномъ путешествіи, такъ и о пріѣздѣ сюда и о нашемъ расположеніи. Заочный разговоръ съ вами, батюшка, приноситъ мнѣ также много удовольствія и утѣшенія; теперь пишу—благо при случаѣ и время также свободно.

«Итакъ, если дошло до васъ письмо мое, посланное изъ Крестецъ, то вы изволите знать, что мы 31 числа октября брали въ семъ городѣ роздыхъ, до половины дня; послѣ обѣда же, продолжая путь, пріѣхали на другой день къ вечеру въ Новгородъ, а отсюда, такъ какъ мы думали, пріѣхали на третій день обѣдать въ Сарское Сѣло, а къ ночи въ Петербургъ. Въ переѣздъ сей отъ Нова-города, претерпѣли мы нужды гораздо болѣе, нежели во всю дорогу. Хотя стужа и не очень была велика, но безпокоилъ насъ дождь, а иногда снѣгъ, и мы принуждены были по большей части сидѣть съ товарищемъ моимъ въ кибиткѣ закрывшись. Потомъ мучили насъ колеса: заднія у кибитки очень крѣпки и Богъ-знаетъ куда могутъ еще сослужить; а въ разсужденіи переднихъ, конюху Алексѣю вздумалось, чтой-то пожалѣть хорошихъ; дали намъ какія-то зеленыя, которыя конечно изъ-подъ старыхъ дрожекъ, чего мы не примѣтили, потому что замараны были грязью. Не повѣрите, батюшка, сколько мы съ ними нахлопотались: сначала ломались на нихъ шины, то перековывали и сваривали ихъ, то клали на нихъ рвани, наконецъ, за 9 верстъ не доѣзжая до Царскаго села, храпъ! и одно колесо изломалось въ дребезги. Что было дѣлать? Хорошо, что приключилось сіе при выѣздѣ изъ селенія и мы хоть съ великимъ трудомъ, но могли отыскать напять съѣхать до Петербурга. Хоть колесишко, ничего нестоющее, однако за одинъ прокатъ до Петербурга взяли полтину и большой залогъ деньгами.

«Какъ отъ Нова-города пошла все почти мостовая каменная (и такая прекрасная, что я согласился бы лучше ѣхать по большимъ зимнимъ ухабамъ), а мѣстами и грязь, то поспѣшить было никакъ нельзя. Для сей причины выѣзжали мы съ квартеръ уже гораздо ранѣе. Дорогою же позабыть надобно было обо снѣ: истинно всю душу вытресло и такъ растресло, что всѣ косточки болѣли! Словомъ, дорога была уже такъ безпокойна, что я нетерпѣливо желалъ добратьсл скорѣй до мѣста и думалъ, что, пріѣхавъ сюда, долго я не могу тронуться своими костьми. Однако, какъ скоро доѣхали до мѣста, то и кости перестали болѣть.

«Въ Петербургъ пріѣхали мы уже ввечеру поздно, не хотѣвши ночевать еще ночь на дорогѣ. Думая, чтобъ не обезпокоить Михаила Васильевича позднимъ своимъ пріѣздомъ, расположились мы остановиться ночевать па постояломъ дворѣ, чтобъ назавтра по-утру, отыскавъ его домъ, пріѣхать уже къ нему. Итакъ, по-утру ранёхонько откомандировалъ я для сего Василья. Онъ долго чтой-то не шолъ, и сіе наводило на меня смущеніе и дурное предвѣщаніе. Наконецъ онъ пришолъ, и нетерпѣливость моя была велика узнать, какія онъ мнѣ принесъ вѣсти. Но сіи вѣсти были для меня не очень радостны. Хотя я и пріуготовлялъ себя, что не найду можетъ быть здѣсь Михаила Васильевича, однако, не ожидалъ, чтобъ не было здѣсь никого изъ его дома, и чтобъ и дѣти всѣ съ учителемъ и мадамою въ деревнѣ были. Я незналъ, что мнѣ дѣлать и къ чему присту-

нить. Тысяча мыслей толпилась въ моей головѣ, и я не зналъ за которую ухватиться. Я бы впалъ въ великое размышленіе о своемъ положеніи, еслибы не прервались онѣ поданіемъ Васильемъ вашего письма, и хотя оно извлекло у меня слезы, вспомня васъ всѣхъ моихъ родныхъ и для чего я не съ вами вмѣстѣ, однако, положившись на волю и покровительство нашего Небеснаго Отца, вскорѣ увидѣлъ дѣйствіе сей надежды. Хоть огорченъ былъ до крайности, но, послѣ возложенія на Бога печали своей, твердость моего духа опять возвратилась и вторичное и третичное перечитываніе вашихъ драгоцѣнныхъ строкъ принесли мнѣ великое утѣшеніе. Я благодарю чувствительно еще васъ, батюшка, за ваше ко мнѣ писаніе.

«Между тѣмъ переѣхали мы въ домъ Михаила Васильевича, расположившись здѣсь квартировать, ибо онъ осердился бы, ежели бы я нанялъ другую квартеру. Пріѣхавъ сюда, тотчасъ множество заботъ намъ представилось. Я попросилъ, чтобъ сварили чаю, но мнѣ отвѣчали, что не на чемъ сварить, для того что купить надобно еще дровъ. И въ другихъ подобныхъ случаяхъ мы должны были взять терпѣніе, покуда купимъ. Нѣтъ ни горшечка, ни кувшинчика (sic) и ни какой посуды, нужной для домашняго употребленія. Все сіе, противъ чаянія своего должны были мы покупать. Сіи три дни прошли въ томъ, что мы заводились всѣмъ нужнымъ, и располагаемся о предстоящей намъ жизни. Въ самомъ дѣлѣ, сихъ домашнихъ хлопотъ весьма много. Надобно покупать и дрова, и свѣчи, и пищу для себя и для людей. Всѣмъ симъ начали заводиться и думаемъ, что какъ обживемся, то сія жизнь покажется не такъ дика. Изволили бы вы посмотрѣть, какъ мы, сошедшись вмѣстѣ, трактуемъ и дѣлаемъ консиліумъ, чтò надобно дѣлать и чтó всего нужнѣе купить. Но что дѣлать! Въ таковомъ нужномъ случаѣ я, признаться, никогда еще не имѣлъ на себѣ столько заботы. Съѣстные припасы здѣсь очень дороги. Теперь деньги будутъ нужны и мнѣ ихъ очень надобно поберегать. Спасибо, оставленный дома одинъ изъ людей Михаила Васильевича отворилъ намъ кладовую съ мебелями и не допустилъ насъ до убытка покупать шкапъ, столики и проч., и проч.

«Теперь долженъ я вамъ, батюшка, учинить описаніе нашего дома и нашей квартеры. Домъ каменный и довольно великъ и окружаетъ почти весь дворъ одною связью. Онъ соединенъ съ старымъ деревяннымъ и такъ раздѣленъ, что можно стоять многимъ постояльцамъ. Изволите ли знать, кто съ нами теперь живетъ въ одномъ домѣ? Иванъ Варѳоломѣевичъ Якоби, губернаторъ сибирскій. Сей товарищъ нашъ хотя ни въ чемъ не мѣшаетъ, но пріѣздъ къ нему всегда очень великъ. Ежедневно дворъ нашъ наполненъ каретами. Ихъ бываетъ всегда по десяти и болѣе. Сіе послѣднее насъ обезпокоиваетъ нѣсколько, для того что ночью иногда не даютъ спать ямщики криками своими и стукомъ. Мы занимаемъ въ третьемъ этажѣ двѣ комнаты. Онѣ довольно велики и окнами на дворъ. Изъ оконъ нашихъ въ одну только сторону, видъ простирается довольно далеко. Я, сидючи съ столомъ своимъ подъ окошечкомъ, смотрю часто въ вашу сторону и говорю съ своимъ товарищемъ, что въ этой-то сторонушкѣ теперь наши. Нѣсколько соломенныхъ стульцевъ украшаютъ наши комнаты, а чтò всего лучше, то прекрасная бѣленькая кафельная печка и при ней лежаночка, которая для зимы очень будетъ нужна и пригодна. Въ сѣняхъ же у насъ кухонка и очажокъ. Словомъ, мы квартеркою своею довольны. За день только до насъ очистилась она отъ постояльцевъ. Вчера съѣзжалъ также изъ-подъ насъ гвардіи офицеръ. Мнѣ совѣтовали перейтить въ тѣ двѣ комнаты, гдѣ они стояли, но я положилъ остаться лучше здѣсь, хотя тѣ и посвѣтлѣе. Но у насъ будетъ потеплѣе зимою, потому что комнаты ниже, да и есть ко тому-же лежаночка.

«Я радъ, что со мною мой товарищъ не разлученъ. По крайней мѣрѣ, не такъ скучно. Мы говоримъ кой-о-чемъ, а иног-

да съ скуки и на скрипочкѣ съ нимъ поигрываемъ. Первые сіи дни, какъ хотѣлось еще поосмотрѣться и отдохнуть съ дороги, то ходили съ нимъ смотрѣть знаменитыхъ здѣсь мѣстъ и на гостинный дворъ, для закупки кой-чего нужнаго для нашего житья. По прибитому у насъ на стѣнкѣ плану видимъ мы тотчасъ, сколь далеко до какова мѣста. Севодни только былъ мой первый выѣздъ къ Волынскимъ, о успѣхѣ котораго увѣдомлю васъ въ первомъ письмѣ по почтѣ, а посланное севодни, надѣюсь, получите вы вѣрно. Я самъ отвозилъ его на почту и просилъ о вѣрномъ доставленіи писемъ.

«О Петербургѣ скажу вамъ, батюшка, что я нашолъ его точно таковымъ, какъ его себѣ воображалъ, зная его планъ. Хорошо выстроенными строеніями сія столица очень богата; оныхъ строится безпрестанно множество вновь. Строеніе Исакіевской церкви продолжается. Мы видѣли оную. Когда достроится, то будетъ сіе зданіе въ Петербургѣ весьма знаменитая рѣдкость. Видѣли мы также монументъ Петра Великаго и многія на рѣкѣ пришедшія суда. Адмиралитейство только показалось мнѣ весьма нехорошимъ, кромѣ башни со шпилемъ золотымъ. Я воображалъ себѣ его зданіемъ огромнымъ каменнымъ, а вышло совсѣмъ противное. Дворецъ также — громада и фигура очень стариньКа. Ежели бы лѣтомъ, то можно бы всюду выходить. Я видѣлъ здѣсь многіе виды, стоющіе картинъ. Здѣсь всякій день дожди и грязь по улицамъ превеликая. Какъ-то въ вашей сторонѣ? дай Богъ, чтобъ зима стала поскорѣе.

«Еще извѣщу васъ, батюшка, о томъ удовольствіи, которое я имѣлъ, ѣдучи чрезъ Царское Село. Вы легко отгадаете, что оное состояло въ томъ, что мнѣ удалось видѣть сей славный и первый почти садъ въ государствѣ. И въ самомъ дѣлѣ, не смотря на краткость времени, покуда запрягали нашихъ лошадей, но я съ товарищемъ своимъ успѣлъ обѣгать много сего сада и получить объ немъ довольное понятіе. Спасибо, что на это время погода была тихая и теплая. Теперь скажу вамъ о семъ садѣ, что въ разсужденіи украшеній, богатствъ и великолѣпія онаго, есть прямо что посмотрѣть, а особливо увеселяютъ оныя человѣка, никогда невидавшаго ихъ. Не пощажено тутъ въ изобиліи ни различныхъ драгоцѣнныхъ мармаровъ и другихъ украшеній и все сдѣлано прямо государскою рукою. О вкусѣ же, съ какимъ расположенъ оный, я, такъ какъ не совершенный знатокъ въ садахъ, не осмѣливаюсь судить. Только кажется, что онъ дѣланъ въ подражаніе знаменитымъ въ Европѣ садамъ, какъ-то: Кевскому, Штовенскому, Монсо и прочимъ, передѣланнымъ изъ старыхъ садовъ. Есть тутъ множество зданій во вкусѣ готическомъ, китайскомъ и греческомъ, а болѣе Чамберсовъ вкусъ Англо-шиноа владычествовалъ во всѣхъ новѣйшихъ украшеніяхъ сего сада. Деревья въ ономъ уже всѣ очень велики и къ иному мѣсту слишкомъ стары. Сдѣлано множество также увеселительныхъ игръ, какъ-то: качели, горы, карусели, кегли и проч. Словомъ, множество вещей, которыя бросаются скоро въ глаза. Для меня любопытнѣе всего показалось искусство, съ какимъ подѣланы рюины. Только г. Гиршфельдъ, по приведеніи его въ сей садъ, нашелъ-бы многое несходнымъ съ его вкусомъ, какъ-то единообразные повсюду укатываемые луга, твердо убитыя, кривыя дорожки и прочее... можетъ быть, все сіе сдѣлано въ нынѣшнемъ аглинскомъ вкусѣ...»

Симъ окончилъ сынъ мой тогда почти свое длинное письмо, ибо конецъ онаго содержалъ въ себѣ побочныя и такія вещи, кои не стоятъ упоминанія, почему я, и минуя оныя, поспѣшу и самъ сіе мое письмо кончить, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Февраля 8 дня 1811 года).

Письмо 256.

Любезный пріятель! Какъ въ заочныхъ разговорахъ съ отсутственнымъ сыномъ своимъ находилъ я дѣйствительно великое себѣ удовольствіе, то, по полученіи предслѣдовавшаго письма, не сталъ я долго медлить, но на другой-же день ввечеру, то есть въ 1-й день декабря, началъ писать къ нему свое 9-е письмо и написалъ въ сей вечеръ слѣдующее:

«Вчерашній день былъ у насъ опять праздникъ, и мы цѣлый день всѣмъ домомъ были веселы. Причиною тому было то, что по-утру въ сей день пріѣхалъ извощикъ твой Алексѣй и привезъ къ намъ твои письмы и посылку. О, Павлушка! Какъ мы были всѣ тобою довольны и сколько разъ хвалили и благодарили тебя, наперерывъ другъ передъ другомъ, за твой трудъ и прилежность въ писаніи и за самый слогъ твоихъ писемъ. Но никого такъ много не удовольствовалъ ты, какъ меня, обстоятельнымъ своимъ всего-и-всего описаніемъ. А расцѣловалъ бы тебя я въ прахъ за твое любопытство и стараніе всё-и-всё видѣть и обо всёмъ меня извѣщать. Но ни чему такъ много не могъ я надивиться, какъ удивительному согласію нашихъ мыслей. Не успѣлъ я третьяго дня только подумать и самъ себѣ сказать: «ну, еслибъ Павлушка мой такъ уменъ былъ и догадался-бъ срисовать и прислать мнѣ планъ съ дома Михаила Васильевича, куда-бъ я тѣмъ былъ доволенъ», — какъ погляжу, анъ! планъ тутъ уже и родился и въ лучшемъ еще совершенствѣ, нежели какъ какого желалъ я *). Куда-какъ мы всѣ имъ довольны и какъ благодарны тебѣ за оный. Теперь имѣемъ мы о житьѣ-бытьѣ твоемъ несравненно яснѣйшее понятіе, нежели прежде. Теперь знаемъ и какъ на яву видимъ, гдѣ ты сидишь пишешь, гдѣ спишь, и что у васъ въ горницѣ, и гдѣ ты со двора входишь, и выходишь, и такъ далѣе. Ей, ей! спасибо тебѣ, что ты это сдѣлалъ, и я посылаю тебѣ за то особливый поцѣлуй по воздуху, а еще больше расцѣлую, если на досугѣ довершишь начатое и срисуешь мнѣ фасадъ сего дома и все это зрѣлище, которое вдаль у тебя изъ оконъ видно, ибо сего только теперь не достаетъ, а то бы мы знали, что и зрѣнію твоему при смотрѣніи въ окно представляется. Письма твои мы не можемъ устать читаючи. Послѣднее я болѣе уже шести разъ читалъ и самъ для себя, и для матери, и для Петра Гарасимовича, а сегодня и для Аграфены Михайловны. Сія не хочетъ никакъ болѣе твоихъ писемъ слушать, ибо въ-прахъ расплакалась отъ удовольствія при слушаніи онаго и приписываетъ тебѣ тысячу похвалъ за твою прилежность и за складъ твоихъ писемъ. Ты, и въ самомъ дѣлѣ, пишешь такъ, что я очень доволенъ.

«Изъ посылокъ твоихъ одну къ намъ привезли, а другую позабыли въ Дворениновѣ, но и привезенная вся перемерзла и измята. Однако, мы вчера послѣ обѣда съ удовольствіемъ всѣ ѣли и, тебя благодаря, говорили, что теперь мы власно какъ въ Петербургѣ и вмѣстѣ съ тобою поѣдаемъ заморскіе яблочки. Они и мерзлые очень еще вкусны.

«Переписка наша становится мнѣ часъ-отъ-часу пріятнѣе, и мы хорошо сдѣлали, что положили симъ образомъ переписываться. Посредствомъ оной мы знаемъ все о тебѣ и всѣ почти слѣды видимъ, а ты все знаешь объ насъ и власно какъ видишь, что съ нами происходитъ, а все сіе приноситъ и тебѣ и намъ взаимную отраду и утѣшеніе. Посмотрѣлъ бы ты, какъ растетъ мое сердце и какъ прыгаетъ отъ удовольствія всякій разъ, когда я слышу отъ постороннихъ похвалы тебѣ, твоему слогу и прилежности въ писаніи. У многихъ-ли другихъ есть такой мальчишка, мыслю я нерѣдко и говорю самъ съ собою, какъ у меня? Малый, право, добрый, только дай Богъ, чтобъ былъ живъ здоровъ и не испортился, а то, можетъ, быть, стыда мнѣ не сдѣлаетъ!

*) Планъ дому, и дѣйствительно, былъ приложенъ къ письму моего сына.

«Неупущеніемъ видѣть Сарскосельскій садъ и всѣми замѣчаніями твоими объ немъ я чрезвычайно доволенъ и хвалю тебя безпристрастно за твое любопытство и примѣчательность. Таковыя замѣчанія дѣлають тебѣ истинную честь и не стыдно ихъ прочесть всякому. Сообщай, мой другъ, мнѣ и о другихъ видѣнныхъ тобою предметахъ и вещахъ таковыя-жъ; а особливо, когда досужно и писать о прочемъ будетъ нечего. Ты самъ тѣмъ больше будешь практиковаться въ описаніяхъ таковыхъ, а здѣсь не только мнѣ, но и многимъ принесутъ они великое удовольствіе.

«О заботахъ и суетахъ твоихъ мы сожалѣемъ, однако, не столько о томъ, какъ о недостаткахъ во всѣхъ надобныхъ вещахъ изъ провизіи и съѣстнаго. Ей, ей! ты будешь у меня тамъ голоденъ. Какъ поѣдетъ Алешка опять, то пошлемъ къ тебѣ что-нибудь съ нимъ, а между тѣмъ какъ-нибудь, мой другъ, уже пробавляйся. Какъ быть! вѣкъ изжить, не поле перейтить! надобно и нужду умѣть терпѣть. Обстоятельство, что ты самъ теперь видишь, что денежки тебѣ поберегать надобно, мнѣ пріятно и подаетъ надежду, что ты по-пустому ихъ не много растераешь. Разумъ твой ручается мнѣ въ томъ.

«Что-жъ касается до словъ, изъявляющихъ упованіе твое на Бога, то строки сіи мнѣ всего пріятнѣе; я читаю ихъ всегда съ отмѣннымъ удовольствіемъ, и желалъ бы, чтобъ ты чаще напоминалъ сіе Всеблагое и Безконечное Существо и, воображая себѣ живо Его близкое присутствіе, во всѣхъ нужныхъ случаяхъ бралъ къ Нему свое прибѣжище и просилъ о вспоможеніи и вѣрилъ, что Оно тебѣ оное и окажетъ.

«О безпокойствахъ твоихъ дорогою сожалѣемъ; но, слава Богу, что они миновали благополучно. Зимою можетъ быть уже по-спокойнѣе тебѣ будетъ ѣхать назадъ, а особливо, еслибъ Богъ сдѣлалъ и ты поѣхалъ бы съ радостнымъ сердцемъ. Но какъ-то тебѣ, бѣдняжкѣ, зимою по Петербургу ходитъ и ѣздить будетъ, у меня сердце замираетъ отъ одного помышленія о томъ, чтобъ ты не могъ простудиться и занемочь. И вздохи объ отвращеніи сего возсылаю я то-и-дѣло къ Небесамъ. Для Бога, только не пренебрегай болѣзненныхъ припадковъ, если по несчастію случатся какія и захватывай ихъ по-ранѣе, чтобъ не могли усилиться и произвести худыхъ слѣдствій; обстоятельство, что у тебя щека-было распухла, о чемъ ты упоминаешь въ письмѣ къ сестрѣ, намъ очень непріятно.

«Мы всѣ сіи дни съ отправленія къ тебѣ писемъ по почтѣ и съ А. Г. Шишковымъ находились благополучно и у насъ ничего особливаго не произошло. Петръ Гарасимовичъ затѣваетъ скакать въ Москву по почтѣ одинъ на короткое время. Родня его, Бибиковъ, сказываютъ, при смерти боленъ. Ѣдетъ, чтобъ убѣдить его съ нимъ пораздѣлаться сколько-нибудь въ разсужденіи своей претензіи, но не знаю, поѣдетъ-ли подлинно, а въ успѣхѣ дѣла его сомнѣваюсь: какъ ни богатъ Бибиковъ, но не думаю, чтобъ отдалъ онъ ему деревню, на которую нашъ Петръ имѣетъ нѣкоторое право. Не такъ люди бываютъ нынѣ совѣстны! Аграфена Михайловна Челищева къ намъ пріѣхала севодни по-утру, и ѣдучи въ легкомъ платьѣ, озябла, какъ кочерыжка, и теперь лежитъ въ превеликомъ жару и тоскѣ. Боимся, чтобъ не слегла. У насъ въ сіи два дни стала совершенная зима и снѣга навалило множество. Многіе изъ твоихъ сверстниковъ и знакомыхъ собираются теперь ѣхать въ Питеръ. Александръ Андреевичъ Хомяковъ и Албычевы всѣ ѣдутъ. Большой хочетъ въ отставку, а Василій и другой въ выпускъ.

«Я, слава Богу, теперь здоровъ и продолжаю свое прежнее дѣло, то-есть пишу свою исторію, и уже третьей части болѣе половины написалъ. Теперь идетъ исторія моей военной службы, и не менѣе любопытна, какъ и первая. Матушка и Настасья охотно ихъ читаютъ. Въ завтрашнее утро мы ждемъ опять твоихъ милыхъ писемъ, которыя часъ-отъ-часу

становятся для насъ любопытнѣе. Что-то ты намъ въ нихъ отпишешь. Не одинъ, думаю, Волынскій, но кто-нибудь и иной упомянутъ въ нихъ будетъ. Куда-какъ досадна неизвѣстность, что съ тобою въ самыя сіи минуты происходитъ. Полетѣлъ бы, если-бъ можно, и посмотрѣлъ. Можетъ-быть, мы оба теперь другъ къ другу пишемъ, но весьма разное... Но, полно теперь! надобно оставить что-нибудь и къ завтрему, а между тѣмъ цѣлую тебя мысленно и желаю покойной ночи....

Въ воскресенье, по-утру, декабря 2.

«По принесеніи благодарности моему Богу, первую мысль обращаю я къ тебѣ и желаю, чтобъ ты, мой другъ, былъ здоровъ и также бы въ сію минуту писалъ къ тому, кто тебя очень много любитъ и вспоминаетъ очень часто, и писалъ бы, имѣя веселое и непечальное сердце...

«Какъ теперь, покуда придетъ почта, писать мнѣ къ тебѣ почти нечего, то скажу, по крайней мѣрѣ, что гостья наша была вчера такъ больна, что мы всѣ перепугались: бредъ превеликій, несетъ чепуху, такой жаръ ужасный, колотье въ бокахъ и тоска. Ну-ка, мы ее лѣчить! Знаешь ли? нынѣ я здѣсь почитаюсь полудокторомъ. Всякъ, кому лѣкарскія лѣкарства не помогаютъ, адресуется ко мнѣ и требуетъ помощи. Произвелъ сіе ненарочный случай. У насъ около сего времени больна была при смерти славная наша бабка Васильевна. Ѣздила къ Хрущовымъ повивать, и ея привезли больную изъ Тулы, и болѣзнь странная и удивительная. Лѣкарь нашъ лѣчилъ ее, но пользы не было. Во всей ужасный ломъ, руки и ноги отнялись почти совсѣмъ и страдала ужасно. Наконецъ подхватило ее колотье! Смерть, да и только всего! Не думали, что она и ночь переживетъ. Въ сей крайности прибѣгаютъ сюда и просятъ помощи. Намъ ее очень жаль. Я хватаю «Экономическій Магазинъ», ищу въ немъ отъ колотья, нахожу одно лѣкарство. Составляемъ, посылаемъ, она принимаетъ и ей отъ него полегчѣло очень Батюшка мой! какъ это вдругъ разнеслось и какое возъимѣли всѣ о моемъ искусствѣ мнѣніе. Захотѣлось уже и всякому, чтобъ я помогалъ. Но я смѣюсь только и говорю: «да подите вы отъ меня прочь! что я за докторъ?...» Со всѣмъ тѣмъ, и Аграфену Михайловну мы вылѣчили. Она теперь встаетъ и ей гораздо легче... Ну! чтобъ еще написать?... Да, Петръ Алексѣевичъ Верещагинъ упросилъ всякими неправдами Золотухина и помирились на 3,000 рубляхъ, и то изрядный кусокъ... Ну, теперь покуда полно. Начинаетъ разсвѣтать... подожду почты».

*

Почта въ сей разъ меня не обманула и привезла мнѣ слѣдующее седьмое письмо отъ моего сына:

Санктпетербургъ, 10 ноября 1789, въ субботу, ввечеру.

«На сихъ дняхъ только писалъ я къ вамъ, м. г. батюшка, по почтѣ и съ отправляющимся домой съ кибиткою Алешкою. Но теперь начинаю опять къ вамъ писать, исполняя свое обѣщаніе, чтобъ заранѣе заготовлять къ вамъ письмы на почту. Сіе для меня гораздо будетъ способнѣе для случая недосуга, а къ тому-жъ, буду и то имѣть удовольствіе, что стану чаще съ вами заочно разговаривать и разсказывать о своемъ бытьѣ-житьѣ. Итакъ, пользуясь теперь свободнымъ временемъ, донесу вамъ, имѣю-ли я хотя малѣйшій успѣхъ по своему здѣсь дѣлу и въ хлопотахъ по оному? Пріѣхавъ сюда, первые три дни я никуда не ходилъ, отдыхая дома или, лучше сказать, осматриваясь въ новой вовсѣмъ для меня здѣсь жизни. Ежели-бъ я пріѣхалъ нѣсколько поранѣе, то сіе учинилъ бы еще долѣе; но время, неждущее моихъ отдыховъ и приватныхъ хожденій по городу, понудило и меня начинать свое дѣло схожденіемъ къ кому-нибудь изъ знакомыхъ съ письмами. Я тотчасъ былъ въ недоумѣніи, съ кого мнѣ сіе начать и къ кому прежде обратиться. Но скоро рѣшился, пользуясь близостью отъ Измайловскаго полку, схо-

дить съ письмомъ Петра Гарасимовича къ Николаю Степановичу Тютчеву, онаго полку капитану, и къ Волынскимъ, изъ коихъ одинъ братъ въ семъ полку секретаремъ, другой—офицеромъ, а третій, который короче мнѣ знакомъ, еще сержантомъ. Я полагалъ на нихъ довольно надежды, судя по ихъ прежнему знакомству съ нами въ Москвѣ,—а во вторыхъ—по письму сестры Надежды Андреевны къ Дмитрію Михайловичу и по нѣкоторому отъ нея ему одолженію, къ тому-же, по близкому родству ихъ графу Салтыкову. Сей послѣдній, будучи секретаремъ, не только силенъ въ своемъ полку, но дѣйствуетъ и по другимъ полкамъ. Сіи причины ласкали меня надеждою, что они меня не оставятъ своими наставленіями и совѣтами, а можетъ быть и помогутъ.

«Итакъ, третьяго дни я, вставши рано и одѣвшись, поѣхалъ въ Измайловскій полкъ. Я скоро сыскалъ домъ г. Тютчева, но не удалось застать его дома. Я былъ у него послѣ и еще въ другой разъ, но также безъ успѣху. У нихъ инспекторскій смотръ и безпрестанныя ученья и осмотры въ ротѣ. Итакъ, не заставъ его, иду я къ Волынскимъ. Ихъ домъ чрезъ одинъ только дворъ отъ Тютчева. Но я имѣлъ и тутъ неудачу и прихожу къ нимъ въ ту почти минуту, когда они только-что съѣхали со двора къ маіору и во дворецъ. Я нахожу одного только меньшаго брата дома. Но, точно какъ будто для меня, вдругъ смотримъ—большой братъ, секретарь, возвратился домой, забывъ чтой-то тутъ. Я отдаю ему Надежды Андреевны письмо. Онъ прочитываетъ его, обѣщаетъ мнѣ помочь, чѣмъ можетъ. Извиняется, что ему нѣтъ время, и обѣщаетъ, ежели я приду въ другое время, то онъ, взявши меня, свозитъ съ собою къ нашему маіору и обо мнѣ попроситъ. Сіе мнѣ подало надежду; однако, все сіе безъ дальняго основанія сказано, а мнѣ нужны совѣты и наставленія, какъ приступить къ своему дѣлу.

«Въ тотъ день не у кого было больше мнѣ быть. Я ѣздилъ самъ на почтовый дворъ, для отданія своего письма, чтобъ къ вамъ повѣрнѣй дошло. Вечеръ же занялся писаніемъ къ вамъ писемъ съ извощикомъ.

«Вчерась опять по-утру пошелъ я къ г. Тютчеву. Хотя его и застаю, но застаю его уже на порогѣ. Онъ опять спѣшитъ въ свою роту. Но, по поданіи моего письма, онъ возвращается на минуту назадъ со мною, рекомендуется, обласкиваетъ, проситъ ходить почаще и въ чемъ будетъ нужда, то во всемъ адресовался бы я къ нему, и что онъ будетъ стараться мнѣ во всемъ помочь. Словомъ, хотя обѣщаніями его и былъ я доволенъ, но все сіе нерѣшительно; а мнѣ надобны наставленія, какъ мнѣ начинать свое дѣло: разнести-ли письма рекомендаціонныя, или прежде явиться къ полку. Но и то не зналъ, надобно-ли явиться и не обойдется-ли дѣло и безъ того, для того что мнѣ не хотѣлось бы очень, что явившись посылали меня на караулъ и чтобъ несъ я прочія служивыя тягости въ такое дурное нынѣшнее холодное время и при столь слабомъ моемъ здоровьѣ. Съ Николаемъ Степановичемъ обо всѣхъ сихъ подробностяхъ, за краткостію времени, мнѣ переговорить было некогда, и я возвратился домой ни съ чѣмъ и въ неизвѣстности, что мнѣ начинать и что дѣлать, опасаясь притомъ, что со всякимъ днемъ уходитъ время и чтобъ мнѣ не опоздать.

«Я вздумалъ, наконецъ, попробовать поѣхать въ свой Преображенскій полкъ, не отыщу ль тамъ кого изъ унтеръ-офицеровъ своихъ знакомыхъ, которые бы мнѣ подробнѣе дали бы обо всемъ наставленіе или совѣтъ. Итакъ, поѣхалъ я туда съ своимъ камерадомъ, надѣясь, авось-либо, Богъ дастъ, найдемъ когонибудь знакомыхъ, къ кому бы прицѣпиться съ совѣтами. Но, пріѣхавъ туда, ходимъ по ротамъ и по съѣжжимъ, шатаемся по грязи, распрашиваемъ о своихъ знакомыхъ, но никого не находимъ. Мы возвращаемся съ досадою домой, заѣжжаемъ на часокъ на гостиный дворъ для нужныхъ покупокъ, анъ-ужъ и весь день прошелъ! Я попытался еще вечер-

комъ сходить къ Волынскимъ, но не застаю опять ихъ дома; опять дома одинъ меньшой, который, по вѣтренности своей, ничего не можетъ мнѣ сказать порядочно, а огорчаетъ только меня тверженіемъ о безпокойствахъ службы въ нынѣшнее время и какою покорностію и подчиненностію обязаны всѣ наши братья унтеръ-офицеры своимъ офицерамъ, даже на улицахъ. Все соединялось къ огорченію и озабоченію меня. Дни здѣсь чрезвычайно коротки. Не успѣешь оглянуться, какъ и прошелъ день, а съ нимъ и время. Грязь ужасная; пѣшкомъ ходить очень непріятно, а ѣздить на извощикахъ не наѣздишься во всѣ углы, для того что черезъ-чуръ дороги; зимою гораздо дешевле. И спросить совѣту и въ подробность узнать покороче обо всемъ не у кого, и не только не съ кѣмъ посовѣтовать о приступаніи къ моему дѣлу, но и о самыхъ бездѣлицахъ, какъ напримѣръ: годится-ли мой старый мундиръ и, по дурнотѣ его, можно-ли въ немъ ходить, хотя покуда-нибудь для разнесенія писемъ, для того что Волынскій натвердилъ мнѣ, что въ намѣстническомъ мундирѣ показаться мнѣ сержанту здѣсь очень неловко, а во фракѣ къ кому познатнѣе, то и того еще хуже, что̀ и совершенная правда. Словомъ, все сіе совокупно не въ состояніи только поколебнуть въ твердости человѣка очень философическихъ, либо совсѣмъ безпечныхъ расположеній; а я нынче не могу похвастать, чтобъ я былъ таковымъ. Я раскаевался нѣсколько разъ, за чѣмъ я сюда поѣхалъ. Не заставши здѣсь брата Михаила Васильевича, на кого была вся надежда, въ разсужденіи совѣтовъ и наставленій, я считалъ себя здѣсь сиротою на чужой сторонѣ. Я мыслилъ самъ въ себѣ: лучше бы я сидѣлъ еще забившись за печкою дома, и былъ бы покуда все еще спокоенъ, нежели поѣхалъ сюда на такія хлопоты, заботы и безпокойства. Признаюсь, что я, въ такомъ критическомъ положеніи находясь, потерялъ нѣсколько твердости, и вы легко можете вообразить, что оно привело меня въ недоумѣніе, что̀ мнѣ начать и что̀ дѣлать. Одного только Зинякова, солдата знакомаго въ нашемъ полку, отыскали мы по желанію своему. Онъ къ намъ пришелъ ввечеру. Мы отдали ему отъ отца письмо; онъ мнѣ обѣщалъ достать нынѣшнюю протупею (sic) съ бляхою, совсѣмъ отмѣнною, какія бывали у насъ въ полку̀ прежде, безъ которой бездѣлицы также нельзя мнѣ было обойтиться. Я и сему былъ нѣсколько радъ. Василій также хотя мнѣ и сказывалъ вчера ввечеру, что отъ Михаила Васильевича къ здѣшнему его человѣку прислано объ чемъ-то нужное письмо, но я сего не уважалъ, и все сіе не ободряло еще унылость моего духа. Напала на меня какая-то нерѣшимость. Я задумывался, находился въ глубокихъ размышеніяхъ, хотя и не зналъ самъ, о чемъ я мыслилъ и о чемъ думалъ, и не вѣдалъ, какимъ маноромъ и чѣмъ учинить мнѣ приступъ къ своему ненавидимому уже мною дѣлу. Признаюсь, что всходила въ голову иногда мысль, что всѣ мои хлопоты состоятъ въ доставленіи капитанства; подамъ-ка, думалъ я, челобитную въ отставку прапорщикомъ и уѣду какъ-нибудь домой къ своимъ роднымъ! При сихъ обстоятельствахъ одинъ только Богъ Покровитель безпокровнымъ былъ Тотъ, Котораго призывалъ я внутренно и устами своими на помощь себѣ въ таковой крайней нуждѣ. Уже и ночи-то для меня стали тягостны. Сонъ далеко иногда уходилъ отъ глазъ и мѣсто его заступали только толпами скопившіяся о положеніи моемъ мысли. Въ севоднешній уже день возсіялъ лучъ надежды, который меня утѣшилъ и столь укрѣпилъ и ободрилъ меня, что я самъ въ себѣ чувствую, что уже духъ мой гораздо беззаботнѣе и что спать уже севодни буду гораздо спокойнѣе. Самъ Богъ, конечно, услышалъ мою молитву и подалъ мнѣ таковую надежду.

«Вставши севодни опять очень рано, думаю я: поѣду я теперь одѣвшись къ Николаю Степановичу, авось-либо его застану дома и тогда приступлю къ пе-

му уже съ просьбою, какъ онъ хочетъ, а чтобъ онъ надоумилъ меня, по обѣщанію своему, какъ мнѣ приступить къ своему дѣлу. Я постарался одѣться какъ можно поранѣе, и какъ скоро разсвѣло, то туда и черкъ! Я прихожу къ нему въ то время, когда онъ еще спитъ. Подождавъ довольно времени, покуда онъ не вставалъ, ходилъ я еще къ Волынскимъ. Но имъ опять не до меня время и набитъ полонъ дворъ народа, который ходитъ за разными просьбами къ Дмитрію Михайловичу, такъ какъ къ своему секретарю. Итакъ, я, намѣреваясь лучше побывать съ какою-нибудь пользою у г. Тютчева, побѣжалъ опять къ нему. Теперь нахожу уже я его вставшимъ. Онъ меня обласкиваетъ и разговариваетъ со мною обо многомъ; узнаетъ цѣль и вину моего пріѣзда. Увидѣвъ же мой пашпортъ, и что я добиваюсь въ капитаны, тотчасъ обнадёживаетъ своею милостію, и обѣщалъ свозить меня къ маіору и о томъ его просить, что онъ легко, по его словамъ, для его сдѣлаетъ. А ежели нашъ маіоръ и положилъ, чтобъ не дѣлать капитанами неслужившихъ въ полку на лицо, но это только для того, что уже начали отставлять 10 и 12 лѣтнихъ. Николай Степановичъ также говоритъ, что ежели такъ пойдетъ дѣло, то совсѣмъ не нужно являться къ полку порядкомъ, только долженъ неотмѣнно сдѣлать порядочный мундиръ, который также можно, Богъ дастъ, передѣлать въ офицерскій. Словомъ, онъ меня обрадовалъ очень своими обѣщаніями, и у меня какъ гора съ плечъ свалилась. Ко всему тому онъ присовокупилъ, чтобъ я не боялся, что время не уйдетъ, какъ я думалъ, а чтобъ шилъ себѣ мундиръ. Впрочемъ, во всѣхъ нуждахъ приходилъ бы къ нему, что онъ не оставитъ меня совѣтами своими. Какой премилый человѣкъ Николай Степановичъ! Онъ меня очень обласкалъ и, при разставаніи, звалъ меня сегодни къ себѣ обѣдать, что я и принялъ охотно.

«Пришедши домой, не успѣлъ я почувствовать, что гора заботъ съ плечъ у меня свалила, какъ другая радость меня уже ожидала тутъ. Человѣкъ Михаила Васильевича приноситъ ко мнѣ письмо, полученное имъ вчера отъ своего боярина. Я позабылъ вамъ на прошедшей почтѣ написать, что первое ваше письмо къ Михаилу Васильевичу, по полученіи его здѣсь и ненайденіи, отослано почтмейстеромъ во Псковъ. Онъ, получивъ конечно сіе письмо, пишетъ теперь къ сему человѣку, что ежели есть постояльцы въ тѣхъ покояхъ, гдѣ мы живемъ или подъ нами, то непремѣнно имъ отказать и двѣ комнаты очистить, которыя и топить, ибо онъ самъ непремѣнно къ 13 числу сего мѣсяца сюда пріѣдетъ, то есть чрезъ 2 или 3 дни. Вы легко можете повѣрить, что сіе извѣстіе обрадовало меня болѣе всего. Михаила Васильевича пріѣздъ мнѣ очень нуженъ, и я надѣюсь, что онъ поможетъ мнѣ очень много чрезъ своихъ знакомыхъ. Итакъ, мундиръ себѣ я уже заказалъ, призвавъ къ себѣ портнаго. У Николая Степановича я опять былъ и обѣдалъ. Онъ угощалъ меня, такъ какъ небывалаго гостя, и я только-что передъ вечеромъ возвратился отъ него домой.

«Теперь скажу вамъ, что г. Тютчевъ въ великихъ пыхахъ и радости. Онъ на сихъ только дняхъ и не болѣе назадъ какъ пять дней женился и очень нецеремоніально, такъ что немногіе и теперь еще знаютъ, что онъ женатъ. Онъ взялъ за себя Собакину, а съ нею и ужасное богатство. Я видѣлъ молодую. Хотя она учена и воспитана очень, но наружность ея чтой-то не очень много обѣщаетъ и не очень завидна. Но разбираютъ-ли нынѣ въ сихъ случаяхъ. Были бы только любезныя денежки, да богатство, а прочее все ничего. Но не до меня касается сіе дѣло; итакъ, я разсужденіе объ немъ оставлю. На сей разъ, кажется, довольно къ вамъ написалъ. Теперь желаю вамъ усердно покойной ночи, и когда я пишу сіе, то чтобъ вы были всѣ благополучны и веселы. Еще можетъ быть удастся до почты поговорить съ вами заочно.

11 ноября, въ воскресенье, по-утру.

«Такъ! я не ошибся въ своей надеждѣ и нынѣшнюю ночь; благодарить Бога, спалъ я спокойнѣе ей предшествовавшихъ. Теперь поздравляю васъ, батюшка, съ воскресеньемъ и мысленно цѣлую вашу ручку. Каждый день начинается и препровождается помышленіями объ васъ всѣхъ моихъ дражайшихъ родныхъ. Пью ли когда чай, или на тепленькую свою лежаночку сяду раздѣваться, то васъ, батюшка, тотчасъ вспомню, равно и при другихъ случаяхъ мысленно говорю: «что-то наши теперь? И всѣ ли они здоровы?» На-что почта ходитъ чрезъ недѣлю? Я бы желалъ знать объ васъ, хотя чрезъ два дни. Севодни стану нетерпѣливо ожидать отъ васъ хоть нѣсколько строчекъ, а вы, я думаю, батюшка, получите сегодня только мое письмо изъ Крестецъ, ежели оно дойдетъ до васъ вѣрно.

Въ тотъ же день, ввечеру.

«По-утру мы ходили съ Петромъ Ѳедоровичемъ ко дворцу смотрѣть смѣны гвардейской и намъ удалось довольно сего насмотрѣться, севодни Семеновскіе смѣняли Преображенскихъ; уже подлинно есть чего посмотрѣть. Для меня особливо, невидавшаго никогда такого дѣйствія, сіе зрѣлище казалось весьма прекраснымъ и имѣющимъ въ себѣ множество великолѣпнаго. Я имѣлъ при томъ также и то удовольствіе, что нечаянно нашелъ при семъ случаѣ знакомца своего Тромберга. Я его считалъ въ Измайловскомъ полку, но онъ вмѣсто того каптенармусомъ въ Семеновскомъ. Радость при свиданіи была великая!

«Севодпешнею ночью былъ у насъ великій морозъ, такъ-что грязь на улицахъ всю заковало. Какъ пошли мы ко дворцу, то стужа была довольно сносна, но чрезъ полчаса завернуло такъ холодно и пошла юра снѣжная, что терпѣть было почти нельзя. Мы благимъ матомъ поспѣшили приттить домой въ тепленькіе наши покойцы. Скажу вамъ также, батюшка, что какъ вчерась, такъ и севодни Зняковъ училъ насъ ружьемъ. Для моего товарища сіе нужно, а я тутъ же для компаніи и для случая надобности. Нынѣшній вечеръ, признаюсь вамъ, что-то для меня очень грустенъ и скученъ; для разогнанія сего сѣлъ я теперь къ вамъ писать и сіе мнѣ много помогаетъ и я нахожу себѣ пользу. Заочное собесѣдованіе дѣлаетъ мнѣ отраду. Уже не десять разъ съ глубочайшимъ вздохомъ излетѣло изъ моихъ устъ воспоминаніе объ васъ и все-ли вы благополучны и здоровы. Ниспосли, Боже, благоденствіе на васъ, моихъ дражайшихъ родныхъ, и совершенное спокойствіе духа. Сего желаетъ вамъ искренно душа моя и сіе желаніе есть въ моихъ мысляхъ.

Въ понедѣльникъ, по-утру, 12-го ноября.

«Разсвѣтающій день представилъ глазамъ нашимъ всѣ предметы, облеченные уже бѣлою одеждою. Снѣгъ шелъ во всю ночь, да и теперь идетъ въ великомъ множествѣ и толсто уже укрылъ всю землю. Я думаю уже и не сойдетъ, слѣдовательно, и зима наша, ко всеобщему желанію и противъ всякаго чаянія, такъ вдругъ и скоро стала. Ежели и у васъ тоже, то васъ, батюшка, поздравляю съ новою зимою и желаю искренно, чтобъ она сколь много принесла съ собою снѣжинокъ, столь много принесла вамъ и здоровья.

«Первое мое дѣло, вставши съ постели и принеся благодареніе за то моему Создателю, было то, чтобъ вспомнить объ васъ, и какъ скоро развѣло, то посылать скорѣй Василья на почту.... Уже скоро надобно ему притгить, и я съ нетерпѣливостію ожидаю, чѣмъ-то онъ меня обрадуетъ. Но вотъ! уже вижу я его, идущаго по двору, бѣгу къ нему скорѣе на встрѣчу.... Я встрѣтилъ Василья еще въ сѣняхъ, уже съ твердою надеждою и съ радостію простиралъ къ нему руку для принятія вашего письма. Какъ вдругъ съ огорченіемъ слышу его, мнѣ разсказывающаго, что письма ко мнѣ никакого нѣтъ. Я былъ совершенно симъ какъ поддражнёнъ въ своемъ ожиданіи. Я

спрашиваю его вторично и третично, что справился-ли онъ хорошенько и смотрѣлъ-ли по картѣ. Онъ мнѣ на то отвѣчаетъ, что все сіе исполнилъ и хотя есть изъ Богородицка 4-е къ кому-то здѣсь письмо, но ко мнѣ нѣтъ. Признаюсь вамъ, батюшка, что сіе меня огорчило, ибо мнѣ хотѣлось очень знать о вашемъ здоровьѣ и думалъ хотя нѣсколько строчекъ вы ко мнѣ напишите. Я задумался. Василій, увидѣвъ сіе, вдругъ мнѣ говоритъ «или васъ, баринъ, порадовать».—«Перестань шутить (почти съ сердцемъ отвѣчалъ я ему), и ежели есть письмо, то подай скорѣй».—«Мнѣ хотѣлось, отвѣчалъ онъ, вынимая письмо изъ-за пазухи, съ вами пошутить и извѣдать, какъ вы сіе примите». Вы не можете вообразить, батюшка, съ какою радостію я вырвалъ у него письмо изъ рукъ. Сія радость была тѣмъ сугубѣе, что я предъ симъ нѣсколько опечалился.

«Первое мое дѣло было сказать—слава Богу, что письма доходятъ, а потомъ въ восхищеніи своемъ не могъ удержаться, чтобъ не поцѣловать нѣсколько разъ дражайшее ваше ко мнѣ надписаніе. Я алчно потомъ прочитывалъ милыя ваши для меня строки *), и потомъ сѣлъ къ вамъ писать, чтобъ принесть вамъ чувствительнѣйшее мое благодареніе за оное и облобызать мысленно тѣ дражайшія ручки, которыя ихъ ко мнѣ начертали. Такъ! истинно такъ! батюшка! Вы меня много обязываете по милости своей вашими письмами. Я вижу ясно, сколь много вы меня жалуете, любите и помните. Всегдашнимъ моимъ къ вамъ высокопочитаніемъ, а теперь нелѣностнымъ также писаніемъ потщусь, хотя слабо, но вамъ за то заслужить. Простите мнѣ, однако, что я занялъ мѣсто на бумагѣ описаніемъ вамъ Васильевой со мною шутки съ письмомъ.

«Изъ письма вашего узнавъ, радуюсь сердечно, что васъ, м. г. батюшка, оставляетъ по-немногу ваша досадная лихорадка, и желаю усердно, чтобъ она, удалившись отъ васъ совершенно, не возвращалась бы никогда и въ домъ нашъ. О нѣкоторыхъ посяганіяхъ на васъ г. Веницеева хотя и досадно нѣсколько, однако, безпокоиться симъ не для чего, для того что, ежели Богу будетъ не угодно, то никто на свѣтѣ не можетъ другому сдѣлать зла. О Николаѣ Степановичѣ что изволите писать, то, изволите видѣть изъ моего письма, и вы какъ будто предузнали, сколь онъ будетъ мнѣ нуженъ.

«Прочитавъ ваши письмы три раза отъ одного конца до другаго, я присовокупилъ ихъ тотчасъ къ первымъ, и хотя писемъ вашихъ у меня только съ двухъ почтъ, но начали они уже понабираться, и ежели милость ваша въ писаніи ко мнѣ и еще будетъ продолжаться, то ихъ у меня соберутся добрыя тетрати, которыя перечитывать будетъ для меня пріятнѣйшее удовольствіе въ скукѣ. Ежели и мои всѣ къ вамъ будутъ доходить вѣрно, то также наберется довольно, а особливо по полученіи съ извощикомъ и сего 7-го письма...

13 числа, во вторникъ, послѣ обѣда.

«Вчерась послѣ обѣда, видя время таковое, что никуда нельзя иттить одѣвшись, расположились мы съ моимъ камерадомъ походить по незнакомымъ еще намъ частямъ города. Итакъ, мы, не смотря на сильно идущій снѣгъ, одѣвшись потеплѣе, отправились въ свой путь. Мы любопытствовали сходить на устье Фонтанки, посмотрѣть взморья, что для меня было новое зрѣлище. Мы пробрались потомъ на набережную и, прошедъ по всей оной, пошли на Васильевскій островъ, хотѣли сходить на Петербургскую сторону, но приближавшійся вечеръ и поднявшаяся сильная мятель привудила насъ воспріять обратный путь. Однако, мы очень много насмотрѣлись ,и я уже имѣю очень изрядное понятіе о Петербургѣ. Возвратившись вчера домой, смѣрили тотчасъ по плану сколько мы обходили, и оказалось, что слишкомъ 11 верстъ, какого

*) Письмо сіе было третье и помѣщено въ сей книгѣ на страницѣ 95-й и послѣдующихъ.

числа я отъ роду не хаживалъ; но—чего не дѣлаетъ любопытство!

«Севодни же ходили мы опять смотрѣть смѣны ко дворцу и опять я видѣлся съ знакомцомъ своимъ Тромбергомъ во дворцѣ, гдѣ онъ севодни уборнымъ. Любопытствуя же болѣе, пошли мы далѣе по Миліонной, чтобъ видѣть марморный дворецъ и лѣтній, и все сіе я съ удовольствіемъ разсмотрѣлъ. Хотя я и берегу себя, однако, чувствую, что я здѣсь къ стужѣ привыкаю. Вотъ, батюшка, я веду вамъ почти ежедневный журналъ моей здѣсь жизни, покуда теперь свободно. Севодни, пользуясь свободнымъ временемъ, хочется мнѣ сходить къ Бартеневу. Севодни также поспѣетъ мой мундиръ, и я завтра начну свои странствованія уже самимъ порядкомъ. Съ севоднешняго дня начинаю я также ожидать брата Михаила Васильевича. Теперь прощайте, батюшка, до завтрева.

14 ноября, въ среду.

«Противъ чаянія моего и къ досадѣ, мундиръ мой вчера не поспѣлъ, а поспѣетъ севодни только къ вечеру. Итакъ, пользуясь свободнымъ временемъ, сажусь писать къ вамъ, батюшка, чтобъ докончить сіе уже столь большое письмо и изготовить письмы къ завтрашней почтѣ къ прочимъ моимъ роднымъ. Къ Бартеневу вчера я ввечеру ходилъ понапрасно, ибо не засталъ дома. Здѣсь, по большей части, ежели кого хочешь найтить, то по-утру рано. Для сей причины я радъ, что я съ самой дороги привыкъ вставать рано, что̀ здѣсь очень нужно.

«Въ разсужденіи новостей, то, по причинѣ зимы, военныхъ никакихъ нѣтъ. Слышалъ я только здѣсь отъ Николая Степановича, что какъ скоро наши войска пошли на зимнія квартеры и сошли съ Шведскихъ границъ, то непріятель, ни мало не мѣшкавъ, вмѣсто подобнаго-жъ отступленія, вступилъ въ наши, и прочесалъ далеко и даже обезпокоиваетъ очень фридрихсгамскихъ и другихъ городовъ жителей и принуждаетъ даже выѣзжать изъ оныхъ. Гвардіи сказанъ уже опять походъ въ мартѣ или въ началѣ апрѣля. Теперь идутъ всѣмъ полкамъ оной императорскіе смотры въ великой подробности; иные говорятъ, что гвардія выдетъ въ походъ еще зимою и гораздо ранѣе своего срока.

«Вотъ, батюшка, какъ много я къ вамъ написалъ, а все сіе отъ приказанія вашего, чтобъ заготовлять ежедневно понемногу; но къ почтѣ наберется всегда уже довольно. Закряхчетъ у меня и почта отъ полновѣсныхъ моихъ писемъ, а можетъ быть съ другой стороны она будетъ имъ и очень рада. Но что̀ дѣлать, пускай она поживится съ вашихъ и моихъ писемъ въ продолженіе того времени, какъ мы будемъ съ вами розно. На это нечего смотрѣть! Для меня письмы ваши приносятъ великое удовольствіе, и я радъ также тому, что и мои и вамъ пріятны. Я прошу также покорно васъ, батюшка, увѣдомлять меня о трудахъ вашихъ и упражненіяхъ. Хотя мнѣ и завидно, что сестра Настасья пользуется чтеніемъ оныхъ, но я предоставляю уже ей то удовольствіе и мнѣ хочется, по крайней мѣрѣ, слышать объ нихъ хотя чрезъ письмы ваши.

«Что касается до того, что вы изволите, батюшка, писать о моемъ здѣсь поведеніи, то благодарю васъ чувствительно за ваше милостивое родительское мнѣ наставленіе. Будьте увѣрены, что оно не будутъ выходить никогда изъ моей памяти. Ахъ! я чувствую и помню самъ все то, чѣмъ долженъ и обязанъ я вамъ за вашу ко мнѣ любовь, и безчувственный или, лучше сказать, безумственный бы я былъ человѣкъ, ежели бы, забывъ все то, предпріялъ, живучи здѣсь, что̀либо худое и васъ тѣмъ, моихъ дражайшихъ родителей, огорчилъ. Я желаю всею душею моею, чтобъ вы не огорченіе отъ меня, а единое утѣшеніе и радость получали, что̀ и для меня будетъ приносить удовольствіе. О справедливости же всею сего, мною сказаннаго, васъ свято увѣряю и прошу ни о чемъ не сомнѣваться.

15 ноября, въ половину дня.

«Сей часъ только возвратившись домой, спѣшу окончить совершенно сіе письмо для отвезенія на почту и сказать еще вамъ, милостивый государь батюшка, что я остаюсь теперь, благодарить Бога, здоровымъ. Съ севоднешняго утра прямо начинается мое дѣло. Я ѣздилъ къ Марьѣ Петровнѣ Травиной и отдалъ ей письмо и по сылку Николая Сергѣевича. Обстоятельно о успѣхѣ сего моего къ ней [визита?] опишу я вамъ уже на будущей почтѣ, а теперь только скажу вамъ, что она меня приняла очень хорошо и обѣщала обо мнѣ постараться, хотя и есть притомъ множество трудностей. Она опечалила меня только тѣмъ, что совѣтовала писать къ вамъ не по четвергамъ, а по понедѣльникамъ, ибо-де сіи вѣрнѣе доходятъ, а тѣ залеживаются въ Москвѣ и часто пропадаютъ, что я и не премину впредь дѣлать. Севодни у насъ такой морозъ, что почти терпѣть нельзя».

Симъ окончилъ мой сынъ тогдашнее свое длинное письмо, заключивъ оное обыкновеннымъ привѣтствіемъ, которое, я, какъ излишнее здѣсь, и не помѣщаю. А симъ окончу я и мое сіе письмо, достигшее до своей величины, и скажу, что я есмь вашъ и проч.

(Февраля 10-го дня 1811 года).

Письмо 257.

Любезный пріятель! Удовольствіе, которое имѣли мы при читаніи сообщеннаго мною въ предслѣдующемъ письмѣ и полученнаго отъ сына моего письма, было такъ велико, что я въ тотъ же день хотѣлъ-было изобразить ему оное, въ начатомъ уже до того моемъ къ нему девятомъ письмѣ; но какъ мнѣ помѣшали въ томъ гости, то въ слѣдующее затѣмъ утро, продолжая помянутое мое письмо, писалъ я къ нему слѣдующее:

3-го декабря, въ понедѣльникъ.

«Вчера еще хотѣлъ-было я къ тебѣ, Павлушка мой другъ, писать и изобразить ту радость, которую имѣли мы при полученіи твоего 7-го письма, но не удалось написать строчки. День занятъ я былъ людьми, а вечеръ весь провелъ у меня Иванъ Тимоѳеевичъ. Итакъ, пишу уже теперь. Не могу тебѣ изобразить, сколь много обрадовалъ ты насъ симъ новымъ своимъ письмомъ и съ какимъ удовольствіемъ мы оное читали. Получилъ я его по-утру при Иванѣ Тимоѳеевичѣ, и тутъ давай скорѣй его читать впервыя и, для любопытства гостя, въ слухъ. Удовольствіе мое было несказанное, какъ дошелъ я до того, какъ обстоятельства твои стали становиться получше. Не однажды принужденъ я былъ читать дрожащимъ голосомъ и запинаться. Не однажды доходило дѣло до глазъ и до утиранія оныхъ; не однажды возсылалъ я вздохи благодарности ко Всевышнему и не однажды восклицалъ: «право, дай Богъ, здоровье Николаю Степановичу! Кудажъ-право какой добрый человѣкъ». Когдажъ дошло до извѣстія о Михаилѣ Васильевичѣ, то обрадовался я еще того больше, и тѣмъ паче, чѣмъ меньше извѣстіе сіе было ожидаемо. «Вотъ прямо родственникъ, говорили оба мы и повторяли нѣсколько разъ; вотъ захотѣлъ сдѣлать долгъ неоплатный; вотъ захотѣлъ одолжить человѣка въ жизни, чѣмъ мнѣ будетъ возблагодарить ему за то!» Если онъ нарочно за тѣмъ въ Петербургъ пріѣхалъ, ахъ, Павлушка, — сколь много ты ему за то обязанъ! и сколь много долженъ благодарить Бога за Его толь явное о тебѣ попеченіе и милость... Я думаю, ты стыдился уже и самъ прежнему твоему малодушію, которое, однако, тебѣ въ разсужденіи обстоятельствъ твоихъ было и простительно. Я и прежде тебѣ говорилъ и теперь говорю, что ни кто, какъ Богъ! Ежели Ему угодно будетъ восхотѣть что́ сдѣлать, то все будетъ иттить своимъ чередомъ и все лучше клеиться, нежели думаешь и

ожидаешь, а Его ничѣмъ къ вспоможенію себѣ толь скоро убѣдить не можно, какъ твердымъ и несумнѣннымъ упованіемъ на Его вспоможеніе.

«Между тѣмъ, какъ все сіе происходило, прибѣгали уже сестры не одинъ разъ спрашивать, что по сю пору письма не несу я въ спальню? «Погодите! говорю я, еще и самъ не прочелъ. Есть, слава Богу, что́ почитать, скажите, чтобъ подождали и готовились бы только, а то есть уже чего послушать». Сказавъ сіе, начинаю читать далѣе и, дойдя до Марьи Петровны, опять радуюсь и опять благодарю ее и Бога. Словомъ, все письмо твое читалъ я съ превеликимъ удовольствіемъ и насказалъ любезному Павлунушкѣ своему множество благодареній.

«По прочтеніи онаго спѣшу я иттить въ спальню и досадую самъ на себя, для чего я маленькія твои писулечки напередъ имъ роздалъ и чрезъ то уменьшилъ много то удовольствіе, которое, не знавъ ничего, имѣли бы они при слушаніи моего письма. А всему тому Настасья была причиною! Гдѣ ни возьмись и прилети въ кабинетъ въ то время, какъ я распечатывалъ твое письмо. «Ахъ! письмы... письмы!» Я шутя говорю: «письмы, но къ тебѣ, моя голубушка, письмеца, тютп!» —«Нѣтъ! нѣтъ, сударь: вонъ они, вонъ!» —«Да не отдамъ, сударыня».—«И! батюшка... голубчикъ». Ну, что́ ты изволишь дѣлать, силою почти себѣ отняли и до тѣхъ поръ въ кабинетѣ ее и видѣли, на-силу успѣлъ воротить и отдать ей матерно письмецо и прочія бумажки. Ты вообразить себѣ не можешь, какъ она тебя любитъ. Вчера даже проказу сущую за столомъ она въ обѣдъ сдѣлала. Возможно ли, расплачься какъ маленькій ребенокъ, но о чемъ? для чего она скоро ѣдетъ въ Тверь и твоихъ писемъ получать не станетъ! Но, правду сказать, и мы не правы, подразнили мы ее тѣмъ и довели до того.

«Но я возвращусь къ прежнему. Идучи помянутымъ образомъ въ спальню, говорю: «молчижъ! впередъ не увидятъ они у меня ничего, покуда не прочту имъ своего, какъ главнаго письма, а тогда пусть уже читаютъ и свои». Не успѣваю войтить въ спальню, какъ сбѣгаются со всѣхъ сторонъ и кличутъ, и зовутъ другъ друга: та—ту, та—другую, и всѣ устававливаются и сажаются въ-округъ. Меня посадили на канапе въ уголокъ къ канторкѣ; матушка садится подлѣ меня; Груша *) съ другой стороны на табуретѣ; мать за чаемъ, сестра у окна, другая у комода, Настасья Тимоѳеевна посреди спальни на стулѣ. «Ну! слушайте», говорю. «Изволь, изволь!» говорятъ всѣ, и всѣ простираютъ слухи, и безмолвіе начинаетъ господствовать.

«Тогда началось чтеніе и слушаніе онаго всѣми съ равнымъ вниманіемъ и удовольствіемъ и любопытствомъ. Не успѣлъ я нѣсколько страницъ прочесть, какъ проявились на глазахъ у нѣкоторыхъ ожидаемыя мною слезы. Но какъ сильно перемѣнилась сцена, когда пошли матеріи радостнѣе и веселѣе. Всѣ слушали уже съ восхищеніемъ, всѣ радовались, всѣ благодарили Бога и всѣхъ тебѣ благопріятствующихъ, и болѣе всѣхъ Михаила Васильевича. «Ну, слава Богу! говорили они. Теперь ему все нетаково будетъ». Сама мать твоя тогда уже не плакала, а все отъ удовольствія уже смѣялась и только-что твердила наконецъ: «смотри, какой балагуръ и краснобай», и была всѣмъ очень довольна. Но какъ и не быть ей и всѣмъ твоими письмами и увѣдомленіями довольными? Ты описываешь все такъ живо, такъ хорошо, такъ обстоятельно, что мы всѣ сіи дни власно, какъ были съ тобою вмѣстѣ въ Петербургѣ и и на тебя смотрѣли. Словомъ, было по справедливости за что́ сказать тебѣ спасибо и похвалить. Мы сожалѣли о томъ, что не было тутъ-же Елизаветы и, вѣдая, что сіе письмо ее очень обрадуетъ, положили-было тотчасъ къ ней послать. Но человѣкъ княгини Кропоткиной насъ остановилъ, сказавъ, что княгиня у нихъ въ Ламкахъ почевала и только-

*) Такъ, любя и шутя, называли мы пріятельницу нашу Аграфену Михайловну Челищеву, любившую насъ всѣхъ, а особливо сына моего очень.

что пріѣхала, и что они при ней почти съѣхали со двора прощатся съ бабкою. Итакъ, письмецо ея еще здѣсь, и мы повеземъ его вмѣстѣ съ своимъ уже въ четвергъ сами, или пошлемъ завтра. Я воображаю уже напередъ себѣ то удовольствіе, которое она имѣть будетъ, услышавъ о Николаѣ Степановичѣ. Ибо, скажу тебѣ, что она не одинъ уже разъ при мнѣ твердила: «Ну, кабы Николай Степановичъ помогъ! Ну, кабы Богъ это сдѣлалъ! какъ бы я была рада». Отпиши, Павлушка, ей когда-нибудь письмо поболѣе и оторви хотя изъ моего матеріи, чтобъ и она не имѣла все одни только цидулки. Она не менѣе тебя любитъ и всѣхъ благъ тебѣ желаетъ. Ну, теперь пересказавъ тебѣ о письмѣ, надобно на него отвѣчать и прочесть еще разъ....

«Не съ меньшимъ удовольствіемъ читалъ я письмо твое и въ этотъ разъ, Павлушка мой другъ, и не меньше прежняго доволенъ былъ тобою, что ты писалъ образомъ журнала и все подробно описывалъ. Чтобъ лучше видѣть, что въ который день съ тобою происходило, то пріискалъ это время въ своемъ журналѣ, и всякій день прочитывалъ вкупѣ и то, что со мною было, и чрезъ то удовольствіе мое было еще больше. Возможно-ли! изъ онаго увидѣлъ я, что я въ самый тотъ день, какъ обрадованъ ты былъ господиномъ **Тютчевымъ** и извѣстіемъ о Михаилѣ Васильевичѣ, власно какъ предъузналъ, что съ тобою что-нибудь особливое будетъ, видѣвъ одинъ странный и столь необыкновенный сонъ, что его записалъ для любопытства. Вотъ до чего дошло, что и сны дѣлаются мнѣ нынѣ примѣчательны, а все по любви моей къ тебѣ и по желанію тебѣ всего добраго.

«Въ письмѣ твоемъ мнѣ все пріятно, даже самое описаніе шутки Васильевой, а любопытство твое видѣть все я довольно расхвалить не могъ. Что ты сначала опаздывалъ, это я напередъ зналъ и вѣдалъ, что нужда научитъ тебя вставать поранѣе. Денегъ, платимыхъ за письма на почтѣ, не только мнѣ не жаль, но я согласился-бъ охотно и дороже еще платить за удовольствіе, какое она мнѣ доставляетъ. Но **Марья Петровна** едва-ли не правду тебѣ сказала? Не даромъ и сіе послѣднее письмо я не прежде какъ чрезъ 17 дней получилъ; видно, что гдѣ-нибудь и кромѣ Тулы лежало. Что-то будетъ съ понедѣльничною? Но, по крайней мѣрѣ, я доволенъ уже тѣмъ, что всѣ письма приходятъ исправно. У меня твои давно уже въ тетраткѣ сшиты и всѣхъ уже 64 страницы. Какъ Богъ дастъ возвратишься и совокупимъ вмѣстѣ, то будетъ прекрасная книжка, достойная хорошаго переплета *).

«Увѣренія твои, что ты постараешься о томъ, чтобъ ни чѣмъ насъ не огорчить, весьма для меня лестны. Дай Богъ, чтобъ сіе совершилось и мы бы въ тебѣ, моемъ другѣ, не обманулись. Еслибъ не любили мы тебя, еслибъ не былъ ты намъ дорогъ, то бы и не напоминалъ я тебѣ того.

«Пріемъ Николая Степановича и ласки его къ тебѣ мнѣ очень чувствительны. Я полюбилъ сего человѣка заочно и по одному твоему описанію, и желаю ему всѣхъ благополучій въ свѣтѣ. Что касается до Михаила Васильевича, то онъ у меня съ ума нейдетъ. Ежели онъ нарочно для тебя пріѣхалъ и претерпѣлъ столько труда и безпокойства дурною осеннею дорогою, то одолженіе, дѣлаемое имъ чрезъ то намъ, мнѣ такъ чувствительно, что я того изобразить никакъ не въ состояніи. Ты долженъ соотвѣтствовать ему всѣмъ, чѣмъ только можешь за такую его любовь къ намъ, а объ насъ постарайся увѣрить, что мы всѣ первое извѣстіе о скоромъ его пріѣздѣ не инако какъ съ слезами удовольствія и радости услышали и приносили ему тысячи благодареній за то.. Ну, теперь полно покудова, надобно оставить мѣсто и для достальныхъ дней....

4 декабря, во вторникъ, по-утру.

«Вчерашній день былъ у насъ гостинный или разъѣзжій. **Груша** поѣхала

*) Она и составилась дѣйствительно и довольной величины и въ хорошемъ переплетѣ, хранится и понынѣ въ моей библіотекѣ.

отъ насъ по-утру, а за сею вслѣдъ скоро и мать съ Настасьею Тимоѳеевною къ г-жѣ Бакуниной, а наша Настасья теперь по самое горлышко въ хлопотахъ и въ работахъ. Петръ Гарасимовичъ отдумалъ ѣхать въ Москву одинъ на почтовыхъ, а положили ѣхать уже всѣ, но только скорѣе и такъ, чтобъ въ нынѣшнюю пятницу выѣхать изъ дома, а потому Настасья, ѣдущая съ ними, и занята теперь сборами. Всѣ дѣвки, портные, сапожники и столяры заняты теперь ея работами и всѣ готовятъ нужное къ отъѣзду. Ѣзда матерппа была по-пустому. Г-жа Бакунина только часа за два уѣхала въ Рязань. Груша уѣхала отъ насъ прежде и, не заставъ также Бакуниной, ѣдетъ далѣе въ Епифань и приказываетъ тутъ нашимъ сказать, чтобъ они неотмѣнно ѣхали къ ней обѣдать въ Епифань. Это будто самая бездѣлка! ѣхать еще верстъ съ 12 и на стужѣ такой, что люди всѣ рожи переморозили! Мать расхохоталась сему ея приказанію и рада, что для ней чай тутъ готовъ и готовили селянку. Итакъ, пообѣдавъ возвращаются они домой и, за стужею, на-силу доѣжжаютъ. Между тѣмъ, заѣжжаетъ ко мнѣ Алексѣй Андреевичъ Хомяковъ и спрашиваетъ, не будетъ-ли къ тебѣ съ нимъ писемъ, ибо онъ завтра скачетъ въ Петербургъ по почтѣ; однако, я не разсудилъ съ нимъ послать, боясь, чтобъ долѣе не промѣшкали, а пошлю лучше по матушкѣ по почтѣ. Вскорѣ послѣ того и уже ночью зашумѣли еще сани. Кто такой? Госпожа Елагина съ сыномъ ѣдетъ къ сестрѣ въ Москву. Сія отдаетъ меньшую дочь замужъ. Сынъ ея еще каптенармусомъ, но Ив. Ефр. Кислинской обѣщаетъ сдѣлать и сержантомъ и далѣе и взять къ себѣ въ провіантскую. Куда сей человѣкъ многимъ добро дѣлаетъ! Мы провели сей вечеръ довольно весело, ибо я, будучи убѣжденъ будто просьбами, читалъ еще твои письма и опять цѣлый кругъ людей ихъ слушалъ, а старушка Анна Ивановна Алабина только и знала, что на креслахъ переѣжжала чрезъ горницу отъ одного стола до другого, чтобъ опять-и-опять слушать. Похвалы тебѣ опять повторяемы были всѣми, и Авдотья Аѳанасьевна только и говоритъ, что письма твои могутъ служить примѣромъ всѣмъ молодымъ людямъ и имъ всѣмъ у тебя бы надобно учиться. А у меня сердцето прыгало.... прыгало отъ удовольствія.

Въ тотъ же день, ввечеру.

«Куда-какъ человѣкъ не знаетъ, что съ нимъ случиться можетъ! Одинъ философъ говаривалъ, что нѣтъ почти радости, въ которую не подмѣшано было нѣсколько печали, и это случилось со мною севодни. Всталъ я до-свѣта, время проводилъ я весело и съ удовольствіемъ, но вдругъ входитъ ко мнѣ матушка, и перемѣняется сцена. Сердце во мнѣ затрепетало!... Изволитъ говорить, что маленькій нашъ Павелъ, а твой крестничекъ, чуть-ли не готовится отправляться на тотъ свѣтъ. Сыпь, которою онъ по сіе время безпрерывно все страдалъ, слишкомъ уже усилилась, и дошло до того, что его подхватилъ родимчикъ, и теперьде все страдаетъ терзаніями и того-и-смотри, что акачурится. Легко можешь себѣ, Павлушка, вообразить, что извѣстіе сіе меня поразило по извѣстной тебѣ чувствительности моей, не могъ я во весь севоднешній день спокоенъ быть, а про мать твою уже и не говори. Мы сами себѣ дивимся, что намъ всѣмъ такъ жаль сего мальчужечку. Бѣдняжка! я видѣлъ его только-что теперь, но не могъ просмотрѣть на него и одной минуты. Слезы навернули[сь] у меня, и я ушолъ сокрывать оныя; а сіе не одинъ, а нѣсколько разъ въ сей день было, а теперь сказываютъ мнѣ, что и ножки похолодѣли. Итакъ, чего уже ждать? И надежда вся прости! Мы не чаемъ ему никакъ пережить ночи. А отецъ и мать не знаютъ того, не вѣдаютъ. И теперь еще въ Ламки не возвращались. Еще передумали. Поѣдутъ на Николинъ день обѣдать позву (sic) къ Аграфенѣ Ѳедоровнѣ, а въ Москву уже на той недѣли. Настасья прыгаетъ отъ радости, но для чего? что по-

лучить еще въ воскресенье письмецо отъ тебя!

5 декабря, въ среду, по-утру.

«Севодни со мною было то, чего давно не бывало. Цѣлыхъ три раза я просыпался, чтобъ вставать, но все опять нехотя ложился и старался засыпать, а все отъ нехотѣнія услышать о смерти малюткиной, ибо я не сомнѣвался, что какъ скоро встану, то и поразитъ меня сіе извѣстіе. Однако, онъ все еще живъ и продышалъ ночь, слышу и теперь его голосъ: что-то будетъ далѣе?...

Въ тотъ же день, ввечеру.

«Живъ, судырь, все еще нашъ малюточка, и что всего еще для насъ пріятнѣе — нѣсколько, кажется, ему и полегчѣло. Но чудо, истинно, будетъ, если онъ выздоровѣетъ и толь тяжелую болѣзнь перенесетъ. Севодни отъ вѣтра въ кабинетѣ у меня опять такъ было холодно, что я принужденъ былъ перебираться писать въ спальню. Тутъ застаютъ насъ Петръ Гарасимовичъ съ Елизаветою. Они севодни еще изъ Ляхова—отъ бабки, и перемѣнивъ лошадей, пріѣхали къ намъ необѣдавши и отъ насъ поѣхали поспѣвать въ Епифань ночевать. Они были вчера на деревенскомъ имянинномъ пиру у Н. С. Арсеньева и сказывали, что Албычевы поѣхали только двое въ Петербургъ, и что намѣстника ждутъ къ 15 числу въ Тулу. Настасья пишетъ теперь все къ тебѣ. Она еще будетъ хорошо писать, и ты у меня ихъ всѣхъ переучишь. Ольга просила теперь меня, чтобъ я далъ и ей прочесть мою исторію. Изволь, сударыня!... взяла и побѣжала читать. Но вотъ пришли попы служить всеночную, а завтра у насъ Николинъ день. Пойду и всю простою. При моленіяхъ моихъ вѣрно не позабытъ будетъ нѣкто и отсутственный, котораго я люблю всѣмъ сердцемъ и душею, кто находится теперь отъ меня далеко, далеко, кому я желаю на свѣтѣ все, что самъ себѣ, и кого мысленно сто разъ цѣлую....

«Теперь окончили только служеніе. Попъ и всѣ бывшіе съ нимъ на-силу говорили отъ усталости. Возможно-ли: цѣлыхъ шесть всеноченъ они еще симъ вечеромъ отслужили, а въ иныхъ мѣстахъ еще съ водосвятіемъ и акафистомъ! Какъ не устать! Ежели-бъ можно было счислить, сколько всеноченъ теперь во всемъ государствѣ идетъ, удивиться бы надобно. Ну, прости голубчикъ, теперь полно: попишусь авось-либо еще и завтра!

6 декабря, въ четвергъ, по-утру.

«Вставши по-утру я принесъ моему Богу благодареніе за вся и вся, вспомнилъ я тебя перваго, мой другъ. Да какъ и не вспомнить, ибо, при воздыханіяхъ моихъ къ Небу, излетѣлъ и о тебѣ вздохъ ко Всевышнему съ прошеніемъ, чтобъ Онъ въ сей день былъ и тебѣ отцомъ и покровителемъ. Итакъ, поздравляю тебя, Павлушка мой другъ, съ симъ праздникомъ. Какъ-то ты его проводишь? Мы не сомнѣваемся, что ты севодни объ насъ вспомнишь не однажды и, можетъ быть, также, смотря въ нашу сторону, скажешь: «вонъ тамъ-то теперь наши.... они празднуютъ теперь праздникъ». А не рѣдко и мы также въ ту сторону посматриваемъ, гдѣ ты, и говоримъ: «вонъ! тамъ-то нашъ Павелъ! что-то онъ теперь подѣлываетъ тамъ, и что-то съ нимъ происходитъ? время съ того дня уже много прошло, какъ впослѣдніе писалъ онъ къ намъ и съ нимъ произошло уже можетъ быть много кой-чего! ахъ, дай только Богъ, чтобъ онъ здоровъ былъ и не занемогъ у насъ тамъ». Симъ и подобнымъ сему образомъ нерѣдко мы поговариваемъ, а особливо за ужиномъ и за обѣдомъ. Рѣдкій день проходитъ, чтобъ мы о тебѣ по нѣскольку разъ не напоминали, а такого дня, въ который бы мы вовсе о тебѣ не вспомнили, истинно ни одного не помню. Вотъ, какъ ты намъ милъ и нуженъ, а все за что? За то, что ты у насъ малый добрый и самъ насъ любишь. Мы ожидаемъ тебя назадъ ни мало не испортившимся, а пріобрѣтшимъ еще множайшія совершенствы. Ты многое узнаешь, чего еще не знавалъ, и насмотришься того, чего не видывалъ.

«Но говори, говори да молви! Съ того времени какъ послѣднее письмо ты къ намъ писалъ, прошло ровно 20 дней, и въ сіи 20 дней, въ самомъ дѣлѣ, надобно уже произойти съ тобою кой-чему многому. У тѣхъ, къ кому были письмы, ты вѣрно уже у всѣхъ перебывалъ и, можетъ быть, уже по нѣскольку разъ, а у иныхъ и многажды.... Что-то, мой любезный другъ, Михаилъ Васильевичъ? Пріѣхалъ-ли онъ къ тебѣ? Я заключаю напередъ, что ты обрадуешься ему до безконечности. Долго-ль-то онъ тутъ проживетъ? Я хстѣлъ-было писать къ нему и съ теперешнею почтою и привесть ему тысячу благодареній, но какъ подумалъ, что неизвѣстно, на-долго-ль онъ пріѣхалъ, и что весьма легко статься можетъ, что его теперь уже опять нѣтъ въ Петербургѣ, или тогда уже не будетъ, какъ письмо сіе придетъ, — то и остановился. Подожду, говорю, будущей почты и узнаю обстоятельнѣе. Итакъ, ежели письмо сіе застанетъ его еще тутъ, то возьми уже ты, Павлушка мой другъ, на себя ту коммиссію и, вѣдая мое душевное расположеніе, постарайся увѣрить его, что одолженіе его мнѣ крайне чувствительно и что все сердце мое наполнено къ нему благодарностію. Онъ сдѣлалъ то, что я величаюсь теперь тѣмъ, что имѣю такого родственника и что не одинъ разъ утѣшалось сердце мое тѣмъ, когда слыхалъ, что и посторонніе его, хваля, говорили: «вотъ прямо родственникъ!» А я хоть сто разъ говорилъ, но и еще разъ скажу: «ей-ей! дай Богъ ему, моему другу, за то здоровье, куда-жъ онъ меня какъ одолжилъ и чѣмъ-то мнѣ ему заслужить за то?».

«Куда-какъ досадно, что на вопросъ какой-нибудь не прежде можно получить отвѣтъ, какъ ровно чрезъ мѣсяцъ. Спросилъ бы тебя, что наша Авдотья Ильинишна? Уменъ бы ты былъ, если-бъ и не ходилъ къ ней, такой бѣшеной. Но ты небось уже побывалъ. Мы съ любопытствомъ будемъ ожидать твое извѣстіе о томъ. Слухи, носящіеся здѣсь о Шведахъ и о походѣ гвардіи, меня озабочиваютъ; боюсь, чтобъ самое сіе не сдѣлало бы много остановки и помѣшательства въ дѣлахъ, относящихся до отставокъ и выпусковъ. Дай Богъ, чтобъ того не было. Вотъ сколько я къ тебѣ написалъ, но теперь полно, прости покудова!»

Письмо сіе и отправилъ я, дѣйствительно, въ тотъ же день на почту; самъ же въ этотъ праздникъ принужденъ былъ имѣть великопостный обѣдъ и ѣсть одинъ только калачъ съ квасомъ. Причиною тому было то, что я съ-утра почувствовалъ въ себѣ нѣчто похожее на озноб; и какъ я боялся, что[бъ] не возвратилась ко мнѣ опять лихорадка (столъ же былъ весь рыбный, скоромнаго-жъ ничего готовлено не было), то и не сталъ я ѣсть рыбы, какъ бѣдственной и опасной въ лихорадкахъ ѣствы, а лучше хотѣлъ быть хоть съ голодомъ по-поламъ, нежели нажить опять лихорадку, а самое сіе можетъ быть и спасло меня отъ новаго рецидива. Впрочемъ, и не было у насъ въ сей день дальняго празднества, но оный прошелъ у насъ вмѣстѣ съ обоими за тѣмъ послѣдующими днями въ мирѣ и тишинѣ. И все достопамятное состояло въ томъ, что былъ у насъ на другой день сего праздника дождь, а на третій послѣ онаго умеръ тотъ самый г. Полунинъ, который игралъ въ тамошнемъ краю особенную роль и хозяйствомъ своимъ прославился. А не успѣло двухъ дней пройтить послѣ сего праздника, какъ пришедшая въ свое время почта обрадовала насъ опять привезеніемъ къ намъ предлиннаго письма отъ моего сына. Оное было по порядку уже осьмое и писано образомъ журнала и содержало въ себѣ слѣдующее:

С.-Петербургъ, ноября 16 дня, въ пятницу, ввечеру.

«Вчера отправилъ я къ вамъ, м. г. батюшка, мое седьмое письмо, а теперь, пользуясь свободнымъ временемъ, стану продолжать разсказывать вамъ о себѣ дальнѣйшее, и прежде всего донесу вамъ

обстоятельнѣе о первой моей поѣздкѣ къ госпожѣ Травиной.

«Итакъ, когда обмундирація моя совсѣмъ была готова и я во всей формѣ былъ сержантъ, то 15-го числа, т.-е. въ четвергъ, одѣвшись по-утру, ѣду я къ госпожѣ Травиной. Домъ ея скоро отыскиваемъ въ Морской, докладываютъ обо мнѣ и къ ней вводятъ. Я нахожу ее совсѣмъ не таковою, каковою себѣ воображалъ. Представьте себѣ, батюшка, даму не малаго роста, дородную и имѣющую осанистый видъ, хотя она уже и пожилыхъ лѣтъ, но по убранству и по цвѣту лица ея судя, кажется ей не болѣе какъ лѣтъ сорокъ. Есть въ ней нѣсколько, можетъ быть, здѣшней знатной спѣси, но впрочемъ, она барыня очень ласковая. Она меня тотчасъ посадила, напоила чаемъ, а между тѣмъ читала письмо Николая Сергѣевича. Когда она узнала изъ онаго кто я и какую имѣю нужду, то благодарилъ я ее сперва за сержантскій еще чинъ и просилъ покорнѣйше сдѣлать милость постараться и при нынѣшнемъ случаѣ. Она, представивъ мнѣ какія нынче при семъ трудности, обѣщала потомъ постараться обо мнѣ сколько можетъ и говорила, чтобъ написалъ я объ себѣ записку, съ которою она пошлетъ, какъ скоро по Невѣ можно будетъ ходить, въ крѣпость къ оберъ-коменданту Андрею Гавриловичу Чернышеву; что сей человѣкъ имѣетъ великую дружбу и связь съ нашимъ маіоромъ Татищевымъ, управляющимъ всѣмъ полкомъ Преображенскимъ, и что ежели сему послѣднему возможно, то все для того сдѣлаетъ. Я бы и сама (говорила она) попросила лучше Чернышева о семъ, но давно уже, за слабостію своего здоровья, никуда со двора не выѣжжаю. Она разговаривала потомъ со мною о многомъ, какъ-то: о намѣстникѣ, о Николаѣ Сергѣевичѣ, и что она постарается, какъ скоро первый сюда пріѣдетъ, то его за переведеніе Давыдова побранить и сдѣлать на своемъ, чтобъ перевести его опять въ Тулу. Словомъ, она здѣсь боярыня очень съ именемъ и многіе знатные ее слушаются. Послѣ всего сего я повторилъ опять униженно свою просьбу. Она мнѣ тоже опять отвѣтствовала, что нужна ей моя записка, для того-де, что, выпрашивая ежедневно обо многомъ и посылая то къ тому пашпорты, то къ иному другое, можетъ забыть о моей фамиліи и проч. Итакъ, я поѣхалъ отъ ней, будучи доволенъ ея обѣщаніемъ.

«Теперь скажу вамъ о другомъ письмѣ Николая Сергѣевича. Оно написано къ генералу Васильеву и я тогда же подумалъ еще, какой же это Васильевъ комендантъ въ крѣпости. Онъ, конечно, въ задумчивости мнѣ не растолковалъ хорошенько, и оберъ-коменданта Чернышева смѣшалъ съ Васильевымъ, дядею нашего полковаго секретаря. Я, распровѣдывая о семъ, узналъ, что есть генералъ Алексѣй Ивановичъ Васильевъ, но не комендантъ, а присутствуетъ въ какой-то экспедиціи при сенатѣ, и что сей точно секретарю нашему дядя. Итакъ, отъ госпожи Травиной поѣхалъ я искать его дома. Не безъ труда сіе происходило, потомучто на письмѣ не было надписано, и я не скоро могъ узнать, гдѣ онъ живетъ. Во время сего исканія, заѣжжалъ я къ Лазаревымъ съ письмомъ отъ нашей княгини городничихи. Катерина Ивановна также довольно меня обласкала и распрашивала много о моей службѣ. Послѣ сего, хотя я навѣрное зналъ, что не найду дома г. Васильева, однако, къ нему поѣхалъ и домъ его отыскалъ. Севодни по-утру поѣхалъ я къ нему уже поранѣе. Натурально, нахожу его дома, но, по причинѣ бывшаго ночью вблизи ихъ пожара, они всю ночь не спали, и его превосходительство еще почивалъ. Повѣрите-ли, часа три или четыре я дожидался возстанія его превосходительства, но здѣсь симъ не поскучишь; очень случается сіе въ-частую. Я радъ былъ, что захватилъ его только дома. Наконецъ, онъ всталъ и меня къ нему ввели. Прочитавъ Давыдова обо мнѣ письмо (которымъ мы очень должны быть обязанными Николаю Сергѣевичу, ибо въономъ онъ его очень обо

мнѣ проситъ), онъ спрашиваетъ тотчасъ, служилъ-ли я при полку, и, узнавши, что нѣтъ, говоритъ, что очень трудно будетъ сдѣлать, чтобъ неслужащаго перевести въ бомбандирскую роту и отставить капитаномъ, однако, онъ обѣщаетъ, увидѣвшись севодни съ секретаремъ, поговорить съ нимъ о томъ, и что онъ, ежели можно, то постарается обо мнѣ, и чтобъ я чрезъ нѣсколько дней побывалъ опять у него и узналъ объ ономъ. Онъ показался мнѣ человѣкомъ очень добрымъ, хотя и есть въ немъ много знатной спѣси. Домъ его хотя неогроменъ и деревянный, но убранъ уже прямо по-барски, только далеко за Преображенскимъ полкомъ, на Литейной. Итакъ, я поѣхалъ отъ его превосходительства нарочито довольнымъ, ѣду опять къ Марьѣ Петровнѣ для отданія ей своей записки. Я позабылъ еще вамъ, батюшка, давича сказать, что она вчера, разговаривая со мною, совсѣмъ опорочила наше съ Николаемъ Степановичемъ намѣреніе, чтобъ явиться къ маіору и просить его; она подтвердила мнѣ никакъ сего не дѣлать, ибо симъ свяжешь маіора, и онъ пуще еще ничего мнѣ сдѣлать не можетъ для своего полку, который о томъ будетъ уже извѣстенъ.... Но теперь зовутъ насъ ужинать и чтой-то хочется спать. Итакъ, отложу до завтрева описаніе сего вторичнаго моего пріѣзда къ госпожѣ Травиной и о успѣхѣ онаго, а теперь желаю вамъ, батюшка, покойной ночи».

17 ноября, въ субботу, послѣ обѣда.

«Въ продолженіе вчерашняго, скажу вамъ, что не успѣлъ я войтить къ Марьѣ Петровнѣ и отдать ей мою записку, какъ она начала говорить: «что, батюшка, я говорила уже объ васъ со многими, но всѣ говорятъ, что сдѣлать васъ капитаномъ очень трудно и проч.». Словомъ, я услышалъ отъ нея точно тоже, что говорилъ мнѣ Васильевъ. Она послѣ того отбирала отъ меня, соглашусь-ли я быть поручикомъ. Прапорщикомъ же гвардіи въ отставкѣ она мнѣ никакъ быть не совѣтовала, потому-что лишусь навсегда надежды быть при штатскихъ дѣлахъ. Словомъ, она привела меня въ невѣдѣніе, на чтò рѣшиться. Однако, обѣщала обо мнѣ не забыть и попросить г. Чернышева, говоря при томъ, что лучше когда уже онъ самъ будетъ переѣзжать на эту сторону, то я, дискать, попрошу его сама лучше записки, можетъ быть какъ-нибудь и сдѣлаетъ милость. Изволите видѣть, батюшка, какія мои теперь обстоятельства? Завтра думаю опять ѣхать къ Васильеву и онъ рѣшитъ уже мою судьбу. И чего уже мнѣ ожидать будетъ должно. Только поручикомъ быть очень не хочется. Лучше опять ѣхать въ отпускъ.

«Севодни по-утру я опять кой-къ-кому ѣздилъ, но все не заставалъ дома. Нашелъ наконецъ Артемья Никитича Шишкова. Я отдаю ему Петра Гарасимовича письмо. Онъ принимаетъ меня какъ родню, роднаго своего племянника и рекомендуется. Вообразите себѣ, батюшка, покойнаго старика г. Владыкина. Сей похожъ весьма на него или нѣсколько подобрѣе. Сначала разговоры у насъ съ симъ почтеннымъ старикомъ были довольно сухи. Онъ зналъ коротко дѣдушку Тимоѳея Петровича и былъ ему пріятель. Сіе обстоятельство подало ему довольно матеріи къ разговору. Когда же онъ узналъ, что я смыслю нѣсколько языки, охотникъ до книгъ и могу съ нимъ кое-о-чемъ разговаривать, то забылъ мой старикъ, что отъ слабости своей лежалъ въ постели, вскочилъ, одѣлся, началъ показывать различныя свои книги, которымъ онъ, не смотря на свою бѣдность, былъ вокругъ окладенъ. Библіотека его состоитъ въ однихъ почти нѣмецкихъ книгахъ. Онъ знаетъ совершенно сей языкъ и великій дока на вышариваніе рѣдчайшихъ новѣйшихъ сочиненій. Словомъ, имѣетъ весьма рѣдкія и важныя книги. Начались у насъ тотчасъ важныя матеріи и разсужденія, то о книгахъ, о учености, о политическихъ дѣлахъ Европы и о нынѣшней войнѣ. Истинно часа три или болѣе онъ не переставалъ ни на минуту говорить и

разсказывать мнѣ о многихъ вещахъ. И я, къ великому удивленію, судя по образу его жизни, противъ ожиданія нашель такой рѣдкій проницательный разумъ, такую ужасную память, такую тонкую политику и основательность въ доказательствахъ и разсужденіяхъ, что сей; сѣдинами покрытый, старецъ составляетъ сущее чудо въ своемъ вѣкѣ. Я разстался съ нимъ, пріобрѣтя великую къ себѣ любовь и похвалу, и за удовольствіе сочту и еще нѣсколько разъ пользоваться бесѣдою сего препочтеннаго и преразумнаго старика. Ласками же своими и учтивствами онъ такъ обязываетъ, что я приведенъ въ тупикъ, чѣмъ ему на оныя отвѣтствовать. Словомъ, сей старикъ меня обворожилъ и рѣдкія его достоинства не выходятъ у меня ни на минуту изъ мыслей. Я увѣренъ, что вы мнѣ позволите занимать мѣста въ письмахъ; обстоятельными описаніями о будущихъ нашихъ съ нимъ свиданіяхъ. Я слышалъ также отъ него множество разныхъ исторій, между коими множество и секретныхъ, кои онъ имѣетъ вѣрнѣйшій случай узнавать, но пересказываніе объ оныхъ надобно отложить до самоличныхъ разговоровъ.

Въ тотъ же день, ввечеру.

«Теперь только былъ я опять у Николая Степановича Тютчева и имѣлъ опять случай трактовать съ нимъ о моемъ дѣлѣ. Онъ опять, по ласкѣ своей, обѣщалъ стараться обо мнѣ, только всё разноголосица превеликая, и единому Богу надобно предоставить, какимъ путемъ назначитъ Онъ произведеніе моего чина и чѣмъ все сіе окончится. Я имѣлъ также ввечеру великое удовольствіе наслушаться музыки Марьи Михайловны, жены Николая Степановича. У ней прекрасный позитивъ съ органами и педалями, и я пріятнѣе сего инструмента ничего въ свѣтѣ не слыхивалъ.

18 ноября, въ воскресенье, послѣ обѣда.

«Севодни я имѣлъ опять весьма досадное для себя утро, ибо все сдѣлалось противъ моего намѣренія и неудачно. Я надѣялся получить севодни уже рѣшеніе отъ г. Васильева въ разсужденіи моего дѣла. Для сего я, рано вставши и одѣвшись, къ нему поѣхалъ. Но видно, что его превосходительство изволилъ совсѣмъ обо мнѣ забыть, либо не хочетъ постараться, сказавъ только мнѣ, что онъ съ секретаремъ не видался еще и обо мнѣ не говорилъ. Болѣе сего не сказалъ онъ мнѣ ни слова, и я поѣхалъ ни съ чѣмъ. Словомъ, малую уже имѣю я надежду на его превосходительство. Поѣхавши отъ него, думаю, куда мнѣ теперь поѣхать. Дай поищу дома Малиновскаго; но сколько я ни ѣздилъ и у кого ни спрашивалъ, но никто не могъ меня о семъ увѣдомить. Уже въ канцеляріи его сказали мнѣ, что ежели я пріѣду завтра поранѣе, то о жительствѣ его увѣдомятъ меня. Итакъ, поѣхалъ я и отсюда ни съ чѣмъ. Вздумалъ потомъ ѣхать искать домъ Дмитрія Степановича Сонина. Для сего справился въ адмиралтействѣ и хотя и получилъ тутъ свѣдѣніе, гдѣ его домъ, но, поѣхавши въ то мѣсто, истинно часа два искали его дома и никакъ не могли сыскать, слѣдовательно, и возвратился домой также ни съ чѣмъ. Ѣдучи давича мимо почтоваго двора и узнавъ, что почта уже пришла изъ Москвы, думалъ вѣрно получить что-нибудь на оной, и хотя къ удовольствію своему и нашелъ по картѣ, что есть письмо отъ васъ, но видно, что вы опять изволили подписать подателю, то почталіоны, не упускаютъ уже ни минуты, и таковыя письма тотчасъ по себѣ разбираютъ. Я никакъ не могъ добиться письма, для того что, дескать, къ вамъ привезутъ на домъ. Но плуты сіи по сихъ поръ письма еще не привозили—досада и нетерпѣливость ужасная. О непріѣздѣ по сихъ поръ Михаила Васильевича также я очень сожалѣлъ и думалъ, что онъ уже отдумалъ, но сей часъ пріѣхалъ его обозъ, который, ѣдучи сюда другою дорогою, думалъ его ужъ здѣсь найтить, потому что онъ давно уже хотѣлъ выѣхать. Видно, что какія-

нибудь непредвидимыя обстоятельства либо остановили его, либо онъ заѣхалъ къ своему тестю. Сказываютъ также, что и Анна Петровна будетъ къ Рождеству. Сіе меня весьма обрадовало, и я ежечасно буду ожидать Михаила Васильевича.

19 ноября, въ понедѣльникъ.

«Хотя по совѣту Марьи Петровны и намѣренъ я былъ послать сіе письмо къ вамъ севодни, но различныя причины принудили меня опять перемѣнить сіе намѣреніе и отложить до четверга. Болѣе всего не хотѣлось мнѣ послать письма сего, не читавши вашихъ писемъ, также имѣю я еще кой-о-чемъ къ вамъ написать, а къ четвергу и еще болѣе наберется; къ тому же, произойдетъ можетъ быть къ тому времени что-нибудь рѣшительное теперешнему моему положенію, а можетъ быть и четверговая почта, для моего счастія будетъ вѣрна, да и что я за грѣшный, что ваши письма получаю въ 10-ть дней, а мои бы къ вамъ не доходили. Можетъ быть какая-нибудь особая причина была виною недохожденію писемъ г-жи Травиной и совсѣмъ—не четвергъ.

«Теперь сажусь къ вамъ, батюшка, писать, имѣя весьма довольно матеріи въ продолженіе моихъ похожденій, и особенно о севоднешнихъ вамъ донести. Соскучиваясь быть въ нерѣшимости о моемъ дѣлѣ, былъ я севодни опять у Травиной. Но, услышавъ отъ людей, что она ни съ кѣмъ еще послѣ меня не видалась и что Чернышеву нельзя еще скоро переѣзжать въ каретѣ чрезъ Неву, разсудилъ я лучше ее такъ часто не обезпокоивать, чтобъ не наскучить, и отложилъ до другаго времени. Не хотя же пропускать время по-пустому, вознамѣрился я отыскать уже неотмѣнно г. Малиновскаго. Для чего я справился опять въ канцеляріи графа Безбородки и, получивъ скоро свѣдѣніе, въ скорости отыскалъ и домъ его. Теперь скажу вамъ, что я ошибся въ моемъ воображеніи. Я нашелъ его совсѣмъ не таковымъ, какъ воображалъ. Онъ, кажется, человѣкъ простой. Только прочитавъ ваше письмо, обласкалъ меня очень, отзываясь очень похвально объ васъ, и просилъ, чтобъ я чаще къ нему ходилъ. Я сіе охотно исполню и тѣмъ паче, что недалеко отъ насъ живетъ. По короткости времени нашего свиданія и за его недосугомъ, мнѣ не удалось болѣе ни о чемъ съ нимъ поговорить.

«Обращусь теперь къ вашимъ письмамъ. Видя и севодни, что ихъ ко мнѣ не несутъ, вышелъ я уже изъ терпѣнія и бранилъ тысячу разъ господъ почталіоновъ. Я бы вѣрно не скоро еще получилъ оныя, ежели бы не заѣхалъ давича самъ на почтовый дворъ. Тутъ присталъ я уже непутёмъ и просилъ неотступно почталіоновъ, чтобъ они мнѣ сказали, куда дѣвали мои письмы. Наконецъ, отыскалъ самого того, кому они отданы. Сей, по примѣру прочихъ, нахваталъ писемъ для разношенія множество, но не успѣлъ; имѣлъ въ числѣ многихъ оставшихся и ваше ко мнѣ письмо, да письмо отъ княгини. Съ жадностію отнявъ у него оныя, спѣшилъ скорѣй домой для прочтенія ихъ. Въ другой разъ будемъ умнѣе, и Василій мой будетъ уже тамъ заранѣе дожидаться.

«Я не знаю опять, какъ изъявить вамъ ту благодарность, которую я чувствую за всѣ ваши драгоцѣнныя, милостивыя ко мнѣ писанія. Будучи твердо увѣренъ въ вашей ко мнѣ любви, предаю сіе на собственное ваше разсужденіе и вѣроятіе и не предпринимаю опять изъявлять вамъ благодарность сію на словахъ, для того что оная начертана въ моемъ сердцѣ и втайнѣ усугубляетъ въ ономъ мою любовь къ вамъ и высокопочитаніе. Таковое истинное чувствіе замѣняетъ, по моему мнѣнію, многія напрасновзвучащія слова, испускаемыя иногда при льстивыхъ изображеніяхъ чувствованій. Лесть же мнѣ въ семъ случаѣ совсѣмъ не нужна, и я увѣренъ, батюшка, что вы мнѣ въ семъ изволите повѣрить.

«На опасеніе же ваше, батюшка, чтобъ я здѣсь не испортился и не свелъ знакомства съ распутными людьми, опять,

при изъявленіи моей благодарности, на то скажу, что, какъ я былъ доселѣ столь счастливъ, что поведеніемъ моимъ не наводилъ вамъ никакого сумнѣнія, то самое сіе заставитъ меня быть въ семъ случаѣ непремѣннымъ и обнадеживаетъ меня, что и вы будете увѣрены въ моей въ томъ непоколебимости. Если бы и свелъ я съ таковыми людьми знакомство, чего я всегда буду гнушаться, то повѣрьте, что не скоро кто преклонитъ меня къ чему-нибудь худому. Первое потому, что я, благодарить Бога, могу уже нѣсколько различить худое отъ добраго, а, во-вторыхъ, потому, что я полагаюсь болѣе всего въ семъ случаѣ на Его святое предохраненіе. Я вамъ скажу еще, батюшка, что хотя столь мало еще здѣсь живу, но хлопоты и ежедневныя заботы и безпокойства сдѣлали уже во мнѣ то, что я совершенно мизантропическимъ или, лучше сказать, отшельническимъ окомъ взираю на здѣшнюю суетную жизнь, а особливо — презрѣнія достойныхъ молодыхъ людей... Я вамъ также признаюсь, батюшка, что разлука съ дражайшими моими родными сдѣлала мнѣ всѣхъ ихъ гораздо драгоцѣннѣйшими, то и сіе можетъ ли меня допустить причинить огорченіе вамъ моимъ поведеніемъ. Ахъ, батюшка, будьте увѣрены въ семъ и не извольте сумнѣваться.

Въ тотъ же день, ввечеру.

«Вотъ еще въ другой разъ сажусь къ вамъ писать. Имѣя свободное время, за грѣхъ считаю его пропускать, и чтобъ не заняться симъ для меня пріятнымъ упражненіемъ. Мнѣ совѣстно правда, что я, между дѣла, пишу иногда къ вамъ много и пустяковъ. Я довольно также вижу сколь много слогъ вашихъ, батюшка, писемъ превосходитъ мой вольностію и красивостію. Я бы охотно оному подражалъ, и ежели-бы не такое хлопотное и смутное мое положеніе было, то, можетъ бы, и я писалъ не столь принужденно и не столь во многихъ мѣстахъ нескладно. Со всѣмъ тѣмъ, я за излишнее считаю въ томъ извиняться, ибо увѣренъ, что мнѣ въ томъ простите, равно какъ и во всемъ прочемъ. . . . . . .

«Итакъ, о севоднешнемъ днѣ еще вамъ скажу, что хотѣлось-было мнѣ повидаться еще съ Николаемъ Степановичемъ, но, не заставъ дома его, былъ опять у старика Артемья Никитича. Я нашолъ его сидящаго въ кружкѣ ученыхъ нѣмцевъ, попивающихъ съ нимъ кофей. Онъ опять радъ мнѣ былъ до крайности, пересталъ съ ними трактовать о важныхъ матеріяхъ и занялся со мною. И о чемъ, о чемъ мы съ нимъ опять ни говорили! Мнѣ кажется, о какой наукѣ ни начни съ нимъ говорить, то онъ всякую знаетъ въ совершенствѣ. Онъ говоритъ со мною часто понѣмецки и только и твердитъ, что въ меня очень влюбился. Обѣщаетъ меня познакомить съ нѣкоторыми учеными людьми и проситъ, чтобъ я ходилъ къ нему почаще. Разставаясь, онъ далъ мнѣ для куріозности грамматику, но какую же— изволите-ли отгадать — турецкую! Также снабдилъ меня послѣдними Гамбургскими и Петербургскими нѣмецкими газетами, чѣмъ я весьма доволенъ, ибо не имѣлъ случая у кого бы мнѣ ихъ доставать. Словомъ, знакомство съ симъ почтеннымъ старичкомъ можетъ для меня быть очень полезно. Жаль только, что далеко ходить.

20 ноября, во вторникъ.

«Сажусь къ вамъ, батюшка, писать, имѣя опять довольно для сего матеріи. Я былъ севодни по-утру опять у Тютчева. Онъ, объявя мнѣ, что говорилъ обо мнѣ со многими въ нашемъ полку, совѣтовалъ неотмѣнно мнѣ явиться, безъ чего произвожденіе мое будетъ очень трудно. Онъ мнѣ даже подтверждалъ, что ежели я хочу его послушаться и иттить его путемъ, то непремѣнно долженъ сдѣлать сіе завтра-же. Словомъ, онъ привелъ меня въ великое недоумѣніе — на что мнѣ рѣшиться, а особливо — не получивъ еще ничего рѣшительнаго отъ Травиной и отъ Васильева.

«Я поѣхалъ потомъ къ генеральшѣ Кутузовой съ письмами отъ ея сестры Толстой и Петра Гарасимовича. Я все то

предвидѣлъ, что отъ нея будетъ. Она не успѣла писемъ прочитать, какъ напустила бранить и ругать нашихъ г. Шишковыхъ, и скажу, что раздражена она на нихъ до чрезвычайности и до иступленія. И для единой только Елизаветы Андреевны, она ко мнѣ сдѣлалась милостива, приказывала ходить къ себѣ почаще и обѣщала навѣрное помочь мнѣ въ моемъ дѣлѣ, только, покуда не увидится съ нашимъ маіоромъ и секретаремъ, не велѣла мнѣ до тѣхъ поръ являться къ полку. Какъ сіе, по словамъ ея, не прежде должно произойтить, какъ чрезъ недѣлю, то сіе привело меня еще въ большее сумнѣніе и недоумѣніе: ея ли приказанію слѣдовать, или Николая Степановича? Я заѣжжалъ потомъ опять къ Травиной и отъ нея услышалъ почти такой же совѣтъ, какъ Николая Степановича, хотя и не видалась она еще съ Чернышевымъ. Слѣдовательно, придется мнѣ почти рѣшиться болѣе на сей послѣдній совѣтъ. Не кстатъ теперь описывать вамъ пространно, въ какую нерѣшимость приводятъ меня всѣ сіи разноголосицы, потому что боишься привести въ неудовольствіе и гнѣвъ и того, и другого, а время, между тѣмъ, все-таки уходитъ.

21 ноября, въ среду.

«Вотъ настало уже такое время, что едва нахожу свободныя минуты къ вамъ, батюшка, писать. Сію минуту возвратился только домой и хочу увѣдомить еще о своемъ положеніи и пописаться къ вамъ писемъ (sic), для того что завтра для сего буду еще меньше имѣть времени. Итакъ, скажу вамъ, что вчера ввечеру былъ я опять у Николая Степановича для послѣдняго положенія, кáкъ и къ кому явиться мнѣ. Онъ, по милости своей, видѣлся уже и говорилъ обо мнѣ съ нашимъ адъютантомъ и однимъ изъ капитановъ, а севоднешнее явленіе мое отложили до завтрева, потому что севодни торжественный праздникъ и имъ не до меня. Севоднешняго же дня, не хотя его такъ пропустить, по-утру одѣвшись поѣхалъ я опять къ Васильеву, сколько для того, чтобъ поздравить его съ праздникомъ, столько-жъ, чтобъ узнать не скажетъ-ли чего обо мнѣ. Его превосходительство приказалъ еще себѣ дать время, для того что еще не видался съ секретаремъ; когда же я спросилъ, не прикажетъ ли мнѣ явиться прежде къ полку, то сказалъ, что сіе непремѣнно должно сдѣлать, для того что ни маіоръ и никто меня не знаетъ въ полку. Итакъ, теперь и онъ тоже подтвердилъ, а прежде не могъ мнѣ о семъ сказать. Оставалась одна Авдотья Ильинична, связывающая меня своимъ запрещеніемъ являться. Но и сіе препятствіе преодолѣло. Я, отслушавши у своего прихода обѣдню, пошелъ къ нимъ на Васильевскій островъ поздравить съ праздникомъ. Я нашолъ прежде мужа ея Ивана Логиновича дома, но скоро пріѣхала и Авдотья Ильинична. Я легко угадывалъ, что они оставятъ меня у себя обѣдать. Сіе мнѣ очень было нужно, ибо Авдотья Ильинична, отведя меня въ сіе время въ особливую комнату, разговаривала со мною обо многомъ, а особливо до моей службы. Она, какъ скоро услышала, что я еще считаюсь въ малолѣтныхъ, то принудила также явиться къ полку непремѣнно, а вчера приказывала совсѣмъ тому противное, потому что не знала вышеупомянутаго обстоятельства. Она обѣщала, что послѣ того станетъ обо мнѣ вѣрно стараться. Написала письмо къ Лизаветѣ Андреевнѣ и, несмотря, что весьма сердита и раздражена на Петра Гарасимовича, но для Елизаветы Андреевны обѣщала непремѣнно выпросить меня въ капитаны. Ежели она устоитъ въ своемъ словѣ, то дай Богъ ей здоровья. Итакъ, изволите, батюшка, видѣть, что всѣ и даже и сія послѣдняя барыня присовѣтывала, противъ великаго моего нехотѣнія, явиться къ полку, поелику безъ сего всѣ просьбы и старанія будутъ безуспѣшны. Я ввечеру опять ходилъ къ г. Тютчеву, для полученія послѣдняго совѣта въ одномъ несходномъ съ Авдотьею Ильиничною приказаніи. И теперь рѣшился, положившись на волю и на покровительство Небесъ, завтра по-

утру учинить то, что давно бы мнѣ надобно было сдѣлать, ежели бы не было разноголосицы въ совѣтахъ.

«Теперь скажу вамъ о товарищѣ своемъ г. Арефьевѣ, что ему понесчастливилось очень явленіе къ маіору. Онъ не послушался моего совѣта и пошелъ къ нему въ намѣстническомъ мундирѣ. Г. Татищевъ, имѣя, какъ вы сами изволите знать, на отца его злобу, придрался тотчасъ къ сему, согналъ почти съ глазъ долой, разжаловалъ въ капралы и хотя послѣ и умилостивился, но все онъ теперь уже не сержантъ, а каптенармусъ. О семъ, какъ я думаю, онъ къ своимъ роднымъ не писалъ, то нѣтъ нужды имъ и сказывать. Между тѣмъ онъ сшилъ себѣ гвардейскій мундиръ, явился вторично къ маіору, принявшему его уже въ сей разъ снисходительнѣе, и завтра его сердечнаго наряжаютъ уже въ дежурство на съѣжжую. Теперь желаю я, чтобъ удалось мнѣ завтра докончить къ вамъ письмы и отослать ихъ.

22 ноября, въ 4 часа пополудни.

«Вотъ уже и отправляю къ вамъ оныя и имѣю еще время довести вамъ, батюшка, что я здоровъ и теперь нѣсколько спокойнѣе, въ разсужденіи начинанія своего дѣла, потому что севодни уже въономъ рѣшился, вступивъ въ настоящую службу. Какимъ же порядкомъ сіе произошло, то на короткихъ словахъ вамъ перескажу. До-свѣту еще, севодни явился я къ адъютанту нашего полку Ѳедору Николаевичу Ладыженскому. Онъ, взявши меня съ собою въ каретѣ, отвезъ къ маіору и ему меня явилъ. Я причисленъ въ 11 роту. Капитанъ у насъ Андрей Ивановичъ Скобельцинъ. Отъ Николая Алексѣевича Татищева я ходилъ къ нему рекомендоваться, былъ потомъ у Александра Дмитріевича Арсеньева, который также подпоручикомъ нашей роты. Я былъ наконецъ и на съѣжжей нашей роты. Впрочемъ, скажу вамъ, что я, по просьбѣ Николая Степановича, на караулъ наряжаться не буду. Адъютантъ (очень хорошій человѣкъ) увѣряетъ, что ежели будутъ просьбы къ маіору, то онъ сдѣлаетъ милость отставитъ капитаномъ. Итакъ, теперь, противъ чаянія своего, привязанъ уже къ полку. Ежели-бъ зналъ прежде, что сіе неотмѣнно надобно будетъ сдѣлать, то давно-бъ уже явился. Остается только просить Всевышняго, чтобъ Онъ благословилъ какъ начало моей службы, такъ и произвожденіе мое, и чтобъ все было благополучно. Я увѣренъ, что вы мнѣ также сего желаете. За симъ прощайте, батюшка, мысленно цѣлую ваши ручки, желаю болѣе всего слышать, что вы находитесь совершенно здоровы и благополучны, и проч.».

А симъ окончу и мое письмо, достигшее уже до своихъ предѣловъ и скажу, что я есмь вашъ, и прочее.

(Февраля 17 дня 1811 года).

Письмо 258.

Любезный пріятель! Легко можете заключить, что сообщенное въ предслѣдующемъ моемъ письмѣ 8-е письмо сына моего весьма насъ порадовало и побудило меня на другой же день послѣ того начать писать.

. . . . *)

«Третьяго дня [8 дек.] окончилъ я и третью часть исторіи моей жизни, и она получила также въ 13 дней свое существованіе. Книжки будутъ прекрасныя! Настасья только и говоритъ, что не только-де намъ, но и инымъ любопытны. Я пишу ихъ прямо на-бѣло на самой бѣлой бумагѣ и украшаю начальныя слова каждаго письма, вмѣсто виньетокъ, рисуночками перомъ-тушью, имѣющими отношеніе къ матеріямъ, въ письмѣ содержащимся. Всѣ прочія твои и мои родные находились также здоровы и благополучны. Самый малютка нашъ еще живъ

---

*) Представивъ выше полные образцы переписки Болотова съ сыномъ, мы, съ согласія владѣльца „Записокъ", В. А. Болотова, опускаемъ совершенно безинтересныя мѣста въ этой перепискѣ съ сыномъ, обозначая каждый разъ строчкою точекъ опущенное мѣсто.

и съ нимъ произошла великая перемѣна. Сынъ подсохла и пропадаетъ, но онъ очень похудѣлъ, ослабѣлъ и всё кашляетъ и кричитъ. Врядъ-ли ему, бѣдняшкѣ, отвертѣться отъ смерти. Петръ Гарасимовичъ съ Елизаветою ѣздили къ Аграфенѣ Ѳедоровнѣ, ихъ теткѣ, и оттуда къ намъ заѣжжали и вчера отъ насъ поѣхали. Послѣ завтрева хотятъ они отправляться въ путь, и мы завтра поѣдемъ ихъ провожать. Какъ-то у васъ, а у насъ на сихъ дняхъ была превеликая оттепель и дождь большой лилъ цѣлыя сутки и согналъ почти весь снѣгъ, и осталось мало. Теперь скользь превеликая и дорога очень бойка, а проселочныя ни къ чему не годятся. Секретари и подъячіе мои все еще въ Тулѣ и все еще разбора письменныхъ дѣлъ не кончили. Намѣстникъ въ Тулѣ еще не бывалъ; однако, велѣно дворянамъ съ 12 числа съѣжжаться для выборовъ. Николая Сергѣевича выписывали всё въ Тулу, но не ѣдетъ и не могутъ дождаться, а надобенъ. Едва-ли не велѣно отъ намѣстника въ деньгахъ его слѣдовать. Бѣды! ежели это правда! пропадетъ онъ сердечный, засудятъ въ прахъ. Возстали на него непутёмъ и самые Дѣдиловцы, и такія открываются дѣла, что волосы ажно вянутъ (sic). Боже, спаси его и помилуй! Вчера ѣздила мать къ княгинѣ, она очень довольна твоимъ письмомъ, а князь пріѣзжалъ ко мнѣ и сидѣлъ долго.

«Еще скажу тебѣ, Павлушка, одно печальное происшествіе: нашего Ѳедора Ивановича Полунина нѣтъ уже на семъ свѣтѣ. Третьяго дни преселился онъ къ своимъ предкамъ и грудная горячка прекратила дни его. Лѣкарь нашъ очень объ немъ тужитъ и говоритъ, что онъ лишился въ немъ своего истиннаго благодѣтеля. Потуживаетъ и Петръ Гарасимовичъ, говоря, что онъ потерялъ добраго сосѣда, а сынъ будетъ-ли тутъ жить и каковъ будетъ — неизвѣстно. Всѣ Полунины и Алабины теперь тамъ; на сихъ дняхъ будетъ погребенье. Повѣса нашъ Петръ Степановичъ Челищевъ проигралъ цѣлыхъ сто рублей. То-то бить не-кому, уже ему-ли играть! Человѣкъ къ ставцу лицемъ сѣсть не умѣетъ! Новикова и теперь еще нѣтъ въ Москвѣ. Съ Настасьею условливаемся мы, чтобъ и она ко мнѣ также обо всемъ писала изъ Твери и на такихъ же бумажкахъ. Пускай привыкаетъ. Я даю ей кусочекъ туши, чашечку также, и бумаги.

. . . .

«Возвратившійся вчера изъ Тулы, Варсобинъ сказывалъ, что намѣстникъ нашъ еще не скоро будетъ и выборы будутъ безъ него. Сказываютъ его тамъ въ арміи какъ-то обокрали и кто-то подтибизилъ жалованныя табакирки и другія драгоцѣнности, всего тысячъ на семь, а прежде говорили тысячъ на 20. О Николаѣ Сергѣевичѣ прислано отъ него предложеніе, однако, слава Богу, не велѣно еще слѣдовать, а только съ напрягаемъ казенной палатѣ, для чего упустила она его изъ Тулы и не велѣла порядочно все сдать. Итакъ, велѣно его выписать изъ Калуги и заставить дѣла и деньги порядочно сдать и потомъ, чтобъ дать ему квитанцію. Словомъ, дается ему время сколько-нибудь исправиться. Богу извѣстно, что́ съ нимъ наконецъ будетъ: не является денежекъ до 80 тысячъ и болѣе».

. . . .

А симъ кончу я и мое письмо, какъ достигшее до своей величины опредѣленной и, предоставя сообщеніе втораго письма письму будущему, скажу, что я есмь вашъ, и прочее.

(Февраля 18 дня 1811 года).

Письмо 259.

. . . .

«Благодѣтельнаго человѣка (генерала Алексѣя Ивановича Васильева) сего не могу и понынѣ вспомнить безъ чувствованія сердечной ему благодарности и безъ пожеланія праху его мирнаго и безмятежнаго покоя. Онъ переселился уже въ вѣчность и въ жизни своей равно какъ предназначенъ былъ самимъ Промысломъ Господнимъ поспѣшествовать

благоденствію всего дома моего, ибо, кромѣ милости, оказанной имъ тогда сыну моему, случай довелъ чрезъ 13 лѣтъ послѣ того и самому мнѣ имѣть до него надобность, какъ будучи тогда уже финансъ-министромъ оказалъ мнѣ чрезъ ходатайство свое у монарха такую милость, которую не только я, но и всѣ потомки мои должны вѣчно помнить и благословлять его имя.

. . . .

«Вчера (18 декабря, во вторникъ) встревожены мы были пронесшимся здѣсь, но недостовѣрнымъ еще слухомъ, якобы отнимается отъ насъ нашъ намѣстникъ и на его мѣсто будетъ графъ де-Бальменъ. Вамъ сіе въ Петербургѣ скорѣе услышать и узнать можно. Ежели это правда, то произойдутъ въ здѣшнихъ краяхъ многія революціи, какъ въ Тулѣ, такъ и вездѣ, и многіе люди о нынѣшнемъ потужутъ, а особливо жаль будетъ въ семъ случаѣ Николая Сергѣевича, а не произвело-бъ сіе нѣкоторыхъ перемѣнъ и въ нашихъ обстоятельствахъ.

. . . .

Письмо 260.

. . . .

«Отъ Артемья Никитича поѣхавъ, сидѣли мы съ братомъ весь вечеръ у нѣкоего г. Шаблыкина. Но надобно вамъ учинить описаніе, что это за звѣрь. Сей мужъ не выдастъ также бойкостію нашему старику Шишкову; онъ, по женѣ, брату Михаилу Васильевичу сродни, человѣкъ немного постарѣ васъ. Онъ, будучи славнымъ повсюду директоромъ экономіи въ Володимірѣ, замѣшанъ былъ также по славному Воронцовскому дѣлу и теперь живетъ здѣсь по оному. Много прожилъ, но дѣло все перекаверкалъ, и оно скоро кончится въ его пользу. Пріятно весьма слушать сего человѣка, и мы съ великою охотою слушали его разсказыванія цѣлый вечеръ.

. . . .

«Мы были въ театрѣ, и долго не выдетъ у насъ изъ головы то, что̀ мы тамъ видѣли. Піэсы представлены были сего дня слѣдующія: опера «Притворная Любовница» и никогда не виданный балетъ «Медея и Язонъ». Первая піэса производила только довольно смѣха, а последняя, могу сказать, что есть наисовершеннѣйшая въ своемъ родѣ. Весь Петербургъ жаждалъ ее видѣть. Нѣсколько сотъ человѣкъ поѣхали назадъ, не имѣя уже въ театрѣ мѣста. Самъ великій князь и великая княгиня присутствовали тутъ же изъ любопытства. Я боялся истинно, чтобъ отъ ужасныхъ перемѣнъ декорацій и множества представленнаго пламени не загорѣлся бы въ самомъ дѣлѣ театръ. Я, въ окончаніе похвалы сему балету, скажу только то, что здѣсь всѣ говорятъ, что, отъ начала таковыхъ представленій, такого балета никогда еще не было.

. . . .

«Жаль, что ты не видался съ Нартовымъ. Ежели увидишь, то поблагодари его отъ меня за камень, ибо онъ первый подалъ поводъ къ тому, что я узналъ его полезность, и разговорись съ нимъ о томъ, сколько трудился я, издавая «Магазинъ». По настоящему надлежало бы мнѣ, по окончаніи всего, весь свой «Магазинъ» прислать въ подарокъ Экономическому Обществу, яко въ жертву благодарности за то, что побудило оно меня упражняться въ дѣлахъ и писаніяхъ экономическихъ. Это бы, я думаю, было Экономическому Обществу лестно и пріятно, что ихъ членъ столько трудился. Но то-то моя бѣда, что отъ сего Общества, какъ отъ нѣкоего животнаго ни шерсти, ни молока.

. . . .

«Наша «Почта Духовъ» заснула, и болѣе того не получалъ: говны, а не издатели!»

. . . .

Сіе письмо было послѣднее, отправленное къ сыну моему въ теченіе 1789 года. Но какъ было сіе 27 декабря, и оставалось еще 4 дни до наступленія Новаго года, то, для усовершенствованія повѣствованія о всѣхъ происшествіяхъ, бывшихъ со мною въ теченіе сего года, упомяну вкратцѣ и о томъ, что̀ въ продолженіе сихъ четырехъ дней со мною случилось.

Всѣ оныя провелъ я въ прежнемъ своемъ мѣстѣ въ Богородицкѣ и, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, не весьма весело. Случились кое-какія хлопотишки и досады, огорчившія мой духъ, а наиболѣе смущало и меня и всѣхъ моихъ домашнихъ то, что съ обыкновенною воскресною почтою не получили мы ожидаемаго письма отъ моего сына, и не зналъ чему бы то приписать. А, вмѣсто того, смутилъ меня указъ, присланный ко мнѣ изъ казенной палаты съ повелѣніемъ, чтобъ мнѣ ѣхать въ Тулу и привезть съ собою всѣ ордера, присыланные ко мнѣ отъ г. Давыдова о присылкѣ къ нему въ Тулу денегъ, поелику оные нужны были для счота г. Давыдова въ Счетной Экспедиціи. И какъ указовъ таковыхъ до того я никогда еще не получалъ, то сіе меня нѣсколько и перетревожило. Не менѣе раздосадованъ я былъ полученнымъ изъ Москвы извѣстіемъ, что посланныя отъ меня къ отъѣжжимъ нашимъ роднымъ письмы ими не получены и какимъ-то образомъ пропали. Наконецъ и самъ я въ послѣдній день сего года былъ какъ-то не очень здоровъ.

Но какъ бы то ни было, но кончился и прошелъ наконецъ и сей достопамятный для меня годъ, съ окончаніемъ котораго кончу я не только сіе письмо, но и все 25 собраніе оныхъ, предоставивъ повѣствованіе о достальной части переписки моей съ сыномъ письмамъ будущимъ и слѣдующей за сею уже 26 части моей исторіи, и остаюсь вашъ и прочее.

(Февраля 20 дня 1811 года).

Конецъ XXV части.

Сочинена въ 1811 году въ февралѣ, въ теченіе 20 дней, въ Двorениновѣ.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XXVI.

(Въ Двoрениновѣ, начата 23 февраля 1811, а окончена 23 марта 1811 г.).

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Богородицкѣ.

1790 годъ и продолженіе моего 52 года жизни.

Письмо 261.

Любезный пріятель! Приступая къ описанію происшествій, случившихся со мною въ теченіе 1790 года, начну предпосланіемъ краткаго замѣчанія о томъ положеніи, въ какомъ я со всѣмъ своимъ семействомъ находился при наступленіи сего года. Изъ предслѣдующихъ писемъ явствуетъ, что при концѣ 1789 года находился я хотя въ прежнемъ своемъ мѣстѣ, при управленіи Богородицкою волостью, но въ обстоятельствахъ нѣсколько сумнительныхъ. Господинъ Давыдовъ бывшій до того моимъ начальникомъ и командиромъ, былъ уже давно отъ начальства надъ сею волостью отторгнутъ и его около сего времени въ Тулѣ считали, а на мѣсто его никто еще собственно не былъ опредѣленъ, и впредь кто именно будетъ новымъ моимъ начальникомъ — было еще неизвѣстно, а начальствовалъ въ сей промежутокъ времени надо мной одинъ изъ совѣтниковъ казенной палаты г. Веницеевъ. Главнаго же

нашего начальника, намѣстника Кречетникова не было тогда въ Тулѣ; онъ находился еще въ арміи и оттуда не возвращался, хотя пріѣзда его въ скоромъ времени и ожидали въ Тулу. Какъ обстоятельство, что прежній любимецъ его, г. Давыдовъ, весьма худо хозяйствовалъ съ присылаемыми отъ меня для храненія въ казенной палатѣ деньгами и многія десятки тысячъ оныхъ протранжирилъ, было намѣстнику совсѣмъ неизвѣстно,—то ожидаемый пріѣздъ его въ Тулу былъ не только ему, но и всѣмъ его друзьямъ и пріятелямъ страшенъ, и всѣ не знали, какъ ему о томъ и сказать будетъ надобно. Самому мнѣ, не смотря хотя я ни мало въ семъ дѣлѣ не былъ замѣшанъ, а съ своей стороны былъ чистъ и ни чѣмъ не замаранъ,— наводило обстоятельство сіе нѣкоторое сомнѣніе. Я озабочивался тѣмъ, чтобъ и мнѣ не претерпѣть отъ намѣстника какова-нибудь за то гнѣва, хотя я и могъ оправдаться во всемъ, наилутчимъ образомъ. Самый насланный ко мнѣ въ концѣ минувшаго года изъ казенной палаты указъ и призывъ меня въ Тулу, со всѣми до отсылки отъ меня денегъ касающимися документами, наводилъ уже на меня нѣкоторое сумнѣніе, ибо какъ мнѣ было довольно извѣстно, что всѣ тульскія, которымъ велѣно было г. Давыдова считать, по любви своей къ нему, старался всячески грѣхи его сколько можно прикрыть и употребить все, что только можно было, къ его вспоможенію, то имѣлъ я причину подозрѣвать, не хотятъ-ли они употребить какой-нибудь хитрости и непозволенной интриги, и запутать и меня какимъ-нибудь образомъ въ сіе опасное дѣло, а посему и собрался въ сіе путешествіе съ крайнимъ нехотѣніемъ и съ смущеннымъ духомъ.

Съ другой стороны смущало и крайне озабочивало не только меня, но и все мое наличное тогда семейство, состоявшее въ моей женѣ, ея матери и двухъ меньшихъ моихъ дочерей,—неизвѣстность, въ какой мы всѣ находились при началѣ сего года объ отсутственномъ моемъ сынѣ, который всѣмъ намъ дороже былъ всего на свѣтѣ. Послѣднимъ своимъ письмомъ изъ Петербурга, отъ 10 декабря, увѣдомлялъ онъ насъ, что они хотѣли ѣхать во Псковъ, но какъ послѣ того не получили мы отъ него въ обыкновенное время письма, то и не знали, гдѣ онъ тогда находился, въ пути-ли туда, или обратномъ, или уже возвратился въ Петербургъ; и, за неполученіемъ письма, начали уже опасаться, не произошло [ли] съ нимъ чего особливаго и непріятнаго, и въ добромъ-ли онъ здоровьѣ находится.

. . . .

«28 декабря былъ весь день для меня скучный и досадный, я весь его просердился и продосадовалъ. Я расположился было препроводить его въ скучнѣйшей работѣ, въ выписываніи выписки изъ «Магазина», для сочиненія реестра, но меня съ самаго утра то тѣмъ, то сѣмъ разсердили и разстрогали, а послѣ обѣда Ламковскій прикащикъ даже вздурилъ и такъ разсердилъ, что я размучилъ бы его плетьми. Бездѣльникъ заѣзжай въ лѣсъ рубить дрова куда не велѣно, и надѣлалъ пакости, и произвелъ то, что теперь сидѣть они будутъ безъ дровъ! Ко всѣмъ симъ досадамъ присовокупилось и то, что и самому мнѣ что-то не поздоровилось въ этотъ день.

. . . .

«Ну, теперь разскажу тебѣ, Павлушка, о дядюшкѣ твоемъ, а о моемъ братцѣ Михайлѣ Матвѣевичѣ. Боже мой! какъ онъ нынѣ сталъ худъ! Истинно и не узнаешь его, и того и смотри, что умретъ. Самъ на себя не походитъ и совсѣмъ одряхлѣлъ отъ распутства и невоздержности крайней. Причиною пріѣзда его было то, что сыскался женихъ дочери его, нѣкто господинъ Бѣгичевъ, и ему хотѣлось съ нами посовѣтовать и попросить, чтобъ мы и ему помогли. Мы душевно ради, но съ нимъ ни въ чемъ не сладишь. Итакъ, поѣхалъ отъ насъ къ тещѣ почти ни съ чѣмъ....

«Проводивъ его въ понедѣльникъ, расположился я ѣхать въ Тулу и пріѣхалъ къ вечеру сюда. Не зная, что Антонъ

Никитичъ здѣсь, а считая его еще въ Володимирѣ, остановился я у Пастухова и сегодня весь день былъ въ разъѣздахъ и хлопотахъ. Все утро табалу пробилъ въ казенной полатѣ, и ни какого дѣла еще не было. Обѣдать зазвалъ меня къ себѣ другъ нашъ Антонъ Никитичъ, съ которымъ поговорили мы много о тебѣ. Какъ онъ, такъ и его Анна Ивановна очень интересуются тобою. Я обѣщалъ имъ прочесть твои письмы, которыя у меня съ собою. А послѣ обѣда былъ у нашего Николая Сергѣевича Давыдова. Онъ ко мнѣ по-прежнему очень благопріятенъ. Но я не могъ довольно надивиться, какъ люди, находясь въ такомъ критическомъ и пресквернομъ положеніи, въ какомъ теперь онъ, могутъ принимать на себя наружный столь спокойный видъ, какъ бы ничего не бывало. Отъ него я только-что пріѣхалъ, но не успѣлъ усѣвшись начать къ тебѣ письмо писать, какъ въ двери ко мнѣ нашъ Иванъ Тимоѳеевичъ Алабинъ, новый Епифанскій судья, господинъ засѣдатель уѣзднаго суда!....

. . . .

Письмо 262.

. . . .

«Это были фарфоровые заводы [въ Петербургѣ]. Хотя вы и изволили писать, чтобъ я постарался на нихъ побывать, но я, имѣвши до того еще случай наслышаться объ нихъ довольно, великое имѣлъ и желаніе ихъ посмотрѣть. Здѣсь есть нѣкто изъ знакомыхъ Михайлы Васильевича г. Берниковъ. Онъ—изъ первыхъ здѣсь архитекторовъ и находится при князѣ Вяземскомъ, равно и при сихъ славныхъ у насъ въ Россіи заводахъ. Онъ-то, увидѣвъ наши пески и узнавъ, что я любопытствую видѣть здѣсь все примѣчанія достойное, обѣщалъ меня свозить туда и все показать. Вчерашній день былъ къ тому назначенъ. Ранёхонько вставши и одѣвшись, поѣхали мы съ братомъ Михайломъ Васильевичемъ къ сему г. Берникову. Даль ужасная! за Невскій монастырь и внѣ города, и тамъ уже недалеко и заводы. Теперь скажу вамъ, батюшка, что я сколько ни благодаренъ былъ ласками къ себѣ г. Берникова, но еще болѣе онъ меня обязалъ, взявши на себя трудъ меня повсюду выводить и все показать. И въ самомъ дѣлѣ, насъ выводили всюду-и-всюду и все мнѣ показывали. Словомъ, я видѣлъ все, и имѣю теперь великое понятіе о всѣхъ работахъ при дѣлахъ фарфоровыхъ вещей и какія притомъ различныя распоряженія и установленія. Есть также много и очень много и тутъ чего посмотрѣть, а особливо въ разсужденіи изящества и совершенства многихъ скульптерныхъ работъ и фарфоровыхъ штукъ. Для глазъ же болѣе всего, между прочимъ, зрѣнія достойна полата, наполненная отдѣланными уже совсѣмъ вещами и разставленными для продажи. Въ семъ магазинѣ находится фарфору на многіе десятки тысячъ. И мы не утерпѣли съ братомъ, чтобъ не промотать на то по нѣскольку рублей. Мы хотѣли-было еще съѣздить къ князю Вяземскому на дачу, гдѣ есть также кое-что зрѣнія достойнаго.

. . . .

«Теперь скажу вамъ, батюшка, что это у насъ здѣсь за зима! Никто отъ роду не помнитъ таковой непостоянной и негодной. Сколько разъ замораживало и сколько разъ дѣлалась оттепель! Сія же послѣдняя сдѣлала теперь все сквернымъ, и сколько хороша по наружности, казалось, стала зима, столь скоро оная и сошла. Слякоть, дождь, а особливо севоднешній проливной, согналъ снѣгъ до единой капли. Все обледѣнѣло такъ, что никому нѣтъ способу на ногахъ держаться. Каналы всѣ покрыты водою. Неву также во многихъ мѣстахъ взломало, боятся даже, чтобъ не прошла, а о дорогѣ сказываютъ, что и говорить уже нечего: ни на саняхъ, ни на колесахъ ѣхать нельзя.

. . . .

«Севодня слышали мы, будто нашъ намѣстникъ Кречетниковъ подалъ уже челобитную въ отставку и объ увольненіи отъ всѣхъ дѣлъ. И сіе извѣстіе меня нѣсколько потревожило и въ разсужденіи васъ, но не знаю, можетъ быть сіе

еще и не правда, и не одни-ль еще тому догадки.

. . . .

«Еще скажу вамъ о снахъ, что вы изволите писать; то и я, не будучи никогда суевѣромъ, дѣлаюсь отчасти имъ вѣрющимъ. Повѣрите-ли, судырь, что истинно частёхонько такіе грезятся сны, которые заставляютъ поневолѣ ихъ примѣчать, но что-жъ? вѣдь точно и сбываются! Можетъ быть, сокрывается тутъ какое-нибудь таинство натуры, либо происходитъ отъ разгоряченныхъ умовоображеній....»

. . . .

17 декабря, въ понедѣльникъ, по-утру.

«Вчерашній торжественный для меня день и кончился весельемъ. Я вамъ разскажу въ чемъ оно состояло. Не успѣлъ я вчера остановиться къ вамъ писать, какъ вдругъ подаютъ мнѣ листокъ, объявленіе театральное о севоднешнемъ спектаклѣ, что будетъ представлена большая комедія «Мѣщанинъ въ дворянствѣ», со многими весьма хорами и балетами, и что симъ представленіемъ закроются театры до самаго 7-го генваря. «Вотъ тебѣ на! воскликнулъ я! поэтому врядъ-ли мнѣ удастся посмотрѣть еще здѣшнихъ театровъ, но я не пропущу сей разъ и поѣду въ театръ». Я подкрѣпилъ свое намѣреніе тѣмъ, что братъ Михайло Васильевичъ далъ мнѣ знать, что сія піэса достойна зрѣлища. Итакъ, я хотя и не думалъ совсѣмъ быть севодни въ театрѣ, а хотѣлъ побывать кой-у-кого знакомыхъ, но въ одну минуту вздумалъ и туда поскорѣй поѣхалъ, чтобъ застать лучшее мѣсто; хотя и, раненько слишкомъ пріѣхалъ, но время ожиданія представленія провелъ ненапрасно, ибо въ сіе время познакомился какъ-то очень скоро съ двумя армейскими капитанами, которые были во всѣхъ нынѣшней кампаніи съ Шведами сраженіяхъ и довольно въ сіе время наудовольствовалъ свое о томъ любопытство. Впрочемъ, скажу вамъ, что много разъ благодарилъ себя, что поѣхалъ севодни въ театръ; піэса очень достойна зрѣнія. Съ одной стороны ужасная ея сатира, а съ другой—комичество заставляли всѣхъ зрителей смѣяться до надсаду, но какіе въ ней хоры и балеты и изображеніе всего великолѣпія свиты Турецкаго султана, то можно сказать, что въ семъ родѣ она есть наизящнѣйшая піэса. Глаза и уши великія чувствовали при томъ удовольствія. Но не одному себѣ снискалъ я удовольствіе, что видѣлъ сей спектакль. Я бралъ съ собою въ театръ Василья и Тимошку, и они совершенно очаровались видѣннымъ всѣмъ и слышаннымъ, а особливо балетами, которые и въ самомъ дѣлѣ совершенны въ своемъ родѣ.

. . . .

«Погода у насъ продолжается очень ненастная; то-и-дѣло дождь, и не осталось нигдѣ ни малѣйшаго признака, что остановилась зима и было много снѣга. Вообразите себѣ, какая это чудная зима: Рождество Христово уже на дворѣ, а у насъ настоящая осень, такъ какъ бы въ сентябрѣ! Улицы всѣ здѣсь запружены грязью и жидкимъ киселемъ; хотя куда и хотѣлось бы съѣздить или сходить, поневолѣ иногда посидишь дома. Что-то у васъ тамъ? Не бѣжала-ли также зима куда-нибудь въ гости, какъ здѣсь? распутица ужасная!

. . . .

«Ѣду я сперва къ старику своему Артемью Никитичу, давно уже мнѣ хотѣлось у него побывать, но все не удавалось, либо за непогодою, либо по краткости времени, въ разсужденіи отдаленности его жилища. Погода севодни сдѣлалась также лучше и подмерзло немного; ни холодно, ни тепло. Старикъ принимаетъ меня по-прежнему опять очень ласково и не знаетъ какъ наговориться. Я просидѣлъ у него до 12 часа и множество было у насъ разговоровъ, сколько ничего незначущихъ, а болѣе касающихся до наукъ и до прочаго. Онъ мнѣ на сей разъ далъ у себя почитать одинъ скорописный переводъ, по важному содержанію котораго дать мнѣ на время домой никакъ не соглашался. Книга сія

переходитъ секретно изъ рукъ въ руки, а названіе имѣетъ «Подарокъ китайскаго императора европейскимъ государямъ на новый 782 годъ». Сочиненіе, въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно острое и умное, состоящее въ тонкой политической критикѣ и цѣненіи всѣхъ нынѣ царствующихъ въ Европѣ государей, каждому особо, и многія изъ нихъ расчипаны тутъ въ прахъ.

. . . .

«Давно уже хотѣлось мнѣ побывать въ нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ киркахъ, но все какъ-то не удавалось. Вчерась же поутру, имѣя опять братнину карету свободною, поѣхалъ къ обѣдни въ католицкую церковь, и не раскаялся, что сіе сдѣлалъ. Я пріѣхалъ туда въ самую пору и, къ моему счастію, служеніе отправлялось во всей формѣ, слѣдовательно, я и имѣлъ случай насмотрѣться довольно и видѣть весь обрядъ служенія католицкаго. Лютеранское я видѣлъ много разъ, какъ вы сами изволите знать, въ Москвѣ; но зрѣлище сего было для меня совсѣмъ ново и любопытно. Ихъ образъ богослуженія—сколько съ одной стороны страненъ и смѣшонъ для невидавшихъ никогда его глазъ, столько съ другой стороны имѣетъ въ себѣ много почтеннаго и впечатлѣвающаго въ человѣческихъ мысляхъ. А особливо трогательное играніе на орга́нахъ, соединенное съ пѣніемъ, столь проникаетъ въ глубину сердца, что мнѣ кажется, что сіе установленіе весьма полезно и удобно для возженія пламеннаго къ Богу усердія въ истинномъ христіанинѣ. Также можно приписать похвалу и самимъ католикамъ, что они съ великимъ благоговѣніемъ слушаютъ отправленіе своей службы, и усердіе многихъ изъ нихъ простирается до высочайшей степени, и начертано у всѣхъ на лицахъ. Впрочемъ, скажу вамъ, что прекрасная архитектура наружности и великолѣпное украшеніе внутренности здѣшней католицкой церкви—достойно великаго замѣчанія. Еще вамъ скажу, что во время обѣдни видѣлъ я тутъ нашего прежняго капельмейстера поляка Роженбергскаго и не могу вамъ точно сказать, онъ-ли это, или нѣтъ, потому что видѣлъ его издали; однако кажется, что я не ошибся своими глазами и видѣлъ его храмо́ва и въ зеленомъ кунтушѣ. Странно, какъ онъ сюда зашелъ, ежели это онъ.

Письмо 263.

. . . .

«Въ разсужденіи вчерашней погоды еще вамъ скажу, что это? на одномъ дню сколько было перемѣнъ оной; по-утру морозъ, мятель и ужасный вѣтръ съ моря, о которомъ опасались даже, что ежели продолжится, то чтобы не было наводненія. Всѣ каналы полны были водою почти съ берегами наровнѣ, и ежели бы не оные, то вода въ Невѣ вѣрно бы вышла изъ береговъ; къ вечеру же утихло, былъ морозъ, но вдругъ сдѣлалось тепло, пошелъ проливной дождь и продолжался во всю ночь. Опять снѣжку—какъ не бывало, и малѣйшаго знаку не осталось; севодни же, слава Богу, морозъ, подмерзло, только все обледѣнѣло. Боже мой! когда это зима станетъ? Матеріею для разговоровъ здѣсь служитъ то, что привезенныя со всѣхъ сторонъ въ городъ мяса́ всѣ испортились и протухли отъ оттепелей. Государыня весьма гнѣвалась на губернатора и оберъ-полицеймейстера, что допустили таковое продавать въ городѣ и для сего третьяго дни зарывали даже въ землю великое множество мяса. Отъ сего оное очень вздорожало, претерпѣли много продавцы и терпятъ также и всѣ здѣшніе жители, ибо доходитъ говядина до 5 рублей пудъ! Какая неслыханная дороговизна, чтобъ не дошло еще дороже.

. . . .

«Я былъ севодни у обѣдни и ходилъ нарочно къ Спасу на Сѣнную, чтобъ притомъ посмотрѣть, что́ есть тамъ примѣчанія достойнаго, о чемъ я довольно наслышался. И въ самомъ дѣлѣ, отслушавъ обѣдню, упросилъ я, чтобъ отперли для меня большую, настоящую церковь, гдѣ есть что́ посмотрѣть, въ разсужденіи бо-

гатства и убранства иконостаса; а особливо болѣе всего замѣчанія достойно, славящійся тягостію своею литой изъ серебра престолъ въ алтарѣ; все сіе — построеніе покойника богача Собакина.

Письмо 264.

. . . .

«Другою нетерпѣливостію мучимся мы узнать скорѣй, кто будетъ у насъ директоромъ. Свѣчинъ съ часа-на-часъ ждетъ указа о себѣ; уже есть здѣсь копія съ опредѣленія сенатскаго. Онъ съякшался съ губернаторомъ и, ничего еще не видя, по дурному и негодному своему характеру, несетъ, сказываютъ, горы на всѣхъ и Богъ знаетъ что; а другіе ждутъ возвращенія курьера, поскакавшаго отъ намѣстника просить, чтобъ того не дѣлали, а кого-нибудь инаго произвели, и либо Юницкаго, либо Грахольскаго, либо Веницеева. Итакъ, неизвѣстно еще кто будетъ, и не будетъ-ли чего съ завтрашнею или севоднишнею почтою.

. . . .

«Я вчерашній день проводилъ здѣсь въ Тулѣ по сущимъ пустякамъ, и возможно-ли, дни четыре живи единственно для того, что Веницеевъ всякій день ѣздитъ съ свѣтомъ вдругъ гайкать съ собаками на поле и не заглянетъ въ казенную палату, а вицъ-губернатору съ нимъ видѣться надобно и спросить объ одномъ дѣлѣ. Не досада-ли сущая? Но мнѣ не таково досадно, потому что мнѣ здѣсь не скучно, и я то-и-дѣло, что кой-куда ѣжжу. Вчера былъ у отца Іеронима въ монастырѣ и имѣлъ случай видѣть рѣдкую церемонію и воздаваемую ему, какъ игумену, почесть. Видѣлся съ нимъ, говорилъ и онъ обѣщалъ-было пріѣхать на вечеръ ко мнѣ, однако, не бывалъ, хоть мы его весь вечеръ прождали. Загулялся у Ливенцовыхъ. Мать твоя также все ѣздила по гостямъ, была у Петра Алексѣевича Кирѣева и у Верещагиныхъ, а днемъ все зябла въ рядахъ и покупала покупки. Но вѣдала бы, не ѣздила. Другъ сердечный Михаилъ Матвѣевичъ упросилъ и вызвалъ ее самъ всё искупить, а тутъ далъ только сто рублей, хоть не покупай; а на это много-ли чего купить можно? Что изволишь съ нимъ дѣлать? Чудакъ совершенный! хочетъ самъ искупить все въ Калугѣ!

«Ну, Павлушка, теперь поговоримъ о Московскомъ. Я, писавши къ тебѣ въ Тверь, хотя и приложилъ записку о томъ, что тебѣ въ Москвѣ исправить надобно; однако, поговорю и теперь. Пуще всего повидайся, Павлушка, съ Новиковымъ и домогайся какъ-можно получить отъ него денегъ, сколько бы то ни было. По сдѣланному мною счету долженъ онъ мнѣ теперь 634 рубля. Теперь не знаю, еще не получилъ-ли съ него что-нибудь Петръ Гарасимовичъ, съ которымъ я къ нему писалъ, а хотя-бъ и получилъ, но все проси еще, всѣхъ вѣрно не отдастъ, такъ хотя-бъ сколько-нибудь отъ него вытеблить. О переведенной книгѣ моей «Кларушкѣ» также добейся и возьми ее назадъ, если не начали печатать, и прямо скажи, что когда и съ «Магазиномъ» не раздѣлывается, — такъ что уже и надѣяться о сей книгѣ, чтобъ получить за нее что-нибудь! Въ межевой теперь бы весьма нужно выправиться: что наше спорное съ Пашковымъ дѣло, не рѣшено-ли? Ежели-бъ ты удосужился, то лучше бы тебѣ самому побывать и поговорить съ секретаремъ по той части или съ секретаремъ Гарасимомъ Ѳедоровичемъ Селижаровымъ. Онъ меня знаетъ и человѣкъ мнѣ очень знакомый; ему извѣстны всѣ дѣла и онъ скорѣй узнаетъ и тебѣ объ обстоятельствахъ разсказать можетъ.

13 генваря, въ воскресенье, по-утру.

«Возможно-ли? и вчерашній день проваландался я здѣсь совсѣмъ по-пустому, какъ ни старался добиться толку, но никакъ не могъ. За мною нѣтъ ни малѣйшаго дѣла, а держутъ, сами истинно не знаютъ за чѣмъ. За тѣмъ только и дѣло стало, чтобъ принять отъ меня ордера для свидѣтельства, но не принимаютъ, и все еще резолюція не вышла о пріемѣ оныхъ. Нарочно медлятъ, чтобъ выиграть.

болѣе времени въ пользу Николая Сергѣевича, а я живи да поживай безъ всякаго дѣла и, что всего хуже, живи въ совершенной неизвѣстности, когда отпустятъ.

. . . .

Въ тотъ же день ввечеру.

«Ахъ, Павлушка! какой для меня былъ севоднешній день счастливый и веселый, и какимъ удовольствіемъ преисполненъ! Какими сладкими удовольствіями и ощущеніями объята была душа моя, и какая радость! Я узналъ въ оной, и узналъ нечаянно и противъ всякаго ожиданія, рѣшеніе судьбы твоей; узналъ, что милый и любезный мой, Павлушка, и «паписной» и «мамастой» уже не сержантъ, а господинъ капитанъ!

. . . .

«Наконецъ все свершилось!... да буди Богу многое благодареніе!... желанія наши исполнились! порадуйтесь, батюшка! Я выпущенъ отъ арміи капитаномъ къ штатскимъ дѣламъ. Будучи увѣренъ въ вашей ко мнѣ милости и любви, я надѣюсь также, что сіе извѣстіе васъ порадуетъ. Я поздравляю васъ съ новымъ молодымъ капитаномъ и желаю всею душою, чтобъ онъ, вступивъ въ новый сей чинъ, продолжалъ бы нести ваши къ себѣ милости и старался бы заслугами своими быть оныхъ достойнымъ.

. . . .

«Впрочемъ, еще вамъ скажу, что зимы нашей опять какъ не бывало: севодни весь день шелъ препроливной дождь и теперь еще продолжается, и все до крошечки опять согнало. Лужи превеликія стоятъ на улицахъ. Когда это бывало? Уже генварь!....

. . . .

«Надобно еще разсказать вамъ, батюшка, о свиданіи нашемъ съ Артеміемъ Никитичемъ. Онъ принялъ меня ласково, такъ какъ молодаго капитана, съ нѣкоторыми притомъ шутками. Я показалъ ему нынѣ вашу записочку о фабрикантѣ. Онъ не далъ мнѣ ее читать, а взялся самъ, и отношеніями вашими былъ очень доволенъ. Онъ нынѣ вспомнилъ, что слыхалъ много объ васъ со стороны экономическихъ сочиненій, и что вы, будучи въ Кіясовкѣ, дѣлали какіе-то опыты съ ямами для навоза и проч. Всякій разъ, какъ я ни бываю у сего старика, то даетъ онъ мнѣ читать что-нибудь замѣчаніе достойное. Нынѣ онъ читалъ мнѣ нѣкоторыя піэсы своего сочиненія, которыя не могутъ быть объявлены, и мы проговорили съ нимъ весь вечеръ и о многихъ матеріяхъ; онъ далъ мнѣ также нѣкоторыя бумажки для списанія, жаль, что краткость времени и оныхъ величина не позволятъ сего сдѣлать.

. . . .

«Раздѣлавшись благодареніями съ вышеупомянутыми лицами, надлежало мнѣ еще исполнить приказъ г-жи Травиной и побывать у оберъ-коменданта Чернышева. Я исполнилъ сіе севодни и, отправившись изъ полку, поѣхалъ на Петербургскую сторону въ крѣпость. Старикъ генералъ очень предобрый, принялъ меня очень ласково, и пріятно ему весьма было то, что я пріѣхалъ его благодарить. Отправившись отъ него, долго я пробылъ еще въ крѣпости. Вы легко угадаете, что я сіе время не только не понапрасну проводилъ, но имѣлъ еще множество удовольствій, разсматривая многіе невиданные мною предметы. Отъ генерала пошелъ я въ Петропавловскій соборъ и тутъ имѣлъ великую пищу для своего любопытства, разсматривая, вопервыхъ, сіе зданіе, потомъ гробницы государскія; нѣкоторыя работы рукъ Петра Великаго и великое множество трофеевъ, завоеванныхъ какъ у Турокъ, такъ и у Шведовъ въ нынѣшнюю войну и есть довольно чего посмотрѣть съ любопытствомъ, а потомъ исполнилъ свой обѣтъ и отслужилъ тутъ молебенъ. Не однихъ только людей и помогшихъ въ моемъ дѣлѣ милостивцевъ, но надлежало возблагодарить и того, который болѣе всѣхъ имѣлъ участіе въ благополучномъ окончаніи моего дѣла. Итакъ, принесъ я тутъ благодареніе Всевышнему, котораго великимъ милостямъ и святому покровительству я обязанъ всѣмъ тѣмъ,

что ни имѣю.... Но скажу вамъ, батюшка, что я не думалъ и никогда себѣ не воображалъ, чтобъ удалось мнѣ слушать обѣдню и служить молебенъ, гдѣ-жъ? Въ Петропавловскомъ соборѣ. Исполнивъ сіе, пошелъ я далѣе ходить еще по крѣпости и съ великимъ любопытствомъ ходилъ по стѣнамъ и по валамъ оной и видѣлъ тутъ много для себя новаго и невиданнаго по сей части. Спасибо, что ходить мнѣ и осматривать все было очень способно, и такъ какъ нарочно бывшіе въ сіи дни ненастье и дожди миновались; ночью немного подмерзло, а теперь была ясная погода, которая болѣе походила на сентябрь, нежели на генварь.

. . . .

«Идучи мимо, зашолъ къ Малиновскому. Образъ жизни сего, впрочемъ, очень разумнаго, человѣка весьма страненъ. Но, не касаясь сего, скажу, что я ласками его очень доволенъ. Мы проговорили съ нимъ о многихъ вещахъ также много и до васъ касающагося, и я просидѣлъ у него парочитую часть вечера.

. . . .

«Имѣвъ же давно желаніе побывать на Шпалерной Мануфактурѣ, не могъ избрать времени или, лучше сказать, добиться, чтобъ туда меня свозили (ибо безъ предводителя въ томъ случаѣ мало можно увидѣть). Я услышалъ наконецъ, что туда можно и безъ позволенія ѣхать смотрѣть въ первую субботу каждаго мѣсяца. Вчера была таковая, и я непремѣнно уже положилъ туда съѣздить. Итакъ, поѣхавъ одинъ, сыскалъ тамъ такого человѣка, который бы могъ мнѣ все показать и растолковать, а нѣсколько обѣщанныхъ за трудъ денегъ и могли мнѣ доставить все желаемое. Скажу вамъ, что я имѣлъ при семъ великое удовольствіе, разсматривая какъ производство тканья картинныхъ обоевъ, такъ и дивяся чудному искусству работы сей. И въ самомъ дѣлѣ, есть на чемъ повострить свое любопытство и есть прямо чего посмотрѣть, а особливо невидавшему никогда сей искусной работы. Истинно засмотришься, и я вамъ скажу, батюшка, что я не воображалъ себѣ никогда, чтобъ можно было выткать гарусами столь живо и столь похоже на самую лучшую живописную картину. Тутъ есть также изрядное собраніе весьма хорошей работы живописныхъ картинъ и собраніе портретовъ древнихъ государей и князей россійскихъ. Словомъ сказать, что я весьма доволенъ былъ, что удалось мнѣ посмотрѣть сію славящуюся Шпалерную фабрику и получилъ доброе понятіе и свѣдѣніе о всѣхъ работахъ и производствахъ оной. Теперь болѣе всего желательно мнѣ, чтобъ удалось побывать въ Кунтскаморѣ и въ Академіи Художествъ. Думаю, что сей случай снищетъ мнѣ докторъ Амбодикъ, только жаль, что не удастся съ нимъ никогда видѣться. Вчера я намѣренъ былъ побывать у самого его и отвезть къ нему въ подарокъ ящичекъ песковъ; но за тѣмъ дѣло стало, что мы, не справившись порядочно, не могли отъискать, гдѣ онъ живетъ, но какъ бы то ни было, но я постараюсь сіе исполнить.

Болѣе сего не произошло вчера ничего особливаго. У брата Михайла Васильевича были кой-кто гости, а ввечеру, изволите ли знать, гдѣ мы были? Въ Очаковѣ. Но вы, батюшка, думаю, увѣрены, что мы были не въ томъ Очаковѣ, который стоитъ на берегу Днѣпра и Чорнаго моря! нѣтъ, судырь! покорно благодарствую! Ежели туда съѣздить, озябнешь, а особливо въ такіе морозы, какъ нынѣ, все капитъ съ неба на голову, да къ тому же, туда слишкомъ далеко, а мы были гораздо поближе. Здѣсь есть одинъ домикъ, носящій на себѣ имя сего новозавоеваннаго города. Одинъ изъ подданныхъ князя Потемкина есть установитель и содержатель сего трактира и установленъ онъ въ честь завоевавшему настоящій сей городъ. Только да будетъ вамъ, батюшка, извѣстно и то, что сей трактиръ не совсѣмъ напрасно носитъ сіе имя. Всѣ убранствы и украшенія въономъ сдѣланы по большей части въ турецкомъ вкусѣ, какъ-то диваны софы и проч., также и всѣ служители въ ономъ наряжены въ турецкихъ платьяхъ и чалмахъ, что съ одной стороны очень

смѣшно и нескладно. Причина же ѣзды туда была та, что Михайлу Васильевичу, собравшись съ своими знакомцами, надлежало попотчивать пріятеля, а я согласился поѣхать туда за тѣмъ только, чтобъ посмотрѣть, что такое за звѣрь славящійся здѣсь столько господинъ трактиръ «Очаковъ», только я весьма не куріозенъ былъ оставаться долго въ такой компаніи, въ увеселеніяхъ которой я никакъ не могъ сдѣлать соучастія и сотоварищества. Я всклепалъ на себя головную боль и уѣхалъ домой, а господа наши прогуляли тамъ большую половину ночи и очень-очень поздно по домамъ разъѣхались....

. . . .

«Теперь скажу вамъ еще. Имѣя непремѣнное намѣреніе и желаніе побывать въ Кунсткаморѣ и въ Академіи Художествъ, вознамѣрился я севодни отъискать доктора Амбодика, напомнить его обѣщаніе и попросить о томъ. Итакъ, изъ герольдіи ѣду я искать его квартеры, запасшись напередъ еще однимъ ящичкомъ песковъ. Отыскавъ, гдѣ живетъ сей г. профессоръ, нахожу и самого его дома. Онъ принимаетъ меня очень ласково, а особливо пріятно ему было очень привезеніе ящичка песковъ. Относясь, что не знаетъ чѣмъ за то мнѣ заслужить, обѣщалъ послать со мною въ подарокъ къ вамъ нѣкоторыя книги своего сочиненія. Я напомнилъ ему при семъ о желаніи моемъ побывать въ Кунсткаморѣ и Академіи, и онъ съ охотою обѣщалъ мнѣ сіе доставить, а особливо въ первое изъ сихъ мѣстъ онъ имѣетъ вѣрнѣйшій случай. Для сего онъ велѣлъ мнѣ дня черезъ два либо справиться, либо самому пріѣхать и узнать, въ который день я могу сіе видѣть. Господинъ Амбодикъ напомнилъ мнѣ опять, при семъ случаѣ, для чего я не представляю песковъ въ Вольное Экономическое Общество, что это не только не мѣшаетъ, но и принесетъ много похвалы и чести. А когда я ему разсказалъ все, что вы уже изволили прислать и письмо въ Общество, то одобреніемъ всего того возродилъ во мнѣ опять уничтоженное-было совсѣмъ вчерась о томъ мое намѣреніе. Въ будущую субботу будетъ первое собраніе Общества, и докторъ совѣтуетъ во время онаго приттить прямо въ собраніе и хотя чрезъ Андрея Андреевича Нартова поднести Обществу пески съ письмомъ, что будетъ для нихъ пріятно, да и намъ сдѣлаетъ честь. Въ разсужденіи того, что я не могъ прежде побывать у Нартова, то и Амбодикъ говоритъ, что можно въ томъ чѣмъ-нибудь извиниться.

САДЪ ВЪ БОГОРОДИЦКѢ.

Письмо 265.

Любезный пріятель! Ввечеру, въ среду (на Всеѣдной недѣли было то) какъ пришла московская почта въ Тулу и привезла ко мнѣ письмо отъ моего сына, сообщенное въ письмѣ предслѣдующемъ. Человѣкъ мой дожидался уже на почтовомъ дворѣ пришествія почты и принесъ ко мнѣ оное на квартеру уже ночью. Легко можно заключить, что читалъ я оное съ отмѣннымъ любопытствомъ и съ чувствованіемъ превеликаго отъ того удовольствія. А какъ между тѣмъ и всѣ мои дѣла были кончены, и я уже уволенъ былъ изъ Тулы, то не сталъ я долѣе въ оной медлить; но на утріе до-свѣта еще въ обратный путь свой отправился и, поспѣшая привесть къ домашнимъ своимъ радостныя вѣсти, въ тотъ же еще день и за-свѣтло въ Богородицкъ возвратился.

Домашніе мои, не зная еще ничего о произведеніи моего сына, дожидались пріѣзда моего съ крайнею нетерпѣливостію, а дѣти такъ были обрадованы онымъ, что выбѣжали меня встрѣчать. А не успѣлъ я войтить къ своимъ въ комнаты и съ ними поздоровкаться, какъ первое ихъ слово было о моемъ сынѣ. «Что, батюшка, говорили они, нашъ Павелъ? не получили-ль вы отъ него писемъ и пожалованъ-ли онъ?» — «Получилъ, получилъ, отвѣтствую я, и привезъ къ вамъ ихъ съ собою; нарочно затѣмъ лишніе сутки въ Тулѣ пробылъ». — «Но что-жъ? радо-

ваться-ли намъ и благодарить-ли Бога?—«Безсомнѣнно, говорю, пожалованъ, и я васъ поздравлю съ молодымъ офицерчикомъ и господиномъ капитаномъ».—«Ну, слава, слава Богу!» воскликнули всѣ и старые и малые въ одинъ голосъ и всѣ начали другъ передъ другомъ меня поздравлять и изъявлять такія чувствованія радости, какія я описать и изобразить не въ состояніи. Въ одинъ мигъ разнеслась о томъ молва во всемъ домѣ, а чрезъ нѣсколько минутъ сдѣлалось извѣстно сіе и всѣмъ нашимъ лучшимъ пріятелямъ и знакомцамъ. Сіи не успѣли о томъ услышать, какъ тотчасъ прилетѣли къ намъ съ поздравленіями и для изъявленія соучастія, какое принимали они всѣ, по любви къ намъ и къ сыну нашему, въ нашей радости. Старикъ капельмейстеръ прибѣжалъ прежде всѣхъ къ намъ и не могъ довольно найтить словъ къ изъявленію того, сколь онъ тому радъ. Оба секретари мои также прибѣжали поздравлять меня, а въ слѣдъ за ними и начали пріѣзжать и гости. И сихъ набралось такъ много, что мы провели весь тогдашній вечеръ съ отмѣннымъ удовольствіемъ. Всѣмъ долженъ былъ я прочесть въ слухъ послѣднее письмо моего сына; всѣ, интересуясь узнать все, слушали оное съ отмѣннымъ любопытствомъ и вмѣстѣ съ нами сорадовались; а мы, въ благодарность за то, не преминули угостить ихъ у себя и ужиномъ.

Чрезъ день послѣ того обрадованы мы были и возвращеніемъ нашихъ дорожныхъ, ѣздившихъ въ Тверь и пріѣхавшихъ тогда изъ Москвы. Они съѣздили въ сей свой путь благополучно и раздѣляли тогда съ нами нашу радость и удовольствіе. Но никто такъ много въ томъ не бралъ соучастія, какъ дочь моя Настасья, любившая съ малолѣтства отмѣнно своего брата. И какъ обѣимъ дочерямъ моимъ весьма хотѣлось прочесть всѣ письмы моего сына, то, желая имъ доставить болѣе удовольствія, съ охотою взялся я самъ прочесть имъ всѣ ихъ по порядку, и онѣ не могли ими довольно навеселиться. И какъ, по прочтеніи оныхъ, всѣмъ намъ весьма желалось узнать и о послѣднихъ дняхъ пребыванія моего сына въ Петербургѣ и о томъ, когда онъ оттуда выѣхалъ, то и начали мы всѣ съ нетерпѣливостію дожидаться того почтоваго дня, въ который долженствовало приттить къ намъ письмо сіе, и сожалѣли, что приходилось намъ ожидать его еще болѣе недѣли. Но такъ случилось, что и сіе послѣднее его изъ Петербурга письмо получили мы прежде нежели мы думали и ожидали. Причиною тому было слѣдующее:

Едва только прошло нѣсколько дней и началась Пестрая недѣля, и мы всѣ не успѣли еще отъ путешествій своихъ отдохнуть и дома порядочно осмотрѣться, какъ является къ намъ нарочно присланный человѣкъ отъ братца моего Михаила Матвѣевича съ письмами, въ которыхъ онъ меня и жену мою также и дочь мою Елизавету съ ея мужемъ, Христомъ-и-Богомъ и наиубѣдительнѣйшимъ образомъ просилъ сдѣлать ему милость и одолженіе и пріѣхать къ нему въ деревню и помочь ему отдавать дочь свою въ замужество. Онъ увѣдомлялъ насъ, что онъ дочь свою, наконецъ, за Василья Назаровича Бѣгичева, калужскаго дворянина, помолвилъ, и что условіе, чтобъ сватьбѣ быть у него въ домѣ и на Мясныя заговины. И поелику у него никого съ его стороны родныхъ нѣтъ, то и умолялъ насъ не оставить его при семъ важномъ случаѣ. Чтó было дѣлать? Просьбы были усиленныя и законныя. Но путь не ближній и ѣзда зимняя дурная и по дурнотѣ дорогъ безпокойная. Сверхъ того, зная характеръ своего братца, не могли мы при сей сватьбѣ ничего ожидать хорошаго, кромѣ однихъ безпорядковъ и стыда, ибо вѣдали, что, по невоздержности его, не утерпитъ онъ, чтобъ и при семъ случаѣ не наполнить головы своей виннымъ чадомъ; и знали, чтó нужно ему получить только булавку въ голову, какъ дѣлался онъ своенравенъ, упрямъ и несговорчивъ и ни въ чемъ съ нимъ сладить невозможно. И по всѣмъ симъ при-

чинамъ ѣхать и намъ самимъ весьма-весьма не хотѣлось; а охотнѣе бы хотѣли избѣжать и отъ безпокойства и хлопотъ, а предоставить самому ему играть свадьбу сію, какъ онъ хочетъ и какъ умѣетъ. Что-жъ касается до зятя моего, то сему, возвратившемуся только изъ столь дальней дороги, и подавно вновь въ сей путь и на хлопоты и безпокойства пущаться никакъ не хотѣлось. Но, подумавъ-погадавъ и разсудивъ, что люди и чужихъ въ такихъ случаяхъ не оставляютъ, а намъ стыдно и грѣшно будетъ оставить въ этомъ нужномъ случаѣ столь близкаго родственника, хоть съ крайнимъ нехотѣніемъ, но рѣшились наконецъ сію просьбу его исполнить и въ сей путь отправиться. А уговорили кое-какъ къ тому же и моего зятя. И какъ время оставалось уже коротко, то въ среду, на Шестрой недѣли, собравшись въ путь сей, вмѣстѣ отправились. И какъ ѣхать намъ надлежало черезъ Тулу, а къ самому тому времени пришла въ нее и Петербургская почта; то, будучи въ ней, и получили мы помянутое послѣднее изъ Петербурга письмо отъ моего сына.

. . . .

«Въ четвергъ, т.-е. вчера былъ я, по данному обѣщанію, у профессора Амбодика. Онъ уже снискалъ мнѣ случай посмотрѣть Кунсткамору и адресовалъ для сего меня къ знакомцу своему и академику г. Зуеву.... Докторъ при семъ случаѣ совѣтовалъ мнѣ и преподавалъ способъ, чтобъ представить одинъ ящикъ песковъ въ Академію, что было очень не худо, и я на сіе легко согласился. Вчерась же обѣдали здѣсь опять нѣсколько гостей. Ввечеру же былъ я у Малиновскаго и Сопина, съ увѣдомленіемъ, что я скоро отъѣзжаю и чтобъ готовили письмы. Потомъ занялся сочиненіемъ описанія пескамъ, для случая представленія Академіи Наукъ, заимствуя оное изъ обѣихъ вашихъ нѣмецкаго и русскаго письма въ Экономическое Общество.

«Севодни же, исполняя воспріятое намѣреніе, ѣду я по-утру въ Академію Наукъ, нахожу такъ скоро академика и профессора г. Зуева. Онъ, будучи уже предваренъ обо мнѣ и о песках нашихъ, обласкиваетъ меня очень, берется представить ящикъ полному собранію и водетъ меня тотчасъ въ Кунсткамору, водитъ повсюду и все показываетъ. Ахъ, батюшка! могу прямо сказать, что есть чего посмотрѣть! какое это множество весьма рѣдкихъ и нигдѣ невиданныхъ вещей! да гдѣ-жъ, правду, и быть, какъ не въ такомъ знаменитомъ государственномъ кабинетѣ? Не время теперь пространно обо всемъ разсказывать, а только скажу, что весьма много надлежитъ употребить на то времени, чтобъ разсмотрѣть всѣ тутъ предметы, хотя не мелькомъ, ибо нѣтъ способа вспомнить и вообразить себѣ всѣ по порядку видѣнныя тамъ вещи; столь велика ихъ многоразличность и множество! Въ разсужденіи-жъ нашихъ песковъ, то съ ними произошло при семъ случаѣ совсѣмъ не такъ, какъ я располагалъ и думалъ. Они хотя и поставятся съ великою честію въ Кунсткаморѣ, но намъ отъ того мало прибыли. Мнѣ хотѣлось, чтобъ самому мнѣ представить въ собраніе, но сіе не удалось, а по какимъ причинамъ, то разскажу уже увидѣвшись. Такъ уже и быть; видно нѣтъ судьбы счастливой для сихъ песковъ. По крайней мѣрѣ, я доволенъ и тѣмъ, что я чрезъ то имѣлъ удовольствіе видѣть все замѣчанія достойное въ Кунсткаморѣ и познакомился съ г. Зуевымъ.

. . . .

«По-утру ѣздилъ я еще къ г. академику Зуеву, и нарочно отъискалъ его квартеру. Истинная причина сей моей ѣзды была та, чтобъ узнать еще что-нибудь о участи песковъ и, благодаря еще разъ за показаніе Кунсткаморы, спросить случая видѣть Академію Художествъ. Я поѣздкою сею былъ доволенъ, ибо сказано мнѣ было тутъ чрезъ него благодарность отъ всего академическаго собранія; что поставленъ ящикъ подъ моимъ имянемъ въ Кунсткаморѣ.

. . . .

«Послѣ обѣда же, по положенному намѣренію былъ въ Вольномъ Экономи-

ческомъ Обществѣ. Я адресовался къ Нартову и чрезъ него представлены Обществу ваше письмо съ ящикомъ. Андрей Андреевичъ очень пенялъ, для чего вы его забыли и не пишите ни къ нему, ни въ Общество; далѣе-жъ велѣлъ мнѣ быть у себя въ понедѣльникъ поутру для полученія отвѣта къ вамъ и резолюціи на пески.

. . . .

«Много бы надобно разсказывать, но сокращу и скажу вамъ слѣдующее. Былъ я севодни въ послѣдніа у своего г. доктора **Амбодика** и съ нимъ распрощался и пр. Онъ посылаетъ со мною къ вамъ нѣсколько книгъ своего сочиненія въ подарокъ и мнѣ въ благодарность за пески. Изъ однихъ ихъ изволите увидѣть, какого почтенія достоинъ сей мужъ по своему великому знанію и учености. Книги же отчасти медицинскія, отчасти физическія.

«Теперь стану я разсказывать вамъ нѣчто такое, что̀, наперёдъ знаю, вамъ будетъ пріятно. Вы вѣрно угадаете, что это касается до третьеводнишняго моего дѣла съ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ. Такъ точно. Я слышалъ давича сперва отъ **Амбодика**, а потомъ, лично отъ самого г. **Нартова**, сколь довольно и благодарно вамъ Общество за доставленіе къ нему песковъ при письмѣ. Я у Нартова былъ, и онъ продержалъ у себя часа два разговорами. Что это за премилый человѣкъ и преласковый генералъ! О томъ, какъ онъ объ васъ относился похвально и дружески, какъ желаетъ возобновленія вашей переписки, какъ съ нимъ, такъ и съ Обществомъ и проч., и проч.—надобно уже предоставить личному разсказыванію, а теперь, по краткости времени, я вамъ, батюшка, скажу только, что послано со мною къ вамъ благодарительное письмо и кой-какія отъ Общества просьбы, а съ генераломъ разстался я, пріобрѣтя его къ себѣ любовь и благосклонность. Словомъ, скажу, что воженіе мною сюда песковъ нашихъ не только не пропало по-пустому, но и послужитъ еще къ великому ихъ прославленію и къ вашей чести.

. . . .

Сіе письмо было послѣднее изъ Петербурга, но не послѣднее еще въ тогдашней нашей перепискѣ: сынъ мой писалъ ко мнѣ еще изъ Твери. Но прежде нежели я оное сообщу, надобно мнѣ возвратиться къ своему путешествію и разсказать, что̀ съ нами во время онаго происходило.

Мы, получивъ помянутое и сообщенное выше сего письмо въ Тулѣ и отправивъ со случившимися ѣздоками оное къ оставшимъ роднымъ нашимъ въ Богородицкѣ и повидавшись кой-съ-кѣмъ въ Тулѣ, не стали долго въ ней медлить, но въ тотъ же день отправились далѣе и, переночевавъ въ Ѳедешовѣ, на другой день пріѣхали въ свое Дворенинове, гдѣ, къ согрѣтію насъ, уже готовы были на моемъ дворѣ вытопленныя маленькія хоромцы, гдѣ мы и расположились.

Не успѣли мы пріѣхать, какъ прибѣжалъ къ намъ мой братецъ съ благодареніями и просьбами, чтобъ мы вступились въ его сиротство и совѣтами своими и дѣломъ помогли начать и произвесть затѣянное имъ дѣло. Мы и согласились на то, но не инако, какъ съ условіемъ, чтобъ онъ во все сіе время былъ поблагоразумнѣе иповоздержнѣе отъ своей глупой привычки, и я, безъ дальнихъ обиняковъ, ему сказалъ, что ежели увижу его пьянымъ, то, бросивъ все, уѣду прочь и оставлю его одного стыдиться и дурачиться. Онъ и обѣщалъ мнѣ то свято. И въ послѣдніе дни передъ сватьбою и повоздержалъ-таки себя сколько-нибудь. Но во время сватьбы не могъ никакъ утерпѣть, чтобъ ни подгулять и ни поколобродить и тѣмъ ни причинить намъ передъ гостями и стыда, и досады. Что касается до самой сватьбы, то была она, какъ водится, и по состоянію его довольно изрядная. Гостей было-таки довольно, и мы постарались уже кое-какъ ихъ угощать и всячески прикрывать грѣхи хозяина, котораго принужденъ я былъ наконецъ почти насильно запереть въ

особую комнату и на-силу уклалъ спать и дать намъ волю гостей угащивать, но спасибо было сіе уже послѣ обѣда на княжой пиръ, и когда всѣ сколько-нибудь были уже намъ познакомѣе.

Какъ сіе было уже въ началѣ масляницы, то, кончивъ все, не стали мы долѣе медлить въ деревнѣ, но спѣшили возвратиться во свояси, и тѣмъ паче, что мы около сего времени дожидались уже и возвращенія сына моего. Но какъ мы ни спѣшили, но не прежде могли пріѣхать въ Тулу, какъ въ среду къ ночи, гдѣ, переночевавъ у Пастухова, мы тогда пристали и имѣли удовольствіе получить съ почты и послѣднее письмо отъ моего сына.

Но какъ сіе мое писаніе достигло до своихъ предѣловъ, то, предоставивъ сообщеніе онаго письму будущему, теперешнее окончу, сказавъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Марта 2 дня 1811 года).

Письмо 266.

Любезный пріятель! Помянутаго письма мы ожидали и нѣтъ, и хотя намъ для полученія онаго надлежало промѣшкать все утро въ Тулѣ, однако, рѣшились мы на сіе, имѣя къ статѣ и нѣкоторыя нужды къ исправленію въ городѣ. Посыланной нашъ, котораго мы съ свѣтомъ вдругъ на почтовый дворъ отправили, принесъ къ намъ нижеслѣдующее послѣднее письмо, отправленное къ намъ сыномъ уже изъ Твери:

. . . .

Симъ кончилась тогда совершенно наша достопамятная тогдашняя съ сыномъ перешска, которая обоимъ доставила намъ столько удовольствія, что мы, испытавъ оное, побудились тѣмъ и въ послѣдствіи времени, при случаяхъ всѣхъ другъ отъ друга отсутствій и разлукахъ, имѣть таковую-жъ взаимную переписку, каковою и понынѣ, живучи съ сыномъ моимъ на большую часть въ разлукѣ, продолжаемъ и пользуемся оба съ нимъ еженедѣльно, и которая при старости моей доставляетъ мнѣ неудобь изъяснимое удовольствіе и утѣху. Но я обращусь къ продолженію моего повѣствованія.

Легко можно заключить, что и выше помѣщенное послѣднее письмо доставило намъ всѣмъ великое удовольствіе. И какъ, по счисленію времени, надлежало уже въ скорости ожидать пріѣзда моего сына, то нетерпѣливое желаніе наше его увидѣть увеличилось еще больше. Но не успѣли мы нѣсколько минутъ проводить въ томъ и въ разговорахъ объ немъ, какъ входитъ одинъ изъ нашихъ слугъ, ходившій въ городъ, въ нашу комнату и поражаетъ всѣхъ насъ неописаннымъ удовольствіемъ, принеся извѣстіе, что милый нашъ Павелъ Андреевичъ находится уже въ Тулѣ, и сказывая намъ, что онъ видѣлъ уже его Тимошку и услышалъ отъ него, что они недавно пріѣхали и, не знаючи, что мы здѣсь, проѣхали и остановились у Сухотина, и что Тимошка безъ памяти побѣжалъ сказывать объ насъ нашему Павлу. Боже мой! какъ вспригались мы тогда всѣ отъ радости и удовольствія! и въ какомъ неизобразимомъ нетерпѣніи провели все то немногое время, покуда онъ къ намъ не прилетѣлъ съ квартеры своей на выпрошенныхъ у хозяина своего маленькихъ санкахъ! Каждая секунда казалась намъ минутою, а каждая минута цѣлымъ часомъ! Но, спасибо, онъ не допустилъ насъ долго мучиться вожделѣніемъ скорѣе его увидѣть: но не успѣлъ объ насъ услышать, какъ, будучи, по счастію, совсѣмъ уже одѣтъ, намѣреваясь ѣхать къ г. Давыдову, бросилъ все и полетѣлъ къ намъ, ни минуты не медля. Не могу никакъ изобразить того состоянія душевнаго, въ какомъ мы находились, увидѣвъ въѣхавшаго его въ вороты и ѣдущаго по длинному двору хозяйскому. Всѣ мы повскакали съ мѣстъ своихъ и, воскликнувъ: «ѣдетъ, ѣдетъ!», выбѣжали въ галерейку предъ крыльцомъ встрѣчать и обнимать нашего милаго путешественника и поздравлять его съ новымъ чиномъ. Слезы радости и удовольствія текли съ обѣихъ сторонъ въ изобиліи, и многія минуты сряду не въ состояніи мы были вы-

говорить ни одного порядочнаго слова. Словомъ, минуты сіи были для насъ восхитительны, и состояніе и чувствованія наши неудобь изобразимы. Мы не могли на него, а онъ на насъ—насмотрѣться, и повторяли только взаимно обниманія и сладкіе поцѣлуи, и что мы въ сіи первыя минуты между собою говорили, того, я думаю, и лучшіе англинскіе парламентскіе скорописцы переписать были-бъ никакъ не въ состояніи.

Со всѣмъ тѣмъ, сколь свиданіе сіе ни было намъ всѣмъ радостно и пріятно и сколь первыя минуты для насъ крайне утѣшны, но мы не позабыли, что находились тогда въ дорогѣ и что и намъ размышлять надлежало о своемъ отъѣздѣ изъ Тулы, а ему—о исправленіи своихъ дѣлъ въ оной и развезеніи присланныхъ съ нимъ изъ Петербурга писемъ, а особливо о принесеніи личной своей благодарности господину Давыдову, какъ первому виновнику всего добраго успѣха въ его петербургскомъ дѣлѣ. Итакъ, побывъ нѣсколько минутъ вмѣстѣ, не стали мы его, а онъ насъ удерживать, но говорилъ, чтобъ мы съ Богомъ продолжали свой путь, а онъ, оставшись въ Тулѣ и побывавъ у всѣхъ, у кого было надобно, не умедлитъ въ слѣдъ за нами въ Богородицкъ поспѣшить и не потеряетъ безъ нужды ни одной минуты.

И въ самомъ дѣлѣ: не успѣли мы возвратиться въ Богородицкъ, какъ на другой же день пріѣхалъ и онъ въ слѣдъ за нами. И тутъ-то встрѣтили мы его уже всѣмъ своимъ семействомъ вообще и какъ водится. Легко можно заключить, что и тутъ не обошлось дѣло безъ многихъ слезъ радости и удовольствія и безъ многихъ объятій и лобызаній. Матушка, теща моя и всѣ три меньшія сестры, невидавшія еще его, старались наперерывъ другъ передъ другомъ его привѣтствовать и поздравлять, а ко всѣмъ намъ присовокупились многіе и изъ друзей и знакомыхъ нашихъ, пріѣхавшихъ тотчасъ къ намъ, какъ скоро услышали, что онъ возвратился, и всѣ его ласкали, привѣтствовали и поздравляли, и день сей былъ для насъ прямо веселый и достопамятный. Оба наши капельмейстеры прибѣжали также тотчасъ и притащили потомъ и свою музыку для увеселенія новопріѣзжаго, и она тотчасъ у насъ загремѣла и проиграла весь вечеръ. Сынъ мой привезъ съ собою множество новыхъ нотъ, и для нихъ онѣ были всего дороже.

Всѣмъ симъ неудовольствуясь, созвали мы на другой день послѣ сего всѣхъ своихъ городскихъ знакомыхъ, друзей и пріятелей и сдѣлали для новопріѣжжаго и для всѣхъ ихъ у себя обѣдъ и добрую пирушку и провели и сей другой день очень весело. А какъ случилось все сіе въ послѣдніе дни нашей масляницы, то и во всѣ оные происходили у насъ безпрерывныя празднества и торжества, ибо мы должны были также разъѣжжать и по другимъ, приглашавшимъ насъ къ себѣ, нашимъ пріятелямъ. Словомъ, никогда не было у насъ столь веселой и пріятной масляницы или послѣднихъ дней ея, какъ въ сей разъ, и мы и не видали, какъ пролетѣли оные.

Итакъ, не прежде, какъ по наступленіи уже великаго поста, начавшагося въ сей годъ очень рано и уже 3 февраля, собрались мы сколько-нибудь съ мыслями и духомъ, и могли уже сына моего порядочно обо всемъ его петербургскомъ пребываніи и о всѣхъ происшествіяхъ и прочемъ распрашивать, и сколько было тогда спросовъ и распросовъ и на сколь безчисленные вопросы долженъ онъ былъ мнѣ отвѣчать. Словомъ, разсказыванія его обо всемъ, что онъ тамъ видѣлъ и слышалъ, было столь много, что если-бъ все то переписывать, то составилось бы изъ того цѣлая и претолстая книга, ибо онъ, прямо можно сказать, время свое проводилъ тамъ не по-пустому, и что видѣлъ, такъ видѣлъ не такъ, какъ видаютъ другіе его братья, но съ такимъ примѣчательнымъ окомъ, что я не могъ довольно за то его расхвалить и былъ тѣмъ весьма доволенъ.

Разговорами сими занимались мы наиболѣе въ тѣ праздные часы, которые оставались намъ отъ богомолія при от-

правленіи тогда въ домѣ у насъ службы, по случаю, что мы въ сію первую недѣлю поста всѣмъ домомъ говѣли и въ субботу, по обыкновенію, и исповѣдовались и пріобщались Святыхъ Таинъ. Легко можно заключить, что я не упустилъ, въ теченіе сей недѣли, пересмотрѣлъ и всѣ книги и прочее, привезенное сыномъ моимъ изъ Петербурга, а онъ пересматривалъ все то, что̀ мною въ отсутствіе его было писано. И какъ описаніе жизни моей ему полюбилось, то восхотѣлъ онъ украсить ее нѣсколькими картинками и при началѣ первой части срисовалъ самого меня, точно въ такомъ платьѣ и положеніи, въ какомъ я, сидючи за столомъ своемъ въ кабинетѣ надъ сочиненіемъ и писаніемъ сей книги трудился,—дабы и сему остался памятникъ*).

Изъ всѣхъ привезенныхъ имъ съ собою ко мнѣ отъ разныхъ особъ писемъ, ни которое не было для меня такъ интересно и важно, какъ присланное ко мнѣ съ нимъ изъ нашего Экономическаго Общества и врученное имъ господиномъ Нартовымъ. И какъ оно было отвѣтное на мое, въ Общество пересланное и представленное сыномъ моимъ вмѣстѣ съ ящичкомъ съ нашими песками, и послужило основаніемъ всей возобновленной мною съ сего времени съ нимъ переписки, которую я лѣтъ за 12 до сего совсѣмъ было прервалъ, то не за излишнее я почелъ упомянуть здѣсь о тѣхъ причинахъ, которыя меня, какъ къ тому, такъ и къ возобновленію оной побудили.

Первою причиною къ прерванію сей переписки моей съ Обществомъ было тогда то, что я понаскучилъ уже ежегоднымъ почти посыланіемъ въ оное многихъ моихъ сочиненій и употребляемымъ къ тому не только трудомъ, но и коштомъ, съ пересылкою сочиненій сихъ по почтѣ всегда сопряженнымъ, безъ всякаго за то дальняго воздаянія и возмездія, ибо все долговременное ожиданіе отъ сего Общества какой-нибудь существительной пользы было тщетно, ибо я усматривалъ, что сколько-бъ я ни сталъ трудиться, но мнѣ пользы отъ того не произтечетъ ни малой. Во-вторыхъ, раздосадованъ я былъ неполученіемъ посланной ко мнѣ одной серебряной медали. Въ-третьихъ, обстоятельство, что и самое Общество около того времени гораздо поразстроилось и далеко уже не было таково славно, какъ прежде, также къ продолженію трудовъ моихъ разохочивало. А наконецъ, въ-четвертыхъ, и всего паче побудило меня къ тому то, что я около того времени помышлялъ самъ о издаваніи «Экономическаго Журнала», которымъ надѣялся я произвесть отечеству своему несравненно болѣе пользы, нежели всѣми моими посылаемыми въ Общество сочиненіями; и для того хотѣлось мнѣ поберечь матеріи свои и для онаго. По которымъ причинамъ я тогда и пересталъ писать. А какъ и Общество почти перестало издавать свои «Труды» и ко мнѣ по-прежнему пересылать оные и только слабо имя свое носить и поддерживать продолжало и объ немъ не было почти и слуху, то молчаніе мое во все то время и продолжалось, покуда трудился я надъ издаваніемъ «Экономическаго своего Магазина».

Но какъ съ окончаніемъ 1789 года кончилось и издаваніе онаго, и я получилъ болѣе свободнаго времени и досуга, а около самого того времени случилась вышеупомянутая и ѣзда сына моего въ Петербургъ, то какъ ему нужны были тамъ знакомцы, то, между прочимъ, снабдилъ я его письмомъ къ прежнему благотворителю и незнаемому пріятелю своему г. Нартову рекомендательнымъ письмомъ, хотя и не зналъ, живъ ли онъ и находится [ли] въ Петербургѣ и поручилъ ему объ немъ распровѣдать и, буде живъ, отписать и съ нимъ познакомиться.

Сынъ мой, по пріѣздѣ въ Петербургъ, хотя и узналъ, что онъ еще живъ и по-прежнему еще секретаремъ основаннаго имъ Общества и что оное около того времени опять, по случаю президенства

*) Этотъ рисунокъ самымъ точнымъ образомъ (facsimile) воспроизведенъ въ гравюрѣ Академика Л. А. Сѣрякова при I-мъ томѣ Записокъ Болотова, прилож. къ „Русской Старинѣ“ 1870 г. (изд. первое и второе). М. С.

графа Ангальта, стало оживать и приходить въ лучшее состояніе, и что упадку его было причиною отсутствіе, въ чужіе края ѣздившаго, г. Нартова. Но разныя обстоятельства не допустили его съ нимъ видѣться и отдать ему письмо мое, покуда наконецъ пошли у нихъ замыслы съ нашими песками и онъ чрезъ письма ко мнѣ просилъ написать письмо отсюда въ Общество объ опыхъ и къ нему его переслать, что я, хотя не съ дальнею охотою, и сдѣлалъ. И какъ сіе письмо получилъ онъ уже передъ самымъ своимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, то свиданіе его съ г. Нартовымъ и продлилось до самаго того времени, а тогда присовѣтовали ему пески наши представить прямо въ Общество чрезъ г. Нартова.

Для произведенія сего въ дѣйство, отъискавъ домъ Экономическаго Общества, и пошелъ онъ туда въ такой день, когда было у нихъ обыкновенное субботнее собраніе. Но такъ случилось, что пришелъ онъ туда нѣсколько раненько, и прежде нежели всѣ члены комитета съѣхались въ оное, а былъ только г. Нартовъ съ нѣсколькими членами, пріѣхавшими прежде прочихъ. Тутъ не успѣли г. Нартову о приходѣ моего сына доложить, какъ тотчасъ онъ къ нему въ пріемную комнату и вышелъ, и крайне удивился и обрадовался, услышавъ отъ сына моего, что я еще живъ и нахожусь благополучно, и сказывалъ ему, что Общество, не получая отъ меня долгое время ни какихъ извѣстій, думало, что меня нѣтъ уже на свѣтѣ. Что касается до представленныхъ ему нашихъ песковъ, то они ему крайне полюбились, и онъ увѣрялъ его, что Общество будетъ ими весьма довольно. Потомъ, обласкавъ сына моего, сказалъ, чтобъ онъ чрезъ день пріѣхалъ къ нему въ домъ его, для полученія отвѣта отъ Общества, которому не преминетъ онъ тотчасъ предложить и письмо мое, и пески, какъ скоро собраніе соберется и члены съѣдутся.

Въ назначенный день сынъ мой и не преминулъ отъискать на Васильевскомъ острову домъ г. Нартова и къ нему явиться. Онъ принялъ его очень ласково и сказалъ, что онъ письмо мое и пески собранію представлялъ и что оно было тѣмъ, а особливо возобновленіемъ переписки своего стариннаго и важнаго члена очень довольно, и посылаетъ ко мнѣ свое благодарственное письмо, которое ему и вручилъ онъ запечатанное. Потомъ возможнѣйшимъ образомъ просилъ моего сына убѣдить меня, чтобъ я продолжалъ переписываться съ Обществомъ и присылалъ бы къ нему свои сочиненія и все, что найду достойнаго къ замѣчанію, увѣряя притомъ, что Общество было очень радо, что я опять отозвался, и что нынѣ оно совсѣмъ не на такомъ, а гораздо лучшемъ состояніи и основанія.

Теперь для любопытства помѣщу я здѣсь достопамятное отвѣтное письмо сіе, а напередъ упомяну вкратцѣ и о содержаніи своего въ Общество. Приступъ къ оному, по причинѣ долговременнаго моего молчанія, былъ для меня нѣсколько затруднителенъ, и я не зналъ — къ господину-ли Нартову мнѣ отнестись, или ко всему Обществу. И рѣшившись на сіе послѣднее, написалъ къ нимъ слѣдующее:

«Высокопочтенное собраніе, милостивые государи! Имѣя честь носить на себѣ издавна имя сочлена вашего Общества, за долгъ мой почелъ представить при семъ небольшой ящичекъ со штучками разныхъ песковъ, которые мнѣ случай допустилъ, за нѣсколько лѣтъ до сего, открыть въ томъ мѣстѣ, гдѣ я нахожусь, и которые представляютъ собою удивительную и достойную замѣчанія игру натуры. Я нашелъ оные при очищеніи и обработываніи одного крутаго и высокаго берега или паче горы, подлѣ одного пруда въ саду, который велѣно мнѣ было сдѣлать подлѣ маленькаго дворца, находящагося въ селѣ или паче городѣ Богородицкѣ, лежащемъ посреди собственной ея императорскаго величества Богородицкой волости, которою управлять имѣю за нѣсколько лѣтъ уже счастіе.

«Разные пески сіи лежатъ твердыми и перемѣшанными между собою слоями въ горѣ, не весьма глубоко отъ поверхности земной, состоящей изъ чернозема, и покрыты нѣкакою разноцвѣтною и нарочито твердою коркою; въ глубину же простираются далеко; но чѣмъ глубже, тѣмъ хуже. Далѣе примѣчанія достойно, что не повсюду они тутъ одинакіе, но въ одной и той же самой горѣ, индѣ алые, испещренные на подобіе мармора наиудивительнѣйшимъ образомъ между собою переплетшимися разными жилками и крапинами, индѣ бѣлые, какъ снѣгъ и испещренные одними только желтыми и кофейными жилами и струями, а индѣ желтые и грубо-красные, и такъ далѣе, и всѣ неподалеку другъ отъ друга. Что касается до твердости оныхъ или сцѣпленія между частичками, то хотя она и не слишкомъ велика, и въ иныхъ сортахъ крѣпче, а въ иныхъ слабѣе, однако, такова, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ открылъ я наилучшіе алые марморные слои онаго и которые, равно какъ нарочно, случились въ близости самаго дома, можно мнѣ было обдѣлать и обтесать всю крутизну горы такъ, чтобъ она представляла нѣкоторый родъ рюины, развалившагося зданія и съ крыльцами, изломанными колоннами, входящими внутрь и самыми сквозными въ горѣ проходами и тѣмъ сколько-нибудь украсить сіе мѣсто, приводившее потомъ многихъ рѣдкостію своею въ удивленіе. Штучки, находящіяся въ ящичкѣ, свидѣтельствуютъ также, что оной съ малымъ трудомъ опиливать и обтирать можно. Они набраны изъ разныхъ мѣстъ изъ кусковъ наилучшихъ. Сожалѣнія только достойно, что слои сіи не слишкомъ толсты и не такъ крѣпко между собою связаны, чтобъ можно было что-нибудь большое изъ отдѣленныхъ глыбъ выработать, также что они на воздухѣ теряютъ нѣсколько свой колеръ, и наружность ихъ отъ суровости перемѣнныхъ погодъ крѣпчаетъ и получаетъ почти видъ и существо камня, почему при самомъ началѣ и казались они быть камнями.

«Теперь не знаю, не ошибаюсь ли я въ томъ, что причиною сей удивительной и рѣдкой игры натуры и разноцвѣтности сихъ песковъ почитаю я нѣкоторыя металлическія, а особливо желѣзистыя частицы, съ существомъ сихъ песковъ соединившіяся, и что въ произведеніи разныхъ колеровъ имѣлъ какимъ-нибудь образомъ подземный огонь свое содѣйствіе. Нѣкоторые, дѣланные мною съ пережиганіемъ сихъ песковъ, опыты подтвердили сію догадку. Будучи положены въ огонь, всѣ жолтые перемѣняются въ красный, свѣтло-палевые въ розовый, а кофейные въ фіолетовые и пурпуровые разные, однако, точно такіе колера, какіе есть тутъ и натуральные.

«Недостатокъ знанія моего въ химіи не допустилъ меня по сіе время открыть никакой еще пользы, могущей произойтить отъ нихъ для Экономіи, а все, что мнѣ по сіе время извѣстно, состоитъ только въ томъ, что годятся они для помѣщенія либо въ такихъ коллекціяхъ, какъ сіи, либо въ образѣ выдѣланныхъ изъ нихъ разныхъ вещицъ, напримѣръ, маленькихъ пьедестальцевъ, пирамидокъ и прочихъ тому подобныхъ, къ чему они способны, для любопытства въ натуральные кабинеты. Но какъ искуснѣйшіе меня люди, можетъ быть, откроютъ и иныя какія-либо пользы, могущія отъ нихъ проистечь, то все сіе и побудило меня представить ихъ на разсмотрѣніе высокопочтеннаго Экономическаго Общества.

«Я за счастіе себѣ почту, если удостоятся они благоволенія высокопочтеннаго собранія, къ которому имѣю честь съ наиглубочайшимъ высокопочитаніемъ пребыть навсегда всепокорнѣйшимъ слугою. Андрей Болотовъ, коллежскій ассесоръ. Декабря дня 1789 года».

Какъ, по новому уставу Общества, всю переписку должны были производить оба секретаря онаго, то вслѣдствіе чего писалъ въ отвѣтъ на выше сообщенное мое письмо господинъ Партовъ, яко секретарь, ко мнѣ слѣдующее:

«Государь мой, Андрей Тимоѳеевичъ! Чрезъ сына вашего доставленное мнѣ письмо ваше къ Вольному Экономиче-

скому Обществу и при немъ ящичекъ съ разными песками представилъ я собранію и читалъ генваря 12 дня 1790 года.

«Общество, принявъ оное съ особливымъ удовольствіемъ, поручило мнѣ благодарить васъ и просить о сообщеніи ему чрезъ почту еще нѣкотораго количества сей породы песковъ, дабы можно было предпринять надъ ними химическіе опыты, для изслѣдованія въ нихъ находящихся какихъ-либо постороннихъ веществъ.

«Пріятно было мнѣ симъ нечаяннымъ случаемъ узнать о вашемъ благополучномъ пребываніи въ городѣ Богородицкѣ и видѣть столь долговременное молчаніе обнаруженнымъ чрезъ новое откровеніе присланныхъ вами ископаемыхъ и примѣчанія достойныхъ пещняковъ. Я надѣюсь, что вы, по усердію своему къ отечеству, возобновите паки со мною столь похвальную переписку, которую вы прежде сего, къ чести вашей и къ пользѣ общественной, имѣли. Я, нося званіе непремѣннаго секретаря и члена въ семъ знаменитомъ собраніи и будучи единымъ изъ учредителей Экономическаго Общества, имѣю долгъ испрашивать воли вашей въ предпріятіи таковой переписки со мною по хозяйственнымъ и земледѣльческимъ дѣламъ, чтобъ тѣмъ удобнѣе предлагать могъ собранію о вашихъ подвигахъ. При семъ прошу васъ (если не забыли прежней моей къ вамъ дружбы) скорѣй переслать мнѣ собственно сего рода песчаныхъ плитокъ три экземпляра, дабы я могъ удѣленіемъ ихъ любопытствующимъ минералогамъ возвѣстить, къ славѣ вашей, новое откровеніе такого ископаемаго произведенія.

«Въ ожиданіи вашего на сіе отвѣта, съ почтеніемъ моимъ пребуду навсегда вашего высокоблагородія, государя моего, покорный слуга Андрей Нартовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и королевскаго Датского ордена Данеброга кавалеръ. С.-Петербургъ, генваря 13 дня, 1790 года.

. . . .

Къ сему письму приложена была еще особливая бумага, исписанная имъ же, г. Нартовымъ, слѣдующаго содержанія:

1) Благоволите прислать Обществу вашихъ урочищъ окаменѣлостей разной породы.

2) Если есть у васъ какія модели мельницъ и земледѣльческихъ орудій.

3) Буде угодно вамъ, я пришлю вамъ изъ Общества сѣмянъ растенія сибирскаго, именуемаго Курлыкъ (Polygonum fagopyrum), дикая гречиха, которая послѣ сама собою обсѣвается по засѣяніи въ первый разъ. Она питательна и служитъ пособіемъ земледѣльцамъ въ случаѣ неурожая другаго рода хлѣба. Опыты, учиненные около С.-Петербурга, доказали, что она здѣсь ростетъ изрядно. Я послалъ для опыта и къ городу Архангельскому. Желательно-бъ было, еслибъ вы, по усердію своему, также у себя опыты надъ онымъ произвели и послѣ Общество о слѣдствіяхъ увѣдомили».

Полученіе такого благодарительнаго письма было мнѣ хотя пріятно, однако, удовольствія дальнаго не произвело, ибо симъ еще весьма мало награжденъ былъ трудъ, употребленный мною и сыномъ моимъ при дѣланіи и представленіи коллекціи нашей съ песками, и пользы отъ всего нашего предпріятія не произошло ни какой существительной, почему оба мы съ сыномъ почти и раскаявались въ томъ, что затѣвали и предпринимали сіе дѣло, и тѣмъ паче, что я, напротивъ того, легко могъ предусматривать, что отъ сего возобновленія съ Обществомъ переписки и сношенія произойдетъ только то слѣдствіе, что Экономическое Общество будетъ только отъ времени до времени отягощать меня кой-какими своими требованіями и препорученіями, чему примѣръ, и на первой уже встрѣчѣ, оно въ письмѣ своемъ довольно показало; и что, по сему случаю, буду принужденъ я опять много трудиться, имѣть много хлопотъ, а иногда и нѣсколько убытковъ; и за все то долженъ буду довольствоваться одною только пустою и ничего незначущею честью и похвалами, и болѣе ничего.

Однако, какъ начало было уже учинено и мнѣ не годилось уже отстать и опять замолчать (хотя того мнѣ уже и хотѣлось, а сверхъ того и неизвѣстно было ничего о будущемъ и не можетъ-ли знакомство съ Обществомъ послужить мнѣ опять въ какую-нибудь пользу), а паче всего, какъ я имѣлъ уже около сего времени болѣе свободнаго времени, то подумавъ-погадавъ и положилъ я употреблять кой-когда свободное время на переписку съ Обществомъ, а притомъ на первый случай и удовлетворить его требованіе посланіемъ къ г. Нартову ящичковъ съ песками, къ пріуготовленію которыхъ мы съ сыномъ тотчасъ и приступили, что для насъ тѣмъ съ меньшимъ трудомъ было сопряжено, что у насъ разноцвѣтныхъ песчаныхъ плитокъ разныхъ величинъ надѣлано было въ запасъ превеликое множество, и стоило только набирать изъ нихъ коллекціи и, укладывая въ пріуготовленные ящички, перекладывать ихъ между собою узенькими полосками сукна зеленаго; однако, все потребно было нѣсколько времени на пріуготовленіе и оклейку ящичковъ разноцвѣтными бумагами. Что-жъ касается до требованія Общества о присылкѣ имъ окаменѣлостей и модели мельницъ и орудій, то сему я только усмѣхнулся, ибо у меня всего меньше было на умѣ къ нимъ оныя посылать, хотя бы они у меня и были, но, по счастію, никакихъ въ тотъ разъ не случилось и посылать, дѣйствительно, было нечего.

Въ таковыхъ разборахъ и распрашиваніяхъ обо всемъ моего сына и въ богомоліи провели мы всю первую недѣлю великаго поста. А что было въ теченіе второй и далѣе, о томъ перескажу въ письмѣ будущемъ, а тепер*ича* же, симъ окончивъ, скажу, что я есмь вашъ, и проч.

(Марта 4 дня 1811 года).

Письмо 267.

Любезный пріятель! Приступая теперь къ продолженію повѣствованія о дальнѣйшихъ происшествіяхъ, случившихся со мною въ теченіе начавшагося тогда великаго поста, скажу, что хотя и весь оный прошелъ въ мирѣ и тишинѣ, однако, были кой-какія происшествія, которыми онъ ознаменовался. Къ числу сихъ принадлежало и то, что мы въ первое воскресенье на-смерть были перепуганы опасностію, которой подверглись-было оба мои старшіе дѣти, а именно мой сынъ съ любимѣйшею сестрою своею Настасьею. Въ самый сей день восхотѣлось намъ съѣздить кой-къ-кому изъ городскихъ въ гости. Мы, собравшись всѣ, и поѣхали. Но такъ какъ случилось, что лошади въ тѣхъ саняхъ, въ которыхъ ѣхали сынъ мой съ дочерью, шарахнувшись начали бить и понесли оныхъ куды-зря, мы, увидѣвъ сіе и что они ихъ и изъ саней выпрокинули, перестращались невѣдомо-какъ, и обрадовались крайне, узнавъ, что они ни мало не убились, а отдѣлались отъ сей опасности однимъ только испугомъ.

За сею радостію непосредственно послѣдовала другая. Не успѣли мы пріѣхать туда въ гости, куда ѣхали, какъ прибѣжали къ намъ съ увѣдомленіемъ, что едва только съѣхали мы со двора, какъ пріѣхали къ намъ наипріятнѣйшіе для насъ гости, а именно наши родные изъ Твери, обѣ мои племянницы Надежда и Анна Андреевны Травины. Легко можно заключить, что извѣстіе сіе насъ очень обрадовало, и что мы въ тотъ же мигъ велѣли опять подавать своихъ лошадей, чтобъ поспѣшить заключать въ свои объятія сихъ любезныхъ родныхъ нашихъ и благодарить ихъ за всѣ ласки, оказанныя ими нашимъ дѣтямъ, и постараться самимъ ихъ взаимно угостить и сдѣлать пребываніе у насъ колико можно для нихъ пріятнѣйшимъ. Мы, и въ самомъ дѣлѣ, не упустили ничего, къ тому относящагося, и на сей разъ позабыли, что былъ у насъ великій постъ и всячески старались доставлять имъ возможнѣйшія удовольствія, и то-и-дѣло приглашали къ себѣ своихъ друзей и пріятелей, дѣлали у себя обѣды и ужины и увеселяли ихъ почти ежедневно нашими разными музыками и пѣвчими. Ѣздили также вмѣстѣ

съ ними по гостямъ разнымъ, и не одинъ разъ и въ Ламки къ моему зятю и дочери, старавшихся ихъ также у себя угостить и неотпускавшихъ ихъ отъ себя по нѣскольку дней сряду. Словомъ, время сіе провели мы совсѣмъ не по великопостному, а отмѣнно весело.

Между тѣмъ, не позабылъ я и о петербургскихъ благодѣтеляхъ сыну моему, но за долгъ свой почелъ, съ первою почти почтою, по возвращеніи моего сына, отправить къ нимъ благодарительныя отъ себя письмы, и писалъ не только ко всѣмъ, но и къ самому генералу Васильеву и къ госпожѣ Травиной, воздавая имъ достодолжную за всѣ ихъ одолженія благодарность. Впрочемъ, оба мы съ сыномъ не теряли и всѣхъ праздныхъ и свободныхъ минутъ, остающихся намъ отъ занятія съ гостьми нашими, но занимались по-прежнему разными любопытными и интересными упражненіями. Онъ наиболѣе занимался своею музыкою и рисованьемъ, а я продолжалъ писать и сочинять свою исторію, которой, по окончаніи 4-й части, началъ писать уже пятую. Сверхъ того, по вечерамъ имѣлъ я для себя еще особое и для меня пріятное весьма дѣло. Однажды, будучи въ Ламкахъ, завели мы съ сыномъ при всѣхъ, какъ-то ненарочно, одинъ весьма важный философическій или паче нравственный разговоръ. И какъ обѣимъ племянницамъ моимъ, бравшимъ въ немъ соучастіе, онъ отмѣнно полюбился и рѣчь доходила у насъ, между прочимъ, и до моего «Путеводителя», то восхотѣлось имъ съ сею книгою моего сочиненія короче познакомиться. А поелику мнѣ хотѣлось произвести ею имъ болѣе удовольствія и существительной пользы, то и рѣшился я имъ всю ее прочесть въ слухъ и съ надлежащими вездѣ изъясненіями самъ, и употребить къ тому праздные и свободные вечера. И въ семъ-то пріятномъ и для меня, и для нихъ дѣлѣ упражнялся я многіе вечера. И, къ удовольствію моему, онѣ такъ разохотились читаемое мною слушать, и слушали съ такимъ вниманіемъ усерднымъ и съ такою чувствительностію, что я не могъ тому довольно нарадоваться и съ превеликою охотою и удовольствіемъ производилъ сіе дѣло.

Въ сихъ занятіяхъ прошелъ нечувствительно у насъ весь тогдашній февраль мѣсяцъ. Сдѣлавшееся въ половинѣ онаго тепло, испортившее совсѣмъ дороги и произведшее самое предполоводье, принудило племянницъ моихъ долѣе у меня прогостить, нежели онѣ думали и хотѣли. Но какъ съ наступленіемъ марта показались-было опять морозцы, то, желая какъ-нибудь доплестись по оставшему и хотя уже испортившемуся зимнему пути до дома, и рѣшились онѣ 7 числа отъ насъ выѣхать. Вслѣдствіе чего, дни за 2 до того, и сдѣлали мы у себя для нихъ прощальный пиръ, пригласивъ къ себѣ всѣхъ своихъ тутошнихъ знакомыхъ, и собравшись поѣхали провожать ихъ до Ламокъ. Но выѣздъ ихъ былъ неудаченъ, и судьбѣ восхотѣлось разрушить ихъ намѣреніе. Не успѣли мы изъ города выѣхать, какъ отъѣвшіяся у насъ и отдохнувшія ихъ лошади начали бить и какимъ-то образомъ зашибли одного изъ слугъ ихъ очень больно. А обстоятельство сіе, а притомъ и крайняя дурнота дороги и произвела то, что обѣ онѣ намѣреніе свое оставили и рѣшились остаться у насъ, по желанію нашему, до весны и до просухи, — чѣмъ мы были и довольны и, вмѣсто того, чтобъ ѣхать въ Тверь, поѣхали мы опять гостить въ Ламки. Возвращаясь же оттуда дни черезъ три, въ-прахъ перепуганы были усмотрѣннымъ вдали надъ городомъ превеликимъ дымомъ, происшедшимъ отъ пожара. Ибо какъ за лѣсомъ не можно было видѣть въ какомъ мѣстѣ горѣло, то, будучи пожарами сими слишкомъ настращены, думали мы, не на нашей-ли уже сторонѣ былъ сей пожаръ и не нашъ-ли опять домъ горитъ. Мы безъ памяти тогда поскакали, не уважая ни ухабовъ, ни всей дурноты дороги; и на-силу-на-силу отдохнули и собрались съ духомъ, проскакавъ лѣсъ и увидѣвъ, что пожаръ не на нашей сторонѣ, а за прудомъ въ городѣ, гдѣ сгорѣло тогда цѣлыхъ 10 дворовъ.

Дни черезъ два послѣ сего наступила

и совершенная у насъ половодь. Сія была въ сей годъ отмѣнно рано, и началась уже 13 марта. Она сопряжена была съ обыкновенными для меня заботами, опасеніями и безпокойствами, которыя увеличились еще тѣмъ, что около самаго сего времени появилось еще въ-первыя два жениха, сватающіеся за вторую мою дочь Настасью. Одинъ изъ нихъ былъ тульскій помѣщикъ и потомокъ служившаго при Петрѣ Первомъ славнаго полицеймейстера графа Девіера, а другой—нѣкто изъ фамиліи господъ Албычевыхъ, Василій Николаевичъ. Но оба они были не таковы, чтобъ мы могли ими прельститься и считать партіи сіи для нашей дочери сходными. О первомъ изъ нихъ носилась столь невыгодная молва, что не льстилъ насъ ни его достатокъ и ни то обстоятельство, что дочь наша могла-бъ быть графинею; къ тому же, былъ онъ намъ совсѣмъ незнакомъ, а втораго хотя мы отчасти и знали, но и объ его характерѣ говорили не слишкомъ хорошо; а, ко всему тому, другого и не оставалось намъ, какъ отклонить учтивымъ образомъ сіе дѣло отъ себя и предоставить времени.

Вслѣдъ за симъ наступило уже наше Вербное, случившееся въ сей годъ въ самый день Алексѣя человѣка Божія, а на другой день были именины жены моей. А не успѣли мы обоихъ сихъ праздниковъ отпраздновать, какъ вдругъ встревожены мы были тою неожиданностію, что самая сія дочь наша Настасья занемогла и столь сильно, что мы принуждены были призывать лѣкаря и вмѣстѣ съ нимъ не инако думали, что сляжетъ она горячкою, и тотчасъ ее отъ того лѣчить начали. А по сему всю Страшную недѣлю провели мы въ превеликой объ ней заботѣ, и ради были наконецъ уже и тому, что открылась не горячка, а обыкновенная лихорадка. Сіе сколько-нибудь насъ поуспокоило и произвело то, что мы всю тогдашнюю Святую недѣлю провели довольно весело и не столько уже о больной нашей дочери горевали, какъ прежде, но могли, ее оставляя дома, разъѣзжать по гостямъ, угощать оныхъ у себя и даже отъѣзжать отъ ней и въ Ламки.

Въ сихъ обстоятельствахъ засталъ насъ апрѣль мѣсяцъ, сдѣлавшійся мнѣ въ сей годъ весьма достопамятнымъ многими и на большую часть непріятными происшествіями, и во-первыхъ — тѣмъ, что болѣзнь дочери моей продолжалась почти во весь сей мѣсяцъ, а едва только начала она отъ употребляемой хины сколько-нибудь отъ болѣзни своей поправляться, какъ вдругъ занемогъ и сынъ мой, и такъ жестоко, что мы перетревожены были чрезъ то еще того больше. Болѣзнь его началась головною болью, а потомъ горломъ и была такъ безпорядочна, что мы долго также не знали, что объ ней думать, и горевали объ немъ тѣмъ болѣе, что онъ чрезъ немногіе дни совсѣмъ слегъ въ постель и на-силу-на-силу открылась и въ немъ наконецъ такая-жъ лихорадка, мучившая его весьма жестоко чрезъ день. А въ самое тоже время случилось и самому мнѣ получить столь жестокую боль въ плечѣ правомъ, что я не находилъ отъ ней мѣста и нѣсколько дней не могъ совсѣмъ владѣть рукою. Наконецъ, къ умноженію нашихъ заботъ и огорченій, занемогла и пріѣзжавшая къ намъ изъ Ламокъ старшая дочь моя Елизавета. Словомъ, больныхъ накопилось у насъ въ одно время такъ много, что былъ у насъ сущій гошпиталь, и искусный нашъ лѣкарь едва успѣвалъ всѣхъ насъ лѣчить и употреблялъ къ тому все свое знаніе и искусство.

Между тѣмъ началось у насъ тепло и стала открываться весна и съ нею всѣ пріятности оной, но которыми, за помянутыми болѣзнями, не удалось намъ и попользоваться. Самая музыка не дѣлала намъ уже столько утѣшенія, какъ прежде. Въ разсужденіи сей достопамятно, что мы, сочтя ребятишекъ своихъ довольно уже научившимися, взяли ихъ отъ капельмейстера и перестали учить оныхъ, поелику при всѣхъ выгодахъ, какія мы при ученіи ихъ имѣли, стоило намъ оное, однако, уже до 500 рублей и болѣе. Къ тому же, присовокупились и нѣкоторыя

безпокойства и отъ обоихъ, жившихъ около сего времени у меня двухъ учениковъ Лисенки и Тутолмина, Семена Васильевича, который также былъ нашъ дальній родственникъ и, по бѣдности, взятъ былъ мною къ себѣ для обученія его чему-нибудь. По, будучи съ малолѣтства дурнаго воспитанія и безпутнаго поведенія, не рѣдко заставлялъ насъ сердиться и даже наказывать себя. И мы много имѣли труда, покуда сколько-нибудь на добрый путь наставили.

Далѣе достопамятно, что мы въ этотъ мѣсяцъ лишились своего славнаго и добраго протопопа, дѣлавшаго собою украшеніе всему нашему собору. Послѣ смерти жены своей, о странности которой я упоминалъ впереди, впалъ и онъ въ невоздержности, по ихъ сану и званію непростительныя, которыя скоро и довели его до гроба. Намъ очень было его жаль, и мы не могли безъ слезъ видѣть его погребенія.

За всѣми вышеупомянутыми обстоятельствами, и не удалось намъ до самой половины сего мѣсяца изготовить требованныя г. Нартовымъ песчаныя коллекціи и сыскать удобный случай къ пересылкѣ оныхъ въ Петербургъ, ибо на почтѣ посылать ихъ было неудобно. Но какъ наконецъ сыскались вѣрные изъ Тулы ѣздоки въ Петербургъ, то и отправилъ я съ ними 3 прекрасныхъ ящичка съ песками и четвертый съ большими кусками оныхъ для испытаній, въ который положилъ я вкупѣ и нѣсколько кусковъ своего врачебнаго енкритнаго камня, ибо мнѣ разсудилось послать и онаго имъ нѣсколько, дабы господа медики изволили его, по своему званію и искусству, испытать, по которой причинѣ и приложилъ я къ письму своему особое о полезности и дѣйствіи ихъ и довольно обширное замѣчаніе.

. . . .

По отправленіи сего письма и посылки, радъ я былъ, что сію коммиссію сжилъ наконецъ съ плечъ своихъ, которая до того, какъ нѣкая гора, на плечахъ моихъ лежала. А вскорѣ за симъ, по возстановившемуся лѣтнему пути, поѣхали отъ насъ и племянницы мои, прогостившія въ сей разъ у насъ цѣлыхъ десять недѣль, но мы тѣмъ не только не скучали, но такъ къ нимъ привыкли, что разстались съ ними съ превеликимъ сожалѣніемъ.

Дней чрезъ пять послѣ сего, проведенныхъ въ гореваньѣ о продолжавшейся болѣзни сына моего, котораго жестокая лихорадка, не смотря на всѣ лѣкарства, употребляемыя лѣкаремъ, не переставала черезъ день мучить, привезла ко мнѣ почта превеликій пакетъ изъ Петербурга, изъ Экономическаго Общества, въ которомъ при письмѣ своемъ, писанномъ, къ удивленію, въ одно время съ моимъ, прислало оно ко мнѣ сороковую часть трудовъ своихъ въ прекрасномъ переплетѣ. Маленькій подарокъ сей былъ мнѣ непротивенъ, и я легко могъ заключить, что употребленъ онъ для дальнѣйшаго меня побужденія. По чему я удивился, такъ было то, что я въ оной увидѣлъ уже первое мое письмо о пескахъ, между прочими сочиненіями напечатанное. Его я всего меньше ожидалъ, да и не съ тѣмъ посылалъ, чтобъ оно могло быть напечатано. Что касается до самаго письма, то оно было только извѣстительное и содержало въ себѣ ниже слѣдующія строки:

. . . .

По полученіи сего письма, не сталъ я ни мало мѣшкать своимъ отвѣтомъ, ибо хотя у меня и не было еще никакихъ изготовленныхъ сочиненій, да и не спѣшилъ еще къ тому приступить, однако, все надлежало увѣдомить Общество о полученіи книги, а притомъ хотѣлось мнѣ дать ему знать о причинахъ нескорой пересылки песковъ и камней, и что мнѣ пересылка туда чего-нибудь тяжелаго весьма неспособна, и потому съ первою же почтою отвѣтствовалъ я слѣдующимъ образомъ:

. . . .

По отправленіи сего благодарительнаго письма, началъ-было я помышлять о заготовленіи какого-нибудь сочиненія для Экономическаго Общества, но частые не-

досуги, а особливо по причинѣ вешняго времени занимавшія мысли мои совсѣмъ иными предметами и вещами, меня все еще отъ того удерживали; къ тому жъ, присовокуплялось и то еще обстоятельство, что я, при десятилѣтнемъ издаваніи моего «Экономическаго Магазина», всѣ экономическія свои знанія и замѣчанія уже такъ истощилъ, что не было и не зналъ ничего такого, о чемъ можно-бъ было писать въ Экономическое Общество и о чемъ бы я уже не писалъ прежде и не сообщилъ уже публикѣ. Новѣйшихъ опытовъ никакихъ еще не было, а открытіевъ важныхъ — и того еще меньше, а писанное повторять также не весьма было ловко. Итакъ, признаться надобно, что сколько недосуги (а болѣе — сіе обстоятельство все меня останавливало и приводило мысли мои въ разстройку), сколько я ни помышлялъ, но самъ съ собою не могъ согласиться въ томъ, съ чего бы начать и о чемъ бы писать къ Экономическому Обществу. Сія разстройка простиралась даже до того, что я затѣвалъ уже вновь предпринимать какіе-нибудь опыты, дабы было, по крайней мѣрѣ, о чемъ-нибудь писать.

Между тѣмъ какъ сіе происходило, болѣзнь сына моего все еще продолжалась; однако, я радъ былъ, что ему сколько-нибудь было лучше, и что лихорадка его становилась слаба, и была надежда, что отъ него она отстанетъ. Но не успѣлъ онъ сколько-нибудь отъ ней поопрaвиться, какъ занемогла вдругъ опять дочь моя Настасья, которая-было уже совсѣмъ выздоровѣла. Сіе смутило и озаботило насъ вновь. Болѣзнь была опять точно таковая-жъ и составляла рецидивъ лихорадки. А ко всему тому всѣ первые вешніе дни и праздники, какъ-то Вознесенье, Николинъ день и, наконецъ, и самый Троицынъ день, случившійся въ сей годъ мая 12 числа, провели мы не весьма весело. Въ посѣщеніи отъ гостей какъ тутошнихъ, такъ и пріѣжжихъ хотя не было недостатка, да и сами мы нерѣдко кой-куда разъѣжжали по гостямъ, но сердце мое, по причинѣ больныхъ, толь любезныхъ оному, все было не на своемъ мѣстѣ, такъ что и самыя вешнія обыкновенныя мои увеселенія были для меня не такъ чувствительны и пріятны! И не прежде какъ въ половинѣ мая мѣсяца можно было мнѣ больныхъ своихъ вывесть въ сады сколько-нибудь прогуляться, и Павла своего въ особливости, для посмотрѣнія своего особеннаго садика, въ моемъ саду основаннаго.

Что касается до моихъ упражненій, то состояли они болѣе въ продолженіе писанія моей исторіи и сочиненій на-опытъ «Писемъ о красотѣ натуры», также въ крашеніи бумагъ разными колерами, въ чемъ сотовариществовалъ мнѣ и сынъ мой въ свободные свои дни отъ болѣзни.

Но симъ и кончу я сіе письмо, достигшее до обыкновенной своей величины, и сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Марта 7 дня 1811 года).

УЧИЛИЩЕ.

Письмо 268.

Любезный пріятель! Въ половинѣ мѣсяца мая настало у насъ, по обыкновенію, наилучшее, веселѣйшее и пріятнѣйшее во всемъ году время, которымъ и старались мы сколько можно было воспользоваться и потому не пропускали ни одного способнаго къ надворному гулянію дня, въ который бы не только съ бывающими у насъ гостьми, но и одни съ дѣтьми своими и семействомъ ни посѣщали мы садовъ своихъ и во время гулянія по онымъ ни увеселяли себя музыкою, а особливо своею, которою всего чаще забавлялись мы въ своемъ собственномъ садикѣ, въ которомъ подѣланы были у меня около сего времени многія перемѣны, и почти цѣлая половина онаго превращена изъ прежняго аглинского въ ново-манерный прекрасно-натуральный садикъ, имѣвшій въ себѣ не только множество тѣнистыхъ лѣсныхъ кулигъ, но между ими нѣсколько наипрекраснѣйшихъ полянокъ и площадокъ, украшенныхъ цвѣтками и снабженныхъ, гдѣ —

спокойными деревянными сидѣлками, гдѣ—дерновыми лежанками и отдыхальницами, имѣющихъ другъ съ другомъ сообщенiе чрезъ изгибистые кривые, сквозь густыя и лѣсныя кулиги, проходы и дорожки. На сихъ-то лавочкахъ и разнообразныхъ отдыхальницахъ сиживали мы, либо многiе вмѣстѣ, либо одни съ моимъ выздоровѣвшимъ уже тогда сыномъ по нѣскольку иногда часовъ сряду и занимались то увеселенiями себя обновившимися красотами натуры, то разговорами о разныхъ матерiяхъ, то чтенiемъ хорошихъ и прiятныхъ книгъ. Въ каковомъ чтенiи оба мы находили отмѣнное для себя удовольствiе. Иногда занималъ насъ собою издаваемый уже тогда въ Москвѣ «Политическiй Журналъ», переводимый съ гамбургскаго Ширахова и спознакомившiй у насъ толь многихъ людей съ политикою. Въ чтенiи сего журнала, а особливо при тогдашнихъ важныхъ и необыкновенныхъ въ свѣтѣ происшествiяхъ, находили мы съ сыномъ великое удовольствiе, и онъ нерѣдко подавалъ намъ поводъ ко многимъ политическимъ между собою разговорамъ.

Таковому прiятному и веселому препровожденiю времени въ теченiе сего мѣсяца поспѣшествовало много и то, что въ самое сiе время жили у насъ въ Богородицкѣ многiя дворянскiя фамилiи, прiѣзжiя для лѣченiя себя у прославившаго повсюду искусствомъ своимъ нашего лѣкаря. И какъ нѣкоторые изъ нихъ были намъ люди издавна знакомые и дружественные (а и прочiе за первый долгъ себѣ считали съ нами познакомиться, и сдружиться), то сiе весьма часто и подавало намъ поводъ ко взаимнымъ другъ съ другомъ свиданiямъ и угощенiямъ. Почему мы нерѣдко и съ ними хаживали гулять по садамъ нашимъ, при каковыхъ случаяхъ никогда почти не упускалъ я, чтобъ не повеселить ихъ либо своею, либо наемною музыкою и пѣвчими. Словомъ, время сiе было для насъ отмѣнно весело, и тѣмъ паче, что все было у насъ въ сiе время тихо и смирно, и я не тревоженъ былъ ни чѣмъ со стороны своего начальства.

Поводомъ къ тому было то, что около сего времени сдѣлалось уже съ достовѣрностiю извѣстно, что директоромъ въ Тулу, слѣдовательно, и къ намъ опредѣленъ былъ не г. Свѣчинъ, а самый тотъ г. Юницкой, о которомъ говорили уже столь много и разнаго прежде. И какъ прiѣзда онаго изъ Петербурга начинали уже въ Тулѣ ежедневно дожидаться, то и временный мой командиръ г. Веницеевъ пересталъ уже тревожить и безпокоить меня своими умничаньями и затѣями, которыя иногда причиняли мнѣ даже самыя досады.

Но, къ особливому прискорбiю моему, все сiе прiятное и веселое время продолжилось очень не долго. Нашъ любезный май мѣсяцъ не успѣлъ еще весь пройтить, какъ новая буря встревожила опять все спокойствiе души моей. Вдругъ занемогли опять старшая изъ незамужнихъ дочь моя Настасья: ее подхватила опять жестокая лихорадка. А не успѣли мы еще ее огоревать, какъ вслѣдъ за нею занемогъ опять и сынъ мой, сей сотоварищъ мой во всѣхъ моихъ дѣлахъ и наипрiятнѣйшiй собесѣдникъ. Не могу изобразить, сколь прискорбенъ былъ духу моему сей противный случай и какъ проклиналъ я сiи досадные рецидивы прежней ихъ болѣзни! Къ вящему смущенiю всѣхъ насъ, его родныхъ, сiя новая его болѣзнь была такого состоянiя, что мы, судя по скорому ея усиленiю, невѣдомокакъ страшились, чтобъ не схлебнуть ему горячки, и чтобъ жизнь его не подверглась такой же опасности, въ какой находились многiе иные въ сiе время, ибо горячки какъ-то во всемъ городѣ тогда свирѣпствовали. Нѣсколько дней провели мы объ немъ въ великомъ недоумѣнiи и неизвѣстности и ради были уже и тому наконецъ, что открылась опять прежняя лихорадка, и по-прежнему чрезъ день его посѣщавшая. Было сiе уже въ третiй разъ, что занемогъ онъ вновь сею проклятою и досадною болѣзнiю. И въ сей разъ была она такъ упорна, что мы принуждены

были возъимѣть прибѣжище свое къ даванію ему самой хины. Но и сіе, впрочемъ, наилучшимъ и достовѣрнѣйшимъ почитаемое, лѣкарство помогало ему какъ-то очень худо.

Итакъ, сколь много ни занимался я въ сіе время въ садахъ обыкновенными внешними работами, но знатнымъ количествомъ времени принужденъ былъ жертвовать и любезному нашему больному, и не только въ самые его мучительные дни, но и въ тѣ, когда онъ отъ нея имѣлъ свободу и могъ еще сколько-нибудь заниматься какими-нибудь отъ скуки упражненіями, а особливо рисованіемъ, увеселявшимъ его всѣхъ прочихъ больше. Во всѣ такіе дни, сотовариществовалъ я ему, сколько мнѣ было можно и, сидючи съ нимъ, либо читалъ ему что-нибудь занимательное, либо разговаривалъ съ нимъ о матеріяхъ разныхъ, а особливо о продолжавшейся у насъ въ сей годъ войнѣ со Шведами и въ самое сіе время пылающей во всей своей жестокости, и не столько на сухомъ пути, сколько на морѣ.

Въ самое сіе время, вдругъ и противъ всякаго моего чаянія и ожиданія, полулучилъ я опять толстый пакетъ изъ Экономическаго Общества съ двумя письмами и сѣмянами сибирской гречихи, также книжкою о каменной бумагѣ и реестромъ членамъ всего собранія. Все сіе хотя и произвело во мнѣ нѣкоторое удовольствіе, но съ другой стороны равно какъ упрекало меня въ моей медленности и нерадѣніи въ разсужденіи обѣщаннаго присыланія къ нимъ моихъ сочиненій. Я видѣлъ тогда ясно, что всѣмъ тѣмъ Общество заставляло меня почти неволею писать и трудиться и всячески меня задобрить старалось. Но какъ разстройка мыслей моихъ и незнаніе о чемъ писать продолжалось и по сіе время, то сіе было мнѣ тѣмъ еще непріятнѣе.

. . . .

Оба сіи письма получилъ я іюня 9 числа, и признаюсь, что обоими ими былъ я и доволенъ, и нѣтъ. Ибо они доказали мнѣ тогда ясно, что я въ томъ прежнемъ мнѣніи моемъ ни мало не обманулся, что отъ представленія песковъ моихъ въ Общество не произойдетъ для меня никакой существительной пользы, а буду я имѣть только ту досаду, что они меня замучутъ своими требованіями о присылкахъ къ нимъ вещей разныхъ,—не разсуждая ни мало о томъ, что пересылка таковая всегда для меня была не только крайне затруднительна, но и убыточна, ибо за всякую изъ нихъ, равно какъ и за письмы и посылаемыя сочиненія, долженъ я былъ платить деньги и за все то довольствоваться одними только пустыми благодареніями,—а по всему тому я почти уже и раскаявался въ томъ, что дозволилъ сыну моему представить пески свои въ Общество. Но какъ сіе было уже невозвратно и дѣло было сдѣлано и я вошелъ уже опять въ сношенія и переписку съ Обществомъ и отстать отъ того было уже дурно, то усматривалъ я, что тогда самая необходимость принуждала меня отвѣтствовать Обществу въ непродолжительномъ времени. Я желалъ тогда невѣдомо-какъ, чтобъ было у меня какое-нибудь сочиненіе, готовое для отсылки въ Общество, и совѣстился, что до сего времени писать не собрался. Однако, какъ таковаго сочиненія готоваго не было и пособить тому было нечѣмъ, а тогда за недосугами сочинять было уже некогда,—то рѣшился я послать только извинительное письмо къ Нартову, но и то не прежде, какъ по возвращеніи своемъ уже изъ Тулы, въ которую я тогда ѣхать собирался.

Ибо надобно знать, что около самаго сего времени получилъ я изъ Тулы извѣстіе, что новый нашъ господинъ директоръ домоводства и вкупѣ новый мой командиръ г. Юницкой въ Тулу наконецъ уже прибылъ. И какъ мнѣ необходимо надлежало къ нему явиться и его съ собою познакомить, то и занялся я тогда помышленіями о томъ, какъ бы мнѣ на первый случай ему подслужиться преподаніемъ ему о волостяхъ нашихъ и обо всѣхъ касающихся до нихъ обстоятельствъ—хотя краткаго, но такого понятія, которое бы его освободило отъ

многихъ трудовъ, къ узнанію всего того потребныхъ, и чѣмъ, какъ я предполагалъ, надлежало ему быть очень довольнымъ. Ибо я, не зная еще его лично, за вѣрное полагалъ, что надобно ему быть человѣку разумному, съ большими знаніями и дарованіями, и что онъ не съ вѣтра, а за достоинства получилъ себѣ толикой важности мѣсто. А для самого того, засѣвъ, и сочинилъ я ему краткое, но такое извѣщеніе о нашихъ волостяхъ, какое едва-ль бы кто иной восхотѣлъ бы, но и въ состояніи былъ сочинить, будучи на моемъ мѣстѣ. А не удовольствуясь тѣмъ, скопировалъ еще для него и маленькую географическую карту положенія всѣхъ нашихъ волостей и находящимся въ нихъ селеніямъ и для лучшаго и удобнѣйшаго ему о волостяхъ понятія пріобщилъ ее къ моему извѣщенію. Всѣмъ симъ надѣялся я, по крайней мѣрѣ, и ему услужить и о своихъ способностяхъ дать ему понятіе и пріобрѣсти себѣ его благоволеніе. И, по изготовленіи всего того, 12 іюня къ нему въ Тулу и поѣхалъ.

Какъ изъ Богородицка выѣхалъ я почти съ свѣтомъ вдругъ, то, покормивъ въ Дѣдиловѣ лошадей, и успѣлъ я въ тотъ же день и столь еще рано пріѣхать въ Тулу, что имѣлъ время повидаться съ другомъ своимъ г. Сухотинымъ, у него посидѣть, напиться чаю, разспросить о новомъ своемъ командирѣ, а потомъ повидаться еще съ пріятелемъ своимъ г. Запольскимъ. Квартирою же для себя, для лучшей свободы, избралъ я домъ знакомца своего Пастухова, и у него и расположился.

На утріе, забравъ съ собою все нужное, ранымъ-ранёхонько поѣхалъ я сперва къ г. Венидееву и, поговоривъ съ нимъ обо всемъ и раскланявшись съ нимъ, временнымъ своимъ начальникомъ, явился къ своему новому командиру, стоявшему тогда въ томъ каменномъ казенномъ домѣ, который находится на половинѣ Московской Большой улицы. Онъ принялъ меня хотя вѣжливо и учтиво, но ни тепло, ни холодно, и я, взглянувъ на него, тотчасъ увидѣлъ, что я въ помышленіяхъ и заключеніяхъ моихъ объ немъ весьма въ многомъ обманулся, и что въ немъ далеко такихъ достоинствъ и дарованій не было, какія я въ немъ найтить надѣялся, а показался онъ мнѣ человѣкомъ простенькимъ, смирненькимъ, небольшимъ и ума весьма посредственнаго и обыкновеннаго, словомъ — весьма не изъ далекихъ, почему и подивился я еще, что въ Петербургѣ не могли найтить лучшаго и способнѣйшаго для сей важной должности человѣка, а прислали такого, котораго можно было почесть ни рыбою, ни мясомъ. Но послѣ узналъ, что доставилъ ему сіе мѣсто какой-то чиновникъ, служащій при ямской канцеляріи и довольно въ Петербургѣ именитый, и доставилъ по той причинѣ, что женатъ онъ былъ на его ни то родственницѣ, ни то воспитанницѣ, съ которою онъ тогда въ Тулу и пріѣхалъ и которая также показалась мнѣ не слишкомъ бойкою и чиновною госпожею.

Но какъ бы то ни было, но господинъ сей далеко не обласкалъ меня такъ, какъ я того ожидалъ, да и услугою моею далеко не такъ много былъ доволенъ, какъ я надѣялся, но принялъ ее холоднымъ почти образомъ и не поблагодарилъ меня даже за трудъ, для его, по собственному моему произволу, воспріятый. Сіе меня также нѣсколько смутило, и я даже досадовалъ самъ на себя, что трудился такъ много для человѣка, незнающаго трудамъ таковымъ цѣны и неспособнаго чувствовать услуги таковаго рода. И какъ, по всему тому, я нѣкоторымъ образомъ заключалъ, что ожидалъ онъ можетъ быть отъ меня услуги инаго и существительнѣйшаго рода и при первомъ случаѣ чего-нибудь такого, что́ сообразнѣе было съ интересами его кармана, то за нужное почелъ предварительно и обинякомъ дать ему узнать, что наши волости совсѣмъ не такова рода и не на такой ногѣ управляются, чтобъ можно было льститься нажить отъ нихъ какіе-либо прибытки, и не только большіе, но и самые малые и ничего незначущіе. И хотя и не надѣялся, чтобъ онъ мнѣ повѣрилъ, но сказалъ

ему на первой встрѣчѣ самъ о себѣ, что я управляю волостьми сими хотя уже многіе годы, но могу свято въ томъ его увѣрить, что не нажилъ еще ни одного рубля отъ волостей сихъ, а довольствуюсь однимъ только опредѣленнымъ себѣ жалованіемъ и содержаніемъ. Онъ улыбнулся только, сіе услышавъ, но я, для лучшаго удостовѣренія его въ томъ, привелъ примѣръ г. Давыдова, говоря, что и сей, управляя сими волостьми, только разорился, а пользы себѣ отъ нихъ ни какой не получилъ, да и получить было ему никакъ не можно, ибо обстоятельства, сопряженныя съ сими волостьми, таковы, что начальникамъ и помышлять о какихъ-нибудь прибыткахъ не дозволяютъ, какъ то онъ самъ вскорѣ увидѣть и узнать можетъ.

Вкусна-ли ему таковая пилюля была, или не вкусна, того уже не знаю, но онъ проглотилъ ее безъ примѣтнаго отвращенія, а замѣтно было только то, что онъ съ сего времени сталъ обходиться со мною нѣсколько благосклоннѣе и откровеннѣе, и наконецъ, признавался, что онъ нуждается въ нѣкоторыхъ нужнѣйшихъ мебеляхъ, а особливо въ столахъ и стульяхъ, и не знаетъ, гдѣ-бъ ему ихъ на время, и покуда онъ своими запасется, получить было можно. «О, что касается до сего, сказалъ я, то у насъ во дворцѣ сего добра довольно, и что если ему угодно, то могу я ихъ, сколько ему надобно, къ нему доставить».—«Очень бы это было хорошо», подхватилъ онъ и сталъ меня о томъ просить. И какъ я ему сіе обѣщалъ, то казался онъ быть тѣмъ очень доволенъ.

Посидѣвъ у него часа два и съѣздивъ потомъ въ ряды и въ казенную полату и нашедъ тамъ г. Верещагина, поѣхалъ обѣдать къ сему послѣднему, а послѣ обѣда съѣздилъ опять къ своему новому командиру и, не имѣя никакого болѣе до него дѣла, распрощался съ нимъ, и на другой же день съ утра пустился въ обратный путь и возвратился въ Богородицкъ.

Тутъ всѣ съ превеликимъ нетерпѣніемъ дожидались моего возвращенія, и не успѣлъ я пріѣхать, то и начались отъ всѣхъ спросы и распросы о томъ, каковъ показался мнѣ нашъ новый командиръ? Я разсказалъ имъ все, что могъ узнать и относительно до характера его запримѣтить. И всѣ не горевали, а радовались тому, что былъ онъ человѣкъ не изъ бойкихъ, а смирный и безъ дальновидныхъ затѣевъ, ибо по самому тому не ожидали отъ него никакихъ дальнихъ причудъ, затѣй и посягательствъ, а льстились надеждою, что мы подъ начальствомъ его проживемъ мирно и спокойно.

Обѣщаніе свое и не преминулъ я тотчасъ исполнить. И не успѣлъ возвратиться, какъ и отправилъ къ новому командиру своему на казенныхъ лошадяхъ нѣсколько столовъ и стульевъ. А поелику былъ тогда постъ, то вмѣстѣ съ ними послалъ къ нему и нѣсколько нашихъ карповъ для его стола, и получилъ за то отъ него благодарность.

Исполнивъ сіе и сдѣлавшись свободнымъ, не сталъ я долѣе ни минуты медлить, но написалъ слѣдующее за симъ отвѣтное письмо въ Экономическое Общество на его ко мнѣ письмо и съ первою же почтою въ Петербургъ отправилъ.

. . . .

Отправивъ сіе письмо и отдѣлавшись на сей разъ онымъ, думалъ я, что останусь на нѣсколько времени спокоенъ отъ Общества и буду имѣть довольно досуга для сочиненія, наконецъ, чего-нибудь въ Общество. Однако, не то совсѣмъ воспослѣдовало. Но не успѣло и трехъ дней послѣ отправленія онаго письма пройтить, и я не успѣлъ еще собраться съ духомъ, какъ, гляжу-смотрю, несутъ съ почтою ко мнѣ опять толстый пакетъ изъ Экономическаго Общества. Удивился я сему неожидаемому и поразившему меня своею нечаянностію случаю и самъ себѣ говорилъ: «Господи помилуй! что̀ такъ уже слишкомъ разохотилось Общество писать ко мнѣ и что̀ такъ сдѣлалось тѣ иво?» Потомъ любопытенъ я былъ видѣть, что̀ такое находилось въ пакетѣ. Поправившійся около сего времени въ здоровьѣ

своемъ сынъ мой, прибѣжавъ ко мнѣ, любопытенъ былъ не менѣе моего также узнать о томъ. Но какъ удивились оба мы, увидѣвъ по распечатаніи онаго, что была въ немъ только одна нѣмецкая книжка, въ которой собраны и напечатаны были нѣкоторыя изъ послѣднихъ сочиненій Экономическаго Общества, которыя присланы были къ нему на нѣмецкомъ языкѣ, яко оригинальныя. И Общество присылкою оной хотѣло мнѣ только услужить, и тѣмъ меня болѣе еще къ продолженію переписки съ собою заохотить. Но для меня, по вышеупомянутымъ обстоятельствамъ, была сія приманка не весьма пріятна, ибо она приводила меня только въ пущее нестроеніе.

. . . .

Письмо сіе, полученное мною 23 іюня, требовало натурально отъ меня опять скораго отвѣта, почему, хотя и совѣстно мнѣ было очень, что не было у меня ничего готоваго и я не зналъ уже чѣмъ извиниться, но, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ я замѣнить то сколько-нибудь скорѣйшимъ изготовленіемъ требуемыхъ ящичковъ съ песками. Но какъ оные не совсѣмъ еще были готовы, а сверхъ того неизвѣстно еще было, скоро-ли найдется и случай къ посылкѣ оныхъ, то разсудилъ я посылкою требуемыхъ камней и порошку болѣе не дожидаться, но отправить онаго сколько можно съ первою почтою. Въ разсужденіи же медленности своей извиниться перемѣною командировъ, какъ то и въ самомъ дѣлѣ было. Почему тогда же и отправилъ я по почтѣ пакетъ въ 3 фунта съ камнемъ и пескомъ при письмѣ.

. . . .

По отправленіи сего письма, не сталъ я медлить и отправленіемъ въ Петербургъ и приготовленныхъ, между тѣмъ, песчаныхъ коллекцій. Пріуготовили мы ихъ опять три ящичка, и коллекціи были нарочито хорошія. По счастію, за годъ предъ симъ, равно какъ нарочно, для сего заготовлено было у насъ множество песчаныхъ плитокъ и набранныхъ изъ нихъ коллекцій, и потому не дѣлали они мнѣ дальняго затрудненія, а нужно было только велѣть дѣлать ящички и потомъ, оклеивъ ихъ бумагами, плитки въ нихъ уложить и, по обыкновенію, перестлать суконцами и ваткою съ верху; а если-бъ не было сего заготовленія, то не зналъ бы я что и въ семъ случаѣ дѣлать. Помянутые же ящички отправилъ я опять изъ Тулы чрезъ Пастухова, но ѣздоки были не такъ достовѣрны, какъ прежніе, и я боялся, чтобъ они не пропали.

Сбывъ съ рукъ своихъ сію коммиссію, принялся я за прежнія свои дѣла и разныя упражненія, непрерывающіяся почти никогда, ибо дѣлъ было у меня всегда множество и не только въ своемъ кабинетѣ, но въ тогдашнее, какъ лѣтнее время, и въ садахъ, въ которыхъ хотя и не производилось уже никакихъ по-прежнему важныхъ и большихъ работъ, но въ маленькихъ, производимыхъ садовниками и немногими дворовыми людьми, не было никогда оскудѣнія, и я то-и-дѣло то тамъ, то индѣ ими занимался, и либо то, либо другое вновь выдумывалъ и затѣвалъ. Около же сего же времени въ особливости занимался я подниманіемъ родниковъ и колодезей и дѣланіемъ глиненыхъ стѣнъ, могущихъ служить вмѣсто оградъ, которыя обѣ выдумки хотѣлось мнѣ довести до совершенства, дабы мнѣ можно было объ нихъ, какъ о новѣйшихъ открытіяхъ, писать въ Экономическое Общество.

Въ сихъ упражненіяхъ засталъ меня Петровъ-день. И какъ въ оный былъ зять мой имянинникомъ и имѣлъ обыкновеніе всякій годъ его праздновать, то принужденъ былъ и я, оставивъ всѣ свои дѣла, къ нему на сіе торжество ѣхать и пропраздновать у него нѣсколько дней съ ряду. А не успѣлъ возвратиться въ Богородицкъ, какъ долженъ былъ помышлять о приближающейся нашей годовой ярмонкѣ и дѣлать и самъ къ сему празднику всѣ нужныя пріуготовленія. Но ярмонка сія была у насъ въ этотъ годъ далеко не такова, какъ въ предслѣдовавшій, ибо съ одной стороны случившееся на ту пору ненастное и дождливое время

сдѣлало ей великое помѣшательство и воспрепятствовало многому народу, по обыкновенію, на нее съѣзжаться (и съѣздъ былъ очень небольшой, а особливо дворянства), а съ другой—не было уже никого пріѣжжихъ изъ Тулы (ибо г. Давыдова тогда уже не было, а г. Юницкой и не подумалъ на нее ѣхать),—итакъ, принуждены мы были одни и съ одними только своими друзьями и знакомцами, да и то немногими, сей праздникъ праздновать. Но за то былъ онъ для насъ гораздо и спокойнѣе прежняго, и мы далеко не имѣли столько хлопотъ, суетъ и безпокойствъ, какъ въ прежніе разы, но провели его съ миромъ и тишиною.

Не успѣли мы сей праздникъ отпраздновать, какъ вознадобилось мнѣ съѣздить опять въ Тулу, для отвоза скопившихся волостныхъ доходовъ и отдачи сихъ денегъ уже не директору, а прямо въ казенную полату. И какъ другой надобности ни какой я въ Тулѣ не имѣлъ, то и пробылъ я въ ней одни только сутки и, повидавшись почти вскользь со своимъ новымъ начальникомъ, невходящимъ еще ни въ какія наши дѣла, возвратился назадъ въ Богородицкъ, гдѣ непосредственно за симъ долженъ я былъ принимать и угощать у себя пріѣзжавшаго для осмотра нашего училища, директора надъ всѣми ими, господина **Хомякова**, человѣка мнѣ знакомаго и всегда ко мнѣ ласкавшагося.

Достальные дни мѣсяца іюня, по причинѣ бывшихъ большихъ лѣтнихъ жаровъ, провели мы наиболѣе въ ежедневныхъ гуляньяхъ по вечерамъ въ садахъ и увеселеніяхъ себя музыками. Въ самые же знойные дни купывались въ нашей прекрасной ваннѣ, а въ иное время, сидючи въ тѣни, занимались либо чтеніемъ книгъ, а иногда рисованьемъ картинъ и дѣланіемъ разныхъ чертежей, ландкартъ и плановъ. И я радъ былъ, что сынъ мой могъ опять мнѣ во всемъ сотовариществовать. Но радость сія не долго продолжалась. Проклятая лихорадка подцѣпила его въ концѣ сего мѣсяца, опять и уже въ четвертый разъ, и рецидивъ сей былъ жесточе всѣхъ прежнихъ и привелъ сына моего жестокими пароксизмами въ великую слабость. А самое сіе принудило насъ приниматься опять за хину, и его ею, по предписанію лѣкаря нашего, лѣчить. Со всѣмъ тѣмъ, какъ болѣнъ онъ ни былъ, но въ свободные дни не преставалъ продолжать свое рисованье, которымъ онъ въ сіе время занимался. И достопамятно, что онъ въ самый сей періодъ времени рисовалъ обѣ тѣ большія военныя картины, которыя и понынѣ украшаютъ стѣны моей гостиной и могутъ считаться наилучшими изъ всѣхъ прочихъ.

А симъ, вмѣстѣ съ іюлемъ, кончу я и сіе мое письмо, достигшее до обыкновенной своей величины, и сказавъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Марта 14 дня 1811 года).

Письмо 269.

Любезный пріятель! Первый день августа мѣсяца провели мы довольно весело. По-утру были всѣ городскіе въ собраніи въ церкви и ходили всѣ послѣ обѣдни на воду. Процессія сія была у насъ всегда довольно пышная и видная. Начальствовалъ въ служеніи уже новый нашъ протопопъ **Филиппъ**, произведенный въ достоинство сіе изъ поповъ нашихъ и носящій и понынѣ тамъ сіе званіе. Въ служеніи былъ онъ немногимъ-чѣмъ хуже прежняго, но, взамѣнъ того, былъ ученѣе того и изрядный проповѣдникъ. Онъ любилъ также строго наблюдать церемоніалъ въ служеніи и дѣлалъ собою красу церкви нашей. Но наилучшее украшеніе составляла богатая ризница и дорогая утварь; также и наши пѣвчіе. Водосвятіе отправлялось всегда на большомъ нашемъ прудѣ по-ниже дворца. И какъ весь высокій и наклонный къ пруду берегъ унизанъ былъ превеликимъ множествомъ обоего пола городскихъ жителей, то и представлялось тогда для глазъ прелестное зрѣлище. Послѣ обѣда же всѣ городскіе были у меня, и мы всѣ, пользуясь случившеюся въ сей

день прекрасною погодою, ходили съ ними гулять по большему саду при звукѣ играющей въ ротундѣ музыки и пѣніи пѣвчихъ. Словомъ, всѣ были веселы и довольны.

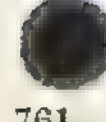
Но окончаніе сего дня было для меня не весьма пріятно, и я перетрусился-было въ-прахъ, почувствовавъ въ себѣ превеликій ознобъ и опасаясь, чтобъ не занемочь и самому мнѣ лихорадкою. Но скоро успокоился, узнавъ, что было то дѣйствіемъ простуды, отъ которой мнѣ тотчасъ и помогъ превосходный мой декоктъ простудный.

Въ слѣдующій за симъ день прибѣжавшій ко мнѣ почти безъ души нашъ протопопъ смутилъ-было меня принесеннымъ извѣстіемъ, что на утріе прибудетъ къ намъ въ Богородицкъ новый нашъ и объѣзжающій тогда всю свою епархію архіерей Аѳанасій. Я смутился-было болѣе потому, что оставалось время коротко къ сдѣланію къ принятію сего необыкновеннаго и важнаго гостя по достоинству всѣхъ нужныхъ пріуготовленій, ибо мнѣ хотѣлось блеснуть ему и нашею церковью и всѣмъ прочимъ. Но, по счастію, извѣстіе сіе было не совсѣмъ достовѣрное и проврралось совершенно, а чрезъ то и получилъ я болѣе времени.

Новаго сего нашего архипастыря хотѣлось мнѣ весьма видѣть и съ нимъ познакомиться. Желаніе сіе возбудилъ во мнѣ наиболѣе протопопъ нашъ, насказавшій мнѣ объ немъ много хорошаго и превозносившій его до небесъ похвалами. Почему и помышлялъ я ассигновать ему квартиру во дворцѣ нашемъ, а между тѣмъ поприбрать получше и всю нашу церковь; сдѣлать для его амбонъ, поприготовить пѣвчихъ и все прочее, что къ предпринимаемому угощенію его у себя было нужно. И какъ пріѣздъ его къ намъ не прежде воспослѣдовалъ, какъ 10 числа августа, то и успѣлъ я все желаемое къ сему времени сдѣлать и приготовить.

Онъ пріѣхалъ къ намъ изъ Ефремова помянутаго числа передъ вечеромъ. И поелику мы о самомъ часѣ его прибытія были извѣщены, то, собравшись вмѣстѣ съ городскими судьями и наилучшими купцами, и встрѣтили его въ подъѣздѣ дворцовомъ. Онъ казался весьма довольнымъ быть, нашедъ для себя столь прекрасную и спокойную квартеру и готовое уже горячее для подчиванія его съ дороги. И какъ и онъ былъ довольно обо мнѣ наслышанъ, то не преминулъ тотчасъ вступить со мною въ ласковые и пріятные разговоры, въ которыхъ, по отходѣ всѣхъ прочихъ, встрѣчавшихъ его чиновниковъ, и занялись мы съ нимъ во весь остатокъ того дня и вечера. И какъ, послѣ обыкновенныхъ ничего незначущихъ разговоровъ, довелъ я оные до дѣлъ учоныхъ и наукъ, то въ одинъ почти мигъ и успѣли мы съ нимъ такъ спознакомиться и сдружиться, что ему и не хотѣлось уже и перестать со мною говорить. И причиною тому было то, что я во многихъ отношеніяхъ былъ гораздо его знающѣе и, пользуясь сею выгодою, блеснулъ предъ нимъ такъ обширными своими знаніями въ естественной наукѣ и исторіи, что онъ, будучи въ сихъ наукахъ невеликимъ знатокомъ, но весьма любопытнымъ человѣкомъ, слушалъ меня, такъ сказать, разиня ротъ, глаза и уши. Словомъ, я заговорилъ его въ-прахъ и накидалъ ему столько въ глаза пыли, что онъ не только возъимѣлъ ко мнѣ отмѣнное почтеніе, но даже и полюбилъ меня искренно и душевно; а я, пользуясь таковою его къ себѣ благосклонностію, и не упустилъ, отходя отъ него ввечеру, попросить его, чтобъ онъ на утріе, какъ въ случившійся тогда день воскресный, удостоилъ нашу церковь своимъ священнодѣйствіемъ, а потомъ пожаловалъ бы ко мнѣ откушать.

Просьба сія была имъ всего меньше ожидаема, и сколько послѣдняя пріятна, столько первая обременительна, ибо онъ, будучи не рьяный охотникъ служить, а, чувствуя въ себѣ отъ путешествія усталость, ни мало не помышлялъ о томъ, а располагался-было въ этотъ день взять отдохновеніе; а по всему тому и началъ-было отъ служенія отговариваться, отзываясь, между прочимъ, что есть-ли, полно, для кого предпринимать сей трудъ? Но



какъ я просьбу свою повторилъ, то, плѣнясь моими разговорами, принужденъ онъ былъ, наконецъ, на то согласиться и далъ мнѣ обѣщаніе отслужить на утріе въ церкви нашей обѣдню.

Будучи симъ доволенъ и идучи отъ него домой, помышлялъ я о томъ, какъ бы мнѣ сдѣлать ему сюрпризъ и доказать, что онъ въ мысляхъ своихъ о нашемъ городкѣ обманывался и что служить ему есть гдѣ и есть для кого. И, по приходѣ домой, тотчасъ разослалъ всѣхъ своихъ вѣстовыхъ и людей по всѣмъ городскимъ судьямъ и лучшимъ купцамъ, также и къ съѣхавшимся нарочно для сего случая многимъ дворянскимъ фамиліямъ съ извѣщеніемъ, что архіерей, по убѣдительной моей просьбѣ, будетъ на утріе въ церкви нашей служить обѣдню, и чтобъ всѣ они не оставили меня и городокъ нашъ въ стыдѣ и пожаловали пріѣздомъ къ обѣднѣ смотрѣть архіерейское служеніе, а потомъ ко мнѣ откушать. Домашнимъ же своимъ препоручилъ приготовить колико-можно лучшій столъ и снабдилъ ихъ множествомъ всякой рыбы, а особливо самыми большими нашими карпами. И такимъ же образомъ и обоимъ секретарямъ своимъ Варсобину и Щедилову препоручилъ вмѣстѣ съ протопопомъ нашимъ постараться, чтобъ и въ церкви нашей все было хорошо, и употреблена была наилучшая наша дорогая ризница и утварь.

Архіерей нашъ и подлинно поразился при входѣ на утріе въ нашу церковь увидѣвъ встрѣчающаго себя нашего протопопа и другихъ поповъ и дьяконовъ въ такихъ богатыхъ одеждахъ, какихъ не было у него и въ Коломенскомъ его соборѣ, и такой крестъ, какого онъ едва ли когда видалъ. А не менѣе поразился онъ и убранствомъ, и великолѣпіемъ нашей церкви, и увидѣвъ и пріуготовленной даже для него и обитой алымъ сукномъ амбонъ. Все сіе было имъ ни мало неожидаемо. А то удивило его еще того болѣе, что онъ, противъ всякаго своего чаянія, увидѣлъ всю нашу просторную церковь, наполненную сплошь не только простымъ народомъ, но и великимъ множествомъ дворянства и другихъ чиновниковъ, а особливо дамъ, дѣвицъ и купеческихъ женъ въ наилучшихъ ихъ нарядахъ. А все сіе и побудило его отправлять служеніе во всей обыкновенной формѣ и колико-можно лучшимъ образомъ. И какъ былъ онъ человѣкъ еще не старый, собою видный и красивый и служить отмѣнный мастеръ, то и было въ самомъ дѣлѣ, чего тогда всѣмъ посмотрѣть и чѣмъ полюбоваться. Оба крылоса наполнены были пѣвчими, на правомъ—были его, а на лѣвомъ—наши, ни въ чемъ почти его неуступавшіе. На обоихъ пѣты были концерты, и однимъ словомъ, все служеніе было пышное и великолѣпное, и о чемъ самъ уже и архіерей возможнѣйшее прилагалъ стараніе, признаваясь мнѣ послѣ, что онъ никакъ не думалъ и не ожидалъ найтить у насъ все то, что онъ нашелъ и видѣлъ, и что ему даже было совѣстно и стыдно, что не было съ нимъ дорогой ризницы, и что онъ принужденъ былъ служить въ своей дорожной.

Легко можно заключить, что для меня таковой отзывъ его былъ весьма пріятенъ, и я, слушая оный и улыбаясь самъ въ себѣ, подумалъ: «то-то, ваше преосвященство, не слишкомъ бы скоро дѣлать объ насъ такія невыгодныя заключенія, что будто-бъ и служить было негдѣ и не для кого! анъ, оказалось, что есть гдѣ и есть для кого». И былъ нѣкоторымъ образомъ въ особливости доволенъ симъ надъ нимъ восторжествованіемъ.

Архіерей, при выходѣ изъ церкви, не преминулъ все бывшее тутъ дворянство пригласить къ себѣ на дорожную водку и тѣмъ предупредилъ собственное наше желаніе сходить къ нему на поклонъ. Итакъ, мы всѣ гурьбою къ нему во дворецъ и пошли и нашли тамъ приготовленную стараніемъ моимъ изъ многихъ блюдъ и тарелокъ, наполненныхъ всякою всячиною, закуску. Архіерею было и сіе весьма пріятно, а для меня всего пріятнѣе то, что я нашелъ тутъ подъѣхавшаго къ нему друга своего отца Іеронима, съ которымъ я такъ давно

уже не видался и который былъ для меня любезный человѣкъ.

Вскорѣ послѣ того, по приглашенію отъ меня, поѣхалъ архіерей ко мнѣ, куда за нимъ и всѣ прочіе послѣдовали; и я задалъ у себя для сего необыкновеннаго гостя большой пиръ и старался его такъ угостить, что онъ былъ весьма доволенъ. Послѣ обѣда же разсматривалъ онъ рисуемыя сыномъ моимъ картины и прочія наши рѣдкости и зрѣнія достойныя вещицы и не могъ всѣмъ довольно налюбоваться и вскорѣ потомъ отправился къ себѣ отдыхать.

Архіерей пробылъ у насъ, кромѣ сего дня, еще двои сутокъ, въ теченіе которыхъ занимался онъ наиболѣе своими попами и духовными дѣлами; однако, урывалъ праздные часы, а особливо предъ вечеромъ, на любопытныя собесѣдованія со мною, бывавшемъ у него всякій день и приносившимъ къ нему не только всѣ свои зрѣнія достойныя вещи и разныя книги, но и самый даже свой микроскопъ, которымъ доставилъ я ему превеликое удовольствіе и тѣмъ всѣмъ пріобрѣлъ къ себѣ отмѣнную благосклонность. Впрочемъ, былъ онъ такъ ко всѣмъ нашимъ снисходителенъ, что удостоилъ посѣщеніемъ своимъ всѣхъ нашихъ поповъ и самого моего Варсобина. Я же, между тѣмъ, занимался болѣе другомъ своимъ Іеронимомъ, котораго не одинъ разъ особенно угощалъ у себя и провелъ съ нимъ многія весьма пріятныя минуты. Въ сіе время написалъ онъ тѣ мнѣ стишки, которые находятся въ моемъ альбомѣ или памятникѣ друзей и кои служутъ и понынѣ мнѣ пріятнымъ его напоминаніемъ.

Наконецъ, пробывши у насъ трое сутокъ, поѣхалъ отъ насъ архіерей, и мы проводили его, ни мало не воображая себѣ, что видѣли его тогда впервыя и впослѣдніе, ибо мнѣ не удалось уже послѣ сего ни однажды его видѣть и пользоваться его къ себѣ благосклонностію. Онъ не долго правилъ нашею епархіею и, будучи переведенъ въ другую южную, произведенъ былъ хотя въ архіепископы, но вскорѣ потомъ тамъ въ цвѣтущихъ еще лѣтахъ своей жизни умеръ. Итакъ, всѣ наши труды и старанія о угощеніи его пропали безъ пользы.

Не успѣли мы его отъ себя проводить, какъ встревоженъ я былъ другимъ извѣстіемъ о имѣющемъ прибыть къ намъ новомъ моемъ начальникѣ. Слухъ о томъ повидимому былъ столь достовѣренъ, что мы цѣлый день его къ себѣ уже и дожидались, но послѣ открылось, что былъ онъ—совсѣмъ несправедливый, и все ожиданіе наше было пустое.

Послѣ сего вся вторая половина августа мѣсяца протекла у насъ безъ всякихъ дальнихъ особливостей. Мы провели оную съ выздоровѣвшимъ уже тогда совершенно моимъ сыномъ довольно весело и хорошо: хаживали очень часто гулять, угащивали пріѣзжавшихъ къ намъ разныхъ гостей, разъѣзжали сами койкуда по гостямъ, а во всѣ свободные дни и часы занимались обыкновенными своими упражненіями: онъ наиболѣе своимъ рисованьемъ, а я наиглавнѣйше пересматриваніемъ и ранжированіемъ всей своей библіотеки, бывшей въ комнатахъ на колокольнѣ и довольно уже около сего времени чрезъ присовокупленіе многихъ новыхъ книгъ увеличившейся, такъ что я насчиталъ уже въ ней разныхъ книгъ болѣе трехъ тысячъ. Впрочемъ, достопамятно, что въ исходѣ сего мѣсяца, начала нападать во мнѣ опять охота къ писанію, отъ котораго я было около сего времени поотвыкъ нѣсколько, и я началъ опять кой-какими писаніями заниматься.

Въ сихъ положеніяхъ засталъ насъ сентябрь мѣсяцъ, котораго самое начало ознаменовалось прибытіемъ въ Тулу нашего намѣстника. Какъ сей, не смотря на свою отлучку въ армію, продолжалъ все еще управлять всѣми своими тремя намѣстничествами, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть и о волостяхъ нашихъ попеченіе, то судилъ я, что мнѣ необходимо надобно къ нему въ Тулу съѣздить и доложиться ему о нѣкоторыхъ дѣлахъ, до волостей нашихъ относящихся, на которыя нужно было его

разрѣшеніе. Итакъ, какъ скоро услышалъ о его прибытіи, какъ тотчасъ, написавъ все нужное къ донесенію ему, въ Тулу и поѣхалъ. И дабы быть къ нему ближе, да и способнѣе обо всемъ узнавать и слышать остановился въ сей разъ у друга своего г. Сухотина. Сей находился въ самое то время, какъ я пріѣхалъ, въ редутѣ и, возвратясь оттуда, сказывалъ мнѣ, что намѣстникъ самъ уже обо мнѣ въ тотъ вечеръ спрашивалъ и приказывалъ за мною послать. Итакъ, пріѣздъ мой былъ и очень кстатѣ.

Я любопытенъ былъ весьма видѣть, какъ онъ меня въ сей разъ приметъ, и страшился отчасти, чтобъ не было мнѣ отъ него за дѣло г. Давыдова какого гнѣва и гонки. И потому, побывавъ по-утру въ слѣдующій день у новаго своего командира г. Юницкаго и ѣдучи съ нимъ вмѣстѣ къ намѣстнику, былъ я не весьма въ спокойномъ духѣ; но ободрился невѣдомо-какъ, увидѣвъ, что принялъ онъ меня очень ласково и пріятно и не только въ своемъ кабинетѣ, но и, по выходѣ въ пріемную, разговаривалъ со мною обо многомъ и очень благосклонно расправшивалъ обо всемъ и обо всемъ касающемся до волостей нашихъ и былъ всѣми донесеніями моими весьма доволенъ. Таковая его ко мнѣ по-прежнему благосклонность не только меня порадовала очень, но произвела и ту для меня пользу, что и новый мой командиръ, увидя, въ какомъ кредитѣ я нахожусь у намѣстника, сталъ съ сего времени оказывать мнѣ болѣе уваженія и сдѣлался ко мнѣ благосклоннѣйшимъ и обходиться со мною лучше прежняго.

Пробывъ у намѣстника почти все утро, поѣхалъ я обѣдать къ своему хозяину и достальное время для того провелъ у него со многими бывшими у него гостьми, а на другой день ѣздилъ я опять съ командиромъ своимъ къ намѣстнику, который и въ сей разъ говорилъ со мною обо многомъ. И какъ сей день случился быть воскресный, то ѣздили мы всѣ вмѣстѣ съ нимъ въ соборъ къ обѣдни и оттуда опять къ нему, по обыкновенію, на водку, при которомъ случаѣ, разговаривая со мною, приказалъ онъ мнѣ на все, на что нужно было его разрѣшеніе, написать, по прежнему обыкновенію, докладные пункты и ему оные представить. Я обѣдалъ въ сей день опять у своего хозяина, а ввечеру согласясь ѣздили мы всѣ въ театръ, а оттуда увезъ меня къ себѣ ужинать г. Верещагинъ, съ которымъ и провели мы весь достальный вечеръ.

На другой день послѣ сего, сочинивъ и написавъ по-утру докладные свои пункты, ѣздилъ я опять съ г. Юницкимъ къ намѣстнику и ему пункты свои подалъ и получилъ приказаніе, что пріѣхать мнѣ къ нему въ слѣдующій день поранѣ для рѣшенія оныхъ. Мы пробыли у него тутъ все утро, а потомъ ѣздили въ казенную палату, гдѣ поймалъ меня опять г. Верещагинъ и увезъ къ себѣ обѣдать. Тутъ услышалъ я, что и въ тотъ день будетъ для намѣстника редутъ въ училищномъ домѣ, и г. Верещагинъ уговаривалъ меня, чтобъ и мнѣ на оный ѣхать. Но мнѣ не хотѣлось-было того, но какъ будучи послѣ обѣда опять у намѣстника и сей мнѣ, между прочимъ, сказалъ, что не худо-бъ мнѣ побывать въ редутѣ и взять въ увеселеніи ихъ соучастіе, то принужденъ я былъ туда и прежде еще его ѣхать.

Я нашолъ въ ономъ всѣ комнаты, наполненныя тульскою публикою, и свидѣлся со всѣми своими знакомыми. Вскорѣ за мною пріѣхалъ и намѣстникъ, и тогда тотчасъ началась музыка и танцы и было очень весело и хорошо, а особливо было для меня то достопамятно, что намѣстникъ, расхаживая въ промежутки между танцовъ по комнатамъ съ какимъ-то пріѣжжимъ военнымъ и дружественнымъ ему генераломъ и случи мимо меня, остановился и началъ ему разсказывать обо мнѣ, чтó я за человѣкъ, каковы одаренъ ко всему способностями, достоинствами и дарованіями, чтó-и-чтó я произвелъ въ дѣйство и приписывалъ мнѣ такія похвалы, что я даже горѣлъ отъ стыда, слыша всѣ оныя, и тысячу разъ мысленно

благодарилъ намѣстника за его обо мнѣ столь хорошее мнѣніе и не могъ тому довольно нарадоваться, и тѣмъ паче, что было сіе при всей публикѣ и при присутствіи самого моего новаго командира. и онъ всѣ слова его обо мнѣ до единаго слышалъ.

Поспѣшествовало къ тому весьма много то, что намѣстникъ нашъ былъ въ сей вечеръ отмѣнно веселъ и угощеніемъ себя господами тульскими весьма доволенъ. Но, къ сожалѣнію, не дали ему долго симъ редутомъ повеселиться, и веселіе его превратили въ неописанное огорченіе и досаду. Кому-то изъ бывшихъ тутъ тульскихъ господъ вздумалось въ разговорахъ съ нимъ проболтаться и молвить что-то стороною о жалкомъ положеніи г. Давыдова и о томъ до сколь многова количества денегъ оказался онъ должнымъ, о чемъ намѣстнику до того совсѣмъ было еще неизвѣстно, ибо любимецъ его г. Веницеевъ все еще отъ него сіе важное дѣло скрывалъ или паче не зналъ какъ и сказать ему, сколь много промоталъ г. Давыдовъ нашихъ денежекъ, а по сему и неудивительно, что увѣдомленіе о томъ поразило его какъ громовымъ ударомъ, и онъ не успѣлъ услышать о томъ, какъ въ тотъ же мигъ велѣлъ подавать карету и поскакалъ во дворецъ, гдѣ онъ тогда квартировалъ, а ординарца своего въ тотъ же мигъ послалъ отъискивать Веницеева и тащить онаго къ себѣ, въ чемъ бы онъ его ни засталъ.

Всѣ мы тотчасъ пронюхали и узнали, что̀ причиною было столь скорому и внезапному намѣстникову отъѣзду, и всѣ начали пошептомъ твердить, говоря: «ну, теперь загорится огонь и поломя и зашумитъ страшная буря», и всѣ крайне любопытны были узнать, что̀ произойдетъ у него съ Веницеевымъ. Сего, къ счастію или къ несчастію, нашолъ ординарецъ въ гостяхъ и на девятомъ уже взводѣ, то есть, гораздо-и-гораздо подгулявшаго. И какъ ослушаться намѣстника и не ѣхать къ нему въ тотъ же мигъ никакъ было не можно, то онъ, не долго думая, а выпросивъ себѣ еще стаканъ шампанскаго и прибавивъ тѣмъ себѣ еще болѣе смѣлости и отваги, тотчасъ къ дожидавшемуся его съ крайнею нетерпѣливостью намѣстнику и поѣхалъ.

И каковая-жъ происходила у нихъ тогда между собою сцена! Намѣстникъ, расхаживая взадъ и впередъ въ превеличайшей досадѣ по своей спальнѣ, не успѣлъ завидѣть отворявшаго къ нему дверь Веницеева, какъ въ превеликихъ пыхахъ и съ страшнымъ окрикомъ бросился на него, но сей, не будучи лѣнивъ, захлопнувъ опять дверью, далъ ему волю кричать какъ ему угодно, а потомъ, растворивъ опять нѣсколько двери и высунувъ къ нему одну голову, вопреки ему, началъ кричать: «Ну, что! ну, что! сердишься и кричишь! Не самъ-ли ты виноватъ и всему злу причиною! Ну, на что̀ давалъ такую волю своему любимцу! вотъ, тебѣ Давыдовъ! вотъ, Николай Сергѣевичъ!... выручай его теперь самъ, какъ знаешь и умѣешь!» И такъ далѣе. Симъ обезоружилъ онъ намѣстника такъ, что онъ, покричавъ-покричавъ и побранивъ его нѣсколько минутъ, принужденъ былъ, наконецъ, присмирѣть и огрызающагося Веницеева самъ упрашивать, чтобы онъ къ нему вошелъ и далъ ему совѣтъ, что̀, при такихъ скверныхъ обстоятельствахъ, дѣлать и чѣмъ и какъ сему злу пособить.

Вотъ что̀ тогда о семъ говорили и разсказывали. Но что̀ между намѣстникомъ и Веницеевымъ было далѣе и что̀ они, по входѣ къ нему сего послѣдняго, одинъ на единѣ между собою говорили и чѣмъ беседу свою кончили—всего того уже неизвѣстно, а примѣтно было только то всѣмъ на утріе, что намѣстникъ былъ хотя очень смущенъ, но всячески притворялся и не давалъ ни малѣйшаго знака, что онъ о семъ дѣлѣ вѣдаетъ.

Я, не вѣдая ничего еще о семъ послѣднемъ происшествіи и ѣдучи къ нему по-утру съ г. Юпицкимъ и съ своими докладными пунктами, трепеталъ духомъ, боясь, чтобъ не досталось и мнѣ чего-нибудь отъ намѣстника на лапу. Но пріѣхавъ крайне удивился, увидѣвъ на-

мѣстника какъ ни въ чемъ не бывало и по-прежнему со мною ласково и благопріятно говорить начавшаго. Можетъ быть, произошло сіе отъ того, что Веницеевъ меня предъ нимъ во всемъ оправдалъ и увѣрилъ его, что я съ своей стороны такъ чистъ, какъ зеркало, и что всего-бъ того не было, ежели-бъ деньги поручаемы были мнѣ, а не г. Давыдову въ вѣдомство. Мы застали у намѣстника въ передней протопопа Кира во всемъ его облаченіи и готоваго служить у него всеночную. И намѣстникъ не успѣлъ докладные мои пункты, разсмотрѣвъ и подписавъ, мнѣ вручить, какъ и ввели уже протопопа совсѣмъ его церковнымъ клиромъ въ пріемную и началась всеночная. По окончаніи же оной, намѣстникъ поговорилъ еще со мною нѣсколько о волостяхъ и, препоручивъ мнѣ и впредь имѣть объ нихъ таковое похвальное попеченіе, какъ и прежде, сталъ тотчасъ собираться въ свой путь, ибо онъ въ самый тотъ день отъѣзжалъ уже опять въ Кіевъ. И мы вскорѣ потомъ проводили его сперва до губернатора, а потомъ и въ путь его дальній.

Симъ образомъ кончилось тогдашнее мое съ намѣстникомъ свиданіе. И какъ мнѣ болѣе ни какихъ дѣлъ въ Тулѣ не было, то я, препроводивъ достальное время того дня въ разъѣздахъ кой-къ-кому изъ своихъ друзей и знакомыхъ и переночевавъ еще ночь въ Тулѣ, пустился съ утра опять въ свой Богородицкъ, и въ тотъ же день къ вечеру въ оный возвратился, и поспѣшилъ пріѣздомъ своимъ тѣмъ паче, что вслѣдъ за мною хотѣлъ вскорѣ быть и новый командиръ мой.

Онъ, и дѣйствительно, пріѣхалъ къ намъ вмѣстѣ съ женою своею чрезъ два дни послѣ моего пріѣзда. И какъ о пріѣздѣ его я уже зналъ, то и успѣлъ я все нужное къ тому времени приготовить и встрѣтилъ его при дверяхъ дворца, гдѣ назначилъ я ему стоять, но онъ расположился въ немъ противъ своего хотѣнія, ибо какъ онъ былъ человѣкъ очень небогатый, имѣлъ только небольшую деревеньку въ Веневскомъ уѣздѣ и жилъ весьма скромно и уединенно отъ всякой пышности, то имѣлъ и свиту небольшую, и далеко не такую, какъ г. Давыдовъ, слѣдовательно, и дворецъ былъ для пребыванія его слишкомъ просторенъ. Впрочемъ, какъ прибытіе его воспослѣдовало въ утреннее время, то обѣдомъ угостилъ я его у себя, а послѣ обѣда ѣздили мы съ нимъ осматривать всѣ мѣста, были въ саду въ Магазинной рощѣ, въ гошпиталѣ и онъ вездѣ и всѣмъ видѣннымъ и найденнымъ былъ доволенъ. А не менѣе довольны были мы его кроткимъ и смирнымъ характеромъ, который ручался какъ въ томъ, что и впередъ не будемъ мы имѣть отъ него дальнихъ безпокойствъ, но мы подъ правленіемъ его поживемъ мирно и спокойно.

На другой день послѣ сего, по случаю воскреснаго дня, были мы съ нимъ вмѣстѣ въ нашей церкви у обѣдни, потомъ заходили въ училище и въ богадѣльню и ѣздили въ ближнюю деревню Вязовку, для мѣренія хлѣба и узнанія въ точности урожая ржи сего года. Обѣдомъ же угощалъ его въ сей день князь нашъ городничій. А все послѣобѣдешнее время провели мы у него во дворцѣ, и мы увеселяли его музыкою и сдѣлали маленькіе танцы. Словомъ, все у насъ было тихо, смирно и хорошо. А въ слѣдующій засимъ день и поѣхалъ онъ отъ насъ въ Бобрики въ намѣреніи пробраться оттуда въ свою деревню. Я собрался-было ѣхать съ нимъ вмѣстѣ и проводить его до Бобрикъ; однако, онъ меня отъ сей ѣзды уволилъ и сказалъ, чтобъ я оставался дома и угощалъ заѣхавшихъ ко мнѣ въ сіе время гостей.

Симъ образомъ проводили мы нашего новаго начальника и командира, не сдѣлавшаго намъ въ сей первый пріѣздъ его ни какого дальняго безпокойства. Причемъ достопамятно, что во время самаго его у насъ пребыванія получилъ я съ воскресною почтою опять толстый пакетъ изъ Экономическаго Общества съ двумя книгами и письмомъ отъ г. Нартова.

. . . .

Присылка сего письма и обѣихъ упомянутыхъ книгъ послужила мнѣ новымъ и дѣйствительнѣйшимъ побужденіемъ къ писанію, до котораго по сіе время все какъ-то не удавалось мнѣ пристально приняться, и наиболѣе за отлучками и за развлеченіемъ мыслей разными другими дѣлами и недосугами. Но какъ въ сіе время стала наставать уже и осень и свободнаго времени было уже болѣе, то не сталъ я уже долѣе медлить и вскорѣ послѣ сего учинилъ дѣйствительное начало писанію экономическихъ матерій; а между тѣмъ какъ долгъ велѣлъ увѣдомить о полученіи сихъ книгъ Общество, то я съ первою же почтою отправилъ въ Петербургъ письмо.

. . . .

По отправленіи сего письма и пользуясь свободнымъ осеннимъ временемъ, сталъ я тотчасъ помышлять о сочиненіи чего-нибудь и хотя не вдругъ, но, малопо-малу избирая свободные часы, къ тому привыкать. Наилучшею матеріею казалась мнѣ къ тому выдумка моя, относящаяся до подниманія ключей. О семъ я хотя уже и писалъ въ «Экономическомъ Магазинѣ», однако, какъ въ опытахъ, къ тому приличныхъ, упражнялся я и въ прошедшее лѣто, то казалось мнѣ, что могу матерію сію выполнить и распространить новыми замѣчаніями. Со всѣмъ тѣмъ, по отвычкѣ къ писанію, нѣсколько дней потребно было къ тому, чтобъ могъ я сочинить сіе сочиненіе, и, по сочиненіи того, множайшее время и трудъ потребенъ былъ къ переписыванію онаго самому на-бѣло, что для меня въ особливости было трудно, и я производилъ дѣло сіе съ чувствительнымъ отягощеніемъ. Со всѣмъ тѣмъ, каково хорошо сочиненіе сіе ни удалось, которое, сверхъ того, хотѣлось мнѣ снабдить и рисункомъ, однако, все казалось оно мнѣ неприличнымъ для посланія въ первый разъ, а хотѣлось мнѣ, чтобъ для начала было что-нибудь лучшее и приличнѣйшее.

Итакъ, прежде изготовленія къ сему сочиненію рисунковъ, принялся я опять за перо и, подумавъ, написалъ общія и обозрительныя примѣчанія о естественномъ состояніи ближнихъ къ Москвѣ степныхъ мѣстъ. Я изобразилъ въономъ все, что мнѣ во все время жительства моего въ Богородицкѣ случилось замѣтить относящагося до тамошнихъ земель, положеній мѣстъ, лѣсовъ, водъ, полей и луговъ и кстати упомянуть притомъ и дѣланные мною за нѣсколько лѣтъ опыты. Сочиненіе сіе вылилось нарочито великовато и, сколько мнѣ казалось, довольно хорошо, такъ что я не сомнѣвался почти, что оно Экономическому Обществу понравится и мнѣ отнесется къ особливой чести. Я немедля переписалъ его набѣло и положилъ отправить его первое, а прежнее сочиненіе о подниманіи ключей предоставить до другаго случая.

Между тѣмъ, какъ я надъ сими сочиненіями трудился, протекъ у насъ въ мирѣ и тишинѣ весь сентябрь и начался октябрь мѣсяцъ, въ теченіе котораго времени не произошло у насъ ничего особливаго, кромѣ того, что въ первый день октября мѣсяца перетревожены мы были опять превеликимъ пожаромъ, бывшимъ въ городѣ, въ которомъ сгорѣла опять цѣлая Покровская улица; и что въ 6-й день октября кончился 52 годъ моей жизни. А кстати къ сему кончу я и письмо сіе, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ, и проч.

(Марта 20 дня 1811 года).

53 ГОДЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Письмо 270.

Любезный пріятель! Первый день моего 53 года праздновалъ я, по-прежнему своему обыкновенію, тихомолкою и духовно, воздавал благодарность мою Творцу вселенной за вся благая, оказанная мнѣ въ претекшемъ годѣ и въ прошеніи о принятіи меня и въ теченіе вновь наступившаго въ дальнѣйшее святое Свое покровительство. Всѣ послѣдующіе за симъ 10 дней занимался я наиболѣе своими сочиненіями, назначаемыми къ отсылкѣ въ Экономическое Об-

щество. Но сколько ни спѣшилъ перепискою перваго изъ нихъ, но, за разными недосугами и частыми пріѣздами разныхъ гостей, дѣлавшихъ всегда мнѣ въ таковыхъ работахъ помѣшательство, не прежде могъ успѣть пріуготовленіемъ перваго изъ нихъ къ отсылкѣ, какъ ко дню имянинъ моихъ, въ который самый я и отправилъ оное при письмѣ.

. . . .

Отправивъ сіе письмо и при ономъ сочиненіе о степныхъ мѣстахъ, радовался я, по крайней мѣрѣ, тому, что учинилъ начало и что, сверхъ того, было у меня готово уже и другое сочиненіе. Однако, я располагался не очень спѣшить отправленіемъ онаго, но хотѣлъ напередъ дождаться отвѣта на посланное. А между тѣмъ, отпраздновалъ, по обыкновенію, день моихъ имянинъ со всѣми посѣтившими меня нашими городскими и всѣми родными и лучшими изъ нашихъ друзей и знакомыхъ и, проведя день сей довольно-таки весело, вздумалъ я основать ту особую историческую книжку всей моей съ Экономическимъ Обществомъ переписки, которая и понынѣ у меня въ нѣсколькихъ переплетенныхъ книгахъ въ библіотекѣ моей хранится, и внесъ въ нее всѣ письмы, писанныя и полученныя мною сначала возобновленія моей съ Обществомъ переписки и концепты самыхъ сочиненій.

По учиненіи сего и разохотившись уже нѣкоторымъ образомъ писать экономическія пізсы, вздумалъ я начать уже и третье сочиненіе для запаса; но не успѣлъ вадъ нимъ одно утро потрудиться, какъ вдругъ произошло нѣчто такое, чего я всего меньше ожидалъ, а именно: въ четвертый день послѣ помянутаго отправленія моего письма съ принесенною ко мнѣ почтою, увидѣлъ я опять большой пакетъ, изъ Экономическаго Общества ко мнѣ присланный. «Ба! что̀ это такое? воскликнулъ я: уже и опять ко мнѣ пакетъ и такъ скоро!» И съ великимъ любопытствомъ спѣшилъ смотрѣть и узнавать, что̀ въ немъ содержалось. Пакетъ былъ тонкій, но преширокій, и мы скоро увидѣли, что была то книга, и, по разогнутіи, нашли, что содержала она въ себѣ «Минералогическій Словарь», сочиненія господина Нартова. Онъ прислалъ ее ко мнѣ отъ имени Общества. Письмо же, приложенное при томъ, было отвѣтное на мое послѣднее, то-есть шестое. Сколько пріятенъ мнѣ былъ слогъ онаго, столько досадно то, что я узналъ изъ онаго, что посылка моя съ послѣдними тремя ящичками песковъ къ нему не дошла, и они пропали, а не менѣе и то не весьма пріятно, что г. Нартовъ начиналъ уже жаловаться, что я пишу къ нему очень рѣдко и просилъ, чтобъ я писалъ чаще.

. . . .

Полученіе сего письма стало побуждать меня опять къ писанію въ Петербургъ, при которомъ случаѣ вознамѣрился я послать и другое сочиненіе, которое было у меня уже готово и на-бѣло переписано, а именно: «О подниманіи водяныхъ ключей и источниковъ». Однако, прежде отсылки хотѣлось мнѣ распровѣдать о пропавшихъ ящикахъ съ песками, которыхъ мнѣ очень жаль было. И какъ случилась ѣзда въ Тулу, то писалъ я объ нихъ къ Пастухову, чтобъ увѣдомили меня, съ кѣмъ они посланы. И какъ отвѣта на то не могъ я скоро получить, то дѣло тѣмъ и позамѣшкалось нѣсколько, такъ что я пропустилъ цѣлую почту. Однако, время сіе не было потеряно по-пустому, а во все оное праздное утреннее время упражнялся я въ сочиненіи еще одной пізсы для Экономическаго Общества и написалъ замѣчанія мои о новомъ открытіи, относящемся до спаржи. А по окончаніи оной, скоро приступилъ къ сочиненію и четвертой. Сія имѣла особую цѣль и ею хотѣлось мнѣ открыть себѣ путь къ описанію многихъ такихъ вещей, которыя были уже не новыя, но о которыхъ я уже писалъ въ моемъ «Экономическомъ Магазинѣ»; и стараніе мое было, чтобъ тѣмъ развязать себѣ руки и сыскать довольно матеріи къ наполненію будущихъ моихъ, для Общества назначенныхъ, сочиненій. Я назвалъ ее «Подтвержденіемъ моимъ нѣ-

которыхъ опытовъ» и помѣстилъ въ оное три замѣчанія. Первое — о лѣченіи лошадей отъ запала; второе — о пересаживаніи деревьевъ въ лѣтнее время; а третье — о нѣкоторыхъ достовѣрныхъ домашнихъ лѣкарствахъ, какъ-то: о лѣченіи лихорадокъ кофеемъ съ лимоннымъ сокомъ, чѣмъ мы, наконецъ, освободили сына своего отъ лихорадки; о врачебности лозоваго листа, бѣлой дятловины и земли.

Между тѣмъ, какъ я въ сочиненіи сей піэсы упражнялся, наступилъ нашъ сельскій осенній праздникъ Казанской, который праздновалъ не столько я, сколько оба мои секретари Варсобинъ и Щедиловъ, дѣлавшіе въ продолженіе онаго большіе у себя пиры и угощавшіе у себя всѣхъ городскихъ чиновниковъ вмѣстѣ съ нами, и мы были въ это время довольно веселы. Въ которое [время], между прочимъ, получено было мною и изъ Тулы извѣстіе, что ящички мои посланы съ вѣрными людьми въ Петербургъ. И какъ вскорѣ послѣ того наступилъ и почтовый день, то не сталъ я долѣе уже медлить, поспѣшилъ написать письмо и отправилъ оное.

. . . .

Не успѣлъ я сего письма и приложеннаго къ нему сочиненія «О подниманіи ключей» отправить и я не собрался еще ничего вновь писать, какъ съ первою почтою получилъ я уже опять изъ Экономическаго Общества пакетъ съ книгою и письмомъ отъ господина Нартова, въ которомъ изъяснялъ онъ мнѣ благодарность Общества за увѣдомленіе мое о сибирской гречихѣ и о перечищаніи вина. Что касается до книги, то была она 42-я часть «Трудовъ Общества» или вторая тогдашняго 1790 года.

. . . .

Письмо сіе и книгу получилъ я уже въ началѣ ноября мѣсяца. И хотя присылка сія и требовала отъ меня опять скораго отвѣтнаго письма, но я онымъ какъ-то позамѣшкался, и болѣе для того, что новые ящички съ песками не были еще совсѣмъ изготовлены, а мнѣ хотѣлось и ихъ съ симъ письмомъ отправить, то и дожидался я сего. Къ тому-жъ, захватилъ меня вновь обнародованный указъ о новомъ рекрутскомъ въ сей годъ наборѣ, и я по-прежнему долженъ былъ сгонять къ себѣ всѣхъ волостныхъ мужиковъ и опять надъ выборомъ въ рекруты людей нѣсколько дней съ-ряду съ утра до вечера или паче до глубокой ночи трудиться и опять, по сему случаю, имѣть тысячу досадъ, хлопотъ и неудовольствій. А между тѣмъ настало 8-е число ноября, или Михайловъ день. И какъ этотъ день былъ въ селеніи у зятя моего годовымъ праздникомъ, то ѣздилъ я къ нему со всѣмъ своимъ семействомъ и тамъ вмѣстѣ съ пріѣзжавшими многими другими гостьми нѣсколько дней проводили. Впрочемъ, день сей и въ самой Тулѣ, по причинѣ имянинъ нашего намѣстника, хотя отсутственнаго тогда, но весьма любимаго, былъ праздновапъ, и былъ для сего сдѣланъ публичный редутъ. И достопамятно, что какъ къ сему случаю нужна была музыка, то взята была туда для сего игранія наша казенная, которая такъ съ того времени вмѣстѣ и съ капельмейстерами нашими и осталась, и мы ее уже у себя почти не видали, а принуждены были довольствоваться своею музыкою.

Вскорѣ послѣ сего наступилъ и нашъ Филипповъ постъ, который въ сей разъ достопамятенъ былъ для меня тѣмъ, что въ заговѣны онаго исполнилось ровно 14 лѣтъ жительству и пребыванію моему въ Богородицкѣ, и что при самомъ началѣ онаго кончилъ я 5-ю часть исторіи моей жизни и началъ писать шестую. Далѣе достопамятно было для меня время сіе тѣмъ, что около онаго всѣ дѣти мои были какъ-то не очень здоровы и то — та, то — другая занемогала изъ дочерей моихъ, а иногда и самый сынъ мой имъ въ томъ сотовариществовалъ. Но, по счастію, всѣ сіи занемоганія были кратковременныя и скоро опять уничтожались, почему и не производили они мнѣ дальнаго озабочиванія, а смущала меня только до безконечности отмѣнная худоба сына моего, который хотя отъ лихорадки

своей и освободился, но все весьма худо дородничалъ и въ лицѣ былъ такъ худъ, а возстановившееся здоровье его столь хило и ненадежно, что мы тѣмъ очень смущалися, и я подозрѣвалъ уже, что не употребленіе-ли многой хины произвело сіе досадное послѣдствіе, такъ какъ въ томъ ее нѣкоторые врачи обвиняютъ.

Вотъ сколь многія причины были поводомъ къ тому, что я позамѣшкался опять своимъ писаніемъ въ Тулу. Но, какъ наконецъ ящички съ песками были совсѣмъ готовы и мнѣ самому случилась ѣзда въ Тулу, то изготовилъ я нижеслѣдующее письмо и отдалъ оное вмѣстѣ съ ящичками въ Тулѣ Пастухову для пересылки въ Петербургъ, который увѣрялъ меня, что и первые отданы исправно.

. . . .

Теперь, не ходя далѣе, разскажу я, за чѣмъ и по какой надобности я въ сей разъ ѣздилъ въ Тулу. Все дѣло состояло только въ томъ, чтобъ отвезть мнѣ туда накопившіяся изъ доходовъ волостныхъ деньги. До того отсылывали мы ихъ при репортахъ къ директору, а онъ отъ себя доставлялъ ихъ въ казенную полату для храненія; но какъ г. Давыдовъ примѣромъ своимъ доказалъ, что дѣло сіе совсѣмъ не годится, то, для лучшаго ихъ сбереженія и безопасности впередъ, сдѣлано было уже другое распоряженіе, и положено, чтобъ мнѣ оныя деньги самому привозить въ Тулу и прямо отъ себя представлять и сдавать въ казенной полатѣ. Что́ хотя для меня было и гораздо труднѣе, однако, я исполнялъ сіе тѣмъ охотнѣе, что, съ своей стороны, не подвергался ни какой опасности, и директору нельзя было уже ничего предпріять съ нашими денежками. И какъ я около сего времени стороною узналъ, что господа тульскіе на меня негодовали, для чего не везу я къ нимъ деньги и долго медлю, то принужденъ я былъ, подхватя всѣ деньги, сколько ни было у меня ихъ въ собраніи, везти въ Тулу и тамъ съ рукъ-на-руки отдать ихъ губернскому казначею.

Въ Тулѣ оставанливался я въ сей разъ у друга своего г. Сухотина и услышалъ отъ него о многихъ перемѣнахъ, происшедшихъ во всемъ по случаю новоопредѣленнаго вицъ-губернатора, человѣка умнаго, дѣловаго и рачительнаго, и что будто противъ меня дѣлаются вновь нѣкоторыя посягательства. Но я, привыкнувъ уже слушать такія сплетни, мало ими [sic] уважалъ, а шолъ по-прежнему своимъ прямымъ путемъ и дорогою и мало смотрѣлъ на затѣвающихъ и кующихъ противъ меня всякіе потаенные ковы, а надѣялся всего болѣе на покровительство Божеское, и твердя только ту пословицу: что когда Богъ не выдастъ, то ни какая свинья не съѣстъ.

Итакъ, отдавъ деньги, побывавъ нѣсколько разъ у начальника своего господина Юницкаго, принимавшаго меня довольно благосклонно (хотя о его собственныхъ посягательствахъ противъ меня наиболѣе мнѣ сказывали), спознакомившись и съ новымъ вицъ-губернаторомъ, обошедшимся со мною довольно ласково и хорошо, повидавшись со всѣми Тульскими своими знакомцами, пріятелями и друзьями (изъ которыхъ всѣ старались меня у себя угощать, кто — ужиномъ, кто — обѣдами), съѣздивъ съ ними въ театръ и проводивъ въ Тулѣ около трехъ сутокъ, — возвратился я 27-го числа обратно къ своимъ въ Богородицкъ. Тутъ нашолъ я присланное ко мнѣ по почтѣ изъ Петербугра отъ господина Нартова вновь одно письмо.

. . . .

На сіе письмо, которое было по порядку уже девятое и не требовало скораго соотвѣтствія [sic], не успѣлъ я еще отвѣчать (да и прежнее мое съ посылкою было изъ Тулы еще не отправлено) какъ, находясь вторично въ Тулѣ для такого же отвоза вновь накопившихся денегъ, 14-го декабря получилъ я съ почтою опять толстый пакетъ изъ Экономическаго Общества. Я удивился и не зналъ, что́ бъ такое было и, по распечатаніи, нашолъ, что была то книга о содержаніи овецъ. Къ ней пріобщено было, по обыкновенію, письмо отъ г. Нартова, достойное особ-

ливаго замѣчанія. Я получилъ его въ самое то время, когда находился я въ казенной полатѣ. Оно было по порядку девятое и слѣдующго содержанія:

«Государь мой, Андрей Тимоѳеевичъ! Увѣдомляя васъ о полученіи сочиненія вашего о поднимавіи водяныхъ ключей, которое собранію при первомъ удобномъ случаѣ представлю, при семъ сообщаю вамъ отъ собранія новопапечатанную книгу о разведеніи овецъ, весьма для Россіи полезную. Я песчаные камни получилъ, но нѣкоторые изъ нихъ на пути раскололись и разсыпались, къ сожалѣнію моему; надѣюсь, что вы меня при оказіи снабдите паки. Я не замедля пришлю къ вамъ извѣстіе о новыхъ задачахъ и одно «Начертаніе о намѣстничествахъ». Думаю и надѣюсь твердо на васъ, что вы потрудитесь по оному сообщить отвѣты колико будетъ возможно, предваря напередъ, чтобъ сочиненіе было прислано подъ девизомъ и съ запечатаннымъ именемъ. Мнѣ очень хочется, чтобъ вы въ томъ участвовали, лаская себя, что вы предлагаемое въ «Начертаніи» выработаете по-возможности къ чести и похвалѣ вашей и къ удовольствію Экономическаго Общества, что оно имѣетъ въ себѣ сотрудника дѣятельнаго. Я всѣ силы употребляю, чтобъ какъ можно пріобщать болѣе господъ дворянъ, знающихъ сельское домоводство, къ нашему собранію, но успѣхъ вижу малый. Чрезъ таковое затрудненіе, можетъ статься, скрываются многія новыя откровенія! Посмотрите наши сочиненія, увидите все иностранцовъ, а россіянъ мало! Ужъ-ли недостаетъ способности писать? Невѣроятно! кажется, просвѣщеніе пролилось уже и во внутренность отдаленнѣйшихъ странъ Сибири. Стыдятся-ли, или не хотятъ? Намъ не надобно краснорѣчія, но ясное описаніе земледѣльческихъ и хозяйственныхъ опытовъ. Заданные вопросы и «Начертаніе» обнаружатъ добрую волю господъ помѣщиковъ и прочихъ степеней людей. Экономическое Общество одобряетъ и приглашаетъ всячески не для себя,—для общаго блага, желая доказать полезную сущность учрежденія благотворящей всѣмъ намъ и потомкамъ императрицы и подающей разные способы къ вящему просвѣщенію вѣрноподанныхъ. Прощай, любезный другъ, и вѣрь, что съ непремѣннымъ къ вамъ почтеніемъ есмь вашего высокоблагородія, государя моего, покорный слуга А. Нартовъ. 25 ноября, 1790 г., С.-Петербургъ».

Полученная мною при семъ книга составляла уже седьмой подарокъ, полученный мною въ сей годъ отъ Экономическаго Общества. Всѣ они хотя ничего не значили, однако, были мнѣ не противны и въ состояніи были, по крайней мѣрѣ, поддерживать охоту мою къ перепискѣ съ Обществомъ. Что-жъ касается до слѣдующаго десятаго письма, то оное подало мнѣ поводъ весьма ко многимъ мыслямъ и предначинаніямъ. Ласка и благопріятство, оказываемое мнѣ отъ господина Нартова, вселяли въ меня желаніе войтить съ нимъ въ повѣреннѣйшую переписку и, при случаѣ оной, объясниться съ нимъ короче о себѣ и о своихъ обстоятельствахъ, разсказать ему всё-и-всё, касающееся до меня, и подать лучшее понятіе. Я говорилъ и совѣтовался о томъ съ своимъ сотоварищемъ и урожденнымъ другомъ, съ сыномъ, и мысли обоихъ насъ были въ томъ согласны. Словомъ, чѣмъ далѣе мы мыслили и о семъ предметѣ говорили, тѣмъ болѣе казалось намъ сіе надобно. Однако, надлежало напередъ подумать хорошенько, какъ бы лучше начать сіе важное и такое дѣло, отъ котораго легко могли проистечь какія-нибудь слѣдствія.

Между тѣмъ, горѣлъ я нетерпѣливостію видѣть, какія бы то были задачи и и «Начертаніе о намѣстничествахъ», о которыхъ упоминалъ г. Нартовъ въ письмѣ своемъ. Я догадывался, не подало-ли къ тому поводъ сочиненіе мое о замосковныхъ степныхъ мѣстахъ, и любопытенъ былъ видѣть, какого они будутъ сорта и можно-ли мнѣ будетъ войтить въ конкурсъ съ прочими для рѣшенія, ибо, сколько по словамъ г. Нартова заключать можно было то, будетъ опредѣ-

лено какое-нибудь награжденіе, и сему благопріятствующему мнѣ человѣку хочется, чтобъ я получилъ оное.

Нетерпѣливость моя была причиною, что я не сталъ долго медлить производствомъ вышеупомянутаго намѣренія. И какъ мнѣ надлежало вскорѣ отвѣтствовать на предслѣдовавшее письмо и увѣдомить о полученіи присланной книги, то положилъ учинить то съ первою почтою, почему, по возвращеніи моемъ въ Богородицкъ, и началъ тотчасъ составлять вышеупомянутое важное письмо.

Сперва положилъ-было я въ самомъономъ и приступить ко всему намѣренному разсказанію (sic). Но не успѣлъ начать писать, какъ пришло мнѣ въ мысль— не дурно-ли будетъ, если я ему вдругъ и прямо все разскажу, не лучше-ли напередъ его къ тому нѣкоторымъ образомъ приготовить и какъ бы испросить у него на то дозволеніе. Чѣмъ болѣе я о семъ помышлялъ, тѣмъ болѣе казалось мнѣ сіе нужнымъ. Итакъ, въ единый мигъ перемѣнилъ я прежнее свое намѣреніе и положилъ послѣдовать сей мысли и расположить сіе письмо такъ, чтобъ захотѣть самого г. Партова узнать дальнѣйшее и подать поводъ къ тому, чтобъ онъ меня о томъ попросилъ.

Я препроводилъ въ сочиненіи онаго цѣлый вечеръ и былъ доволенъ, что письмо удалось по желанію. Но какъ время до почтоваго дня оставалось еще довольно (я же расположился при семъ письмѣ отправить въ Общество и третье свое сочиненіе, заготовленное уже давно и содержащее въ себѣ новыя экономическія примѣчанія о спаржѣ, которыя случилось мнѣ учинить въ минувшее лѣто),—то употребилъ я сіе праздное время на переписываніе на-бѣло помянутаго сочиненія. По окончаніи же онаго, пересмотрѣвъ еще разъ письмо и выкинувъ изъ него еще нѣсколько словъ, имѣющихъ запахъ самохвальства, и перемѣнивъ нѣкоторыя другія, переписалъ и вмѣстѣ съ сочиненіемъ отправилъ оное 19 декабря по обыкновенной почтѣ. Важное сіе письмо, которое, по тогдашнему моему писанію, могло послужить началомъ будущей гораздо важнѣйшей переписке, было слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь мой, Андрей Андреевичъ! Вы меня какъ частыми присылками книгъ, такъ и милостивыми вашими ко мнѣ писаніями уже столь много одолжаете, что я истинно не знаю, какъ изобразить вамъ ту чувствительность, какую онѣ во мнѣ всякій разъ производятъ и какою искреннѣю благодарностію къ вамъ напояютъ мою душу. Но ни которое ваше письмо такъ много меня не трогало, какъ послѣднее, полученное мною на сихъ дняхъ вмѣстѣ съ книгою о разведеніи овецъ. Вы изволили изъявить въ ономъ столь много знаковъ вашего ко мнѣ благорасположенія и самаго дружества, что я не могъ онаго читать безъ крайняго удовольствія и не почувствовавъ отмѣннаго къ вамъ высокопочитанія. Признаюсь, милостивый государь, что сколь ни было оное до сего искренно и велико, но вы увеличиваете оное во мнѣ съ-часу-на-часъ еще болѣе, а вкупѣ съ тѣмъ и наиусерднѣйшее во мнѣ желаніе, чтобъ дѣлаться съ своей стороны толь лестнаго и пріятнаго для меня вашего благопріятства достойнымъ.

Весьма бы я, милостивый государь, желалъ, чтобъ могъ удовлетворить желаніе ваше въ разсужденіи сообщенія отъ себя отвѣтовъ на тѣ вопросы и «Начертаніе», о которыхъ въ письмѣ своемъ упоминать изволите и коихъ присылки ожидаю я съ крайнею нетерпѣливостью. Но, по неизвѣстности еще оныхъ и всего того, въ чемъ они состоять будутъ, не могу теперь еще сказать — достаточными [ли] къ тому будутъ знанія мои и силы, или нѣтъ; а въ томъ только могу увѣрить, что если только мнѣ возможно будетъ, то не премину употребить къ тому всѣ свои силы и приложить наивозможнѣйшее стараніе.

«Что касается до словъ письма вашего, изображающихъ съ одной стороны ваше стараніе о пріобщеніи множайшихъ господъ дворянъ, знающихъ домостроитель-

ство, къ Обществу нашему, а съ другой —усматриваемый въ томъ успѣхъ малый, то они были для меня поразительны. Ревность ваша и прямо патріотическое усердіе къ общественной пользѣ, толь давно уже мнѣ извѣстныя, удивляли меня всегда и удивляютъ и понынѣ, производя вкупѣ въ душѣ моей всѣ тѣ чувствованія, какихъ вы отъ всякаго своего соотечественника требовать столь справедливое имѣете право. Относительно-жъ до втораго пункта, то не могу вамъ изобразить, сколь много терзался и терзаюсь я и понынѣ досадою, видя, сколь худо соотвѣтствуютъ съ своей стороны наши россіяне патріотическому желанію вашему и всего Экономическаго Общества, старающагося толико о собственномъ ихъ благѣ. Чето бъ и чего и какихъ существительныхъ пользъ не могло произойтить для отечества нашего отъ учрежденія столь полезнаго, если-бъ россіяне наши, или тѣ изъ нихъ, которымъ бы надлежало да и можно-бъ было то дѣлать, — отдавали-бъ ему съ своей стороны болѣе справедливости и уважали-бъ попеченіе о благѣ нашемъ великой нашей монархини столько, сколько оно по достоинству уважаемо быть долженствовало-бъ!

«Вы изволите удивляться и вопрошать: «ужъ-ли не достаетъ способности писать? Или стыдятся-ли, или не хотятъ?»—Чтò мнѣ вамъ на сіе сказать? Никому, мнѣ кажется, сей пунктъ такъ коротко ни извѣстенъ, какъ мнѣ. Живучи около тридцати лѣтъ посреди людей сихъ и въ самой внутренности государства, препроводивъ время сіе не безъ дѣла и не такъ, чтобъ отечество мое могло упрекать меня тунеядствомъ или нехотѣніемъ быть ему, по мѣрѣ силъ своихъ, полезнымъ, и занимаясь, наконецъ, болѣе десяти лѣтъ сряду однимъ особливымъ и такимъ дѣломъ, при которомъ всего удобнѣе можно было мнѣ узнать расположеніе нашихъ россіянъ и въ особливости господъ домостроителей къ людямъ усердствующимъ пользѣ отечества и ихъ собственной,—имѣлъ я довольно случаевъ насмотрѣться и изъ собственной опытности узнать, до какихъ предѣловъ простираются, съ одной стороны—ихъ знанія и способности къ экономическимъ писаніямъ, а съ другой — охота къ поспѣшествованію съ своей стороны другимъ въ томъ упражняющимся, —и чего еще съ стороны ихъ не достаетъ къ тому, чтобъ можно было ожидать отъ нихъ дѣлаемаго соотвѣтствія? Вы удивились бы, можетъ быть, или, по крайней мѣрѣ, посмѣялись бы, а иногда и подосадовали-бъ на иное, если-бъ разсказать вамъ подробнѣе все то, чтò со мною въ теченіе всѣхъ послѣднихъ лѣтъ случилось, и оправдали-бъ сами, можетъ быть, меня въ томъ долговременномъ молчаніи, которое васъ удивляло; а вкупѣ и усмотрѣли-бъ, чтò тому причиною было, что съ моей стороны не учинено больше, нежели сколько успѣлъ и могъ я въ жизнь мою учинить, и чтò мѣшало и мѣшаетъ и понынѣ еще мнѣ упражняться въ множайшихъ опытахъ и предпріятіяхъ экономическихъ. Предѣлы письма, а притомъ и самое незнаніе, угодно-ли вамъ то будетъ — и опасеніе, чтобъ не наскучить вамъ дальнѣйшими пересказываніями, не дозволяютъ мнѣ теперь о семъ, какъ о постороннемъ дѣлѣ, говорить пространнѣе. Но я, прервавъ о томъ рѣчь, скажу только, что вышеупомянутыя догадки ваши о нашихъ господахъ болѣе нежели справедливы, и что къ словамъ вашимъ многое бы еще прибавить можно было. Словомъ, отечество наше слишкомъ еще молодо въ своемъ просвѣщеніи въ экономической части и дальнѣйшаго отъ него почти требовать еще не можно.

«Но я утрудилъ васъ, милостивый государь, своимъ писаніемъ. Итакъ, чтобъ не употребить всуе терпѣнія вашего далѣе, поспѣшу письмо мое кончить и въ увѣдомленіе сказать, что я недавно отправилъ къ вамъ еще три ящичка съ песками съ ѣздоками изъ Тулы при письмѣ моемъ, но которыхъ, думаю, вы еще не получили. А теперь въ изъявленіе благодарности моей Обществу посылаю на разсмотрѣніе онаго еще одно сочиненіе, содержащее въ себѣ замѣчанія мои о спаржѣ, какія случилось мнѣ учинить въ

минувшее лѣто. Впрочемъ, прося о продолженіи вашего ко мнѣ благопріятства и дружества и увѣривъ еще разъ о непремѣнномъ и совершеннѣйшемъ моемъ къ вамъ высокопочитаніи, остаюсь вашъ, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга Андрей Болотовъ. 19 декабря, 1790 года. Богородицкъ».

Отправивъ сіе письмо, которое съ моей стороны было уже десятое и вмѣстѣ съ нимъ сочиненіе, сталъ я съ нетерпѣливостію дожидаться обѣщаннаго начертанія и задачъ. Мнѣ хотѣлось, дѣйствительно, очень знать, въ чемъ бы оно состояло. Однако, признаться надобно, что я ожидалъ болѣе чего-нибудь пустова, нежели дѣйствительно полезнаго, ибо не надѣялся, чтобъ господа члены могли что-нибудь важное и полезное выдумать. Я въ семъ мнѣніи и не обманулся. Еще прежде, нежели сей годъ окончился, а именно 29 декабря получилъ я по почтѣ пакетъ изъ Экономическаго Общества съ столь давно ожиданнымъ «Начертаніемъ» и заданными вопросами. Нельзя довольно изобразить, съ какимъ любопытствомъ начали мы оное съ сыномъ читать и какою досадою начало наполняться мое сердце, примѣчая и усматривая, что все дѣйствительно былъ сущій вздоръ и такая нелѣпица, отъ которой не можно было ожидать ни малѣйшей пользы. Предложены были для рѣшенія не сотни, а цѣлыя тысячи вопросовъ! Предлагаемъ былъ всѣмъ патріотамъ необъятный (sic) и прескучнѣйшій трудъ, который едва-ли кому-нибудь изъ доброй воли поднять будетъ можно. А награжденіе за то обѣщано самое малое, ничего незначущее и не стоющее никакого уваженія, слѣдовательно, немогущее ни кого къ тому побудить, чтобъ для домогательства онаго подвергнуть себя великому труду. Не могла также произойтить отъ того никому польза, а что всего хуже (еслп-бъ и вошли многіе и соотвѣтствовали совершенно желанію Общества), то не предвидѣлось ни малѣйшей пользы, которая бы могла произойти отъ того для отечества. Словомъ, сколько Общество ни мечтало себѣ, что оно учинило заданіемъ сихъ вопросовъ великое дѣло, однако, обманывалось, а въ самомъ дѣлѣ сдѣлало дѣло совсѣмъ пустое и требованіе онаго было совсѣмъ неудобь производимое. Ибо изъ всѣхъ россійскихъ приватныхъ экономовъ и писателей едва-ли могъ найтиться хоть одинъ, который бы въ состояніи былъ на всѣ вопросы и пункты отвѣтствовать.

При таковыхъ обстоятельствахъ было мнѣ уже не весьма пріятно, что г. Нартовъ старался меня просьбами своими убѣждать и всячески заохотить принять на себя сей прескучный и безполезный трудъ, превосходящій дѣйствительно мои силы. Ибо мнѣ не только все намѣстничество ваше, но одинъ уѣздъ такъ коротко знакомъ не былъ, чтобъ я могъ на всѣ предложенные пункты отвѣтствовать, да и матеріи и предметовъ предложено такъ много, что ежели-бъ и одинъ уѣздъ описывать, такъ написать бы надобно цѣлую книгу.

Однимъ словомъ, «Начертаніе» сіе привело меня въ превеликое нестроеніе и такую нерѣшимость мыслей, что я не зналъ самъ о себѣ что думать и писать-ли что-нибудь, или нѣтъ. Но доволенъ, по крайней мѣрѣ, былъ тѣмъ, что срокъ положенъ годичный и что время довольно еще оставалось о томъ хорошенько подумать и погадать и то предпріять, что приличнѣе было бы по обстоятельствамъ.

Все сіе и причиною было тому, что и полученное при семъ случаѣ 11-е письмо отъ господина Нартова, каково ни пріятно и ни ласково было, но не произведо во мнѣ такого дѣйствія, какое могло-бъ произвесть въ другое время своею пріятностію. А ежели мнѣ было что пріятно, такъ одно то увѣдомленіе, что посланныя мои оба сочиненія собраніемъ апробованы и напечатать ихъ было опредѣлено. Но какъ и печатаніе моихъ сочиненій было мнѣ далеко уже не въ диковинку, то и сіе меня не слишкомъ обрадовало. Письмо сіе было слѣдующаго содержанія:

«Государь мой, Андрей Тимоѳеевичъ! Сочиненія ваши о степныхъ мѣстахъ и

о поднимании ключей, господами членами читаны и получили одобреніе и напечатаны будутъ. При семъ сообщаю вамъ объявленіе задачъ и «Начертаніе хозяйственныхъ описаній частныхъ намѣстничествъ». Я надѣюсь, что сіе подастъ вамъ случай къ восприятію какого-либо опыта. Но отъ всего сердца желалъ бы я видѣть трудъ вашъ въ сочиненіи отвѣтовъ какого-либо вамъ болѣе извѣстнаго намѣстничества. Не сомнѣваясь ни мало о способностяхъ и знаніяхъ вашихъ, думаю, что вы, по любви вашей къ отечеству, приступите къ обнародованію тѣхъ статей, кои начертаны въ планѣ нашемъ и доставите удовольствіе присылкою онаго къ назначенному сроку при запечатанномъ имени вашемъ въ цидулкѣ подъ надписью, не обнаруживая онаго имени въ сочиненіи, на которомъ должна стоять одна только надпись произвольная.

«Потрудись, другъ мой! ради отечества, ради общей пользы и покажи трудомъ своимъ, что есть въ Россіи дворяне, не менѣе чужестранцевъ знаніе имѣющіе, и, по совершеніи того, Обществу доставьте. Сіе содѣлаетъ вамъ честь, славу и нашему Обществу украшеніе тѣмъ, что имѣетъ оно въ васъ члена достойнѣйшаго. Впрочемъ, съ непремѣннымъ почтеніемъ пребываю вашего высокоблагородія, государя моего, покорный слуга А. Партовъ. Изъ Экономическаго Общества, 16 декабря, 1790 г.».

Симъ письмомъ и кончилась переписка моя въ сей годъ съ Экономическимъ Обществомъ. Впрочемъ, провели мы всѣ достальныя недѣли и дни сего года довольно изрядно, однако, не слишкомъ весело, чему причиною было наиболѣе то, что дѣти мои были не весьма здоровы и нерѣдко меня озабочивали и смущали. Но праздникъ Рождества Христова и первую недѣлю Святокъ провели-таки мы довольно весело и не одинъ разъ подъ музыкою и попрыгали и потанцовали. Все семейство мое было вмѣстѣ, и мы были то дома, то разъѣзжали по гостямъ и не преминули нѣсколько разъ побывать и въ Ламкахъ у моего зятя тамъ попраздновать. Итакъ, весь сей годъ окончили мы въ мирѣ и тишинѣ и довольно въ спокойномъ состояніи духа.

А симъ дозвольте мнѣ кончить какъ сіе письмо, такъ и все 26 собраніе оныхъ, и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Марта 23 дня 1811 года).

Конецъ XXVI части.

Сочинена въ мѣсяцъ ровно 1811 года.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XXVII.

(Въ Дворениновѣ начата 1812 г. октября 26, кончена того-жъ года ноября 17).

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Богородицкѣ.

1791 годъ и продолженіе моего 53 года жизни.

Письмо 271.

Любезный пріятель! Въ какомъ положеніи и состояніи дѣлъ находился я при концѣ 1790 года, при продолжающемся пребываніи моемъ въ Богородицкѣ, и поступивъ подъ команду уже пятаго командира, о томъ упоминалъ я въ концѣ 26 части сего описанія моей жизни. Что-жъ касается до 1791, также многими

происшествіями достопамятнаго года, то началъ я оный провождать, живучи попрежнему спокойно въ Богородицкѣ и въ нѣдрахъ своего небольшаго, но милаго и любезнаго мнѣ семейства. Состояло оно въ сіе время изъ моей тетки, жены, сына и трехъ незамужнихъ еще дочерей; четвертая же и старшая жила уже не съ нами, а съ мужемъ своимъ въ Ламкахъ, и будучи на сносехъ беременною, ожидала ежедневно разрѣшенія своего отъ бремени; и, по тягости бремени, озабочивалась вмѣстѣ съ нами тѣмъ, что не имѣла хорошей бабки, по которой причинѣ и гостила у ней въ сіе время ея бабушка, а моя теща.

Что касается до насъ прочихъ, то всѣ мы находились въ кучкѣ, и всѣ здоровы и спокойны. Но спокойствіе наше нарушилось уже въ самый первый день сего вновь наставшаго года. Лишь только разсвѣло, какъ является гонецъ, присланный ко мнѣ изъ деревни нашей Дворенинова, съ увѣдомленіемъ, что ближній мой сосѣдъ и двоюродный братъ, Михайла Матвѣевичъ, находится при смерти и въ отчаянномъ уже состояніи; а чрезъ полчаса пріѣхали оттуда-жъ и мои люди и привезли ко мнѣ кучу писемъ, съ просьбами пріѣхать туда и поспѣшить пріѣздомъ колико-можно. Смутила меня сія неожидаемость, и я не зналъ, чтó дѣлать: ѣхать въ такую даль не весьма мнѣ хотѣлось, но долгъ родства повелѣвалъ; къ тому-жъ, и всѣ мнѣ совѣтовали трудъ сей предпріять. Итакъ, отслушавъ обѣдню и собравшись на скорую руку, послѣ обѣда легъ я въ свой любезный возочикъ и, запасшись пріятными книжками для дорожнаго чтенія, велѣлъ погонять лошадей; и къ вечеру, ни-думано-ни-гадано очутился уже въ Дѣдиловѣ. Тутъ переночевавъ у престарѣлаго знакомца своего Юлы, со множествомъ ніова ночующаго тутъ же обоего пола народа, прискакалъ я въ послѣдующій день еще до-свѣта въ Тулу и, остановясь у Пастухова, поѣхалъ тотчасъ къ новому своему командиру, для испрошенія у него дозволенія съѣздить на короткое время въ деревню. И получивъ оное, возвращаюсь на квартеру, гдѣ встрѣчаетъ меня горюнъ нашъ, нѣмецъ-капельмейстеръ, и, обливаясь слезами, жалуется, что его никакъ назадъ не отпускаютъ, и что жить ему тутъ очень дурно и убыточно. Онъ надоѣлъ и наскучилъ мнѣ даже своими жалобами. Но какъ пособить ему находился я не въ силахъ, то другова не оставалось, какъ посовѣтовать вооружиться терпѣніемъ и оставить его на произволъ судьбы, а самому, легши опять въ возочикъ и пообѣдавъ у Пастухова, пуститься опять въ путь. И какъ дорога случилась хорошая, то, занимаясь чтеніемъ, и не видалъ какъ доѣхалъ до Вошаны, а тутъ, отогрѣвшись чаемъ и переночевавъ, прилетѣлъ со свѣтомъ вдругъ и въ свое Дворениново.

Какъ хоромы мои были нетопленые, то присталъ я въ сей разъ въ избѣ у моего прикащика и тотчасъ побѣжалъ къ больному своему брату, котораго хотя засталъ еще живымъ, но въ отчаянномъ уже и совсѣмъ безнадежномъ состояніи, такъ что безъ жалости я на него смотрѣть не могъ. При немъ находилась тогда одна только его теща. Но какъ старушка сія ничего не значила, а малолѣтный его сынъ и того еще меньше, то, не долго думая, приступилъ я къ переписыванію, прибиранію и запечатыванію всѣхъ его небольшихъ пожитковъ, дабы не могли они, при кончинѣ его, быть растасканы. И сдѣлавъ сіе, убѣдилъ больнаго собрать послѣднія свои силы и подписать реэстръ онымъ. А потомъ, возвратясь на свой дворъ, занялся разбираніемъ кое-какихъ бумагъ и подчиваніемъ чаемъ приходившаго ко мнѣ нашего приходскаго попа Евграфа и малолѣтняго моего племянника, котораго, по смерти отца, располагалъ я взять къ себѣ и воспитать его до совершеннаго возраста. И въ томъ, равно какъ и въ другихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, препроводилъ остатокъ сего дня.

Въ слѣдующее за симъ утро смутился я, узнавъ, что брату моему потяжелѣло. Я тотчасъ побѣжалъ къ нему и нашелъ

тамъ и попа нашего. Онъ былъ очень слабъ и едва въ состояніи былъ говорить. Но какъ неизвѣстно было, долго-ли еще продлится жизнь его, то не зналъ я, чтó дѣлать: ѣхать-ли назадъ, или дожидаться его кончины. Онъ упрашивалъ меня остаться еще на сей день, и я принужденъ былъ на то согласиться и употребить время сіе на сдѣланіе разныхъ распоряженій съ людьми умирающаго. Къ тому-жъ, хотѣлось мнѣ дождаться и лѣкаря, за которымъ, по просьбѣ его, еще до пріѣзда моего было послано, дабы узнать отъ него, на долго-ли еще жизнь его могла продлиться. Итакъ, распорядивъ все нужное и отобѣдавъ у нихъ въ домѣ, возвратился я опять на свой дворъ и занялся вечеромъ опять кое-какими дѣлами. А на утріе иду опять къ брату, нахожу его отъ-часу болѣе ослабѣвающаго, ожидаю съ нетерпѣніемъ лѣкаря. Но настало время обѣдать, а его нѣтъ. И какъ долѣе мнѣ медлить и ждать было невозможно, а надлежало поспѣшать отъѣздомъ, то, отобѣдавъ съ его тещею и сдѣлавъ послѣднія распоряженія, распрощался я навѣкъ съ моимъ умирающимъ братомъ и, обѣщавъ ему не оставить малолѣтняго его сына и имѣть объ немъ отеческое попеченіе, послѣ обѣда и отправился въ обратный путь, и успѣлъ еще въ тотъ же день доѣхать до Ѳедешова, гдѣ ночевалъ у нашихъ родныхъ Кислинскихъ, проведя съ ними весь вечеръ въ пріятныхъ разговорахъ.

Распрощавшись съ ними съ вечера, всталъ я такъ рано, что успѣлъ къ свѣту пріѣхать въ Тулу и, приставъ на часокъ въ музыкальной нашей школѣ, являюсь къ своему командиру и въ тотъ же часъ опять откланиваюсь. Со всѣмъ тѣмъ, успѣлъ я попросить его о нашемъ капельмейстерѣ, и мнѣ удалось помочь сему горюну, сколько было можно и получить отъ него за то множество благодареній. Послѣ чего поѣхалъ я къ Пастухову и, отобѣдавъ у него, пустился опять въ свой путь, въ удовольствіи услышавъ въ Тулѣ о взятіи нашими войсками славной непобѣдимой турецкой крѣпости Измаила и о безпримѣрномъ поступкѣ тогдашняго полководца нашего Суворова. И успѣлъ ночевать доѣхать опять до Дѣдилова.

Наставшій послѣ сего день былъ достопамятенъ множествомъ происшествій, отчасти радостныхъ, отчасти печальныхъ. Домой пріѣхалъ еще до-свѣта. Но едва только развѣло, какъ входитъ гонецъ, посланный вслѣдъ за мною изъ Дворенинова, съ извѣстіемъ, что братъ Михайла Матвѣевичъ скончался. Сколько я ни ожидалъ уже того, но извѣстіе сіе было для меня и для всѣхъ моихъ родныхъ поразительно. Мы потеряли въ немъ ближайшаго родственника и однофамильца, и смертью его фамилія наша такъ уменьшилась, что я остался только одинъ изъ взрослыхъ, съ моимъ сыномъ; а третьяго члена составлялъ оставшій послѣ покойника малолѣтный сынъ его. Родственникъ сей, каковъ ни былъ, и хотя наносилъ болѣе безславія, нежели чести нашей фамиліи своимъ безпутнымъ поведеніемъ, но намъ его было жаль. Онъ былъ немногимъ чѣмъ меня моложе и погубилъ себя самъ крайнею своею невоздержностью и непомѣрною охотою къ питью, разстроившему давно его здоровье. Натурально, меня звали пріѣхать на погребеніе онаго, но сего учинить было уже мнѣ не можно; почему и предоставилъ я сію коммиссію оставшимся его родственникамъ и, чрезъ письмы къ нимъ, просилъ меня въ томъ извинить.

Не успѣлъ я сихъ писемъ написать, какъ въѣхала на дворъ кибитка. При вопросѣ, кто-бъ такой это былъ? сказываютъ мнѣ, что пріѣхалъ мой Василій, посыланный въ Лебедянь для продажи одной моей сумнительной лошади, и я обрадовался, услышавъ, что ему удалось продать, и довольно хорошею цѣною. Мы о томъ еще съ нимъ говорили, какъ входитъ гошпитальный надзиратель и сказываетъ, что лѣкаря нашего нѣтъ дома, и что присылали за нимъ въ полночь изъ Ламокъ отъ моей дочери и онъ туда поѣхалъ. Сердце обмерло у меня, какъ я сіе услышалъ, ибо не иное что заключалъ,

что тамъ что-нибудь да нездорово, и духъ мой весьма оттого огорчился. Но я еще не опамятовался отъ смущенія, какъ входитъ ко мнѣ и самъ нашъ лѣкарь и обрадовалъ насъ пріятнымъ извѣстіемъ, что Елизавета наша разрѣшилась благополучно отъ бремени, произведя на свѣтъ дочь, названную ими Александрою, но вкупѣ и опечалилъ, сказавъ, что родильница чувствуетъ великую боль въ животѣ.

Сіе встревожило всѣхъ насъ чрезвычайно, ибо такія боли бываютъ иногда бѣдственны и опасны. И потому ну-ка мы скорѣй спѣшить обѣдать и собираться въ Ламки ѣхать. Но не успѣли сѣсть за столъ, какъ входятъ въ двери гости господа Хомяковы. Они были хотя наши друзья, но въ сей разъ были мы имъ очень не рады. Говорится въ пословицѣ: «не въ пору гость, пуще татарина»; а сіе случилось тогда съ нами, и намъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, не до гостей было. Но, спасибо, они послѣ обѣда скоро отъ насъ поѣхали; а мы, проводивъ ихъ, ну-ка скорѣе садиться въ повозки и скакать въ Ламки. И покуда туда доѣхали, душа у всѣхъ у насъ была не на мѣстѣ, и мы не прежде сколько-нибудь успокоились, какъ увидѣвъ, по пріѣздѣ, хозяевъ, встрѣчавшихъ насъ съ радостными и веселыми лицами, и услышавъ, что родильницѣ нашей отъ присланнаго лѣкарства полутчѣло. Тогда только стали мы чувствовать ту радостъ и удовольствіе, какое обыкновенно при таковыхъ случаяхъ съ столь близкими родственниками, какъ мы, чувствуемо бываетъ, и провели въ томъ весь тогдашній вечеръ.

Но не успѣли мы сѣсть ужинать, какъ перетревожены мы были сдѣлавшеюся въ животѣ у родильницы нашей опять чрезвычайною болью. Всѣ мы повскакали изъ-за стола и, прибѣжавъ къ ней, заботились, суетились и не знали, чтó дѣлать и чѣмъ ей помогать. И какъ приписывали все сіе неискусству простой повивальной бабки, которую дочь моя принуждена была употребить, по случаю отозванія директоромъ, командиромъ моимъ, къ себѣ прежней ея и знающей бабки, то досадовали невѣдомо-какъ и на Юницкаго, и на Нестеровыхъ, для которыхъ онъ вызывалъ оную. Наконецъ, кое-какъ поутишилась опять ея боль, и мы сколько-нибудь поуспокоились, имѣя въ теченіе сего дня много и радостей, и огорченій, послѣдовавшихъ непосредственно другъ за другомъ.

Какъ въ наступившій послѣ того день родильницѣ нашей хотя полутшѣло, но ребенокъ былъ очень слабъ, то спѣшили онаго окрестить, и зять мой поскакалъ звать кумовьёвъ, которые и не преминули къ послѣдующему дню съѣхаться, въ который и окрестили мою внучку, и у насъ былъ въ сей день порядочный крестинный пиръ. Ибо какъ, противъ всякаго чаянія, гостей съѣхалось довольно, то мущины-таки и подгуляли, а молодежь затѣяла ввечеру танцы и разныя другія увеселенія, въ которыхъ и я бралъ соучастіе.

Въ Богородицкъ возвратились мы не прежде, какъ на другой день послѣ сего, и чуть-было на дорогѣ не претерпѣли великаго несчастія: упади какъ-то одна изъ лошадей нашихъ, а прочія всѣ взбѣсились и понесли нашу карету, такъ что едва было ее не опрокинули и насъ не перебили; на-силу-на-силу ихъ кое-какъ остановили и успокоили. Сей случай настращалъ всѣхъ насъ чрезвычайно, а въ Богородицкѣ дожидались меня другія досады и неудовольствія: бездѣльница бабка, подслуживаясь директору, налгала невѣдомо-чтó объ насъ и подала поводъ къ тому, что онъ, легкомысленно повѣривъ ей, писалъ ко мнѣ съ нѣкоторою и глупою колкостью, и чрезъ то подалъ поводъ къ досадѣ на себя и къ дурнымъ о характерѣ его заключеніямъ. Кромѣ сего, предписываемо мнѣ было отправить, какъ можно скорѣй, отпущеннаго для забранія своего багажа капельмейстера въ Тулу, и сей нѣмчура надоѣлъ мнѣ, какъ горькая рѣдька, своими сборами, калянканьемъ и неповоротливостью, и я на-силу-на-силу сжилъ его съ своихъ рукъ и отправилъ совсѣмъ на житье въ Тулу.

Между тѣмъ, какъ я занимался симъ дѣломъ и исправленіемъ другихъ коммиссій, возложенныхъ на меня директоромъ (для чего я собственно и пріѣзжалъ изъ Ламокъ въ Богородицкъ), получилъ я отъ Ридигера изъ Москвы цѣлую партію новыхъ и разныхъ французскихъ книгъ, доставившихъ мнѣ и сыну моему, по охотѣ нашей къ нимъ, неизъяснимое удовольствіе. И сколько было у насъ радостей при пересматриваніи и разбираніи оныхъ! Мы не могли устать, занимаясь оными. И какъ надлежало намъ опять ѣхать въ Ламки и тамъ пробыть нѣсколько дней, то взялъ я множайшія изъ нихъ даже съ собою, дабы и тамъ читать и ими заниматься; и онѣ мнѣ какъ тогда, такъ и въ послѣдующіе за симъ дни очень кстати пригодились.

Какъ здоровье дочери моей, при случаѣ сихъ ея родовъ, не только весьма медленно, но и худо возстановлялось, и она, ровно-какъ на подрядъ, насъ то радовала, то огорчала, и мы во все теченіе генваря мѣсяца не могли, въ разсужденіи онаго, совершенно успокоиться, — то сіе и подавало намъ поводъ къ частымъ переѣздамъ то изъ Ламокъ въ городъ, то изъ онаго опять въ Ламки, и къ пробыванію тамъ иногда по нѣскольку дней сряду. А потому и время свое провождали мы иногда довольно весело, а временемъ и съ безпокойнымъ и смущеннымъ духомъ. Къ сему послѣднему подавалъ много поводъ и мой новый командиръ г. Юницкой своимъ противъ меня страннымъ поведеніемъ и такими притязаніями, которыя почти самыми притѣсненіями почитать было можно. Словомъ, и сему-то, весьма средненькаго ума, человѣку удалось надо мною помудрствовать и доставить мнѣ не одну, а многіе досадные и прискорбные часы и минуты. А всему тому причиною было съ одной стороны зависть и недоброхотство, а съ другой—гнѣздящееся въ сердцѣ его такое корыстолюбіе и досада, что нельзя ему было оное удовлетворять по желанію. Во всемъ полагалъ я ему безпрестаннымъ своимъ правленіемъ и честнымъ поведеніемъ преграды и помѣшательствы. И какъ ему ни за что не можно было въявь ко мнѣ придраться, то производилъ онъ всѣ свои шиканствы сокровеннымъ образомъ; и на сіе было въ немъ довольна ума и разума. Но надобно замѣтить, что имѣлъ онъ, въ сихъ злоумышленіяхъ противъ меня, въ князѣ городничемъ нашемъ и секретарѣ моемъ Варсобинѣ, двухъ добрыхъ у себя помощниковъ. Оба сіи тайные мои завистники и недоброжелатели не преминули и къ сему моему новому начальнику тайными и кривыми путями подбиваться въ милость и въ довѣрчивость. И какъ ни какимъ прямымъ дѣломъ имъ донять и повредить меня было не можно, то избрали они обыкновенное свое прибѣжище ко всякимъ лжамъ, наговорамъ и самымъ безстыднымъ и безсовѣстнымъ оклеветаніямъ, и возмущали тѣмъ духъ г. Юницкаго и приводили его нерѣдко до самыхъ глупостей и къ такимъ противъ меня поступкамъ, которыхъ онъ самъ стыдиться послѣ былъ долженъ.

Все сіе узналъ я уже послѣ, и не столько досадовалъ на князя, сколько на глупца своего секретаря Варсобина. Тотъ, будучи хитрый и лукавый человѣкъ, ковалъ всѣ оные тайные ковы изъ зависти къ моему мѣсту и, домогаясь какъ-нибудь меня изъ онаго вытѣснить и самому занять оное; и потому было ему то нѣкоторымъ образомъ и простительно. А сей вредилъ мнѣ, самъ истинно не зная за что и для чего; ибо ему на моемъ мѣстѣ быть ни какъ льститься было не можно; злобу же на меня имѣть — не имѣлъ онъ ни малѣйшей причины, ибо я ничего ему, кромѣ благопріятства и доброжелательства, не оказывалъ. А что̀ всего досаднѣе было, то творилъ онъ мнѣ разныя пакости не столько съ умысломъ, сколько совсѣмъ неумышленно, а по единой глупой привычкѣ своей къ болтанію всякаго вздора и пересуживанію всего производимаго и дѣлаемаго мною и всѣми другими людьми на свѣтѣ. Ибо, при всей короткости и тѣснотѣ ума его, имѣлъ онъ наиглупѣйшую при-

вычку критиковать всё-и-всё на свѣтѣ, и по его мыслямъ всё шло и дѣлалось не такъ, какъ бы ему хотѣлось.

Я не прежде сталъ догадываться и подозрѣвать, что есть на меня какіе-нибудь новому командиру моему тайные и злодѣйскіе навѣты, какъ при полученіи отъ него неожидаемаго ордера, съ предписаніемъ наистрожайшимъ, чтобъ я объѣздилъ самъ лично всѣ селенія въ волостяхъ до единаго, и во всякомъ бы старался узнавать, не имѣетъ-ли кто какихъ неудовольствій, всё-ли происходитъ порядочно; а особливо обращалъ бы вниманіе свое на выставки и кабаки и дѣла, къ нимъ относящіяся, и прочая и прочая. Не могу изобразить, какъ поразился и удивился я такому неожидаемому предписанію, которое было для меня совершенною загадкою. Я не понималъ, что́ бъ сіе значило, ибо зналъ и совершенно увѣренъ былъ въ томъ, что въ волостяхъ у меня все шло своимъ чередомъ и не было ничего безпорядочнаго, и потому не усматривалъ ни малѣйшей надобности къ таковому повсемѣстному объѣзду и осматриванію всего-и-всего въ волостяхъ, а особливо въ тогдашнее зимнее время.

Но какъ приказанія нельзя было не выполнить, то хотя съ досадою и нехотѣніемъ, а принужденъ я былъ, оставивъ всѣ свои обыкновенныя занятія, велѣть запрягать свой покойный и теплый возочикъ и пустился въ немъ въ сіе скучное путешествіе. И какъ оному, по обширности волостей, по отдаленности селеній другъ отъ друга и по обстоятельству, что въ каждомъ надлежало собирать всѣхъ жителей и съ ними по нѣскольку часовъ тананакать, не инако надлежало какъ нѣсколько дней сряду продолжиться (и я предвидѣлъ, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ надобно мнѣ будетъ и ночевать),—то, для сдѣланія путешествія сего колико-можно для себя спокойнѣйшимъ, запасся я не только всею нужною къ тому провизіею и другими вещами, но и помянутыми вновь присланными ко мнѣ любопытными французскими книгами, которыя и помогли мнѣ переѣзды сіи производить не только безъ малѣйшей скуки, но еще съ пріятностью, и превратить все путешествіе сіе въ совершенную и съ удовольствіями сопряженную прогулку. Ибо, лежучи въ своемъ спокойномъ и тепломъ возочкѣ и занимаясь чтеніемъ веселой и занимательной книжки, и не чувствовалъ я какъ переѣжжалъ великія иногда разстоянія. А по пріѣздѣ въ селенія, по предварительному извѣщенію, находилъ я всѣхъ жителей уже въ собраніи и (какъ я всѣми ими былъ любимъ) съ удовольствіемъ меня встрѣчающихъ и привѣтствующихъ. Въ тѣхъ же селеніяхъ, гдѣ, по расположенію моему, доводилось мнѣ обѣдать, находилъ я всегда приготовленный отправляемымъ напередъ поваромъ сытный и вкусный дорожный обѣдъ, а гдѣ приходилось ночевать — готовый уже для обогрѣванія себя чай и потомъ добрый ужинъ. Итакъ, нужно мнѣ было только въ каждомъ селеніи часа по два съ мужичками обо всемъ и обо всемъ поговорить и поразобрать небольшія ихъ между собою ссоришки и потомъ, раскланявшись съ ними, распустить ихъ по-прежнему покоиться въ домахъ своихъ, а самому либо продолжать свой путь, либо на ночлегахъ, напившись съ трубочкою до-сыта чаю, заняться на весь вечеръ пріятнымъ чтеніемъ своихъ книжекъ. И такъ далѣе.

Симъ образомъ, въ нѣсколько дней, нечувствительно объѣздилъ я обѣ волости и, вмѣсто досады, которую г. Юницкому хотѣлось мнѣ причинить, имѣлъ тысячу удовольствій. Дѣла же такова, для котораго нужно-бъ было объѣжжать симъ образомъ волость, нигдѣ не нашелъ ни малѣйшаго, и потому внутренно только смѣялся умничанью господина директора, ибо вездѣ было все хорошо и все въ надлежащемъ порядкѣ. Одни только кабаки наводили мнѣ нѣкоторое сомнѣніе, ибо, узнавъ, что господа откупщики производили новыя мытарства и, услышавъ, что, по просьбѣ ихъ, Юницкимъ изъ Бобриковской волости безъ вѣдома моего

призываны были въ Тулу всѣ старосты, и заключая изъ того, что и г. Юницкому хотѣлось отъ нихъ поживиться,—не зналъ я, какъ поступить мнѣ въ семъ случаѣ. Однако, подумавъ-погадавъ, разсудилъ за лучшее не входить въ дрязги, а посмотрѣть на сіе дѣло сквозь пальцы и дать волю г. директору достичь до своего корыстолюбиваго намѣренія. А всходствіе того, по возвращеніи своемъ въ Богородицкъ, вмѣсто строгаго отвѣта на его глупый ордеръ, не разсудилъ подливать масло въ огонь, а отписать къ нему о объѣздѣ моемъ такъ, чтобъ онъ досады моей на него и не почувствовалъ. А сіе послѣ и послужило мнѣ въ пользу.

Во время сего путешествія моего пріѣхалъ ко мнѣ, по приказанію моему, малолѣтный сынъ покойнаго брата моего и нынѣшній мой сосѣдъ, Андрей Михайловичъ. Онъ былъ тогда уже изрядный мальчикъ, но воспитаніе его у безпутнаго отца было такъ худо, что я безъ жалости на него смотрѣть не могъ. И расположившись дать ему дальнѣйшее воспитаніе у себя, намѣренъ былъ взять формально его къ себѣ въ опеку и употребить все возможное къ наученію его чему-нибудь и къ образованію его ума и сердца. Всходствіе чего и вступилъ въ полное управленіе его деревнями и имуществомъ. и имѣлъ довольно хлопотъ при приведеніи всего въ надлежащій порядокъ.

Между тѣмъ, при всѣхъ моихъ хлопотахъ, разъѣздахъ и переѣздахъ, не оставлялъ я и своихъ литературныхъ упражненій, и всѣ праздные и остающіеся отъ дѣлъ часы посвящалъ онымъ. На меня пришла около сего времени охота писать критику на всѣ тѣ книги, которыя мнѣ прочитывать случалось, и критику особаго рода, а не такую, какая иными пишется, но полезнѣйшую. Но дѣло сіе было прямо на бездѣльѣ и совершенно пустое. Книги, написанныя мною по сему предмету, стоятъ съ того времени по сіе никѣмъ нечитаемыя въ моей библіотекѣ и занимаютъ только собою мѣсто; пользы же никому не производятъ, и едва-ли когда-нибудь произведутъ, поелику я не съ тѣмъ намѣреніемъ ихъ и писалъ, чтобъ могли они когда-нибудь быть напечатаны и обнародованы, и потому трудъ, употребленный на нихъ, потерянъ по-пустому.

Кромѣ сего, памятно мнѣ, что въ теченіе сего мѣсяца была у насъ раза два такая необыкновенная стужа съ вѣтрами и мятелями преужасными, что домъ мой каковъ ни былъ тёпелъ въ иное время, но въ сіе не находили мы во всемъ ономъ нигдѣ почти мѣста, и я не одинъ разъ принужденъ былъ съ письменнымъ столомъ своимъ изъ одной комнаты перебираться въ другую и, наконецъ, доходило до того, что нигдѣ не находили сколько-нибудь удобнѣйшаго мѣста для сидѣнія —какъ подлѣ печки, въ дѣтской; въ кабинетѣ же моемъ и носа показать было не можно.

Посреди сихъ происшествій, съ нетерпѣливостью дожидался я изъ Петербурга отвѣта на мое большое письмо, отправленное въ концѣ прошедшаго года къ г. Нартову. Мнѣ весьма хотѣлось видѣть какъ приметъ онъ мою задирку и изъявитъ-ли любопытство узнать и слышать все то, о чемъ я съ нимъ чрезъ письмы говорить хотѣлъ. Сего отвѣта и не было мнѣ нужды долго дожидаться: г. Нартовъ не успѣлъ получить мое письмо и посланное при ономъ тогда сочиненіе о спаржѣ, какъ въ первыхъ числахъ генваря уже на оное и отвѣтствовалъ, и я получилъ оное 26 числа сего мѣсяца. Не могу изобразить, съ какимъ смущеніемъ духа распечатывалъ и развертывалъ я письмо сіе, а особливо увидѣвъ, что цѣлые полъ листа было вокругъ исписано. Я не сомнѣвался, что есть въ немъ что-нибудь въ отвѣтъ на мою задирку. Но сколь сильно поразился я, когда, пробѣжавъ оное жадными очами, не нашелъ ни одного словечка, упомянутаго о томъ дѣлѣ, о которомъ я всего болѣе желалъ слышать, а увидѣлъ все письмо, наполненное такими околичностьми, какія мнѣ давно самому были извѣстны, и которыя составляли относи-

тельно до меня сущее пустословіе. Но сего было еще не довольно. Но онъ бомбандировалъ меня опять убѣжденіями къ соотвѣтствованію на заданные имн вопросы; и чтобъ сдѣлать ихъ дѣйствительнѣйшими, то старался какъ малаго ребенка прельстить надеждою къ полученію медали, награжденія, для меня столь маловажнаго, что могло оно всего меньше меня трогать. Имѣя у себя уже нѣсколько медалей, были онѣ мнѣ ни мало уже не въ диковинку, и тѣмъ менѣе прельстительны, что отъ нихъ, какъ отъ козла, не было ни шерсти, ни молока, то-есть, что не могли онѣ ни на волосъ прибавить мнѣ ни чести, ни славы, ни дохода. Наконецъ, не преминулъ онъ меня помазать по губамъ одобреніемъ моего сочиненія о спаржѣ, въ чемъ я и безъ того ни мало не сомнѣвался. Словомъ, письмомъ симъ былъ я не весьма доволенъ. Оно было слѣдующаго содержанія:

«Государь мой, Андрей Тимоѳеевичъ! Послѣднее письмо ваше я получилъ, и приложенное сочиненіе о спаржѣ собранію Экономическаго Общества представилъ, которое поручило комитету разсмотрѣть, и комитетъ уже одобрилъ оное къ печатанію. Я именемъ Экономическаго Общества благодарю васъ за труды. Предъ симъ послалъ я чрезъ почту къ вамъ отъ собранія напечатанное объявленіе задачъ и «Начертаніе о намѣстничествахъ», желая усердно, чтобъ послужило вамъ поводомъ къ сочиненію отвѣта на какое-либо намѣстничество, будучи увѣренъ, что знаніе и способность въ писаніи подадутъ вамъ способъ удовлетворить Обществу, а вамъ доставить случай пріобрѣсть медаль, къ чести и похвалѣ вашей! Сколько силъ есть стараюсь я обнаруживать труды соотчичей моихъ и желалъ бы, чтобъ Общество Экономическое пріобрѣло нѣсколько такихъ трудолюбивыхъ и знаніемъ земледѣлія и домостроительства украшенныхъ членовъ, которые уподоблялись бы вамъ. Но, къ сожалѣнію, еще не вижу, кромѣ г. Лихонина, жительствующаго близъ Вологды, который, возъимѣвъ охоту, началъ сообщать нѣкоторыя извѣстія, за которыя сдѣланъ онъ нашимъ корреспондентомъ. Ужъ-ли въ пространной Россіи не достаетъ господъ помѣщиковъ, имѣющихъ знаніе земледѣлія? Сему ни какъ вѣрить не можно! Были они издревле, есть они и нынѣ, и гораздо просвѣщеннѣе прежнихъ, да и могли-бъ участниками быть въ трудахъ Экономическаго Общества, установленнаго премудрою Екатериною императрицею и благотворящею матерью отечества нашего, къ пользѣ нынѣшнихъ обитателей и ихъ потомковъ. Но что препятствуетъ имъ присылать въ Общество свои наблюденія, примѣчанія или изобрѣтенія сельскія—того не знаю. Кажется, честь, слава, польза и врожденная любовь къ отечеству, по приверженности къ тому, долженствовали-бъ побудителями быть къ такимъ подвигамъ, коимъ земные владыки и римскіе вельможи не только не гнушались, но и сами земледѣлію были примѣромъ! Не требуется въ слогѣ краснорѣчія: земледѣльческая и хозяйственная наука предлагается безъ прикрасъ, просто, ясно. Чего-жъ стыдиться писать полезное дѣло и просвѣщать онымъ другихъ? Загадка для меня нерѣшимая! Я все ласкаю еще себя надеждою, что вскорѣ и мы увидимъ своихъ Мильсоновъ, Юнговъ, Миллеровъ. Начало только трудно; возъимѣютъ охоту, будутъ трудиться и писать. Россіяне въ разумѣ, въ остроуміи и домыслѣ не уступятъ ни какому народу. Я ожидаю съ нетерпѣливостью ящиковъ съ песками и прошу извинить меня, если я утрудилъ сею коммиссіею. Наконецъ, увѣряя васъ, что Экономическое Общество почитаетъ васъ достойнымъ сотрудникомъ своимъ, а я вкупѣ другомъ своимъ, пребываю съ особливымъ почтеніемъ вашъ, государя моего, покорный и вѣрный слуга Андрей Нартовъ. 10 генваря 1791 года».

Какъ письмо сіе содержало въ себѣ хотя весьма лестныя для меня выраженія, но не было въ немъ ни словомъ упомянуто о той матеріи, о которой отъ меня было писано, и сіе наияснѣйшимъ образомъ доказывало мнѣ, что г. Нартовъ

никакъ не намѣренъ былъ входить со мною въ повѣренную дружескую и такую переписку, отъ которой могла бы проистечь существительная польза, а оставался при однихъ политическихъ пустословіяхъ, и нарочно старался меня заглушить похвалами и пустыми метафорами, дабы чрезъ то уклониться учтивымъ образомъ отъ того, о чемъ я его спрашивалъ, — то все сіе не только привело меня въ нѣкоторое огорченіе и досаду, но и простудило опять всю возобновившуюся во мнѣ охоту къ дальнѣйшей переискѣ съ Экономическимъ Обществомъ. Ибо, видя, что о дѣлѣ говорить и слушать не хотятъ, а отягощаютъ одними только пустяками, предусматривалъ, что сколько-бъ мнѣ ни трудиться, но изъ всего того ничего не выйдетъ, кромѣ только убытковъ и пустяковъ, и потому не имѣлъ охоты по пустякамъ подвергаться многимъ трудамъ и безпокойствамъ. Словомъ, негодованіе мое было такъ велико, что я тогда же рѣшился не только отнюдь не входить въ рѣшеніе пустыхъ ихъ и съ дѣломъ несообразныхъ запросовъ и надъ пустяками ломать у себя голову; но и на самое сіе письмо, буде совсѣмъ не соотвѣтствовать, такъ, по крайней мѣрѣ, не спѣшить онымъ. Сіе и было причиною, что я во весь февраль, мартъ, апрѣль и май мѣсяцы пребывалъ въ совершенномъ молчаніи и всего меньше помышлялъ о Экономическомъ Обществѣ и о происшествіяхъ въ ономъ. Молчаніе сіе продолжилось бы и далѣе, если бъ въ маѣ мѣсяцѣ не побужденъ я былъ прервать оное, какъ о томъ упомянется въ своемъ мѣстѣ.

Теперь, возвращаясь къ прерванной нити моего повѣствованія, скажу, что не успѣла дочь моя въ концѣ сего мѣсяца оправиться совершенно отъ своей болѣзни, какъ захотѣлось мужу ея вмѣстѣ съ нею съѣздить въ Москву и тамъ познакомить ее съ своими знатными родственниками. Я одобрялъ сіе намѣреніе и нѣтъ, ибо вѣдалъ, что нѣтъ имъ никакой существительной нужды быть въ Москвѣ, а предусматривалъ только, что подастъ она имъ случай къ новымъ и знатнымъ убыткамъ, а зятю моему поводъ къ мотовству, къ которому былъ онъ, къ общему нашему сожалѣнію, слишкомъ наклоненъ. И какъ до свѣдѣнія моего дошло, что онъ, для снабденія себя на ѣзду сію деньгами, тайкомъ отъ меня продалъ еще одного человѣка въ рекруты, то не преминулъ я за то его потазать, не смотря что ему было сіе не любо, и онъ на меня за сіе досадовалъ. Со всѣмъ тѣмъ, сколько ни старался я обоихъ ихъ отъ ѣзды сей отклонить, но не только не могъ получить въ томъ успѣха, но имѣлъ чувствительную досаду узнать, что они и жену мою уговорили съѣздить также въ Москву и пожить тамъ съ ними. А сія отдуха не давала и мнѣ, чтобъ ѣхать вмѣстѣ, и убѣжденіями своими довела наконецъ до того, что и я, сколько ни отговаривался неимѣніемъ въ Москвѣ никакой дальней нужды и сколько ни говорилъ, что ѣзда сія доставитъ намъ только множество трудовъ, безпокойствъ и убытковъ, пользы же никакой не принесетъ, — но принужденъ былъ на то согласиться. Но какъ надлежало на то выпросить дозволеніе у моего командира, о которомъ слухъ носился, что хотѣлъ онъ къ намъ около того времени въ товариществѣ со псовыми охотниками пріѣхать, то и отложили сіе до его къ намъ пріѣзда.

Но какъ пріѣздъ его къ намъ позамѣшкался, по причинѣ, что около сего времени ждали въ Тулу князя **Потемкина**, а иные и нашего намѣстника, и мы навѣрное не знали, пріѣдетъ-ли къ намъ **Юницкой** или нѣтъ (нетерпѣливый же зятикъ мой въ Москву уже напередъ, для приуготовленія своего дома, ускакалъ), — то убѣдили меня домашніе мои просьбою, чтобъ попроситься у директора чрезъ письмо; на что я и принужденъ былъ согласиться.

Между тѣмъ, какъ письмо мое въ Тулу возили, случились у меня разныя хлопотишки по волости, и я имѣлъ вновь превеликую досаду на моего **Варсобина**, за которымъ открылись новыя бездѣльничествы и клеветы и помутки не только

на меня, но и на нашего исправника, и я принужденъ былъ его за то гораздо потазать. А другую досаду причинилъ мнѣ племянникъ мой, Андрей Михайловичъ, пустыми и неутѣшными своими слезами. Молодцу сему что-то не полюбилось у насъ жить и не хотѣлось заниматься науками и трудами. И какъ около самаго сего времени пріѣхалъ прикащикъ изъ Тамбовской его деревни и ѣхалъ съ обозомъ въ Дворениново, то восхотѣлось и ему съ нимъ домой съѣхать. И какъ мы не хотѣли-было его отпускать, то и ударился онъ въ слезы. Мнѣ досадно сіе было очень, и я ни какъ бы на то не посмотрѣлъ; но предстоящая намъ отлучка и ѣзда въ Москву убѣдила меня, наконецъ, дозволить ему съ прикащикомъ домой съѣхать и пожить тамъ, покуда мы въ Москву съѣздимъ. Вскорѣ за симъ получилъ я и отвѣтъ на мое письмо, и дозволеніе отправиться на нѣсколько дней въ Москву. И тогда не стали и мы долѣе медлить, а, распорядивъ все нужное на время моего отсутствія и собравшись въ путь, встаемъ 7 числа февраля очень рано и, распрощавшись съ матушкою, моею тещею, остававшеюся дома одна съ одною только моею новорожденною внукою, привезенною уже за нѣсколько дней къ намъ,—пускаемся въ путь на самомъ еще разсвѣтѣ.

Ѣхать намъ было хотя тепло, но очень дурно, по причинѣ сдѣлавшейся около сего времени превеликой оттепели, угрожавшей почти половодью; ибо вода текла со всѣхъ бугровъ ручьями. Видя сіе, я было уже и трухнулъ, опасаясь, чтобъ распутица сія не сдѣлала намъ въ ѣздѣ нашей остановки; однако, мы, покормивъ въ Дѣдиловѣ лошадей, доѣхали въ сумерки благополучно до Тулы и остановились въ сей разъ, для лучшей свободы, ночевать у знакомца нашего Пастухова. Обрадовавшись, что ночью опять подморозило и дорога поисправилась, встаемъ мы задолго еще до-свѣта и, продолжая путь, заѣзжаемъ обѣдать въ Хвошню, къ Егору Михайловичу Крюкову, зятю моего зятя Шишкова. Хозяинъ былъ намъ радъ, а хозяйка и того больше, и оба старались насъ угостить. Я имѣлъ случай видѣть тогда у Крюкова его библіотеку и говорить съ нимъ о многомъ. Къ вечеру-жъ доѣхали мы до завода Ведминскаго, гдѣ, съѣхавшись съ своимъ обозомъ, расположились и ночевать, ибо въ деревню свою, за дурнотой дороги, заѣзжать намъ не хотѣлось, а посылали только туда за санями и кормомъ и за Андреемъ Михайловичемъ, съ которымъ мнѣ хотѣлось видѣться. Ѣхалъ я въ сей разъ опять въ своемъ любезномъ возочкѣ, въ товариществѣ съ меньшею дочерью моею, Катериною, досадившею мнѣ невѣдомо-какъ разбитіемъ одного стекла въономъ, ворочаньемъ и вознею своею. Переночевавъ кое-какъ на заводѣ и вставъ опять до-свѣта, продолжали мы по голой и дурной обледенѣвшей дорогѣ свой путь и пріѣхали въ Серпуховъ еще довольно рано. Тутъ находимъ и видимъ мы вездѣ сдѣланныя пріуготовленія для встрѣчи ожидаемаго съ-часу-на-часъ князя Потемкина. Лошади, пріуготовленныя подъ него, стояли фрунтомъ; судьи же, всѣ вмѣстѣ, съ самимъ московскимъ губернаторомъ, прискакавшимъ для срѣтенія онаго, были всѣ распудрены и въ тяжкихъ нарядахъ. Мы хотѣли-было пристать у родственника нашего г. Арцыбышева; но какъ онъ былъ у губернатора, то остановились у знакомца и должника моего Квасникова и пообѣдавъ успѣли въ тотъ же еще день доѣхать ночевать до Лопасны.

Мы нашли и тутъ великія пріуготовленія къ проѣзду княжему и видѣли разставленныя повсюду дегтярныя бочки, для освѣщенія въ ночное время пути сему вельможѣ. Словомъ, вездѣ готовились принимать его какъ бы самаго царя. А онъ, по тогдашнему своему полновластію, и былъ немногимъ ниже онаго. Переночевавъ тутъ, продолжали мы свой путь далѣе. Ѣдучи по дурной и тяжкой дорогѣ, которая, чѣмъ ближе подавались мы къ Москвѣ, тѣмъ становилась хуже; но я, за чтеніемъ во всю дорогу любопытнаго агличскаго госпожи Бюрней

романа «Цециліи», ни мало оной не чувствовалъ, а весь сей путь провелъ въ удовольствіи. Мы обѣдали въ сей день въ Подольскѣ, а въ сумерки наконецъ доѣхали и до Москвы самой.

Но симъ и окончу я сіе письмо, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Октября 28 дня 1812 года, въ Дворениновѣ).

Письмо 272.

Любезный пріятель! Мы пристали и расположились въ сей разъ въ зятнинomъ домѣ, находившемся подлѣ самаго почти Донскаго монастыря, на большой Калужской улицѣ. Зять мой, свѣтривъ купилъ оный, самъ не зная на что, незадолго до того времени, и жилъ уже тогда въ ономъ. Онъ былъ уже не новый, деревянный, и хотя не очень великъ, но для помѣщенія всѣхъ насъ довольно просторный. Въ особенности же былъ я доволенъ тѣмъ, что получилъ для своего пребыванія особый покоецъ, выстроенный на дворѣ, куда могъ я всегда для занятія собственными своими дѣлами отъ прочаго семейства и отъ пріѣзжающихъ гостей уклоняться и заниматься тамъ особенными своими упражненіями и книгами.

Пребываніе наше въ сей разъ въ Москвѣ не продлилось долѣе дней 15 или 16; но, по превеликому множеству хлопотъ, суетъ, разъѣздовъ и разнаго рода развлеченій, показалось мнѣ болѣе мѣсяца. Боярыни наши, помышляющія только о своихъ нарядахъ, ѣжжали то-и-дѣло въ городъ для закупанія себѣ разныхъ вещей, къ тому потребныхъ; а нерѣдко принужденъ былъ и я съ сыномъ моимъ какъ имъ сотовариществовать, такъ и особо ѣздить. Надобно было и мнѣ коечто покупать и дѣлать для себя заставливать. Кромѣ сего, не проходило почти дня, чтобъ не пріѣзжало къ намъ, или къ зятю моему множество гостей, или чтобъ мы куда по Москвѣ не рыскали и во многихъ домахъ не бывали. Къ числу прежнихъ нашихъ друзей и знакомцевъ присовокуплялось множество новыхъ изъ родныхъ и знакомыхъ моему зятю, и у всѣхъ ихъ надобно было побывать, поелику они къ намъ сами и не по одному разу пріѣзжали. Къ таковымъ разъѣздамъ въ ряды и по гостямъ присовокуплялись ѣзды по собранію и другимъ мѣстамъ для богомолья, а по наступленіи масляницы — въ театры и маскарады, изъ которыхъ не пропускали мы почти ни одного, но не забывали между дѣлъ и о увеселеніяхъ своихъ. Словомъ, во все наше тогдашнее пребываніе были у насъ всѣ часы и минуты заняты многоразличными дѣлами. Самъ я сколь ни малую имѣлъ наклонность къ такой развлекательной жизни, но принужденъ былъ брать въ томъ ежедневное соучастіе, и едва могъ по нѣскольку часовъ по-утрамъ отрывать для любимѣйшихъ своихъ литературныхъ занятій.

Для доставленія себѣ съ сей стороны колико можно множайшихъ удовольствій, употребилъ я и въ сей разъ такое же средство, какое употреблялъ въ прежніе пріѣзды. И не успѣлъ по пріѣздѣ въ своей квартеркѣ обострожиться, какъ, выбравъ изъ каталога и написавъ превеликій реэстръ новымъ французскимъ и нѣмецкимъ книгамъ, послалъ оный къ книгопродавцу и знакомцу своему Ридигеру съ требованіемъ, чтобъ прислалъ онъ мнѣ всѣ ихъ для просмотрѣнія и выбора изъ нихъ для меня угоднѣйшихъ. Сей, находя въ томъ свой счотъ, не преминулъ прислать ихъ ко мнѣ цѣлую кипу. И какое же удовольствіе имѣлъ я и сынъ мой при перебираніи, просматриваніи и прочитываніи отчасти нѣкоторыхъ изъ оныхъ! Мы употребляли обыкновенно къ тому утренніе и первѣйшіе часы дней, равно какъ и всѣ тѣ, кои оставались для насъ свободными, и, по отобраніи изъ нихъ, какія намъ болѣе нравились, отсылали достальныя обратно, съ истребованіемъ другихъ на такое же употребленіе; и повторяя сіе нѣсколько разъ, набрали и купили у него опять множество оныхъ и болѣе нежели рублей на сто; и кромѣ сего, покупали мы ихъ много и въ дру-

гихъ лавкахъ и повезли съ собою нарочитый-таки запасецъ оныхъ.

Теперь было-бъ слишкомъ пространно, ежели-бъ хотѣть разсказывать подробно, что̀ въ который день у насъ происходило, кто у насъ бывалъ и къ кому, и куда мы ѣздили; по сему, умолчавъ о томъ, упомяну только о интереснѣйшихъ происшествіяхъ и дѣлахъ нашихъ. Къ симъ принадлежатъ, во-первыхъ, небольшія хлопотишки, какія я имѣлъ въ сію бытность по межевой канцеляріи. По дѣламъ моимъ надобность была мнѣ подать въ нее челобитную, и я, подавъ ее, обыкновенною медленностію въ производствѣ и частыми, но на большую часть тщетными поѣздками въ межевую и битьемъ тамъ по нѣскольку часовъ табалы такъ прискучилъ, что о скорѣйшемъ производствѣ рѣшился просить самого главнаго судью межеваго. Симъ былъ тогда и всѣми дѣлами ворочилъ старинный мой знакомецъ Василій Савельевичъ Ваксель. Я, ѣдучи къ нему на домъ, любопытенъ былъ весьма видѣть, узнаетъ-ли онъ меня и какъ приметъ въ тогдашнемъ своемъ знаменитомъ достоинствѣ. И какъ обрадовался я, когда увидѣлъ, что онъ меня не только тотчасъ узналъ, но, расцѣловавъ, обошолся со мною, какъ съ другомъ, приласкалъ меня всячески, посадилъ подлѣ себя, рекомендовалъ меня, какъ своего пріятеля, вошедшей къ нему своей молодой женѣ, славной и первой тогда красавицѣ московской, сталъ обо всемъ и обо всемъ распрашивать и, узнавъ о моей нуждѣ, обѣщалъ употребить съ своей стороны всевозможное вспоможеніе. А сіе мнѣ, и дѣйствительно, много помогло при тогдашней моей, относящейся до отмежеванія мнѣ земли въ Тамбовѣ, просьбы.

Далѣе достопамятны были свиданія мои съ близкимъ и богатымъ родственникомъ зятя моего, генераломъ Бибиковымъ. Онъ пріѣзжалъ къ намъ, и мы были, по приглашенію, съ зятемъ моимъ у него. При которомъ случаѣ имѣлъ я удовольствіе слышать въ домѣ его прекрасную музыку. Впрочемъ, сей г. Бибиковъ подалъ намъ поводъ и къ одной досадишкѣ, къ небольшой размолвкѣ съ моимъ зятемъ. Вмѣсто того, чтобъ удовлетворить зятя моего въ одной справедливой по деревнямъ его претензіи, вздумалось ему уговаривать зятя моего войтить съ нимъ вмѣстѣ въ одну лѣсную торговлю, и прельстилъ его такъ, что зять мой на то было совсѣмъ и согласился. Но какъ на торговлю сію всѣ мы, его родные, смотрѣли иными глазами и, судя здравѣе, признавали ее не только совсѣмъ неприличною, но и глупою, ни съ чѣмъ несообразною и опасною, то старались мы всѣ его отъ того отклонять, и боярыни употребляли даже къ тому и слезы. Но какъ зятику моему неотмѣнно того, по вѣтренности своей, хотѣлось, то ему было сіе крайне досадно. А за сіе и поразмолвили мы-было съ нимъ такъ, что я хотѣлъ-было тотчасъ изъ Москвы ѣхать домой, и дѣйствительно-бъ уѣхалъ, если-бъ не воспрепятствовало тому то, что не бывали къ намъ еще изъ деревни лошади. Сверхъ того, и оставались еще койкакія нужды для исправленія, и чрезъ то и поугомонилось нѣсколько сіе дѣло.

Вскорѣ за симъ и въ концѣ масляницы, наступившей тогда въ седьмой день послѣ нашего пріѣзда, пріѣхали къ намъ изъ Богородицка и лошади и привезли непріятныя и такія о тамошнихъ происшествіяхъ увѣдомленія, которыя смутили меня чрезвычайно и заставливали тужить о томъ, что я послушался своихъ и въ Москву поѣхалъ. Но какъ воротить того было уже не можно, то сталъ я, по крайней мѣрѣ, поспѣшать своимъ отъѣздомъ. Но тутъ какъ нарочно, надобно было повстрѣчаться съ нами разнымъ препятствіямъ къ скорому отъѣзду. Къ числу сихъ относилось и то обстоятельство, что я въ теченіе масляницы хотя всѣхъ людей съ ногъ сбилъ, но не могъ никакъ еще отыскать садовника, котораго мнѣ неотмѣнно нанять для Богородицкаго сада и ранжереи было велѣно. Сверхъ того, надобно было еще повидаться съ управляющимъ царицынымъ, г. Карачинскимъ, у котораго въ

казенномъ саду учился садовому искусству одинъ изъ нашихъ волостныхъ школьниковъ, и поговорить съ нимъ объ ономъ.

Итакъ, по наступленіи 24 числа февраля великаго поста, поѣхалъ я къ нему. Но какъ въ сей и въ послѣдующій день, не могъ никакъ застать его у себя въ домѣ. Между тѣмъ имѣлъ я удовольствіе спознакомиться съ славнымъ нашимъ сочинителемъ «Дѣяній Петра Великаго» господиномъ Голиковымъ, къ которому въ домъ надобно мнѣ было для подписки на дополненія къ сей книгѣ съѣздить. Я нашолъ его въ маленькомъ его и вокругъ установленномъ книгами кабинетѣ, окладеннаго кругомъ книгами и занимающимся своимъ дѣломъ. Не успѣлъ онъ узнать, кто я таковъ, какъ вскочивъ бросился меня обнимать и цѣловать, говоря, что я ему давно уже знакомъ по моимъ сочиненіямъ, что давно желалъ меня знать лично и теперь чрезвычайно радъ, меня увидѣвъ. Я просидѣлъ у него болѣе часа, и мы разстались съ нимъ, сдѣлавшись друзьями, хотя и видѣлись тогда впервыя и впослѣдніе.

Между тѣмъ гремѣла и занималась вся Москва княземъ Потемкинымъ, пріѣхавшимъ въ оную въ послѣдніе дни масляницы. Вся знать обратилась къ нему для обыкновеннаго идолопоклонства; но намъ удалось видѣть его только однажды, проѣзжающаго по нашей улицѣ, съ пышною и превеликою свитою; и я, смотря на сіе, подумалъ и говорилъ самъ себѣ: «ахъ! долго-ль-то тебѣ, государь нашъ, поцарствовать и повеличаться, и не приближается-ли уже конецъ твой?»

Наконецъ, наступила первой недѣли среда, которая многими разными и знаменитыми происшествіями была для меня такъ достопамятна, что я не за излишнее почитаю описать ее въ подробности. Проснувшись въ заботахъ о себѣ, объ остановкахъ къ отъѣзду и о зимѣ, всталъ я еще до-свѣта, и съ свѣтомъ вдругъ разсылаю всюду-и-всюду людей на извощикахъ искать наемнаго садовника, а самъ, съ поспѣшностью одѣвшись, ѣду къ г. Карачинскому, стараясь застать его дома, радуюсь, что засталъ его еще несъѣхавшаго со двора. Г. Карачинскій принимаетъ меня холодно. Но какъ скоро узналъ, кто я такой, вдругъ перемѣняется, радуется, что меня узналъ, ласкаетъ меня всячески, дѣлается другомъ, не можетъ со мною довольно наговориться, разсказываетъ мнѣ многое, хвалитъ нашего ученика, поитъ и угощаетъ меня чаемъ и отпускаетъ, прося, чтобъ я впредь къ нему ѣздилъ. Однако, мнѣ и никогда не случилось уже болѣе его видѣть. По возвращеніи своемъ въ домъ, нахожу я дѣтей, едва только вставшихъ, и превеликій вздоръ происходящій между ими по случаю затѣваемой ѣзды въ Ростовъ для богомолья. Но, наконецъ, они согласились и начали въ путь сей собираться, а и мы укладываться и готовиться къ отъѣзду. Въ самое сіе время возвращается мой Филька изъ города съ пріисканнымъ садовникомъ. Я радуюсь тому и, не долго думая, его нанимаю и заключаю съ нимъ договоръ, какъ водится. Едва только мы дѣло сіе съ нимъ окончили, какъ вдругъ является предъ меня курьеръ, прискакавшій ко мнѣ изъ Тулы, съ письмомъ отъ господина Юницкаго, въ которомъ писалъ онъ ко мнѣ, что на тѣхъ дняхъ намѣстникъ нашъ Кречетниковъ пріѣхалъ въ Тулу и хочетъ неотмѣнно меня видѣть, и чтобъ я какъ-можно поспѣшилъ пріѣхать и заставалъ намѣстника. Господи! какъ перетревожило и смутило насъ всѣхъ сіе, всего меньше ожидаемое повелѣніе, и въ какую разстройку привело всѣ наши мысли и помышленія. Всѣ мы не знали, что̀ дѣлать и начать; но я, не долго думая, рѣшился на тѣхъ же самыхъ курьерскихъ лошадяхъ скакать въ Тулу, а жену и дѣтей оставить ѣхать, не спѣша на своихъ лошадяхъ, однихъ.

Итакъ, пообѣдавши со всѣми родными своими на скорую руку и распрощавшись съ ними, ложусь въ своей возочикъ и на почтовыхъ отправляюсь въ свой путь и скачу по ухабамъ, позабывая всѣ страхи и опасности, съ такою быстротою, что къ вечеру того же дня

поспѣваю въ Лопасну, а къ ужину въ Серпуховъ и прямо къ дядѣ Ивану Аѳанасьеву Арцыбышеву, который угощаетъ меня чаемъ, всѣмъ-и-всѣмъ и ужиномъ. Между тѣмъ, приводятъ ко мнѣ новыхъ лошадей и я, залетши въ свой возочикъ, продолжаю свой путь, и къ свѣту поспѣваю на Вошану, а часу въ десятомъ и въ самую Тулу. По непривычкѣ скакать симъ образомъ на курьерскихъ, хотя меня и въ-прахъ по ухабамъ въ моемъ возочкѣ расколотило, и я дивился какъ онъ не разлетѣлся отъ толчковъ и ударовъ въ тысячу кусковъ; но мнѣ было тогда не до отдыханья, а я спѣшилъ, какъ можно скорѣе, одѣваться и, выпросивъ у хозяина санки, скакать искать командира своего господина Юницкаго. Сего нашелъ я у намѣстника, но, по выходѣ отъ него, сажающагося уже въ карету; онъ, обрадовавшись моему пріѣзду, подхватилъ меня съ собою въ карету и повезъ въ казеную полату.

Дорóгою не преминулъ я его спросить, за чѣмъ такимъ спрашивалъ и требовалъ меня къ себѣ намѣстникъ? Но онъ сказалъ мнѣ на сіе только то, что онъ самъ ничего о томъ не знаетъ, а примѣтилъ только, что намѣстникъ не только на меня, но на самого его что-то гнѣвенъ, а за что—не вѣдаетъ. Сіе смутило меня чрезвычайно, ибо, не зная за собою никакой вины и ничего такова, за что-бъ можно было намѣстнику на меня сердиться, и не сомнѣвался почти, что, конечно, ненавистники и завистники мои успѣли сковать какіе-нибудь противъ меня ковы и насказать ему что-нибудь нелѣпое и меня ему оклеветать. Въ сихъ смущенныхъ мысляхъ пріѣзжаемъ мы въ казенную полату. Тутъ нахожу я многихъ своихъ знакомыхъ, говорю съ ними, спрашиваю у нихъ, не знаютъ-ли они чего? Но и тѣ всѣ отзывались совершеннымъ незнаніемъ. Господи! думаю и говорю я самъ себѣ: «чтó бъ такое было и чтó за сокровенность? Наконецъ, пробывъ часа два въ полатѣ, поѣхали мы опять съ г. Юницкимъ къ намѣстнику. Однако, его не видали, и сказано было только намъ, чтобъ мы на утріе пріѣзжали къ нему поранѣе. Услышавъ сіе, отпустилъ меня Юницкой отдыхать отъ ѣзды на квартеру, чѣмъ былъ и доволенъ и, возвратясь къ Пастухову, препроводилъ у него все достальное время того дня съ удовольствіемъ.

Наставшій послѣ сего послѣдній день февраля мѣсяца былъ для меня прямо чорный и наполненъ непріятностями. Вставъ и одѣвшись поранѣе, поѣхалъ я къ Юницкому и съ нимъ потомъ къ намѣстнику. Онъ стоялъ тогда въ большомъ Лушинскомъ домѣ, и не успѣлъ узнать о нашемъ пріѣздѣ, какъ велѣлъ послать меня одного къ нему въ спальню, и оставшись со мною наединѣ, опрокинулся на меня, какъ бы лютый какой звѣрь, и съ превеликимъ гнѣвомъ началъ меня катать и почти бранить. Но за что-жъ? Для чего каменная наша большая Богородицкая оранжерея по сіе время не отдѣлана, и для чего въ смѣтѣ оцѣнена она такъ дорого? Поразился я и досадою, и удивленіемъ, сіе услышавъ. И какъ въ обоихъ сихъ пунктахъ я былъ ни мало не виноватъ, то, давъ ему все, чтó хотѣлъ онъ выговорить и излить на меня весь свой гнѣвъ, безъ дальнаго смущенія и почти съ холоднымъ духомъ, ему сказалъ: что оранжерея наша еще не отдѣлана, тому не я, а прежній мой командиръ, Николай Сергѣевичъ Давыдовъ, причиною; ибо онъ, судя что слишкомъ дорого обойдется, приказалъ работу впредь до повелѣнія оставить и деньги на оную не тратить; что-жъ касается до смѣты, то сочинялъ оную не я, а архитекторъ, и всѣ матеріалы и работниковъ подряжалъ также не я, а онъ же, г. Давыдовъ. «Что-жъ касается до меня, то дозвольте, ваше высокопревосходительство, мнѣ напомнить, что я при самомъ еще началѣ, когда вы изволили при мнѣ приказывать дѣлать ей архитектору планъ, предъявлялъ вамъ мое опасеніе, не слишкомъ-ли она велика будетъ и не надъ-мѣру-ли дорого обойдется? Но ваше высокопревосходительство на представленіе мое ничего сказать

не изволили». Сего, кажется, довольно было къ моему оправданію, и слова сіи долженствовали бы его обезоружить. Но какъ сего не воспослѣдовало, а онъ продолжалъ изливать свой гнѣвъ на меня, то легко я могъ догадываться, что гнѣвъ его на меня былъ за что-нибудь иное, а совсѣмъ не за сіе, и что помянутыя обвиненія употреблены были только въ предлогъ. Но какъ истинная причина такого неожиданнаго и великаго гнѣва его на меня была мнѣ неизвѣстна, и онъ ни чѣмъ меня болѣе не обвинялъ, то другого мнѣ не оставалось, какъ замолчать и дать ему волю гузыниться, какъ онъ хочетъ. Продлилось сіе, однако, не долго, но онъ скоро кончилъ все, сказавъ: «изволь, судырь, иттить». А я не сталъ долѣе медлить, но тотчасъ и вышелъ, радуясь, что никто гнѣва его на меня не видалъ и словъ его не слыхалъ. Однако, не могъ, чтобъ не почувствовать на сего, дотоль искренно мною любимаго и почитаемаго, человѣка, крайней тогда досады и неудовольствія. А съ другой стороны было мнѣ очень прискорбно и жаль, что лишился его къ себѣ благопріятства, на которое я такъ много надѣялся и потерялъ его къ себѣ благосклонность, самъ не зная за что и почему. Что-жъ касается до г. Юницкаго, то онъ не взялъ его и на глаза къ себѣ, и сей принужденъ былъ, не видавъ его, ѣхать по должности своей въ казенную полату, за которымъ и я туда же въ огорченіи своемъ поѣхалъ.

Но какъ мнѣ въ казенной полатѣ дѣлать было нечего, то, побывъ въ ней немного, поѣхалъ я, по приглашенію, обѣдать къ пріятелю своему Верещагину, и болѣе для того, что надѣялся получить отъ него болѣе, нежели отъ кого другаго въ тогдашнемъ сумнительномъ моемъ дѣлѣ объясненія. Я въ ожиданіи моемъ и не обманулся: я нашолъ хотя все ихъ семейство въ превеликомъ огорченіи, по случаю полученнаго ими печальнаго извѣстія о смерти одного ихъ родственника и лучшаго благодѣтеля, но меня приняли они съ отмѣннымъ благопріятствомъ и, слышавъ отчасти о гнѣвѣ на меня намѣстниковѣ, брали въ огорченіи моемъ искреннее соучастіе. Г. Верещагинъ не преминулъ распросить у меня въ подробности обо всемъ происходившемъ у меня съ намѣстникомъ, и я не усумнился ему, какъ другу, разсказать все бывшее и пересказать отъ слова-до-слова все бывшее. Но какъ я удивился, когда онъ, выслушавъ все сіе и усмѣхнувшись, сказалъ: «и вы думаете, батюшка Андрей Тимоѳеевичъ, что намѣстикъ дѣйствительно за оранжерею на васъ такъ сердился и ополчился?»—«Конечно, отвѣчалъ я ему, ибо другого не остается заключать, по крайней мѣрѣ, ни какой иной вины не знаю за собою».—«Ее ни какой и нѣтъ, подхватилъ онъ, и быть не можетъ; мнѣ извѣстны всѣ ваши дѣянія и вы чисты передъ нимъ, какъ золото; а всему его мнимому на васъ гнѣву есть другая и важнѣйшая причина; и теперь вижу я, что чуть-ли то не правда, что я отчасти маніемъ слышалъ».—«А что такое?» спросилъ я, поразясь чрезвычайнымъ любопытствомъ.—«Что дѣлать? отвѣчалъ онъ, хотя и непріятно для васъ будетъ, но я долженъ, по дружбѣ вашей ко мнѣ, вамъ все сказать и предостеречь васъ отъ всего, могущаго съ вами воспослѣдовать». Симъ смутилъ онъ меня и увеличилъ еще больше мое любопытство. И какъ я приступилъ къ нему съ неотвязною просьбою, чтобъ онъ сказалъ мнѣ все, что́ знаетъ, и чего собственно опасаться мнѣ надобно, то сказалъ онъ мнѣ не иного чего, какъ — потерянія вашего мѣста. «И вамъ, батюшка, чуть-ли не доведется съ нимъ разстаться».—«Какъ это? почему и за что-жъ такое? спросилъ я; что̀ такое я сдѣлалъ и чѣмъ такимъ проступился?» — «Вы, конечно, ничего не сдѣлали, сказалъ онъ, и намѣстнику нѣтъ ни малѣйшей причины на васъ сердиться; но хочется того любимицѣ его Натальѣ Аѳанасьевнѣ, которая прочитъ ваше мѣсто родимому своему батюшкѣ Бунину. Говорятъ, что она давно уже приступала къ нему о томъ съ просьбою, равно какъ и о томъ,

чтобъ сестры ея Варвары Аѳанасьевны мужа, Петра Николаевича Юшкова, перевесть изъ Калуги сюда въ Тулу и доставить ему директорское мѣсто; но онъ все отнѣкивался и отговаривался. Но видно, что ночная кукушка перекуковала денную, и онъ чуть-ли на то уже не согласился и ей не обѣщалъ того сдѣлать. Заключаю я сіе потому, что знаю уже навѣрное, что Юшковъ сюда переводится, а говорятъ, что и за Бунинымъ посланъ нарочный. Итакъ, чуть-ли и обоимъ вамъ съ нынѣшнимъ директоромъ не лишиться своихъ мѣстъ, и чуть-ли весь гнѣвъ намѣстниковъ не для того на васъ воздвигнутъ, чтобъ васъ тѣмъ побудить отъ досады проситься о увольненіи васъ отъ вашей должности, и чтобъ можно было доброю манерою лишить васъ вашего мѣста. А едва-ли, не для самой сей причины и командиру вашему Юницкому весьма онъ не благопріятствуетъ. Не думаетъ-ли онъ и его столкнуть съ мѣста, или, по крайней мѣрѣ, побудить иттить въ отставку, или пріискивать себѣ иное мѣсто». — «Что вы говорите! воскликнулъ я сіе, услышавъ; какъ много благодаренъ я, что вы мнѣ сіе сказали и разрѣшили тѣмъ все мое сумнительство и недоумѣніе. Теперь вижу я и самъ, что чуть-ли все это не такъ; а то, за что̀ бы на меня намѣстнику такъ гнѣваться? Ни *азъ* предъ нимъ согрѣшилъ, ни родители. Словомъ, вы одолжили меня тѣмъ до чрезвычайности, и я долженъ уже брать иныя мѣры и дѣлать то, что̀ Богъ на разумъ наставитъ».

Я и дѣйствительно былъ *сею* поступ*кою* господина Верещагина очень доволенъ; а онъ одолжилъ меня еще больше, разсказавъ потомъ, какіе-и-какіе злые ковы соплетали на меня всѣ мои завистники и недоброхоты, и какъ старалися всячески чернить меня и самого моего командира предъ намѣстникомъ, и какой адскій заговоръ дѣлали они противъ обоихъ насъ, желая и добиваясь всячески, лишивъ насъ управленія надъ волостьми, подвесть ихъ подъ полную власть казенной полаты. Но какъ у намѣстника сovсѣмъ не то было на умѣ, то и не могли они имѣть въ томъ желаемаго успѣха.

Нельзя изобразить, сколь великимъ удивленіемъ и досадою поразился я, все сіе услышавъ. Боже мой! говорилъ я неоднажды самъ себѣ, вздыхая изъ глубины моего сердца; до чего и до чего не можетъ доводить людей проклятое корыстолюбіе? Что такое сдѣлалъ я симъ людямъ, что они такъ противъ меня злодѣйствуютъ и ополчаются? Но, вспомнивъ пословицу, что когда Богъ не выдастъ, то свинья не съѣстъ, и возобновивъ всю мою надежду на Господа, возвергнулъ всю мою печаль на Сего Небеснаго моего Благодѣтеля. А все сіе и поуспокоило меня такъ, что я, безъ примѣтнаго смущенія, но съ веселымъ почти духомъ у Верещагиныхъ отобѣдалъ и, посидѣвъ еще нѣсколько и напившись кофею, поѣхалъ отъ нихъ на квартеру помышлять о томъ, что̀ мнѣ при тогдашнихъ весьма критическихъ и сумнительныхъ обстоятельствахъ предпринять и дѣлать лучше.

Какъ мнѣ доводилось ѣхать мимо самой квартеры г. Юницкаго, то подъѣзжая къ ней, вдругъ вздумалось мнѣ къ нему заѣхать. Стой! сказалъ я самъ себѣ, сёмъ-заѣду я и попредостерегу и его, какъ предостерегли меня добрые люди, а притомъ и объяснюсь съ нимъ обо всемъ короче. И тотчасъ велѣлъ поворачивать на дворъ его. Г. Юницкой только-что легъ было отдыхать послѣ обѣда на канапе, но принужденъ былъ для меня съ нѣкоторымъ нехотѣніемъ встать. Но я его тотчасъ ошарашилъ, сказавъ: «Извините меня, батюшка Василій Васильевичъ, если я помѣшалъ вамъ почивать. Нужда моя и ваша собственная принудила меня теперь къ вамъ заѣхать и пересказать вамъ то, что̀ я сей только часъ узналъ, и чего вы, можетъ быть еще не знаете, и поговорить и посовѣтовать потомъ съ вами, какія мѣры намъ лучше принять къ разрушенію злыхъ кововъ, какіе куютъ противъ обоихъ насъ наши злодѣи и ненавистники, и чѣмъ предохранить себя отъ опасностей, намъ предстоящихъ». У г. Юницкаго прошла вся дрема и охота

къ спанью, при слушаніи сего. Онъ встрепенулся и, схватя меня за руку, повелъ въ свой кабинетъ и, посадивъ подлѣ себя, сталъ усильнымъ образомъ и дружески просить разсказать ему все мною узнанное. Но я, пользуясь тогдашнимъ случаемъ и дружескимъ его къ себѣ расположеніемъ, разсудилъ напередъ съ нимъ о многомъ иномъ пообъясниться, и потому началъ рѣчь свою слѣдующимъ образомъ: «Прежде, нежели я вамъ разскажу самое существо дѣла, дозвольте мнѣ съ вами теперь просто и безъ всѣхъ церемоніаловъ, а дружески кое-о-чемъ пообъясниться, дабы потомъ тѣмъ лучше вамъ доказать, что я далеко не такъ къ вамъ расположенъ, какъ, можетъ быть, постарались внушить вамъ обо мнѣ бездѣльники, и тѣмъ преклонить васъ къ нѣкоторымъ противъ меня посягательствамъ. Уже съ нѣкотораго времени примѣчаю я великую въ поступкахъ вашихъ противъ меня перемѣну, и что вы далеко не такъ ко мнѣ хорошо расположены, какъ имѣлъ я счастіе и удовольствіе сначала видѣть. И какъ причины тому не нахожу иной, кромѣ происковъ, лжи, клеветъ и наговоровъ отъ завистниковъ и недоброхотовъ моихъ, коими по несчастью я окруженъ, старающихся всячески смутить насъ между собою и старающихся чрезъ то причинить вредъ не только мнѣ, но и самимъ вамъ, — то, будучи какъ сначала, такъ и всегда расположенъ къ вамъ съ искренностью души моей и, имѣя къ вамъ нелестное почтеніе, оскорбляюсь весьма оттого духомъ и прошу васъ покорно быть обо мнѣ всегда такого мнѣнія, какое вы имѣли сначала нашего знакомства, и увѣренными въ томъ, что вы не найдете во мнѣ никогда бездѣльника и такого человѣка, который бы хотѣлъ не только предпринимать, но и мыслить противъ васъ что-нибудь злое; но найдете всегда расположеннаго къ вамъ съ искреннимъ дружелюбнымъ и чистымъ сердцемъ и вамъ, столько-жъ какъ себѣ, всякаго добра желающаго».

Г. Юницкой, слушая сіе, блѣднѣлъ и краснѣлъ и хотѣлъ-было прикрывать неблагорасположеніе свое ко мнѣ увѣреніемъ, что онъ никогда въ разсужденіи меня не перемѣнялся. Но я, замявъ его рѣчь, сказалъ ему: «Оставимъ это и теперь поговоримъ о дѣлѣ, за которымъ я пріѣхалъ и которое можетъ благорасположенію моему послужить вамъ доказательствомъ». И разсказалъ ему потомъ все слышанное мною отъ Верещагина, отъ-слова-до-слова. И какъ изъ всего того не было ему ни малѣйшаго чего извѣстно, то не только слушалъ онъ все съ величайшимъ вниманіемъ, удивленіемъ и любопытствомъ, ко всѣмъ услышаннымъ такъ поразился, что, по выслушаніи всего, обнялъ меня, поцѣловалъ и, принося тысячу благодареній, увѣрялъ, что съ сего времени будетъ онъ меня почитать искреннимъ своимъ другомъ, прося чтобъ и я его почиталъ такимъ же. А съ сего пункта времени, и дѣйствительно, сдѣлались мы съ нимъ друзьями, и я во все время продолжавшаго его надо мною начальства, не инако былъ имъ какъ доволенъ.

По окончаніи сего, начали мы съ нимъ уже дружески совѣтовать, что намъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, дѣлать, и какія принимать лучшія мѣры. Я совѣтовалъ и ему такимъ же образомъ поступить, какъ намѣревался я, то есть, не давая и примѣтить, что намъ всѣ злодѣйскіе ковы извѣстны и, презирая оныя, иттить прямою дорогою и стараться о исполненіи только своихъ должностей, предоставляя прочее все съ собою на произволъ Промыслу и смотрѣнію Господню. И какъ онъ совѣтъ мой одобрилъ, то совѣтовалъ я ему далѣе, для узнанія истиннаго мнѣнія и намѣренія намѣстникова, ѣхать на утріе къ нему одному и доложить словесно о нѣкоторыхъ дѣлахъ, относящихся до нашихъ волостей, на которыя необходимо нужно было намъ получить отъ него разрѣшеніе, и примѣчать, какъ онъ сіи доклады приметъ и какъ поступитъ при семъ случаѣ.

Предложеніе сіе понравилось г. Юницкому въ особливости, но ему хотѣлось-

было, чтобъ ѣхалъ и я съ нимъ. Однако, я почиталъ за лучшее ему въ сей разъ не показываться, а смотрѣть, чтò будетъ; и чтобъ ему не позабыть о чемъ ему докладывать, то въ то же время и начеркалъ ему краткую о томъ записку, и потомъ, раскланявшись съ нимъ, поѣхалъ на квартеру, гдѣ, нашедъ у хозяина многихъ гостей, препроводилъ съ ними вечеръ въ разныхъ разговорахъ. Но въ последующую потомъ ночь имѣлъ я сонъ, отъ смущенія душевнаго весьма безпокойный.

На другой день по-утру ѣду я къ директору и, по условію нашему, отпускаю его одного съ докладомъ къ намѣстнику; а самъ возвращаюсь на квартеру, въ любопытномъ ожиданіи чтò будетъ. И не успѣло пройтить и часа, какъ, гляжу, скачетъ ко мнѣ человѣкъ отъ Юницкаго, съ запискою, что намѣстникъ приказалъ, чтобъ я обо всемъ представляемомъ написалъ, по прежнимъ обыкновеніямъ, докладные ему на разрѣшенія пункты, и чтобъ онъ, Юницкой, привезъ ихъ къ нему послѣ обѣда. Почему и просилъ меня г. Юницкой надъ сочиненіемъ ихъ потрудиться и пріѣхать къ нему съ ними къ обѣду.

Удивился я, прочитавъ сію записку, и тѣмъ паче, что я всего меньше ожидалъ такого себѣ повелѣнія. И досадуя все еще на намѣстника, самъ себѣ говорилъ: «Смотри, пожалуй! Вчера разгузынился, самъ не зная за чтò, и меня почти съ безчестіемъ выгналъ, а сегодни я же изволь писать и надоумливать его, чтò ему приказывать и опять моими же руками хочетъ жаръ загребать!» Но какъ неисполнить повелѣваемаго никакъ было не можно, то, подосадовавъ и поговоривъ симъ образомъ еще кое-что себѣ подъ носъ, принялся я за перо. И какъ матерія, которую писать, была у меня давно уже въ головѣ, то тотчасъ и намахалъ цѣлый листъ кругомъ точно такою формою, какою писывалъ я въ прежнія времена свои докладные пункты, и располагая оные такъ, чтобъ намѣстнику оставалось только сказать: «хорошо, и по сему исполнить». И какъ окончаніе строеніемъ каменной оранжереи было однимъ изъ первѣйшихъ пунктовъ, то, поѣхавши къ Юницкому обѣдать, заѣхалъ я по дорогѣ къ архитектору Сокольникову и попросилъ его, чтобъ онъ послѣ обѣда пріѣхалъ къ намъ поговорить съ нами о строеніи оранжереи.

Я засталъ Юницкаго, возвратившагося уже отъ намѣстника и изъ казенной палаты и дожидающагося меня къ себѣ обѣдать, чтò было еще въ первый разъ, ибо до того никогда еще не ѣдалъ я его хлѣба-соли. Онъ, встрѣчая меня, первымъ словомъ спросилъ, привезъ-ли я пункты? «Привезъ привезъ», говорю я, и сталъ потомъ спрашивать, чтò у него происходило съ намѣстникомъ и кàкъ онъ о томъ приказывалъ? «Что! сказалъ онъ, вся моя аудіенція была очень кратковременна. Я пашолъ его не въ духѣ и что-то о чемъ печалющагося и въ огорченіи, и не успѣлъ ему начать дѣлать мои представленія, какъ онъ, не выслушивая ихъ почти, мнѣ сказалъ: ««пожалуйте, скажите Болотову, написать обо всемъ чтò надобно, и на что нужно мое разрѣшеніе, такіе вопросные и докладные пункты, какіе онъ прежде сего писывалъ; онъ это знаетъ, и привезите ко мнѣ ихъ послѣ обѣда; а о ранжереѣ, и какъ бы ее вчернѣ скорѣе и съ меньшими коштами и хлопотами, поговорите вы, вмѣстѣ съ нимъ, съ Кузьмой Семеновичемъ, и посовѣтуйте, и такъ бы онъ и написалъ, какъ за лучшее признаете, и тогда дамъ я на все мое разрѣшеніе»». Вотъ и все, чтò у насъ было, и онъ съ тѣмъ меня и отпустилъ. И теперь надобно бы намъ отыскать Кузьму Семеновича, архитектора».— «Да я къ нему сейчасъ уже и заѣзжалъ; предвидя, что до него дойдетъ дѣло, и онъ обѣщалъ сюда быть послѣ обѣда».— «Очень хорошо, батюшка, сказалъ на сіе Юницкой, и сѣмъ же теперь расхлебаемъ щи вмѣстѣ.—Малой! посылай жену, чтобъ шла садиться за столъ».

Послѣ обѣда сталъ я ему все написанное мною читать, и начали мы обо всемъ говорить и трактовать. Онъ очень дово-

ленъ былъ всѣмъ написаннымъ и говорилъ, что нельзя быть лучше, и признавался, что ему бы такъ не написать. Между тѣмъ, пріѣхалъ и Сокольниковъ, и всѣ мы стали говорить и совѣтовать о ранжереи. И какъ все осталось на томъ, что у меня было уже объ ней написано, то, не долго думая, велѣлъ г. Юницкой запрегать карету и полетѣлъ съ ними къ намѣстнику, прося насъ, чтобы мы, до возвращенія его, посидѣли съ его женою и его бы дождались, на что мы охотно и согласились, ибо я очень любопытенъ былъ узнать, какъ намѣстникъ пункты мои приметъ и не велитъ ли чего прибавить или убавить.

Отсутствіе г. Юницкаго продолжалось не долго. Не прошло еще и часа, какъ, глядимъ, катитъ онъ уже обратно. И не успѣлъ къ намъ войтить, какъ, вынувъ изъ кармана бумаги и отдавая мнѣ ихъ, сказалъ: «Вотъ вамъ онѣ, подписанныя и апробованныя въ полной мѣрѣ». — «Чтожъ, не говорилъ онъ чего и не приказывалъ ли чего?» спросилъ я. — «Почти ничего, отвѣчалъ мнѣ на сіе г. Юницкой; я нашолъ его такимъ кроткимъ, какъ агнца, и никогда еще онъ такимъ благопріятнымъ ко мнѣ не былъ, какъ въ сей разъ. Не успѣлъ меня завидѣть, какъ спросилъ: «Что, судырь, написалъ ли Болотовъ докладные пункты, и привезли ли вы ихъ».—«Вотъ они», сказалъ я, и ему ихъ подалъ. Онъ прочелъ ихъ съ особеннымъ вниманіемъ, и сказавъ, что все очень хорошо и нельзя лучше, взялъ тотчасъ перо, и отмѣтивъ противъ каждаго пункта свое одобреніе, подписалъ оные, и отдавая ихъ мнѣ сказалъ только: «Извольте, судырь, отдать ихъ Андрею Тимоѳеевичу и сказать, чтобъ онъ исполнялъ по онымъ все въ точности». Симъ и кончилось у насъ все и было ни лой, ни масло».

Таковое полное одобреніе и похвала ободрило и польстило меня нѣсколько, но вкупѣ и удивило; ибо я не зналъ, что изъ всего того о намѣстниковомъ къ себѣ расположеніи заключать, и добра ли отъ него, или зла ожидать впередъ надлежало. Однако, поѣхалъ я отъ Юницкаго сколько-нибудь уже съ спокойнѣйшимъ духомъ. И какъ г. Сокольниковъ сталъ звать меня къ себѣ на перепутье, то я охотно на то согласился и просидѣлъ у сего любимаго мною и добраго человѣка до самаго вечера, занимаясь съ нимъ въ разныхъ любопытныхъ и умныхъ разговорахъ.

Возвратясь, наконецъ, на квартеру, сталъ я размышлять обо всѣхъ происшествіяхъ въ тотъ день и, находясь между страхомъ и надеждою, увидѣлъ на столѣ лежащую хозяйскую библію. Тутъ вздумалось мнѣ ее на удачу разогнуть и полюбопытствовать, какое слово вскроется? И какъ же удивился, увидѣвъ стихъ, изображающій почти точь-въ-точь тогдашнее мое положеніе и слова, обѣщающія всемощное вспоможеніе Господне и покровительство отъ враговъ и всѣхъ злодѣйствъ ихъ. Сіе меня такъ ободрило и успокоило, что я, возложивъ все упованіе мое на Господа, проспалъ ночь сію гораздо уже спокойнѣе прежней.

Какъ слѣдующій за симъ денъ назначенъ былъ къ отъѣзду намѣстника изъ Тулы, и г. Юницкой, разставаясь со мною, предлагалъ, чтобъ на утріе ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ намѣстнику, для обыкновеннаго провожанія его въ путь, то, вставъ и одѣвшись поранѣе, поѣхалъ я къ нему, и съ нимъ къ намѣстнику. Тамъ нашли мы всѣ комнаты, набитыя народомъ, собравшимся для провожанія онаго, и намѣстника, невыходившаго еще изъ своей спальни. Но скоро вышелъ и онъ и началъ, по обыкновенію своему, то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ первѣйшихъ чиновниковъ разговаривать. Я въ сей разъ, по-прежнему, никакъ не выдавался впередъ, но, будучи еще на намѣстника въ досадѣ, убѣгалъ отъ него, какъ отъ чорта, боясь, чтобъ не вздумалось ему меня при всѣхъ чѣмъ-нибудь еще ошпетить, и потому скрывался отъ лицезрѣнія его въ толпѣ народа. Къ сему побуждало меня наиболѣе то, что я слышалъ уже многихъ, въявь говорящихъ о

переводѣ г. Юшкова изъ Калуги въ Тулу, а сіе возобновляло всѣ мои подозрѣнія и страхи. Со всѣмъ тѣмъ не могъ никакъ сокрыться отъ взоровъ намѣстника; но, къ удивленію моему, не примѣчалъ я во взорахъ сихъ ничего сердитаго и непріятнаго. И хотя не удостоилъ онъ меня ни единымъ словомъ, но не усматривалъ я и никакого къ себѣ негодованія, а болѣе, казалось мнѣ, что онъ совѣстился, что меня невинно огорчилъ своимъ гнѣвомъ.

Между тѣмъ, какъ все сіе продолжалось, узналъ я, что все мое семейство пріѣхало изъ Москвы и, приставъ у Пастухова, меня съ нетерпѣніемъ дожидается. Услышавъ сіе, горю я какъ на огнѣ и съ нетерпѣливостью дожидаюсь отъѣзда намѣстника. Но какъ оный зачѣмъ-то позамѣшкался, и говорили, что отбытіе его еще не скоро воспослѣдуетъ, то, боясь упустить своихъ, отозвалъ я г. Юницкаго къ сторонѣ, сказываю ему о пріѣздѣ моихъ домашнихъ и, говоря, что мнѣ надобность вмѣстѣ съ ними ѣхать, прошу, не уволитъ ли онъ меня уже совсѣмъ къ своему мѣсту, представляя, что, по всему видимому, намѣстникъ болѣе ничего съ нами о волостяхъ говорить не будетъ. И какъ г. Юницкой охотно на то согласился, то, распрощавшись съ нимъ, лечу я къ своимъ, дожидающимся меня съ нетерпѣніемъ и разсказываю имъ обо всемъ происходившемъ. И какъ у нихъ готовъ уже былъ дорожный обѣдъ, то, отобѣдавъ съ ними, отпускаю ихъ продолжать свой путь, а самъ остаюсь для прiисканія наемныхъ лошадей подъ свой возочикъ, и расположился доѣхать и до дома уже на почтовыхъ.

Не успѣли они уѣхать, какъ напало на меня горе: посыланные за почтовыми лошадьми сказываютъ мнѣ, что ихъ не осталось ни одной и всѣ забраны подъ намѣстника и его свиту, и уѣхали уже изъ города. Досада превеликая, горюю, скучаю, но пособить нечѣмъ. Однако, послалъ еще отъискивать какъ-можно лошадей, и занимаюсь между тѣмъ разговорами съ приходившимъ къ намъ г. Сокольниковымъ. Наконецъ, нашли кое-какъ и привели ко мнѣ лошадей, и хотя было сіе уже въ самые сумерки, но я не медлилъ болѣе ни минуты, но, залегши въ свой возочикъ, пустился въ ночь въ путь къ любезному своему Богородицку.

Ѣдучи симъ образомъ ночью и находясь въ совершенномъ уединеніи, могъ я на досугѣ и на свободѣ заняться уже поболѣе мысленнымъ обозрѣніемъ всѣхъ послѣднихъ происшествій со мною и тогдашняго моего положенія. Чѣмъ обстоятельнѣе я обо всемъ размышлялъ, тѣмъ болѣе находилъ я положеніе мое прямо критическимъ и сумнительнымъ. Мысли о Бунинѣ и о дочери его, любовницѣ намѣстниковой, и все то, что пересказывалъ мнѣ Верещагинъ, не выходили у меня изъ ума; а слышанное о переводѣ Юшкова въ Тулу подтверждало, повидимому, истину, мнѣ сказыванную. Но удивлялся и не постигалъ я мыслями, отчего произошла вдругъ такая перемѣна въ поведеніи противъ насъ намѣстника и примѣтное преложеніе гнѣва его будтобы уже и на милость. Но и могъ ли я тогда постигать сего, не имѣя еще ни малѣйшаго знанія и понятія о томъ, что узналъ я чрезъ нѣсколько дней спустя послѣ сего времени, а именно: что непосредственно почти за тѣмъ, какъ намѣстникъ, изливъ на меня свой гнѣвъ, отъ себя почти выгналъ, получилъ онъ всего меньше имъ ожидаемое извѣстіе, что любовница его и самая та, которая всему сему злу была первоначальною причиною, находясь тогда въ Москвѣ, кончила отъ болѣзни свою жизнь и переселилась въ вѣчность. Вотъ чѣмъ онъ тогда огорчался, какъ пріѣзжалъ къ нему Юницкой. А какъ черезъ то разрушилась и вся связь его съ ея родными, которая начинала и самому ему становиться уже въ тягость, то и произошло отъ того то слѣдствіе, что намѣстникъ всѣ мысли о согнаніи меня съ моего мѣста и о опредѣленіи на оное ея отца откинулъ и меня по-прежнему на ономъ расположил-

ся оставить. И какъ онъ на меня болѣе всѣхъ, относительно до волостей, какъ на вѣрнаго человѣка, надѣялся, то потому-то и приказалъ тогда Юницкому препоручить мнѣ написаніе докладныхъ и имъ потомъ съ такою похвалою апробованныхъ пунктовъ. Все сіе узналъ я уже послѣ и узнавъ не могъ надивиться сплетенію судебъ и обстоятельствъ. И какъ и самый сей случай былъ для меня новымъ доказательствомъ особеннаго попеченія обо мнѣ и покровительства Господня и разрушенія, чрезъ сей случай, всѣхъ злыхъ кововъ, сооружаемыхъ противъ меня моими завистниками и недоброхотами, то не могъ инако, какъ съ чувствіями живѣйшей сердечной благодарности, хвалить и прославлять имя моего Господа и небеснаго моего Отца Благодѣтеля и Покровителя, исторгшаго меня почти очевидно изъ челюстей злодѣевъ и враговъ моихъ, готовыхъ погубить меня.

Теперь, возвращаясь къ прежнему, скажу только, что я, не зная еще всего того, во всю почти дорогу имѣлъ безпокойныя мысли, и ободряло меня единое упованіе на Бога. Съ каковыми мыслями, перемѣнивъ въ Дѣдиловѣ лошадей, поспѣлъ я въ ту же ночь домой и нашолъ уже своихъ, пріѣхавшихъ въ Богородицкъ. А симъ и окончу я сіе письмо, сказавъ вамъ, что я есмь.... и прочее.

(Октября 29 дня 1812 года, въ Дворениновѣ).

Письмо 273.

Любезный пріятель! Симъ образомъ кончилась тогдашняя наша московская поѣздка, стоившая намъ не малаго числа денегъ, а никакой существительной пользы намъ непринесшая. Смущеніе и безпокойство душевное, съ которымъ я въ Богородицкъ возвратился, увеличилось еще болѣе по пріѣздѣ въ оный. Меня встрѣтили увѣдомленіемъ, что недруги и недоброхоты мои злодѣйскими происками и разглашеніями своими чуть-было не возмутили всю волость безъ меня. Они не совѣстились въявь и повсюду разглашать, что въ скоромъ времени я вѣрно смѣненъ буду и на мое мѣсто опредѣлится князь, нашъ городничій. И сей тайный мой ненавистникъ до того даже увѣренъ былъ въ занятіи моего мѣста, что не стыдился и не совѣстился даже принимать отъ многихъ поздравленія себя съ онымъ.

При услышаніи всего того, я наружно хотя и смѣялся симъ пустымъ разглашеніемъ и называлъ ихъ сущими враками, но въ самомъ дѣлѣ заключая, что разглашатели сего съ чего-нибудь сіе брали, подозрѣвалъ, не доставлено-ли имъ какова въ томъ удостовѣренія и не подверженъ-ли я дѣйствительно еще великой опасности. Почему знать, думалъ и говорилъ я самъ себѣ, что у намѣстника на умѣ и не покинулъ-ли онъ послѣ себя какихъ повелѣній, относящихся до опредѣленія на мое мѣсто Бунина или кого другого? Словомъ, слухи сіи такъ меня и все мое семейство смущали и озабочивали, что мы помышляли уже о томъ, какъ бы намъ заблаговременно переправить имѣющіеся у насъ въ деревнѣ маленькіе и кое-какъ слѣпленные хоромцы; такъ, чтобы намъ, въ случаѣ внезапной отставки, можно было въ нихъ жить и имѣть какое-нибудь на первый случай убѣжище; и опасеніе наше было такъ велико, что мы съ сыномъ своимъ начертили уже планъ и придумали какъ бы намъ ихъ переправить и къ житью въ нихъ спокойнѣйшими сдѣлать, нежели каковы они были; и не проходило почты, съ которою бы не ожидали мы какихъ-нибудь непріятныхъ о себѣ повелѣній.

Впрочемъ, не успѣли мы пріѣхать, какъ въ тотъ же день пріѣхалъ къ намъ одинъ бѣдненькій, знакомый дворянинъ, живущій неподалеку отъ нашей алексинской деревни и называющійся Иваномъ Григорьевичемъ Лисенко, и привезшій съ собою меньшаго своего сына, мальчика лѣтъ двѣнадцати или тринадцати, невѣдомо-какъ просилъ меня взять его пожить къ себѣ и поучить чему-нибудь. Намъ, при тогдашнихъ смутныхъ обстоя-

тельствахъ, хотя и не до того было, чтобъ умножать свое семейство чужими и посторонними дѣтьми, однако, подумавъ-погадавъ и видя мальчика неглупаго, довольно остренькаго и выученнаго уже грамотѣ, рѣшился я сдѣлать ему сіе одолженіе и, оставивъ его у себя, расположился поучить его чему было намъ можно. Онъ жилъ у насъ нѣсколько лѣтъ и провелъ время сіе не по-пустому, а заимствовалъ много кое-чего отъ меня и отъ моего сына, научился порядочно писать, ариѳметикѣ, отчасти географіи, изряднёхонько рисовать, а что̀ всего паче—поправился и образовался такъ и въ нравственномъ своемъ характерѣ; что вышелъ изъ него порядочный человѣкъ. Онъ и понынѣ еще живъ и служитъ въ Рижскомъ гарнизонѣ офицеромъ, женился тамъ на офицерской дочери и, имѣя въ форштатѣ собственный домикъ, живетъ порядочно и никакъ не позабылъ, а помнитъ и чувствуетъ и понынѣ оказанное нами ему въ малолѣтствѣ благодѣяніе. Зовутъ его Петромъ Ивановичемъ.

Въ тотъ же день къ вечеру пріѣхала изъ Москвы и отстававшая позади насъ кибитка, со всѣми нашими покупками и книгами, и доставила намъ съ сыномъ превеликое удовольствіе при разбираніи, разсматриваніи и разставливаніи оныхъ. Я уже упоминалъ, что количество ихъ было нарочито велико, и я попромоталъ на нихъ, буде то мотовствомъ назвать можно, таки-довольно денегъ и употребилъ ихъ лучше на сіе, нежели на проигрышъ въ карты или какія-нибудь иныя безполезныя, и кратковременное только удовольствіе доставляющія, издержки. Отъ сихъ, по крайней мѣрѣ, произошла та польза, что онѣ не только тогда мнѣ со всѣми дѣтьми моими доставили несмѣтное множество минутъ пріятныхъ, но и во всѣ послѣдующіе затѣмъ годы и даже и понынѣ и мнѣ, и многимъ другимъ доставляютъ удовольствіе и множество часовъ и минутъ пріятныхъ. Къ числу интереснѣйшихъ книгъ, купленныхъ въ сію мою московскую поѣздку, принадлежали: большая книга съ иллюминованными иностранными произрастеніями; большая библія въ лицахъ и составленная вся изъ однихъ эстамповъ; большая натуральная исторія, со множествомъ эстамповъ; французская исторія народа Божія, состоящая во многихъ и большихъ томахъ; и многія другія.

Черезъ четыре дни послѣ нашего возвращенія, насталъ день рожденія сына моего Павла, которому совершилось тогда ровно 20 лѣтъ отъ роду, и мы, по случаю сего, сдѣлали у себя небольшой праздничекъ и провели сей день съ удовольствіемъ, хотя по вышеупомянутымъ причинамъ и разсѣвающимся повсюду отъ-часу больше о скорой намъ смѣнѣ слухомъ, не совсѣмъ съ покойнымъ духомъ. Около сего же времени возвратились изъ Москвы и наши Ламковскіе родные въ свою деревню, и съ сего времени начались у насъ опять частыя свиданія и другъ къ другу переѣзды. А я, около сего же времени, послалъ въ Алексинъ прошеніе о формальномъ опредѣленіи меня опекуномъ надъ имѣніемъ малолѣтнаго и живущаго у меня моего племянника, котораго изъ деревни привезли наши съ собою.

Вскорѣ послѣ сего имѣлъ я чувствительное удовольствіе пожать въ первый разъ плоды отъ трудовъ моихъ, употребленныхъ на отмежеваніе покупной моей земли въ Кирсановской деревнѣ. Пріѣхавшій оттуда прикащикъ мой привезъ ко мнѣ въ сей разъ изрядный и такой доходецъ, какова я до сего никогда еще не получивалъ. Оный простирался уже до 800 рублей, вырученныхъ на большую часть и за отдаванную уже въ наймы, отмежеванную мнѣ землю, и меня сіе довольно порадовало.

Въ самый сей день пріѣхалъ къ намъ въ Богородицкъ и командиръ мой, г-нъ Юницкой, котораго мы къ себѣ уже и ждали; ибо около сего времени вышли сроки одной части отдаточныхъ нашихъ земель и надлежало ихъ переоброчивать, и ему хотѣлось самому быть при торговлѣ сей. Съ нимъ, къ удивленію нашему, пріѣхала и жена его, и оба они распо-

ложились въ флигелѣ зáмка. Пребываніе его въ сей разъ у насъ продлилось дня три или четыре, которые, по случаю бывшей въ оные торговли и переоброчки земель и съѣхавшагося для сего многова дворянства и простаго народа, преисполнены были для насъ множествомъ суетъ, хлопотъ и безпокойствъ. Но мы, по крайней мѣрѣ, ради были, что все происходило у насъ мирно, ладно, спокойно и хорошо. Г. Юницкой обходился со мною такъ, какъ съ другомъ, и ничего почти не предпринималъ, безъ согласія моего и совѣта, и былъ болѣе свидѣтелемъ, нежели производителемъ всѣхъ дѣлъ, которыми распоряжать поручалъ мнѣ, какъ болѣе его сіе дѣло знающему. А я распорядилъ все сіе дѣло такъ, что мы оное скоро и въ одинъ день почти и тàкъ кончили, что всѣ остались довольными; а нѣкоторое неудовольствіе получили только тульскіе господа, а особливо члены казенной полаты, которымъ весьма-было хотѣлось, получивъ земли наши за дешевую цѣну, нагрѣть себѣ отъ нихъ руки, но въ надеждѣ своей обманулись. Но тому уже не мы, а они сами были виноваты, опоздавъ и приславъ торговаться тогда, когда земли всѣ уже розданы были. Сіе случилось не нарочно, а очень кстати, и равно какъ бы въ наказаніе за злые ихъ противъ обоихъ насъ съ Юницкимъ умыслы.

По окончаніи сего дѣла, объѣздилъ г. Юницкой со мною и осмотрѣлъ всѣ нужнѣйшія мѣста въ Богородицкѣ, также посѣтилъ меня, нашего городничаго и многихъ другихъ въ городѣ, и даже самихъ секретарей моихъ, и всѣ остались имъ и поступками его довольными. А потомъ проводилъ я его въ Бобрики; но и тамъ все у насъ было хорошо и ладно. А все сіе и начало меня нѣсколько успокоивать, и тѣмъ паче, что, по увѣренію Юницкаго, не слышно было въ Тулѣ ни о какихъ особенныхъ отъ намѣстника въ разсужденіи обоихъ насъ повелѣній. А Юшкова хотя и перевели въ Тулу, но онъ опредѣленъ только совѣтникомъ въ казенную полату, а не въ директоры. А какъ чрезъ нѣсколько дней послѣ сего и слышали мы о смерти г-жи Буниной, любовницы намѣстниковой, то и совершенно успокоились и перестали смѣны опасаться.

Вскорѣ по отъѣздѣ Юницкаго удивилъ насъ всѣхъ мой племянникъ, уѣхавъ отъ насъ тайкомъ въ свою деревню, съ проѣзжавшимъ чрезъ Богородицкъ и къ намъ заѣзжавшимъ своимъ человѣкомъ. Молодчику сему не полюбилось жить у насъ въ неволѣ и въ повиновеніи, и притомъ еще трудиться и учиться, а восхотѣлось жить дома одному на волѣ вѣтренѣтъ (sic) и дѣлать, что захочется. Итакъ, не успѣлъ я отпустить отъ себя помянутаго человѣка, какъ, погляжу, сгибъ у насъ и пропалъ нашъ Андрей Михайловичъ. Я спрашиваю того, спрашиваю другого, гдѣ онъ и куда дѣвался, но никто не зналъ и не вѣдалъ, и на-силу-насилу узнали отъ видѣвшихъ его бѣжавшаго вслѣдъ за кибиточкою поѣхавшаго его человѣка и сѣвшаго съ нимъ на возъ и уѣхавшаго. Господи! какъ я тогда на него вздурился отъ досады, и хотѣлъ-было уже посылать унтеръ-офицера и людей за нимъ въ погоню, чтобъ его притащить назадъ, и дѣйствительно бы послалъ, еслибъ полученное въ самое то время изъ деревни моей письмо меня не остановило. Онымъ увѣдомляли меня, что дурочка, родная его замужн*ая* сестрица, вздумала подать на меня въ Алексинѣ подозрѣніе и безсовѣстнымъ образомъ на меня клевеща, всячески старалась оттѣснить меня отъ опекунства надъ ея братомъ.

Сіе вздурило меня еще больше, и я, въ неизъяснимой досадѣ, восклицалъ и говорилъ самъ себѣ: «Боже мой! какіе это глупые, безсовѣстные, безстыдные и неблагодарные люди!» Я со всею искренностью души моей и сердца желалъ негодному этому мальчишкѣ добра и хотѣлъ объ немъ, какъ отецъ, постараться, его всему доброму научить, собрать ему до возраста его довольный капиталецъ, вывесть его въ люди и обо всемъ, до его существительной пользы относя-

щемся, имѣть попеченіе, а они мнѣ въ томъ наиглупѣйшимъ и досаднѣйшимъ образомъ мѣшаютъ и, вмѣсто добра, стараются причинить ему существительное зло и сдѣлать чрезъ то несчастнымъ! А какъ въ самое то время разсказали мнѣ люди мои многое такое о мальчишкѣ семъ, чего я до того не вѣдалъ, а именно, что онъ крайне былъ недоволенъ тѣмъ, что я его къ себѣ на воспитаніе взялъ и меня за то даже злословилъ и ругалъ и умышленно не хотѣлъ ничему учиться, и притомъ всѣми поступками своими изъявлялъ въ себѣ злой и совсѣмъ негодный характеръ, и о томъ только давно уже помышлялъ, какъ бы ему изъ рукъ моихъ вырваться и жить одному дома и на своей волѣ,—то все сіе такъ меня вздурило, что я въ огорченіи сказалъ: «о, когда такъ, и онъ самъ себѣ добра не желаетъ, и притомъ еще такъ дурно противъ меня расположенъ, такъ и наплевать! Пускай же сестрица его и печется объ немъ какъ хочетъ, и живетъ онъ какъ себѣ хочетъ. Мнѣ же меньше хлопотъ и трудовъ оттого будетъ!» А какъ и домашніе, и родные мои были такова же о семъ мнѣнія и говорили, что Богъ еще знаетъ, не нажить бы намъ чрезъ усильное и противъ его воли стараніе о его пользѣ вѣчной отъ него себѣ ненависти и злобы, то, подумавъ-погадавъ, и рѣшился я все бросить, и дѣлу сему давъ натуральное теченіе, переслать къ нему и всѣ собранныя-было и у меня хранившіяся его деньги, которыхъ и въ самое кратковременное управленіе его деревнями успѣлъ я уже накопить до нѣсколько сотъ. Что, при случившемся вскорѣ послѣ сего вѣрной оказіи, дѣйствительно и сдѣлалъ, взявъ съ людей его, съ которыми я оныя къ нему при письмѣ послалъ, въ полученіи ихъ росписку. А симъ образомъ и отбылъ сей молодецъ изъ-подъ моей власти.

Все сіе происходило въ половинѣ марта мѣсяца, котораго всю достальную половину провелъ я въ обыкновенныхъ моихъ дѣлахъ и литературныхъ упражненіяхъ, также въ неоднократномъ угащиваніи пріѣзжавшихъ ко мнѣ разныхъ гостей. И однажды, и какъ теперь помню, 21 марта, столкнулось у меня вдругъ ихъ такое множество, что составилась у меня для нихъ нарочитая пирушка и многолюдный ужинъ, и мы весь вечеръ провели въ танцахъ и въ другихъ увеселеніяхъ. Но достопамятно было притомъ то, что въ числѣ ихъ находился одинъ молодой тульскій дворянинъ, по фамиліи Тромбергъ, имѣвшій виды на дочь мою Настасью, которая около сего времени была давно уже совершенною невѣстою. За нее отыскивался-было уже женишокъ во время пребыванія нашего въ Москвѣ и пріѣзжалъ къ намъ ее посмотрѣть и себя показать. Но мнѣ какъ-то онъ не совсѣмъ показался, и потому дѣло съ нимъ не пошло въ даль. Былъ онъ изъ фамиліи господъ Гагиныхъ, изъ дворянъ Епифанскихъ. Что-жъ касается до помянутаго Тромберга, то былъ онъ малой изрядной и, можетъ быть, была бы Настасья наша и счастлива за нимъ, но, видно, въ книгахъ судебъ не написано было, чтобъ ей быть за нимъ. И потому, сколько зять мой, затѣвавшій сіе дѣло и бывшій ему руководителемъ, объ ономъ ни старался, однако, оно что-то не пошло въ даль, и такъ остановилось.

Далѣе достопамятно было, что въ самое то время, когда мы ввечеру сего дня подъ музыкою прыгали и веселились, пріѣхали къ намъ другіе неожидаемые и для насъ пріятные гости: зять тетки Матрены Васильевны Арцыбышевой, Левъ Савичъ Крюковъ, съ сыномъ ея Петромъ Андреевичемъ, роднымъ племянникомъ моей тещи. Онъ служилъ тогда въ артиллеріи офицеромъ и пріѣжжалъ тогда на короткое время въ отпускъ къ матери своей, съ которою онъ давно уже не видался. Будучи у ней одинъ и всего имѣнія ея наслѣдникомъ и какъ мы знали его только мальчикомъ и отмѣнно за хорошее его поведеніе и охоту къ наукамъ любили (съ того же времени какъ дядя его, Дмитрій Васильевичъ Арсеньевъ, взявъ его отъ матери, опредѣлилъ въ артиллерійскій кадет-

скій корпусъ, его не видали),—то были мы гостю сему очень рады. Онъ выросъ уже большимъ и по наружному виду казался молодцомъ добрымъ и хорошимъ офицеромъ. Но какъ въ последующій день, который они оба у насъ прогостили, поразсмотрѣли и поиспытали его короче и притомъ, разговорясь объ немъ съ г. Крюковымъ, узнали объ немъ, что характеръ его не слишкомъ былъ хорошъ, и что замѣтили они въ немъ охоту и наклонность къ питью и игрѣ картежной и совершенное нехотѣніе жить въ деревнѣ, а что всего хуже—непочтеніе къ закону, то не могли довольно натужиться о томъ, что онъ въ совершенной еще молодости своей успѣлъ такъ развратиться, что не подавалъ о себѣ всѣмъ намъ, ближнимъ его родственникамъ, ни какой хорошей надежды.

Вскорѣ за симъ стала наша зима сходить и началась половодь. Вмѣстѣ съ нею наступила и Страстная недѣля, которую провели мы въ обыкновенномъ богомоліи, говѣніи, и со всѣмъ семействомъ исповѣдовались и причащались; причемъ, съ особливымъ удовольствіемъ сердечнымъ, примѣтилъ я въ сынѣ моемъ отмѣнную приверженность къ религіи и истинное почитаніе всего, относящагося къ нравственности и къ христіанству, чему всему не могъ я довольно нарадоваться и благодарить Господа, что благословилъ Онъ стараніе и труды мои ко вперенію въ него съ малолѣтства таковой склонности. День Пасхи случился у насъ въ сей годъ 13 апрѣля, и я не помню, чтобъ когда провели мы сей день такъ весело, какъ въ сей разъ. Все семейство мое было вмѣстѣ, всѣ мы были здоровы, веселы и безъ малѣйшаго огорченія; погода была наипрекраснѣйшая, вешняя, воздухъ теплый, трава уже зеленѣла. Передъ домомъ у насъ сдѣланы были качели, всѣ мы гуляли уже по садамъ, качались, занимались пріятнымъ чтеніемъ и разговорами. Лизка съ мужемъ была также съ нами, и ни чего намъ не доставало. Словомъ, весь сей день провели мы счастливо и благополучно; а такимъ же почти образомъ провели мы и всю Святую недѣлю, съ тою только разностью, что не было почти дня, въ который бы не было у насъ гостей, или бы мы куда не ѣздили.

Какъ по прошествіи оной, открылась уже совершенная весна и начались наружныя, а особливо садовыя работы и упражненія, занялся я, по охотѣ своей, и садами, и упражнялся въ посадкѣ разныхъ деревъ и произрастеній, имѣлъ и отъ того множество минутъ пріятныхъ. Впрочемъ, во все теченіе апрѣля мѣсяца не произошло у насъ ни чего важнаго и особливаго.

По наступленіи мая мѣсяца, надобно мнѣ было съѣздить въ Тулу, для отвоза въ казенную полату нашихъ денегъ, и поѣздка сія была хотя кратковременная, но для меня очень трудная и памятная. Отъ случившагося около сего времени ненастья, непросохлыя еще совсѣмъ дороги такъ растворились и сдѣлались грязны, что въ каретѣ ѣхать и подумать было не можно, и я рѣшился ѣхать въ сей разъ въ кибиткѣ; но скоро раскаялся въ томъ, ибо меня такъ измучило и затрясло, что я, пріѣхавши въ Дѣдиловъ кормить лошадей, сдѣлался какъ дряхлый, и меня такъ всего разломило, что я ни когда еще такой усталости въ себѣ не чувствовалъ. По выѣздѣ оттуда, повстрѣчался со мною человѣкъ Андрея Михайловича, ѣдущій отъ него ко мнѣ съ письмами отъ него и отъ нашего попа приходскаго. Молодецъ раскаялся уже въ своемъ противъ меня поступкѣ и просилъ, чтобъ я его простилъ и принялъ опять въ милость. Попъ писалъ ко мнѣ тоже. Но какъ я усматривалъ, что это не его, а попово дѣло, и раскаяніе его было не чистосердечное, то и велѣлъ я человѣку ѣхать въ Богородицкъ и меня тамъ дожидаться. Самъ же, продолжая путь, хотя съ великимъ трудомъ и безпокойствомъ, но въ тотъ же день пріѣхалъ въ Тулу и остановился въ сей разъ у друга моего, Антона Никитича Сухотина, а на утріе, взявъ у хозяина карету, съѣздилъ на часокъ къ г. Юниц-

кому, который все продолжалъ быть ко мнѣ благопріятнымъ, а потомъ, сдавъ въ казенной палатѣ казну, съѣздилъ въ ряды, искупилъ кое-что для себя нужное, повидался кое-съ-кѣмъ изъ своихъ знакомыхъ и, переночевавъ у г. Сухотина, пустился опять въ обратный путь и возвратился въ свое мѣсто.

Тутъ первое мое дѣло состояло въ обратномъ отправленіи человѣка Андрея Михайловича, съ письмами къ нему и къ попу нашему, Евграфу. Въ оныхъ изобразилъ я всю мою чувствительность къ первому и сказалъ, что я о принятіи деревень его въ свое управленіе напередъ подумаю и не инако къ тому соглашусь, какъ по формальной отдачѣ мнѣ ихъ въ опеку Алексинскою дворянскою опекою. и о чемъ онъ долженъ самъ стараться и тѣмъ доказать мнѣ искренность своего раскаянія. Я и въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ не инако, какъ гораздо-и-гораздо о томъ подумать и никакъ не спѣшить симъ дѣломъ.

Послѣ сего вся первая половина сего мѣсяца прошла безъ всякихъ дальнихъ особливостей, кромѣ того, что матушкѣ тещѣ моей, восхотѣлось съѣздить въ Ефремовъ въ гости къ невѣсткѣ своей Матренѣ Васильевной. Она подзывала и меня съ собою; но какъ мнѣ въ такую даль ѣхать не хотѣлось, то отговорился я недосугами, а отпустилъ одну ее съ моимъ сыномъ и дочерью Настасьей; куда и проѣздили они болѣе недѣли.

Едва только они изъ сей поѣздки своей къ намъ возвратились, какъ съ первою потомъ почтою получилъ я изъ Петербурга претолстый пакетъ изъ Экономическаго Общества. По вскрытіи онаго нашелъ я двѣ толстыя, новонапечатанныя книги послѣднихъ «Трудовъ Общества», при краткомъ письмѣ ко мнѣ объ нихъ г. Нартова.

. . . .

О первой изъ сихъ книгъ, содержавшей въ себѣ только 5 статей, вообще можно сказать, что находилось въ ней мало добраго и такого, что бъ могло послужить въ пользу. Что-жъ касается до второй, въ которой и мое сочиненіе было напечатано, то находилось въ ней 9 піэсъ, и первая изъ нихъ была новая, необыкновенная, особаго рода, въ особливости любопытная, и такая, каковыя давно бы надобно было сообщать Обществу для свѣдѣнія публики. Она содержала въ себѣ историческое описаніе разныхъ происшествій въ Экономическомъ Обществѣ. Сію піэсу читали мы съ особливымъ любопытствомъ, похвалили за предпріятіе сіе Общество и желали, чтобъ сообщали они и впредь тому подобныя, поелику могли бы тѣмъ побуждаться многіе къ переппскѣ съ Обществомъ лучше, нежели обѣщаніями ихъ награжденій, ибо, по крайней мѣрѣ, всякій могъ бы находить тутъ свое имя и описаніе того, что онъ для Общества сдѣлалъ. Между прочимъ, упомянуто тутъ было и обо мнѣ и объявлено, что я прислалъ въ Общество разноцвѣтные пески свои и лѣчебные камни отъ разныхъ болѣзней.

Но какъ бы то ни было, и сколь сія новая задирка была ни маловажна, однако, получивъ сей осьмой подарокъ отъ Общества, совѣстно уже мнѣ было оставаться долѣе въ молчаніи. Долгъ требовалъ, по крайней мѣрѣ, увѣдомленія о полученіи оныхъ и сказанія спасиба. Итакъ, хотя я и пребывалъ еще непреклонно въ намѣреніи своемъ не учащать своими сочиненіями, однако, рѣшился къ нимъ хоть вкратцѣ отписать и, увѣдомивъ о полученіи книжекъ, поблагодарить для пристойности. А дабы письмо не было совсѣмъ пусто, то повеселить ихъ какою-нибудь бездѣлицею и отписать хоть нѣсколько словъ о ихъ сибирской гречихѣ. Со всѣмъ тѣмъ я и симъ не слишкомъ спѣшилъ, но не прежде собрался къ нимъ писать, какъ уже по наступленіи четвертаго почтоваго дня.

. . . .

Теперь, возвращаясь назадъ ко времени полученія помянутыхъ книгъ, скажу, что въ самое то время занимались мы съ сыномъ помышленіями о покупкѣ се-

бѣ земли, и вотъ по какому случаю. Не подалеку отъ Богородицка и въ смежствѣ (sic) съ волостною землею, находилось нѣсколько деревень и земляныхъ дачъ, принадлежащихъ славному въ сіе время провору, буяну, игроку и богачу Семену Ивановичу Игнатьеву. Сему пролазу вздумалось распустить повсюду слухъ, что онъ намѣренъ изъ деревень сихъ людей и земляныхъ угодей распродать въ розницу столько, сколько кому угодно и выкинуть первому моду продавать людей особо и землю особо, которая, къ сожалѣнію, скоро вошла и во всеобщее обыкновеніе. И какъ мѣста, земли и угодья сіи были хорошія и весьма выгодныя, то слухъ сей вскружилъ у весьма многихъ умы и головы. Всѣмъ захотѣлось мѣста сіи видѣть и покупать. И какъ въ числѣ ихъ находились и нѣкоторые изъ нашихъ друзей и знакомцевъ, то сіи возбудили и во мнѣ съ сыномъ помышленія о покупкѣ хотя небольшой части изъ сихъ земель, а особливо въ дачахъ самой ближней къ Богородицку деревни, называемой «Олень». Обоимъ намъ весьма хотѣлось имѣть, по близости Богородицка, хотя маленькую деревеньку, а на первой случай хотя нѣсколько десятковъ десятинъ своей собственной земли. Итакъ, согласившись съ г. Алабинымъ и взявъ съ собою верховыхъ лошадей, поѣхали всѣ трое мы туда въ каретѣ, и тамъ, сѣвши на лошадей, ну ѣздить сперва вокругъ по рубежамъ, а тамъ по всѣмъ симъ деревнямъ и угодьямъ, осматривать и выбирать мѣста, для себя удобнѣйшія. Ѣздили, ѣздили, и до того доѣздились, что я, по давнишней отвычкѣ отъ верховой ѣзды и имѣя подъ собою неспокойную и тряскую лошадь, такъ измучился, и меня такъ растрясло, что не могъ почти съ мѣста сойтить, и невѣдомо-какъ радъ былъ, когда добрались мы опять до своей кареты. Но ѣзда сія вышла и тогда уже по-пустому, и труды наши выходили тщетными и напрасно потерянными, ибо хотя мы и приискали себѣ мѣстечко, полюбившееся намъ очень, но, узнавъ о цѣнѣ, по какой хотѣлось продать ему каждую десятину, отъ высокости ея даже содрогнулись и впали въ великое сомнѣніе и нерѣшимость — торговать-ли ее, или нѣтъ? Ибо цѣна была необыкновенная, и я, судя о количествѣ потребныхъ на покупку оной денегъ, опасался, чтобъ не впасть въ долги и не навалить на себя хлопотъ множества и себя тѣмъ не разстроить.

Чрезъ два дни послѣ сего было у насъ Вознесенье, и какъ въ самый сей праздникъ случилось быть дню рожденія моего зятя, то поѣхали мы всѣ къ нему въ Ламки праздновать оный. Тамъ не успѣли мы отобѣдать, какъ увидѣли скачущаго въ коляскѣ мимо насъ командира моего г. Юницкаго, о пріѣздѣ котораго мы ничего не слыхали. Неожидаемость сія перетревожила меня чрезвычайно. Мы тотчасъ послали людей его догонять и смотрѣть, куда онъ пробирается? И какъ сказали намъ, что на волостную деревню Крутое, лежащую на большой дорогѣ къ Богородицку, то позабыли и праздникъ, и все, а закричали: «давай, давай, скорѣе, карету и лошадей!» и скакать прямою дорогою въ Богородицкъ, чтобъ успѣть пріѣхать прежде его. Скачемъ во всю прыть, поспѣшаемъ сколько можно, пріѣзжаемъ, думаемъ, что онъ уже тамъ, но узнаемъ, что его еще нѣтъ, и не бывало. Обрадовавшись тому, ну мы его ждать. Ждали, ждали и жданки всѣ прождали, но директора нашего нѣтъ. Господи! думаю и говорю я, куда же онъ дѣлся? И отъ нетерпѣливости посылаю въ Крутое объ немъ провѣдывать, и какъ между тѣмъ наступила ночь, то ложусь себѣ спать. Но что-жъ вышло? Намъ и не ума того, что и ему та-же продаваемая Игнатьевская земля вскружила также, какъ и намъ, голову, и что и онъ безъ памяти мимо насъ изъ деревни своей проскакалъ ее же осматривать, и между тѣмъ, какъ мы его ждали, всю ее успѣлъ объѣздить и осмотрѣть, и проѣхалъ въ тутошнее село Игнатьева, Кибенъ, дожидаться его пріѣзда.

Узнавъ о семъ по-утру, рѣшился я ѣхать

къ нему въ Кибенъ, дабы видѣть и Игнатьева. Князь Назаровъ присылаетъ ко мнѣ спрашивать, не поѣду-ли я въ Кибенъ, и не возьму-ли его съ собою? «Очень хорошо, милости просимъ!» Итакъ, сѣвши въ карету, ѣдемъ мы вмѣстѣ; пріѣзжаемъ въ Олень, тутъ встрѣчаемся съ Хомяковымъ и Шушеринымъ, ѣдущими также осматривать землю; слышимъ отъ нихъ, что Юницкой торгуетъ и хочетъ купить самое село. Ѣдемъ туда, встрѣчаемся съ нашимъ лѣкаремъ. Игнатьевъ и ему продажею своею вскружилъ голову. Пріѣзжаемъ въ село; находимъ тамъ съ Юницкимъ и Игнатьевымъ многихъ еще другихъ: Сокорева, Темешова, землемѣра Кислинскаго и накрытый столъ. Игнатьевъ радъ, всѣхъ угощаетъ обѣдомъ. Между тѣмъ начинается говоренье о землѣ, и вкупѣ пьянство. Пьютъ всѣ вплотную. У Игнатьева то лучшее ремесло, чтобъ всѣхъ поить. Говорятъ много, а все пустяки. Игнатьевъ всѣмъ обѣщаетъ, но никому рѣшительно ничего. Я вижу, что не выйдетъ ничего и не радъ, что пріѣхалъ. Запоилп-было и меня въ-прахъ. Я—говорить, что не пью; я—божиться и клясться; но статочное-ли дѣло! Не хотятъ и слушать; а пей съ ними шампанское и другія вины. Чтò ты изволишь! Изгага замучила отъ непривычки. Но, спасибо, Юницкой, скоро послѣ обѣда собрался ѣхать, и прямо въ Тулу. Радъ я тому невѣдомо-какъ. Игнатьевъ поскакалъ вслѣдъ за нимъ провожать его до большой дороги. Я, видя, что нечему не бывать, рѣшился ѣхать за ними вслѣдъ. Дорогою располагаюсь проѣхать одинъ, верхомъ, въ Ламки, а карету отпустить домой, за женою. Но вдругъ наѣзжаю на большой дорогѣ Юницкаго съ Игнатьевымъ, пьющихъ на разставаньѣ. Давай поить еще и меня! Хоть не радъ, а принужденъ былъ еще стаканъ выпить. Господи! какъ досадно, но нечего дѣлать! Наконецъ, разстались они, и Юницкой поскакалъ въ Тулу. По отъѣздѣ его, спрашиваю я еще Игнатьева о землѣ, но онъ отказываетъ мнѣ прямо въ Оленевской дачѣ, а предлагаетъ Дубовскую и уговариваетъ, чтобъ я ѣхалъ съ нимъ въ село назадъ ночевать, а по-утру чтобъ объѣздилъ тамъ хорошенько и назначилъ самъ сколько мнѣ надобно. Симъ возжигаетъ онъ во мнѣ опять желаніе. Дубовскую его я видѣлъ и мнѣ и тамъ мѣсто очень полюбилось. Итакъ, соглашаюсь на его предложеніе. Онъ уговариваетъ меня, чтобъ я сѣлъ вмѣстѣ съ нимъ на его линейку, и я, какъ напе́сть, и въ томъ его послушался, и къ нему сѣлъ, а каретѣ велѣлъ своей позади ѣхать. Везетъ насъ тройка предорогихъ и пылкихъ лошадей. Сперва ѣдемъ порядочно, потомъ немного скорѣе, а тамъ закричалъ онъ: «пу!» и въ одинъ мигъ лошади равно-какъ взбѣленились и поскакали во всю прыть. У молодцевъ, товарищей моихъ, голова натресена какъ нельзя больше, и имъ это любо. Я говорю, нельзя-ли тише, а они еще пуще. Я прошу и молю, а они только кричатъ: «погоняй!» Господи! какъ мнѣ тогда было досадно! Отъ роду моего никогда я такъ скоро не ѣжживалъ; мозгъ, истинно, ажно трясся въ головѣ, и я того и смотрѣлъ, что колесы наши разлетятся въ-прахъ. Держусь за кучера и за дрожки, чтобъ не слетѣть, и въ торопяхъ роняю изъ рукъ свою трость. Я кричу: «стой! стой! трость! трость упала!» Но куда тебѣ, чтобъ остановиться а повторяютъ только крикъ: «ступай! ступай!» Чтò ты изволишь! Истинно, я отчаявался даже и того ждалъ, что всѣ мы стремглавъ полетимъ и перебьемся, и проклиналъ почти самъ себя въ мысляхъ, что послушался и поѣхалъ. По счастью моему, приди наконецъ въ самой деревнѣ гора, и велѣли тише ѣхать. Тогда, не долго думая, скокъ! я съ дрожекъ долой, и «прахъ васъ побери!» говорю: «скачите, какъ хотите, а я дождусь кареты и пріѣду въ ней».

Симъ образомъ избавившись отъ страха и опасности очевидной, пошелъ я назадъ, на встрѣчу поспѣшающей за нами кареты и, отыскавъ оброненную свою трость и дождавшись кареты, сѣлъ въ нее и поѣхалъ-было вслѣдъ за ними. Но вдругъ одумываюсь и говорю самъ себѣ: «ужъ

ѣхать-ли туда? компанія тамъ пьяная, станутъ опять принуждать пить; Игнатьевъ, пьяный, — неугомоненъ; да и спать не на чемъ и ничего съ собою нѣтъ; не лучше-ли ѣхать ночевать, поближе, въ Ламки, благо князь Кропоткинъ хотѣлъ туда пріѣхать и со мною познакомиться. Ей ей, такъ! и это будетъ и здоровѣе и лучше!» И тотчасъ закричалъ кучеру: «стой! поворачивай назадъ, и ступай въ Ламки!» Ѣду туда новою дорогою, замучившись и страдая отъ изгаги. Пріѣзжаю наконецъ, а за мною и князь на дворъ. Я радъ, нахожу тутъ и брата зятя моего, Александра Гарасимовича, и узнаю, что и онъ хочетъ купить себѣ земли, и намѣренъ ѣхать вмѣстѣ съ нами на утріе ее осматривать. Итакъ, со всѣми ими провождаю я весь вечеръ и ночую тутъ спокойно.

По-утру просыпаюсь рано, бужу ночевавшаго тутъ же съ нами моего сына и Александра Шишкова. На дворѣ ненастье. Горе наше! Но такъ и быть. У Павла болитъ голова. Но такъ и быть! собираемся и пускаемся въ путь. Ѣдемъ другою дорогою, но сія того еще хуже. Пріѣзжаемъ въ Кибенъ и находимъ всѣхъ почти еще спящихъ. Собираемся, ѣдемъ всѣ верхами осматривать Дубовку и все, что нужно. Находимъ удобность, всѣ прельщаемся, всѣ о продажѣ просимъ, всѣмъ дается обѣщаніе со всѣми мытарствами, а въ самомъ дѣлѣ — никому ничего. Возвращаемся въ *село*, обѣдаемъ, говоримъ еще, и наконецъ выплось ничто. Видимъ, что изо всего ничего не будетъ, и быть не можетъ ни чего. Смѣемся сами себѣ и тому, что дали Игнатьеву себя подурачить и съиграть съ нами со всѣми шутку. Распрашиваемся и ѣдемъ домой, и всѣ въ Ламки, и тамъ провождаемъ достальное время дня съ удовольствіемъ и ночуемъ еще тутъ, куда пріѣхала изъ Богородицка и жена моя. Александръ Гарасимовичъ землю покупать раздумалъ, а и я также, и всѣ мы оставляемъ спокоемъ это дѣло, подосадовавъ за шутку сію на Игнатьева, у которого и дѣйствительно землю сію тогда никто не купилъ и купить было не можно.

Въ послѣдующій день всѣ гости разъѣхались по домамъ, а и мы возвратились въ Богородицкъ. Но симъ и окончу я сіе письмо, сказавъ вамъ, что я есмь, и прочее.

(Октября 30 дня 1812 года, въ Двоениновѣ).

Письмо 274.

Любезный пріятель! Мѣсяцъ іюнь начался у насъ въ сей годъ самымъ Троицынымъ днемъ, который праздникъ провели мы въ сей разъ очень весело, и такъ хорошо, какъ ни когда его не провождали. Всѣ мы, будучи у обѣдни въ церкви, сговорились со всѣми городскими съѣхаться послѣ обѣда всѣмъ въ нашъ паркъ или прекрасную рощу, подлѣ магазина, погулять въ оной. Съѣздъ и собраніе было превеликое, погода была наипрекраснѣйшая и наиспособнѣйшая для гулянья; итакъ, мы тамъ гуляли, пили чай, потомъ полудновали, а послѣ того утѣшались взятою съ собою музыкою, и молодежь подъ нее потанцовала. Смѣхи, издѣвки и разныя игры занимали прочихъ. Словомъ, всѣ мы были въ удовольствіи превеликомъ, а нагулявшись въ рощѣ, пошли изъ ней пѣшкомъ всѣ въ большой дворцовый садъ, ходили по оному. Музыка послѣдовала за нами, и мы, утѣшаясь оною, провели тутъ и весь вечеръ съ особливою пріятностью, и разошлись уже, когда начало смеркаться.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, случилось со мною одно, хотя ничего незначущее, но для меня очень памятное происшествіе. Вошедши въ одинъ день по-утру въ свой садикъ, нашелъ я въ немъ на одной лужайкѣ молодого барашка, привязаннаго на веревочкѣ, тоскующаго по матери, отъ которой онъ только-что отлученъ былъ и привезенъ къ намъ изъ ближней нашей деревни на убой. Бѣдненькій тосковалъ и блеялъ тутъ, какъ бы чувствуя, что жизнь его должна скоро прерваться, и какъ-то такъ жалко, что меня даже разжалобилъ. И онъ мнѣ

такъ сдѣлался жалокъ, что я рѣшился велѣть его освободить и на сей разъ помиловать. И пошедъ тотъ же часъ, приказалъ о томъ повару.

Далѣе памятно мнѣ, что я около сего времени, да и во весь сей мѣсяцъ, имѣлъ множество не только хлопотъ, но и досадъ отъ достроивающейся тогда нашей большой каменной ранжереи, и она мнѣ собою, какъ горькая рѣдька, надоѣла. Я принужденъ былъ не одинъ разъ по дѣламъ, относящимся до ней, переписываться съ моимъ командиромъ и, для смотрѣнія за работниками, то-и-дѣло ходить къ ней, и даже по подмостямъ всходить и лазить на самый верхъ оной и подвергать себя опасности. А что̀ всего досаднѣе было, то зналъ и предвидѣлъ напередъ, что труды мои пропадутъ всѣ попустому, и изъ ней не выйдетъ ничего ибо и затѣяна она была намѣстникомъ Богъ знаетъ на что̀, и по великой огромности своей не могла никогда быть употребляема въ дѣло, что̀ послѣ и дѣйствительно совершилось, и она и понынѣ стоитъ, разиня ротъ, совсѣмъ недодѣланная, и безъ всякаго употребленія, а пожрала только собою множество денегъ.

Что касается до моихъ собственныхъ съ сыномъ многоразныхъ (sic) занятій и любопытныхъ упражненій, то были они многочисленныя и, между прочимъ, относились до пронизочныхъ щитовъ, фестоновъ, до придаванія бѣлымъ пронизкамъ разныхъ колеровъ, крашенія и пестрѣнія бумагъ, и прочаго тому подобнаго. Однако, праздное время свое провождали мы съ нимъ наиболѣе въ прекрасномъ своемъ садикѣ, увеселялись тамъ красотами натуры, занимались пріятными разговорами и чтеніемъ книгъ и получаемыхъ еженедѣльно съ почтою газетъ и разныхъ журналовъ. И какъ оные доставляли намъ превеликое удовольствіе, то не жалѣлъ я на нихъ денегъ, но выписывалъ всѣ, какіе тогда ни были выдаваемы. Въ особливости же увеселялъ обоихъ насъ тогда, выдаваемый Карамзинымъ «Московскій Журналъ», котораго всегда дожидались мы съ нетерпѣливостью большою и всегда радовались когда его къ намъ приносили.

Не успѣли мы симъ образомъ въ разныхъ удовольствіяхъ провесть всю первую половину сего мѣсяца, какъ получилъ я опять повелѣніе о привозѣ въ Тулу нашихъ денегъ. Вознадобилось на что-то казенной палатѣ 5,000 оныхъ. И какъ она вздумала употребить на то наши, то и писано было ко мнѣ, чтобъ поспѣшилъ я какъ-можно и привезъ имъ помянутую сумму. Но какъ у меня у самого толикаго числа не было тогда въ наличности и въ сборѣ, то сіе поозаботило-было меня очень. Однако, поговорѣвъ съ секретарями своими, набрали мы сіе количество изъ разныхъ другихъ хранящихся у насъ суммъ, и я рѣшился съ ними, не медля долго, ѣхать. Вмѣстѣ со мною восхотѣлось съѣздить, отчасти для исправленія нѣкоторыхъ нужныхъ покупокъ, и моему сыну; болѣе же для того, что не удастся-ли намъ при семъ случаѣ съѣздить на нѣсколько дней въ свою деревню и отпроситься туда у директора. Къ сей послѣдней ѣздѣ побудило насъ съ нимъ не только хотѣніе полюбоваться и тамъ красотами натуры нашего собственнаго сада, но и надобности, относящіяся до переправки нашихъ хоромецъ и кое-какія другія. Итакъ, собравшись и снабдивъ себя для дорожнаго чтенія кое-какими хорошими книжками, отправились мы въ сей путь 19 числа іюня. И какъ погода случилась тогда прекрасная и дорога сухая и хорошая, то, пріѣхавъ въ тотъ еще день и довольно рано въ Тулу, остановились у Пастухова; и на утріе, сдавъ деньги и отобѣдавъ у Юницкаго, употребили мы весь тотъ день на исправленіе своихъ покупокъ и на другія надобности. И какъ г. Юницкой въ деревню съѣздить мнѣ дозволилъ, то въ наставшій послѣ сего день ранымъ-ранёхонько и полетѣли мы въ свою милую сторонушку. И покормивъ на Вашанѣ лошадей, пріѣхали въ тотъ же день и довольно еще рано въ свое любезное Дворениново, такъ что мы успѣли еще обходить

съ нимъ всѣ наши сады и налюбоваться прелестностями всѣхъ мѣстъ, окружающихъ наше мирное сельское обиталище. Пребываніе наше въ деревнѣ въ сей разъ не продлилось хотя болѣе 5 дней, но мы въ оные не потеряли ни одного часа тщетно, но всѣ часы и минуты заняты были кое-чѣмъ. Кромѣ утѣшенія себя, при гуляньяхъ по всѣмъ мѣстамъ, пріятностями и красотами натуры, доставлявшими намъ несмѣтное множество минутъ пріятныхъ, исправили мы конкакія и дѣла многія, какъ-то: спустили нагорную нашу подлѣ большихъ хоромъ сажелку; обдѣлали при чищеніи оной вокругъ ея берега, а вынутою землею выровняли на ребрѣ горы то мѣсто, гдѣ стоитъ теперь нагорная наша и ближняя бесѣдка, которую тогда же мы тутъ построить предположили; вычистили и обрубили находящійся тутъ и донынѣ насъ водою своею довольствующій колодезь; назначили мѣсто подъ храмъ уединенія, построенный послѣ подлѣ проулка; ассигновали для построенія его лѣсъ изъ Калитинской березовой молодой рощи; произвели въ ближнемъ саду своемъ коекакія новыя превращенія мѣстъ и сдѣланія ихъ красивѣйшими; опростали мѣсто для затѣваемой постройки подлѣ маленькихъ хоромецъ; призывали плотниковъ и своего столяра Павла; говорили и совѣтовали съ ними о переправкѣ хоромецъ и о пристройкѣ къ нимъ сзади отъ сада дѣвичей, и положили все на мѣрѣ; побывали вмѣстѣ оба въ нашемъ Шаховѣ; осмотрѣли тамъ и въ другихъ мѣстахъ наши лѣсныя угодья и надавали множество приказаній своему садовнику, показывая что ему впредь дѣлать. А между тѣмъ наслышались много кое-чего чуднаго и худаго о нашемъ малолѣтнемъ сосѣдѣ Андреѣ Михайловичѣ, котораго, однако, за отлучкою, не видали сами. И наконецъ, налюбовавшись до-сыта всѣмъ-и-всѣмъ и исправивъ, сколько могли успѣть, всѣ свои нужды, 27 числа съ утра пустились въ обратный путь и, переночевавъ въ Тулѣ, пріѣхали еще рано въ Ламки, гдѣ нашли и всѣхъ своихъ, пріѣхавшихъ къ зятю моему праздновать его имянины, къ которому дню и мы своимъ возвращеніемъ изъ деревни поспѣшили. Отпраздновавъ сей праздникъ, на утріе пріѣхали вмѣстѣ, со всѣми своими, въ Богородицкъ. Тутъ встрѣченъ я былъ превеликимъ пакетомъ, полученнымъ опять безъ меня на имя мое изъ Экономическаго Общества. Присылка сія для меня тѣмъ была удивительнѣе, что не прошло еще и десяти почти дней съ того времени, какъ отправилъ я послѣднее мое письмо въ Общество, и имъ на оное отвѣтствовать еще было некогда. По вскрытіи онаго, нашелъ я въ немъ, при короткомъ письмѣ отъ г. Нартова, превеликій свёртокъ съ сѣмянами сибирской гречихи, о которой просилъ я его уже давно, въ прибавокъ находящейся уже у меня, и на которую я не слишкомъ былъ надеженъ. Г. Нартовъ, увѣдомляя меня о томъ, благодарилъ вкупѣ за присылку къ нему двухъ ящиковъ съ песками, которые давно уже были отправлены съ ѣздоками, но которыхъ (sic) я не зналъ, довезены-ли они къ нему въ цѣлости. Что касается до гречихи, то прислалъ онъ ее ко мнѣ не даромъ, а налагалъ на меня коммиссію, которую исправить былъ я еще не въ состояніи, а не преминулъ опять бомбандировать меня снова своими требованіями.

. . . .

Ничто мнѣ во все время корреспонденціи моей съ Экономическимъ Обществомъ такъ всегда было ни досадно и ни отяготительно, какъ всегдашнее бомбандированіе меня отъ г. Нартова о присылкѣ моделей, окаменѣлостей и другихъ подобныхъ тому вздоровъ, не упоминая уже о томъ, что всякая посылка, кромѣ письма, наводитъ множество хлопотъ и неудобностей, и потому была мнѣ скучна и отяготительна. Но и самое существо требуемыхъ вещей есть таково, что не стоитъ того, чтобъ для нихъ столько хлопотать, трудиться и убытчиться, ибо къ чему могутъ служить всѣ такія собранія и коллекціи изъ сихъ

вещей? Не сущія-ли составляютъ онѣ ребячьи игрушки, и можетъ-ли когда нибудь произойти отъ нихъ польза, сколько бъ ихъ тамъ набрано ни было? Сверхъ того, будучи самъ до такихъ вздоровъ не охотникъ, и не имѣлъ я ничего, чѣмъ бы могъ съ сей стороны услужить сему почтенному собранію. А сіе и увеличивало мою досаду.

А и въ разсужденіи второй, налагаемой на меня коммиссіи, или сочиненія о сибирской гречихѣ, былъ я далеко еще не въ состояніи оную исправить, и они спрашивали меня о семъ предметѣ еще слишкомъ рано. А оба сіи обстоятельства, не весьма для меня пріятныя, произвели то, что я не только не спѣшилъ на сіе письмо отвѣтствовать, но и вовсе оставилъ оное безъ отвѣта, и молчалъ опять нѣсколько мѣсяцевъ сряду, и до самой даже осени.

Начало мѣсяца іюля ознаменовалось нѣкоторою особливостью, случившеюся со мною. Понадобилось мнѣ съѣздить на часокъ въ село Ивановское, Бобриковской волости, для посмотрѣнія строющейся тамъ, вмѣсто сгорѣвшей деревянной, каменной церкви и освидѣтельствованія дѣлаемаго кирпичниками кирпича на сіе строеніе. Итакъ, сѣвши по-утру на другой день сего мѣсяца въ карету, полетѣлъ я туда на перемѣнныхъ лошадяхъ. Я располагался-было заняться дорогою чтеніемъ взятой съ собою книжки, а вышло не то, а совсѣмъ нѣчто нечаянное и необыкновенное. Не успѣлъ я въѣхать въ Балахонскій мною регулированный лѣсъ какъ красота онаго или паче, красота всей натуры, обратила на себя мои взоры и возбудила въ душѣ моей опять тѣ удовольствія, какія недавно я имѣлъ, находясь дома въ своей деревнѣ при случаѣ хожденія моего по садамъ и утѣшенія себя красотами натуры въ оныхъ, а особливо прекрасной березы, стоящей на ребрѣ горы предъ самымъ моимъ домомъ и достопамятной тѣмъ, что посажена она тутъ покойною матерью моею, въ самый тотъ годъ, въ который я родился, и въ самое почти то время. И что же? Возбудившаяся мысль о сей березѣ, ни-думано-ни-гадано возродила во мнѣ желаніе воспѣть красоту сей березы стихами и испытать сплести въ умѣ своемъ нѣсколько строфъ въ похвалу оной. Дѣло сіе было для меня совсѣмъ необыкновенное, превосходящее почти мои силы. Не будучи рожденъ стихотворцемъ, хотя и любилъ я поэзію и съ удовольствіемъ хорошія стихотворенія читывалъ, но самъ во все 52 лѣтнее продолженіе моей жизни никогда почти въ семъ ремеслѣ не упражнялся. Нѣкоторые маленькіе опыты сплетенія стиховъ, предпринимаемые мною въ молодыя мои лѣта и чувствуемое всегда великое затрудненіе въ пріискиваніи риѳмъ, доказывали мнѣ природную мою къ тому неспособность, и меня оттого всегда отстрашивали. Но въ сей разъ возродись какъ-то вдругъ во мнѣ охота къ сочиненію стишковъ въ похвалу моей березы, и дабы избѣжать затрудненія въ пріискиваніи риѳмъ, вздумалось мнѣ сплетать стихи мои безъ нихъ, а такъ-называемые бѣлые. Для избѣжанія же погрѣшностей въ стопосложеніи и для вспоможенія себѣ при семъ новомъ дѣлѣ избрать голосъ какой-нибудь изъ знакомыхъ мнѣ пѣсней и составлять стихи свои на оный,—изъ сихъ попадись мнѣ на умъ тотъ голосъ, на который поется извѣстный духовный кантъ, начинающійся словами: «Хвалу Всевышнему Владыкѣ потщися духъ мой воспѣвать», и который голосъ какъ-то мнѣ отмѣнно нравился, и я его еще нѣсколько повыправилъ и сдѣлалъ его болѣе музыкальнымъ. Итакъ, избравъ сей голосъ, ну я, сидючи въ каретѣ, тананакать и мысленно прибирать слова къ составленію ямбическихъ стиховъ, какими помянутый кантъ покойнымъ нашимъ Ломоносовымъ изъ псалма составленъ. И какъ дѣло мое, противъ всякаго чаянія, пошло какъ-то очень скоро на ладъ, и мнѣ въ немногія минуты удалось сплести цѣлыхъ три куплета, то сіе поострило (sic) меня иттить далѣе. Итакъ, ну-ка я тананакать, пѣть и прибирать въ умѣ своемъ

слова далѣе и далѣе, и имѣлъ въ томъ такой неожиданный успѣхъ, что во время сей ѣзды моей туда и обратно успѣлъ сочинить цѣлую и нарочито длинную пѣсню, и занимаясь тѣмъ, не только пути сего не чувствовалъ, но весь оный провелъ съ особливымъ и неожиданнымъ удовольствіемъ душевнымъ. Упомянуть о семъ нечаянномъ и повидимому ничего незначущемъ и маловажномъ происшествіи, почелъ за нужное я для того, что оное возбудило во мнѣ охоту упражняться и далѣе въ семъ ремеслѣ и въ послѣдующія времена подало поводъ къ сочиненію многихъ, отчасти такихъ же натурологическихъ пѣсней, какова была сія, а отчасти нравственныхъ, и даже самыхъ духовныхъ пѣснопѣній, которыя, по простотѣ и нехитросплетенности своей, и не имѣли хотя отпечатковъ совершеннаго и добраго стихотворства, но доставляли мнѣ какъ при составленіи оныхъ, такъ и послѣ, и доставляютъ даже и нынѣ мнѣ тысячи минутъ восхитительныхъ и пріятныхъ и, будучи въ состояніи возбуждать въ душѣ благородныя, добрыя, пріятныя и небезполезныя чувствованія, были существительно не только мнѣ, но и многимъ другимъ полезны, и съ сей стороны достойны нѣкотораго уваженія.

И какъ помянутая пѣснь, посвященная любимой моей березѣ, была первѣйшимъ къ тому поводомъ и составляетъ равно-какъ памятникъ началу моего стихотворства, то не за излишнее почелъ я, не смотря на все ея несовершенство, помѣстить ее здѣсь отъ-слова-до-слова. Она была слѣдующая:

Се! вижу я тебя, драгая!
Прекрасная береза здѣсь:
И паки вновь тобой любуюсь,
Красавица изъ всѣхъ березъ *).

. . . .

*) Приведя для образца первое четверостишіе, мы опускаемъ длинный рядъ остальныхъ, неимѣющихъ ни какого значенія. Впрочемъ, два-три болѣе курьезныя, по своему содержанію, стихотворенія будутъ, въ своемъ мѣстѣ, цѣликомъ напечатаны ниже. Изд.

Прекрасная береза сія существуетъ еще и въ самое сіе время, когда я сіе пишу, и продолжаетъ ежедневно увеселять меня собою, не только лѣтомъ, но и въ самое зимнее время, а особливо когда великолѣпствуетъ она, будучи покрыта инеями. Тонкія, длинныя и гирляндами внизъ висящія и отъ малѣйшаго вѣтерка въ движеніе приходящія вѣтви, служатъ мнѣ всегдашнимъ вантометромъ или показателями, съ которой стороны дуетъ вѣтеръ.

Теперь, возвращаясь къ продолженію моей исторіи, скажу, что непосредственно за помянутою моею ѣздою было у насъ освященіе небольшой церкви на островкѣ подлѣ гошпиталя, построенной вновь стараніемъ и почти всѣмъ коштомъ секретаря моего Варсобина. На процессію съѣхалось довольное число дворянства и Варсобинъ не преминулъ сдѣлать при семъ случаѣ обѣдъ и угостить ихъ, и всѣхъ насъ и городскихъ онымъ, и для простора по тѣснотѣ своего дома—въ молотильномъ сараѣ, убранномъ зеленью и травами.

На другой день послѣ сего получили мы извѣстіе, что на приближающуюся нашу Казавскую ярмонку будутъ къ намъ изъ Тулы многіе гости. Вѣсти сіи были для меня не весьма пріятны, поелику собиралась сюда цѣлая шайка такихъ людей, отъ которыхъ не могъ я для себя ожидать ни какого добра, кромѣ безчисленныхъ хлопотъ, досады, убытковъ и злодѣйствъ самыхъ. А чрезъ день послѣ того перетревожились мы, узнавъ, что они уже и ѣдутъ. Но, спасибо откупщику нашему г. Хомякову: сей, пришедъ ко мнѣ, сколько-нибудь поуспокоилъ меня, сказавъ, что всѣхъ сихъ гостей будетъ угощать онъ на свой коштъ и что всѣ труды и хлопоты съ симъ угощеніемъ принимаетъ онъ на себя, а я бы отвелъ только дворецъ и флигели онаго для помѣщенія оныхъ, чѣмъ я былъ весьма и доволенъ.

Гости сіи, дѣйствительно, въ тотъ день, послѣ обѣда и пріѣхали, и было ихъ множество. Наизнаменитѣйшимъ изъ всѣхъ

ихъ былъ новый нашъ вицъ-губернаторъ Николай Ивановичъ Вельяминовъ, фаворитъ намѣстниковъ и мужъ фаворитки его, недавно умершей. Съ нимъ былъ братъ его Степанъ Ивановичъ и своякъ вицъ-губернаторскій Петръ Николаевичъ Юшковъ, самый тотъ, который переведенъ былъ изъ Калуги и о которомъ упоминалъ я выше, и коего я въ первый еще разъ тогда видѣлъ. Мы встрѣтили ихъ всѣ у дворца, и вицъ-губернаторъ былъ хотя надменная и горделивая особа, но принялъ и обошелся со мною очень хорошо. Какъ погода случилась тогда прекрасная и они пріѣхали еще довольно рано, то, будучи ободренъ благопріятствомъ вицъ-губернатора, предложилъ я ему, не соблаговолитъ онъ погулять по нашему саду, въ которомъ никогда еще ему бывать не случалось. Всѣ они охотно на то согласились, и мнѣ по счастію удалось показать имъ всё-и-всё въ саду въ наилучшемъ видѣ и онымъ такъ ихъ очаровать, что вицъ-губернаторъ всѣмъ былъ очень доволенъ и расхвалилъ мой садъ въ-пухъ; я же наиболѣе былъ тому радъ, что своякъ его г. Юшковъ случился человѣкъ со свѣдѣніями и охотникъ до экономіи и до всего любопытнаго и хорошаго; почему и свели мы съ нимъ тотчасъ знакомство. По возвращеніи изъ саду, засѣли они играть въ карты, а мы, всѣ прочіе, начали галанить и табалу бить. Наконецъ, и уже по наступленіи ночи, пріѣхалъ и нашъ директоръ г. Юницкой съ своимъ племянникомъ и остановился тутъ же во дворцѣ. Всѣ мы тутъ ужинали и разошлись уже послѣ полуночи. Между тѣмъ пріѣхали и ко мнѣ гости: зять мой съ дочерью и г. Албычевъ, Михаилъ Николаевичъ, и которыхъ нашелъ я уже спящими. Симъ образомъ начало нашего ярмоночнаго празднества началось хорошо, и все было смирно и ладно; что и уничтожило всѣ мои бывшія еще опасенія.

Въ слѣдующій за симъ день, въ который ярмонкѣ былъ самый съѣздъ, провели мы все утро и обѣдали во дворцѣ. Между тѣмъ пріѣхали еще многіе изъ Тулы, и между прочими, г. Венцеевъ и помянутый головорѣзъ г. Игнатьевъ. Послѣ обѣда ѣздилъ вицъ-губернаторъ по городу съ визитами я между тѣмъ съ квартальнымъ офицеромъ распоряжалъ и устанавливалъ приготовленный г. Хомяковымъ и привезенный изъ Тулы небольшой фейерверкъ, для пріуготовленія его къ вечеру, въ который его сжечь хотѣли. Изъ города же заѣзжалъ вицъ-губернаторъ на часокъ ко мнѣ, а по возвращеніи его во дворецъ, съѣхались всѣ мы и вмѣстѣ съ барынями въ оный, для смотрѣнія фейрверка, который мы и сожгли, состоявшій изъ нѣсколькихъ колесъ, бураковъ и ракетъ, и оный былъ для собравшагося на ярмонку народа въ превеликую диковинку. Между тѣмъ у насъ во дворцѣ играла музыка, и было очень весело и хорошо. У меня самого было множество ярмоночныхъ гостей, и я радъ былъ, что меня уволили отъ ужина во дворцѣ. Отъ множества ходьбы и хлопотъ я усталъ до чрезвычайности, но, по крайней мѣрѣ, радъ былъ, что не происходило никакихъ вздоровъ и сплетней.

На утріе насталъ у насъ самый праздникъ и самая ярмонка, который отпраздновали мы въ сей годъ веселѣе и съ множайшимъ удовольствіемъ, нежели во всѣ прежніе годы, и происходило въ оный слѣдующее. По-утру побывавъ и обѣгавъ всѣхъ гостей, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, былъ я у вицъ-губернатора, который былъ ко мнѣ отмѣнно ласковъ, принялъ сына моего очень хорошо и спрашивалъ, намѣренъ-ли онъ служить въ статской службѣ? И какъ сей сказалъ, что онъ съ тѣмъ и выпущенъ, чтобъ служить въ сей службѣ, то предлагалъ онъ ему самъ мѣсто и обѣщалъ помочь къ полученію перваго порожняго мѣста по губерніи въ Тулѣ. Потомъ ходилъ я съ директоромъ по садамъ, ловили въ каналахъ карповъ, и я измучился, бѣгая туда - и - сюда, и то за тѣмъ, то за другимъ до обѣдни. Потомъ пошли мы всѣ въ церковь, въ которой собраніе было великолѣпное, и господъ и госпожъ

великое множество и служба церемоніальная, и все происходило хорошо и все ладно, и нашъ знаменитѣйшій гость былъ всѣмъ доволенъ. Между тѣмъ, во дворцѣ приготовленъ былъ превеликій обѣдъ, на который, кромѣ насъ, мущинъ, званы были и всѣ госпожи. Однако, изъ нихъ, не всѣ были. Трактаментъ задалъ г. Хомяковъ превеликій, и всѣ угощеніемъ его были довольны. Послѣ обѣда же были танцы; но вицъ-губернаторъ собрался скоро ѣхать. Я звалъ-было его къ себѣ на ужинъ, и чтобъ ему остаться еще ночевать. Однако, онъ не остался, и наконецъ поѣхалъ, а съ нимъ и главные гости. На умѣ у всѣхъ у нихъ было завесть тутъ превеликую игру, но игроки не всѣ съѣхались, и за тѣмъ остановилось дѣло. Я былъ вицъ-губернаторомъ очень доволенъ. Онъ отзывался публично, что онъ нашелъ меня совсѣмъ не таковымъ, какъ ему сказали, и что со мною разстаться бы не хотѣлось. Словомъ, вышло нѣчто странное и мудреное и неожидаемое, и праздникъ сей веселѣе и довольнѣе былъ всѣхъ прежнихъ; потому что, во время онаго не было никакихъ никанствъ и вздоровъ, не было гордости, своенравія и глупостей всякаго рода.

По отъѣздѣ вицъ-губернатора, получили мы свободу, и намъ всѣмъ была уже своя воля. Я усталъ на смерть, спѣшилъ домой, куда нашло ко мнѣ множество гостей. Между прочими былъ и Хомяковъ, и звалъ всѣхъ насъ къ себѣ во дворецъ на ужинъ, на что всѣ мы охотно и согласились. И какъ скоро смерклось, то всѣ съѣхались и пошелъ у насъ пиръ горою. Скачка, пляска, пѣніе, музыка, танцы, опять фейерверкъ, гулянье, смѣхи, а у пьяныхъ и самые вздоры. Однако, все было хорошо, все вольно, и крайне весело и ладно. Словомъ, всѣ и мущины и дамы, и госпожи, бывшія всѣ тутъ же, были довольны и веселы, и мы возвратились домой уже послѣ полуночи; а многіе изъ господъ, разъѣзжая по городу и весьма-и-весьма и подгуляли. Я самъ, проводивъ вскорѣ послѣ вицъ-губернатора своего командира, также и Веницеева и имѣя духъ спокойный, бралъ во всѣхъ веселостяхъ соучастіе, и запрыгался и затанцовался съ молодежью.

Многіе изъ гостей г. Хомякова были еще на другой день у насъ въ Богородицкѣ, но мы ихъ уже не видали. Они всю ночь во дворцѣ пропили и проиграли въ карты, и господа откупщики и игроки нѣсколько разъ между собою ссорились, дрались, напивались, обжирались и дурачились. Но вся комедія кончилась тѣмъ, что проигрался г. Чебышевъ, а въ выигрышѣ остался тотъ, о комъ никто не думалъ и не гадалъ, какой-то г. Бѣляевъ, экзекуторъ. Но ввечеру какъ отъ него, такъ и отъ меня всѣ гости разъѣхались, и у насъ все утихло.

Вскорѣ послѣ сего ярмоночнаго торжества, чуть-было не впалъ я въ искушеніе и не разстался съ своею тамбовскою деревнею. Господа Рахмановы давно уже убѣждали меня просьбою, чтобъ имъ ее продать. Какъ я на то не слишкомъ соглашался, то предлагали они мнѣ, не соглашусь-ли я имъ ее промѣнять на имѣющуюся у нихъ въ Епифанскомъ уѣздѣ деревню. Симъ смутили они меня до чрезвычайности, и такъ, что оба мы съ сыномъ на семъ камнѣ претыканія хорошохонько-было не поскользнулись. Великая отдаленность нашей тамбовской деревни и неспособность частой ѣзды въ оную, а сверхъ того, и самое чрезполосное тамъ владѣніе земли, а напротивъ того, близкость Рахмановой деревни, особенное владѣніе землями и доброта оныхъ, съ прочими выгодами, были намъ къ тому побужденіемъ. Словомъ, мы совсѣмъ были къ тому наклонны, и посылали даже человѣка деревню осматривать, который и привезъ къ намъ абрисъ всей ихъ дачи и описаніе дворовъ и жителей, и насказалъ намъ столько объ ней хорошаго, что затѣвали дѣйствительно приступить уже къ обмѣну, и оставалось только за тѣмъ, чтобъ самимъ съѣздить и оную осмотрѣть, но и къ сей ѣздѣ назначенъ былъ уже день, и мы собрались-было уже совсѣмъ туда

ѣхать, какъ пекущемуся о благѣ нашемъ Промыслу Господню благоугодно было вдругъ остановить насъ въ семъ предпріятіи и, не допустивъ насъ до сей ѣзды, разрушить всѣ наши замыслы и отвлечь насъ отъ великой ошибки и погрѣшности, о которой мы послѣ очень много, но тщетно тужить бы стали. Мы хотѣли было уже садиться въ карету и ѣхать, но вдругъ, и совсѣмъ неожиданно, пріѣзжаютъ къ намъ такіе гости, для угощенія которыхъ принуждены мы были остановиться. Между прочими, случился быть съ ними и прежній нашъ исправникъ и мой другъ Николай Сергѣевичъ Арсеньевъ. Сей не успѣлъ услышать, куда и за чѣмъ мы хотѣли ѣхать, какъ сказалъ мнѣ: «воля твоя, дядюшка (такъ онъ меня всегда величалъ), и ты какъ изволишь, а я, искренно любя васъ, не совѣтовалъ бы вамъ входить въ сіе дѣло. Деревню сію я коротко знаю, и все, относящееся до ней, мнѣ извѣстно, и потому могу васъ увѣрить, что вы ошибетесь и промѣняете ястреба на кукушку!» Сіе удивило насъ обоихъ съ сыномъ и побудило у него порасспросить обо всемъ, что ему объ ней извѣстно, и онъ намъ насказалъ столько всякой всячины и столько худаго, и не только невыгоднаго, но даже и самого опаснаго объ ней, что у насъ тотчасъ прошла охота ее себѣ вымѣнивать; и мы, поблагодаривъ его за то, въ тотъ же день всѣ мысли о промѣнѣ семъ изъ головы выкинули, а положили остаться при томъ, чѣмъ угодно было одарить насъ Господу. И послѣдствіе времени доказало намъ, что мы очень хорошо и сдѣлали.

Около самого-жъ сего времени сдѣлана была мною и другая, хотя и не важная, но послѣ досаду мнѣ причинившая ошибка, и я, по пословицѣ говоря, «не спросясь броду, сунулся въ воду», и послѣ тужилъ о томъ. Дѣло вотъ какого было роду. Въ числѣ купленныхъ нами въ послѣдній разъ въ Москвѣ книгъ, былъ и новый тогда еще французскій романъ, извѣстный подъ именемъ «Лолота и Фанфана». Намъ съ сыномъ случилось около сего времени вмѣстѣ оный читать. И какъ онъ обоимъ намъ и слогомъ и содержаніемъ своимъ отмѣнно полюбился, то вздумалъ я его перевесть съ тѣмъ, чтобъ его напечатать; и охота къ тому припала у меня столь великая, что я на другой же день, по прочтеніи онаго, къ дѣлу сему и приступилъ и трудился надъ нимъ во всѣ праздные часы съ толикою прилежностью, что менѣе нежели въ два мѣсяца и перевелъ, пишучи прямо на-бѣло всѣ четыре части сей книги. Но сего было еще не довольно. Но какъ нѣкоторыя мѣста въ оригиналѣ мнѣ не полюбились и требовали переправки, то я оныя совсѣмъ передѣлалъ и сдѣлалъ несравненно лучшими. Но что-жъ? Не успѣлъ я сію довольно-таки важную и не безтрудную работу кончить и только-что хотѣлъ переводъ свой посылать въ Москву для напечатанія на своемъ коштѣ, какъ увидѣлъ въ газетахъ, что книга сія другими уже переведена, напечатана и уже продается. Признаться надобно, что сіе было мнѣ очень досадно, и я такъ былъ тѣмъ растроганъ, что съ сего времени заклялся переводить романы, да и почти все другое, ибо не съ одною уже книгою случилось такое же несчастіе, и мнѣ тѣмъ было досаднѣе, что хорошая сія книга была пустяками и ничѣмъ отъ сочинителя изгажена и со всѣми его погрѣшностями переведена, а моя исправленная должна была остаться тщетною и осуждена на вѣкъ стоять въ моей библіотекѣ, въ манускриптѣ и ни кѣмъ нечитаемою.

Теперь, возвращаясь назадъ къ прежнему пункту времени, скажу, что мы весь почти іюнь мѣсяцъ провели мирно, спокойно и благополучно, и что рѣдкій проходилъ день, въ который бы мы не имѣли отчасти тутошнихъ, отчасти пріѣзжихъ изъ другихъ мѣстъ, или проѣзжихъ гостей, и у насъ какъ-то очень въ сей мѣсяцъ погостилось, и нѣкоторые изъ нихъ пробывали у насъ по нѣскольку дней сряду и подавали поводы къ многократнымъ гуляньямъ съ ними по садамъ, увеселенію ихъ нашею музыкою, къ не-

однократному, по случаю бывшихъ жаровъ, купанью въ нашей ваннѣ и къ другимъ разнаго рода увеселеніямъ. А между тѣмъ, не упускаемы были у обоихъ насъ съ сыномъ и наши литературныя и коекакія любопытныя занятія и упражненія. Словомъ, мы не видали какъ пролетѣлъ весь сей мѣсяцъ, и были довольны.

При самомъ концѣ только сего мѣсяца, встревоженъ я былъ присланною ко мнѣ изъ Тулы запискою о томъ, чтобъ мнѣ пріѣхать въ оную. Удивился я тому и не понималъ, за чѣмъ бы такимъ меня туда призывали? Но какъ ослушаться было не можно, то принужденъ былъ, оставя все, опять сей путь предпріять. Но какъ же удивился, узнавъ, по пріѣздѣ моемъ туда, что спрашивали меня совсѣмъ почти для бездѣлицы, и единственно для того, чтобъ поговорить со мною еще кое-что о производившемся у насъ строеніи проклятой нашей большой каменной ранжереи. Итакъ, не пробылъ я тогда въ Тулѣ болѣе однихъ сутокъ, а повидавшись раза два съ Юницкимъ и просидѣвъ вечеръ у друга своего любопытнаго г. Запольскаго, потомъ переночевавъ у г. Сухотина, у котораго я въ сей разъ останавливался, пустился опять въ обратный путь и въ тотъ же день къ своимъ въ Богородицкъ возвратился.

Не успѣлъ я пріѣхать, какъ вслѣдъ почти за мною въѣхалъ на дворъ и прежній мой командиръ Николай Сергѣевичъ Давыдовъ на возвратномъ своемъ пути изъ Епифани, куда онъ съ женою своею ѣздилъ для богомолья. Я былъ очень ему радъ и, помня всѣ его ко мнѣ ласки и самыя благодѣянія и одолженія, старался его всячески у себя угостить, а на другой день съ женою и съ дѣтьми своими проводилъ его въ Ламки къ моему зятю. Онъ служилъ въ сіе время въ Калугѣ и былъ предсѣдателемъ въ одной изъ полатъ тамошнихъ.

Но симъ и окончу я кстати съ концомъ іюля и сіе письмо мое, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ, и проч.

(Ноября 2 дня 1812 года, въ Дворениновѣ).

Письмо 275.

Любезный пріятель! Во все теченіе августа мѣсяца не произошло со мною ничего особливаго и такого, о чемъ бы стоило труда упомянуть. Все шло у насъ хорошо и тихо и мирно. Разъѣздовъ коекуды въ гости и угощеній у себя было довольно; а достопамятно было только то, что въ половинѣ сего мѣсяца былъ у насъ столь сильный морозъ, что повредилъ собою многія произрастенія и всѣ гречихи. Что касается до моихъ упражненій, то состояли они наиболѣе въ читаніи книгъ и переводѣ помянутой уже мною книги. Такимъ же точно образомъ прошла въ мирѣ и тишинѣ и вся первая половина сентября мѣсяца, и особливость была только та, что пришолъ къ намъ слухъ, что командиръ мой г. Юницкой хочетъ иттить въ отставку и подалъ будто бы уже о томъ челобитную. Я дивился тому и не хотѣлъ вѣрить. Но какъ слухъ о томъ подтвердился, то вздумалось мнѣ, пользуясь его благосклонностью, выпроситься еще разъ съѣздить къ себѣ на нѣсколько дней въ деревню. И какъ онъ мнѣ въ томъ не отказалъ, то въ половинѣ сего мѣсяца и полетѣлъ я туда, взявъ опять съ собою одного только моего сына, куда на другой день и еще за-свѣтло и пріѣхали.

Къ ѣздѣ сей побуждало насъ все еще продолжающееся опасеніе, чтобъ не потерять мнѣ какимъ-нибудь образомъ своего мѣста; и намъ хотѣлось мало-по-малу поприготовлять въ деревнѣ все нужное для будущаго своего жительства, дабы, при внезапной смѣнѣ, пріѣхавъ въ деревню, не претерпѣвать въ чемъ-нибудь нужду. Слухъ о хотѣніи итти въ отставку нашего директора заставливалъ меня помышлять и о себѣ и увеличивалъ мое опасеніе. Итакъ, хотѣлось намъ воспользоваться тогдашнимъ осеннимъ и свободнымъ уже отъ полевыхъ работъ временемъ и что-нибудь въ деревнѣ сдѣлать.

По пріѣздѣ своемъ въ оную, нашли мы маленькіе хоромцы свои въ разстрой-

кѣ. Плотники начали уже производить въ нихъ кое-какія передѣлки, а печники уже пришли и хотѣли класть печи. Но какъ бы то ни было, но мы принуждены были въ оныхъ отъ случившагося тогда холода искать себѣ убѣжища, ибо старые большіе хоромы уже такъ обветшали, что въ нихъ не можно было никакъ жить. Итакъ, пользуясь одною цѣлою печкою, расположились мы сами жить въ предспальникѣ, а людей помѣстили въ спальнѣ, и какъ обжились, то было намъ довольно тепло и покойно. Мое первое дѣло въ сей пріѣздъ было то, чтобъ обходить съ сыномъ моимъ всю нашу усадьбу и подумать съ нимъ и поговорить, гдѣ и что̀ намъ бы тогда сдѣлать. Моя главнѣйшая забота, кромѣ переправки хоромецъ, была о томъ, чтобъ для будущаго житья въ деревнѣ запастись заблаговременно молодою и такою вблизи двора рощицею, которая могла бы насъ довольствовать грибами, ибо обѣ прежнія разрослись уже такъ велики, что въ нихъ грибовъ уже давно ничего не родилось. Мы назначали подъ рощицу сію цѣлую десятину пашенной и прикосновенной къ старой загуменной рощѣ земли. И какъ избѣгая монотоніи, не хотѣлось мнѣ садить ее по старинному обыкновенію длинными и поперечными рядами, а, полюбивъ аглинскіе натуральные сады, обоимъ намъ хотѣлось насадить ее такимъ образомъ, чтобъ она походила болѣе на натуральный лѣсокъ, нежели на сàженную рощу, и могла бы со временемъ составить нѣкоторый родъ маленькаго парка или увеселительнаго придворнаго лѣсочка, могущаго не только довольствовать насъ грибами, но и доставлять намъ удовольствіе въ прогулкахъ по оной,—то и принялся я тотчасъ дѣлать ей планъ и прожектировать, гдѣ быть въ ней лѣснымъ кулигамъ, и гдѣ и какимъ полянкамъ и лужайкамъ, и въ первый еще день успѣлъ не только оный сочинить, но и назначить всѣ кулиги и и полянки въ натурѣ, обтыкавъ ихъ ивовыми вѣточками. А какъ между тѣмъ собраны были и всѣ крестьяне съ ихъ женами, то на другой день и приступили мы къ садкѣ деревьевъ въ немъ, выкапывая оныя кое-гдѣ въ усадьбѣ и привозя изъ лѣса; и въ два дни почти всю ее на первый случай понаметали оными. Итакъ, 19 сентября 1791 года былъ достопамятенъ тѣмъ, что нынѣшній мой такъ много меня увеселяющій паркъ получилъ въ сей день первое свое основаніе.

Кромѣ сего, и почти нечаянно, вздумалось намъ, вмѣсто предпринимаемаго было чищенія нагорной сажелки, запрудить и сдѣлать себѣ еще одинъ прудъ по конецъ нашей новой рощи и употребить къ тому весь собранный народъ, и мы потрудились надъ дѣломъ симъ съ такою прилежностью, что и кончили оное со всѣмъ, не болѣе какъ въ теченіе трехъ дней. Сіи были два главныя дѣлà, которыя сдѣлали мы въ сей нашъ пріѣздъ въ деревню. Но кромѣ сихъ не преминулъ я кое-что сдѣлать и въ садахъ своихъ. Я высадилъ изъ питомика (sic) своего всѣ поспѣвшія къ пересадкѣ яблонки и грушки въ свой полевой садъ, а на клину насадилъ самыя тѣ вишни, которыя составивъ почти цѣльный вишенный лѣсокъ, довольствуютъ нынѣ меня множествомъ плодовъ своихъ. Также сдѣлали мы планъ и проектъ и своему храму уединенія, существующему и понынѣ.

Наконецъ, проводивъ въ сей разъ не болѣе семи дней въ своей деревнѣ и въ теченіе оныхъ повидавшись съ пріѣзжавшимъ къ намъ молодымъ нашимъ сосѣдомъ, Иваномъ Александровичемъ Ладыженскимъ и потазавъ хорошенько ближняго своего сосѣда Андрея Михайловича за дурное его поведеніе, котораго на-силу-на-силу мы дождались бывшаго и въ сей разъ въ отлучкѣ,— 25 числа сентября пустились въ обратный путь и, повидавшись въ Тулѣ съ г. Юницкимъ, 26 числа возвратились въ Ламки, гдѣ нашли всѣхъ своихъ, а въ послѣдующій за тѣмъ день пріѣхали и въ Богородицкъ и нашли все въ порядкѣ.

Теперь достопамятно, что и въ сей разъ не успѣлъ я возвратиться изъ своего путешествія, какъ принесли ко мнѣ

съ почты опять пакетъ изъ Экономическаго Общества, котораго я всего меньше ожидалъ.

. . . .

Присланіе сего письма и новая сія задирка, возбудивъ меня изъ прежняго моего молчанія, вперило охоту и къ соотвѣтствованію на оное. Мнѣ казалось, что будетъ слишкомъ уже грубо и неучтиво, если я и сіе письмо оставлю безъ отвѣта, и потому со второю же почтою отправилъ я къ нимъ письмо слѣдующаго содержанія.

. . . .

Симъ письмомъ окончилась въ сей годъ вся моя съ Экономическимъ Обществомъ переписка, ибо съ сего времени по самое окончаніе года не получалъ я ни одного письма, равно какъ и отъ себя ничего не посылалъ. Причиною тому съ моей стороны были не столько дѣйствительные недосуги, сколько простылость моего жара и прежней охоты къ писанію, не приносящему никакой дальней пользы, а могущему только наводить труды и убытки. Итакъ, прошелъ цѣлый годъ, что я не посылалъ въ Общество ни какихъ сочиненій, а такимъ же образомъ не хотѣлъ я слишкомъ спѣшить и въ предбудущія времена, и тѣмъ паче, что не было у меня никакихъ отмѣнно хорошихъ матерій для сообщенія.

Теперь, возвращаясь къ прежнему, скажу, что начало мѣсяца октября достопамятно было тѣмъ, что 7 числа онаго совершилось мнѣ 53 года отъ рожденія и начался 54; также, что около самаго сего времени кончилъ переводъ небольшой нѣмецкой біографической книжки, подъ заглавіемъ «Жизнь Корнфикса, графа Улфелда». Малочисленность на нашемъ языкѣ біографическихъ книгъ побудила меня къ сему предпріятію въ томъ мнѣніи, чтобъ ее напечатать. Однако-жъ, и сія книжка у меня и понынѣ еще въ манускриптѣ. Разныя обстоятельства не допустили еще меня отдать ее въ печать, хотя бы она того и стоила.

Самое начало моего 54 года ознаменовалось тою особливостью, что оба мы съ сыномъ начали переводить по книгѣ: я — французскій романъ «Зелію», а онъ еще въ первый и едва-ли не въ послѣдній разъ французскую же книжку, подъ названіемъ «Платоническое супружество». Но предпріятія обоихъ насъ были какъ-то неудачны: я едва только перевелъ половину своей книги и принужденъ былъ перестать, узнавъ, что она уже переведена другими и напечатана; а онъ переводъ свой хотя и кончилъ и оный вышелъ довольно хорошъ, но сколько разъ не испытывалъ отдавать его въ печать, но все какъ-то не удавалось; почему обѣ сіи книги и понынѣ у насъ хранятся въ манускриптѣ, и мой переводъ достопамятенъ только тѣмъ, что переводилъ я сію книгу прямо на-бѣло, не переправляя ни одного слова.

Другая достопамятность, случившаяся съ нами при началѣ сего моего года была та, что 12 числа октября имѣли мы удовольствіе угощать у себя совсѣмъ неожидаемаго, но пріятнаго гостя. Былъ то пріятель мой и издаватель моего «Экономическаго Магазина», Николай Ивановичъ Новиковъ. Сей именитый и всей Россіи въ сіе время довольно извѣстный человѣкъ проѣзжалъ тогда изъ Москвы по какимъ-то дѣламъ своимъ *) въ степь, и мимоѣздомъ заѣхалъ ко мнѣ, и у меня ночевалъ. Я небывалому еще никогда у себя гостю сему былъ очень радъ и постарался угостить его всячески.

Третьею достопамятностью самаго сего пункта времени можно было почесть полученное нами, и всю Россію не столько огорченіемъ, сколько радостью поразившее извѣстіе о странной кончинѣ князя Потемкина, игравшаго въ свое время толь великую ролю въ нашемъ отечествѣ.

День имянинъ моихъ провели мы очень весело и хорошо. Мы праздновали оный по-прежнему обыкновенію, и кромѣ собственнаго моего семейства, состоявшаго

---

*) „Въ Елецкій уѣздъ, для свиданія съ родными своими Хрущовыми". (Написано карандашомъ и другою рукою). Изд.

въ сіе время въ 10 особахъ, а именно: 8 человѣкъ моихъ родныхъ и двухъ живущихъ у насъ, для наукъ, мальчиковъ: Семена Васильевича Тутолмина и Петра Ивановича Лисенка, были у меня и всѣ городскіе, а ввечеру прогремѣла и музыка, и молодежь попрыгала и потанцовала.

Чрезъ день послѣ того наступила у насъ тогда и зима, и съ самаго начала довольно холодная. И какъ оная всѣмъ нашимъ надворнымъ работамъ положила предѣлъ, то всю достальную часть мѣсяца октября провели мы съ сыномъ болѣе въ литературныхъ и кабинетныхъ своихъ занятіяхъ; и не было ничего особливаго, кромѣ того, что 28 числа сего мѣсяца дочери моей Настасьѣ совершилось ровно 18 лѣтъ отъ ея рожденія, и она была тогда въ наилучшемъ цвѣтѣ своей юности.

Мѣсяцъ ноябрь былъ довольно достопамятенъ для меня многими и разными происшествіями, и самое уже первое число онаго памятно мнѣ тѣмъ, что мы были въ оное на освященіи церкви въ Волковѣ у госпожи Бакуниной, гдѣ было множество нашей братіи дворянъ, и угощеніе большое. Непосредственно почти за симъ повозмутили духъ мой, съ одной стороны — носящаяся молва, что г. Бобринской, для котораго, какъ извѣстно было намъ, готовились наши волости, якобы освобожденъ изъ-подневоли, въ которой онъ за шалости свои содержался, и что ему волости наши отдаются во владѣніе. Съ другой стороны носился слухъ, что вскорѣ отпимется отъ насъ нашъ намѣстникъ и опредѣлится къ намъ другой. Какъ оба сіи случая долженствовали имѣть и на мою судьбу великое вліяніе, то нельзя было, чтобъ не трогали они меня и не смущали бывшее до того спокойствіе моего духа. Къ тому-жъ, присовокупись тогда новая досада и на Варсобина, ѣздившаго въ Тулу и вновь что-то такое тамъ командиру моему на меня напутавшаго; и сей легкомысленный хохолъ (какъ я всегда сего малороссіянина въ досадѣ называлъ) опять на меня носъ свой вздернулъ и нѣкоторыми письмами своими растрогалъ чрезвычайно.

Посреди сихъ для меня неприятностей, имѣлъ я и чувствительное удовольствіе узнать и слышать, что книжку сочиненія моего «Чувствованія христіанина при началѣ и концѣ каждаго дня въ недѣли» не только всякіе люди, но и самые архіереи читають съ удовольствіемъ и съ великою похвалою объ ней отзываются. Одинъ молодой, добрый, умный и нами очень любимый тамбовскій дворянинъ, по имени Михайло Максимовичъ Солнцевъ, пріѣзжавшій къ намъ около сего времени, увѣрялъ меня въ томъ, какъ самовидецъ, и сіе польстило очень моему самолюбію.

Другое удовольствіе имѣли всѣ мы въ исходѣ сего мѣсяца отъ того, что замужная дочь моя Елизавета разрѣшилась опять благополучно отъ своего бремени и произвела на свѣтъ самого того единственнаго своего сына, а моего внука Николая, которымъ утѣшаемся мы еще и нынѣ, видя его порядочно служащаго въ кирасирскихъ полкахъ офицеромъ. Впрочемъ, въ особливости достопамятенъ былъ сей мѣсяцъ для меня тѣмъ, что въ теченіе онаго возобновилась или паче возродилась во мнѣ склонность къ электрицизму, доставившая послѣ мнѣ столь много пользы и пріобрѣтшая даже самую мнѣ съ сей стороны славу. Любя и уважая особенно всю ту часть физики, которая до сего предмета относится, и смастеривъ еще при началѣ жительства моего въ Богородицкѣ наипростѣйшую и съ великими еще несовершенствами сопряженную электрическую машину, не только занимался я тогда ею, но писалъ даже объ ней въ «Экономическомъ своемъ Магазинѣ». Но какъ машина сія въ бывшій пожаръ у меня съ прочими вещами сгорѣла, то съ самаго того времени почти вовсе я симъ предметомъ не занимался; а въ сей мѣсяцъ проснулась опять и такъ увеличилась и воспламенилась сія моя склонность и охота, что мнѣ отъ ней уже и отстать не хотѣлось.

и оба мы съ сыномъ моимъ почти ежедневно ею заниматься начали.

Поводъ къ тому подалъ намъ совсѣмъ нечаянный и неожидаемый случай. Одному, живущему у г. Хомякова и знакомому нѣмчанину винокуру Грунту случилось гдѣ-то достать себѣ маленькую и особаго устроенія настольную электрическую машинку; и какъ она у него худо дѣйствовала, или паче онъ не умѣлъ съ нею обходиться, то и прислалъ онъ ее ко мнѣ съ просьбою, чтобъ ее привесть въ порядокъ, и съ тѣмъ, чтобъ она у меня хоть нѣсколько времени и погостила. Я очень былъ ей радъ. и хотя была она такого устроенія, какого мнѣ видать еще не случалось, но какъ оба мы съ сыномъ имѣли предъ тѣмъ случай начитаться очень много въ достатыхъ нами новыхъ книгахъ вообще о электрицизмѣ и дѣйствіяхъ онаго въ натурѣ, а особливо при врачеваніи имъ разныхъ болѣзней и имѣли уже обо всемъ достаточное понятіе, — то не великаго труда намъ стоило привесть машинку сію въ порядокъ, исправить ея недостатки и сдѣлать къ дѣйствію способною. Но сего было еще не довольно. Но мы, пользуясь довольно изряднымъ ея дѣйствіемъ, стали тотчасъ затѣвать и придумывать разныя увеселительныя штучки и утѣшать ими себя и всѣхъ прочихъ, кому у насъ бывать случалось; а придѣлавъ къ ней большой штативъ, стали испытывать и врачебныя дѣйствія электрицизма и лѣчить онымъ разныя и кой-какія болѣзни. И какъ и самые первые опыты были намъ весьма удачны, и успѣхи превосходили даже самое наше ожиданіе, то сіе прилѣпило насъ еще болѣе къ машинѣ и подало поводъ заниматься ею ежедневно.

Между сими происшествіями нечувствительно прошелъ и весь ноябрь мѣсяцъ, котораго въ половинѣ была такая оттепель и такіе проливные дожди, что зима наша сошла отъ нихъ совершенно и сдѣлалась почти самая половодь. Однако, скоро опять начало морозить, и въ началѣ декабря напалъ вновь снѣгъ и сдѣлалась уже зима совершенная.

Начало мѣсяца декабря ознаменовалось у насъ бывшею опять самаго перваго числа переоброчкою земель. Начальнику моему восхотѣлось и въ сей разъ самому производить оную, и онъ пріѣхалъ для сего къ намъ еще наканунѣ сего дня; и сперва, будучи клеветниками надутъ, не хотѣлъ на меня смотрѣть и глядѣть; но скоро опять было у насъ съ нимъ ни лой, ни масло, и мы тотчасъ начали съ нимъ въ реэстрахъ земляныхъ отмѣчать кому какое звено отдать, безъ дальней переторжки, и развѣсили ее по сучкамъ такъ много, что въ послѣдующій день, въ который была самая торговля, производилась она почти только для проформы и до порядочнаго торга почти не доходило. Однако, все кончилось какъ-то хорошо и всѣ остались съ удовольствіемъ и Варсобину со всѣми его шильничествами не удалось ничего сдѣлать; онъ ни въ чемъ не успѣлъ, а досадилъ только многимъ. Послѣ торга угощаемы были всѣ пріѣзжіе дворяне обѣдомъ, и столъ былъ превеликій, и господа пропировали тутъ во весь день, и все шло хорошо и несравненно лучше, нежели я думалъ и ожидалъ. Въ наступившій потомъ день, директоръ собрался по-утру отъ насъ уѣхать въ Тулу, и выѣхалъ какъ скоро ободняло. Князь-городничій нашъ, по обыкновенному своему шильническому подляжничеству и раболѣпству, зазвалъ его къ себѣ на завтракъ. Меня уговорили проводить его до онаго, гдѣ будучи не могъ я довольно насмотрѣться и надавиться тому, какъ князь старался его улещивать и угощать. Это была сущая комедія и настоящее канальство.

Не успѣли мы сіе дѣло кончить и освободиться, какъ принялись мы опять за электризованье и за прочія свои литературныя упражненія. По около половины сего мѣсяца писано было ко мнѣ отъ вицъ-губернатора, чтобъ поспѣшилъ я привезть въ Тулу деньги. А какъ я и самъ уже готовился ихъ туда отвозить, то, не долго думая и отправился я съ

ними въ сей губернскій городъ и остановился въ сей разъ у Пастухова въ домѣ, гдѣ всегда было мнѣ покойнѣе и вольнѣе стоять, нежели въ другихъ мѣстахъ.

Въ Тулѣ, въ сей пріѣздъ, не случилось со мною ничего особливаго. Я сдалъ на другой день въ казенную полату свои деньги, повидался съ г. Юницкимъ, искупилъ что было [нужно] и, препроводивъ вечеръ въ любопытныхъ разговорахъ съ бывшими у хозяина гостями, пустился я по-утру на другой день въ путь и возвратился благополучно назадъ въ свое мѣсто.

Мое первое дѣло было, по возвращеніи изъ Тулы, помышлять съ сыномъ моимъ о томъ, какъ бы намъ смастерить самимъ для себя электрическую машину, ибо имѣющуюся у насъ требовалъ винокуръ Грунтъ обратно. Стеклянный пузырь, или шаръ, у насъ уже находился. Онъ былъ, хотя не нарочно для машины дѣланный, а назначаемый для фонаря; но мы находили, что можно было по нуждѣ употребить оный и на машину. Но какъ оба мы съ сыномъ никогда машинистами не бывали, то для обоихъ насъ были важные вопросы, какъ оный утвердить на оси; также какимъ манеромъ сдѣлать для него станокъ, какъ придѣлать подушечку, какой и изъ чего сдѣлать кондукторъ, на чемъ его утвердить въ недостаткѣ стеклянныхъ столбиковъ, и какъ и изъ чего смастерить ударятельную или такъ называемую Лейденскую банку, и прочее. Но охота, любопытство и догадливость чего-и-чего произвесть не могутъ! Не успѣли мы начать о сихъ предметахъ помышлять, какъ и повстрѣчались съ нами мысли, показующія простѣйшій путь къ достиженію желаемаго. Послѣдуя онымъ, и начали мы, при помощи столяра, кузнеца и слесаря, производить все, что надобно было; и намъ удалось въ немногіе дни смастерить для себя хотя наипростѣйшаго и совсѣмъ особаго устроенія, но крайне малоцѣнную и такую машину, которою мы на первый случай, были очень довольны. Она не производила хотя такого сильнаго дѣйствія, какое производятъ обыкновенныя, съ плоскимъ стекляннымъ кругомъ и хорошими машинистами дѣланныя машины, но дѣйствіе ея было весьма умѣренное. Но для насъ слишкомъ сильнаго дѣйствія, а особливо для врачеванія электрицизмомъ разныхъ болѣзней, было и не надобно. И потому мы и не гнались уже за большимъ, а радовались тому, что удалось намъ смастерить ее самимъ безъ всякаго вспоможенія отъ машиниста, и что обошлась она намъ вся такъ дешево, что мы едва-ли десятую долю употребили на нее денегъ, въ сравненіи съ цѣною покупныхъ и самаго меньшаго рода машинъ. Кромѣ того, въ особливости доволенъ я былъ тѣмъ, что удалось мнѣ выдумать столь простое и нехитростное устроеніе оной, что всякому, нашему брату дворянину, самому можно у себя такія же дѣлать, если только есть у него столяръ и сколько-нибудь смыслящій слесарь. По что всего лучше, то удалось мнѣ придѣлать къ ней подушечку, о которую стекло терётся такимъ особливымъ образомъ, что можно въ одинъ мигъ перемѣнять позитивное машины дѣйствіе въ негативное, а сіе обратно превращать въ позитивное. Слѣдовательно, таже самая машина могла производить оба помянутыя и совсѣмъ другъ другу противоположныя дѣйствія, къ чему и наилучшія тогдашнія продажныя машины были неспособны, а для негативнаго дѣйствія требовалась совсѣмъ другая и особеннаго устроенія машина.

Не могу изобразить, сколь великое удовольствіе оба мы съ сыномъ имѣли въ тотъ день, когда испытывали мы въ первый разъ дѣйствіе нашей машины, и когда увидѣли, что она, будучи и не совсѣмъ еще отдѣлана, въ состояніи уже была производить изъ кондуктора искры. Истинно, если-бъ кто насъ подарилъ какимъ большимъ подаркомъ, то едва-ль бы мы столько тому обрадовались, какъ полученному въ домогательствѣ нашемъ помянутому успѣху. Оный воспламенилъ въ насъ еще болѣе охоту и рвеніе къ

скорѣйшему ея отдѣлыванію и къ снабденію ея всѣми нужными потребностями, а особливо разными инструментами, необходимо надобными при лѣченіи машиною разныхъ болѣзней, изъ которыхъ посчастливилось мнѣ нѣкоторые совсѣмъ вновь самому выдумать и тѣмъ усовершенствовать свою машину.

Не успѣли мы ее окончить и къ лѣченію ею болѣзней сдѣлать ее способною, какъ и начали мы испытывать дѣйствіе ея надъ нѣкоторыми больными и недомогающими отъ разныхъ болѣзненныхъ припадковъ. И какое же неизъяснимое удовольствіе имѣли мы, получивъ и при первыхъ опытахъ тому успѣхи, превосходящіе даже самое наше чаяніе съ ожиданіемъ. Не одному, а нѣсколькимъ помогли мы отъ глазныхъ болѣзней, другимъ отъ головной боли, и т. д.; но никто насъ такъ не обрадовалъ и не удивилъ, какъ старикъ нашъ гошпитальный надзиратель. Сему бѣдняку случилось пораженному быть легкимъ ударомъ паралича. И какъ мы, о томъ въ самый тотъ же день узнавъ, спѣшили испытать надъ нимъ дѣйствіе своей машины, то и были такъ счастливы, что въ тотъ же самый день ему и помогли и возстановили по прежнему его здоровье, и чему не что иное, какъ скорость лѣченія и незапущеніе сей болѣзни было причиною.

Между тѣмъ, какъ все сіе у насъ происходило и мы съ своею машиною возились и занимались, начиналось чрезъ посредство зятя моего опять небольшое дѣльцо, относящееся до дочери моей Настасьи и ея замужества. Нѣкто изъ зарайскихъ помѣщиковъ, изъ фамиліи господъ Квашниныхъ, знакомый родственницы зятя моего, княгини Крапоткиной, имѣлъ на нее виды. И какъ намъ хотѣлось его, а ему ее узнать, то сіе и подало поводъ къ пріѣзду его къ намъ незадолго до праздника Рождества Христова, вмѣстѣ съ сестрами своими, и я съ нимъ познакомился. Со всѣмъ тѣмъ, изъ свиданія сего ничего еще тогда не вышло и ни какого формальнаго сватовства начато еще не было.

Къ празднику Рождества Христова съѣхались и собрались въ кучку ко мнѣ всѣ мои ближайшіе родные, и я, будучи окруженъ ими, провелъ праздникъ сей вмѣстѣ съ ними довольно весело. А что всего лучше, то всѣ мы были около сего времени веселы, здоровы и спокойны духомъ. Кромѣ своихъ родныхъ, посѣтили насъ въ сей день многіе изъ городскихъ нашихъ друзей и знакомыхъ. Князя же, городничаго нашего, не было въ сіе время дома, а онъ, оставя у насъ обѣихъ своихъ княжонъ, ѣздилъ съ женою своею въ Москву. И какъ къ вечеру набралось у насъ народа довольно, то, повеселивъ ихъ сперва своею машинкою и разными увеселительными электрическими игрушками, созвали потомъ музыкантовъ и подъ звукъ ихъ музыки таки-довольно потанцовали и весь вечеръ провели весело.

Что касается до достальныхъ дней сего года и первой половины нашихъ Святокъ, то провели мы хотя и сіи дни хорошо, однако, не совсѣмъ по-святошному и не слишкомъ весело. Причиною тому были столкнувшіеся кое-какіе недосуги и дѣлишки по деревнямъ, занимавшіе меня хлопотаніями и писаніемъ писемъ и другихъ нужныхъ бумагъ, по случаю пріѣзжавшихъ ко мнѣ степныхъ мужиковъ. Однако, рѣдкій вечеръ проходилъ, чтобъ у насъ кого не было. Въ одинъ изъ оныхъ приводилъ ко мнѣ нашъ лѣкарь одного пріѣзжаго къ нему учителя, живущаго у г. Грекова и родомъ изъ Саксоніи, прозывающагося Яномъ, съ которымъ, какъ съ свѣдущимъ и любопытнымъ человѣкомъ, не могъ я во весь вечеръ довольно наговориться. И о чемъ и о чемъ мы съ нимъ ни говорили! А въ другой вечеръ заѣхалъ къ намъ и ночевалъ у насъ совсѣмъ неожиданный гость, нашъ бывшій прежній губернаторъ Матвѣй Васильевичъ Муромцовъ, ѣхавшій тогда въ Москву лѣчиться отъ страшной ипохондріи, которою онъ мучился. Съ нимъ также были у насъ безконечные обо всемъ разговоры, и я показывалъ ему, какъ любопытному и любящему всякія художества человѣку, свою машину,

и она ему такъ полюбилась, что онъ сдѣлалъ ей честь и самъ на ней полѣчиться.

А 27 числа доставилъ намъ съ сыномъ возвратившійся изъ Москвы человѣкъ нашъ, посыланный туда съ каретою для передѣлки, безконечное удовольствіе, привезя съ собою намъ опять цѣлую партію новыхъ книгъ и разныхъ другихъ нужныхъ намъ вещей. И что-жъ это, какая началась тогда для насъ потѣха, какое перебираніе, пересматриваніе, разбираніе и читаніе! Словомъ, для обоихъ насъ было сіе лучше всякихъ святошныхъ игръ и увеселеній, и мы весь сей день и вечеръ провели съ отмѣннымъ удовольствіемъ.

Что касается до самаго послѣдняго дня сего года, то оный весь почти препроводилъ я, по обыкновенію своему, въ счисленіяхъ и счетахъ всякаго рода, и дѣлалъ изъ приходныхъ и расходныхъ книгъ особаго рода выписки и рекапитуляціи, заготовлялъ для записокъ будущаго года бумаги, и располагался вновь какъ что записывать, и всѣмъ тѣмъ сей годъ окончилъ.

Итакъ, прожилъ я сей годъ довольно хорошо и благополучно, и провелъ его болѣе въ разныхъ литературныхъ и любопытныхъ дѣлахъ и упражненіяхъ. Библіотека моя никогда не имѣла столь дружнаго и многова приращенія, какъ въ сей годъ. Къ ней прибавилось болѣе 300 волюмовъ, или переплетовъ книжныхъ; а чтеніе мое въ сей годъ было такъ многочисленно, что въ теченіи всего года, по запискамъ моимъ, прочтено мною до 220 книгъ. Что-жъ касается до сочиненій, то въ сей годъ занимался я ими очень немного и знаменитѣйшими изъ нихъ были «Анекдоты о князѣ Потемкинѣ». Напротивъ того, на переводы употреблено трудовъ гораздо болѣе. Болѣе же всего занимался я переписываніемъ на-бѣло нѣкоторыхъ изъ моихъ прежнихъ сочиненій и переводовъ. А не было недостатка и въ другихъ любопытныхъ упражненіяхъ, выдумкахъ, открытіяхъ и занятіяхъ.

Но симъ дозвольте мнѣ, вмѣстѣ съ заключеніемъ сего года, и сіе мое письмо кончить и сказать вамъ, что я есмь, и прочее.

(Ноября 3 дня 1812 года. Дворениново).

1792 годъ.

Письмо 276.

Любезный пріятель! Тысяча семь сотъ девяносто второй годъ начали мы препровождать, находясь въ прежнемъ своемъ мѣстѣ, и по благости Господней, были всѣмъ своимъ семействомъ здоровы, а можно сказать и благополучны. Ни что въ особенности насъ не огорчало. Я хотя и начиналъ уже стариться, сначала сего года пошелъ уже хотя 19,443-й день моей жизни, и меня хотя звали старикомъ, однако, я самъ въ себѣ не чувствовалъ еще никакой важной перемѣны и примѣтныхъ слѣдовъ слабостей, съ старостью сопряженныхъ. Шолъ мнѣ хотя шестой десятокъ лѣтъ, но я былъ еще свѣжъ, бодръ, здоровъ и могъ еще работать и тѣломъ, и душою. Жена моя была такова же, какъ прежде, всегда жаловалась на частые болѣзненные припадки, но также не начинала еще старѣться. Большая и замужная дочь моя, предъ недавнимъ до сего временемъ, какъ уже я упоминалъ, родила третьяго ребенка, и отъ родовъ не совсѣмъ еще оправилась. Она продолжала по-прежнему жить съ мужемъ и часто съ нами видѣться. Сынъ мой, сей милый и любезный мой рожденный другъ, другой я, и тотъ, съ которымъ всѣ мысли и желанія мои симпатизировали, и который составлялъ наилучшее веселіе и утѣху дней моихъ, былъ также хотя не совершенно здоровъ, и частыми своими болѣзненными припадками насъ неизреченно озабочивалъ, но около сего времени находился нарочито въ хорошемъ состояніи и дѣлилъ съ нами свое время. Обѣ мои незамужнія большія дочери, Настасья и Ольга росли, какъ кисли, и часъ-отъ-часу въ душевныхъ и тѣлесныхъ совершенствахъ воз-

ростали. Обѣ онѣ были уже совершенныя невѣсты, и я обѣими ими, а особливо склонностью ихъ къ литературѣ и музыкѣ, былъ весьма доволенъ. Меньшая дочь моя Катерина росла также, и хотя медленно, но становилась лучше. Была и она уже полуневѣстою. Что-жъ касается до моей тещи, то и сія хотя часъ-отъ-часу начинала становиться слабѣе и дряхлѣе, однако, все еще была на ногахъ, могла съ нами всюду ѣздить и съ пріятностью дѣлить время. Словомъ, все мое семейство доставляло мнѣ радость и утѣху, и я тысячу причинъ имѣлъ почитать себя счастливымъ и благополучнымъ и благодарить за то моего Господа!

Со всѣмъ тѣмъ, годъ сей начали мы не всѣ вмѣстѣ, но зятя моего съ его женою и дочери моей Настасьи не было съ нами. Сія находилась у сестры своей въ Ламкахъ, а вмѣсто ихъ были у меня мои внучаты, дочь и новорожденный сынъ моей дочери. Первая доставляла намъ уже много забавъ и утѣшенія, и мы всѣмъ семействомъ своимъ ее очень любили и не спускали ее почти съ рукъ своихъ. Кромѣ сихъ, находились при мнѣ оба ученика мои, Тутолминъ и Лисенко, да обѣ княжны Назаровы.

Впрочемъ, и самый сей первый день сего года не прошелъ безъ того, чтобъ мнѣ не заниматься своею электрическою и не совсѣмъ еще тогда отдѣланною машиною; но я всѣ праздныя минуты, оставшіяся мнѣ отъ посѣщенія кой-кого меня въ сей день, употреблялъ на приведеніе ее отъ-часу въ лучшее совершенство и на придумываніе кой-чего къ оной. И достопамятно, что въ самый сей день отдѣлали и пробовали мы нововыдуманный мною, вмѣсто Лейденской банки, ударятельный стаканъ; и какъ онъ удался очень хорошо, то не могли имъ довольно навеселиться. Придумалъ я также употребленіе изолированной, оловянной тарелки, для поклажи на оной всякой всячины, также и средство къ произведенію прекрасной иллюминаціи; а наконецъ, получилъ первыя мысли къ сдѣланію обманной картины. Кромѣ разныхъ затѣевъ съ нею, и въ сей день лѣчили мы уже и своею машиною кой-кого, и между прочими и самую мою тещу, простудившуюся въ сей день у обѣдни, по случаю бывшей великой стужи; также казначея нашего, г. Лопухина, отъ трясенія руки и боли въ плечѣ, и обоимъ имъ помогла она удивительнымъ и скорымъ образомъ. А таковыя и многія уже дѣлаемыя кой-кому ею вспоможенія и начинали уже мало-по-малу прославлять, и слухъ о электрическомъ и весьма удачномъ моемъ лѣченіи разноситься повсюду.

Впрочемъ, бывшій у насъ уѣздный нашъ судья г. Дьяковъ, правящій тогда городническую должность, уговорилъ меня съѣхаться съ нимъ и другими вмѣстѣ на вечеринку въ сей день къ городскому головѣ купцу Санину. Тутъ нашли мы всѣхъ нашихъ городскихъ въ собраніи, но количество ихъ было не велико. Съ ними мы тутъ сидѣли, говорили, пили чай, курили табакъ, лакомились всякими ягодами, а которымъ хотѣлось, тѣ пили пуншъ, вины и пиво, и прочее; и въ томъ прошелъ весь вечеръ, и увеселеній ни какихъ не было. Да и всѣ Святки сего года протекли у насъ тихо, и совсѣмъ не такъ, какъ въ прежніе годы; ибо пріѣзжихъ никого не было, а сами мы занимались болѣе учебными и любопытными упражненіями; а отъѣзжали только изъ города въ гости къ г. Албычеву, Михаилу Николаевичу, другу моего зятя и вкупѣ моему, у котораго ночуя, провелъ вечеръ очень весело, будучи утѣшаемъ шутками и издѣвками г. Ильина, Ивана Алексѣевича, заставлявшаго насъ не одинъ разъ до слезъ смѣяться. А на утріе ѣздили всѣ мы въ гости къ пріятелю нашему, г. Челищеву и женѣ его Аграфенѣ Михайловнѣ, весьма нами всѣми любимой; а отъ нихъ заѣзжали къ госпожѣ Бакуниной, гдѣ нашли всѣхъ хозяевъ почти больными. Однако, и тутъ провели мы вечеръ, безъ скуки, въ разговорахъ съ зятемъ ея г. Верещагинымъ; а домой отыскались мы уже наканунѣ Крещенья, гдѣ отъ пріѣхав-

шаго къ намъ съ нашей стороны г. Лисенко услышали, что простушка-племянница моя, дочь покойнаго брата моего Михайла Матвѣевича, разошлась съ повѣсою ея мужемъ, г. Бѣгичевымъ.

День Богоявленія Господня достопамятенъ былъ для насъ тѣмъ, что мы узнали впервыя дарованія и достоинствы вновь опредѣленнаго въ соборъ нашъ молодаго священника Ѳедота, который въ сей день во время обѣдни говорилъ проповѣдь. Онъ поразилъ всѣхъ насъ удивленіемъ и превзошелъ всѣ наши чаянія и ожиданія. Проповѣдь и сама по себѣ была прекрасная, но говорилъ онъ ее съ такими чувствіями и съ такими граціями, что и вся церковь возгремѣла похвалами. Однимъ только старымъ попамъ была она не весьма пріятна по причинѣ зависти. Что-жъ касается до насъ, то мы всѣ его съ сего времени очень полюбили. Онъ посвященъ былъ къ намъ изъ коломенскихъ семинарскихъ штудентовъ, былъ воспитанникомъ и ученикомъ друга моего отца Іеронима, зналъ французскій и нѣмецкій языкъ, былъ довольно ученъ и начитанъ, имѣлъ многія свѣдѣнія; а какъ при всемъ томъ, имѣлъ тихій и кроткій и очень добрый характеръ, то чрезъ короткое время послѣ того и сдѣлался намъ съ сыномъ не только наилучшимъ нашимъ собесѣдникомъ, но и сотоварищемъ въ нашихъ ученыхъ занятіяхъ, но даже и самымъ другомъ, и мы въ сотоварищеcтвѣ съ нимъ провождали весьма многіе пріятные часы и минуты.

Послѣдующій день былъ у меня прямо гостиной: ко мнѣ съѣхалось какъ-то множество гостей, и мы, по случаю дня рожденія моего вкупѣ и въ замѣнъ Святокъ, таки-довольно повеселились. И какъ многіе изъ гостей у насъ и ночевали, то ввечеру была у насъ музыка и танцы. А машинѣ моей было въ сей день отмѣнно много дѣла: во весь оный принуждена была она дѣйствовать и либо увеселять гостей, либо лѣчить больныхъ. Мы лѣчили ею очень многихъ, и умножающееся часъ-отъ-часу количество удачныхъ вылѣчекъ придавало ей отъ-часу болѣе уваженія, а меня къ ней наипаче привязывало такъ, что я въ сей день вздумалъ основать записку и вести порядочный журналъ всѣмъ лѣченіямъ и удачнымъ вылѣчкамъ, число которыхъ простиралось уже болѣе двадцати, и она производила удивленія достойныя вещи, что все, какъ легко можно заключить, производило мнѣ превеликое удовольствіе.

Кромѣ сего достопамятно, что около самого сего времени затѣвалась у госпожъ дамъ нашихъ самопроизвольная и безъ малѣйшей нужды дальная ѣзда въ Москву и оттуда въ Ростовъ для богомолья, и въ сей день происходили у нихъ по сему предмету совѣщанія и уговоры о томъ, когда ѣхать. Я смотрѣлъ на сіе пустое и отъ женскихъ прихотей только происходящее предначинаніе косыми глазами, и мнѣ хотѣлось, по крайней мѣрѣ, оттянуть ѣзду сію до великаго поста; самъ же и не помышлялъ имъ сотовариществовать въ оной. Однако, разныя обстоятельства побудили меня дать наконецъ согласіе свое на то, чтобъ ѣхать въ скоромъ времени. Нетерпѣливость зятика моего къ скорѣйшему разсоренію денегъ на покупки много при томъ подѣйствовала. Къ нему прислали изъ оброчной его деревни тысячу рублей денегъ и ему хотѣлось сжить ихъ какъ-возможно скорѣе съ рукъ. Мнѣ же наиболѣе для того на сію поѣздку согласиться не хотѣлось, что увозили они отъ меня съ собою и моего сына и лишали меня на нѣсколько недѣль пріятнаго его сотоварищества, и согласился наиболѣе уже для того, чтобъ отказомъ своимъ не навесть женѣ моей огорченія.

Вскорѣ послѣ сего, и прежде еще ихъ отъѣзда, получили мы радостное извѣстіе о заключенномъ у насъ съ Турками въ Яссахъ мирѣ; по вкупѣ съ симъ, и другое извѣстіе, что командиръ мой собирается опять ѣхать къ намъ, для раздѣла съ винными откупщиками награбленныхъ ими на продажѣ вина денегъ, ибо въ откупѣ ихъ имѣлъ и онъ тайное

соучастіе. Наконецъ, въ послѣдующій за симъ день, что случилось 13-го генваря, поѣхала жена моя съ дѣтьми въ Москву и въ Ростовъ, и мы ихъ со слезами на глазахъ проводили. Мнѣ въ особливости чувствительно было разставаться съ моимъ любезнымъ Павломъ. Слабое его здоровье и частое недомоганье наводило на меня превеликій страхъ, и я трепеталъ духомъ, чтобъ въ путешествіе сіе чего съ нимъ не сдѣлалось. Я не одинъ разъ утиралъ глаза мои при провожденіи онаго; хотѣлъ-было охотно проводить его до Ламокъ, но ожидаемый пріѣздъ господина Юницкаго меня удержалъ. Зная интриги и коварство Варсобина, казалось мнѣ, что весьма будетъ не ловко, если онъ пріѣдетъ безъ меня. Итакъ, жертвовалъ я своимъ удовольствіемъ опасенію, чтобъ бездѣлицею не подвергнуть себя какому злу. Въ Москвѣ на разныя покупки отпустилъ я хотя довольно денегъ, такъ-что числомъ простиралось до шести сотъ, но достопамятно, что книги ни одной не велѣлъ себѣ купить, и произошло сіе отъ того, что въ минувшемъ годѣ истратилъ я на нихъ такъ много денегъ, что въ сей разъ совѣстно мнѣ было даже самого себя, чтобъ терять на то еще множайшія.

Проводивъ своихъ въ путь, стали мы дожидаться господъ тульскихъ. Однако, ни въ тотъ, ни въ другой, ни въ третій день послѣ сего, они еще не бывали, и мы не могли ихъ никакъ дождаться. Между тѣмъ, происходили безпрерывныя требованія въ Тулу разныхъ вещей. Переслали уже множество кореньевъ, капусты, сѣна, овса; но всего еще было мало (давай еще!), и требованія были даже безстыдныя: всякому директору хотѣлось отъ насъ всѣмъ довольствоваться.

Наконецъ, и уже въ 4-й день, прискакали ко мнѣ, и то не они, а два неожидаемые гостя: сперва нѣкто г. Челищевъ, и къ самому обѣду; а потомъ, не-думано-не-гадано, бобриковскій мой управитель, меньшой братъ г. Верещагина, забывшій давно свою должность и небывшій у меня уже нѣсколько лѣтъ. Оба они пріѣзжали, думая найтить уже тутъ нашихъ откупщиковъ, и льстясь надеждою, не удастся-ли имъ сорвать отъ нихъ что-нибудь, когда станутъ они дуванъ дуванить или дѣлить нажитые откупомъ прибытки. И какъ тульскихъ господъ еще не было, то расположились они у меня, до пріѣзда ихъ, остаться. Но я имъ и радъ былъ, и нѣтъ, поелику оба они были ни рыба, ни мясо, и молодцы такого разбора, что мнѣ болѣе скуки, нежели удовольствія производили. Оба они изволили у меня ночевать, поелику получено было вѣрное извѣстіе, что на утріе господа наши откупщики будутъ.

Однако, и въ сей день мы съ ними и собравшимися ко мнѣ всѣми городскими нашими ихъ съ утра до вечера ждали и дождаться не могли. Наконецъ, наступилъ уже десятый часъ, и мы заключили, что они не будутъ, и потому князь городничій нашъ поѣхалъ домой, а за нимъ разошлись и прочіе. Но мы съ г. Челищевымъ и Верещагинымъ не успѣли поужинавъ начать раздѣваться, какъ прибѣжали къ намъ изъ дворца, съ увѣдомленіемъ, что директоръ пріѣхалъ. Итакъ, ну-ка мы опять одѣваться и иттить туда, и пробыли тамъ часа два, и возвратились домой уже послѣ полуночи. Ихъ пріѣхало только двое: нашъ директоръ и г. Хомяковъ.

Послѣдующій за симъ воскресный и вкупѣ праздничный откупщицкій день препровожденъ весь почти въ веселостяхъ, и былъ для всѣхъ веселѣе, нежели я думалъ и ожидалъ. По-утру проснувшись поздно, спѣшили мы одѣваться и пойтить въ замокъ. Тамъ господа хотя поздно легли, но встали довольно рано, и тотчасъ пошли у насъ разныя дѣла; но все было хорошо и порядочно, все смирно и ладно. Симъ образомъ продолжалось покуда стали служить обѣдню, и тогда поѣхали мы всѣ въ церковь, а отслушавъ обѣдню, опять въ замокъ; и послѣ водки, ѣздилъ я съ директоромъ къ ранжерею, которую онъ еще, по отдѣланіи ея, вчернѣ не видалъ, и былъ оною доволенъ. Обѣдъ былъ въ замкѣ

для всѣхъ городскихъ, но постороннихъ никого, кромѣ вышеупомянутыхъ, не было. Тутъ у господъ началось питье, но мы съ директоромъ поудалились, онъ въ спальню, а я—домой. Передъ вечеромъ ѣздили мы всѣ на островокъ смотрѣть гошпиталь, который мы также въ минувшее лѣто перестроивали, и его директоръ, по перестройкѣ, также еще не видалъ. Онъ былъ не менѣе имъ доволенъ. Тамъ зашли мы къ лѣкарю, пили кофей, а господа продолжали пить. Отъ него заходили къ старику переплетчику Банніеру и пробыли почти съ часъ, пересматривая всѣ работы его вещи. Возвращаясь въ зáмокъ, заѣжжали мы осматривать также богадѣльню, и какъ и тутъ найдено все въ порядкѣ, то возвратились мы въ зáмокъ, и пошло далѣе у господъ питье и веселье. По наступленіи же ночи, потребовали пѣвчихъ, а тамъ захотѣлось и моей музыки. Въ самое продолженіе игранія оной, прискакалъ неожиданно и г. Игнатьевъ, Семенъ Ивановичъ, и тѣмъ компанія еще болѣе развеселилась, пошло прыганье, ораніе, кричаніе, пѣніе и играніе на инструментахъ духовой музыки, и не-думано-не-гадано, музыканты мои были такъ счастливы, что господа вздумали ихъ одарить, и дали имъ цѣлыхъ 25 рублей, чего они отъ роду своего не видывали. Игры было довольно-предовольно, и самъ директоръ нашъ даже развеселился. Наконецъ, былъ ужинъ, но послѣ онаго игра все продолжалась, и все шло весело и хорошо. Нѣкоторые изъ господъ были очень подъ куражемъ, и мы опасались, чтобъ не произошло какого вздора, однако, все шло и кончилось хорошо.

Счотъ, для котораго они пріѣхали, отложенъ былъ до послѣдующаго дня. Они, вставши по-утру, заперлись наглухо, и такъ, что не пускали никого даже и въ сѣни. Мы пріѣхали въ свое время съ Верещагинымъ, но принуждены были ѣхать обратно и пробыть все то время дома, покуда они дуванъ дуванили. По чему имъ на брата досталось, было еще неизвѣстно. Это составляло таинство недовѣдомое, а говорили иные, что награблено было столько, что досталось на всякаго тысячъ по пяти. Всѣ-то сіи денежки получены съ нашихъ волостныхъ мужичковъ, съ дозволенія директора грабить имъ ихъ, какъ хотѣли; но за то получалъ и онъ свою часть. Намъ же бы хотя спасибо сказали за то, что воровать имъ не мѣшали; однако, они и того не сдѣлали, хотя мы держали ту корову за рога, которую они доить изволили. Но, правду сказать, я съ моей стороны такъ мерзилъ прибытками сего рода, что не согласился бы принять, если бы они что́ и давать мнѣ вздумали.

По окончаніи дувана, впущены были, наконецъ, и мы, и тутъ пошли завтраки и питье, и кой-какія дѣла. Но лошади были готовы, и директоръ нашъ спѣшилъ къ своей госпожѣ бояринѣ женѣ. Князь звалъ насъ всѣхъ къ себѣ обѣдать. Дочери его, маленькой княжны, было въ сей день рожденье. Юницкой заѣжжалъ къ нему, а я и не подумалъ зазывать его къ себѣ. Противъ глупой гордости былъ и самъ я неуважителенъ. Князю же былъ и резонъ льстить, и смѣха достойнымъ образомъ предъ нимъ изгибаться. Ему что-то они по откупу давали за дозволеніе давать имъ волю плутовать въ городѣ, какъ хотѣли. Я и далъ ему волю угощать. Однако, обѣдать у него Юницкой не остался и поспѣшилъ ѣхать; а и я раскаявался, что остался, ибо было скучно. По счастью обѣдали рано, и я, пріѣхавъ домой, послѣ обѣда засталъ своихъ еще обѣдающихъ; а князь, послѣ меня, весь день пробылъ у купца Силичева, и пили тамъ до положенія ризъ. Симъ образомъ кончилось и въ сей разъ пребываніе г. Юницкаго въ Богородицкѣ. Въ наши волостныя дѣла входилъ онъ мало, да и то излегка, ибо на умѣ его были однѣ денежки. Варсобинъ и тутъ не могъ утерпѣть, чтобъ чего не сдѣлать и не наушничать; но, по счастью, все шло хорошо и не было ничего досаднаго.

Чрезъ день послѣ того обрадованъ я былъ полученіемъ перваго письма отъ моего сына, увѣдомлявшаго меня, что

они до деревни нашей доѣхали благополучно и поѣхали далѣе въ Москву. По радость моя много уменьшена была досаднымъ извѣстіемъ, что Алексинская опека навалпвала на меня наконецъ опеку надъ Андреемъ Михайловичемъ и, допустивъ его испортиться, вздумала мнѣ его препоручить. Сіе меня чрезвычайно озаботило и смутило. Необходимость заставливала меня ѣхать въ Алексинъ и домой въ деревню, и ѣзда сія наводила на меня превеликую заботу. Со всѣмъ тѣмъ, сколько ни великое нехотѣніе имѣлъ я къ сей поѣздкѣ, но принужденъ былъ рѣшиться на оную. Однако, положилъ не прежде въ сей путь отправиться, какъ, отпраздновавъ напередъ приближающійся день имянинъ старушки моей тещи, которую я не инако, какъ бы родную мать всегда любилъ и почиталъ, и стеченіе обстоятельствъ сдѣлало то, что праздникъ сей былъ у насъ несравненно громче и веселѣе, нежели мы думали и ожидали. Ибо, во-первыхъ, наѣхало къ намъ множество гостей, родныхъ и постороннихъ, а сверхъ того, ни-думано-ни-гадано, явись балансёръ, равно какъ бы нарочно для сего дня въ нашъ городъ пріѣхавшій и къ намъ съ вопросомъ представшій, не угодно-ли намъ посмотрѣть на его хитрости и искусство? Князь и всѣ мы охотно на то согласились и велѣли ему ввечеру приходить. Итакъ, былъ у насъ вечеръ театральный. Собраніе было нарочито большое. Музыка у насъ во весь день гремѣла, машина увеселяла, пушечка ея производила громъ, колокольная игра звенѣла, и все шло хорошо и было весело. Всѣ гости у насъ обѣдали, а многіе и ужинали, и весь сей день препровожденъ и конченъ хорошо и съ удовольствіемъ.

Я располагался-было тотчасъ послѣ праздника сего въ путь свой отправиться, но случившаяся прескверная погода принудила меня еще на день ѣзду мою отсрочить. Къ тому-жъ, хотѣлось мнѣ дождаться писемъ отъ моего сына, которыя и получилъ и порадовался, узнавъ, что они до Москвы доѣхали благополучно. Но далѣе сего я не сталъ уже медлить. И какъ съ ѣздою сею сопряжены были нѣкоторыя особенныя происшествія, и она сдѣлалась мнѣ очень памятною, то и опишу её въ подробности.

Отправился я въ сей путь уже въ исходѣ генваря, и именно 28-го числа онаго, въ 8 часовъ утра. Ѣхать мнѣ было въ возочкѣ своемъ очень тепло. Я все читалъ книгу, и потому и не видалъ какъ доѣхалъ до Дѣдилова. Тутъ съѣхался я съ секретаремъ своимъ Щедиловымъ и пообѣдалъ съ нимъ вмѣстѣ. Дорога была не такъ дурна, какъ я думалъ, и мы пріѣхали въ Тулу еще въ сумерки, и мое первое дѣло было заслать на почту. У Пастухова, къ которому я присталъ, нашолъ я г. Сокольникова, и мы съ нимъ много кое-чего поговорили. Письмы московскія слугѣ моему на почтѣ не отдали, и ихъ взялся уже выручить Пастуховъ. По-утру, на другой день, поѣхалъ я на Сокольниковыхъ санкахъ и вмѣстѣ съ нимъ къ директору. Но вѣдалъ бы, не ѣздилъ. Во-первыхъ: молодая его кобыла едва-было насъ не расщелкала. Во время ѣзды нашей, гдѣ ни возьмись, людцы г. Венецеев'а скачутъ тройкою позади насъ, и лошади ихъ бьютъ и мчатъ, какъ вихрь. Наша кобыла ну-ка за ними; на-силу-на-силу укротили. И-то помогло уже то, что тѣ наскакали на людей и на сани; ихъ опрокинули, убили и сами повалились, и тѣмъ преградили улицу. Во-вторыхъ, директора не засталъ я дома, куда-то уѣхалъ за городъ. Итакъ, по условію, заѣхалъ я къ г. Сокольникову и у него провелъ весь день и вечеръ, и тутъ чего-и-чего мы съ симъ умнымъ и любопытнымъ человѣкомъ ни говорили! Компанію нашу пріумножилъ Пастуховъ, пріѣхавшій съ почты. Онъ обрадовалъ меня, привезя съ Москвы письма и извѣстія объ нашихъ. Мы просидѣли у него долго и, возвратясь на квартеру, легли спать уже поздно.

Въ послѣдующій день первое мое дѣло было послать провѣдать, пріѣхалъ-ли директоръ, чтобъ ѣхать къ нему про-

сится, а между тѣмъ писать къ сыну въ Москву письма. Посланный привезъ извѣстіе, что директоръ уже въ городѣ. Итакъ, одѣвшись, поѣхалъ я къ нему, но засталъ его еще спящаго. Пріѣхать изволилъ часа два за полночь, и проспалъ даже до десяти часовъ. Уже я его ждать, уже ждать, не встаетъ! Ажно скучилось, и скучилось бы еще болѣе, если бы не подошолъ Никитскій протопопъ Гаврила. Радъ я ему, и ну, говорить съ нимъ о всякой всячинѣ. Мужикъ умный и разговоры пошли у насъ съ нимъ такіе, что ну-поди, и о чемъ, о чемъ мы съ нимъ ни говорили: и о книгахъ, и о политикѣ, и обо всемъ и обо всемъ. Присовокупился-жъ къ тому еще одинъ новоопредѣленный засѣчный офицеръ. Наконецъ, выходитъ нашъ дюкъ; я прошусь у него, и онъ отпускаетъ на недѣлю. Послѣ чего, поговоривъ съ нимъ еще кое-о-чемъ, поѣхалъ я на квартеру. Мятель и непогода поднялась страшная; не знаю ка̀къ и ѣхать; но, по счастію, между тѣмъ какъ мы обѣдали, непогода поутихла, и я собравшись пустился въ путь къ Алексину.

Доѣхавъ до села Вафрамѣева, стали мы въ пень, и не знали какъ проѣхать въ село Луковицы къ господамъ Арсеньевымъ, роднымъ братьямъ тетки Матрены Васильевны, къ которымъ хотѣлось заѣхать на перепутьѣ у нихъ ночевать. Принуждены были нанять мужика въ проводники и дать гривну, и по-милости его уже кое-какъ по бездорожицѣ дотащились до Луковицъ. Я проѣхалъ прямо на дворъ къ старшему брату генералу Дмитрію Васильевичу. Но, хвать, его нѣтъ дома. Ахъ, какая бѣда!—«Но, гдѣ-жъ онъ?»—«У братаде своего Василья Васильевича».—«Ну, слава Богу! говорю, человѣкъ знакомый, тутъ же обо дворъ, у него быть же! Итакъ, ступай къ нему». Хозяева мнѣ ради, Дмитрій Васильевичъ также, унимаютъ ночевать. Я радъ. Гляжу, смотрю, Ѳома Васильевичъ Хотяинцовъ на дворъ. Человѣкъ знакомый, любезный, умный и такой, съ которымъ есть о чемъ поговорить. Ну-ка мы въ разговоры, и разговоры разные о всякой всячинѣ, и все любопытные и хорошіе. Дмитрій Васильевичъ собирается въ ночь ѣхать на свадьбу женить Филимонова. Хозяинъ же на утріе имянинникъ. Всѣ приступили меня унимать, чтобъ на сей день остаться у нихъ обѣдать. Мнѣ и хочется, и нѣтъ. Но что̀ дѣлать! принужденъ былъ дать слово, и тѣмъ паче, что всѣ мнѣ были очень ради. Но не успѣли мы разболтаться, какъ, глядимъ, еще гости. Анна Васильевна Крюкова съ дѣтьми, а за нею сестра зятя моего Катерина Гарасимовна съ невѣсткою и золовкою. Итакъ, полонъ домъ гостей. Дмитрій Васильевичъ подзываетъ меня ночевать къ себѣ и отправляетъ лошадей моихъ къ себѣ на дворъ. Я соглашаюсь. Старичокъ сѣлъ съ боярынями играть въ карты, а мы съ Ѳомою въ залу, и ну, опять съ нимъ говорить, и о чемъ о чемъ мы ни говорили! Словомъ, весь вечеръ проводилъ я съ удовольствіемъ, а послѣ ужина поѣхалъ дѣйствительно ночевать къ Дмитрію Васильевичу, и онъ такъ мнѣ радъ, что отдумалъ даже ѣхать на свадьбу. Итакъ, мнѣ ночевать было хорошо и очень спокойно.

По-утру на другой день стали мы съ Дмитріемъ Васильевичемъ сплетать невинную ложь и затѣянное дѣло, которымъ бы можно было ему отговориться отъ ѣзды, и выдумали небывальщину. Онъ отправилъ нарочнаго туда съ письмомъ. Между тѣмъ пришелъ къ намъ Ѳома Васильевичъ и пилъ съ нами чай. Но скоро ушелъ. Мы, оставшись дома, провели все утро въ разныхъ и пріятныхъ разговорахъ, и Дмитрій Васильевичъ показывалъ мнѣ многія достопамятныя бумаги и секретныя инструкціи, съ какими посыланъ онъ бывалъ отъ императрицы въ разныя мѣста, для изслѣдованія истины, подписанныя самою императрицею. И все утро прошло хорошо.

Какъ настало время обѣдать, то поѣхали мы съ нимъ къ имяниннику. Тамъ

уже была громада людей, и всѣ въ торжественномъ одѣяніи и убранствѣ. Первое дѣло было сѣсть за карты, а мы съ Ѳомою за разговоры. Обѣдъ былъ поздный. Прождали все еще гостей, госпожъ Хотяинцовыхъ, которыя наконецъ и пріѣхали, а вскорѣ за ними подъѣхалъ еще лѣкарь уѣздный, родомъ изъ Ирляндіи, съ которымъ я при семъ случаѣ спознакомился. Всѣ хозяева и гости старались всячески уговорить меня, чтобъ я остался у нихъ ночевать. Однако, я не согласился, но, отобѣдавъ, напившись кофе и наѣвшись сластей, отправился далѣе въ путь свой.

Ѣзда была очень тяжела по причинѣ навалившагося многаго снѣга. Ѣхать не близко, и мы ѣхали долго, и не прежде пріѣхали въ Алексинъ, какъ уже въ часъ ночи. Я присталъ у одного тамошняго мѣщанина Варагушина, человѣка знакомаго моему стряпчему и покойному брату. Но тутъ случилось странное: хозяинъ и хозяйка, люди очень добрые, но первый страдалъ удивительною болью въ животѣ и почти ему несносною. Бабка накидывала ему горшки, но ничто не помогало. Со мною случился мой врачебный камень. Я вздумалъ его имъ полѣчить, но и онъ не дѣйствовалъ. Я его лѣчитъ припарками, но и то не помогало. Боль ужасная, рвота, мужикъ почти умираетъ, проситъ попа, послано было за всѣми родными, и тѣ плачутъ и рыдаютъ, а хозяйка сходитъ почти съ ума. Я самъ дивлюся, сомнѣваюсь, уже не похудѣло-ли ему отъ камня. Однако, какъ стали просить, чтобъ дать ему еще, то согласился я дать другой пріемъ, и уже побольше, и сей, къ великому удивленію всѣхъ, ему тотчасъ помогъ. Онъ успокоился, заснулъ и боль прошла вся, и онъ спалъ всю ночь спокойно.

Между тѣмъ, посылалъ я своего Василія въ городъ провѣдывать о дѣлѣ, и онъ привелъ ко мнѣ самаго секретаря Пашина, который, по счастію, случился человѣкъ знакомый, зять Богородицкаго купца Санина. По дружбѣ его ко мнѣ, онъ уже вездѣ обѣгалъ и выправлялся, и я узналъ, что нѣтъ въ городѣ протоколиста, и что у него всѣ опекунскія дѣла заперты и справиться не по чему. Сіе меня нѣсколько огорчило. Я напоилъ его чаемъ, пуншемъ и водкою, и радовался, что онъ будетъ мнѣ великимъ въ семъ дѣлѣ помощникомъ. Что касается до квартиры, то была она не очень спокойна, собою хотя-бъ и такъ, и сякъ, но холодна и угарна. Но — какъ быть: принужденъ былъ довольствоваться.

На утріе не успѣлъ наступить день, какъ сталъ я помышлять о начинаніи дѣла и послалъ искать санокъ. Повѣренный мой бросился къ Алексинскому первому купцу и головѣ Маслову, который былъ мнѣ отчасти знакомъ. Сей, услышавъ, что я пріѣхалъ, велѣлъ меня звать къ себѣ пить чай. Однако, было сіе въ то время, когда пилъ я свой собственный. Купецъ не пронялся тѣмъ, но прибѣжалъ самъ ко мнѣ и повторилъ званьё. Однако, я отговорился, но принужденъ былъ дать обѣщаніе пріѣхать къ нему обѣдать. Онъ снабдилъ меня санками, и я первый выѣздъ учинилъ къ уѣздному секретарю. Однако, начало было неудачно: секретарь, подгулявши ночью, еще спалъ, а сказали: будто бы онъ пошелъ въ судъ. Я проѣхалъ туда, но тамъ ни бѣшенной собаки, одинъ только дневальный. Спасибо, что и во всемъ городѣ былъ тогда одинъ только суда сего засѣдатель, да и тотъ — ни рыба, ни мясо, даже не было и городничаго. Должность его поручена была уѣздному судьѣ г. Хмырову, но и его не было: — поживалъ себѣ дома. Не нашедъ никого въ судѣ, я въ магистратъ, но и тамъ ни кого. Что дѣлать? Ступай къ засѣдателю! хоть ничего не значитъ, но надобно честь сдѣлать. Я къ нему. Вхожу въ переднюю, ни кого нѣтъ. Вхожу въ другую, гляжу, смотрю знакомый человѣкъ, г. Тутолминъ. «Ба! откуда взялся? гдѣ хозяинъ?» — «Вотъ тотчасъ придетъ». Гляжу, входитъ жена г. Тутолмина, съ своею сестрою. Обѣ знакомыя, обѣ сестры, обѣ родня, хотя далеко, обѣ дочери друга моего Осипа Васильевича Гурьева. «Ма-

тушки мои, здравствуйте! радуюсь, что васъ вижу». Госпожи мнѣ ради, сажаютъ меня и подчиваютъ. Наконецъ, выходитъ и хозяинъ, и подлинно, «ни то, ни сё святое!» Но того мнѣ и въ голову не приходило, чтобъ онъ жёнатъ былъ на свояченицѣ г. Тутолмина, и также дочери г. Гурьева, и мнѣ сдѣлался чрезъ то сродни. Примѣчаю я это и радуюсь, спознакомливаюсь съ нимъ, говоримъ, толкуемъ о дѣлѣ. Онъ жалуется на судей, а самъ ничто. Приходитъ секретарь, бѣгаетъ, выправляется о протоколистѣ, о дѣлѣ вексельномъ и о прочемъ. Протоколиста нѣтъ, уѣхалъ куда-то, рыскаетъ иногда недѣли по двѣ. Безъ него дѣлать нечего. Думали, думали и рѣшились наконецъ на томъ, чтобъ мнѣ ѣхать въ деревню, а они тотчасъ ко мнѣ отправятъ для описи имѣнія моего племянника, какъ скоро судьи съѣдутся, и что будетъ сіе во вторникъ, а не прежде. Вижу я, что перемѣнить сего не можно, и хоть не радъ, а готовъ и я. Думаю и говорю самъ себѣ: «лучше дома всѣ сіи дни проживу, а не тутъ; по крайней мѣрѣ, кормъ будетъ непокупной и квартера не наемная». На томъ и положили.

Посидѣвъ у нихъ и распрощавшись, заѣхалъ я къ секретарю, который звалъ меня къ себѣ неотступно, и очень былъ мнѣ радъ. Звать меня къ себѣ побудило его болѣе то, что ему хотѣлось меня угостить и напоить чаемъ. Но я принужденъ былъ дожидаться его долго, а между тѣмъ наговорились съ нимъ до-сыта. Отъ него поѣхалъ я опять на квартеру и, приказавъ убираться и людямъ обѣдать, поѣхалъ съ нимъ къ Маслову по данному обѣщанію. Ежелибъ я зналъ, что такъ скоро отправлюсь, то не далъ бы ему обѣщанія у него обѣдать, дабы не потерять чрезъ то многова времени. Но какъ слово было уже дано, то перемѣнить было не чѣмъ. Я не засталъ его дома, но послали тотчасъ за нимъ. Ждать я его поджидать! Домъ превеликій, прекрасный и наилучшій во всемъ Алексинѣ. Поелику въ немъ было хорошо и тепло, то радъ я и готовъ былъ хоть нѣсколько часовъ ждать. Наконецъ, прибѣгаетъ хозяинъ, принимаетъ меня ласково, услаждаетъ разговорами и суетится о обѣдѣ. Мужикъ умный, любопытный и свѣдущій! Чтобъ не скучно намъ было однимъ обѣдать, то приглашаетъ онъ еще старичка, тамошняго казначея г. Бабанина. Старичокъ умный, словоохотливый, прекрасный и похожій во многомъ на дѣда Авраама Семеновича. Ну-ка мы всѣ говорить и разсуждать о всякой всячинѣ, и минуты пролетали съ удовольствіемъ и непримѣтно. Наконецъ пошли обѣдать. Присовокупилась къ намъ и хозяйка, баба изрядная и неглупая. Обѣдъ купеческій, но сытный и хорошій. Хозяинъ угощаетъ, подчиваетъ наливками и едва не напоилъ меня пьянымъ. Послѣ обѣда просятъ меня, чтобы дождаться кофея, но кофея хоть бы не было,—самый жидкій, купеческій, но хорошо все. Между тѣмъ приходитъ магистратскій секретарь Брычевъ, малый бойкій, умный, но пьяный и вѣтренный, и я говорю съ нимъ о своихъ дѣлахъ по магистрату.

Наконецъ, пришло время мнѣ уже и ѣхать. Я распращиваюся съ купцомъ, а потомъ съ хозяевами на квартерѣ. Сажусь въ свой возочикъ и пускаюсь въ путь. Хоть не слишкомъ было уже рано, однако, я надѣюсь, что успѣю еще засвѣтло уѣхать далеко. Но — бѣда наша! Изъ всѣхъ бывшихъ со мною, никто не знаетъ домой дороги, а я всѣхъ меньше. Какъ быть? Надобно проводника. Хотѣли-было взять хозяина, но случился попутчикъ, взявшійся проводить насъ до половины дороги. Ради мы тому и, подхватя, пустились въ путь. Дорога была весьма не хороша. Бывшія на тѣхъ дняхъ мятели такъ ихъ занесли, что и самыя большія вездѣ были не натерты, а тутъ по большей части были проселочныя, слѣдовательно, и того еще хуже. Ѣзда была трудная и тяжелая. Однако, противъ чаянія, еще засвѣтло доѣхали мы до Нѣмцова. Но какъ тутъ надлежало намъ сыскивать другого проводника,

то принуждены мы были оставаться. Изъ мужиковъ ни кто не ѣхалъ и не нанимался. Что дѣлать? Принуждены сыскивать десятскаго, и самого почти неволею брать. Покуда мы о томъ суетились, наступила ночь и понесла замѣть. Дорога отъ Нѣмцова была уже совсѣмъ неторная, а замѣть и послѣднюю занесла. Ѣхать мы и тащиться кое-какъ! Дотащились до Татарского — слава Богу! Думаемъ, что доведетъ проводникъ насъ благополучно и до дома. Но не тутъ-то было! Не успѣли выѣхать изъ Татарского и сдѣлаться темно, какъ потерялъ и проводникъ нашъ дорогу, и мы ради были уже, что доѣхали кое-какъ до Домнина. Ночь была уже тогда совершенная, темнота превеликая, замѣтъ сильная, а морозъ того жесточе. Думаю, не ночевать-ли тутъ? Люди совѣтуютъ ѣхать. Просимъ проводника, онаго намъ и сыскиваютъ. Дорога уже совсѣмъ не лѣтная и намъ незнакомая. Но не успѣли мы съ новымъ проводникомъ выкарапкаться кое-какъ изъ Домнина, какъ на встрѣчу намъ мужикъ Анны Николаевны изъ Двореннинова, везущій въ Домнино овесъ. Слава Богу, на что сего лучше! Этотъ проводникъ всего вѣрнѣе, и самъ только что ѣхалъ. Уговариваемъ его воротиться съ нами. Онъ соглашается и повелъ насъ благополучно. Покуда было еще поле, всё ѣхали мы еще хорошо; но какъ скоро доѣхали до луговъ и перелѣсковъ, дорога у насъ и пропала. Вездѣ казалась дорога, а гдѣ ни ступи—по-колѣно. Горе на насъ превеликое! Мѣсили-мѣсили, бродили-бродили, но нигдѣ дороги не найдешь! Что дѣлать? Давай общій совѣтъ! Положили, ѣхать прямо на заводъ, а тамъ уже прудами до дома. Ну, ступай! Ѣхали, ѣхали, и покуда дорога еще была перелѣсками, такъ все еще кое-какъ тащились. Но не успѣли поровняться съ Квакинымъ и выбраться на поле, какъ и та пропала. Искать, искать, бродить, ходить по полю, но не тутъ-то было! Не успѣемъ найтить твердое мѣсто, похожее на дорогу, какъ опять пропадаетъ, а замѣть и вѣтеръ становятся отъ-часу сильнѣе. «Что ребята дѣлать? говорю я своимъ людямъ; проѣздимъ мы всю ночь, промучимся, а толку не будетъ. Хоть не далече, но и на двухъ верстахъ замерзнуть можно. Какъ думаете?» — «Не знаемъ, говорятъ; но какъ бы не доѣхать? дальнее-ли мѣсто? и на своихъ уже земляхъ». Опять поѣхали, опять потащились и опять сбились съ пути и плутать начали. Стужа превеликая, замѣть сильная. «Нѣтъ, говорю, друзья, жаль мнѣ васъ, деревня у насъ подъ бокомъ, поѣдемъ-ка лучше въ Квакино и ночуемъ. Лучше будетъ и безопаснѣе!» Люди хотя нехотя, но соглашаются на то охотно. Итакъ, повернули мы къ деревнѣ. Но и тамъ едва нашли дворишко, гдѣ бы намъ кое-какъ переночевать. Иной дворъ безъ двора, у другаго изба тѣсна, иной далече, за вершинами и за буераками, а и всѣхъ только пять дворовъ. Наконецъ, на-силу-на-силу нашли, и на-силу по огородамъ и по оврагамъ кое-какъ доѣхали до двора. И тутъ не до чая уже и не до дальнихъ разборовъ и прихотей, а давай скорѣе какъ-нибудь ужинать и ложиться спать. Итакъ, вмѣсто дома, принуждены мы были ночевать въ Квакинѣ, въ деревнѣ, лежащей только версты за три отъ насъ, и такой, въ которой мнѣ во весь вѣкъ бывать не случалось. Но до чего не доводитъ случайность! Переночевавъ въ Квакинѣ, и какъ скоро развѣло, пустились мы въ путь свой далѣе. Въ ночь сію, и послѣднія дороги такъ замело, что мы до самаго дома брели бредкомъ, и всё ѣхали цѣликомъ и прокладывали дорогу. Легко можно заключить, каково мнѣ сіе было скучно и досадно, и сколько трудовъ и безпокойствъ надѣлалъ мнѣ Андрей Михайловичъ своимъ опекунствомъ!

По пріѣздѣ своемъ, въ домѣ нашолъ я хоромцы свои хотя топленные, но холодноватые. Напившись чаю и обогрѣвшись, мое первое дѣло было послать къ племяннику своему сказать о своемъ пріѣздѣ. Онъ и не преминулъ ко мнѣ чрезъ часъ явиться. Но какъ удивился *я*, уви-

дѣвъ его одѣтаго самымъ страннымъ образомъ: не то въ тулупѣ, не то въ казакинѣ, не то въ шубѣ, и одѣяніе его было Богъ-знаетъ какое! Но удивленіе мое сдѣлалось еще болѣе, когда онъ въ своемъ шутовскомъ нарядѣ, безъ всякаго уваженія меня и нарочно какъ презирая, началъ по горницѣ у меня расхаживать и хорохориться какъ-бы какой лордъ и мнѣ совсѣмъ набитый братъ. Я, удивляясь, сказываю ему за чѣмъ пріѣхалъ, а онъ и того еще пуще и власно-какъ-бы насмѣхаясь мнѣ, началъ смѣяться и говорить, что напрасно я вхожу въ такія хлопоты. Досадно мнѣ сіе невѣдомо-какъ было, но я крѣпиться, я говорить и такъ, и сякъ, но онъ и въ устъ (sic) не дуетъ. Гляжу, смотрю, тащитъ изъ-за пазухи бумагу. Чтὸ-бъ такое? Послѣдній указъ о опекунствѣ, въ которомъ написано, что малолѣтніе, достигши 14-ти лѣтъ, имѣютъ право избирать себѣ попечителя для совѣта и защиты. Признаться надобно, что указа сего мнѣ никогда еще до того видѣть не случалось и что оный посмутилъ меня. Я легко могъ усмотрѣть, что онъ на самый сей указъ и надѣялся, какъ на каменную стѣну, и потому-то такъ бурлилъ и кутилъ. Однако, смущеніе мое не долго продолжалось. Я тотчасъ усмотрѣлъ, что тутъ же, во второмъ пунктѣ, сказано, что малолѣтній не прежде вступаетъ въ распоряженіе имѣніемъ своимъ, какъ на восемнадцатомъ году. Оный и доказывалъ, что онъ все еще малолѣтнымъ и имѣніемъ своимъ управлять не можетъ. Я старался ему сей пунктъ внушить и изъяснить. Но онъ не хотѣлъ, а часъ-отъ-часу болѣе меня и словами, и поступками своими раздосадовать старался, и наглые и грубые поступки его до того, наконецъ, дошли, что сколько я былъ ни терпѣливъ, но вышелъ, наконецъ, изъ терпѣнія, и далъ ему за его неучтивство къ себѣ и совершенное непочтеніе изрядную на словахъ гонку. Молодецъ мой опѣшилъ и струсился. Примѣтя сіе, я гонять его еще. Но дитя сіе не таково было, чтобъ можно было ласкаться привесть его въ разсудокъ. Во всѣ дурноты и пороки былъ онъ уже слишкомъ погруженъ, и потому, натурально, все сіе не могло ему пріятнымъ быть. Чтὸ у него на умѣ было, того уже не знаю, но то было примѣтно, что хотѣлось ему какъ-можно скорѣе отъ меня уйтить. Я унимать его у себя обѣдать, но статочное-ли дѣло! Я такъ и сякъ, но не тутъ-то было! Ушолъ-таки, сказавъ, что онъ будетъ послѣ обѣда и, сѣвши въ санки, запѣлъ и поѣхалъ со двора. Сіе одно уже доказываетъ, каковъ былъ молодецъ!

Такимъ образомъ, оставшись, обѣдалъ я одинъ, и все ожиданіе мое послѣ обѣда было тщетно. Видно, куда-нибудь лызу далъ! Сіе происшествіе привело меня въ смущеніе. Я не могъ предвидѣть, чтὸ воспослѣдуетъ далѣе, но весьма бы радъ былъ, если-бъ поспѣшествовало бы оно къ тому, чтобъ я могъ отъ опекунства сего отдѣлаться и избѣжать отъ взятія къ себѣ въ домъ такого негоднаго ребенка, съ которымъ неминуемо буду имѣть безконечныя безпокойства и досады; ибо, по всему видимому, не было въ немъ добра ни на волосъ.

Препроводивъ весь вечеръ въ писаніи превеликаго письма въ Москву къ своему сыну, въ которомъ описывалъ шуточнымъ образомъ всѣ свои происшествія, ночевалъ я въ холодноватомъ своемъ кабинетѣ. Но, проснувшись по-утру, скоро увидѣлъ, что мнѣ никакъ не можно было исполнить того, чтὸ положилъ-было я ввечеру сдѣлать, то-есть послать нарочнаго въ Серпуховъ для отданія письма моего на почту. Шумъ, услышанный мною на дворѣ, и холодъ въ комнатѣ скоро возвѣстили мнѣ, что на дворѣ ужасная непогода и буря. Оная, и дѣйствительно, была столь сильная и вьюга такая страшная, что о посылкѣ въ дальній путь и помыслить было не можно, буде не хотѣть явнымъ образомъ подвергать опасности жизнь посланнаго. Словомъ, мятель во весь день была столь сильная, какой нѣсколько лѣтъ не бывало, и снѣга несло и сверху, и снизу такъ много, что за десять сажень ничего было не

видно. Сіе причиною было, что я весь сей день, случившійся въ день самаго праздника Срѣтенія Господня, препроводилъ одинъ однёхонекъ и въ превеликой скукѣ. Стужа и холодъ выгнали меня совсѣмъ изъ моего новаго и просторнаго кабинета. Я переселился уже въ новый мой залъ, но и тамъ принужденъ былъ сидѣть всё у печки и читать книгу. По счастію, случилась тогда со мною очень занимательная, Мейснеровъ «Алцибіадъ»; и если-бъ не она, то пропалъ бы со скуки, а занимаясь чтеніемъ оной, и не видалъ какъ летѣло время.

Между тѣмъ, не преминулъ я велѣть распровѣдывать о своемъ ближнемъ сосѣдѣ племянничкѣ, и увидѣлъ, что я въ мнѣніи и ожиданіи своемъ не ошибся: урылъ еще тогда же, какъ отъ меня возвратился, куда-то! Во всемъ домѣ видно запрещено было сказывать о томъ, куда онъ поѣхалъ, а нужда такая—что ужасть! Узнали только, что поспѣшность его была такъ велика, что малому, который съ нимъ поѣхалъ, не далъ путемъ и пообѣдать, но давай-давай скорѣе лошадей! Садись въ санки и скачи куды зря! Я очень любопытенъ былъ знать, гдѣ-бъ онъ въ такую страшную непогоду и мятель находился и гдѣ-бъ сидѣлъ, ибо ѣхать было никакъ не можно. Но всё мои распровѣдыванія были тщетны. Сіе обстоятельство и несумнѣнность, что онъ положилъ бѣгать и укрываться, произвело то, что я не зналъ уже чѣмъ дѣло сіе кончится и что воспослѣдуетъ впередъ, и не сдѣлаетъ-ли все сіе суду и опекѣ остановки?

Непогода и стужа продолжалась во всю ночь, но къ утрему утихла. Небо прояснилось. Содѣлался день красный, но морозъ еще вдвое сильнѣе и жесточе; такъ что не было почти терпѣнія. А какъ хоромцы мои и безъ того были не очень теплы, то сіе и гораздо меня безпокоило. Дровишки скверныя, нигдѣ и ничего не уконопачено и вездѣ несло. Однако, думаю и говорю себѣ: «какъ быть! я немногіе дни какъ-нибудь пробьюся».

Вставши и обогрѣвшись чаемъ, первымъ дѣломъ моимъ было послать провѣдать объ Андреѣ Михайловичѣ; но его не было еще дома, и ни кто не зналъ куда онъ уѣхалъ. Посланный мой привелъ ко мнѣ его стряпчаго и всѣхъ злыхъ дѣлъ наставника Ѳедю. Но съ бездѣльникомъ что можно было говорить? Немного погодя, смотрю, попъ ко мнѣ на дворъ. Сего я давно уже дожидался, и тѣмъ паче, что хотѣлось мнѣ отъ него точнѣе узнать о лѣтахъ моего племянничка, поелику онъ его крестилъ. Но — хвать! лѣтъ сихъ не знаетъ точно и его благословеніе, а говоритъ только на-угадъ, что ни у отца его и ни у него нигдѣ не было о томъ записано. Но какъ знать о томъ необходимо было нужно, то думать мы съ попомъ и гадать какъ быть? Вспомнилъ, наконецъ, попъ, что крестилъ онъ его въ самый тотъ день, какъ освящаема была Савинская церковь, и что онъ пріѣзжалъ крестить его оттуда. И какъ то число, въ которое сіе освященіе было, подписано въ той церкви на крестѣ, то взялся попъ нарочно туда съѣздить и списать со креста. Радъ я тому, что случился крестникомъ его столь достопамятный монументъ. «Ради Бога, батюшка, съѣзди, говорю я попу, и разрѣши мое сумнѣніе, и буде подлинно уже немного времени остается быть ему въ опекѣ, то что и входить въ пустыя хлопоты». Попъ мой дрожитъ отъ стужи; я обогрѣваю его водкою и протуриваю въ Савинское. Самъ же сажусь за прежнее свое упражненіе, за считаніе старосты и прикащика и за чтеніе книгъ. Скука такая, не читаются и книги. Послалъ прикащика на заводъ закупать рыбы. Жду судей изъ Алексина, но судьи не ѣдутъ, да и быть имъ скоро не можно. Сижу у печки, топлю ее самъ, дровишки нарублены слишкомъ долгими, все не ладится. На-силу-на-силу истопили и обогрѣлись. Объ Андреѣ Михайловичѣ все еще не было слуху. Иные говорили, что поѣхалъ онъ въ Котово къ пріятелю своему прикащику тамошнему, съ которымъ была у него дружба; иные видѣли

его за Котовымъ; но ни кто подлинно не вѣдалъ. Наконецъ, пріѣзжаетъ и попъ мой пьянымъ-пьяпёхонекъ, на-силу говоритъ. Никогда я его такимъ не видывалъ. Но какъ бы то ни было, но, по крайней мѣрѣ, подаетъ мнѣ записку, списанную съ креста. «Подай-ка, подай, батюшка, посмотримъ». Но что-жъ? Глядь, анъ — въ самомъ дѣлѣ родился онъ въ 1775 году и окрещенъ 20-го октября. Я считать сколько ему тогда было уже лѣтъ и нахожу, что, не смотря на весь его малый ростъ, шолъ ему тогда дѣйствительно семнадцатый годъ, и что оставалось только восемь или девять мѣсяцовъ до срока того, когда онъ долженъ вступить самъ въ управленіе имѣніемъ своимъ. «Вотъ какая диковинка! говорю; къ чему же входить въ хлопоты и стоитъ-ли уже того, чтобъ симъ пакостнымъ опекунствомъ и заниматься». Попъ пьяненькій меня уговариваетъ, чтобъ я его хоть на короткое время къ себѣ взялъ и его повоздержалъ несколько; но я думаю совсѣмъ тому противное. Да и въ самомъ дѣлѣ, что можно было мнѣ изъ него, такого развращеннаго и испорченнаго мальчишки, въ теченіи восьми мѣсяцовъ сдѣлать? Могло-ль выйтить изъ того что-нибудь хорошее, кромѣ однѣхъ скучныхъ хлопотъ, крайнихъ досадъ и безпокойствъ, а безъ всякой пользы. «Не наживу-ли я тѣмъ думалъ и говорилъ я тогда самъ себѣ, отъ него только вѣчной вражды, да и только всего? Дѣла же никакого не сдѣлаю, и не выйдетъ-ли, по пословицѣ говоря, что синица море зажигала, моря не зажгла, а славы надѣлала».

Отпустя попа, обогрѣвши его пуншемъ, думать я и гадать, какъ быть и что дѣлать. Говорю и совѣтую съ своимъ Василіемъ, но тотъ столько же знаетъ. Уже хочется мнѣ какъ-нибудь отбиться отъ опекунства; уже я и радъ, что племянничекъ мой ушелъ и уѣхалъ; уже бы я и желалъ, чтобъ судъ не могъ безъ него войтить въ опись, и мнѣ бы можно было какъ-нибудь съ честью отдѣлаться; уже сажусь я и пишу чорное доношеніе въ опеку; но все дѣло какъ-то не клеилось. Бросаю опять все, хватаю книжку, сажусь спиною къ печкѣ и провожу весь вечеръ въ уединеніи и скукѣ. Судьи мои не бывали и не было объ нихъ ни слуху, ни духу, ни послушанія, никто не зналъ, когда они будутъ. И весь послѣдующій день прошелъ въ тщетномъ ожиданіи судей. Не было ни о комъ ни малѣйшаго слуха, а и объ Андреѣ Михайловичѣ столько же. Только стали говорить, что видѣли его въ Похвисневѣ, въ Таруской его деревнѣ. Впрочемъ, былъ у меня въ этотъ день попъ и дьяконъ, по посидѣли не долго. Отъ скуки, досады и отъ стеченія всѣхъ прочихъ обстоятельствъ, рѣшился я долѣе въ деревнѣ своей не жить, но въ послѣдующій день отправиться въ Богородицкъ, а оставить тутъ своего стряпчаго, ибо видно было по всему, что ничему и ни какому дѣлу не бывать.

Принявъ намѣреніе сіе, написалъ я Василію своему вѣрющія письма, также для московскихъ нашихъ описаніе и сталъ собираться въ путь. Итакъ, едва послѣдующій день насталъ, какъ, снабдивъ Василія нужными наставленіями и приказавъ ѣхать въ Алексинъ, отправился самъ въ путь довольно еще рано, такъ что пріѣхалъ еще въ 10 часовъ въ Өедешово къ г. Кислинскому, къ которому положилъ заѣхать. Хозяева мнѣ были очень рады и не отпустили безъ обѣда. Но за симъ обѣдомъ промешкалъ я до 3-го часа, такъ что въ Тулу пріѣхалъ уже ночью, и становлюсь опять у Пастухова.

Въ послѣдующій день, сколько мнѣ ни хотѣлось поспѣшить и ранѣе ѣхать домой, но необходимо надлежало побывать у Юницкаго и явиться. Мятель превеликая! Но что дѣлать? Принужденъ былъ ѣхать опять въ санкахъ и зябнуть дорогою, а того болѣе у него, въ холодномъ залѣ. Дождался, дожидался его вставанія, да и сталъ. Наконецъ, изволилъ выйтить. Говоритъ, говоритъ, я спѣшу отъ него, а онъ велитъ еще посидѣть, авось-де еще что вспомню. А чего вспомнить? Ничего! Досадно мнѣ, но пособить не чѣмъ. Завелъ я рѣчь о электрической

машинѣ, и попалъ, спасибо, на струну говорить. Разговоръ начался прелюбопытнѣйшій, и я такъ много насказалъ ему о машинѣ и лѣченіи, что онъ заслушался, и такъ ею прельстился, что, имѣя самъ у себя машину, но незнающій, что съ нею дѣлать, просилъ меня невѣдомокакъ о сообщеніи ему моего перевода и о написаніи книжки о электрицизмѣ. Слава Богу, дружба такая! Я даю обѣщаніе. Но, пора ѣхать. Откланиваюсь, спѣшу, пріѣзжаю къ хозяину, расчитываюсь съ нимъ въ деньгахъ, которыми онъ мнѣ былъ долженъ, обѣдаю, сажусь въ возочикъ свой и отъѣжжаю.

Въ Дѣдиловъ пріѣхали мы уже передъ вечеромъ. Однако, я напился только чаю и, покормивъ съ часъ лошадей, пустился далѣе въ свой путь. Ѣхать было очень дурно и не скоро. Снѣга навалило пропасть, мѣсится, ухабъ на ухабѣ, обмеркаю въ Крутомъ, ѣду уже ночью и бреду бредкомъ. Наконецъ, пріѣзжаю и нахожу дома своихъ всѣхъ здоровыми. А тѣмъ день сей и кончился, и я путешествіе свое окончилъ, которое было совсѣмъ пустое и наведшее мнѣ только множество скуки, а никакого дѣла изъ того не вышло, и опека моя такъ и осталась, чему я и радъ былъ.

Но симъ дозвольте мнѣ и сіе письмо кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочая.

(Ноября 8 дня 1812 года. Двоениново).

Письмо 277.

Любезный пріятель! Между тѣмъ, какъ я помянутымъ образомъ странствовалъ, находилась и жена моя съ дѣтьми все еще въ своемъ путешествіи. Помянутая жестокая стужа и мятель застала ихъ возвращающихся уже изъ Ростова, на дорогѣ, и они претерпѣли отъ ней великую нужду и безпокойство. Какъ около того времени, какъ я возвратился въ Богородицкъ, по расчоту времени, надлежало и имъ уже скоро къ намъ быть,—то и начали мы ихъ со дня на день уже поджидать. Но прошелъ день, другой, третій, и еще столько же, но ихъ не было и въ появѣ. Наконецъ, 9-го числа настала у насъ тогда уже и масляница, но объ нихъ не было и слуху. «Господи! говорили мы между собою, что за диковинка, что они не ѣдутъ! Давно-бъ имъ пора уже быть». И ожиданіе наше содѣлалось нетерпѣливымъ. Уже начали мы посматривать въ окошко, не ѣдутъ ли? Уже начали ожидать каждый часъ и въ каждую минуту и отъ-часу болѣе удивляться тому, что они не ѣхали. Уже не одинъ разъ, при услышаніи шума отъ саней, пріѣзжавшихъ къ намъ около сего времени многихъ и разныхъ гостей, выбѣгали мы почти на крыльцо встрѣчать, думая, что то наши и, обманувшись, съ огорченіемъ возвращались. Нетерпѣливость наша увеличилась до того, что я загадывалъ уже о пріѣздѣ ихъ по геомантіи пунктированіемъ и досадовалъ, что и сія наука не прежде пріѣздъ ихъ предвѣщала, какъ въ третій день масляницы, хотя и въ сей разъ, къ превеликому удивленію моему, не солгала, а сказала истинную правду. Ибо не успѣли мы, занимаясь безпрерывно почти пріѣзжавшими гостями, препроводить двухъ первыхъ дней нашей масляницы и пройтить почти уже весь и третій, и когда, по наступленіи въ оной уже вечера, перестали уже мы и ждать,—какъ вдругъ закричали: что наши, наши пріѣхали съ Москвы! Нельзя изобразить, какъ сильно я имъ обрадовался. Я, кинувъ случившихся у насъ тогда гостей и позабывъ все, бросился на крыльцо встрѣчать оныхъ и искалъ глазами моего сына, который былъ для меня всѣхъ дороже. Съ какимъ удовольствіемъ обнималъ я его, выскочившаго прежде всѣхъ изъ повозки, того никакъ пересказать не можно! Бѣдняжка чуть-было въ Москвѣ не умеръ, но, по счастію, ему полегчѣло и они всѣ, къ неописанному нашему обрадованію, возвратились благополучно.

И тогда превратилось у насъ все въ домѣ и изъ прежней тишины и безмолвія сдѣлался радостный шумъ и волненіе. Пошли разборы, разговоры, разсказыванія,

показыванія и распрашиванія. Вслѣдъ за ними пріѣхали къ намъ еще гости, нѣкоторые изъ городскихъ нашихъ. Но намъ не до гостей было. Мы совсѣмъ почти объ нихъ позабыли. Сынъ навезъ мнѣ изъ Москвы множество всякой всячины: ландкартъ, книгъ и другихъ разныхъ вещицъ, и всё хорошихъ. Надобно было всё пересматривать, надобно было ему всё показывать. Изъ книгъ накупилъ онъ самъ собою множество французскихъ и русскихъ, и всѣ онѣ были такъ хороши, что я былъ ими весьма доволенъ и не могъ довольно ими навеселиться. Въ такихъ же разсматриваніяхъ провели мы и все утро послѣдующаго дня и часы сіи были для меня очень веселы. Прочее-жъ время дня сего было у насъ шумное и прямо масляничное. Къ обѣду пріѣхали къ намъ и Ламковскіе, а послѣ обѣда съѣхались всѣ почти городскіе наши друзья и знакомцы поздравлять ихъ съ пріѣздомъ, и мы для дня сего ввечеру немного и потанцовали и были веселы. Единое только уменьшало наше удовольствіе, что Павелъ мой былъ не очень здоровъ и чувствовалъ въ себѣ еще великую слабость. А на другой день ѣздили мы сами по гостямъ, по зву и безъ зва, а для сдѣланія контравизитовъ. По возвращеніи же ввечеру домой, стали всѣ помышлять о составленіи на утріе затѣваемаго уличнаго маскарада и ѣзды по городу во многихъ саняхъ. Сію затѣю мы въ послѣдующій день, и дѣйствительно, произвели въ дѣйство. И какъ она была особаго рода, то и опишу я сіе наше необыкновенное катанье въ самой подробности.

Мы набрали сколько можно болѣе лошадей, саней и людей и составили сущую серенаду. Сперва ѣхалъ верхомъ капельмейстеръ мой, въ черкескомъ платьѣ и татарской шапкѣ. За нимъ двое верховыхъ лакеевъ, въ красныхъ сюртукахъ, съ медвѣжьею опушкою; а за ними ѣхали большія сани, запряженныя пятью тройками или 15 лошадьми. Каждою тройкою управлялъ форрейтеръ, ѣхавшій на средней лошади и одѣтый также въ красный теплый сюртукъ. Кучеръ же сидѣлъ на саняхъ, одѣтый въ хорошее ямское платье *). Кромѣ его, сидѣло въ саняхъ восемь человѣкъ музыкантовъ, съ валторнами и флейтраверсами. Къ симъ же санямъ, сзади, прицѣплено было другихъ восемь саней, изъ которыхъ были одни другихъ меньше. Сіи санки покрыты были разноцвѣтными коврами, и на нихъ сидѣли всѣ наши госпожи, дѣвицы и кавалеры, сколько набралось ихъ для сей серенады. Я сидѣлъ въ послѣднихъ и лучшихъ санкахъ и заключалъ всю процессію и все шествіе. Предлинный рядъ лошадей, красные сюртуки на нихъ ѣдущихъ, бѣлыя попоны, покрывающія коренныхъ, и потомъ куча музыкантовъ и производимый ими гармоническій звукъ, а тамъ предлинный и смѣшной рядъ нашихъ санокъ, производили прекрасное и вкупѣ смѣшное, пріятное и такое зрѣлище, какова никому изъ тамошнихъ жителей видать никогда еще не случалось. Почему и не удивительно, что едва только мы съ процессіею сею показались въ городѣ, какъ со всѣхъ сторонъ побѣжали къ намъ люди и поскакали сани и всѣ кучами и толпами послѣдовали за нами и умножали огромность зрѣлища. Однихъ саней съ катающимися по городу мущинами и женщинами набралось десятковъ пять или болѣе, а пѣшаго народа превеликое множество. Тѣ, соединяясь съ взводами и рядами, ѣхали отчасти позади насъ, отчасти по сторонамъ, стараясь другъ друга выпереживать, а сей бѣжалъ по бокамъ и не могъ насытиться зрѣніемъ. Происходило сіе въ масляничную субботу, послѣ обѣда, когда весь народъ гулялъ и катался. Мы, поѣхавши отъ дома, проѣхали прямо въ городъ, и онымъ, большою улицою проѣхавъ, возвратились назадъ чрезъ торговую площадь въ нашу слободу, и оною опять уже назадъ. И можно сказать что катанье сіе было и для самихъ насъ очень весело и забавно, а для тамошнихъ городскихъ жителей служило матеріею для всеобщихъ разговоровъ, и такимъ памятникомъ, о которомъ безсомнѣнно и

*) и одѣтый въ красномъ плащѣ.

понынѣ еще разсказываютъ они другъ другу.

Что касается до послѣдняго дня масляницы, то былъ онъ прямо шумный и прощальный, и все какъ въ городѣ, такъ и у насъ въ домѣ находилось въ движеніи. По-утру всѣ были въ церкви, а послѣ обѣда начались разъѣзды по гостямъ и прощанья обыкновенныя. Къ намъ пріѣзжали опять многіе изъ города, а потомъ вздумали всѣ боярыни еще такимъ же образомъ покататься по городу, какъ наканунѣ; и смѣховъ и шуму веселаго было довольно. Въ вечеру же ѣздили всѣ на часокъ къ молодому нашему попу, въ гости. Сей, предъ недавнимъ до того временемъ, привезъ изъ Коломны молодую свою жену, женщину умную, порядочно воспитанную и столь прекрасную и любви достойную, что едва-ли кто во всемъ Богородицкѣ изъ женщинъ могла въ красотѣ съ нею сравняться. И какъ боярыни наши всѣ ее полюбили, и она пріѣзжала съ матерью звать всѣхъ къ себѣ, то и восхотѣли всѣ сей любви достойной четѣ сдѣлать посѣщеніемъ своимъ удовольствіе.

Такимъ образомъ провели мы всю тогдашнюю масляницу отмѣнно весело и хорошо, и всѣмъ семействомъ заговѣлись ввечеру въ мирѣ и удовольствіи, и ничего не было такого, что бъ могло возмущать духъ нашъ. По наступленіи жъ первой недѣли великаго поста, все утихло и пріуныло; мы всѣмъ домомъ начали говѣть, и молодой нашъ попъ долженъ былъ отправлять въ домѣ у насъ обыкновенное служеніе.

Въ семъ богомоліи прошла у насъ вся первая недѣля великаго поста, которую, кромѣ онаго, препроводилъ я въ безпрерывныхъ занятіяхъ, и отчасти въ чтеніи книгъ, отчасти въ разныхъ писаніяхъ; а не менѣе занимался и своею машиною и лѣченіемъ на оной людей разныхъ. Кромѣ сего, имѣлъ я и хлопоты, по случаю оказавшейся въ одномъ селѣ Бобриковской волости прилипчивой и столь опасной болѣзни, отъ которой цѣлые дворы вымирали, и я принужденъ былъ употреблять всѣ возможнѣйшія средства и старанія къ пресѣченію оной, посылалъ туда лѣкаря и нѣкоторыхъ изъ моихъ подкомандующихъ, для дѣланія распоряженій, нужныхъ для предосторожности, и на-силу-на-силу пресѣкъ сіе зло, наводившее на меня великую заботу. Кромѣ сего, самого меня смущало и озабочивало слабое здоровье моего сына, которое, чрезъ ѣзду его въ Ростовъ, не только не поправилось, но, какъ казалось, сдѣлалось еще хуже. Я не могъ взирать на него безъ того, чтобъ не обливалось сердце мое кровью и туча страшныхъ мыслей не пролетала сквозь мою голову. Впрочемъ, и самъ я около сего времени мучился жестокимъ кашлемъ, отъ котораго при помощи машины и другихъ средствъ на-силу избавился.

Во всѣ достальные дни текущаго тогда февраля мѣсяца не было у насъ почти ничего въ особливости достопамятнаго, кромѣ того, что оба мы съ сыномъ спознакомливались отъ-часу болѣе съ электрицизмомъ, къ чему съ одной стороны помогало намъ много славное Бертолоново сочиненіе о электрицизмѣ, которое мы съ нимъ, привезенное имъ изъ Москвы съ собою, читали, и весьма многое изъ него заимствовали, а съ другой стороны дѣлаемые самими нами всякій день опыты лѣченіемъ машиною своею разныхъ болѣзней и дѣлаемыми при томъ замѣчаніями. И какъ количество оныхъ и удачныхъ вылѣчекъ со всякимъ днемъ увеличивалось, то и началъ я около сего времени всему-всему порядочную записку и составлять всему электризованію моему совершенную почти исторію, которой цѣлыхъ три тома и понынѣ хранятся въ манускриптѣ въ моей библіотекѣ. Сверхъ того, во все сіе время занимаясь и придумываніемъ коечего вновь, къ нашей машинѣ относящагося, привели ее предъ прежнимъ еще въ лучшее состояніе. Кромѣ сего, 27-е число февраля было достопамятно тѣмъ, что съ онымъ совершилось 19,500 дней моей жизни. Слѣдовательно съ онымъ прожилъ я на свѣтѣ половину двадцатой тысячи дней. И стеченіе обстоятельствъ произвело, что я случайно и

праздновалъ оный какъ бы нарочно. Ибо, какъ въ самое сіе время случились у насъ быть родные наши Кислинскіе со всѣмъ своимъ семействомъ, а сверхъ того съѣхались еще многіе изъ нашихъ городскихъ и пріѣзжихъ пріятелей, то набралось случайнымъ образомъ людей множество. И потому былъ у меня обѣдъ большой, а ужинъ и того больше, и сборный; и мы провели день и вечеръ сей довольно весело.

А послѣдній день сего мѣсяца ознаменовался полученіемъ мною опять изъ Экономическаго Общества пакета, съ посылкою и письмомъ отъ г. Нартова. Посылка состояла въ одной книгѣ подъ заглавіемъ «Руководство къ хлѣбопашеству, г. Рогенбуко», а письмо слѣдующаго содержанія:

«Государь мой, Андрей Тимоѳеевичъ! При семъ посылаю къ вамъ отъ Общества новопапечатанную книгу о земледѣліи, увѣдомляя, что сочиненіе ваше о подниманіи ключей напечатано въ 45 части, которую скоро вамъ сообщу. Собраніе наше процвѣтаетъ, и трудами своими и новыми изобрѣтеніями заслужило безпристрастную похвалу во всей Европѣ. Сожалѣтельно только, что мы отъ господъ дворянъ нашихъ не получаемъ ни какихъ извѣстій ни о хлѣбопашествѣ, ни о прочихъ частяхъ домостроительства, сколько я ни старался заводить переписку. Въ Россіи, конечно, находятся хорошіе хозяева и знатоки земледѣлія. Не знаю причины, которая удерживаетъ ихъ имѣть сношеніе съ Экономическимъ Обществомъ, которое труды каждаго пріемлетъ благопріятно и старается соотчичамъ своимъ оказать пристойную похвалу и, по требованіямъ, доставлять наставленія. Изъ печатающихся книгъ нашихъ усмотрите, сколь мало изъ Россіянъ присылаютъ къ намъ извѣстія, да и собраніе наше въ Петербургѣ составлено все почти изъ иностранныхъ, которые трудятся, а наши земляки не хотятъ удостоить возвѣщеніемъ своихъ хозяйственныхъ наблюденій или примѣчаній. Сколько ни задаемъ задачъ, не получаемъ по сію пору отвѣтовъ; даже по «Начертанію», напечатанному и обнародованному о намѣстничествахъ, не имѣемъ еще ни строчки...

. . . .

Получивъ письмо, преисполненное столь многими жалобами, ласками и самыми убѣдительнѣйшими просьбами, что оставалось мнѣ дѣлать? Можно-ли было не тронуться оными и продолжить далѣе свое жестокосердіе? Можно-ли было пребыть долѣе непреклоннымъ? Я прочитывалъ его нѣсколько разъ, и чѣмъ болѣе читалъ, тѣмъ болѣе увеличивалась прежняя моя охота къ перепискѣ съ Обществомъ, и скоро вся досада моя на него исчезла, какъ дымъ. Усердіе патріотическое къ общей пользѣ возродилось вновь, и я рѣшился возобновить опять мою переписку съ онымъ, не взирая ни мало на то, что отъ всего того не можетъ произойтить ни какой пользы. Со всѣмъ тѣмъ, не хотѣлось мнѣ прежняго намѣренія своего совсѣмъ оставить, но при семъ случаѣ сказать имъ, когда не все, такъ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько изъ того, о чемъ хотѣлось-было мнѣ имъ хорошенько изъяснить, еслибъ не отвергнуто было ими желаніе мое къ повѣренной перепискѣ и сказать, когда не прямо все, такъ мимоходомъ, вскользь, или только такъ намекнуть, чтобъ могли они о прочемъ уже сами догадаться.

Такимъ образомъ, расположившись къ нимъ писать, не сталъ я долго медлить, а заготовивъ предлинное письмо, отправилъ оное въ Петербургъ въ самый день Благовѣщенья, то есть 25 марта, и ровно чрезъ 25 дней послѣ полученія письма изъ Петербурга. Оно было слѣдующаго содержанія:

. . . .

«Перо мое слабо къ изображенію вамъ совершенно всего того, что̀ я относительно къ вамъ чувствую; равно какъ и собственнаго моего негодованія на то, что господа наши россійскіе домостроители толико нерадивы и толь мало труды и старанія Общества, справедливую похвалу отъ всего свѣта пріобрѣтшаго

уважаютъ и желаніямъ его соотвѣтствовать стараются. Хотя домостроительная наука и находится у насъ въ сущемъ еще младенчествѣ, но нельзя статься, чтобъ въ нынѣшнія, часъ-отъ-часу болѣе просвѣщающіяся времена, не было у насъ весьма многихъ любопытныхъ, знающихъ, рачительныхъ и такихъ домостроителей, которымъ бы изъ опытности многихъ, весьма нужныхъ и такихъ вещей не было извѣстно, которыя достойны сообщены быть для свѣдѣнія всему обществу. Но что собственно удерживаетъ нхъ отъ того, о томъ едва-ли можно сказать что-нибудь рѣшительное. Причины могутъ быть весьма многоразличны и неодинакія. Иныхъ удерживаетъ, можетъ быть, недостатокъ нужныхъ способностей къ описыванію всего имъ извѣстнаго, другихъ недостатокъ смѣлости и отваги пуститься въ сіе нужное дѣло; третьихъ недостатокъ охоты къ предприниманію трудовъ, съ тѣмъ сопряженныхъ; а иныхъ предпочитающихъ пользу свою — общественной; можетъ быть, и самое нехотѣніе давать то знать другимъ, что имъ самимъ принесло пользу. Легко статься можетъ, что тѣмъ, которые могли-бъ писать, недостаетъ нужныхъ экономическихъ свѣдѣній и опытностей, а тѣмъ, которые въ томъ недостатка не имѣютъ, недостаетъ способности къ писанію или охоты и усердія къ отечеству. А въ разсужденіи иныхъ, можетъ быть, и нѣкоторыя особыя черты ихъ характеровъ дѣлаютъ тому помѣшательство. Словомъ, причины могутъ быть многоразличныя; а вообще можно рѣшительно опять сказать, что государство наше слишкомъ еще молодо къ тому, чтобъ можно было отъ домостроителей нашихъ ожидать чего-нибудь дальнѣйшаго.

«Что касается до неполученія на заданные вопросы отвѣтовъ, о которомъ вы упоминать изволите, то я, прочитавъ оные, съ самаго начала сего ожидалъ, и теперь вижу, что я въ мнѣніи своемъ и въ заключеніяхъ о причинахъ, которыя всѣхъ недопускать до того будутъ, не обманулся. Мнѣ казалось, что и всѣмъ, также какъ и мнѣ, мѣшать будетъ наиболѣе то обстоятельство, что о всѣхъ, упоминаемыхъ въ «Начертаніи», матеріяхъ требуется извѣстіе относительно до цѣлыхъ намѣстничествъ. А какъ намѣстничества наши не такъ малы, чтобъ можно было безъ особливыхъ какихъ поспѣшествующихъ тому случайностей какому-нибудь приватному человѣку имѣть совершенное и точное обо всѣхъ вещахъ относительно до цѣлаго намѣстничества свѣдѣніе, а особливо когда извѣстно, что рѣдкое намѣстничество найтиться можетъ такое, котораго въ уѣздахъ не было бы ни въ чемъ изъ относящихся какъ вообще до хозяйства, такъ и до всѣхъ заданныхъ многочисленныхъ вещахъ разности; но, напротивъ того, о многихъ намѣстничествахъ сказать можно, что во всѣхъ почти уѣздахъ ихъ находится разнообразіе,—то съ трудомъ и такіе люди найтиться могутъ, кому бы всѣ оныя разности были извѣстны, и которые бы смѣло могли описывать все безъ опасенія, чтобъ не насказать чего нескладнаго, съ истиною несообразнаго, и не сдѣлать какой важной ошибки, и чрезъ то не подвергнуть себя порицанію и отъ знающихъ людей справедливому осмѣянію. Все сіе заключаю я по себѣ самомъ. Я сколько ни помышлялъ о желаемомъ вами съ моей стороны удовлетвореніи хотѣнія Общества и сколь усердіе мое въ семъ случаѣ было ни велико, но признаюсь, что всякій разъ, при начинаніи сего дѣла, находилъ я себя совершенно не въ силахъ на всѣ вопросы въ разсужденіи всего намѣстничества нашего отвѣтствовать, ибо оное все мнѣ, какъ приватному человѣку, далеко не коротко знакомо; а потому и принужденъ былъ сіе дѣло оставить. Сверхъ того, есть нѣкоторыя другія обстоятельства, мѣшавшія и мѣшающія мнѣ и понынѣ входить въ подобное тому дѣло, еслибъ я въ силахъ былъ произвесть оное. Легко могло-бъ статься, что не угодилъ бы я чрезъ то нѣкоторымъ людямъ и навлекъ бы на себя еще болѣе неудовольствія, нежели какія я уже, къ огорченію, претерпѣлъ за труды, мною изъ усердія къ обществен-

ной пользѣ предпринимаемые, и что̀ того удивительнѣе—отъ такихъ людей, которымъ, по-надлежащему, долженствовало бы меня поощрять еще къ тому и послѣшествовать сему полезному дѣлу своимъ покровительствомъ. Но что о томъ говорить! Не одинъ разъ доводимъ я былъ до того, что возамѣревался уже совсѣмъ бросить свое перо. Единое только усердіе мое къ общей пользѣ убѣждаетъ меня сего не дѣлать, и всѣ таковыя препоны не болѣе уважать, сколько онѣ достойны. А всходствіе того, не премину я и впредь все то отъ времени до времени сообщать, что̀ за нужное и возможное къ сообщенію находить буду; равно какъ приложу возможнѣйшее стараніе о доставленіи въ Общество и требуемыхъ натуралій, какія только набрать могу....»

. . . .

Письмо сіе отправилъ я по обыкновенной почтѣ и все, находящееся въ ономъ, упоминалъ не для того, чтобъ отъ того могли произойтить какія-нибудь слѣдствія, но чтобъ, по крайней мѣрѣ, г. Нартовъ зналъ, что я къ молчанію имѣлъ свои причины; а сверхъ того, хотя бъ нѣчто малое вѣдалъ, что мнѣ въ писаніи дѣлаются препоны и помѣшательства. Впрочемъ, хотя я не говорилъ отъ кого именно, но думалъ, что онъ легко можетъ догадаться, что̀ происходитъ то отъ моихъ начальниковъ и командировъ, а особливо отъ самого намѣстника; ибо и сей бездѣльниками и негодными клеветниками доведенъ былъ до того, что мнѣ однажды упрекнулъ, для чего упражняюсь я въ писаніи, которое слово было мнѣ весьма чувствительно и несносно; и о семъ-то намекалъ я стороною въ письмѣ моемъ.

Что касается до сдѣланнаго обѣщанія прислать къ нимъ разныхъ натуралій, то учинилъ я сіе почти по-неволѣ, изъ единой благопристойности; но спѣшить тѣмъ никакъ былъ не намѣренъ, ибо вѣдалъ, что дѣло сіе составляетъ сущіе пустяки и навесть только могло множество хлопотъ, а пользы произойтить никакой не могло; а оставилъ сіе до поры и времени. Такимъ образомъ, пославъ къ нимъ свое обширное писаніе и, изъяснивъ въ ономъ ту великую ошибку, которую учинило Общество при задаваніи своихъ вопросовъ, расположился я опять на нѣсколько времени молчать, къ чему помогало много и наступившее вешнее, къ писанію и безъ того неспособное, время.

Теперь, возвращаясь назадъ, надобно мнѣ пересказать о томъ, что̀ въ теченіи того времени у насъ происходило, которое прошло между полученіемъ отъ Нартова вышепомѣщеннаго письма и отправленіемъ моего на оное отвѣта, или, лучше сказать, въ теченіи всего марта мѣсяца. Самое начало онаго достопамятно мнѣ было тѣмъ, что обрадованъ я былъ полученіемъ латерна-магика или волшебнаго фонаря, котораго у меня до сего времени не было. Зять мой, ѣздившій на короткое время опять въ Москву, купивъ его, привезъ его ко мнѣ въ подарокъ. Не могу изобразить, какъ много оба мы съ сыномъ обрадованы были сею бездѣлкою, и сколько надѣлала она намъ собою удовольствія, и напротивъ—сколько и хлопотъ, работъ, трудовъ и затѣевъ новыхъ. Ибо какъ оптическая сія игрушка была самая маленькая, дешевая, во многомъ весьма недостаточная и неисправная, то и принуждены мы были ее исправлять и придумывать все, что̀ могло только служить къ приведенію ея въ лучшее совершенство. И посллку труды наши не потеряны были тщетно, то колкими же и удовольствіями наградила она насъ за труды наши. Словомъ, она присовокупила къ прежнимъ нашимъ упражненіямъ превеликое множество новыхъ по отношенію къ ней; но за то и получили мы новую вещицу, которою могли и себя, и пріѣзжающихъ къ намъ гостей занимать и веселить.

Съ другой стороны достопамятно было начало сего мѣсяца тѣмъ, что я впервыя выдумалъ и основалъ тѣ разборные на разные классы приходовъ и расходовъ денежныхъ тетради, которыя съ того времени всякій годъ продолжаю и понынѣ, и каковыя для всякаго хозяина отмѣнно полезны, хотя и ни у кого еще нѣтъ ихъ въ обыкновеніи дѣлъ.

Въ-третьихъ, достопамятны были первые дни сего мѣсяца тѣмъ, что никогда почти такое множество гостей ко мнѣ не пріѣзжало, какъ въ сіе время: таки гость за гостемъ, да и только всего! И не успѣвалъ одинъ со двора съѣхать, какъ другой въѣзжалъ на дворъ, и сіе нѣсколько дней сряду продолжалось безпрерывно, такъ что и самые уже казенные конюха дивились тому, что къ намъ такой большой пріѣздъ былъ. Да и я иногда самъ уже и не радъ имъ былъ, поелику я, за угощеніемъ ихъ, отсталъ почти отъ всѣхъ своихъ дѣлъ и упражненій; и, подлинно, дивиться было надобно, какъ я и при толь частыхъ помѣшательствахъ могъ успѣвать множество дѣлъ исправлять. Но, правду сказать, и не пропадала у меня ни же одна праздная и свободная минута времени, но употребляема была на какія-нибудь литературныя, либо любопытныя и художественныя занятія.

Наконецъ, около 8-го числа сего мѣсяца, потребованъ я былъ опять съ нашими денежками въ Тулу, и я отвезъ ихъ 15-ть тысячъ и провелъ въ путешествіи семъ трое сутокъ, которое достопамятнымъ сдѣлалось мнѣ двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, тѣмъ, что я нашелъ всю Тулу и всѣхъ въ ней занимающихся превеликими пріуготовленіями ко встрѣчѣ, пріему и угощенію графа Безбородки, бывшаго въ тогдашнее время первымъ министромъ и важнѣйшимъ вельможею, и всѣхъ равно какъ на цыпочкахъ его дожидавшихся. Но онъ благополучно проѣхалъ на Смоленскъ, и всѣ пріуготовленія, стоившія болѣе 1,000 рублей, остались тщетными. Во-вторыхъ, что я, въ сію мою бытность въ Тулѣ, разстался и распрощался на вѣкъ съ другомъ моимъ и бывшимъ прежнимъ нашимъ сотоварищемъ Антономъ Никитичемъ Сухотинымъ, отъѣзжавшимъ тогда со всѣмъ своимъ семействомъ на житье въ Володиміръ. Мы разстались съ нимъ со слезами на глазахъ, и мнѣ не удалось уже болѣе никогда его и все его семейство видѣть.

По возвращеніи моемъ, долженъ я былъ опять всякій почти день имѣть дѣло со многими пріѣзжавшими къ намъ гостями, и не только съ своими городскими, но и пріѣзжими, и какъ наподрядъ все еще съ господами генералами, и можно сказать, что у насъ въ сіе время не только погостилось, но и погенералилось. Не успѣлъ я, по возвращеніи своемъ, сбыть съ рукъ заставшихъ у себя проѣзжихъ и пріѣзжавшихъ къ намъ гостей, и только что обрадовавшись тѣмъ, думалъ взять хоть на нѣсколько дней покой, какъ, гляжу-смотрю, князь нашъ городничій въ двери и сказываетъ, что скоро будетъ генералъ Леванидовъ, и чтобъ я велѣлъ въ замкѣ для пребыванія его отперть покои, и все нужное приготовить. Сіе меня, встревоживъ, принудило скорѣе одѣваться и ждать сего новаго незнакомаго и знаменитаго гостя. Однако, не только тотъ, но и послѣдующій за тѣмъ день прошелъ у насъ въ тщетномъ ожиданіи, и мы не прежде его дождались, какъ передъ вечеромъ третьяго дня, и когда мы перестали его уже почти ждать. Сей гость назывался Андреемъ Яковлевичемъ и служилъ тогда по арміи генералъ-поручикомъ. Я не прежде о его пріѣздѣ узналъ, какъ по въѣздѣ его уже въ замокъ. И какъ я былъ уже одѣтъ, то и поѣхалъ тотчасъ къ нему. Со всѣмъ тѣмъ, онъ повстрѣчался уже со мною въ воротахъ замка, идущій съ княземъ осматривать нашу церковь. Поелику онъ обо мнѣ съ хорошей стороны предваренъ былъ отъ самаго нашего намѣстника и отъ нашего вицъ-губернатора Вельяминова, то обошелся онъ со мною дружески и весьма благопріятно, поцѣловался и обрекомендовался со мною; и какъ казалось, оба мы другъ друга въ сію минуту полюбили. Всѣ мы пошли въ нашу церковь, и онъ, какъ любопытный и съ великими свѣдѣніями человѣкъ, осматривалъ все въ ней находящееся съ особеннымъ вниманіемъ и хвалилъ всѣ мои выдумки и затѣи, относящіяся до ея украшенія. Оттуда возвратились въ замокъ, напились чаю, и тогда пошло у насъ съ

нимъ дѣло. Слово за слово, и разговоры начались безконечные, и матеріи многоразличныя. Я — показывать ему садовую нашу съ рисунками книгу; я — показывать пески; я — сказывать ему то, сказывать другое! Дошло до «Экономическаго Магазина». Онъ его знаетъ, получалъ при газетахъ, и оный у него въ почтеніи, но не зналъ, что я его писалъ. Сіе насъ еще болѣе познакомило другъ съ другомъ. Онъ ласкается ко мнѣ, проситъ къ себѣ моего дружества, предлагаетъ переписку со мною дружескую, и мы весь вечеръ провождаемъ у него съ удовольствіемъ.

По возвращеніи домой, едва я только съ домашними своими отъужинавъ, началъ раздѣваться, какъ закричали: «гости! гости!» И кто-жъ? Другой генералъ, Дмитрій Васильевичъ Арсеньевъ, съ племянниками своими и Львомъ Савичемъ Крюковымъ и его женою. Гости сіи были намъ уже и не во-время. Надлежало ихъ угощать, готовить вновь для нихъ ужинъ и, за всѣмъ тѣмъ, не спать часу до втораго. Наконецъ, на-силу-на-силу, мы ихъ уложили.

Оба знаменитые гости наши не долго у насъ пробыли. Не успѣлъ послѣдующій день настать, какъ генералъ Леванидовъ собрался ѣхать, и едва его засталъ. Онъ принялъ меня и въ сей день со всѣми изъявленіями своей ласки и благопріятства. Я поднесъ ему прекрасную коллекцію тамошнихъ песковъ и оду Слѣпцова, списанную для него, и разстался съ нимъ съ удовольствіемъ. При самомъ отъѣздѣ своемъ повторилъ онъ еще разъ свою просьбу о начинаніи съ нимъ переписки дружеской и увѣрялъ, что она будетъ ему полезна.

Возвратясь домой, занялся я другимъ своимъ превосходительнымъ гостемъ и старался его всячески угостить. Но и сей въ то же утро отъ насъ поѣхалъ. Но товарищи его, за сдѣлавшеюся уже распутицею, остались у насъ на весь сей день, который провели мы съ ними довольно пріятно. А не успѣлъ сей день кончиться и настать другой, какъ, глядимъ, катитъ къ намъ третій генералъ въ гости. Сей былъ также человѣкъ знакомый и никто иной, какъ прежній нашъ губернаторъ Матвѣй Васильевичъ Муромцовъ. Онъ ѣхалъ или, паче сказать, по распутицѣ тогдашней тащился изъ Москвы, со всею своею фамиліею, женою и дочерьми, и мы имѣли тогда случай еще впервыя видѣть молодую его, вторую жену, и съ обѣими его старшими дочерьми познакомиться. Всѣ онѣ были благопріятныя, милыя и любви достойныя особы. Всѣ обласкались съ моими домашними чрезвычайно, а дочери въ единый мигъ сдружились съ моими. Я очаровалъ ихъ показываніемъ всѣхъ моихъ штучекъ какъ электрическихъ, такъ и прочихъ. Жена, и онъ и дѣти были любопытные и любящіе все куріозное люди, а таковымъ и хорошо всё показывать. Генеральша, будучи великая мастерица играть на фортопіанахъ, играла на нашихъ, и мы слушали игру ея съ удовольствіемъ. Мы угостили ихъ обѣдомъ, и они разстались съ нами съ сожалѣніемъ и звали невѣдомо-какъ къ себѣ, въ ихъ Баловнево, куда они тогда по распутицѣ тащились.

Не успѣли мы сихъ гостей спустить со двора, какъ пріѣхали новые, для празднованія вмѣстѣ съ нами дня имянинъ жены моей, который былъ на утріе. Итакъ, и въ сей день было у насъ людно, шумно и довольно весело. Одно только дѣлало удовольствіямъ моимъ великое помѣшательство то, что сынъ мой опять-было жестоко занемогъ и слегъ-было совсѣмъ въ постель. Я невѣдомо-какъ страшился, не поразила-ли и его свирѣпствующая около сего времени въ городѣ особаго рода лихорадочная и довольно опасная болѣзнь, ибо отъ оной многіе умирали; да и мы въ домѣ своемъ лишились сапожника, малаго весьма молодаго и добраго; и потому употребляли все возможное къ уничтоженію его болѣзни и, по счастію, имѣли въ томъ нарочитой успѣхъ, такъ что онъ опять скоро пообмогся и намъ въ сей день сотовариществовалъ, который достопамятенъ былъ съ другой стороны и тѣмъ, что мы въ оный полу-

чили вдругъ три важныя извѣстія, поразившія насъ собою. Первое было о злодѣйскомъ умерщвленіи шведскаго короля Густава III въ маскарадѣ; второе, что римскій императоръ Леопольдъ вдругъ также и скоропостижно умеръ; а третье, что и сама наша императрица была что-то не очень около сего времени здорова, и всѣ съ трепетомъ душевнымъ опасались, чтобъ усиливающаяся около сего времени злодѣйская французская революція, чрезъ агентовъ и сообщниковъ своихъ, не произвела чего и надъ нею также, какъ она тѣхъ сбыть съ рукъ своихъ злодѣйски постаралась. Легко можно заключить, что всѣ сіи три извѣстія подавали намъ поводъ ко многимъ разговорамъ.

Всѣ достальные 12 дней мѣсяца марта и нашего великаго поста, по причинѣ продолжающейся во все сіе время половоди и распутицы совершенной, провели мы на большую часть одни и въ разнообразныхъ занятіяхъ. Я продолжалъ возиться съ своею машиною и придумывалъ къ ней еще кое-что, а особливо врачебные инструментики, которые были тѣмъ нужнѣе, что лѣченіе машиною продолжалось у насъ почти безпрерывно, и такъ, что иногда человѣкъ по десяти или пятнадцати на одинъ день лѣчивались, и успѣхи въ помоганіяхъ становились отъ часу громче. Кромѣ сего, занималъ насъ много собою и фонарь волшебный. А кромѣ его сдѣлали мы у себя еще оптическій теремокъ, который куріозностью своею также удивлялъ и занималъ многихъ. А сынъ мой раскрашивалъ въ сіе время ландкарты и апостоловъ, украшающихъ собою и нынѣ его кабинетъ. Наконецъ, не забывали мы съ нимъ и чтенія, а я также своего пера, которое не лежало ни одного дня празднымъ, но что-нибудь писало и не уставаю.

Между сими разными занятіями нечувствительно приблизилась и Страстная недѣля, съ которою кончился и мартъ мѣсяцъ. Мы провели оную въ обыкновенномъ богомоліи, равно какъ въ новой реформѣ и убираніи своего кабинета къ наступающему празднику.

Но симъ дозвольте мнѣ кончить и сіе письмо мое и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочая.

(Ноября 11 дня 1812 года. Дворениново).

Письмо 278.

Любезный пріятель! День пасхи случился у насъ въ сей годъ 4-го апрѣля. И какъ все мое семейство было въ совокупленіи у меня и все здорово, а притомъ и погода, ровно какъ нарочно для сего великаго праздника, была ясная и хорошая, то провели мы сей день довольно весело. Но оный одинъ только во всю Святую недѣлю и былъ, въ который пользовались мы хорошею погодою, а въ прочіе она была такая дурная и такая перемѣнная, и весна наша вскрылась въ сей годъ такъ медленно и такъ дурно, и открытіе ея соединено было съ столь многими снѣжными и дождевыми непогодами, что мы давно такой дурной весны не видали, — и потому не только всю Святую недѣлю, но и всю почти Ѳоминую провели мы не слишкомъ весело; къ чему много поспѣшествовало то, что оба мои внучаты, жившіе у насъ, были не очень здоровы; у мальчишки болѣли что-то глаза, а у внуки моей росла на шеѣ какая-то шишка, которую мы никакъ и ничѣмъ истребить не могли и боялись, чтобъ бѣдняжкѣ отъ ней не умереть. Кромѣ того, причинялъ мнѣ и хохолъ, командиръ мой, нѣкоторыя досады и неудовольствія глупыми своими требованіями и поступками, объ которыхъ узнавалъ я отъ пріѣзжающихъ изъ Тулы. Къ характеру сего человѣка не могъ я никакъ примѣниться: то былъ онъ ко мнѣ друженъ и благопріятенъ, то опять Богъ-знаетъ что, и ни рыба, ни мясо, и то-и-дѣло перемѣна, то добрая, то худая, и происходило все то наиболѣе отъ страннаго его характера. Словомъ, если бъ не помогали намъ съ сыномъ наши разнообразныя занятія, доставлявшія намъ всегда многія минуты пріятныя, и которыми занимались мы и въ

самую дурную погоду, то былъ бы для насъ сей періодъ времени, продолжавшійся почти во весь апрѣль мѣсяцъ, очень скученъ и непріятенъ. Но любезныя книги, писаніе и рисованіе претворяли его въ пріятный. Симъ образомъ, въ мирѣ и тишинѣ, провели мы цѣлыхъ двѣ трети сего мѣсяца. Но 21 числа онаго, и въ самое то время, когда мы, по случаю съѣхавшихся ко мнѣ многихъ для тогдашняго праздника гостей, только-что развеселились-было при играніи музыки и пѣнія пѣвчихъ, какъ вдругъ перетревоженъ я былъ прискакавшимъ ко мнѣ изъ Тулы нарочнымъ курьеромъ съ повелѣніемъ, чтобъ я тотчасъ ѣхалъ въ Тулу и привозилъ бы съ собою всѣ деньги, сколько ни находится у меня въ наличности. «Господи помилуй! воскликнулъ я, прочитавъ ордеръ; опять деньги! На нашихъ денежкахъ они съ ума сошли и какъ бы ни какихъ ни гдѣ тамъ у нихъ не было, и изволь смотрѣть! повези-ста ихъ теперь въ такую пропастную грязь и совершенную еще распутицу!» Со всѣмъ тѣмъ, присылка нарочнаго за ними курьера и притомъ требованіе отъ насъ вѣдомости о хлѣбѣ и повелѣніе, чтобъ привезъ я съ собою и секретаря моего Щедилова, приводило меня въ нѣкоторое сомнѣніе и побудило, не смотря на все позднее тогдашнее время, послать въ тотъ же мигъ за Щедиловымъ. По приходѣ его, ну-ка мы съ нимъ оба ломать себѣ голову, помышляя о томъ, за чѣмъ бы насъ обоихъ, и съ такою скоростью, въ Тулу спрашивали? Клали такъ и сякъ, но все много находили непонятнаго. Болѣе-жъ всего думали, что, конечно, наши денежки назначены для отсылки къ нашему намѣстнику, о которомъ сказывали намъ, что онъ отправленъ съ войскомъ въ Польшу для занятія оной, и что на подъемъ дано ему 10 тысячъ. Но на что спрашивали о хлѣбѣ, и на что моего Прокофья Егоровича, сего мы не понимали? Но какъ бы то ни было, но ѣхать намъ надлежало, и ѣхать скоро. Итакъ, говорю я Щедилову, чтобъ онъ тогда же послалъ за крестьянскими лошадьми подъ свою кибитку, и вставалъ бы на утріе по-ранѣе, для сочиненія хлѣбной вѣдомости. Но покуда ее писали и переписывали, покуда привели крестьянскихъ лошадей и собрались съ деньгами и все уложили, до тѣхъ поръ прошло у насъ все утро и мы не прежде выѣхали, какъ часу въ девятомъ. Отъ безпрерывнаго дождя, лившаго во весь прошедшій день и во всю ночь, грязь вездѣ растворилась превеликая, и ѣхать намъ такъ было дурно, что мы съ нуждою къ половинѣ дня дотащились до Дѣдилова. Тутъ, покормивъ лошадей и подъ сильнѣйшимъ еще дождемъ, потащились мы далѣе и заботились невѣдомо-какъ о томъ, какъ переѣхать намъ Упскую гать и рѣку Упу. Моста чрезъ ее было еще не сдѣлано, а перевозъ былъ самый скверный и топь подлѣ его и по всей длинной гати превеликая. По величинѣ дня надѣялись мы пріѣхать въ Тулу еще рано; но сей счотъ дѣланъ былъ безъ хозяина. Не успѣли мы доѣхать до Моржовки, какъ хряпъ, подъ кибиткою, ось! Экое горе! Что дѣлать? По счастію, случилось это близёхонько подлѣ новой тутъ, только-что поселенной деревенки. — «Бѣги, братецъ, въ дворики сіи, говорю я конюху, и ищи оси». Конюхъ побѣжалъ, а я, между тѣмъ, думаю, гдѣ тутъ быть осямъ, и можно-ли у мертвыхъ пчелъ искать кануна. Со всѣмъ тѣмъ счастіе послужило намъ въ сей разъ: мы не только нашли тутъ ось, но ось добрую, ось новую, ось не дорогую; а что всего лучше, хозяинъ двора выбѣжалъ къ намъ и съ пилою и съ топоромъ и самъ все нужное приладилъ и придѣлалъ. Но какъ бы то ни было, но мы принуждены были промедлить тутъ не мало времени. Наконецъ, незадолго до захожденія солнца, дотащились мы кое-какъ до Упской гати. Тутъ, услышавъ, что чрезъ перевозъ въ каретѣ переправиться никоимъ образомъ было не можно, поѣхали мы на мостъ, сдѣланный въ селѣ Языковѣ; но тутъ, къ крайнему нашему огорченію, нашли, что моста нѣкоторая часть была разо-

брана, чтобъ не ѣздили. Что дѣлать? Посылаю къ самому помѣщику, велю просить дозволенія переѣхать черезъ мостъ, просить, чтобъ мостъ велѣно было починить. Тотчасъ высланы были люди, отпрягли карету, и кое-какъ на себѣ перетащили. Ладно! Но все сіе задержало насъ опять на нѣсколько времени. Солнце уже садилось, а намъ надлежало еще объѣзжать далеко въ сторону одну рѣчку. Указали намъ гдѣ ѣхать. Дорога такая скверная, все на гору и подлѣ водороинъ, того и смотри, что полетишь стремглавъ. Принужденъ былъ выходить изъ кареты и мѣсить по грязи пѣшкомъ, чтобъ не опрокинуться. Лошади притомились, шли уже худо; ѣхать было еще далеко, дурно, грязно и по незнакомой дорогѣ. Тащиться мы часъ, тащиться другой, наступила уже ночь, и если бъ продлилось ненастье, то не знаю уже какъ бы намъ ѣхать; по, по счастью, небо прочистилось и сталъ свѣтить мѣсяцъ. Ради мы были уже и тому, и при свѣтѣ луны переправились чрезъ двѣ рѣчки; но въ Тулу не прежде пріѣхали, какъ уже въ одиннадцатомъ часу. Лошади на-силу насъ дотащили. Уже располагался-было я у Николы Зарытова ночевать, но мнѣ отсовѣтовали. Великую трудность имѣли мы ѣдучи и по Тулѣ. Мостовая скверная, дорога въ рядахъ изрыта была вся, на-силу проѣхать. Наконецъ, пріѣзжаю къ Пастухову. Всѣ давно уже тутъ спали. Я не велю никого будить и, дождавшись на-силу поотставшей кибитки, спѣшу ложиться спать. Надѣясь застать въ Тулѣ ужинъ; поѣли мы въ Дѣдиловѣ все, что ни взято было у насъ съ собою на дорогу; остался одинъ только ломтикъ ветчины. Я раздѣлилъ и сей съ товарищемъ своимъ Щедиловымъ. Итакъ, ужинъ былъ у насъ въ сей день прямо философскій, и очень, очень не дурной. Я радъ былъ, что дозалился до постели, и спалъ какъ убитый.

Зная, что г. Юницкой спитъ долго, располагался-было я выспаться отъ трудовъ по-утру хорошенько; но не то вышло. Лишь только начало разсвѣтать, какъ разбудилъ меня соловей, висящій въ клѣткѣ, въ той горницѣ, гдѣ я спалъ. Хозяинъ, будучи великимъ охотникомъ до птицъ всякаго рода, имѣлъ ихъ тутъ множество всякихъ. Сей проклятый соловей поднялъ преужасно звонкій и безпрерывный крикъ, столь пронзительный, что разбудилъ бы и мертваго. Мнѣ спать еще очень хотѣлось, а онъ, какъ за языкъ повѣшенный, то-и-дѣло оретъ и кричитъ. Что ты изволишь! Ни когда не былъ мнѣ такъ досаденъ соловей, какъ въ сіе утро. Не даетъ спать, да и только всего! И я истинно не знаю, что за удовольствіе держать его у себя въ комнатахъ? Сколь пріятно весною пѣніе его надворное, столь отяготительно оно въ комнатахъ. Отъ громкаго его свиста жужжало даже въ ушахъ, а трескъ и крикъ его былъ такъ звонокъ, что не слышно было за нимъ, что говорятъ люди.

Одѣвшись и повидавшись съ хозяиномъ, поѣхалъ я съ Щедиловымъ къ директору. Хохолъ заставилъ меня еще съ-часъ дожидаться своего вставанія, да и разгузынился-было еще, для чего я не скоро пріѣхалъ. Досадно было мнѣ то невѣдомо-какъ, и я уже зубъ-за-зубъ схватился съ нимъ за то. Потомъ пошло у насъ дѣло. Онъ показываетъ мнѣ полученную изъ Петербурга бумагу, и она разрѣшила все наше сумнительство, но ввергнула въ новое недоумѣніе. Было то письмо отъ Василья Степановича Попова къ губернатору, въ которомъ прописывалось, что Императрицѣ угодно знать, сколько всей Богородицкой суммы въ сборѣ, сколько ей въ употребленіи, гдѣ достальная хранится, или роздана она въ долги, на комъ именно, и подъ какимъ закладомъ, и нѣтъ-ли еще какихъ продуктовъ, и на-сколько именно цѣною? И какъ нужно было для сего знать, сколько у насъ какого хлѣба, то для сего и надобенъ былъ я. Господа хотѣли-было объ ономъ и о самыхъ деньгахъ сущую чуху написать, однако, я не совѣтовалъ и предлагалъ столь убѣдительныя причины, что они на то согласились. Итакъ, мы съ директоромъ ѣздили въ казенную

полату. Тамъ всѣ о томъ только и думали и помышляли. Письмо Попова содержало въ себѣ для всѣхъ непроницаемую загадку. Деньги велѣно было всѣ собрать, чтобъ были всѣ налицо, и буде бы можно въ золотѣ и серебрѣ. А съ начала въ письмѣ было упомянуто, что доходы Богородицкой и Бобриковской волости входятъ въ вѣдомство московскаго директора экономіи. Многіе думали, что сіе написано было ошибочно, а другіе говорили совсѣмъ не то, а что та особа, которой назначены волости, будетъ, конечно, жить въ Москвѣ, и ей деньги будутъ доставляемы. Другіе полагали инако, но никто не зналъ истины, а всѣ единогласно говорили, что, по всему видимому, волостямъ нашимъ приближается конецъ. Меня заставили писать и сочинять примѣрную форму вѣдомости, и съ моей взяла образецъ и вся казенная полата. Но въ сей день ничего не было кончено.

Юницкой велѣлъ мнѣ пріѣзжать къ себѣ обѣдать. Но какъ обѣда сего было долго дожидаться, то съѣздилъ я изъ полаты къ другу своему Петру Ивановичу Запольскому, и мы съ нимъ о тогдашнихъ политическихъ дѣлахъ и обстоятельствахъ кое-что, съ часъ времени, покалякали. Отъ него заѣзжалъ я еще въ аптеку, для запасенія себя нѣкоторыми матеріалами для лѣкарствъ, а оттуда проѣхалъ уже къ Юницкому. Его еще не было дома. Наконецъ, пріѣхалъ и онъ съ Темешовымъ, и мы обѣдали. А послѣ обѣда еще кое-что писали, а тамъ отпустилъ меня Юницкой до послѣдующаго дня на квартеру, а самъ поѣхалъ опять въ полату.

Возвратясь къ Пастухову, я въ тотъ день никуда болѣе не ѣздилъ, а далъ и себѣ, и лошадямъ своимъ отдохновеніе. А на другой день поѣхали мы опять къ директору. Ни то доволенъ онъ былъ моимъ присовѣтованіемъ, ни то иное что; но въ сей день было у насъ съ нимъ ни лой, ни масло, и онъ раздобрился даже до того, что велѣлъ пріѣзжать опять обѣдать, и не только мнѣ, но и Щедилову; но домой не прежде насъ отпустилъ, какъ по отправленіи курьера петербургскаго, который тутъ жилъ и дожидался. Итакъ, онъ поѣхалъ въ полату, а я въ ряды покупать что мнѣ было надобно. И, по исправленіи всѣхъ нуждъ своихъ, заѣхалъ въ полату, гдѣ между тѣмъ, готовили отправленіе, и лгали, и воровали всячески, чтобъ скрыть Давыдовскія шалости и проказы. Тутъ Верещагинъ, увидѣвъ меня, приступилъ съ неотступною просьбою, чтобъ мнѣ обѣдать въ сей день у него, и выпросилъ даже на то дозволеніе у Юницкаго. Итакъ, я обѣдалъ уже у него, а къ Юницкому заѣзжалъ уже послѣ обѣда. И будучи, наконецъ, отъ него отпущенъ, пошелъ съ Щедиловымъ уже пѣшкомъ до квартеры, гдѣ выкормивъ лошадей, и хотя поздно, но отправились въ тотъ же день въ обратный путь, и успѣли еще пріѣхать ночевать въ Дѣдиловъ. Тутъ нашли уже всѣхъ спящихъ, и ужинъ былъ у насъ и въ сей день весьма легкій. Кусокъ жареной, холодной говядины составилъ все наше кушанье, но, по крайней мѣрѣ, спать намъ было хорошо, и мы довольны были, что туда поспѣли. Упу переѣхали мы опять по тому же мосту, но мостили его уже сами, и дорога была уже суха. По-утру же встали мы такъ рано, что успѣли поспѣть еще къ чаю въ Ламки, гдѣ нашелъ я всѣхъ своихъ, и съ ними уже возвратился въ Богородицкъ.

Симъ образомъ кончилъ я и сіе мое путешествіе благополучно. Привезенныя съ собою вѣсти о письмѣ Попова и сужденія многихъ о предстоящей важной перемѣнѣ съ нашими волостьми не весьма были пріятны моимъ роднымъ и подавали поводъ всѣмъ намъ ко многимъ разговорамъ, опасеніямъ и къ самому ожиданію того, что съ нашими волостьми воспослѣдовать имѣетъ.

Вскорѣ послѣ сего наступилъ май мѣсяцъ. Оба мы съ сыномъ съ нетерпѣливостью дожидались сего наилучшаго и пріятнѣйшаго мѣсяца въ году. Но начало онаго въ сей годъ было такъ холодно, что и похожаго не было на весн

почему принуждены мы были вооружаться терпѣніемъ, а между тѣмъ, заниматься своими прежними комнатными упражненіями и сводить знакомство съ нѣкоторыми пріѣзжими къ намъ въ городъ дворянскими, намъ до того незнакомыми, фамиліями, жившими тутъ довольно долгое время для пользованія больныхъ своихъ отъ нашего лѣкаря. Къ числу сихъ пріѣзжихъ фамилій принадлежали въ особливости фамиліи господъ Емельяновыхъ и Рѣдкиныхъ, съ которыми въ короткое время такъ мы спознакомились и сдружились, что они очень часто бывали у насъ, а мы у нихъ, и они во всѣхъ нашихъ великихъ увеселеніяхъ брали соучастіе, и мы знакомствомъ, ласками и дружествомъ ихъ были весьма довольны.

Между тѣмъ 3 числа мая имѣлъ я удовольствіе получить опять толстый пакетъ изъ Экономическаго Общества, съ 45 частью «Трудовъ» онаго. Я не сомнѣвался, что находилось при оной какое-нибудь письмо, но удивился, не нашедъ никакова. Сіе случилось еще въ первый разъ, что, при присылкѣ книги, ничего ко мнѣ было не писано, и я не понималъ, чтò бъ это значило? Не досугъ-ли было г. Нартову; отлучка-ли его была тому причиною, или то, что я послѣднимъ моимъ письмомъ такъ его смутилъ, что онъ не зналъ, чтó мнѣ на оное отвѣтствовать? Словомъ, я не зналъ, чтò думать; но, наконецъ, полагалъ болѣе то, что причиною сему молчанію было то, что о присылкѣ въ скоромъ времени сей книги г. Нартовъ писалъ ко мнѣ въ предслѣдовавшемъ письмѣ, слѣдовательно, повторять о томъ не было нужды. Но какъ бы то ни было, но книга прислана одна и содержала въ себѣ множество піесъ, и между прочими мою о поднимапіи ключей. Нельзя сказать, чтобъ я при усмотрѣніи сочиненія своего напечатаннымъ чувствовалъ какое-либо особливое удовольствіе. Я такъ уже къ сему привыкъ, что меня сіе ни мало уже не трогало, и я смотрѣлъ на оное, напечатанное съ самаго начала, весьма хладнокровно.

Первое вешнее тепло началось у насъ не прежде 5 числа сего мѣсяца. Въ сей впервыя выходили мы съ сыномъ моимъ прогуливаться въ сады наши, и оный достопамятенъ былъ и тѣмъ, что въ оный привезли къ намъ изъ Тулы первое извѣстіе о гоненіи, воздвигнутомъ въ Москвѣ на господъ Мартинистовъ, и что самый ихъ глава г. Новиковъ взятъ и куда-то сосланъ; а книги его и весь домъ опечатанъ. Сіе услышавши, поразился я сожалѣніемъ о семъ моемъ и всегда благопріятствовавшемъ мнѣ знакомцѣ и пріятелѣ, а вкупѣ и порадовался тому, что Богъ отвелъ и сохранилъ меня отъ того, что я не входилъ съ нимъ никогда ни въ какую тѣсную связь, а по носящимся о какой-то ихъ сектѣ сомнительствамъ, всегда имѣлъ къ нему недовѣрку и при всѣхъ случаяхъ отъ повѣреннаго съ нимъ обхожденія удалялся и бѣгалъ отъ него, какъ отъ огня.

11 число сего мѣсяца имѣли мы опять случай быть со всѣмъ семействомъ своимъ на освященіи одной вновь въ волостномъ нашемъ селѣ Іевлевѣ построенной каменной церкви. Освящалъ ее одинъ изъ коломенскихъ протопоповъ Андрей Ивановичъ Ласкинъ, а угощаемы всѣ мы обѣденнымъ столомъ въ большомъ раскинутомъ шатрѣ были секретаремъ моимъ Щедиловымъ, подъ смотрѣніемъ и попеченіемъ котораго церковь сія была строена. Мы провели тамъ таки довольно времени, и я съ умнымъ, любопытнымъ и свѣдущимъ о многомъ протопопомъ симъ не могъ довольно наговориться, и постарался самъ его всячески угостить, когда онъ ко мнѣ на другой день заѣхалъ.

Наилучшее, теплѣйшее и способнѣйшее къ гулянію вешнее время настало у насъ не прежде 12 числа сего мѣсяца. А какъ мы съ сыномъ онаго съ нетерпѣливостью дожидались, то и не преминули мы онымъ колико можно болѣе пользоваться. И съ самаго сего времени и начались у насъ съ нимъ почти ежедневныя гулянья по садамъ тамошнимъ—когда уединенныя утреннія, соединяемыя съ увеселеніями себя красотами натуры, ког-

да въ сотоварществѣ съ дѣтьми моими и пріѣжжающими къ намъ тутошними и посторонними гостьми. Всѣ они, а особливо лѣчащіеся и въ Богородицкѣ для того жившіе, брали въ прогулкахъ и вешнихъ забавахъ и утѣшеніяхъ нашихъ живѣйшее соучастіе и почитали себя въ семъ отношеніи весьма намъ обязанными. Не рѣдко собиралось насъ превеликое общество, и мы утѣшались не только гуляньемъ по нашимъ садамъ прекраснымъ, но и играющею въ нихъ по вечерамъ маленькою моею духовою музыкою, а иногда пѣвчими нашими, поющими пріятныя пѣсни. Словомъ, съ сей стороны городокъ нашъ въ сіе время походилъ на такой, куда съѣзжается народъ для питья водъ и лѣченія себя оными.

Что касается до приватныхъ и особенныхъ нашихъ прогулокъ, то въ особливости памятенъ мнѣ былъ 19 день сего мѣсяца. Въ оный вся натура была въ наипрекраснѣйшей своей вешней одеждѣ. Послѣ бывшаго предъ тѣмъ дождя все было живо, все весело, все смѣялось, вездѣ тепло, вездѣ пріятно, а особливо въ прекрасномъ густомъ лѣсочкѣ, находящемся въ моемъ собственномъ садикѣ. Тутъ не мѣшалъ гулять и вѣтерокъ самый. Лужочки внутри онаго были какъ бархатные, съ низкою травою; деревья всѣ развернулись, и листъ ихъ былъ еще нѣженъ и хорошъ. Птицъ цѣлые хоры гремѣли повсюду. Небо чистое и ясное. Блескъ и сіяніе солнца веселое. При входѣ въ садъ наполнялась вся душа нѣкакимъ неизобразимымъ весельемъ. Нельзя было утерпѣть, чтобъ по зеленой муравѣ не поваляться, ее не облобызать и ею не полюбоваться. Цвѣтовъ цвѣло повсюду великое множество. Всѣ яблони и вишенныя деревья унизаны были ими. Мы были въ саду по-утру, были послѣ обѣда, были и ввечеру. Въ полдни были у насъ съ дѣтьми сущія рѣзвости, было читаніе, и бѣганіе, и игры, и смѣхи. Сама старушка-матушка, а ихъ бабушка, была съ нами. Словомъ, нѣсколько часовъ сряду провели мы въ саду, прямо въ чистомъ и непорочномъ удовольствіи и въ веселіи совершенномъ, а передъ вечеромъ собравшись всѣ ходили мы вмѣстѣ, со всѣми пріѣзжими, въ большой садъ гулять, гдѣ была и музыка. Были съ нами тамъ и самыя больныя старушки, весь вечеръ проводили мы тамъ въ наипріятнѣйшемъ гуляньѣ, продолжавшемся вплоть по самую ночь. И послѣдующій за симъ день, по случаю бывшей такой же прекрасной погоды, препровожденъ былъ нами не съ меньшимъ удовольствіемъ, какъ и предслѣдующій, и сей день содѣлался достопамятнымъ мнѣ одною особливостью. По-утру, какъ скоро совершенно ободняло, ушолъ я одинъ въ маленькій свой пріятный садикъ любоваться, по обыкновенію моему, утренними красотами и прелестями натуры. И тутъ, вдругъ приди мнѣ мысль, сочинить вешнюю пѣснь саду и возродись опять охота къ стихотворству. Я тотчасъ сбѣгалъ за записною своею книжкою, и ну сплетать стихи, и по-прежнему не въ риѳмахъ, а для лучшей удобности—бѣлые. Работа моя была такъ удачна, что въ немногія минуты сочинилъ я 3 куплета, и тотчасъ побѣжалъ показывать ихъ моему Павлу. И какъ они ему и прочимъ дѣтямъ полюбились, то прибранъ былъ тотчасъ къ нимъ и голосъ, и мы пропѣли ихъ съ скрипкою. Минуты сіи были для меня безцѣнныя, дѣти просили меня, чтобъ я продолжилъ свой трудъ далѣе, и аспидная доска и грифель помогли мнѣ сочинить и еще нѣсколько куплетовъ и воспѣть въ нихъ красоту природы въ цвѣтущей яблонѣ. Пѣснь сія была слѣдующаго содержанія:

Вотъ! опять тебя я вижу
Въ самой лучшей красотѣ,
Садъ любезный, садъ пріятный,
Кладязь радостей, утѣхъ!

. . . .

Сіе было мое второе натурологическое сочиненіе стихами. Я помѣстилъ оное здѣсь для единаго любопытства и доказательства, съ какими чувствіями увеселялись мы красотами натуры въ сіе время. И могу сказать, что мы въ семъ

отношеніи провели весну сего года весело и пріятно.

Въ наступающій, непосредственно почти за симъ, Троицынъ день, затѣвали-было мы опять, по прошлогоднему, собравшись всѣ вмѣстѣ, ѣхать гулять въ прекрасную нашу рощу, и съ пріѣхавшими къ намъ разными гостьми, собралось-было насъ и довольно. Но сдѣлавшійся сильный вѣтръ воспрепятствовалъ намъ ѣхать въ оную, и мы принуждены были заниматься уже въ домѣ разными увеселеніями и музыкою. А въ концѣ сего мѣсяца былъ у насъ съѣздъ, пиръ и такое же гулянье въ саду въ Ламкахъ у моего зятя, угощавшаго у себя многихъ свадебныхъ гостей, пріѣзжавшихъ къ нему со свадьбы меньшаго брата друга его г. Албычева, Василія Николаевича, на которую и они съ дочерью моею ѣздили. И мы въ большомъ его садѣ не только гуляли, но даже и обѣдали подъ тѣнью густыхъ скрытыхъ аллей, въ ономъ находящихся, и были во весь день очень веселы.

Сколько хороша и пріятна была намъ вторая половина мѣсяца мая, столь дурна и непріятна была первая половина іюня. Холоды, вѣтры и перепадающіе то-и-дѣло дожли и ненастьицы дѣлали ее совсѣмъ почти неспособною къ гуляньямъ, и мы принуждены были большую часть времени заниматься уже кое-чѣмъ, сидючи въ комнатахъ; но, съ другой стороны, намъ очень не скучно было, по случаю еще умножившихся разныхъ пріѣзжихъ дворянскихъ фамилій въ нашъ городъ, которыхъ набралось такое множество, что кареты у насъ по городу то-и-дѣло разъѣзжали. Всѣ онѣ съѣхались лѣчиться отчасти у нашего лѣкаря, а отчасти у меня, на нашей машинѣ, почему былъ у насъ всякій день пріѣздъ многимъ гостямъ. И для насъ было сіе не только не скучно, но и весело, ибо всѣ къ намъ невѣдомо-какъ ласкались, и за наши угощенія ихъ и лѣченіе были весьма намъ благодарны; и потому мы и не видали какъ пролетало время.

Изъ числа сихъ пріѣзжихъ господъ, никто такъ для насъ занимателенъ и пріятенъ ни былъ, какъ одинъ Одоевскій помѣщикъ Александръ Сергѣевичъ Жданов ъ. Былъ онъ человѣкъ молодой, умный, любопытный, отчасти ученый, хорошаго, тихаго и кроткаго характера; но, къ сожалѣнію, не очень здоровый. Онъ, пріѣхавши лѣчиться къ нашему лѣкарю и нанявши квартеру въ нашей слободѣ, неподалеку отъ насъ, не преминулъ весьма скоро познакомиться съ нами, а особливо съ моимъ сыномъ, и мы его такъ полюбили, что хаживалъ онъ къ намъ почти ежедневно, и нерѣдко по нѣскольку часовъ дѣлилъ съ нами время, бравъ даже соучастіе въ нашихъ литературныхъ и ученыхъ упражненіяхъ, а въ хорошее время и во всѣхъ нашихъ прогулкахъ. Словомъ, знакомство у насъ съ нимъ сдѣлалось самое короткое, и мы сотовариществомъ его весьма довольны.

Кромѣ сего, достопамятно, что въ началѣ сего мѣсяца пріѣзжалъ къ намъ въ Богородицкъ опять нашъ г. директоръ, ни для чего инаго, какъ только обходить и осмотрѣть все. Почему онъ и пробылъ у насъ одни только почти сутки, и на другой же день, отобѣдавъ у меня и будучи всѣмъ доволенъ, отъ насъ опять уѣхалъ. Какъ онъ и въ сей разъ былъ ко мнѣ хорошо расположеннымъ, то воспользовался я симъ случаемъ и выпросился у него опять въ отпускъ на нѣсколько дней въ свою деревню, куда у всѣхъ у насъ давно уже на умѣ было сею весною съѣздить. Но прежде, нежели мы въ сей путь отправились, чуть-было не претерпѣли мы великаго несчастія. Въ одно утро вдругъ перетревожили и перестращали насъ люди, прибѣжавъ безъ памяти намъ сказывать, что одна изъ нашихъ людскихъ избъ на дворѣ загорѣлась. Господи! какъ смутился я, сіе услышавъ, и какою опрометью побѣжалъ смотрѣть гдѣ и что загорѣлось. Но, по особливому счастію, успѣли мы сбѣжавшимися людьми пожаръ сей захватить въ самомъ его началѣ и не допустить огню взять силу и распространиться.

Вскорѣ послѣ сего, и именно 14 числа іюня, и расположились мы отправиться

въ любезное свое Дворениново, въ которомъ мы такъ давно не были. Въ сей разъ ѣхали мы въ него не столько для нуждъ, ибо сихъ ни какихъ дальнихъ не было, сколько для увеселенія, и чтобъ въ тогдашнее лучшее время повеселиться красотами своихъ природныхъ мѣстъ; почему и согласились ѣхать туда всѣ, кромѣ одной матушки-тещи, находившейся тогда въ Ламкахъ, а сверхъ того взять съ собою туда и музыкантовъ нашихъ, съ ихъ инструментами. Всѣ пріѣзжіе, а особливо лѣчившіеся у насъ, разставались съ нами съ превеликимъ сожалѣніемъ, а изъ всѣхъ ихъ чувствительнѣе разставался съ нами помянутый г. Ждановъ, свыкшійся съ нами такъ, какъ бы съ ближними своими родными, и увѣрявшій насъ съ клятвою, что ему насъ такъ было жаль, какъ бы родныхъ.

Мы выѣхали изъ Богородицка послѣ уже обѣда и не намѣрены были въ сей день ѣхать далѣе какъ до Ламокъ, куда пріѣхали мы уже въ сумерки и нашли нашихъ тамъ благополучными. Одна только малютка внука моя отъ продолжающейся болѣзни своей часъ-отъ-часу худѣла и таяла какъ воскъ, и я, не надѣяся застать ее по возвращеніи своемъ живою, и распращивался съ нею въ мысляхъ своихъ не инако какъ на вѣкъ. По-утру на другой день поѣхали мы отъ нихъ довольно рано, такъ что поспѣли кормить лошадей и обѣдать въ Калмыки, а ночевать на Валотю; ибо въ Тулѣ мы совсѣмъ не останавливались, а заѣхали только на минуту въ ряды, для искупленія нѣкоторыхъ намъ нужныхъ вещей.

Въ послѣдующій день встали мы довольно рано. Утро было напрекраснѣйшее, и какъ мы не имѣли нужды спѣшить и расположились заѣхать въ Федешово и у тамошнихъ родныхъ нашихъ отобѣдать, то напились порядочно чаю и пріѣхали въ Федешово часу еще въ девятомъ. Тутъ нашли мы не только хозяевъ дома, но и пріѣзжихъ изъ Москвы, отъ которыхъ наслышались много о московскихъ происшествіяхъ, и вмѣстѣ съ ними порадовались, что Мартинистамъ заглянули подъ хвостъ, и пагубный ихъ замыслъ въ началѣ разрушили. Отобѣдавъ и посидѣвъ у нихъ, продолжали мы свой путь, и хотя уже вечеркомъ, но пріѣхали въ свое Дворениново благополучно.

Пребываніе наше въ сей разъ въ деревнѣ продлилось цѣлыхъ 9 дней, которые всѣ провели мы въ разныхъ трудахъ и гуляньяхъ по садамъ и рощамъ, и всякій день заняты были столь многими дѣлами, что и не видали какъ пролетѣли оные. Во всѣ ясные и хорошіе дни не выходили мы почти изъ садовъ, въ которыхъ тогда впервые еще раздавались звуки нашей маленькой духовой музыки, и одинъ разъ даже и обѣдали въ саду, въ крытой своей къ воротамъ дорогѣ. По вечерамъ же имѣли мы съ дѣтьми наипріятнѣйшія прогулки по всѣмъ мѣстамъ нашей усадьбы. Ѣздили также однажды и въ Шахово и ловили тамъ рыбу, а въ Двориниовѣ вычистили въ сей разъ и запрудили нагорную нашу сажелку; а во время перепадавшихъ дождливыхъ дней, прибирали перепрaвленныя свои хоромцы, обивали ихъ обоями и украшали картинами, переносимыми изъ хоромъ старыхъ и дѣлали ихъ къ житью отъ-часу удобнѣйшими. Не преминули мы также и въ ближнемъ саду своемъ произвесть кое-какія поправленія и дѣлишки; образовали большую круглую еловую поляну; сдѣлали на ней для сидѣнія большую, полукаменную сидѣлку; прокладывали и прочищали кое-гдѣ новыя дорожки; положили основаніе небольшому, уединенному храмику, подлѣ проулка, и прочее, и прочее.

Между сими разными производствами садовыхъ дѣлъ, случилось въ третій день нашего пріѣзда нѣчто особливое. Однажды, сидючи подъ группою прекрасныхъ нашихъ березъ, подлѣ основаннаго храма уединенія, разговорились мы съ сыномъ моимъ о красотѣ предметовъ, окружающихъ сіе мѣсто, и о тѣхъ украшеніяхъ, которыми вознамѣревались мы украсить сей ревиръ. Говоря о разныхъ монументахъ, назначиваемыхъ въ оное, вдругъ сказалъ мнѣ онъ: «а здѣсь, батюшка, подъ сими великолѣпными и пыш-

ными березами, и посреди самыхъ оныхъ надобно современемъ сдѣлать настоящій монументъ, и хорошо бы его посвятить основателю сего сада». Мысль сія была для меня такъ поразительна, что слезы удовольствія навернулись на глазахъ у меня. Я легко могъ выразумѣть, что слова сіи значили, и догадаться, что онъ намѣренъ былъ, по смерти моей, въ семъ мѣстѣ сдѣлать мнѣ памятникъ. Я одобрилъ душевно сію мысль и возжелалъ, чтобъ оный и не совсѣмъ былъ пустой, но чтобъ положено были въ него или подъ нимъ и дѣйствительно что-нибудь оставшееся послѣ существованія моего. И на случай, если сіе современемъ исполнится, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ сего зарылъ дѣйствительно подъ березами сими, въ нѣсколькихъ мѣстахъ глубоко, клочки моихъ волосъ и нѣсколько выпавшихъ зубовъ. Такимъ же образомъ, бывши въ самый сей день въ нашей церкви, выбралъ и назначилъ я самъ то мѣсто, гдѣ хотѣлось бы мнѣ быть по смерти погребенну.

Во все время тогдашняго нашего пребыванія въ деревнѣ, ни въ который день мы такъ ни веселились, какъ въ пятый, случившійся тогда 21 іюня. Оный былъ 7,777 день отъ рожденія моего сына. Въ оный, послѣ обѣда, пили мы чай въ саду на новой своей полукаменной спдѣлкѣ, которую мы самымъ тѣмъ и обновили. Между тѣмъ, подъ группою березъ, гдѣ нѣкогда будетъ, можетъ быть, мой монументъ, играли музыканты наши на флейтраверсахъ дуэты, и птички пѣніемъ своимъ акомпанировали онымъ. Потомъ ходили мы всѣ гулять въ нашъ нижній садъ, при играніи всей нашей духовой музыки, а вечеръ сего дня проведенъ нами очень весело. Смѣхи, игры, пріятные разговоры и истинное душевное удовольствіе господствовало въ сердцахъ всѣхъ, и мы были прямо счастливы.

На другой день послѣ сего, привезли къ намъ изъ Богородицка кой-какія вещи, для украшенія нашего сада приготовленныя, и вмѣстѣ съ ними газеты и журналы, политическій и московскій, также книгу, присланную ко мнѣ вновь изъ Экономическаго Общества, съ письмомъ г. Нартова, содержаніе котораго было слѣдующее:

. . . .

«...Что-жъ касается до изъясненныхъ вами причинъ, удерживающихъ отъ описанія намѣстничествъ по обнародованной задачѣ, то я съ симъ согласенъ; почему и, кажется, полезнѣе бы было и легче дѣлать частныя описанія округъ, или городовъ, о коихъ можно имѣть способнѣе свѣдѣніе, нежели о всемъ пространномъ намѣстничествѣ. Я сіе мнѣніе собранію предлагалъ, и думаю, что по оному выдетъ новая перемѣна...»

. . . .

Письмо сіе хотя было мнѣ не противно, но не произвело дальнаго удовольствія, но напротивъ того возобновленнымъ бомбандированіемъ меня о присылкѣ вещей въ минеральный кабинетъ возбуждена была паки досада моя на сіи крайне отяготительныя для меня, а совсѣмъ пустыя требованія, почему и не спѣшилъ я отвѣтствованіемъ на оное, и отлагалъ то съ одной почты до другой.

Между тѣмъ имѣли мы время разсмотрѣть и прочесть присланную ко мнѣ книгу и нашли въ ней много хорошаго, но много и пустаго. Наилучшая и полезнѣйшая статья была о новооткрытой аглинскимъ садовникомъ г. Форзитомъ древесной садовой и самой дешевой мази, которая намъ съ сыномъ такъ полюбилась, что мы тотчасъ положили ее составить и испытать надъ нашими скорбными деревьями, и она дѣйствительно оказалась послѣ весьма полезною и столь для садовъ нужною, что мы ее и понынѣ еще употребляемъ. Что касается до моего, въ сей части напечатаннаго сочиненія, то было оно о новомъ средствѣ, поспѣшествующемъ лучшему урожаю спаржи. Впрочемъ, и въ сей части, на концѣ, помѣщена была большая статья о всѣхъ происшествіяхъ въ Обществѣ, бывшихъ въ 1790 и 791 году, и которая была очень любопытна и достойна чтенія.

Чрезъ день послѣ сего заѣжжалъ къ

намъ ѣдущій изъ степной своей деревни родственникъ нашъ Иванъ Аѳанасьевичъ Арцыбышевъ и опечалилъ всѣхъ насъ привезеннымъ извѣстіемъ о кончинѣ малютки внуки моей Александры Петровны. Бѣдняжка не могла никакъ перенесть болѣзни, которою давно она страдала. Была она милый и любезный ребенокъ, и намъ всѣмъ очень было жаль ее. Что касается до ея бабушки, а моей жены, отмѣнно ее любившей, то она извѣстіемъ симъ чрезвычайно огорчилась, и съ самой той минуты начала поспѣшать нашимъ отъѣздомъ, хотя и безъ того хотѣли мы уже скоро назадъ ѣхать. Итакъ, пробыли мы въ деревнѣ одинъ только день послѣ сего, и хотя мирную и спокойную деревенскую жизнь успѣли такъ полюбить, что не хотѣлось намъ съ нею и разстаться, но принуждены были, противъ хотѣнія, собираться, и въ десятый день пребыванія нашего въ обратный путь и отправились. Мы выѣхали изъ двора, напившись только чаю, и для поспѣшности не стали заѣжжать уже въ Ѳедешово, а проѣхали прямо большою дорогою до Сулемы, гдѣ покормивъ лошадей и пообѣдавъ, пустились далѣе. Тутъ на дорогѣ застигла насъ престрашная громовая туча, отъ которой на-силу уплелись мы въ Погромное, и въ ней болѣе часа отсиживались; почему и въ Тулу пріѣхали уже поздно и остановились ночевать у Пастухова. Переночевавъ въ Тулѣ и погулявъ по-утру у Пастухова въ саду и напившись чаю, пустились мы далѣе въ-свои, съ безпокойными мыслями о томъ, что господа тульскіе собирались опять ѣхать къ намъ на ярмонку. Сіе и знали мы отъ хозяина нашего Пастухова, и вѣсти сіи были намъ непріятны. Что касается до ѣзды нашей, то продолжалась она своимъ чередомъ, и мы, покормивъ въ Дѣдиловѣ лошадей, доѣхали еще рано до Ламокъ. Тутъ нашли мы всѣхъ погруженныхъ въ печали и горюющихъ о потеряніи милой и любезной нашей Алексаши, которую намъ всѣмъ такъ было жаль, что я самъ не могъ воздержаться, чтобъ нѣсколько разъ не обтирать кулакомъ навертывающіяся слезы, всякій разъ какъ ни приходила она мнѣ на память. Что касается до хозяина, то нашли мы его занимающагося пріуготовленіями къ празднованію на Петровъ день своихъ имянинъ. И какъ мы пріѣхали только за день до онаго, то не разсудили уже ѣхать въ Богородицкъ, а остались тутъ дожидаться онаго.

Праздникъ сей у зятя моего, отмѣннаго охотника строить у себя пиры, былъ и въ сей годъ многолюдный, и гостей съѣхалось много. Но было всѣмъ не слишкомъ весело. Гости, на большую часть, засѣли послѣ обѣда играть въ карты, а мы, прочіе, валандались безъ дѣла и читали даже отъ скуки книги. Къ тому же, и сама хозяйка отъ грусти и печали была весьма нездорова, и мы боялись, чтобъ она не слегла даже въ постелю. Со всѣмъ тѣмъ мы у нихъ тутъ ночевали, и не прежде въ Богородицкъ возвратились, какъ въ послѣдній день іюня мѣсяца.

Симъ образомъ кончилось наше путешествіе, а съ нимъ окончу я и сіе письмо, сказавъ вамъ, что я есмь, и прочая.

(Ноября 12 дня 1812 года. Дворениново).

Письмо 279.

Любезный пріятель! Во все теченіе мѣсяца іюля не произошло у насъ почти ничего важнаго, и въ особливости достойнаго замѣчанія. Мы продолжали жить по-прежнему,— заниматься множествомъ разныхъ дѣлъ и безпрерывнымъ почти лѣченіемъ на машинѣ моей больныхъ, не только простолюдиновъ, приходящихъ и пріѣзжающихъ ко мнѣ со всѣхъ сторонъ толпами, но и самыхъ благородныхъ, какъ тутъ пользующихся отъ лѣкаря обыкновенными лѣкарствами, такъ и нарочно за тѣмъ только къ намъ въ Богородицкъ и пріѣзжающихъ, чтобъ полѣчиться у меня на машинѣ. Толико-то славна она сдѣлалась удачными своими дѣйствіями! Словомъ, никогда не было у насъ такого большого съѣзда лѣчащихся дворянскихъ фамилій, какъ въ сіе время, и мы всякій день посѣщаемы отъ нихъ были.

Легко заключить, что чрезъ самое сіе имѣли мы случай свести и основать многія новыя знакомствы съ людьми, до того намъ незнакомыми, показывать имъ разныя услуги и одолженія, и тѣмъ самымъ пріобрѣтать себѣ отъ нихъ и дружбу, и благодарность. И какъ лѣченіе мое всѣмъ вообще не стоило ни полушки, и я за труды мои награждаемъ былъ единымъ чистымъ и душевнымъ удовольствіемъ, что многимъ изъ нихъ удавалось мнѣ дѣйствительно и лучше всѣхъ иныхъ лѣкарствъ помогать, то и не опасался я ни мало нажить отъ сего какое-нибудь нареканіе; но съ сей стороны былъ совершенно спокоенъ.

Впрочемъ, пребываніе у насъ въ городѣ толь многочисленнаго дворянства и частые къ намъ пріѣзды подавали натурально поводы и къ частымъ съѣздамъ и гуляньямъ по садамъ нашимъ, а особливо въ вечернее время. Что касается до дневнаго, то по бывшимъ во все почти теченіе сего мѣсяца страшнымъ и несноснымъ почти жарамъ было оно къ гуляньямъ совсѣмъ неспособно. Одинъ только помянутый г. Ждановъ, котораго, и по возвращеніи своемъ изъ деревни, нашли мы все еще живущаго въ Богородицкѣ, по особливой его къ намъ ласкѣ и благопріятству, посѣщалъ насъ ежедневно и, много разъ у насъ обѣдая, бралъ соучастіе и въ дневныхъ нашихъ садовыхъ препровожденіяхъ времени, и съ нимъ не однажды купывались мы въ нашей прекрасной ваннѣ, или, забравшись въ какое-нибудь тѣнистое въ саду моемъ мѣстечко, на дерновыхъ канапе послѣ обѣда отдыхали, или читали вмѣстѣ книги, или провождали время въ пріятныхъ дружескихъ и любопытныхъ разговорахъ.

Теперь надобно сказать, что толь частое сего молодаго и достойнаго человѣка къ намъ хожденіе нечувствительно подало поводъ нѣкоторымъ изъ нашихъ городскихъ къ заключеніямъ — не имѣетъ-ли онъ какихъ видовъ на дочерей моихъ, а особливо на старшую изъ нихъ, «Настасью». А признаться надобно, что и у самихъ насъ бродили не одинъ разъ о томъ такія же мысли. Обстоятельство, что хотя онъ во все сіе время и продолжалъ лѣчиться у нашего лѣкаря, но болѣзнь его была совсѣмъ не слѣглая и почти непримѣтная, и даже такая, что не стоило-бъ ему для оной такъ долго жить у насъ въ Богородицкѣ, — подавало намъ и самимъ поводъ къ заключеніямъ, что не сопряжено-ли его пребываніе у насъ и толь частое къ намъ хожденіе и оказываемое всему моему семейству особое почтеніе и ласки съ какими-нибудь иными намѣреніями. Но какъ во всемъ его поведеніи не замѣчали мы ни малѣйшаго худаго, сумнительнаго и подозрительнаго, и онъ всѣмъ своимъ нравственнымъ характеромъ всѣмъ намъ отъ часу болѣе нравился, а по состоянію достатка своего могъ быть и добрымъ женихомъ для моей Настасьи, — то и не опасались мы отъ него ничего, а принимали его у себя всегда съ удовольствіемъ и съ каждымъ почти днемъ ожидали, не начнетъ-ли онъ чрезъ кого-нибудь сватовства, или самъ предлагать себя намъ въ семьянина.

Впрочемъ, бывшая у насъ 8 числа ярмонка была и въ сей годъ довольно достопамятна не только пріѣздомъ къ самимъ намъ великаго и такого множества гостей, что мы едва могли ихъ помѣстить въ своемъ домѣ, но пріѣздомъ и господъ тульскихъ, квартировавшихъ опять во дворцѣ нашемъ. Ихъ наѣхало въ сей разъ еще больше прошлогодняго. Главнымъ изъ нихъ былъ опять нашъ вицъ-губернаторъ Вельяминовъ, а угощалъ ихъ всѣхъ опять на своемъ коштѣ откупщикъ нашъ Иванъ Васильевичъ Хомяковъ. Мы, собравшись всѣ, ожидали-было пріѣзда ихъ еще къ обѣду въ навечеріи праздника или въ самый ярмоночный день. Но все наше ожиданіе было тщетное. Обѣдъ прошолъ, а ихъ не было; сталъ приближаться вечеръ, но объ нихъ не было еще и слуху. Привезли фейерверкъ, привезли и музыкантовъ казенныхъ изъ Тулы, но о самихъ ихъ ни

кто не зналъ. Наконецъ, пріѣхалъ уже и Юницкой, а ихъ все еще не было. Къ Юницкому тотчасъ пришелъ Хомяковъ и поднялась у нихъ превеликая брань и счеты. Юницкому досаденъ былъ сей праздникъ. Ему жаль было денегъ и расходовъ, которые ставились на счеты; Хомяковъ неуступчивъ, слово за слово, и чуть-было не до ссоры; однако, помирились. Наконецъ, пріѣхали и тульскіе, а мы, между тѣмъ, успѣли уже отслушать праздничную всенощную, гдѣ превеликое было собраніе дворянъ и госпожъ. Съ вицъ-губернаторомъ пріѣхали въ сей разъ братъ его Степанъ, оба брата Игнатьевы, Михайла Васильевичъ Хомяковъ, еще нѣкто Головинъ, Ченцовъ и многіе другіе, а наконецъ, богачъ Александръ Ѳедоровичъ Хомяковъ, для котораго они наиболѣе и пріѣжжали, ибо имъ хотѣлось его обыграть. Словомъ, гостей было довольно, и знаменитѣйшіе изъ нихъ ходили въ садъ гулять, хотя было уже темно. Наконецъ, сожженъ былъ для ярмонки фейерверкъ, а во дворцѣ большой и многолюдный ужинъ, и я уже поздно возвратился къ своимъ домашнимъ. Наконецъ, насталъ и самый день праздника. Оный препроводили мы и въ сей годъ довольно весело, однако, и не безъ скуки, по причинѣ недостатка вожделѣнной вольности и связанности рукъ, по случаю пріѣзда господъ тульскихъ. Все утро провели мы во дворцѣ въ поздравленіяхъ и поклонахъ. Полученіе въ самое сіе утро извѣстія, что намѣстнику нашему, за успѣхи его при занятіи войсками нашими Польши, данъ орденъ Андреевскій — подавало къ тому еще болѣе повода. Потомъ были мы всѣ у обѣдни, а изъ церкви пошли всѣ во дворецъ, и тамъ обѣдали съ приглашенными туда же господами. Столъ былъ огромный, и угощеніе доброе. Сидѣло за столомъ до 40 человѣкъ, а многимъ не достало и мѣста. Музыка гремѣла, а послѣ обѣда танцы, но скоро разошлись, и у господъ началась игра. Передъ вечеромъ же съѣхались опять всѣ, а между тѣмъ, множество гостей съѣхалось ко мнѣ, и молодежь завела танцы. По съѣздѣ во дворецъ, возобновились тамъ всѣ роды увеселеній: были танцы, игра въ карты, пѣніе и пляски родовъ разныхъ; а какъ смерклось, то сожженъ былъ еще фейерверкъ, и весь дворецъ иллюминованъ. Все же кончено напослѣдокъ ужиномъ, который былъ очень поздній, такъ что мы домой возвратились послѣ полуночи, уставши на смерть отъ танцевъ и принужденности. Что-жъ касается до господъ игроковъ, то сіи не переставали играть ни на минуту, не только во весь день, но и во всю ночь на пролётъ, такъ что они вовсе и спать не ложились, и сіе удивило всѣхъ, а особливо въ разсужденіи старичка-богача Александра Ѳедоровича Хомякова, котораго истинно бить было некому. Четверо молодцовъ сваталось вокругъ его и старались обыграть, но все какъ-то не удавалось. Игра все шла, какъ медъ тянется. Сколько ни надрывались, но не могли ничего сдѣлать, изъ подгулявшихъ былъ одинъ только лишь князь, и сей былъ, какъ зюзя, аж но гадко!

По наступленіи слѣдующаго за симъ дня, хотѣлъ-было вицъ-губернаторъ ѣхать рано; но игра, неоконченная еще, задержала и протянула долго, и не кончилась бы и еще долго, еслибъ не надлежало было ѣхать. Итакъ, распрощались, поѣхали всѣ къ князю на завтракъ, а мы, проводивъ гостей, *ради-ради* были, что прошла вся сія тревога. Отъ бывшаго безпокойства отдыхали мы цѣлый день раздѣвшись и отдохнуть не могли. У насъ во весь день былъ г. Ждановъ, а ввечеру — тульскій капельмейстеръ, г. Сокольниковъ и фейерверчной мастеръ. Итакъ, симъ кончился нашъ праздникъ, который доставилъ намъ не столько удовольствія, сколько хлопотъ и безпокойства.

Чрезъ день послѣ сего, былъ у насъ собственный свой праздничекъ, доставившій намъ несравненно болѣе удовольствія. Въ оный была средняя дочь моя Ольга имянинницею. Побывавъ по-утру у обѣдни, по случаю воскреснаго дня, и пообѣ-

давъ кое-съ-кѣмъ у насъ бывшими, уклонились мы послѣ обѣда отъ превеликаго и до 30 градусовъ простиравшагося жара въ свой нижній садъ, и тамъ, сидючи и лежучи въ тѣни при водахъ, читали книги, а потомъ купались въ ваннѣ. Передъ вечеромъ-же былъ у меня знакомецъ мой, епифанскій помѣщикъ г. Григоровъ, Николай Сергѣевичъ, съ двоюроднымъ братомъ своимъ г. Бородинымъ, человѣкомъ молодымъ, хотѣвшимъ видѣть мои сады и перенять изъ нихъ что-нибудь для себя. Такъ, по крайней мѣрѣ, они тогда говорили, а въ самомъ дѣлѣ было у нихъ совсѣмъ другое на умѣ, и г. Бородину хотѣлось видѣть дочерей моихъ. Итакъ, случилось, что тогдашняя имянинница моя ему въ особливости понравилась, и онъ замышлялъ уже за нее свататься. Но намъ, тогда видѣвшимъ его еще въ первый разъ, всего того и на умъ не приходило, а я водилъ ихъ по садамъ безъ всякаго размышленія; а боярыни, съ барышнями, ѣздили между тѣмъ гулять въ магазинную рощу. А послѣ ужина сожгли мы для имянинъ Ольгиныхъ у самихъ себя небольшой фейерверчекъ, состоявшій въ нѣсколькихъ колесахъ, и бездѣлкою сею навеселились болѣе, нежели большимъ, ибо все было у насъ весело, все пріятно, все хорошо и все ладно. Словомъ, вечеръ былъ очень хорошій и пріятный.

Чрезъ два дни послѣ сего, проводилъ я сына моего, поѣхавшаго отъ насъ на нѣсколько дней въ наше Дворениново. Причина ѣзды сей была экономическая: еще въ послѣднюю нашу тамъ бытность горевали мы съ сыномъ своимъ о томъ, что во всѣхъ садахъ нашихъ было очень мало плодовитыхъ деревъ породъ хорошихъ, а все были очень посредственныя и старинной разводки, и совѣтуя о томъ, какъ бы сему злу пособить и снабдить оные всѣми лучшими породами плодовъ, какіе тогда наиболѣе славились и были намъ извѣстны, — положили, чтобъ ему, по наступленіи времени къ листочнымъ прививкамъ, пріѣхать самому, привезть съ собою листочковъ всѣхъ лучшихъ и славнѣйшихъ породъ и развить ими всѣ находящіяся въ садахъ моихъ молодыя и къ тому способныя яблонки. А какъ около самаго сего времени и прививались вездѣ прививки, то и предложилъ я ему сіе нужное дѣльце. Ему хотя и не слишкомъ уже было хотѣлось предпріять сіе путешествіе, однако, зная самъ надобность замышляемаго дѣла, согласился принять на себя сей трудъ. Итакъ, снабдивъ его листками хорошихъ породъ яблоней и поручивъ постараться достать чрезъ Пастухова и въ Тулѣ наилучшія и славнѣйшія породы, отправилъ я его, придавъ ему человѣка три, умѣющихъ прививать, на вспоможеніе. И онъ и выполнилъ коммиссію сію какъ нельзя лучше, и проживши въ деревнѣ болѣе недѣли, превратилъ множество молодыхъ яблоней изъ дурныхъ въ хорошія, и положилъ чрезъ то основаніе всѣмъ лучшимъ породамъ, находящимся нынѣ въ садахъ моихъ, и всѣ онѣ съ самого сего времени и начали поправляться и приходить въ лучшее съ сей стороны состояніе. Онъ пробылъ въ семъ отсутствіи отъ меня почти съ двѣ недѣли, которое время занимался я уже одинъ въ Богородицкѣ разными своими занятіями, а особливо лѣченіями больныхъ на своей машинѣ, и пользовался только пріятнымъ сотовариществомъ г. Жданова, съ которымъ многія минуты провели мы съ особливымъ удовольствіемъ. А между тѣмъ не было недостатка и въ гостяхъ. Множество и сихъ пріѣзжало къ намъ въ сей періодъ времени, и я едва успѣвалъ ихъ у себя угащивать. Въ сихъ происшествіяхъ прошелъ нечувствительно весь іюль мѣсяцъ, а предъ самымъ концемъ онаго перетревожены мы были извѣстіемъ, что ѣдетъ къ намъ нашъ тогдашній тульскій губернаторъ и скоро будетъ. Но мы со всѣми городскими цѣлыхъ два дни его, одѣвшись и убравшись, дожидались, и въ-прахъ тѣмъ измучились, а дождаться не могли. Онъ изволилъ проѣхать въ Епифань и насъ промучилъ понапрасну.

Въ теченіи мѣсяца августа важныхъ

происшествій было еще того меньше, и онъ весь прошелъ безъ всякихъ особливостей. Мы продолжали жить по-прежнему, занимались своими дѣлами, разъѣзжали кое-куда въ гости, а болѣе того сами ихъ у себя угащивали. Въ пріѣзжавіи ихъ къ намъ не было и въ сей мѣсяцъ недостатка. Но не одинъ разъ доходило до того, что я инымъ уже и не радъ былъ, потому что они отнимали у меня время и мѣшали заниматься своими дѣлами. Великая разница имѣть дѣло съ такимъ гостемъ, съ которымъ можно заняться о чемъ-нибудь интересными и пріятными разговорами, и съ такимъ, съ которымъ говорить совсѣмъ нечего, и который сидѣніемъ своимъ только отягощаетъ хозяина и нагоняетъ на него скуку.

Кромѣ обыкновенныхъ и нестоющихъ упоминанія происшествій, было нѣкоторою особливостію то, что я въ самое то время, когда собирался я писать въ Петербургъ отвѣтъ на послѣднее письмо ко мнѣ отъ г. Нартова, вдругъ удивленъ былъ полученіемъ еще письма изъ Экономическаго Общества. Случилось сіе 22 августа, и въ самое то время, когда замышляли мы съ Павломъ отправиться въ путь въ отдаленную свою тамбовскую деревню. Съ превеликимъ любопытствомъ распечатывалъ я оное, желая узнать, о чемъ бы такомъ оно было, и нашелъ, что оно все наполнено было возлагаемыми на меня коммиссіями и заданными лично мнѣ разными вопросами. Какъ все сіе было первое и необыкновенное дѣло, то удивился я тому не мало и не зналъ, что бъ побудило Экономическое Общество задавать мнѣ такія задачи, и другого не находилъ, что произошло сіе единственно для побужденія меня писать, и поелику имъ нужны были всѣ мои сочиненія, о чемъ бы они ни были, но для меня были они не всѣ равны.

. . . .

По отправленіи сего письма, стали мы съ сыномъ помышлять о затѣваемой нами ѣздѣ въ степную нашу тамбовскую деревню. И какъ къ сему потребно было выпросить дозволеніе у моего командира, то хотѣлъ-было я съѣздить самъ для сего въ Тулу. Но какъ отъ пріѣзжихъ изъ Тулы услышалъ, что директоръ нашъ собирался около сего времени ѣхать въ свою деревню, а съ другой стороны—получено было извѣстіе, что къ намъ скоро будетъ нашъ губернаторъ, то рѣшился проситься въ сей отпускъ у командира моего письменно, и отправилъ сіе письмо въ Тулу съ своимъ сыномъ, которому хотѣлось въ сіе время побывать въ Тулѣ, сколько для своихъ надобностей, столько для выполненія давнишняго своего желанія срисовать съ нѣкоторыхъ улицъ тульскихъ проспектевическихъ видовъ; къ чему побуждало его наиболѣе то, что знакомецъ нашъ Пастуховъ имѣлъ у себя сына, искуснаго въ гравировкѣ, и который брался вырѣзать рисунки сіи на мѣди и послѣ отпечатать. И какъ сыну моему въ сію его бытность въ Тулѣ дѣйствительно удалось, удосужившись, снять видъ съ крѣпости и торговой площади съ стороны отъ завода, то сіе впослѣдствіи времени онъ и выполнилъ и имѣющійся у насъ и понынѣ эстампъ или печатный рисунокъ его работы служитъ тому памятникомъ. Изъ сего путешествія возвратился онъ ко мнѣ уже 30 числа августа и, противъ всякаго чаянія, привезъ ко мнѣ и дозволеніе на отлучку.

Что касается до насъ, то мы въ самое сіе время и уже нѣсколько опять дней сряду дожидались къ себѣ пріѣзда губернаторскаго и на-силу-на-силу, наконецъ, въ сей день его дождались передъ вечеромъ. Былъ тогда губернаторъ у насъ генералъ-маіоръ Андрей Ивановичъ Лопухинъ, человѣкъ средственныхъ достоинствъ и дарованій, и потому и не слишкомъ всѣми былъ и уважаемъ. Онъ пріѣхалъ тогда къ намъ, вмѣстѣ съ своею женою, боярынею взрачною и красивою, и съ предсѣдателемъ гражданской палаты, Петромъ Ивановичемъ Свѣчинымъ и его женою и двумя барышнями. Всѣ мы ввечеру ходили въ садъ и много веселились, и я у губернатора во дворцѣ ужиналъ и заговорилъ ихъ всѣхъ въ-пухъ. Губернаторъ пробылъ у насъ не долѣе какъ до

обѣда въ послѣдующій день, и по-утру, обходивъ всѣ суды и расправу, былъ вмѣстѣ со мною въ нашей церкви у обѣдни, а губернаторша между тѣмъ удила въ сажелкахъ нашихъ рыбу. Какъ между прочимъ разговорились мы о электрицизмѣ, и губернатору съ Свѣчинымъ отмѣнно восхотѣлось видѣть мою машину, то пригласилъ я ихъ къ себѣ въ домъ и показывалъ имъ оную, и они восхотѣли сами на ней поэлектризоваться. Потомъ возвратились мы во дворецъ и обѣдали всѣ вмѣстѣ, и послѣ обѣда губернаторъ тотчасъ отъ насъ и поѣхалъ, отзываясь обо мнѣ весьма довольнымъ. Но я болѣе доволенъ былъ тѣмъ, что мнѣ удалось при семъ случаѣ г. Свѣчина преклонить себѣ въ дружбу, и изъ врага сдѣлать себѣ пріятеля; ибо до сего времени онъ мнѣ, самъ истинно не зная за-чтб, какъ-то все неблагопріятствовалъ, а съ сего времени по самую свою смерть былъ онъ ко мнѣ всегда благорасположеннымъ.

Все сіе случилось въ самый послѣдній день августа мѣсяца, который, кромѣ сего, былъ достопамятенъ тѣмъ, что я, при случаѣ снимапія съ садовъ своихъ послѣднихъ яблокъ, вздумалъ всѣмъ имѣющимся у меня породамъ яблокъ дѣлать описанія и всѣ оныя срисовывать красками съ натуры и учинилъ даже тому начало описаніемъ грушовки. И сіе послужило основаніемъ тѣмъ многимъ яблочнымъ книгамъ, которыя и понынѣ у меня въ библіотекѣ хранятся.

И какъ симъ кончился тогда нашъ августъ мѣсяцъ, то дозвольте мнѣ симъ и сіе письмо кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Ноября 14 дня 1812 года, въ Дворениновѣ).

ѢЗДА ВЪ ТАМБОВЪ.

Письмо 280.

Любезный пріятель! Мѣсяцъ сентябрь сего года достопамятенъ ѣздою моею въ тамбовскую, или паче въ кирсановскую мою деревню. И какъ путешествіе сіе продлилось во все теченіе онаго, то и займу я все сіе письмо описаніемъ онаго. Въ деревню сію съѣздить уже нѣсколько лѣтъ сряду я собирался; но разныя препятствующія обстоятельства не допускали меня до того, даже до сего времени. Присутствіе мое въ оной было весьма нужно. Я былъ въ ней хотя за четыре года передъ симъ, но былъ зимою на нѣсколько только дней, и при такихъ обстоятельствахъ, когда всѣ мысли мои заняты были однимъ межеваньемъ, толь многіе годы продолжавшимся, и по безчисленнымъ хлопотамъ и безпокойствамъ тогда къ окончанію приводимымъ. При такихъ обстоятельствахъ мнѣ не можно было не только что-нибудь видѣть, или сдѣлать нужныя съ отмежеванною мнѣ землею распоряженія, но я и самую ее не инако видѣлъ, какъ покрытую глубокимъ снѣгомъ, и бродя по обширнымъ пространствамъ, утопая по колѣно въ ономъ. Въ лѣтнее же время въ деревнѣ сей не былъ я уже около 15-ти лѣтъ. Все сіе давно уже побудило меня въ ней побывать, и тѣмъ паче, что человѣкъ, которому у меня приказана была сія деревня, былъ весьма безтолковый, нерачительный, балмочный и неспособный къ выполненію моихъ заочныхъ распоряженій, а особливо относительно до полученной вновь земли, составляющей наилучшее сей деревни сокровище. Итакъ, желая наконецъ какъ-нибудь отъ мѣста своего и отъ должности хотя на мѣсяцъ оторваться и, побывавъ въ сей деревнѣ въ лѣтнее время, сдѣлать какъ съ помянутою землею, такъ и во всемъ прочемъ нужныя распоряженія, — употребилъ я все возможное къ тому, чтобъ меня въ сей годъ туда отпустили. И получивъ увольненіе на 29 дней, рѣшился я предпріять въ шестой разъ путешествіе въ сію отдаленную и лучшую мою деревню.

Въ сей разъ отправился я въ сей путь не одинъ, а такимъ же образомъ имѣя сотоварища, какъ то при первомъ и второмъ путешествіи было; но сотоварища несравненно лучшаго и для меня пріятнѣйшаго, нежели какъ всѣ тогдашніе были. Въ первый разъ предпринималъ я

путешествіе сіе въ сотовариществѣ съ покойнымъ дядею, старичкомъ добрымъ, умнымъ, до излишества скупымъ и любящимъ очень говорить, но говорить такъ, чтобъ одного его слова слушали и ему въ томъ не мѣшали, и который разговорами своими чаще мнѣ надоѣдалъ, нежели производилъ удовольствіе, хотя, впрочемъ, я любилъ и почиталъ сего старичка искренно. При второмъ путешествіи ѣздилъ со мною сынъ его, а мой двоюродный братъ, который незадолго до сего переселился также уже въ вѣчность. Сей сотоварищъ только что со мною ѣздилъ, а впрочемъ не имѣлъ я отъ него ни какой отрады въ скукѣ и утѣшенія. Былъ человѣкъ добренькій, но съ которымъ трудно было дѣлить время. Онъ не такъ былъ отъ натуры устроенъ и не такія имѣлъ свойства и дарованія, чтобъ можно было съ нимъ о чемъ-нибудь благоразумномъ поговорить, что-нибудь вмѣстѣ почитать, или чѣмъ-нибудь мысленно и душевно повеселиться. Кромѣ нѣсколькихъ пустыхъ шутокъ, принуждающихъ иногда меня противъ хотѣнія усмѣхаться, не пользовался я отъ него ничѣмъ инымъ во все время путешествія нашего въ сію деревню и самого жительства въ оной; слѣдовательно, и онъ сотоварищъ мнѣ былъ не очень хорошій; а я болѣе утѣшенія имѣлъ, ѣздивши послѣ того три раза одинъ, и въ сотовариществѣ только съ книгами, помогавшими мнѣ прогонять скучное дорожное время. Но въ сей разъ отправлялся я въ путь сей съ такимъ человѣкомъ, котораго сотоварищество было мнѣ наиприятнѣе всѣхъ прочихъ. Особливое единомысліе, единочувствованіе и единодушіе, господствовавшее между нами, производило то, что мнѣ съ нимъ не только никогда не было скучно, но, напротивъ того, всегда было весело. Всѣ наши дѣла, всѣ почти мысли и чувствованія имѣли толь великое сходство между собою, что нерѣдко сами мы тому удивлялись. Къ сему, кромѣ ближайшаго родства, присовокуплялась и привычка жить вмѣстѣ и раздѣлять между собою не только свое время, но и всѣ почти упражненія. Къ чему одинъ изъ насъ былъ охотникъ, къ тому-жъ былъ и другой; въ чемъ одинъ любилъ упражняться, въ томъ и другой не меньше находилъ удовольствія; что одного увеселяло, тѣмъ же утѣшался и другой. Словомъ, между обоими нами было великое и рѣдкое сходствіе; но что и не удивительно, потому, что былъ онъ сынъ—мой, сынъ, воспитанный самимъ мною и по всѣмъ обстоятельствамъ составляющій для меня наивеличайшее сокровище въ свѣтѣ и производящій знатнѣйшую часть моего благополучія въ сей жизни.

Съ таковымъ-то товарищемъ и природнымъ своимъ другомъ и собесѣдникомъ отправлялся я въ сей отдаленный путь. Я бралъ его съ собою сколько для компаніи, а болѣе для того, что онъ никогда еще въ сей деревнѣ не былъ и ее не зналъ, и что ему, какъ будущему ея господину, давно уже пора было имѣть объ ней точное понятіе. Мнѣ хотѣлось не только ее ему показать, но и всѣ новыя распоряженія въ оной вмѣстѣ съ нимъ и съ общаго согласія и совѣта сдѣлать, дабы онъ тѣмъ свободнѣе могъ впредь продолжать начатое.

Чтобъ спокойнѣе намъ было ѣхать и обыкновенныя суровости погоды намъ менѣе надоѣдали, а особливо слабому здоровью моего сотоварища менѣе были вредительны, то избрали мы для путешествія сего одну изъ нашихъ каретъ и устроили ее такъ, чтобъ намъ не только въ ней сидѣть, лежать и спать было можно, но чтобъ и солнце, и вѣтеръ насъ колико меньше безпокоили. А чтобъ не терпѣть намъ ни въ чемъ нужды, то запаслись мы съ избыткомъ всѣми нужными дорожными провизіями; а для защищенія себя отъ суровости осеннихъ погодъ — довольнымъ количествомъ всякаго, и лѣтняго, и осенняго платья, и нагрузили всѣмъ тѣмъ превеликую кибитку, такъ что пяти лошадямъ только впору было везти оную, а шесть человѣкъ людей и девять лошадей составляли прочую нашу дорожную свиту.

Въ путь сей вознамѣрились мы отпра-

виться 3-го числа сентября, но нечаянныя обстоятельства побудили насъ отложить отъѣздъ нашъ еще на одни сутки. Сперва, вдругъ занемоги у меня мой спутникъ, и занемоги такъ, что я въ-прахъ было перепугался. Но не успѣлъ сей болѣзненный припадокъ сколько-нибудь укротиться, какъ взойди вдругъ престрашная туча, съ сильными громовыми ударами и проливнымъ дождемъ, помѣшавшимъ намъ даже все нужное въ повозки свои укладывать, и удивившая насъ необыкновенностью своею въ такое позднее уже лѣтнее время. Все сіе было намъ хотя и непріятно, однако, мы тогда сіе ни мало не уважили. По послѣ увидѣли, что сими препятствіями, при самомъ уже началѣ, судьба власно какъ насъ останавливала отъ сей ѣзды или, по крайней мѣрѣ, предвозвѣщала намъ, что имѣть мы будемъ въ путешествіи семъ много непріятностей, препятствъ и неожиданностей. Но сего было еще не довольно, а надобно было присовокупиться къ тому еще одной препонѣ. Уже было у насъ все собрано и все въ повозки укладено; уже ѣхали мы прощаться съ нашимъ городничимъ, и оставалось только пообѣдать, и потомъ запрягать лошадей и ѣхать,—какъ вдругъ сказали намъ, что пріѣхалъ въ городъ г. Ждановъ, тотъ милый и любезный молодой человѣкъ, о которомъ упоминалъ я въ предыдущихъ моихъ письмахъ и съ которымъ мы съ перваго почти свиданья такъ сдружились, какъ бы вѣкъ жили, и его въ мысляхъ своихъ прочили въ женихи дочери моей Настасьѣ. Сей молодой человѣкъ ѣздилъ тогда на нѣсколько времени въ свою деревню и, по заключеніямъ нашимъ, наиболѣе для того, чтобъ посовѣтоваться съ родными своими о замышляемомъ имъ за дочь мою сватовствѣ. Онъ писалъ къ намъ изъ деревни, что скоро пріѣдетъ опять къ намъ лѣчиться, но мы сколь ни усердно его дожидались, но все ожиданіе наше было до сего дня тщетно.

Какъ мы его всѣ искренно любили, а по вышепомянутой причинѣ, имъ и интересовались, то извѣстіе о его пріѣздѣ въ самый тотъ день, какъ мы отъѣзжали, чрезвычайно насъ смутило. Мы жалѣли, что имѣть будемъ столь короткое время его видѣть и, поговоривъ другъ съ другомъ, рѣшились пожертвовать тѣмъ днемъ дружеству къ сему человѣку, да и надобности съ нимъ видѣться. А чтобъ чрезъ сію отсрочку потерять какъ можно меньше времени нашей ѣзды, то вздумали лошадей нашихъ въ тотъ же часъ отправить верстъ за 60 впередъ и велѣть тамъ себя дожидаться, а самимъ взять мужичьихъ лошадей и, препроводивъ весь тотъ день съ родными своими и съ помянутымъ другомъ, пуститься въ послѣдующій день, съ свѣтомъ вдругъ, и перемѣнными лошадьми замѣнить то, что теряли мы своею отсрочкою.

Сіе какъ было вздумано, такъ и сдѣлано. Всѣ наши родные были тѣмъ довольны, а помянутый гость еще того болѣе. Со всѣмъ тѣмъ, дѣло сіе, само по себѣ ничего нестоющее, имѣло во все путешествіе наше такое вліяніе, и произошли отъ того такія послѣдствія досадныя и непредвидимыя, что еслибъ могли мы оныя тогда предвидѣть, то едва-ль бы мы на то пустились, а лучше бы поѣхали на своихъ лошадяхъ.

Такимъ образомъ, по-утру въ 4 день сентября, распрощавшись со всѣми своими съ слезами насъ провожавшими родными и съ помянутымъ нашимъ пріятелемъ, отправились мы въ свой путь. Солнце было еще очень низко, утро красное, погода наипріятнѣйшая, а дорога самая гладкая и добрая. Отъ перепадавшихъ въ послѣдніе дни тучками дождей не было на ней ни пыли, ни грязи, а по случаю свозки съ полей хлѣбовъ отъ многой ѣзды была она такъ углажена какъ скатерть. Словомъ, мы ѣхали хотя очень скоро, но почти не чувствовали, что ѣхали, и намъ оставалось только веселиться красотою утра и осенними прелестьми природы. Осень тогда только что начиналась. Поля были хотя пусты и отъ хлѣбовъ обнажены, но широкая большая дорога украшена была еще по сторонамъ

множествомъ осеннихъ цвѣтовъ разнаго рода. Лѣса великолѣпствовали еще въ своемъ лѣтнемъ одѣяніи и готовились облекаться въ осеннюю, еще того прекраснѣйшую, одежду. Нѣсколько изъ нихъ видимы намъ были въ лѣвой сторонѣ. Нѣкоторые находились еще въ своей юности, и густотою своею прекрасный видъ представляющіе, а другіе, напротивъ того, были старые и достигшіе уже до своей дряхлости. Сіи были остатками отъ такихъ же другихъ, предъ недавнимъ временемъ срубленныхъ. Алчные винокуренные заводы превратили въ пепелъ въ единое лѣто то, что росло болѣе ста лѣтъ. Итакъ, гдѣ недавно были прекрасныя старинныя дубравы, видны тогда были единые засохшіе пни отъ срубленныхъ и стоявшихъ на нихъ громадъ. По великости оныхъ и по упругому противоборству ихъ противъ всѣхъ бурей и вихровъ, казалося, что древесамъ симъ цѣлые вѣка не могли бы ничего сдѣлать, но остріе секиры и рука земледѣлателя и винокура въ состояніи была въ единый часъ низложить всю пышность сихъ громадъ и, повергнувъ на землю, въ нѣсколько часовъ предать огню и пламени, для насыщенія ненасытнаго корыстолюбія заводчика, и все существованіе ихъ невозвратно уничтожить. Смотря на огромные пни ихъ, и потомъ на оставшую часть лѣса, изъ такихъ же огромныхъ древесъ состоящую, и вѣдая, что скоро и весьма скоро дойдетъ и до нихъ очередь, и что и они такимъ же образомъ и на тоже самое посѣкутся и истребятся,—не могъ я смотрѣть на нихъ безъ чувствованія нѣкотораго къ нимъ сожалѣнія. «Вѣрно, вѣщалъ я умственно къ нимъ, тѣ предки, которые васъ заводили и которые съ толикими трудами васъ берегли, не думали того, чтобъ вы такой жалкій конецъ получили! Безсомнѣнно, не пользуясь вами, утѣшали они себя тою мысленною надеждою, что множество изъ потомковъ ихъ воспользуются лучше громадами вашими, что послужите вы весьма многимъ людямъ на храмины для житья, или на другія нужныя зданія, а вѣтви ваши на обогрѣваніе ихъ членовъ. А того вѣрно имъ на умъ не приходило, что всѣ труды и старанія свои, сопряженные съ воспитаніемъ и содержаніемъ вашимъ, они для того только употребляли, чтобъ нѣкогда одному изъ потомковъ ихъ васъ въ единый годъ срубить и, пережогши васъ при вареніи вина, вырученныя за него деньги промотать, или поставивъ на карту и проиграть!»

Въ сихъ и подобныхъ сему размышленіяхъ углубясь, препроводилъ я нѣсколько минутъ въ молчаніи и провелъ бы еще и болѣе, еслибъ спутникъ мой не извлекъ меня изъ моей задумчивости, сказавъ: «посмотрите-ка, батюшка, на небо, какъ прекрасно и великолѣпно оно теперь. Истинно стóитъ того, чтобъ имъ полюбоваться». Я послѣдовалъ тотчасъ его приглашенію и нашелъ, что было оно дѣйствительно тогда самое картинное. Смѣсь разноцвѣтныхъ и разной величины облачковъ; нѣжные оныхъ колера; солнце, катящееся путемъ своимъ посреди оныхъ и производящее въ нихъ не только разные оные колера, но и длинные прямые лучи по атмосферѣ, нѣкакимъ прозрачнымъ и тонкимъ туманомъ покрытой; наконецъ, самыя открывающіяся вдали прекрасныя голубыя и пурпуромъ украшенныя дальки, перемѣшанныя съ наипріятнѣйшею вдали бѣлозеленою, живѣйшею зеленью,—представляли очамъ нашимъ такое зрѣлище, которымъ я не могъ налюбоваться довольно. Любуясь симъ зрѣлищемъ натуры и сообщая другъ другу свои о томъ мысли, не успѣли мы препроводить нѣсколько минутъ въ сихъ наипріятнѣйшихъ для насъ разговорахъ, какъ новый предметъ и новое зрѣлище представилось глазамъ нашимъ и все наше вниманіе къ себѣ обратило. Повстрѣчалась съ нами цѣлая кучка возовъ, нагруженныхъ снопами послѣдняго съ полей хлѣба. Всѣ онѣ взгромо*щ*ены были очень высоко и тягость ихъ была такъ велика, что колеса стенали подъ оною, а лошади едва въ силахъ были везти оные. Мы тотчасъ усмо-

трѣли, что вся кучка сихъ возовъ хлѣбныхъ принадлежала одному, и какъ казалось, незажиточному и немногосемейному поселянину, ибо первую, везущую сокровище его, лошадь велъ онъ самъ, власно-какъ въ нѣкакомъ торжествѣ, а вторую—вела его подруга, а прочихъ—его дѣти, разныхъ возрастовъ мальчишки и дѣвчонки. Все сіе побудило насъ думать, что находился онъ тутъ со всѣмъ своимъ семействомъ, ибо на послѣднихъ возахъ увидѣли мы самыхъ малѣйшихъ дѣтей его, сидящихъ на верху возовъ, и всѣ ѣхали они съ такими лицами, на которыхъ явно изображалась радость и удовольствіе. Зрѣлище сіе имѣло въ себѣ нѣчто нѣжное, трогательное и такое, чего собственно словами изобразить не можно. Мы смотрѣли на оное любуясь; провожали ѣдущихъ далеко своими глазами и начали тотчасъ потомъ говорить о жизни поселянъ нашихъ, о претрудной ихъ работѣ, безпрерывныхъ трудахъ во все теченіе лѣта, о терпѣливомъ переношеніи оныхъ и о томъ похвальномъ ихъ обыкновеніи, что они дѣтей своихъ обоего пола, съ самаго малолѣтства, пріучаютъ къ работѣ и къ трудамъ. Послѣ чего не преминули мы поговорить и о малюткахъ, сидѣвшихъ на возахъ, и о томъ удовольствіи, какое чувствуютъ они, послѣдуя на поле за отцами своими изъ доброй воли. «Безсомнѣнно, говорили мы, сидючи они на сихъ громадахъ, не вѣдомо-какія высокія мысли о себѣ имѣютъ; но хорошо когда дорога гладка и возъ идетъ прямо; но что, ежели дорогѣ случится иттить по косогору, или колесу попасть въ рытвину, и всему возу повалиться на бокъ, — какой опасности при семъ случаѣ могутъ подвержены быть сіи бѣдняжки?»

Сіе привело на память намъ то жалкое зрѣлище, которое спутнику моему случилось за день до того видѣть въ нашемъ Богородицкомъ гошпиталѣ. Не малолѣтнему ребенку, но одному уже взрослому, хотя молодому еще поселянину, случилось такимъ же образомъ ѣхать на возу съ хлѣбомъ и, по непростительной неосторожности, имѣть тутъ же при себѣ хлѣбную косу, съ такъ называемымъ крюкомъ или гребелками. Возъ сей, въ одномъ дурномъ мѣстѣ, извалился, и несчастіе хотѣло, чтобъ упалъ онъ на самую ту сторону, съ котораго боку привязана была помянутая коса, острыми губьями и спицами своими обращенная прямо къ ѣдущему на верху воза. Самое сіе обстоятельство и произвело все бѣдствіе. Крестьянинъ, полетѣвшій съ возу, попалъ на самыя сіи острыя спицы, и паденіе было столь сильно, что одна изъ нихъ воткнулася въ него болѣе нежели на четверть аршина и, воткнувшись въ опасное мѣсто, тамъ переломилась, и такъ глубоко, что ее совсѣмъ было не видно, ибо совсѣмъ на-сквозь конецъ зубца или спицы не вышелъ, а и другой такъ глубоко въ тѣлѣ переломился, что его совсѣмъ не видно было, и ранка сжавшись казалась маленькою. Со всѣмъ тѣмъ была она самая опасная: зубецъ прошелъ немного повыше луна сквозь обѣ ноги, и въ такомъ мѣстѣ, что въ случаѣ если-бъ не поспѣшить его вытащить, то неминуемо бы человѣку сему и очень скоро умирать долженствовало. Но самое сіе учинить было очень трудно и почти невозможно, ибо отломокъ лежалъ такъ глубоко, что его едва чрезъ давленіе пальцомъ ощупать было можно. Словомъ, несчастный сей былъ при концѣ жизни и опасность была такъ велика, что родные его приготовили онаго уже совсѣмъ къ смерти. Но, по особливому милосердію судебъ къ сему несчастному, случилось тому священнику, который приготовлялъ его къ смерти, быть благоразумному человѣку. Онъ уговорилъ родныхъ его отвезть раненаго ни мало не медля, къ намъ въ Богородицкъ и искать вспоможенія отъ нашего волостнаго лѣкаря. Сей самъ удивился странности случая и особливости раны. Самому ему никогда еще не случалось видѣть таковой, и онъ самъ почиталъ больного столь опаснымъ, что не инако. какъ отъ опасной и сумнительной съ нимъ операціи, должно было ожидать успѣха; а въ случаѣ неудачи, самой смерти. Живолюбіе больного было столь велико, что

онъ отважился дать себя рѣзать, кромсать и отыскивать зубецъ во внутренности тѣла. И при сей-то самой операціи, по приглашенію отъ лѣкаря, случилось быть моему спутнику и самолично все происходившее видѣть. Операція была столь страшная, и зрѣлище для нѣжнаго и чувствительнаго его сердца столь поразительное, что онъ едва оное могъ вытерпѣть; но за то награжденъ былъ человѣколюбивымъ сочувствованіемъ той радости, которую почувствовалъ больной при удачномъ успѣхѣ операціи и при извлеченіи изъ него, хотя съ превеликимъ трудомъ, сего страшнаго осколка. «Братецъ, говорилъ онъ бывшему съ нимъ родному своему брату: я посулилъ лѣкарю цѣлый возъ хлѣба, а теперь готовъ ему отдать весь послѣдній; отдадимъ, братецъ, онъ изъ мертвыхъ меня воскресилъ!» Тако отъ радости, не помня самъ себя, онъ говорилъ. Но бѣднякъ не зналъ, что лѣкарь нашъ не таковъ былъ свойства, чтобъ таковыя пріобрѣтенія были ему нужны.

Сіе-то, какъ недавно бывшее происшествіе, пришло намъ тогда на память и подало поводъ къ разговорамъ о томъ. Между тѣмъ, какъ мы симъ образомъ то о томъ, то о другомъ разговаривали, лошади мчали насъ съ великою поспѣшностію, и мы не видали какъ доѣхали до первой станціи.

Маленькая было то и бездѣльная деревнишка, сидящая при крутомъ оврагѣ, и потому называющался Крутою. Лошади свѣжія были тутъ же для насъ приготовлены, и въ одинъ мигъ ихъ перепрегли, такъ что не промедлили мы тутъ и получаса. Какъ помянутый оврагъ надлежало намъ переѣжжать, и онъ былъ крутъ и дорога на спускѣ не очень ровна, и притомъ внизу шла чрезъ косой мостъ съ надолбами, то, имѣя издавна обыкновеніе выходить и не при столь дурныхъ переѣздахъ, учинилъ я то при семъ и подавно, и тѣмъ паче, что лошади были мужицкія и незнакомыя. Обоимъ намъ не хотѣлось безъ всякой нужды подвергать и жизнь, и здоровье свое опасности, и мы не сочли себѣ за трудъ перейтить оврагъ и мостъ сей пѣшкомъ и взойтить на противоположный крутой берегъ. И какъ хорошо было, что мы сіе сдѣлали! Карету нашу удалось еще кое-какъ спустить и переправить благополучно чрезъ мостъ; но большую и грузную кибитку нашу не успѣли начать спускать, какъ одна изъ крестьянскихъ лошадей, случившаяся на припряжѣ, начала бѣситься и, вздуривъ и прочихъ, понесла и стала бить такъ, что сводившіе ихъ люди принуждены были сами спасать отъ нихъ свою жизнь и пустить кибитку на произволъ случая, а сей весьма былъ для ей неблагопріятенъ. По косинѣ дороги потеряла она свое равновѣсіе, полетѣла въ одну сторону торчма и со всего размаху грянула съ такою силою бокомъ объ надолбы, что трескъ раздался по всему оврагу и достигъ до ушей нашихъ. «Эхъ! возопили мы оба, увидѣвъ всё сіе съ горы: какая бѣда! конечно, колесо совсѣмъ изломалось». И съ великою поспѣшностью сбѣжали съ горы осматривать лежащую на боку грузную кибитку нашу. Мы увидѣли весь верхъ ее разломанный въ части, но колесо показалось намъ еще цѣлымъ и ничѣмъ не повредившимся. «Ну, слава Богу! говорили мы: хоть оно цѣло». И ради были уже и тому. А что касалось до верха кибиточнаго, то мы скрутили оный кое-какъ веревками, и могли еще продолжать путь свой до такого селенія, гдѣ была кузница и гдѣ надѣялись мы посковáть какъ-нибудь всѣ переломавшіяся дуги. Итакъ, паденіе сіе не великую намъ сдѣлало остановку, и мы не промедлили и четверти часа. Со всѣмъ тѣмъ, была она мнѣ весьма непріятна. Таковая нечаянная и при самомъ началѣ путешествія случившаяся остановка казалась равно какъ бы предвозвѣщающею, что путешествіе наше будетъ не совсѣмъ благоуспѣшно и что остановокъ такихъ будетъ много. Въ мнѣніи семъ я и не обманулся, какъ то окажется изъ послѣдствія.

Выбравшись на гору, пустились мы попрежнему въ путь и вскорѣ всю досаду на случившееся позабыли. Открывающіяся часъ-отъ-часу болѣе въ лѣвой сторонѣ

вдали прекрасныя мѣстоположенія привлекли къ себѣ наше зрѣніе и всѣ помышленія. Я, любуяся оными, искалъ глазами одной извѣстной мнѣ прекрасной рощи и, къ удивленію моему, не могъ никакъ найтить оной. Я не понималъ, куда она дѣлася. Но изумленіе мое было еще того болѣе, какъ повстрѣчалось съ глазами моими такое зрѣлище, какова я никогда еще не видывалъ, хотя часто ѣжжалъ сею дорогою. Было то нѣсколько десятковъ кривыхъ, голыхъ и ни къ чему годныхъ большихъ деревъ, стоящихъ въ разсѣяніи и въ превеликой отдаленности другъ отъ друга. Всѣ они представляли очамъ не только дурное, но весьма скучное зрѣлище, и никогда такого я не видывалъ. Не понимая, что и сіе значило, до тѣхъ поръ находился я въ изумленіи, покуда, взъѣхавъ на одинъ пригорокъ, не увидѣлъ самыхъ мельчайшихъ кустовъ, разсѣянныхъ между сими дрянными деревьями. Тогда разрѣшилось мое сомнѣніе, и я, узнавъ сіе мѣсто, мысленно возопилъ: «Ахъ! ажно и ты, прекрасный лѣсъ, служившій толико лѣтъ украшеніемъ сей дороги, подвергся такому-жъ несчастному жребію, какому подвергаются всѣ почти лѣса въ нынѣшній несчастный для нихъ періодъ времени. Пожралъ и тебя огнь въ винокуренныхъ печахъ и заводахъ, не спасла и тебя красота твоя и способность прекрасныхъ деревъ твоихъ къ строенію хоромному! Увы! погибъ и ты, и не осталось почти и слѣда красотъ твоихъ, кромѣ сихъ негодныхъ и скаредныхъ деревъ, означающихъ только бытіе твое! Обманулись и въ разсужденіи тебя предки, заводившіе и хранившіе тебя! Не принесъ и ты ни малѣйшей пользы обитателямъ окрестностей сихъ, но, вмѣсто того, послужилъ только къ поспѣшествованію ихъ распутству и развращенію, яко плодовъ всегдашняго пьянства! Самому владѣльцу твоему, оказавшему къ тебѣ сіе жестокосердіе, не великую принесъ ты пользу, и далеко не помогъ выкрутиться изъ-подъ бремени долговъ, отягощавшихъ его выю. Долги его остались столь же многочисленны, какъ до того были, и также тяготятъ теперь сына, какъ тяготили отца!»

Сіе послѣднее говорилъ я потому, что владѣлецъ сего лѣса былъ мнѣ отчасти знакомый человѣкъ. Будучи сыномъ сенатскаго секретаря, наслѣдовалъ онъ послѣ отца великое имѣніе, и не только многія тысячи денегъ, нажитыя такъ, какъ секретари наживаютъ, но и прекрасныя деревни. Со всѣмъ тѣмъ, всего того не надолго сыну его стало. Молодому сему человѣку возмечталось, что никого его богатѣе и никого знатнѣе нѣтъ. Онъ восхотѣлъ удивить всю Москву непомѣрнымъ своимъ щегольствомъ и пышностью выѣздовъ. Карета была не карета, и цугъ не цугъ! Всему надлежало быть выписному, всему богатому, всему несравненному! Что касается до его гардероба, то съ платьемъ его не знали куда дѣваться, а чулки и башмаки всякій день надобны были перемѣнные! Рубахи и манжеты выписныя! Словомъ, онъ восхотѣлъ себя вести не такъ, какъ приличествовало оберъ-секретарскому сыну и полудворянину, но какъ французскому дюку, или принцу крови! А за то и прожилъ онъ все отцовское богатство очень скоро. А какъ того стало уже мало, то вошелъ онъ въ долги, и столь великіе, что уплатить ихъ не было ни какой возжности. Въ сей-то крайности восхотѣлъ онъ помочь себѣ заведеніемъ винокуреннаго завода и продажею беззаконною вина. Но и симъ онъ себѣ ни мало не помогъ, а разорилъ только крестьянъ и перевелъ лѣса всѣ. А, наконецъ, окончивъ жизнь, оставилъ уплачивать долги свои малолѣтнему сыну, а въ примѣрѣ своемъ—новое доказательство той вѣчной истины, что неправое созданіе прахъ есть! Мнѣ все сіе наиболѣе было знакомо, что онъ женатъ былъ на родной племянницѣ и наслѣдницѣ умершаго друга моего, Ивана Григорьевича Полонскаго. И мы, разговаривая объ немъ съ сыномъ моимъ, дивились правосудію Господню, наказующему всегда неправды и хищенія, когда не на самомъ виновникѣ, такъ на дѣтяхъ и внучатахъ его!

Какъ скоро проѣхали мы сіе скучное мѣсто и выѣхали на того еще скучнѣйшую степь, въ которой во всѣ стороны, кромѣ пустыхъ хлѣбныхъ полей, ничего было не видно, то принялись мы съ спутникомъ своимъ за чтеніе. Газеты иностранныя, полученныя мною въ день моего отъѣзда, были съ нами, и намъ надлежало поспѣшить прочесть оныя, дабы можно было отослать ихъ назадъ къ любопытному нашему лѣкарю, съ подвощиками. Итакъ, мы, продолжая путешествіе наше тѣлами нашими въ Тамбовъ, пустились душами и мыслями своими путешествовать по всей Европѣ, перелетать умственно изъ одного царства въ другое и обозрѣвать душами нашими все то, чтó, за мѣсяцъ до того и меньше, происходило во всемъ свѣтѣ; а за симъ и не видали, какъ прискакали мы на вторую станцію, въ село Михайловское.

Огромное селеніе сіе принадлежало къ той же Богородицкой волости, надъ которой я начальствовалъ, и было одно изъ знаменитѣйшихъ въ оной; но ни которое изъ всѣхъ не сидѣло на столь прекрасномъ мѣстѣ, какъ оно. Посреди онаго находился огромный, пышный, глубокій и широкій долъ, раздвоившійся въ правой сторонѣ на два рукава и окруженный со всѣхъ сторонъ пышными и красивыми огромными буграми и холмами, увѣнчанными кое-гдѣ кучками прекрасныхъ рощицъ и лѣсочковъ, индѣ предлинными рядами дворовъ обитателей онаго, а одинъ изъ нихъ имѣлъ на хребтѣ своемъ небольшую, но изрядную деревянную сельскую церковь. Посреди помянутаго широкаго дола, извиваясь, протекала славная рѣка Непрядва; она тутъ— уже нарочитой величины и въ самомъ селѣ въ семъ соединилась съ другою небольшою, но не менѣе достопамятною рѣчкою, называемою Ситкою. Обѣ сіи рѣчки знамениты тѣмъ, что на берегахъ и въ окрестностяхъ оныхъ происходило нѣкогда то славное Мамаево побоище, которое столь достопамятно въ россійской исторіи, и о послѣдней рѣчкѣ есть и понынѣ еще преданіе словесное, что кровопролитіе на берегахъ оной было столь велико, что вся она текла почти кровью, и что воду изъ ней пить ни коимъ образомъ было не можно. Вѣдая все сіе, съ нѣкакимъ особливымъ чувствованіемъ смотрѣлъ я на обѣ сіи рѣчки и на окрестности и мѣстоположенія тѣ, гдѣ нѣкогда цѣлая Россія была въ собраніи, гдѣ множество ея князей и разныхъ народовъ, позабывъ всѣ внутренніе свои несогласія и вражды, съ славнымъ единодушіемъ противоборствовали несмѣтнымъ тысячамъ восточныхъ народовъ, приходившихъ для конечнаго погубленія и разрушенія всей Россіи, и гдѣ одержали они толь славную и великую надъ ними побѣду и восторжествовали еще въ первый разъ надъ татарами и ихъ гордыми князьями. Я преселялся мысленно въ тѣ отдаленные прежніе вѣка и времена, когда не было еще въ сихъ мѣстахъ никакихъ селеній, а одинъ только *ковыль* свисталъ, развѣваемый вѣтромъ по пустымъ и необозримымъ степямъ. Я воображалъ себѣ тѣ разные и многочисленные народы, которые съ столь дальнихъ и обширныхъ мѣстъ и разныхъ странъ были тогда въ сихъ окрестностяхъ въ собраніи. Воображалъ безчисленныя толпы конницы, разныя тогдашнихъ народовъ одежды и убранствы, обыкновенные тогда ихъ станы и свойственныя тогдашнимъ временамъ военныя ополченія, смятенія и шумы, а наконецъ, вообразивъ себѣ страшный и на-вѣки незабвенный день битвы, мнилъ умственными очами видѣть безчисленныя толпы ратниковъ, скачущихъ другъ противъ друга и поражающихъ себя мечами, стрѣлами и копьями. Я мнилъ слышать странные ихъ военные вопли, стонъ убиваемыхъ и поражаемыхъ; видѣть мертвые трупы, валяющіеся съ коней и подавляемые другими; кровь, повсюду текущую и обагряющую землю. «Почему знать, думалъ я и восклицалъ самъ въ себѣ въ мысляхъ далѣе: можетъ на страшной битвѣ сей былъ кто-нибудь или нѣсколько человѣкъ изъ собственныхъ моихъ и тѣхъ отдаленныхъ предковъ, о коихъ никакого свѣдѣнія до

меня не достигло! Можетъ-быть, и изъ нихъ кто-нибудь обагрилъ мѣста сіи своею кровью, можетъ-быть и ихъ кости согниваютъ въ землѣ здѣшнихъ окрестностей, или разсѣяны по степямъ и полямъ обширнымъ. Людей и народовъ было много, и народы сіи были самые тѣ, отъ коихъ произошли ближайшіе и извѣстные мнѣ предки мои».

Собравшаяся толпа обитателей сего огромнаго села и окружившая мою карету воспрепятствовала мнѣ далѣе въ помышленіяхъ такихъ упражняться. Были то отчасти начальники того села, дожидавшіеся уже моего пріѣзда и пріуготовавшіе нѣкоторые плоды и снѣди для поднесенія мнѣ на дорогу, а отчасти разные просители, желавшіе того чтобъ я разобралъ нѣкоторыя ихъ между собою распри и оказалъ обижаемымъ другими защиту и покровительство. Съ особливою охотою вышелъ я для сего изъ кареты и препроводилъ въ разбирательствахъ сихъ все то время, покуда перемѣняли лошадей и запрегали новыхъ.

Какъ все было уже готово, то, распрощавшись съ сими мужичками, отправился я далѣе. Мы переѣхали славную Непрядву тутъ по мосту и, выбравшись на гору, пустились гладкою и прекрасною дорогою чрезъ ту часть ровнаго и окомъ необозрѣваемаго Куликова поля, которую намъ тутъ переѣзжать доводилось. Лошади свѣжія и хорошія мчали насъ такъ скоро, что мы со спутникомъ своимъ, возобновивъ прежнее дорожное чтеніе, и не видали какъ доѣхали до села Зиновьева.

Селеніе сіе нарочито велико, сидитъ на ровномъ мѣстѣ, имѣетъ посреди себя нарочитой величины прудъ, изогнувшійся дугою, почему и оно поселено полукружіемъ и имѣетъ посреди себя изрядную деревянную церковь, построенную за прудомъ и придающую всему селу немалую красу. Мы проѣхали большое село сіе неостанавливаясь, и смотря на небольшой господскій домикъ, находящійся за прудомъ, поговорили только съ сыномъ своимъ о томъ, какъ судьба или Провидѣніе Господне распоряжаетъ оными. Село сіе принадлежало, прежде сего, одному славному у насъ въ Россіи игроку, обогатившемуся отъ игры картошной и пустившему весьма многихъ простачковъ по-міру. Но что-жъ изъ всего его богатства вышло? Изъ всѣхъ его дѣтей осталась одна только дочь, да и та сущая каррикатура! Но какъ бы то ни было, но она влюбись въ одного иностранца доктора! А сей, не побрезговавъ ея безобразіемъ, на ней, по желанію ея, женился и, наживъ съ нею дѣтей, по скорой ея кончинѣ, владѣлъ тогда сімъ ея селомъ и всѣмъ имуществомъ, ни мало въ отечествѣ своемъ не помышляя, чтобъ онъ изъ сущаго бѣдняка сдѣлался богатымъ россійскимъ помѣщикомъ и владѣльцемъ деревень.

Выѣхавъ изъ сего села, и поворотивъ влѣво съ большой Лебедянской дороги, очень скоро добѣжали мы и до другаго не малаго господскаго селенія, называющагося почти также, а именно — Зиновкою. Сіе, въ пріятномъ безпорядкѣ, сидитъ на берегу одного глубокаго и искривленнаго буерака, на которомъ запруженъ прудъ, имѣющій столь прекрасный и картинный видъ, что мы, переходя пѣшкомъ черезъ плотину, не могли довольно онымъ налюбоваться. Впрочемъ, и селеніе, и самый господскій дворикъ, противъ плотины на бугрѣ построенный, не заслуживали дальнаго вниманія, кромѣ того, что дворъ имѣлъ вокругъ себя городьбу, складенную изъ простого плитняка и очень просто и некрасиво. Проѣхавъ сіе селеніе, надлежало намъ переѣзжать опять ровное и пустое поле и ѣхать часа два мѣстами, неимѣющими ни какихъ достопамятностей и увеселительныхъ видовъ; почему и занимались мы болѣе чтеніемъ. Единый только жаръ и сіяніе солнца насъ нѣсколько обезпокоивало. Мы принуждены были впервыя воспользоваться нововыдуманными гардинами въ каретѣ, и были ими довольны. Былъ тогда уже сентябрь, но погода столь теплая, какъ бы въ іюлѣ, и было не только тепло, но даже знойно.

Подъѣзжая къ селу Ивановскому, версты за три показались намъ остатки колодокъ, украшавшихъ съ сего мѣста прежде сего всю большую дорогу, и мы пожалѣли о томъ, что онѣ съ-года-нагодъ уменьшались и исчезали, и что правительство не пеклось о поддержанiи сего крайне полезнаго замѣчанiя (sic) степныхъ дорогъ. Какъ по приближенiи къ помянутому селу, по причинѣ весьма гладкой дороги, мчались мы весьма быстро, то лошади наши безъ намѣренiя произвели пакость и причинили вредъ одному поселянину. Случилось такъ, что стадо того села паслось близко подлѣ дороги, и одной молодой скотинѣ, глупѣйшей и простоумнѣйшей изъ всѣхъ, [пришлось] лежать посреди самой дороги и, не думая ни о чемъ, пережовывать свою съѣденную пищу. Глупость сего теленка была такъ велика, что не успѣлъ онъ отскочить отъ скачущихъ на него прямо лошадей, а мальчишка форейтеръ, не многимъ чѣмъ умнѣйшiй самаго теленка, не имѣлъ столько разума и проворства, чтобъ лошадей благовременно поостановить; итакъ, онѣ прямо на него и наскакали, и бѣдный теленокъ попалъ не только подъ припряжныхъ, но и подъ самыя колеса, и мы почувствовали только толчокъ въ каретѣ и застонанье сей бѣдной молодой скотины. Такъ скоропостижно все сiе произошло! Какъ случай сей былъ ни мало нами неожидаемъ, то изумились оба мы, почувствовавъ стонъ и толчокъ и не видѣвъ происходившаго, не знали, что о томъ думать. Наконецъ, догадывались мы, что переѣхали какую-нибудь скотину, но какую собственно и какъ, того не успѣли и видѣть, — такъ скоро продолжалась ѣзда наша! Вскорѣ послѣ сего, доѣхали мы до села Ивановскаго, гдѣ дожидались насъ уже собственныя наши лошади, и гдѣ надлежало намъ обѣдать. Между тѣмъ, покуда приготовляли намъ на скорую руку, по-дорожному, что-нибудь поѣсть, ибо варить было уже поздно и некогда, пошли мы съ сотоварищемъ своимъ прохаживаться по улицѣ и въ-округъ церкви. Церковь въ селѣ семъ каменная, стоитъ посреди села, и прямо деревенская. Строившiе ее не имѣли о архитектурѣ ни малѣйшаго понятiя, и наружныя ея украшенiя такъ дурны и такъ глупы, что гораздо бы лучше было, еслибъ ихъ вовсе дѣлано не было, а складена бы она была просто и безъ всякихъ глупыхъ вычуровъ. Во внутренности церкви мы не были, но думать надобно, что и внутри она не лучше своей наружности, или еще хуже; ибо прихожане ея состояли изъ однихъ только мужиковъ, изъ которыхъ иные были и довольно зажиточные и семьянистые, къ каковымъ принадлежалъ и хозяинъ того двора, въ которомъ мы пристали.

Между тѣмъ, какъ мы помянутымъ образомъ въ-округъ церкви и по кладбищу ходили и о простотѣ деревенской жизни между собою разговаривали, увидѣли мы съ западной стороны поднимающуюся синюю тучку и услышали вдали гремѣнiе грома. Тучка сiя увеличивалась съ каждою минутою и казалась иттить на насъ. Сiе побудило насъ поспѣшить возвращенiемъ своимъ на квартеру, дабы успѣть до нашествiя тучи пообѣдать. Однако, возставшая вдругъ жестокая буря не дала намъ столько времени. Мы не успѣли добраться до квартеры и расположиться въ сѣняхъ ѣсть наши дорожные пироги и окрошку, какъ туча уже очутилась надъ нами. Страшная молнiя разсѣкла ее отъ верха до самаго низа, и громъ гремѣлъ почти безпрерывно. Словомъ, туча сдѣлалась не только важная, но и страшная, и мнѣ никогда еще не случалось видѣть такой страшной и долголящейся молнiи, какую я видѣлъ въ сей разъ. Мы принуждены были затворить всѣ двери въ сѣняхъ, однако, и сiе не много помогло. Буря съ небольшимъ дождемъ гудѣла во всѣ скважины стѣнъ и, придавая еще болѣе ужаса, прогнала насъ въ жаркую и душную избу. Тутъ словоохотливый старикъ, хозяинъ нашъ, разсказывалъ намъ, что и за день передъ тѣмъ была у нихъ жестокая гроза, и въ сосѣдствѣ нѣсколько дворовъ выжгла.

Сіе еще болѣе насъ устрашило и привело въ такое изумленіе, что намъ и ѣда на умъ не пошла, но мы очень скоропостижно обѣдъ свой кончили и въ сей разъ обѣдали прямо по-дорожному. Но сколь много удивились и обрадовались мы, когда въ самое то время, когда мы, сидючи въ избѣ, съ каждою минутою ожидали величайшихъ громовыхъ ударовъ, пришли къ намъ сказывать, что туча вся уже прошла и нѣтъ ни какой болѣе опасности. Извѣстіе сіе показалось намъ столь странно, что мы не хотѣли оному сперва вѣрить; но, выбѣжавъ на дворъ, скоро увѣрились въ томъ, увидѣвъ тучу, въ самомъ дѣлѣ всю разсѣевшуюся. Никогда еще не случалось мнѣ видать тучи, столь скоро находящей и столь скоропостижно уничтожающейся. А какъ и дождя было очень мало, и скоро потомъ небо прочистилось, и день сдѣлался опять красный и пріятный, то удовольствіе наше было тѣмъ болѣе. Тогда, не имѣя уже нужды такъ спѣшить, дали мы людямъ своимъ волю по произволенію своему обѣдать, и столько времени на то терять, сколько хотѣли; но сіе было и къ статѣ, потому что между тѣмъ приговоренный кузнецъ чинилъ нашу кибитку и сковывалъ изломанныя ея дуги.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило, имѣлъ я досугъ вступить съ старикомъ-хозяиномъ въ разговоры. Я не могъ довольно налюбоваться великости его семьи. Было у него два сына, такихъ же стариковъ, каковъ онъ самъ, болѣе десяти внучковъ и множество правнучатъ. Словомъ, одного мужескаго полу душъ слишкомъ двадцать, а женскаго почти столько-жъ. Онъ былъ, какъ Авраамъ, почитаемъ и любимъ всѣмъ своимъ многочисленнымъ семействомъ и держалъ оное въ должномъ подобострастіи. Я не могъ, чтобъ не похвалить старика за то, что онъ дѣтей своихъ не допускаетъ дѣлиться, и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что благоразумный сей старикъ самъ тѣмъ веселился, и равно какъ въ славу себѣ то ставилъ, что у него столько дѣтей, внучатъ и правнучатъ. При вопросѣ, не бываетъ-ли въ семьѣ его какихъ несогласій и раздоровъ, какъ то многочисленнымъ семействамъ бываетъ свойственно, — показалъ онъ мнѣ свой нарочито толстый посошокъ и сказалъ только: «а это что?» давая тѣмъ знать, что онъ умѣетъ ихъ держать въ уздѣ. Сіе увеличило еще болѣе мое о семъ старикѣ хорошее мнѣніе. Я не могъ, чтобъ не похвалить его и за сіе, и съ удовольствіемъ препроводилъ въ разговорахъ съ нимъ болѣе часа времени. Между прочими разговорами, разсмѣшилъ онъ меня разсказываніемъ, какъ онъ во время послѣдней ярмонки былъ у насъ въ Богородицкѣ и видѣлъ впервыя отъ роду бывшую тогда у насъ иллюминацію и маленькій фейерверкъ. Какъ начали зажигать разставленныя по желѣзной кровлѣ дворца плошки, то простодушному крестьянину сему съ его внукомъ не инако показалось, что дворецъ загорѣлся. Смѣшно было, какъ разсказывалъ онъ чувствованное тогда имъ обо мнѣ сожалѣніе, а того смѣшнѣе, какъ онъ по-своему сталъ разсказывать о усмотрѣнныхъ потомъ имъ ракетахъ, буракахъ, швермерахъ, фонтанахъ и колесахъ. Какъ ничего подобнаго не случалось ему никогда видѣть, то привели они его въ крайнее и пріятное удивленіе, и тѣмъ паче, что онъ уже увидѣлъ, что былъ это не мнимый имъ пожаръ, а увеселительные огни и потѣха. Сими разговорами онъ такъ меня занялъ, что я и не видалъ, какъ прошелъ цѣлый часъ времени, который въ ожиданіи отдѣлки кузнеца былъ бы безъ того мнѣ очень скученъ. Наконецъ, почанили и исправили такъ мою кибитку, что, безъ всякаго опасенія, можно было пуститься съ нею въ дальній путь. Но не успѣло сіе горе миновать, какъ новое обстоятельство насъ начало озабочивать. Люди подступили къ намъ сказывать, что хотя они и думали, что, при упаденіи кибитки, колесо ничѣмъ не повредилось, однако, въ томъ обманулись, и теперь усмотрѣли, что и у него одна спица надломилась, да и все оно какъ-то не очень крѣпко сдѣлалось. Я велѣлъ поукрѣпить его заблаговремен-

по обыкновенными рваньми и надѣялся, что сіе поможетъ дойтить ему до мѣста.

Но сія остановка была еще и въ сей разъ не послѣдняя, а явилась новая. Мы начали уже запрегать лошадей и хотѣли ѣхать, какъ вдругъ является предъ меня того села сотскій, мужикъ ражій, грубый и великій горланъ, и требуетъ, чтобъ мы заплатили за теленка, котораго мы у него задавили. Тогда узнали мы впервые, что былъ то теленокъ, а не баранъ, какъ мы сначала думали. Люди наши вздумали-было отъ того отпираться и отклёпываться; мнѣ, однако, совѣстно было имъ подражать и мужика оставить въ неудовольствіи и накладѣ. Я велѣлъ ему теленка своего мнѣ представить, дабы видѣть, чего бы онъ стоилъ, ибо я, по словамъ его, заключалъ, что онъ задавленъ до смерти. Сіе требованіе было ему не весьма пріятно. Онъ признался, что теленокъ еще живъ, и что только-что пораненъ. И какъ для самаго того я еще усильнѣе восхотѣлъ его видѣть, то нехотя принужденъ онъ былъ за нимъ ѣхать и привезть его ко мнѣ въ телѣгѣ; и тогда, къ удовольствію моему, оказалось, что теленокъ ни мало такъ не опасенъ, какъ онъ сначала сказывалъ, и что лошади повредили только его лядвеи и ноги своими копытами и произвели ничего нестоющія раны. Итакъ, принужденъ былъ мужикъ всѣ дальнія свои требованія оставить и накланялся еще мнѣ, когда далъ я ему нѣсколько алтынъ денегъ на покупку нужнаго вина для смоченія ранъ или, лучше сказать, ему на пропой въ кабакѣ. Все сіе задержало насъ долѣе, нежели я сначала думалъ, и мы не прежде изъ сего села выкрутились, какъ гораздо уже за полденъ. Я отпустилъ отсюда привозившихъ меня лошадей и не преминулъ нѣсколько строкъ написать съ ними о себѣ къ своимъ домашнимъ роднымъ.

Продолжая отъ села сего путь на своихъ дорожныхъ лошадяхъ, поѣхали мы уже не такъ скоро. Но какъ дорога была хороша, то какъ ни поздно мы выѣхали, но успѣли доѣхать ночевать до села Малинокъ, принадлежащаго знакомому моему г. Крюкову и отстоящаго отъ города Донкова только за 12 верстъ. Дорога отъ села Ивановскаго до сего мѣста шла, по большой части, по ровнымъ мѣстамъ и на всей не было ни какихъ трудныхъ переправъ, кромѣ одной вершины, да и чрезъ ту переѣздъ былъ изрядный. Во все продолженіе оной упражнялись мы съ товарищемъ своимъ въ чтеніи коекакихъ книгъ, взятыхъ съ собою на дорогу. Сими запаслись мы довольно; и какъ между прочими былъ съ нами и послѣдній мѣсяцъ издаваемаго въ Москвѣ политическаго журнала, полученный въ навечеріи нашего отъѣзда, то, почитавъ онаго нѣсколько, принялись мы за исторію государствованія императора Карла V. И какъ она была очень любопытна и занимательна, то читали мы ее съ превеликимъ удовольствіемъ; и занявшись тѣмъ, не видали какъ проѣхали всѣ скучныя и никакихъ хорошихъ видовъ неимѣющія мѣста. Когда же солнце начало уже склоняться къ западу, то открывшіеся намъ въ лѣвой сторонѣ лѣса, рощи и дубравы, а за ними долы, холмы и прекрасныя мѣстоположенія—отвлекли насъ отъ чтенія и заставили собою любоваться. Вечеръ былъ тогда наипрекраснѣйшій, небо чистое и испещренное только изрѣдка, въ западной сторонѣ, мелкими облачками и полосками изъ оныхъ. Солнце свѣтило ясно и вечерними лучами своими всему краю сему небеснаго свода придавало уже пурпуровый видъ, а лѣса, и за ними холмы, позлащало. И тѣ, и другіе представляли тогда очамъ прекрасныя зрѣлища. Первые, будучи прекрасными и большими дубовыми чистыми рощами, извивались своими закраинами и то къ дорогѣ приближались, то удалялись отъ ней пространными полукружіями и составляли какъ бы амфитеатры. Будучи всѣ еще зелены, густы и непрозрачны и освѣщаемы уже съ боку низкимъ вечернимъ солцемъ, казались они отмѣнно красивыми, а особливо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ выдающіеся ихъ мысы были рѣдки и сквозь ихъ видны были освѣщенныя луговыя поляны. Въ нѣкоторыхъ

мѣстахъ дубровы сіи перерывались и въ прогалины между собою открывали вдали пріятные долы, а за ними отлогіе холмы, украшенные пріятною ржаною зеленью. Наконецъ, проѣхавъ оное, увидѣли мы въ лѣвой сторонѣ, въ небольшомъ разстояніи отъ дороги, сперва одинъ верхъ прекрасной каменной церкви, а потомъ и все село, сидящее нѣсколько за горою и имѣющее прекрасное положеніе мѣста. Видъ сего села съ его прудами имѣетъ въ особливости пріятный видъ; и, какъ казалось, то принадлежало оно какому-нибудь знатному барину, ибо все похоже было на то въономъ. Таковымъ точно и почиталъ я его, покуда изъ любопытства не спросилъ о томъ у жителей сихъ окрестностей, и тогда съ чувствованіемъ нѣкоего особливаго соболѣзнованія услышалъ, что оно дѣйствительно сначала было таковымъ и принадлежало одному зажиточному дворянину, но тогда, какимъ-то образомъ, перешло въ купеческія руки. Сказывающій мнѣ о томъ не сомнѣвался, что причиною тому было мотовство и долги, чему легко можно было и повѣрить. Роскоши и непомѣрное мотовство большей части нашихъ дворянъ скоро произведетъ то, что большая часть нашихъ селъ и деревень принадлежать будутъ фабрикантамъ, купцамъ, подьячимъ, секретарямъ, докторамъ и лѣкарямъ, и не мы, а они господами и владѣльцами будутъ.

Симъ образомъ, любуяся отмѣнною красивостью тамошнихъ окрестностей, ѣхали мы, ни мало не воображая себѣ, что чрезъ небольшое число лѣтъ послѣ того сдѣлаются мѣста сіи для насъ интереснѣйшими, и что въ тамошнемъ краю и неподалеку оттуда родилась, воспитана и возростала та, которая назначена была Провидѣніемъ Господнимъ быть подругою моему сыну и произвесть отъ него тѣхъ драгоцѣнныхъ мнѣ потомковъ и продолжателей моего рода, для которыхъ наиболѣе и пишу я сію исторію. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ отъ помянутаго села, потерлись мы еще подлѣ другаго экономическаго села, называющагося Маленькими Малинками. Сіе не имѣло въ себѣ ничего достопамятнаго и хорошаго, какъ отъ селъ такого рода и ожидать того не можно. Нѣтъ въ нихъ ни порядка въ строеніи и ни какихъ другихъ заведеній, достойныхъ любопытнаго ока. Сіе мѣсто проѣхали мы уже при самомъ почти захожденіи солнца, а отсюда до ночлега ѣхали уже зарею. Но какъ дорога была прекрасная, то мы достальное разстояніе переѣхали скоро и доѣхали до села Большихъ Малинокъ еще засвѣтло. Такимъ образомъ весь переѣздъ въ сей первый день нашего путешествія простирался до 80 верстъ. Мы могли бы доѣхать и до города Донкова, какъ намъ сперва и хотѣлось, но позднее вечернее время и обстоятельство, что въ темнотѣ надлежало переѣзжать весьма большой и крутой оврагъ, впереди находящійся, меня отъ того удержало. Къ тому-жъ, извѣстно было мнѣ, что въ Донковѣ не такъ легко можно было отыскать хорошую квартеру, а особливо ночью. Итакъ, сіе меня и убѣдило остаться ночевать тутъ, и тѣмъ паче, что надѣялись мы получить себѣ хорошую квартеру у одного добродушнаго и степеннаго мужичка, задушевнаго друга того, у котораго мы обѣдали въ селѣ Ивановскомъ, и который при отъѣздѣ нашемъ намъ его раза три рекомендовалъ и просилъ, чтобы мы у него стали, и спросивъ только Данилу, сказали ему, что намъ велѣлъ стать у него Тихонъ, увѣряя, что мы будемъ имъ довольны.

Мы и въ самомъ дѣлѣ мужичкомъ симъ были довольны. Онъ былъ степеннѣйшій изъ всего села, которое было господское, хлѣбное и довольно изрядное, имѣло въ себѣ деревянную церковь и небольшой господскій домикъ. Расположившись ночевать, велѣли мы себѣ тотчасъ варить чай и готовить ужинъ. А между тѣмъ, какъ все сіе готовили, любовались мы съ спутникомъ своимъ красотою и великолѣпіемъ вечерняго неба, отмѣнно тогда хорошимъ и пріятнымъ. Весь огромный сводъ неба въ сей сторонѣ украшался наижпвѣйшимъ пурпуромъ, а маленькія и равно какъ бы рѣдѣвшія и горящія облачка и

полоски, изображающія тысячу разныхъ фигуръ, равно какъ бы провожали закатившееся за горизонтъ дневное свѣтило и всему зрѣлищу придавали особливую пріятность. Мы, будучи увѣрены, что на красоту сей зари въ самую тужъ минуту смотрятъ и оставшіеся въ Богородицкѣ наши милые родные и также тѣмъ любуются, какъ мы,—не преминули о семъ вспомнить и пожелать имъ заочно всякаго добра. Наступившая темнота и холодъ вечера прогнали насъ потомъ съ надворья подъ смиренный кровъ кроткаго поселянина. Добродушная старушка, хозяйка того дома, предложила намъ свои сѣни, какъ обыкновенное ихъ лѣтнее обиталище. Мы и расположились-было сначала въ оныхъ, но вѣтерокъ, провѣвающій сквозь неплотныя стѣны, и опасеніе, чтобъ оттого не простудиться, побудили насъ перейтить въ избу, которая сначала показалась намъ не очень душною и жаркою, но послѣ сдѣлалось намъ несноснѣе еще сѣней. Отъ теплоты оной, а того болѣе отъ вкуснаго и хорошаго чая съ сливками, которыя намъ сварили, а наконецъ, отъ прекрасной курпной похлёбки, показавшейся намъ очень вкусною, такъ мы распотѣли, что не знали какъ намъ на дворъ показаться, а того паче—спать въ первый разъ въ каретѣ; и мы принуждены были уже кое-какъ себя напередъ прохлаждать и заняться, между тѣмъ, разговоромъ съ хозяиномъ. Наконецъ, прохладивъ себя, сколько было можно, пошли мы въ дорожную свою спальню и закрывшись легли въ каретѣ спать, приказавъ не прежде себя будить, какъ при разсвѣтаніи дня, дабы намъ при свѣтѣ удобнѣе было переѣзжать тотъ страшный и крутой оврагъ, о которомъ я упоминалъ выше. Сколь ни спокойно мы улеглись, однако, спать намъ далеко не таково хорошо было, какъ мы думали. По непривычкѣ спать на дворѣ, и вышедши изъ тепла, боялись мы, чтобъ не простудиться; но скоро сдѣлалось намъ такъ душно, что мы и теплу были не ради. Сія духота была намъ такъ несносна, что мы принуждены были то-и-дѣло просыпаться и прохлаждать себя сколько-нибудь впусканіемъ надворнаго воздуха, а сіе и было причиною, что не люди насъ, а мы ихъ, спавшихъ подъ каретою, разбудили, какъ стало только начинать свѣтать.

Такимъ образомъ въ 5 день сентября отправились мы очень рано въ свой путь далѣе. Утро было въ сей день туманное и холодноватое. Не спавши почти всю ночь, или спавши, но очень безпокойно, на разсвѣтѣ разоспались-было мы очень сладко, какъ оврагъ принудилъ насъ проснуться, обуваться, одѣваться и выходить изъ кареты, ибо въ ней не хотѣлъ я никакъ отважиться переѣзжать. Со всѣмъ тѣмъ, спускъ былъ въ сей разъ гораздо лучше и спокойнѣе противъ прежняго, разрытъ и проложенъ по инымъ мѣстамъ. Итакъ, спустились мы спокойно, а поднялись потомъ, хотя и съ трудомъ, на превеликую гору, на которую входя пѣшкомъ, видѣлъ я тутъ страшныя и преужасныя рытвины, сдѣлавшіяся въ горѣ отъ водороинъ. Поднявшись на гору, пустились мы далѣе въ свой путь по высокимъ, но весьма ровнымъ мѣстамъ къ Донкову. Туманъ препятствовалъ намъ видѣть вдаль и принуждалъ любоваться одними только деревьями, коими обсажена дорога. Нигдѣ ихъ такъ много ни уцѣлѣло, какъ тутъ: индѣ цѣлые ряды изъ нихъ величествовали, и сіе произошло оттого, что сажены были тутъ не березки, а осинки. Деревья сіи выросли тутъ уже въ хорошее бревёшко, и нигдѣ я не видывалъ такихъ прямыхъ и густыхъ осинъ, какъ тутъ, и произошло сіе оттого, что сажены онѣ и росли не часто, а на просторѣ, и сажень на 30-ть одна отъ другой. Тутъ опять я воскликнулъ: «Ахъ, какъ бы хорошо было, еслибъ вездѣ дороги симъ образомъ украшались деревьями!»

Въ городъ Донковъ пріѣхали мы еще очень рано и въ самое то время, какъ туманъ разошолся и просіявшее солнце обѣщало намъ краснѣйшій день. Мы нашли сей бѣдный степной городишко въ прежалкомъ состояніи. Овъ и издавна былъ на городъ непохожимъ, а бывшій

за годъ до того пожаръ сдѣлалъ его и того еще худшимъ. Тогда начиналъ онъ хотя выстраиваться по плану регулярно, но—бѣдное тамъ регулярство, гдѣ жители живутъ въ крайнемъ убожествѣ и имѣютъ во всемъ нужномъ, а особливо въ строельномъ лѣсѣ, недостатокъ! Повсюду видны были только безпорядочныя кучи навоза; повсюду пустыри, зарослые бурьяномъ; а домики и дворишки плетневые, покрытые кое-какъ соломою, разбросанные кое-гдѣ, стояли по одиночкѣ и въ такомъ еще безпорядкѣ, что ни улицъ, ни площадей различить и распознать не можно. Немногіе только домики видны были въ сторонѣ, похожіе сколько-нибудь на городскіе, да и тѣ, повидимому, принадлежали судьямъ, откупщикамъ, а не городскимъ мѣщанамъ. Со всѣмъ тѣмъ, еслибъ не выведены были въ ближнихъ окрестностяхъ и послѣдніе лѣса винокуренными заводами, то, можетъ бы, онъ сколько-нибудь и построился лучше, нежели каковъ былъ прежде, какъ то всегда бываетъ съ мѣстами, посѣщенными пожарами.

Мы проѣхали сей городишко не останавливаясь и, спустившись съ крутой и огромной горы, переправились чрезъ рѣку Донъ, по мосту. И проѣхавъ чрезъ слободу, на другомъ берегу противъ города находящуюся и изъ мизернѣйшихъ двориковъ состоящую, и выбравшись въ чистое поле, пустились влѣво по дорогѣ къ Ранибургу. Тутъ ѣхали мы цѣлыхъ 18 верстъ обширнѣйшею и такою равниною, что ни въ которую сторону ничего было не видно. Одинъ только Донковъ видѣнъ былъ потому, что сидѣлъ на высокомъ берегѣ, гораздо возвышеннѣйшемъ предъ сею равниною. И какъ во время сего переѣзда дѣлать было нечего, то упражнялись мы съ спутникомъ своимъ въ безпрестанномъ чтеніи, покуда доѣхали до села Толстова, обратившаго на себя наше вниманіе и заставившаго собою любоваться.

Село сіе принадлежитъ графу Толстову, и красиво не столько своимъ мѣстоположеніемъ, сколько величиною своею и находящимися въ немъ разными зданіями. Мы въ ономъ въ сей разъ не останавливались потому, что было очень рано, и мы надѣялись еще доѣхать до села Остапова, и хотѣли уже тамъ кормить лошадей и обѣдать. Но не такъ сдѣлалось, какъ мы думали и гадали. Не успѣли мы отъ села отъѣхать съ версту, какъ вдругъ закричали намъ сзади: «стой! стой!» Случилось сіе въ самое то время, когда мы съ спутникомъ своимъ разговаривали о красотѣ и расположеніи около села, и я ему разсказывалъ, что большая дорога лежала прежде не чрезъ самое село, а поодаль онаго, и что самое то мѣсто, гдѣ мы тогда ѣхали, было прежде сего сумнительно и не безопасно отъ воровъ, по причинѣ, что стояло тутъ, на большой вершинкѣ дворика два однодворческихъ, о которыхъ носилась дурная молва, такъ что проѣзжающіе по самой только крайней нуждѣ останавливались кормить или ночевать, и что сами мы, однажды будучи принуждены въ семъ мѣстѣ ночевать, почти всю ночь не спали изъ опасенія. Столь сумнительно было сіе мѣсто.

Все сіе было причиною, что помянутый крикъ сзади, поразившій уши наши, привелъ обоихъ насъ въ превеликое изумленіе. «Что такое? что такое?» спросили мы и бросились смотрѣть изъ оконъ назадъ. Но какое горе и досада поразила насъ обоихъ, когда увидѣли мы кибитку нашу въ самой вершинкѣ присѣвшею однимъ угломъ на бокъ, и услышали, что заднее ее, сумнительное колесо, вдругъ совсѣмъ разсыпалось и разломилось. «Ахъ, какая бѣда!» воскликнули оба мы, и тотчасъ, выскочивъ изъ кареты, побѣжали несчастіе сіе смотрѣть. Досадовали, тужили, горевали; но всѣмъ тѣмъ не могли ничего помочь. Какъ далѣе ѣхать ни одного шага было не можно, то горе наше услаждалось еще сколько-нибудь тѣмъ, что случилось сіе не на полѣ и не въ степи, а противъ самыхъ помянутыхъ двориковъ, гдѣ надѣялись мы найтить кормъ для лошадей и столько воды, чтобъ

ихъ напоить можно было, хотя мы оной нигдѣ въ вершинѣ не видали. Съ другой стороны радовались мы тому, что несчастіе сіе случилось не въ дальнемъ разстояніи отъ помянутаго села, и мы надѣялись достать въ немъ колесо, вмѣсто разломавшагося.

Такимъ образомъ, расположившись тутъ обѣдать и кормить лошадей, придвинули мы карету нашу ко двору, а кибитку оставили тамъ, гдѣ она изломалась, ибо ее съ мѣста сдвинуть было не можно. Потомъ стали помышлять о доставаніи колеса. Другого не оставалось, какъ посылать искать оное въ помянутое село, ибо тутъ въ деревнишкѣ не только кибиточнаго большаго, но и тележнаго колеса достать было не можно, а мы ради были и тому, что достали сѣна и овса. О самой водѣ мы уже немного говорили, хотя и принуждены были употреблять ее изъ лужи, или небольшой калдобины въ вершинѣ, и то далеко отъ селенія найденной. Со всѣмъ тѣмъ, какова она ни была, но я велѣлъ варить себѣ чай и готовить потомъ обѣдать, а между тѣмъ отправилъ человѣка въ село доставать колесо.

Какъ, по случившейся тогда ясной и весьма жаркой погодѣ, самимъ намъ, подъ открытымъ небомъ быть было не спокойно, то искали мы себѣ убѣжища на дворѣ того однодворца, противъ котораго мы остановились. Изба была у него хотя изрядная, но въ ней такъ душно и жарко, что и помыслить о томъ, чтобъ въ ней сидѣть, было не можно. Но что касается до сѣней, которыя обыкновенно служатъ крестьянамъ вмѣсто лѣтней комнаты, то они были такъ дурны, такъ загромощены, что и въ нихъ мѣста найтить было не можно. Но услужливый хозяинъ тотчасъ велѣлъ опростать и сколько-нибудь прибрать для насъ свою клѣтчонку, противъ избы стоящую. Тотчасъ перетащенъ былъ туда столъ изъ избы, и хотя была она нарочито темна (ибо свѣтъ дневной проходилъ въ нее только сквозь маленькое вол[о]ковое окошечко, да и оное то-и-дѣло заслоняла влѣзающая и вылѣзающая опять назадъ превеликая кошка),—однако, въ тогдашней нуждѣ мы и сей квартеркѣ были очень ради. По меньшей мѣрѣ, было тутъ прохладно, а и темноту сколько-нибудь уменьшало свѣтящее прямо въ окошечко наше солнце.

Такимъ образомъ, расположившись въ сей конуркѣ и усѣвшись за столомъ на лавкѣ, слѣпленной кое-какъ изъ дощечекъ, начали мы съ товарищемъ своимъ, въ ожиданіи чая, провождать скучное время въ чтеніи. Но не успѣли нѣсколько страницъ прочесть, какъ постигло меня новое горе и озаботило еще больше, нежели испортившееся колесо. У спутника моего сдѣлалось помраченіе въ глазахъ, припадокъ, которому онъ давно былъ подверженъ, и за которымъ обыкновенно послѣдовала сильная головная боль, продолжающаяся нѣсколько часовъ сряду. Мы помогли-было ему своею электрическою машиною и ласкались надеждою, что онъ отъ сего зла совсѣмъ освободился; но сей случай доказалъ мнѣ, что мы въ надеждѣ своей обманулись. Сколь чувствителенъ былъ для меня сей случай и какъ глубоко поразилъ онъ мое сердце, того изобразить не можно. Для полученія о томъ нѣкотораго понятія, надобно быть самому нѣжно любящимъ отцомъ, имѣющимъ одного только и достойнаго сына, и быть въ такомъ же положеніи, въ какомъ былъ я въ то время. Словомъ, минута сія была для меня очень прискорбна. Дорого-бъ я тогда заплатилъ, еслибъ могъ имѣть при себѣ свою машину. Но какъ ея не было, то старался я напоить его скорѣе чаемъ и укласть спать, какъ къ единому средству къ его облегченію. Чай нашъ, по худобѣ (sic) воды, былъ со всячинкою, а деревнишка такая хорошая, что мы не чаяли найтить въ ней и лозоваго деревца, которaго листья надобны были мнѣ для лѣченія моего сына. Итакъ, принуждены мы были прикладывать къ заболѣвшей головѣ его капустные листья. Сіии снабдила насъ добросердечная и услужливая хозяйка, но они мало помогли. Но, на-

конецъ, къ великому моему обрадованію, нашли какой-то кустокъ и лозоваго дерева и принесли къ намъ вѣточку онаго. Тотчасъ оборваны были съ ней листья и привязаны къ головѣ больнаго. Послѣ чего уклали мы его въ каретѣ.

Успокоивъ его симъ образомъ сколько-нибудь, возвратился я въ свою темную клѣтушку съ унылымъ духомъ и старался разсѣять смутныя мысли чтеніемъ пріятной книжки. Но, признаюсь, что и самое чтеніе не могло меня совершенно занять, такъ что я, положивъ книгу, сталъ говорить съ хозяиномъ и обозрѣвать все его житьё-бытьё и пожитки. Бѣдное самое оно было, хотя и принадлежалъ онъ къ числу тѣхъ поселянъ, которыхъ однихъ можно почесть въ нашемъ отечествѣ вольными! Бѣдняки сіи называли себя дворянами, хотя въ самомъ дѣлѣ были они только однодворцы и никогда не принадлежали къ числу дворянскаго корпуса. Онъ сказывалъ мнѣ, что прежде сего была тутъ цѣлая деревня, состоящая болѣе нежели изъ 20 дворовъ, и что вся она, за нѣсколько уже лѣтъ, сошла въ другое мѣсто, и что ихъ тутъ только три дворика осталось. Впрочемъ, показался онъ мнѣ мужикомъ изряднымъ и не походилъ на вора и разбойника. Велика-ли его семья — я не спрашивалъ, а видѣлъ только множество дѣтей обоего пола и разнаго возраста. Всѣ они, особливо дѣвчонки, были сколько-нибудь лучше крестьянскихъ. Платьецо и юпчонки было на нихъ изрядное и не похожее на крестьянское, а такое, какое носятъ въ дворянскихъ домахъ дворовыхъ людей дѣти; а такое-жъ имѣли и взрослыя женщины. Что касается до мущинъ, то они ни чѣмъ не отличались отъ крестьянъ. Были у нихъ такія же бороды, такое же платье и такая же обувь; почему и лучшая ихъ пажить, которую я видѣлъ тутъ развѣшанную по шестамъ, состояла только изъ нѣсколькихъ шубъ, кафтановъ, юпокъ, тѣлогрѣекъ и тому подобномъ. Во всемъ видна была простота и весьма небогатое состояніе, а тому же и отвѣтствовало и все строеніе двора. Не было въ немъ ничего особливаго и могущаго свидѣтельствовать о его преимуществѣ передъ крестьянами, или чтобъ было вниманія достойное, не смотря хотя и могъ онъ въ свое время употреблять на себя и предпринимать всё, что ему угодно; ибо нѐ отправлялъ онъ ни боярщины, ни подводъ и не платилъ ничего и ни кому, кромѣ однѣхъ обыкновенныхъ податей государю.

Между тѣмъ какъ я симъ образомъ то о томъ, то о другомъ съ хозяиномъ разговаривалъ, имѣлъ посланный мною въ село время исполнить свою коммиссію и ко мнѣ возвратиться. Онъ обрадовалъ меня, сказавъ, что хотя съ превеликимъ трудомъ, но колёса досталъ, и что принужденъ былъ ходить къ самому графу и умолять его, чтобъ онъ продалъ намъ ихъ изъ подъ своей кибитки, ибо, кромѣ его колесъ, не можно было отыскать никакихъ иныхъ во всемъ его селѣ. Мы принуждены были на мѣсто ихъ отдать оба свои и придать еще 5 рублей денегъ, что было хотя и слишкомъ дорого, но мы, по крайней мѣрѣ, довольны были тѣмъ, что достали и что несчастіе сіе не произвело намъ ни какой остановки.

Покуда новыя наши колёса прилаживали и оси подстригали и кибитку приводили въ состояніе, поспѣлъ нашъ обѣдъ. Живыя курицы, взятыя нами съ собою, снабдили насъ вкуснымъ и хорошимъ обѣдомъ. Пошелъ будить моего больнаго спутника, нашелъ я его уже проснувшимся и чувствующимъ отъ головной боли своей нѣкоторое облегченіе. Я обрадовался тому несказанно, и обѣдъ показался мнѣ вдвое слаже, нежели какимъ я его быть чаялъ. Пообѣдавъ и выкормивъ лошадей, стали мы собираться въ путь. И какъ опытность намъ доказала, что кибитка наша была тяжеле самой кареты, то разсудили мы въ упряжи нашей произвесть перемѣну и въ каретѣ оставить только четырехъ лошадей, а подъ кибитку запречь пять, и чрезъ то уровнять сколько-нибудь наши повозки.

Мы отправились въ путь въ обыковенное время. И какъ день былъ довольно

еще великъ, погода ясная, а дорога хорошая и гладкая, то успѣли въ тотъ же еще день переѣхать сорокъ верстъ и доѣхать до города Ранибурга. На семъ переѣздѣ ѣхали мы чрезъ два огромныя селенія. Первое изъ нихъ было село Остапово, отстоящее отъ Толстова 10 верстъ, а второе село — Головищино, отстоящее отъ сего 10, а отъ Ранибурга за 20 верстъ. Положеніе мѣстъ между помянутыми тремя селами было довольно изрядное, и мѣста не походили на степныя. Мы ѣхали на большую часть вдоль протекающей въ сихъ мѣстахъ рѣчки, окруженной долинами, холмами и пригорками, украшенными кой-гдѣ изрядными рощицами и лѣсочками; переѣзжали нѣсколько разъ по мостамъ рѣчки, и со взорами нашими встрѣчались часто пріятныя мѣстоположенія. До послѣдняго изъ сихъ селъ доѣхали мы таки-благополучно; но тутъ начала нападать на насъ новая забота. Новокупленныя наши колёса подъ кибиткою были далеко не таковы плотны и надежны, какъ прежнія, но гораздо тонѣе и слабѣе; сверхъ того, стояли они долго безъ дѣйствія и пообсохли; а сіе и было причиною, что не успѣли мы на нихъ поѣхать, какъ они и стали подъ тяжестью нашей кибитки накатываться и шины на нихъ ослабляться и терять свои гвозди. Мы хотя и старались подкрѣпить ихъ рваньми, но сіе мало помогло. А не успѣли мы до сего села доѣхать, какъ шина на одномъ колесѣ лопнула и оторвался отъ ней немалый шматъ. Люди наши хотя сего не уважили, а думали, что ежели положать еще рвани, такъ дѣло тѣмъ и кончится; но я не то думалъ, а предвидя, что и сіи колёса наведутъ намъ много хлопотъ, озабочивался тѣмъ очень, и охотно бы велѣлъ починить оное кузнецу; но, по несчастію, во всемъ селеніи ономъ ни кузницы, ни кузнеца не было, и я принужденъ былъ отложить сіе до Ранибурга. До сего города оставалось намъ ѣхать еще цѣлыхъ 20 верстъ. И хотя было уже не очень рано, но, надѣясь на доброту дороги, пустились мы на сей переѣздъ. Дорога, въ самомъ дѣлѣ, была хороша и шла безпрерывною ровною степью, такъ что мы множество верстъ ѣхали, не видѣвъ ничего, кромѣ неба и окомъ необозрѣваемыхъ хлѣбныхъ полей и въ лѣвой сторонѣ плоскій долъ, съ извивающеюся по оной рѣчкою.

Со всѣмъ тѣмъ, какъ мы ни спѣшили, однако до Ранибурга не прежде могли доѣхать, какъ уже по захожденіи солнца и въ самыя сумерки. Городъ Ранибургъ, сидючи на возвышенномъ мѣстѣ, по конецъ сей обширной ровнины, видѣнъ былъ уже издалека и болѣе нежели верстъ за десять, и мы любовались уже издалека его видомъ. Но, подъѣзжая къ самому городу, принуждены мы были проѣзжать напередъ сквозь одно построенное бирибердою, кое-какъ, и столь обширное однодворческое село, что въ длину простирается оно болѣе нежели на двѣ версты. Село сіе сидитъ внизу подъ самымъ городомъ и достопамятно потому, что нѣкогда все сіе мѣсто было подъ водою, составляющею преогромный прудъ, имѣющій пособіе сущаго озера. Было сіе въ то время, когда мѣсто сіе принадлежало славному князю Меншикову, толико знаменитому въ россійской исторіи. Двѣ нарочитой величины рѣчки, стекающіяся въ семъ мѣстѣ, перепружены были предлинною плотиною и произвели столь великій прудъ, что на ономъ на парусахъ въ судахъ можно было плавать. Жители ранибургскіе разсказывали мнѣ, что помянутая плотина и понынѣ видна, и ежели-бъ захватить прорванное мѣсто, то все сіе село залило бы водою.

Проѣхавъ оное, переѣжжали мы одну изъ помянутыхъ рѣкъ по мосту, и рѣка была въ семъ мѣстѣ нарочито велика и протекала подлѣ самой крутой и высокой горы, на которой крѣпость Ранибургская построена. Она имѣла съ сей стороны въ особливости величественный видъ; и какъ внутри крѣпости находящіяся каменныя зданія, такъ и высокіе бастіоны и глубокіе рвы, которыми она окружена, извлекали отъ каждаго къ ней нѣкакое почтеніе. Я не могъ безъ особ-

ливаго чувствованія и почтенія взирать на сіи мѣста, освященныя нѣкогда присутствіемъ величайшаго въ свѣтѣ монарха, и на сіи бастіоны, собственными его руками закладываемые. Я приводилъ себѣ на память все извѣстное мнѣ о томъ, и перенося умъ свой въ прошедшія отдаленныя времена, мнилъ въ умѣ своемъ, какъ на яву, видѣть, какъ нѣкогда великій нашъ Преобразитель Россіи, съ любимцами и вѣрными служителями своими, по сему красивому и пышному хребту горы повелѣвающей необозримою окомъ равниною, расхаживалъ, какъ избиралъ лучшее для крѣпости мѣсто, оное самъ расчерчивалъ, суетился, работалъ, и, наконецъ, собственными своими руками закладывалъ, и по заложеніи, на всякомъ бастіонѣ пилъ за отсутственныхъ друзей своихъ здоровье, и послѣ того тутъ же писалъ къ наилучшему своему другу и любимцу письмо, увѣдомляя его о томъ, не такъ какъ подданнаго, но какъ нѣжнолюбимаго друга, и всѣхъ бывшихъ при немъ генераловъ и другихъ знатныхъ особъ заставливалъ приписывать имена и поклоны свои князю Меншикову; и какъ сіи всѣ будучи подгулявшими, всякій, какъ умѣлъ, на своемъ природномъ языкѣ, привѣтствія свои и поклоны князю изъявляли. Все сіе воображалъ я въ умѣ своемъ и смотрѣлъ съ такою жадностію на земляные валы, въ хорошемъ еще состояніи находящіеся, что досадовалъ даже на лошадей, промчавшихъ насъ слишкомъ скоро мимо мѣстъ, столь много достопамятныхъ. Но бѣдныя сіи твари, перетащившія грузныя повозки наши толь длинное въ сей день разстояніе, жаждали уже своего покоя, да и намъ, за наступающими уже сумерками, долго медлить было не можно.

Нельзя изобразить сколь въ отмѣнномъ и лучшемъ видѣ нашелъ я въ сей разъ сей городокъ предъ тѣмъ, какъ я его знать началъ. Лѣтъ за 15 до того, составленъ онъ весь былъ изъ единой только кривой слободы изъ населенныхъ мизерныхъ двориковъ, и не столько походилъ на городъ, сколько на село или на хорошую деревню. Однако, только деревянная церковь, находящаяся посреди онаго, великостью своею придавала ему сколько-нибудь важности. Самая помянутая крѣпость находилась тогда въ совершенномъ небреженіи и видны въ ней только были бѣлѣющіеся брандмауры и стѣны обвалившихся палатъ внутри оной, въ прежнія времена построенныя и сдѣлавшіяся потомъ только достопамятными содержаніемъ въ нихъ въ заточеніи Антона Ульряха, герцога браунштвейскаго, толь извѣстнаго въ нашемъ отечествѣ. Зданія сіи находились тогда въ совершенномъ обветшаніи и въ жалостнѣйшемъ состояніи. Видѣвшіе ихъ разсказывали мнѣ, что всѣ внутренніе покои самихъ тѣхъ комнатъ, въ которыхъ содержался герцогъ, исписаны были почти всѣ карандашемъ, и что черты сіи не истреблены еще были всѣми суровостьми погодъ. Я охотно желалъ видѣть ихъ самолично, но никогда не допустилъ меня до того случай.

Что касается до нынѣшняго состоянія городка сего, то было оное несравненно лучше. После опустошенія пожарнаго, сталъ онъ уже за нѣсколько лѣтъ выстраиваться по плану и получилъ уже тогда свою форму; состоялъ изъ многихъ прямыхъ и поперечныхъ порядочныхъ улицъ, а и самые домики были, хотя не богатые, но изрядные, и нѣкоторые складенные даже изъ кирпича. Въ крѣпости же два старинныхъ каменныхъ корпуса не только оправлены, но и довольно хорошо отдѣланы, и въ нихъ находились тогда присутственныя мѣста. Самыя въѣздныя въ крѣпость вороты порядочно обдѣланы, а одинъ только третій корпусъ стоитъ и понынѣ еще непокрытымъ, что и нехудо для доказательства старины оныхъ и всѣхъ бывшихъ тутъ достопамятностей.

Какъ было уже поздно и въ городѣ квартеру отыскать было трудно, да и огня для варенья пищи раскласть было не можно, то проѣхали мы весь оный и остановились за рѣкою въ предмѣстіи онаго, во дворѣ одного однодворца. И

какъ наступила ночь, то велѣли мы поспѣшать грѣть себѣ чай и варить ужинъ. Колёсы наши такъ были слабы и шины на нихъ такъ ослабли и изломались, что необходимо надобно было лѣчить ихъ кузнецу. Я не позабылъ, конечно, о семъ и велѣлъ отыскивать онаго. Его и нашли, но онъ ночью не хотѣлъ ни подъ какимъ видомъ работать. Итакъ, принуждены мы были отложить починку сію до села Иловаго, гдѣ надѣялись найтить кузнеца и кузницу.

Между тѣмъ, какъ люди обо всемъ вышеупомянутомъ старались, ассигновали мы себѣ квартеру въ маленькихъ сѣняхъ однодворческой хижины. Къ намъ внесли туда столъ и поставили въ уголокъ. Но признаться надобно, что квартерка была очень безпокойна: изо всѣхъ угловъ несло и дуло; мы принуждены были обвѣшивать стѣны епанчами; но и сіе помогло, но мало, а вмѣсто того, получили другое безпокойство: атаковали насъ прусскіе тараканы, и цѣлыя толпы ихъ проявились, ползующія по столу и повсюду. Что ты изволишь! Я весьма-и-весьма ихъ не долюбливалъ, и гости сіи были мнѣ весьма непріятные; другого не оставалось, какъ вооружиться на нихъ жестокостью, и такъ, ну-ка, мы оба ихъ табакирками и чѣмъ ни попало бить. По счастью, знали мы весьма удобное къ тому средство, надноси на нихъ смертоносное имъ орудіе съ верху, а не съ боку, и на-силу-на-силу мы ихъ столько уменьшили, что они дали намъ спокойно напиться чаю и поужинать, а тамъ удалились мы опять въ свою карету.

Симъ образомъ кончился второй день нашего путешествія. А въ третій, пустившись въ путь еще до-свѣта, и по прекрасной и гладкой дорогѣ долетѣли очень рано до села Иловаго, гдѣ дожидалась насъ новая досада. Мы надѣялись навѣрное найтить тутъ кузнеца, но нашли только кузницу, а кузнецъ былъ гдѣ-то въ отлучкѣ. Горе напало на насъ превеликое и тѣмъ паче, что и колесо наше стало уже слабѣть и портиться; но какъ испобить было нечѣмъ, а обѣдать тутъ было еще слишкомъ рано, то поѣхали мы далѣе до селенія, называемаго Хоботомъ, и тутъ расположились кормить своихъ лошадей. И какъ въ самомъ семъ мѣстѣ повстрѣчался съ нами ѣдущій изъ Козловской моей деревни мужикъ къ намъ въ Богородицкъ, то между тѣмъ, покуда варили намъ чай и готовили обѣдать, написали мы съ нимъ къ домашнимъ своимъ письмецо и отправили.

Съ сего мѣста, пообѣдавъ и выкормивъ лошадей, поворотили мы вправо и поѣхали прямо въ Козловскую нашу деревнишку, въ село Ендовище, съ которою хотѣлось мнѣ сына моего познакомить. И хотя ѣхать было не близко и мы по худобѣ колеса болѣе тащились, нежели ѣхали, однако, съ едва уже дышущимъ колесомъ успѣли къ ночи поспѣть въ свою деревню. Тутъ самая неволя заставила насъ на цѣлыя сутки взять отдохновеніе, ибо другого не оставалось, какъ запасаться новыми колесами подъ кибитку, и для покупки оныхъ отправить нарочнаго въ г. Козловъ, а самимъ, между тѣмъ, заняться осматриваніемъ всего въ нашей маленькой и ничего почти незначущей деревенькѣ, или частички помянутаго села Ендовища. Къ вечеру привезли къ намъ, по счастію, и колёса, а вмѣстѣ съ посланнымъ прилетѣлъ къ намъ оттуда и другъ нашъ Яковъ Кузмичъ Кузминъ, заговорившій насъ по привычкѣ своей до безконечности; но мы ему были очень ради, и вмѣстѣ съ нимъ отъужинали и тутъ ночевали.

Въ послѣдующій день пустились мы съ утра въ дальнѣйшій путь и поѣхали чрезъ Козловъ, въ которомъ городѣ хотѣли-было мы обѣдать, но, не хотя въ убытокъ привесть гостя своего, хотѣвшаго насъ угощать у себя въ Козловѣ обѣдомъ, заѣхали къ нему на часокъ и пустились далѣе, и обѣдали уже на Польномъ-Воронежѣ, а ночевать поспѣли въ Выселки Чолновскіе, а тамъ, вставши поранѣе, успѣли къ обѣду прилетѣть къ славному нашему городу Тамбову.

Въ семъ городѣ въ сей разъ мы не останавливались, а проѣхавъ оный, рас-

положились обѣдать и кормить лошадей на лугу, за рѣкою Цною; ибо мы, въ сей разъ рѣшились ѣхать прямою дорогою на село Расказы; но вѣдали бы, лучше поѣхали [бы] на Кузменки. Крайне песчаная и отяготительная дорога отъ самаго Тамбова до Расказъ такъ бѣдныхъ лошадокъ нашихъ измучила, что онѣ едва насъ къ ночи до помянутаго села дотащили; а при самомъ въѣздѣ въ оное, надобно было еще постигнуть насъ одному несчастію: надобно переломиться подъ кибиткою нашею оси и навесть намъ новыя хлопоты. Переночевавъ въ семъ селѣ, отстоящемъ отъ Кирсановской нашей деревни не болѣе какъ верстъ на 30, не знали мы, что дѣлать? До мѣста хотѣлось намъ доѣхать скорѣе, а лошади наши такъ приутомились, что нельзя было на нихъ никакъ поспѣшить. Итакъ, подумавъ, рѣшился я лошадей подъ свою карету нанять и пустились съ сыномъ моимъ напередъ, а своимъ велѣли за собою ѣхать. На дорогѣ, ѣдучи мимо того мѣста, гдѣ у насъ, во время Петровскаго межеванія, съ Пашковымъ происходили споры, показывалъ я сыну моему самое то мѣсто, гдѣ были у насъ тогда таборы и мы со всѣмъ своимъ ополченіемъ тогда, въ сотовариществѣ со многими дворянами, ночевали и вечеръ провели такъ весело. Наконецъ, переѣхавъ всю нашу обширную и скучную степь, доѣхали мы до той огромной и пышной долины, вдоль которой, извиваяся, протекала наша рѣка Панда, и гдѣ тотчасъ представились зрѣлищу нашему прекрасныя мѣстоположенія и прелестные виды натуры, со всѣми холмами и буграми, окружающими сію рѣку, и селеніями, сидящими на берегахъ ея, и спустившись внизъ сей широкой долины, наконецъ, около полудня, доѣхали и до своей деревни благополучно.

Симъ образомъ кончилось наше шестидневное тогдашнее путешествіе. А что съ нами происходило во время тогдашней бытности тамъ, о томъ перескажу вамъ въ письмѣ будущемъ, а теперешнее дозвольте мнѣ симъ кончить и сказать вамъ, что я есмь, и прочая.

Конецъ XXVII части.

(Ноября 17 дня 1812 года).

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XXVIII.

Въ Дворениновѣ. Начата 1812 г. ноября 18 дня, кончена ноября 27 дня 1813 г.

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Богородицкѣ.

Продолженіе 1792 года и 54 моей жизни и путешествіе въ Тамбовъ.

Письмо 281.

Любезный пріятель! При концѣ послѣдняго моего письма, описывая путешествіе наше въ Кирсановскую нашу деревнѣ, остановился я на томъ, что мы съ сыномъ моимъ, наконецъ, въ оную 10 числа сентября 1792 года пріѣхали. Теперь разскажу я вамъ, что мы въ оной дѣлали и какъ препровождали свое время. Какъ сыну моему никогда еще бывать въ ней не случалось, то, пообѣдавъ излегка, спѣшили мы съ нимъ обходить и осмотрѣть всю нашу тогдашнюю тамъ

усадьбу и полюбоваться прекрасными положеніями мѣстъ, видимыхъ съ оной. Сыну моему, какъ любителю красотъ натуры, они весьма полюбились. Онъ расхвалилъ оныя въ-прахъ, а не менѣе любовался онъ и нашею дубовою рощею, позади двора нашего находившеюся. Впрочемъ же, надобно сказать правду, что не чѣмъ было ему полюбоваться. Дома у насъ тамъ никого не было, да и дворишка—самый тѣсный и пакостный; а нельзя сказать, чтобъ и бѣлая избёнка, въ которой мы имѣли тогда свое обиталище, была весела и довольно спокойна. Со всѣмъ тѣмъ, мы были ею довольны и, расположившись въ ней ночевать, успѣли еще въ тотъ же день не только всё-и-всё ближнее осмотрѣть, но написать еще и къ домашнимъ нашимъ роднымъ письма, для отправленія ихъ на утріе, съ ѣдущими въ Тамбовъ людьми.

Теперь скажу, что какова неблагоуспѣшна была вся ѣзда наша до сего мѣста по бывшимъ въ продолженіи оной разнымъ остановкамъ и непріятностямъ, таково же неблагоуспѣшно было и все наше пребываніе тогда въ сей деревнѣ, и самый первый день жительства нашего въ ней начали уже мы провождать не очень весело. У сына моего что-то, съ самаго утра, побаливала голова, можетъ быть оттого, что оба мы спали не очень покойно; а тутъ повстрѣчалась съ нами тотчасъ забота о нашей кибиткѣ. Ее довезли къ намъ такъ разломавшеюся и столь въ худомъ состояніи, что мы за необходимое находили отправить ее тотчасъ назадъ въ село Расказово, для починки и приведенія въ такое состояніе, чтобъ могла она послужить намъ и при обратномъ путешествіи. Между тѣмъ, какъ мы пили свой чай, отправляли помянутыхъ людей въ Тамбовъ и съ кибиткою въ Расказово, и я занялся разговорами съ сошедшимися къ намъ нашими крестьянами,—прилетѣлъ къ намъ нашъ приходскій попъ Александръ и занялъ насъ своими раздабарами. О характерѣ сей духовной особы имѣлъ уже я случай въ моихъ прежнихъ письмахъ говорить. Онъ былъ почти умнѣйшая особа изъ всего тамошняго околодка и достоинъ былъ особливаго почтенія и уваженія, еслибъ излишняя приверженность къ питью не портила всего дѣла; а сверхъ того имѣлъ онъ въ себѣ много свойственнаго іезуитамъ, что также было не слишкомъ хорошо. Со всѣмъ тѣмъ, когда бывалъ онъ трезвъ, то никогда не было съ нимъ скучно и можно было заниматься обо всемъ съ нимъ разговорами. А какъ самое сіе случилось и въ сей разъ, то заговорилъ онъ насъ во все утро и мы продержали его у себя до обѣда, расправшивали его обо всѣхъ сосѣдяхъ и обо всѣхъ тамошнихъ обстоятельствахъ, которыя всѣ были ему въ подробности извѣстны. Но, пообѣдавъ съ нимъ и отпустивъ его отъ себя, вознамѣрились тотчасъ приступить къ началу выполненія главной цѣли или намѣренія, для которой мы наиболѣе тогда въ сію деревню пріѣхали.

Оное состояло въ томъ, чтобъ переселить всю мою тамошнюю деревню на иное мѣсто, ибо какъ мѣстоположеніемъ тогдашней нашей усадьбы и самымъ расположеніемъ дворовъ на ней, а особливо господскаго былъ я крайне не доволенъ, поелику вся длинная слобода деревни моей не только сидѣла на неровномъ и косогористомъ мѣстѣ, но и внутри и снаружи стѣснена была такъ, какъ нельзя больше. Внутри всѣ пакостные дворишки крестьянскіе сидѣли другъ съ другомъ въ такомъ стѣсненіи, что не было имъ никакого простора; спереди, въ самой близости подлѣ дворовъ, прилегалъ скверный оврагъ, а за нимъ уже чужая слобода; а сзади, вплоть почти къ огородамъ ихъ, прилегали чужія пашенныя земли и общественная съ другими владѣльцами выгонная земля, съ которою не можно было дѣлать ни какихъ распоряженій; словомъ, вся крестьянская усадьба была со всѣхъ сторонъ сжата и не только не имѣла ни какихъ удобностей, но и недостатокъ въ доброй водѣ. Что-жъ касается до господской усадьбы и двора, то была она еще того хуже: вся она на-

ходилась между концомъ оной слободы дворовъ крестьянскихъ и помянутою рощею, и со всѣхъ сторонъ была такъ стѣснена, что никуда, ни на одинъ шагъ распространить ее было не можно, и руки съ сей стороны совершенно были связаны.

При таковыхъ обстоятельствахъ, давно уже хотѣлось мнѣ всю деревню сію переселить на иное мѣсто, и какъ крестьянскимъ дворамъ, такъ и господской усадьбѣ дать болѣе простора, да и расположить все порядочнѣе и лучше. Но до того времени и помыслить о томъ было не можно, потому что во всей тамошней обширной и въ чрезполосномъ владѣніи съ многими другими владѣльцами состоящей дачи не имѣлъ я нигдѣ такого просторнаго куска земли, въ единственномъ моемъ владѣніи состоящемъ, которое бы удобно было къ такому поселенію; почему и принужденъ былъ я, до поры до времени, вооружаться терпѣніемъ и довольствоваться прежнею усадьбою. Но какъ тогда имѣлъ я у себя въ двухъ мѣстахъ отмежеванную мнѣ, за 4 года передъ тѣмъ, въ единственное мое владѣніе купленную изъ казны землю и въ обоихъ кускахъ были мѣста, удобныя и къ поселенію,—то и помышляли мы съ сыномъ, пріискавъ гдѣ-нибудь на сихъ земляхъ способное къ поселенію деревни мѣсто, на оное, буде не вдругъ всю деревню и тогда же переселить, такъ, по крайней мѣрѣ, назначить, расчертить и учинить переселенію деревни при себѣ хотя начало.

Итакъ, чтобъ воспользоваться колико можно болѣе временемъ, расположились мы еще въ тотъ же первый день пребыванія нашего тамъ, сѣвши верхомъ на лошадей, ѣхать въ нашу степь и, осмотрѣвъ наши отмежеванныя земли и замѣчая мѣста, удобныя къ поселенію, повыбрать къ тому способнѣйшія. Земли сіи лежали въ двухъ мѣстахъ: одно и меньшее звено, состоящее только во стѣ десятинахъ, лежало не далѣе, какъ версты за три отъ нашего поселка, и вымежевано намъ было внутри и посреди чрезполоснаго нашего общаго съ другими владѣнія; а другое лежало по конецъ нашихъ общихъ земель и верстъ 6 или 7 отъ селенія, и вымежевано длинною и узкою полосою поперѣшною изъ земель, завлаженныхъ сосѣдями изъ степи, и звено сіе было самое большое и состоявшее болѣе нежели изъ тысячи десятинъ. Въ обоихъ ихъ находились нѣкоторыя мѣста, удобныя къ поселенію, но я помышлялъ больше о ближнемъ, маленькомъ звенѣ. Тутъ, въ одномъ углѣ онаго, было соединеніе двухъ огромныхъ овраговъ или вершинъ, съ протекающими по онымъ небольшими хотя, но почти не пересыхающими водяными ручейками. Одинъ изъ нихъ назывался Большимъ Ложечнымъ, былъ огромный и съ одной стороны или бока имѣлъ берега крутые, гористые, высокіе, порослые мѣстами мелкимъ кустарникомъ, а другой и противуположный бокъ онаго былъ низменный и весьма отлогій и покрытый наилучшими и хлѣбороднѣйшими распашными землями, а въ самомъ низу, подлѣ ручья, покосною землею. Что-жъ касается до другого, впадающаго въ него съ южной стороны оврага, называемаго Лѣснымъ Ложечнымъ, то сей былъ также большой, простирающійся далеко въ степь, съ обѣихъ сторонъ крутоберегой и имѣющій внутри себя небольшіе родники, а всю верхнюю часть, покрытую нарочитой уже величины лѣсочкомъ, изъ котораго и намъ довольный участокъ былъ отмежеванъ. Нижная же и разлатая его часть и самое его устье было обнаженное луговое и весьма удобное къ запруженію тутъ большаго пруда, и тутъ-то, подлѣ самаго устья и соединенія обоихъ сихъ овраговъ, находилось хотя низменное, но весьма спокойное и удобное и самое лучшее во всей дачѣ мѣсто къ поселенію деревни. Мѣсто сіе было у меня еще съ самого перваго нашего пріѣзда въ сію деревню замѣчено въ особливости, и я признаюсь, что, прельщаясь онымъ и желая получить его въ особенное свое владѣніе, при самой еще первой покупкѣ изъ казны земли, въ прошеніи моемъ именно оное означалъ и приуро-

чивалъ. А какъ при рѣшеніи нашего спорнаго дѣла, опредѣлено было мнѣ изъ общаго владѣнія вымежевать 100 десятинъ, яко за тройную цѣну мнѣ проданную землю, то, будучи самъ въ канторѣ межевой и имѣвши всѣхъ тѣхъ, коимъ долженствовало сіе звено на планѣ назначивать нарѣзкою своими друзьями и пріятелями, и могъ я самъ, какъ хотѣлъ, назначивать сію нарѣзку, и потому и назначилъ ее такъ, чтобъ помянутое наиудобнѣйшее къ поселенію деревни мѣсто и самое соединеніе обоихъ оныхъ овраговъ вошло въ мое стодесятинное звено. Послѣ чего оно мнѣ такъ было и отмежевано.

Итакъ, желая прежде всего показать сыну моему сіе мѣсто, пустились мы къ оному и объѣхали съ нимъ напередъ по межѣ все сіе звено вокругъ. Тутъ подосадовалъ и побранилъ я своего безтолковаго и балмочнаго прикащика, что онъ чрезъ лѣсъ не прорубилъ по межѣ, какъ было отъ меня приказано, широкой просѣки, а и межи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, перепортилъ и провелъ криво и дурно и съ нѣкоторыми ненадобными прихватками. А паче всего досадовалъ и бранилъ я его за невыполненіе точь къ точь приказанія моего, относящагося до промѣна пашенныхъ земель съ сосѣдьми; ибо какъ въ рѣшительномъ опредѣленіи сказано было именно, что въ случаѣ, если въ черту сего звена, кромѣ моихъ собственныхъ, войдутъ какіе участки земель, состоящіе во владѣніи другихъ помѣщиковъ, моихъ деревенскихъ сосѣдей и совладѣльцевъ, то бы намъ, на мѣсто оныхъ, отдать имъ такіе же точно участки въ другихъ мѣстахъ изъ моихъ пашень, въ общемъ владѣніи состоящихъ. А участковъ таковыхъ находилось тутъ много; то и приказано было отъ меня прикащику сіе непремѣнно выполнить, и всячески и какъ можно скорѣе постараться всю землю свести въ свое владѣніе и размѣняться съ сосѣдями въ ихъ участкахъ и отдавать имъ изъ моихъ земель въ иныхъ мѣстахъ тамъ, гдѣ только они сами похотятъ. И сіе не только было сначала приказывано, но и послѣ въ каждый годъ накрѣпко подтверждаемо. Но молодецъ сей, по небреженію своему и по глупому неблаговременному жалѣнію своихъ земель, приказанія сего во всѣмъ его пространствѣ не выполнилъ и промѣнялъ только весьма немногіе; а прочіе и множайшіе нашелъ я все еще находящіяся во владѣніи моихъ сосѣдей. Признаюсь, что сіе упущеніе его было мнѣ крайне досадно, и тѣмъ паче, что я съ самаго начала сталъ опасаться, чтобъ обстоятельство сіе не сдѣлало мнѣ въ намѣреніи и предпріятіи моемъ остановки и помѣшательства. Но какъ льстился я надеждою, дѣломъ симъ какъ нибудь, употребляя, по пословицѣ говоря, и лисій хвостъ и волчій ротъ, уладить, то, побранивъ и поругавъ дурака своего прикащика, поѣхали мы осматривать точнѣе то мѣсто, гдѣ затѣвалъ я запрудить прудъ и поселить деревню. Сынъ мой какъ ни прельщался прекрасными положеніями мѣстъ, видимыми съ прежней нашей усадьбы, и сколько ни жаль ему было съ сею для сего разстаться; но какъ увидѣлъ сіе мѣсто и всѣ угодья, съ нимъ сопряженныя, то принужденъ былъ признаться, что оно несравненно и во всемъ лучше и преимущественнѣе прежней, и потому не только соглашался на мое предпріятіе, но сталъ говорить о томъ, какъ бы намъ поспѣшить произведеніемъ намѣренія своего въ дѣйство.

Всходствіе чего, положивъ непремѣнно перевести сюда всю свою деревню, назначили ей уже и новое имя, разсудивъ назвать ее Павловкою, по имени моего сына, и тотчасъ потомъ тутъ же стали думать съ нимъ и помышлять, гдѣ бы намъ назначить мѣсто подъ дворъ господскій, и гдѣ подъ слободы и дворы крестьянскіе, и какъ бы сіи и тотъ лучше расположить. Сей восхотѣлось намъ снабдить хотя небольшими, но порядочными хоромцами, для пріѣзда. Предположивъ сіе, стали мы выбирать наилучшее и удобнѣйшее подъ нихъ мѣсто, а тамъ стали думать о томъ, гдѣ бы намъ, по близости къ нимъ, завесть садъ, гдѣ запрудить на первый случай небольшой, а со временемъ другой и огромный прудъ; гдѣ на-

значить мѣсто подъ гуменикъ, огороды и прочее, и прочее, что нужно было для усадьбѣ.

Обдумавъ на первый случай вскользь обо всемъ томъ, проѣхали мы далѣе въ пространство общественной нашей дачи, и сынъ мой не могъ довольно налюбоваться великою обширностью оной. Возвращаясь же домой, заѣхали погулять еще въ свою рощу. Тутъ, увидѣвъ валяющіеся жолуди, набрали оныхъ множество и получили мысль оныя посѣять. Между тѣмъ, посланные впередъ приготовили намъ чай, котораго возвратясь не успѣли мы напиться, какъ, по нетерпѣливости своей, принялись тотчасъ за прожектированіе и сочиненіе плана будущимъ хоромцамъ. Говоримъ съ прикащикомъ о переселеніи деревни и о томъ, чтобы намъ успѣть въ сей пріѣздъ при себѣ сдѣлать и какъ бы все расположить лучше. Сей, между прочимъ, сказываетъ намъ, что въ приходскомъ селѣ нашемъ есть и готовые продажные хоромцы и довольно изрядные. Что услышавъ и обрадуясь тому, положили мы купить оные. И тѣмъ сей первый день пребыванія нашего кончили.

На другой день, вставши рано и до восхожденія еще солнца, оба мы разлюбовались въ-прахъ восхожденіемъ онаго изъ-за горъ, противъ окошекъ нашихъ за рѣкою вдали находящихся. Зрѣлище сіе было какъ-то отмѣнно въ сей день красиво и великолѣпно. Множество мелкихъ и равно какъ пламенѣющихъ облачковъ, разсѣянныхъ въ восточной сторонѣ по всему небосклону, казались равно встрѣчающими сіе пышное и какъ бы изъ чертоговъ своихъ выходящее дневное свѣтило. Налюбовавшись до-сыта, велимъ скорѣе подавать чай и представлять намъ всѣхъ нашихъ тамошнихъ лошадей, для осмотра, а между тѣмъ—запрягать дрожки и сѣдлать лошадей, поелику мы намѣрены были употребить все сіе утро на осмотръ другаго большаго и отдаленнаго звена проданной и отмежеванной намъ земли. И какъ скоро пересмотрѣли всѣхъ лошадей, то, взявъ съ собою прикащика и еще человѣка два людей, и пустились въ сей путь. Какъ дорога шла почти подлѣ самого того мѣста, гдѣ затѣвали мы строить новую деревню, то, завернувъ на оное и полюбовавшись еще симъ мѣстомъ, водрузили мы въ землю на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ назначали въ умѣ нашемъ быть хоромцамъ, деревцо и назвали будущую и существующую еще только въ мысляхъ нашихъ деревню ся новымъ именемъ. Потомъ заѣхали ко всѣмъ нашимъ крестьянамъ, занимавшимся тогда молотьбою въ полѣ и на самыхъ пашняхъ гречихи, и, пожелавъ имъ въ томъ успѣха, пустились въ отдаленную нашу степь, и отчасти на дрожкахъ, а гдѣ нельзя — тамъ верхами. Ѣдемъ по межѣ вокругъ всей отмежеванной намъ степи, любуемся великимъ ея пространствомъ и изрядствомъ положенія мѣстъ и добротою самаго грунта. Никогда еще не видывали мы такое великое множество земли, въ единственномъ нашемъ владѣніи состоящей и во всемъ отъ воли нашей зависящей совершенно. Обширность оной была дѣйствительно велика, и звено наше простиралось въ длину даже на нѣсколько верстъ и имѣло внутри себя нѣсколько сѣнокосныхъ и большихъ овраговъ. Въ одномъ изъ нихъ находимъ колодезь съ хорошею водою, веселимся онымъ; но удовольствіе наше увеличилось еще больше, когда доѣхали мы до другого и огромного оврага, называемаго Вонючимъ. Тутъ, нашедъ прекрасныя и преузорочныя мѣста и удобное къ поселенію деревни мѣсто, любуемся до чрезвычайности онымъ и жалѣемъ только, что мѣсто сіе нѣсколько поотдалено отъ тогдашняго нашего селенія и не таково способно къ перевозкѣ туда дворовъ и строенія, какъ въ Ложечномъ. Однако, почитая себя на вѣкъ полными владѣльцами всѣхъ сихъ земель и мѣстъ, и благодаря Господа за дарованіе намъ такова ихъ множества, думали и говорили между собою, что если не тогда, такъ впредь, купивъ гдѣ-нибудь на вывозъ людей, а непремѣнно поселимъ мы тутъ деревню. И располагали уже въ мы-

сляхъ, гдѣ и какъ ее расположить. Но— увы! Сколь мало мы тогда знали, что счетъ сей дѣлали мы безъ хозяина, и что въ книгахъ судебъ назначено было землями сими владѣть не намъ, а инымъ людямъ, а для насъ предназначиваемы были иныя и несравненно сихъ лучшія еще и выгоднѣйшія мѣста.

Препроводивъ въ ѣздѣ сей болѣе четырехъ часовъ съ половиною, возвратились мы въ селеніе свое уже за полдни и обѣдъ имѣли въ этотъ день поздній. Послѣ обѣда собрался-было сынъ мой ѣхать въ Трескино осматривать продаваемые хоромцы, какъ вдругъ приходитъ попъ съ дьякомъ, а вслѣдъ за нимъ пріѣзжаетъ одинъ изъ зарѣчныхъ сосѣдей нашихъ, Матвѣй Аксентьевичъ Бѣляевъ, съ братомъ. Сіе поудержало сына моего отъ ѣзды, ибо надобно было пріѣзжихъ сосѣдей угостить, да и поговорить съ ними кое-о-чемъ, а особливо о промѣнѣ землями нашими. Но какъ изумились мы, когда г. Бѣляевъ насказалъ намъ столько неожидаемаго и непріятнаго для насъ о ближнихъ нашихъ деревенскихъ сосѣдяхъ, а особливо г. Тараковскомъ и Язвенцовѣ, что мы даже смутились. Онъ сказывалъ, что не однажды слышалъ, что они все наше межеванье почитаютъ неоконченнымъ, поелику Пашковъ подалъ на рѣшеніе канторы апеляцію, и что землю нашу называютъ намъ еще не крѣпкою, и потому и не соглашались, и врядъ-ли и согласятся когда-нибудь на промѣнъ съ нами своихъ земляныхъ участковъ, и прочее тому подобное. Въ особливости же твердилъ онъ, что какъ имъ, такъ и всѣмъ прочимъ сосѣдямъ очень жаль Лѣснаго Ложечнаго, и никакъ не хочется съ устьемъ его и тамъ лежащими землями разстаться.

Слушая все сіе, хотя и принималъ я на себя видъ, что всѣмъ тѣмъ ни мало не уважаю, а почитаю все то сущими пустяками, и хотя и говорилъ, что въ землѣ я такъ увѣренъ, что и громъ у меня ее не отобьетъ; но въ самомъ дѣлѣ все слышанное отъ него заставило меня очень и очень думать и вкупѣ помышлять о томъ, какія бы принять противъ того лучшія мѣры. И потому самъ въ себѣ положилъ—не прежде приступать къ дѣлу, какъ повидавшись напередъ съ помянутыми господами сосѣдями, и съ ними о землѣ и о промѣнѣ оной поговоривши. Со всѣмъ тѣмъ, не отставали мы отъ своего намѣренія въ разсужденіи хоромецъ. Но какъ гости мои уѣхали отъ меня рано, то сынъ мой успѣлъ еще въ Трескино съѣздить и осмотрѣть хоромцы и продаваемаго тамъ жеребца, который нуженъ намъ былъ для тамошняго нашего небольшаго коннаго заводца. И какъ онъ, такъ и хоромцы ему такъ полюбились, что онъ даже прельстилъ меня ими и однимъ описаніемъ оныхъ. Ввечеру приходили къ намъ всѣ собравшіеся наши мужики съ обыкновенными ихъ кое-какими на поклонъ приносами, и мы, поподпочивавъ ихъ винцомъ и поговоривъ съ ними, тѣмъ сей второй день и кончили.

Въ третій день мое первое дѣло было послать своего Василья отыскать Тараковскаго и Язвенцова и звать ихъ къ себѣ. Перваго не отыскали, былъ гдѣ-то въ отлучкѣ; а второй обѣщалъ быть. Но все утро прошло, а онъ не изволилъ и двинуться. Досадую на сего негодяя и самаго свернаго человѣка, но нечего дѣлать. Дождались, дожидались и недождавшись принуждены были обѣдать одни. Послѣ обѣда отправляю я своего спутника на избранное нами для поселенія деревни мѣсто и поручаю ему измѣрить и снять на планѣ всю ситуацію того мѣста аккуратнѣе, дабы можно было намъ все расположеніе будущей деревни начертить на планѣ, и по оному уже въ натурѣ назначить все прокапываемыми чертами, а самъ остаюсь ждать Язвенцова и занялся кое-какимъ писаніемъ. Но скоро раздосадованъ былъ вновь присылкою отъ Язвенцова съ отказомъ, что ему быть ко мнѣ не можно.

Между тѣмъ возвратился Павелъ мой, выполнивъ возложенную на него коммиссію какъ нельзя лучше. Вмѣстѣ съ нимъ возвратился и человѣкъ, посыланный въ

Тамбовъ съ письмами, и привезъ извѣстіе о кончинѣ друга моего любезнаго, Ивана Яковлевича Сабурова. Сіе извѣстіе меня поогорчило, а другое возродило новое желаніе и новую заботу. Посыланному случилось тамъ услышать и узнать о продаваемыхъ на своз крестьянахъ. А какъ они намъ по великому множеству земли были тогда очень надобны, то не успѣли мы сего услышать, какъ воскипѣло въ насъ желаніе купить оныхъ. И, ну, скорѣй посылать за Василіемъ, и въ тотъ же часъ давай его отправлять торговать людей оныхъ; самъ же потомъ занялся прожектированіемъ дома и плана всему господскому двору. Совѣтую обо всемъ съ сыномъ, и оба сдѣланнымъ планомъ своимъ любуемся, и тѣмъ оканчиваемъ и этотъ день.

Въ ночь, подъ четвертый день, случился у насъ первый и жестокій морозъ и утро холодное. Но, спасибо, скоро опять отъ солнца потеплѣло и мы могли воспріятое въ сей день намѣреніе выполнить. Оное состояло въ томъ, чтобъ намъ на избранномъ мѣстѣ по плану произвесть въ натурѣ всему нарѣзку и назначеніе чертами. Итакъ, не успѣло ободнять, какъ, отправивъ прикащика покупать вино и осматривать продаваемыхъ въ другомъ мѣстѣ жеребцовъ, полетѣли мы оба въ свое Ложечное. Тамъ дожидались уже насъ люди съ веревками, топорами, лопатками и натесанными коликами. Итакъ, не успѣли туда пріѣхать, какъ благословясь и приступили къ дѣлу, и, ну, размѣривать, расчерчивать и разбивать по плану весь господскій дворъ; и трудясь надъ симъ дѣломъ до поту лица своего, измучились въ-прахъ и устали до безконечности. Но какъ всего далеко утромъ не кончили, то, пообѣдавъ дома и немного соснувъ, ѣдемъ опять туда-жъ и начинаемъ продолжать работу. Но тутъ вдругъ перепугали, смутили и озаботили насъ наши лошади. Вдругъ вздумалось всѣмъ имъ отъ чего-то шарахнуться, вздуриться и уйтить отъ насъ куда-зря, и съ такою быстротою, что и слѣдъ отъ нихъ простылъ. Вздурился я, сіе услышавъ, посылаю людей искать и ловить ихъ, и озабочиваюсь очень, чтобъ онѣ не пропали и чтобъ ихъ какіе молодцы не подсидѣли. Лошади были добрыя, но не мои собственныя, а казенныя; итакъ, было отчего и смутиться духомъ.

Между тѣмъ, однако, сіе не остановило насъ въ продолженіи нашей работы. Оба мы любуемся вершиною и найденнымъ въ ней добрымъ ключемъ. Воображаемъ въ умѣ величину и красоту будущаго тутъ пруда. Продолжаемъ работу свою до самаго вечера и, будучи обрадованы и успокоены найденіемъ и обратнымъ приведеніемъ лошадей, трудимся съ спокойнѣйшимъ духомъ. Но какъ ни спѣшили, но не успѣли всего кончить и вездѣ прорыть черты и ровики. Вечеръ и холодъ прогналъ насъ домой, куда пріѣхавъ, находимъ возвратившагося Василья и съ досадою узнаемъ, что изъ всего замышляемаго покупанія людей вышелъ совершенный пустякъ и весь его трудъ былъ тщетный.

Пятый день пребыванія нашего въ Болотовкѣ проведенъ былъ также въ разныхъ трудахъ и заботахъ. Съ самаго утра занимаюсь осматриваніемъ и торгованіемъ приводимыхъ ко мнѣ продажныхъ жеребцовъ; но не вышло и изъ сего дѣла ничего. Торгъ нашъ не состоялся, и жеребцы остались у своихъ хозяевъ. Между тѣмъ, отправляю мужика покупать колья, необходимо нужные намъ при переселкѣ, а своего слугу Фильку—дорѣзывать по назначеннымъ мѣстамъ землю, а самъ занимаюсь пріѣзжавшимъ ко мнѣ Рахмановскомъ бурмистромъ съ нѣкоторыми просьбами. Отъ сего слышу о продаваемомъ неподалеку отъ насъ на срубку лѣсѣ, и затѣваю купить себѣ цѣлую десятину онаго, и радуюсь, что оный поможетъ мнѣ много при перестройкѣ. Тотчасъ получаю мысль послать скорѣе человѣка лѣсъ сей осматривать и торговать. Въ самое сіе время вдругъ смущаетъ и озабочиваетъ меня сынъ мой, сказывая о себѣ, что ему что-то очень не по себѣ и дурно. «Ахъ-ти, какая бѣда!» думаю и говорю я самъ себѣ въ

мысляхъ: «чтобъ не занемогъ онъ у меня еще здѣсь; что мнѣ тогда съ нимъ дѣлать будетъ?» Итакъ, ну-ка я скорѣе приказывать варить свой простудный декоктъ, ну-ка его поить и укладывать въ постель, а самъ занимаюсь, между тѣмъ, мыслями о посѣвѣ набранныхъ жолудей и прінсканіи удобнаго къ тому мѣста. О! человѣческіе замыслы и затѣи! Какихъ-и-какихъ мы иногда ни имѣемъ, и чего-и-чего не затѣваемъ! но коль часто всѣми ими строимъ только зáмки на воздухѣ и пускаемъ только мыльные пузыря, и красотѣ ихъ галимся, и послѣ глупости своей сами смѣемся! Точно такъ вышло и съ сими жолудями: я насѣялъ, или насадилъ ихъ нѣсколько тысячъ, и въ воображеніи мечталъ себѣ получить отъ нихъ невѣдомо-какія выгоды и пользы; но вышелъ изъ того сущій пустякъ и лопнувшій пузырь мыльный!

Между тѣмъ, говорю я съ своимъ Васильемъ обо всемъ; назначаю его въ будущей деревнѣ прикащикомъ; и радуюсь, что Павлу моему сдѣлалось лучше. Однако, я въ сей день велѣлъ ему взять покой, и между тѣмъ, какъ я послѣ обѣда поѣхалъ самъ снять еще съ нѣкоторыхъ мѣстъ ситуацію, препоручилъ ему заняться сочиненіемъ будущей нашей деревенькѣ бѣлаго плана, что онъ охотно и взялъ на себя; а я провозился съ своимъ дѣломъ до самого вечера, и измѣривъ по ватерпасу весь будущій разливъ и ширину замышляемаго пруда, привезъ ему мѣру для означенія того на планѣ. По учиненіи чего, оба мы не могли шириною его довольно налюбоваться, не воображая себѣ, что и сіе принадлежало къ такимъ же мыльнымъ пузырямъ, о какихъ говорилъ я выше. Но какъ бы то ни было, но симъ и сей день у насъ кончился.

Въ шестой, отправивъ Василья своего осматривать продаваемый на срубку лѣсъ, занялись мы съ Павломъ во все утреннее время осматриваніемъ всѣхъ крестьянскихъ дворовъ въ своей деревнѣ и назначеніемъ тѣхъ, которые мы въ новую деревню на первый случай переселить были намѣрены. А пообѣдавъ поранѣе, поѣхали опять въ Ложечное, для назначенія такимъ же образомъ мѣстъ подъ крестьянскіе дворы, какимъ назначили мы мѣста подо всю господскую усадьбу и строенія. Помянутые дворы располагались мы поселить слободою по другую сторону Лѣснаго Ложечнаго оврага и прямо насупротивъ господскаго дома за прудомъ будущимъ. Пріѣхавши туда, взошли мы напередъ на самое то мѣсто, гдѣ назначили мы быть хоромамъ, дабы посмотрѣть какіе-и-какіе виды и мѣстоположенія будутъ видны изъ оконъ дома, и гдѣ бы что можно со-временемъ сдѣлать, для приданія имъ красы множайшей. Тутъ, прежде всего, представился зрѣнію нашему превысокій, круглый и крутой бугоръ, имѣющій видъ преогромнаго кургана, стоящій прямо предъ окнами дома, за ручьемъ, протекающимъ по Большому Ложечному. Мы, любуясь регулярною почти фигурою сего величественнаго и высокаго холма, или огромнаго бугра, жалѣли, что былъ онъ совсѣмъ голый и обнаженный, и намъ тотчасъ приди мысль въ голову придать ему, чрезъ насажденіе кое-гдѣ въ приличныхъ мѣстахъ на немъ рощицъ и древесныхъ группъ, болѣе красы, а самое темя его украсить со-временемъ какимъ-нибудь увеселительнымъ зданьицемъ, могущимъ привлекать къ себѣ зрѣніе и захочивать всякаго всходить на себя. Мысль сія обоимъ намъ такъ полюбилась, что мы положили непремѣнно сіе сдѣлать, и прельщались до того симъ бугромъ, что въ тотъ же часъ для достопамятности прозвали сей бугоръ горою Сіономъ. А тѣмъ неудовольствуясь, восхотѣли тогда же на нее вскарабкаться и, сидючи впервыя на ней, полюбоваться заблаговременно всѣми красивыми положеніями мѣстъ, видимыми оттуда. Все сіе было вздумано и въ тотъ же мигъ и сдѣлано. Мы тотчасъ перешли кое-какъ чрезъ ручей, протекающій посреди широкаго и пышнаго дола, отдѣлявшаго сей бугоръ отъ затѣваемаго нами селенія и, съ превеликимъ трудомъ вскарабкавшись

на самый верхъ бугра, увидѣли оттуда, дѣйствительно, множество прекрасныхъ мѣстоположеній и, воображая въ умахъ своихъ всю будущую нашу деревню, со всѣми ея зданіями, насажденіями и прудами, находящимися внизу онаго, и равно какъ подъ ногами у насъ, веселились и утѣшались невѣдомо-какъ симъ умовоображеніемъ. Но, ахъ! какъ мало мы тогда знали, что́-и-что́ со всѣми сими мѣстами въ грядущія времена воспослѣдовать имѣетъ! Если есть подлинно разумные духи, сопутствующіе намъ въ нашей жизни и имѣющіе даръ провидѣть будущее и еще не существующее, то, безсомнѣнно, смотря тогда на насъ, смѣялись они намъ и всѣмъ тогдашнимъ нашимъ умовоображеніямъ, или жалѣли о суетности нашихъ помышленій, зная и предвидя, что изъ всего того ничего не выйдетъ, и что мы ни что иное тогда дѣлали, какъ строили истинные за̀мки на воздухѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, мы не сошли еще тогда съ горы сей, какъ воспослѣдовало уже нѣкоторымъ образомъ начало разрушенія всѣхъ нашихъ тогдашнихъ замысловъ, и прекрасный нашъ, строимый въ воображеніи, воздушный за̀мокъ началъ разваливаться. И вотъ—отъ чего и какимъ образомъ. Въ самое то время, какъ мы помянутымъ образомъ, сидючи съ сыномъ моимъ на бугрѣ семъ, наиболѣе воображаемою себѣ будущею деревнею любовались и восхищались, подходитъ ко мнѣ взошедшій вслѣдъ за нами на гору мой староста и говоритъ: «что, судырь, не смѣю вамъ доложить, вотъ энту и энту черту (указывая рукою подъ гору и на то мѣсто, гдѣ мы прокапывали черты и ровички по пашнямъ) провесть изволили вы не по нашей, а чужой землѣ. Этими пашнями владѣютъ Молчановскіе, и чтобъ не стали они спорить. Ѣхавшій теперь мимо насъ мужикъ ихъ, увидѣвъ сіе, проворчалъ что-то себѣ подъ носъ и поскакалъ домой».— «Что́ ты говоришь! воскликнулъ я, смутившись, и вскочивъ съ своего мѣста: не вправду-ли? И что́-жъ вы мнѣ этого не сказали тогда, какъ я тамъ назначалъ?» — «Да меня, судырь, тогда тутъ не было, а бывшіе съ вами люди того не знали». — «Ну, братецъ, сказалъ я на сіе: когда это такъ, то, въ самомъ дѣлѣ, это неловко и до поры до времени еще не годится. Жаль же мнѣ, что я этого не зналъ. Однако, бѣда еще не велика и пособить тому можно. Мѣсто это прихвачено для гуменика, и можно оный и поубавить, и ты побѣгай-ка, мой другъ, туда, возьми людей, и теперь же всѣ прорытыя по чужой землѣ черты и ровики ногами и лопатами заровняй и колушки вбитые всѣ повыдергай, а я посмотрю и подумаю, какъ гуменикъ расположить инако». Выслушавъ все сіе, мужикъ мой и пошолъ-было внизъ съ горы, но я, остановя [его] и кликнувъ обратно къ себѣ, ему сказалъ: «послушай-ка, мой другъ, какъ отсюда всѣ пашни и межи ихъ видны, то разскажи ты мнѣ подробно, которыя изъ нихъ наши и которыми владѣютъ еще Молчановскіе, или иные наши сосѣди?» — «Извольте, судырь, сказалъ мужикъ и началъ, указывая мнѣ говорить: вотъ эта, эта эта и эта десятины наши, а вотъ эта—Молчановская, эта—Тараковскихъ, а вонъ тамъ—эта опять наша; а вонъ эта—Михайлы Матвѣевича, братца вашего». — «А Язвенцова земля, есть-ли тутъ гдѣ?» — «Его тутъ близко нѣтъ, отвѣчалъ мнѣ староста; а есть и его небольшіе клочки въ нашей чертѣ, но они вонъ тамъ, далеко за Голою Ярыжкою». Между тѣмъ, какъ онъ симъ образомъ обо всѣхъ десятинахъ и клочкахъ земли мнѣ разсказывалъ, замѣчалъ я всѣ ихъ въ умѣ моемъ и радовался, что немногіе только развѣ клочки чужихъ пашень войдутъ въ черты, которыя собирался я назначивать подъ поселеніе деревни и крестьянскихъ слободъ, и положилъ убѣгать и того сколько можно, и потому сказалъ старостѣ: «Ну, хорошо, мой другъ, что ты мнѣ это все разсказалъ. Теперь я это знаю и могу уже при назначеніи принимать мои мѣры. Однако, чтобъ мнѣ не позабыть и не ошибиться, то когда я стану тамъ

назначать линіи и проводить черты, то подойди и ты, и будь тогда при мнѣ, и тотчасъ скажи, если станетъ въ черты входить чья чужая земля».

Отпустя его, обратился я къ моему сыну и сказалъ: «вотъ какая еще неожидаемость; а я истинно думалъ, что это все наши пашни, а дураку прикащику нашему и не умышлялось о томъ сказать. Хоть бы одно словечко тебѣ, или мнѣ о томъ молвилъ,—такая каналья! Однако, бѣда еще не велика и дѣло тѣмъ не испорчено. Теперь мы хотя и пожмемся и постѣснимъ нѣсколько огороды и сады. Но дай-ка намъ только построиться здѣсь, а то и по неволѣ господа отступятся отъ своихъ земель и ради еще будутъ, чтобъ мы ихъ вымѣняли на другія свои и просить еще о томъ насъ станутъ».

Поговоривъ симъ образомъ, сошли мы съ горы и перешедъ опять лѣсъ, приступили къ дѣлу, за которымъ пріѣхали, и начали назначать мѣста подъ слободу и дворы крестьянскіе. Староста нашъ былъ уже безотлучно подлѣ насъ, и я то-и-дѣло спрашивалъ его: «наша-ли то, или чужая земля?» И какъ скоро онъ указывалъ мнѣ чужую, то и старался я уже всячески отъ ней уклоняться. Но какъ въ иныхъ мѣстахъ ни коимъ образомъ не можно было избѣжать, чтобъ не прихватить какихъ-либо полосокъ и уголковъ чужой земли, то довольствовался я тѣмъ, что не велѣлъ по симъ чужимъ клочкамъ прокапывать ровиковъ, а оставить ихъ такъ впредь, до поры до времени.

Мы провозились симъ дѣломъ до самаго почти вечера; но какъ стало вечерѣть и становиться холодно, то поѣхали мы домой и спѣшили обогрѣвать себя чаемъ. Тамъ не успѣлъ я увидѣть своего прикащика, какъ напустился на него и сталъ его тазать за то, что онъ меня не предостерегъ. Но онъ вмѣсто извиненія, изволилъ тогда, по баскости и дуроломству своему, расхрабриваться и, браня и не уважая сосѣдей, говорить: «чего на нихъ, дураковъ, смотрѣть! вольно имъ было не промѣнивать. Я сколько разъ имъ честью говорилъ: промѣняйте и возьмите у насъ, гдѣ себѣ хотите. Но они и въ усъ не дули, и ни въ коробъ, ни изъ короба, и все не хочется, а вѣдь надобно же когда-нибудь конецъ этому сдѣлать. Какъ ни упрямятся, но принуждены же будутъ это сдѣлать, а не то, такъ и безъ промѣна пропадутъ; дай-ка только намъ переселиться-то туда, посмотрю я, какъ-то они тогда не согласятся!»

Я усмѣхался только, слушая сей вздоръ и смотря на храброваніе моего прикащика, и хотѣлъ-было только ему на слова его отвѣчать, какъ остановилъ меня вошедшій къ намъ староста Андрея Михайловича. «Что ты, мой другъ?» спросилъ я его, мнѣ кланяющагося. — «Что, судырь, я пришелъ вамъ доложить», сказалъ онъ и поостановился нѣсколько. — «А что̀ такое?» подхватилъ я.— «Что̀, судырь? слышимъ мы, что вы намѣрены переселить вашихъ крестьянъ и переносить и дворъ господскій въ Ложечное на отмежеванную вамъ землю». — «Ну, что-жъ? сказалъ я, это такъ, и я на землѣ моей, что̀ хочу, то и дѣлаю».— «Все это такъ, отвѣчалъ мужикъ,—и состоитъ въ томъ воля ваша, и вамъ намъ не указывать стать; но не вышло-бъ оттого чего-нибудь худаго». — «А чему-бъ такому?» подхватилъ я. — «Что̀, судырь, не смѣю вамъ доложить, а по родству нашего боярина съ вами грѣхъ будетъ, ежели васъ не остеречь». Сказавъ сіе, опять онъ замолчалъ, а я, смутившись его словами и желая нетерпѣливо дальнѣшее слышать, сказалъ ему: «а что же такое, и отъ чего остеречь?» — «Что, судырь, я сей только часъ самъ о томъ узналъ и, немедля ни часа, побѣжалъ сюда увѣдомить васъ, что Молчановскіе бунтуютъ, сговариваются и не хотятъ никакъ допускать васъ селиться и грозятъ уголовщиною и дракою. Такъ не было было бы и намъ отъ того чего дурнаго».

Поразилъ и до крайности изумилъ и смутилъ онъ меня симъ своимъ увѣдомленіемъ, а сына моего еще того больше. Сей и гораздо позадумался, о семъ услышавъ. Что-жъ касается до меня, то какъ

ни взволновалась во мнѣ въ минуту сію вся кровь и ни затрепетало сердце, но я столь имѣлъ еще духу, что, принявъ на себя видъ будто сіе меня ни мало не потревожило и не смутило, захохотавъ, сказалъ: «вотъ еще какой вздоръ, и какая нелѣпица и сумасбродчина! Развѣ дуракамъ захотѣлось кнута отвѣдать? Посмотрю я, какъ-то они меня недопускать станутъ, и какъ это можно отважиться имъ на сіе, когда земля сія не только утверждена мнѣ рѣшительнымъ опредѣленіемъ межевой канторы, но и формально мнѣ отмежевана. Развѣ съ ума они всѣ рехнутся. Между тѣмъ, однако, тебѣ, мой другъ, за усердіе твое спасибо». И, обратясь къ человѣку своему, сказалъ: «малый, напои его за это виномъ; онъ постарается и впредь намъ все пересказать, что ни услышитъ и ни узритъ». А сіе онъ и обѣщалъ охотно.

Со всѣмъ тѣмъ, какъ ни ободрялъ я себя наружно, но въ самомъ дѣлѣ не то у меня на сердцѣ и на умѣ было. Чего добраго? думалъ и говорилъ я тогда самъ въ себѣ, отъ глупцовъ и дураковъ сихъ все статься можетъ! благо ихъ много. Живутъ они здѣсь безъ всякаго почти начальства, господа ихъ живутъ Богъ-знаетъ гдѣ и совсѣмъ почти отъ нихъ отступились, и управляются они однимъ только старостою, такимъ же нéсмыслемъ и глупцомъ, какъ и всѣ прочіе. Все свое прибѣжище имѣютъ они къ этому негодяю, ябеднику и сквернавцу Язвенцову, и долго-ли ему ихъ подбить и наустить всему злому!

Симъ образомъ помышляя, не преминулъ и поговорить о томъ съ моимъ сыномъ, также и съ балмочнымъ прикащикомъ моимъ. Сей всего меньше казался быть отъ того смущеннымъ и, продолжая, по обыкновенію своему, храбровать, говорилъ намъ: «и вы думаете, бояринъ, что это вправду быть можетъ? А я такъ думаю, что ничему тому не бывать. Гдѣ имъ, говнякамъ, на сіе отважиться! Да развѣ у насъ нѣтъ также рукъ и дубинокъ? Да поди-ка они къ намъ, поглядимъ, кому Богъ поможетъ. Мы стоять будемъ за правое дѣло и свою землю, а они за неправое».—«Врешь, дуракъ, подхватилъ я и, унявъ его долѣе вздоръ болтать, сказалъ: «что ни говори, но о семъ надобно подумать хорошенько!»

Симъ окончился тогда сей нашъ шестой день, преисполненный множествомъ происшествій разныхъ, а симъ окончу я и сіе письмо мое, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ, и проч.

(Ноября 20 дня 1812 года. Дворениново).

Письмо 282.

Любезный пріятель! Извѣстіе о замышляемомъ Молчановскими крестьянами недопусканіи насъ селиться въ Ложечномъ не выходило у меня во всю почти ночь изъ ума и подало поводъ ко многимъ сужденіямъ и разговорамъ о томъ съ моимъ сыномъ. Мы говорили и про и контро, и полагали и то и другое, но всегда оканчивалось на томъ, что обоимъ намъ не хотѣлось и съ намѣреніемъ нашимъ разстаться, но не хотѣлось и того, чтобъ произошли какіе вздоры, не нажить бы намъ какихъ непріятныхъ и досадныхъ хлопотъ. Итакъ, оставалось избирать середину, и наилучшими мѣрами къ тому казалось то, чтобъ намъ отнюдь не страшиться помянутыхъ угрозъ и, не подавая тому ни малѣйшаго вида, не только продолжать свое начатое дѣло, но и поспѣшить началомъ переселенія и перевозкою туда какого-нибудь строенія, по крайней мѣрѣ, для испытанія и узнанія, какія движенія у нашихъ сосѣдей происходить будутъ, думая и заключая при томъ, что всегда еще время будетъ отъ намѣренія сего отстать, если требовать будутъ того необходимо обстоятельства.

Итакъ, по наступленіи седьмаго дня, приказавъ всѣмъ мужикамъ поспѣшить въ сей день окончаніемъ всей уборки съ полей хлѣба, дабы имѣть уже свободныя руки, и отправивъ прикащика съ свѣтомъ вдругъ заглаживать всѣ проведенныя по чужой землѣ черты, чего въ прошедшій день староста не успѣлъ сдѣлать, ѣду потомъ самъ туда же для расчерчива-

нія неоконченнаго еще назначенія мѣстъ подъ крестьянскіе дворы, а между тѣмъ на нѣсколькихъ подводахъ приказываю перевозить туда и одну избу, случившуюся быть праздною и нежилою.

Препроводивъ въ помянутомъ дѣлѣ все дообѣденное время, возвращаюсь я домой съ намѣреніемъ ѣхать опять послѣ обѣда туда же. Но сдѣлавшійся сильный и холодный вѣтръ поудержалъ меня отъ того, а принудилъ остаться дома, а для окончанія дѣла отправить людей своихъ туда съ прикащикомъ. Тутъ возвращается мой Василій, посыланный для осмотра и приторговки лѣса, и приводитъ меня разсказами своими въ смущеніе и почти нерѣшимость покупать оный. Между тѣмъ, приказываю считать жолуди и нахожу, что оныхъ въ четверикъ помѣщается до 6 тысячъ; а въ томъ у насъ и прошолъ весь сей день.

По наступленіи восьмаго и по происшествіямъ своимъ достопамятнаго дня, случившагося тогда 18 сентября, въ который назначено было у насъ основаніе нашей новой деревни, чрезъ поставленіе перевезенной уже туда разобранной избы, велѣлъ я согнать весь народъ и сколько ни было у насъ мущинъ и женщинъ, и по взятіи ими съ собою желѣзныхъ и деревянныхъ лопатъ, нѣсколько телѣгъ и мѣшковъ отвезть въ Ложечное, и тамъ моего пріѣзда дожидаться, не позабывъ приказать имъ, для всякаго случая, запастись и дубинками и цѣпами; а самъ, пославъ за попомъ, до пріѣзда его, занялся сажденіемъ на приготовленныхъ на огородѣ у меня грядкахъ жолудей и посадилъ ихъ ровно 7,000. По пріѣздѣ же попа, поѣхали мы всѣ въ Ложечное и начали служить молебенъ. При которомъ случаѣ особливаго замѣчанія было достойно, что предъ самымъ началомъ служенія нашего, поднялся такой сильный и порывистый вѣтръ, что погасилъ у насъ всѣ свѣчки и не можно было никакъ горѣть имъ, почему и принуждены были служить безъ огня, да и при закладкѣ избы такая была буря и вихрь, что не можно было даже мшить оную. Всѣ бывшіе при томъ и замѣтившіе сіе, говорили, что сіе очень нехорошо и не предвѣщаетъ ничего добраго. Я самъ смотрѣлъ на сіе не съ радостнымъ расположеніемъ духа, но примѣчалъ, что симъ сама натура равно какъ предвозвѣщала намъ, что изъ всего нашего предначиванія не выйдетъ, наконецъ, ничего. Что послѣ дѣйствительно и совершилось.

Между тѣмъ, какъ служили молебенъ и закладывали и мшили избу, весь прочій народъ, мущины и женщины, копали землю и начали прудить прудъ въ вершинѣ Лѣснаго Ложечнаго. Я не преминулъ и попа и весь народъ перепоить виномъ, и оставивъ сей, продолжать свою начатую работу, поѣхалъ самъ съ сыномъ и попомъ домой и угостилъ сего послѣдняго до-сыта. А проводивъ его, поѣхалъ опять и занимался до самаго вечера съ людьми пруженіемъ пруда, и до того утрудился и усталъ, что ввечеру чувствовалъ даже себя нездоровымъ.

Въ послѣдующій за симъ девятый день, натура, не удовольствуясь произведеніемъ накануне сего дня бури и вѣтра, мѣшавшаго намъ и молебенъ служить и закладывать избу, наслала, для помѣшательства намъ въ прудовой работѣ и встановленіи избы, холодное и проливное ненастье. Господи помилуй! и что задиковинка, говорилъ, увидѣвъ оное по-утру: вчера мѣшалъ намъ вѣтръ, а сегодня, смотри, пожалуй, какой дождь и какое проливное ненастье! «Однако, какъ-нибудь, ребята, надобно доставлять избу, да и плотину продолжать дѣлать». — «Конечно такъ, сказалъ мнѣ на сіе прикащикъ, которому я сіе говорилъ, я протурилъ уже туда давно всѣхъ людей и они тамъ, надѣюсь, работаютъ».—«Хорошо, сказалъ я, и ступай же и ты туда, и постарайся, чтобъ успѣть намъ сколько-нибудь сдѣлать. Меня же туда не дожидайтесь, мнѣ что-то не по себѣ, я и къ обѣдни за тѣмъ не поѣду».

Между тѣмъ, какъ они тамъ продолжали работу, пріѣзжаетъ ко мнѣ одинъ изъ тамошнихъ помѣщиковъ г. Скарятинъ

Асафъ Сергѣевичъ, вмѣстѣ съ г. Язвенцовымъ. Я говорю съ ними, сдружаюсь съ первымъ и покупаю у него нѣсколько лѣса и унимаю ихъ у себя обѣдать, но они не остаются. Пообѣдавъ же одни съ Павломъ и отправивъ своего Василія къ Скарятину въ лѣсъ, ѣдемъ сами къ Бѣляеву; сидимъ у него весь день и говоримъ обо всемъ, и сей опять насказалъ намъ столько сумнительствъ о землѣ и столько ненадежностей въ промѣнѣ и прочаго, и прочаго, что мы начали сами даже сомнѣваться и почти тужить о томъ, что поспѣшили становить избу. Онъ унималъ-было насъ у себя ужинать, но мы не остались, а старались за-свѣтло добраться до двора своего и тамъ отогрѣть себя поболѣе чаемъ. Чѣмъ и кончился нашъ девятый день.

По наступленіи десятаго, слѣталъ я по-утру въ Ложечное свое къ работамъ и, нашедъ оныя, производимыя съ добрымъ успѣхомъ, велѣлъ оныя продолжать, а самъ, возвратясь, читаю письмо, полученное безъ меня отъ г. Салтыкова, тестя и попечителя сосѣда моего г. Тараковскаго. Содержаніе письма сего меня смущаетъ и заставляетъ писать на оное длинный отвѣтъ, который написавъ, поручилъ я Павлу переписать оный, а между тѣмъ собираемся ѣхать къ Язвенцову. Тутъ заѣзжаетъ ко мнѣ г. Левашовъ, добрый и любезный старичокъ. Мы говоримъ съ нимъ о землѣ, но какъ онъ не имѣлъ въ нашей дачѣ ни какого соучастія, то дивился онъ только прочимъ господамъ, моимъ сосѣдямъ, замышляющимъ дѣлать мнѣ помѣшательства всякаго рода. Отпустивъ его и отправивъ письмо къ Салтыкову, ѣдемъ мы съ Павломъ къ Язвенцову. Онъ лебезитъ и угощаетъ насъ, какъ бѣсъ самый, и не открываетъ никакъ и ни въ чемъ прямыхъ своихъ мыслей. Въ самое сіе время пріѣзжаетъ къ нему тамошняго земскаго суда засѣдатель Кандауровъ. Мужики Молчановскіе, узнавъ чрезъ Язвенцова о семъ, явились тотчасъ къ нему и просятъ его тайкомъ на меня. И сей учтивымъ образомъ докладываетъ мнѣ, что мнѣ, безъ дозволенія и безъ вѣдома земскаго суда, не слѣдовало бы заводить на новомъ мѣстѣ селеніе. Сіе заставило обоихъ насъ нѣсколько думать. Однако, мы сего ни мало не уважили, а по возвращеніи домой совсѣмъ другое обстоятельство заставило всѣхъ насъ думать и привело въ великое смущеніе и недоумѣніе.

Обстоятельство сіе было вотъ какое: Новую свою деревню мы назначили и не только на бумагѣ, но и на землѣ начертили и поставленіемъ избы и самому поселенію сдѣлали начало, а о томъ и позабыли совсѣмъ, что при деревнѣ надобно имѣть и выгонъ для скота необходимо нужный, а сверхъ того и землю всю, а особливо придворную, надлежало неминуемо раздѣлить, и такимъ образомъ на три поля, чтобъ въ каждое изъ нихъ могъ быть прогонъ скоту. Обо всемъ томъ и не ума было намъ до сего дня подумать, а тогда вдругъ, при смотрѣніи на планъ, кинулось намъ сіе въ глаза. Ахъ! батюшки мои, воскликнулъ я, власно какъ изъ нѣкакой дремоты проснувшись, вотъ о выгонѣ-то мы совсѣмъ позабыли. Гдѣ-жъ мы его возьмемъ, и куда, и въ какую сторону назначимъ? Земли такую пропасть и одна усадьба захватила, а ежели и на выгонъ захватить столько-жъ, то и изо всей нашей дачки большая половина ухнетъ, и останется «стреньбренъ съ горошкомъ», и изъ чего же намъ тогда три-то поля дѣлать и какимъ образомъ сдѣлать изъ всѣхъ ихъ прогонъ скоту, и въ деревню, и въ нашу большую степь, отдѣленную отъ сего нашего звена столь многими и чужими чрезполосными землями?! Сынъ мой, услышавъ сіе, задумался также и потомъ сказалъ: «и подлинно, батюшка, объ этомъ и не ума намъ подумать, а подумать объ этомъ очень надобно. Не послать-ли намъ за Егоркою и не поговорить-ли о семъ съ нимъ? Онъ болѣе всѣхъ, относительно до земель, смыслитъ». — «И то дѣло», сказалъ я, и тотчасъ послалъ за Егоромъ. По пришествіи его и при вопросѣ, какъ бы намъ симъ дѣломъ уладить

лучше, насказалъ и онъ намъ столько неудобностей, что мы даже начали раздумывать производить наше дѣло вдаль. Однако, вспомнивъ пословицу, что утро вечера мудренѣе, велѣлъ Егору своему приттить къ намъ опять по-утру, а между тѣмъ, чтобъ и онъ подумалъ о семъ хорошенько; да и сами мы располагались тоже сдѣлать. Чѣмъ и кончился сей десятый день пребыванія нашего въ сей деревнѣ.

Во всю ночь подъ одиннадцатый день спали мы не очень спокойно. Множество разныхъ мыслей и сумнительствъ тревожили мой духъ и лишали почти сна, отчего вставши ранѣе обыкновеннаго, посылаю я опять за своимъ Егоромъ и спрашиваю, думалъ-ли онъ, помышлялъ-ли и не нашелъ-ли какой удобности и средства? «Что, судырь, сказалъ онъ мнѣ на сіе: думать я думалъ и обдумывалъ всё-и-всё, но выходило все, что куда ни кинь, такъ клинъ, и все какъ-то не ладится. Я полагалъ уже и такой случай, чтобъ сосѣди наши и размѣнялись съ нами землями, но не находилъ и въ томъ большой утѣхи, а выходило, что и въ этомъ случаѣ не нажить-бы намъ болѣе наклада, нежели барыша, и не промѣнять-бы намъ ястреба на кукушку!»—«Какъ это?» спросилъ я, удивившись. — «А вотъ какъ, судырь, отвѣчалъ онъ мнѣ: сперва всѣ мы, да и самъ я думалъ, что намъ очень бы хорошо было жить въ Ложечномъ и несравненно лучше, нежели здѣсь, и простора-бъ мы получили больше, и снѣгомъ не стало-бъ насъ тамъ такъ заносить, какъ здѣсь, на юру, и воды-бъ и всякихъ угодей было бы больше; а что всего лучше, то хлѣбъ изо всѣхъ мѣстъ было бы намъ возить туда несравненно ближе и удобнѣе, нежели сюда. Но какъ увидѣли назначеніе тамъ всей новой усадьбы, и сколько она займетъ собою мѣста, то ажно ахнули и совсѣмъ другое думать начали». — «Но, почему же такъ?» спросилъ я его далѣе. — «А вотъ почему, судырь, отвѣчалъ онъ: вамъ извѣстно самимъ, что земля у насъ тамъ, подлѣ Ложечнаго, а особливо, по низамъ самая лучшая и хлѣбороднѣйшая во всей нашей округѣ; нигдѣ въ иныхъ мѣстахъ нѣтъ ей подобной. Не бываетъ такого года, чтобъ на ней хлѣбъ не родился добрый, гдѣ пропадетъ, а тутъ никогда. Ну теперь вся эта наилучшая и хлѣбороднѣйшая земля уйдетъ подъ усадьбы и выгонъ, а и въ другихъ мѣстахъ сосѣди наши вѣрно захотятъ на обмѣнъ, вмѣсто ихъ скверныхъ земель, какія лежатъ въ нашемъ звенѣ повыше и останутся за выгономъ, получить отъ насъ лучшія и хлѣбороднѣйшія пашни. Такъ не лишиться бы намъ чрезъ то всѣхъ лучшихъ нашихъ земель и не насидѣться бы безъ хлѣба!»

Сими словами онъ меня власно какъ ошпарилъ, и я признаться былъ долженъ, что мнѣ и не ума о семъ подумать, и что онъ говорилъ дѣло. И подумавши нѣсколько, спросилъ я его далѣе: «но какъ же бы ты думалъ, Егоръ? неужели же намъ покинуть начатое дѣло?»—«Въ этомъ воля ваша, отвѣчалъ онъ: и помоему сгаду, чуть-ли бы не лучше и прибыльнѣе было остаться при прежнемъ, и такъ, какъ было. А ежели здѣшняя усальба вамъ неугодна, то не лучше-ль бы сойтить отсюда внизъ, къ рѣкѣ ближе, и поселиться тамъ на выгонной землѣ, подлѣ болота. Этого давно всѣ наши желали и желаютъ». — «Да развѣ тамъ есть мѣсто поселиться?» спросилъ я.—«Какъ не можно, еслибъ захотѣть только, нашлось бы, кажется, и простора довольно. Но, всего лучше, когда-бъ сами посмотрѣть изволили». — «Хорошо, братъ, сказалъ я, посмотрѣть недолго. Мы сей же часъ туда съѣздимъ. Пойди-ка и вели намъ лошадей готовить, да и самъ приготовь себѣ лошадь, чтобы ѣхать съ нами».

По выходѣ его, слышавшій все сіе сынъ мой, сказалъ мнѣ: «А что, батюшка, чуть-ли Егоръ не дѣло говоритъ, и чтобъ вправду не промѣнять бы намъ ястреба на кукушку, и чрезъ всѣ свои хлопоты, труды и убытки не нажить бы болѣе наклада, нежели барыша, а пред-

лагаемое имъ новое мѣсто и мнѣ видѣть очень хочется». — «За чѣмъ дѣло стало, сказалъ я: поѣдемъ вмѣстѣ и давай скорѣе чай пить».

Между тѣмъ, какъ пили мы подаваемый уже чай, поспѣли и наши лошади, и хоть было въ сей день туманно и холодно, но мы не смотрѣли уже на то, а поѣхали внизъ, къ рѣкѣ, осматривать мѣсто. Ѣздили, ѣздили, измучились и перезябли въ-прахъ, а толку не нашли. Повсюду встрѣчались намъ многія неудобства и невозможности совершенныя къ поселенію. «Нѣтъ, братъ, говорю я, наконецъ, Егору, какъ ты ни хвалилъ это мѣсто, а оно совсѣмъ не годится, и тѣсно, и слишкомъ низко, и мокро, и нездорово: и вамъ здѣсь еще хуже будетъ жить, нежели на горѣ вашей; а чуть-ли намъ не посвататься еще около Ложечнаго и звена тамошняго, и въ натурѣ поѣздить и поискать средства къ сдѣланію трехъ полей, а о выгонѣ что говорить, его можно по нуждѣ и поменьше сдѣлать, да и землю назначить подъ него похуже. Поѣдемъ-ка лучше туда». — «Воля ваша», сказалъ на сіе Егоръ.

Итакъ, заѣхавъ на часокъ домой и пообогрѣвшись, поѣхалъ я опять въ степь, изъѣздилъ все свое звено вдоль и поперекъ, думалъ и гадалъ всячески какъ бы расположить поля, и хотя долго никакъ не клеилось дѣло, но наконецъ нахожу нѣкоторую, хотя далеко несовершенную къ тому удобность; но доволенъ будучи уже и тѣмъ, возвращаюсь домой къ сыну; сказываю ему о томъ и не совсѣмъ еще отстаю отъ прежняго своего намѣренія.

Настаетъ двѣнадцатый и также по многимъ обстоятельствамъ достопамятный и рѣшительный день. Весь онъ былъ у насъ туманный и пасмурный, не только по натурѣ, но и по духу. Уже съ самаго утра начали мы его провождать не очень весело и колебались въ мысляхъ о томъ, продолжать-ли намъ начатое дѣло, или нѣтъ? Чѣмъ далѣе помышляли мы о нашей пересёлкѣ, тѣмъ болѣе находили неудобностей; и почти уже отдумывали въ сей годъ перестроиваться и переходить на новое мѣсто. Но, по крайней мѣрѣ, хотѣлось намъ что-нибудь въ сей свой пріѣздъ сдѣлать, и прорубить хотя сквозь лѣсъ по межѣ просѣку для отдѣленія своей части отъ сосѣдняго общаго лѣса. Предпріявъ сіе намѣреніе, посылаемъ мы извѣстить о томъ всѣхъ сосѣднихъ старостъ, также и къ Язвенцову, какъ къ единому бывшему тогда на лицо владѣльцу, хотя имѣющему всѣхъ прочихъ меньшую часть во владѣніи, дабы они всѣ знали и были сами свидѣтелями, что мы ихъ лѣса трогать не станемъ. Но всѣ сіи господа сказали на-отрѣзъ, что они того не хотятъ, и, вмѣстѣ съ Язвенцовымъ, приходятъ ко мнѣ. Я едва только успѣлъ отобѣдать, и тутъ началось у насъ тотчасъ говореніе, кричаніе и толкованіе. Никогда еще Язвенцовъ не оказалъ своего скверпаго характера такъ много, какъ при семъ случаѣ: былъ самая язва, шильникъ, плутецъ, негодяй, дерябка и самый негодный и пакостный человѣкъ! Кричали, кричали, говорили, говорили, но кончилось тѣмъ, что всѣ они не хотѣли не только допустить меня селиться, но ни же прорубать самую просѣку. И на томъ и разстались съ досадою.

Все сіе ясно доказало тогда мнѣ, что отъ пересёлки наживемъ мы себѣ только множество хлопотъ, досадъ и убытковъ, а пользу очень малую, и дѣйствительно— болѣе наклада, нежели барыша, не только впредь, но и при самомъ началѣ приходилось цѣлаго годоваго дохода лишиться. При таковыхъ неладицахъ взяло меня превеликое раздумье. Уже не оставить-ли весь прожектъ? думаю и говорю я самъ въ себѣ; уже не оставить-ли на прежнемъ мѣстѣ? Думаю и, ходя взадъ и впередъ по горницѣ, помышляю о томъ, какъ бы распространить тутъ свою усадьбу. Замышляя иные дворы переставить и на ихъ мѣсто перенести свой дворъ и хоромцы, говорю и совѣтую о томъ съ сыномъ. Сему того не хочется. Ему полюбилось новоназначенное въ Ложечномъ мѣсто и не хочется съ нимъ разстаться. Говорю о томъ съ стряпчимъ своимъ,

Васильемъ, но и тотъ — ни то, ни сё. Всѣ говорятъ, что намъ поставленную уже тамъ избу назадъ перевозить и начатое дѣло оставить будетъ стыдно. Я самъ чувствую то; досадую самъ на себя, что поспѣшилъ; досадую на всѣхъ, и въ досадѣ своей поогорчилъ даже самого своего сына, и оканчиваю день сей скукою, и рѣшившись хотя ничего вдаль не производить, но поставленную избу тамъ оставить.

Наконецъ, настаетъ тринадцатый и послѣдній день тогдашняго пребыванія нашего въ сей деревнѣ. Отъ разболѣвшагося у меня зуба во всю ночь спалъ я очень дурно. Вставши, посылаю я своего Василья къ Язвенцову, чтобы выслалъ онъ людей рубить просѣку. Василій пошолъ, но ничего не сдѣлалъ. Между тѣмъ пошолъ проливной дождь. Думаю, что дѣлать? Хотѣлъ-было усилиться и насильно прорубить просѣку, но, подумавъ-погадавъ, для избѣжанія ссоры и сіе отдумалъ и положилъ остаться еще до времени при прежнемъ основаніи и обстоятельствахъ. Въ самое сіе время приходитъ ко мнѣ мельникъ съ нѣкоторыми просьбами; но я не соглашаюсь уже самъ ни на что въ удовольствіе Язвенцову.

Рѣшившись помянутымъ образомъ оставить всѣ свои затѣи, и по краткости остававшагося до срока уже немногаго времени, сталъ я поспѣшать дѣлать коекакія прочія хозяйственныя распоряженія, и взявъ прикащика, пошолъ указывать ему — что-и-что ему, по отъѣздѣ моемъ, во дворѣ поправить и перестроить. Потомъ дѣлаю обо всемъ нужныя распоряженія, переписываю скотъ, хлѣбъ и все прочее, перебираю невѣстъ и жениховъ, рѣшу судьбу оныхъ, собираюсь къ отъѣзду и назначаю къ тому послѣдующій день.

Итакъ, препроводивъ въ сей разъ въ деревнѣ сей 13 или 14 дней, и переписавъ по-утру еще кое-что, а особливо отдаточную въ наемъ землю, отправились мы 24 сентября въ обратный путь, не сдѣлавъ въ сей разъ ничего инаго, какъ только узнали всѣ обстоятельствы, купили нѣсколько лѣса на перестройку, насѣяли желудей, велѣли кое-что перестроить и взяли мѣры, что̀ намъ впредь дѣлать. Признаюсь, что таковыя во всемъ неудачи и помѣшательствы, сдѣлавшія все наше тогдашнее пребываніе тщетнымъ и всѣ труды, сопряженные съ пріѣздомъ туда, безполезными, были мнѣ очень прискорбны и чувствительны; но нынѣ, судя о бывшихъ впослѣдствіи времени разныхъ тамъ съ землями нашими происшествіяхъ, перемѣнахъ и обстоятельствахъ, вижу, что самая судьба, или Промыслъ Господень воспрепятствовали намъ произвесть тогдашнее намѣреніе наше въ дѣйство и учинили сіе не ко вреду, а къ существенной пользѣ нашей, и что намъ тогда не роптать на случай и не досадовать на неудачу, а благодарить бы судьбу надлежало, что все такъ, а не инакъ сдѣлалось.

Ну, теперь разскажу я вамъ и объ обратномъ нашемъ путешествіи. Было и оно также, подъ стать ко всему прежнему, сопряжено со многими непріятностями и досадами, и въ самый первый день имѣли мы ихъ уже нѣсколько. Мы выѣхали со двора довольно еще рано и поѣхали уже не на Расказы, а прямо чрезъ степь на Коптево и Кузменки. Утро въ сей день было туманное, а потомъ пошолъ сильный дождь и началъ мочить насъ ужаснымъ образомъ. Самое сіе произвело уже чувствительную непріятность, которая увеличилась еще тѣмъ, что мы, ѣдучи обыкновенными дурными степными дорогами, въ туманѣ какъ-то ошиблись съ настоящей и заѣхали въ сторону, и потому пріѣхали въ Коптево уже не рано, гдѣ пообѣдавъ и выкормивъ лошадей и продолжая свой путь, чуть-было не полетѣли мы въ одномъ мѣстѣ съ превысокаго моста стремглавъ, съ своею каретою. Мостъ сей былъ черезъ одинъ широкій долъ съ водою, предлинный и превысокій, деревянный; и какъ онъ былъ намъ довольно знакомый, то мы, ѣдучи по гладкой и хорошей дорогѣ, почти уже въ сумерки, и разлетѣлись прямо на него и взъѣхали уже до половины онаго, но

тутъ, хвать, онъ сажени на двѣ на самой срединѣ разобранъ и мы чуть-было-чуть не полетѣли стремглавъ въ сію пропасть. Переднія лошади, не болѣе какъ на поларшина, остановились отъ сей прорвы, и для насъ превеликая была коммиссія отдвигать карету и кибитку задами назадъ, ибо, по узкости моста, повернуться имъ никакъ было не можно, и на-силу-на-силу кое-какъ уже отодвинули; и потомъ принуждены были далеко объѣзжать всю сію лощину кругомъ и около, и потому пріѣхали ночевать въ село Знаменское уже ночью.

Избавившись благополучно отъ сей очевидной опасности и переночевавъ въ помянутомъ селѣ, встали мы съ свѣтомъ вдругъ и доѣхали уже скоро до села Кузменокъ, на рѣкѣ Цнѣ и при концѣ славнаго Тамбовскаго вала сидящемъ. Съ сего мѣста поѣхали мы не обыкновенною большою дорогою на Тамбовъ, а поворотили влѣво. Одинъ тамошній помѣщикъ, живущій въ нѣсколькихъ верстахъ отъ сего села и намъ очень знакомый и нами любимый, а именно тотъ самый г. Солнцевъ, племянникъ госпожи Бакуниной, съ которымъ мы часто въ Богородицкѣ видались и были съ нимъ очень дружны, взялъ съ насъ клятвенное обѣщаніе, чтобъ намъ во время путешествія нашего въ Тамбовскую деревню къ нему въ деревню заѣхать и съ нимъ повидаться, и далъ намъ, обѣщавшимъ то, и записку, гдѣ отыскать его селеніе, называемое Барщовкою. И какъ намъ поворачивать надлежало изъ сего села, мы же не знали тутъ дороги, то и принуждены мы были нанять проводника, который насъ и довелъ до онаго. Но что-жъ? Такая бѣда, что и тутъ случись неудача! Мы нашли одну только старушку, мать г. Солнцева, а самъ онъ находился въ то время въ Тамбовѣ. Господи! какая досада! Вѣдали бы, не забивались туда и довольно далеко въ сторону; но, нечего было дѣлать! Потуживъ и погоревавъ, остаемся мы у старушки обѣдать. Она угощаетъ насъ, какъ друзей своего сына, и унимала-было ночевать. Однако, мы не остались, а пользуясь хорошею, бывшею въ тотъ день погодою и взявъ у ней проводника, поѣхали далѣе, пробираясь уже проселочными дорогами и такими мѣстами, которыми мы никогда еще не ѣзжали, прямо на Козловъ. Дорога была изрядная, селенія частыя, положенія мѣстъ ровныя и пріятныя. Мы ѣхали черезъ селенія Іоксаль, Новосильцово, Кунья-Липяги и Дубровку, и въ сей послѣдней обмеркнувъ и ночевали.

Въ послѣдующій за симъ день перемѣнилась погода и сдѣлалось превеликое ненастье и повсюду грязь такая, что мы на-силу доѣхали до Сурѣны и принуждены были кормить лошадей въ селѣ Вечесловѣ. Тутъ случилось намъ пристать у попа, и онъ кормилъ насъ своимъ праздничнымъ и сытымъ обѣдомъ, ибо у нихъ случился тогда годовой праздникъ Ивана Богослова. А послѣ обѣда доѣхали, хотя и рано еще, до Козлова; но, за грязью, остановились тутъ ночевать, и тѣмъ паче, что надобно намъ было перемѣнить лошадей, которыя насъ подвозили, и за другими посылать въ нашу Козловскую деревню Ендовище, и которыхъ мы на-силу дождались, пріѣхавшихъ едва къ свѣту. Грязь ужасная, и дорога сдѣлалась самою скверною и дурною. Отправившись изъ Козлова, не смотря на всю дурноту дороги и продолжавшееся ненастье, поспѣли мы кормить лошадей на Хоботѣ; а какъ оттуда дорога сдѣлалась получше, то доѣхали къ ночи до Ранибурга. Тутъ перепугала-было насъ одна изъ лошадей нашихъ. Вздумала-было такъ занемочь, что мы думали, что она околѣетъ. Надобно же было и тутъ чему-нибудь сдѣлаться! Однако, по счастію, и сей непріятности мы скоро и удачно избавились. Мнѣ какъ-то приди въ голову велѣть ей въ ноздри дунуть табаку: она стала отъ того чихать, и ей тотчасъ полегчѣло, и она оправилась.

Въ слѣдующій за симъ день, по бывшей опять хорошей погодѣ, имѣли мы ѣзду успѣшную, такъ что, покормивъ въ селѣ Остаповѣ лошадей, поспѣли еще засвѣтло ночевать въ Донковъ, не имѣя на

семъ переѣздѣ ни какихъ непріятностей и противныхъ приключеній. Отсюда надѣялись мы въ слѣдующій день поспѣть ночевать уже въ наше волостное село Михайловское. Но не такъ сдѣлалось, какъ мы думали. Натура съ нами не спросилась и положила тому не только непреоборимую преграду, но чуть-было не подвергла въ смертельную опасность. Не успѣли мы изъ Донкова выѣхать, что было еще на разсвѣтѣ, какъ пошолъ сперва маленькій снѣжокъ, который мы ни мало и не уважили, а почитали то обыкновеннымъ зазимьецемъ и дивились еще, что снѣгъ показался намъ такъ рано, и еще 29 сентября. Но снѣгъ нашъ, мало-помалу увеличиваясь, превратился скоро въ порядочную мятель. Не успѣли мы проѣхать Малинки и выбраться на чистую степь къ селу Ивановскому, какъ вдругъ сдѣлалась такая жестокая и многоснѣжная вьюга на жестокомъ морозѣ, каковыя рѣдко посреди самой зимы бываютъ. Словомъ, отъ густоты снѣга за нѣсколько сажень впереди было ничего не видать, а бѣдные наши люди, ѣдущіе совсѣмъ еще въ лѣтнемъ платьѣ и еще въ шляпкахъ и безъ всякихъ шубъ, не знали какъ уже отъ вьюги и куры укрываться и кое-какъ прятали лица и руки свои подъ кафтаны. Что касается до насъ, то намъ въ каретѣ было хотя не такъ холодно, какъ имъ, но видѣть все сіе было крайне непріятно. «Ахти! говорили мы то-и-дѣло съ сыномъ: какая напасть! И какъ быть, если вьюга эта не уймется? Ѣхать намъ еще далеко до Ивановскаго, а мятель дѣлается самая смертоносная». Говоримъ кучеру, чтобъ они какъ-можно поспѣшали. «Спѣшимъ, сударь, и такъ, но мочи нѣтъ терпѣть стужи, околѣли въ-прахъ».—«Какъ-нибудь, ребята, укрывайтесь», говоримъ. Но они отвѣтствуютъ: «и ради бы, но не чѣмъ, а вонъ форрейтеръ едва сидитъ на лошади, того и смотримъ, что свалится; а колеса на-силу вертятся отъ снѣга, нальнувшаго къ нимъ; самый деготь отъ мороза стынетъ».—«Какъ-нибудь, какъ-нибудь, ребятушки, поспѣшайте до Ивановскаго, тамъ обогрѣемся, и авось-либо вьюга и буря поутихнетъ». Но, статочное-ли дѣло: она не только не утихала, но еще часъ-отъ-часу увеличивалась, и наконецъ, такая поднялась и понесла, что и мы уже трухнули. На несчастіе въ самое то время перервись что-то въ упряжѣ и необходимо надобно было остановиться и кучеру сойтить съ козелъ для поправки. «Что такое, что такое? закричали мы: ахти, не испортилось-ли что?» И обмерли и спужались. «Нѣтъ, сударь, отвѣчаетъ намъ едва говорящій отъ стужи кучеръ: не испортилось, а перервалось вотъ бездѣлка; свяжемъ».—«Ну, связывай же, ради Бога, скорѣй», говоримъ.—«И радъ бы скорѣй, отвѣчаетъ онъ, но нельзя, все обмерзло, околенѣло и обледенѣло отъ мороза, а руки почти отморозилъ и не гнутся».—«Экая бѣда! говоримъ мы, но, пожалуйста, поспѣши, мой другъ».—«Спѣшу и такъ, сударь, сколько можно, но эта бѣда еще сносная, а вотъ бѣда будетъ, если къ несчастію, да что-нибудь теперь изломается, или испортится у насъ, тогда хоть ложись, да и умирай».—«Сохрани насъ отъ того Господи», говоримъ. И ради были, что онъ кое-какъ перервавшееся связалъ и опять, сѣвъ на козлы, поѣхалъ. И какъ вьюга и мятель еще больше усиливались, а ѣхать было до села еще далеко, то говорили мы ему, чтобы онъ не жалѣлъ лошадей, а погонялъ и ѣхалъ какъ-можно скорѣе. Мы и подлинно полетѣли, а не ѣхали уже тогда, и въ насъ души не было отъ страха и боязни, чтобъ чего у насъ не испортилось, и чтобъ люди не зазябли и не отморозили у себя ушей, носовъ, рукъ и ногъ. И какой контрастъ былъ между прежнимъ переѣздомъ нашимъ чрезъ сіе обширное поле и теперешнимъ! Тогда ѣхали мы, утѣшаясь красотами натуры, пріятными разговорами и чтеніемъ любопытной книги и въ полномъ удовольствіи душевномъ; а теперь—въ неизобразимомъ смущеніи и ежеминутномъ гореваніи, что ѣхать намъ было еще далеко, и боязни, чтобъ намъ ва степи сей не замерзнуть! Единое утѣшеніе оставалось

намъ то, что видимыя по обѣимъ сторонамъ дороги кошолки указывали намъ путь и не давали сбиться совсѣмъ [съ] дороги. Наконецъ, дошло уже до того, что людямъ нашимъ не въ могуту уже стало становиться, они покрехтывали уже очень-и-очень, а мы удвоили еще свое гореваніе о томъ, что еще намъ ѣхать далеко и, по мнѣнію нашему, не меньше еще верстъ двухъ доставалось. Но какъ обрадовались всѣ мы и въ какой восхитительный восторгъ пришли, когда въ самое сіе наиопаснѣйшее время вдругъ увидѣли предъ собою гумны и первые изгороды села Ивановскаго. Слава, слава Богу! закричали мы, крестились и не вѣрили почти глазамъ своимъ. Тутъ хотя и съ великимъ трудомъ надлежало намъ проѣзжать по занесенному снѣгомъ превеликими сугробами проулку, но сіе куда уже ни шло, пробрались кое-какъ и чрезъ оный, и ну скорѣе къ первому двору, занесенному также сугробами, и бѣжать всѣ въ избу обогрѣваться.

По счастію попалась намъ изба теплая, довольно чистая и просторная. Итакъ, ну, мы скорѣе отпрегать лошадей, прятать ихъ отъ мятели подъ сарай, а сами варить себѣ чай и отпиваться онымъ, а между тѣмъ готовить себѣ обѣдъ. Пріѣхали мы туда, хотя еще до полудня; но какъ мятель и вьюга не только не унималась, но еще увеличивалась, то о дальнѣйшемъ продолженіи въ тотъ день пути и помыслить было не можно, и хозяинъ хоть радъ и не радъ намъ былъ, но мы, безъ дальнихъ околичностей, сказали ему, что мы пробудемъ у него весь тотъ день и ночуемъ. Онъ сталъ-было намъ говорить, что у нихъ въ это время годовой праздникъ, и не помѣшаютъ-ли намъ приходящіе къ нему, по обыкновенію, гости, но мы тотчасъ успокоили его, сказавъ, что мы ни мало не помѣшаемъ ему угощать своихъ гостей, а довольны будемъ, если только удѣлитъ онъ намъ уголокъ въ переднемъ углу, предъ окошечкомъ; гдѣ и подлинно усѣвшись, препроводили мы весь тотъ день въ читаніи книжекъ, давъ ему волю глупыми угощеніями своими приходящихъ къ нему гостей по своей волѣ заниматься; на что смотрѣли и сами мы, какъ на невиданное еще никогда зрѣлище, съ особливымъ любопытствомъ, и не могли странности обычаевъ ихъ, принужденности въ обрядахъ и глупымъ ихъ этикетамъ и угощеніямъ довольно надивиться. Все оно состояло наиболѣе въ единомъ подчиваніи ихъ брагою и пирогами, и глупые обряды ихъ при томъ ажно намъ прискучили и надоѣли. Однако, какъ ни мѣшали они намъ тѣмъ въ нашемъ чтеніи, но мы, скрѣпя сердце, сидѣли уже молча и давали имъ волю дурачиться сколько хотѣли.

Переночевавъ тутъ и проспавъ ночь уже не въ каретѣ, а въ теплѣ, обрадовались мы, увидѣвъ по-утру, что мятель наша утихла и небо прояснилось. Но нанесенное повсюду великое множество снѣга, и видимые вездѣ страшные сугробы онаго, озаботили насъ чрезвычайно. Мы не знали, какъ намъ будетъ ѣхать на колесахъ, и боялись, чтобъ гдѣ-нибудь въ сугробахъ не обвязнуть. Но какъ перемѣнить было не чѣмъ, то погоревавъ, потащились мы кое-какъ, и хотя съ неописаннымъ трудомъ, но благополучно дотащились до своего волостнаго села Михайловскаго, и гораздо уже за-полдни, ибо поспѣшить ѣздою никакъ было не можно. Тутъ покуда намъ грѣли чай и готовили обѣдъ, постарались мужички наши снабдить насъ свѣжими лошадками, поелику наши слишкомъ уже умаились. Но покуда ихъ собирали и мы обѣдали, прошло болѣе двухъ часовъ времени, и намъ, какъ ни хотѣлось-было поспѣть въ тотъ же день въ Богородицкъ, но того, за множествомъ вездѣ нападшаго снѣга и крайне тяжелой дороги, никоимъ образомъ учинить было не можно, и мы едва-едва успѣли только доѣхать до деревушки Крутой, гдѣ и принуждены были остаться ночевать.

Теперь скажу я нѣчто странное и удивительное, что, какъ ѣдучи въ Тамбовъ, въ сей деревушкѣ при спускѣ съ крутой горы на мостъ, случилось съ нами пер-

вое несгодье, имѣвшее вліяніе на всю нашу дорогу и причинившее намъ много хлопотъ, досадъ и остановокъ, такъ надобно же было случиться и при теперешнемъ переѣздѣ черезъ самый тотъ же оврагъ и на самомъ томъ же мѣстѣ опять съ нами небольшому хотя, но такому несгодью, которое и понынѣ еще мнѣ чувствительно, и было уже самое послѣднее во всю нашу дорогу. Тогда лошади начали бить и понесли кибитку нашу съ горы и опрокинувъ ее изковеркали и колесо повредили, а въ сей разъ, при самомъ въѣздѣ на ту же самую гору, и карета и лошади такъ въ множествѣ нанесеннаго снѣга увязли, что начавши бить и валяться, чуть-было карету съ нами не опрокинули, и мы безъ памяти принуждены были изъ ней по поясъ въ сугробъ выскочить; а для вытаскиванія кареты и лошадей согнать всѣхъ людей въ деревнѣ.

Но сіе было еще не все, и дальнаго уваженія не стоило, а досаднѣе мнѣ и чувствительнѣе всего было то, что я, при семъ выпрыгиваніи изъ кареты, потерялъ четвертую и послѣднюю часть одной прелюбопытной французской книжки, которую я тогда дорогою читалъ, и переѣздъ сей остановилъ меня на самомъ любопытнѣйшемъ мѣстѣ. Прахъ ее знаетъ, какъ она тогда, при выхожденіи нашемъ изъ кареты, выронилась и въ снѣгу такъ затопталась, что сколько мы ни перерывали тогда и послѣ весь снѣгъ, и сколько ни искали, но не могли ее найтить, и книжка сія и теперь у меня безъ конца и недочитанная; а къ вящей досадѣ, не могъ я ее и у другихъ нигдѣ полную найтить.

Переночевавши тутъ, доѣхали мы на утріе уже рано до Богородицка и тѣмъ окончили сіе, толь многими непріятностями и противностями преисполненное, путешествіе. А съ нимъ окончу я и письмо мое, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Ноября 21 дня 1812 года. Двореннново).

55 ГОДЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Письмо 283.

Любезный пріятель! Какъ мы въ послѣдній день путешествія своего ночевали только за 18 верстъ отъ Богородицка, то, вставши до-свѣта и не смотря на всю дурноту дороги, успѣли мы пріѣхать къ роднымъ своимъ еще къ чаю. Тутъ едва лишь успѣлъ съ ними поздоровкаться, какъ и принужденъ былъ въ ту же минуту спѣшить одѣваться и иттить во дворецъ. Сказали мнѣ, что у насъ находился тогда нашъ директоръ, пріѣзжавшій для переоброчки земли, и что, кончивъ свое дѣло, собрался въ самый тотъ часъ уже къ своему отъѣзду. Итакъ, надобно было спѣшить, чтобъ его застать, къ нему явиться и поблагодарить его за отпускъ.

Г. Юницкой принимаетъ меня хорошо, ласковъ, дружелюбенъ, доволенъ скорымъ моимъ возвращеніемъ и говоритъ со мною обо всемъ и обо всемъ. Я нашолъ у него многихъ господъ пріѣзжихъ дворянъ: Толбузина, Шушерина съ сыномъ, Кокошкина и всѣхъ нашихъ городскихъ, и всѣ мы провожаемъ г. Юницкаго, въ тотъ же часъ отъ насъ поѣхавшаго. По отъѣздѣ его, всѣ господа зашли ко мнѣ, гдѣ нахожу я и г. Жданова. Всѣ мнѣ ради, всѣ довольны и веселы, а болѣе всѣхъ мои домашніе родные, которые почти меня еще не видали. Пошли спросы и распросы о нашемъ путешествіи и сожалѣнія о томъ, что захватила насъ такая стужа и непогода. Я разсказываю имъ о нуждѣ, нами претерпѣнной, и всѣ принимаютъ въ чувствованіяхъ нашихъ соучастіе; но скоро всѣ посторонніе гости отъ насъ разъѣхались и остался только мой зять, съ княземъ Кропоткинымъ, и г. Ждановъ. Привозятъ ко мнѣ отъ лѣкаря цѣлую кучу газетъ, полученныхъ въ мое отсутствіе. Я начинаю ихъ читать, слышу и узнаю множество новыхъ вѣстей, провожу день сей съ удовольствіемъ.

На утріе, проводивъ отъ себя своего зятя съ родственникомъ его, княземъ

Кропоткинымъ и оставшись одинъ съ своими домашними и г. Ждановымъ, который былъ у насъ почти безвыходно, и оставивъ его заниматься съ моимъ сыномъ дружескими ихъ между собою разговорами, принялся я вплотную читать всѣ газеты, и на-силу ихъ всѣ промололъ. Не успѣлъ я сіе кончить, какъ отдаютъ мнѣ домашніе мои пакетъ, полученный безъ меня, и вскорѣ послѣ нашего отъѣзда изъ Экономическаго Общества. Родные мои въ суетахъ и позабыли-было объ немъ и тогда только вспомнили. Я любопытенъ былъ видѣть, что пишетъ ко мнѣ г. Нартовъ. Но нашолъ опять все его письмо, наполненное новыми требованіями и вновь налагаемыми на меня коммиссіями, и коммиссіями пустыми и для меня отяготительными и къ выполненію неудобными. Почему и не произвело оно мнѣ никакого удовольствія, а возобновило только прежнюю мою на Общество досаду. Дались ему проклятыя окаменѣлости и дѣтскія сіи игрушки! И оно не переставало мнѣ отдуху не давать оными, хотя я уже нѣсколько разъ писалъ, что ихъ у насъ нѣтъ, и что взять ихъ мнѣ негдѣ.

. . . .

Изъ всѣхъ писемъ, сколько ни получалъ я ихъ изъ Экономическаго Общества, ни которымъ я такъ мало доволенъ не былъ, какъ симъ. Требованія его выходили уже изъ предѣловъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ дѣлались отяготительнѣйшими. Не довольно еще того, чтобъ присылать отъ себя пустые вздоры и за ними хлопотать и мучиться, но восхотѣлось еще имъ, чтобъ я верстъ за двѣсти или болѣе ѣхалъ нарочно, и тамъ искалъ ихъ деревни Червичной, ѣздилъ по мужикамъ, распрашивалъ, выбиралъ, ходилъ, самъ искалъ, жилъ бы для сего нѣсколько дней и, набравъ всякаго вздора возъ, нанималъ бы повсюду и отправлялъ къ нимъ, а все сіе на что и для какой пользы?.... Богу было извѣстно! Истинно они сами не знали, чего хотѣли и чего требовали, и были даже безстыдны въ своихъ требованіяхъ, и всего паче противъ меня. Относительно до меня могли бы они довольно быть и однимъ тѣмъ, что я къ нимъ писалъ и посылалъ свои сочиненія, а отъ такихъ вздоровъ хотя бы пожаловали они меня и освободили. Довольно было и безъ меня другихъ господъ членовъ, недѣлающихъ ничего и могущихъ на досугѣ пересылать къ нимъ такой вздоръ и забавлять ихъ тѣмъ, какъ малыхъ ребятокъ. Словомъ, я долженъ признаться, что сія вновь налагаемая на меня коммиссія была мнѣ не только непріятна, но я взиралъ на сіе съ справедливымъ негодованіемъ, и всего меньше на умѣ имѣлъ когда-нибудь ее исполнить, и тѣмъ паче, что мнѣ дѣйствительно мѣсто сіе было неизвѣстно, а я не могъ нигдѣ найтить рѣчки и деревни Черничной на ландкартахъ, прославившейся нынѣ и недавно толь много одержанною надъ французами тутъ побѣдою.

Со всѣмъ тѣмъ, какъ и прямо отказаться отъ оной было неловко, а надобно было соблюсти какую-нибудь благопристойность, то разсудилъ я поспѣшить къ нимъ на сіе письмо отвѣтствовать, и въономъ изъяснить только неудобность къ сему исполненію и совершенную невозможность къ совершенію того тогдашнею же еще осенью, какъ того препочтенному Обществу хотѣлось, и что было уже слишкомъ жарко. Итакъ, написалъ я къ нимъ письмо и далъ онымъ учтивымъ образомъ знать, чтобъ они на меня въ семъ дѣлѣ не много надѣялись.

. . . .

Между тѣмъ, какъ я писаніемъ сего письма занимался, наступилъ у насъ день имянинъ сына моего. Мы не преминули его попраздновать, и кой-кто изъ друзей, посѣтившихъ насъ въ сей день, помогли намъ препроводить его весело, и ввечеру, по своей вѣрѣ, и потанцовали. Наступившій же за симъ 5 день октября сдѣлался достопамятнымъ тѣмъ, что въ оный начала-было судьбы дочери моей Настасьи рѣшиться. Воспослѣдовало въ оный съ стороны г. Жданова первое предложеніе о принятіи его въ наше семейство. Посредникомъ къ тому употреб-

лень былъ нашъ лѣкарь. Онъ пріѣхалъ нарочно за тѣмъ ко мнѣ, и началъ-было вслухъ и при всѣхъ, бывшихъ тогда и многихъ еще у насъ гостяхъ, говорить свою аллегорію. Какъ мы сего уже нѣкоторымъ образомъ ожидали, то я догадался тотчасъ за чѣмъ прилетѣлъ ко мнѣ лѣкарь, и не успѣлъ онъ начать свою аллегорію, какъ затрепетало у меня сердце, и я едва-едва успѣлъ уйтить изъ комнаты, для прерванія его разговора, и дать ему знакъ, чтобъ онъ при людяхъ ничего не болталъ. Послѣ чего переговорили мы съ нимъ наединѣ въ моемъ кабинетѣ, однако, ничего еще точнаго не положили и не сдѣлали, а дѣло, такъ сказать, только-что наклюнулось. Всѣ гости мои послѣ обѣда разъѣхались, а вмѣстѣ съ ними сошелъ и весь снѣгъ нашъ и сдѣлалась опять осень. Никто изъ гостей сихъ такъ пріятенъ намъ не былъ, какъ г. Солнцевъ, самый тотъ, къ которому въ домъ мы заѣзжали. Онъ, не зная ничего о томъ, проѣхалъ тогда изъ Тамбова прямо къ теткѣ своей, госпожѣ Бакуниной, и какихъ сожалѣній ни изъявлялъ онъ, услышавъ отъ насъ, что мы у него въ домѣ были и его не застали, и сколько разговоровъ было у насъ съ нимъ о всякой всячинѣ! Съ г. Ждановымъ мы ничего хотя не говорили, однако, давали знать, что предложеніе его намъ непротивно.

Послѣдующій за симъ и послѣдній моего 54 года день прошелъ у насъ тихо и смирно. Мы проводили все утро одни и въ разныхъ упражненіяхъ, и я переписывалъ выше сообщенное письмо къ Нартову. Г. Ждановъ у насъ въ сей день не обѣдалъ, а былъ у лѣкаря и добивался въ разсужденіи начатаго дѣла толка, но не могъ получить никакого, такъ какъ и слѣдовало, ибо я сказалъ только лѣкарю, что я поговорю и посовѣтую о томъ напередъ съ своими родными. Сіе принудило г. Жданова, по пріѣздѣ его къ намъ, ввечеру начать говорить о томъ съ моимъ сыномъ; но и сей не могъ ему сказать ничего еще рѣшительнаго, и далъ слово спросить о томъ у насъ и поговорить съ нами; что онъ и не преминулъ учинить. Въ самое то время заѣхалъ къ намъ гость, другъ нашъ Яковъ Кузьмичъ Кузьминъ и помѣшалъ имъ говорить.

На утріе совершилось мнѣ 54 года отъ рожденія и начался 55 годъ моей жизни. Мы праздновали его болѣе духовно, нежели наружно. По-утру былъ у насъ молебенъ, а тамъ ѣздилъ я къ обѣднѣ и принесъ Богу моему за всѣ прожитые дни благодареніе. Обѣдали у насъ только г. Ждановъ и Кузьминъ. Относительно до перваго былъ у насъ въ сей день общій фамильный совѣтъ. И какъ всѣ члены нашего семейства были согласны, да и сама невѣста не отговаривалась, то чрезъ Павла и объявили мы г. Жданову общее наше на принятіе его въ наше семейство согласіе, и чрезъ то Настасью свою, такъ-сказать, помолвили. Послѣ чего онъ, пробывъ у насъ дни два еще, и погналъ въ свою деревню дѣлать къ замышляемой женитьбѣ свои пріуготовленія. Все сіе происходило, однако, безъ огласки и не публично, а нѣкоторымъ образомъ еще втайнѣ, поелику публичнаго и обыкновеннаго сговора еще не было.

Послѣ сего, едва только прошло три дня и я только-что началъ сочинять одну піэсу, для отсылки въ Экономическое Общество, по требованію онаго и по моему обѣщанію, какъ, гляжу-смотрю, несутъ ко мнѣ съ почты опять уже и не только одно, но цѣлыхъ два письма, и съ двумя еще посылками изъ Экономическаго Общества. Я удивился тому чрезвычайно и не зналъ, что это значило. Но прочитавъ оба письма, увидѣлъ, что содержали они въ себѣ новыя задирки и прислуги Общества, для задобренія меня и преклоненія какъ-можно къ дальнѣйшей съ нимъ перепискѣ. Одна посылка состояла въ кускѣ симферопольской суконовальяльной земли, а другая въ ящикѣ съ вазиною (sic) рожью. Обѣ онѣ посланы не вдругъ, но мною получены въ одно время.

. . . .

Письмо сіе было хотя отъ г. Нартова, но писано не его собственною рукою. Оно было для меня не противно. Ворсяную щотку завесть, действительно, имѣлъ я давно уже желаніе; а потому обѣщаніе сѣменъ было для меня пріятно. Что-жъ касается до сукноваляльной земли, то присланный кусокъ былъ небольшой. Я разсматривалъ его съ особливымъ любопытствомъ и оный мнѣ показался совсѣмъ отмѣннымъ отъ нашей синей глины. Возлагаемую коммиссію, чтобы ее сравнять съ своею и испытать, я вознамѣрился исполнить, а не менѣе положилъ и своей послать скорѣе нѣсколько, для разсмотрѣнія Обществу, чего ради велѣлъ тотчасъ принесть къ себѣ своей и вырѣзалъ для сего кирпичикъ изъ оной. Что-жъ касается до втораго письма, то было оно написано самимъ г. Нартовымъ.

. . . .

Присылка помянутой вазиной (sic) ржи была мнѣ также не противна. Я охотно вознамѣривался предпріять съ нею опытъ и жалѣлъ, что прислана она была ко мнѣ поздно, однако, не утерпѣлъ, чтобъ немного ее на опытъ и тогда же не посѣять.

Впрочемъ, какъ надобно было о полученіи сихъ посылокъ и писемъ увѣдомить и на сіе отвѣтствовать, то спѣшилъ я окончить начатое сочиненіе о плодородіи тогдашнаго года въ тамошнихъ мѣстахъ, и оное удалось мнѣ нарочито хорошо и любопытно; и какъ я писалъ такъ, чтобъ могло оно и напечатано быть, то и вышло оно нарочито велико. Я украсилъ извѣстіе о урожаѣ возможнѣйшими примѣчаніями и ласкался надеждою, что будетъ оно Экономическому Обществу не противно, да и мнѣ не послужитъ къ безчестью. По крайней мѣрѣ, старался я замѣнить обстоятельнымъ всего описаніемъ сколько-нибудь долговременное мое молчаніе.

Переписавъ оное на-бѣло, присовокупилъ я къ оному и пространное письмо, въ которомъ, извѣстивъ о полученіи писемъ и посылокъ, благодарилъ я Общество за одолженіе и потомъ увѣдомлялъ о начатомъ пробованіи вазиной ржи и о посылкѣ своего сочиненія. Далѣе, какъ я послалъ съ онымъ небольшой кусокъ своей синей глины, то упомянулъ и объ оной. Но сего было еще не довольно. Но поступалъ далѣе и вздумалъ еще спросить у г. Нартова, угодно-ли будетъ Обществу, если я впредь, между прочимъ, сообщать буду извѣстія о своихъ опытахъ, дѣланныхъ электризованьемъ. А наконецъ благодарилъ Общество за сообщеніе извѣстія о форситовой мазѣ. Тѣмъ кончилъ и отправилъ.

. . . .

Къ учиненію находящагося въ семъ письмѣ запроса и изъявленія желанія писать о электрицизмѣ побудило меня то, что къ писанію о семъ и къ сдѣланію всѣхъ моихъ многочисленныхъ опытовъ всему отечеству извѣстными, имѣлъ я уже давно охоту, и еслибъ продолжалось до сего времени издаваніе моего «Экономическаго Магазина», то давно-бъ и знала о томъ уже вся публика. Но какъ сей наиудобнѣйшій путь къ сообщенію всего мнѣ извѣстнаго публикѣ былъ уже пресѣченъ, то до сего времени не зналъ я чѣмъ рѣшиться: особливую-ли книгу о томъ написать и напечатать на своемъ коштѣ (публиковать), или увѣдомить о томъ публику чрезъ Экономическое Общество? Первое казалось прибыточнѣйшимъ, но не столь громкимъ, а притомъ, и продолжительнѣйшимъ средствомъ; ибо въ семъ случаѣ надлежало самому мнѣ въ Москвѣ быть и пріискивать кому печатать и продавать, а второе хотя не столько прибыточнымъ, сколько еще убыточнымъ; но мнилось мнѣ, что я въ семъ случаѣ могу имѣть удовольствіе видѣть скорѣе все сочиненное мною о томъ безъ всякой моей заботы напечатаннымъ, а сверхъ того, можно было ласкаться полученіемъ отъ того особливой чести и славы; а по самому тому и рѣшился я мнимымъ прибыткомъ пожертвовать пользѣ отечества и избрать къ тому сей путь. Но если-бъ могъ я тогда предвидѣть, какое теченіе воспріиметъ сіе дѣло,

то вѣрно-бъ отъ сего предпріятія тогда повоздержался.

Между тѣмъ, какъ я перепискою посылаемаго при семъ письмѣ моего сочиненія, да и писаніемъ самаго онаго занимался, наступилъ день моихъ имянинъ. Мы и въ сей годъ, по обыкновенію своему, отпраздновали оныя какъ водится. Весь домъ у меня наполненъ былъ гостями, былъ обѣдъ большой, а ввечеру музыка, танцы и ужинъ; но нельзя сказать, чтобъ было намъ слишкомъ весело. Много мѣшала тому и бывшая у насъ около сего времени жестокая и нестерпимая почти стужа и возстановившаяся зима вновь, но которая и опять недолго продолжалась; но къ годовому тутошнему празднику, наставшему вскорѣ послѣ моихъ имянинъ, сдѣлалась у насъ опять оттепель и осень. Праздникъ сей, продолжавшійся нѣсколько дней сряду, провели мы также въ безпрерывныхъ пиршествахъ. Въ первый день былъ у меня съѣздъ и гости, а въ послѣдующіе у обоихъ моихъ секретарей Варсобина и Щедилова, имѣвшихъ обыкновеніе всякій годъ дѣлать у себя въ сіе время большіе обѣды и сзывать къ себѣ всѣхъ городскихъ нашихъ; а чрезъ нѣсколько дней послѣ того, совершилось и дочери моей Настасьѣ и тогдашней въ тайнѣ помолвленной невѣстѣ—19 лѣтъ отъ ея рожденія, и сей случай подалъ опять поводъ къ небольшой у насъ пирушкѣ. Женихъ ея находился тогда все еще въ своей деревнѣ; однако, мы съ нимъ переписывались, и дѣло наше по-немногу продолжалось и шло, какъ казалось, своимъ чередомъ; но нельзя сказать, чтобъ не было при томъ и нѣкоторыхъ неудовольствій. Однажды, при прочитываніи писанныхъ нами къ нему писемъ, примѣчено и услышано было мною нѣчто досадное и неожидаемое: нашлись люди, и такіе, о которыхъ я всего меньше думалъ, которые, ничего еще не видавъ, а Настасьиной судьбѣ уже завидовали и начинали глупо мѣшать сему дѣлу; что меня очень трогало и огорчало. Къ сей непріятности присовокупилось и то, что сынъ мой опять около сего времени позанемогъ и жаловался очень на грудь и кашель. Маленькій же мальчишка, живущій у насъ внукъ мой, такъ-было прихворнулъ, что чуть-было не умеръ.

Между тѣмъ, разохотившись писать въ Общество, не сталъ я послѣ отправленія моего письма долго медлить; но, между прочихъ дѣлъ, приступилъ къ сочиненію еще какой-нибудь піэсы, для отправленія въ Общество. Матерій, приличныхъ къ тому, замѣчено было у меня уже довольно; но изъ многихъ избралъ я въ сей разъ относящуюся до оградъ всякаго рода. Главная цѣль при сочиненіи семъ была у меня та, чтобъ сообщить публикѣ то, что мнѣ въ разсужденіи копанія и дѣланія рвовъ узнать и примѣтить случилось. Однако, какъ я сіе сочиненіе началъ, то вздумалось мнѣ говорить и о всѣхъ уже городьбахъ вообще и матерію сію пройтить сначала до конца; и отъ сего и сдѣлалась она столь пространною, что скоро увидѣлъ я необходимость къ раздѣленію ея на три части, и раздѣлить на столько же піэсъ и въ сей разъ говорить только объ однихъ городьбахъ, дѣлаемыхъ изъ крупнаго лѣса. Какъ положилъ, такъ и сдѣлалъ, и піэса вышла нарочито великовата. Я трудился надъ оною цѣлыхъ три дни въ концѣ сего мѣсяца, но за то и вышла она болѣе полезною и любопытною, нежели я самъ думалъ и ожидалъ; а сверхъ того, имѣлъ я при сочиненіи семъ то удовольствіе, что иногда нужныя вещи при самомъ писаніи выдумывались и служили поводомъ къ новымъ открытіямъ, и для лучшаго объясненія нѣкоторыхъ вещей прожектировалъ я и рисунокъ.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило, дожидалось меня и другое дѣло. Желаніе Общества, чтобъ я свою синюю глину сравнивалъ съ присланною ко мнѣ симферопольскою и, что окажется, донесъ,—и обѣщаніе мое сіе учинить не выходило у меня изъ ума. Почему не успѣлъ я помянутаго сочиненія кончить, какъ приступилъ къ сему изслѣдованію,

испытанію и сравненію и препроводилъ въ томъ съ удовольствіемъ оба послѣдніе дни октября мѣсяца. И какъ при семъ случаѣ все примѣчаемое и оказывающееся надлежало мнѣ записывать, то записокъ сихъ набралось такъ много, что могла составиться изъ нихъ порядочная и довольно любопытная піэса, почему и не преминулъ я перелить ее въ сію форму. Такимъ образомъ, въ самое короткое время родились у меня двѣ новыя піэсы, и я не мало доволенъ былъ, что было у меня чѣмъ занять по крайней мѣрѣ на нѣсколько время Общество и примирить оное съ собою въ разсужденіи неудовольствія, которое можетъ быть имѣло оно на меня за то, что я молчалъ такъ долгое время.

Какъ скоро всѣ дѣланные мною съ глиною опыты кончились, то не сталъ я долго медлить, но въ началѣ ноября, переписавъ на-бѣло описаніе симъ опытамъ подъ заглавіемъ: «Изслѣдованіе богородицкой синей глины», отправилъ оное въ Петербургъ по почтѣ, при письмѣ къ г. Нартову.

. . . .

Посланное при семъ письмѣ сочиненіе было нарочито велико, и я съ нуждою уписалъ оное на 27 страницахъ, и оное содержало въ себѣ описаніе 25 опытовъ. Я хотѣлъ-было послать съ симъ письмомъ и еще нѣсколько кусковъ своей глины, также и самыхъ суконъ, мытыхъ ею, на показъ, однако, раздумалъ и положилъ напередъ дождаться, что они тамъ о сей глинѣ скажутъ. Между тѣмъ, сіе упражненіе съ глинами заохотило меня такъ къ нимъ, что я дѣйствительно набралъ уже родовъ 14 разныхъ камней, мергелей и глинъ, и всѣ ихъ обдѣлалъ порядочными брусками и положилъ и впредь собирать всевозможнѣйшіе роды, и не только собирать, но и дѣлать инымъ возможнѣйшія испытанія и все узнаваемое записывать,—словомъ, чтобъ заниматься симъ дѣломъ не слѣпо, а съ любопытной стороны. А дабы мнѣ удобнѣе было обдѣлывать ихъ кирпичиками, то вздумалъ велѣть сдѣлать для нихъ маленькій станочикъ, въ который бы ихъ въ одну мѣру набивать было можно. Самой синей глины, для всякаго случая, велѣлъ я привезти къ себѣ цѣлый возъ, и весь оный перебить въ станокъ, для удобнѣйшаго сохраненія. Словомъ, я занялся глинами сими столько, сколько никогда не занимался.

Въ сихъ упражненіяхъ не успѣлъ я препроводить трехъ дней, какъ, противъ всякаго чаянія и ожиданія, получилъ опять изъ Петербурга отъ г. Нартова письмо. Оно было маленькое и отвѣтное на мое изъ прежнихъ, но письмо достопамятное и произведшее во мнѣ не только досаду и удивленіе, но и превеликую перемѣну опять въ моихъ расположеніяхъ и чувствованіяхъ къ Обществу. Оно было самое холодное, и его превосходительству вздумалось еще гнѣваться на меня за то, для чего отважился я ему сказать, что мнѣ препоручаемую коммиссію Обществомъ или, прямѣе сказать, имъ самимъ, съ такою скоростью и поспѣшностью выполнить не было никакой возможности, съ какою имъ хотѣлось, а именно, скакать верстъ за двѣсти, или за триста въ калужское намѣстничество за сущими дѣтскими игрушками. Меня сіе такъ удивило, что при читаніи письма сего вся кровь моя взволновалась. Содержались въ немъ политическіе упреки и такія выраженія, которыя, безъ чувствительности, читать было не можно; чего я всего меньше заслуживалъ. Писалъ я къ нему учтиво, не говорилъ ничего о своемъ нехотѣніи, а изъяснялся только о неудобности, а его превосходительство принять изволилъ сіе съ неудовольствіемъ и писалъ ко мнѣ такъ, какъ бы и совсѣмъ хотя перервать переписку со мною.

. . . .

Каково ни досадно было для меня сіе письмо и сколь много оно ни уменьшило во мнѣ возобновившейся-было охоты къ перепискѣ съ Обществомъ, однако, я радъ былъ, по крайней мѣрѣ, тому, что наконецъ достигъ до давнишнаго моего желанія, и что мнѣ удалось отъучить

ихъ отъ того, чтобъ отягощать меня коммиссіями, соединенными съ пересылкою тяжелыхъ вещей. Говорится въ пословицѣ: «первая брань лучше послѣдней», итакъ думалъ я, что пускай хотя и посердятся, но я останусь съ покоемъ и заставлю ихъ быть и тѣмъ однимъ довольными, что я тружусь, сочиняю и имъ доставляю кое-что печатать. Со всѣмъ тѣмъ, какъ мнѣ такой отзывъ былъ чувствителенъ, то вознамѣрился я не спѣшить на письмо сіе отвѣтомъ, а взять терпѣніе и подождать, чтó произведутъ оба послѣднія мои письма, изъ коихъ о послѣднемъ сожалѣлъ я, что послалъ и писалъ въ немъ о электрицизмѣ. Нужно-бъ только дни три подождать еще, и тогда бы я поговорилъ съ ними совсѣмъ другимъ голосомъ, или, по крайней мѣрѣ, умолчалъ бы о моемъ намѣреніи и обѣщаніи переслать къ нимъ свою глину.

Письмо сіе получилъ я, находясь у зятя моего въ Ламкахъ, куда ѣздили мы праздновать вмѣстѣ его годовой праздникъ, и который какъ по самому сему, такъ и по тому былъ мнѣ не очень веселъ, что, кромѣ сего, имѣлъ я и другія неудовольствія, какъ напримѣръ: въ полученныхъ въ это время газетахъ вѣсти были все непріятныя; отъ г. Жданова не получили съ сею почтою обыкновенныхъ писемъ и увѣдомленій и не знали, чтó о томъ подумать; наконецъ, узнали о потерѣ одного изъ нашихъ друзей и коротkихъ знакомцевъ, и именно Ивана Тимоѳеевича Алабина, сына любимой нами старушки, госпожи Алабиной. Злая горячка похитила его около сего времени изъ среды живыхъ, въ самомъ еще цвѣтущемъ возрастѣ его жизни. Былъ онъ малый умный и добрый нашъ собесѣдникъ и сотоварищъ; и какъ за хорошее поведеніе его мы онаго всѣ искренно любили, то и жалѣли объ немъ очень. Но сего было еще не довольно. Но не успѣлъ я, возвратясь въ Богородицкъ, препроводить дней четырехъ въ обыкновенныхъ своихъ упражненіяхъ, какъ повстрѣчалась со мною новая и чувствительнѣйшая еще досада и непріятность. Произошло въ домѣ у меня нѣчто такое, чтó произвело во всемъ ономъ нѣкоторый родъ революціи, а мнѣ великое безпокойство. Дѣло было вотъ какого рода.

Былъ у меня въ домѣ столяръ Кузьма Трофимовичъ, человѣкъ по рукомеслу его очень нужный и надобный, но пьяница прегорькій. Какъ ни старался я воздержать его отъ сей проклятой страсти, но ничто не помогало, но зло сдѣлалось еще пуще. Къ пьянству присовокупилось еще и воровство. Ибо какъ пропивать было нечего, то принялся онъ красть и все относить на кабакъ. Уже во многихъ воровствахъ былъ онъ подозрѣваемъ, уже пропилъ онъ весь свой инструментъ, уже обворовалъ онъ всѣхъ моихъ дворовыхъ людей, уже вся родня на него вопіяла, а наконецъ, дошло до того, что начала съ скотскаго двора пропадать скотина. Не одинъ разъ я уже его сѣкалъ, не одинъ разъ сажалъ въ рогатки и въ цѣпь, но ничего тѣмъ не успѣлъ. Словомъ, дошло до того, что я не зналъ, чтó мнѣ съ нимъ дѣлать; ибо жалѣлъ его только для дѣтей его. Одинъ изъ нихъ былъ моимъ камердинеромъ, грамотный, умный и мнѣ усердный малый, и лучшимъ моимъ человѣкомъ—самый тотъ, о которомъ при описаніи моего послѣдняго путешествія упоминалъ я подъ именемъ Фильки и который всюду ѣжжалъ со мною. Другой, по имени Тимоѳей, служилъ при моемъ сынѣ, былъ сущій гайдукъ и малый ловкій и проворный; а третій, по имени Сергѣй, былъ въ музыкѣ моей первымъ флейтраверсистомъ, но обоихъ тѣхъ меньше и также малый неглупый и ко всему способный. Всѣ сіи дѣти казались съ-молоду очень хороши; но какъ оба первые повозмужали, то, къ сожалѣнію моему, оказалась и въ нихъ такая-жъ склонность къ питью; а притомъ еще замѣчено злобнѣйшее сердце. И сіи-то молодцы подали мнѣ поводъ къ помянутой досадѣ и безпокойству. Такъ случилось, что, за нѣсколько предъ тѣмъ дней, надобно мнѣ было отца ихъ опять унимать отъ пьянства и добиваться о послѣдней пропажѣ

въ домѣ и до того, откуда беретъ онъ деньги на пропой? Посѣкши его немного, посадилъ я его въ цѣпь, въ намѣреніи дать ему посидѣть въ ней нѣсколько дней и потомъ повторять сѣченіе понемногу нѣсколько разъ, дабы было оно ему тѣмъ чувствительнѣе, а для меня менѣе опасно; ибо я никогда не любилъ драться слишкомъ много, а по нраву своему, охотно бы хотѣлъ никогда и руки ни на кого не поднимать, если-бъ то было возможно; и потому, если кого и сѣкалъ, будучи приневоленъ къ тому самою необходимостью, то сѣкалъ очень умѣренно и отнюдь не тираническимъ образомъ, какъ другіе. Большой сынъ его былъ самъ при первомъ сѣченіи и казался еще одобрявшимъ оное и бранящимъ за пьянство отца своего. Можетъ быть, думалъ онъ, что тѣмъ тогда и кончится. Но какъ чрезъ нѣсколько дней привели его опять ко мнѣ по случаю, и мнѣ вздумалось еще его постращать,—какъ вдругъ оба сынка его скинули съ себя маску и, сдѣлавшись сущими извергами, не только стали оказывать мнѣ грубости, но даже дошли до такого безумія, что одинъ кричалъ, что онъ схватитъ ножъ и у меня проспоритъ брюхо, а тамъ и себя по горлу; а другой, и дѣйствительно, схватя ножъ, хотѣлъ будто бы зарѣзаться. По всему видимому, такъ поступать научены они были отъ своего родимаго батюшки, ибо самимъ имъ такъ вдругъ озлобиться было нѣ-за-что и не натурально. Но какъ бы то ни было, но меня поразило сіе чрезвычайно. Я вытолкалъ ихъ вонъ и имѣлъ столько духа, что преоборолъ себя въ гнѣвѣ и сталъ думать о семъ съ хладнокровіемъ. Тогда, чѣмъ болѣе стали мы о семъ думать, тѣмъ опаснѣе становиться сіе дѣло: вышло наружу, что они во всѣ тѣ дни, какъ змѣи, на всѣхъ шипѣли и ругали всѣхъ, и даже самого меня всѣми образами. Словомъ, они оказались сущими злодѣями, бунтовщиками и извергами, и даже такъ, что вся дворня ужаснулась. Они думали, что дѣло тѣмъ и кончилось, и что они меня тѣмъ устрашили и напугали; однако, я и самъ умѣлъ надѣть на себя маску. Они, повоевавъ и побуянивъ, разошлись: одинъ пошолъ спать на полати, а другой отправился въ городъ попьянствовать, ибо думалъ, что онъ уже свободенъ сдѣлался и могъ что хотѣлъ предпринимать и дѣлать. Я же, между тѣмъ, посовѣтовавъ кое-съ-кѣмъ и подумавъ, какъ съ злодѣями сими поступить лучше, велѣлъ ихъ передъ вечеромъ схватить невзначай и сковавъ посадить ихъ въ канцеляріи на цѣпь. Мы опасались, чтобъ они въ самое сіе время не сдѣлали бунта и мятежа и чтобъ не перерѣзали кого. Однако, мнѣ удалось усыпить ихъ мнимымъ своимъ хладнокровіемъ и спокойнымъ видомъ, и оба храбреца увидѣли себя, противъ всякаго ихъ чаянія и ожиданія, въ цѣпяхъ и подъ строгимъ карауломъ въ канцеляріи.

Со всѣмъ тѣмъ, происшествіе сіе навело на насъ много безпокойства. Видѣлъ я, что мнѣ обоихъ сихъ молодцовъ держать при себѣ было впредь уже не можно, а и сдѣлать съ ними что—я не вѣдалъ. Видѣлъ я, что оба они навсегда останутся мнѣ злодѣями, но чѣмъ тому пособить не предусматривалъ. Въ рекруты ихъ отдать не только было жаль, но для нихъ было бы сіе и наказаніе очень малое, а надобно было ихъ пронять и переломить ихъ крутой, злодѣйскій нравъ; а хотѣлось и сберечь ихъ, буде можно. Итакъ, подумавши-погадавши, расположился я пронимать ихъ не битіемъ и не сѣченіемъ, которое могло-бъ увеличить только ихъ противъ меня злобу, а говоря по пословицѣ, не мытьемъ, такъ катаньемъ и держать ихъ до тѣхъ поръ въ цѣпяхъ, на хлѣбѣ и водѣ, покуда они поутихнувъ вспокаятся и сами просить будутъ помилованія; а сіе кроткое средство и произвело то въ скоромъ времени. Они не просидѣли еще недѣли, какъ цѣпи, по непривычкѣ, такъ не вкусны имъ показались, что они вспокаявшись заслали ко мнѣ обоихъ моихъ секретарей, тазавшихъ ихъ въ канцеляріи ежедневно, съ уничиженнѣйшею просьбою о помилованіи ихъ и съ предъявленіемъ клятвеннаго обѣщанія своего впредь такихъ глу-

постей не дѣлать, а вести себя добропорядочно. А я того только и дожидался, и потому охотно отпустилъ имъ ихъ вину и освободилъ изъ неволи.

Они и сдержали дѣйствительно свое обѣщаніе, и впослѣдствіи времени обоими ими были мы довольны, хотя судьба не дозволила намъ долго ими и усердіемъ ихъ къ намъ пользоваться; ибо года два послѣ того старшій изъ нихъ, занемогши горячкою, умеръ, и мнѣ не только тогда было его очень жаль, но и понынѣ объ немъ сожалѣю; а и второй, прослуживъ нѣсколько лѣтъ при моемъ сынѣ и будучи уже женатъ, также отъ горячки кончилъ свою жизнь. Что-жъ касается до негодяя отца ихъ, то оный многіе еще годы послѣ того продолжалъ мучить и безпокоить насъ своимъ пьянствомъ и безпорядками, покуда наконецъ послѣ долговременнаго моего отсутствія, заворовавшись однажды, и боясь, чтобъ ему не было за то какого истязанія, не допуская себя до того, лишилъ чрезъ удавленіе самъ себя поносной и развратной своей жизни.

Но симъ дозвольте мнѣ и письмо сіе окончивъ, сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Ноября 27 дня 1812 года. Въ Дворениновѣ).

ПЕРЕПИСКА СЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

Письмо 284.

Любезный пріятель! Между тѣмъ какъ сіе происходило, продолжалъ я заниматься спокойно прежними своими разными упражненіями, художественными и литературными. Относительно до первыхъ продолжаемо было врачеваніе электрическою машиною весьма многихъ, не только простыхъ обоего пола, стекающихся ко мнѣ со всѣхъ сторонъ людей, но и самыхъ благородныхъ, пріѣзжавшихъ и жившихъ нарочно для сего въ Богородицкѣ. Изъ числа сихъ, въ особливости, занималъ насъ много собою нѣкто изъ степныхъ помѣщиковъ, г. Рѣдькинъ, будучи разбитъ параличемъ и лишенный употребленія языка и дѣйствія руками. Пріѣхалъ онъ къ намъ въ городъ со всѣмъ своимъ семействомъ, и его всякій день привозили ко мнѣ на машину; но, по старости его, по запущенію болѣзни и по самой причинѣ болѣзни сей, подавшей поводъ, сколько я съ моимъ и собственнымъ его сыномъ, молодымъ, умнымъ и любезнымъ человѣкомъ, ни употребляли старанія, по успѣхъ имѣли очень невеликій; и хотя ему нѣсколько и помогли, но все ничего не значило. Сообществомъ же сына его, охотникомъ также до рисованія и видавшимся съ нами ежедневно, были мы очень довольны.

Что касается до литературныхъ моихъ упражненій, то около сего времени, по убѣжденію и просьбѣ сына моего, принялся я опять за продолженіе описанія моей жизни и самой сей исторіи, которой до сего времени сочинено было у меня только пять частей. Отъ г. Жданова получили мы давно ожидаемое письмо, успокоившее насъ нѣсколько въ нашемъ сомнѣніи, и дѣло наше съ нимъ продолжалось по-немногу. Впрочемъ, достопамятно, что въ половинѣ сего мѣсяца совершилось ровно 16 лѣтъ пребыванія моего при должности въ Богородицкѣ.

Въ помянутыхъ разныхъ занятіяхъ, такъ и въ разъѣздахъ по гостямъ и угащиваніи многихъ у себя, о чемъ не стоитъ труда упоминать въ подробности, прошелъ нечувствительно и весь почти тогдашній, относительно до перемѣнъ погодъ крайне непостоянный, ноябрь мѣсяцъ. Но въ послѣднія числа онаго приведенъ я былъ въ изумленіе однимъ извѣстіемъ, полученнымъ изъ Тулы. Ѣздившій въ оную секретарь мой Щедиловъ и бывшій у нашего директора, возвратясь оттуда, сказывалъ мнѣ, что г. Юницкой говорилъ, что въ Тулѣ разнесся слухъ, что я хочу иттить въ отставку и жду только намѣстника, чтобъ подать о томъ просьбу; итакъ, ежели-де это подлинно такъ, то бы подавалъ я сію просьбу чрезъ его директора. Меня крайне удивило и изумило сіе увѣдомленіе, поелику у меня и

на умѣ того не бывало, и другаго не оставалось какъ заключать, что, конечно, въ Тулѣ куются новые какіе-нибудь противъ меня ковы. Щедиловъ мой догадывался, что непрочитъ-ли директоръ нашъ мое мѣсто своему шурину; однако, это было совсѣмъ нескладное дѣло, а надлежало быть чему-нибудь другому.

Съ первою почтою послѣ сего, въ исходѣ уже ноября мѣсяца, получилъ я давно мною ожидаемое письмо изъ Экономическаго Общества. Весьма любопытенъ былъ я оное видѣть и узнать, что скажетъ мнѣ г. Нартовъ въ отвѣтъ на запросъ мой о электрическихъ опытахъ. Но сколь много удивился я, увидѣвъ вдругъ при развертываніи бумаги руку графа Ангальта, самаго тогдашняго президента общества. Изъ сего заключилъ я тотчасъ, что письмо сіе было ко мнѣ отъ имени всего Общества. Оно было для меня весьма пріятное. Все Общество благодарило меня за сочиненіе мое о погодахъ и обѣщало напечатать оное, а въ разсужденіи электрическихъ опытовъ просило меня о сообщеніи извѣстія объ опытахъ и самой машинѣ.

. . . .

Легко можно заключить, что сіе письмо въ состояніи было воспламенить опять всю мою прежнюю охоту какъ къ перепискѣ съ Обществомъ, такъ и къ доставленію оному своихъ сочиненій, какъ экономическихъ, такъ и новыхъ о электрицизмѣ, и я признаюсь, что оно въ состояніи было не только сіе произвесть, но и уничтожить всю мою досаду за послѣднее письмо на г. Нартова. Паче же всего былъ я доволенъ тѣмъ, что тогда отворился мнѣ путь къ сообщенію соотечественникамъ моимъ извѣстія о всѣхъ моихъ, толико полезныхъ электрическихъ опытахъ; а все сіе и было причиною, что я положилъ съ сего времени не жалѣть трудовъ и времени, пожертвовать ими колико-можно пользѣ Общества.

Итакъ, въ ожиданіи что Общество скажетъ и на второе мое письмо, посланное съ сочиненіемъ о глинѣ, принялся я тотчасъ за переписываніе на-бѣло готоваго уже у меня сочиненія о городьбахъ изъ крупнаго лѣса. И какъ разсудилъ я пріобщить къ нему и рисунокъ, то, переписывая оное, начертилъ и его. Въ семъ препроводилъ я всѣ послѣдніе дни ноября и первые декабря мѣсяца. А между тѣмъ, готовили у меня ящикъ на глины, и какъ сдѣлали оный, то, переписавъ сочиненіе о городьбахъ, сочинилъ я и краткое описаніе глинамъ и собирался оныя укладывать.

Въ самыхъ сихъ упражненіяхъ застало меня и второе письмо изъ Общества, котораго я ожидалъ въ отвѣтъ на мои замѣчанія о глинѣ. Оно было также отъ лица всего Общества и подписано не только президентомъ, но и обоими секретарями.

. . . .

Получивъ сіе письмо, не сталъ я долѣе медлить отправленіемъ глинъ своихъ въ Петербургъ и, уложивъ всѣ набранныя глины порядочно, образомъ коллекціи, въ ящикъ и переписавъ сочиненное объ нихъ замѣчаніе, отправилъ ихъ въ Михайловъ, къ князю Кропоткину, ѣдущему въ Петербургъ и обѣщавшему мнѣ ихъ туда отвезть. Я послалъ въ сей разъ 15 образчиковъ, да и тѣ набралъ кое-какъ съ нуждою, а нижній рядъ весь наклалъ тамошнею синею глиною. Всѣ оные переклалъ я порядочно суконцами такъ, какъ посылалъ прежде пески, и отправилъ оные при письмѣ къ Нартову, которое умышленно означилъ нѣсколькими днями назадъ, дабы не подумано было, что я по ихъ наставленію сдѣлалъ о глинахъ сихъ нужное замѣчаніе.

. . . .

По отправленіи сего письма съ ящичкомъ къ князю Кропоткину, не сталъ я медлить, но съ первою отходящею отъ насъ въ Петербургъ почтою отправилъ и сочиненіе мое объ оградахъ, и также при письмѣ къ Нартову; ибо за лучшее призналъ писать по-прежнему къ нему, нежели на лице всего Общества. Въ семъ письмѣ мимоходомъ упомянулъ я о продолжаемыхъ электрическихъ опытахъ.

. . . .

Помянутое сочиненіе вылилось нарочито велико, такъ что я съ нуждою могъ его переписать на 40 страницахъ почтовой бумаги и оно было такъ тяжело, что я принужденъ былъ заплатить за него около рубля почтовыхъ денегъ, — ясное доказательство, сколь накладна была для меня переписка съ Обществомъ и сколь неохотно было посылать къ нимъ сочиненія часто, а особливо нарочито большія! Не только трудись въ сочиненіи и ломай себѣ говову и надъ самымъ переписываніемъ оныхъ на-бѣло, но и плати еще многія деньги за пересылку; а въ награду за все получишь только то удовольствіе, что увидишь сочиненіе свое напечатаннымъ, да пришлютъ книжку! Но сіе удовольствіе было для меня такъ мало, и я къ оному, при издаваніи своего «Экономическаго Магазина», уже такъ привыкъ, что оно меня уже ни мало не трогало. Единыя только похвалы, приписываемыя мнѣ Обществомъ, сколько-нибудь меня льстили и награждали, также и то, что сочиненія мои разсматриваемы и одобряемы были цѣлымъ Обществомъ почтенныхъ людей.

Отправивъ помянутое письмо и сочиненіе, сталъ я дожидаться обѣщаннаго извѣстія или увѣдомленія о дѣланныхъ въ Петербургѣ съ глиною моею испытаніевъ, которое любопытно хотѣлъ я видѣть; а между тѣмъ, получивъ свободное время, началъ сочинять и второе сочиненіе о городьбахъ, дабы имѣть оное въ запасѣ.

Помянутое увѣдомленіе и не замедлилось. Я получилъ оное скорѣе, нежели могъ думать и ожидать, и не болѣе какъ черезъ три дня послѣ отправленія моего послѣдняго письма. Оно было опять отъ г. Нартова и наполнено пріятными для меня извѣстіями; ибо, къ превеликому удовольствію моему, оказалось, что глина моя была еще лучше симферопольской, и настоящая валяльная земля.

. . . .

Признаюсь, что предслѣдующее письмо было для меня пріятно, и сообщенное извѣстіе о подлинности, что глина наша была самая чистая валяльная земля, произвело мнѣ много удовольствія и привязало меня къ сему предмету еще больше прежняго; почему, какъ мнѣ вскорѣ послѣ сего случилось быть въ Тулѣ, то я не преминулъ тамъ кое-гдѣ распрашивать о сукновальняхъ, дабы узнавъ послать туда дѣйствительно испытывать оную фабрично. Но всѣ распровѣдыванія мои сей разъ были тщетны; никто мнѣ не могъ сказать о такой фабрикѣ; да и впослѣдствіи времени не могли мы того никакъ и нигдѣ добиться; а нынѣ слышу, что на многихъ фабрикахъ начали ее употреблять съ пользою и покупаютъ ее довольно хорошею цѣною.

Между тѣмъ въ тогдашнюю-жъ бытность въ Тулѣ не преминулъ я достать всѣхъ лучшихъ тульскихъ глинъ, какъ-то: чорной, синей, бѣлыхъ, изъ которыхъ дѣлаются тутъ горшки и кафли, а наконецъ, и самой той, изъ которой дѣлается славный тульскій кирпичъ. Всѣхъ сихъ глинъ привезъ я съ собою цѣлый кулёкъ и предпріялъ ихъ всѣ испытывать и изслѣдовать физически; а для доставленія въ Экономическое Общество велѣлъ надѣлать изъ каждой кирпичиковъ въ нововыдуманную свою форму.

Посреди самыхъ сихъ упражненій, вдругъ случился ненарочный случай къ отсылкѣ въ Петербургъ еще нѣсколькихъ кусковъ глины, по ихъ требованію. Сынъ лѣчившагося у меня г. Рѣдькина, ѣхавши въ Петербургъ, заѣхалъ къ намъ и взялся охотно доставить оныя въ Общество. Итакъ, немедля ни мало, увязалъ я 12 оскобленныхъ кусковъ въ кипку и отправилъ оные въ Петербургъ при письмѣ опять къ г. Нартову.

. . . .

Письмо сіе отправилъ я дѣйствительно съ г. Рѣдькинымъ, и потомъ сталъ продолжать начатое мною второе сочиненіе о городьбахъ и думалъ, что тѣмъ переписка моя въ сей 1792 годъ и кончится. Однако, я въ томъ обманулся. Не успѣлъ я онаго сочиненія окончить, какъ получилъ опять нарочито толстый пакетъ изъ Экономическаго Общества. Я не по-

нималъ, чтò бы въ ономъ было и съ любопытствомъ оное распечатывая думалъ найтить въ немъ чтò-нибудь могущее служить къ удовольствiю: однако, въ томъ обманулся. Въ немъ было только письмо отъ г. Нартова съ копiею рапортовъ о моей глинѣ и тетрадка о задачахъ, и опять просьба, чтобъ я сочинилъ отвѣтъ на ихъ вопросы. Итакъ, наваливанъ былъ только новый трудъ и опять хотѣли меня ввесть въ убытки присланiемъ имъ глины по почтѣ; а отъ нихъ все еще тѣмъ же пахло, что отъ козла, то-есть пустяками, и ни шерстью, ни молокомъ, и врядъ-ли когда-либо можно было получить лучшее. Но, правду сказать, имъ нечего было сдѣлать: они и о сочиненiи просили меня единственно въ томъ намѣренiи, чтобъ можно было имъ дать мнѣ за то медаль; но сколь бѣдное награжденiе составляла сiя медаль за труды, къ тому потребные! Въ сей разъ вздумалось имъ, по предложенiю моему, перемѣнить то обстоятельство, чтобъ извѣстiя сочинять не о цѣлыхъ намѣстничествахъ, а объ однихъ округахъ; ибо о намѣстничествахъ не получили они ничего; но и тутъ, къ стыду своему, уменьшили они и самую общественную медаль вполовину и положили тогда ее только въ $12^{1}/_{2}$ червонцевъ,—малость такая, что никто и не подумаетъ для ней предпрiять тотъ трудъ, какой къ тому былъ нуженъ. Словомъ, письмо сiе было таково, что оно не въ состоянiи было поджечь болѣе еще вновь впламенившуюся охоту къ перепискѣ съ Обществомъ, но паче удобно было къ уменьшенiю сей охоты нѣкоторымъ образомъ, ибо я усматривалъ, что чѣмъ болѣе съ ними переписываться, тѣмъ болѣе нажить можно трудовъ, хлопотъ и убытковъ, а пользу врядъ-ли можно будетъ получить какую.

. . . .

Итакъ, опять требованiя о пересылкѣ по почтѣ; опять предоставливанiе самому мнѣ глину сiю испытывать на фабрикахъ; опять то, чтò мнѣ исполнить не удобно! Самое посыланiе глины по почтѣ стоило не малыхъ денегъ: за всякiй фунтъ долженъ былъ заплатить своими деньгами по 20 копѣекъ, и заплатить невозвратно! Чудны, казались мнѣ, тамошнiе господа, что не приходило имъ того никогда на мысль, что всѣ такiя пересылки мнѣ и другимъ много стòятъ! Имъ тамъ можно было все посылать, имъ сiе ничего не стоило, а намъ совсѣмъ другое дѣло. И смѣшно было истинно: я и ищи, я же трудись, я же испытывай, и я же терпи отъ того убытки! И ежели далѣе все такъ будетъ, говорилъ я самъ себѣ, то скоро и раскаюсь въ томъ, что посылалъ, и когда бы зналъ сiе и вѣдалъ, то лучше бы и не посылалъ ничего!

Со всѣмъ тѣмъ, разсудилъ я, при соотвѣтствованiи на предслѣдующее письмо, послать къ нимъ и по почтѣ еще 6 фунтовъ, и отписать къ нимъ коротко и холодновато; которымъ письмомъ и кончилась въ сей 1792 годъ моя переписка съ Обществомъ.

. . . .

А симъ дозвольте мнѣ и сiе мое письмо на сей разъ кончить и сказать вамъ,—и прочее.

(Декабря 12 дня 1812 года. Дворениново).

Письмо 285.

Любезный прiятель! Занявъ почти все предслѣдующее письмо бывшею моею въ теченiи декабря мѣсяца перепискою съ Экономическимъ Обществомъ, возвращусь теперь назадъ и разскажу вамъ, чтò и кромѣ сего происходило съ нами въ продолженiи онаго. Самое начало онаго ознаменовалось возобновившимся въ насъ сумнительствомъ въ разсужденiи начатаго нами дѣла съ г. Ждановымъ. Неполученiе отъ него опять въобыкновенное время писемъ подавало намъ къ тому поводъ. Словомъ, дѣло наше съ нимъ ни шло, ни ѣхало, и мы не знали чтò о томъ думать и заключать. Другая достопамятность была та, что 3 числа сего мѣсяца была у насъ такая необыкновенная буря съ вихремъ, что сорвала даже съ большой нашей каменной ранжереи желѣзную кровлю и съ рѣшетниками, откинула ее сажень за восемь отъ

зданія, чему всѣ мы не могли довольно надивиться.

Въ тотъ же самый день привезъ ко мнѣ ѣздившій опять въ Тулу секретарь мой повторительныя вѣсти, что директоръ нашъ опять его спрашивалъ, иду-ли я въ отставку? Вотъ какъ ему сего захотѣлось! Но какъ Щедиловъ, по условію его въ томъ со мною, на сіе ему сказалъ только, что я опредѣленъ къ волости съ воли ея величества государыни императрицы, и тѣмъ далъ ему разумѣть, что у меня того и на умѣ не бывало, то господинъ сей изумился, а потомъ, перевернувъ себя, сталъ изъявлять свое удовольствіе о томъ, что я не хочу. Извѣстіе сіе смутивъ такъ меня раздосадовало, что я, приписуя все сіе его замысламъ, въ досадѣ проговорилъ: «сукинъ онъ сынъ, хохолъ, свинопасъ! вотъ какія затѣваетъ дóвести!» Ибо надобно знать, что сей мой командиръ, будучи малороссіяниномъ, произошолъ изъ самой подлости и всѣмъ своимъ счастіемъ обязанъ былъ женитьбѣ своей на воспитанницѣ одного изъ нашихъ большихъ бояръ. Но весь мой тогдашній гнѣвъ на него былъ напрасный, ибо послѣ узналъ я, что помянутый коварный слухъ обо мнѣ распущенъ былъ не отъ него, а отъ другихъ моихъ завистниковъ и недоброхотовъ.

Непосредственно за симъ, имѣлъ я и другую еще досаду. Восхотѣлось мнѣ въ сію зиму произвесть, при помощи покрыванія навозомъ, принужденную спаржу. И какъ она около сего времени вышла очень хороша, то, при случаѣ посылки въ Тулу, восхотѣлось мнѣ подслужиться ею какъ сущею въ сіе время рѣдкостью нашему вице-губернатору г. Вельяминову, управлявшему тогда всею нашею губерніею. Я не инако, посылая ее къ нему, думалъ, что онъ будетъ тѣмъ очень доволенъ и скажетъ мнѣ за нее большое спасибо. Но съ какою чувствительною досадою услышалъ я, что сей горделивецъ не сказалъ за сіе ни единаго слова, а писалъ только еще ко мнѣ, чтобъ я прислалъ къ нему карповъ. «Вотъ тотчасъ! сказалъ я тогда въ досадѣ и сожалѣя, что посылалъ: увидишь ты ихъ у себя, нечестивецъ!» Да, и дѣйствительно, и не подумалъ къ нему ихъ посылать, хотя у меня въ садкѣ было ихъ и довольно, а отговорился зимою, и что они въ сіе время въ прудахъ не ловятся.

Какъ на другой день послѣ сего случилось быть Николину дню и маленькому моему внуку имянинникомъ, то по сему случаю была у меня въ сей день небольшая пирушка, и мы день сей провели весело, и съ бывшими у насъ гостьми ввечеру и потанцовали.

Въ послѣдующій за симъ день встревоженъ я былъ полученнымъ повелѣніемъ, чтобъ я опять, и колико можно скорѣе, привозилъ въ Тулу нашу казну. «Господи помилуй! воскликнулъ я тогда въ досадѣ: кому до чего, а имъ только до нашихъ денежекъ! видно, опять востребовалась надобность въ нихъ для загражденія ими какой-нибудь прорѣхи!» И никакъ не подумалъ ѣздою своею и отправленіемъ ихъ спѣшить. Къ стати налетѣла на насъ сильная и нѣсколько дней сряду продолжавшаяся и самая безпокойная и даже опасная зимняя непогода, съ превеликою курою и мятелью, почему и отправился я въ сей досадный путь не прежде, какъ переждавъ все сіе дурное время.

Ѣзду въ сей разъ имѣлъ я самую безпокойную. Бывшая вьюга и мятель такъ всѣ дороги перепортила и надѣлала столько толчковъ и ухабовъ, что у меня отбило всѣ бока, а о томъ, чтобъ дорогою по обыкновенію моему заниматься чтеніемъ и помыслить было невозможно.

Въ Тулу пріѣхалъ я 13 числа, почти съ свѣтомъ вдругъ, и такъ рано, что успѣлъ въ то же утро побывать у своего командира и отдать деньги въ казенной палатѣ. Г. Юницкой былъ ко мнѣ въ сей разъ отмѣнно благосклоненъ и сказывалъ мнѣ, отъ чего произошла молва, что я иду въ отставку. По его словамъ, произошло все то едва-ли не отъ г. Верещагина и не самъ-ли онъ прочилъ для себя мое мѣсто. Онъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать, и я просидѣлъ у него почти до са-

мой ночи, и уже въ сумерки возвратился къ Пастухову, у котораго я и въ сей разъ приставалъ. Весь же послѣдующій день употребилъ я на разъѣзды къ моимъ друзьямъ и знакомцамъ и на исправленіе своихъ нуждъ и надобностей, а на утріе, съ свѣтомъ вдругъ, пустился въ обратный путь и въ тотъ же еще день возвратился въ Богородицкъ.

Тутъ занявшись прежними своими разными дѣлами, не успѣлъ я проводить дней трехъ спокоемъ, какъ встревоженъ былъ я опять двумя полученными по почтѣ письмами: одно было отъ моего зятя изъ Тулы, гдѣ находился онъ тогда, по случаю начинавшихся около сего времени новыхъ выборовъ въ судьи; а другое, толь давно ожидаемое нами, отъ г. Жданова. Первый увѣдомлялъ меня о злодѣйскомъ и самомъ мошенническомъ заговорѣ противъ меня въ Тулѣ: завистники мои, не зная уже какъ меня и сбыть и столкнуть съ мѣста, вздумали уже явно и безъ стыда и совѣсти всклепать на меня, что я будто прошусь въ отставку. И кто-жъ всему тому злу былъ заводчикомъ и затѣйщикомъ? Никто оной, какъ меньшой братъ нашего вицъ-губернатора Степанъ Вельяминовъ, сущій глупецъ и совершенный бурлакъ, всего меньше способный и достойный занимать мое мѣсто. Все его достоинствы состояли въ умѣньѣ играть въ карты, въ гайканьѣ и рысканьѣ по полямъ съ собаками и въ всегдашнемъ кричаньѣ такого вздора, въ какомъ не было ни одного разумнаго словечка. И сему-то негодяю восхотѣлось быть на моемъ мѣстѣ, и въ его-то глупую голову вселилась помянутая нелѣпая затѣя всклепать на меня небылицу и стараться чрезъ братца своего, бывшаго фаворита намѣстникова или мужа умершей его любовницы и находящагося еще и тогда у него въ милости, скапырнуть меня съ мѣста. Мнѣ сначала какъ ни смѣшно сіе казалось, но какъ зять мой присовокуплялъ, что говорили, будто бы вицъ-губернаторъ писалъ уже о томъ и къ намѣстнику, то пересталъ я симъ дѣломъ шутить, но и гораздо онымъ посмутился. «Чего добраго, говорилъ я самъ себѣ, при помышленіи о семъ проискѣ, чтобъ и не удалось бы имъ еще сего смастерить. Намѣстникъ въ отсутствіи, оба они у него въ довѣріи и милости; сколь легко имъ его обалахтать, и увѣривъ, что то правда, побудить его доложить даже о моемъ желаніи иттить въ отставку и о опредѣленіи на мое мѣсто другаго самой императрицѣ, и получить на то разрѣшеніе; и тогда, что̀ ты изволишь дѣлать? И по-неволѣ подашь челобитную объ отставкѣ!» Таковыя и подобныя тому мысли начали-было меня и гораздо смущать и безпокоить. Однако, сіе не долго и до тѣхъ только поръ продолжалось, покуда не возобновилъ я обыкновеннаго моего упованія на Господа и Небеснаго обо мнѣ Попечителя и не подкрѣпилъ и не поуспокоилъ себя слѣдующими и точно тогда говоренными словами и мыслями: «Такъ, говорилъ я тогда сами себѣ; нельзя не сказать, что дѣло сіе сумнительно, и Богу извѣстно, что̀ изъ сего новаго противъ меня покушенія и посягательства завистниковъ моихъ выйдетъ? Но сколько уже разъ были тому подобныя? Однако, до сего времени всемогущая рука Господня и Божественное Его Провидѣніе меня отъ всѣхъ оныхъ спасло и охраняло. А можетъ быть, угодно Ему будетъ и въ сей разъ спасти и охранить меня отъ сихъ злодѣйскихъ ковъ непостижимыми стезями. Итакъ, возлагаю я на Него всю мою надежду и упованіе; предаю и въ сей разъ себя и все относящееся до меня въ Его святѣйшую волю, и да будетъ то, что̀ не я, а что̀ Онъ хочетъ! Если Ему, моему Господу и всегдашнему небесному Попечителю обо мнѣ, угодно будетъ отвлечь меня отъ сего мѣста, то и въ томъ дабуди Его святая воля! Онъ самъ мнѣ сіе мѣсто далъ, Онъ паки и отнять у меня его можетъ. Его святая воля и будь во всемъ! Онъ знаетъ, что̀ творитъ и вѣдаетъ лучше, нежели я, что̀ для меня вредно и что̀ полезно. Итакъ, возвергну я и въ сей разъ всю мою печаль на Него, моего небеснаго Покровителя, и возложу на Не-

го все мое упованіе, какъ и прежде». Сими и подобными сему мыслями и словами скоро я себя подкрѣпилъ и успокоилъ, и послѣдствіе времени оказало, что и не вотще возлагалъ на Него мое упованіе. Всемогущій разсѣялъ и въ сей разъ всѣ злодѣйскія противъ меня козни, какъ прахъ предъ лицемъ вѣтра, и я имѣлъ удовольствіе вновь удостовѣриться въ той великой истинѣ, что благо есть уповати на Господа и возлагать на Него всегда и во всемъ всю свою надежду!

Что касается до другаго письма, полученнаго отъ г. Жданова, то содержаніе и онаго было такого рода, что въ состояніи было увеличить наши въ семъ молодомъ человѣкѣ сумнительствы и посмутить гораздо наши мысли. Было оно самое критическое и подававшее намъ поводъ заключать, что едва-ли наше дѣло съ нимъ и все его сватовство за мою дочь не хотѣло расплываться. По всему видимому казалось, что были какія нибудь обстоятельствы, о которыхъ мы ничего еще не знали, и догадывались, что есть люди, разбивающіе и разрушающіе сіе начатое дѣло. Но какъ мы и оное предавали на произволъ Господу, то и сіе меня не слишкомъ тревожило. И будучи удостовѣренъ въ томъ, что таковыя важныя происшествія, каковыя суть замужествы, никогда безъ особливаго смотрѣнія Божескаго и воли Его не происходятъ, предавалъ и наше дѣло Его святѣйшей волѣ, и тѣмъ скоро и въ разсужденіи сего пункта себя успокоилъ.

Какъ сихъ двухъ безпокойствъ было еще мало, то надобно было случиться къ статѣ еще и третьему. Въ самое сіе время пріѣзжай къ намъ и прежній нашъ полякъ капельмейстеръ и приступилъ ко мнѣ съ такими просьбами, которыхъ мнѣ никакъ было не можно исполнить. Словомъ, приступанія его были столь усильныя, что онъ надоѣлъ мнѣ, какъ горькая рѣдька, и мы на-силу на-силу отбоярили его отъ себя ни съ чѣмъ.

Между тѣмъ, какъ происходило сіе у насъ въ Богородицкѣ, въ Тулѣ начались и продолжались выборы, и я скоро получилъ оттуда извѣстіе, что въ число новыхъ въ нашъ городъ судей выбранъ былъ и зять мой, Петръ Гарасимовичъ Шишковъ, что для всѣхъ насъ была неожидаемая новость, и мы не знали — радоваться-ли тому, или тѣмъ огорчаться? Со всѣмъ тѣмъ, непротивно мнѣ было, что чрезъ сіе зять мой сдѣлался болѣе попривязаннымъ къ дѣлу и познакомится поболѣе съ приказными дѣлами, а семейство мое утѣшалось тѣмъ, что имѣть будетъ частѣйшее свиданіе съ моею дочерью, которой для сего надобно будетъ съ мужемъ жить вмѣстѣ съ нами въ Богородицкѣ.

Наступившій вскорѣ послѣ сего 22 день сего декабря мѣсяца былъ достопамятный въ моей жизни. Едва лишь въ оный я поутру всталъ, какъ является ко мнѣ пріѣхавшій изъ Ламокъ зятнинъ прикащикъ и, подавая письмы ко мнѣ отъ Михайловскаго городничаго князя Кропоткина, говоритъ, чтобъ я прочелъ оныя на-единѣ. Сіе мнѣ тотчасъ дало знать, что находилось въ нихъ что-нибудь важное. Они и подлинно были таковы и содержали въ себѣ нѣчто такое, чего мы всего меньше ожидали, а именно формальное сватовство за дочерей моихъ и, буде не можно уже за Настасью, то за Ольгу отъ нѣкоего артиллеріи подполковника Александра Степановича Коробьина, пронскаго помѣщика, человѣка, котораго мы не только не знали, но о которомъ никогда и не слыхивали. Предложеніе сіе дѣлано было намъ чрезъ посредство помянутаго князя Кропоткина. Жена его, будучи двоюродною сестрою моего зятя и знавшая насъ и дочерей нашихъ коротко, расхвалила ихъ сему знакомому имъ человѣку и подала тѣмъ ко всему тому поводъ. А какъ ни намъ сей женихъ, ни ему дочери мои были еще незнакомы, то и присовокуплена была притомъ просьба, чтобъ намъ пріѣхать къ нимъ въ Михайловъ въ первые дни приближающихся нашихъ святокъ.

Легко можно заключить, что таковая неожидаемость въ состояніи была вверг-

нуть и меня и все мое семейство въ превеликую разстройку мыслей и смущеніе. Съ одной стороны не знали мы, что̀ еще воспослѣдуетъ съ Настасьею по связи, начатой съ г. Ждановымъ, отъ котораго не могли мы до того времени дождаться ничего прямо рѣшительнаго и находились въ мучительной неизвѣстности. Намъ жаль было и съ нимъ, какъ довольно уже съ знакомымъ намъ и достойнымъ человѣкомъ, разстаться, а не хотѣлось пропустить и новаго жениха, судя по выгодамъ, о какихъ въ разсужденіи его упоминала въ письмѣ своемъ княгиня Кропоткина. А прежде, нежели воспослѣдуетъ что-нибудь рѣшительное съ моею старшею изъ незамужнихъ дочерей, не хотѣлось намъ начинать ни какого дѣла и въ разсужденіи Ольги, яко младшей. Съ другой стороны озабочивалъ меня ожидаемый пріѣздъ въ Тулу намѣстника и происходящія противъ меня интриги. Съ третьей, хотѣлось мнѣ посовѣтовать и переговорить о томъ съ моимъ зятемъ и дочерью, его женою. Итакъ, поговоривъ о семъ съ моими родными домашними, рѣшились мы отписать къ нимъ и вызвать ихъ къ себѣ на совѣтъ, а между тѣмъ не могъ я довольно надивиться попеченію Небеснаго моего Благодѣтеля о моихъ дѣтяхъ и возблагодарить Его за отмѣнную и незаслуженную Его ко мнѣ милость.

Какъ зять мой находился тогда уже въ своей деревнѣ, то и пріѣхали они въ тотъ же еще день къ намъ къ вечеру, и тогда, по удаленіи обѣихъ дочерей моихъ въ другую комнату, и началось у насъ общее о семъ важномъ дѣлѣ совѣщаніе и сужденіе о томъ, ка̀къ быть и что̀ предпринимать намъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ? Долго и много мы о томъ между собою говорили и досадовали на медленность и нерѣшимость г. Жданова, и наконецъ, условились и въ томъ, чтобъ писать къ нему и безъ дальнихъ околичностей требовать отъ него рѣшительнаго отвѣта о его къ намъ расположеніи, а между тѣмъ не отвергать никакъ и новаго жениха, а стараться только попродолжить время до полученія отъ г. Жданова рѣшительнаго отвѣта, и сообразно съ тѣмъ расположить и отвѣтное наше письмо къ князю и княгинѣ Кропоткиной.

Теперь не могу и понынѣ забыть того пункта времени, когда я, по окончаніи совѣщанія, вышелъ въ ту комнату, гдѣ находились тогда обѣ наши невѣсты. Обѣ онѣ сидѣли тутъ въ потемкахъ, какъ оглашенныя, другъ подлѣ друга въ глубокихъ размышленіяхъ о предстоящемъ и неизвѣстномъ еще рѣшеніи обѣихъ ихъ жребія. Я поиздѣвался тогда надъ обѣими ими, а онѣ вставъ обѣ поцѣловали молча мои руки. Сцена сія была для меня самая трогательная, и такая, что глаза мои смочились слезою чувствительности.

По отправленіи обоихъ помянутыхъ важныхъ писемъ къ г. Жданову и въ Михайловъ, принялся за прежнія мои упражненія и продолженіе лѣченія разныхъ людей своею электрическою машиною, которыхъ около сего времени столкнулось такъ много, что въ 23 день декабря принуждена была она цѣлыхъ 32 раза работать и не одинъ разъ доходило до того, что пузырь стеклянный отъ безпрерывнаго тренія такъ разгорячался, что не могъ производить обыкновеннаго своего дѣйствія, и мы принуждены были прохлаждать его приносимыми съ надворья холодными салфетками; а изъ сего и можно заключить о томъ, въ какой находилась тогда машина моя славѣ и всеобщемъ къ себѣ довѣріи.

Кромѣ сей достопамятности, случилась въ тотъ же день и другая, нѣсколько насъ озаботившая. Увѣдомляли меня изъ Бобрикъ, что пріѣзжалъ туда нѣкто присланный отъ г. Бобринскаго, для осмотра и распровѣдыванія о сей по мнѣнію всѣхъ ему назначаемой волости. Извѣстіе сіе, предвозвѣщающее уже скорое отданіе ему волостей нашихъ во владѣніе, натурально привело насъ въ нѣкоторое изумленіе и подавало поводъ къ разнымъ помышленіямъ и догадкамъ.

Послѣдующій за симъ день провели

мы весь въ ожиданіи пріѣзда изъ Твери нашихъ родныхъ Травиныхъ, обѣщавшихъ пріѣхать къ намъ къ празднику Рождества Христова, но все ожиданіе наше было тщетно и объ нихъ не было еще никакого слуха. Наконецъ, наступилъ у насъ и сей праздникъ, а они все еще не бывали. Мы провели его со всѣмъ своимъ семействомъ въ совокупленіи и довольно весело. И какъ послѣ обѣда съѣхались къ намъ всѣ наши городскіе, то вечеромъ и обновили мы наши святки разными святочными увеселеніями, и между прочимъ, и самыми танцами, и были всѣ довольно веселы.

Въ такомъ же тщетномъ ожиданіи тверскихъ нашихъ гостей, провели мы и весь второй день нашихъ святокъ, а къ вящей досадѣ не получили мы съ пришедшею въ сей день почтою и ожидаемыхъ отъ нихъ и отъ г. Жданова писемъ. Сверхъ того, случились и кое-какія хлопотишки, занимавшія насъ въ оный. Зять мой, съ дочерью моею, поѣхали отъ насъ домой, а вмѣстѣ съ ними отпустили мы и своего Павла Андреевича, съ тѣмъ, чтобъ ему съѣздить оттуда, вмѣсто всѣхъ насъ, въ Михайловъ, для точнѣйшаго распровѣданія о новомъ женихѣ и узнанія его лично, буде къ тому явится случай. Сами же мы отклонили ѣзду свою туда, подъ нѣкоторыми благовидными предлогами, въ ожиданіи отвѣта отъ г. Жданова. Ожидаемые гости наши изъ Твери не бывали и во всѣ послѣдующіе три дни, сколько мы ихъ ни ожидали. Мы не знали, что̀ объ нихъ и думать, и провели всѣ сіи дни совсѣмъ не по святочному и не безъ скуки. Причиною тому было наиболѣе отсутствіе моихъ дѣтей. Павелъ мой находился въ сіе время въ Михайловѣ, а дочери разъѣзжали съ старшею сестрою своею по разнымъ гостямъ, за городъ и въ уѣздѣ. Итакъ, занимался я уже одинъ своими упражненіями и дѣлилъ время съ пріѣзжающими ко мнѣ нѣкоторыми городскими; а въ пятый день имѣлъ я удовольствіе отъ одного посторонняго русскаго учителя слышать, что «Экономическій мой Магазинъ» производитъ во всемъ нашемъ государствѣ великую пользу и многихъ людей заохочиваетъ быть любопытными и дѣлаться и артистами, и ботаниками.

Въ такомъ же тщетномъ ожиданіи нашихъ тверскихъ родныхъ прошелъ и весь шестой день нашихъ святокъ и, мы не получили и въ оный ни откуда и ни какихъ ожидаемыхъ извѣстій.

Въ послѣдній же день сего года возвратился мой Павелъ Андреевичъ изъ своего путешествія въ Михайловъ и привезъ намъ много важныхъ извѣстій, относящихся до вновь начинающагося сватовства, частью хорошихъ, а частью и сумнительныхъ. Къ намъ пріѣхали зять съ дочерью, а ждали мы непремѣнно и тверскихъ, также и г. Жданова и предполагали, что въ послѣдующій день будетъ у насъ большой пиръ. Но какъ все выходило недуманное и неожидаемое, то и не знали, что̀ будетъ.

Симъ кончился нашъ 1792 годъ, а вмѣстѣ съ нимъ дозвольте мнѣ и сіе письмо къ статѣ кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Декабря 13 дня 1812 года. Двоенинново).

1793 годъ.

Письмо 286.

Любезный пріятель! Приступая къ описанію всего того, что̀ происходило со мною въ теченіи 1793, толико въ исторіи временъ и для всей Европы достопамятнаго года, начну преподаніемъ вамъ общаго понятія о томъ состояніи, въ какомъ я при началѣ онаго со всѣмъ моимъ семействомъ и по всѣмъ моимъ обстоятельствамъ находился. Для лучшаго объясненія сего, перескажу я вамъ самыя тѣ слова, какими описалъ я тогда все сіе въ обыкновенномъ моемъ ежедневникѣ или журналѣ. Вотъ они:

«И сей 1793 годъ начали мы препровождать въ прежнемъ моемъ мѣстѣ, въ городѣ Богородицкѣ. Всемогущій Правитель міра, Обладатель всѣми нашими жребіями, сохранилъ насъ во весь минувшій годъ отъ всякихъ золъ, осыпалъ

милостями и щедротами и все мое семейство тако благословилъ Святою Десницею Своею, что мы всѣ были здоровы, веселы и благополучны, и тысяча причинъ имѣли хвалить и прославлять Его Святое Имя и благодарить Его за благоутробіе и всѣ милости и щедроты, оказанныя намъ.

«Мнѣ при началѣ сего года шолъ 55-й годъ и 19,804 день моей жизни. Сѣдина на головѣ моей хотя умножилась и морщины на лицѣ становились уже больше, однако, самъ въ себѣ не чувствовалъ я еще никакой дальней перемѣны въ крѣпости тѣла моего и бодрости духа. Будучи во все продолженіе минувшаго года здоровъ, былъ таковымъ же и теперь, кромѣ кашля, обезпокоившаго меня уже за нѣсколько недѣль до сего времени.

«Жена моя находилась также около сего времени не совсѣмъ здорова, но мучилась равномѣрно кашлемъ; но выключая сей временной припадокъ, была нарочито здорова и въ прежнемъ своего характера положеніи.

«Самая старушка матушка-теща моя украшала еще и по-нынѣ семейство наше своимъ сотовариществомъ, и она была все еще въ силахъ и такова-жъ, какъ при началѣ минувшаго года. Электрическая машина моя, толико прославившаяся въ минувшій годъ, дѣлала ей великое и очевидное подкрѣпленіе.

«Что касается до милыхъ и любезныхъ дѣтей моихъ, то всѣ они веселили и утѣшали насъ такъ, что мы часъ-отъ-часу получали болѣе поводовъ къ благодаренію Неба за одареніе насъ дѣтьми таковыми. Они служили украшеніемъ и славою моему дому и всѣмъ намъ, начинающимся старѣться, утѣшеніемъ и радостью. Ни кто изъ всѣхъ ихъ не причинялъ намъ ни малѣйшаго оскорбленія и огорченія; ни кто не подалъ еще ни какой причины къ особливымъ на себя жалобамъ и неудовольствіямъ; но всѣ они на-перерывъ старались намъ угождать и насъ веселить; всѣми ими были мы довольны, и всѣ они подавали намъ отъ-часу болѣе поводовъ къ люблению себя. Миръ и тишина и единодушное согласіе обитало посреди нашего дома и семейства, утѣшало взаимно насъ всѣхъ и дѣлало совокупно всѣхъ благополучными. Словомъ, по особливымъ щедротамъ Великаго нашего Попечителя, веселились и не только веселились, но и славились мы своими дѣтьми и семействомъ. Повсюду посилась объ насъ столь хорошая слава, что многіе хорошіе женихи начинали свататься за дочерей моихъ и съ вожделѣніемъ хотѣли быть въ нашемъ семействѣ, хотя было повсюду множество невѣстъ и богатѣйшихъ предъ моими, но имъ давали преимущество. Это было что-то особливое и происходящее прямо отъ особливаго попеченія объ насъ моего и ихъ Небеснаго Отца.

«Сынъ мой, сей любезный и прямо достойный сынъ, находился въ прежнемъ своемъ состояніи. Здоровье его хотя и не поправлялось предъ прежнимъ, но, благодаря Бога, и не похудѣло, но, сколько казалось, было болѣе надежды, что оно поправится и что Всемогущему угодно будетъ и впредь благословить меня чрезъ посредство Его многими пріятными минутами въ жизни. Совершенствы и качествы сего юноши развертывались отъ часу больше и, сколько мнѣ кажется, то онъ, наслѣдуя отъ меня многія хорошія свойства, наслѣдовать будетъ и тотъ особливый небесный даръ, чтобъ быть всѣми любимымъ и отъ всѣхъ пріобрѣтать себѣ хвалу и доброе имя.

«Большая и замужная дочь моя Елисавета продолжала жить по-прежнему съ мужемъ своимъ порядочно, мирно и хорошо. Она хотя и лишилась въ минувшемъ году своей дочери, милаго, любезнаго и намъ всѣмъ слёзъ стоющаго ребенка, но Небо утѣшило ее и насъ другимъ, оставшимся мальчикомъ, насъ довольно уже утѣшающимъ, но также не весьма здоровымъ и надежнымъ. Но воля Господня буди и съ онымъ! Они видались съ нами очень часто, а въ сіе время мужъ ея выбранъ былъ въ судьи и долженствовалъ еще чаще быть съ нами. Характеръ его хотя и отличался во мно-

гомъ отъ нашихъ, однако, мало-по-малу подстроивался и онъ къ намъ, а мы къ нему; а можетъ быть время его попеределаетъ и сдѣлаетъ во всемъ еще совершеннѣйшимъ. Нельзя сказать, чтобъ мы и тогда имѣли какой-либо поводъ къ неудовольствіямъ отъ него, но онъ достоинъ былъ всеобщей нашей любви и не безчестилъ нашего семейства, и мы были имъ довольны.

«Обѣ другія еще незамужнія и взрослыя мои дочери, Настасья и Ольга, часъ-отъ-часу становились совершеннѣе. Какъ розы развертываясь, оказывали онѣ въ себѣ со всякимъ днемъ болѣе хорошихъ свойствъ и красотъ тѣлесныхъ и душевныхъ. Обѣ онѣ были совершенными невѣстами. Обѣ служили красотою моего дома и семейства, объ обѣихъ носилась вездѣ хорошая молва, и обѣ любимы были всѣми. Первая изъ нихъ, Настасья, была у насъ почти помолвлена замужъ за г. Жданова. Но что́-то странное выходило изъ сего дѣла и непостижимое. Сколь горячо было онъ къ намъ сначала привязался, сколь мало сомнѣвались мы о томъ, что онъ къ намъ вскорѣ для сговора пріѣдетъ; столь, къ удивленію, запалъ онъ такъ, что по нѣскольку недѣль не было объ немъ ни слуху, ни духу, ни послушанія. А хотя временемъ къ намъ и писалъ, но въ письмахъ его не находили мы ничего позитивнаго или негативнаго, и не знали, что́ объ немъ думать и заключать. А какъ между тѣмъ сталъ свататься другой и еще выгоднѣйшій женихъ, то мы около сего времени и находились въ великомъ нестроеніи и не знали, ка́къ быть, если онъ къ намъ не пріѣдетъ и не пришлетъ съ увѣдомленіемъ обстоятельнымъ по письму нашему.

«Сама меньшая дочь моя, Катерина, поднялась въ минувшій годъ такъ на ноги, что сдѣлалась уже полуневѣстою. Мы не менѣе и ею начинали мало-по-малу становиться довольными; можетъ быть, и она во многомъ не отстанетъ отъ большихъ сестеръ своихъ.

«Что касается до хозяйственныхъ моихъ обстоятельствъ, то Богу буди благодареніе! Минувшій годъ былъ для меня благословеннымъ: доходъ денежный и доходъ небеззаконный и законный простирался слишкомъ за полпяти тысячъ рублей, такъ что, за обыкновенными расходами, оставалось у меня болѣе двухъ тысячъ, такъ какъ бы на приданое дочери. Но скоро, какъ по всему заключать можно было, доходамъ симъ предстоитъ превеликая революція, и они долженствовали знатнымъ образомъ уменьшиться.

«Что касается до прочихъ обстоятельствъ по моему мѣсту, то никогда еще они такъ сумнительны ни были, какъ въ сіе время. Злодѣи, завидствующіе моему мѣсту, сплетали новый ковъ и хотѣли меня свернуть, и ожидали только пріѣзда намѣстникова въ Тулу. Но Богу что́ угодно, то и будетъ! Толико лѣтъ охранялъ Онъ меня здѣсь отъ всѣхъ противниковъ и злодѣевъ, на Его святую волю и попеченіе о себѣ я и возлагаю всю надежду; а если угодно Ему, чтобъ меня отъ сего мѣста оторвать, то могу-ли и дерзну-ли я что-нибудь противъ того говорить?»

Вотъ что́ записалъ я тогда въ моемъ состояніи и положеніи при началѣ сего года. Теперь пойду далѣе и стану разсказывать вамъ о томъ, что́ со мною въ продолженіи онаго дѣлалось и происходило.

Мы провели первый день сего года довольно весело. Всѣ мои родные были въ совокупленіи, и хотя ожиданіе наше тверскихъ нашихъ родныхъ и г. Жданова было и въ сей [день] тщетное, но и безъ нихъ людей было довольно, для препровожденія сего дня съ удовольствіемъ. Поутру, не смотря на всю бывшую жестокую стужу, были мы всѣ у обѣдни и болѣе для слушанія прекрасной проповѣди, говоренной любимцемъ нашимъ, отцемъ Ѳедотомъ. Обѣдали у меня новоизбранный нашъ исправникъ, старшій сынъ друга моего Алексѣя Андреяновича Албычева и г. Остафьевъ; а послѣ обѣда поспѣшили и многіе другіе обоего пола на-

ши друзья и знакомцы, и мы повеселились, потанцовали и играли ввечеру въ фанты. Были пѣвчіе, гремѣли хоры и стоялъ отъ музыки стонъ; а между тѣмъ, продолжала и машина моя работать. Число разовъ работанія ея въ минувшій годъ простиралось до 2,852, а число вылѣченныхъ до 670 вылѣчекъ; и она творила истинныя чудеса; а потому лѣчились и въ сей день многіе и получали отъ ней пользу. О пріѣздѣ намѣстника не было еще слуха.

На другой день съ почтою получили мы, наконецъ, отъ тверскихъ нашихъ родныхъ письмо и узнали, что они въ путь свой къ намъ еще и не выѣзжали. Отъ г. Жданова не получили мы и съ сею почтою ничего, и потому не знали, что объ немъ заключать и думать. А какъ новое начавшееся сватовство насъ тревожило и назначенный день для свиданія съ новымъ женихомъ уже приближался, о г. Ждановѣ же были мы въ неизвѣстности совершенной, поелику онъ самъ къ намъ не ѣхалъ и не писалъ ничего, и мы начинали думать, что едва-ли онъ уже и не раздумалъ жениться на моей дочери,—то рѣшились, съ общаго совѣта, послать къ нему нарочнаго человѣка съ тѣмъ, чтобъ онъ самъ сказалъ либо то, либо сё, и разрѣшилъ наше сомнѣніе. Итакъ, написали мы къ нему письмо, для отправленія въ послѣдующій день, а между тѣмъ и сей провели по святочному и съ бывшими у насъ опять многими гостьми повеселились музыкою и танцами.

Оба послѣдующіе за симъ дни, за отъѣздомъ всѣхъ моихъ дѣтей въ гости, въ Епифанскій уѣздъ къ г. Албычеву, провели мы въ уединеніи и въ тишинѣ, а въ наступившій потомъ сочельникъ рѣшилась почти судьба моей Настасьи Андреевны. Посыланный къ г. Жданову возвратился, а вмѣстѣ съ нимъ прискакалъ и самъ онъ къ намъ, передъ вечеромъ. Итакъ, сей вечеръ былъ для насъ достопамятный. Мы говорили много и положили на словѣ, чтобъ будущею недѣлью начать дѣло. Конференція сія была у насъ тайная, ночная, долговременная, и мы говорили съ нимъ обо всемъ и обо всемъ, прямо и безъ обиняковъ.

Итакъ, на самое Крещенье, по-утру, дали мы уже формально слово и помолвили нашу Настасью Андреевну. Утро сіе было для всѣхъ насъ весьма сумрачное: разныя обстоятельства наводили на насъ сомнѣніе. Примѣчены были нами въ женихѣ нѣкоторые недостатки, а особливо въ разсужденіи его здоровья; такъ что мы колебались и смущались мыслями, и наконецъ, возжелали сами видѣться еще разъ съ женихомъ, ночевавшимъ въ городѣ и хотѣвшимъ до-свѣта уѣхать. По счастію, такъ случилось, что во всемъ городѣ не нашлось лошадей ямскихъ, на которыхъ бы ему отъѣхать было можно. Сіе удержало его часу до десятаго, а между тѣмъ пріѣхалъ къ намъ зять мой и помогъ намъ скорѣе рѣшить сіе дѣло. Итакъ, г. Ждановъ заѣзжалъ къ намъ по-дорожному и, напившись чаю и поговоривъ съ нами, поскакалъ домой, съ тѣмъ чтобъ въ суботу прислать къ намъ человѣка съ извѣстіемъ, когда они пріѣдутъ къ намъ для сговора, и чему назначали мы время около вторника.

Между тѣмъ какъ мы полагали дѣло сіе достовѣрнымъ и заключали, что послѣ сговора необходимо надобно будетъ женѣ моей съѣздить въ Москву, для закупки нужныхъ вещей для приданаго, и ей весьма хотѣлось, чтобъ помогли ей въ томъ мои племянницы Травины, которымъ около сего времени и надлежало быть въ Москвѣ,—то не знали мы какъ бы ихъ до того времени позадержать въ Москвѣ, покуда она пріѣдетъ, и положили, наконецъ, писать немедленно къ нимъ и расположить письмо глухо и кое-какъ, чтобъ они могли сами догадаться. Впрочемъ, и сей послѣдній день нашихъ святокъ провели мы со многими гостьми и довольно весело.

Въ послѣдующій за симъ день происходило ввожденіе новыхъ судей въ ихъ должность новымъ нашимъ предводителемъ, другомъ моимъ Николаемъ Сергѣевичемъ Арсеньевымъ. Послѣ чего, какъ онъ, такъ и всѣ судьи у меня обѣ-

дали и потомъ уже разъѣхались по домамъ. Я какъ-то былъ весь сей день въ смущенномъ состояніи духа. Чѣмъ ближе приближалось время къ разрѣшенію судьбы дочери моей, тѣмъ болѣе замирало у меня сердце, и я не однажды обращался помышленіями моими къ Богу, на Котораго возлагалъ я всю мою надежду и передавалъ все на Его святую волю и благоусмотрѣніе.

Какъ на утріе былъ тотъ день, въ который по условію надлежало Михайловскимъ гостямъ съ новымъ женихомъ пріѣхать, для свиданія съ нами въ Ламки, то надлежало и намъ туда пріѣхать. Но какъ условленось было у насъ и съ г. Ждановымъ, чтобъ ему въ самый этотъ день прислать съ извѣстіемъ, когда они къ намъ для сговора будутъ, то не хотѣлось-было мнѣ самому въ сей день ѣхать въ Ламки, а хотѣлъ отправить туда, кромѣ Настасьи, всѣхъ своихъ, а самому дождаться до послѣдующаго дня, и въ оный уже туда пріѣхать. Но какъ жена моя на то не согласилась, а хотѣла чтобъ и я ѣхалъ съ ними вмѣстѣ, то наконецъ согласился и я. Мы поѣхали туда къ обѣду и нашли тамъ предводителя и исправника и еще Мих. Ник. Албычева, и провели съ ними весь этотъ день безъ скуки. Къ вечеру ожидали мы пріѣзжихъ, но они не бывали, и мы заключали, что будутъ они на утріе.

На утріе проводивъ предводителя и исправника и убравъ нашу Ольгу, стали мы дожидаться, съ одной стороны, гостей изъ Михайлова, а съ другой, по бывшему тогда почтовому дню, почты и вкупѣ извѣстія отъ г. Жданова. Мы то и другое и получили. Но каково же было послѣднее? Маленькое письмецо съ неожидаемымъ совсѣмъ нами увѣдомленіемъ, что онъ, переговоривъ съ своими родными, совершенно жениться раздумалъ. Легко можно вообразить, что неожидаемое сіе извѣстіе всѣхъ насъ привело въ превеликое волненіе. Однако, мы не столько о семъ тужили, сколько радовались и благодарили Бога, что такъ случилось; ибо въ послѣднюю свою бытность г. Ждановъ оказалъ столь много въ себѣ сумнительнаго, что у меня замирало уже сердце, когда вспоминалъ я, что Настасья моя за нимъ будетъ, и что дѣло сіе невозвратно, и внутренно уже желалъ, чтобъ сіе сватовство могло разойтиться; я и не отказывалъ ему, изъ единой благопристойности. Но какъ сей случай произвелъ во всѣхъ обстоятельствахъ нашихъ перемѣну, то тужили уже мы, что не взяли мы съ собою нашей Настасьи и что была съ нами только Ольга. Подумавъ какъ бы пособить сему дѣлу и радуясь, что узнали мы сіе еще до пріѣзда Коробьиныхъ, рѣшились отправить скорѣе Ольгу домой и привезть къ себѣ Настасью, которая въ одинъ мигъ къ намъ прилетѣла. Со всѣмъ тѣмъ, къ превеликому удивленію нашему, гостей нашихъ и въ сей день ни къ обѣду, ни къ вечеру мы не дождались и не знали, что о томъ и заключать.

Устроеніе неисповѣдимыхъ судебъ Божескихъ было такое, что мы и въ послѣдующій день въ ожиданіи своемъ обманулись. Мы и сей весь день прождали по-пустому и рѣшились, наконецъ, на другой день ѣхать домой. А какъ и въ послѣдующіе три дни не было изъ Михайлова ни какого слуха, то легко мы могли заключать, что изъ всего сего новоначинаемаго дѣла вышелъ совершенный нуль и что все было пустое, почему и перестали совсѣмъ о томъ и думать; а заключая, что волѣ Всемогущаго не угодно было, чтобъ изъ обоихъ сихъ сватовствъ что-нибудь вышло, обратились къ своимъ дѣламъ и упражненіямъ.

Симъ образомъ кончилось все наше и столь долго тянувшееся дѣло съ г. Ждановымъ, а вкупѣ и начинавшееся-было съ г. Коробьинымъ. Что ихъ отъѣздъ къ намъ удержало, о томъ не могли мы ни тогда, ни послѣ въ точности провѣдать. Между тѣмъ, зять мой переѣхалъ совсѣмъ жить къ намъ въ Богородицкъ и расположился въ нижнихъ покояхъ дворцоваго флигеля.

Непосредственно почти за симъ съѣздившій въ Тулу секретарь мой Варсо-

бинъ привезъ извѣстіе, что намѣстника нашего въ скорости и на тѣхъ дняхъ дожидаются въ Тулу, и что Юницкой приказывалъ, чтобъ я немѣшкавъ пріѣхалъ въ Тулу. Но меня съ одной стороны съѣхавшееся ко мнѣ великое множество гостей, а съ другой — пиръ, дѣлаемый зятемъ моимъ для всѣхъ городскихъ въ своей квартирѣ, — такъ захватили, что я не прежде могъ въ сей путь отправиться, какъ 17 числа сего мѣсяца. И какъ ѣзда въ сей разъ въ Тулу была довольно достопамятна тѣмъ, что я поѣхалъ въ сей путь съ духомъ, не весьма спокойнымъ, а съ тревожащими оный помышленіями, чтобъ не произошло со мною тамъ чего-нибудь важнаго, то и опишу я тогдашнее пребываніе мое въ Тулѣ въ подробности.

Изъ опасенія, чтобъ мнѣ не опоздать своимъ пріѣздомъ, поѣхалъ я въ сей разъ на перемѣнныхъ лошадяхъ и выѣхалъ изъ двора такъ рано, что пріѣхалъ въ Тулу почти еще въ половину дня, и такъ задолго еще до вечера, что успѣлъ еще въ тотъ же день побывать у командира своего г. Юницкаго, а между тѣмъ переговорить обо всемъ съ моими хозяевами и распросить у нихъ обо всемъ, что происходитъ въ Тулѣ. Отъ нихъ узналъ я, что намѣстникъ въ Тулу еще не бывалъ, однако, возвратился уже изъ Петербурга и находился тогда въ Москвѣ; что пріѣзда его въ Тулу всѣ Тульскіе съ каждымъ днемъ на цыпочкахъ дожидаются; но когда пріѣздъ его воспослѣдуетъ, о томъ въ точности ни кто не знаетъ. Что касается до Юницкаго, у котораго я въ сей разъ недолго пробылъ, то принялъ онъ меня весьма благопріятно и при отъѣздѣ велѣлъ пріѣзжать къ нему на утріе поранѣе. Все сіе происходило у насъ тогда въ понедѣльникъ.

Итакъ, во вторникъ по-утру, поѣхалъ я къ г. Юницкому, съ которымъ провели мы болѣе двухъ часовъ въ разговорахъ и совѣщаніяхъ о томъ, что̀ намъ дѣлать при пріѣздѣ намѣстника и о чемъ и о чемъ ему относительно до волостей нашихъ докладывать. Онъ разсказывалъ мнѣ о сумнительныхъ обстоятельствахъ и о критическомъ положеніи, въ какомъ находилась тогда вся казенная полата, по причинѣ разворованія са́мими начальниками важныхъ денежныхъ суммъ и неимѣнія оныхъ въ наличности. Всѣ боялись, чтобъ намѣстникъ не узналъ того въ подробности. Что-жъ касается до него, Юницкаго, то онъ, не имѣя въ томъ ни какого участія, располагается никакъ о томъ не молчать, а довесть хотя стороною всѣ шашни до свѣдѣнія намѣстника. Услышавъ сіе, я легко могъ предвидѣть, что не обойдется тутъ безъ большого шума, и любопытство мое увеличилось видѣть, что̀ происходить будетъ.

Переговоривши обо всемъ, что̀ было нужно, поѣхали мы съ нимъ въ казенную полату. Тамъ сказалъ онъ мнѣ, что я могу ѣхать куда хочу, а пріѣзжалъ бы только къ нему обѣдать; однако, я никуда не поѣхалъ, а пробылъ все утро тутъ въ полатахъ и провелъ все время до выѣзда его въ свиданіяхъ и разговорахъ съ бывшими тамъ многими изъ моихъ знакомцовъ. Отобѣдавши у г. Юницкаго и услышавъ, что въ Тулѣ находился тогда и прежній мой командиръ г. Давыдовъ, выписанный нарочно изъ Калуги, для окончательной раздѣлки по расхищеннымъ онымъ казеннымъ деньгамъ, рѣшился съѣздить къ нему. Я нашолъ его по-прежнему ко мнѣ благопріятствующимъ и хотя принужденно принимающимъ на себя спокойный видъ, но въ примѣтномъ смущеніи душевномъ и въ крайнемъ недоумѣніи, какъ имъ быть и какъ скрывать далѣе отъ намѣстника всѣ пакости, ими надѣланныя. Посидѣвши у него, заѣхалъ къ любопытному знакомцу своему, тогдашнему губернскому казначею, г. Запольскому, и просидѣлъ у него весь вечеръ, занимаясь съ нимъ любопытными разговорами о тогдашнихъ политическихъ происшествіяхъ, въ которыхъ онъ, какъ любопытнѣйшій изъ всѣхъ тульскихъ господъ, былъ весьма свѣдущъ, и по самому тому любилъ и

почиталъ меня отмѣнно, и всегда пріѣздомъ моимъ къ нему былъ очень доволенъ. Онъ не отпустилъ меня отъ себя безъ ужина, и мы провели время съ пріятностью. Но бѣднякъ сей не воображалъ себѣ тогда, что висѣла уже надъ нимъ превеликая напасть, которую впослѣдствіи претерпѣлъ онъ за чужіе грѣхи и за единое свое снисхожденіе къ своимъ начальникамъ и за недоносъ о пакостяхъ, дѣлаемыхъ ими въ разсужденіи расхищенія казенныхъ суммъ, которыя всѣ были у него подвѣдомственны.

И весь послѣдующій день прошелъ у насъ въ тщетномъ ожиданіи намѣстникова пріѣзда. Я ѣздилъ по-утру опять къ Юницкому, который препоручилъ мнѣ написать еще одинъ пунктъ, для доклада намѣстнику по нашимъ волостямъ. Я, написавъ его въ квартирѣ, не повезъ оный къ нему уже самъ, но отослалъ съ секретаремъ моимъ Щедиловымъ, пріѣхавшимъ со мною, къ г. Юницкому въ казенную полату, а самъ, пообѣдавъ съ хозяевами своими, ѣздилъ къ малорослому доктору Дитриху, приглашавшему меня уже нѣсколько разъ къ себѣ. Онъ мнѣ былъ очень радъ, угощалъ меня кофеемъ и мы съ нимъ, какъ съ ученымъ человѣкомъ, не могли довольно наговориться; а отъ него заѣхалъ я къ пріятелю своему архитектору г. Сокольникову, и съ нимъ провелъ весь вечеръ въ дружескихъ, пріятныхъ и любопытныхъ разговорахъ.

Наконецъ, въ четвергъ, получили мы достовѣрное извѣстіе, что въ этотъ день прибудетъ къ намъ намѣстникъ, къ вечеру. Я обѣдалъ въ сей день у Юницкаго, гдѣ нечаянно свидѣлся съ пріятелемъ своимъ и прежнимъ своимъ корреспондентомъ, Василіемъ Алексѣевичемъ Левшинымъ, ѣхавшимъ тогда изъ Москвы. Отъ самаго сего и узнали мы о намѣстникѣ, котораго объѣхалъ онъ на дорогѣ. Не успѣлъ слухъ о томъ распространиться въ городѣ, какъ весь оный пришолъ въ превеликое движеніе. Все судейство и бывшее въ городѣ дворянство спѣшило скорѣе одѣваться, убираться и готовиться для встрѣчи своего важнаго начальника и собираться во дворецъ для пріема онаго. По всѣмъ улицамъ началась скачка и бѣганіе народа. Всѣ оружейники поспѣшали сбѣжаться къ воротамъ при въѣздѣ въ городъ, гдѣ назначено было имъ онаго встрѣтить. И какъ пріѣхать ему не можно было прежде наступленія ночи, то не только всѣ улицы, по которымъ надлежало ему ѣхать, но и всѣ стѣны и башни городскія установлены были засженными плошками. Словомъ, встрѣча приготовлена была ему пышная и великолѣпная, и не хуже какъ бы и какому государю. Я самъ принужденъ былъ также спѣшить на свою квартеру и убравшись скакать во дворецъ, гдѣ нашелъ великое множество съѣхавшихся уже чиновниковъ и дворянства и дожидающихся минуты его прибытія.

Наконецъ, и по наступленіи уже самой ночи, воспослѣдовало его прибытіе. Всѣ первѣйшіе чиновники выбѣжали встрѣчать его въ сѣни; а мы всѣ, оставшись въ залѣ и раздѣлившись на двѣ толпы, составили промежъ себя широкую улицу, для прохода его превосходительству, и всѣ спѣшили привѣтствовать его своими поклонами при восшествіи въ оный. Онъ, не останавливаясь, прошелъ чрезъ залъ въ свою пріемную, куда всѣ повалили вслѣдъ за нимъ, и тамъ, по обыкновенію, составили вокругъ его, остановившагося, большое полукружіе, и всякій старался, протѣсниваясь сквозь толпу, выдаваться впередъ и становиться въ передніе ряды, дабы преподать намѣстнику способъ себя увидѣть и удостоить какимъ-нибудь словцомъ.

Что касается до меня, то я, по причинамъ, прежде сего довольно объясненнымъ, будучи пріѣзду сего вельможи и радъ и не радъ, или паче опасаясь, чтобъ мнѣ въ сей разъ не претерпѣть бы отъ него какого зла, отъ него хотя и не бѣгалъ и въ народѣ отъ глазъ его не прятался, однако, не находилъ за нужное выдаваться слишкомъ, по примѣру прочихъ, впередъ на тотъ конецъ, чтобъ

ему со мною говорить было можно. Итакъ, онъ меня, хотя и видѣлъ и не одинъ разъ на меня взглядывалъ, однако, ко мнѣ не подходилъ и ничего со мною не говорилъ, да и со всѣми разговаривалъ очень немного, а скоро откланявшись, ушолъ во внутреннія свои комнаты. Послѣ чего и мы тотчасъ всѣ разъѣхались по домамъ. Итакъ, весь сей день прошелъ у насъ въ одныхъ только пріуготовленіяхъ, пріемѣ и встрѣчѣ.

На утріе, одѣвшись поранѣе, спѣшилъ я ѣхать къ Юницкому, дабы вмѣстѣ съ нимъ ѣхать къ намѣстнику. Однако, его уже не засталъ дома и услышалъ, что онъ еще въ седьмомъ часу уѣхалъ во дворецъ; итакъ, ну-ка я скакать вслѣдъ за нимъ. Тамъ нашелъ я уже множество съѣхавшагося народа и бившаго все еще табалу, то есть—всѣхъ расхаживающихъ по комнатѣ и въ ожиданіи выхода намѣстникова, гдѣ по одиначкѣ, гдѣ въ кучкахъ и въ круговенькѣ между собою разговаривающихъ. Какъ народа понабралось уже довольно, то вышелъ къ намъ наконецъ и намѣстникъ, но на одну только минуту, а прошелъ въ переднюю, гдѣ дожидалось его тульское духовенство и оружейники. Изъ первыхъ наизнаменитѣйшій говорилъ ему привѣтственную рѣчь, а послѣдніе поднесли ему прекрасное ружье и письмо, на паргаментѣ написанное. Намѣстникъ, поговоривъ съ ними немного, возвратился опять къ намъ и, молвивъ опять кое съ кѣмъ слова два, ушолъ въ кабинетъ для писанія важныхъ дѣлъ, ибо отправлялся отъ него въ сіе утро курьеръ въ Петербургъ. Итакъ, начали мы опять бить табалу и ходить взадъ и впередъ по комнатамъ, безъ всякого дѣла. Нѣсколько часовъ прошло въ семъ упражненіи. Наконецъ, всѣ судьи разъѣхались по своимъ присутственнымъ мѣстамъ. Я хотя остался еще на полчаса времени, но, походивъ взадъ и впередъ, скоро симъ прискучилъ и, узнавъ, наконецъ, что намѣстникъ въ сей день будетъ обѣдать у любимца своего, нашего вицъ-губернатора Вельяминова, и что въ то утро никакого дѣла не будетъ, спросился у Юницкаго и поѣхалъ обѣдать домой, на квартеру; и пообѣдавъ, никуда болѣе не поѣхалъ. Хотѣлъ-было ѣхать въ бывшій въ тотъ вечеръ театръ, но, за великою бывшею въ сіе время стужею, раздумалъ, а остался дома, въ ожиданіи, что воспослѣдуетъ далѣе съ нами, ибо зналъ, что г. Юницкой въ сей вечеръ хотѣлъ ѣхать къ намѣстнику съ докладами о нашихъ волостныхъ дѣлахъ. Онъ къ нему, дѣйствительно, и ѣздилъ и докладывалъ не только объ нашихъ Богородицкихъ дѣлахъ, но по намѣренію своему далъ ему стороною и обинякaми знать о сумнительномъ положеніи казенной полаты, и что нужно бы ему самому освидѣтельствовать всѣ казенныя суммы и принять нужныя мѣры къ сохраненію ихъ въ цѣлости. Симъ только онъ смутилъ духъ намѣстника, что онъ не сталъ входить въ дальнія подробности по его докладамъ по нашимъ дѣламъ, а тотчасъ ихъ рѣшилъ и кончилъ, и занявшись разговоромъ о казенной полатѣ, требовалъ отъ него мнѣнія, какъ бы поступить лучше? А сей того только и дожидавшись, безъ дальнихъ околичностей, ему сказалъ, что какъ онъ не сумнѣвается, что всѣ казенныя суммы при свидѣтельствованіи оныхъ окажутся въ наличности, ибо всего легче статься можетъ, что деньги недостающія откуда-нибудь на сей часъ нахватаются, то, по мнѣнію его, наилучшимъ средствомъ могло бы быть то, если-бъ, по освидѣтельствованіи казны, въ тотъ же часъ смѣнить губернскаго казначея и отдать всѣ суммы въ сохраненіе новому, который на его мѣсто назначится. Средство сіе намѣстнику очень полюбилось, и онъ крайне былъ доволенъ, что г. Юницкой его надоумилъ, и оба сговорились, чтобъ дѣло сіе произвесть въ послѣдующее же утро, а до того времени хранить сіе въ величайшей тайнѣ.

Итакъ, по наступленіи послѣдующаго дня, и началась сія траги-комедія. Я, пріѣхавъ къ г. Юницкому, едва засталъ его дома, отъѣзжающаго въ казенную полату, для помянутаго свидѣтельства;

вмѣстѣ съ прочими и самимъ намѣстникомъ, казны. Какъ онъ думалъ, такъ дѣйствительно и сдѣлалось. Всѣ суммы найдены въ наличности цѣлыми. Расхитившій оныя вицъ-губернаторъ, при помощи губернскаго казначея, не преминули кой у кого у купцовъ и другихъ нахватать многія тысячи и наполнить ими все недостающее число, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ на другой же день ихъ опять вынувъ возвратить оныя хозяевамъ. Но счетъ сей дѣланъ былъ безъ хозяина, имъ и въ голову того неприходило, что денежки сіи сдѣлаются уже невозвратными, и что былъ уже въ готовности новый губернскій казначей, принявшій ихъ въ тотъ же часъ въ свои руки. Но неожидаемость таковая, доставившая г. Юницкому славу, поразила вицъ-губернатора и прежняго казначея какъ громовымъ ударомъ. Оба они повѣсили носы и были при сей перемѣнѣ ни живы, ни мертвы. Но пособить было нечѣмъ. Они не смѣли даже и однимъ словомъ заикнуться. Всѣ прочіе удивились и заахались, услыша и увидя сіе происшествіе. Впрочемъ, достопамятно, что въ сіе утро сдѣлался-было въ квартерѣ намѣстника пожаръ, и который на-силу потушили. Сіе произвело новую тревогу. Однако, я тамъ не былъ, поелику я ни туда, ни въ казенную палату не поѣхалъ, ибо не имѣлъ ни какой побудительной причины намѣстнику показываться и радъ былъ, что онъ самъ ко мнѣ не привязывался. Г. Юницкой велѣлъ мнѣ пріѣжжать къ себѣ обѣдать, но обѣдъ былъ поздной, и мы проговѣли до четвертаго часа. Вечеръ весь пробылъ я дома, но послѣ жалѣлъ, что не поѣхалъ во дворецъ, гдѣ былъ въ сіе время концертъ; однако, было тамъ и безъ меня тѣсно, а къ тому-жъ, мнѣ тамъ и искать было нечего. Докладъ нашъ вышелъ, резолюція на него получена, намѣстникъ не весьма прилѣплялся уже къ волостямъ нашимъ, и мысли и голова у него были тогда совсѣмъ не тѣмъ заняты. До него дошли уже слухи о всѣхъ мытарствахъ вицъ-губернатора съ товарищами. Къ сему приступили всѣ дававшіе ему деньги на ссуду, съ требованіемъ оныхъ обратно; но ему учинить того было уже не можно, и онъ не зналъ, какъ ему быть и что дѣлать. Намѣстникъ, узнавъ сіе, вздурился отъ досады на него за то, что онъ не предварилъ его о томъ прежде; и какъ его ни любилъ, но тогда и самому ему пособить имъ было нечѣмъ и невозможно, и другого не оставалось, какъ сказать, что они, какъ бездѣльничали, такъ бы и раздѣлывались съ своими заимодавцами. А сіе и произвело то слѣдствіе, что г. вицъ-губернаторъ принужденъ былъ не только все свое, но и всѣхъ родныхъ своихъ заложить имѣніе и доставать деньги на уплату заимодавцамъ, и чрезъ то всѣхъ ихъ довелъ до чувствительнаго разоренія. Бѣдняка же знакомца моего г. Запольскаго не только совершенно разорилъ, но довелъ чрезъ то и до самаго гроба. Словомъ, дѣло сіе, сдѣлавшееся всѣмъ извѣстнымъ, надѣлало много шуму и подавало поводъ ко многимъ всеобщимъ о томъ разговорамъ и сужденіямъ разнаго рода.

Теперь, возвращаясь къ прежней матеріи, скажу, что въ послѣдующій за симъ день, случившійся воскреснымъ, съѣхались и собрались мы всѣ опять къ намѣстнику. Я засталъ г. Юницкаго еще дома, и мы съ нимъ пріѣхали вмѣстѣ, когда служили еще всеночную. Народу собралось потомъ очень много, но всѣ, къ превеликому удивленію нашему, били опять одну только табалу нѣсколько часовъ. Намѣстникъ не удостоилъ всѣхъ ни однимъ почти словомъ, но вышелъ очень смутнымъ и прошолъ прямо въ церковь къ обѣднѣ; не удалось никому ничего съ нимъ поговорить. Всѣ остались дожидаться возвращенія его изъ церкви, думая, что тогда пробудетъ онъ нѣсколько съ народомъ и поговоритъ; однако, не то воспослѣдовало, а онъ, какъ бы боявшись всѣхъ, прошолъ мимо, не останавливаясь, въ кабинетъ свой и заперся въономъ. Итакъ, и въ сей разъ не удалось никому и слова съ нимъ молвить; всѣ начали опять бить табалу и потомъ стали разъѣзжаться. Г. Юницкой рѣшился

также ѣхать и, подхватя меня, увезъ къ себѣ обѣдать, сказавъ мнѣ, что намѣстникъ въ сей день будетъ обѣдать у губернатора, а ввечеру въ редутѣ. Отобѣдавъ у Юницкаго, заѣхалъ я отъ него къ Верещагину и просидѣлъ у него до ночи, говоря о тогдашнихъ происшествіяхъ. Онъ уговорилъ меня ѣхать вмѣстѣ въ редутъ, куда мнѣ и хотѣлось ѣхать, и нѣтъ. Но какъ, по всѣмъ видимымъ обстоятельствамъ, не было тогда мнѣ причины чего-нибудь отъ намѣстника опасаться, поелику голова его не тѣмъ была занята, да и всѣмъ недоброхотамъ и злодѣямъ моимъ самимъ до себя дошло дѣло и имъ не до того было, чтобъ помышлять о какихъ-либо противъ меня злодѣйствахъ, — то согласился и я на убѣжденіе г. Верещагина и поѣхалъ туда съ безбоязненнымъ уже духомъ. Мы нашли тамъ превеликую толпу народа въ собраніи, а скоро послѣ насъ пріѣхалъ и намѣстникъ. Итакъ, видѣлъ я его опять тутъ; видѣлъ и онъ меня; смотрѣлъ не одинъ разъ на меня пристально и, повидимому, довольно благосклонно, но не промолвилъ со мною ни одного слова, а пробывъ тутъ очень недолго, отъ насъ уѣхалъ и прислалъ послѣ того за господиномъ Вельяминовымъ. Всѣ бывшіе въ редутѣ удивились сему явленію и начали въявь почти перешоптывать, что намѣстнику подано множество просьбъ, и что въ домѣ у него будетъ не безъ шума. Но что у него съ вицъ-губернаторомъ тамъ происходило — того не могли мы уже узнать, а говорили только, что намѣстникъ былъ до крайности взбѣшонъ и приведенъ въ такую досаду, что расположился выѣхать изъ Тулы гораздо прежде, нежели какъ до того говорилъ и думалъ. По отъѣздѣ его изъ редута, недолго пробыли и мы въономъ. И достопамятно, что сей разъ былъ послѣдній, что я его въ жизнь мою видѣлъ; ибо, какъ я на утріе пріѣхалъ къ господину Юницкому, то сказалъ онъ мнѣ, что какъ, по всему видимому, не дойдетъ уже до обоихъ насъ никакого дѣла, то мнѣ нечего болѣе дѣлать, и я могу, отобѣдавъ у него, собираться уже въ обратный путь и ѣхать къ своему мѣсту, въ Богородицкъ; чѣмъ я былъ и доволенъ. Но какъ было тогда уже не рано, то расположился я заѣхать отъ него въ городъ и употребить достальное время сего дня на исправленіе покупокъ, а пустился въ путь свой до-свѣта, на другой день, въ который и возвратился къ роднымъ своимъ, дожидавшимся меня съ смущеннымъ духомъ, благополучно.

Симъ образомъ кончилось и въ сей разъ мое путешествіе, наводившее на меня сначала столько душевнаго смущенія и безпокойства. Я, размышляя на обратномъ пути о всѣхъ бывшихъ происшествіяхъ, не могъ и въ сей разъ надивиться чудному сплетенію между оными, и чтобъ не усматривать и при семъ случаѣ явные слѣды благодѣтельнаго Божескаго обо мнѣ попеченія, сохранившаго меня не только отъ всѣхъ злодѣйствъ, замышляемыхъ противъ меня моими завистниками, но и самихъ ихъ повергнувшаго въ такое смущеніе, что имъ не до того было, чтобъ мною заниматься, а они ради были, что прогнали почти силою и самаго намѣстника изъ Тулы и до того вздурили, что онъ, бросивъ все, въ тотъ же день ускакалъ изъ Тулы.

Возвратясь въ свое мѣсто и отпраздновавъ случившіяся на другой день имянины старушки моей тещи, принялся я за прежнія свои дѣла и, между прочимъ, началъ сочинять сочиненіе свое о электрицизмѣ для публики.

Едва я препроводилъ два дни въ сихъ моихъ занятіяхъ, какъ случилось съ нами нѣчто неожидаемое, подававшее мнѣ поводъ къ чувствительному неудовольствію, а всѣмъ старшимъ моимъ семьянинкамъ къ слезамъ самимъ. Произошло сіе отъ моего зятика Шишкова. Ему случилось какъ-то при случаѣ угощенія у себя многихъ наѣхавшихъ къ нему гостей и потомъ ѣзды къ Варсобину съ ними на вечеринку, мало-по-малу нахлюстаться до-пьяна, и до такого состоянія, въ какомъ мы его никогда не видывали. Но сіе не составляло бы еще дальнѣйшей

важности. Хотя мы и начали страшиться, чтобъ не наслѣдовалъ онъ со-временемъ гнусной привычки отцовской, но смутило насъ болѣе то, что при семъ случаѣ узнали мы, что пьяный онъ ни къ чему не годится и въ состояніи не только бурлить и кутить, но сердиться, злиться и и даже до того забываться, чтобъ говорить всякія нелѣпости и даже самыя оскорбительныя грубости. Самая ничего нестоющая бездѣлка довела его въ сей разъ до такихъ глупостей, что мнѣ, неожидавшему того никогда отъ него, было происшествіе сіе крайне чувствительно, а жена его и ея мать обливались даже слезами, страшась невѣдомо-чего впередъ отъ его негоднаго нрава. Я сколь ни охотно простилъ его въ семъ проступкѣ, когда на утріе сталъ онъ извиняясь просить меня о томъ, однако, съ сего времени уменьшилъ онъ во мнѣ весьма много то хорошее мнѣніе, какое имѣлъ я до того о его характерѣ.

Но удивительно, что онъ за сіе и какъ бы самою судьбою былъ непосредственно за симъ наказанъ. Такъ случилось, что въ самое же сіе утро, и когда онъ мучился еще отъ похмѣлья, загорись въ самыхъ тѣхъ комнатахъ, гдѣ онъ во флигелѣ дворцовомъ жилъ, балка отъ печи и занялся потолокъ! Не можно изобразить, какъ много сія нечаянность не только его, но и всѣхъ насъ перетревожила и перепугала. Мы находились въ самое то время съ нимъ и его гостьми въ церкви у обѣдни, и дома оставались у него только его сестра, случившаяся тогда у него въ гостяхъ. Зять мой не успѣлъ услышать, что начали на колокольнѣ звонить въ набатъ и о сдѣлавшемся во флигелѣ дворца гвалтѣ, какъ, поблѣднѣвъ какъ мертвый, безъ памяти бросился бѣжать туда. Мы всѣ послѣдовали за нимъ, будучи также перетревожены тѣмъ чрезвычайно. Я невѣдомо-какъ страшился, чтобы не загорѣлся и не сгорѣлъ у меня весь огромный ихъ флигель, и чтобъ не подвергся я за то отвѣту, что пустилъ зятя моего въ оный. Прибѣжавши безъ души туда, нашли мы множество сбѣжавшагося народа, изъ котораго иные таскали снѣгъ и воду и старались погасить загорѣвшійся потолокъ, а другіе вытаскивали всѣ мебели и пожитки зятнины изъ его комнатъ. Словомъ, сумятица была чрезвычайная, но, по особливому счастію, не случилось тогда ни малѣйшаго вѣтра, который могъ бы надѣлать великихъ дѣлъ; а съ другой стороны — усмотрѣно было сіе бѣдствіе такъ скоро, что была еще возможность потушить и залить все загорѣвшееся и недопустить огонь до распространенія; почему и отдѣлались мы отъ сей угрожавшей намъ бѣды однимъ только страхомъ и безпокойствомъ, благодарили невѣдомо-какъ Бога, что кончилось все благополучно.

Непосредственно за симъ и въ самый послѣдній день генваря мѣсяца случилась съ нами другая неожидаемость, но уже не огорчившая, а обрадовавшая насъ. Пришла тщетно наканунѣ того дня ожидаемая почта и привезла ко мнѣ пакетъ изъ Экономическаго Общества и письмо къ намъ отъ нашихъ родныхъ Травиныхъ, изъ котораго могли мы навѣрное заключать, что они изъ Москвы уже выѣхали и въ тотъ же еще день къ намъ пріѣдутъ; что и воспослѣдовало дѣйствительно. Мы едва только проводили отъ себя послѣ обѣда пріѣзжавшаго къ намъ и нѣсколько дней у насъ и у зятя моего гостившаго Льва Савича Крюкова съ женою, какъ, глядимъ, ѣдутъ и онѣ всѣ три сестры вмѣстѣ и обрадовали насъ своимъ пріѣздомъ.

Что касается до пакета, присланнаго мнѣ отъ Общества, то былъ онъ нарочито великъ; но я легко могъ догадаться, что вся величина его происходила отъ присланныхъ ко мнѣ какихъ-либо сѣмянъ, въ чемъ и не обманулся. Я въ немъ нашелъ сѣмена ворсяной щотки и кунчута или сезама, съ письмомъ, столь длиннымъ отъ г. Нартова, что я никогда еще такого отъ него не получалъ. Со всѣмъ тѣмъ, какъ содержаніе онаго состояло въ подробномъ наставленіи, какъ сѣмена сіи сѣять и помянутыя растенія воспитывать, то изъ опасенія чтобъ по-

дробнымъ сообщеніемъ онаго вамъ не наскучить, рѣшился не помѣщать оное здѣсь по прежнему отъ слова до слова, а сказать только вообще, что обременяемъ я былъ въ ономъ опять разными препорученіями и просьбою объ сочиненіи отвѣта на ихъ задачу, о чемъ я всего меньше думалъ. Кромѣ сего, при особомъ тутъ же приложенномъ другомъ коротенькомъ письмецѣ, присланъ былъ ко мнѣ печатный реэстръ всѣмъ членамъ нашего Общества. Что касается до присланныхъ сѣмянъ, то, по любопытству своему, я имъ обрадовался, но впослѣдствіи времени оказалось, что радость моя была пустая; ибо, какъ сѣмена кунчута были совсѣмъ невсхожія, а и сѣмена ворсяной щотки незрѣлыя, то, не смотря на всѣ труды и старанія, употребляемыя мною на возращеніе оныхъ, не имѣлъ я въ томъ ни малѣйшаго успѣха и ни до чего не могъ добиться, а посему наиболѣе и не почелъ за нужное помѣщеніе здѣсь оныхъ писемъ, во всемъ ихъ пространствѣ, и тѣмъ занимать только много мѣста.

Въ теченіи всего февраля мѣсяца не случилось съ нами ни какихъ дальнихъ особливостей, кромѣ того, что въ первыя числа онаго недомогалъ я нѣсколько дней сряду отъ жестокаго кашля, и около половины сего мѣсяца немогъ нѣсколько дней и сынъ мой, также и малютка внукъ мой, и сей такъ жестоко, что мы не чаяли ему быть и живому. Однако, все сіе не мѣшало намъ угощать у себя пріѣзжихъ нашихъ родныхъ Кашинскихъ или паче Тверскихъ; поелику всѣ опи жили не въ Кашинскомъ своемъ отцовскомъ домѣ, а въ самомъ городѣ Твери, въ купленномъ домикѣ. Между ими и ихъ братомъ, женившимся на купеческой дочери, вышла несогласица. Жена его разсорила мужа своего съ ними и отвела его даже и отъ насъ, такъ что онъ не только ко мнѣ ни однажды еще съ своею женою не пріѣзжалъ, но ко мнѣ не писалъ и писемъ. Таковая его ко мнѣ неблагодарность была мнѣ хотя очень чувствительна, и тѣмъ паче, что я съ моей стороны не подалъ ему ни малѣйшаго повода къ неудовольствію, но, напротивъ того, во время ребячества и молодости его, старался о его воспитаніи и обученіи всему, что могъ, и старался отечески; но пособить тому было нечѣмъ. Онъ совсѣмъ отъ насъ отклонился и велъ себя, какъ бы совсѣмъ чужой, а не столь близкій родственникъ. Что-жъ касается до сестеръ его, то сіи любовью и приверженностью своею къ намъ и къ моимъ дѣтямъ замѣняли сей его недостатокъ и вели себя относительно къ намъ такъ, что мы ими были весьма довольны. Онѣ, будучи всѣ три незамужними и находясь въ такихъ лѣтахъ и обстоятельствахъ, что о замужествѣ и помышлять имъ было не можно, пріѣзжали въ сей разъ къ намъ сколько для свиданія съ нами, а болѣе для совѣщанія, какъ бы имъ, на случай кончины которой-либо изъ нихъ, укрѣпить часть маленькаго своего имущества и небольшой Бѣжецкой деревни оставшимъ другимъ сестрамъ и обезопасить отъ брата ихъ неблагодарнаго, — что мы и помогли имъ сдѣлать. Онѣ прогостили у насъ въ сей разъ болѣе двухъ недѣль, которое время провели мы съ ними довольно весело, и постарались, чтобъ оно было для нихъ пріятно. Частые пріѣзды къ намъ и къ зятю моему гостей, который равномѣрно ихъ у себя всячески угощать старался; многократныя увеселенія, доставляемыя имъ нашими музыкантами и пѣвчими; бываемыя то у насъ, то у зятя моего вечеринки, и даже самые танцы; а сверхъ того, неоднократные разъѣзды съ ними по гостямъ, какъ Богородицкимъ, такъ и къ уѣзднымъ нашимъ друзьямъ и знакомцамъ, и ласки, оказываемыя имъ отъ всѣхъ, произвели то, что онѣ и не видали, какъ прошло все сіе время.

Въ теченіи сего періода времени удосужился я написать и отправить отвѣтное письмо къ г, Нартову. Но какъ оное не содержало въ себѣ ничего въ особливости интереснаго, а было-таки довольно велико, то не хочу обременять васъ

чтеніемъ онаго во всемъ пространствѣ, а скажу только въ краткихъ словахъ, что я благодарилъ его за присылку кунжутныхъ и щоточныхъ сѣмянъ, увѣдомлялъ его о начальныхъ съ ними, но весьма неудачныхъ опытахъ, неподающихъ мнѣ никакой надежды; также и о тщетныхъ моихъ стараніяхъ о испытаніи глины моей фабрично на фабрикахъ и суновалялыхъ, и обѣщаніями стараться о томъ и впредь все сіе длинное письмо и кончилъ.

Кромѣ сего, имѣли мы во время пребыванія у насъ моихъ племянницъ случай узнать, что бывшій Настасьинъ женихъ г. Ждановъ находился опять и при самой смерти болѣнъ и присылалъ за лѣкаремъ нашимъ, для лѣченія себя. Мы, услышавъ о семъ, потужили о семъ молодомъ и столь коротко намъ знакомомъ человѣкѣ; жалѣли, что разстался онъ съ нами не простясь, а съ другой стороны благодарили Промыслъ Господень, недопустившій насъ войтить въ тѣснѣйшую связь съ человѣкомъ, толико нездоровымъ.

Наконецъ, 17 числа сего мѣсяца, поѣхали отъ насъ наши любезные родные гости. Мы всѣ проводили ихъ до Ламокъ, а жена съ дочерьми даже до Тулы, гдѣ ей, для исправленія нѣкоторыхъ покупокъ, побывать хотѣлось. Впрочемъ, достопамятно, что около самого сего времени возгремѣлъ повсюду у насъ слухъ и поразительное для всей Европы извѣстіе о бѣшенствѣ французскихъ революціонистовъ и казненіи ими своего добраго и невиннаго короля Людвига XVI. Мы не могли безъ содраганія читать обстоятельнаго описанія о семъ страшномъ происшествіи, сообщеннаго свѣту въ гамбургскихъ газетахъ. И какъ многіе другіе хотѣли оное читать, то взялъ я на себя трудъ и перевелъ всѣ статьи, до того относящіяся, и изъ коихъ набралась цѣлая книжка, которая и хранится и понынѣ еще въ моей библіотекѣ. Впрочемъ, какъ симъ злодѣйскимъ поступкомъ французы навлекли на себя отъ всего свѣта омерзѣніе, и пронесся вскорѣ послѣ сего слухъ, что будто бы состоялся у насъ указъ о изгнаніи всѣхъ французовъ изъ нашего отечества, то всѣ мы весьма-было тому порадовались, что избавился наконецъ отъ сихъ развратителей нашего юношества. Но, къ чувствительнѣйшему нашему сожалѣнію, узнали потомъ, что изъ всего того ничего не вышло, и господа французы остались у насъ, къ несчастію нашему, по-прежнему.

Вскорѣ за симъ, и въ послѣднихъ числахъ февраля, получилъ я опять отъ г. Нартова письмо, которое было хотя коротенькое, но нестоющее того, чтобъ помѣстить оное здѣсь отъ слова до слова. Онъ прислалъ ко мнѣ въ сей разъ напечатанную рѣчь, говоренную имъ въ собраніи; увѣдомлялъ о полученіи посланныхъ къ нему кусковъ глины; о печатаніи моихъ сочиненій, и наконецъ, бомбандировалъ меня вновь о присылкѣ къ нему окаменѣлостей. Сіе возобновило во мнѣ давнишнюю досаду на сіи просьбы, которыя мнѣ такъ уже надоѣли, что я разсердясь положилъ на сіе письмо не отвѣтствовать ничего, дабы хотя тѣмъ г. Нартова принудить догадаться, что мнѣ просьбы сіи о его окаменѣлостяхъ непріятны, и чтобъ онъ отъ меня ихъ пересталъ требовать, какъ отъ такого человѣка, которому ихъ взять негдѣ и который ихъ вовсе не имѣетъ. Словомъ, г. Нартовъ толико прилѣпленъ былъ къ симъ бездѣлицамъ, что сходилъ почти съ ума на нихъ и старался объ нихъ, какъ бы о какихъ важнѣйшихъ вещахъ, сопряженныхъ съ пользою государства, хотя онѣ отъ того, какъ небо отъ земли, удалены были, и никому не могли приносить ни малѣйшей пользы. Досада моя на повтореніе просьбъ и требованій ихъ была тѣмъ чувствительнѣе, что я не однажды къ нему уже писалъ, что у меня ихъ нѣтъ, и что мѣста, гдѣ я нахожусь, были ими очень бѣдны. Все сіе и было причиною, что я, какъ тогда такъ и въ оба послѣдующіе за симъ мѣсяцы, оставался въ совершенномъ молчаніи и не писалъ къ нему ничего.

Наконецъ, кончился нашъ рождествен-

скій мясоѣдъ, а вмѣстѣ съ нимъ и весь февраль мѣсяцъ, котораго послѣдній день ознаменовался великимъ множествомъ гостей, перебывавшихъ у меня другъ за другомъ, также сборами моими ѣхать опять въ Тулу.

По симъ окончу я и сіе длинное мое мо къ вамъ, сказавъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Декабря 31 дня 1812 года. Дворениново).

ТУЛА.

Письмо 287.

Любезный пріятель! Начало мѣсяца марта и тогдашней нашей масляницы ознаменовалось отъѣздомъ моимъ опять въ Тулу, куда надлежало мнѣ, по предписанію, отвезти скопившуюся у насъ казну. Я ѣздилъ туда опять на перемѣнныхъ лошадяхъ, и хотя, по дурнотѣ дороги, въ-прахъ измучился, но пріѣхалъ туда однимъ днемъ, и такъ еще рано, что успѣлъ еще побывать у своего командира и съ нимъ обо всемъ переговорить Въ сей разъ пробылъ я тутъ не болѣе однѣхъ сутокъ, въ которую успѣлъ и казну сдать и побывать у губернатора, насмотрѣться какъ приводили французовъ и французянокъ, нехотѣвшихъ выѣзжать изъ Россіи, къ присягѣ; а потомъ съѣздить въ монастырь для свиданія съ другомъ моимъ, игуменомъ Іеронимомъ, пріѣзжавшимъ тогда въ Тулу изъ Коломны; посидѣть у него съ часъ времени; потомъ отобѣдать у Юницкаго; заѣхать къ Верещагину, а наконецъ, весь вечеръ на квартерѣ своей, у Пастухова, провесть въ пріятной бесѣдѣ и ученыхъ разговорахъ съ помянутымъ другомъ моимъ Іеронимомъ, пріѣзжавшимъ нарочно ко мнѣ на вечеръ. А на утріе, ранымъ-ранёхонько запрегши лошадей, поскакалъ въ обратный путь и возвратился къ своимъ въ Богородицкъ, препроводивъ не болѣе трехъ дней въ путешествіи, и такъ, что успѣлъ во всѣ достальные дни нашей масляницы провесть съ своими родными и въ ежедневныхъ свиданіяхъ съ городскими своими знакомцами и друзьями.

Со всѣмъ тѣмъ, чуть-было я въ сіи дни не занемогъ. Ни то отъ простуды, ни то отъ безпокойства заболи у меня бокъ, и такъ чувствительно, что я нѣсколько и поиспужался, и принужденъ былъ употреблять всевозможныя средствы къ уничтоженію сего необыкновеннаго болѣзненнаго припадка. Но, по счастію, продолжался оный только нѣсколько дней, а вскорѣ потомъ и уничтожился. Между тѣмъ, достопамятно было то, что въ самый послѣдній день масляницы пріѣхалъ ко мнѣ деревенскій нашъ Русятинской дьяконъ Илья, съ тогдашнимъ своимъ дьячкомъ, просить себѣ заручныхъ ему въ попы, дьячку—въ дьяконы. Поводъ къ тому подала нечаянная и скоропостижная смерть дяди его Евграфа, бывшаго у насъ до того священникомъ, и довольно хорошимъ и умнымъ. Мы, услышавъ о семъ, потужили о семъ бывшемъ нашемъ отцѣ духовномъ, навлекшемъ на себя смерть невоздержностію въ питьѣ на старости, и я охотно подписалъ заручную дьякону Ильѣ — на его, а дьячку Петру — на дьяконское мѣсто, которые и были потомъ посвящены, и первый изъ нихъ священникомъ еще у насъ и понынѣ, а второй попомъ въ Савинскомъ.

По наступленіи великаго поста, занимались мы во всю первую недѣлю онаго обыкновеннымъ богомоліемъ, и въ субботу всѣмъ домомъ исповѣдывались и причащались; а между тѣмъ продолжалъ я многихъ пріѣзжихъ лѣчить своею машиною. Съ первымъ же днемъ второй недѣли началъ я ту работу, которую давно уже начинать собирался, а именно: сочинять въ Экономическое Общество замѣчанія о своихъ электрическихъ опытахъ. При чемъ особливаго примѣчанія было достойно, что работа сія какъ-то у меня ни ползла, ни ѣхала. Уже нѣсколько разъ начиналъ я сіе дѣло, но все опять покидалъ и все не удавалось мнѣ хорошаго начала сдѣлать. Я не понималъ, что бъ сіе значило? Ни то при-

чиною тому было моя отвычка отъ сочиненій, ни то нѣчто другое неизвѣстное. Но какъ бы то ни было, но огня усердія и ревности къ сему дѣлу я не чувствовалъ, и на-силу-на-силу пошло оно въ сіе время на ладъ. Но едва написалъ я піэсы двѣ о семъ предметѣ, какъ, ни думано ни гадано, примѣнившись къ предложенной мнѣ отъ сына моего мысли, вдругъ перемѣнилъ весь планъ моего относящагося къ тому намѣренія и расположился въ Экономическое Общество описать въ сей матеріи только слегка и дабы не остаться совсѣмъ безъ исполненія сдѣланнаго обѣщанія, въ которомъ я почти уже и раскаявался, а впрочемъ сочинить особое сочиненіе и напечатать на своемъ囗 коштѣ. Къ мысли сей побудила сына моего въ особенности доброта второй піэсы, которую я писалъ о сей матеріи. Ему, да и самому мнѣ жаль стало становиться, что я сіе хорошее и полезное сочиненіе предамъ въ жертву Общества, безъ полученія себѣ ни малѣйшей пользы и выгоды, ибо, по всему прежнему, можно навѣрное заключать, что и спасибо за то не скажутъ, или скажутъ, но такое, которое почесть можно сущею пустотою. Сверхъ того и самая публика не могла-бъ сочиненіемъ моимъ такъ скоро и хорошо воспользоваться какъ бы хотѣлось. «Пропечатаютъ они тамъ, говорилъ я самъ себѣ, сочиненіе сіе долго, и оно будетъ далеко не таково важно». Итакъ, рѣшился я описать въ Экономическое Общество такъ, чтобъ тѣмъ проложить себѣ только путь и приготовить публику къ лучшему принятію моего сочиненія, и послѣдствіе времени оказало, что я тогда и хорошо сіе сдѣлалъ.

Далѣе достопамятно, что около сего времени отъѣхалъ отъ насъ лѣчившійся у меня на машинѣ старикъ г. Рѣдькинъ въ свою деревню. Мы его хотя не могли совершенно вылѣчить, по причинѣ застарѣвшей его болѣзни, но помогли очень много и, при отъѣздѣ, снабдили его вновь и нарочно для него сдѣланною и столь же хорошо дѣйствующею машиною, дабы онъ самъ дома продолжалъ ею свое лѣченіе. Не можно изобразить, сколь великую благодарность изъявлялъ онъ намъ за оказанное ему отъ насъ одолженіе! Мы же такъ къ нему и къ сыну его привыкли, что намъ даже жаль было съ ними разстаться.

Въ концѣ сего марта мѣсяца приведенъ я былъ въ изумленіе полученнымъ вдругъ неожидаемымъ извѣстіемъ, что командиръ мой г. Юницкой за чѣмъ-то уѣхалъ въ Петербургъ, и на долго-ль — о томъ ни кто не вѣдалъ, а говорили только, будто бы намѣстникъ нашъ беретъ его къ себѣ, и что на мѣсто его будетъ у насъ новый директоръ. Сіе послѣднее, хотя и недостовѣрное еще извѣстіе меня нѣсколько и посмутило. Г. Юницкой—каковъ ни былъ, но мы къ нему уже привыкли, а новый — кто и каковъ еще будетъ — того было еще неизвѣстно, и мы боялись, чтобъ не подрядили намъ и не опредѣлили такого сахара, что мы и животу своему будемъ не ради.

Начало мѣсяца апрѣля ознаменовалось тогда у насъ вдругъ сдѣлавшимся тепломъ и началомъ самой половоди. Достопамятно, что въ сей годъ, по долговременномъ стояніи хорошаго зимняго пути, оный отъ сдѣлавшаго мрака, тумана и дождя въ одинъ день рушился и такъ испортился, что нельзя было никуда ѣздить. Сіе случилось въ 3-й день сего мѣсяца. Я въ сіе время занимался своими письменными упражненіями и помоганіемъ многимъ страждущимъ разными болѣзнями людямъ своею электрическою машиною. Сіе лѣченіе сколько доставляло мнѣ до сего чистѣйшаго душевнаго удовольствія, столько перепугало меня около сего времени ужаснымъ образомъ, и вотъ — какимъ образомъ, и по какому случаю.

Однажды приходитъ ко мнѣ изъ одной, въ Епифанскомъ уѣздѣ и верстъ за 20-ть отъ насъ отстоящей, чужой деревни страждущая непомилованнымъ кашлемъ и удушьемъ, и совсѣмъ изнеможенная старуха и проситъ о подаяніи ей помощи. «Старушечка, говорю я ей: тебѣ надобно собираться умирать, а не лѣчиться, и

можно-ли тебя, такую дряхлую и старую, вылѣчить?» Но старуха не внимала моимъ словамъ, валялась почти въ ногахъ и только твердила: «однако, сдѣлайте милость и полѣчите!» — «Ну, ну! хорошо, сказалъ я, немогши отъ ней отвязаться: изволь, испытаемъ и тебя полѣчить; но я напередъ тебѣ сказываю, что я никакъ не надѣюсь, чтобъ машина могла тебѣ помочь». Со всѣмъ тѣмъ, я въ мнѣніи моемъ обманулся. Машина помогла и ей удивительнымъ образомъ, и старуха моя черезъ нѣсколько дней пошла домой, какъ встрепанная и столько поправившаяся въ своемъ здоровьѣ, что не только она, но и мы всѣ удивилися. Не успѣла она возвратиться въ свое селеніе и слухъ о томъ разнестись, какъ восхотѣлось полѣчиться у меня такимъ же образомъ изъ того же селенія и другой женщинѣ, но молодой; но также кашлемъ и удушьемъ и слабостію, во всемъ тѣлѣ изнуренная до крайности. Итакъ, привозитъ и сію мужъ ея ко мнѣ. Я, взглянувъ на нее, счелъ ее чахотною и въ высокомъ уже градусѣ, и говорю ей: «голубушка моя, вылѣчить тебя нѣтъ никакой надежды и труды потеряны будутъ по-напрасну. По всѣмъ признакамъ, въ тебѣ чахотка, и въ большомъ уже градусѣ, такъ что едва-ли кто тебя вылѣчить въ состояніи». — «Однако, батюшка, сдѣлай милость, полѣчи! Ты помогъ такой-то нашей старушкѣ удивительнымъ образомъ, такъ можетъ быть и мнѣ поможетъ машина!» Чтó было дѣлать! Сколько ни отговаривался, но не могъ отговориться; и, наконецъ, велѣлъ ей на нѣсколько дней остаться, пріискать мѣсто гдѣ ей жить и приговорить человѣка, который бы вертѣлъ машину, ибо это составляло работу отяготявшую моихъ людей. Она на все была согласна и приговорила одного изъ моихъ людей, который бы далъ ей въ своей избѣ уголокъ, кормилъ бы ее и вертѣлъ для ней машину. Предъ начинаніемъ же лѣчить, не преминулъ я ее распросить, не брюхата-ли она? имѣетъ-ли она свое мѣсячное очищеніе, и давно-ли было послѣднее? также, давно-ли она чувствуетъ въ животѣ у себя, равно какъ пирогъ лежащій? Все сіе нужно было мнѣ знать для осторожности, и тѣмъ паче, что ей, между прочими методами лѣченія удушья, надобно было давать ей и небольшіе удары сквозь животъ; но какъ на первое сказала она мнѣ, что не брюхата, на второе, что мѣсячное кровоочищеніе у ней въ порядкѣ и въ послѣдній разъ было недавно, а на третье, что пирогъ въ животѣ чувствовать она начала за многія уже недѣли, и съ самого того времени начала чахнуть и слабѣть, — то, не находя дальняго сумнительства, начали мы ее лѣчить, а мужъ, оставя ее, уѣхалъ домой. Лѣчимъ ее обыкновенными методами день, лѣчимъ другой потомъ спрашиваю я ее, не начинаетъ-ли она чувствовать въ себѣ какой-нибудь перемѣны? Чувствую, сказала она, что мнѣ гораздо и отъ кашля и удушья легче, а въ животѣ равно какъ чтó оторвалось. «Ну, хорошо, сказалъ, станемъ же продолжать лѣчиться, но машина удивитъ, если и тебѣ поможетъ». По настаніи четвертаго дня, докладываетъ мнѣ лѣчившій ее человѣкъ, что можно-ли ей въ этотъ день лѣчиться: открылись-де у ней крови. «Какъ? сказалъ я, удивившись, да она мнѣ сказывала, что у ней онѣ недавно только были, и развѣ машина опять ихъ возбудила? Но какъ бы то ни было, но теперь лѣчить ее продолжать не можно, а пускай она переждетъ это время». — «Хорошо», сказалъ слуга и пошолъ. Но не прошло еще и получаса, какъ приходитъ опять ко мнѣ и говоритъ, что кровотеченіе у женщины сдѣлалось чрезвычайное, и такъ усилилось и въ такую привело ее слабость и робость, что она проситъ попа. «Чтó ты говоришь! воскликнулъ я, изумившись: ахти! уже не машина-ли напроказничала и не отъ ней-ли уже это? Какъ бы то ни было, возьми-ка ты скорѣй лошадь и, посадя ее, отвези ее домой, а то бѣды, чтобъ не умерла здѣсь!» — «Но какъ теперь ее везть; подхватилъ слуга: такая ростополь, что почти съ мѣста нельзя;

къ тому-жъ, я и дороги не знаю въ ихъ деревню».—«Ну, какъ ты хочешь, а нечего долго думать, а вели-ка запрягать сани и вези ее. Ты взялъ ее себѣ на руки, такъ ты и сбывай ее съ нашихъ рукъ, отвези ее къ мужу и скажи, что въ такомъ положеніи лѣчить ее больше не можно». Человѣкъ нахмурился, но нечего было дѣлать, пошелъ; а я остался въ великомъ смущеніи и безпокойствѣ духа, боясь, чтобъ она въ самомъ дѣлѣ не умерла, ибо кровотеченіе было необыкновенное и чрезвычайно сильное. Вскорѣ послѣ сего, позвали меня обѣдать, а пообѣдавъ легъ я, по обыкновенію моему, немного уснуть. И хорошо, что такъ случилось, а то бы меня насмерть перетревожили и перепугали; ибо въ самое то время, какъ я спалъ, прибѣжали изъ избы сказывать, что женщина сія умерла. Всѣ домашніе мои отъ сего перетревожились и не знали какъ мнѣ о томъ сказать, когда я проснусь. Но, по счастію, смущеніе ихъ недолго продолжалось: чрезъ нѣсколько минутъ прибѣжали опять съ увѣдомленіемъ, что баба ожила, и что былъ то только жестокій обморокъ, и что мучится она какъ бы къ родамъ и требуетъ бабки. Нельзя изобразить, какъ изумился и перетревожился я, когда мнѣ все сіе разсказали, въ то время какъ я проснулся. Я не зналъ, что̀ изъ всего того заключать и что думать. Но смущеніе мое еще увеличилось, когда опять пришли сказывать, что она упала въ жестокій обморокъ. «Господи помилуй! говорилъ только я, что̀ это такое? и чтобъ не умерла она вправду». Но какъ же я и всѣ мои домашніе удивились и обрадовались, когда чрезъ нѣсколько минутъ прибѣжали опять сказывать намъ, что она, опамятовавшись, родила; но что-жъ? Не ребенка, а превеликій гростокъ и клубъ всякой дряни, такъ что цѣлый почти тазъ симъ наполнили! И что-жъ? самое сіе и спасло сію женщину отъ мнимой ея чахотки и всего ея кашля и удушья. Она, какъ ожила вновь, и дни въ три столько оправилась и собралась съ силами, что̀ поѣхала отъ насъ совсѣмъ почти здоровою и выздоровѣла потомъ совершенно. Вотъ какое удивительное дѣйствіе произвела тогда моя машина. Легко можно заключить, что слухъ, разнесшійся о сей неожиданной и удачной вылѣчкѣ, увеличилъ еще объ ней славу, и какимъ удовольствіемъ награжденъ былъ я за мой страхъ—о томъ и упоминать не для чего!

Между тѣмъ, какъ сіе происходило, смущеніе мое увеличивало еще полученное вѣрное извѣстіе объ отниманіи отъ насъ нашего директора, Юницкаго; но кто его мѣсто займетъ — навѣрное хотя еще и не знали, а твердили только, что поручатся волости наши въ вѣдомство господина Веницеева. Сіе меня очень озабочивало, по извѣстному мнѣ не совсѣмъ доброму характеру сего чиновника; а паче, по тѣсной дружбѣ и связи его съ грузиномъ, нашимъ городничимъ, не могъ я ожидать отъ нихъ себѣ ничего хорошаго. Оба господа сіи были не на мою руку, и кромѣ досадныхъ хлопотъ съ ними, я ничего не предусматривалъ. Но надежда и упованіе на моего Небеснаго Покровителя подкрѣпляли меня и въ семъ случаѣ. Я полагался на Него во всемъ и, предавая все въ Его волю и благоусмотрѣніе, старался тѣмъ колико-можно свой смущенный духъ успокоивать.

Ко всему тому присовокупилась и та непріятность, что и сынъ мой въ самое сіе время позанемогъ, да и самъ я мучился кашлемъ, да и впрочемъ былъ не очень здоровъ. Но и сего было недовольно; но надобно было и самой половоди тогдашней смущать и обезпокоивать духъ мой. Она была въ сей годъ превеликая и столь дружная, что вода въ прудахъ нашихъ едва умѣщалась и нѣкоторые изъ нихъ подвергалися превеликой и такой опасности, что мы съ крайнею нуждою ихъ удержать могли; а все сіе въ совокупности и дѣлало весь сей періодъ времени весьма для меня смутнымъ.

Наконецъ, около 10 числа сего мѣсяца, стала начинаться наша весна и вся натура облекаться въ свою вешнюю одеж-

ду, такъ что мы 14 числа могли выходить впервыя въ сады свои и сколько-нибудь оживающею натурою повеселиться. Къ сему удовольствію присовокупилось и то, что и г. Юницкій возвратился опять въ Тулу, и молва объ отлученіи его отъ насъ нѣсколько позатихла. Онъ, по пріѣздѣ своемъ въ Тулу, писалъ ко мнѣ опять, по прежнему, о присланіи къ нему къ нему кой-чего и одного изъ моихъ канцеляристовъ.

Непосредственно за симъ перепуганы мы были въ одну ночь сдѣлавшимся во всѣхъ комнатахъ нашихъ превеликимъ смрадомъ. Проснувшись и почувствовавъ оный, не иное я заключалъ, что гдѣ-нибудь загорѣлось. Испужавшись до крайности, разбудилъ я жену свою, и оба мы вскочивъ побѣжали будить людей, велѣли зажигать свѣчу и искать, гдѣ и что загорѣлось. Не могу изобразить, какъ мы всѣ симъ смрадомъ были перетревожены и перепуганы. Но, спасибо, что продолжился онъ не долго, и мы скоро открыли, что выходилъ онъ изъ одной печи отъ поставленныхъ въ нее сушить сухарей и орѣховъ, загорѣвшихся по близости стоянія ихъ къ огню. Итакъ, кончилось сіе смѣхомъ и досадою на неосторожность людей, ставившихъ ихъ въ печь. Маленькая досада сія услаждена была полученнымъ по-утру первымъ извѣстіемъ о раздѣленіи Польши между тремя державами, то-есть: нашею, Австріею и Пруссіею, и что намъ досталась превеликая часть сего государства. Всѣ мы вообще радовались тогда сему великому и необыкновенному происшествію, ни мало не воображая себѣ, что отъ сего распространенія границъ впослѣдствіи времени не получимъ мы ни малѣйшей пользы, а сопряжено сіе будетъ съ множайшими только отягощеніями народа.

Въ наступившій послѣ сего день было у насъ Вербное [воскресенье], и настала Страшная недѣля, въ которую, по сдѣлавшемуся теплу, можно уже было намъ кое-что садить и пересаживать въ садахъ нашихъ. Мы провели ее въ обыкновенномъ богомольѣ. Зять же, съ дочерью моею, перешли изъ дворцовскаго флигеля жить въ городъ, гдѣ купили они и пообстроили особый домъ; къ чему сколько съ одной стороны случившійся-было у нихъ пожаръ, а съ другой — непомѣрная и разорительная охота зятя моего къ строеніямъ ихъ побудила, ибо впрочемъ не было имъ въ томъ дальней надобности.

День Пасхи случился у насъ въ сей годъ 24 числа апрѣля, и воскресенье сіе было у насъ прямо свѣтлое, ясное и веселое. Погода была наиpріятнѣйшая, теплая. Земля, укрытая уже младыми зелеными коврами, которые начали уже сотыкаться; березки готовились развертываться; лозы уже бурѣли, и все оживотворялось. Мы всѣ, по обыкновенію, были у заутрени и у обѣдни, а послѣ обѣда ѣздили въ городъ на новоселье и имянины моей старшей дочери въ ихъ городской домъ и провели сей день съ бывшими у нихъ гостьми довольно весело.

Такимъ же образомъ, не смотря на перемѣнившуюся погоду и сдѣлавшуюся дурную и ненастную, провели мы и оба послѣдующіе первые дни Святой недѣли въ безпрерывныхъ разъѣздахъ другъ къ другу и угощеніяхъ; а смущало меня полученное повелѣніе, чтобъ немедленно пріѣхать въ Тулу, ибо слухъ объ отлученіи отъ насъ г. Юницкаго вновь возобновился.

Итакъ, по наступленіи середы, хотя мнѣ крайне не хотѣлось, а особливо по дурной тогдашней дорогѣ ѣхать, но поѣхалъ я въ Тулу и къ вящшей еще досадѣ въ кибиткѣ; ибо о ѣздѣ въ каретѣ и помыслить было не можно. Отъ бывшаго холода и крайне дурной дороги, я въ-прахъ тогда размучился. На Упѣ мостъ былъ еще не готовъ. Мы принуждены были переѣзжать на паромѣ и съ великою трудностью, и сіе задержало насъ такъ, что въ Тулу не прежде мы пріѣхали, какъ уже въ сумерки. Я присталъ по-прежнему у Пастухова и нашелъ весь городъ въ нарядахъ и убранствѣ, чего я до того еще, небывавъ никогда на Святой недѣлѣ въ Тулѣ, не видывалъ;

но я такъ дорóгою отъ холода назябся, что ввечеру подхватила меня даже лихорадка, и я на-силу отогрѣлся своимъ простуднымъ декоктомъ.

Какъ главная цѣль тогдашняго моего пріѣзда въ Тулу состояла въ томъ, чтобъ послѣднія дѣла рѣшить и кончить съ г. Юницкимъ, о которомъ сказали мнѣ, что онъ совсѣмъ уже отъѣзжаетъ, то поутру на другой день поѣхалъ я къ нему. Но какъ я удивился и воздосадовалъ, когда узналъ, что онъ и не помышлялъ еще къ отъѣзду своему собираться, и что ѣзда моя была въ сей разъ по-пустому. Однако, мы съ нимъ обо многомъ переговорили. Онъ унялъ меня у себя обѣдать, впродолженіе котораго какъ съ нимъ, такъ и обѣдавшимъ у него г. Юшковымъ проговорили мы о Польшѣ и о дѣяніяхъ нашего намѣстника Кречетникова, которому поручено было сіе великое дѣло произвести въ дѣйство, чтó онъ и произвелъ удачно и за то пожалованъ былъ отъ императрицы многими польскими деревнями. Послѣ обѣда, будучи совсѣмъ отпущенъ отъ г. Юницкаго, возвратился я на квартеру, и въ достальное время дня имѣлъ особливое упражненіе. У хозяина моего былъ меньшой сынъ боленъ ногою и нужно было полѣчить его машиною. Мнѣ гдѣ-то отыскали они ее, но весьма неисправную, и я принужденъ былъ ее исправлять и коекакъ лѣчить его сына; а на утріе, искупивъ чтó было нужно въ городѣ, пустился въ обратный путь, и въ тотъ же еще день успѣлъ возвратиться въ Богородицкъ и застать еще кончикъ Святой нашей недѣли.

Начало мѣсяца мая, наступившаго у насъ вмѣстѣ съ Ѳоминой недѣлею, ознаменовалось превеликою досадою, бывшею у меня на нашего городничаго, князя Назарова. Онъ, будучи у меня, прямо доказалъ, что онъ напнегоднѣйшій и злѣйшій человѣкъ. Глупость его и злоба и змѣиная зависть даже до того простирались, что онъ въ надеждѣ, что по дружбѣ его съ Веницеевымъ будетъ онъ скоро у насъ властвовать и дѣлать изъ него, чтó похочетъ,—пріѣхавши сперва одинъ въ нашъ большой садъ, напустился на садовниковъ, для чего они не носятъ къ нему зелени и плодовъ всякихъ и грозился ихъ за то передрать; и симъ не удовольствуясь, пришедъ ко мнѣ на дворъ и увидѣвъ столяра, изволилъ прогнѣваться, для чего столяръ на него не работаетъ, и былъ такъ дерзокъ, что ударилъ его даже въ рожу. Таковой, ни съ какимъ благоразуміемъ несообразный поступокъ, похожій на самое сумазбродство, крайне меня огорчилъ и раздосадовалъ, и я принужденъ былъ употребить все свое философическое терпѣніе къ удержанію себя отъ соотвѣтствованія ему такимъ образомъ, какъ глупый его поступокъ заслуживалъ и какъ бы поступилъ съ нимъ за сіе въ иное время, но въ тогдашнее, прямо критическое, долженъ я былъ взять прибѣжище къ благоразумной политикѣ и не только ничѣмъ не раздражилъ, но, не сказавъ ни слова, только глупости его усмѣхнулся. Со всѣмъ тѣмъ, я внутренно тѣмъ очень огорчился, ибо предусматривалъ, что если подлинно воцарится у насъ Веницеевъ и водворится у нихъ съ нимъ пьяное царство, то отъ обоихъ пить мнѣ горькую чашу. И я хорошо сдѣлалъ, что тогда не погорячился, ибо впослѣдствіи времени глупецъ сей въ такомъ стыдѣ остался, что совѣстно было ему и глаза показать передо мною.

Впрочемъ, во всю первую треть сего мѣсяца не произошло у насъ ничего особливаго. Мы провели оную и такъ и сякъ, разъѣзжая по гостямъ и занимаясь своими дѣлами. Случившаяся въ сіе время холодная и ненастная погода воспрещала намъ имѣть удовольствіе и въ вешнихъ прогулкахъ; но наставшее потомъ дружное тепло и происшедшая оттого во всей натурѣ великая перемѣна—съ лихвою вознаградила намъ сей недостатокъ. Мы начали ежедневно посѣщать свои сады и утѣшаться въ нихъ всѣми вешними прелестями природы. А сіе и подало поводъ къ тому, что во мнѣ вдругъ возродилась, или паче возобновилась пре-

великая охота къ стихотворству, и что весь сей мѣсяцъ сдѣлался для меня, такъ сказать, поэтическимъ и посему очень достопамятнымъ. Первое мое стихотвореніе въ сей годъ относилось до росы, издавна утѣшавшей меня своими прелестными огнями и было слѣдующаго содержанія:

О! природа! сколь изящно
Украшаешь траву ты,
И въ какомъ ее убранствѣ
Смертнымъ кажешь по утрамъ.

. . . .

Маленькое сіе стихотвореніе сочинилъ я, гуляя по-утру въ любезномъ своемъ садикѣ, и дѣйствительно, утѣшаясь красотою огней разныхъ на травѣ лужочка, тутъ случившагося. Впрочемъ, сочинялъ я ее на голосъ старинной пѣсни: «Вамъ, прекрасныя долины», которую находилъ я наиудобнѣйшею къ воспѣванію красотъ натуры. Далѣе достопамятно, что въ самый сей день, въ который перебывало у меня множество гостей, получили мы первѣйшее, хотя и недостовѣрное извѣстіе, что новымъ директоромъ экономіи у насъ, слѣдственно и моимъ командиромъ, на мѣсто г. Юницкаго будетъ не Веницеевъ, а нѣкто изъ Петербурга г. Дуровъ, по имени Сергѣй Алексѣевичъ.

Успѣхъ въ предслѣдующемъ сочиненіи стиховъ къ росѣ побудилъ меня въ послѣдующій день къ сочиненію и другихъ въ похвалу соловья, увеселявшаго меня въ саду своимъ пѣніемъ. Для любопытства и означенія тогдашнихъ моихъ чувствованій, помѣщу я и оные здѣсь. Они были слѣдующіе:

Се здѣсь паки воспѣваетъ
Нѣжный гражданинъ лѣсовъ,
Царь пернатыхъ малыхъ тварей,
Утѣшающихъ нашъ духъ.

. . . .

Въ наступившую за симъ ночь была у насъ преужасная гроза и съ такимъ проливнымъ и дружнымъ дождемъ, что пруды мои отъ привалившей вдругъ воды подверглись превеликой опасности. Сіе перетревожило меня чрезвычайно, и тѣмъ паче, что вода на большомъ и главномъ нашемъ прудѣ никакъ не умѣщалась въ спускѣ и начала оный портить. Не могу изобразить, сколько сія и бывшая и на другой день большая же туча надѣлала мнѣ хлопотъ, трудовъ, заботъ и безпокойствъ. Я принужденъ былъ посылать въ ближнія деревни—сгонять колико можно болѣе народа, съ подводами и разными вещами, нужными для удержанія воды, и быть дня три безотлучно самъ при нихъ, для указыванія что́ дѣлать и придумыванія разныхъ средствъ къ удержанію воды и поправленія повреждавшейся плотины. И все сіе стоило мнѣ превеликаго труда, но я радъ былъ, что употреблены были они не всуе, и что мнѣ наконецъ удалось прудъ сей какъ тогда, такъ и на будущее время обезопасить.

Между тѣмъ какъ сіе происходило, пришла наша почта и привезла мнѣ множество газетъ и получаемыхъ мною русскихъ и нѣмецкихъ журналовъ, также и писемъ. Между сими было одно, коротенькое, и отъ г. Нартова, съ приложенною къ оному 47 частью «Трудовъ Общества», въ которой напечатано было одно изъ моихъ пересланныхъ къ нимъ сочиненій, а именно: замѣчанія мои о погодахъ. Какъ письмо и самая книга сія не произвели мнѣ никакого дальнаго удовольствія, да и не было въ нихъ ничего достопамятнаго, то и не хочу утруждать васъ чтеніемъ онаго, равно какъ и моего отвѣтнаго, отправленнаго къ г. Нартову чрезъ нѣсколько дней по полученіи онаго и въ которомъ упоминалъ я только о моихъ неудачахъ съ сибирскою гречихою, которая дѣйствительно оказалась къ посѣву въ нашихъ мѣстахъ неспособною и далеко такого уваженія нестоющею, какое они ей придавали.

Непосредственно почти за симъ, именно въ 17 день мая, гуляючи по-утру въ своемъ садочкѣ, восхотѣлось мнѣ опять заняться стихотвореніемъ. Но въ сей разъ заняться не воспѣваніемъ красотъ натуры, а изобразить въ стихахъ утренніи чувствованія свои къ Богу и соста-

вить нѣкоторый родъ утренней духовной пѣсни или молитвы, которая сдѣлалась со временемъ тѣмъ достопамятна, что я ее многажды употреблялъ, да и нынѣ, при старости моей, употребляю, между прочими моими молитвами по утрамъ, принося Господу за безвредное провожденіе ночи искреннюю мою благодарность. Она была слѣдующаго содержанія:

Нощь спокойно проводивши,
Утра новаго доживъ,
Первыя душевны чувства
Посвящаю я Тебѣ.

. . . .

Какъ духовное сіе стихотвореніе располагалъ я такъ, чтобъ оное не только читать, но и пѣть было можно, и болѣе для того, что мнѣ изъ опытности было извѣстно, что пѣніе, а особливо на какой-нибудь пріятный голосъ, возбуждаетъ еще сильнѣе чувствованія душевныя, то замѣчу при семъ, какимъ голосомъ приличнѣе и чувствительнѣе пѣснь сію пѣть можно. Пѣть ее можно хотя на многіе и всѣ тѣ голоса, какими поются пѣсни, сочиненныя по примѣру сей хореическими стихами, но и чувствительнѣйшимъ казался мнѣ и приличнѣйшимъ къ тому всегда голосъ извѣстной пѣсни: «Звукъ унылой фортопіана».

Впрочемъ, достопамятно, что непосредственно за симъ и въ самый еще тотъ же день по-утру получили мы извѣстіе, что намѣстникъ нашъ г. Кречетниковъ былъ въ Польшѣ очень болѣнъ, а къ вечеру привезли достовѣрное извѣстіе о воспослѣдовавшей кончинѣ сего славнаго и знаменитаго вельможи, узнавшаго предъ самою уже смертію, что Императрица въ награду за его заслуги пожаловала его графомъ. Сіе всего менѣе ожидаемое извѣстіе было для всѣхъ насъ поразительно, и мы, любя и почитая его искренно, весьма объ немъ жалѣли. Но никто симъ извѣстіемъ такъ огорченъ не былъ, какъ князь, нашъ городничій, ибо чрезъ то исчезли какъ дымъ всѣ его надежды на Веницеева, равно какъ и самого сего—относительно до властвованія надъ нашими волостями. У меня же отъ того нѣсколько отлегнуло на сердцѣ, хотя мы и не знали ничего еще о имѣющемъ воспослѣдовать впредь.

Разохотившись сочинять стихи и при гуляніи въ послѣдующій день въ саду и любуясь красотами природы и особливо цвѣтущею тогда во весь развалъ черемухою, восхотѣлось мнѣ испытать, не можно-ли что-нибудь сочинить и въ похвалу сему дереву. Я, смотря на нее, началъ тананакать, и вотъ какая пѣсенька въ нѣсколько минутъ нечувствительно соплелась объ оной:

Что за снѣгъ я тамо вижу,
Среди зелени густой,
Снѣгъ, висящій на деревьяхъ
Въ видѣ множества кистей?
Какъ пріятно украшаетъ
Онъ бѣлизною своей
Тамо многія деревья,
Здѣсь кустарникъ и лѣсокъ.

. . . .

Наступившій за симъ 20-й день мѣсяца мая былъ достопамятенъ тѣмъ, что въ оный совершилось мнѣ ровно двадцать тысячъ дней отъ моего рожденія. Помышленія о семъ побуждали меня къ особенной благодарности къ моему Богу за прожитіе толь великаго количества дней, за сохраненіе въ оные здоровья моего въ полномъ еще совершенствѣ. Мы торжествовали сей день тѣмъ, что все утро прогуляли въ моемъ саду, съ дѣтьми и приходившимъ къ намъ любезнымъ сотоварищемъ нашимъ, отцомъ Ѳедотомъ, въ котораго вперили мы также охоту утѣшаться красотами природы. Итакъ, вмѣстѣ съ нимъ, ходючи по пріятному нашему садику и сидючи на разныхъ подѣланныхъ въ немъ отдыхальницахъ и сидѣлкахъ, разговаривали и воспѣвали красоты природы и другія назидательныя духовныя пѣсни, чувствуя отъ того истинное душевное удовольствіе. Такъ случилось, что былъ тогда еще первый наилучшій майскій вешній день, и какъ между прочимъ утѣшали насъ собою и цвѣты одуванчики, цвѣтущіе въ великомъ множествѣ въ саду на травяныхъ площадкахъ, то сіе побудило меня и въ сей сочи-

нить къ самымъ симъ простымъ цвѣткамъ слѣдующіе стихи:

Что за сонмъ цвѣтовъ прекрасныхъ
Здѣсь я вижу среди травъ,
Среди зелени пріятной
Нѣжной мягкой муравы?
Какъ златыя они звѣзды
Испещряютъ весь лужокъ,
И ему теперь собою
Прелесть нову придаютъ.

. . . .

Симъ образомъ провели мы весь сей день съ особливымъ удовольствіемъ, въ который, кромѣ сего, пріѣзжали ко мнѣ многіе изъ пріѣзжихъ и живущихъ тогда въ Богородицкѣ для лѣченія у нашего лѣкаря, а иногда и у меня на машинѣ, постороннихъ дворянъ, которые обыкновенно всѣ старались сводить съ моимъ домомъ и со мною знакомство и пользоваться нашею къ нимъ благосклонностью и пріязнью. Словомъ, тогдашнее время было какъ-то для насъ отмѣнно весело и пріятно. Всѣ насъ любили, уважали и почитали, и всякій старался пріобрѣсть къ себѣ мою дружбу. На противъ того и мы соотвѣтствовали имъ равномѣрнымъ стараніемъ заслуживать ихъ къ себѣ благосклонность.

Но сего на сей разъ довольно. Письмо мое достигло уже давно до своихъ предѣловъ и мнѣ пора оное кончить, и сказать вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Генваря 16 дня 1813 года, въ Дворениновѣ).

Письмо 288.

Любезный пріятель! Охота къ стихотворенію толико во мнѣ увеличилась, что и на другой день послѣ упомянутаго въ предслѣдующемъ письмѣ веселаго въ саду гулянья восхотѣлось мнѣ опять тѣмъ же упражненіемъ заняться. И какъ перемѣнившаяся погода и бывшая опять съ проливнымъ дождемъ и грозою, которыхъ въ сію весну отмѣнно было много, въ садъ мнѣ, за мокротою, иттить мнѣ воспрепятствовала, то принялся я за сіе дѣло, сидючи въ моемъ кабинетѣ. Предметомъ стихотворенія избралъ я и въ сей разъ не натуру, но нѣчто поважнѣе и относящееся къ Богу и къ чувствіямъ благодарности къ Нему за всѣ его благодѣянія. И вотъ какіе стихи сочинилъ я при семъ случаѣ:

Паки я къ Тебѣ взываю,
Паки духъ мой вознощу,
Паки сердцемъ и душею
Повергаюсь предъ Тобой.

. . . .

Въ слѣдующій за симъ день занялись мы всѣ пированіемъ у моего зятя. Оный былъ днемъ его рожденія, и потому, будучи отмѣннымъ охотникомъ къ пиршествамъ и угощеніямъ у себя гостей, пригласилъ онъ къ себѣ всѣхъ городскихъ и пріѣзжихъ на обѣдъ и сдѣлалъ превеликій пиръ, соединенный съ разными увеселеніями и даже самими танцами послѣ обѣда. Итакъ, мы весь сей день были въ разсѣяніи мыслей и довольно-таки повеселились. А съ такимъ же удовольствіемъ провели мы и всѣ послѣдующіе за симъ дни три. Пріѣзжаніе ко мнѣ многихъ гостей и стоявшая тогда наипріятнѣйшая майская погода подавала намъ поводъ къ ежедневнымъ гуляньямъ съ ними по садамъ и къ различнымъ въ нихъ увеселеніямъ. Не одинъ разъ сотовариществовала намъ при сихъ гуляньяхъ и наша музыка, и мы провели дни сіи очень весело. Но ни кто столько не веселился въ оные, сколько я самъ; ибо какъ натура находилась въ сіе время въ наилучшемъ своемъ вешнемъ нарядѣ и убранствѣ, то, кромѣ гулянья съ гостьми, не пропускалъ я ни одного утра, чтобъ ни сходить въ сады и ни полюбоваться тамъ ея прелестьми и красотами, а сіе побудило меня, удосужившись послѣ разъѣзда гостей, сочинить слѣдующую за симъ пѣснь, посвященную майскому утру въ саду:

Вотъ опять мы дождалися,
Нашъ прекрасный май, тебя,
И твоихъ пріятныхъ утровъ,
И прелестныхъ вечеровъ.

. . . .

Вотъ какимъ образомъ воспѣлъ я тогда красоту майскаго утра въ саду. Въ пѣсни сей изображалъ я то, что, дѣйствительно, тогда предъ собою видѣлъ и слышалъ и что чувствовалъ, и могу сказать, что за трудъ, къ тому употребленный, былъ я съ лихвою награжденъ тѣмъ неизобразимымъ удовольствіемъ душевнымъ, какое чувствовалъ и какимъ наслаждался я не только въ тѣ минуты, въ которыя сочинялъ я сіе стихотвореніе, но и въ последующія времена и въ каждый разъ, когда ни случалось мнѣ ихъ читать или пѣть при гуляньѣ въ вешнее время въ садахъ моихъ.

Дни черезъ два послѣ того, препровожденныхъ также въ прогулкахъ и въ разныхъ упражненіяхъ, возродилась во мнѣ опять охота къ стихотворенію, и я, гуляя по своему садочку и любуясь цвѣтущею тогда рябиною, вздумалъ сочинить особливые стишки и въ похвалу сему дереву, и вотъ какимъ образомъ воспѣлъ я и оную на своей простой сельской лирѣ:

Вотъ и ты въ своемъ убранствѣ
И во всей своей красѣ,
Милая стоишь рябина,
Древо нужное для насъ.

. . . .

Дни черезъ два послѣ сего, а именно 29 числа, было у насъ особливаго рода и столь веселое гулянье въ саду моемъ, какого никогда еще не было. Случай къ тому подалъ пріѣздъ къ зятю моему, не близкаго родственника его, Ѳедора Васильевича Ошанина, котораго о добромъ характерѣ я довольно отъ него наслышался, но до сего времени никогда еще не видывалъ. Онъ былъ Донковскій помѣщикъ и пріѣхалъ тогда къ зятю моему въ гости съ женою своею, меньшимъ сыномъ Павломъ и обѣими старшими дочерьми его Аленою и Варварою Ѳедоровною. И какъ онъ былъ ему очень радъ, то и сдѣлалъ онъ для него пирушку и назвалъ къ себѣ на обѣдъ множество гостей, а въ томъ числѣ были и мы. Итакъ, при семъ случаѣ впервыя спознакомились мы тогда съ домомъ г. Ошанина, ни мало тогда себѣ еще не воображая, что впослѣдствіи времени познакомимся мы съ нимъ гораздо короче и тѣснѣе. Господинъ Ошанинъ былъ въ мои почти лѣта. Я нашелъ его дѣйствительно добрымъ, умнымъ, праводушнымъ, веселаго нрава и простосердечнымъ человѣкомъ такъ, какъ мнѣ его изображали, и оба мы въ наружности и въ прочемъ имѣли столь много сходнаго между собою, что съ первой минуты другъ друга полюбили, и нѣсколькихъ минутъ было довольно къ сдруженію насъ съ нимъ такимъ образомъ, какъ бы мы давнымъ-давно были съ нимъ знакомы. Поелику все его семейство къ намъ очень ласкалося, то послѣ обѣда пригласили мы ихъ къ себѣ и старались угостить ихъ всячески. Многіе изъ бывшихъ у зятя моего гостей пріѣхали также къ намъ, и компанія сдѣлалась довольно великая. И какъ случилась тогда наипріятнѣйшая майская погода, то тотчасъ сдѣлалось предложеніе, чтобъ итить гулять въ сады наши, куда мы всѣ гурьбою и пошли. Ходили, гуляли, присаживались во многихъ мѣстахъ и провождали время въ пріятныхъ разговорахъ. Изъ большаго же сада передъ вечеромъ перешли мы въ мой маленькій, и тутъ былъ у насъ уже прямой веселый деревенскій праздничекъ. Музыка была съ нами, и звукъ отъ ней раздавался по всему оному. Вся молодежь не только ходила, но разсыпавшись бѣгала и рѣзвилась по аллейкамъ, лужкамъ и дорожкамъ. Шутки, издѣвки, смѣхи гремѣли повсюду. А неудовольствуясь тѣмъ, молодежь затѣяла на одномъ изъ пріятнѣйшихъ лужковъ самые танцы и пляски. И какъ г. Ошанинъ былъ самаго веселаго нрава, то и оба мы съ нимъ, будучи уже стариками, дѣлали имъ сотоварищество и вмѣстѣ съ ними рѣзвились и бѣгали шутя, какъ малыя дѣти. Словомъ, не было еще никогда у насъ въ саду такого веселья и таковой дружеской пирушки, какъ въ сей вечеръ, и мы пробыли въ ономъ до самаго ужина.

Въ наступившій послѣ сего день получилъ я зазывную грамоту, чтобъ ѣхать

въ Тулу. Писали ко мнѣ, что г. Юницкой совсѣмъ уже отъѣзжаетъ и будетъ волость отдавать въ вѣдомство другому, и что мнѣ необходимо притомъ быть надобно. Но какъ надлежало приготовить къ таковой сдачѣ всѣ нужныя бумаги и употребить къ тому дни три времени, то и не спѣшилъ я слишкомъ своимъ отъѣздомъ; и между тѣмъ какъ оныя въ канцеляріи моей заготовлялись, продолжалъ я заниматься своими садами и стихотворствомъ, и по охотѣ своей къ оному, сочинилъ въ сей день слѣдующіе стихи къ саду въ іюнѣ, какъ въ такое время, когда оный уже совершенно одѣнется и цвѣтутъ въ немъ калина и шиповникъ, и въ какомъ положеніи садъ мой въ самое сіе время находился.

Вотъ во всей опять ты полной,
Самой лучшей въ цѣлый годъ,
И торжественной одеждѣ
И убранствѣ садъ стоишь.
. . . .

Охота моя къ стихотворенію была около сего времени такъ велика, что я и въ послѣдующій за симъ послѣдній день мая мѣсяца, утѣшаясь въ саду своемъ красотами природы и лежучи на покойной дерновой лежаночкѣ подъ тѣнью густыхъ деревъ, сочинилъ еще стишки и къ самой сей лежанкѣ, но не хореические, а ямбическіе; слѣдовательно, и пѣты могли быть на иной голосъ. Они были слѣдующіе:

Къ тебѣ, дерновая лежанка,
Пришелъ я паки отдыхать,
Пришелъ свои покоить члены
И чувства нѣжить всѣ опять.
. . . .

Симъ кончился тогдашній, нами съ толикою пріятностью провожденный, май мѣсяцъ, а съ началомъ іюня и отправился я въ путь свой въ Тулу, куда вслѣдъ за мною хотѣли пріѣхать и мои домашніе, то-есть: жена съ дочерьми и сынъ мой; ибо первымъ восхотѣлось около сего времени побывать въ Москвѣ, для исправленія нѣкоторыхъ нужныхъ для приданаго дочери моей покупокъ, а послѣднему хотѣлось проѣхать оттуда въ Тверь къ роднымъ нашимъ Травинымъ и побывать у нихъ тамъ, и въ ихъ Бѣжецкой деревнѣ, о чемъ они его, въ бытность ихъ у насъ, неотступно просили, и онъ имъ сіе обѣщалъ и къ путешествію сему давно уже готовился и собирался.

Въ путь сей отправился я 2 іюня, и по добротѣ тогдашняго пути въ тотъ же день въ Тулу пріѣхалъ. Я и въ сей разъ остановился на прежней моей квартерѣ у Пастухова и, переночевавъ у него, поѣхалъ тотчасъ къ г. Юницкому, сбирающемуся уже дѣйствительно отъѣзжать и хотѣвшему въ тотъ день сдавать всѣ свои дѣла по волости и наши деньги другому, кому отъ казенной полаты назначено будетъ. Мы тотчасъ съ нимъ въ казенную полату и поѣхали, гдѣ надлежало ему всю нашу казну освидѣтельствовать и отдать ее въ вѣдомство своему преемнику. Но вдругъ сдѣлалась въ томъ остановка; денежки наши были господиномъ вице-губернаторомъ порастрачены и множество ихъ недоставало. Онъ метался ужомъ и жабою, отыскивая гдѣ-нибудь оныя для пополненія, и, не успѣвъ еще того учинить, упросилъ г. Юницкаго отложить свидѣтельство казны до слѣдующаго дня; а посему и не было у насъ въ сей день ни какого дѣла, и мы даже не знали еще кому назначено будетъ принять на время директорскую должность, покуда опредѣлится настоящій директоръ. Г. Юницкой зазвалъ меня къ себѣ обѣдать, у котораго посидѣвъ, возвратился я на свою квартеру и провелъ достальное время сего дня въ собесѣдованіи съ пріѣзжавшимъ къ намъ г. Сокольниковымъ, почиталъ полученныхъ новыхъ газетъ и письма изъ Экономическаго Общества.

Въ письмѣ семъ изъявлялъ мнѣ г. Партовъ неудовольствіе свое о долговременномъ моемъ молчаніи и о неизвѣщеніи моемъ, что произошло съ присланными отъ него сѣмянами ворсяной щотки, но потомъ смягчившись писалъ, что посылаетъ ко мнѣ при семъ случаѣ по нѣскольку сѣмянъ чорнаго арабскаго овса

и реинскихъ коноплей; наконецъ, возобновилъ прежнія жалобы свои на дворянъ, что никто изъ нихъ не занимается опытами и съ ними не переписывается, и просилъ о продолженіи того съ моей стороны, что все и убѣдило меня отписать къ нему что-нибудь по возвращеніи моемъ въ Богородицкъ и по полученіи досуга, ибо тогда мнѣ не до того было, чтобъ заниматься симъ, почти ничего незначущимъ дѣломъ.

По наступленіи новаго дня, поѣхалъ я по-утру опять къ г. Юницкому, но съ крайнею досадою услышалъ, что и въ сей день дѣла у насъ никакого не будетъ, и что отложено оно даже до понедѣльника. Итакъ, доводилось мнѣ цѣлыхъ два дни жить по-пустому. Г. Юницкой, видя мое о семъ неудовольствіе, говорилъ мнѣ, что мнѣ нѣтъ дальней нужды жить тутъ до того времени и дожидаться, что могу я ѣхать обратно въ Богородицкъ, и что онъ и безъ меня деньги сдастъ и все дѣло кончитъ. Но какъ я не зналъ еще, кто приметъ директорскую должность, Веницеевъ-ли, который тогда ворочалъ всѣми почти дѣлами, или г. Юшковъ, и кто изъ нихъ будетъ моимъ временнымъ командиромъ, то не хотѣлось мнѣ ѣхать, не добившись толку, дабы не пріѣзжать опять чрезъ недѣлю въ Тулу. Итакъ, рѣшился я самъ собою дожидаться понедѣльника. Къ тому-жъ, поджидалъ я и пріѣзда своихъ дорожныхъ, ѣдущихъ въ Москву, которые въ сей день къ вечеру и пріѣхали. На утріе, проводивъ своихъ въ дальнѣйшій путь и не имѣя по случаю воскреснаго дня ни какого дѣла, употребилъ я большую часть сего дня на разъѣзды. Былъ сперва у г. Веницеева, потомъ у губернатора, а отъ него проѣхалъ къ Верещагину, и съ нимъ ѣздили мы къ обѣдни въ заводскую церковь. Послѣ того я у него обѣдалъ, а прочее время дня провелъ на своей квартерѣ въ гуляньѣ по хозяйскому саду, и довольно весело, но безъ дѣла жить было непріятно.

Наконецъ, насталъ и понедѣльникъ, и дѣло наше на-силу-на-силу было кончено; казна освидѣтельствована и отдана въ вѣдомство другому; а временнымъ командиромъ мнѣ назначенъ Петръ Николаевичъ Юшковъ; а прочее время, по случаю сдѣлавшагося непастья, пробылъ на квартерѣ; а на утріе, какъ въ послѣдній день пребыванія моего въ Тулѣ, положивъ какъ-нибудь отдѣлаться, поѣхалъ я сперва ранехонько къ г. Веницееву и, переговоривъ съ нимъ, поѣхалъ къ новому своему командиру г. Юшкову. Но заставъ его еще спящаго, проѣхалъ къ знакомому своему штабъ-лѣкарю Рикеру, а отъ него опять къ г. Юшкову. Сей, будучи весьма добрымъ и любезнымъ человѣкомъ, принялъ меня и обошелся очень ласково и благопріятно. Посидѣвъ у него, поѣхали мы съ нимъ въ казенную полату, гдѣ у господъ директоровъ, бывшаго и наказного, происходила въ сей день формальная смѣна, и я кое-какъ отдѣлался и получилъ дозволеніе отправиться назадъ въ Богородицкъ. По окончаніи же всего, заѣхалъ я къ г. Юницкому и у него въ послѣдній разъ обѣдалъ и, распрощавшись съ нимъ, поѣхалъ на квартеру. Покормивъ лошадей, пустился въ обратный [путь] и доѣхалъ до Дѣдилова еще довольно рано, но, за сдѣлавшимся сильнымъ и бурнымъ дождемъ, расположился тутъ ночевать и всю ночь почти не спалъ отъ множества клоповъ, въ-прахъ меня закусавшихъ; а на утріе возвратился въ свое мѣсто.

Такимъ образомъ получилъ я себѣ новаго и по порядку уже шестаго командира. Подъ его начальствомъ находился я недолго, но не поскучилъ бы хотя-бъ продлилось оно и гораздо долѣе. Характеръ сего добраго человѣка былъ таковъ, что я полюбилъ его съ самаго начала нашего съ нимъ знакомства, которое скоро превратилось въ самое нелицемѣрное дружество; и я могу сказать, что я имъ былъ очень доволенъ. И какъ онъ давно уже переселился въ царство мертвыхъ то, помня его любовь и дружество къ себѣ, благословляю и понынѣ еще его прахъ и желаю ненарушимаго ему покоя.

Возвратясь въ свое мѣсто, принялся

я за прежнія свои упражненія, прерванныя помянутою отлучкою. Мое первое дѣло было, чтобъ писать въ Петербургъ отвѣтное письмо къ г. Нартову; и въ сей разъ начеркалъ я ему превеликое, о разныхъ матеріяхъ, а особливо о черномъ овсѣ и тщетномъ ихъ стараніи размножить оный въ нашемъ отечествѣ; изъявлялъ также желаніе, чтобъ Экономическое наше Общество выписало къ намъ изъ иностранныхъ земель славящійся тамъ сахарный картофель на заводъ и пр., и отправилъ оное по почтѣ.

По отъѣздѣ жены, сына и дочери моей, былъ я въ сіе время хотя почти одинъ, но мнѣ не было ни какъ скучно. Сотоварищество мнѣ дѣлали моя теща и меньшія оставшіяся въ домѣ дѣти, а не столько онѣ, сколько мои книги и перо, которое и въ сіе время у меня не гуляло. Прогулки по садамъ, а особливо въ сотоварществѣ съ ученымъ и любезнымъ нашимъ священникомъ отцемъ Ѳедотомъ, съ которымъ нерѣдко занимались мы важными и учеными разговорами и совокупно утѣшались красотами натуры, были также возобновлены; при чемъ не забываемы были и мои стихотворенія, въ которыхъ я все еще продолжалъ упражняться, и около сего времени оканчивалъ я большую пѣснь, посвященную вечеру прекраснаго майскаго дня и которую сообщу я вамъ въ письмѣ послѣдующемъ. Нельзя довольно изобразить, сколько пріятныхъ минутъ имѣлъ я во время сочиненія оной, и какъ восхищалась душа моя при мысленныхъ воображеніяхъ красотъ и пріятностей натуры, описыванныхъ въ оной.

Чрезъ два дни по возвращеніи моемъ въ Богородицкъ, наступилъ у насъ Троицынъ день. Ненастная и мокрая погода воспрепятствовала намъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, препроводить сей день въ гуляньѣ по нашимъ садамъ и рощамъ, но мы принуждены были, отслушавъ обѣдню и прекрасную проповѣдь, говоренную отцемъ Ѳедотомъ, сидѣть прочее время въ четырехъ стѣнахъ и заниматься домашними дѣлами. Я окончилъ въ сей день помянутую пѣснь, вечеру посвященную, и успѣлъ еще сочинить небольшіе стишки къ саду послѣ отсутствія, нѣсколько дней продолжавшагося. А при таковыхъ занятіяхъ и не видѣлъ какъ прошелъ сей день, бывшій для иныхъ очень скучнымъ. Сверхъ того, имѣлъ я удовольствіе получить въ сей день почту съ газетами и журналами, изъ коихъ въ одномъ былъ гравированный портретъ славнаго французскаго генерала Дюмуріе, что все меня также занимало.

Въ наставшій послѣ сего день имѣлъ я неудовольствіе получить опять зазывную бумагу изъ Тулы, въ которой писано было ко мнѣ отъ Веницеева, чтобъ я поспѣшилъ привезть въ казенную палату все то количество денегъ, какое было у меня въ наличности и въ сборѣ. Что было дѣлать! Хотя и не хотѣлось-было опять вооружаться на безпокойства, съ тульскою ѣздою сопряженныя, но нельзя было не послушаться. Итакъ, велѣлъ дѣлать къ тому всѣ нужныя приготовленія.

Но симъ и окончу я сіе мое письмо сказавъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Ноября 20 дня 1813 года, въ Дворениновѣ).

Письмо 289.

Любезный пріятель! Прежде описанія новой моей ѣзды въ Тулу, сообщу вамъ, по обѣщанію моему, ту мою пѣснь, вечеру вешнему посвященную, о которой упоминалъ я вамъ въ письмѣ предслѣдующемъ. Она была нарочито великонька и слѣдующаго содержанія:

О, колико ты прекрасенъ
И прелестенъ завсегда,
Тихій, ясный, теплый вечеръ,
Среди красныя весны!

. . . .

Сочиняя сію пѣсню, изображалъ я все съ самой натуры, видѣнной мною въ одинъ прекрасный вешній вечеръ въ Богородицкѣ и чувствуя дѣйствительно то, что писалъ.

Что-жъ касается до стиховъ къ саду

о которыхъ я также упоминалъ въ концѣ преслѣдовавшаго письма, то къ сочиненію оныхъ побудили меня дѣйствительно пріятности, чувствованныя мною при первомъ посѣщеніи садика моего, по возвращеніи моемъ изъ Тулы, и я и въ нихъ изображалъ то, что дѣйствительно чувствовалъ.

. . . .

Кромѣ сей пѣсни сочинилъ я около сего времени особую пѣснь къ саду во время цвѣта піонъ и розъ жолтыхъ и изобразилъ въ оной красоты натуры, видимыя въ садахъ въ сіе время, и вписалъ оную на ряду съ прочими моими мелкими сочиненіями въ книгу Собранія мелкихъ моихъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ.

Теперь, приступая къ продолженію моей исторіи и описанію происшествій, около сего времени бывшихъ, скажу, что случившееся освященіе церкви въ одномъ изъ нашихъ волостныхъ селъ, на которомъ необходимо надлежало мнѣ присутствовать и куда мы всѣ для сего ѣздили, и нѣкоторыя другія обстоятельства не допустили меня прежде въ Тулу отправиться, какъ по прошествіи нѣсколькихъ дней, и именно 17 числа.

Какъ погода около сего времени возстановилась ведреная и хорошая, то въ сіе путешествіе не претерпѣлъ я никакого безпокойства, но, напротивъ того, было мнѣ отмѣнно весело, и болѣе потому, что по господствующей тогда во мнѣ охотѣ къ стихотворенію, занимался я онымъ и во всю дорогу, и чрезъ то самое почти не видалъ, какъ доѣхалъ до Тулы. Сей случай доказалъ мнѣ, что ничѣмъ не можно такъ сокращать путь и дѣлать его почти непримѣтнымъ, какъ занятіемъ себя поэзіею. Цѣлію стихотворенія своего въ сей разъ было изображеніе искусства веселиться красотами натуры, изъ котораго послѣ вылилась цѣлая небольшая поэма, о которой я упомяну послѣ особо, ибо въ сіе время я только ее началъ.

Въ Тулу пріѣхалъ я въ тотъ же день и довольно еще рано. И заѣхавши на почтовый дворъ, имѣлъ удовольствіе получить отъ своихъ дорожныхъ изъ Москвы письмы и нѣкоторыя посылки. А остановившись опять у прежняго моего знакомца Пастухова, успѣлъ еще наговориться до-сыта съ однимъ пріѣхавшимъ изъ Херсона офицеромъ и наслышаться отъ него многаго, до сего нашего города относящагося.

Пребываніе мое въ сей разъ въ Тулѣ было самое кратковременное и продлилось не болѣе почти однихъ сутокъ, и все дѣло состояло въ томъ, чтобъ отдать въ казенную полату привезенные съ собою 3,000 рублей денегъ, которымъ управлявшій тогда всею казенною полатою г. Веницеевъ былъ очень радъ и мною за привозъ ихъ такъ доволенъ, что пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Однако, обѣдали мы не у него, а у новаго моего командира г. Юшкова, который въ сей разъ познакомилъ меня съ своею женою Варварою Аѳанасьевною, боярынею молодою и очень умною, любопытною и ласковою. Оба они приняли и угощали меня съ отмѣннымъ благопріятствомъ, и такъ, что я ими былъ очень доволенъ.

Какъ до меня кромѣ сего ни какого дѣла не было, то я, переночевавъ еще у Пастухова, пустился 19 числа съ утра въ обратный путь, и занимаясь опять дорогою сочиненіемъ своей поэмы и еще пѣсни на лугъ, испещренный цвѣтами, и не видалъ какъ одною упряжкою доѣхалъ до Ламокъ, гдѣ тогда мои домашніе находились, и переночевавъ у зятя, 20 числа возвратился въ Богородицкъ.

Тамъ нашолъ нѣсколько дворянскихъ и довольно знаменитыхъ фамилій, пріѣхавшихъ къ нашему лѣкарю, а равно и ко мнѣ лѣчиться на машинѣ, которымъ и старался я возможнѣйшее дѣлать удовольствіе; а между тѣмъ сталъ по-прежнему заниматься своими дѣлами, а особливо своею поэзіею. И около сего времени сочинилъ пѣснь къ брюквѣ, а другую къ небу, испещренному облаками; и какъ я всѣ ихъ списывалъ вмѣстѣ, то набралась уже изъ нихъ у меня изрядная уже тетратка.

Чрезъ два дни послѣ сего обрадованы мы были неожидаемымъ и благополучнымъ возвращеніемъ жены моей изъ Москвы. Она привезла ко мнѣ новую карету и письмо отъ моего сына, поѣхавшаго къ сестрамъ своимъ въ Бѣжецкую ихъ деревню, и много и кой-чего инаго, а особливо купленіемъ сыномъ моимъ новыхъ книгъ и ландкартовъ.

Послѣ сего, до самаго окончанія іюня мѣсяца, не произошло у насъ ничего особливаго, кромѣ того, что во все время сіе продолжались у насъ ежедневные дожди и безпрерывное почти ненастье, доведшее насъ до того, что мы принуждены были молиться Богу о ниспосланіи намъ ведра. Впрочемъ, памятно мнѣ, что во все сіе время ежедневное бываніе у меня гостей, да и собственные свои разъѣзды по гостямъ мѣшали много мнѣ въ моихъ ученыхъ и любопытныхъ занятіяхъ. Однако, какъ я не упускалъ ни одной праздной и свободной минуты, то ущипками и урывками успѣлъ я много кой-чего надѣлать, и между прочимъ оболванить вчернѣ и ту мою поэму, о которой упоминалъ я выше, но совершенно ее обработалъ и кончилъ не прежде, какъ уже въ послѣдующемъ за симъ годѣ. Впрочемъ, достопамятно, что 22 числа іюня была у насъ такая буря, что своротила съ нашей строющейся большой каменной ранжереи всю ее огромную желѣзную кровлю и расковеркала ее удивительнымъ образомъ.

Праздникъ Петровъ день провели мы въ гостяхъ у моего зятя Шишкова, который, будучи въ сей день именинникомъ, сдѣлалъ у себя на квартерѣ большой пиръ не только для всѣхъ городскихъ, но и для многихъ пріѣзжихъ; но на другой день перестращалъ всѣхъ насъ, занемогши ужаснымъ образомъ, такъ что мы не знали, что̀ съ нимъ дѣлать, и боялись, чтобъ не схватилъ онъ горячки; но, по счастію, сего не случилось, и при помощи нашего лѣкаря ему скоро полегчѣло.

Ненастье и дождливыя погоды не унялись у насъ и въ первыя числа іюля мѣсяца, и можно сказать, что наскучили и надоѣли намъ чрезвычайно. Но, предъ началомъ нашей ярмонки, равно какъ нарочно разведрилась и возстановилась у насъ ясная, и не только теплая, но даже такая жаркая и душная погода, какой никогда еще не стояло. Въ термометрѣ восходилъ спиртъ даже до 40 градусовъ, а все сіе и произвело, что̀, противъ всякаго нашего чаянія, на ярмонку въ сей годъ съѣхалось не только чорнаго народа, но и благородныхъ, великое и такое множество, какого давно не бывало.

Ярмонку сію и праздникъ Казанской отпраздновали мы съ миромъ и тишиною, и хотя не было по примѣру прежнихъ лѣтъ ни какого блистательнаго торжества, однако, было довольно-таки весело. Меня потревожили и смутили-было въ навечеріи онаго извѣстіемъ, будто бы къ намъ будетъ губернаторъ, Веницеевъ, г. Юшковъ и многіе другіе изъ тульскихъ господъ; которыя вѣсти привезъ къ намъ пріѣхавшій съ казенною музыкою прежній нашъ капельмейстеръ хромой полякъ Роженберскій. Однако, сіе провралось, и я избавился отъ хлопотъ, съ угощеніемъ ихъ сопряженныхъ, а угощалъ на праздникъ у себя однихъ только немногихъ своихъ знакомыхъ; прочіе же всѣ съѣхавшіеся дворяне пировали отчасти у нашего городничаго, князя Назарова, отчасти у моего зятя Шишкова. Однако, не отдѣлался и я отъ ихъ посѣщенія. Всѣ они послѣ обѣда съѣхались ко мнѣ, какъ къ первому лицу, игравшему тогда знаменитѣйшую *ролю* въ семъ городѣ, а сіе и подало поводъ къ тому, что всѣ мы вздумали для праздника повеселиться. Кромѣ моей, игравшей у меня въ домѣ музыки, загремѣла и вся казенная въ залѣ дворца, куда я всѣхъ своихъ гостей пригласилъ на вечеринку, и мы таки-довольно попрыгали и потанцовали безъ дальнихъ этикетовъ. А между тѣмъ велѣлъ я приготовить у себя ужинъ и всѣхъ многочисленныхъ гостей угостилъ у себя большимъ вечернимъ столомъ съ музыкою; чѣмъ и

кончилъ сей праздникъ, провожденный гораздо веселѣе, нежели всѣ прежніе.

Чрезъ день послѣ сего праздника имѣлъ я удовольствіе получить опять письмо изъ Петербурга отъ г. Нартова, въ которомъ хотя ни слова не упоминалъ онъ о моихъ запросахъ, но увѣдомлялъ, что Общество опредѣлило по желанію моему сахарный картофель изъ Лейпцига выписать, а замѣчанія мои напечатать. А пріятнѣе всего было для меня то, что онъ просилъ меня о подареніи Экономическаго Общества славнымъ и похвальнымъ моимъ журналомъ «Экономическимъ Магазиномъ» и о присланіи онаго въ библіотеку Общества; что я и положилъ непремѣнно сдѣлать, не смотря хотя мнѣ сіе стоило полусотни рублей и болѣе. Я бы и давно оный къ нимъ послалъ, но меня удерживало то, что г. Нартовъ, въ бытность сына моего въ Петербургѣ, проговаривалъ ему, что Экономическое Общество не очень довольно было тѣмъ, что я въ Москвѣ издавалъ журналъ, а теперь какъ оный самимъ имъ вознадобился, то и радъ я былъ сему случаю.

Другое неожиданное и достопамятное происшествіе, относящееся до моего семейства, случилось на четвертый день послѣ нашего праздника, и именно 12 іюля. Вдругъ пріѣзжаетъ къ намъ нашъ лѣкарь и предлагаетъ въ женихи дочери моей Настасьи одного, верстъ за 35 отъ Богородицка живущаго, Крапивенскаго молодого, довольный достатокъ имѣющаго, дворянина Петра Ивановича Воронцова-Вельяминова, сказывая намъ, что онъ, будучи на ярмонкѣ, имѣлъ случай въ церкви дочь мою видѣть, что она ему понравилась и что онъ желаетъ, чтобъ приняли мы его въ свое семейство, и поручилъ ему о томъ переговорить съ нами.

Для всѣхъ насъ начало таковаго формальнаго сватовства было совсѣмъ неожидаемо. И какъ мы до того о семъ женихѣ даже ничего не слыхали, и хотя онъ былъ въ церкви, но его и не заприметили и не имѣли объ немъ ни малѣйшаго понятія, то и не могли мы на сей запросъ ничего еще сказать рѣшительнаго, и не дѣлая ни отказа, ни приказа, положили объ ономъ напередъ пораспровѣдать и получить случай видѣть его лично и съ нимъ познакомиться. А на томъ тогда сіе и осталось.

Между тѣмъ какъ сіе происходило, съ одной стороны занимался я чтеніемъ вновь купленной нами Гиртанеровой Исторіи французской революціи, которая мнѣ такъ полюбилась, что я вздумалъ ее перевесть; съ другой — продолжая мои стихотворенія, началъ сочинять пѣснь къ утру ясного лѣтняго дня и, какъ теперь помню, въ самое то утро, въ которое началось вышеупомянутое сватовство, а съ третей — пользуясь возстановившеюся ясною погодою, не выходилъ почти изъ садовъ своихъ, но всякій день не только ихъ посѣщалъ, но въ жаркое полуденное время и прохлаждалъ члены свои купаньемъ въ струяхъ моего водовода, въ прекрасной моей ваннѣ, сдѣланной въ эхоническомъ зданіи, гдѣ иногда провождалъ жаркое и душное время въ пріятномъ читаніи книгъ и пользовался наипріятнѣйшими минутами жизни, въ особливости же 14 числа іюля, который день былъ для меня въ особливости въ семъ отношеніи пріятенъ, а 17 числа имѣли мы еще особое въ саду своемъ увеселеніе. Случилось чрезъ нашъ городъ проѣзжать одному иностранцу балансеру. Онъ предложилъ намъ, не хотимъ-ли мы посмотрѣть его искусства? Мы охотно на то согласились и, съѣхавшись ко мнѣ, въ мой садикъ, велѣли ему на одной просторнѣйшей полянкѣ соорудить для себя стелажъ и показывать намъ свои прыжки и кривлянья на протянутой веревкѣ, и всѣ довольно веселились симъ зрѣлищемъ, которое намъ стоило бездѣлки. Во всѣ достальные дни мѣсяца іюля не произошло у насъ ничего важнаго и особливаго, кромѣ того, что продолжались безпрерывные жары и такіе, что отъ духоты мы не знали куда дѣваться, и я почти ежедневно купывался въ своей ваннѣ; посылалъ въ деревню свою

людей прививать прививки окуладіонныя и они превратили въ садахъ моихъ многія яблоки въ грушовку и другія породы, которыми я пользуюсь еще и поныне, и привезли съ собою множество вишень. Что-жъ касается до литеральныхъ моихъ упражненій, то оныя состояли наиболѣе въ томъ, что я, дочитавъ исторію о революціи французской, началъ ее дѣйствительно и прямо на-бѣло переводить. Кромѣ того, не преминулъ я написать и къ г. Нартову отвѣтное письмо, и въ ономъ объяснить прямо, по какой причинѣ не присылалъ я до сего времени въ Общество моего «Экономическаго Магазина».

. . . .

Начало мѣсяца августа было для меня не весьма пріятно тѣмъ, что я прихворнулъ и чуть-было не занемогъ очень. Причиною тому была наиболѣе перемѣнившаяся погода и наставшая послѣ жаровъ такая стужа и ненастье, что мы принуждены почти были топить печи и надѣвать на себя шубы. Происшествія, случившіяся въ теченіи первой половины сего мѣсяца, состояли въ томъ, что я къ 10 числу успѣлъ уже кончить первую часть моего перевода революціонной исторіи и началъ вторую,—вотъ съ какимъ рвеніемъ трудился я надъ оною! А на другой день послѣ сего пріѣзжали къ церкви нашей господа Воронцовы, но ни имъ насъ, ни намъ ихъ видѣть не случилось, ибо мы не были въ тотъ день у обѣдни. Намъ не хотѣлось ничего предпринимать до возвращенія къ намъ моего сына изъ Бѣжецка. Съ симъ хотя я и имѣлъ еженедѣльную и очень пріятную для меня переписку, однако, начиналъ я уже очень скучать долговременнымъ его отсутствіемъ и желалъ уже скорѣйшаго его возвращенія. Между тѣмъ, 14 числа получилъ я отъ г. Нартова наиласковѣйшее и почти самое дружеское письмо, которое между прочимъ удивило меня одною неожиданностью. Г. Нартову вздумалось доставить мнѣ нѣчто, хотя совсѣмъ пустое и ничего незначущее, но по крайней мѣрѣ непротивное. Ему вздумалось писать обо мнѣ въ чужія земли, рекомендовать меня Лейпцигскому Экономическому Обществу и требовать, чтобъ я принятъ былъ въ оное Общество членомъ. Меня сіе хотя и веселило, но не очень, ибо честь сія была пустая и могла чѣмъ-нибудь почесться людьми только знающими.

. . . .

По полученіи толикими ласками наполненнаго письма, не сталъ я медлить отвѣтомъ. Я положилъ съ первою же почтою на то отвѣтствовать и расположилъ письмо мое такимъ же дружескимъ и откровеннымъ тономъ и писалъ къ нему обо многомъ. Но какъ оно вышло длиновато, то не успѣлъ я оное изготовить съ первою почтою и отложилъ до второй; а между тѣмъ получилъ отъ г. Нартова и другое письмо, въ которомъ онъ увѣдомлялъ меня, что «Экономическаго моего Магазина» болѣе для Общества не надобно, поелику имъ оно уже одарено отъ другаго члена, а не одолжу-ли я онымъ собственно его, на память дружбы. Также просилъ о присылкѣ, по обѣщанію моему, сочиненія моего о электрицизмѣ. Итакъ, отправилъ я къ нему отвѣтное на первое его письмо, уже 18 августа, а на второе отвѣтствовать отложилъ до возвращенія моего сына, которымъ хотѣлось мнѣ посовѣтовать, въ Общество-ли писать о электрицизмѣ, или сочиненіе мое о томъ напечатать отъ себя въ Москвѣ.

Но какъ пріѣздъ сына моего какъ-то позамѣшкался, да и писемъ отъ него давно уже не было, то сіе всѣхъ насъ, а особливо меня, очень озаботило. Мы не знали, чтб объ немъ [думать] и боялись, чтобъ онъ тамъ по слабому своему здоровью не занемогъ, и не лежитъ-ли болѣнъ. Мысль сія такъ меня тревожила, что я отъ нетерпѣливости узнать скорѣе о причинѣ нескораго его и уже давно нами ожидаемаго пріѣзда послалъ нарочнаго въ Тулу человѣка, для справки на почтовомъ дворѣ, нѣтъ-ли отъ него ко мнѣ писемъ. Сія посылка была не по-пустому: посыланный и привезъ ко мнѣ отъ него письмо и крайне насъ тѣмъ всѣхъ обрадо-

валъ и успокоилъ; ибо мы узнали изъ онаго, что сынъ мой находился уже на обратномъ пути въ Москвѣ и не въ продолжительномъ времени къ намъ прибудетъ.

Вмѣстѣ съ симъ письмомъ, получилъ я изъ Москвы и другое отъ прежняго моего знакомца г. Ридигера, увѣдомлявшаго меня, что онъ вмѣстѣ съ г. Клавдіемъ взялъ на откупъ университскую типографію и просилъ меня для снабженія его для печатанія моими сочиненіями. Какъ сія неожидаемость открывала мнѣ новый путь къ сообщенію себя съ ученымъ свѣтомъ и съ публикою, то возродилась во мнѣ охота къ писанію и ко вступленію вновь на сіе поприще, къ чему наиболѣе поощряло меня то, что у меня около сего времени накопилось нѣсколько сочиненій и переводовъ, хотя не совсѣмъ готовыхъ къ печатанію, но такихъ, которые могли-бъ къ тому быть приготовлены скоро. Словомъ, все сіе заставило меня думать и нѣсколько дней сряду заниматься о томъ мыслями.

Не успѣло дней двухъ послѣ сего пройтить, какъ 24 числа и обрадованы мы были пріѣздомъ нашего Павла Андреевича. Нельзя изобразить, сколь утѣшно было для меня свиданіе съ нимъ въ сей разъ. Онъ совершилъ все свое путешествіе благополучно, былъ во все время отлучки своей здоровъ и весьма утѣшенъ ласкою и благопріятствомъ Кашинскихъ родныхъ нашихъ и навезъ ко мнѣ изъ Москвы множество вновь купленныхъ книгъ и ландкартъ, въ разбираніи и пересматриваніи которыхъ препроводилъ я нѣсколько дней съ особливымъ удовольствіемъ.

По пересказаніи имъ намъ всего происходившаго съ нимъ, не преминули и мы разсказать ему все случившееся и съ нами во время его отлучки, а особливо о сватовствѣ г. Воронцова за сестру его Настасью, которую онъ любилъ отмѣнно, и почти болѣе нежели всѣхъ прочихъ. Онъ доволенъ былъ очень тѣмъ, что мы безъ него съ своей стороны не входили еще ни въ какія по сему дѣлу связи и говорилъ, что надобно о семъ женихѣ напередъ хорошенько поразвѣдать, да и короче узнать его лично.

А сіе послѣднее и не замедлилось, ибо г. Воронцовъ не успѣлъ узнать о возвращеніи моего сына, какъ тотчасъ и прилетѣлъ къ намъ въ Богородицкъ и преподалъ намъ случай себя вблизи видѣть и сколько-нибудь съ собою познакомиться. Было сіе въ послѣднихъ числахъ августа, и именно 28 числа. Лѣкарь, у котораго онъ остановился, далъ намъ тотчасъ о томъ знать, и чрезъ посредство его условлено было, чтобъ ему пріѣхать къ церкви къ обѣдни, а оттуда зятемъ моимъ Шишковымъ приглашенъ бы онъ былъ къ нему на обѣдъ, куда и мы со всѣмъ своимъ семействомъ и съ пріѣхавшею къ намъ въ самое то время теткою Матреною Васильевною Арцыбышевою и ея зятемъ г. Крюковымъ пріѣхать хотѣли.

Итакъ, помянутый день былъ для насъ весьма достопамятнымъ, ибо въ оный увидѣли всѣ г. Воронцова сперва въ церкви, а потомъ у зятя моего, въ городскомъ его домѣ. И какъ во время обѣда, такъ и послѣ онаго имѣли случай его разсмотрѣть и, занимаясь съ нимъ о разныхъ матеріяхъ въ разговорахъ, были сколько-нибудь въ состояніи судить о его разумѣ, знаніяхъ и отчасти и о характерѣ. Не успѣли мы съ сего пира возвратиться въ свое жилище, какъ натурально и начались у насъ у всѣхъ о семъ женихѣ разговоры и разныя сужденія. Всѣмъ онъ намъ и нравился, и нѣтъ, и всѣ находили въ партіи сей и выгодности, а многія и невыгодности; ибо съ стороны его достатка не могли мы ничего находить невыгоднаго, ибо, судя по малому приданому за моею дочерью, казался намъ довольнымъ. А льстило насъ много и то, что жилище его не слишкомъ было отъ насъ отдаленно. Съ другой стороны, всѣмъ намъ показался онъ не только неглупымъ, но и съ нѣкоторыми свѣдѣніями и не совсѣмъ безграмотнымъ, но напротивъ того, изъ разговоровъ съ нимъ замѣтили мы въ немъ

нѣкоторую склонность къ литературѣ и художествамъ, чтò для насъ всего было пріятнѣе. Но съ третей стороны, самая его личность, видъ и фигура, имѣвшая нѣкоторые естественные недостатки, такъ намъ всѣмъ не нравилась, что мы даже не отваживались у дочери нашей спрашивать, каковъ онъ ей показался, и которая натурально, при вопросахъ о томъ, только-что отмалчивалась. Все сіе и приводило насъ въ превеликую нерѣшимость и такую разстройку мыслей, что мы не знали, чтò дѣлать и чтò сказать въ отвѣтъ на дѣлаемыя намъ лѣкаремъ о намѣреніи нашемъ вопрошанія, и другаго не находили, какъ потребовать еще нѣсколько времени на размышленія.

Симъ тогда сіе и кончилось. А какъ и въ достальные дни сего мѣсяца ничего не случилось особливаго кромѣ многихъ разговоровъ съ сыномъ моимъ о назначаемыхъ для печати моихъ сочиненіевъ, то симъ окончу я и сіе мое письмо, достигшее до обыкновенныхъ своихъ предѣловъ, и скажу, что я есмь вашъ, и прочее.

(Ноября 22 дня 1813 года. Въ Дворениновѣ).

Письмо 290.

Любезный пріятель! Во все теченіе сентября мѣсяца не произошло у насъ ни съ которой стороны ничего почти важнаго и особливаго. Я продолжалъ управлять по-прежнему волостьми и всѣ дѣла мои по отношенію къ онымъ шли своимъ чередомъ, и я до самаго 23 числа не имѣлъ никакого безпокойства, и потому имѣлъ желанную свободу заниматься своими литературными упражненіями, которыя состояли въ сіе время наиболѣе въ продолженіи перевода моего революціонной исторіи; также въ сочиненіи замѣчаній моихъ о электрицизмѣ, для отправленія въ Экономическое Общество. Переговоривъ и посовѣтовавъ о семъ предметѣ съ сыномъ моимъ, рѣшился я написать для Общества только небольшое о томъ сочиненіе; большое же, у меня написанное, не отсылать, а поберечь для себя; да и хорошо сдѣлалъ, что не подвергъ опое такой же несчастной участи, какое потерпѣло и помянутое небольшое, при письмѣ къ Нартову тогда отправленное. Оно не только не пошло впрокъ, но какъ я послѣ узналъ, было кѣмъ-то въ Обществѣ порядочно украдено и пропало; а потому и труды мои, употребленные на то, пропали ни за полушку, и я не имѣлъ отъ нихъ ни малѣйшей пользы. Такимъ же образомъ безуспѣшны были и другія мои предначинанія. Я затѣялъ было опять издавать особый родъ журнала, но дѣло какъ-то не хотѣло никакъ клеиться, и я не успѣлъ начать писать, какъ его и бросилъ; а и съ печатаніемъ моихъ сочиненій дѣло также какъ-то не ладилось, и болѣе потому, что г. Ридигеръ былъ совсѣмъ не то, что былъ Новиковъ, и его кондиціи не были для меня никакъ выгодны, а потому и не имѣлъ я дальней охоты съ нимъ связываться. Самая переписка моя съ г. Нартовымъ была около сего времени болѣе для меня отяготительна, нежели пріятна. Онъ взваливалъ на меня новую, скучную и совсѣмъ безполезную работу, и я тому былъ очень не радъ и принужденъ былъ противъ желанія трудиться.

Помянутаго-жъ 23 числа сентября, вдругъ встревоженъ я былъ присланнымъ ко мнѣ изъ Тулы повелѣніемъ, чтобъ я, какъ можно скорѣе, сочинилъ по волости обо всемъ и обо всемъ вѣдомости и пріѣзжалъ съ ними въ Тулу. Произошло сіе отъ того, что ожидали тогда въ Тулу вновь опредѣленнаго въ нашу губернію намѣстника, генерала Евгенія Петровича Кашкина. Сіе составляло тогда для насъ великую и важную новость, и я принужденъ былъ для сего тотчасъ скакать съ вѣдомостьми въ Тулу. Но ѣзда моя вышла по-пустому: намѣстникъ еще не бывалъ, и никто не зналъ, когда онъ будетъ. Итакъ, побывалъ я только у своего временнаго командира, отдалъ ему вѣдомости, которыми былъ онъ очень доволенъ; познакомился у него съ г. Покровскимъ, Филатомъ Гавриловичемъ, бывшимъ тогда простымъ

учителемъ, и возвратился опять въ свое мѣсто.

Въ началѣ октября разъѣзжали мы по праздникамъ и по гостямъ въ Епифанскомъ уѣздѣ, а возвратясь оттуда праздновали 4 числа именины сына моего и угощали у себя всѣхъ нашихъ городскихъ и пріятелей, и день сей провели весело, съ музыкою и танцами. Въ самое сіе время возобновилось опять чрезъ нашего лѣкаря сватовство за дочь мою и условленось было, чтобъ сыну моему, вмѣстѣ съ зятемъ, съѣздить къ господамъ Воронцовымъ и посмотрѣть ихъ житья-бытья и спознакомиться съ ихъ родными и семействами. Въ путешествіе сіе отправились они на другой день наступившаго 56 года моей жизни и были тамъ обласканы и угощены всевозможнымъ образомъ. Въ домѣ брата женихова, Михайла Ивановича, они обѣдали, а въ домѣ самого жениха ночевали и привезли намъ объ нихъ и обо всемъ ихъ житьѣ-бытьѣ такія извѣстія, которыя намъ были не противны и которыя часъ-отъ-часу болѣе сближали насъ съ симъ домомъ. Однако, нерѣшимость наша все еще продолжалась.

Между тѣмъ, продолжая прежній мой переводъ революціонной исторіи, кончилъ я 3 часть, но на томъ и остановился и болѣе рѣшился не переводить, поелику трудъ сей былъ почти безполезный, а принялся переводить изъ политическаго нѣмецкаго журнала «Жизнь англійскаго претендента Эдуарда», которую и отослалъ къ Ридигеру для напечатанія, и маленькая сія книжечка была имъ и напечатана; но какъ польза, полученная отъ того, состояла только въ 25 экземплярахъ, ко мнѣ пересланныхъ, то сіе и отохотило меня отъ дальнѣйшаго посыланія къ Ридигеру моихъ сочиненій для печати.

Вскорѣ за симъ наступило время переторжки оброчныхъ земель. Къ оному въ сей разъ съѣхалось превеликое множество дворянъ и простаго народа. Я, по обыкновенію, угощалъ многихъ изъ первыхъ у себя, и съ пріѣхавшимъ къ намъ моимъ временнымъ командиромъ г. Юшковымъ распорядилъ все дѣло сіе такъ, какъ нельзя лучше. Но въ самое то время, какъ мы хотѣли начинать, къ крайнему неудовольствію, всѣхъ прискакалъ къ намъ изъ Тулы самъ г. Веницеевъ съ г. Калзаковымъ и смутилъ всѣмъ дѣломъ. Пошли умничанья и забобоны и испортили такъ все дѣло, что мы съ трудомъ могли поправить, и я радъ-радъ былъ, какъ въ послѣдующій день сжилъ съ рукъ своихъ сихъ неугомонныхъ пріѣзжихъ господъ.

Вскорѣ за симъ наступилъ день моихъ именинъ, который и въ сей разъ отпраздновалъ я какъ надобно. Ко мнѣ съѣхались всѣ мои друзья и знакомцы, и мы съ ними таки-повеселились, а ввечеру и поплясали. Наилучшимъ гостемъ былъ у меня пріѣхавшій нечаянно къ зятю моему г. Ошанинъ, Ѳедоръ Васильевичъ, съ дѣтьми своими.

Чрезъ недѣлю послѣ сего, встревожены мы были извѣстіемъ, что пріѣхалъ къ намъ въ городъ братъ г. Воронцова, Михаилъ Ивановичъ, для истребованія рѣшительнаго по сватовству его брата отвѣта. Онъ присталъ и ночевалъ у моего зятя, куда ѣздилъ и мой сынъ. Какъ до самаго сего времени находились мы въ превеликой еще нерѣшимости, то сей случай подалъ поводъ опять ко всеобщему между собою совѣту, на которомъ съ общаго согласія положено было требовать, чтобъ женихъ еще разъ намъ себя показалъ и къ намъ въ домъ пожаловалъ-пріѣхалъ. Брата же его мы не преминули на другой день пригласить къ себѣ и, спознакомившись съ нимъ, угостили его обѣдомъ.

Желаніе наше было исполнено, и оба господа Воронцовы дни черезъ три послѣ того и, какъ теперь помню, на другой день послѣ именинъ самой невѣсты, и прискакали къ моему зятю, куда пріѣхали и мы и провели съ ними весь вечеръ и ужинали. По возвращеніи къ себѣ въ домъ, находились мы опять въ страшной нерѣшимости и не знали, что дѣлать. Испытывали расположеніе самой

невѣсты, и узнавъ, что она не имѣла отъ жениха дальнаго отвращенія и почти выттить за него согласилась, были сколько-нибудь поспокойнѣе духомъ, ибо мнѣ никакъ не хотѣлось ее къ тому приневоливать.

Въ послѣдующій и вѣчно для ней достопамятный день, по приглашенію нашему, пріѣхали къ намъ оба господа Воронцовы обѣдать, а послѣ обѣда и приступили они съ требованіемъ рѣшительнаго отъ насъ отвѣта. Коммпссію сію принялъ на себя братъ жениховъ, Михайла Ивановичъ, и требовалъ уединеннаго со мною переговора въ моемъ кабинетѣ. Зная за чѣмъ меня туда призывали, уклонился я напередъ въ заднія компаты для послѣдняго совѣщанія о томъ съ своими и съ самою невѣстою. Минуты сіи были самыя критическія и мучительныя. Мы проговорили между собою наединѣ болѣе часа и требовали наконецъ отъ самой невѣсты, имѣвшей уже довольный случай разсмотрѣть своего жениха, рѣшительнаго отвѣта, соглашается-ли она за него иттить, или нѣтъ? Долго продолжилось, покуда не получили мы отъ ней онаго. Наконецъ, сочтя, что по стеченію всѣхъ обстоятельствъ, оказывалось, что была на сіе воля Господня, и предавшись на Его святой произволъ, рѣшилась она изъявить свое согласіе и дала слово.

Я отнесъ оное въ свой кабинетъ къ дожидавшемуся меня тамъ долго женихову брату, и не успѣлъ я оное выговорить и объяснить и объявить наше согласіе, какъ потребовалъ онъ дозволенія рекомендоваться; что, со стороны его, жениховой, тотчасъ было потомъ и выполнено. Итакъ, въ сей послѣдній день мѣсяца октября мы дочь мою Настасью въ замужство помолвили, и случилось сіе въ 20,164 день моей жизни.

Оба гостя у насъ тогда ужинали, а потомъ поговоривъ о томъ, когда быть сговору, и обѣщавъ дать намъ о томъ предварительно знать, поѣхали отъ насъ на свою квартеру, а на другой день къ себѣ домой. Но сей отповѣди принуждены мы были отъ нихъ нѣсколько дней дожидаться и не знали, что о томъ думать. Наконецъ, и уже 5 ноября явился къ намъ Михайла Ивановичъ, пріѣзжавшій, за бывшею тогда крайнею отъ ненастьевъ распутицею, верхомъ, и съ нимъ условлено было, чтобъ формальному сговору быть 10 числа, къ которому времени обѣщались они съ своими родными и пріѣхать.

Итакъ, помянутаго 10 ноября, былъ у насъ сговоръ, произведенный по всей обыкновенной формѣ. Съ ихъ стороны былъ, кромѣ жениха, братъ его Михайла Ивановичъ, съ своею женою, и зять ихъ, бригадиръ Николай Сергѣевичъ Жданповъ, съ своею женою и ихъ сестрою, Екатериною Ивановною. Они пріѣхали въ городъ еще наканунѣ сего дня и тогдашній вечеръ провели у моего зятя, гдѣ былъ и сынъ мой. На другой же день, за нѣсколько времени предъ обѣдомъ, пріѣхали къ намъ и, немного погодя, приступили къ дѣлу, и, по сговорѣ, у насъ всѣ обѣдали при играющей музыкѣ. А послѣ обѣда былъ балъ и танцы, и продолжалось сіе во весь вечеръ и день. Наконецъ, отъужинавъ у насъ, поѣхали они ночевать къ моему зятю.

Съ сего времени нѣсколько дней сряду бывалъ у насъ женихъ, а первый по сговорѣ опять препроводили всѣ вмѣстѣ, и не у насъ, а уже у зятя моего Шишкова, гдѣ во весь день и занимались разными увеселеніями и опять также танцами, и Крапивенскіе гости не прежде изъ Богородицка поѣхали, какъ уже 12 числа; а женихъ остался долѣе и продолжалъ къ намъ всякій день ѣздить и провождать у насъ цѣлые дни. При чемъ произошло то, чего мы и не ожидали. Мы открывали въ немъ часъ-отъ-часу болѣе хорошаго и для насъ пріятнаго, и онъ намъ всѣмъ часъ-отъ-часу болѣе нравился. Самая личность его, къ которой мы присмотрѣлись, казалась намъ предъ прежнимъ несравненно сноснѣйшею. Дочь же моя ни малѣйшаго не оказывала къ нему отвращенія, а казалась

быть судьбою своею довольною, что натурально и для насъ было не противно.

Какъ мы, по обыкновенію, на другой день послѣ сговора, разослали по всѣмъ нашимъ знакомымъ извѣстительные билеты, то въ слѣдующій за помянутымъ день, по случаю воскресенья, съѣхалось къ намъ множество гостей, отчасти для обыкновеннаго поздравленія, отчасти желая видѣть нашего жениха; почему и былъ у насъ въ сей день, такъ сказать, пиръ во весь міръ, съ музыкою, танцами и ужиномъ, а нѣкоторые изъ гостей пріѣзжихъ изъ уѣзда у насъ и ночевали. Послѣ сего, во всѣ остальные двадцать дней ноября мѣсяца не проходило ни одного дня, въ который бы не было у насъ гостей, или бы мы куда вмѣстѣ съ нашимъ женихомъ ни ѣздили. Онъ во все сіе время продолжалъ жить въ Богородицкѣ и бывалъ у насъ въ каждый день, провождая вмѣстѣ съ нами время, и мы сообществомъ его не только не скучали, но были еще и довольны очень, а особливо потому, что онъ въ праздныя минуты биралъ соучастіе и въ нашихъ литеральныхъ занятіяхъ и не чуждался никакъ оныхъ, по примѣру моего большаго зятя. Не одинъ разъ случалось, что онъ вмѣстѣ съ нами читывалъ книги, а иногда и рисовалъ, къ чему имѣлъ онъ нѣкоторую склонность. Словомъ, чѣмъ болѣе мы съ нимъ ознакомливались и свыкались, тѣмъ становились имъ довольнѣе. Итакъ, можно сказать, что мы все сіе время проводили не только безъ скуки, но отмѣнно весело. А нельзя сказать, чтобъ таковое ежедневное развлеченіе мыслей прервало совсѣмъ и обыкновенныя мои литеральныя занятія, но я все находилъ довольно свободныхъ минутъ упражняться въ оныхъ.

Сіи состояли наиболѣе въ переводѣ двухъ небольшихъ историческихъ книгъ, которыя, по интересности ихъ, вздумалось мнѣ перевесть съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ ихъ отдать Ридигеру для напечатанія и отослать ихъ къ нему съ сыномъ моимъ, сбиравшемся ѣхать съ матерью и сестрою въ Москву, для закупки нужныхъ вещей къ свадьбѣ. Одна изъ нихъ была «Жизнь Ульфельда», одного датскаго несчастнаго вельможи, а другая—«Жизнь Витекинда», славнаго послѣдняго короля Саксонскаго. И сколь ни мало я имѣлъ досуга, по щипкамъ и урывкамъ успѣлъ я обѣ сіи книжки въ сіе время перевесть, а сверхъ того, много еще заниматься соотвѣтствованіями на письма, полученныя мною около сего времени отъ Нартова и сочиненіемъ отвѣтовъ на заданные ими многіе, но совершенно пустые вопросы въ напечатанныхъ и повсюду разосланныхъ таблицахъ; которая работа мнѣ такъ наскучила и надоѣла, что я ей очень былъ не радъ и опять располагался имѣть поменьше сношенія и переписки съ Обществомъ, и болѣе потому, что не предусматривалъ отъ всѣхъ моихъ трудовъ для себя ни малѣйшей пользы. Со всѣмъ тѣмъ, какъ ни досадны мнѣ были новыя и часъ-отъ-часу умножающіяся требованія г. Нартова, но не могъ преминовать, чтобъ по требованію его не начертить машинѣ моей чертежа и не сдѣлать ей описанія, которое я къ нему въ теченіи сего времени и отправилъ.

Симъ образомъ прошолъ и кончился нашъ ноябрь мѣсяцъ, принесшій къ намъ съ собою снѣга и зимы съ прежестокими морозами, а впрочемъ, во все теченіе онаго не произошло у насъ ничего особливаго. Намѣстникъ новый еще не пріѣзжалъ въ Тулу, а потому и не тревоженъ я былъ ни какими по должности моей требованіями и дѣлами, а продолжалъ по-прежнему отправлять оную съ миромъ и тишиною и съ такимъ спокойствіемъ духа, каково я давно уже не имѣлъ, и за все то обязанъ былъ добронравію моего новаго и временнаго командира г. Юшкова, любившаго меня чистосердечно.

Съ наступленіемъ декабря мѣсяца перемѣнилась вдругъ у насъ погода, изъ прежней жестокой стужи въ теплую. И какъ отъ сего началъ исчезать весь напавшій-было снѣгъ, то сіе всѣхъ насъ, а особливо собиравшихся къ отъѣзду въ Москву моихъ родныхъ, весьма озаботило. Но, по счастію, тепло сіе продолжи-

лось не долго, но возстановившаяся опять стужа и сдѣлавшаяся столь жестокая мятель, что замерзали отъ ней даже люди, опять все поисправило, хотя произведя превеликую гололедицу и колоть. Въ помянутое московское путешествіе собирались тогда жена моя, съ обѣими старшими моими дочерьми, сыномъ и зятемъ Шишковымъ, а вмѣстѣ съ ними, располагался ѣхать также для разныхъ закупокъ и нашъ женихъ. Какъ онъ, такъ и родные его убѣдили нашихъ просьбою, чтобъ всѣмъ имъ заѣхать къ нимъ на перепутьѣ, а вкупѣ подзывали и меня, чтобъ мнѣ проводить ихъ до жилища оныхъ. А поелику и самимъ намъ хотѣлось видѣть ихъ житье-бытье, то мы на то охотно и согласились.

Итакъ, 3 числа, передъ вечеромъ, и отправились родные мои въ сей путь, положивъ на дорогѣ въ селѣ Кобелевѣ ночевать и условившись, чтобъ по-утру въ слѣдующій день и мнѣ къ нимъ туда же пріѣхать, и ѣхать уже вмѣстѣ съ ними до села Головнина, гдѣ жили господа Воронцовы. Отъ выѣзда изъ Богородицка, вмѣстѣ съ ними, удержало меня съ одной стороны полученное извѣстіе о прибытіи въ Тулу новаго намѣстника, а съ другой—несовершенная еще готовность моего вновь сдѣланнаго и только что раскрашеннаго возочка. Но за то по-утру, въ слѣдующій день, всталъ я задолго еще до свѣта, и пустившись въ путь, успѣлъ пріѣхать въ Кобелево такъ рано, что дорожные мои не пили еще чаю. Итакъ, соединившись съ ними, проѣхали мы въ первый разъ въ Головнино, въ домъ брата женихова Михайла Ивановича, дожидавшагося насъ къ себѣ обѣдать.

Мы нашли его живущаго тогда еще во флигелѣ, поелику настоящаго дома не было еще у него построено. Но какъ и флигель сей былъ довольно просторный и не хуже маленькихъ хоромцовъ, то было для всѣхъ насъ довольно простора. Хозяева были намъ очень ради и постарались угостить насъ, какъ нельзя лучше. Послѣ обѣда же подъѣхали къ нимъ зять ихъ г. Ждановъ, съ женою, и сосѣдъ ихъ г. Крюковъ, Павелъ Ивановичъ, съ сестрою; чрезъ что и набралось довольно народа, и весь день провели мы тутъ довольно весело, и были ласкою хозяевъ и ихъ родныхъ очень довольны.

Они не отпустили никакъ насъ въ сей день отъ себя, но убѣдили просьбою, чтобъ остаться у нихъ ночевать, но за то, по наступленіи послѣдующаго дня, распрощались и разъѣхались мы по-утру въ разныя стороны: родные мои пустились въ Тулу, а я въ обратный путь къ Богородицку, и препроводивъ въ дорогѣ не болѣе 3½ часовъ, поспѣлъ еще къ обѣду.

По возвращеніи въ свое мѣсто, принялся я за прежнія свои разныя литеральныя упражненія, и какъ въ нихъ, такъ и въ свиданіяхъ кое-съ-кѣмъ изъ пріѣзжавшихъ ко мнѣ городскихъ, а не менѣе въ ежедневномъ почти собесѣдованіи съ отцомъ Ѳедотомъ, препровелъ я все время до самаго 18 числа безъ дальней скуки и почти нечувствительно, такъ что, живучи въ мирѣ и тишинѣ, и не видалъ почти какъ прошли сіи 12 или 13 дней.

Во все сіе время не было изъ Тулы ни какого слуха, кромѣ того, что намѣстникъ живетъ, занимаясь дѣлами, уединенно и никого къ себѣ не пускаетъ, и что, впрочемъ, оказываетъ всѣмъ нелицепріятное и строгое правосудіе. Но помянутаго 18 числа, вдругъ встревоженъ я былъ полученнымъ изъ Тулы ордеромъ, чтобъ мнѣ прибыть въ Тулу, и что намѣстникъ желаетъ меня видѣть.

Какъ я сего призыва давно уже ожидалъ и имѣлъ и съ своей стороны великое желаніе видѣть и лично узнать намѣстника, котораго о добротѣ носилась всюду лестная молва, то рѣшился я ни мало не медлить, но въ тотъ же еще день, послѣ обѣда, въ путь сей отправиться. И залегши въ любезный свой и покойный возочикъ, полетѣлъ туда съ такою поспѣшностью, что, переночевавъ въ Дѣдиловѣ, прискакалъ въ Тулу еще до свѣта.

Я остановился въ сей разъ у самого моего временнаго командира г. Юшкова, въ домѣ. Онъ пригласилъ меня самъ къ

тому и приготовилъ для меня особую, уединенную и спокойную комнату, и такую квартерку, которою я былъ очень доволенъ. Какъ онъ, такъ и жена его были мнѣ ради и, наперерывъ другъ предъ другомъ, старались ко мнѣ всячески ласкаться. Мы въ тоже утро ѣздили съ хозяиномъ въ казенную полату, гдѣ сдалъ я привезенныя съ собою рекрутскія деньги и, противъ всякаго ожиданія, свидѣлся съ возвратившимися уже изъ Москвы зятемъ моимъ г. Шишковымъ, и къ удовольствію, узналъ отъ него, что родные мои доѣхали и находятся въ Москвѣ благополучно. Какъ случилось сіе въ понедѣльникъ, который былъ тогда почтовымъ днемъ, то не разсудили мы въ сей день ѣхать къ намѣстнику, дабы не помѣшать ему заниматься дѣлами, но, пробывъ все утро въ казенной полатѣ, поѣхали обѣдать домой, гдѣ нашли превеликое собраніе съѣхавшихся къ нему гостей, частью мнѣ знакомыхъ, частью такихъ, которыхъ я впервыя еще видѣлъ. Со всѣми сими имѣлъ я тутъ случай познакомиться. И какъ они всѣ, видя уваженіе, оказываемое мнѣ хозяевами, ко мнѣ благопріятствовали, то заговорилъ я всѣхъ разными своими разсказами и заставилъ всѣхъ, разиня ротъ, себя слушать, и весь сей день было мнѣ не скучно, а довольно весело.

На утріе, одѣвшись какъ надобно, поѣхали мы съ Петромъ Николаевичемъ ранёхонько къ намѣстнику. Но намъ сказали, что онъ болѣнъ, принималъ слабительное и никого въ тотъ день къ себѣ не допускаетъ. Итакъ, уборы и ѣзда наша была тщетная. Мы принуждены были ѣхать назадъ и раздѣлились: г. Юшковъ поѣхалъ въ казенную полату къ своей должности, а я въ ряды для покупанія себѣ нѣкоторыхъ надобностей, а оттуда проѣхалъ также въ казенную полату, въ которой въ сей день Варсобинъ мой сдавалъ привезенныя нами съ собою рекрутскія деньги. Тамъ увидѣлъ меня г. Верещагинъ и убѣдилъ просьбою, чтобъ я пріѣхалъ къ нему обѣдать. Обѣщавъ сіе исполнить и соскучивъ быть безъ всякаго дѣла въ казенной полатѣ поѣхалъ я на свою квартеру и переодѣлся. Тутъ пришелъ ко мнѣ г. Покровскій, и мы съ нимъ много кой-о-чемъ поговорили. Когда же настало время обѣдать, то поѣхалъ я къ Верещагину, жившему тогда уже неподалеку отъ казенной полаты, въ собственномъ своемъ домѣ, который послѣ былъ губернаторскимъ. И будучи тогда губернскимъ прокуроромъ, игравшимъ великую ролю между тульскими чиновниками, я не могъ довольно надивиться величинѣ и убранству сего дома и пышному тогда житью сего прежде бывшаго бѣдняка, моего подкомандующаго и разбогатѣвшаго чрезъ свои происки, хитрости и проворство, и доволенъ очень былъ продолжаемою его къ себѣ ласкою и благопріятствомъ. У него въ сей день обѣдало нѣсколько и другихъ тульскихъ чиновниковъ и было довольно разговоровъ. Послѣ обѣда же съѣздилъ я къ знакомцу своему и прежнему хозяину Пастухову; повидался съ нимъ; пораспросилъ у него о тульскихъ происшествіяхъ; повеселился бывшими у него и меня прельстившими органами; и не нашедъ никого, по возвращеніи на свою квартеру, дома, раздѣлся и препроводилъ весь вечеръ въ писаніи кое-какихъ нужныхъ по должности моей бумагъ.

Наконецъ, 21 числа удалось намъ видѣть намѣстника. Мы поѣхали по-утру опять съ г. Юшковымъ сперва въ казенную полату, а оттуда вмѣстѣ съ присоединившимся къ намъ г. Венцеевымъ въ домъ къ намѣстнику, котораго я въ сей день имѣлъ удовольствіе впервыя еще видѣть. Онъ показался мнѣ очень разумнымъ, степеннымъ, тихимъ и отъ всякаго непомѣрнаго высокомѣрія и гордости удаленнымъ и скромнымъ, почтеннымъ вельможею. Словомъ, во всемъ характерѣ его находилъ я нѣчто неизобразимое такое, что съ первой минуты вперило въ меня къ нему любовь и искренне почтеніе. Сколько казалось, то былъ онъ уже предваренъ обо мнѣ съ хорошей стороны г. Юшковымъ по особенной его ко мнѣ любви и дружбѣ, ибо обошелся со мною весьма

благопріятно, и лучше нежели я думалъ и ожидалъ. Онъ распрашивалъ меня, но излегка, кое-что о волости, и какъ г. Веницеевъ, мѣшающійся не въ свое дѣло, спросилъ его, наконецъ, кому онъ прикажетъ препоручить отдачу въ наемъ и приближающуюся переоброчку нашихъ волостныхъ земель, то удивилъ онъ всѣхъ чрезвычайно, препоручивъ сіе дѣло одному мнѣ и ни кому другому, и сказавъ притомъ, что онъ надѣется безсомнѣнно, что я исправлю сіе дѣло такъ, какъ надобно. Сіе удостовѣрило меня, что былъ онъ обо мнѣ хорошаго мнѣнія, а можетъ быть и изъ разговоровъ со мною позамѣтилъ онъ во мнѣ человѣка надежнаго, и такого, на кого ему смѣло положиться въ семъ дѣлѣ было можно. Пробывши у него нѣсколько минутъ и полюбовавшись потомъ имъ, смотря какъ онъ принималъ отъ многихъ и разныхъ просителей просьбы, и на всѣ давалъ скорыя и умныя резолюціи, поѣхали всѣ мы обратно въ казенную полату и, проваландавшись въ оной нѣсколько часовъ и возвращаясь домой, заѣхали на часокъ къ г. Свѣчину, бывшему тогда предсѣдателемъ гражданской полаты. И какъ застали мы его за обѣдомъ, то не отпустилъ онъ насъ отъ себя безъ обѣда.

Посидѣвъ у него послѣ обѣда нѣсколько, возвратились мы домой и все достальное время сего дня и вечеръ провели дома въ разныхъ и пріятныхъ разговорахъ, а особливо съ умною и любопытною хозяйкою, немогшею со мною довольно обо всемъ наговориться, и которая, будучи не очень здорова, просила меня себя поэлектризовать на машинѣ, у нихъ имѣющейся, чтò я охотно и сдѣлалъ.

Какъ кромѣ вышеписаннаго, не было во мнѣ никакой болѣе надобности, и мнѣ въ Тулѣ долѣе жить было не за чѣмъ, то, распрощавшись съ вечера съ своими хозяевами, съ утра въ послѣдующій день пустился я въ обратный путь и успѣлъ въ тотъ же еще день, и довольно рано, возвратиться въ свое мѣсто и нашелъ всѣхъ своихъ домашнихъ здоровыми и благополучными.

На утріе стали мы вмѣстѣ съ ними дожидаться возвращенія изъ Москвы нашихъ дорожныхъ, которые въ сей день ввечеру, совершивъ свое путешествіе благополучно, и пріѣхали. Они привезли съ собою покупокъ и вещей многое множество, всякихъ, какъ по свадебнымъ дѣламъ, такъ и собственно для меня, и мы весь вечеръ проговорили о ихъ ѣздѣ и московскомъ пребываніи. Причемъ я не могъ, безъ крайняго прискорбія духа, слышать о разныхъ проказахъ и шалостяхъ, дѣланныхъ тамъ зятемъ моимъ Шишковымъ, котораго въ характерѣ часъ-отъ-часу болѣе открывалось дурнаго и для насъ непріятнаго, и побуждало насъ прозвать его «господиномъ Шумилой».

Весь послѣдующій за симъ день, бывшій навечеріемъ праздника Рождества Христова, провели мы въ разбираніи и пересматриваніи разныхъ вещей, привезенныхъ изъ Москвы, и коими вся зала была у насъ загромощена. Къ намъ привезли также новую карету, а ко мнѣ сынъ мой привезъ опять нѣсколько новыхъ книгъ и ландкартовъ. Во время сего пересматриванія подъѣхалъ къ намъ и нашъ женихъ, пріѣхавшій изъ Тулы въ свой домъ, дабы вмѣстѣ съ нами препроводить праздникъ и святки.

Но сей былъ для насъ въ сей годъ далеко не таковъ веселъ, какъ въ прежніе годы. Мы, побывавъ по-утру въ церкви, провели его почти въ уединеніи, и у насъ, кромѣ обоихъ моихъ зятьевъ, настоящаго и нареченнаго, никого гостей не было, почему и занимался я наиболѣе разсматриваніемъ новыхъ привезенныхъ съ Москвы книгъ, а особливо твореній славнаго Галлеса, состоящихъ въ нѣсколькихъ томахъ и содержащихъ въ себѣ превеликое множество разныхъ любопытныхъ вещей.

Въ послѣдующій и второй день нашихъ святокъ пріѣзжалъ къ намъ обѣдать г. Хомяковъ. А потомъ ѣздили мы къ нашему городничему и, посидѣвъ у него, заѣзжали къ моей дочери Елизаветѣ и посидѣли у ней. Что-жъ касается до ея мужа, а моего зятика «Бур-

лылы» или «Шумилы», то сей рыскалъ по всему городу, и надѣлавъ пакостей въ Москвѣ, самъ же еще на всѣхъ насъ что-то дулся и производилъ глупости, что меня очень смущало и оскорбляло душевно, и я страшился, чтобъ не вышло изо всего того какихъ-нибудь непріятныхъ послѣдствій.

Съ наступленіемъ третьяго дня нашихъ святокъ, начались у насъ въ домѣ свадебныя хлопоты и обыкновенно бываемыя предъ свадьбою разныя работы. Всѣ наши комнаты превратились въ швальни, и рукъ около сорока занимались разными кройньями и шитьями. Между тѣмъ, производимы были въ разныя мѣста отправленія людей съ письмами и посылками. У насъ, кромѣ одного пріѣзжавшаго къ намъ городничаго и «Бурлылы», моего зятика, ни кого иныхъ изъ гостей не было, и я весь сей день провелъ въ хлопотахъ разныхъ. Въ такихъ же заботахъ, хлопотахъ и суетахъ провели мы и весь четвертый день нашихъ святокъ. Хлопоты сіи тѣмъ болѣе умножались, чѣмъ ближе приближалось время, назначаемое къ свадьбѣ. Въ этотъ день поѣхалъ отъ насъ и нареченный зять мой домой, для занимапія себя такими же пріуготовленіями и хлопотами; а я, по отъѣздѣ его, занялся счетами и пересчетами съ людьми, пріѣхавшими ко мнѣ изъ Тамбовской деревни съ запасомъ и разною столовою провизіею.

Такимъ же образомъ провели мы въ безчисленныхъ хлопотахъ и всѣ достальные дни сего года. Къ вящшему умноженію оныхъ, случилось такъ, что въ самые сіи дни надлежало мнѣ переоброчивать и волостныя мельницы, и я принужденъ былъ цѣлый день хлопотать со множествомъ съѣхавшагося народа, и былъ радъ только тому, что не было никого въ томъ числѣ изъ благородныхъ. Дѣло сіе производилъ по всей строгой справедливости и безъ малѣйшаго пристрастія, и чрезъ то доставилъ казнѣ значительное умноженіе съ сей стороны дохода, чего-бъ никакъ не было, еслибъ вмѣшались въ сіе дѣло мои начальники.

Наконецъ, при умножающихся отъ-часу болѣе хлопотахъ, настахъ и послѣдній день 1793 года. Всѣ поспѣшали въ оный, колико можно, шитьемъ и работами, и однихъ портныхъ, кромѣ женщинъ, работало уже нѣсколько человѣкъ, и всѣ комнаты наполнены были народомъ. Къ намъ въ сей день пріѣхалъ опять нашъ женихъ, дабы вмѣстѣ съ нами начать новый годъ. Но какъ, кромѣ его, съѣхалось къ намъ къ вечеру и еще нѣсколько гостей, то и провели мы вечеръ сей въ разныхъ святочныхъ играхъ и невинныхъ увеселеніяхъ и кончили оный ужиномъ, многолюднымъ и веселымъ.

Такимъ образомъ кончили мы сей годъ благополучно, и я въ теченіи онаго воспользовался многими и особливыми милостями и щедротами моего Творца и Господа. Какъ я, такъ и все мое семейство было здорово и жили въ благоденствіи. Всѣ мы были цѣлы. Самое состояніе наше ни какой разстройкѣ не подвергалось. Всемогущему угодно было и большой моей незамужней дочери сыскать партію, и неисповѣдимыми своими о благѣ моего семейства промыслами устроить все такъ, что дѣло сіе приходило уже къ своему окончанію. Сей случай и приготовленіе къ свадьбѣ, вмѣстѣ съ заготовленіемъ приданаго, хотя намъ и много стоило, однако, по милости Божеской, исправился я такъ, что на все сіе принужденъ былъ не болѣе употребить, какъ 280 рублей, сверхъ обыкновенныхъ моихъ годовыхъ приходовъ, которыхъ количество простиралось около сего времени до 5,300 рублей, но съ удовольствіемъ скажу, все законныхъ, правыхъ и некраденныхъ. Словомъ, за всё-и-всё обязанъ я былъ благодарностію къ моему Богу, которую и чувствовалъ я наиживѣйшимъ образомъ. Самое время сего года препровождено мною довольно весело, и я имѣлъ очень мало огорченій и печалей, а напротивъ того, разныхъ удовольствій и пріятныхъ минутъ превеликое множество. По случаю смерти намѣстника и отлученія директора, освобожденъ я былъ въ сей годъ отъ непрі-

ятностей и досадъ, причиняемыхъ клеветами и бездѣльничествами, людьми, завидующими мнѣ и нехарактерными, но проводилъ время спокойно, такъ что сей годъ можно было почти почесть спокойнѣйшимъ изъ всѣхъ прежнихъ пребыванія моего въ Богородицкѣ. Не завелъ я и въ сей годъ ни съ кѣмъ ссоры и вражды, но со всѣми жилъ мирно и ладно, всѣми былъ любимъ и почитаемъ. Люди меня не бранили, а хвалили и повсюду отзывались обо мнѣ не дурно, а съ хорошей стороны; а могу сказать, что и всѣ подчиненные мнѣ и сами крестьяне были мною довольны и на меня не жаловались. Имя мое было не только во всей Тульской губерніи извѣстно, но и въ самыхъ столицахъ, а особливо въ Петербургѣ дѣлалось отъ-часу болѣе извѣстнѣйшимъ. Обстоятельство, что я началъ писать о электрицизмѣ, прославило опять и еще болѣе прежняго оное. Въ искусствѣ семъ успѣвалъ я отъ-часу болѣе и великое множество людей, и не только простыхъ, но и благородныхъ фамилій, воспользовались моею машиною и моими притомъ неинтересными, а единственно дружелюбными услугами имъ. Всѣмъ и всѣмъ старался я съ особливою охотою помогать, сколько дозволяли мнѣ мои знанія и способности, и отъ многихъ заслуживалъ истинную благодарность въ награду за мои объ нихъ попеченія. Переписка съ Экономическимъ Обществомъ хотя и причиняла мнѣ иногда смѣшныя негодованія и досады небольшія, но доставляла и пріятныя минуты и обращалась мнѣ отнюдь не во вредъ, а въ пользу. Съ типографщиками вышла у меня новая и неожиданная конекція, по случаю снятія на откупъ университетской типографіи знакомцемъ моимъ Ридигеромъ, и я получилъ надежду къ изданію въ печати нѣкоторыхъ своихъ сочиненій и переводовъ и учинилъ тому небольшое начало. Но послѣдствія не соотвѣтствовали моему ожиданію и желанію, какъ о томъ упомяну впредь въ своемъ мѣстѣ. Кромѣ того, не родясь стихотворцемъ и не будучи во весь мой вѣкъ до сего онымъ, сдѣлался я въ сей годъ подражателемъ оныхъ и сочинилъ кое-какіе стишки и пѣсни въ честь натуры и нравственности, хотя самыми простыми и бѣлыми стихами, и пользовался тмою минутъ пріятныхъ при сочиненіи и переписываніи оныхъ. Далѣе упражнялся я и въ сей годъ по-прежнему во все продолженіе онаго въ литературѣ, прочелъ великое множество разныхъ книгъ, перевелъ изъ нихъ нѣсколько и сочинилъ кое-какія бездѣлки и мелочныя піэсы. Въ самыхъ любопытныхъ занятіяхъ, относящихся до разныхъ искусствъ и художествъ, не было недостатка, и библіотека моя увеличилась въ сей годъ множествомъ книгъ новыхъ. Словомъ, со всѣхъ сторонъ и все шло хорошо, и ничего почти дурнаго не было. Самый живущій у насъ малютка, внукъ мой, сынъ старшей моей дочери, хоть нѣсколько разъ собирался умирать, но остался въ живыхъ, и сколько-нибудь пооправился, и около сего времени начиналъ ходить. Одинъ только отецъ его, а мой зять, нѣкоторыми дурными своими, отъ вѣтрености и баскости, поведеніями, подавалъ намъ временно поводъ къ тайнымъ огорченіямъ и на себя неудовольствіямъ; но и съ тѣмъ кое-какъ находилъ я способы ладить и сокращать его сколько-нибудь въ его неномѣрностяхъ.

Что касается до моего сына, то онъ много въ сей годъ путешествовалъ, и я отъ-часу становился имъ довольнѣе. Самое слабое здоровье его, какъ казалось хотя немного, но сколько-нибудь поправилось и насъ переставало страшить и отчаяваться въ продолженіи его жизни; и за все сіе приносилъ я безконечному Творцу и Подателю всѣхъ благъ сердечныя благодаренія. По симъ и окончу я сіе письмо, и вкупѣ сіе 28 собраніе оныхъ, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Ноября 28 дня 1813 года, въ Дворениновѣ).

Конецъ XXVIII части.

Кончена ноября 28 дня 1813 года.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XXIX.

Въ Двореннновѣ. Начата 1813 г. декабря 6 дня, кончена 1816 г. октября 3 числа.

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Богородицкѣ.

1794 и 56 годъ моей жизни.

Письмо 291.

Любезный пріятель! Приступая къ описанію происшествій, случившихся со мною въ теченіи 1794 года, въ который продолжался 56-й годъ моей жизни, скажу вамъ сперва вообще объ ономъ, что оной преисполненъ былъ для меня многими удовольствіями и въ семъ отношеніи почти наипріятнѣйшій изъ всѣхъ прежнихъ лѣтъ, въ Богородицкѣ препровожденныхъ; но за то былъ почти послѣднимъ для полезнаго моего и безмятежнаго въ семъ мѣстѣ пребыванія; однако, нельзя сказать, чтобъ и въ продолженіи онаго не имѣлъ я нѣкоторыхъ непріятностей. И самое начало онаго ознаменовалось тѣмъ, что я былъ не совсѣмъ здоровъ, но начиналъ чувствовать боль въ крестцѣ, происходящую отъ гемороя, и каковой боли до того я никогда еще не чувствовалъ, да и не почиталъ ее въ сіе время еще таковою. Сверхъ того, обезпокоивалъ меня въ сіе время кашель. Впрочемъ, по случаю приближенія дня, назначеннаго для бракосочетанія моей дочери, заняты мы всѣ были премножествомъ хлопотъ и суетъ, съ сборами и приготовленіями сопряженныхъ, а я, кромѣ того, обремененъ былъ другими еще заботами. Наставалъ день, назначенный для переторжки и переоброчки отдаточныхъ въ наймы волостныхъ земель, и многіе начинали уже для сего съѣзжаться къ намъ въ городъ. Изъ сихъ пріѣзжихъ всѣ дворяне и особливо знакомые явились тотчасъ ко мнѣ, и мнѣ надлежало ихъ у себя принимать и угощать; а потому, въ оба первые дни сего года перебывало у меня множество гостей. Но во второй обрадованы мы въ особливости были пріѣздомъ къ намъ обѣихъ моихъ племянницъ Травиныхъ, Надежды и Любви Андреевны изъ Твери, съ которыми мы давно ужъ не видались и коихъ тогдашній пріѣздъ къ намъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ былъ очень къ статѣ.

Непосредственно за симъ началась у насъ переторжка земли. Народу съѣхалось премногое множество, и я, по сдѣланной мнѣ довѣренности, старался производить сіе дѣло по всей справедливости и безъ малѣйшаго пристрастія; чѣмъ хотя нѣкоторые изъ дворянъ были не очень довольны, но я того не уважилъ, а дѣлалъ, что должно, и на-силу-на-силу въ два дни сіе многотрудное и хлопотливое дѣло кончилъ, и чрезъ приумноженіе знатнымъ количествомъ дохода заслужилъ себѣ отъ начальства своего доброе слово.

Едва мы сіе дѣло только кончили, какъ встревоженъ я былъ неожиданнымъ повелѣніемъ, чтобы мнѣ ѣхать въ Тулу и привезть съ собою книгу: Бенгелево «Истолкованіе апокалипсиса», которую весьма желательно было намѣстнику видѣть. Писалъ ко мнѣ о семъ г. Юшковъ, и я легко могъ заключить, что ни кто иной, какъ онъ разсказалъ объ ней намѣстнику. Теперь, не ходя далѣе, не за излишнее почитаю разсказать здѣсь достопамятную исторію о сей книгѣ. Еще лѣтъ за тридцать до сего времени, во время

пребыванія моего въ прусской древней столицѣ Кёнигсбергѣ, когда занимался я безпрерывнымъ чтеніемъ нѣмецкихъ книгъ и собираніемъ себѣ библіотеки, расхвалили мнѣ ее оба мои тогдашніе нѣмцы-канцеляристы, сказывая мнѣ, что она была тогда во всей Германіи въ превеликой славѣ и сочинена однимъ славнымъ нѣмецкимъ ученымъ человѣкомъ, трудившимся 30 лѣтъ надъ открытіемъ ключа къ сему таинственному писанію апостола Іоанна Богослова или узнанія, какъ оное и все писанное въ ней выразумѣть совершенно, и по найденіи онаго ключа, истолковавшаго весь апокалипсисъ такъ ясно и хорошо, что всѣ тому довольно надивиться не могутъ и почитаютъ толкованіе сіе наилучшимъ изо всѣхъ бывшихъ до того и книгу сію весьма важною. Таковыя похвалы побудили меня тогда же побѣжать въ книжную лавку и тотчасъ ее купить и отдать въ переплетъ. Но что же случилось? Не успѣлъ еще я, получивъ ее отъ переплетчика, прочесть оной и четвертой доли, какъ приходитъ къ намъ въ канцелярію одинъ русскій купецъ, привозившій на галіотахъ къ намъ провіантъ изъ Петербурга, и спрашиваетъ у меня, не имѣю-ли я надобности что-нибудь отправить въ Петербургъ на его возвращавшихся туда порожними галіотахъ, увѣряя меня, что все отправленное отъ меня вѣрно туда доставлено и, кому прикажу, отдано будетъ. Какъ у меня въ сіе время накуплено было отчасти въ лавкахъ, а болѣе въ книжныхъ аукціонахъ уже великое и такое множество книгъ, что я, какъ служащій въ арміи офицеръ, не зналъ бы куда съ ними и дѣваться, если бы вытурили меня въ походъ, то, обрадуясь сему случаю, и просилъ я его объ отвозѣ всей моей библіотеки въ Петербургъ и о доставленіи оной къ одному живущему въ Петербургѣ моему знакомцу, пріятелю и сосѣду зятя моего г. Неклюдова. Поелику купецъ охотно на сіе согласился и просилъ только меня, чтобъ я скорѣе уклалъ ихъ въ сундуки и уконопатилъ какъ надобно, то побѣжалъ я того-жъ момента къ столярамъ, заказалъ имъ скорѣе дѣлать сундуки, а по изготовленіи оныхъ, и уклалъ въ нихъ всѣ имѣвшіяся тогда у меня книги, кромѣ весьма немногихъ и нужнѣйшихъ, оставленныхъ при себѣ, а въ томъ числѣ положилъ и помянутую Бенгелеву книгу, непрочитанную еще и до половины. Книги сіи благополучно довезены были до Петербурга, а оттуда доставлены къ зятю моему во Псковскія его деревни, гдѣ и праздновали они до моего къ нимъ пріѣзда изъ службы по полученіи отставки, и тогда уже я ихъ всѣ привезъ съ собою въ свою деревню. Но такъ случилось, что я, за множествомъ иныхъ дѣлъ и книгъ, какъ-то не удосужился сей книги прочесть до конца, и она въ библіотекѣ моей стояла безъ чтенія цѣлыхъ тридцать лѣтъ до самого того времени, какъ воспослѣдовала во Франціи революція и простояла можетъ быть и долѣе недочитанною, еслибъ помянутая революція не подала поводъ мнѣ объ ней вспомнить и въ ночь сначала и до конца прочесть съ особливымъ вниманіемъ. Ибо какъ тогдашнія необыкновенныя и странныя въ свѣтѣ происшествія обратили на себя всеобщее вниманіе и всѣ, находясь въ великомъ недоумѣніи, не знали чего ожидать въ предбудущее время, то вспомнивъ о сей книгѣ, возлюбопытствовалъ я узнать, нѣтъ-ли чего въ ней о такихъ великихъ перемѣнахъ и происшествіяхъ въ свѣтѣ упоминаемаго. Изъ немногова того, что успѣлъ я въ ней прочесть въ Кёнигсбергѣ, памятно мнѣ то было очень, что г. Бенгель объяснялся въ началѣ оной, что онъ сперва истолкуетъ въ апокалипсисѣ все то, что писано въ ономъ о прошедшемъ и уже донынѣ совершившимся, а потомъ замѣтитъ самой тотъ пунктъ времени, въ который мы тогда по апокалипсису жили, и наконецъ обѣщалъ говорить о имѣющемъ воспослѣдовать еще впредь и несовершившемся. И какъ все истолкованіе его относительно до прошедшаго и совершившагося было очень сходно, то посему и любопытенъ я былъ узнать, что онъ говорилъ о тогдашнемъ времени, какъ мы жили, и о предбуду-

щемъ. Но какимъ неописаннымъ удивленіемъ я поразился, когда, дочитавъ до нашихъ тогдашнихъ временъ, увидѣлъ предсказанія его, совершившіяся во всей точности. Онъ, дошедъ до тогдашняго времени и означа оное въ апокалипсисѣ, говорилъ: что мы жили тогда на краю такого времени, которое преисполнено будетъ великими, необыкновенными и страшными происшествіями; что во всей Европѣ произойдутъ смятенія и возмущенія; что злые и дурные люди ополчатся противъ добрыхъ; что произойдутъ и между самыми обладателями земель разныя вражды и несогласія; бранившіеся между собою примирятся, а небывалые никогда въ ссорѣ—разсорятся; что во многихъ земляхъ возмутятся народы, а въ одной возмущеніе будетъ общее и возстаніе зла противъ добра; что всѣ добрые люди принуждены будутъ бѣжать и удаляться изъ своего отечества, и оставшіеся возстанутъ противъ правительства, опровергнутъ онаго и даже умертвятъ своего государя, и такъ далѣе. Словомъ, вся французская революція была почти наияснѣйшимъ образомъ предварительно предсказана и описана. Но всего болѣе удивило и поразило насъ то, что онъ предсказалъ все вышеупомянутое, присовокупляя, что помянутыя происшествія не далѣе отъ насъ удалены, какъ на тридцать лѣтъ, и что многіе изъ живущихъ тогда до того доживутъ и оныя перемѣны увидятъ. А какъ все сіе предсказаніе дѣйствительно чрезъ 30 лѣтъ совершилось, то я истинно не повѣрилъ бы тому, еслибъ книга сія не была у самого меня уже 30 лѣтъ, а почелъ бы оную заднимъ числомъ означенною, еслибъ она мнѣ тогда, а не за 30 лѣтъ до того попалась въ руки.

Открытіе таковаго удивительнаго предсказанія натурально побудило меня всѣмъ тѣмъ знакомцамъ и пріятелямъ о томъ разсказывать и вмѣстѣ съ ними оному дивиться. А какъ между прочими случилось мнѣ разсказать о томъ во время пребыванія моего въ Тулѣ и г. Юшкову, то сему вздумалось пересказать слова мои и нашему намѣстнику, а сей, будучи ученымъ и въ нѣмецкой литературѣ очень свѣдущій человѣкъ, и восхотѣлъ съ великимъ любопытствомъ книгу сію видѣть, и меня съ нею къ себѣ въ Тулу для поговорки выписать.

Призывъ сей былъ для насъ по двумъ обстоятельствамъ весьма неблаговремененъ: съ одной стороны назначенъ былъ у насъ около сего времени день нашей свадьбы, а съ другой—озабочивала насъ чрезвычайно беременность старшей моей дочери, бывшей тогда на сносяхъ, такъ что мы всякій день ожидали родинъ ея, а по всему тому и принуждены были свадьбу нашу отсрочить еще на недѣлю, а и отъѣздомъ въ Тулу сколько-нибудь еще помедлить. Но намъ не для чего было долго медлить, ибо на другой же день и разрѣшилась дочь моя отъ своего бремени, родивъ мальчика, котораго назвала Павломъ. Мы обрадованы были симъ происшествіемъ, а я болѣе всѣхъ потому, что мнѣ можно было въ тотъ же еще день отправиться въ Тулу, дабы какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ намѣстника. Я, пустившись въ путь и переночевавъ въ Дѣдиловѣ, и поспѣлъ въ Тулу 7 числа, еще до-свѣта, и остановился опять по приглашенію у господина Юшкова.

Мы хотѣли-было въ тотъ же еще день побывать у намѣстника, но не успѣли Г. Юшкова захватили нужды и дѣла въ казенной полатѣ, куда мы съ нимъ напередъ поѣхали, и между тѣмъ намѣстникъ самъ пріѣхалъ туда въ рекрутской департаментъ, и намъ не можно было къ нему ѣхать, а потому и прошелъ у насъ сей день праздно, и мы большую часть онаго и весь вечеръ провели дома съ разными пріѣзжавшими къ г. Юшкову гостьми и гостившею у него въ сіе время его тещею Марьею Григорьевною Бунипою.

На утріе поѣхали мы съ нимъ къ намѣстнику прямо. И какъ случился сей день быть воскреснымъ, то нашли у него превеликое множество съѣхавшихся на поклонъ къ нему господъ. Мы провели тамъ все утро въ ожиданіи выхода на-

мѣстника, однако, онъ не выходилъ и, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, приказалъ мнѣ сказать, что бы я остался у него обѣдать. Вышедши предъ обѣдомъ къ намъ немногимъ, оставленнымъ у него обѣдать, не преминулъ онъ со мною нѣсколько и довольно благопріятно поговорить; а послѣ обѣда приказалъ на другой день пріѣхать къ нему обѣдать за-просто: что́ означало еще болѣе его ко мнѣ благопріятство, и было мнѣ не противно. Мы пробыли таки-нарочито долго у него послѣ обѣда. И какъ меня взялся довезти домой обѣдавшій тутъ же тогдашній губернскій предводитель Протасовъ, то, поѣхавши съ нимъ, заѣхали мы еще къ богатому Чернскому дворянину Александру Ивановичу Арсеньеву, съ которымъ я въ сей день впервыя познакомился и ласкою его ко мнѣ былъ очень доволенъ. Ввечеру ѣздили всѣ мы въ редутъ, гдѣ случилось потанцовать и самому мнѣ и довольно-таки повеселиться; ужинали же мы дома и тѣмъ сей день кончили. Послѣдовавшій за симъ день сдѣлался для меня достопамятнымъ тѣмъ, что въ оной не только спознакомился короче, но даже сдружился съ намѣстникомъ. По приказанію его, пріѣхалъ я къ нему запросто обѣдать и мы провели съ нимъ весь почти сей день въ любопытныхъ разговорахъ и, можно сказать, другъ друга полюбили. Я находилъ въ немъ многое согласное съ моими склонностями, привычками и мнѣніями, а онъ тоже самое находилъ во мнѣ, а сіе въ самое короткое время и связало насъ нѣкоторымъ родомъ дружества. Словомъ, я былъ какъ пріемомъ, такъ и всѣмъ обхожденіемъ его со мною до безконечности доволенъ, и вручилъ ему привезенную съ собою книгу, подавшею намъ поводъ ко многимъ съ нимъ о разныхъ матеріяхъ разговорамъ, которые часъ-отъ-часу болѣе открывали мнѣ прекрасный характеръ сего нашего вельможи и заставливали почитать его искренно. Скоро дошелъ разговоръ и объ его нѣмецкихъ книгахъ. И какъ нѣкоторыя изъ нихъ не были мнѣ знакомы, то при отъѣздѣ снабдилъ онъ и меня своими, для прочтенія, и мы разстались съ нимъ какъ добрые уже друзья.

Какъ другихъ дѣлъ за мною въ Тулѣ не было, то не сталъ я долѣе въ оной медлить, но на другой же день къ вечеру возвратился я въ Богородицкъ и поспѣлъ къ крестинамъ новорожденнаго внука своего, бывшимъ на другой день и отправленнымъ съ обыкновенными церемоніями. А отпраздновавши сей праздникъ, принялись мы за укладываніе въ сундуки приданаго и ближайшія приготовленія къ свадьбѣ. Посреди самыхъ сихъ сборовъ и хлопотъ огорчены мы были несказанно смертью новорожденнаго моего внука Павла, случившеюся чрезъ день послѣ крестинъ. Мальчишку сего намъ и жалко было, и нѣтъ; но мы паче радовались тому, что Богъ прибралъ его къ себѣ. Причина тому была одно странное обстоятельство и происшествіе, рѣдкое и достойное замѣчанія. Какъ мы всѣ за нѣсколько дней до того были въ Головнинѣ у новонареченныхъ родныхъ нашихъ, и съ нами вмѣстѣ была и дочь моя, мать сего ребенка, бывшая тогда почти уже на сносяхъ, то случилось ей увидѣть тамъ родную тетку обоихъ братьевъ Воронцовыхъ, пожилую дѣвушку или паче уже старушку, имѣвшею несчастье родиться съ разорванною верхнею губою, почти въ самой серединѣ, и такъ, что въ извину сію видны были у нея верхнія ея зубы; сіе несчастье дѣлало ее не только безобразною, но даже для невидавшихъ ее иногда страшною. Дочь моя, увидавши ее нечаянно, вздрогнула и поиспугалась. Но тогда тѣмъ и кончилось. Но какъ всѣ мы удивились, когда вдругъ увидѣли и у новорожденнаго ея мальчика верхнюю губу, и точно въ томъ же мѣстѣ и также разорванную, какъ видѣла она у старухи. Сіе всѣмъ намъ подтвердило ту истину, что воображеніе матери дѣйствуетъ и на ребенка, находящагося въ ея утробѣ. И какъ оной ежели бы остался живъ и выросъ, былъ бы сущимъ уродомъ и страшилищемъ, то

и ради мы были тому, что Провидѣніе насъ отъ него освободило.

Непосредственно за симъ и наступилъ, наконецъ, тотъ день, въ который повезли мы нашу невѣсту въ селеніе жениха, и съ нею вмѣстѣ все приданое. Для достопамятности опишу я всѣ притомъ бывшія происшествія въ подробности. Кортежъ нашъ былъ превеликій; поѣхало 3 кареты, 1 возокъ, 7 кибитокъ и еще 7 повозокъ, а всего 18 екипажей. Въ первой каретѣ ѣхало насъ четверо; я, племянница моя Надежда Андреевна, Павелъ мой сынъ, и невѣста; въ другой: матушка Марья Авраамовна, тетка Матрена Васильевна, Любовь Андреевна и моя жена; въ третьей каретѣ: зять мой Петръ Гарасимовичъ Шишковъ, дочери мои: Ольга и Екатерина, и дѣвка; въ кибиткахъ женщины и дѣвки и сундуки. Лошадей всѣхъ было слишкомъ 56; словомъ, обозъ превеликой. Мы поѣхали изъ Богородицка 14 числа генваря, позавтракавъ въ 10 часовъ; и хотя дорога была вся очень тяжела и занесена мятелью, однако, мы пріѣхали еще очень рано. Квартера для насъ отведена была въ домѣ отсутственнагото,ршаго ихъ брата Николая Ивановича, и домъ очень покойной. Женихъ, братъ его Михайлъ Ивановичъ, и зять ихъ Николай Сергѣевичъ Ждановъ, насъ уже тутъ дожидались и встрѣтивъ начали тотчасъ угощать чаемъ и конфектами; послѣ чего условившись объ отпускѣ въ тотъ же день приданова, пошли домой, а мы начали приготовлять все нужное къ сему отправленію. Ввечеру, часу въ осьмомъ, отпустили мы свое приданое обыкновенною процессіею: въ одной каретѣ ѣхалъ человѣкъ съ образомъ и женщина съ ключами, въ другой—везли постели, тамъ—на дрогахъ сундуки, а въ прочихъ, ѣхавшихъ за ними повозкахъ, прочее приданое. Дорога, вся по короткости своей, освѣщена была горящими плошками и все происходило, какъ говорится въ пословицѣ, «чинъ чиномъ». Но по низкости дома было не мало имъ хлопотъ при устанавливаніи кровати, но какъ-нибудь сладили; послѣ чего пріѣхали они къ намъ угощать насъ, на квартерѣ нашей, ужиномъ.

Въ наставшій за симъ 15 день генваря, случившійся тогда въ воскресенье, ѣздили мы въ тамошнюю сельскую церковь къ обѣдни и видѣлись со всѣми вновь нареченными нашими родными, а вечеръ сего дня и рѣшилъ судьбу дочери моей Настасьи и мы выдали ее въ замужство. Погода случилась весь день холодная и очень вѣтреная, что и помѣшало иллюминовать церковь, ибо и самыя смоляныя бочки съ нуждою горѣли. Вѣнчаніе произведено было въ ихъ прежней деревенской церкви привезеннымъ нами съ собою другомъ нашимъ отцемъ Ѳедотомъ въ сотовариществѣ съ богородицкимъ дьякономъ, и вся церемонія производилась по обыкновенному въ такихъ случаяхъ порядку. По обвѣнчаніи, отвезли по обыкновенію невѣсту въ домъ жениха и посадили за столъ церемоніальный. Отцами посажеными были съ нашей стороны: зять мой Петръ Гарасимовичъ Шишковъ, а съ ихъ—Михайло Ивановичъ; а матери посаженыя были съ нашей стороны: тетка Матрена Васильевна, а съ ихъ—сестра женихова, Катерина Ивановна Жданова. Провожатыми у невѣсты были матушка Марья Авраамовна и сынъ мой Павелъ, а съ ихъ: Николай Сергѣевичъ Ждановъ. Всѣ прочія наши барышни ѣздили къ церкви смотрѣть вѣнчаніе; мы же съ женою оставались дома и занимались читаніемъ привезенныхъ въ сей день ко мнѣ газетъ; наконецъ, возвратились и всѣ ѣздившія въ домъ къ жениху также къ намъ, и мы кончили сей день благополучно.

По-утру, въ слѣдующій день, пріѣхали къ намъ молодые и звали насъ къ себѣ обѣдать. Итакъ, былъ въ сей день такъ называемый княжой пиръ, и мы весь день и вечеръ препроводили у молодыхъ въ домѣ. Обѣдъ былъ довольный, угощеніе изобильное и, кромѣ одной только тѣсноты дома, все порядочно и хорошо; а ввечеру мы, сколько можно было, и потанцовали.

На утріе давалъ намъ столъ братъ жениховъ Михайла Ивановичъ и по тѣснотѣ своего жилища въ самомъ томъ домѣ старшаго брата своего, въ которомъ мы квартировали. И какъ тутъ для всѣхъ довольно было простора, то обѣдали мы тутъ и ужинали и провели весь вечеръ и день очень весело въ безпрерывныхъ увеселеніяхъ и танцахъ; одинъ только зять мой Шишковъ съ сыномъ отъ насъ, для недосуговъ, уѣхали въ Богородицкъ. Вслѣдъ за ними хотѣли-было и мы на другой день ѣхать, но молодые наши, пріѣхавъ къ намъ, упросили насъ подарить ихъ еще однимъ днемъ, и переѣхавши уже совсѣмъ къ нимъ въ домъ, провести весь этотъ день вмѣстѣ съ ними. Итакъ, пропраздновали мы еще день въ Головнинѣ и, спознакомившись уже со всѣми короче, провели сей день въ танцахъ, въ шуткахъ, играхъ и другихъ увеселеніяхъ отмѣнно весело. Но за то, въ наступившее послѣ сего 19 число генваря, мы не стали уже медлить долѣе, но, позавтракавъ по-утру и оставивъ у молодыхъ младшую нашу дочь Катерину, поѣхали всѣ домой и на дорогѣ претерпѣли-было великое несчастіе. Кучеру самой той кареты, въ которой ѣхалъ я съ Надеждою Андреевною и своимъ Павломъ, случилось какъ-то, ѣдучи совсѣмъ по плоскому мѣсту, взъѣхать однимъ колесомъ на конецъ высокой и снѣгомъ занесенной межи, отчего карета наша совсѣмъ упала на бокъ, перестращала насъ на смерть и тѣмъ паче, что лошади тащили ее симъ образомъ упавшую сажень десять, покуда успѣли ихъ остановить. Но, по особливому счастью, ни съ кѣмъ изъ насъ никакого вреда не случилось и мы отцѣлались отъ сей бѣды однимъ только страхомъ и перебитыми въ каретѣ боковыми стеклами.

Возвратясь къ себѣ въ домъ, начали мы тотчасъ дѣлать приготовленія къ такъ называемому отзывному у себя пиру. Для онаго назначено было у насъ 22 число сего мѣсяца и къ сему дню съѣхалось къ намъ множество гостей. Сперва пріѣхали къ намъ наши молодые, которымъ были мы очень ради; а наканунѣ помянутаго пира пріѣхали наши родные Кислинскіе вмѣстѣ съ Александрою Андревною Крюковою, а вслѣдъ за ними Воронцовы и г. Ждановъ. А какъ на самый день пира приглашены были и всѣ наши знакомые городскіе, то и набралось такое множество народа, что мы съ нуждою могли помѣстить всѣхъ ихъ въ нашемъ довольно просторномъ залѣ, и былъ у насъ, какъ говорится въ пословицѣ, пиръ во весь міръ. И какъ гремѣла въ продолженіи онаго и музыка, то и проведенъ былъ сей день въ безпрерывныхъ танцахъ и разнаго рода увеселеніяхъ очень весело; а такимъ же образомъ провели мы съ удовольствіемъ и послѣдующій за симъ день. Всѣ гости опять у насъ обѣдали и ужинали, и весь вечеръ провели у зятя моего Шишкова въ домѣ. И не прежде всѣ гости разъѣхались, какъ позавтракавъ у насъ и на третій день, въ которой, между прочими поѣхали отъ насъ и наши родные Травины къ моей дочери, а симъ всѣ сіи праздники, занимавшіе насъ многіе дни сряду, и кончились.

Оставшись одни, принялись-было мы съ сыномъ моимъ за прежнія и обыкновенныя наши упражненія, но пріѣздъ многихъ гостей къ зятю моему Шишкову изъ его родныхъ и знакомыхъ насъ до того не допустили, ибо мы должны были не только участвовать въ его пиршествахъ, но и сами угощать у себя оныхъ, и особливо родственницу его княгиню Кропоткину, небывавшую у нихъ болѣе двухъ лѣтъ. Какъ между тѣмъ возвратились и новыя наши родные изъ Ефремовскаго уѣзда, куда они отъ насъ къ своимъ роднымъ ѣздили, и всѣ у насъ въ городѣ еще болѣе сутокъ провели, то праздники и угощенія продолжались у насъ ежедневно по самой почти конецъ генваря мѣсяца; причемъ все происходило хорошо и порядочно, кромѣ одного обстоятельства, наведшаго на насъ 26 числа великое недоумѣніе и заставившаго меня съ сыномъ моимъ обо многомъ думать.

Помянутое обстоятельство было вотъ какое. Гости, пріѣхавшіе, какъ выше упомянуто, къ моему зятю и бывшіе потомъ у меня, привезли къ намъ такія вѣсти, которыя въ состояніи были смутить насъ всѣхъ до чрезвычайности; они сказывали намъ, что имъ недавно случилось видѣть прежняго моего командира г. Юницкаго и что онъ имъ сказывалъ, что пишутъ къ нему изъ Петербурга, что волости наши поручены отъ императрицы въ особое управленіе нѣкакому генералъ-маіору Александру Ивановичу Кошелеву, съ тѣмъ, чтобъ ему и жить самому въ Богородицкѣ. Легко можно заключить, что извѣстіе сіе поразило насъ какъ громовою стрѣлою; и какъ послѣднее обстоятельство приносило съ собою послѣдствіе, что мнѣ едва-ли можно будетъ остаться уже въ Богородицкѣ; и едва-ли непринуждено будетъ заблаговременно помышлять о переселеніи во-свояси и въ уединенное свое Дворениново, то натурально всѣ мы, а особливо я съ сыномъ моимъ весьма симъ извѣстіемъ смутились, и тѣмъ паче, что оное было хотя еще не совсѣмъ достовѣрнымъ, но казалось намъ не совсѣмъ невѣроятнымъ, а особливо потому, что въ бытность мою въ Тулѣ узналъ я, что намѣстникъ, при отъѣздѣ своемъ изъ Петербурга, не имѣлъ отъ императрицы никакихъ препорученій, относящихся до нашихъ волостей, по примѣру прежняго намѣстника г. Кречетникова, а потому не отважнвался самъ собою входить ни въ какія наши внутреннія волостныя дѣла и распоряженія, а оставлялъ ихъ до поры и времени на прежней ногѣ, то есть въ распоряженіяхъ экономіи директоровъ и ожидалъ прибытія къ намъ новаго, опредѣленнаго на мѣсто г. Юницкаго, вышедшаго въ отставку; но кто бы онъ собственно былъ, о томъ никто еще тогда въ Тулѣ не зналъ и не вѣдалъ.

Итакъ, хотя мы съ сыномъ вѣстямъ симъ и вѣрили и нѣтъ, но какъ онѣ не выходили у насъ изъ головы, и мы заключили, что едва ли не приближается конецъ нашему житью-и-бытью въ Богородицкѣ, то стали мы съ нимъ съ сего времени пристальнѣе помышлять о своемъ деревенскомъ домѣ и о приведеніи въ порядокъ всего тамъ въ разстройкѣ и и замѣшательствѣ находящагося, а между прочимъ положили стараться, какъ можно, торговать и купить у ближняго моего сосѣда и племянника Андрея Михайловича смежную съ моимъ ближнимъ садомъ усадьбу, доставшуюся ему по наслѣдству отъ дяди его, Гаврила Матвѣевича и лежавшую тогда почти впустѣ; а между тѣмъ съ наступленіемъ будущаго лѣта начать какъ на дворѣ у себя, такъ и въ саду кой-какія нужнѣйшія строенія, дабы въ случаѣ дружнаго преселенія было бы гдѣ жить и со всѣмъ буторомъ своимъ помѣститься. И какъ для лучшаго обдуманія всего того на мѣстѣ, нужно было кому-нибудь изъ насъ побывать въ деревнѣ, то и положили съѣздить туда тогда же моему сыну и проводить до деревни нашей отъѣзжающихъ отъ насъ нашихъ родныхъ Травиныхъ во-свояси.

Итакъ, въ послѣдній день января мѣсяца былъ всѣмъ нашимъ гостямъ совершенный разъѣздъ: господа Воронцовы и Ждановъ поѣхали отъ насъ во-свояси, а вмѣстѣ съ ними поѣхали и наши родные Травины въ Москву и далѣе, сынъ же мой—провожать ихъ до нашей деревни; наконецъ пріобщился и самъ я ко всѣмъ къ нимъ, расположившимся ѣхать до Тулы чрезъ Головнино; ибо и мнѣ нужно было опять побывать въ Тулѣ отчасти для ожиданія ежедневно новаго директора и будущаго своего командира, отчасти для намѣстника, просившаго меня пріѣхать въ Тулу по окончаніи нашего свадебнаго дѣла и испытать полѣчить электрическою машиною одну изъ его больныхъ меньшихъ дочерей, страдавшею такою болѣзнею, которую не инымъ чѣмъ, какъ электризованіемъ лѣчить испытать надлежало.

Такимъ образомъ, собравшись цѣлою гурьбою, и поѣхали мы всѣ вмѣстѣ изъ Богородицка въ Головнино. Меня уговорили сѣсть вмѣстѣ съ Ждановыми и

Любовью Андреевною въ ихъ карету. И какъ я во всю дорогу занимался съ ними разговорами, то ѣхать мнѣ было очень не скучно, и мы не видали какъ всю дорогу переѣхали. Въ Головнино пріѣхали мы еще довольно рано и прямо въ домъ къ нашимъ молодымъ, куда тотчасъ явился къ намъ и Михайла Ивановичъ и вмѣстѣ съ нами препроводилъ тотъ вечеръ, и новый зять мой постарался меня, какъ пріѣхавшаго къ нему еще въ первой разъ въ гости, угостить какъ можно лучше.

Но въ сей разъ мы недолго пробыли въ Головнинѣ, а пообѣдавъ только, на другой день распрощались съ ними и продолжали путь свой далѣе въ Тулу. Я ѣхалъ въ сей разъ, вмѣстѣ съ сыномъ, въ своемъ возочкѣ, въ которомъ намъ было хотя нѣсколько тѣсновато, но мы не чувствовали сего безпокойства, усматривая ежеминутно новыя и никогда еще нами невиданныя прекрасныя мѣстоположенія, встрѣчающіяся съ зрѣніемъ по сей дорогѣ, которою мы тогда еще въ первый разъ ѣхали и не могли оными довольно налюбоваться.

Въ Тулѣ остановились мы ночевать у знакомца моего Пастухова, а на утріе племянницы мои, вмѣстѣ съ моимъ сыномъ, поѣхали далѣе въ свой путь, а я ко временному своему начальнику г. Юшкову, и имѣлъ удовольствіе видѣть, что какъ сей добродушный человѣкъ, такъ и все его милое и любезное семейство мнѣ искренно и какъ бы родному какому обрадовались. Пробывъ у него нѣсколько минутъ, поѣхали мы съ нимъ къ намѣстнику для поздравленія его со случившимся тогда праздникомъ Срѣтенья Господня. Тутъ не менѣе былъ я доволенъ благопріятнымъ пріемомъ отъ намѣстника, которой, увидѣвъ меня, тотчасъ дружески обласкалъ и велѣлъ мнѣ пріѣзжать къ себѣ обѣдать не только въ тотъ день, но и всякій день, покуда я пробуду въ Тулѣ. Проводивъ его къ обѣдни, поѣхали мы съ г. Юшковымъ къ нашему вицъ-губернатору князю Петру Николаевичу Оболенскому, и сей случай былъ первой, при которомъ узналъ я сего, любви и почтенія достойнаго человѣка. Мы просидѣли у него долго и до самаго почти обѣда, и спознакомившись съ нимъ довольно, поѣхали отъ него къ намѣстнику, у котораго нашли уже многихъ господъ, съѣхавшихся къ нему также по приглашенію обѣдать. Столъ былъ большой, ибо намѣстникъ любилъ угощать у себя людей и жилъ довольно пышно. Онъ, по-прежнему, былъ ко мнѣ весьма благопріятенъ, и за столомъ посадилъ меня подлѣ себя; каковое предпочтеніе обратило многихъ вниманіе ко мнѣ и побуждало всѣхъ къ множайшему меня уваженію. Я пробылъ сей день почти весь у намѣстника и имѣлъ опять случай говорить съ нимъ о весьма многомъ. Самая супруга его, бoярыня пышная и высокомѣрная, соучаствовала иногда въ разговорахъ нашихъ и обращалась со мною несравненно снисходительнѣе и съ множайшимъ благопріятствомъ, нежели съ прочими, тутъ же тогда бывшими. Изъ сихъ спознакомился я при семъ случаѣ въ особливости съ г. Сафоновымъ, Аѳанасьемъ Ларіоновичемъ, бравшемъ тогда въ разговорахъ нашихъ соучастіе. Ввечеру, поѣхавъ отъ намѣстника, заѣхалъ я къ г. Юшкову и нашелъ однихъ госпожъ дома, собиравшихся ѣхать въ редутъ. Онѣ подзывали меня съ собою, но я отговорился недосугами, проѣхалъ прямо на свою квартеру, гдѣ достальное время дня занялся читаніемъ вновь полученныхъ въ сей день газетъ и разговорами съ умнымъ и любопытнымъ моимъ хозяиномъ. У него въ сіе время былъ меньшой его сынъ Гаврила боленъ ногою и какъ мнѣ хотѣлось полѣчить его электрическою машиною, то заказалъ я одному изъ тульскихъ столяровъ придѣлать къ машинѣ ихъ всѣ нужныя принадлежности, но которыя не прежде поспѣли, какъ по-утру въ слѣдующій за симъ день. По наступленіи онаго, дождавшись машины, устроивъ оную и полѣчивъ больнаго электризованіемъ, поѣхалъ я опять къ господину Юшкову, у котораго нашелъ Ѳеодора Алексѣевича Левшина, сообщившаго намъ впервыя извѣстіе о при-

ѣздѣ въ Тулу новаго нашего экономіи директора, долженствующаго быть новымъ моимъ командиромъ и начальникомъ. Я удивился услышавъ, что былъ онъ колежскій совѣтникъ г. Дуровъ, по имени Сергѣй Алексѣевичъ, и человѣкъ никому въ Тулѣ незнакомый, и о которомъ никто до того и не слыхивалъ. Извѣстіе сіе натурально меня повстревожило; неизвѣстность какого сорта и характера былъ сей человѣкъ и опасеніе, чтобы не нажить мнѣ въ немъ какого-нибудь негодяя—подавало мнѣ поводъ ко многимъ и разнымъ помышленіямъ, и между прочимъ о томъ, какъ бы мнѣ съ нимъ увидѣться, его узнать и ему себя рекомендовать.

Однако, не спѣша симъ дѣломъ, поѣхалъ я тогда съ г. Юшковымъ въ палату, а оттуда къ намѣстнику пораньше прочихъ. Сей взялъ меня тотчасъ въ свой кабинетъ, и я имѣлъ опять случай говорить съ нимъ объ многомъ и проводить болѣе часа съ нимъ въ дружескихъ, откровенныхъ и пріятныхъ, ученыхъ и уединенныхъ разговорахъ. Я ему отдалъ привезенную съ собою Гиртанерову исторію о революціи французской, которую ему видѣть и читать хотѣлось; также поднесъ ему ящичекъ съ прекрасною коллекціею нашихъ богородицкихъ песковъ, чѣмъ всѣмъ, а особливо песками, былъ онъ весьма доволенъ. Онъ показывалъ ихъ потомъ своей Катеринѣ Ивановнѣ и гостямъ, съѣхавшимся къ обѣду, и было объ нихъ много разговоровъ. Послѣ того показывалъ я имъ полученныя мною только что изъ Москвы книги о земляномъ строеніи, называемомъ пизé, и которое славилось тогда во всей Европѣ, а для насъ составляло сущую новость. Книги сіи подали также поводъ ко многимъ разговорамъ; было также много кое-чего говорено и за обѣдомъ. Столъ былъ въ сей день средственной, и намѣстница, между прочимъ, говорила со мною и о томъ, какъ бы поэлектризировать больную дочь ея. Словомъ, сей день былъ, прямо сказать, мой и для меня пріятный. А что того больше, то послѣ обѣда вздумалъ намѣстникъ ѣхать къ губернатору съ визитомъ и былъ ко мнѣ такъ благосклоненъ, что взялъ меня съ собою, и мы ѣздили съ нимъ только двое въ каретѣ, и во всю дорогу занимались учеными разговорами, а особливо о славномъ германскомъ проповѣдникѣ Іерузалемѣ, къ которому онъ имѣлъ особенное уваженіе, и видимымъ образомъ крайне обрадовался, узнавъ, что и я не менѣе его сего славнаго богослова знаю и уважаю и имѣю самъ нѣкоторыя изъ его сочиненій. А сіе и подало обоимъ намъ случай узнать, что оба мы и въ разсужденіи нравственнаго расположенія нашихъ душъ между собою удивительно были согласны; что увеличило еще болѣе его ко мнѣ доброе расположеніе и дружбу. Словомъ, мы такъ занялись съ нимъ духовными разговорами, что оба сожалѣли, что путь нашъ скоро прекратился пріѣздомъ къ дому губернаторскому, и ради были, что заѣзжая напередъ къ вицъ-губернатору не застали его дома и могли разговоръ нашъ нѣсколько продолжить до пріѣзда къ губернатору.

Посидѣвъ у сего немного, возвратились мы къ намѣстнику въ домъ, а отъ него пробывъ еще нѣсколько, поѣхалъ я къ г. Юшкову и засталъ у него концертъ, какого никогда еще не случалось мнѣ слышать. Тутъ провелъ я весь вечеръ и ужиналъ, и могу сказать, что весь сей день былъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни.

Въ слѣдующій за симъ день переночевавъ еще у Пастухова, поѣхалъ я къ новому нашему директору, но его не засталъ дома, а была дома только жена его и дѣти, но къ симъ не разсудилъ я показываться, а проѣхалъ къ г. Юшкову. Тутъ услышалъ я, что къ намѣстнику въ сей день никого не пускаютъ, а потому и провелъ все утро у г. Юшкова, исправилъ имѣющуюся у него его электрическую машину и на ней лѣчилъ кой-кого электрицизмомъ. Между тѣмъ, пріѣхалъ къ нему Михайло Васильевичъ Хомяковъ, почтаемый умнымъ и от-

части ученымъ человѣкомъ; и какъ онъ ѣхалъ къ намѣстнику обѣдать, то разсудилось и мнѣ съ нимъ туда же ѣхать; но насъ не пустили, и не пустили ошибкою, почему и воротились мы обѣдать назадъ къ г. Юшкову, а къ намѣстнику ѣздили уже послѣ обѣда. А между тѣмъ перевезли весь мой дорожный экипажъ и буторы въ домъ къ г. Юшкову, ибо сей неотмѣнно хотѣлъ, чтобъ я квартировалъ у него въ домѣ. У намѣстника пробыли мы долго, но ужинать пріѣхалъ къ г. Юшкову, гдѣ услышалъ, что возвратился и сынъ мой изъ Дворенинова, но расположился ночевать у Пастухова, гдѣ онъ найтить меня думалъ. Я весь вечеръ проведъ въ читаніи ново-полученной книги о земляномъ строеніи, и болѣе потому, что просила меня о томъ намѣстница, которой очень хотѣлось знать все ея содержаніе; къ Павлу же своему отписалъ, чтобъ онъ пріѣхалъ къ намъ по-утру поранѣй.

Наступившій послѣ сего день былъ у насъ воскресный. И какъ мнѣ оной надлежало быть у новаго нашего директора и у намѣстника и сему послѣднему представить своего сына, то препоручилъ я отвезть его къ намѣстнику въ домъ Петру Николаевичу Юшкову, а самъ поѣхалъ поранѣе къ новому своему будущему командиру г. Дурову. Итакъ, въ сей день впервыя узналъ я сего человѣка, которой показался мнѣ почти ни рыбой, ни мясомъ, или, прямѣе сказать, такимъ, что я не зналъ, что объ немъ думать и заключать и къ какому разбору людей причислять онаго. Все его обращеніе со мною показалось мнѣ столь страннымъ и необыкновеннымъ, что я даже поразился великимъ недоумѣніемъ и не зналъ, какое объ немъ и о характерѣ его дѣлать заключеніе. Я по обыкновенію рекомендовалъ ему себя и, по простодушію своему, такимъ образомъ, какъ дѣлывалъ то со всѣми прежними моими начальниками и надѣялся получить и отъ него такое же соотвѣтствіе, каковое получалъ я отъ прежнихъ; но въ томъ обманулся, и съ прискорбіемъ душевнымъ увидѣлъ, что онъ всякой обыкновенной благопривѣтливости удаленъ былъ весьма далеко, и хотя обошелся со мною не грубо и незаносчиво и довольно вѣжливо и учтиво, но вся его надъ мѣру тихая и по наружности скромная поговорка казалась мнѣ весьма подозрительною и ненатуральною, что съ самаго уже начала не могъ я себя принудить почитать его на ряду съ прочими добрымъ человѣкомъ. Словомъ, весь его нравственный и наружный характеръ какъ-то мнѣ весьма не нравился, и я имѣлъ болѣе наклонности почитать его скрытымъ, хитрымъ, лукавымъ и такимъ человѣкомъ, отъ котораго не столько добра, сколько зла ожидать можно было.

Между тѣмъ, какъ мы съ нимъ кое-о-чемъ говорили, пріѣзжали къ нему многіе и другіе, съ которыми онъ ничѣмъ не лучше обходился, какъ и со мною; и какъ слишкомъ сладкія его слова и наружная скромность никого не плѣняли, то и всѣ другіе такія же невыгодныя дѣлали объ немъ заключенія, какъ и я, и не было никого, кто бы назвалъ его добрымъ человѣкомъ. Я дождался покуда онъ поѣхалъ со двора къ вицъ-губернатору на поклонъ и рѣшился самъ ѣхать туда же, надѣясь тамъ найтить Юшкова и своего сына, но ихъ тамъ еще не было. Какъ вицъ-губернаторъ былъ мнѣ уже знакомый человѣкъ и имѣлъ обо мнѣ выгодныя мнѣнія, а особливо видя какъ обходился со мною намѣстникъ, то принялъ меня весьма ласково и благосклонно, посадилъ подлѣ себя и сталъ говорить со мною дружелюбно и обо многомъ. Сіе было мнѣ въ особливости пріятно и болѣе потому, что дѣлалось то при г. Дуровѣ, неудостоившемъ меня далеко такой благосклонности, а сверхъ того было тогда у вицъ-губернатора и другихъ господъ много. Я дожидался тутъ долго г. Юшкова, но, не могши дождаться, подумалъ, что они проѣхали прямо къ намѣстнику, и потому поѣхалъ туда-жъ, но не нашолъ ихъ и тамъ и не зналъ, гдѣ они были. Намѣстникъ, между тѣмъ, вышелъ и поѣхалъ къ обѣдни, а я благимъ

ибо чудбь было угодно, чтобь прощаніе ихь другь сь другомь было вь и разь послѣднее. Какие щастіе для Смертныхь! что они незнають ничего изь будущаго. Когда бы они незнали неизполненобь было сіе разставаніе стольбь было только что оно послѣднее сь другими.

Послику жизнь моя свѣто вре-мяни получила новой образь и видь: то опишу я самь жеснмо мнѣ сказавь вамь что я навсегда пребуду. вашь - - - -

и протчее

ПИСМО II.

Любезной пріятель!

Итакь по отъѣздѣ матери моей в деревню с родителями сь полкомь вь финляндію остался я одинь вь петербургѣ, посреди людей совсѣмь мнѣ незнакомыхь и власно какь в лѣсу. Немогу никакь забыть того дня вь которой привезли меня вь домь кь учителю поставили одного. — Мнѣ казалось что я находился совсемь вь иномь свѣтѣ идыша другимь воздухомь. Все было для меня тут дико, все ново, и все необыкновенно. Я принуждень был начать вести совсемь навое родь жизни и совсемь для меня необыкновенную.

матомъ поскакалъ къ г. Юшкову отыскивать своихъ, но и тамъ ихъ не было, а сказали мнѣ, что поѣхали они къ вицъ-губернатору и что Петръ Николаевичъ хотѣлъ представить ему моего сына. Сіе побудило меня скакать опять благимъ матомъ въ соборъ: я надѣялся найтить ихъ тамъ, но и въ сей надеждѣ обманулся. Ненашедши ихъ и тутъ, не зналъ я куда мнѣ, по окончаніи обѣдни, ѣхать; но такъ случилось, что я сошолся тутъ съ г. Свѣчинымъ. Сей, увидѣвши меня, сталъ невѣдомо-какъ звать къ себѣ посмотрѣть, и буде можно, исправить его электрическую машину, на что я охотно и согласился. Побывавъ у него, и все, что можно было, сдѣлавъ, поѣхалъ я вмѣстѣ съ нимъ обѣдать къ намѣстнику. Тутъ, къ удовольствію моему, нашелъ я и г. Юшкова и своего сына; а какъ вскорѣ за симъ возвратился и намѣстникъ, заѣзжавшій отъ обѣдни куда-то въ гости, то представилъ я ему и рекомендовалъ своего сына, а потомъ присовѣтовалъ ему ѣхать обѣдать къ своему хозяину Пастухову; самъ же, отобѣдавъ у намѣстника и дождавшись какъ всѣ усѣлись играть въ карты, поѣхалъ домой, и ѣдучи мимо дома г. Верещагина, заѣхалъ къ нему; и нашедши тутъ и своего Павла, посидѣлъ у него, и потомъ возвратился съ нимъ на квартеру свою, куда переѣхалъ уже и сынъ мой. И какъ не нашли мы хозяевъ никого дома, то тутъ-то только удалось мнѣ съ нимъ часа два поговорить и распросить обо всемъ, относящемся до нашего деревенскаго дома. Наконецъ, пріѣхали наши и хозяева, и мы съ ними отъужинавъ кончили тѣмъ и сей день.

По наступленіи послѣдующаго дня, ѣздилъ я по-утру опять къ директору, но едва засталъ его дома, ибо въ сей день надобно было ему ѣхать въ казенную полату, для вступленія въ свою должность; почему и не удалось мнѣ съ нимъ ничего поговорить, а, получилъ только отъ него приказаніе пріѣхать къ нему на вечеръ и привезть, если есть какія со мною относящіяся до волостей нашихъ бумаги. Сими не преминулъ я запастись при отъѣздѣ своемъ изъ Богородицка, такъ какъ и всегда то дѣлывалъ при вступленіи новыхъ командировъ. Итакъ, проводивъ его со двора, поѣхалъ я для нѣкоторыхъ нуждъ въ намѣстническое правленіе, а оттуда въ казенную полату, гдѣ и видѣлъ вступленіе новаго моего начальника въ свою должность. Но какъ дѣлать мнѣ тамъ было нечего, то поѣхалъ оттуда на свою квартеру и занялся весь почти день приведеніемъ въ порядокъ привезенныхъ съ собою бумагъ, для представленія оныхъ новому своему командиру, отъ котораго безсомнѣнно надѣялся получить отъ него себѣ благодарность, ибо я употребилъ все, что только можно было, къ преподанію ему обо всѣхъ, до волостей нашихъ относящихся, обстоятельствахъ наияснѣйшаго понятія. Но какъ жестоко я въ томъ и ожиданіяхъ моихъ обманулся, и какъ много послѣ жалѣлъ о томъ, что иное для угожденія ему сочинялъ, писалъ и дѣлалъ!

Пріѣхавъ къ нему, по приказанію, передъ вечеромъ, нашелъ я его одного и меня уже дожидавшагося. Онъ принялъ меня опять ни тепло, ни холодно, и при первой встрѣчѣ смутилъ уже меня своими вопросами, произносимыми хотя тихими, нескорыми, гладкими словцами, но такимъ тономъ, который мнѣ что-то очень-очень не нравился. «Что ба-тю-шка? сказалъ онъ, привезли-ли вы съ собою бумаги, о которыхъ мы говорили?»—«Привезъ», отвѣчалъ я ему и, вынувъ изъ-за пазухи цѣлую кипу оныхъ, ему вручилъ. —«Ну, посмотримъ, батюшка, и пообъяснитесь мнѣ объ нихъ.» Сказавъ сіе, пошелъ онъ отыскивать любимые свои большіе и прекрасные счеты, на которыхъ былъ онъ превеликій мастеръ все выкладывать, и усѣвшись съ ними за небольшой столикъ, былъ такъ грубъ, что и не посадилъ меня подлѣ себя, сказалъ: «Ну, посмотримъ-ка, посмотримъ и поглядимъ, что такое?» Сими и подобными своими холодными и какъ бы презрительными словами и вопросами, при первой встрѣчѣ, такъ онъ меня расшевелилъ, что я

вознегодовавъ о томъ, жалѣлъ уже, что я ему ихъ всѣ вдругъ представилъ, и еслибъ можно было, то половину-бъ изъ нихъ опять у него изъ рукъ вырвалъ и спряталъ. Но какъ сего сдѣлать было уже не можно, то принужденъ былъ, стоючи уже предъ нимъ, ему объ нихъ объясняться: «Вотъ, сказалъ я, списокъ всѣмъ находящимся въ волостяхъ селамъ и деревнямъ, съ показаніемъ сколько въ нихъ жителей, дворовъ, земли и прочихъ угодій; вотъ маленькая карточка, сдѣланная мною для васъ, для показанія положеній ихъ и разстояній отъ Богородицка». Онъ взялъ ее, развернулъ и началъ разсматривать; разсматривалъ долго; но вмѣсто того, чтобъ ею полюбоваться и сказать мнѣ за нее спасибо, или, по крайней мѣрѣ, изъявить хоть маленькій знакъ своего удовольствія; не только не сказалъ мнѣ на сіе ни одного слова, но, схватя свои фаворитки-счеты, началъ на нихъ повѣрять, точно-ли такъ показаны общія суммы людей, земли и прочаго. Сіе меня такъ удивило и поразило, что я стоялъ ровно остолбенѣвши и съ нетерпѣніемъ дожидался, покуда онъ свои повѣрки кончитъ. А между тѣмъ примѣтивъ совершенное его въ географическихъ свѣдѣніяхъ невѣжество, самъ въ себѣ въ мысляхъ говорилъ: «ну, братъ, видно, что ты хватъ и дѣтина ловкій; и что-то окажешь въ себѣ далѣе, а начало что-то не обѣщаетъ ничего хорошаго.»

Кончивъ свои повѣрки и не найдя ни въ чемъ ошибки, сказалъ онъ: «Ну, батю-шка, что далѣе?»—«А вотъ», сказалъ я, развернувъ третью бумагу и пояснивъ: «списокъ всѣмъ чиновникамъ и служащимъ при разныхъ должностяхъ по волости, съ показаніемъ получаемаго ими денежнаго и хлѣбнаго жалованья, и нѣкоторыя объясненія, до нихъ относящіяся». Онъ, взявъ сію и начавъ разсматривать, изволилъ изъяснить свое удивленіе, сказавъ: «Э! э! э! сколько ажно ихъ, и какая огромная сумма денегъ и хлѣба на нихъ расходится; да кто это ихъ столько насовалъ?» Вопросъ сей вздурилъ меня еще больше, и до того, что я съ нѣкоторымъ негодованіемъ ему на сіе сказалъ: «Такъ угодно было прежнимъ главнымъ начальникамъ, коимъ ввѣряемы были отъ ея величества государыни императрицы въ управленіе волости и всѣ въ нихъ распоряженія, да и собственной волѣ ея величества. Безъ ея соизволенія и апробаціи ничего не было предпринимаемо». Симъ поизумилъ и поошарашилъ я его нѣсколько; однако, онъ не преминулъ и тутъ, взявъ опять свои счеты, и на нихъ всѣ числы повѣрять, и я опять нѣсколько минутъ въ молчаніи и удивленіи его копотливости— стоять и дожидаться. Кончивши и сіе и не найдя опять ни въ чемъ никакой погрѣшности, спросилъ онъ: «Ну, что далѣе, ба-тю-шка?»—«А вотъ, сказалъ я, показаніе всѣхъ источниковъ доходовъ волостныхъ, денежныхъ и хлѣбныхъ, обыкновенныхъ и случайныхъ, и количествъ ихъ. И недавая ему времени заниматься опять своими повѣрками, схватя и развернувъ одну за другою прочія бумаги, ему говорилъ: «Вотъ показанія всѣхъ обыкновенныхъ и случайныхъ денежныхъ и хлѣбныхъ расходовъ, вотъ вѣдомость о имѣющихся теперь въ наличности разныхъ денежныхъ суммъ и хлѣбовъ въ магазинѣ, вотъ вѣдомость отдаваемымъ въ оброкъ наемнымъ землямъ, вотъ списокъ всѣмъ строеніямъ казеннымъ, находящимся въ волостяхъ, вотъ вѣдомость о разныхъ матеріалахъ, вотъ показаніе о разныхъ по волостямъ заведеніяхъ, вотъ вѣдомость о волостномъ гошпиталѣ и обо всемъ, касающемся до онаго, и наконецъ, вотъ особенныя и нужныя для свѣдѣнія вашего о разныхъ вещахъ и обстоятельствахъ замѣчанія». Сими послѣдними надѣялся я въ особливости ему угодить, такъ какъ мнѣ то удавалось дѣлать въ разсужденіи прежде бывшихъ командировъ. Однако, къ чувствительной досадѣ моей, и въ томъ я невѣдомо-какъ обманулся: онъ не только и не подумалъ за все сіе и трудъ и услугу мою меня поблагодарить или, по крайней мѣрѣ, изъявить свое благоволеніе, но, напротивъ того, все сіе слушалъ и, принимая мои бумаги, смотрѣлъ на нихъ съ такимъ

хладнокровіемъ и неуваженіемъ, что меня до безконечности удивило; и не сказавъ мнѣ ни полуслова, принялся по всѣмъ имъ рыться, копаться, повѣрять на счетахъ, во всемъ не довѣрять, во всемъ сомнѣваться и заставилъ меня больше часа смотрѣть только на себя съ прежнимъ негодованіемъ и только въ мысляхъ твердить: «Ну, хорошъ, нечего говорить, хорошъ молодецъ, подрадѣли намъ добрымъ дѣтиною; и какъ-то вамъ будетъ съ тобою ладить и уживаться?» Наконецъ, дошло до того, что я стоючи даже усталъ, и видя, что онъ меня не сажаетъ, самъ уже, не говоря ни слова, взявши стулъ, подлѣ его сѣлъ; и на-силу-на-силу дождался покуда онъ свое копанье и перешариванье всѣхъ бумагъ кончилъ. Истинно продлилось сіе болѣе двухъ часовъ и кончилось тѣмъ, что онъ, вмѣсто изъявленія какого-нибудь удовольствія, мнѣ только сказалъ: «Хотѣлось бы мнѣ, батюшка, видѣть вашихъ секретарей и поговорить съ ними, пришлите-ка ихъ ко мнѣ, какъ возвратитесь въ Богородицкъ». На сіе сказалъ я ему только: «Хорошо, и я пришлю ихъ». И послѣ того отъ досады и негодованія не сталъ долѣе у него медлить, а откланявшись поѣхалъ на свою квартеру, и во всю дорогу только дивился странному и необыкновенному характеру моего новаго начальника, вперившему въ меня мысли о себѣ не очень-то выгодныя.

Я возвратился домой уже къ самому ужину и нашелъ сына своего въ разговорахъ съ умною и ласковою нашею хозяйкою и случившимся быть у нихъ г. Левшинымъ; съ которыми успѣлъ онъ уже короче познакомиться и всѣми своими поведеніями и разговорами все семейство г. Юшкова такъ очаровать, что всѣ они его искренно полюбили и хозяйка хвастала тѣмъ, что она провела весь вечеръ съ отмѣннымъ удовольствіемъ и безъ малѣйшей скуки. Они не преминули меня спросить, какъ проводилъ я свое время у своего новаго начальника и каковъ онъ мнѣ показался? Но что мнѣ было на сіе сказать? Я другаго не нашолъ сказать имъ въ отвѣтъ, что хорошъ но сказалъ сіе такимъ тономъ, что они могли догадаться, что было у меня на умѣ, и примолвили только, что и имъ уже извѣстно, что всѣ какъ-то его не очень хвалятъ и что и при самомъ вступленіи его въ должность свою по казенной полатѣ успѣлъ уже онъ вперить во всѣхъ не весьма выгодныя о себѣ мысли.

Симъ кончился сей весьма памятный для меня день, а въ послѣдующій за симъ ѣздилъ я опять по-утру къ своему начальнику, который и въ сіе утро принялъ меня ничѣмъ не лучше противъ прежняго, и не смотря на всѣ его тихія и гладкія слова, казался совсѣмъ чуждымъ всякаго и обыкновеннаго между людьми благопріятства. Онъ спрашивалъ меня, когда я отправлюсь въ Богородицкъ и, услышавъ отъ меня, что я, не имѣя никакого болѣе дѣла, на утріе же хочу пуститься въ обратный путь, примолвилъ, чтобы я съ нимъ еще предъ отъѣздомъ повидался. «Очень хорошо» сказалъ я и, видя его готовящагося ѣхать въ казенную полату, не сталъ долѣе медлить, но откланявшись возвратился на свою квартеру и, проводивъ въ оной все утро, поѣхалъ вмѣстѣ съ г. Хомяковымъ обѣдать къ намѣстнику, въ намѣреніи съ нимъ распрощаться. Обѣдъ былъ большой, въ продолженіи котораго намѣстница со мною много говорила; намѣстникъ также, и особливо при прощаніи послѣ обѣда; тутъ онъ взялъ меня къ себѣ въ кабинетъ и наединѣ поговорилъ много кое-о-чемъ, и прямо дружескимъ образомъ, со мною. Между прочимъ, спросилъ онъ меня, видѣлъ-ли я своего новаго командира, былъ-ли у него, и каковъ онъ мнѣ показался? «Видѣлъ и былъ не одинъ разъ ваше высокопревосходительство, сказалъ я, но что бъ о немъ сказать и какъ объ немъ посудить—истинно не знаю...» — «Не дивлюсь тому, подхватилъ намѣстникъ, самому мнѣ что-то кажется онъ мудренымъ; по словамъ его кажется онъ человѣкомъ дѣловымъ, но тихія и гладкія его словца, да и все наружное поведеніе что-то мнѣ не весьма нравится; люди такого разбора рѣдко бы-

ваютъ добрые, и отъ нихъ немного добра ожидать можно. Мнѣ очень жаль, что судьба сводитъ тебя съ такимъ человѣкомъ, а не лучшимъ, и совѣтую тебѣ, какъ другъ, имѣть возможнѣйшую отъ него осторожность и не класть въ зубы его отнюдь пальца, тотчасъ укусить можетъ».—«Что дѣлать, отвѣчалъ я ему на сіе, вижу я самъ, что человѣкъ сей не на мою руку, и что мнѣ мудрено будетъ съ нимъ ладить и къ нему прикрапваться, но какъ-нибудь стараться о томъ стану».—«Желаю тебѣ въ томъ успѣха, подхватилъ намѣстникъ: однако, если будутъ тебѣ отъ него какія-нибудь неправильныя притязанія, то, безъ дальнихъ околичностей, дай мнѣ о томъ знать и будь увѣренъ о моемъ тебѣ наивозможнѣйшемъ покровительствѣ.»

Я поблагодарилъ его за сіе наичувствительнѣйшимъ образомъ и, распрощавшись съ нимъ, возвратился на свою квартеру, гдѣ весь остатокъ того дня провели мы съ хозяевами очень весело, играли, шутили, увеселялись шарадами, выдумками, электрицизмомъ и прочимъ, и совершенная довѣренность и нелицемѣрное дружество господствовало между нами.

А въ послѣдующій день, побывавъ опять у г. Дурова по-утру и раскланявшись съ нимъ, рѣшился-было въ то же утро отправиться въ путь свой, но добродушные хозяева убѣдили меня просьбою остаться у нихъ до обѣда и сотоварищесгвомъ сына моего подарить ихъ еще на двое сутки. Итакъ, оставивъ его у нихъ, послѣ обѣда пустился во-свояси и, переночевавъ въ Дѣдиловѣ, въ послѣдующее 9 число февраля успѣлъ пріѣхать къ своимъ роднымъ почти еще къ чаю, по-утру. Но симъ дозвольте мнѣ сіе слишкомъ уже увеличившееся письмо кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и проч.

(Декабря 13 дня 1813 года. Въ Дворениновѣ).

Письмо 292.

Любезный пріятель! Возвращенія моего изъ Тулы какъ родные мои, такъ и всѣ подкомандующіе дожидались съ великою нетерпѣливостью. До нихъ дошелъ уже слухъ о прибытіи новаго нашего командира въ Тулу, и всѣмъ хотѣлось объ немъ знать и слышать. И потому едва я только вошелъ въ хоромы, какъ, гляжу, бѣгутъ ко мнѣ оба мои секретаря изъ канцеляріи и заметали меня вопросами объ немъ и о томъ, каковъ онъ? «Хорошъ! хорошъ! отвѣчалъ я, послалъ намъ Богъ сахару, и какъ-то намъ съ нимъ будетъ ладить! Поѣзжайте-ка къ нему сами посмотрѣть и полюбуйтесь его тихими и гладкими словцами, но поберегите только своихъ пальцевъ и въ ротъ ему ихъ не кладите! Онъ велѣлъ васъ прислать обоихъ къ себѣ и желаетъ съ вами познакомиться». Таковая рекомендація не весьма ихъ обрадовала. Они пошли отъ меня повѣсивши головы и собравшись на другой же день отправились въ Тулу. Тамъ были они хотя въ сей разъ недолго, но привезли съ собою много вѣстей, такихъ же непріятныхъ, какія привезъ я къ нимъ, и подтверждали заключенія мои, что по всему ими замѣченному намъ съ сахаромъ симъ трудно будетъ ладить и къ мудреному его характеру прикрапваться.

Вскорѣ за симъ, наступила у насъ масляница. Сію провели мы въ сей годъ не такъ весело, какъ мы думали и предполагали. И достопамятнымъ въ теченіи оной было только то, что проходилъ чрезъ нашъ городъ Брянскій пѣхотный полкъ и тутъ у насъ дневалъ. Сей случай побудилъ всѣхъ насъ городскихъ лучшихъ людей съѣздить на поклонъ къ полковнику онаго графу Апраксину, Ѳедору Александровичу. И какъ онъ принялъ и обласкалъ всѣхъ насъ хорошо, то зятю моему Шишкову вздумалось звать его къ себѣ на квартеру въ гости, на вечеринку. Онъ и сдѣлалъ ему сіе удовольствіе и развеселившись послалъ звать свою огромную, полковую музыку, смычковую, духовую и роговую, изъ которыхъ послѣднюю случилось мнѣ еще въ первый разъ слышать. Итакъ, сей вечеръ былъ у насъ шумный и довольно веселый, а на другой день, въ самыя масляничныя заговины, пригласилъ я его къ себѣ также на вече-

рину и хотѣлъ-было угостить его ужиномъ, который былъ у меня большой; однако, онъ ужинать не остался, а поѣхалъ заговляться съ своею матерью на свою квартеру. При семъ случаѣ не могъ я довольно надивиться тому, какое множество военныхъ людей употребляли тогда молодые господа полковники для увеселенія себя музыкою.

Съ наступленіемъ великаго поста, принялись мы за прежнія свои дѣла и упражненія; но первую недѣлю, по обыкновенію, говѣли и молились. Зять мой, г. Шишковъ, наскучивши жить въ городѣ, переѣхалъ въ теченіи оной жить въ свою деревню, а я около сего времени занимался наиболѣе дѣланіемъ кой-кому новыхъ электрическихъ машинъ, такихъ же, какъ была моя, толь многимъ людямъ приносящая пользу.

Но всѣми сими упражненіями не долго я занимался. По наступленіи марта мѣсяца, востребовали надобности побывать мнѣ опять въ Тулѣ, отчасти для отвоза накопившихся волостныхъ доходовъ и отдачи ихъ въ казенную полату, отчасти чтобы побывать у намѣстника и, по данному намѣстницѣ обѣщанію, полѣчить больную ея дочь, къ чему и позапасся я съ собою машиною. Итакъ, 6 марта отправился я въ сей путь чрезъ Головнино, куда завезъ своихъ домашнихъ, восхотѣвшихъ побывать въ гостяхъ у нашей Настасьи Андреевной. Въ сію бытность мою у нихъ, по общему согласію, избрано было нами мѣсто, гдѣ быть нынѣшнему ихъ дому, который тогда собирались они строить и которому планъ былъ у насъ уже прожектированъ и сдѣланъ. Отъ нихъ поѣхалъ я въ Тулу уже одинъ и ѣхалъ въ сей разъ лѣтнею дорогою, поелику, по причинѣ начавшаго уже портиться пути, рѣкою ѣхать поопасся.

Въ Тулѣ квартировалъ я въ сей разъ у Пастухова и пробылъ не болѣе двухъ сутокъ, въ теченіи которыхъ отдалъ деньги, побывалъ у своего начальника, видѣлся съ бывшею тогда въ Тулѣ дочерью моею Елизаветою и кое-съ-кѣмъ другими, обѣдалъ у отъѣзжавшаго тогда въ Москву намѣстника, а на другой день успѣлъ и обѣщаніе свое исполнить и полѣчить дочь намѣстникову, по желанію матери ея, на машинѣ. Я пріѣзжалъ къ сей по отъѣздѣ уже намѣстника и нашолъ у ней превеликое собраніе госпожъ и дѣвицъ и, установивъ привезенную съ собою машину, электризовалъ многихъ, а наконецъ и самую больную дочь ея, страдавшую почти неизцѣлимою и такою болѣзнію, которую, по крайней мѣрѣ, надлежало очень долго электризовать прежде, нежели можно было какова успѣха надѣяться, что и причиною тому было, что я машину у нихъ оставилъ и научилъ ихъ, какъ имъ самимъ пользовать ею больную ежедневно.

Что касается до моего командира, то съ нимъ я сколько-нибудь уже пообаркался, и онъ принялъ меня поприятнѣе прежняго, и, какъ думаю, потому, что наслышался отъ всѣхъ мнѣ похвалы; однако, все казался онъ мнѣ весьма хитрымъ, лукавымъ, скрытнымъ и неприступнымъ человѣкомъ, но я, по крайней мѣрѣ, былъ доволенъ тѣмъ, что въ сей разъ ничего еще не видалъ отъ него дурнаго.

Возвратясь въ Богородицкъ и занявшись своими дѣлами, не препроводилъ я и двухъ недѣль въ покоѣ, но 22 числа марта принужденъ былъ ѣхать опять въ Тулу, для отвоза накопившихся до 15 тысячъ волостныхъ доходовъ и доставленія командиру своему нѣсколькихъ бумагъ, сочиненныхъ по его препорученію. Сверхъ того, имѣлъ я и собственную надобность побывать въ Тулѣ, для полученія изъ дворянскаго депутатскаго собранія грамоты на свое Дворениново, каковыми тогда всѣ наши братья дворяне запасались.

Итакъ, желая воспользоваться возстановившимся у насъ опять хорошимъ зимнимъ путемъ, пустился я опять помянутаго числа въ Тулу и пріѣхалъ еще въ тотъ же день такъ рано, что успѣлъ еще кое-съ-кѣмъ повидаться, а особливо съ знакомцами своими: г. Сокольниковымъ и съ инструментнымъ мастеромъ Довиховъ, прискакавшимъ тотчасъ ко мнѣ, остановившемуся опять у Пастухова, по

моему призыву. Последнему изъ нихъ сообщилъ я всѣ учиненныя мною вновь и касающіяся до электрическихъ машинъ выдумки и открытія; чѣмъ и былъ онъ чрезвычайно доволенъ и говорилъ, что онъ съ сего времени всѣ дѣлаемыя имъ машины будетъ снабжать таковыми приборами.

По-утру 23 числа пустился я рыскать по Тулѣ. Сперва поѣхалъ я къ директору, для представленія ему бумагъ своихъ. Сей принялся-было оныя со мной читать и, по обыкновенію своему, мудрствовать и тананакать, чѣмъ бы онъ меня опять замучилъ; но я, подъ предлогомъ отдачи въ казенную полату денегъ, отъ того отдѣлался и, оставивъ его одного умничать, полетѣлъ въ казенную полату, гдѣ, сбывъ съ рукъ свое бремя и дождавшись обѣденнаго времени, поѣхалъ обѣдать къ намѣстнику, возвратившемуся уже изъ Москвы. Намѣстникъ былъ мнѣ радъ, а дѣти его еще болѣе. Они потащили меня тотчасъ къ машинѣ. Я имъ оправилъ оную, научилъ какъ съ нею обходиться, электризовалъ самого намѣстника и, отобѣдавъ у него, поѣхалъ опять къ директору продолжать начатое чтеніе. Но тутъ, по счастью, заѣхалъ къ нему г. Бѣляевъ и помѣшалъ ему мудрствовать; а къ особливому счастью, онъ и самъ уже раздумалъ. Итакъ, побывъ у него немного, поѣхалъ я кое-къ-кому другимъ изъ моихъ знакомыхъ и друзей и, возвратясь на квартеру, помышлялъ-было о обратномъ пути на утріе; но намѣстникъ велѣлъ мнѣ остаться и пріѣзжать къ нему въ сей день опять обѣдать.

Итакъ, по наступленіи другова и довольно для меня памятнаго дня, расположился я утромъ послѣднія свои дѣла исправить и поѣхалъ сначала въ дворянскую думу для взятія своей грамоты. Секретаремъ въ оной былъ тогда славный нашъ законоискусникъ г. Григоровъ, и онъ меня отправилъ очень скоро. Отъ него заѣхалъ я на оружейный дворъ къ г. Довиху, смотрѣлъ его машины и, взявъ отъ него нѣкоторыя заказанныя придѣлки, повезъ къ г. Хомякову машину, которая дѣлана была у меня для онаго. Я установилъ ему оную, какъ надобно, показалъ всѣ методы лѣченія. И какъ между тѣмъ подъѣхалъ къ нему и предсѣдатель гражданской полаты г. Свѣчинъ, то оба они и были въ сей разъ моими учениками и слушали съ великимъ вниманіемъ все, что я имъ о разныхъ методахъ электризованія разсказывалъ. Тутъ г. Свѣчинъ сталъ просить меня заѣхать къ нему для жены его; на что я и согласился. Та, съ дѣтьми, ради мнѣ были и Богъ знаетъ какъ. Я имъ сдѣлалъ щоточку и далъ наставленія какъ имъ себя лѣчить своею машиною.

Между тѣмъ, какъ я съ ними тутъ симъ дѣломъ занимался, скакалъ по городу и вездѣ искалъ меня ординарецъ намѣстниковъ съ приказаніемъ, чтобъ я къ нему въ десятомъ часу пріѣхалъ. Но какъ ординарецъ не зналъ, гдѣ меня найти, то проѣздилъ онъ до самаго одиннадцатаго часа и на-силу меня сыскалъ, и тогда, не зная за чѣмъ меня такъ рано намѣстникъ спрашивалъ, не сталъ я долѣе медлить ни минуты, а поѣхалъ прямо къ нему. Ему тотчасъ доложили и ввели меня къ нему въ кабинетъ. Онъ сказалъ мнѣ, что посылалъ за мною для того, что хотѣлось ему, чтобъ я, вмѣстѣ съ нимъ, отслушалъ въ домовой его церкви обѣдню; но я не поспѣлъ. Я сказалъ тому причину. Послѣ чего сказалъ онъ мнѣ, что онъ вспомнилъ еще дать мнѣ одну книгу для прочтенія революціонный альманахъ, и сталъ со мною говорить о книгахъ, политическихъ происшествіяхъ и читалъ самъ листовъ 20 изъ Архенгольцовой «Минервы», которую онъ получалъ. Между тѣмъ для угощенія меня велѣлъ нарочно приготовить и подать шоколатъ и тѣмъ изъявилъ особенное свое ко мнѣ благоволеніе. Потомъ пошли мы съ нимъ электризоваться, куда вышла къ намъ и жена его Катерина Ивановна. Полѣчившись, пошелъ онъ приниматься за дѣла, а мнѣ приказалъ пріѣзжать къ себѣ къ обѣду. Намѣстница подтвердила также, чтобъ я неотмѣнно пріѣзжалъ. И какъ до обѣ-

да было еще долго, то поѣхалъ я между тѣмъ въ ряды исправлять нѣкоторыя для себя покупки и заѣхалъ оттуда къ Довиху дожидаться времени обѣда. И какъ пришло время, то пошолъ къ намѣстнику. У него было довольно гостей и столъ былъ довольно большой. Потомъ электризовалъ я при всѣхъ намѣстника, и о машинѣ было множество разговоровъ. Послѣ обѣда пробылъ я уже недолго у намѣстника, но, распрощавшись съ нимъ, поѣхалъ опять рыскать по городу, заѣхалъ къ Варварѣ Аѳанасьевной, къ сей почтенія и любви достойной боярыни. Посидѣлъ у ней, заѣхалъ къ г-жѣ Верещагиной и еще кое-къ-кому, наконецъ, возвратился на квартеру, а на утріе, въ день праздника Благовѣщенья, пустился въ обратный путь и поспѣлъ по прекрасной дорогѣ въ Богородицкъ почти къ обѣду.

Между тѣмъ, какъ я симъ образомъ ѣздилъ въ Тулу и тѣмъ въ безпрерывномъ почти былъ удовольствіи, домашніе мои находились въ слезахъ по причинѣ жалкой и плачевной сцены, случившейся въ отсутствіе мое въ Богородицкѣ. Пріѣхалъ къ нашему лѣкарю лѣчиться молодой зять пріятеля моего Стратона Ивановича Сахарова, Иванъ Григорьевичъ Нестеровъ, милый, любезный, умный и почтенія достойный молодой человѣкъ. И какъ все ихъ семейство было къ намъ дружелюбно, то и отвели ему съ женою его квартеру въ порожнемъ городскомъ домѣ моего зятя Шишкова. Но чтò-жъ? Не успѣли они тутъ обострожиться, какъ онъ скоропостижно умеръ и оставилъ по себѣ молодую жену вдовую. И домашніе мои принуждены были войтить въ хлопоты по сему дѣлу, которымъ всѣмъ очень жаль было сего добраго и слишкомъ еще рано умершаго человѣка.

На другой день пріѣзда моего имѣлъ я особенный и пріятный сюрпризъ. Въ сей воскресный день надлежало намъ всѣмъ ѣхать въ Ламки, для празднованія тамъ на утріе дня рожденія старшей нашей дочери Елизаветы. Какъ въ сей день обыкновенно приxаживала почта, то хотѣлось мнѣ не прежде въ сей недальній путь отправиться, какъ дождавшись оной. Но она какъ-то такъ позамѣшкалась, что мы, сколько оной ни дожидались, но не могли дождаться и поѣхали въ сей путь ее не дождавшись. Ѣдучи мимо магистрата, велѣлъ я своему возочку остановиться и человѣку забѣжать спросить, не пришла-ли почта. А онъ и вынесъ всѣ полученные на мое имя письма и пакеты. Схватя оные и приказавъ кучеру догонять моихъ домашнихъ, началъ я дорогою пакеты распечатывать и разсматривать. И какъ же удивился и обрадовался, нашедъ въ одномъ присланномъ ко мнѣ изъ Петербурга печатный и прекрасный дипломъ себѣ отъ Лейпцигскаго Экономическаго Общества на избраніе меня въ члены того Общества. Другъ мой, Андрей Андреевичъ Нартовъ смастерилъ сіе дѣло и доставилъ мнѣ сію хотя пустую, но такую почесть, которая надѣлала много грома.

. . . .

Облеченный сею новою, хотя ничтожною почестью, пріѣхалъ я въ Ламки и сдѣлалъ дипломомъ своимъ такой же пріятный сюрпризъ какъ всѣмъ моимъ роднымъ, такъ и гостямъ, съѣхавшимся въ сей день къ зятю моему на ночь. Всѣ начали меня съ симъ новымъ достоинствомъ поздравлять, а я, смѣючись всему тому, въ умѣ своемъ ихъ отблагодаривать. По отпраздновании сего праздника, возвратились мы въ свое мѣсто. И во всѣ остальные дни марта мѣсяца и даже всего великаго поста не случилось съ нами ничего особливаго, кромѣ того, что около сего времени началась у насъ половодь, наводившая мнѣ въ разсужденіи трудовъ всегда большія хлопоты, заботы и безпокойства, но въ сей годъ прошла она съ миромъ. Постъ окончился у насъ 8 апрѣля и день Пасхи былъ у насъ хотя пасмурный, холодный и непріятный, но я въ нѣдрахъ своего многочисленнаго семейства и вмѣстѣ съ обоими моими зятьями провелъ его довольно весело и съ удовольствіемъ отмѣннымъ; а втече-

ніе святой недѣли могли мы въ нѣкоторые дни выходить уже и въ сады свои впервыя для прогулки. Впрочемъ, памятна мнѣ была сія Святая недѣля особливымъ несчастнымъ происшествіемъ, случившимся въ продолженіи оной. Двое солдатъ изъ моей команды, и оба солдата исправные и хорошаго поведенія, сперва поразмолвили, а потомъ поразсорились такъ за что-то между собою, что схватились драться и одному изъ нихъ случилось такъ неловко ударить другого, что онъ въ ту же минуту испустилъ духъ свой и отправился на тотъ свѣтъ. Я, любя за исправность ихъ обоихъ, сожалѣлъ невѣдомо-какъ о томъ и о другомъ; ибо какъ и оставшагося въ-живыхъ долженъ былъ тотчасъ отдать подъ сужденіе по законамъ, то лишился вдругъ двухъ, при многихъ случаяхъ мнѣ помощниковъ.

Наступившую за симъ Ѳомину недѣлю провели мы въ ежедневномъ, хотя тщетномъ ожиданіи пріѣзда къ намъ въ Богородицкъ намѣстника, о которомъ прошелъ у насъ отъ многихъ слухъ, что онъ къ намъ будетъ, для ѣзды со псовою охотою по волостнымъ полямъ нашимъ. Какъ много ни любилъ и ни почиталъ я сего умнаго и почтенія достойнаго нашего вельможи, но не могъ никогда довольно надивиться, что онъ, при всѣхъ своихъ добрыхъ качествахъ и совершенствахъ, подверженъ былъ сей слабости и псовую охоту любилъ непомѣрно. Онъ признавался мнѣ самъ въ томъ и при свиданіяхъ моихъ съ нимъ не однажды проговаривалъ мнѣ, что ему хочется у насъ въ волостяхъ побывать и поѣздить по полянамъ нашимъ съ собаками, а побывавъ, не однажды и просилъ меня, чтобъ я приказалъ поберечь поля наши отъ постороннихъ охотниковъ; что я ему охотно и обѣщалъ, да и, дѣйствительно, всѣмъ мужикамъ накрѣпко подтвердилъ, чтобъ никого со псовою охотою въ поля наши не пускали. Но въ сей разъ удивлялся я, что онъ хотѣлъ къ намъ пріѣхать, не давъ напередъ мнѣ знать о томъ; но онъ сего никакъ и не сдѣлалъ, но напротивъ того, былъ такъ учтивъ и снисходителенъ, что ко мнѣ не прежде, какъ послѣ долговременнаго и тщетнаго ожиданія, отписалъ съ ласковѣйшимъ вопрошаніемъ меня, когда-бъ ему къ намъ пріѣхать? Сіе письмо получилъ я отъ него уже въ послѣднихъ числахъ мѣсяца апрѣля, и легко можно заключить, что мнѣ не иное что можно было на оное въ отвѣтъ сказать, что зависитъ то отъ его воли, а мы всегда будемъ ему ради.

Впродолженіе сего тщетнаго и недѣли двѣ сряду продолжавшагося пустаго ожиданія чуть-было мы не лишились малютки моего внука, сына моей старшей дочери. Онъ воспитывался у насъ въ домѣ, и около сего времени такъ былъ болѣнъ и отъ кашля и другой немощи такъ весь изошолъ, что мы всѣ не имѣли уже къ продолженію жизни его ни малѣйшей надежды и почитали его потеряннымъ. По кому судьба Господня назначаетъ жить и быть сочленомъ человѣческаго живущаго общества, тотъ будетъ живъ, не смотря на всѣ болѣзни и опасности, а кто къ тому съ малолѣтства судьбою не назначается, того какъ ни береги, такъ не убережешь. Истина сія и подтвердилась въ примѣрѣ моего внука, и сколько жизнь его съ малолѣтства ни была ненадежна, но онъ живъ и по сіе время, и служа въ кирасирскихъ полкахъ уже давно офицеромъ, беретъ соучастіе въ славѣ, пріобрѣтенной во всемъ свѣтѣ въ нынѣшней войнѣ нашими войсками, и украшается знакомъ отличія за свою храбрость и неустрашимость.

Другое, также не мало настращавшее насъ впродолженіе сего времени происшествіе, состояло въ томъ, что въ одной волостной и подлѣ самаго города находившейся деревнѣ отъ бывшей на Ѳоминой еще недѣлѣ у насъ престрашной грозы сгорѣло два двора. И какъ вѣтеръ былъ на насъ, то мы того и смотрѣли, чтобъ у насъ въ слободѣ отъ галокъ не загорѣлось; однако, и сія опасность прошла благополучно.

Въ-третьихъ, достопамятно, что мы втеченіе сего времени ѣздили всѣ къ новому моему зятю Воронцову въ дерев-

ню, и во время сего пребыванія у него, продолжавшагося нѣсколько дней сряду, положили основаніе нынѣшнему регулярству въ его прекрасномъ садикѣ, бывшемъ до того времени въ запустѣніи. Сія ѣзда служила намъ всѣмъ вмѣсто доброй прогулки, и мы довольно тамъ навеселились.

Наконецъ, достопамятно, что въ послѣднихъ числахъ апрѣля мѣсяца была у насъ такая жаркая погода, какая не бываетъ иногда и посреди лѣта, словомъ, жаръ по термометру простирался отъ 27 до 30 градусовъ, и мы не знали куда отъ него дѣваться.

Что касается до мѣсяца мая, то уже нѣсколько лѣтъ не препровождали мы перваго числа онаго такъ весело, какъ въ сей годъ. Погода случилась въ оное не только хорошая, но самая жаркая. Всѣ деревья спѣшили уже развертываться и въ садахъ хоть не было еще тѣней, но пріятностей множество. Мы препроводили все послѣобѣденное время сего дня со всѣми бывшими у меня родными и другими гостями въ саду, пили тамъ чай и утѣшались духовою, играющею въ немъ музыкою, и между собою смѣхами, шутками и разными разговорами, и тѣмъ власно—какъ встрѣтили новообновлявшуюся натуру.

О пріѣздѣ къ намъ намѣстника достовѣрное извѣстіе получилъ я не прежде, какъ 5 числа сего мѣсяца. Но какъ хотѣлъ онъ къ намъ прибыть около десятаго, то и имѣлъ я довольно времени къ пріуготовленію всего нужнаго для пріема и угощенія такого знаменитаго гостя и не упустилъ ничего, что только можно было учинить въ садахъ, въ сіе еще тогда раннее вешнее время. Но едва я только принялся за сіи пріуготовленія, какъ получилъ отъ директора новаго моего командира письмо съ увѣдомленіемъ, что онъ къ намъ скоро будетъ. А не успѣлъ я сего письма почти прочесть и собраться о томъ съ мыслями, какъ прибѣжали мнѣ сказать, что онъ уже ѣдетъ. Господи! какъ я тогда симъ извѣстіемъ смутился и перетревожился. Я находился въ самое то время въ церкви у обѣдни. И какъ для пріема его не было у меня сдѣлано никакихъ еще приготовленій, то благимъ матомъ побѣжалъ я скорѣй домой, чтобъ успѣть что-нибудь сдѣлать и приготовить ему мѣсто для пребыванія. Но, по счастью, ѣхалъ онъ тогда только проѣздомъ чрезъ Богородицкъ, въ сотоварществѣ нѣкакого статскаго совѣтника г. Свербеева, его пріятеля. Оба они ѣхали за чѣмъ-то въ Орелъ и заѣхали ко мнѣ въ домъ только для перемѣны и отдохновенія лошадей, и на короткое время. Итакъ, я напоилъ ихъ чаемъ, поводилъ по своимъ садамъ и угостилъ ихъ потомъ у себя обѣдомъ, а послѣ обѣда они тотчасъ и поѣхали. Я не преминулъ при семъ случаѣ у начальника своего кое-о-чемъ спрашивать и кое на что требовать мудрой его резолюціи, но не могъ ни на что добиться отъ него толку; и можно было сказать, что былъ онъ человѣкъ странный и непровѣданный, и обстоятельства наши были до того по многимъ отношеніямъ худы, а тогда казалось, что сдѣлались еще худшими. Всякая копѣйка была у насъ съ нимъ прибита алтыннымъ гвоздемъ, а всякое зерно хлѣба четверикомъ, и мы всѣ даже хохотали между собою, слыша его нѣкоторыя резолюціи. Словомъ, человѣкъ сей былъ такого свойства и характера, что всякаго отторгалъ отъ любви и искренняго почтенія къ себѣ и во всякаго вперялъ не весьма выгодныя о себѣ мнѣнія.

Дни чрезъ два послѣ отъѣзда сихъ гостей появились у насъ уже и псовыя охоты нѣкоторыхъ господъ тульскихъ, и на Николинъ день узнали мы, что пришла и намѣстническая охота въ Дѣдиловъ, и что самъ онъ въ слѣдующій день будетъ. Мы вмѣстѣ съ Бобриковскимъ управителемъ, братомъ г. Верещагина, разсудили выѣхать на встрѣчу къ нему въ пограничную волостную деревню Крутое, гдѣ мы его и встрѣтили. Съ нимъ ѣхалъ вице-губернаторъ, да сынъ его, да г. Хомяковъ, Михаилъ Васильевичъ, а въ другихъ экипажахъ господа Мансуровы и Ивашкинъ, всѣ — страстные охотники до звѣриной ловли. Я препроводилъ ихъ прямо во дворецъ, гдѣ при-

готовленъ былъ уже для нихъ обѣденный столъ и угостилъ ихъ онымъ; а послѣ обѣда вздумали они съѣздить въ ближнія мѣста и позабавиться вечернимъ полемъ; но оное было для нихъ какъ-то неудачно: они не нашли почти ничего и возвратились съ пустыми почти руками. И весь вечеръ проговорили ни о чемъ другомъ, какъ только о собакахъ; однако, все шло своимъ чередомъ и было тихо, смирно и хорошо.

Въ слѣдующій день въ совѣтѣ господъ охотниковъ предположено было взять утреннее поле въ окрестностяхъ городскихъ, а послѣ обѣда ѣхать въ Малевку и въ Папортки и тамъ ночевать. Но планъ сей не состоялся. Пошелъ пресильный дождь и согналъ ихъ скоро съ поля. И какъ они и въ сей день въ окрестностяхъ городскихъ зайцевъ не нашли, то и отдумали забиваться въ даль, а положили, пробывъ сей день у насъ въ Богородицкѣ, на утріе пуститься полями въ обратный путь, въ Тулу, и взять утреннее поле въ окрестностяхъ деревни Велинниной и заѣхать обѣдать къ зятю моему Шишкову, въ Ламки. А въ сей день угощалъ я всѣхъ ихъ у себя въ домѣ обѣденнымъ столомъ, а послѣ обѣда намѣстникъ читалъ газеты и гулялъ по садамъ нашимъ; ужиналъ же во дворцѣ. Во все продолженіе сего времени, разговаривалъ онъ много со мною о разныхъ матеріяхъ, былъ веселъ и хорошъ, и все шло у насъ порядочно и такъ, что я не имѣлъ отъ гостей сихъ ни малѣйшаго почти безпокойства и ими ни мало не скучалъ. Сообразно съ помянутымъ предположеніемъ, всѣ господа охотники, вмѣстѣ съ намѣстникомъ, верхами и пустились въ путь, въ сторону къ Тулѣ. А мы съ сыномъ его, Николаемъ Евгеніевичемъ и М. В. Хомяковымъ, оставшись въ Богородицкѣ и проводивъ тутъ утро, поѣхали прямо съ ними въ Ламки, гдѣ хозяинъ съ приготовленнымъ обѣдомъ уже гостей и дожидался и, будучи особливымъ охотникомъ до пировъ и угощеній, постарался и въ сей разъ употчивовать (sic) и угостить намѣстника такъ, что онъ былъ очень имъ доволенъ. Но послѣ обѣда не сталъ онъ долго медлить, а отправился въ обратный путь свой въ Тулу. Мы же съ прочими, случившимися тогда у зятя моего гостями, остались въ Ламкахъ и провели достальное время сего дня весело и не прежде, какъ къ вечеру послѣдующаго дня возвратились въ Богородицкъ.

Едва мы симъ образомъ сбыли съ рукъ своихъ сего знаменитаго, но пріятнаго для меня гостя, какъ чрезъ день послѣ того принуждены были угащивать у себя другаго такого же знаменитаго и равно мнѣ пріятнаго гостя. Былъ то знакомецъ мой, и въ тогдашнее время важный генералъ-поручикъ Андрей Яковлевичъ Леванидовъ, проѣзжавшій тогда въ Украйну, для формированія тамъ, по препорученію отъ императрицы, новаго какого-то корпуса. Онъ, остановившись у насъ въ городѣ и полюбивъ меня въ прежній свой проѣздъ, прибѣжалъ ко мнѣ съ квартеры своей пѣшкомъ и прежде нежели мы о пріѣздѣ его услышали. Мы только что встали тогда изъ-за стола, и какъ онъ еще не обѣдалъ, то, по дружбѣ своей, сказалъ мнѣ безъ всякихъ церемоніаловъ, чтобъ я его чѣмъ-нибудь и безъ всякихъ дальнихъ сборовъ накормилъ. Итакъ, нука мы скорѣе собирать ему опять на столъ, прибавлять кое-что къ прежнимъ кушаньямъ и его поить и кормить, а онъ насъ утѣшать своими умными, ласковыми и дружескими разговорами, между которыми, бывши угощеніемъ моимъ очень доволенъ и полюбя также моего сына, вздумалъ предлагать намъ, не согласимся-ли мы отпустить его въ военную службу и препоручить собственно ему, обѣщая принять и помѣстить его въ свой новоформируемый корпусъ и доставить ему въ непродолжительномъ времени штабской чинъ. Симъ неожидаемымъ предложеніемъ онъ всѣхъ насъ такъ смутилъ и озадачилъ, что мы долго не знали, чтó ему на сіе сказать въ отвѣтъ, но, поблагодаривъ его за сіе, просили дать намъ сколько-нибудь времени о томъ подумать и пособразиться своими обстоятельства-

ми. На чтó онъ охотно и согласился и поѣхалъ отъ насъ съ тѣмъ, чтобъ мы, какъ скоро на то рѣшимся, присылали-бъ его немедля прямо къ нему въ Украйну, а онъ беретъ на себя имѣть попеченіе объ немъ, какъ о своемъ сынѣ.

По отъѣздѣ его, было у насъ общее совѣщаніе о семъ предметѣ: всѣмъ намъ и хотѣлось того, и нѣтъ. Съ одной стороны предложеніе сіе насъ льстило, а съ другой—слабое здоровье сына моего удерживало насъ отъ того, чтобъ позволить ему вступить въ многотрудную, военную службу и въ оной дослуживаться до чиновъ. Былъ онъ у насъ одинъ, и потому такъ для насъ драгоцѣненъ, что мы и подумать бы страшились, чтобъ не только отлучить его отъ себя въ даль и на долгое, можетъ быть, время, но и подвергнуть всѣмъ опасностямъ, съ военною службою сопряженнымъ. Сверхъ того, не имѣлъ онъ по свойствамъ и характеру своему ни малѣйшихъ къ военной службѣ способностей и самой даже наклонности. Но какъ, будучи въ такихъ еще молодыхъ лѣтахъ, нельзя ему было и остаться безъ всякаго служенія и празднымъ, то всѣ наиболѣе и полагали мы, чтобъ постараться достать ему какое-нибудь сообразное съ чиномъ его мѣсто по штатской службѣ, а на семъ мы наконецъ и остановились. Но симъ дозвольте мнѣ сіе письмо и кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ и проч.

(Декабря 17 дня 1813 года, въ Двориниковѣ).

Письмо 293.

Любезный пріятель! Не успѣло пройтить однихъ сутокъ послѣ отъѣзда отъ насъ господина Леванидова, какъ собрался я ѣхать опять въ Тулу. Побужденіемъ къ сей новой поѣздкѣ было, во-первыхъ, то, что директоръ, при проѣздѣ своемъ, приказывалъ мнѣ, чтобъ я къ возвращенію его изъ Орла въ Тулу привезъ опять всѣ находившіяся у насъ въ сборѣ волостныя деньги и съ ними вмѣстѣ привезъ бы съ собою и слѣдуемое ему жалованье, и во-вторыхъ, что и намѣстникъ, при отъѣздѣ своемъ въ Тулу, проговаривалъ мнѣ, не пріѣду-ли я къ Вознесеньеву дню къ нимъ въ Тулу попраздновать съ ними вмѣстѣ сей праздникъ и повеселиться въ редутѣ, который у нихъ въ сей день будетъ? И какъ я на сіе ему сказалъ, что не знаю, можно-ли мнѣ будетъ, то подхватилъ онъ, самымъ дружескимъ образомъ сказавъ: «пожалоста, пріѣзжай, мой другъ, ежели тебѣ будетъ можно, мы тебѣ будемъ рады; да возьми съ собою и своего сына, пускай повеселится и онъ!» При таковомъ приглашеніи не оставалось мнѣ иного, какъ сказать: «хорошо, ваше высокопревосходительство, я не премину постараться исполнить къ сему времени все, чтó приказано мнѣ отъ г. директора». — «А что такое онъ приказалъ тебѣ?» спросилъ намѣстникъ. — «Чтобы я привезъ всѣ наличныя волостныя деньги». — «Ну! такъ вотъ и къ статѣ это будетъ, подхватилъ онъ, итакъ, надѣюсь, я скоро опять съ тобой увидѣться». Съ сими словами онъ тогда отъ насъ и поѣхалъ, а все сіе и побудило меня дѣйствительно поспѣшить сборомъ достальныхъ доходовъ и приготовленіемъ казны къ отвозу.

Итакъ, наканунѣ Вознесеньева дня собравшись, и поѣхали мы съ сыномъ въ новоотдѣланной и прекрасной кибиточкѣ въ Тулу. И какъ по тогдашней засухѣ дорога была очень сей ѣздѣ способная, то въ тотъ же день и довольно еще рано пріѣхали въ Тулу и остановились на прежней и обыкновенной своей квартерѣ у Пастухова. По наступленіи Вознесеньева дня, перетревожились-было мы оба съ сыномъ, услышавъ отъ нашего кучера, что карета наша, остававшаяся всегда на дворѣ у Пастухова, въ ходу своемъ имѣла столько поврежденій, что намъ не можно никакъ на ней со двора ѣхать. «Ахъ, батюшки мои! сказалъ я, невѣдомо-какъ возгоревавшись: на чемъ же намъ ѣхать»? А ѣхать необходимо и рано со двора было надобно. Но добрый и услужливый нашъ хозяинъ не успѣлъ услышать о нашемъ

горевапіи, какъ, вбѣжавши къ намъ, сказалъ: «пожалуйте, о каретѣ не безпокойтесь, чрезъ полчаса всѣ поврежденія будутъ исправлены; я заставилъ уже всѣхъ своихъ кузнецовъ и мастеровыхъ ее чинить, и вы не успѣете еще одѣться, какъ она будетъ уже готова!» Симъ утѣшилъ онъ насъ чрезвычайно. И какъ она и дѣйствительно чрезъ полчаса была исправлена, то, сѣвши въ нее, и полетѣли мы сперва-было къ директору, но, узнавъ съ неудовольствіемъ, что онъ изъ Орла еще не возвращался, проѣхали мы къ вицъ-губернатору и, поздравивъ его съ праздникомъ, полетѣли къ намѣстнику. Сей въ сіе утро никого къ себѣ не принималъ, но, узнавъ о нашемъ пріѣздѣ, велѣлъ намъ сказать, чтобы мы пріѣзжали къ нему обѣдать. Услышавъ сіе, стали мы съ сыномъ совѣщаться о томъ и между тѣмъ ѣхать; но едва только стали садиться въ карету, какъ прибѣжали отъ намѣстника насъ ворочать и звать насъ къ нему въ кабинетъ. Тутъ принялъ онъ насъ очень ласково, изъявлялъ удовольствіе свое о томъ, что мы пріѣхали, разговаривалъ очень много со мною и пригласилъ насъ потомъ иттить вмѣстѣ съ нимъ въ домовую его церковь къ обѣдни, въ которой, кромѣ насъ и его семейства, никого не было. По отслушаніи обѣдни, узнавъ, что между тѣмъ возвратился и директоръ нашъ изъ Орла, поѣхали мы къ нему, но его не застали дома; проѣхали къ Верещагину и у него просидѣли до самаго обѣда, который обыкновенно бывалъ у намѣстника не рано. Тутъ съ удивленіемъ услышалъ я отъ Верещагина, что директоръ нашъ на меня очень сердится за то, для чего сказалъ я намѣстнику о требуемомъ имъ жалованьѣ, которое ему ни то слѣдуетъ, ни то еще нѣтъ; ибо прежніе директоры получали оное отъ волости по особенному предписанію отъ прежняго намѣстника, а въ разсужденіи его не было еще ни отъ кого и никакого предписанія. Удивился я, сіе услышавъ, и воскликнулъ: «Господи помилуй! да съ чего онъ это взялъ, что я намѣстнику о томъ сказывалъ. Жалованье сіе, хотя дѣйствительно наводитъ на меня сумнѣніе и опасеніе, но у меня и на умѣ не было сказывать о томъ намѣстнику, а я сказалъ только, что мнѣ велѣно привезть казенныя деньги, которыя я и привезъ».— «Со всѣмъ тѣмъ, подхватилъ г. Верещагинъ, намѣстникъ о семъ жалованьѣ и о самомъ твоемъ сумнительствѣ знаетъ и при мнѣ нѣкоторымъ изъ здѣшнихъ изъявлялъ удивленіе свое о томъ, что директоръ самъ собою отваживается требовать себѣ сего жалованья, составляющаго немалую сумму, и приговаривалъ при томъ, что не думаетъ онъ, чтобъ ты отпустилъ ему оное, не истребовавъ отъ него, по крайней мѣрѣ, себѣ о доставленіи онаго къ нему ордера; что совѣтовалъ бы и вамъ, ибо дѣло щекотливое». Я поблагодарилъ г. Верещагина за сей совѣтъ и предвареніе и, поѣхавши отъ него къ намѣстнику обѣдать, во всю дорогу продумалъ о томъ, какъ бы мнѣ смастерить симъ дѣломъ и какъ укротить на себя и невинный гнѣвъ г. директора, такъ и обезпечить себя полученіемъ отъ него о семъ жалованьѣ ордера. Обѣдъ у намѣстника въ сей день былъ многолюдный, а послѣ обѣда удивилъ онъ меня приглашеніемъ меня въ тотъ же день послѣ редута и на ужинъ. Я не понималъ, что бъ это значило, но удивился еще болѣе, какъ, возвратясь на квартеру свою, узналъ я отъ хозяина своего, что у него въ сей день будетъ сговоръ старшей дочери его въ замужество за нашего вицъ-губернатора князя Оболенскаго. «Ахъ, батюшка мой! воскликнулъ я, сіе услышавъ, какъ же мнѣ быть, никто еще не сказалъ, и я не зналъ и не вѣдалъ, надобно же намъ посему одѣться сколько можно получше». Итакъ, ну-ка мы съ сыномъ одѣваться и убираться и спѣшить тѣмъ, чтобъ намъ успѣть поранѣе пріѣхать въ редутъ. Тутъ нашли мы все тульское городское дворянство въ собраніи и съ любопытствомъ дожидавшееся уже пріѣзда намѣстника съ нареченнымъ его зятемъ и невѣстою. А чрезъ нѣсколько минутъ

сіе и воспослѣдовало. Вдругъ разстворились двери, загремѣла музыка и, при звукѣ трубъ и литавръ, вошелъ въ залу собранія намѣстникъ, ведущій за руку свою жену, а за нимъ новонареченный его зять, ведущій за руку невѣсту. Шествіе сіе было прямо пышное и великолѣпное и все собраніе обратилось къ нимъ съ своими поздравленіями. А не успѣло нѣсколько минутъ пройти, какъ и начался большой польскій танецъ, въ которомъ всѣ почти до единаго изъ бывшихъ тогда въ редутѣ воспріяли участіе. Самого меня подхватила госпожа Юшкова, и я принужденъ былъ какъ съ нею, такъ и со многими другими протанцовать весь вечеръ. Сынъ же мой затанцовался въ-прахъ и можно сказать, что редутъ въ сей день былъ прямо веселый.

Пробывъ въ ономъ часа три и оставивъ прочихъ продолжать веселиться танцами, поѣхали мы къ намѣстнику ужинать. Къ оному приглашены были только лучшіе люди. И какъ въ числѣ оныхъ находился и я, то многіе, а особливо директоръ нашъ, удивились, что и мнѣ тѣмъ оказана отъ намѣстника особенная честь, а признаться надобно, что и самому мнѣ было сіе лестно, и я тѣмъ нѣсколько кичился, и день сей почиталъ въ особливости для себя достопамятнымъ и хорошимъ.

На утріе обратилась вся Тула съ поздравленіями къ намѣстнику и къ вицъ-губернатору, а я, не имѣя уже въ томъ нужды, поелику мы уже предъ пышнымъ и великолѣпнымъ ужиномъ наканунѣ того дня имѣли случай осыпать все семейство намѣстниково усерднѣйшими нашими поздравленіями, поѣхалъ къ собственному своему намѣстнику, то есть къ директору, и все утро проводилъ съ нимъ въ тананаканьяхъ по своимъ дѣламъ, пустымъ и ничего незначущимъ, и наскучилъ даже его калякаиьемъ. Онъ принялъ меня съ примѣтнымъ на меня гнѣвомъ и неудовольствіемъ, и мнѣ великаго труда стоило увѣрить его, что не я доносилъ о его жалованьѣ намѣстнику и что самъ не могу довольно надивиться, почему намѣстникъ о томъ узналъ. Но какъ бы то ни было, но мнѣ удалось укротить его гнѣвъ на себя и подбиться опять къ нему въ благосклонность. Помогло много къ тому то, что я, примѣтивъ тайную алчность его къ интересу и господствующее въ немъ весьма въ сильномъ градусѣ, хотя очень скрытое корыстолюбіе—настроилъ сообразно съ симъ вѣтромъ и свои паруса и самъ ему искуснымъ образомъ преподавалъ мысль, какъ ему, безъ всякаго опасенія, въ семъ случаѣ поступить и жалованьемъ отъ насъ безъ всякой оглядки воспользоваться можно. «Я не знаю, говорилъ я, чего вы, Сергѣй Алексѣевичъ, опасаетесь, или находите сомнѣніе. Вамъ стоитъ только пожаловать мнѣ о присылкѣ сего жалованья повелительной ордеръ и съ онымъ сослаться на прежнихъ директоровъ и повелѣнія объ нихъ, какъ тѣмъ и дѣло все рѣшится и никакихъ оглядк*овъ* и непріятныхъ послѣдствій опасаться не можно. Сверхъ того, за что же вамъ безъ всякой награды за насъ хлопотать и надъ распоряженіями трудиться. Сама императрица того никакъ на васъ не взыщетъ, хоть бы то до самой до нее дошло; но сему быть никакъ не можетъ». Сими и подобными сему словами я такъ его убаялъ и въ благосклонность къ себѣ преклонилъ, что онъ разчливился и унялъ меня у себя обѣдать и я просидѣлъ у него почти до вечера, а передъ наступленіемъ онаго, поѣхалъ я отыскивать своего сына къ г. Юшкову, но не нашелъ его тамъ, а, услышавъ что онъ находился въ училищѣ, поѣхалъ туда, гдѣ нашолъ его гулявшаго съ г. Покровскимъ въ саду; зашолъ вмѣстѣ съ нимъ къ угощавшему его у себя г. Покровскому, съ которымъ у обоихъ у насъ сведена была уже тѣсная дружба. У него просидѣли мы до самой ночи, занимаясь въ умныхъ разговорахъ, а ужинали и ночевали на своей квартерѣ.

По-утру въ наступившій послѣ сего день ѣздилъ я опять къ директору и, добившись отъ него толку о деньгахъ,

поѣхалъ я съ нимъ въ казенную полату и тамъ оныя отдалъ. Обѣдалъ же я въ сей день вмѣстѣ съ сыномъ у г. Юшкова. Домъ сей былъ тогда для обоихъ насъ лучшимъ и наиприятнѣйшимъ во всей Тулѣ. Послѣ обѣда же поѣхалъ я къ намѣстнику, но его не видалъ, а услышавъ, что онъ хочетъ ѣхать гулять въ саду у хозяина моего Пастухова, согласился съ сыномъ его и нѣсколькими другими господами иттить туда пѣшкомъ напередъ и тамъ намѣстника дожидаться. Но все наше ожиданіе было тщетное, ждали, ждали, и бѣднякъ-хозяинъ приготовился-было принимать и угощать у себя намѣстника, но онъ за чѣмъ-то не бывалъ. При разставаніи сынъ намѣстниковъ, услышавъ, что мы въ послѣдующій день съ утра хотѣли пуститься въ обратный путь, убѣдилъ насъ просьбою, чтобъ остаться еще на день въ Тулѣ и побывать въ тотъ же день у нихъ въ театрѣ тульскомъ. Кромѣ сего, и самому мнѣ нужно было еще видѣться съ директоромъ, да и съ намѣстникомъ, какъ я еще не раскланялся, то было сіе и къ статъ.

Такимъ образомъ расположившись провесть и воскресенье въ Тулѣ, рыскали мы съ сыномъ въ оной по всему городу. Сперва поѣхали къ намѣстнику. Но какъ онъ въ сіе утро никого у себя не принималъ, а велѣлъ намъ пріѣзжать къ себѣ обѣдать, то, зашедши въ комнаты къ сыну его и посидѣвши у него, поѣхали мы къ вицъ-губернатору и пробыли у него долго. Отъ него же пріѣхали къ Юшкову и, распрощавшись съ нимъ и со всѣмъ его любезнымъ семействомъ, поѣхали къ намѣстнику обѣдать, а послѣ обѣда, распрощавшись съ нимъ, побывали еще у директора и съ нимъ много кое-о-чемъ поговорили. При наступленіи же времени къ ѣздѣ въ театръ, поѣхали въ оный и имѣли удовольствіе видѣть представленіе «Сивильскаго Цирюльника», а изъ театра заѣзжали мы еще разъ къ директору и получилъ я наконецъ желаемый мною ордеръ; а сверхъ того, пользуясь его благосклонностью, выпросилъ у него съѣздить на нѣсколько дней въ свою деревню. Чѣмъ все тогдашнее мое и довольно пріятное пребываніе мое въ Тулѣ и кончилось.

Какъ на утріе былъ день рожденія старшаго моего зятя и мы не сомнѣвались, что всѣ мои домашніе родные будутъ у него въ гостяхъ, въ Ламкахъ, то, желая и самимъ туда поспѣть къ обѣду, встали мы и пустились въ путь такъ рано, что и успѣли на половину дня къ нимъ туда пріѣхать. Мы дѣйствительно нашли тамъ всѣхъ своихъ родныхъ, а сверхъ того и новобрачную дочь мою съ ея зятемъ, отпраздновали съ ними сей день, и наиболѣе въ саду его, очень весело, и въ Богородицкъ не прежде какъ уже на другой день къ обѣду [возвратились]. Тамъ повстрѣчалось досадное съ нами обстоятельство, принудившее насъ ломать весь полъ въ моемъ кабинетѣ. Домашнимъ моимъ что-то вздумалось испытать освободиться отъ множества бывшихъ у насъ въ домѣ крысъ чрезъ предложеніе имъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отравы. Крысы дѣйствительно отъ того тотчасъ всѣ исчезли, нѣкоторыя изъ нихъ такъ отуманились и ошалѣли, что руками ихъ ловили и брали. Но не успѣло нѣсколько дней пройтить, какъ отъ околѣвшихъ въ подпольѣ сдѣлалась во всѣхъ хоромахъ, а болѣе всего въ моемъ кабинетѣ, такая несносная вонь, что войтить было не можно. Господи! какъ мнѣ сіе было тогда досадно и тѣмъ паче, что вмѣстѣ съ нами пріѣхали къ намъ и наши Воронцовы и съ тѣмъ, чтобъ у насъ погостить нѣсколько дней. Но какъ злу сему ничѣмъ инымъ помочь было не можно, какъ отшариваніемъ всѣхъ погибшихъ и провонявшихъ, то принужденъ я былъ велѣть выносить изъ моего кабинета все и взломать потомъ весь полъ въ ономъ. Но сколько-жъ досада моя должна была увеличиться, когда мы и подъ онымъ не нашли и ни одной околѣвшей мыши; но, наконецъ, по вони добрались до мѣста, гдѣ онѣ находились. И гдѣ же нашли ихъ! Во внутренности фундамента, подъ самою печью! Случилась тамъ между каменьями пустота и

въ нее-то отъ тоски забились онѣ всѣ и въ множествѣ великомъ, и тамъ всѣ переоколѣли. И намъ хотя не малаго труда стоило ихъ оттуда доставать, но мы ради были тому, что тѣмъ избавились, по крайней мѣрѣ, отъ несносной вони и безпокойства, ею производимаго.

Родные наши Воронцовы прогостили у насъ трое сутокъ, въ которое время занимался я разными работами въ садахъ и посадкою въ своемъ цѣлой березовой рощицы съ развернувшимся уже листомъ, а по отъѣздѣ ихъ во-свояси, стали помышлять мы о поѣздкѣ своей въ любезное свое Дворениново. Къ ѣздѣ туда побуждало насъ въ сей разъ, во-первыхъ то, что намъ съ сыномъ хотѣлось побывать тамъ въ сіе вешнее время и также кое-что въ садахъ нашихъ посадить и сдѣлать; во-вторыхъ, хотѣлось намъ съѣздить туда и въ недальную оттуда Коширскую нашу деревню Калитино—нашихъ новобрачныхъ Воронцовыхъ, которымъ отдана она была вмѣстѣ съ Чернскою нашею деревнею въ приданое, и отдать имъ ее прямо съ рукъ на руки во владѣніе, а наконецъ, какъ надобно было имъ отвесть свадебные свои контравизиты къ роднымъ нашимъ Крюковымъ и Кислинскимъ, то хотѣлось намъ свозить ихъ и къ нимъ и спознакомить новаго моего зятя съ ихъ домами. И какъ условлено у насъ было, чтобъ намъ за ними заѣхать въ Головнино и вмѣстѣ съ ними проводить тамъ у нихъ приближающійся Троицынъ день, то наканунѣ онаго и отправились мы въ сей путь сборнымъ дѣломъ, взявъ съ собою жену, сына и старшую незамужнюю дочь свою Ольгу, а съ ними вмѣстѣ поѣхали въ Головнино и старшая моя дочь Елизавета съ меньшою Катериною; изъ лишнихъ же людей и прочія повозки отправили мы прямо въ деревню.

Итакъ, Троицынъ день, случившійся въ сей годъ 27 мая провели мы въ Головнинѣ у зятя моего Воронцова, но, вмѣсто предполагаемаго пріятнаго гулянья въ садахъ и рощахъ, по случаю перемѣнившейся вдругъ погоды и сдѣлавшагося послѣ бывшихъ жаровъ холоднаго ненастья и самого даже жестокаго мороза, принуждены были весь сей день сидѣть въ четырехъ стѣнахъ и съ бывшими у нихъ гостями заниматься уже кое-какими комнатными увеселеніями. Такое же неудовольствіе, по случаю продолжавшагося холоднаго ненастья и безпрерывнаго дождя, имѣли мы и въ послѣдующій за симъ Духовъ день. Въ оный обѣдали всѣ мы и весь провели у брата зятя моего Михайла Ивановича, куда подъѣхалъ къ намъ изъ Тулы и зять мой Шишковъ; но во весь день не можно было никому и глазъ своихъ показать изъ хоромъ.

Но на другой день послѣ сего, къ удовольствію нашему, погода поперемѣнилась, и тогда не стали мы долѣе медлить и пустились съ утра въ путь свой. И какъ у насъ положено было въ Тулѣ неостанавливаться, то, покормивъ лошадей въ Лутовиновѣ, проѣхали мы ее проѣздомъ и, пустившись по веневской дорогѣ, поспѣли къ вечеру въ Крюковку, жилище меньшаго зятя тетки Матрены Васильевны, Льва Савича Крюкова, гдѣ еще впервыя случилось и самому мнѣ тогда быть.

Хозяева вмѣстѣ съ случившеюся тутъ быть теткою Матреною Васильевною были намъ очень ради и угостили насъ ужиномъ, а въ послѣдующій день обѣдомъ; но послѣ онаго не стали мы долго медлить, но, продолжая свой путь въ Ѳедешово, заѣзжали на дорогѣ къ Ольгѣ Ивановной Крюковой и, посидѣвъ у ней, къ вечеру пріѣхали къ нашимъ роднымъ Кислинскимъ, гдѣ нашли женившагося только тогда племянника ихъ, Александра Степановича Крюкова, съ молодою его женою.

Какъ я въ сей сторонѣ не былъ уже цѣлыхъ два года, то всѣ были намъ очень ради, у кого намъ ни случилось тогда тутъ быть; ибо мы, отобѣдавши на другой день у Василья Ивановича Кислинскаго, ѣздили въ Хвошню къ Егору Михайловичу Крюкову, а отъ него въ Каменку—къ Аннѣ Васильевнѣ Крюковой, сестрѣ тетки Матрены Васильевны, а отъ

нее заѣхали въ Архангельское къ Александру Степановичу, у котораго и ужинали и вкупѣ отъ сдѣлавшагося опять превеликаго холода въ прахъ перезябли. У него нашли мы и сына Дмитрія Васильевича, Александра Дмитріевича Арсеньева, и г. Филимонова. А какъ подъѣхали туда же и наши Кислинскіе, то ужинъ былъ многолюденъ, но за холодомъ не весьма намъ всѣмъ пріятный; ночевать же возвратились вмѣстѣ съ хозяевами въ Ѳедешово. На утріе ранёхонько пустились въ дальнѣйшій путь, и какъ ни дурно было намъ ѣхать по большой и грязной дорогѣ, но успѣли къ обѣду поспѣть въ свое Двоaccess Двоpениново, гдѣ приготовленный обѣдъ насъ уже дожидался.

Не успѣли мы пріѣхать, какъ, къ особливому удовольствію нашему, погода перемѣнилась и какъ бы нарочно для нашего пріѣзда изъ прежней холодной превратиться (sic) въ ясную и теплую, чрезъ что и сдѣлалось мнѣ возможнымъ обходить съ зятемъ и сыномъ моимъ всю свою усадьбу и показать первому и сады свои и все прочее, и вмѣстѣ съ ними полюбоваться тогдашнимъ красотамъ натуры, такъ обильно по всей моей усадьбѣ повсюду разсѣяннымъ.

Въ послѣдующій за нимъ 3-й день іюня, между продолжаемыми прогулками и увеселеніями садами моими, принялись мы за разныя дѣла и работы, наняли плотниковъ за 39 рублей рубить на хребтѣ горы большую нашу и нынѣ еще стоящую бесѣдку, храмъ удовольствія; придѣлали къ готовой уже бесѣдкѣ всходъ, пили въ оной чай, обновили, бывши на елевой полянкѣ, полукаменныя канапе, ходили опять гулять, веселились красотами натуры, а особливо наиприятнѣйшимъ тогда майскимъ вечеромъ, который и подалъ мнѣ поводъ къ сочиненію потомъ нижеслѣдующей пѣсни къ вечеру на горѣ и изобразить въ ней то, что мы тогда видѣли и чувствовали. Почему для достопамятности и помѣщу оную здѣсь.

Вечеръ на горѣ Авенезерѣ.

О! гора моя драгая,
Многомилая гора!
Ахъ! коликой я обязанъ
Благодарностью къ тебѣ.

. . . .

Возвращаясь теперь къ прерванной нити моего повѣствованія, скажу, что въ послѣдующій за симъ день, случившійся воскреснымъ, ѣздили мы всѣ къ обѣдни въ нашу деревенскую церковь и, угостивъ у себя обѣдомъ нашего приходскаго попа и дьякона, поѣхали всѣ въ наше Калитино. Деревенька сія или паче часть ея, принадлежавшая мнѣ, была маленькая, неимѣвшая въ себѣ тогда и 30 моихъ душъ, но, по близости своей къ Двоpенинову, весьма для меня нужная и въ особливости достопамятная для меня тѣмъ, что была нѣкогда мирнымъ обиталищемъ прадѣда и прапрадѣда моего съ матерней стороны. Самая покойная мать моя воспитывалась въ селеніи семъ, въ домѣ своего дѣда, а потому и любила оное до конца своей жизни и нерѣдко ѣзжала въ нее со мною во время малолѣтства моего. Я и понынѣ еще помню, какъ праздновали мы съ нею ежегодно селенія сего осенній годовой праздникъ въ бывшихъ тамъ тогда еще небольшихъ старинныхъ хоромцахъ, и какъ въ саду съ высокихъ грушевыхъ деревъ отресали великое множество грушъ. Но въ сіе время не было въ ней уже ни хоромъ, ни господскаго двора, а были только садъ, прудъ, гумно и роща. Какъ она назначена была отъ насъ въ приданое нашей дочери Воронцовой, то и ѣздили въ сей разъ вмѣстѣ съ нею и ея мужемъ въ оную для отдачи ея имъ съ рукъ на руки во владѣніе. Признаюсь, что я разставался тогда съ сею деревенькою съ чувствительностію и сожалѣніемъ, а нынѣ еще того болѣе о томъ сожалѣю, что съ нею разстался и оной на вѣкъ лишился. Зятю моему не пошла она ни мало въ-прокъ: онъ принужденъ былъ обстоятельствами своими чрезъ немногіе годы послѣ того ее продать, и она досталась во владѣніе одно-

му выслужившемуся до офицерскаго чина подьячему Каширскому и претерпѣла потомъ особыя несчастія.

Въ послѣдующій день провели мы все утро и даже за-полдни въ скукѣ и досадѣ на случившееся ненастье, недозволявшее намъ никуда выттить. Но какъ передъ вечеромъ поразведрилось, то ходили мы въ сады и при насъ въ сей день заложили большую бесѣдку на горѣ и начали строить; а я затѣвалъ многое кое-что иное современемъ сдѣлать и дѣлалъ къ тому приготовленія. Съ такимъ же неудовольствіемъ провели мы всю первую половину и послѣдующаго дня по случаю бывшаго опять и сильнаго дождя. Но какъ послѣ обѣда поразведрилось, то спѣшилъ я кое-что въ саду моемъ сдѣлать и особливо насадить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, для сгущенія лѣсныхъ кулигъ, дикія деревья. А между тѣмъ опять по всѣмъ садамъ гуляли и веселились красотами натуры, а особливо внизу, гдѣ мы въ прудочкахъ своихъ ловили рыбу и утѣшались карпіями, угощали приходившаго къ намъ Андрея Михайловича у себя ужиномъ и провели вечеръ сей пріятно. А въ послѣдующій за симъ день, провожденный мною въ множествѣ мелкихъ работъ, звалъ онъ насъ послѣ обѣда къ себѣ пить чай, а оттуда всѣ наши молодцы ѣздили прогуливаться верхами къ Ченцову, а боярыни угощали пріѣзжавшую къ намъ крестницу мою госпожу Рудневу изъ Полозова. Итакъ, и въ сей день всѣ мы довольно повеселились.

Въ наступившій за симъ и седьмой уже день пребыванія нашего въ деревнѣ проводили мы отъ себя новыхъ родныхъ своихъ Воронцовыхъ, поѣхавшихъ во-свояси. А мы, оставшись еще на нѣсколько дней, продолжали въ садахъ кое-какія небольшія работы, дѣлали разныя распоряженія, ѣздили вмѣстѣ съ сыномъ осматривать всѣ наши лѣса, видѣлись еще и не одинъ разъ съ Андреемъ Михайловичемъ, говорили съ нимъ о размѣнѣ кое-гдѣ землями и, я получилъ впервыя мысль о построеніи скотнаго двора на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоитъ нынѣ и о перенесеніи онаго съ нынѣшняго людскаго огорода, гдѣ онъ до сего времени находился.

Наконецъ, въ десятый день по пріѣздѣ своемъ въ деревню собрались и позавтракавъ поѣхали и мы всѣ въ обратный путь, разставшись съ деревенскимъ своимъ обиталищемъ не безъ сожалѣнія; оное становилось намъ какъ-то часъ-отъ-часу интереснѣе и милѣе, особливо съ того времени, какъ стали мы сады свои украшать и приводить ихъ въ лучшее состояніе.

На семъ обратномъ пути не заѣзжали мы уже къ роднымъ нашимъ Кислинскимъ, а проѣхавъ большою дорогою и пообѣдавъ въ Тележенкѣ, заѣхали ночевать къ пріятелю моему Ивану Васильевичу Хомякову, но его и жены его не застали дома, а была только старушка мать его дома, у которой переночевавъ, пустились мы далѣе и опять въ Тулѣ не останавливались, а покормивъ на Упской гати лошадей, доѣхали въ тотъ же день до Ламокъ, гдѣ и нашли всѣхъ своихъ родныхъ въ собраніи и благополучными.

Симъ образомъ кончили мы въ сей разъ кратковременное свое путешествіе, которое при обратной ѣздѣ было намъ какъ-то очень неудачно. По случившейся на дорогахъ отъ бывшихъ дождей грязи, лошади намъ иныя поизмѣнили, и мы поразбросали на дорогѣ и повозки, и людей, а сверхъ того имѣли и другія кое-какія досады и неудовольствія, и ради, ради были, что наконецъ кое-какъ дотащились до мѣста.

Въ Ламкахъ, въ гостяхъ у зятя и дочери моей, были мы въ сей разъ недолго и поспѣшая добраться до Богородицка, на другой же день отъ нихъ туда поѣхали, гдѣ имѣлъ я удовольствіе найтить все въ порядкѣ и устройствѣ.

А симъ и окончу я сіе письмо, сказавъ вамъ, что я есмь все тотъ же, то есть вашъ, и прочее.

(Декабря 24 дня 1813 года. Въ Двориниковѣ).

Письмо 294.

Любезный пріятель! Въ Богородицкъ возвратился я 13 іюня, гдѣ, принявшись за всѣ прежнія свои упражненія, и не видѣлъ почти, находясь въ безпрерывныхъ занятіяхъ и работахъ, какъ прошли всѣ достальные дни сего мѣсяца. Въ теченіи оныхъ наидостопамятнѣйшимъ было также то, что я приступилъ, наконецъ, къ давно уже замышляемому новому и хотя въ чужихъ земляхъ славящемуся, но у насъ въ Россіи еще неизвѣстному и невиданному битому изъ сухой земли земляному строенію. Побужденіемъ къ тому были полученныя мною изъ Москвы о семъ земляномъ зданіи книжки, о которыхъ имѣлъ я уже случай упоминать прежде, а съ другой стороны—желаніе намѣстника и самой жены его, чтобъ я учинилъ тому опытъ. А какъ и самому мнѣ весьма хотѣлось видѣть точно-ль все то справедливо, что въ помянутыхъ книжкахъ въ похвалу онаго и удобности сего строенія было писано, то съ нетерпѣніемъ дожидался я самаго сухаго и жаркаго годоваго времени, какъ наиудобнѣйшаго въ производству онаго. И какъ у меня ни въ плотникахъ, ни въ столярахъ, ни въ лѣсѣ, нужномъ для сдѣланія всей нужной къ тому сбруи, описанной въ подробности и рисунками изображенной въ книжкахъ, недостатка не было, то и изготовилъ я къ сему времени всѣ оныя, соображаясь въ точности съ рисунками; и по начатіи онаго надѣялся, что мнѣ ни въ чемъ не будетъ остановки, поелику казалось, что всё-и-всё описано было въ книжкахъ въ самой подробности. Но не успѣлъ я приступить къ самому дѣлу, какъ тотчасъ увидѣлъ, что я въ ожиданіи своемъ жестоко обманулся и что въ сочиненіи семъ весьма о многомъ было совсѣмъ умолчано и едва-ли десятая только часть изъ всего того упомянута, о чемъ бы въ пользу хотящихъ производить строенія сіи въ практикѣ упомянуть надлежало. Словомъ, я нашелъ и въ сочиненіи такой же недостатокъ, какъ во многихъ другихъ сочиненіяхъ иностранныхъ, а особливо экономическихъ, а именно, что господа сочинители ихъ схватываютъ иногда однѣ только верхушки и въ самую подробность и существо дѣло далеко не входятъ, чему и причиною бываетъ обыкновенно то, что весьма многіе дѣлаемые по наставленіямъ ихъ опыты бываютъ неудачны; что самое случилось-было и со мною при семъ новомъ дѣлѣ. Не успѣлъ я приступить къ оному, какъ и начали со мною встрѣчаться совсѣмъ непредвидѣнныя и такія затрудненія, что я не зналъ что дѣлать и тщетно искалъ въ книжкахъ сихъ на недоумѣнія мои разрѣшенія. Въ сей крайности другаго мнѣ не оставалось, какъ самому уже придумывать и мало-по-малу добираться до того, о чемъ не было совсѣмъ упоминаемо. И какъ затрудненія сіи относились не только до самого производства сей работы но до самыхъ инструментовъ и разной сбруи, къ тому принадлежащей, то стоило мнѣ не малаго труда и многихъ хлопотъ, покуда я до всего нужнаго добрался и могъ начать и производить сію работу съ желаемымъ успѣхомъ. Я на первый случай и для опыта расположился построить простую только избу, съ двумя красными окошками; и чтобъ ближе было мнѣ ходить для надсматриванія и указыванія работникамъ какъ сію работу производить, то избралъ подъ зданіе сіе мѣсто въ собственномъ своемъ садикѣ; и могу сказать, что работа сія доставляла мнѣ сколько съ одной стороны множество хлопотъ, столько съ другой—множество и минутъ пріятныхъ, а особливо при открытіи первыхъ ящиковъ и отдѣланныхъ частей земляныхъ стѣнъ, ни кѣмъ еще невиданныхъ.

Далѣе достопамятно, что во время производства сей работы случилось два раза проѣзжать чрезъ нашъ городъ одному изъ нашихъ бояръ, а именно князю Павлу Петровичу Щербатову съ женою, своею сестрою и племянникомъ. Они квартировали у насъ во дворцѣ и угощаемы были мною, по обыкновенію, прогулками по садамъ нашимъ и всѣмъ прочимъ. И какъ между прочимъ водилъ я ихъ и на сіе

мое новое строеніе и оное имъ показывалъ, то оное князю сему такъ полюбилось, что онъ выпросилъ у меня кусочикъ сбитой земли для показа въ Петербургѣ, куда онъ при вторичномъ проѣздѣ отъ насъ поѣхалъ.

Послѣдніе дни сего мѣсяца провели мы въ Ламкахъ по случаю празднованія затемъ моимъ дня именинъ его, въ которыя и въ сей годъ было у него многое множество гостей, какъ родныхъ, такъ и постороннихъ, и мы прогостили тамъ дня три и провели время сіе съ особеннымъ удовольствіемъ. Первые дни іюля мѣсяца провели мы въ разъѣздахъ по гостямъ въ Епифанскомъ уѣздѣ; были въ первый разъ въ домѣ у Григорова, Николая Сергѣевича, и у него обѣдали, и который намъ былъ очень радъ; были у Албычева, Михайла Ивановича, у сего мы ночевали и обѣдали; отъ него ѣздили къ г-жѣ Бакуниной, а отъ сей заѣзжали къ г. Пестову, Дмитрію Михайловичу; а по возвращеніи изъ сего разъѣзда, начали готовиться къ нашей годовой ярмонкѣ.

Сія была у насъ въ сей годъ дождливая и грязная, но народу было довольно, а особливо съѣхавшагося обоего пола дворянства. Сихъ было такое множество, что мнѣ, игравшему опять первое лицо въ городѣ, всѣхъ съѣхавшихся ко мнѣ отъ обѣдни однѣхъ барынь помѣстить было почти негдѣ, и у насъ ихъ болѣе 30 обѣдало. Мущинъ же угощалъ у себя откупщикъ нашъ Хомяковъ на своей квартерѣ. Но какъ сіи всѣ къ вечеру ко мнѣ съѣхались, то набралась такая толпа, что и сѣсть почти было негдѣ. Однако, мы провели сей день хотя со многими хлопотами, но довольно весело и ярмонка наша и въ сей годъ прошла у насъ съ миромъ.

Наступившая за симъ дурная, холодная и почти съ ежедневными дождями погода мѣшала мнѣ много въ продолженіи начатой работы землянаго зданія, и я принужденъ былъ заготовленную къ тому сѣрую землю сберегать отъ дождей подъ разбитымъ палаточнымъ наметомъ, и отдѣланныя стѣны укрывать отъ дождей лубками и досками. Однако, не смотря на то, продолжалась она во все теченіе іюля мѣсяца съ довольнымъ успѣхомъ. Что касается до моего сына, то сему удалось съѣздить опять на короткое время въ наше Дворениново и тамъ заставить при себѣ развить многія яблони окулаціонными прививками.

Вскорѣ по возвращеніи его изъ сей поѣздки собрались всѣ мы и поѣхали въ дальнія гости и такія мѣста, гдѣ никому изъ насъ бывать еще не случалось, а именно въ Одоевскій уѣздъ, къ зятю меньшаго зятя моего Воронцова, Николаю Сергѣевичу Жданову, убѣждавшему насъ давно посѣтить его въ тамошнемъ его обиталищѣ. Въ сей путь отправились мы 24 числа сборнымъ дѣломъ, ибо вмѣстѣ съ нами ѣздили туда и оба зятья мои. Поѣхавши изъ Богородицка, заѣзжали мы сперва къ г. Кирееву, Александру Григорьевичу отъ него проѣхали къ г. Шушерину и у него ночевали; отъ него поѣхали мы въ Головнино и тамъ видѣлись съ обоими братьями зятя моего, гуляли по садамъ и ночевали. А отсюда уже цѣлымъ обозомъ пустились въ Крапивну и, ѣдучи туда, кормили лошадей на Сатнинскомъ желѣзномъ заводѣ. Въ Крапивнѣ-жъ заѣзжали къ В. И. Крюкову и отъ него пробрались уже въ Одоевскій уѣздъ, въ Баландино, гдѣ г. Ждановъ имѣлъ свое жительство.

Сей былъ намъ очень радъ и старался угостить насъ какъ можно лучше. Мы прогостили у него двое сутокъ, изъ которыхъ въ послѣднія ѣздили вмѣстѣ съ нимъ обѣдать къ другу и недальнему сосѣду его Василію Петровичу Колычеву, человѣку умному, любопытному, ученому, ласковому, богатому, имѣющему прекрасный характеръ и давно добивавшемуся меня видѣть и со мною, знакомымъ ему давно по моимъ сочиненіямъ, лично познакомиться. Будучи не въ состояніи, за кашлемъ, самъ пріѣхать къ намъ въ Баландино, присылалъ онъ къ намъ жену свою звать насъ къ себѣ обѣдать. Итакъ, мы къ нему ѣздили и

провели у него весь почти тотъ день, будучи крайне довольны его ласкою и угощеніемъ. Онъ жилъ верстъ 8 отъ г. Жданова и имѣлъ прекрасное село, сидящее на берегу рѣки Упы въ романтическомъ положеніи. Я нашолъ у него все со вкусомъ устроенное и расположенное и не могъ довольно съ нимъ обо всемъ наговориться и разстался съ нимъ, сдѣлавшись съ нимъ хорошимъ пріятелемъ. Но, увы! знакомство сіе, которому былъ я очень радъ, продолжалось недолго! Смертельная болѣзнь вскорѣ послѣ того похитила его изъ среды живыхъ въ цвѣтущихъ еще лѣтахъ жизни, и мнѣ не удалось его болѣе уже видѣть. На другой день послѣ сего отправились мы въ обратный путь, а вмѣстѣ съ возвращеніемъ нашимъ кончился и іюль мѣсяцъ.

Начало мѣсяца августа ознаменовалось у насъ большимъ, и болѣе недѣли продолжавшимся ненастьемъ, отбившимъ насъ отъ всѣхъ работъ. Но мнѣ удалось препроводить сіе время очень нескучно. Предъ самымъ симъ ненастьемъ пріѣхалъ къ намъ въ гости изъ Тулы г. Покровскій, тотъ ученый и нами любимый человѣкъ, о которомъ упоминалъ я прежде. Мы ему очень были ради. И какъ онъ прогостилъ у насъ почти съ недѣлю, то и были у насъ съ нимъ, съ сыномъ моимъ и отцемъ Ѳедотомъ ежедневныя ученыя бесѣды и любопытныя занятія, которыя для всѣхъ насъ такъ были пріятны, что мы и не видѣли почти какъ прошла сія скучная недѣля. Но ненастье наше и ежедневные почти дожди не хотѣли переставать и послѣ и до того насъ довели, что мы принуждены были молиться о вёдрѣ и не прежде дождались перемѣны погоды, какъ уже предъ концемъ сего мѣсяца. Для меня дурная и мокрая сія погода была тѣмъ непріятнѣе, что мнѣ мѣшала невѣдомо-какъ въ производствѣ моей работы. Однако, мы ущипками и урывками успѣли ее въ теченіи сего мѣсяца вчернѣ кончить, а я сверхъ того—написать цѣлую почти книжку, содержащую въ себѣ замѣчанія объ оной и обо всѣхъ моихъ вновь придуманныхъ средствахъ и способахъ къ удобнѣйшему производству оной.

Но прежде окончанія сего мѣсяца долженъ я былъ угощать у себя еще одного неожиданнаго и знаменитаго гостя, а именно архіерея нашего Аѳанасія, проѣзжавшаго чрезъ Богородицкъ въ Чернской уѣздъ, для освященія новопостроенной церкви въ селѣ у г. Арсеньева, Александра Ивановича. Сему богатому тамошнему помѣщику восхотѣлось неотмѣнно, чтобъ освятилъ прекрасную его церковь самъ архіерей. И какъ сей далъ ему слово пріѣхать, то г. Арсеньевъ и прискакалъ къ намъ въ Богородицкъ для встрѣчи его и препровожденія къ себѣ въ село. Мы не прежде о томъ узнали какъ часа за четыре до его пріѣзда, и когда г. Арсеньевъ вмѣстѣ съ нашимъ городничимъ пріѣхали ко мнѣ съ увѣдомленіемъ о томъ, что архіерей будетъ. Я смутился тѣмъ невѣдомо-какъ и едва имѣлъ время приготовить ему во дворцѣ квартеру и у себя въ домѣ обѣдъ. По счастію, пріѣхалъ онъ не прежде, какъ въ третьемъ часу по-полудни и потому мы успѣли все нужное приготовить. Онъ проѣхалъ прямо во дворецъ, гдѣ всѣ его встрѣтили, но оттуда препроводили мы его ко мнѣ въ домъ. Тутъ до обѣда разсматривали мы съ нимъ микроскопъ и я занялъ его многими по сему предмету разговорами и угостилъ его потомъ обѣдомъ а послѣ обѣда водилъ я его на свое земляное строеніе и заговорилъ его до того, что онъ пробылъ у насъ до самаго вечера и покуда зажгли свѣчи,—такъ любопытенъ былъ онъ все узнать и слышать. Но тогда встрепулись они, что уже поздно и что пора имъ въ путь свой ѣхать, въ который и отправились въ ночь, приступивъ напередъ ко мнѣ съ усиленнѣйшими просьбами, чтобъ и я ѣхалъ съ ними; и просьбы сіи были столь убѣдительны, что хотя мнѣ и очень не хотѣлось туда ѣхать, но принужденъ былъ дать имъ слово желаніе ихъ исполнить.

Итакъ, въ послѣдующій за симъ день собрались мы съ сыномъ и съ-утра въ сей путь пустились, отправивъ напередъ

лошадей на половину дороги на подставу; ибо жилище г. Арсеньева было отъ насъ не близко и безъ мала верстъ за 80-ть. Пріѣхавши въ послѣднее село Верхоупье, на-силу мы могли найтить знающаго туда дорогу и могущаго вамъ быть проводникомъ, и по сему обстоятельству пробыли въ немъ часа два. Тутъ услышали мы, что архіерей въ семъ селѣ ночевалъ и былъ у царской панихиды, въ сей день отправляемой, ибо было сіе 29 августа. Поѣхавши изъ села сего, ѣхали мы очень долго; и какъ проводникъ нашъ и самъ хорошо прямой дороги не зналъ, то провелъ онъ насъ на село Истленьево и Доробинъ Колодезь и не прежде привелъ насъ въ село Ивановское, гдѣ жилъ г. Арсеньевъ, какъ уже въ сумерки и по захожденіи уже солнца. И нашли тамъ превеликое уже собраніе съѣхавшихся со всѣхъ сторонъ гостей. Вся большая его зала была ими усажена. Многіе изъ нихъ были мнѣ знакомые люди, а многихъ никогда еще я не видывалъ. Вечеромъ ходили мы въ церковь, великолѣпно украшенную хозяиномъ, и любовались архитектурою и всѣми внутренними украшеніями. Но всенощную слушали мы въ комнатахъ у архіерея, который очень доволенъ былъ тѣмъ, что я послушался его и пріѣхалъ. Потомъ весь вечеръ прошолъ у насъ въ познакомливаніяхъ другъ съ другомъ и рекомендаціяхъ, а потомъ мы ужинали и разошлись спать. Всѣмъ намъ лучшимъ людямъ отведены были въ огромномъ его домѣ особыя комнаты на антресоляхъ. Архіерей имѣлъ также особыя для себя комнаты, и все въ домѣ дожидалось а готовилось къ утреннему торжеству, и народа было вездѣ великое множество.

Торжество сіе и воспослѣдовало на другой день, и освященіе церкви было прямо пышное и великолѣпное при присутствіи многочисленнаго со всѣхъ сторонъ съѣхавшагося народа, въ числѣ котораго однихъ благородныхъ было болѣе пятидесяти человѣкъ. Какъ церковь построена была на улицѣ предъ домомъ и въ недальнемъ отъ него разстояніи, то архіерей изъ онаго до церкви шелъ пѣшкомъ съ обыкновенною въ такихъ случаяхъ духовною процессіею. Оба придѣла освящены были уже до его прихода, а онъ самъ освящалъ только главную церковь съ обыкновенными въ такихъ случаяхъ пышными обрядами, и по освященіи говорилъ рѣчь и служилъ молебенъ, а во время обѣдни посвящалъ одного дьякона въ попы. Служба сія продлилась до втораго часа и кончилась пушечною стрѣльбою и отшествіемъ архіерея такою же процессіею въ домъ къ хозяину. Тутъ готовъ былъ уже обѣденный и превеликій столъ въ залѣ, впродолженіе котораго играла на хорахъ музыка, а при питіи здоровья производилась пушечная пальба. Кушапьевъ было хотя довольно, но, по причинѣ, что столъ былъ постный и недостатка въ рыбахъ, не слишкомъ изобильной; однако, удалось хозяину гдѣ-то достать живаго и довольной величины осетра, котораго мы всего съѣли, имѣвъ напередъ въ первый разъ въ жизни удовольствіе видѣть живаго осетра и ѣсть его прямо изъ воды разнообразно приготовленнаго. Послѣ обѣда угощаемы мы были дезертомъ и ананасами, и занялись съ архимандритомъ и игумномъ Агапитомъ разными любопытными и важными философическими разговорами. Сими привлекъ я къ себѣ отъ всѣхъ особенное уваженіе, а особливо полюбилъ меня архимандритъ Іоаннъ, а не менѣе и я его. Былъ онъ человѣкъ очень хорошій, ученый, знающій и любопытный и добраго характера, и мы не могли съ нимъ довольно наговориться. По наступленіи вечера сожженъ былъ предъ домомъ прекрасный фейерверкъ, стоющій болѣе трехъ сотъ рублей, и всѣ съ удовольствіемъ его смотрѣли, но, къ сожалѣнію, за случившимся тогда великимъ холодомъ, принуждены были всѣ смотрѣть оное изъ оконъ дома. Между разнообразными потѣшными фигурками былъ даже и фамильный щитъ, который зажженъ былъ пущеннымъ изъ дома голубемъ. Однимъ словомъ, все шло и было хорошо, порядочно, и послѣ всего

былъ уживъ и все кончилось мирно, тихо и пріятно.

На утріе хотѣлъ-было я ѣхать домой, но сдѣлавшееся превеликое ненастье и стужа прогоняла къ тому охоту, а убѣжденія и просьбы хозяина принудили меня остаться у него и на сей день, чѣмъ я послѣ былъ и доволенъ; ибо чрезъ то не упустилъ воспользоваться самымъ лучшимъ праздникомъ и особенно веселымъ въ сей день вечеромъ. Какъ большая часть гостей поразъѣхалась и осталось уже поменьше, то въ сей день все утро занимались мы съ прекрасною хозяйкою электрическою машиною, а потомъ микроскопическими увеселеніями, при чемъ удалось мнѣ блеснуть своими знаніями, а потомъ разными разговорами, въ которыхъ какъ до обѣда такъ и послѣ обѣда провели мы время свое очень весело. Въ вечеру же вздумалось ласковому и добродушному хозяину попотчивать архіерея и всѣхъ разными дорогими винами и напитками и сдѣлать праздникъ и торжество сіе повеселѣе. Собраны были всѣ пѣвчіе и музыканты и началась игра, пѣніе и распѣваніе разнообразное, и было прямо весело и хорошо. Архіерей со мною очень подружился, а отецъ архимандритъ того еще больше; и какихъ-и-какихъ и о чемъ и о чемъ ни было у насъ съ ними разговоровъ! Были философическіе, были богословскіе, были веселые, шуточные и всякіе и всякіе. Наконецъ, преосвященный дозволилъ намъ даже протанцовать польскій, и мы провеселились даже за полночь; а хозяинъ, между тѣмъ, такъ былъ тивъ на напитки, что всѣ гости даже подгуляли, и я самъ былъ почти навеселѣ. Словомъ, вечеръ сей для всѣхъ былъ прямо веселый и пріятный, и мы легли спать въ три часа уже за-полночь. Но симъ уже и кончилось все торжество, и мы на утріе, напившись чаю и распрощавшись съ архіереемъ и со всѣми, поѣхали съ сыномъ домой, и возвратились къ своимъ къ ужину.

Непосредственно за возвращеніемъ нашимъ въ Богородицкъ, огорчены мы всѣмъ домомъ были полученнымъ извѣстіемъ, что единственный сынъ тетки Матрены Васильевны, а жены моей двоюродный братъ Петръ Андреевичъ Арцыбышевъ, служившій въ артиллеріи въ арміи и находившійся тогда въ бунтующей и неспокойной Польшѣ, убитъ былъ поляками при случаѣ везенія къ арміи понтоновъ. Партія бездѣльниковъ-конфедератовъ напала на него, ѣхавшаго съ понтонами безъ всякаго прикрытія и опасности, и изрубила его и многихъ другихъ съ нимъ бывшихъ. Извѣстіе сіе привезли къ намъ бывшіе съ нимъ люди, которымъ посчастливилось спастись отъ безмозглыхъ полячишекъ, и не только насъ онымъ огорчили, но привели и въ превеликое недоумѣніе о томъ, какъ намъ сообщить извѣстіе сіе его матери. Она находилась тогда въ Ефремовской своей деревнѣ и ничего о томъ не вѣдала. Ни кому изъ всѣхъ его родныхъ не хотѣлось принять на себя сію печальную и щекотливую коммиссію, и всѣ боялись, чтобъ извѣстіе сіе не поразило любившую его до крайности мать смертельнымъ ударомъ, и всѣ, а особливо случившійся у насъ въ самое сіе время меньшой зять ея Левъ Савичъ Крюковъ, приступили ко мнѣ съ просьбою, чтобъ коммиссію сію восиріялъ на себя я и нарочно бы для того къ нимъ въ Ефремовскую деревню съѣздилъ. Долгъ родства и надѣяніе, что, можетъ быть удастся мнѣ сколько-нибудь лучше сіе дѣло исправить, нежели кому другому, принудилъ меня на сіе согласиться. Итакъ, недолго думая и взявъ съ собою сына и для всякаго случая нашего лѣкаря, и пустился я 6 сентября въ сіе путешествіе на лошадяхъ перемѣнныхъ. Жилище ея было хотя за Ефремовомъ и отъ насъ не близко, но мы ѣхали такъ скоро, что въ тотъ же день въ сумерки успѣли къ ней пріѣхать. Она, любя и уважая меня, искренно была намъ очень рада и такъ весела, что мнѣ жаль было спокойствіе духа ея въ тотъ же день нарушить. Но въ послѣдующій за симъ день надобно было уже приступить къ дѣлу. Я учинилъ сіе не прежде какъ пре-

дуготовивъ ее къ тому важными нравственными разговорами, и мнѣ удалось такъ хорошо расположить душу ея къ перенесенію столь горестнаго и поразительнаго извѣстія и я сообщилъ ей оное такъ, что она перенесла оное гораздо великодушнѣе и съ множайшимъ мужествомъ, нежели мы думали и ожидали, и такъ, что въ вспоможеніи лѣкарскомъ не было ни малѣйшей нужды, а только пустилъ онъ ей кровь для предосторожности отъ могущихъ быть послѣ послѣдствій непріятныхъ. Тетка не отпустила меня ни въ сей, ни въ послѣдующій день отъ себя и была мнѣ очень благодарна, что я воспріялъ на себя для нея трудъ, съ сею ѣздою сопряженный, не смотря, что самъ въ сіе время страдалъ кашлемъ и простудою, и увѣряла, что еслибъ не я, а кто иной ей о томъ сказалъ, то никакъ бы она того не перенесла съ такимъ успѣхомъ.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Богородицкъ, получилъ я отъ намѣстника увѣдомленіе, что онъ намѣренъ къ намъ вскорѣ пріѣхать. Сіе побудило меня употребить наивозможнѣйшее стараніе къ скорѣйшему окончанію моего землянаго зданія. Въономъ былъ уже около сего времени помощенъ полъ и потолокъ, а сверху покрыто было оно соломенною сноповою кровлею, а стѣны снаружи щекатурили и раскрашивали разными красками, а внутри клали уже въ немъ печь. Итакъ, началъ я всѣхъ мастеровыхъ турить и принуждать къ скорѣйшему всего окончанію, и они и попроворили такъ, что оное за нѣсколько еще дней до пріѣзда намѣстникова и поспѣло совершенно, и вышло изъ подъ рукъ мастеровыхъ такъ хорошо, что всѣ не могли имъ довольно налюбоваться.

Намѣстникъ какъ ни обѣщалъ къ намъ въ скорости пріѣхать, однако, мы принуждены были его нѣсколько дней дожидаться, и не прежде какъ уже 19 сентября получили вѣрное и со всѣхъ сторонъ извѣстіе, что онъ въ сей день будетъ обѣдать въ Дѣдиловѣ, а оттуда заѣдетъ ко мнѣ на часокъ посмотрѣть землянаго моего зданія и проѣдетъ ночевать въ наше волостное село Іевлево, куда прошла уже его и охота. Итакъ, начали мы все готовить къ его пріѣзду и я почти безвыходно былъ въ своемъ новомъ зданіи и, изготовивъ все, ждалъ его во весь день; но онъ не прежде къ намъ пріѣхалъ, какъ уже въ самыя сумерки, и едва могъ успѣть осмотрѣть мое зданіе и все заведеніе и удостоить оное своею похвалою. Мы осматривали оное хоть уже со свѣчами, однако, мнѣ удалось успѣть показать ему все, и намѣстникъ былъ всѣмъ очень доволенъ. Съ нимъ былъ тогда бригадиръ Петленьевъ старикъ Мансуровъ и Вельяминовъ Степанъ, все такіе же псовые охотники. Намѣстникъ зашолъ ко мнѣ въ домъ со всѣми ими, и я угостилъ ихъ чаемъ и чѣмъ Богъ послалъ, покуда перепрегали лошадей. Я расположился проводить его до Іевлева, и дѣйствительно поѣхалъ за ними. Но намѣстникъ, увидѣвъ меня въ городѣ, остановилъ и велѣлъ воротиться ночевать домой, а пріѣхать къ нимъ уже по-утру. Итакъ, я вечеръ проводилъ съ покоемъ дома и ночевалъ, а они въ самую темноту и съ фонарями поѣхали въ Іевлево.

На утріе не преминулъ я къ нимъ въ Іевлево явиться и, будучи принятъ намѣстникомъ очень ласково и хорошо, пробылъ съ ними тутъ до самаго того времени какъ они поѣхали въ поле. Втеченіе сего времени имѣлъ я случай насмотрѣться распутнаго полеваго житья и послушать всякаго и даже гнуснаго сквернословія отъ охотниковъ. И не могъ довольно надивиться, какъ намѣстникъ, будучи умнымъ, степеннымъ и наипорядочнѣйшимъ человѣкомъ, могъ терпѣть вокругъ себя такія нелѣпицы и вздоры, какіе производимы были господами охотниками. Но къ чему страсть довесть ни можетъ!

Проводивъ ихъ на охоту, возвратился я въ Богородицкъ и, между тѣмъ, какъ они рыскали за бѣдными зайцами по полямъ, занялся своими дѣлами. А на утріе поѣхалъ опять къ нимъ и, ѣдучи дорогою,

на досугѣ сочинялъ стихи, благодарственные къ Богу за рожденіе въ землѣ христіанской.

. . . .

Вотъ въ какихъ мысляхъ я занимался въ тѣ минуты, когда господа охотники продолжали еще куликать. Я засталъ ихъ въ томъ упражняющихся и самого намѣстника, только что проснувшагося и еще одѣвавшагося, съ которымъ мы тотчасъ вступили въ разговоры и о многомъ кое-о-чемъ поговорили; а потомъ ходили съ нимъ въ церковь и слушали молебенъ; послѣ чего позавтракавъ поѣхали они продолжать свое рысканье въ Рогачи, а я, проводивъ ихъ, возвратился въ Богородицкъ, куда въ самое то время пріѣхали съ превеликимъ обозомъ всѣ наши родные Кислинскіе, ѣхавшіе тогда къ теткѣ Матренѣ Васильевнѣ въ Ефремовъ, сколько для утѣшенія оной въ печали, столько-жъ и для раздѣла съ г. Крюковымъ всего доставшагося въ наслѣдство послѣ убитаго ихъ шурина имѣнія, сдѣлавшаго во всѣхъ обстоятельствахъ ихъ великую перемѣну.

Такимъ же образомъ ѣздилъ я по-утру и въ слѣдующій за симъ день къ намѣстнику въ Іевлево, но не одинъ, а въ сотоварищенствѣ съ зятемъ моимъ Шишковымъ, который ѣздилъ со мною для приглашенія намѣстника опять заѣхать къ нему на перепутье, что намѣстникъ ему и обѣщалъ, сказавъ притомъ, что онъ пріѣдетъ къ намъ въ этотъ день уже ночевать и болѣе ѣздить въ поле не будетъ. Съ симъ отпустили мы его на охоту, а сами поѣхали домой и чуть-было не принуждены были нѣсколько верстъ иттить пѣшкомъ, потерявъ гайку съ колеса изъ-подъ нашего экипажа; но, по счастію, усмотрѣли мы сіе еще благовременно и, не допустивъ колесу скочить съ оси и хотя не скоро, но пошедши назадъ, нашли гайку и могли далѣе продолжать путь свой. А пріѣхавши домой и приступилъ я тотчасъ къ нужнымъ для пріема и угощенія намѣстника приготовленіямъ, и было-таки мнѣ не безъ хлопотъ и не безъ досадъ при семъ случаѣ, а особливо на откупщика нашего, г. Хомякова, взявшагося-было угощать намѣстника и всю его свиту на свой коштъ и отъ себя, потомъ взвалившаго все сіе бремя на меня, и такъ поздно, что я едва-едва успѣлъ сдѣлать къ тому всѣ нужныя приготовленія.

Намѣстникъ и пріѣхалъ къ намъ дѣйствительно къ ночи, и согнала ихъ съ полей случившаяся около сего времени ненастная и холодная погода, по которой причинѣ отдумалъ онъ заѣзжать и къ зятю моему, а расположился ѣхать уже прямо на утріе въ Тулу, куда онъ по-утру на другой день и отправился. Я препроводилъ у него въ сей день все утро и много съ нимъ опять кое-о-чемъ въ его кабинетѣ говорилъ. А поѣхавши и не смотря на проливной дождь и превеликую грязь, не преминулъ заѣхать на минуту ко мнѣ посмотрѣть еще разъ моего землянаго зданія и всѣ мои по сему предмету начатые и производимые опыты, и хвалилъ весьма все видѣнное. Сбывъ съ рукъ своихъ сего знаменитаго гостя, принялся опять за прежнія мои дѣла и упражненія, и во всѣ достальные дни сего мѣсяца не произошло у насъ ничего чрезвычайнаго, кромѣ того, что мы съ сыномъ ѣздили къ зятю моему въ Головнино помогать ему образовать свой садъ и сдѣлать въ ономъ для рыбъ прудочки.

Съ наступившимъ непосредственно за симъ октябремъ мѣсяцемъ начались и хлопоты мои по рекрутскому набору, который, по случаю продолжавшейся у насъ съ Польшею войны, въ сіе время опять произвесть было велѣно; и я опять принужденъ былъ нѣсколько дней сряду безвыходно трудиться надъ разборомъ мужиковъ и выборомъ рекрутъ до поту лица своего. Наборы сіи всякой разъ доставляли мнѣ наискучнѣйшую работу, прибытка же отъ нихъ не имѣлъ, да и не хотѣлъ имѣть я ни малѣйшаго.

Между тѣмъ наступили наши фамильные праздники, которыми мѣсяцъ октябрь былъ такъ обиленъ, что мы прозвали его даже нашимъ фамильнымъ мѣсяцемъ; ибо въ 4-е число былъ день именинъ моего

сына, въ 5-е число—день именинъ новаго моего зятя Воронцова, который мы въ сей годъ праздновали у него въ Головнинѣ и ѣздили для сего случая нарочно туда, а 7 числа былъ день моего рожденія, съ которымъ начался пятьдесятъ седьмой годъ жизни моей; 17 числа былъ день именинъ моихъ. Но между симъ днемъ и днемъ моего рожденія случились событія, совсѣмъ мною неожиданныя и достойныя особливаго замѣчанія, потому что относились они до наклевыванія уже великой и важнѣйшей перемѣны въ моихъ обстоятельствахъ, долженствовавшей произойти въ непродолжительномъ времени.

Достопамятно, что еще въ самый день рожденія моего получилъ я такой отъ директора ордеръ, который, по странности и особливости своей, удивилъ насъ всѣхъ. Касался онъ до волостныхъ дѣлъ; но приказанія, прописанныя въ ономъ, были для всѣхъ для насъ столь удивительны и непостижимы, что я заблагоразсудилъ отправить нарочно въ Тулу разумнѣйшаго изъ моихъ секретарей и приказать ему порасспросить о томъ и о причинахъ такого почти нелѣпаго ордера директорскаго секретаря и съ нимъ о томъ посовѣтоваться. Но какъ же удивилъ и смутилъ меня сей мой посыланной, возвратясь дни чрезъ три изъ Тулы назадъ и привезя мнѣ извѣстіе, что не только онъ, но и самъ секретарь директорскій замѣчалъ съ самаго того времени, какъ ѣздившій симъ лѣтомъ директоръ нашъ въ Петербургъ оттуда возвратился, нѣкоторую въ немъ относительно до правленія волостными нашими дѣлами перемѣну; и, какъ казалось, начинаетъ какъ бы надъ нами во всемъ подыскиваться, и что для объясненія нѣкоторыхъ обстоятельствъ и для узнанія всего короче необходимо нужно мнѣ и немедля побывать въ Тулѣ.

Неожиданная задача сія была для меня тѣмъ непріятнѣе, что мнѣ отчасти для приближающагося дня моихъ именинъ, а наиболѣе для ненастнаго тогдашняго и холоднаго времени и крайне грязныхъ и дурныхъ дорогъ, ѣхать въ сей путь крайне не хотѣлось. Но какъ я самъ усматривалъ всю необходимую надобность сей ѣзды, то, оставивъ все и не взирая ни на что и даже на случившихся у меня тогда проѣзжихъ гостей, въ послѣдующій за симъ день въ сей путь пустился, выславъ напередъ въ Дѣдиловъ лошадей на подставу. И какъ ни холодно и ни грязно было ѣхать, но успѣлъ еще рано до Тулы добраться. Тутъ надѣялся я, приставъ опять у Пастухова, отъ натерпѣвшаго (sic) дорогою холода обогрѣться; но, къ умноженію досады моей, случилось такъ, что и у него въ домѣ всѣ печи были еще нетопленныя, и оттого обѣ комнаты, въ коихъ обыкновенно я квартировалъ, такъ холодны, что я даже дрожалъ отъ стужи и на-силу отогрѣлся уже чаемъ, которымъ добрый мой хозяинъ тотчасъ меня угостить постарался.

На утріе, вставъ поранѣе и одѣвшись, поѣхалъ я тотчасъ къ г. директору. Онъ нѣкоторымъ образомъ и поджидалъ меня уже къ себѣ и принялъ по-прежнему ни тепло, ни холодно, а обыкновеннымъ своимъ страннымъ манеромъ. И по вступленіи съ нимъ о волостныхъ нашихъ дѣлахъ въ разговоры, къ особливому изумленію своему, нашелъ его не только таковымъ же, какъ прежде, но гораздо еще болѣе во всемъ сомнѣвающагося, во всемъ недовѣряющаго и настоящаго копу-капальщика, и словомъ—несравненно еще худшимъ противъ прежняго, и такъ, что я во всѣ минуты пребыванія моего въ сей разъ у него мучился на него досадою и негодованіемъ и чувствовалъ превеликое неудовольствіе. Препроводивъ у него часа два и увидѣвъ, что онъ никуда не ѣдетъ, поѣхалъ я отъ него въ казенную полату, гдѣ нужно было мнѣ отдать рекрутскія квитанціи для зачета. Тутъ отыскивалъ меня присылаемый отъ г. Верещагина съ просьбою, чтобъ я къ нему пріѣхалъ; но я раздумалъ съѣздить напередъ къ намѣстнику, къ которому и ѣздилъ. Но какъ онъ въ самое сіе время занятъ былъ дѣлами и я пріѣхалъ слишкомъ рано, то поѣхалъ къ

Верещагину и просидѣлъ у него до перваго часа. При отъѣздѣ отъ него опять къ намѣстнику, привелъ меня г. Верещагинъ въ превеликое недоумѣніе нѣкоторыми словами. Онъ говорилъ мнѣ, что не сомнѣвается, что намѣстникъ будетъ говорить со мною обо мнѣ, ибо есть дѣльцо важное, но какое, того онъ мнѣ ни какъ не сказалъ, какъ я ни добивался до того; почему не зналъ я, что̀ о семъ думать.

Намѣстникъ принялъ меня очень ласково, а намѣстница того паче и лучше. Я у нихъ обѣдалъ и просидѣлъ почти до вечера, дожидавшись не будутъ-ли они чего говорить; но, не могши того никакъ дождаться, принужденъ былъ отъ нихъ ѣхать и поѣхалъ опять къ Верещагину, ибо сей просилъ меня пріѣхать опять къ нему, ежели намѣстникъ мнѣ ничего не скажетъ, и обѣщалъ мнѣ тогда сказать и показать письмо о томъ дѣлѣ. Онъ и сдержалъ свое слово и пересказалъ мнѣ что̀ зналъ. Тутъ, къ крайнему моему изумленію, узналъ я, что дѣло состояло не въ бездѣлкѣ и не менѣе какъ въ томъ, что директоръ нашъ, будучи въ Петербургѣ, всячески прискивалъ и добивался сдѣлаться полнымъ и самовластнымъ командиромъ надъ нашими волостями и уступалъ даже свое директорское мѣсто другимъ, а самому ему—чтобъ жить въ Богородицкѣ, обѣщая сдѣлать пріумноженіе доходовъ, и что сіе хотя еще не сдѣлано, а сдѣлать ему обѣщали. Легко можно заключить, что увѣдомленіе о семъ въ состояніи было смутить во мнѣ весь мой духъ; ибо послѣдствіемъ, могущимъ отъ сего проистечь, долженствовало натурально мѣсто, занимаемое мною столь многіе годы, съ толикою для меня выгодою и похвалою, сдѣлаться сумнительнымъ и безнадежнымъ. Извѣстіе сіе казалось мнѣ тѣмъ вѣроятнѣе, что я, сообразуя съ симъ поступки директоровы и по нѣкоторымъ его замѣткамъ, находилъ тому подтвержденіе и, возвратясь отъ Верещагина на квартеру, весь вечеръ о томъ продумалъ.

На утріе, одѣвшись и поѣхавши къ намѣстнику, заѣхалъ я напередъ къ князю Оболенскому. Тутъ услышалъ я, что намѣстникъ ѣдетъ на весь сей день въ поле на охоту, а потому, не заѣзжая уже къ оному, проѣхалъ я къ директору, чтобъ съ нимъ раскланяться и болѣе уже у него не быть до отъѣзда въ Богородицкъ. Въ сей разъ смотрѣлъ я на него уже совсѣмъ другими глазами, и какъ на человѣка, отъ котораго впредь не можно было ожидать ничего добраго. Сердце мое и до того не весьма къ нему лежало, а по узнаніи о хитрыхъ проискахъ его и подавно не стало ощущать къ нему ни какой душевной приверженности, и я за необходимое уже почиталъ перемѣнить мое до того времени съ нимъ обращеніе, и относительно до многихъ пунктовъ наложить на языкъ свой уздечку и не все то ему говорить и пересказывать, что̀ было у меня на умѣ, или какъ пословица есть, что отъ роду помнилъ, итакъ, вмѣсто прежней чистосердечной откровенности и предлаганія моихъ мыслей и совѣтовъ, сталъ я уже обо всемъ прималчивать и предоставлять все собственному его суемудрію и даже самому невѣжеству. И побывъ у него нѣсколько времени и откланявшись, поѣхалъ я къ любезнѣйшему и почтенному другу своему Петру Николаевичу Юшкову и, заставъ жену его дома, просидѣлъ и проговорилъ съ нею все утро. Наконецъ, пріѣхалъ и хозяинъ съ стоявшимъ у нихъ г. Протасовымъ. Всѣ сіи добрые люди ласками своими такъ меня очаровали, что я готовъ былъ просидѣть у нихъ до ночи; но, желая повидаться съ пріятелемъ своимъ г. Покровскимъ, заѣхалъ къ нему. Но не успѣлъ къ нему войтить, какъ является ищущій меня отъ намѣстницы ординарецъ съ просьбою, чтобъ я пріѣхалъ къ ней чай пить. Сіе побудило меня тотчасъ распрощаться съ Покровскимъ и спѣшить ѣхать въ ряды для исправленія нѣкоторыхъ покупокъ, а оттуда проѣхалъ уже въ домъ къ намѣстнику.

Тутъ засталъ я у намѣстницы множество боярынь, а мущинъ не было никого.

Наконецъ, пріѣхалъ и намѣстникъ, и тутъ-то увидѣлъ я, что сіи добродушные и меня любящіе люди нарочно за мною прислали за тѣмъ, чтобъ сказать мнѣ то, чего ожидалъ я отъ нихъ наканунѣ. Намѣстница шептала намѣстнику, чтобъ онъ мнѣ сказалъ. И какъ сей все еще не имѣлъ духа меня огорчить, то начала сама сказывать тоже, и еще больше о директорѣ, нежели я слышалъ; а наконецъ, сталъ говорить и намѣстникъ и за вѣрное увѣдомлялъ меня, что директоръ добивается до полной власти надъ волостями чрезъ Трощинскаго и Новосильцова, и что они ему обѣщали то сдѣлать, и что онъ не сомнѣвается, что они, а особливо первый, по особенной довѣренности, въ какой онъ находится у императрицы, и въ состояніи то сдѣлать. Наконецъ, сказывалъ мнѣ намѣстникъ, что онъ писалъ въ Петербургъ обо мнѣ и о моемъ земляномъ зданіи къ сыну, чтобъ сіе тамъ поразславить и чрезъ то подать поводъ меня не позабыть. Все сіе меня и смущало, и удивляло. Я не преминулъ поблагодарить за то намѣстника, хотя отъ писанія его не ожидалъ ни какого успѣха, и, просидѣвъ у нихъ до глубокаго вечера, съ ними распрощался и, переночевавъ на квартерѣ, въ послѣдующій день возвратился къ своимъ роднымъ въ Богородицкъ.

Но симъ и окончу я сіе письмо, сказавъ, что я есмь и буду тотъ же, то есть вашимъ, и прочая.

(Декабря 26 дня 1813 года. Дворениново).

Письмо 295.

Любезный пріятель! Какъ возвращеніе мое въ Богородицкъ воспослѣдовало почти наканунѣ моихъ именинъ, то по наступленіи оныхъ не преминулъ я и въ сей годъ торжествовать оный по прежнему обыкновенію. И какъ ни смутно было у меня на сердцѣ, но мы повеселились-таки довольно въ оный, и гостей было у меня довольно, не только родныхъ, но и постороннихъ, и всѣ мы провели день и вечеръ оный довольно весело. И втеченіе послѣдняго, между прочими увеселеніями, испытывали играть еще впервые въ бостонъ, которая игра около сего времени начинала только входить въ употребленіе, и я, насмотрѣвшись игрѣ сей въ Тулѣ въ домѣ у намѣстника, привезъ ее какъ нѣкую новость съ собою, и хотя и самъ еще порядочно новой игры сей не разумѣлъ, но училъ уже играть въ нее прочихъ. Нельзя сказать, чтобъ она тогда всѣмъ слишкомъ нравилась, а того и въ умъ никому не приходило, что игра сія въ самое короткое время послѣ того восторжествовала надъ всѣми прочими и получила надъ всѣмъ свѣтомъ такое повсемѣстное господствіе, какого ни какая еще никогда игра не имѣла. Впрочемъ, достопамятно, что въ самый сей день большой зять мой г. Шишковъ обрадованъ былъ избраніемъ и опредѣленіемъ его въ предводители всему Богородицкому дворянству, которая честь щекотила весьма его тщеславіе.

Вскорѣ послѣ сего обрадованы всѣ мы были полученіемъ извѣстія о пойманіи и захваченіи въ плѣнъ славнаго польскаго мятежника и возмутителя Костюшки, подавшему поводъ къ столь многому кровопролитію и къ окончанію существованія Польши.

Все достальное время октября мѣсяца препроводилъ я въ безпрерывныхъ почти хлопотахъ по случаю бывшаго тогда рекрутскаго набора и переторжки нѣкоторыхъ нашихъ оброчныхъ земель, а въ послѣднихъ числахъ сего мѣсяца встревоженъ я былъ неожидаемымъ извѣстіемъ, что директоръ нашъ вскорѣ пріѣдетъ къ намъ въ Богородицкъ пожить мѣсяца на два, будто-бъ для лѣченія у нашего лѣкаря; но я легко могъ догадываться, что у него не лѣченіе, а другое и важнѣйшее было на умѣ. О семъ въ первый разъ услышалъ я отъ заѣзжавшаго ко мнѣ при проѣздѣ чрезъ Богородицкъ родственника его г. Свербеева, котораго я всячески у себя угостить старался. А какъ извѣстіе сіе и по отъѣздѣ его всякій день подтверждалось, то сіе смущало насъ всѣхъ и подавало поводъ ко многимъ между собою разговорамъ о предстоя-

щей и восходящей надъ нами мрачной и грозной бури и непогоды.

Мѣсяцъ ноябрь начался у насъ мракомъ, мглою и такими дурными и мокрыми погодами, что дороги отъ того такъ испортились, что до Тулы принуждено было дни два ѣхать. Къ таковому скучному времени присовокупилось еще и то, что мы 6 числа получили уже и достовѣрное извѣстіе о томъ, что директоръ къ намъ жить будетъ и что ему волости наши дѣйствительно ввѣрены въ такое полное управленіе, въ какихъ были они у князей Гагариныхъ, и что имянной указъ о томъ уже подписанъ. Ко мнѣ писалъ о томъ съ бывшимъ въ Тулѣ секретаремъ моимъ Щедиловымъ зять мой Шишковъ и приказывалъ сказать тоже и Верещагинъ. Оба они совѣтовали мнѣ пріѣзжать, какъ можно скорѣе, въ Тулу, чтобъ посовѣтовать о томъ съ г. Верещагинымъ; но я не понималъ за чѣмъ и боялся, чтобъ чрезъ то не подать о себѣ какого сомнѣнія и не навлечь бы злобы на себя отъ своего командира; а потому и не располагался никакъ туда ѣхать. Между тѣмъ дѣло сіе сдѣлалось уже извѣстнымъ и всѣмъ моимъ роднымъ домашнимъ, отъ которыхъ я до того времени старался скрывать оное, не желая ихъ прежде времени огорчить. Но въ сей разъ случилось такъ, что онѣ письмо отъ зятя моего прежде меня распечатали и, прочитавъ обо всемъ, узнали, и я освободился чрезъ то отъ затрудненія имъ о томъ сказывать. Всѣ они не менѣе моего поразились симъ важнымъ и непріятнымъ для насъ увѣдомленіемъ, и всѣ мы, говоря о томъ, единогласно заключали, что приближается и восходитъ на насъ темная туча, которая едва-ли не принудитъ насъ сіе мѣсто оставить, и что можетъ быть приближается конецъ нашему тутошнему пребыванію. Впрочемъ, какъ писано было, что хотя волости ему въ полное управленіе ввѣрены, однако, съ тѣмъ, чтобъ ему быть по-прежнему директоромъ экономіи, то сіе сколько-нибудь для домашнихъ моихъ было утѣшительно. Но я, напротивъ того, заключалъ, что нужно ему получить полновластіе, такъ онъ постарается уже отдѣлаться и отъ директорства и, заѣхавъ сюда, нарочно скажется больнымъ и чрезъ то отъ директорской должности въ Тулѣ, которая ему не весьма шерстила, ибо всѣ его тамъ, по странному его характеру, весьма не полюбили, — отдѣлается. Словомъ, изъ всѣхъ претерпѣнныхъ мною въ бытность мою въ Богородицкѣ многочисленныхъ перетурокъ, никогда еще не было такого критическаго положенія, какъ тогда, и меня многія причины побуждали уже къ помышленіямъ о томъ, какъ бы убраться поскорѣе во-свояси и въ свою деревню. Однако, какъ и всегда, возлагалъ всю свою надежду на Господа и Ему однажды навсегда ввѣрилъ всю свою судьбу и о себѣ попеченіе, то и при семъ случаѣ предавалъ я Ему все въ Его волю и тѣмъ себя много успокоивалъ.

Непосредственно за симъ имѣлъ я маленькое удовольствіе, увидѣвъ переводъ мой «Жизни Эдуарда, англійскаго претендента» напечатаннымъ маленькою книжкою. Но и сіе удовольствіе сопряжено было съ нѣкоторою досадою на содержателя тогдашней университетской типографіи и знакомца моего г. Ридигера, неустоявшаго во своемъ словѣ. Уговоры у насъ съ нимъ были, чтобъ ему заплатить мнѣ за 50 экземпляровъ деньгами по продажной цѣнѣ, а онъ прислалъ ихъ всѣхъ ко мнѣ въ натурѣ, съ которыми я не зналъ куда мнѣ дѣваться, а сіе и преграждало мнѣ путь къ печатанію впредь чего-нибудь на чужой коштъ. Со всѣмъ тѣмъ, я не преставалъ-таки продолжать трудиться кое въ какихъ нравственныхъ сочиненіяхъ, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ. А между тѣмъ въ праздные и длинные осенніе вечера занимался дружескими и учеными разговорами съ сыномъ моимъ и отцемъ Ѳедотомъ, и у насъ очень нерѣдко были маленькія философическія бесѣды, доставлявшія всѣмъ намъ чистѣйшее удовольствіе.

Нѣсколько дней послѣ сего прошло у насъ въ мирѣ и тишинѣ и ничего о ди-

ректорѣ и о пріѣздѣ его къ намъ было не слышно. Въ самый же день Филипповскихъ заговѣнъ, въ который совершилось ровно 18 лѣтъ пребыванію моему въ Богородицкѣ, смутило насъ обоихъ съ сыномъ письмо отъ зятя моего Шишкова изъ Тулы, гдѣ онъ около сего времени по предводительской своей должности жилъ вмѣстѣ съ моею дочерью. Въ ономъ увѣдомлялъ онъ насъ о дѣлаемомъ ему и сыну моему предложеніи, не хотятъ-ли они получить штатскіе чины, и буде хотятъ, то просились бы въ отставку, и не пожалѣли-бъ за труды старающимся удѣлить нѣсколько изъ своего капитала? Предложеніе странное и неожидаемое! И какъ сынъ мой не былъ еще въ совершенной отставкѣ, а привязанъ былъ еще къ герольдіи, то, судя о неизвѣстности будущихъ временъ и по неожиданію ничего хорошаго, казалось мнѣ выгоднѣе имѣть его на совершенной свободѣ; а потому и не отвергли мы сего, само по себѣ являющагося случая и положили слѣдовать призыву. А какъ писано было, чтобъ въ семъ случаѣ сыну моему пріѣхать скорѣе въ Тулу, дабы не упустить пятничной въ Петербургъ почты, то и рѣшился онъ туда ѣхать, куда онъ на другой день и отправился.

Проводивъ сына моего въ Тулу и оставшись одинъ, занимался я нѣсколько дней опять отдачею мельницъ въ оброкъ и другими волостными дѣлами. А между тѣмъ возродилась во мнѣ опять охота къ стихотворенію и подала поводъ къ сочиненію нѣсколькихъ пѣсней. Первая изъ нихъ содержала въ себѣ чувствованія рожденнаго въ дворянствѣ и была слѣдующаго содержанія:

Если свѣтъ обозрѣвая
Взорами души своей,
Я всѣ мысли устремляю
На живущихъ въ немъ людей,
Исчисляю милліоны
Тварей сихъ, подобныхъ мнѣ,
Обитающихъ со мною
Въ то же время на землѣ;

Если всѣ я напрягаю
Силы разума, души,
Чтобъ живѣй себѣ представить
И въ умѣ вообразить
Все число людей, живущихъ
Въ нашихъ и чужихъ странахъ,
Во пустыхъ мѣстахъ и дикихъ,
Отдаленнѣйшихъ краяхъ;

Если мыслью о различныхъ
Ихъ неравностахъ во всемъ:
Въ преимуществахъ, достаткахъ,
Дарованіяхъ, чинахъ,
Во всѣхъ выгодахъ различныхъ,
И потребностяхъ къ житью,
Къ наслажденію покоемъ
И блаженствомъ въ жизни сей —

То отъ взора содрагаюсь,
Милліоны находя
Тварей низкихъ и несчастныхъ,
Вѣкъ живущихъ въ нищетѣ,
Осужденныхъ жить въ презрѣніи,
Въ крайней нуждѣ во всю жизнь,
Подвергаясь стужѣ, зною
И стопая отъ трудовъ.

А не менѣй поражаюсь,
Видя тмы людей иныхъ,
Обитающихъ съ звѣрями
Посреди лѣсовъ густыхъ,
Неимѣющихъ и столько
Во всю жизнь свою отрадъ,
Сколько чувствуетъ и нищій,
Между нами живучи.

Ужасъ духъ мой весь объемлетъ,
Я когда воображу
Все, что терпятъ сіи твари,
Переносятъ въ жизнь свою,
Что равно они на свѣтѣ
Суть такія же, какъ я,
И во всемъ другимъ подобны
Человѣкамъ на землѣ.

Мысль, что всѣ мы въ свѣтъ приходимъ
Въ одинакой нищетѣ
И какъ тѣ родятся наги,
Точно такъ рожденъ и я, —
Духъ во мнѣ весь возмущаетъ,
Вспоминая мнѣ и то,

Что весьма легко и я могъ
Быть такимъ же, какъ они.

Я трепещу, помышляя
О возможности сего,
И что могъ всего я меньше
Воспрепятствовать судьбѣ,
Если-бъ было ей угодно
Произвесть меня не здѣсь,
А среди народовъ дикихъ,
Или въ страшной нищетѣ.

Ахъ! колико-жъ я обязанъ
Въ вѣкъ судьбѣ моей за то,
Что я ею не назначенъ
Какъ родиться, такъ и жить
Вмѣстѣ съ хищными звѣрями
Въ дебряхъ и пустыхъ мѣстахъ
И немногимъ быть чѣмъ лучше
Самыхъ лютыхъ тѣхъ звѣрей.

О! коликою я долженъ
Благодарностью за то,
Что въ число толико многихъ
Милліоновъ сихъ людей
Не включенъ и я судьбою
И не такъ же осужденъ
Весь свой вѣкъ влачить въ неволѣ,
Въ нуждахъ, въ горѣ и трудахъ;

Но предъ ними безконечно
Я судьбою предпочтенъ
И въ число лишь тѣхъ немногихъ
Тварей въ свѣтѣ помѣщенъ,
Къ коимъ ей было угодно
Милость и любовь явить
И отмѣнную щедроту
Въ жизни тѣмъ имъ оказать;

Что родителей лучшайшихъ
Избрала для нихъ она
И родиться повелѣла
Въ чинѣ высшемъ отъ другихъ,
Въ чинѣ томъ, который прочихъ
Несравненно лучше всѣхъ
И блаженство доставляетъ
Въ колыбеляхъ уже имъ.

Ахъ! въ какой восторгъ приходитъ
Вся душа моя тогда,
Какъ я въ мысляхъ исчисляю
Всѣ тѣ выгоды свои,
Я какими отъ рожденія
Былъ судьбою одаренъ
Предъ толь многими другими
Тмами, тысячьми людей.

Безъ числа они всѣ были,
Неисчетны и теперь—
Мнѣ велитъ въ томъ долгъ признаться
И всегда не забывать,
Что ихъ всѣ я безъ заслуги
И исканья получилъ,
И судьба что произвольно
Одарила тѣмъ меня.

Чѣмъ за то воздать мнѣ оной,
Чѣмъ и какъ благодарить,
За такую къ себѣ милость
И отмѣну отъ другихъ?
Словъ моихъ всѣхъ не достанетъ
Къ изъявленію того,
Какъ я много благодаренъ
За мой жребій таковой!

Чувства только посвящаю
Раздавателю судебъ,
Чувства сердца благодарна
Въ даръ Ему я приношу,
И дотолѣ не умолкну
Имя прославлять Его,
Во груди покуда сердце
Не престанетъ трепетать.

Въ другой, по случаю наставшей тогда только что зимы, изобразилъ я чувствованія при настаніи зимы, и она была натурологическая.

. . . .

Третья, непосредственно за сею и въ то же время сочиненная, содержала въ себѣ чувствованія послѣ благополучно проведенной ночи.

. . . .

Между тѣмъ, какъ я въ сихъ стихотвореніяхъ и въ другихъ моихъ дѣлахъ упражнялся, увѣдомлялъ меня сынъ мой изъ Тулы, что онъ дѣло свое тамъ началъ и въ Петербургъ уже объ нёмъ писано. Вмѣстѣ съ нимъ писала къ намъ и

дочь наша Елизавета, что они имѣютъ у себя хорошую квартеру, что имъ тамъ жить не скучно, что въ Тулѣ начались разнаго рода увеселенія, что она беретъ въ нихъ участія, успѣла уже не только со многими тульскими господами, но и съ самою намѣстницею спознакомиться, и принимается ею весьма благопріятно, что сія изъявляла желаніе и жену мою и прочихъ дѣтей видѣть, и потому предлагала мнѣ и матери своей, не вздумаемъ-ли мы пріѣхать къ нимъ въ Тулу на нѣсколько дней, у нихъ погостить и въ тульскихъ увеселеніяхъ взять соучастіе, а особливо около именинъ намѣстницы, въ который день будетъ у намѣстника для всѣхъ городскихъ балъ, и что не худо бы при семъ случаѣ и намъ быть. Сынъ же мой писалъ, что мнѣ необходимо надобно бы тамъ побывать и пріѣхать какъ можно скорѣе. Все сіе и побудило насъ на сіе путешествіе рѣшиться. А какъ мнѣ и безъ того нужно было быть въ Тулѣ для представленія волостныхъ рекрутъ для пріема, то я, оставя жену собираться, какъ она хочетъ, самъ, сѣвши въ свой возочикъ, и пустился въ Тулу напередъ и пріѣхалъ въ тотъ же еще день и довольно засвѣтло.

Въ сей разъ остановился я уже на квартерѣ у зятя моего Шишкова, гдѣ стоялъ и сынъ мой. При пріѣздѣ моемъ, хозяевъ не засталъ я дома. Они рыскали по городу, однако, скоро пріѣхали и были мнѣ очень ради; потомъ ѣздили они съ сыномъ моимъ въ театръ, куда подзывали-было и меня, но я охотнѣе остался дома и провелъ сей вечеръ въ читаніи газетъ и въ разговорѣ съ гостями, случившимися въ тотъ вечеръ у моего зятя. Было сіе въ 19 день ноября.

Мое первое дѣло было въ послѣдующій за симъ день, чтобъ побывать у своего командира, къ которому я по-утру и поѣхалъ. Онъ, къ великому удивленію моему, принялъ меня въ сей разъ ласково и не только онъ, но и самая жена его обошлась со мною очень благопріятно. Поговоривъ съ нимъ кое-что о нашихъ волостныхъ дѣлахъ, поѣхалъ я отъ него къ пріятелю своему г. Верещагину и, посудачивъ и съ нимъ кое-что о моихъ обстоятельствахъ и давъ ему слово пріѣхать къ нему обѣдать, поѣхалъ я въ казенную полату, гдѣ отдавали въ самое то время нашихъ волостныхъ рекрутъ. Тутъ узналъ я, что намѣстникъ присылалъ на квартеру мою нарочнаго ко мнѣ съ приглашеніемъ пріѣхать къ нему обѣдать вмѣстѣ съ моимъ сыномъ. Услышавъ о семъ, поскакалъ я тотчасъ на квартеру и имѣлъ великій трудъ отыскать моего сына, неслучившагося тогда дома. И на-силу-на-силу мнѣ его отыскали, и едва-едва успѣли мы съ нимъ одѣться и поспѣть къ намѣстникову обѣду. Какъ онъ, такъ и намѣстница были ко мнѣ по-прежнему весьма благопріятны и не могли со мною довольно наговориться и продержали обоихъ насъ у себя до самаго почти вечера, въ который, возвратясь на квартеру, нашли мы и жену мою, пріѣхавшую только-что вслѣдъ за мною въ Тулу.

Какъ на утріе вздумалось зятю моему сдѣлать у себя небольшую пирушку и угостить обѣдомъ нѣсколькихъ изъ городскихъ знакомыхъ, то и я, съѣздивъ по-утру на часокъ къ директору, никуда болѣе въ то утро не поѣхалъ, и обѣдалъ дома со своими родными и знакомцами тульскими, въ числѣ коихъ былъ и прежній мой временной командиръ г. Юшковъ съ его женою, съ которыми не могли мы довольно наговориться; а къ намѣстнику съѣздилъ я уже послѣ обѣда и пробылъ у него почти до самаго вечера. Между тѣмъ хозяева мои вмѣстѣ съ нѣсколькими знакомыми своими собирались ѣхать въ бывшій въ тотъ день маскарадъ, и я, возвратясь къ нимъ, едва могъ узнать ихъ, перерядившихся въ богатое купеческое платье. Они подзывали-было и меня съ собою, но я предоставилъ имъ однимъ веселиться, а самъ охотнѣе остался съ женою дома и занялся читаніемъ и писаніемъ.

Такимъ же образомъ рыскалъ я по Тулѣ и въ третій день моего въ ней пребыванія, былъ у Верещагина, у дирек-

тора, въ казенной полатѣ, въ намѣстническомъ правленіи, а обѣдать проѣхалъ къ намѣстнику. Сей взялъ меня въ сей день въ свой кабинетъ и, какъ другъ, говорилъ очень много со мною о предстоящей перемѣнѣ въ моихъ обстоятельствахъ. Ему крайне были непріятны происки нашего директора, о которомъ отзывался онъ мнѣ весьма невыгодно, называя его хитрымъ и лукавымъ человѣкомъ, и сожалѣлъ обо мнѣ, что я имѣть буду дѣло съ такимъ скрытымъ и ничего добраго необѣщающимъ человѣкомъ, изъявлялъ мнѣ дружеское сожалѣніе о томъ, что не находитъ онъ себя въ силахъ воспрепятствовать сему угрожающему мнѣ злу, и говорилъ, не имѣю ли я въ Петербургѣ какихъ пріятелей и знакомцовъ, и буде имѣю, то совѣтовалъ мнѣ отписать къ нимъ и просить о употребленіи всего возможнаго къ разрушенію кова, противъ меня куемаго. Пріятно было мнѣ, что онъ бралъ въ судьбѣ моей такое дружеское соучастіе. Но какъ у меня никакихъ такихъ друзей не было въ Петербургѣ, о какихъ онъ упоминалъ, то я, не обинуясь, въ томъ ему признавался, присовокупивъ наконецъ, что я единую надежду во всемъ имѣю на Бога, и, въ твердомъ уповаціи на Его защиту и покровительство, расположился спокойно ожидать всего, чтó Онъ ни соблаговолитъ со мною учинить. Отзывъ таковой былъ намѣстнику очень пріятенъ; и какъ онъ самъ былъ человѣкъ набожный и благочестивый, то не преминулъ похвалить меня за таковое расположеніе и старался уповаемое на Бога еще болѣе подкрѣпить благоразумными своими совѣтами. Съ цѣлый часъ мы тогда съ нимъ о семъ предметѣ наединѣ проговорили. А послѣ обѣда было у меня множество разговоровъ и съ намѣстницею, впродолженіе которыхъ пріѣхала къ ней жена моя съ обѣими дочерьми моими Елисаветою и Ольгою еще въ первый разъ рекомендоваться и была отъ ней очень обласкана. Ѣдучи отъ нихъ, заѣзжали мы къ директору, и жена моя съ дѣтьми рекомендовалась и сей пышной петербургской госпожѣ, и была и отъ ней принята благосклонно. Отъ нихъ же пріѣхали мы къ г. Верещагину, бывшему тогда губернскимъ прокуроромъ, и просидѣли у него во весь вечеръ.

По наступленіи четвертаго дня тогдашняго моего пребыванія въ Тулѣ, ѣздилъ я опять къ своему директору и кое-кому къ другимъ, а наконецъ и въ казенную полату, въ которой въ сей день намѣстникъ самъ принималъ рекрутъ и, увидѣвъ меня, увезъ съ собою одного только къ себѣ обѣдать.

Послѣ обѣда пріѣзжалъ къ намъ туда и сынъ мой и поднесъ намѣстницѣ прекрасную трудовъ своихъ картину, набранную весьма искусно изъ разныхъ травъ, кожицъ и листочковъ, и намѣстница была ею очень довольна и расхвалила ее въ прахъ. Между тѣмъ жена моя вмѣстѣ съ хозяевами разъѣзжала по городу къ знакомымъ, и всѣ мы съѣхались, наконецъ, и ужинали у любезнаго моего Петра Николаевича Юшкова.

Наконецъ, наступило 24 число ноября день бывшій тогда сугубо именитый какъ по тезоименитству императрицы, такъ и потому, что и намѣстница наша была въ сей день именинницею. Намѣстникъ расположился въ сей день дать всѣмъ тульскимъ господамъ большой пиръ, а въ вечеру для всѣхъ госпожъ балъ и наконецъ угостить всѣхъ ужиномъ. Всѣ мы имѣли въ семъ торжествѣ и увеселеніи соучастіе и провели сей день весело и хлопотливо. Не успѣлъ настать день, какъ спѣшилъ я скорѣй одѣться и ѣхать на поклонъ сперва къ директору, который тананаканьемъ своимъ продержалъ меня у себя очень долго. Вырвавшись отъ него, заѣзжалъ я на минуту въ Верещагину, а отъ него спѣшили мы оба съ сыномъ на поклонъ къ намѣстнику, жившему тогда въ бывшемъ дворцѣ на оружейномъ заводѣ. Тамъ нашли мы съѣхавшихся уже всѣхъ городскихъ именитѣйшихъ людей къ намѣстнику съ поздравленіями и его дожидавшихся. Какъ всѣмъ особенная намѣстникова ко мнѣ благосклонность была извѣстна, то имѣлъ я тогда истинное и пріятное удовольствіе видѣть всѣхъ

ко мнѣ отмѣнно ласкающихся и меня уважающихъ. Выходъ намѣстника къ публикѣ воспослѣдовалъ не рано, и онъ, принявъ отъ всѣхъ поздравленія и поговоривъ съ нѣкоторыми, пошолъ къ обѣдни. Многіе пошли съ нимъ туда, а мы съ сыномъ, будучи въ числѣ приглашенныхъ къ обѣду, полетѣли на квартеру, чтобъ еще попринубраться и прихохолиться. Обѣдъ былъ огромный съ музыкою и со всѣмъ обыкновеннымъ великолѣпіемъ; обѣдало насъ болѣе 70 человѣкъ за большимъ столомъ, да человѣкъ 30 въ другой комнатѣ, и угощеніе было изобильное. Къ вечеру же съѣхались и всѣ тульскія госпожи, барыни и дѣвицы, и всѣ комнаты наполнились народомъ, и вскорѣ потомъ начался формальный балъ и танцы, продолжавшіеся до полуночи. Въ танцахъ сихъ имѣли и дѣти мои, бывшія тутъ же съ матерью, соучастіе, и едвали не главнѣйшее, поелику многіе обѣихъ почитали первѣйшими изъ всѣхъ бывшихъ тогда на балѣ красавицами и танцовщицами, и можно сказать, что вечеръ проведенъ всѣми нами былъ очень весело, и мы возвратились домой уже послѣ ужина у намѣстника.

Послѣ сего праздника прожили мы еще цѣлыхъ четыре дни въ Тулѣ, отчасти для исправленія нѣкоторыхъ нуждъ, отчасти за худою погодою, угрожавшею насъ сошествіемъ снѣга, а наиболѣе для того, что роднымъ моимъ хотѣлось побывать въ театрѣ и еще кое-съ-кѣмъ изъ знакомыхъ видѣться. Въ теченіи всѣхъ сихъ дней бывалъ я всякой день опять и у намѣстника, и у своего директора, надоѣдавшаго мнѣ всякій разъ невѣдомо-какъ своимъ пустымъ тананаканьемъ, но я радъ, по крайней мѣрѣ, былъ тому, что онъ былъ ко мнѣ благопріятенъ, и что о переѣздѣ его къ намъ въ Богородицкъ житъ— ничего еще упоминаемо не было.

Наконецъ, возстановилась опять стужа, выпало множество снѣга и сдѣлался опять порядочный зимней путь. Обрадовавшись тому, не стали мы долѣе медлить, но пустились въ обратный путь, оставивъ дочь свою Ольгу погостить у сестры своей въ Тулѣ. Ѣзду свою расположили мы въ сей разъ чрезъ Головнино, чтобъ побывать у родныхъ нашихъ Воронцовыхъ, у которыхъ переночевавъ, возвратились мы въ самый послѣдній день ноября въ Богородицкъ, имѣвъ на дорогѣ отъ Головнина небольшую перетурку отъ лошадей, вздумавшихъ-было бить меня въ моемъ возочкѣ; но я далъ имъ волю скакать безъ кучера, сколько хотятъ, и не прежде, откинувъ весь верхъ моего возочка назадъ и схватя самъ вожжи, ихъ остановилъ, какъ при подъѣзжаніи къ одной вершинкѣ.

Во все почти теченіе декабря мѣсяца не произошло съ нами ничего важнаго. Мы провели оный еще въ мирѣ и тишинѣ въ Богородицкѣ, и я занимался отчасти хлопотами по моей должности, переоброчивая опять нѣкоторую часть изъ отдаваемыхъ нами въ наймы земель, а наиболѣе собственными своими дѣлами и писменными занятіями, поспѣшая окончить давно уже начатую книгу о электрицизмѣ, которую назвалъ я «Электрическимъ лѣчебникомъ». Книгу сію сочинилъ-было я съ тѣмъ, чтобъ и напечатать, но разныя обстоятельства не допустили меня до того даже до сего времени, и она и теперь хранится въ библіотекѣ моей въ манускриптѣ; впрочемъ, продолжали мы маленькія наши ученыя и наиболѣе вечернія бесѣды съ сыномъ и съ отцемъ Ѳедотомъ, приходившимъ къ намъ почти ежедневно и помогавшимъ намъ провождать пріятныя минуты жизни въ разныхъ чтеніяхъ и въ важныхъ между собою разговорахъ. Къ празднику Николину дню пріѣзжала къ намъ изъ Тулы старшая дочь моя Елизавета для празднованія именинъ жившаго у насъ единственнаго сына ея Николая и привозила съ собою и сестру свою Ольгу. Первая играла тогда, какъ жена одного уѣзднаго предводителя, довольно знаменитую ролю въ Тулѣ и имѣла счастіе быть любимою и почитаемою всѣми, а при ней не худо было и сестрѣ ея Ольгѣ. Сія была уже въ сіе время совершенная невѣста и въ лучшихъ и цвѣтущихъ

годахъ жизни. Обѣ онѣ, пробывъ у насъ и въ деревнѣ своей нѣсколько дней, возвратились опять въ Тулу, ибо зятю моему надлежало еще тамъ быть по его должности.

Вскорѣ послѣ сего, при случаѣ ѣзды на крестины къ брату зятя моего, ѣдучи въ своемъ возочкѣ, вздумалось мнѣ на досугѣ заняться піитическимъ изображеніемъ бывшаго въ самое то время наипрекраснѣйшаго зимняго утра. И какъ я всѣ мои стихотворенія сочинялъ на голосъ какой нибудь пѣсни, то и въ сей разъ, тананакая и тананакая, успѣлъ сочинить нѣсколько строфъ пѣсни въ честь прекрасному зимнему утру, но которую окончилъ я послѣ и нѣсколько лѣтъ спустя послѣ сего времени. Для достопамятности помѣщу я ее здѣсь, переписавъ ее не стихами, какъ она сочинена, а піитическою прозою, къ каковой всѣ мои стихотворенія едва-ли не удобнѣе, поелику были они безъ виршъ, а бѣлыми стихами.

. . . .

Возвращаясь къ повѣствованію моему, скажу, что предъ наступленіемъ праздника Рождества Христова съѣхались ко мнѣ всѣ ближніе мои родные, и мы какъ съ ними, такъ и съ городскими нашимидрузьями и знакомцами какъ праздникъсей, такъ и всѣ святки [провели] отмѣнно весело. Не было дня, въ которой не съѣзжались мы, то у меня, то у другихъ, то у старшаго зятя моего въ деревнѣ всѣ вмѣстѣ и не препровождали время въ разныхъ невинныхъ забавахъ и увеселеніяхъ. Но ни который вечеръ не провели мы такъ весело, какъ послѣдній въ 1794 году. Въ этотъ день были не только всѣ мои родные у меня, но съѣхались еще нѣсколько и уѣздныхъ нашихъ друзей и знакомцевъ, и чего-и-чего ни дѣлали мы въ сей вечеръ: и прыгали, и танцовали, и рѣзвились, и въ жмурки играли, и подблюдныя пѣсни пѣли, и въ фанты играли, и загадки загадывали, и проч., и проч. Словомъ, вечеръ сей былъ прямо святочный, и всѣ мы провели оный съ особливымъ удовольствіемъ, и всѣ гости не только у меня ужинали, но и ночевали. А симъ образомъ и кончили мы сей годъ, въ который происходило многое кое-что, и доброе, и худое; однако, для меня и для всего дома моего болѣе пріятнаго, нежели худаго.

Но симъ дозвольте мнѣ и сіе письмо кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Генваря 28 дня 1814 года. Въ Дворениновѣ).

1795.

Письмо 296.

Любезный пріятель! Приступая теперь къ описанію происшествій, случившихся со мною въ теченіи 1795 года, предпошлю напередъ, по обыкновенію моему, нѣсколько словъ о томъ, въ какомъ состояніи и положеніи находилось при наступленіи сего года все мое семейство, и, начиная съ состоянія здоровья, скажу, что первѣйшая и старѣйшая особа всего нашего семейства, теща моя, хотя, доживая 65-й годъ своей жизни, дѣлалась съ каждымъ годомъ старѣе и болѣе и болѣе приближалась къ предѣлу своей жизни, однако, все еще была въ силахъ и все еще дѣлала намъ компанію и дѣйствіе электрицизма подкрѣпляло очень много ея здоровье. Я самъ, по благости Господней, доживалъ хотя шестой десятокъ, но былъ все еще здоровъ, во всей силѣ и не чувствовалъ еще никакихъ еще дальныхъ слѣдствій приближавшейся старости. Во рту у меня оставалось хотя уже очень мало зубовъ, но я, благодаря Господа, былъ все еще крѣпокъ, здоровъ и душею своею все еще не ослабѣвалъ и не рѣдко бывалъ двадцатилѣтнимъ. Въ разсужденіи увеселеній оной разными ей свойственными пищами душевными, охота моя къ наукамъ, писанію и читанію все еще продолжалась, и сіи занятія были и по сіе время все еще для меня любезнѣйшими. Сотоварищество съ сыномъ моимъ, по всѣмъ почти отношеніямъ другимъ мною, ставовилось для меня отъ-часу драгоцѣннѣй-

нимъ и онъ помогалъ мнѣ очень много пользоваться пріятнѣйшими минутами въ сей жизни. И въ семъ отношеніи тогдашній періодъ жизни едва-ли былъ для меня не самолучшимъ и пріятнѣйшимъ. Что касается до него, то состояніе слабаго здоровья его хотя и не совсѣмъ еще возстановилось, но, повидимому, сколько-нибудь предъ прежнимъ поправилось, и мы всѣ веселились отъ того духомъ, хотя не рѣдко оскорблялись еще возвращающеюся кое-когда и довольно часто головною его болью. У насъ съ нимъ не проходила ни одна минута праздною. Онъ имѣлъ такую же склонность и охоту ко всѣмъ литературнымъ и артистическимъ упражненіямъ, какъ и я, и потому для обоихъ насъ время было все еще коротко, и мы не потужили-бъ, еслибъ каждый день длился вдвое долѣе. Впрочемъ, пользовался онъ такимъ же даромъ отъ Господа, какъ и я, то-есть былъ всѣми любимъ и хвалимъ по справедливости. Лѣта его уже были такія, что мы начинали уже помышлять о томъ, какъ бы его и женить. Останавливали насъ въ томъ еще нѣсколько незамужнія его сестры, а мои дочери. Обѣ онѣ были уже невѣстами, а особливо старшая изъ нихъ, Ольга, была дѣвка прекрасная, и такая, съ которою никуда не стыдно было показаться. За нее въ самые послѣдніе дни прошедшаго года начали уже формально свататься, но женихъ былъ какъ-то не очень завистенъ и не таковъ, чтобъ, неподумавъ гораздо, можно было выдать за него ее отважиться. Самая меньшая дочь моя Катерина вдругъ такъ поднялась и выросла, что сдѣлалась невѣстою, хотя, впрочемъ, умомъ и всѣми дарованіями поотстала нѣсколько отъ сестеръ своихъ старшихъ. Что касается до обѣихъ замужнихъ дочерей моихъ, то большая изъ нихъ Елизавета продолжала жить съ мужемъ своимъ порядочно и по наружности счастливо и хорошо, но душевно не мало огорчалась отъ его не совсѣмъ кроткимъ, а временемъ строптивымъ нравомъ, а того болѣе его вѣтренностію и излишнею наклонностію къ пышности, мотовству и расточительности, угрожающей весьма худыми слѣдствіями вразсужденіе ихъ достатка. Впрочемъ, она радовалась, что сей годъ не была беременна. У нихъ былъ въ-живыхъ одинъ только сынъ Николай, жившій отъ рожденія у насъ и нами воспитываемый. Онъ составлялъ тогда ежедневно нашу куклу, нашу забаву, нашу игрушку и наше увеселеніе. Мальчишка былъ прекрасный, и незадолго до сего началъ только все говорить. Мы не спускали его почти съ рукъ долой, и желали, чтобъ онъ былъ живъ и здоровъ. Другая моя замужняя дочь Настасья была уже около сего времени на сносѣхъ беременною и жила съ мужемъ своимъ хотя не такъ пышно, но спокойнѣе и тише; обезпокои[ва]лась только нѣсколько разстроенными ихъ обстоятельствами и состояніемъ и угнетающимъ ихъ небольшимъ хотя долгомъ. Что касается до наружныхъ моихъ обстоятельствъ, то я упоминалъ уже, что въ сіе время озабочиваемы мы были угрожающею намъ великою въ нихъ перемѣною, по случаю намѣренія нашего командира переѣхать къ намъ въ городъ совсѣмъ жить, что натурально для насъ не могло быть пріятнымъ. А впрочемъ, всѣ обстоятельства наши были такъ хороши, что можно было сказать, что и сей годъ начали мы благополучно.

Теперь, начиная продолжать мое повѣствованіе, скажу, что первый день сего года, который былъ 20,539 днемъ моей жизни, провелъ я въ кругу моего семейства и бывшихъ у меня гостей довольно весело и хорошо, равно какъ и второй; а третій ознаменовался неожидаемымъ сватовствомъ еще одного жениха за дочь мою Ольгу. Было то отъ нѣкоего г. Крюкова, Павла Ивановича, чрезъ попа нашего Іоанна. Я, по обыкновенію своему, не сказалъ еще ничего, вѣдая изъ опытности, сколь важно въ такихъ случаяхъ каждое слово, и тѣмъ паче, что человѣкъ сей былъ мнѣ совсѣмъ незнакомъ, а притомъ и достатокъ его несообразенъ былъ съ нашимъ желаніемъ.

Вскорѣ по окончаніи нашихъ святокъ

сталъ сынъ мой помышлять о ѣздѣ своей въ Тверь къ Кислинскимъ, роднымъ нашимъ, убѣждавшимъ его черезъ письма невѣдомо-какъ просьбою побывать у нихъ въ Твери вмѣстѣ съ сестрою своею Ольгою, на что мы и охотно давали имъ наше согласіе, и тѣмъ паче, что самимъ намъ ни какимъ образомъ не можно было у нихъ побывать. Большая же дочь моя съ мужемъ своимъ въ концѣ минувшаго года туда ѣздили. Между тѣмъ, а именно 12 числа сего мѣсяца, случилось мнѣ заниматься одною рѣдкостью. Вдругъ услышалъ я, что на одной изъ волостныхъ мельницъ, въ селѣ Ломовкѣ, нашли цѣлую кучу живыхъ большихъ крысъ, сплетшихся хвостами между собою такъ крѣпко и удивительно, что никакъ ихъ разорвать было не можно. Таковыя исторіи о крысахъ хотя и случалось мнѣ до того слышать, но я тому никогда не вѣрилъ, поелику относили все то къ домовымъ мельничнымъ, говоря, что они ихъ такъ переплетаютъ. При услышаніи сего, любопытство мое было такъ велико, что я тотчасъ послалъ въ село нарочнаго и велѣлъ перебитыхъ сихъ крысъ отыскать и привезть къ себѣ. По счастію, были онѣ цѣлы и неразорваны. Ко мнѣ ихъ привезли, и я дѣйствительно ихъ видѣлъ и не могъ странному сему явленію довольно надивиться. Хвостами онѣ дѣйствительно и въ самую вплоть къ задницамъ своимъ такъ крѣпко и удивительно переплелись, что никакъ раздѣлить, расплесть и разорвать ихъ было не можно. Было ихъ тутъ цѣлыхъ десять превеликихъ крысъ. Одна изъ нихъ поотдѣлилась и прицѣплена была къ общему узлу однимъ только концемъ хвоста, но и та такъ крѣпко, что не отрывалась. Брюхами онѣ были всѣ книзу, а головами врозь, а сплетеніе хвостовъ было такъ плотно, что видна была одна только часть, а всего разсмотрѣть не можно. И какъ онѣ всѣ были замерзлыя, то велѣлъ я ихъ всѣ для показыванія всѣмъ спрятать, а для достопамятности и рѣдкости сего случая, сыну моему велѣлъ всѣхъ ихъ срисовать съ натуры, въ точной ихъ величинѣ и положеніи; который рисунокъ хранится у меня и понынѣ въ цѣлости. О самихъ же крысахъ сожалѣлъ я, что не случилось у насъ тогда столько крѣпкаго спирта и такого большаго стекляннаго судка, въ которомъ бы ихъ въ спиртѣ умѣстить было можно, потому и сохранились онѣ у насъ только до наступленія вешняго тепла.

Вскорѣ послѣ сего, а именно 13 числа сего мѣсяца, обрадованы всѣ мы были полученіемъ извѣстія, что дочь моя Настасья разрѣшилась благополучно отъ своего бремени и родила сына, а мнѣ внука Павла, находящагося и понынѣ еще въ-живыхъ и служащаго въ арміи офицеромъ. По сему случаю, какъ въ родины, такъ и для крестинъ ѣздили мы тогда всѣ въ Головнино и тамъ у нихъ нѣсколько дней пробыли.

Кромѣ сего, во все продолженіе генваря мѣсяца не произошло у насъ ничего особливаго, кромѣ того, что давно не мѣшали мнѣ такъ много упражняться въ моихъ дѣлахъ пріѣзжавшіе почти ежедневно къ намъ разные гости, какъ въ сіе время. Я затѣвалъ-было сочинять около сего времени Современную Лѣтопись всѣмъ бывшимъ тогда происшествіямъ, и успѣлъ даже написать цѣлую часть оной. Но изъ сего предначинанія, равно какъ изъ нѣкоторыхъ и другихъ послѣ не вышло ничего, и все кончилось тѣмъ, что я воспользовался при писаніи оныхъ многими пріятными минутами въ жизни.

Въ началѣ февраля озабоченъ и даже обезпокоенъ я былъ нѣсколько новымъ нашимъ виннымъ откупщикомъ, славнымъ богачемъ и забіякою г. Игнатьевымъ. Сему стакавшемуся съ нашимъ княземъ-городничимъ и секретаремъ моимъ Варсобинымъ восхотѣлось при вступленіи въ откупы возпользоваться нашими волостями разметаніемъ по онымъ колико-можно множайшихъ незаконныхъ выставокъ и старавшемуся всѣми силами заманить и меня въ свои интересы; но я не знаю въ какомъ расположеніи былъ относительно до сего пункта мой командиръ и, не получая отъ него ника-

кого на представленія мои разрѣшенія, принужденъ былъ всячески отъ его усилій отвертываться и брать такія мѣры, которыя почиталъ для себя безопаснѣйшими. Бывшую въ первой половинѣ сего мѣсяца тогда у насъ масляную провели мы въ обыкновенныхъ другъ къ другу разъѣздахъ и катаньяхъ; но нельзя сказать, чтобъ слишкомъ весело, а напротивъ того, огорчены мы были извѣстіемъ, что тетка Матрена Васильевна Арцыбышева была больна и довольно опасною болѣзнью.

По наступленіи великаго поста, занимались мы всю первую недѣлю обыкновеннымъ богомоліемъ и говѣньемъ, а въ концѣ оной писали ко мнѣ изъ Тулы, чтобъ я пріѣхалъ въ оную и привезъ къ намѣстнику карты. Отъ директора же получалъ я требованія за требованіями, и онъ мнѣ ими даже надоѣлъ и наскучилъ, и тѣмъ паче, что были они на большую часть пустыя, наводившія мнѣ и всѣмъ канцелярскимъ служителямъ моимъ дѣлъ и хлопотъ множество превеликое.

Итакъ, на второй недѣли, сбывъ съ рукъ заѣзжавшаго ко мнѣ неожиданнаго гостя, московскаго купца и книгопродавца Ивана Васильевича Попова, собрались мы въ путь: я въ Тулу, а сынъ съ сестрою своею—въ Тверь, и всѣ вмѣстѣ поѣхали въ Головнино къ нашимъ роднымъ Воронцовымъ, которые располагались также вмѣстѣ съ сыномъ моимъ съѣздить въ Тверь. И пробывъ у нихъ сутки, отправились отъ нихъ 22 числа въ Тулу, и въ сей разъ пристали въ Тулѣ у тетки ихъ, старушки Прасковьи Васильевны Опавшинской, но у которой ночевали одну только ночь, ибо, проводивъ дѣтей въ ихъ путь, переѣхалъ я потомъ стоять къ Пастухову, куда переѣхала и жена моя, провожавшая дѣтей до Тулы, но на другой день поѣхавшая опять въ Богородицкъ, оставивъ меня въ Тулѣ хлопотать по дѣламъ своимъ. Въ сей разъ пробылъ я въ Тулѣ только три дня, въ которыхъ ежедневно бывалъ у намѣстника и директора. Первый обходился со мною по-прежнему очень милостиво и благосклонно, а послѣдній и такъ и сякъ; у сего старался я пощупать пульсъ въ разсужденіи откупщиковъ и ихъ выставокъ и успокоился, увидѣвъ, что онъ такой же былъ плутъ, какъ и всѣ прочіе, и былъ отъ откупщика закупленъ, почему и перестал я о нихъ думать и заботиться.

Наконецъ, отдавъ привозимыя съ собою деньги въ казенную полату и, повидавшись со всѣми моими друзьями и пріятелями, пустился я 26 числа въ обратный путь, прямо въ Богородицкъ, и достальные дни сего мѣсяца провелъ тамъ спокойно и благополучно.

Начало марта ознаменовалось возобновившеюся во мнѣ опять охотою къ стихотвореніямъ, и первыя начинающіяся тали и приближеніе весны подали къ тому поводъ. Мнѣ восхотѣлось воспѣть на своей простой сельской лирѣ красоты натуры въ сіе время, и я сочинилъ пѣснь къ первѣйшимъ талямъ, и хотя и сія сочинена у меня по примѣру прежнихъ бѣлыми стихами, но я перепишу ее здѣсь поэтическою прозою.

. . . .

Наступившій вскорѣ за симъ 11 день марта былъ для меня двумя происшествіями достопамятенъ. Во-первыхъ, тѣмъ, что мы получили извѣстіе о полученіи директоромъ нашимъ имяннаго указа о полномочіи надъ нашими волостями, которое тѣмъ болѣе меня смутило, что писали ко мнѣ, будто бъ велѣно ему было и жить въ Богородицкѣ, отчего натурально сталъ я опасаться, чтобъ онъ меня не вытѣснилъ изъ оваго, а сіе и въ состояніи было озаботить и обезпокоить духъ мой. Во-вторыхъ, тѣмъ, что въ сей день пріѣзжалъ ко мнѣ знакомый намъ Епифанскій помѣщикъ г. Григоровъ, Николай Сергѣевичъ, и началъ сватать дочь мою Ольгу за племянника своего Бородина, Ѳедора Ивановича. Молодой сей человѣкъ былъ намъ совсѣмъ почти незнакомъ, хотя мы и видали его нѣсколько разъ. Онъ имѣлъ хотя изрядный достатокъ и деревни, отчасти въ Веневскомъ, отчасти въ Богородицкомъ уѣздѣ, и съ

стороны достатка могъ почесться завистнымъ женихомъ; но какъ породою своею происходилъ онъ не изъ дворянства, а отецъ его былъ откупщикомъ Епифанскимъ и женатъ былъ только на дворянкѣ, родной теткѣ помянутаго г. Григорова, то обстоятельство сіе наводило на насъ, а всего болѣе на меня, великое сомнѣніе, почему и отвѣтъ мой на предложеніе его былъ на первый случай ничего еще незначущимъ.

Извѣстіе о директорѣ не преминуло скоро подтвердиться. Я получилъ на другой день послѣ сего уже и отъ самаго его при письмѣ первое предложеніе съ прописаніемъ имяннаго указа. И какъ въ оныхъ ничего еще о житьѣ его въ Богородицкѣ не было упомянуто, то сіе сколько-нибудь меня поуспокоило. Г. директоръ выписывалъ меня къ себѣ скорѣе съ планами и прочими бумагами, и его первое дѣло, по полученіи сего полновластія, было то, чтобъ наше волостное правленіе превратить въ канцелярію и писать къ нему отъ имени оной за моимъ подписаніемъ. Въ письмѣ же ко мнѣ писалъ онъ очень учтиво и ласково.

Я не преминулъ поспѣшить исполненіемъ всего того, о чемъ было ко мнѣ писано. И между тѣмъ, какъ вся канцелярія занималась заготовленіемъ требуемыхъ бумагъ, трудился и самъ я во весь послѣдующій день надъ сочиненіемъ и черченіемъ желаемыхъ директоромъ плановъ и, изготовивъ все, къ нему въ Тулу и поѣхалъ.

Ѣзда моя въ сей разъ была недолговременная, и я не болѣе въ Тулѣ пробылъ однихъ сутокъ. Директоръ принялъ меня отмѣнно хорошо и ласково, и мы проговорили съ нимъ весь вечеръ, въ который и кончили все; и хотя я и могъ бы на утріе ѣхать опять въ Богородицкъ, но я пробылъ и весь послѣдующій день въ Тулѣ, отобѣдалъ у намѣстника, повидался съ лучшими изъ своихъ друзей и знакомцевъ и возвратился уже 16 числа въ Богородицкъ.

Тутъ нашелъ я пріѣхавшую къ намъ въ городъ полѣчиться у нашего лѣкаря тетку жены моей, Матрену Васильевну Арцыбышеву. И какъ надлежало ей пожить у насъ нѣсколько время, то для спокойнѣйшаго ей пребыванія и отвели мы ей въ одномъ изъ флигелей дворцовыхъ нижніе покои, гдѣ она съ дочерью своею и расположилась. Кромѣ *ей*, нашелъ я и пріѣхавшаго ко мнѣ изъ Кирсановской моей деревни прикащика съ доходами изъ оной, простиравшимися въ сей разъ болѣе нежели до тысячи рублей.

Непосредственно почти за симъ насталъ день именинъ жены моей, въ который день была у насъ пирушка, и мы угощали у себя многихъ обѣдомъ и между прочимъ и самую тетку Матрену Васильевну, которая не такъ была больна, чтобъ не могла къ намъ изъ зáмка пріѣхать. Всѣ родные наши были также, а не доставало только однихъ отсутственныхъ, невозвратившихся еще изъ Твери. О сихъ, по причинѣ испортившагося уже зимняго пути и наступившей половоди, мы невѣдомо-какъ заботились и горевали о томъ, что имъ дурно будетъ ѣхать и даже опасно переправляться черезъ рѣки.

Не успѣло дней двухъ пройтить послѣ сего праздника, какъ посреди самыхъ часъ-отъ-часу болѣе увеличивавшихся заботъ о нашихъ дорожныхъ, поражены были всѣ мы скоропостижною и всего меньше ожидаемою кончиною любезной нашей Матрены Васильевны, воспослѣдовавшею передъ вечеромъ 21 числа марта. Не ожидали мы ни какъ сего, потому что ей было отъ болѣзни ея гораздо уже лучше, такъ что она въ самой сей день была нарочито весела, ходила, сидѣла, упражнялась по привычкѣ своей въ рукодѣліи и вязала чулокъ. Но вдругъ сдѣлалось ей дурно, подступило подъ грудь и менѣе нежели въ двѣ минуты ее не было уже на свѣтѣ и она переселилась въ вѣчность. Произошло сіе такъ скоро, что я не успѣлъ прискакать, хотя въ туже минуту ко мнѣ послали случившіяся тогда быть у ней дочь ея меньшая и матушка моя теща,—но не засталъ ее уж въ-живыхъ.

Легко можно заключить, что происшествіе сіе всѣхъ насъ сколько съ одной стороны огорчило, столько съ другой — и перетревожило, а больше всѣхъ меня. Я любилъ ее чистосердечно и она по уму и по всегдашней своей ласкѣ и дружбѣ къ намъ была и достойна любви и почтенія; и потому было всѣмъ намъ ее очень жаль. Но какъ опредѣленія судебъ перемѣнить было уже не можно, то надлежало думать о томъ, что̀ съ нею дѣлать и предпринимать, гдѣ предавать ее землѣ. Мое первое дѣло было отправить, ни мало не медля, съ извѣстіемъ о томъ къ обоимъ ея зятьямъ Крюкову и Кислинскому, находившимся въ своихъ деревняхъ; а между тѣмъ, перевезя дочь ея къ себѣ въ домъ, приступить къ приготовленію нужнаго для ея погребенія; ибо, по тогдашней половоди, не думалъ я чтобъ тѣло ея куда-нибудь везть можно было.

Къ симъ заботамъ присовокуплялась и другая отъ-часу болѣе увеличивающаяся о нашихъ дорожныхъ, о которыхъ мы не знали что̀ и думать, и очень огорчались. Наконецъ, пріѣзжаетъ большой зять мой изъ Тулы и привозитъ извѣстіе, будто бы былъ тамъ слухъ, что имъ надлежало еще въ тотъ же день пріѣхать въ Тулу и что ихъ видѣли не далече уже отъ оной, а посему и возвращенія ихъ къ намъ ожидать надобно въ тотъ же день къ вечеру. Сіе обрадовало насъ до чрезвычайности и увеличивало нетерпѣливое ожиданіе наше еще знатнымъ градусомъ. Мы ждали ихъ къ вечеру и ждали неспуская почти глазъ съ дорогъ, по которымъ имъ ѣхать надлежало; но они не ѣхали и ихъ невидать было. Каждый шумокъ, каждое брехавіе собакъ вызывало меня на крыльцо. Я устремлялъ взоры, простиралъ слухъ свой, чтобъ услышать шумокъ; но нѣтъ, ничего было не видно и не слышно; заключали то, заключали другое; выдумывали нужды и обстоятельства, остановившія ихъ въ Тулѣ и раздумывали и не знали, за чѣмъ бы они такъ долго не ѣхали. Наконецъ, положили, что они ночуютъ въ Дѣдиловѣ и къ намъ пріѣдутъ уже въ послѣдующій день рано.

Сіе и воспослѣдовало дѣйствительно, и мы обрадованы были наконецъ благополучнымъ ихъ возвращеніемъ. Но сколько нуждъ и самыхъ опасностей претерпѣли они на своемъ обратномъ путешествіи! По пріѣздѣ въ Серпуховъ, было на нихъ превеликое горе при услышаніи, что рѣка Ока только-что прошла и что чѐрезъ ее, за идущимъ льдомъ, не было нигдѣ и ни какого переѣзда. Сіе извѣстіе поразило ихъ, какъ громовымъ ударомъ, и они, почитая необходимостію, рѣшились-было съ крайнимъ огорченіемъ остаться въ Серпуховѣ, покуда пройдетъ ледъ, и пробыть тутъ и самую приближающуюся Святую недѣлю, хотя сіе было и крайне горестно. Но что-жъ случилось? Ночуя тутъ, вдругъ по-утру они слышутъ скрипъ ѣдущихъ по дорогѣ саней отъ рѣки. Удивившись тому, спрашиваютъ они у обозныхъ, какъ они переѣзжали рѣку? «По льду-де», отвѣчаютъ они, «сперлись-де икры и по нимъ переѣзжать можно». Сіе взбудоражило нашихъ дорожныхъ, захотѣлось и имъ перебраться какъ-нибудь за Оку и поспѣть къ намъ къ празднику. Долго они думали и совѣщались между собою, но наконецъ рѣшились ѣхать по морозцу хотя до берега и самимъ посмотрѣть. «Запрегай, запрегай скорѣе лошадей», и поѣхали; пріѣзжаютъ на берегъ и видятъ 2 или 3 превеликія льдины, спершіяся между береговъ, и по нимъ переѣзжающіе обозы. Какъ быть, думаютъ они и говорятъ между собою? Инымъ хотѣлось отважиться ѣхать и самихъ, другіе трепетали отъ одного помышленія явной опасности. Опасность въ самомъ дѣлѣ была великая, ибо и выше, и ниже сихъ льдинъ рѣка уже прошла. Долго они думали и не рѣшались, но наконецъ, желаніе добраться до дома превозмогло страхъ и они наудачу пустились на сію отвагу и, перекрестясь, сами пошли пѣшкомъ, а повозкамъ велѣли ѣхать. У всѣхъ у нихъ душа была во все время отважнаго перехода сего не на мѣстѣ, и одна изъ дочерей моихъ

чуть-было не оступилась и не попала между льдомъ въ воду. Но какъ бы то ни было, но они, хотя съ неописаннымъ страхомъ и трепетомъ, но удачно и благополучно перебрались черезъ рѣку и со всѣми повозками своими и не вспомнились отъ радости, какъ увидѣли, что черезъ нѣсколько минутъ льдины сіи отъ напора воды треснули и пошли въ ходъ свой. Они не находили довольно словъ къ благодаренію Господа за такую великую къ себѣ милость.

На другой день по пріѣздѣ ихъ прискакалъ къ намъ и меньшой зять покойницы Левъ Савичъ Крюковъ, съ которымъ и условились мы, чтобъ погребсти покойницу у насъ въ Богородицкѣ. И какъ къ сему времени приготовленъ былъ уже нами и гробъ, то въ тотъ же день и вынесли мы тѣло ея въ церковь. Къ послѣдующему за симъ дню, противъ всякаго чаянія, прискакалъ и старшій ея зять — Василій Ивановичъ Кислинскій съ женою и дѣтьми; почему и не стали мы долѣе мѣшкать, но въ тотъ же день съ обыкновенною процессіею, при стеченіи многочисленнаго народа и погребли ее на островку у гошпитальной церкви Ильи Пророка, по правую сторону алтаря, подлѣ дѣтей моихъ и внучатъ. А до погребенія еще имѣлъ я удовольствіе помирить между собою обоихъ сихъ зятьевъ покойницы, бывшихъ до сего въ несогласіи, и прекратить всю вражду между ими. Оба они были и наслѣдниками всему оставшемуся послѣ ея имѣнію, въ которое они съ того времени и вступили. Они пробыли у меня еще дня два и хотя за половодью хотѣли-было остаться и на праздникъ, но послѣ раздумали и разъѣхались — каждый во-свояси.

Все сіе происходило въ теченіи Страстной недѣли, съ окончаніемъ которой кончился и мартъ мѣсяцъ. День Пасхи случился въ сей годъ у насъ въ самое первое число апрѣля. Я отпраздновалъ оный въ кругу всего своего семейства и всѣ мы были веселы и довольны, но послѣдующихъ за симъ прочихъ дней Святой недѣли почти не видѣлъ. Директоръ нашъ заметалъ насъ повелѣніями за повелѣніями и надавалъ намъ требованіями и предписаніями своими столько трудовъ и работы, что не только всѣ канцелярскіе мои служители, но самъ я имѣлъ полны руки работы и мы всю Святую недѣлю прописали и промучились всякой день до усталости трудами. Словомъ, во все мое долговременное въ Богородицкѣ пребываніе не имѣлъ столько наискучнѣйшихъ трудовъ по должности, какъ въ сіе время. Происходило сіе отъ того, что г. Дурову, какъ новому полновластному начальнику, хотѣлось оказать свое искусство въ правленіи, а особливо по бумажнымъ дѣламъ; и чего-и-чего не принуждены мы были по требованіямъ и по хотѣніямъ его писать и переписывать, и на большую часть пустова и такова, чему мы всѣ внутренно смѣялись и негодовали. Не удовольствуясь одними то-и-дѣло присылаемыми предписаніями, прислалъ онъ еще къ намъ одного коммиссіонера или, прямо сказать, шпіона, отысканнаго имъ въ Тулѣ изъ тамошнихъ квартальныхъ офицеровъ и принятаго имъ къ себѣ для опредѣленія къ должности у насъ по волостямъ. Человѣкъ сей прозывался Сорокинымъ и былъ таковъ, что мы при первомъ взглядѣ на него и заключили, что надобно было ему быть изъ плутовъ плуту и самому негодному человѣку. Въ заключеніи семъ мы ни мало и не ошиблись, ибо не успѣлъ онъ пріѣхать какъ и началъ все вынаривать и выискивать, какъ сущій бездѣльникъ. Но, спасибо, что канцелярія моя была во всемъ исправна и ему трудно было найтить какія-нибудь неисправности въ оной. Со всѣмъ тѣмъ, секретарь мой Варсобинъ, по извѣстному негодному его характеру, не преминулъ тотчасъ съ нимъ, къ превеликой досадѣ моей и добраго моего секретаря Щедилова, снюхаться и внушить ему всякія бездѣльствы и клеветы по своему обыкновенію, хотя послѣ самому жъ ему они во вредъ обратились. Впрочемъ, первѣйшими дѣяніями нашего новаго полновластнаго начальника было то, что

онъ уничтожилъ бывшую у насъ до того волостную богадѣльню, и обрадовалъ симъ всѣхъ бывшихъ въ ней бѣдняковъ, содержимыхъ на казенномъ коштѣ, на самый первый день Пасхи, и чрезъ то навлекъ на себя проклятіе отъ сихъ бѣдныхъ старухъ и стариковъ. Вторымъ и также новымъ безразсуднымъ и такимъ дѣяніемъ, въ которомъ онъ послѣ самъ раскаявался, было то, что онъ велѣлъ распустить всѣхъ бывшихъ у насъ при домѣ и такъ-называемыхъ бобылей, набранныхъ изъ обѣднѣвшихъ совсѣмъ крестьянъ и употребляемыхъ до того на исправленіе всѣхъ мелкихъ ежедневныхъ работъ въ садахъ и при домѣ казенномъ, и получавшихъ за то мѣсячину изъ магазина. Сдѣлано было сіе по представленію моему для облегченія крестьянъ и они были очень нужными льдьми. Но г. Дурову показалось, что они много съѣдаютъ хлѣба и получаютъ жалованье, хотя все сіе составляло самую бездѣлку, и потому велѣлъ онъ ихъ всѣхъ распустить и какъ, неимѣющихъ ни домовъ и ничего, заставилъ скитаться по-міру. Самому ему они послѣ очень вознадобились, но ихъ взять было уже негдѣ.

Промучившись за помянутыми письменными дѣлами до самой половины апрѣля мѣсяца, надобно мнѣ было самому отвезть ихъ въ Тулу къ г. Дурову, куда я 16 числа и поѣхалъ, и въ сей разъ остановился у друга моего Петра Николаевича Юшкова, который былъ мнѣ очень радъ и отвелъ мнѣ въ домѣ своемъ особые покойцы для квартированія, которыми равно какъ и дружбою и ласкою угощеніемъ его и жены его былъ я очень доволенъ. У командира своего былъ я на другой день по-утру; пробылъ у него часа только три, въ которые успѣли мы все переговорить и дѣла свои кончить. Отъ него проѣхалъ я къ намѣстнику, который принялъ меня по-прежнему очень милостиво и дружелюбно и не преминулъ меня расспросить, а я ему разсказать о всѣхъ дѣяніяхъ моего начальника, и онъ, слушая то, только-что усмѣхался, какъ и нельзя было многому не смѣяться; ибо многія затѣи и предпріятія его были по всей справедливости смѣха достойными. Вечеръ пробылъ я опять у г. Дурова, и раскланявшись съ нимъ, рѣшился на другой же день по-утру пуститься въ обратный путь.

Итакъ, и въ сей разъ все пребываніе мое въ Тулѣ было кратковременное и достопамятно лишь было тѣмъ, что отъ бывшаго тогда въ Тулѣ и со мною у Юшкова видѣвшагося большаго зятя моего услышалъ я, что тамъ былъ разговоръ о моемъ сынѣ и чтобъ опредѣлить его въ тамошнее городское училище директоромъ. И какъ сія должность была бы прямо по немъ и мѣсто довольно выгодное, то и прельстился я къ мыслямъ объ немъ. А по пріѣздѣ же не примѣтилъ и у сына моего отъ того отвращенія.

Не успѣло и двухъ дней пройтить послѣ моего возвращенія въ Богородицкъ, какъ получилъ я отъ командира моего опять новыя повелѣнія и опять навалена была на меня отъ него новая работа, которая была для меня тѣмъ скучнѣе и обременительнѣе, что не составляла никакой важности и была совсѣмъ почти пустая, и всѣ сіи новыя повелѣнія наполнены были господиномъ директоромъ хитросплетенными только дрязгами. Между тѣмъ, насталъ день именинъ моей старшей дочери. И какъ зять мой, по привычкѣ и обыкновенію своему, всегда такіе дни праздновалъ, то и сдѣлалъ онъ въ сей день большой пиръ въ своей деревнѣ, а мы всѣ должны были къ нему ѣхать и тамъ со множествомъ другихъ гостей оный праздновать.

Вскорѣ затѣмъ наступилъ май мѣсяцъ и начиналось наипріятнѣйшее время въ году. Но мнѣ не удалось почти вовсе онымъ въ сей годъ воспользоваться. Причиною тому было то, что въ самомъ началѣ сего пріятнѣйшаго въ году мѣсяца пріѣхалъ къ намъ г. директоръ съ однимъ изъ младшихъ сыновей своихъ, и пріѣхалъ не на короткое время, а надолго и съ тѣмъ, чтобъ ему войтить въ хозяйственныя дѣла и распоряженія по волостямъ. Къ чему онъ, расположившись

жить во флигелѣ дворца, тотчасъ и приступилъ. И какъ я долженъ былъ ему во всемъ, а особливо по маловѣдѣнію его помогать и не только быть при немъ безотлучнымъ, и не только съ нимъ всюду и всюду ходить и ѣздить, но сверхъ того, ежедневно писать и работать отчасти съ нимъ, отчасти въ канцеляріи, и заниматься прескучными, хлопотливыми и набольшую часть пустыми и совсѣмъ ненужными и такими дѣлами, которыя ему, по его мнительному и странному характеру, казались необходимо нужными,— то все сіе отвлекло меня совсѣмъ отъ прежнихъ моихъ удовольственныхъ занятій, и такъ, что я во все теченіе мая мѣсяца, который весь онъ тогда у насъ пробылъ, не имѣлъ не только ни одного дня, но ни одного почти часа для себя свободнымъ, и все время сіе препроводилъ не только въ безпрерывныхъ трудахъ и хлопотахъ, но въ скукѣ, досадахъ, безпокойствахъ и неудовольствіяхъ, а потому и не могъ какъ прежде пользоваться и утѣшаться всѣми пріятностями начавшейся весны и возобновившейся натуры.

Теперь было-бъ слишкомъ много, а притомъ и скучно разсказывать все-и-все, въ чемъ мы съ нимъ тогда упражнялись, а упомяну только немногими словами о наиважнѣйшихъ нашихъ занятіяхъ. Первое состояло въ осмотрѣ всѣхъ мѣстъ въ самомъ селеніи нашего села Богородицка. Я принужденъ былъ съ нимъ не только изъѣздить, но и пѣшкомъ и до самой усталости исходить, такъ сказать, всѣ углы и закоулки и обо всемъ ему, распрашивающему, толковать и разсказывать, и не одинъ, а много разъ не только дивиться, но даже иногда внутренно хохотать крайнему его во всѣхъ хозяйственныхъ дѣлахъ невѣжеству. Но никогда онъ меня такъ не удивилъ, какъ, ходючи однажды по нашему большому саду и смотря на плодовитый кустарникъ, вопросомъ своимъ, что̀ бъ это былъ за кустарникъ и на что̀ онъ тутъ? Ибо незнаніе его невѣроятнымъ образомъ до того простиралось, что онъ не зналъ смородины и крыжовника и не умѣлъ различить ихъ между собою, и до того меня глупыми своими вопросами довелъ, что я чуть-было вслухъ не захохоталъ, оные услышавъ. Такимъ же образомъ долженъ я былъ объѣздить съ нимъ и всѣ ближнія къ городу нашему волостныя селенія, также и всю почти Бобриковскую волость, и также ему на многіе его и столь же глупые и смѣшные вопросы отвѣтствовать, но обо всемъ такъ, какъ-бы никогда деревень и полей невидавшему человѣку, толковать и нерѣдко о иномъ предметѣ нѣсколько разъ, и, какъ сорокѣ Якова, повторять и вновь пересказывать. И такому-то мудрому человѣку поручены были въ полное управленіе толь многія селы и деревни и многіе тысячи жителей, въ нихъ обитающихъ, и я долженъ былъ быть его наставникомъ, руководителемъ и состоять въ его повелѣніяхъ!

Но на семъ дозвольте мнѣ, мой другъ, остановиться и сіе письмо симъ кончить. Нѣкоторыя захватившіе меня недосуги и другія дѣла, обратившія на себя мое вниманіе, были причиною, побудившею меня къ тому, и вы извините меня, если я перерву и переписку мою съ вами на нѣсколько времени. Итакъ, увѣривъ васъ о непремѣнности моего къ вамъ душевнаго расположенія, остаюсь вашъ, и прочая.

(Февраля 1 дня 1814 года. Въ Дворениновѣ).

Письмо 297.

Любезный пріятель! Не сообщавъ вамъ, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, безмала почти три года ничего о случившихся дальнѣйшихъ въ жизнь мою со мною происшествіяхъ и, приступая теперь паки къ продолженію прекратившагося повѣствованія моего, скажу, что тогдашнее пребываніе новаго моего главнаго начальника у насъ въ Богородицкѣ продлилось ровно пять недѣль. Сей періодъ времени былъ для меня толико труденъ и наполненъ толиками заботами, безпокойствами, трудами, неудовольствіями и

самыми даже досадами, что и понынѣ, хотя протекло уже съ того времени цѣлыхъ двадцать лѣтъ, мнѣ время сіе очень-очень памятно, и я и понынѣ еще дивлюсь самъ себѣ, какъ я могъ переносить толь многіе труды, хлопоты, досады и безпокойства и прикраиваться къ такому странному характеру, какой имѣлъ г. Дуровъ, съ которымъ по-истинѣ трудно и мудрено было ладить. Со всѣмъ тѣмъ, я кое-какъ къ нему подлаживалъ, хотя не рѣдко доходило до того, что я принужденъ былъ дѣлать самъ себѣ великое насиліе.

Къ вящщему смущенію и затрудненію, во всемъ присовокуплялось и то, что никогда почти не пріѣзжало ко мнѣ такъ много знакомыхъ и незнакомыхъ гостей и желавшихъ лѣчиться на моей электрической машинѣ благородныхъ людей, какъ въ сей періодъ времени. Всѣми ими долженъ я былъ заниматься, всѣхъ ихъ угащивать, къ нимъ ѣздить и ходить, и со всѣми ими имѣть дѣло, а въ самое то же время исполнять и всѣ глупыя и на большуючасть пустыя требованія иприказанія моего велемудраго начальника, и исполнять хотя нехотя, но скрывая колико можно свое нехотѣніе и не подавая чрезъ то никакова повода къ неудовольствію на меня.

Изъ числа пріѣзжавшихъ къ намъ въ сей періодъ времени нашихъ родныхъ, важнѣй всѣхъ прочихъ были обѣ мои племянницы Травины, Надежда и Анна Андреевны, пріѣхавшія съ сіе время погостить къ намъ изъ Твери и гостившія то у насъ, то у обоихъ моихъ зятьевъ, въ Ламкахъ и въ Головнинѣ, и я съ трудомъ могъ кое-когда отрываться отъ своихъ дѣлъ и въ переѣздахъ ихъ дѣлать имъ сотоварищество.

Кромѣ ѣзды съ начальникомъ моимъ по всѣмъ почти волостнымъ деревнямъ, которыхъ хотѣлось ему видѣть, занимались мы со всѣми моими канцелярскими служителями даже до усталости всякій день письменными дѣлами. Безпрерывныя и ежедневно вновь даваемыя намъ приказанія и требованія, не только мнѣ, но и всѣмъ имъ становвлись уже очень солоны и досадны. Всѣ они не менѣе моего роптали на оныя, и не рѣдко вмѣстѣ со мною глупымъ и пустымъ требованіямъ его втайнѣ смѣялись и хохотали. Всѣ и они, также какъ и я, судя по всѣмъ его дѣламъ и предпріятіямъ, заключали, что ничего добраго не можно было отъ него ожидать и что трудно и мудрено будетъ съ нимъ уживаться.

Все сіе озабочивало весьма много и все мое семейство; всѣ они согласны были со мною въ тѣхъ мысляхъ, что едва ли не надлежало намъ помышлять и объ оставленіи сего мѣста и удаленіи себя на покой въ свою деревнишку. И какъ оная, по случаю долговременнаго нашего отсутствія, находилась въ великой разстройкѣ и не въ готовности къ принятію насъ въ свои нѣдра для всегдашняго обиталища, и нужно было многое кое-что заблаговременно исправить,—то препоручилъ я сыну своему втеченіе времени сего туда съѣздить и кое-что поисправить. Наиглавнѣйшая надобность была та, чтобъ уговорить племянника моего Андрея Михайловича промѣнять намъ пустую усадьбу покойнаго дяди его Гаврила Матвѣевича, или все то мѣсто, лежащее вплоть подлѣ моего ближняго сада, гдѣ прежде сего находился домъ, дворъ и садъ покойнаго дяди моего Матвѣя Петровича, и которое въ сіе время лежало наибольшую часть впустѣ и занимаемо было отчасти ледниками, огородами, и намъ для расширенія моего ближняго сада чрезвычайно было нужно. Но племянничекъ мой, тогдашній владѣлецъ сего мѣста, былъ такого характера, что съ нимъ трудно было въ чемъ-нибудь согласиться. Онъ соглашался его промѣнять и опять раздумывалъ; не одинъ разъ давалъ намъ вѣрное слово и опять его нарушалъ. Однако, мы не преставали ему о томъ докучать и предлагали въ замѣнъ оной наивыгоднѣйшія для него кондиціи.

При всѣхъ сихъ обстоятельствахъ, протекъ непримѣтно весь нашъ май мѣсяцъ. За хлопотами и ежедневными безпокойствами, и не видѣлъ я почти онаго, и ни

въ который годъ ни утѣшался я такъ мало красотами и пріятностями возобновляющейся натуры, какъ въ сей. Мы хотя и часто хаживали съ г. Дуровымъ въ сады наши и занимались разговорами, но не такими, которые могли бы доставлять нѣкоторое удовольствіе. Ахъ! они не увеселеніе, а досады и неудовольствія только производили! Человѣкъ сей не въ состояніи былъ чувствовать ничего изящнаго и всего меньше былъ способенъ къ такимъ душевнымъ удовольствіямъ, къ какимъ я привыкъ! Наилутчая его забава при сихъ прогулкахъ состояла въ ловленіи въ прудахъ рыбы удою; къ чему не имѣлъ я ни малѣйшей склонности и охоты. Но какъ я всегда долженъ былъ ему сотовариществовать, то была для меня всегда скучная коммиссія присутствовать при сей ловлѣ и препровождать по нѣскольку часовъ въ совершенномъ бездѣйствіи и скукѣ. Иногда, когда случалась жаркая погода, приходила ему охота купаться въ нашей прекрасной купальнѣ. И какъ я долженъ былъ и въ томъ ему, и не рѣдко противъ хотѣнія сотовариществовать, то случалось не одинъ разъ, что я отъ сей заботы простуживался и принужденъ бывалъ по вечерамъ лѣчиться и отпиваться своимъ декоктами. Словомъ, всѣ наши хожденія по садамъ и другимъ частямъ усадьбы были для меня всего меньше увеселительны, а всего чаще отяготительны и скучны, и я невѣдомо-какъ радъ бывалъ, когда случалось, что хаживалъ онъ одинъ съ ружьемъ стрѣлять дичину. При таковыхъ случаяхъ, оставаясь дома, не упускалъ я воспользоваться сколько можно симъ свободнымъ временемъ и занимался своими обыкновенными и любимыми упражненіями. Но и сіе удавалось мнѣ только тогда, когда не навалено было мнѣ отъ него какое-нибудь скучное дѣло по нашимъ письменнымъ дѣламъ въ канцеляріи. Самые бывшіе въ сей годъ въ маѣ большіе праздники Троицынъ день и Вознесенье провели мы въ Тулѣ и безъ всякихъ увеселеній.

Наконецъ, наступилъ уже и іюнь мѣсяцъ и прошла даже почти цѣлая треть и сего мѣсяца, но г. Дуровъ все еще у насъ жилъ и, повидимому, не помышлялъ даже объ отъѣздѣ въ Тулу къ директорской своей должности. Для всѣхъ насъ, желавшихъ его отбытія, было сіе крайне удивительно, и мы не понимали, что́ бы тому было причиною. Но скоро загадка сія для насъ разрѣшилась, и мы узнали, что со дня на день дожидался присылки изъ Петербурга имяннаго отъ императрицы о себѣ указа. Думать надобно, что онъ о скорой присылкѣ онаго былъ отъ милостивцовъ и благодѣтелей своихъ предувѣдомленъ, и потому ожидалъ онаго съ крайнею нетерпѣливостью. Сію старался онъ хотя всячески отъ насъ скрывать, но она обнаруживалась сама собою и сдѣлалась намъ очень примѣтною, какъ скоро получено было первѣйшее извѣстіе изъ Тулы о полученіи онаго. Случилось сіе 10 іюня, что узналъ онъ о томъ чрезъ письмо, присланное къ нему по почтѣ изъ Тулы. Но какъ онаго съ почтою не было къ нему прислано, то нетерпѣливость его достигла до высочайшей степени и онъ горѣлъ, какъ на огнѣ, дожидаясь съ часу-на-часъ присылки онаго къ себѣ съ нарочнымъ. Признаться надобно, что и всѣ мы почти не менѣе его дожидались онаго, ибо крайне любопытны были узнать, о чемъ бы такомъ былъ сей имянной указъ отъ самой императрицы. Мы помышляли то о томъ, то о другомъ, но всего меньше ожидали того, что́ воспослѣдовало, и о чемъ, ко всеобщему всѣхъ душевному прискорбію, узнали мы чрезъ нѣсколько часовъ по пришествіи почты.

Директоръ, пославшій того момента нарочнаго за указомъ симъ въ Тулу, былъ въ сей день отмѣнно веселъ, и удовольствіе казалось написаннымъ быть на глазахъ. И какъ случилось сіе въ день воскресный и гулевой, то притворное благоволеніе его и ласка ко мнѣ простерлись до того, что онъ удостоилъ меня въ сей день своимъ послѣ обѣда посѣщеніемъ и былъ любопытенъ видѣть въ садикѣ моемъ отдѣланную только-что тогда

и изъ одной земли, новою и славящеюся тогда во всей Европѣ методою, и прекрасно обработанную мною избу. Итакъ, по желанію его, и пошли мы съ нимъ и случившимся тогда быть у меня старшимъ моимъ зятемъ въ мой прекрасный садочикъ и, погулявъ по оному, вошли въ избу, гдѣ угощалъ я его прохладительными напитками. Строеніе сіе сколь ни было достойно особеннаго вниманія и сколько ни заслуживало отъ всѣхъ разумныхъ людей похвалы, но онъ смотрѣлъ на оное безъ всякаго чувствія и не удостоилъ ни малѣйшей почти похвалы, чтó мнѣ нѣкоторымъ образомъ было прикро и досадно, но сіе было какъ бы преддверіемъ имѣющей вскорѣ за симъ воспослѣдовать важнѣйшей для меня непріятности. Сія досада моя недолго тогда продолжалась. Я приписывалъ то его невѣжеству и неспособности къ чувствованію всего изящнаго, скоро пересталъ о томъ думать и радъ былъ, что онъ, посидѣвъ нѣсколько минутъ въ ней, предложилъ, чтобъ иттить съ нимъ въ большой дворцовый садъ и ловить удами рыбу. «И въ самомъ дѣлѣ, сказалъ я, и не пріятнѣе-ли намъ тамъ будетъ?»

Словцо сіе сказалъ я отъ внутренней, хотя скрытой досады и негодованія, но онымъ равно какъ бы угадалъ, что тамъ будетъ пріятнѣе, но ошибся только въ томъ, что не обоимъ намъ, а ему только одному. Ибо едва только мы вошли въ большой дворцовой садъ и, идучи по набережной, поравнялись съ прекрасною развалиною, вырубленною мною въ горѣ разноцвѣтнаго твердаго песку, какъ завидѣли поспѣшающаго за нами и пріѣхавшаго изъ Тулы гонца съ пакетомъ въ рукахъ. «Ахъ! вотъ, вотъ, конечно и указъ», воскликнулъ г. Д у р о в ъ въ нѣкоемъ восторгѣ и протягивалъ уже издалека руку, для принятія подаваемой ему бумаги. Въ одинъ мигъ пакетъ былъ вскрытъ и находящаяся въ немъ бумага, съ примѣтнымъ, радостнымъ восхищеніемъ, прочитана. «Ну, господа», сказалъ онъ намъ, весьма любопытствующимъ узнать содержаніе оной, «поздравьте меня съ новою милостію и благоволеніемъ ко мнѣ ея величества государыни императрицы». — «Поздравляемъ, поздравлямъ! хотя не знаемъ еще съ какою!» воскликнулъ я. — «А вотъ возьмите и прочтите сами», подхватилъ онъ, подавая мнѣ указъ. Съ трепещущимъ духомъ принялъ я его. И какъ состоялъ онъ въ немногихъ только строкахъ, то въ одну секунду пробѣжалъ я его своимъ взглядомъ. Написано было въ немъ только то, что императрица, снисходя на его прошеніе и желаніе, увольняетъ его совсѣмъ отъ должности директора экономіи по казенной полатѣ и оставляетъ его при единомъ управленіи ея волостей. Теперь не могу я никакъ изобразить того душевнаго смущенія, въ какое привели меня немногія слова сіи. Вся кровь во мнѣ взволновалась, и я обомлѣлъ почти, читая оныя. Но какъ нужно было колико можно скрыть душевное мое смущеніе, то употребилъ я всю философическую твердость духа къ принужденію себя къ принятію веселаго вида и къ сказанію ему съ вольнымъ духомъ: «Ну, теперь видимъ и имѣемъ честь васъ поздравить и желаемъ получить еще и множайшее благоволеніе ея величества». — «Довольно и сего, подхватилъ онъ, мнѣ ничего такъ не хотѣлось какъ отвязаться отъ этой скучной и досадной казенной полаты; не изволила что-то возлюбить меня! Но, правду сказать, и я не то-то что былъ ею доволенъ!» При семъ словѣ не могъ я, чтобъ не подумать и самому себѣ въ мысляхъ не сказать: «но если, полно, кто-нибудь въ свѣтѣ, которой бы могъ тебя искренно полюбить»! А онъ, продолжая рѣчь свою далѣе, сказалъ: «а теперь оставайся она себѣ какъ хочетъ, а мы, господа, поживемъ здѣсь вмѣстѣ съ вами въ удаленіи, тишинѣ и спокойствіи, прошу меня любить и мнѣ благопріятствовать».— «А мы, подхватилъ я, о томъ же и васъ всепокорнѣйше просимъ».

Болѣе сего не могъ и не въ состояніи я былъ ничего въ тогдашнемъ смущеніи моемъ выговорить, вся душа моя

была въ разстройкѣ неизобразимой. Къ тому-жъ, и онъ поспѣшилъ возвращеніемъ своимъ во дворецъ, сказавъ намъ: «ну, теперь надобно мнѣ поспѣшить отъѣздомъ своимъ въ Тулу, чтобъ сдать свои дѣла и накопившіяся здѣсь деньги, и потомъ помыслить о томъ, какъ бы перебраться сюда со всѣмъ своимъ буторомъ и семействомъ.»

Сіе объяснило намъ еще болѣе его мысли и желанія и удостовѣрило въ томъ, что радовался онъ не столько о томъ, что отдѣлался онъ отъ казенной полаты, которая въ самомъ дѣлѣ возненавидѣла его до крайности, какъ о томъ, что могъ уже у насъ въ волостяхъ воцариться совершенно и хозяйствовать во всемъ по своему произволу. Проводивъ его до дворца, забѣжалъ я на минуту въ свою канцелярію, чтобъ сообщить новость сію о семъ канцелярскимъ служителямъ и обрадовать или паче смутить и ихъ также оною. Всѣ они, услышавъ о содержаніи указа и о намѣреніи г. Дурова переѣхать совсѣмъ жить къ намъ, взохались и всѣ повѣсили головы; а я поспѣшилъ, оставя ихъ горевать и судачить о томъ, къ себѣ въ домъ, для сообщенія извѣстія о томъ же моимъ домашнимъ.

Всѣ сіи, услышавъ отъ кого-то о привезеніи указа, съ нетерпѣливостью ждали меня къ себѣ и наперерывъ другъ предъ другомъ спрашивали меня о содержаніи онаго. Какъ мнѣ не хотѣлось ихъ вдругъ поразить такимъ же огорченіемъ, какое я самъ тогда почувствовалъ, то, принявъ, сколько можно было, притворный веселый видъ, сказалъ имъ: «ну, на-силу-на-силу желаніе наше совершается, и чадо нашъ либо завтра, либо послѣ завтра отъ насъ въ Тулу поѣдетъ».—«Ну, слава Богу! воскликнули они, а то истинно уже дрязгами своими всѣмъ наскучилъ и надоѣлъ. Но что-жъ, развѣ указомъ этимъ ему сіе велѣно?»—«Нѣтъ! сказалъ я, но ему надобно, въ силу указа сего, сдавать казенной полатѣ свою директорскую должность, отъ которой онъ отставленъ». — «Но куда же опредѣленъ?» спросили онѣ меня.—«Никуда, а только оставленъ при управленіи однихъ здѣшнихъ волостей и хочетъ переѣзжать сюда къ намъ жить со всѣмъ своимъ скарбомъ и семействомъ». —«И что ты? воскликнула, услышавъ сіе старушка теща моя, не вправду-ли?»—«Точно такъ, сказалъ я, и онъ самъ мнѣ сіе уже объявилъ.» Теперь легко можно заключить, что слова сіи поразили все мое семейство неизобразимою горестью и смущеніемъ. Всѣ родные мои взохались, повѣсили головы и старѣйшія изъ нихъ спрашивали только меня: «что же съ нами будетъ, когда онъ тутъ жить и хозяйствовать станетъ?»—«Обо мнѣ, сказалъ я, хотя ничего въ указѣ не упомянуто, но само собою разумѣется, что сіе неожиданное происшествіе сопряжено уже съ тѣмъ послѣдствіемъ, что все наше владычество и всѣ выгоды, которыми мы здѣсь живучи такъ долго пользовались, должно уже кончиться, ибо когда онъ будетъ уже здѣсь во всемъ хозяйствовать, то намъ можно-ли будетъ такъ жить, какъ жили до сего времени и всѣмъ попрежнему пользоваться. Сверхъ того, какъ все состоять будетъ уже въ его волѣ, такъ Богъ еще знаетъ, захочетъ-ли онъ, чтобъ мы здѣсь долѣе имѣли свое пребываніе; а хотя бы онъ того и похотѣлъ, такъ что же такое долженъ я уже быть при немъ? Прикащикомъ что-ли и, такъ сказать, рабомъ и слугою его? И не должны-ли мы будемъ всего ожидать отъ рукъ его? Итакъ, чуть-ли не пора помышлять намъ объ оставленіи сего мѣста и о переѣздѣ жить въ свое Дворениново».

Всѣ согласны были съ моимъ мнѣніемъ и всѣ во весь остатокъ того дня не о чемъ болѣе не говорили, какъ о сей важной перемѣнѣ положенія нашего. Всѣ, однако, согласны были и въ томъ, что не было еще нужды слишкомъ тѣмъ спѣшить, а вооружиться терпѣніемъ и посмотрѣть напередъ, что далѣе будетъ и какія мѣры воспріемлетъ въ разсужденіи насъ господинъ Дуровъ, и какъ будетъ далѣе обходиться съ нами.

Въ послѣдующій день за симъ, крайне для меня достопамятный и незабвенный, обнародованъ былъ какъ въ Богородицкѣ, такъ и во всей волости помянутый важный указъ и всѣ чиновники приносили господину Дурову свои поздравленія. Ко мнѣ былъ сей новый нашъ воевода въ сей день отмѣнно какъ-то ласковъ, и благопріятство его до того простиралось, что пригласилъ меня даже къ себѣ обѣдать, но уморилъ меня почти съ голоду, ибо столъ его былъ какъ-то слишкомъ умѣренный. Все утро занимался онъ принимaніемъ отъ меня денежной казны для отсылки въ Петербургъ. И какъ оной накопилось тогда до тридцати тысячъ, то было намъ много труда при пересчитываніи и пересматриваніи всей оной. Послѣ обѣда же пріѣхалъ къ нему его сынъ вмѣстѣ съ господиномъ Григоровымъ, весьма старавшемся подбиться къ нему въ милость и благоволеніе, и мы всѣ ходили въ садъ и занимались опять уженіемъ рыбы.

Г. Дуровъ толико поспѣшилъ своимъ отъѣздомъ въ Тулу, что на другой же день послѣ сего туда отправился. А мы оставшись продолжали помышлять отъ часу болѣе о переселеніи своемъ въ деревню и ожидали возвращенія изъ оной моего сына, дабы съ нимъ о томъ посовѣтовать. Между тѣмъ, имѣли удовольствіе видѣть пріѣхавшаго къ намъ передъ вечеромъ сего дня деревенскаго сосѣда моего Андрея Михайловича, съ которымъ не преминулъ я пристальнѣе уже поговорить о промѣнѣ усадьбы, на что онъ наконецъ, къ удовольствію моему, и согласился. Но дѣло сіе и тогда еще не совсѣмъ состоялось.

Дни чрезъ два потомъ возвратился къ намъ и сынъ мой изъ деревни и насказалъ мнѣ столько всякой всячины, что смутилъ меня и привелъ въ великую нерѣшимость. Въ проѣздъ свой чрезъ Тулу былъ онъ у благопріятствующаго всегда ко мнѣ тогдашняго намѣстника Евгенія Петровича Кашкина. Сей не успѣлъ его увидѣть, какъ съ изъявленіемъ искренного сожалѣнія обо мнѣ разсказалъ ему о содержаніи полученнаго г. Дуровымъ имяннаго указа и, зная довольно дурной характеръ онаго, говорилъ, что мнѣ никакъ не можно будетъ съ нимъ ужиться, и что онъ совѣтуетъ мнѣ, ни мало не медля, писать къ самой императрицѣ проситься въ отставку и о награжденіи себя пенсіею. Совѣтъ сей, пересказанный мнѣ сыномъ моимъ, былъ, повидимому, благъ, однако, требовалъ того, чтобъ объ немъ гораздо подумать. Писаніе письма къ самой императрицѣ не составляло въ тогдашнее время бездѣлки и не такъ было удобопроизводимо, какъ при послѣдующихъ правленіяхъ. Къ подкрѣпленію просьбы моей, хотя бы я къ тому и отважился, нуженъ былъ какой-нибудь въ Петербургѣ именитый заступникъ и благодѣтель, а у меня никого такого тамъ не было, и потому просьба моя легко не могла бы имѣть никакого успѣха. Далѣе неизвѣстно было, угодно-ли будетъ самой государынѣ то, что я, будучи равно какъ бы недоволенъ тѣмъ, что она опредѣлила г. Дурова къ волостямъ, и ничего еще отъ него не видя, а прошусь уже въ отставку и докучаю ей сверхъ того, еще о пенсіи, которую она ни то пожалуетъ, ни то нѣтъ. Самая отставка моя наводила на меня нѣкоторое сомнѣніе. Господину Дурову, сколько я могъ примѣтить, былъ я болѣе нуженъ, нежели нѣтъ. По глубокому его невѣжеству и совершенному незнанію, какъ управлять такими многочисленными волостьми, почти необходимо нуженъ былъ такой человѣкъ, какъ я, который бы могъ ему не только преподавать нужныя къ тому свѣдѣнія, но дѣятельностью, трудолюбіемъ и способностями своими помогать ему самымъ дѣломъ, почему не ожидалъ я отъ него, чтобъ онъ сталъ меня усильно выгонять, а особливо при самомъ началѣ правленія его. Но паче опасался, чтобъ онъ, узнавъ о письмѣ моемъ и просьбѣ объ отставкѣ, не сталъ бы еще чрезъ того же благодѣтеля своего императрицина статсъ-секретаря Трощинскаго мѣшать выполненію оной, и чтобъ не воспослѣдовало еще повелѣнія, чтобъ

меня, какъ надобнаго и во всѣхъ до волостей касающихся дѣлахъ знающаго человѣка, отнюдь не отставлять; въ каковомъ случаѣ причинилъ бы я самъ себѣ чрезъ то болѣе вреда, нежели пользы; ибо, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, отставка моя зависѣла собственно отъ самого меня и отъ моего произвола. Въ управители надъ волостями и къ тогдашней должности опредѣленъ я былъ сначала не по точному имянному указу отъ императрицы, а единственно по волѣ и хотѣнію князя Гагарина и по сдѣланному съ нимъ соглашенію, чтобъ до тѣхъ поръ мнѣ служить, покуда я самъ захочу, а когда болѣе не пожелаю, чтобъ меня не удерживать. А посему все служеніе мое было, такъ сказать, совсѣмъ приватное, а не штатное, почему и не состоялъ я въ вѣдомствѣ ни у сената и ни у какого другого мѣста и могъ всегда, когда ни захотѣлъ бы, служеніе сіе оставить. А по всему сему и не было никакой собственной надобности утруждать императрицу просьбою о своей отставкѣ, а главною цѣлью просьбы моей могла бы быть пенсія, но и сія была мнѣ и надобна, и нѣтъ. По милости Господней, имѣлъ я столько достатка, что могъ пробыть и безъ оной. Къ тому-жъ, и полученіе оной было еще совсѣмъ не достовѣрно, а было болѣе причины опасаться, чтобъ я таковою просьбою не связалъ самъ себя такъ, что послѣ и отдѣлаться отъ мѣста и должности сей было бы очень трудно.

Вотъ—сколько разныхъ причинъ и обстоятельствъ, приводившихъ меня тогда въ нерѣшимость, послѣдовать-ли, или нѣтъ совѣту намѣстника. Обо всемъ томъ говорили и разсуждали мы нѣсколько дней сряду и съ сыномъ и прочими родными моими. Но какъ всѣмъ имъ, а признаться и самому мнѣ не слишкомъ хотѣлось разстаться съ тамошнимъ мѣстомъ, къ которому мы, живучи толико много лѣтъ, имѣли время привыкнуть, то мнѣнія всѣхъ наклонны были къ тому, чтобъ никакъ не спѣшить симъ дѣломъ и требованіемъ моей отставки, а посмотрѣть напередъ, какъ будетъ г. Дуровъ обходиться и что дѣлать и предпринимать съ нами, заключая, что и тогда, если увидимъ отъ него какія непріятности и притѣсненія, успѣть еще можно будетъ просить государыню о увольненіи меня отъ сего мѣста, и что тогда будетъ еще приличнѣе и удобнѣе приступить къ сей просьбѣ, а особливо въ случаѣ, если бъ самъ онъ не сталъ меня увольнять отъ оной, для собственныхъ своихъ выгодъ. Что-жъ касается собственно до меня, то я и при семъ важномъ случаѣ предавался во всемъ волѣ и произволенію небеснаго о себѣ попечителя и располагался съ терпѣніемъ ожидать всего отъ Его святыхъ судебъ и распоряженія, будучи удостовѣренъ въ томъ, что Ему болѣе извѣстно, что для меня вреднѣе или же полезнѣе. Сверхъ того, удерживало меня отъ поспѣшности въ семъ критическомъ дѣлѣ и то обстоятельство, что у меня было еще двѣ незамужнихъ дочери на рукахъ, да и самый сынъ мой не былъ еще въ чистой отставкѣ, а будучи выпущенъ изъ гвардіи къ штатскимъ дѣламъ, считался при герольдіи, и ни къ какому мѣсту и должности еще опредѣленъ не былъ. Къ чему ко всему, по мнѣнію моему, живучи долѣе въ Богородицкѣ, могъ я имѣть болѣе случая и удобности, нежели живучи въ своей деревнѣ и уединеніи.

Въ сихъ расположеніяхъ мыслей и рѣшившись съ общаго согласія ни мало не спѣшить, а ожидать всего отъ времени и неизвѣстныхъ намъ еще будущихъ обстоятельствъ, начали мы продолжать жить по-прежнему, и такъ, какъ бы ничего не бывало. Начались у насъ опять частыя съ отсутственными родными свиданія, переѣзды отъ однихъ къ другимъ, и дома угащиваніе пріѣзжающихъ къ намъ гостей. А между тѣмъ въ свободные отъ дѣлъ и занятій нашихъ часы—гулянія по садамъ и прежнія наши увеселенія.

Не успѣли мы дней десяти препроводить въ сей мирной и спокойной жизни, какъ въ одинъ день передъ вечеромъ потревожены мы были неожиданнымъ пріѣздомъ къ намъ въ городъ госпожи Дуровой, супруги нашего главнаго начальника,

присланной отъ мужа своего для осмотра всѣхъ жилыхъ покоевъ въ замкѣ и сужденія о томъ, гдѣ бы имъ расположиться и жить лучше и удобнѣе было. На какой конецъ и привезла она съ собою тульскаго архитектора, знакомца и пріятеля моего Кузьму Семеновича Сокольникова.

Я, узнавъ о пріѣздѣ ея въ замокъ, тотчасъ пошелъ къ ней, остановившейся въ тѣхъ немногихъ покойцахъ дворцоваго флигеля, гдѣ квартировалъ до того супругъ ея. Она приняла меня довольно ласково. И какъ было уже тогда перано, то пригласилъ я ее къ себѣ на ужинъ, на что она охотно и согласилась. При семъ случаѣ спознакомились всѣ мои родные съ сею госпожею и были ласкою ея къ себѣ нарочито довольны. Была она боярыня хотя пышная и дородная, но далеко не столь спѣсивая, какъ прежняя наша директорша госпожа Давыдова. Во весь послѣдующій за симъ день были у госпожи начальницы нашей со мною и г. Сокольниковымъ сужденія о томъ, гдѣ бы и какія комнаты готовить и отдѣлывать для будущаго житья ихъ. Она пересмотрѣла съ нами всѣ и нижнія, и верхнія комнаты въ дворцовомъ флигелѣ. Но всѣ ей были не угодны. Нижнія, немногія, имѣли между собою сообщеніе и были для семейства ихъ тѣсны, а соединять всѣ ихъ и отстраивать и убирать не годилось и обошлось бы слишкомъ дорого. Въ верхнихъ, по низкости ихъ, не хотѣли они никакъ располагаться. Новый деревянный домъ въ мигъ для себя построить было не можно и неудобно. Сказали ей, что есть продажный, готовый домъ у господъ Ильиныхъ, неподалеку отъ Богородицка. Она отправила тотчасъ Сокольникова туда для осмотра. Но и тотъ оказался къ тому и перевозу его неспособнымъ. Итакъ, по долгомъ думаніи и гаданіи, рѣшилась она на томъ, чтобъ имъ расположиться жить въ нижнемъ этажѣ самаго большаго дворцоваго дома; почему, приказавъ готовить оной для ихъ житья и переночевавъ еще ночь, отправилась обратно въ Тулу.

Дни чрезъ три послѣ сего, пріѣхалъ уже и первый обозъ нашего начальника съ винами и сундуками, которые всѣ помѣстили мы во дворцѣ. Но самого его еще не было и всѣ достальные дни мѣсяца іюня освобождены мы были еще отъ его прибытія, которые и употребили мы на обыкновенныя свои занятія. Ко мнѣ въ сіе время пригнали барановъ изъ тамбовской моей деревни и привезли 500 рублей денегъ, съ которыми по счету моему тогдашній мой денежный капиталъ простирался, по милости Господней, наличными—до двухъ, а съ находящимися въ домахъ—до одиннадцати тысячъ, изъ которыхъ ни одна копѣйка не пріобрѣтена была неправыми путями.

Оба последніе дни провели мы сего мѣсяца іюня въ Ламкахъ у моего зятя Шишкова, который по обыкновенію праздновалъ день именинъ своихъ и Петровъ день многочисленнымъ собраніемъ къ себѣ на пиръ какъ всѣхъ родныхъ, такъ и близкихъ сосѣдей, и мы всѣ такидовольно повеселились на ономъ.

Съ перваго числа іюля начали мы ожидать прибытія нашего главнаго начальника, поелику скарбъ и пожитки его были всѣ уже, и болѣе нежели на стѣ подводахъ привезено. Онъ самъ хотѣлъ было напередъ съѣздить въ Орелъ, гдѣ, какъ слышно было, досталось ему какое-то наслѣдство и гдѣ была и собственная его и одна только небольшая деревня, куда-было онъ и отправился. Но ужасное ненастье, случившееся около сего времени, его остановило и принудило съ дороги воротиться въ Тулу, а потому и ожидали мы еще самаго перваго числа. Однако, прибытія его не воспослѣдовало. Но не успѣло настать второе число, какъ получили мы повелѣніе, чтобъ выслать лошадей на подставу ему въ Дѣдиловъ. Итакъ, приготовились мы въ сей день ко встрѣтенію его. Но передовые, пріѣхавшіе къ намъ, привезли извѣстіе, что изволитъ ѣхать одна начальница съ дѣтьми, а супругъ ея отправился въ Орелъ. Мы прождали ее до самаго вечера, и она изволила пріѣхать во время уже самаго

нашего ужина, и я принужденъ былъ, оставя оный, спѣшить къ ней для поздравленія ее съ пріѣздомъ. Такимъ же образомъ приняла она и жену мою, ѣздившую къ ней на утріе, и была къ ней отмѣнно ласкова.

Такимъ образомъ нажили мы себѣ ближнюю и важную сосѣдку, съ которою надлежало обходиться намъ съ возможнѣйшею осторожностію. До меня доходила ей очень часто нужда: то то, то другое было ей надобно; то то, то другое надобно было приказывать сдѣлать, и я въ каждый день принужденъ былъ бывать у ней по нѣскольку разъ. О супругѣ ея сказывали мнѣ все непріятные слухи и вѣсти. Говорили, будто бы на умѣ у него не скоро отпускать меня въ отставку; чему не трудно было и повѣрить, имѣя множество случаевъ насмотрѣться великому его во всѣхъ вещахъ незнанію. Легко мнѣ можно было заключать, что я ему весьма нуженъ, а особливо въ первыя времена его управленія буду, и что ему весьма многому надобно будетъ учиться у меня; а безъ того во многихъ случаяхъ станетъ онъ совсѣмъ въ пень. Все это могъ я предварительно заключать, и потому предполагалъ уже въ мысляхъ намѣреніе воздерживаться сколько можно отъ преподаванія ему всѣхъ нужныхъ для его свѣдѣній и никакъ тѣмъ не спѣшить, а смотрѣть напередъ, какъ онъ со мною будетъ обходиться, и будетъ-ли онъ, по поступкамъ своимъ со мною, того стоить, чтобъ я ему во всемъ искренно и чистосердечно помогалъ и оказывалъ ему во всемъ нужныя услуги.

Между тѣмъ наступало время съѣзда обыкновенной всякій годъ въ Богородицкѣ ярмонки, бываемой 7 и 8 числа іюля. И какъ на оную, кромѣ многочисленной черни, съѣхалось со всѣхъ сторонъ множество обоего пола и дворянства, и въ числѣ ихъ было опять множество нашихъ знакомыхъ и пріятелей, которыхъ въ прежніе годы я, какъ знаменитѣйшая особа во всемъ городѣ, обыкновенно у себя угащивалъ и дѣлалъ для нихъ большіе пиры и увеселенія, и многія изъ нихъ у меня даже квартировали, то и въ сей годъ ярмонка сія не безъ хлопотъ для насъ была. При тогдашней перемѣнѣ обстоятельствъ, мнѣ хотя и не прилично было дѣлать по-прежнему для всѣхъ большіе пиры и банкеты, и я охотно представилъ то восхотѣвшему всѣхъ мущинъ угощать у себя обѣденнымъ столомъ въ шатрахъ тогдашнему винному откупщику господину Игнатьеву, и обѣдалъ даже и самъ у него съ прочими; но госпожи почти всѣ обѣдали у меня въ домѣ и угощаемы были моею женою. А послѣ обѣда пріѣзжала къ намъ и сама госпожа Дурова и перебывали всѣ прочіе и между прочими и прежній мой командиръ Василій Васильевичъ Юницкой. И мнѣ было довольно труда и хлопотъ при угащиваніи оныхъ у себя во весь тотъ день. У Игнатьева же, между тѣмъ всѣмъ охотникамъ до гулянья была добрая попойка и скачка и пляска, а ввечеру по-прежнему иллюминація. Со всѣмъ тѣмъ, ярмонка въ сей годъ далеко не была такова весела, какъ въ прежніе годы.

Едва только ярмонка и всѣ пріѣзжіе и квартировавшіе у меня въ домѣ гости и родные мои разъѣхались, какъ наступило 10 число іюля, достопамятное для меня тѣмъ, что ввечеру сего дня все мое полновластіе надъ волостьми кончилось; ибо въ послѣдующую за симъ ночь изволилъ изъ Орла пріѣхать и самъ главный нашъ начальникъ и командиръ и вступилъ въ полновластное управленіе оными.

Мое первое дѣло, было одѣвшись поутру, иттить къ нему. Онъ долго проспалъ и я принужденъ былъ нѣсколько часовъ дожидаться его вставанія въ канцеляріи. Наконецъ, онъ проснулся, вышелъ, и я пошелъ къ нему и подалъ рапортъ о благосостояніи волостей и мѣсячную о приходахъ и расходахъ вѣдомость. Тутъ и пошло тотчасъ у насъ съ нимъ калякание и съ его стороны наиприлежнѣйшее разсматриваніе въ бумагахъ каждой строки и точки и изъявленія сумнительствъ во всемъ. Я не могъ равнодушно смотрѣть на все сіе досадное явленіе

и внутренно хохоталъ странному его характеру. Но досада и негодованіе мое еще болѣе увеличились, когда восхотѣлъ онъ первѣйшій приступъ къ управленію волостьми ознаменовать какимъ-нибудь важнымъ дѣломъ. Состояло оно въ изліяніи на подкомандующихъ своихъ великихъ щедротъ и милостей или, прямѣе сказать, въ изъявленіи имъ своего недоброхотства и въ причиненіи имъ чувствительнаго неудовольствія. Первѣйшее дѣло его состояло въ отнятіи у Бобриковскаго управителя г. Верещагина и у перваго нашего секретаря опредѣленнаго имъ прежними главными командирами и отпускаемаго изъ магазиновъ фуражнаго овса на собственныхъ лошадей ихъ, чѣмъ онѣ уже многіе годы пользовались, и что̀ все составляло сущую бездѣлку и никакого дальнаго убытка отъ того для волостей не было. Услышавъ отъ него приказаніе о семъ, изумился я въ мысляхъ, и въ нѣкоторой досадѣ самъ себѣ въ мысляхъ говорилъ: «слава Богу, что у меня для разъѣзда были до того всё казенныя лошади, питаемыя казеннымъ кормомъ, а собственныхъ разъѣзжихъ лошадей у меня не было, а то не вздумалъ-ли-бъ онъ отнять и у меня также фуражъ.» Со всѣмъ тѣмъ, какъ я, сверхъ опредѣленнаго мнѣ денежнаго жалованья, получалъ по нѣсколько десятковъ четвертей ржи, гречихи и овса, то подумалъ я, чтобъ не вздумалъ онъ отнять и мнѣ опредѣленное количество овса, которымъ я вознамѣривался уже кормить собственныхъ своихъ лошадей; поелику всѣ казенныя должны поступить съ того времени въ его услугу, а я долженствовалъ имѣть уже своихъ собственныхъ. Однако, сего сдѣлать и меня тѣмъ при самомъ началѣ обидѣть и разогорчить онъ не отважился.

Другая черта добросердечія его состояла въ томъ, что онъ выпрошенному имъ у намѣстника для измѣренія отдаточныхъ въ наймы казенныхъ излишнихъ земель и присланному уже землемѣру не велѣлъ брать съ собою жены своей и не хотѣлъ дать ему ничего на содержаніе, чего онъ, по всей справедливости, имѣлъ право требовать. Сему велемудрому поступку, означающему не только грубость, но и самую подлость, не могъ я довольно надивиться и пособолѣзновалъ о межевщикѣ, пошедшемъ отъ него въ превеликомъ неудовольствіи.

Послѣ сего разсказывалъ онъ мнѣ, какъ онъ видѣлъ ночью чужихъ мужиковъ, нанимающихъ покосъ у крестьянъ волостныхъ, и шпіоничая распрашивалъ у нихъ, по чему они нанимаютъ, и что тѣ сказали ему, что нанимаютъ по 10 рублей десятину. Сіе вложило ему и Богъ-знаетъ что̀ въ голову, и онъ велѣлъ мнѣ подать записку о всѣхъ отдаточныхъ въ наймы лугахъ. Я усмѣхнулся въ душѣ моей сему его сумнительству, и сказалъ ему: «извольте, записка будетъ готова, но что это такъ, то сіе ни мало неудивительно. Луга нанимаютъ у насъ волостные мужики гуртомъ и по нѣскольку десятковъ десятинъ, и съ публичнаго торга, и довольно дорого; а что они излишніе изъ нихъ, остающіеся отъ собственнаго ихъ покоса, отдаютъ постороннимъ въ розницу, кому десятину, кому двѣ, или три, то для чего же имъ сего не дѣлать и не брать притомъ какого-нибудь барышка. Намъ же, въ такомъ раздробленіи и по малому числу десятинъ отдавать въ наймы ни какъ не можно». Слова сіи заставили его молчать; однако, записки всетаки онъ требовалъ, которая ему и была подана. Послѣ сего началъ онъ говорить о прожектированной архитекторомъ перестройкѣ нѣкоторыхъ покоевъ и другихъ пристройкахъ на дворѣ и разсматривать сдѣланныя смѣты чего они будутъ стоить. Я ожидалъ, что это покажется ему очень дорого и въ томъ и не обманулся. Но какъ нужны онѣ были собственно для самого его, то онъ закусилъ языкъ и не сказалъ ни одного слова.

Впрочемъ, былъ онъ ко мнѣ по обыкновенію ласковъ и благопріятенъ. Но сему вѣрить было не можно, а я всѣ его ласки почиталъ лукавствомъ и притворствомъ и предполагалъ, что онъ хотѣлъ только воспользоваться моими знаніями и со-

вѣтами, а послѣ вмѣсто благодарности не сталъ бы мнѣ же злодѣйствовать, и потому старался я въ иныхъ случаяхъ всячески отмалчиваться и не все ему то сказывать, что отроду помню. Но та была моя бѣда, что я, по добросердечію своему, не могъ иногда вытерпливать, чтобъ ему чего нужнаго ни сказывать.

Передъ обѣдомъ ушелъ я отъ него, поелику въ тотъ день была дочь моя Ольга именинница, и по сему случаю былъ у меня маленькій праздничекъ. Всѣ отсутственные родные мои ко мнѣ съѣхались, и былъ кое-кто и изъ постороннихъ нашихъ друзей и знакомцовъ. Итакъ, я во весь день не ходилъ уже къ своему начальнику, а оставилъ его осматривать кухню и хлопотать о лугахъ; самъ же занимался гостьми своими, съ которыми по прежнему обыкновенію повеселились. И какъ музыка у меня была своя собственная, то мы и потанцовали, а потомъ гуляли въ моемъ садикѣ и утѣшались и тамъ музыкою, заставивъ играть ее на духовыхъ инструментахъ.

Въ слѣдующій за симъ день, ходилъ я по-утру опять къ своему начальнику. Онъ мнѣ въ сей разъ ничего не говорилъ о своихъ предназначеніяхъ и намѣреніяхъ и, какъ примѣтно было, во всемъ отъ меня таился, а я—отъ него; ибо самому на все выдаваться мнѣ не хотѣлось. Новое было только то, что хотѣлось ему сдѣлать людскую комнату теплою, но не зналъ, какъ и кому бы то поручить, и сказывалъ мнѣ, что поручилъ то Варсобину и сержанту нашему Барковскому, котораго назначилъ быть у себя дворецкимъ. Видно было, что ему не хотѣлось меня симъ дѣломъ озабочивать и обременять, а я тому и радъ былъ и нарочно промолчалъ и не сказалъ ему ни одного слова, а самъ въ себѣ только подумалъ: «посмотримъ, какъ-то они все это сдѣлаютъ?» И походивъ съ нимъ нѣсколько по саду, удалился опять заниматься своими неразъѣхавшимися еще родными гостями, съ которыми мы и въ сей день погуляли и повеселились довольно.

Такимъ же почти образомъ провели мы и слѣдующій за симъ день. Я все утро провелъ у Дурова, и мы съ нимъ говорили о гошпиталѣ волостномъ. Охотно-бъ хотѣлось ему и оный совсѣмъ уничтожить, но обстоятельство, что извѣстна объ ономъ сама государыня и основанъ онъ былъ по ея волѣ, выгнало изъ головы его сіи мысли. Къ тому же, искусный лѣкарь нашъ былъ для самого его не безполезенъ и надобенъ. Впрочемъ, бродили у него всё мысли о затѣваемомъ имъ измѣреніи всѣхъ отдаточныхъ въ наймы земель, чрезъ посредство выпрошеннаго землемѣра — предпріятіе, требующее великаго и долговременнаго труда и безпокойства, но не совсѣмъ нужное, а можно было и безъ того обойтиться. Я невѣдомо-какъ страшился, чтобъ не вздумалось ему заставлять самого меня бродить съ землемѣромъ по пространнымъ степямъ нашимъ и подвергаться не только скучнымъ и тяжкимъ трудамъ, но и всѣмъ суровостямъ погодъ дурныхъ и безпокойныхъ, на что бы я никакъ и ни за что не согласился, и потому радъ былъ, что онъ о семъ со мною ничего не начиналъ говорить, и наивозможнѣйшимъ образомъ остерегался дать ему знать, что мнѣ наука землемѣрская столько же извѣстна, сколько и лучшему межевщику, и что я могъ бы дѣло сіе и безъ землемѣра произвесть въ дѣйство. А того болѣе озаботился, узнавъ, что у него былъ о семъ наканунѣ сего дня разговоръ съ секретаремъ нашимъ Щедиловымъ, и что онъ открывалъ ему намѣреніе о томъ, чтобъ я ѣздилъ съ межевщикомъ на межу. И потому, соображаясь съ симъ, употребилъ маленькую хитрость, жалуясь ему въ сіе утро, что у меня болятъ что-то ноги, какъ и дѣйствительно онѣ у меня въ сей день и сіе время очень потѣли, а сіе мнѣ и помогло и выбило у него изъ головы мысли о посыланіи меня на межу. Въ поступившій непосредственно за симъ субботній день, въ который обыкновенно дѣлывались у насъ наряды рабочимъ людямъ и производились суды и расправы, было у насъ съ нимъ много

хлопотъ. Г. Дуровъ занимался опять своими прежними вышариваніями и копаніями. Ему вскружили голову наряды работныхъ людей, и онъ учился у меня какъ дѣлать симъ нарядамъ раскладку. Сколько казалось, то хотѣлось ему лишить меня пастуховъ, стерегущихъ скотину, и водовозовъ, привозившихъ на дворъ воду, которыми изстари и всѣ прежніе управители пользовались. Это былоего первое покушеніе противъ меня, и меня такъ растрогало, что я съ видомъ неудовольствія представлялъ ему, что привилегія сія управителямъ сихъ волостей существовала издревле и всѣми прежними главными командирами была подтверждаема, и на-силу-на-силу отклонилъ его отъ сего предпріятія. Съ другой стороны, сказано мнѣ было, что и супруга его, гуляючи по саду, изволили гузыниться объ малинѣ, которой разведено было мною великое множество, и приказала садовнику болѣе не давать намъ оной. Досадно мнѣ было сіе очень, но я принужденъ былъ проглотить сію пилюлю, произведенную единою завистью. Однако, я плюнулъ на все сіе и успокоился тѣмъ паппаче, что у меня и въ собственномъ моемъ садикѣ было довольно сихъ ягодъ, а чувствительнѣе того озабочены мы были рыбою, которою до того пользовались мы изъ прудовъ Богородицкихъ; однако, до сихъ дѣло еще не доходило.

Впрочемъ, въ сей день отправилъ я опять сына моего въ свою деревню, ибо какъ тогда наступило самое удобное время для прививанія въ садахъ листочныхъ прививковъ, то хотѣлось мнѣ, чтобъ онъ при себѣ поразвилъ въ садахъ моихъ нѣсколько большихъ яблоней и превратилъ изъ худыхъ въ хорошія; къ чему и снабдилъ я его съ наилучшихъ плодовитыхъ яблоней вѣтками; чѣмъ и учинено было въ садахъ моихъ первое основаніе хорошихъ плодовъ. Сверхъ того нужно было ему кое-что исправить тамъ по дѣламъ, производящимся для предварительнаго и заблаговременнаго приготовленія къ пріѣзду нашему туда жить; ибо хотя мы и не спѣшили проситься въ отставку, да и отъ Дурова ни какого изгнанія и утѣсненія себѣ не видѣли, но по всѣмъ обстоятельствамъ можно было заключить, что намъ долго съ нимъ ужиться вмѣстѣ никакъ будетъ не можно, и потому, чѣмъ ранѣе все нужное въ домѣ къ пріѣзду своему приготовимъ, тѣмъ лучше. И какъ тамъ, по обветшалости нашего стараго дома, хотя и имѣли мы особые маленькіе хоромцы, въ коихъ на первый случай помѣститься и самимъ намъ жить было можно, но недоставало другихъ домашнихъ нужнѣйшихъ зданій, какъ напримѣръ: кухни, людской избы, конюшни и каретнаго сарая; къ запасенію же дома нашего оными, сынъ мой въ прежнюю свою поѣздку въ деревню, сдѣлали начало и основаніе,—то нужно было ему и за сими строеніями посмотрѣть. Къ тому же вздумалось намъ, при семъ случаѣ и отправить съ нимъ туда нѣкоторыя вещи, безъ которыхъ намъ обойтиться было можно, дабы онѣ заблаговременно въ деревню нашу перевезены были, и намъ при дружномъ переѣздѣ непринуждено было ихъ бросить. Къ вещамъ симъ въ особенности принадлежали нѣкоторыя намалеванныя на доскахъ обрѣзныхъ и служащія для украшенія садовъ статуи, вазы и прочія, которыя всѣ составляли хотя бездѣлки, но мнѣ онѣ могли годиться для украшенія садовъ моихъ. Паче всего не хотѣлось мнѣ пожертвовать Дурову употребляемыми при земляномъ строеніи и самимъ мною удачно выдуманными станками, машинами и инструментами, кои для него столь же нужны и драгоцѣнны быть могли, какъ свиньѣ дорогіе перлы и алмазы. Итакъ, при семъ случаѣ, отправилъ я и всѣ оные къ себѣ въ деревню, которые и понынѣ еще цѣлы и у меня хранятся.

Въ послѣдующій, какъ воскресный, день, были мы всѣ въ соборѣ у обѣдни, и г. Дуровъ раздобрился такъ, что зазвалъ меня и нѣкоторыхъ изъ нашихъ городскихъ къ себѣ обѣдать. Обхожденіе его со мною становилось отъ-часу ласковѣе и благосклоннѣе, и если бы все такъ было, то, повидимому, можно-бъ было намъ

съ нимъ сладить и ужиться вмѣстѣ. Однако, сіе недолго продолжилось, и я скоро заприметилъ, что была ему до меня особая надобность, и нужно было мое пособіе. Замышлялъ онъ чрезъ нѣсколько дней отправиться въ Петербургъ, чтобъ лично, если можно будетъ, донесть государынѣ о состояніи ея волостей и испросить онъ ней на нѣкоторыя затѣваемыя имъ вещи разрѣшенія. Прежніе командиры мои имѣли обыкновенія представлять государынѣ о всѣхъ такихъ вещахъ, на которыя нужно было имъ разрѣшеніе отъ императрицы, нѣкотораго рода въ полъ-листа написанныя краткія записки, на которыхъ государыня своеручно и писывала, что ей въ отвѣтъ было угодно. Сему примѣру хотѣлось подражать и нашему г. Дурову. Но какъ сочинить оныя самъ онъ далеко былъ не въ состояніи, а потребно было къ тому болѣе смысла и умѣнія, нежели сколько онъ имѣлъ, то и хотѣлось ему воспользоваться въ семъ случаѣ моими знаніями и способностями, и дабы удобнѣе меня къ тому преклонить, то, по лукавству своему, и началъ онъ меня заранѣе къ тому ласками и благопріятствомъ своимъ задобривать и во время прогулокъ нашихъ съ нимъ по садамъ и другимъ мѣстамъ, издалека меня къ сей новой работѣ приготовлять и дружелюбнымъ образомъ мнѣ предлагать, нельзя-ли мнѣ принять на себя сего труда. Для меня было сіе бездѣлицею, но мнѣ больно было, что тутъ дѣйствовало коварство утонченное, и что онъ хотѣлъ моимъ знаніемъ воспользоваться, а послѣ все взять на свой счетъ и чужимъ разумомъ блеснуть предъ государынею. Примѣтя сіе, я-было сначала поотмалчивался, но, при многократномъ повтореніи его вопрошаній, нечего было мнѣ наконецъ дѣлать, и я принужденъ былъ согласиться и на сіе и взять на себя сію коммиссію, и болѣе для того, чтобъ скрыть истинное мое намѣреніе иттить въ отставку, а болѣе, чтобъ отказомъ своимъ не раздражить сего злобнаго человѣка и не подвигнуть къ причиненію мнѣ какого-нибудь вреда. Онъ очень доволенъ былъ моимъ обѣщаніемъ, и я не преминулъ къ тому приступить и, потрудившись утра два, такъ оныя смастерилъ, что г. Дуровъ былъ сочиненіемъ моимъ очень доволенъ и благодарилъ меня даже за оное, говоря, что нельзя быть имъ лучшимъ.

Чрезъ недѣлю послѣ сего, прожитую у насъ съ нимъ въ добромъ согласіи, мирѣ и тишинѣ, и началъ онъ дѣйствительно къ отъѣзду своему въ Петербургъ сбираться. Но напередъ хотѣлось ему нѣкоторыя наши волостныя селы и деревни видѣть ихъ самолично. Благоволеніе его ко мнѣ дотого простиралось, что онъ не хотѣлъ-было взять меня съ собою въ сію поѣздку и ѣхать съ однимъ только секретаремъ Варсобинымъ. Но какъ я опасался, чтобъ сей, по глупому своему характеру и безразсудной болтливости, не надѣлалъ при симъ случаѣ какихъ-либо каверзъ, что отъ него скорѣй всего могло произойтить, то, какъ мнѣ ни было недосужно, поелику во все сіе время непроходило ни одного дня, въ который бы ко мнѣ ни пріѣзжали либо родные, либо какіе-нибудь посторонніе гости, и я долженъ былъ ими заниматься и ихъ у себя угащивать; но, не смотря на все сіе, и самое желаніе отдохнуть, не хотѣлъ я самъ въ сей разъ отстать отъ него, и расположился противъ хотѣнія своего съ нимъ въ путь сей отправиться. Итакъ, запрегши тройками двое дрожекъ, и пустились мы съ утра въ сіе крайне безпокойное странствованіе и успѣли въ одинъ день объѣздить множество селъ и деревень и возвратились уже почти ночью назадъ въ Богородицкъ, не произведя ѣздою своею ни малѣйшей пользы, ибо весь народъ находился въ полѣ и занимался своими полевыми работами, и мы всякое селеніе находили совсѣмъ почти пустымъ.

Наконецъ, настало 26 число іюля, въ который день назначенъ былъ отъѣздъ г. Дурова въ Петербургъ и въ который онъ послѣ обѣда дѣйствительно въ сей день въ путь и отправился. Мы проводили его съ душевнымъ удовольствіемъ и съ насъ тогда свалилась равно какъ го-

ра тяжкая. Немногіе только желали ему благополучнаго путешествія, а всѣ подкомандующіе его едва-ли въ сердцахъ своихъ ни желали, чтобъ съ нимъ что-нибудь произошло и чтобъ онъ къ намъ не возвращался. Вотъ какъ успѣлъ онъ въ короткое время вперить во всѣхъ къ себѣ ненависть и недоброжелательство! Что касается до меня, то мы разстались съ нимъ, судя по наружному виду, очень дружелюбно, но въ сердцахъ нашихъ не то происходило. Какъ человѣкъ сей не имѣлъ никакой наклонности и расположенія къ добру, то не сомнѣвался я, что поѣхалъ онъ съ злыми затѣями и намѣреніями. Многія черты, примѣченныя въ его дѣяніяхъ, сіе доказывали. Главная цѣль его ѣзды состояла въ полученіи себѣ либо еще чина, либо еще какихъ выгодъ. Казалось бы, что можно-бъ ему довольнымъ быть тогдашнимъ своимъ жребіемъ. Человѣкъ онъ былъ еще не старый, чинъ имѣлъ полковничій и украшенный орденомъ Владимирскимъ. Деревни имѣлъ хотя небольшія, но, находясь многіе годы при санктпетербургскихъ запасныхъ магазинахъ, умѣлъ симъ мѣстомъ такъ воспользоваться, что было у него тысячи или паче десятки тысячъ въ процентахъ. Мѣсто получилъ онъ самое честное, важное сопряженное съ достаточнымъ опредѣленнымъ доходомъ, и казалось, чего бы ему хотѣть еще болѣе? Но человѣкъ никогда не бываетъ доволенъ тѣмъ, что́ имѣетъ и что́ получилъ, но отъ-часу желаетъ множайшаго, а до сего не можно было иначе тогда достичь и добиться, какъ чѣмъ-либо въ Петербургѣ расхваставшись. Итакъ, ожидать надлежало, что онъ налжетъ тамъ самую пропасть, оклеветаетъ (sic) всѣхъ и со вредомъ и предосужденіемъ другихъ станетъ искать мнимаго своего счастія, и легко статься могло, что онъ въ томъ и успѣетъ. Коварство, сокровенная хитрость и притворство была въ немъ безконечная. Со всѣмъ тѣмъ, я какъ вознамѣрился, такъ и сдѣлалъ, то-есть о себѣ ничего ему при отъѣздѣ его не говорилъ и оставилъ его въ недоумѣніи о истинномъ своемъ и прямомъ намѣреніи, а представилъ все на произволъ судьбѣ, и чтобъ она дѣлала и располагала то со мною, что́ ей угодно будетъ.

Такимъ образомъ остался я въ своемъ мѣстѣ дожидаться его возвращенія и того, что онъ сдѣлаетъ въ Петербургѣ. А между тѣмъ, при самомъ отъѣздѣ его, не преминулъ и спросить отъ него дозволеніе съѣздить на нѣсколько дней въ свою деревню, и онъ мнѣ сіе, хотя и противъ хотѣнія, своего и дозволилъ. Никогда я дозволенною ѣздою въ деревню такъ обрадованъ ни былъ, какъ въ сей разъ, истинно, равно какъ бы нашелъ какую находку.

Передъ отъѣздомъ г. Дурова провелъ я у него все утро, отдавалъ ему деньги и говорилъ съ нимъ о всякой всячинѣ. Въ послѣдніе дни предъ отъѣздомъ, онъ такъ всѣхъ канцелярскихъ моихъ измучилъ писаніемъ, что они его проклинали. Но онъ, неудовольствуясь всѣмъ тѣмъ, и безъ себя навалилъ на нихъ множество дѣлъ. Но у насъ у всѣхъ на умѣ было и половины того не сдѣлать и тѣмъ показать, что всѣ признавали приказанія его совсѣмъ не нужными.

Но симъ дозвольте мнѣ, мой другъ, сіе письмо къ вамъ кончить и повѣствованіе о послѣдующемъ за симъ предоставить письму будущему, а между тѣмъ, сказать вамъ, что я есмь навсегда вашъ, и прочая.

(Сентября 27 дня 1816 года. Въ Дворениновѣ).

Письмо 298.

Любезный пріятель! Продолжая пресѣченное мое повѣствованіе, скажу вамъ, что хотя при отъѣздѣ г. Дурова и получилъ я дозволеніе съѣздить въ отсутствіе его въ свою деревню; однако, мы ѣздою сею никакъ не спѣшили. Ибо какъ хотѣлось намъ пріѣхать туда въ такое время, когда яблоки въ садахъ созрѣютъ и поспѣютъ къ обиранію, и притомъ какъ и крестьяне отъ полевыхъ своихъ работъ поотдѣлаются и намъ можно будетъ оныхъ употребить на другія при себѣ нужныя по тогдашнимъ обсто-

ятельствамъ работы, то и можно было намъ пробыть недѣли двѣ, три въ Богородицкѣ прежде своего отъѣзда. Сіе время назначили мы на свое отъ всѣхъ прежнихъ трудовъ и безпокойствъ отдохновеніе и на свиданія съ родными нашими въ ихъ жилищахъ, куда мы и не преминули вскорѣ за симъ отправиться и прогостить у нихъ по нѣскольку дней. Между тѣмъ, канцелярскіе служители, кои занимались исправленіемъ тѣхъ писменныхъ дѣлъ, которыя предписаны намъ были отъ начальника.

Къ супругѣ его я хотя и хаживалъ, но не всякій день, а когда мнѣ было досужно, или какая-нибудь надобность того требовала. Къ ней въ сіе время старалась всячески подольститься жена нашего городничаго княгиня Пазарова и успѣла свести съ нею короткое дружество и, пользуясь онымъ, по скверному характеру своему, старалась всячески смутить ее съ моими домашними и уменьшить чрезъ то ея къ нашимъ доброхотство, а сіе и произвело то слѣдствіе, что съ сего времени стала она обходиться съ нами гораздо холоднѣе противъ прежняго.

Что касается до меня, то я съ возвратившимся между тѣмъ изъ деревни сыномъ моимъ началъ заниматься всѣми прежними нашими дѣлами и любимѣйшими занятіями. Мы принялись опять за собесѣдованіе съ лучшими нашими пріятелями, гулянья съ ними и родными своими по садамъ, увеселенія себя музыкою, лѣченія больныхъ нашею машиною, а временемъ и за сочиненія кое-какія; и наша тогдашняя жизнь была тогда точно также мирная, спокойная и преисполненная многими удовольствіями, каковою была прежде до пріѣзда къ намъ г. Дурова. Одно только насъ озабочивало очень, что въ домѣ нашемъ между людьми завелись многія болѣзни, наводившія даже на самихъ насъ нѣкоторое опасеніе. По счастію, имѣли мы въ лѣкарѣ нашемъ искреннаго у себя друга и, при помощи и стараніи его, и сіе зло скоро было прекращено и уничтожено. Другая непріятность, чувствуемая нами около сего времени, была та, что наилучшій нашъ другъ и пріятнѣйшій собесѣдникъ, отецъ Ѳедотъ, занемогъ кровохарканіемъ, и мы опасались, чтобъ болѣзнь сія не послужила ему въ пагубу.

Между сими происшествіями начался у насъ августъ мѣсяцъ и прошла вся первая половина онаго, и вмѣстѣ съ нею и Госпожинки всѣ. Праздникъ Успенія Богородицы провели мы еще въ Богородицкѣ довольно весело. Но вскорѣ послѣ сего начали мы собираться ѣхать въ свою деревню. И какъ ѣзда сія сопряжена была съ нѣкоторыми особливостями, то и опишу я ее нѣсколько подробнѣе.

Въ сей разъ расположился я ѣхать туда съ женою и со всѣми дѣтьми моими, при мнѣ живущими, кромѣ одной только старушки моей тещи, оставшейся жить безъ насъ въ Богородицкѣ. Мы забрали съ собою колико можно болѣе людей, которые могли помогать намъ въ деревнѣ кое-что сдѣлать. А какъ вмѣстѣ съ нами отправлялись отъ насъ и наши родные Тверскіе, то есть племянницы мои Надежда и Анна Андреевны Травины, прогостившія у насъ въ сей разъ довольно времени и нѣсколько недѣль, то весь обозъ нашъ составлялся изъ многихъ повозокъ и, кромѣ двухъ каретъ, поѣхало съ нами четыре кибитки и одна еще телѣга.

Выѣздъ нашъ воспослѣдовалъ въ 19 день августа, передъ вечеромъ, и былъ какъ-то отмѣнно неудаченъ. Мы при самомъ началѣ ѣзды своей, имѣли уже ту первую непріятность, что при самомъ выѣздѣ со двора лошади подъ одною кибиткою сдурились, начали бить и завезли ее въ ряды березъ, растущихъ въ аллеѣ подлѣ дороги, изъ которыхъ мы съ трудомъ могли ихъ и повозку высвободить. Начало таковое было мнѣ непріятно: знакъ былъ не очень хорошій! А и дѣйствительно съ самаго того времени пошли бѣды по бѣдамъ. Поѣхала другая кибитка. Сію помчали лошади также и изломали сторожокъ. Это была другая остановка. Покуда первую изъ березокъ

выпрастывали, а сію оправляли, должны мы были стоять и досадовать. Наконецъ, поѣхали и, своротивъ съ большой дороги для заѣзда въ Ламки къ старшему зятю моему, доѣхали до одной деревеньки на дорогѣ благополучно. Но тутъ надлежало намъ переѣхать по мосточку черезъ одну глубокую и круто-берегую рѣчку и подъ колясочкою сына моего, при спускѣ на мость съ горки, не могли какъ-то удержать, опрокинули ее въ воду, перебили-было людей, перемочили-было все, перемокли-было сами, принуждено было людямъ самимъ лѣзть въ воду и по-горло гвазд аться въ оной. Что было дѣлать! Принуждены были остановясь до тѣхъ поръ тутъ стоять, покуда колясочку вытащили и все исправили. По счастію, никто не убился и ничего не изломалось. Это была третья бѣда. Въ самыхъ Ламкахъ, куда мы вскорѣ за симъ пріѣхали, нашли мы, противъ чаянія множество пріѣхавшихъ издалека и ночующихъ тутъ гостей и суматоху отъ того превеликую. Хозяинъ сдѣлалъ имъ богатый ужинъ и угощеніе было страшное, поелику гости сіи были для него важные. Въ наступившій послѣ сего день, позавтракавъ поутру немного, поѣхали мы далѣе въ свой путь къ Тулѣ, и остановились кормить лошадей въ Ламкахъ. Тутъ долго не могли мы найтить себѣ пріюта. Избёнки были пакостныя, вездѣ холодно, вездѣ дуло; ибо, вмѣсто прежней теплой, ясной и хорошей погоды, сдѣлалось вдругъ ненастье и очень холодный вѣтръ. Это можно было почесть четвертою, а долгое ненайденіе сколько-нибудь спокойнѣйшей квартеры — пятою непріятностью. Тутъ, во время обѣда, случилось нашей дѣвкѣ сѣсть на кадку съ краскою желтою, и вдругъ провалилась въ нее и обмочилась и перемазалась вся. Это можно было почесть шестымъ дурнымъ приключеніемъ, заставившимъ насъ и смѣяться, и досадовать. А едва мы изъ селенія сего выѣхали, какъ переломилась ось подъ кибиткою поварскою. Сіе сдѣлало намъ новую и седьмую уже досаду и не малую остановку. Надобно было покупать и поддѣлывать новую ось, и затѣмъ болѣе часа стоять на одномъ мѣстѣ. Наконецъ, преодолѣвши и сіе зло, поѣхали мы далѣе. Но что-жъ? Не успѣли пріѣхать на Упскую гать, какъ одна изъ припряжныхъ подъ каретою нашею лошадей вдругъ затреслась и упавши въ тотъ-же мигъ околѣла. Это была осьмая и чувствительная досада и опять остановка. За симъ, какъ стали подъѣзжать къ Тулѣ, у одного подъ кибиткою колеса чека какъ-то выскочила, и колесо, соскочивъ съ оной, кибитку опрокинуло и чуть-было людей не передавило. Это была девятая досада и остановка. При подъѣзжаніи къ Тулѣ, лошадь стала бить у насъ въ каретѣ и всѣхъ другихъ лошадей вздурила. Это такъ насъ перепужало, что мы безъ памяти изъ кареты повыскакали и прочь бѣжать принуждены были. Это было десятое досадное происшествіе. При помянутомъ выскакиваніи изъ кареты и бѣгствѣ, жена моя зашибла какъ-то больно палецъ. Это было одиннадцатое, а сынъ мой простудилъ у себя щеку, что было двѣнадцатымъ досаднымъ и непріятнымъ происшествіемъ. Въ Тулѣ остановились мы въ домѣ Загрязскаго, который нанятъ былъ зятемъ моимъ Шишковымъ для его пріѣзда жить въ Тулѣ, по его должности предводительской. И какъ мы пріѣхали уже поздно, то принуждены были долго сидѣть въ потьмахъ, покуда принесли намъ свѣчи и отыскали и снабдили насъ стульями, на которыхъ сидѣть бы намъ можно было. Все непріятность! Въ вечеру сварили намъ ужинъ и такой супъ, который ѣсть было не можно, что составило тринадцатую досаду и непріятность. Но симъ день сей и окончился.

По-утру одѣвшись послалъ я за дрожками къ пріятелю своему, Петру Николаевичу Юшкову, и хотѣлъ ѣхать на нихъ къ намѣстнику. Но какъ заѣхали мы съ женою къ г. Верещагину, то онъ не пустилъ насъ безъ того, чтобъ не взять у него кареты. Итакъ, ѣздилъ я къ намѣстнику, который принялъ меня очень хорошо и долго говорилъ со мною о моихъ обстоятельствахъ, унималъ обѣ-

дать, но я не остался. По возвращеніи на квартеру, нашелъ я у себя множество гостей, и мы принуждены были стряпать для нихъ обѣдъ и затѣмъ промедлить до втораго часа. Это была четырнадцатая непріятность. Между тѣмъ узнали мы, что вновь поддѣланная подъ кибитку ось погнулась и не могла намъ служить долго. И сіе было пятнадцатое досадное приключеніе. Какъ выѣхалъ изъ Тулы, то опять одна лошадь рванула и переломился сторожокъ у одной изъ нашихъ кибитокъ. Это было шестнадцатое досадное происшествіе, все остановки за остановками и непріятности. Въ вечеру заѣхали мы въ Ѳедешово къ нашимъ роднымъ Кислинскимъ, съ тѣмъ, чтобъ у нихъ ночевать. Но изъ нихъ не нашли ни кого дома, всѣ гдѣ-то въ гостяхъ были. Это была семнадцатая досада и непріятность. А какъ не нашли мы тутъ и овса лошадямъ нашимъ, то сіе составило восемнадцатую непріятность. Но симъ и кончился сей день.

На утріе, вставши очень рано, поѣхали мы въ свою деревню, отправивъ туда напередъ повара, для приготовленія намъ обѣда. Но сего принуждены мы были объѣхать, стоявшаго на дорогѣ и починивающаго испортившуюся кибитку, и это была девятьнадцатая досада. Но симъ еще не кончилось все, а при подъѣзжаніи къ своей деревнѣ пропала у кареты Надежды Андреевны гайка съ одного колеса, что составило двадцатое досадное происшествіе. Наконецъ, послѣднюю непріятность имѣлъ я, по пріѣздѣ въ свою деревню, узнавъ, что въ ночь подъ сіе число какой-то бездѣльникъ воровски обилъ у меня въ саду множество яблокъ. Сіе увѣнчало уже всѣ прежнія непріятности, и такъ меня растрогало, что я даже пощипалъ за то садовника. Вотъ сколько досадъ и непріятностей имѣли мы въ семъ кратковременномъ путешествіи! Случись же такъ!

Но за то, во все тогдашнее пребываніе наше въ деревнѣ не имѣли мы ни какихъ непріятностей и время свое провели очень весело и имѣли множество удовольствій. Мое первое дѣло было обѣгать всю свою усадьбу и пересмотрѣть всѣ углы и закоулки въ оной и въ каждомъ мѣстѣ помышлять о томъ, не надобно ли гдѣ чего сдѣлать. Потомъ занялся я распоряженіями, относящимися до производимыхъ тогда строеній и до пріуготовленія, доставленія и привоза разныхъ матеріаловъ къ онымъ. А не успѣлъ сколько-нибудь осмотрѣться, какъ приступилъ къ сниманію поспѣвшихъ яблокъ, а особливо крупныхъ и прекрасныхъ титовокъ, которыми удивлялъ и подчивалъ я родныхъ своихъ и милыхъ гостей Травиныхъ; ибо въ ихъ сторонѣ нигдѣ они такихъ большихъ и прекрасныхъ плодовъ не видывали. А какъ нашли мы въ садахъ своихъ и поспѣвшія сливы, то вмѣстѣ съ ними обирали мы оныя, что для нихъ составилъ особый родъ увеселенія. Не менѣе и съ особымъ удовольствіемъ занимались тѣмъ и всѣ мои дѣти, а жена тотчасъ приступила къ варенію изъ нихъ заѣдокъ.

Всѣми хозяйственными и садовыми дѣлами занимался я съ людьми моими наиболѣе въ утреннее время; а въ послѣобѣденное, а особливо въ вечернее время въ хорошую и теплую погоду хаживали мы обыкновенно по всѣмъ садамъ нашимъ гулять. И дабы прогулки сіи были намъ пріятны, то я, заставивъ музыкантовъ своихъ играть въ разныхъ мѣстахъ сада либо на волторнахъ однихъ, либо на всей духовой моей маленькой музыкѣ.

Всѣмъ симъ доставлялъ я гостямъ своимъ возможнѣйшее удовольствіе. А дня чрезъ четыре послѣ нашего пріѣзда пріѣхали къ намъ и Василій Ивановичъ Кислинскій, съ семействомъ своимъ, и умножилъ наше общество. Они прогостили у насъ болѣе сутокъ. И какъ я не преминулъ гостю моему, небывавшему почти никогда въ моей деревнѣ, показать ему всѣ мои сады и все въ нихъ вновь сдѣланное и устроенное, то онъ, будучи самъ охотникомъ до садовъ, не могъ довольно всѣмъ налюбоваться и съ особливымъ удовольствіемъ гулялъ по онымъ съ дѣтьми своими и нами. Въ особливости же хвалилъ онъ мой низокъ, который тогда далеко

еще таковъ хорошъ ни былъ, какъ послѣ. Въ построенномъ же на ребрѣ горы и тогда уже отдѣланномъ храмѣ сидѣли мы съ нимъ долго и любовались прекраснымъ мѣстоположеніемъ, изъ него видимымъ.

Племянницы мои не долго тогда у насъ уже были и, распрощавшись съ нами, поѣхали въ Тверь; мы проводили ихъ почти съ слезами, равно какъ предчувствуя, что намъ не долго уже оставалось дружбою и ласками ихъ къ себѣ пользоваться. Съ ними вмѣстѣ до Москвы поѣхалъ и сынъ мой, которому нужно было побывать въ Москвѣ, для покупки намъ новой двумѣстной кареты, которой у насъ недоставало. Коммиссію сію онъ и выполнилъ и, купивъ намъ новую прекрасную карету за 360 рублей, чрезъ нѣсколько дней къ намъ возвратился.

Между тѣмъ безпрерывно занимался я экономическими своими дѣлами и упражненіями, заботился о поспѣшествованіи производимыхъ перестроекъ, также о поправленіи и украшеніи своихъ садовъ. Для каждаго изъ нихъ вздумалъ я составить особую, въ осьмую долю листа, книжку и въ каждой изъ нихъ помѣстить планъ того сада, и потомъ, по нумерамъ, о каждой яблони помѣстить свои замѣчанія. Все сіе составило хотя хорошей, но для меня, какъ особливаго охотника до садовъ, пріятной работы, которою я нѣсколько дней сряду занимался. Книги сіи и понынѣ у меня существуютъ и служатъ памятникомъ тогдашнихъ моихъ трудовъ и занятій.

Но болѣе всего озабочивался я о промѣнѣ, или вымѣнѣ себѣ усадьбы покойнаго брата моего Гаврила Матвѣевича, нужной весьма мнѣ для расширенія и распространенія (sic) моего ближняго и лучшаго сада. При всякомъ воззрѣніи на сіе мѣсто, возобновлялось вожделѣніе мое получить себѣ оное; но со владѣльцемъ его, племянникомъ Андреемъ Михайловичемъ, долго не могъ я никакъ сладить. Были у насъ съ нимъ о томъ многократные переговоры, но онъ какъ ни молодъ еще былъ, но довольно имѣлъ ума и способности къ выможженію отъ меня колико можно множайшихъ для себя выгодъ. Нѣсколько разъ давалъ онъ намъ слово промѣнять, и опять оное нарушалъ. Увеличиваемыя со дня на день его требованія были слишкомъ велики и несоразмѣрны. Ему хотѣлось за сію усадьбу, несодержащую въ себѣ и со всею горою и неудобными мѣстами и двухъ десятинъ, получить отъ меня въ Епифанской моей деревнѣ не менѣе восьми десятинъ. И какъ тамошняя добрая полевая земля дороже была здѣшнихъ и двадцати десятинъ, то не хотѣлось намъ столько ему дать. Но желаніе получить въ свою власть сію усадьбу превозмогло наконецъ всѣ затрудненія и мы съ возвратившимся изъ Москвы сыномъ моимъ на-силу-на-силу уговорили удовольствоваться даваемыми ему шестью десятинами, а въ добавокъ къ тому 20 прививныхъ яблонокъ. Признаться надобно, что я никакъ бы не согласился дать ему взамѣнъ столько Епифанской земли, если бъ не дорога была мнѣ борозда къ загону и если-бъ не было у меня на умѣ Епифанскую свою деревню отдать въ приданое за моею дочерью. Итакъ, и вся она должна была со всею своею землёю перейтить въ другія руки; слѣдовательно, и было мнѣ ни мало не жаль оной, и вся вымѣниваемая усадьба пришлась мнѣ почти совсѣмъ даромъ.

Не могу изобразить, какое удовольствіе доставило намъ съ сыномъ моимъ счастливое окончаніе сего вожделѣннаго дѣла. Не успѣли мы ударить по рукамъ и во всемъ согласиться, какъ, почитая уже сію усадьбу своею, и начали мы тотчасъ помышлять о томъ, какъ что въ ней устроить и расположить и вмигъ сочинены были прожекты и планы, гдѣ и какая часть оной должна [быть] присоединена, и какимъ образомъ къ нашему саду; гдѣ быть огородной землѣ, или овощнику, въ которомъ и имѣли мы наиболѣе нужды, и наконецъ, что сдѣлать и какъ воспользоваться въ концѣ оной крутою горою, и прочее, и прочее.

Симъ образомъ препроводили мы весь остатокъ августа и болѣе десяти дней

сентября мѣсяца въ миломъ и любезномъ своемъ Двореииновѣ въ тишинѣ, уединеніи и въ спокойствіи, и въ ежедневныхъ веселостяхъ неповинныхъ. Наступающая осень великолѣпіями и красотами своими насъ увеселяла всякій день, а новыя коекакія и раскрашенныя красками зданія начали Дворенинову нашему придавать иной видъ и надѣвать на него какъ праздничное платье.

Наконецъ, проживъ въ деревнѣ своей болѣе 20 дней и исправивъ, сколько могли успѣть, важнѣйшія нужды, назначили-было мы 13 число сентября къ своему выѣзду. Но неожиданное обстоятельство остановило насъ еще на одинъ день. Узнали мы, что тогдашній владѣлецъ сосѣдственной намъ Соломенской волости, Александръ Львовичъ Нарышкинъ, пріѣхалъ въ сію волость и находился на Ведминскомъ заводѣ. И какъ всѣмъ намъ весьма захотѣлось его видѣть и спознакомиться съ симъ важнымъ нашимъ сосѣдомъ и ему себя рекомендовать, то согласились вмѣстѣ съ сыномъ и Андреемъ Михайловичемъ къ нему на заводъ съѣздить. Онъ принялъ насъ очень ласково и благосклонно, а особливо меня, и не могъ со мною довольно обо всемъ наговориться. Мы препроводили у него болѣе часа и поѣхали отъ него, будучи весьма довольны благопріятнымъ его пріемомъ. Послѣ сего не стали мы уже долѣе медлить и отправились въ обратный путь въ Богородицкъ. Путешествіе сіе было гораздо уже удачнѣе прежняго. Мы заѣзжали опять въ Ѳедешово къ нашимъ роднымъ Кислинскимъ, и угощеніемъ ихъ были довольны. Отъ нихъ ѣздили мы еще въ Хвошню—къ Егору Михайловичу Крюкову. Въ Тулѣ же, не имѣя намѣренія ни къ кому заѣзжать, останавливались мы у знакомца нашего Пастухова и имѣли удовольствіе получить выписанные имъ изъ Риги для меня комнатные небольшіе органы, которыми не могли мы довольно навеселиться. Продолжая путь свой далѣе, восхотѣлось заѣхать въ Головнино и навѣстить тутъ своихъ родныхъ живущихъ. И при семъ только заѣздѣ имѣли мы одну только ту непріятность, что намъ весьма дурно было переправляться черезъ Упу въ Прилѣпахъ, гдѣ, принужденъ будучи выходить изъ кареты и иттить пѣшкомъ, я, оскользнувшись на грязной дорогѣ, упалъ и весь перемарался въ грязи.

Повидавшись въ Головнинѣ съ своими родными, не смотря на застигшее насъ большое ненастье, поѣхали мы далѣе, и хотя съ трудомъ, но добрались кое-какъ и уже въ самыя сумерки до Богородицка. Тутъ нашелъ я двѣ, полученныя безъ меня, послѣднія почты съ письмами изъ Петербурга. Одно изъ нихъ было отъ г. Нартова, приславшаго ко мнѣ въ сей разъ ботаническій словарь; а другое—отъ г. Дурова, наполненное многими новыми препорученіями. О томъ же, что онъ тамъ дѣлалъ и скоро-ли къ намъ возвратится, не упоминаемо было ни слова. Итакъ, остались мы о томъ еще въ неизвѣстности.

Но на семъ дозвольте мнѣ остановиться и письмо сіе, симъ кончивъ, сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочая.

(Сентября 29 дня 1816 года. Дворениново).

Письмо 299.

Любезный пріятель! Приступая опять къ продолженію описанія пребыванія моего въ Богородицкѣ, начну тѣмъ, что втеченіе того времени, которое проѣздилъ я въ свою деревню и которое продолжалось ровно 28 дней, произошли въ домѣ моемъ многія неустройства и досадныя происшествія, подавшія поводъ къ непріятностямъ и неудовольствіямъ мнѣ по возвращеніи моемъ. Во-первыхъ, казенный садовникъ зашалился и заплутовался такъ, что я принужденъ былъ его на утріе жестоко въ канцеляріи наказывать. Въ домѣ у меня умерла старуха, варившая ѣсть моимъ челядницамъ. Наилучшій мой человѣкъ Василій, которому поручено было смотрѣніе за всѣмъ въ домѣ, запилъ и напроказничалъ. Сослуживца своего, бывшаго со мною въ служ-

бѣ и въ походахъ и бывшаго тогда моимъ и камердинеромъ и всѣмъ, нашелъ я лежащаго безъ языка, и при самой смерти. Ему случилось за день до моего пріѣзда куда-то ѣздить на телѣгѣ и переѣзжать въ одномъ селеніи черезъ глубокій оврагъ по плотинѣ. Тутъ, будучи подъ куражемъ, какъ-то онъ не управилъ, полетѣлъ съ телѣгою своею стремглавъ въ буеракъ съ плотины и убился такъ, что его почти замертво привезли въ Богородицкъ, и онъ въ ту же еще ночь и при насъ отправился па тотъ свѣтъ. Человѣка сего, котораго звали Аврамомъ, было мнѣ очень жаль. Онъ хотя и любилъ испивать, но былъ хорошій работникъ и во всей еще порѣ, и ему поручено было отъ меня все производимое тамъ наше хлѣбопашество, и я съ мокрыми глазами смотрѣлъ на выносимый гробъ съ нимъ со двора. А произошло многое кое-что и другое, непріятное. Словомъ, время сіе было какъ-то очень несчастно для меня: одно къ одному, и все нехорошо—хлопоты, убытки и разныя бѣды. Итакъ, ѣзда моя въ сей разъ началась и кончилась съ непріятностями.

Не успѣлъ я осмотрѣться и вступить по-прежнему въ управленіе волостьми, которыя во время отсутствія моего ввѣрены были Бобриковскому управителю г. Верещагину и заняться опять своими обыкновенными дѣлами, какъ съ первою почтою за симъ получили мы опять письмы изъ Петербурга, съ увѣдомленіемъ, что г. Дуровъ не скоро къ намъ возвратится и пробудетъ тамъ до зимы самой. Сіе насъ не менѣе удивило, сколько и обрадовало. По крайней мѣрѣ, говорили мы, поживемъ мы еще нѣсколько недѣль въ мирѣ, тишинѣ и спокойствіи. Со всѣмъ тѣмъ, мы въ тотъ же еще день, находясь въ церкви у обѣдни, перетревожены были въ-прахъ прибѣжавшимъ безъ души церковнымъ сторожемъ съ извѣстіемъ, что любимый всѣми нами священникъ отецъ Ѳедотъ умираетъ и при концѣ жизни. Мы побѣжали того момента къ нему и нашли его плавающаго въ крови, истекшей въ великомъ множествѣ изъ его груди и въ опасномъ состояніи. Какъ онъ былъ всѣми любимъ, то сбѣжалось-было къ нему множество народа. Лѣкарь и наши боярыни пріѣхали также къ нему, но, по счастію, опасность миновалась скоро, и ему сколько-нибудь сдѣлалось лучше. Мы посѣщали потомъ его всякій день раза по два и душевно соболѣзновали о немъ, собирающемся гораздо скорѣе отправиться на тотъ свѣтъ, нежели можно было думать и ожидать. Часъ-отъ-часу становился онъ хуже и приходилъ въ вящшую опасность. Но со всѣмъ тѣмъ болѣзнь его нѣсколько попродолжилась.

Между тѣмъ, занимались мы съ сыномъ своимъ любимѣйшими дѣлами и занятіями. Я приводилъ въ порядокъ вновь основанныя деревенскимъ моимъ садамъ книги и занимался ими и черченіемъ плановъ съ такою ревностью, что никогда не урывалъ времени къ прочтенію нѣмецкихъ газетъ и журналовъ, получаемыхъ мною еженедѣльно. А не успѣлъ я ихъ сколько-нибудь привесть въ желаемое состояніе, какъ вселилась въ меня новая охота къ срисованію красками съ натуры всѣхъ яблонь, какія мнѣ тогда попадались въ руки, а особливо породъ хорошихъ. Я началъ съ грушовки и титовки. И какъ начало было очень удачно, и работа сія была для меня очень увеселительна, то съ того времени продолжалъ я сіе дѣло какъ въ ту осень, такъ и въ послѣдующіе за симъ годы, и срисовалъ не только всѣ въ садахъ моихъ находящіяся разныя и добрыя и среднія и самыя простыя породы яблонь и грушъ, но многія и чужія, и составилъ изъ рисунковъ сихъ и описанія породъ, цѣлыхъ семь книгъ, которыя и понынѣ еще въ библіотекѣ моей существуютъ.

Въ 25 день сего мѣсяца праздновала госпожа Дурова день именинъ ея супруга и сдѣлала большой пиръ, на который приглашены были всѣ мы, но и городскіе, и обѣдъ былъ пышный. Однако, всѣмъ намъ было что-то не очень весело въ сей день. На другой день послѣ сего ѣздили всѣ мы къ старшей дочери

моей въ Ламки, гдѣ услышалъ я, что въ Тулѣ хотѣли сватать невѣсту госпожу Мансурову, дочь Сергѣя Гарасимовича, Елизавету. Намъ сіе и нравилось, и нѣтъ, ибо невѣста сія была не слишкомъ завидна. А потому мы сіе и не уважили, и тѣмъ паче, что мы не имѣли никакой еще причины спѣшить женитьбою сына моего, хотя онъ и достигъ уже до такихъ лѣтъ, что ему жениться было можно.

Вскорѣ за симъ, сынъ мой рѣшился опять съѣздить на короткое время въ нашу деревню: нѣкоторыя нужды и обстоятельствы того требовали. Предъ отъѣздомъ своимъ, ѣздилъ онъ къ бѣдному отцу Ѳедоту, котораго онъ искренно и сердечно любилъ, прощаться; ибо не надѣялся при возвращеніи своемъ застать его въ живыхъ, который въ самомъ дѣлѣ тончая часъ-отъ-часу, на другой же день такъ притрудалъ, что прислалъ за мною, чтобъ я скорѣе ѣхалъ къ нему, ибо онъ находился въ опасности. Мы поскакали тотчасъ къ нему съ Ольгою моею дочерью, но нашли его опять отдохнувшаго нѣсколько и съ цѣлою чашею крови передъ собою. Намъ пришла мысль дать ему пріемъ нашего врачебнаго камня; онъ согласился на то, и мы цѣлый день радовались услышавъ, что съ той минуты кровь унялась, какъ выпилъ онъ камень. Но радость наша была недолговременна: передъ вечеромъ услышали мы, что кровь опять пошла, и что онъ, по совѣту моему, рѣшился велѣть себя особоровать масломъ, которое служеніе и произведено было надъ нимъ въ тотъ вечеръ. Послѣ чего сдѣлалось ему опять нѣсколько легче, но все не было никакой надежды о продолженіи его жизни.

Наступившій вскорѣ за симъ октябрь мѣсяцъ засталъ насъ въ прежнихъ упражненіяхъ и выпавшимъ снѣгомъ устрашалъ близостью зимы. Въ 4 день онаго съѣхались ближніе родные мои для празднованія вмѣстѣ съ нами день (sic) именинъ отсутственнаго сына моего, а въ седьмой день совершилось и мнѣ 57 лѣтъ отъ рожденія моего. Я возобновилъ въ оной предпріятіе свое вести себя впредь степеннѣе и со старостью моею сообразнѣе. По-утру былъ я у обѣдни и приносилъ Господу благодаренія за всѣ Его милости ко мнѣ, во все продолженіе моей жизни. Гостей у меня никакихъ въ сей день не обѣдало, ибо я не обыкъ праздновать оный свѣтски. Съ сего времени по день именинъ моихъ не произошло почти ничего важнаго и особливаго, кромѣ того, что объявленъ былъ новый рекрутскій наборъ, и я горевалъ, что предстоятъ мнѣ опять скучныя дѣла по выбору людей въ рекруты. Пришла также почта и привезла намъ бумаги отъ г. Дурова съ новыми для насъ работами, хлопотами и досадами. Сей человѣкъ казался быть на то рожденнымъ, чтобъ всѣмъ досаждать своими выискиваніями и расчетами.

Ко дню именинъ моихъ съѣхались къ намъ всѣ ближніе наши родные, и я отпраздновалъ оный какъ водится, пригласилъ къ себѣ на обѣдъ г-жу Дурову и всѣхъ нашихъ городскихъ чиновниковъ, и обѣдъ былъ у насъ большой; а послѣ онаго нѣкоторый родъ маленькаго бала. И мы таки потанцовали немного. Не смотря на то, что у самого меня грудь въ сіе время нѣсколько побаливала, а къ дню сему подоспѣлъ и сынъ мой изъ деревни.

Наступившій за симъ 18 день октября былъ однимъ изъ достопамятнѣйшихъ въ моей жизни и самый мучительный. Я во все продолженіе онаго былъ равно какъ бы въ нѣкакихъ тискахъ, меня со всѣхъ сторонъ гнетущихъ, и не помню, чтобъ я когда-либо какой день былъ въ такомъ страдательномъ состояніи. Причиною тому былъ предвозвѣщенный еще наканунѣ сего дня пріѣздъ г. Григорова съ Бородинымъ ко мнѣ. Онъ еще въ самый день именинъ моихъ присылалъ нарочнаго человѣка къ намъ въ Богородицкъ съ письмомъ къ зятю моему Шишкову, въ которомъ писалъ, что онъ въ сей день будетъ въ Богородицкѣ у госпожи Дуровой, и будетъ и у меня, и что съ нимъ будетъ Ѳедоръ Ивановичъ

Бородинъ, и просилъ его, чтобъ и онъ тутъ пробылъ сей день. Мнѣ сіе тотчасъ кинулось въ глаза и я тогда же догадался, что тутъ затѣвается нѣчто противъ меня и дочери моей Ольги, и у меня при первомъ услышаніи о семъ пронзило какъ ножемъ мое сердце. Я сталъ подозрѣвать, что нѣтъ-ли у зятя моего съ ними какого комплота и тайнаго заговора противъ меня, равно какъ бы насильно дать рѣшительный отвѣтъ сему сватающемуся уже давно жениху за дочь мою. Ѣзда зятя моего къ Юницкому, а оттуда на новоселье къ Бородину, непомѣрныя расхваливанія его дома и угощенія, зовъ Юницкаго насъ къ себѣ 22 числа сего мѣсяца, присылка Григорова, пріѣздъ его сюда, и упрашиванія зятя моего пробыть тутъ сей день, далѣе — самыя досадныя и несносныя хвастовства сего, о коихъ доходили до меня слухи, что онъ поставитъ на своемъ, и что затѣялъ, то сдѣлаетъ и Бородину сію невѣсту доставитъ, — все сіе открывало мнѣ глаза, а послѣднее приводило даже въ превеликую досаду и тѣмъ паче, что все сіе дѣлалось безъ всякаго у меня о томъ спроса и не узнавъ, надобно-ли мнѣ то, или нѣтъ. Что касается до меня, то какъ у жениха сего была только мать дворянка, а самъ онъ купеческой породы и, будучи сыномъ бывшаго епифанскаго виннаго откупщика, находился, какъ увѣряли меня нѣкоторые, и тогда еще въ подушномъ окладѣ, то онъ не весьма меня прельщалъ. Къ тому-жъ, и достатокъ его былъ еще сумнителенъ. Мнѣ хотя и сказывали, что, кромѣ накупленныхъ отцемъ его нѣсколькихъ и довольно хорошихъ деревень, остались еще послѣ отца и деньги, простирающіяся до нѣсколько десятковъ тысячъ, но все сіе было еще недостовѣрно, и сверхъ того, множество и другихъ обстоятельствъ было, которыя принуждали меня не спѣшить симъ дѣломъ, а особливо и потому, что и дочери моей итти за него весьма не хотѣлось; то по всему сему и не хотѣлось мнѣ дать рѣшительнаго отвѣта, и я удалялся отъ того колико можно и хотѣлъ еще нѣсколько времени отвертываться. Итакъ, по всѣмъ симъ обстоятельствамъ было мнѣ крайне досадно, что такъ меня вознамѣривались жучить и что съ ними съякшался и зятикъ мой, и потому во весь день, ожидая сего пріѣзда, горѣлъ я какъ на огнѣ и былъ равно какъ на каторгѣ.

Наконецъ, пріѣхалъ г. Григоровъ къ Дуровой и прислалъ ко мнѣ за моимъ зятемъ, дожидавшимся его, такъ сказать, на цыпочкахъ. Тогда при отходѣ его въ замокъ вдругъ рѣшился я спросить шутя его: «Нѣтъ-ли уже у нихъ какого комплота и заговора противъ меня?» Зятику моему показалось сіе досадно, и онъ, по обыкновенной горячности своей, вдругъ отъ того вспыхнулъ, и разсердившись побѣжалъ и велѣлъ тотчасъ запрягать карету, чтобъ ѣхать домой, хотя расположился-было у насъ ночевать. Неожидаемость сія произвела великое дѣйствіе. Онъ, будучи въ пыхахъ, не велѣлъ Григорову въ сей день говорить, и чтобъ ничего не начинать. А сіе я произвело мною желаемое, то-есть, чтобъ въ сей день не было ничего. Григоровъ, пріѣхавъ къ намъ, просидѣлъ у меня весь вечеръ съ женихомъ, и мы имѣли чрезъ то случай разсмотрѣть жениха сколько-нибудь болѣе. Я входилъ съ нимъ въ разные разговоры и не находилъ въ немъ ни какихъ, ни тѣлесныхъ, ни душевныхъ недостатковъ. Малый былъ молодой, казался очень не глупъ, и благороднаго порядочнаго поведенія. Словомъ, съ сей стороны всѣмъ намъ онъ довольно нравился, и мы разстались пріятелями. Зятикъ же мой, въ пыхахъ и сердцахъ, ускакалъ домой разгнѣвавшись, для чего я у него спросилъ смѣючись о заговорѣ, чувствуя самъ себя виноватымъ и досадуя, для чего не удалось ему взять надо мною власть и сдѣлать то, чтобъ я плясалъ по его дудкѣ.

Со всѣмъ тѣмъ, сколько я ни доволенъ былъ симъ случаемъ и сколько ни льстился, что я въ сей разъ отъ Григорова отдѣлался, однако, въ томъ обманулся. Григоровъ, переночевавъ сію ночь

у г-жи Дуровой во дворцѣ, по-утру приходилъ опять ко мнѣ и не упустилъ мучить меня своими вопросами и требованіями объ отдачѣ дочери, и я принужденъ былъ ему сказать, что покуда я не узнаю ничего точнаго о себѣ самомъ до тѣхъ поръ не могу и помыслить о томъ, чтобъ вступить въ какія-нибудь намѣренія и предпріятія относительно до дочери моей. И я устоялъ въ томъ, сколько онъ ни приставалъ ко мнѣ, и такъ, что не подалъ ему никакой еще важной надежды. По счастію, заѣхавшіе ко мнѣ въ то утро гости и обѣдавшіе у меня воспрепятствовали ему далѣе меня мучить, и онъ пошелъ отъ меня ни съ чѣмъ. Гость, заѣхавшій тогда ко мнѣ, былъ г. Албычевъ, Михайла Николаевичъ, всѣмъ намъ добрый пріятель и весьма честный человѣкъ. Мы проговорили съ нимъ все утро о Бородинѣ. И какъ по случаю, что братъ его родной былъ женатъ на сестрѣ г. Бородина, было ему многое кое-что объ немъ извѣстно, то узналъ я о многихъ касающихся до жениха сего, и до того мнѣ неизвѣстныхъ обстоятельствахъ, которыя нерѣшимость мою въ разсужденіи сего сватовства еще болѣе увеличили; ибо было много койчего такого, о чемъ надлежало гораздо подумать.

По разъѣздѣ тогдашнихъ гостей, принялся я за канцелярскія свои прямо топорныя и скучныя работы. Г. Дурову угодно было предписать намъ сочинить наиточнѣйшія вѣдомости о хлѣбномъ урожаѣ въ сей годъ въ волостяхъ нашихъ. И какъ было всего труднѣе узнавать отъ мужиковъ самую истину, ибо всѣ они немилосердо лгали и урожаи свои утаивали, то имѣли мы превеликія хлопоты и трудовъ множество, которые всѣ были почти пустые и ни мало не нужные. Я принужденъ былъ многіе дни сряду трудиться надъ сочиненіемъ вѣдомостей, требуемыхъ г. Дуровымъ, и на-силу-на-силу ихъ кончилъ.

Между тѣмъ, приближался день именинъ дочери моей Настасьи и вступленіе въ ново-построенный домъ брата зятя моего, а ея мужа. И какъ мы на новоселье приглашены были, то и ѣздили всѣ и съ Ламковскими родными туда, и тамъ въ обоихъ домахъ праздновали и нѣсколько дней провели очень весело; чѣмъ и кончился октябрь мѣсяцъ.

Мѣсяцъ ноябрь началъ я провождать не весьма съ спокойнымъ духомъ. Ежедневныя почти жалобы сына моего на его нездоровье, то на помраченіе, дѣлающееся часто въ его глазахъ, то на сильную головную боль и другіе болѣзненные припадки озабочивали меня и всѣхъ моихъ родныхъ очень, и тѣмъ паче, что ничто и ни какія лѣкарства не хотѣли ему помогать. Съ другой стороны, огорчало насъ обоихъ съ нимъ бѣдственное положеніе общаго нашего друга и лучшаго собѣседника отца Ѳедота. Оба мы ѣздили къ нему въ самый первый день сего мѣсяца и нашли его едва имѣющаго только жизнь и скорыми шагами приближающагося къ переселенію въ вѣчность. Впрочемъ, какъ зять мой Шишковъ отъѣзжалъ въ сіе время вмѣстѣ съ женою своею для житья въ Тулу, по предводительской его должности, то взяли мы сына ихъ Николиньку, который у нихъ одинъ только въ-живыхъ и былъ, опять жить къ себѣ.

Въ четвертый день сего мѣсяца случилось мнѣ въ ночь подъ сіе число видѣть страшный, удивительный сонъ. Приснилось мнѣ, будто зять мой Шишковъ хочетъ и собирается проткнуть мнѣ ножемъ грудь, и будто я и даюсь, и онъ дѣйствительно проткнулъ, и кровь черная полилась ручьемъ изъ груди моей. Однако, мнѣ не было больно, и я остался живъ, потому что онъ прокололъ высоко и не повредилъ легкаго. Сновидѣніе сіе было для меня столь поразительно, что я записалъ оное въ своемъ ежедневномъ журналѣ, и ждалъ, чтобъ въ тотъ день чего ни произошло; что нѣкоторымъ образомъ по тогдашнему мнѣнію и совершилось, ибо по его, какъ думали мы тогда, мытарству пріѣзжалъ ко мнѣ въ тотъ самый день прежній мой командиръ г. Юницкой съ Бороди-

нымъ. Мы были въ самое то время, какъ они пріѣхали у нашего городничаго, князя Назарова, и за нами прислали. Я тотчасъ догадался, что пріѣхали не даромъ, а мучить меня опять сватовствомъ, и въ чемъ и не обманулся. Г. Бородину дочь моя такъ полюбилась и онъ столь пламенно желалъ на ней жениться, что метался ужемъ и жабою и вездѣ, гдѣ могъ, искалъ себѣ пособія. И какъ г. Юницкой, живучи не въ дальнемъ разстояніи отъ его жилища, былъ ему знакомъ, то и прибѣгнулъ онъ къ нему съ просьбою, чтобъ ему съѣздить вмѣстѣ съ нимъ ко мнѣ и стараться меня убѣдить и склонить къ его желанію. Г. Юницкой, и дѣйствительно, говорилъ со мною очень много и дружескимъ образомъ о семъ предметѣ; однако, я и въ сей разъ отъ него кое-какъ отдѣлался, не сказавъ ничего рѣшительнаго. Симъ образомъ, судилъ я тогда о упомянутомъ моемъ сновидѣніи. Но, ахъ! какъ сильно въ заключеніяхъ своихъ тогда обманулся! Нѣтъ вижу, что сонъ сей былъ предзнаменательной всему впредь быть имѣющему, и несчастное супружество дочери моей Ольги дѣйствительно произошло отъ усилія зятя моего Шишкова, и мы наиболѣе по его настоянію ее замужъ выдали, какъ о томъ упомяну я подробнѣе впереди. Словомъ, онъ наиболѣе погубилъ ее и пронзилъ грудь мою великимъ объ ней прискорбіемъ. Едва мы отъ помянутаго критическаго посѣщенія отдѣлались, какъ новая неожидаемость смутила наши мысли и всѣхъ насъ перетревожила. На другой же послѣ сего день съ пришедшею почтою получили мы письмо отъ старшаго г. Верещагина, служившаго тогда въ Тулѣ губернскимъ прокуроромъ. Въ ономъ писано ко мнѣ было что господинъ Хомяковъ, Михайло Васильевичъ, бывшій директоромъ надъ тульскимъ народнымъ училищемъ, идетъ въ отставку, и выгодное мѣсто сіе опрастывается. А какъ ему, по дружбѣ своей къ нашему дому, давно хотѣлось, чтобъ сынъ мой могъ пристроенъ быть къ сему мѣсту, то совѣтовалъ онъ мнѣ поспѣшить какъ можно пріѣздомъ своимъ съ нимъ въ Тулу. Предложеніе сіе и смутило насъ и привело въ размышленіе. Мнѣ и хотѣлось, и не хотѣлось оторвать отъ себя своего сына, который составлялъ наилучшую отраду въ моей жизни, но и пропустить сего случая не годилось и было не можно. Итакъ, рѣшились мы отправиться въ сіе путешествіе. И какъ оное сопряжено было съ нѣкоторыми особливостями, то разскажу я вамъ объ немъ въ подробности.

Итакъ, по наступленіи 6 числа ноября, хотѣли-было мы по-утру рано въ сей путь отправиться, но отдумали и поѣхали послѣ обѣда въ губернскій нашъ городъ Тулу добиваться сыну моему мѣсто. Ѣхать намъ было очень дурно: случилось на ту пору колоть превеликая и дорога прескверная, а притомъ холодъ и стужа превеликая. На-силу до вечера дотащились мы до Дѣдилова. Тутъ нашли мы обозъ съ книгами знакомца нашего, московскаго купца Попова. Одинъ изъ работниковъ его сдѣлалъ шалость, выстрѣлилъ изъ пистолета и чуть-было не сжегъ всего Дѣдилова. За сіе его схватили, представили въ нижній земскій судъ, и они уже цѣлыя три дни по сему дѣлу пластались, такъ что хотя отъ исправника и велѣно было ихъ освободить, но они все еще ихъ держали и прижимая хотѣли сорвать съ нихъ срыву, не смотря хотя уже засѣдатель схватилъ съ нихъ синюю бумажку. Итакъ, принужденъ былъ уже я вступить въ посредство и велѣлъ головѣ его освободить. Напившись чаю, мы тутъ ночевали, постлали намъ постелю на нарахъ, хотя спокойно и хорошо, но подлѣ дверей; частая ходьба, влетающая съ надворья стужа, крикъ ребенка не далъ намъ въ ночь сію спать спокойно, и я простудилъ грудь свою.

На утріе встали мы за нѣсколько часовъ до свѣта и, напившись чаю, дождались какъ стало разсвѣтать и тогда поѣхали въ свой путь. Ѣхать намъ и въ сіе утро, по дурной замерзлой и тряской

дорогѣ, было очень дурно. Мы провождали уже время въ разныхъ разговорахъ о цѣли нашего путешествія, которая была сомнительна и весьма недостовѣрна. Но какъ бы то ни было, но мы пріѣхали въ Тулу довольно еще рано и взъѣхали прямо на квартеру, нанимаемую нашими Ламковскими родными въ домѣ Загряскаго. Тутъ нашли мы хозяйку, дочь мою, собирающуюся ѣхать обѣдать къ госпожѣ Перхуровой, племянницѣ намѣстниковой и нашей старинной знакомой.

Первое наше дѣло состояло въ посланіи къ пріятелю нашему Филату Гавриловичу Покровскому, бывшему тогда учителемъ въ народномъ училищѣ, чтобъ узнать отъ него обстоятельнѣе о господинѣ Бахтинѣ, о которомъ писалъ онъ къ намъ, что народная молва даетъ ему то мѣсто, для испрошенія котораго моему сыну пріѣхали тогда мы въ Тулу. Онъ разсказалъ намъ о господинѣ Бахтинѣ все, что узналъ, и что молва объ немъ была еще недостовѣрною и назначено-ли подлинно кому директорское мѣсто, было совсѣмъ еще неизвѣстно. Однако, я весьма сомнѣвался. Послѣ обѣда одѣвшись пошли мы къ Верещагину и нашли его одного дома. Онъ радъ былъ, что мы пріѣхали и сказывалъ намъ, что выписалъ насъ за тѣмъ, чтобъ мы пожили дни тричетыре въ Тулѣ и себя показали бы намѣстнику, и тѣмъ ему о себѣ напомянули, говоря, что онъ не сомнѣвается въ томъ, что намѣстникъ, какъ скоро увидитъ, то самъ станетъ говорить со мною о семъ дѣлѣ, и потому совѣтовалъ мнѣ ѣхать къ нему на утріе. О господинѣ Бахтинѣ разсказывалъ онъ намъ многое, и что онъ очень фамильяренъ въ домѣ намѣстника, а жена его—воспитанница намѣстникова жены. Сіе привело меня еще въ вящшее сомнѣніе. Однако, я не открывалъ ему онаго. Мы просидѣли у него долго. Пришелъ къ нему нѣкто г. Яковлевъ, человѣкъ ученый, и мы говорили съ нимъ много о наукахъ. Отъ Верещагина зашли мы къ П. Н. Юшкову, у котораго въ сей разъ данъ былъ пиръ и вечеринка. Тутъ нашли мы многихъ людей, играющихъ по обыкновенію въ карты и, посидѣвъ немного, возвратились ужинать домой. Итакъ, сей день у насъ и прошелъ; по крайней мѣрѣ, мы довольны были тѣмъ, что квартера была у насъ теплая и хорошая.

Поутру одѣвшись поѣхалъ я одинъ къ намѣстнику. По случаю бывшаго въ сей день праздника Михайла Архангела, не было во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ засѣданія и день былъ свободный. Намѣстникъ едва только началъ выходить послѣ случившейся съ нимъ болѣзни. Онъ не успѣлъ увидѣть меня въ залѣ, какъ тотчасъ взялъ къ себѣ въ кабинетъ и былъ ко мнѣ столь же благопріятенъ, какъ и прежде; разсказывалъ мнѣ о своей болѣзни, распрашивалъ о моихъ обстоятельствахъ, но о сынѣ моемъ не говорилъ ни слова, хотя я того очень ожидалъ. Поговоривъ нѣсколько, велѣлъ онъ мнѣ пріѣзжать къ себѣ обѣдать и отпустилъ до того времени. Я заѣхалъ, по условію, отъ него къ г. Верещагину и пересказалъ ему все бывшее. Онъ удивился, что ничего не было; однако, всё мы льстились надеждою, не будетъ-ли онъ говорить послѣ. Со всѣмъ тѣмъ, г. Бахтинъ не выходилъ у меня изъ мыслей. Побывавъ на квартерѣ и дождавшись какъ начали съѣзжаться къ хозяину моему гости, ибо въ сей день назначено было быть у зятя моего пирушкѣ, поѣхалъ я одинъ къ намѣстнику, оставивъ сына дома, и нашелъ у него немногихъ. Былъ только зять его, вицъ-губернаторъ, извѣстный армянинъ Мина Лазаревъ, Бахтинъ и еще человѣка два. Онъ рекомендовалъ меня вицъ-губернатору, и всѣ мы обѣдали. Онъ только съ нами, по болѣзни, еще не обѣдалъ и г. Бахтинъ сидѣлъ за столомъ на его мѣстѣ. Все сіе было мнѣ весьма подозрительно и наводило сомнѣніе. Послѣ обѣда усѣлись всѣ играть въ карты, и я ждалъ, что не станетъ-ли говорить намѣстникъ. Однако, не тутъ-то было, онъ очень былъ сумраченъ, и ни съ кѣмъ ничего не говорилъ. Посидѣвъ нѣсколько въ обыкновенной скукѣ, хотѣлъ-было я ѣхать домой, какъ прі-

ѣхалъ Верещагинъ и упросилъ меня, чтобъ я посидѣлъ тутъ нѣсколько и отвезъ его въ своей каретѣ. Сіе меня остановило, собиравшагося совсѣмъ уже ѣхать. Я принужденъ былъ препроводить въ скукѣ еще нѣсколько часовъ; но, по счастію, прислали за нимъ отъ Свербѣева, итакъ, просилъ онъ меня, чтобъ я завезъ его въ домъ къ Ливенцову, что̀ я и сдѣлалъ. И проѣхавъ отъ него на квартеру, засталъ уже немногихъ изъ компаніи, а прочіе всѣ разъѣхались, ибо день сей былъ первый редутный, и всѣ собирались ѣхать въ редутъ. Мы расположились также туда ѣхать, почему, переодѣвшись въ чулки, и поѣхали всѣ вмѣстѣ. Людей было въ редутѣ нарочито довольно и было весело. Главнѣйшею особою была вицъ-губернаторша съ мужемъ. Меня самого убѣдили танцовать, и танцевъ было довольно.

Итакъ, провели мы сей вечеръ съ удовольствіемъ. Но у меня на сердцѣ была заноза. Не зналъ я, что̀ мнѣ начать и дѣлать. Отъ намѣстника не было ничего, и неожидаемо было, чтобъ онъ и началъ. Я часъ-отъ-часу болѣе начиналъ предчувствовать, что ничего не будетъ и что ѣзда моя кончится ни чѣмъ. Г. Бахтинъ не сходилъ у меня съ ума, особливая его фамильярность въ намѣстниковомъ домѣ наводила на меня отъ-часу болѣе сумнѣнія. Какъ кто ни старался меня переувѣривать, что ему быть не можно, потому что онъ опредѣляется въ намѣстническое правленіе совѣтникомъ,—однако, я не то думалъ, а подозрѣвалъ, что намѣстникъ изъ благопріятства къ нему вознамѣривается доставить ему оба мѣста: и совѣтничье, и директорское. Многіе начинали мнѣ совѣтовать, чтобъ я самъ адресовался съ просьбою моею къ намѣстнику, говоря, что онъ отмѣнно любитъ откровенность. Словомъ, я былъ въ недоумѣніи и не зналъ, что̀ мнѣ дѣлать, а сіе и мѣшало много моему удовольствію. Изъ редута поѣхали мы домой, и у зятя моего много людей еще и ужинало. Итакъ, мы сей день и кончили въ народѣ и шумѣ.

Въ послѣдующій день не зналъ я, ѣхать-ли мнѣ къ намѣстнику обѣдать? Въ особливости приглашенъ я къ тому не былъ. Сіе меня поудерживало. Нерѣшимость моя меня тревожила, ибо ежели бы и проситъ самого намѣстника, то нужна была къ тому аудіенція, ибо при людяхъ просить о томъ не годилось, а надобно говорить съ нимъ о томъ одинъ-на-единѣ, а таковую аудіенцію, какъ казалось мнѣ, получить опять было трудно. По долгомъ размышленіи, положилъ я въ сей разъ къ нему съѣздить послѣ обѣда вмѣстѣ съ сыномъ, и потомъ побывать у Перхуровой, а тамъ у Юшкова; обѣдать же съ хозяевами моими и зятемъ ихъ Е. М. Крюковымъ, стоявшимъ также у нихъ въ домѣ. Такъ точно я и исполнилъ. Поутру ѣздила дочь моя съ сыномъ въ ряды, а у меня былъ прежній нашъ учитель Дюблюе и г. Селиверстовъ, также приходилъ опять и Филатъ Гавриловичъ, съ которымъ, какъ съ ученымъ человѣкомъ, мы коечто покалякали по наукамъ. А послѣ обѣда мы съ сыномъ и поѣхали къ намѣстнику и нашли тутъ всѣхъ занимающихся карточною игрою. Хозяева проводили въ сей день зятя своего, вицъ-губернатора князя Оболенскаго, въ Москву и было у нихъ людей довольно. Меня приняли по обыкновенію ласково, велѣли подать креслы и посадили. Но это тѣмъ и кончилось. Намѣстникъ ни съ кѣмъ и ничего и не говорилъ, а прочіе играли въ карты. По счастію, сѣлъ я подлѣ вицъ-губернаторши и вошелъ съ нею въ разные разговоры, а достальное время занялъ меня предсѣдатель уголовной палаты Иванъ Ивановичъ Бѣляевъ, съ которымъ проговорили мы весь вечеръ о политическихъ и другихъ происшествіяхъ. Намѣстникъ то-и-дѣло уходилъ въ кабинетъ и все былъ сумраченъ и не говорилъ ни слова ни съ кѣмъ. Сіе озабочивало меня еще болѣе, я усматривалъ часъ-отъ-часу множайшую трудность къ полученію случая поговорить съ нимъ на-единѣ, а не менѣе смущалъ меня и г. Бахтинъ; онъ былъ всегдашній товарищъ въ игрѣ намѣстницѣ и всякій разъ

игралъ съ нею. Наконецъ, просидѣвъ у намѣстника часу до осьмаго, поѣхали мы украдкою прочь; хотѣли проѣхать къ Перхурову. Но какъ жена его была у намѣстника; да и время было поздно, то рѣшились ѣхать къ г. Юшкову. Сего застали мы съ его Варварою Аѳанасьевною и Филатомъ Гавриловичемъ въ уединеніи, пріятно время провождающаго. Они были намъ очень ради и взяли съ насъ тотчасъ слово, чтобъ у нихъ ужинать. Итакъ, мы просидѣли у нихъ весь вечеръ и проводили оной съ особливымъ удовольствіемъ. Семейство сіе было мнѣ мило и любезно, и нелицемѣрное ихъ ко мнѣ дружество и ласки трогали меня чрезвычайно. Возвращаясь домой, нашли мы всѣхъ своихъ уже спящихъ и легли спать, не разбудивъ ихъ.

Поутру, въ послѣдующій день, достопамятный кончиною друга нашего отца Ѳедота, какъ мы послѣ узнали, рѣшился я узнать что-нибудь и то-ли, сё-ли по моему дѣлу. Находиться далѣе въ неизвѣстности былъ я уже не въ состояніи. Ежели-бъ можно было, то охотно-бъ хотѣлъ я и не начинать ничего: такъ мало надѣялся я хорошаго успѣха. Къ тому-жъ, и самый лучшій успѣхъ не гораздо меня льстилъ. Наслышавшись о разстройкѣ училища, о совершенномъ нераченіи объ немъ намѣстника и губернатора, о продолжающейся ссорѣ у сего послѣдняго съ намѣстникомъ и о всѣхъ прочихъ обстоятельствахъ, лишался я надежды, чтобъ можно было и сыну моему, сдѣлавшись директоромъ училища, произвесть что-нибудь хорошее и получить чрезъ то себѣ имя и добрую славу. Слѣдовательно, и не стало меня гораздо льстить и мѣсто сіе. Но какъ дурно было, ничего не сдѣлавъ и не испытавъ, возвратиться въ Богородицкъ, то, дабы послѣ самому на себя не досадовать, что не испыталъ, рѣшился я ѣхать опять поутру къ намѣстнику съ тѣмъ, чтобъ, испросивъ аудіенцію, объяснить ему мое желаніе. Къ статѣ къ тому и самъ Верещагинъ уже мнѣ то совѣтовалъ. Онъ прислалъ ко мнѣ поутру человѣка, просить, чтобъ я, ѣдучи къ намѣстнику, къ нему заѣхалъ, а я и безъ того намѣренъ былъ то учинить. Паче всего хотѣлось мнѣ узнать, не имѣлъ-ли онъ случая безъ меня доводить рѣчь о сынѣ моемъ. Сіе и дѣйствительно было. Онъ сказывалъ мнѣ, что наканунѣ того дня имѣлъ онъ подлинно случай говорить обо мнѣ и о сынѣ моемъ съ намѣстникомъ, и что довелъ рѣчь до самаго сего предмета, но что намѣстникъ вдругъ замолчалъ, какъ скоро онъ упомянулъ о директорскомъ мѣстѣ. Сіе подтвердило мою догадку, а вкупѣ и увеличило мое сомнѣніе въ томъ, что ничему не бывать. Однако, я рѣшился, какъ по собственному своему произволу, такъ и по совѣту всѣхъ ѣхать и добиться рѣшительнаго толка. Верещагинъ просилъ меня, чтобъ я къ нему заѣхалъ и сказалъ, что будетъ; я ему сіе и обѣщалъ.

Пріѣхавъ къ намѣстнику, по счастію, не засталъ я у него никого. Обо мнѣ доложили и онъ тотчасъ позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ. Минута сія была для меня трудная. Во всю жизнь мою ничего для меня труднѣй не было, какъ просить о себѣ или о своихъ, и во всѣ дни мои всего меньше я въ томъ упражнялся и отягощалъ постороннихъ людей моими просьбами, а потому не зналъ я, какъ и чѣмъ начать и что́ говорить. Но благопріятство намѣстника меня тотчасъ ободрило. Я нашолъ у него въ кабинетѣ одного только его секретаря Голикова (что нынѣ уже генераломъ), читающаго пакеты. Намѣстникъ спросилъ меня тотчасъ: что я? Я ему сказываю, что, собираясь ѣхать въ обратный путь, пріѣхалъ къ нему засвидѣтельствовать мое почтеніе. Онъ началъ-было уже и раскланиваться со мною, какъ я, вдругъ остановясь, спутаннымъ образомъ далъ ему знать, что я имѣю до него просьбу. Онъ тотчасъ спросилъ меня: о чемъ? Я, не хотя говорить ему при секретарѣ, сказалъ ему по-нѣмецки о моемъ сынѣ. Онъ тотчасъ догадался и выслалъ секретаря вонъ. Тогда объяснилъ я ему на короткихъ словахъ желаніе мое опредѣлить куда-нибудь сына моего къ мѣсту, изъ

опасенія, чтобъ его при тогдашнихъ выборахъ не выбрали куда-нибудь въ низкую и съ его характеромъ несообразную должность; онъ тотчасъ и благопріятно спросилъ меня, куда же бы хотѣлось мнѣ и въ какую должность? Я отвѣтствовалъ, что куда бы-нибудь въ такую, гдѣ бы могъ онъ быть дѣятельнымъ и полезнымъ членомъ общества. Онъ опять спросилъ въ какое, и сталъ отъ меня столь усильно добиваться, что я сколько ни мялся, но принужденъ былъ ему сказать, что какъ молва носится, что опрастывается мѣсто директорское въ училищѣ, то...... Не успѣлъ я о семъ намекнуть, какъ онъ, не давъ мнѣ далѣе говорить, сказалъ, что на сіе мѣсто далъ уже онъ другому свое слово. Тогда свалилась у меня равно какъ гора съ плечъ; я духомъ почти обрадовался и сталъ съ нимъ говорить уже вольнѣе. «О, когда такъ, сказалъ я, то и говорить о томъ нечего, я и не мѣшаюсь». Онъ сталъ потомъ говорить, что мѣсто сіе не по моему сыну, ибо онъ молодъ, а притомъ надобно-бъ ему было имѣть дѣло съ губернаторомъ, съ которымъ ничего сдѣлать не можно.—«Конечно такъ», подхватилъ я, и старался всячески дать ему примѣтить, что отказъ его ни мало не огорчаетъ. Наконецъ, говорилъ онъ мнѣ, чтобъ я поискалъ другого мѣста, и что онъ съ радостью его опредѣлитъ. Я ему кланялся, говорилъ: «хорошо, хорошо», а на умѣ имѣлъ, что не скоро онъ меня убѣдитъ просить себя въ другой разъ о чемъ-нибудь. И какъ онъ меня просилъ, чтобъ я къ нему пріѣхалъ обѣдать, то, дабы не мѣшать ему продолжать свои дѣла, тотчасъ я отъ него откланялся и поѣхалъ. Такимъ образомъ разрѣшилось мое сомнѣніе, и я чувствовалъ себя въ великомъ облегченіи. Досады и огорченія я дѣйствительно не чувствовалъ потому наиболѣе, что я хотѣлъ и не хотѣлъ разстаться съ сыномъ. Къ тому-жъ, все было еще въ разсужденіи будущаго въ неизвѣстности. Вѣчная истина, что мы не знаемъ, гдѣ найтить и гдѣ потерять, и что̀ намъ вредно и что̀ полезно, была у меня твердо затвержена и я ее очень помнилъ, почему и перенесъ сей неудачный случай съ совершеннымъ равнодушіемъ и болѣе еще съ удовольствіемъ, нежели съ досадою.

Откланявшись, заѣхалъ я къ Верещагину и увѣдомилъ его о происшедшемъ. Онъ удивился, что я такъ скоро назадъ пріѣхалъ, и думалъ, что меня не пустили; а послѣ удивился, услышавъ о бывшемъ, и не понималъ, какъ сіе сдѣлалось и кому бы обѣщано было сіе мѣсто. Но мнѣ хотя и не сказалъ намѣстникъ кому, но я навѣрное увѣрялъ, что Бахтину и въ догадкѣ своей не обманулся, равно какъ и въ томъ, что сработала сіе намѣстница.

Отъ Верещагина поѣхалъ я домой и сообщилъ извѣстіе о томъ моимъ роднымъ. Сынъ мой принялъ сіе также равнодушно, по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ казалось, и мы тотчасъ перестали о томъ думать. Я званъ былъ наканунѣ сего дня вмѣстѣ съ прочими въ сей день обѣдать къ господамъ Остафьевымъ, сосѣдямъ и друзьямъ моего зятя, дѣлавшимъ въ сей день у себя пирушку. Но какъ намѣстникъ велѣлъ мнѣ пріѣзжать къ себѣ обѣдать, то хотя-бъ и могъ я отговориться, но не хотѣлъ для того, чтобъ не изъявить тѣмъ вида прискорбія и досады. Родные мои также совѣтовали мнѣ ѣхать къ нему; итакъ, я рѣшился сіе исполнить и, проводивъ все утро дома, поѣхалъ къ нему одинъ, а хозяева мои и сынъ поѣхали къ Остафьевымъ.

Особливое стеченіе обстоятельствъ и ни то счастіе, ни то несчастіе хотѣло, чтобъ я, по пріѣздѣ своемъ къ намѣстнику, не нашелъ я у него никого, кромѣ малорослаго доктора Дитриха, играющаго съ нимъ въ билліардъ. Я думалъ, что пріѣдутъ къ нему кто-нибудь еще, но и того не случилось, такъ что и обѣдалъ я у него одинъ-одинёхонекъ съ докторомъ, и чрезъ то имѣлъ наивожделѣннѣйшій случай говорить съ нимъ сколько мнѣ хотѣлось. Мы проговорили съ нимъ за столомъ о всякой всячинѣ, и я нарочно, стараясь показать себя равнодушнымъ, такъ его растрогалъ, что онъ и послѣ обѣда, оставшись одинъ со мною

и съ намѣстницею, вступилъ со мною въ разные повѣренные и самые дружескіе разговоры и былъ ко мнѣ отмѣнно ласковъ и дружелюбенъ, равно какъ совѣстясь въ своемъ отказѣ и стараясь вину свою передо мною загладить благопріятствомъ. Онъ то-и-дѣло унималъ меня посидѣть у него подолѣе, велѣлъ нарочно сварить для меня и для себя кофея и не могъ со мною какъ онъ, такъ и намѣстница довольно наговориться.

Между сими уединенными у насъ разговорами о всякой всячинѣ случилось то, что я всего меньше ожидалъ. Говорили мы о прямо важныхъ и высокихъ матеріяхъ, какъ вдругъ намѣстница вышла на часокъ вонъ. Тогда и не успѣла она за собою затворить двери, какъ намѣстникъ вдругъ, и равно какъ бы таясь отъ жены своей, вдругъ оставивъ ту матерію, о которой мы говорили, и противъ всякаго ожиданія моего началъ самъ собою говорить о моемъ сынѣ: «Вотъ, сказалъ онъ, какъ бы опросталось мѣсто губернскаго стряпчаго, такъ бы очень хорошо оное; тутъ молодому человѣку можно бы было всему научиться; дѣла случаются всякаго рода и мѣсто хорошо. Или можно-бъ хотя попросить господъ предводителей, чтобъ выбрали въ верхній земскій судъ; также хороши мѣста и ассессорскія въ казенной полатѣ; теперь тутъ зять мой начальникомъ». Все сіе пересказалъ онъ такъ скоро и съ такимъ поспѣшеніемъ, что я не собрался почти съ мыслями, что ему отвѣтствовать, а только кланялся и также равнодушно сказалъ, что очень хорошо, и что время еще не ушло и что сынъ мой еще молодъ. Возвращеніе намѣстницы не допустило и меня и его далѣе о семъ говорить. Мы начали опять постороннія матеріи и продолжали далѣе съ нею и съ намѣстникомъ, покуда не пріѣхалъ къ нимъ г. Бахтинъ. Тогда начались другія и не столь важныя матеріи. Я, посидѣвъ еще нѣсколько, и наконецъ распрощался съ намѣстникомъ и намѣстницею, и поѣхалъ къ господамъ Остафьевымъ.

На дорогѣ встрѣтился я съ сыномъ своимъ, ѣхавшимъ въ городъ покупать кое-что, а у господъ Остафьевыхъ нашолъ я превеликую компанію и въ нѣсколько столовъ играющихъ въ карты. Мнѣ предлагали также, но я отказался и нечаянно проговорился про реверсисъ. Меньшіе изъ Остафьевыхъ привязались ко мнѣ, чтобъ я ихъ поучилъ играть въ сію игру. Тотчасъ были поданы карты и дабы не сидѣть праздно, то и выучилъ я ихъ дѣйствительно, и игра сія всѣмъ такъ полюбилась, а особливо веселостью своею, что всѣ не могли ей довольно похвалъ приписать, и весьма многіе нарочно сажались въ нее играть, чтобъ научиться, и всѣ были ею крайне довольны. Смѣха и хохотанья было множество. Я отъ смѣха даже плакалъ и то-и-дѣло утиралъ глаза мои. Словомъ, случай сей произвелъ то, что игра сія сдѣлалась во всей Тулѣ извѣстною и почти модною, ибо вистъ, тринтри и бостонъ всѣмъ уже надоѣлъ и всѣмъ хотѣлось имѣть игру, которая бы была и забавнѣе и неубыточна. Словомъ весь сей вечеръ провели мы весело и пріятельски, и не прежде разъѣхались, какъ уже поужинавъ.

Въ послѣдующій день хотѣли-было мы ѣхать въ свой Богородицкъ, но господинъ Кадеусъ, Осипъ Андреевичъ, вознамѣрясь въ сей день дать пирушку, приступилъ ко мнѣ столь неотступно съ своими просьбами, чтобъ его симъ днемъ подарить, что я принужденъ былъ согласиться остаться еще на одинъ день въ Тулѣ, который и провели мы на семъ дружескомъ пиру очень весело и хорошо, а въ вечеру ѣздили въ театръ, и я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на піэсу, мною до того невиданную «Честное слово» и, поужинавъ у Кадеуса, распрощались со всѣми.

На утріе, вставши рано, при превеликомъ ненастьѣ, отправились мы назадъ въ Богородицкъ. Ѣхать намъ и въ сей разъ было такъ дурно, что мы на-силу добрались до Дѣдилова и тутъ ночевали, а въ Богородицкъ уже на другой день пріѣхали.

Но на семъ мѣстѣ остановясь, кончу

я письмо сіе, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ, и прочая.

(Октября 1 дня 1816 года. Въ Дворениновѣ).

Письмо 300.

Любезный пріятель! Мы возвратились въ Богородицкъ 13 числа ноября незадолго предъ обѣдомъ. И первое, что мы услышали, было то, что безъ насъ кончилъ жизнь отецъ Ѳедотъ и наканунѣ сего дня погребенъ. Мы пожертвовали ему нѣсколькими искренними слезами и не могли довольно наговориться и натужиться о сей потерѣ мужа добродѣтельнаго, чувствительнаго и разумнаго философа и проповѣдника и нашего лучшаго друга и собесѣдника.

Отдохнувъ отъ дорожныхъ безпокойствъ и проведя остатокъ сего дня въ собесѣдованіи съ домашними своими родными и въ разсказываніи имъ всего случившагося съ нами въ Тулѣ, на другой день поутру поѣхалъ я къ госпожѣ Дуровой въ замокъ. Она сказывала мнѣ, что начальникъ нашъ, а ея супругъ, пишетъ къ ней, что онъ надѣется въ началѣ ноября выѣхать изъ Петербурга и что она не станетъ къ нему писать болѣе, а ожидаетъ въ скорости его пріѣзда. Но о томъ, имѣлъ-ли онъ аудіенцію у монархини, или нѣтъ—не писано было ни слова. Сіе меня крайне удивило. Неужели, не видавъ монархини, поѣдетъ онъ назадъ? думалъ я тогда самъ въ себѣ и не зналъ чему приписать таковое молчаніе его. Далѣе сказывала она мнѣ, что онъ опять пишетъ ко мнѣ свои благодаренія. Сіе также и еще болѣе меня удивило, ибо мнѣ казалось, что я еще не заслуживалъ такой признательности. Словомъ, все сіе было для меня не понятно, и я не усматривалъ, что изъ всего того выйдетъ, а только скорому возвращенію его не имѣлъ причины радоваться. Безъ него все шло у насъ по-прежнему, ладно и хорошо, и все было мирно, тихо и спокойно, а съ пріѣздомъ его не ожидали ничего инаго, какъ нарушенія нашего спокойствія.

Едва я возвратился къ себѣ въ домъ и отобѣдалъ, какъ пришелъ ко мнѣ нашъ протопопъ, а потомъ духовной нашъ отецъ Іоаннъ проситъ меня, чтобъ я постарался помирить отца и сестру покойнаго отца Ѳедота съ его женою, перессорившихся уже между собою о ничего-значущемъ его наслѣдствѣ,— къ чему я охотно и соглашался. А какъ вскорѣ за симъ пришли и они, то всѣ мы болѣе двухъ часовъ старались ихъ усовѣстить и прекратить ничего-незначущую вражду миролюбно. Но никакъ учинить того были не въ состояніи: упругость нравовъ отца и сестры, хотѣвшихъ обидѣть вдову, были тому причиною. Я только-что досадовалъ и радъ былъ, что прискакавшій зять мой Шишковъ изъ Тулы для выбора судей, депутатовъ и прочихъ, и остановившійся у меня, прервалъ сіе наше неудачное миротвореніе.

Наставшій послѣ сего день былъ у насъ суетливый. Мы думали, что будетъ у насъ множество гостей, по причинѣ назначеннаго къ сему дню съѣзду всему Богородицкому дворянству, для помянутыхъ выборовъ. Однако, вмѣсто ожидаемаго множества, ни одного человѣка не пріѣхало, и зять мой не зналъ, что ему одному и дѣлать, посылалъ къ ближнимъ еще нарочныхъ, но и тѣ не сдвинулись. Итакъ, принужденъ онъ былъ назначать кое-кого заочно, а за всѣмъ тѣмъ и былъ у насъ обѣдъ поздній, послѣ котораго поѣхалъ я въ свой рекрутской департаментъ, для выбора и назначенія изъ собравшагося множества крестьянъ въ рекруты. А между тѣмъ съѣхалось къ домашнимъ моимъ и къ зятю множество гостей изъ нашихъ городскихъ и пріѣзжихъ, такъ что вся наша гостиная наполнена была людьми и удостоила между прочими и сама госпожа Дурова моихъ домашнихъ въ сей день своимъ посѣщеніемъ.

Всѣ послѣдующіе и остальные за симъ дни ноября мѣсяца занимался я ежедневно наискучнѣйшимъ для себя, но необходимымъ дѣломъ, а именно разборомъ и пересматриваніемъ всѣхъ молодыхъ и годныхъ крестьянъ волостныхъ для назначе-

нія изъ нихъ потребнаго числа къ поставкѣ въ рекруты. Никогда такъ трудно дѣло сіе для меня не было, какъ въ сей разъ, и болѣе потому, что во все сіе время, отчасти отъ перемѣны пищи, отчасти отъ прескверной бывшей во все сіе время ненастной погоды, а болѣе всего отъ несносной духоты, претерпѣваемой въ канцеляріи отъ множества народа и съѣхавшихся крестьянъ, самому мнѣ что-то очень не здоровилось, и я того-и-смотрѣлъ, чтобъ отъ трудовъ и безпокойствъ сихъ не занемочь, и невѣдомо-какъ радъ былъ, что дѣло сіе къ концу ноября кончилъ и могъ сколько-нибудь поуспокоиться.

Втеченіе сего времени, кромѣ многихъ пріѣзжавшихъ къ намъ и много мнѣ мѣшающихъ гостей, пріѣзжалъ еще въ другой разъ на почтовыхъ изъ Тулы зять мой Шишковъ къ намъ, и отъ насъ поскакалъ къ больному своему меньшому брату Александру Гарасимовичу, погибавшему отъ собственной своей дурости. Будучи очень еще молодымъ человѣкомъ, подверженъ былъ онъ двумъ бѣдственнымъ страстямъ: игравію въ карты и къ псовой охотѣ. А какъ онъ, сверхъ того, очень страдалъ грыжею, выходящей у него въ луно и нетерпящей ѣзды верховой и скаканію на лошадяхъ за зайцами, и не одинъ разъ доводившей его на край гроба, то и медики и всѣ родные совѣтовали ему колико можно отъ псовой охоты воздержаться. Но страсть его къ тому была такъ велика, что онъ никакъ не хотѣлъ совѣтамъ симъ слѣдовать, и около сего времени, во время ѣзды на охотѣ, грыжа его выступила изъ нѣдръ съ такимъ усиліемъ, что привезли его почти замертво домой и не было возможности уже никакъ ее вправить. По сему-то случаю пріѣзжалъ къ нему братъ изъ Тулы, чтобъ уговорить его ѣхать въ Тулу и тамъ полѣчиться. Но болѣзнь его была въ такомъ градусѣ, что никакая человѣческая помощь не въ состояніи была ее уничтожить, и онъ принужденъ былъ въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ разстаться съ жизнью, оставивъ по себѣ молодую жену и малолѣтнято сына. Мы всѣ его, по добротѣ его нрава, любили и не могли довольно нагореваться о рановременной его кончинѣ, служившей добрымъ урокомъ для молодыхъ людей, приверженныхъ уже слишкомъ къ бѣдственной псовой охотѣ.

Первое число декабря мѣсяца достопамятно было тѣмъ, что я началъ въ оное новое дѣло; а именно: сочинять «Ключь къ моему Экономическому Магазину», или общей алфавитный реестръ всѣмъ 40 частямъ онаго, для удобнѣйшаго пріискиванія всѣхъ находящихся въ ономъ лѣкарствъ и вещей, который хотя не скоро и съ великимъ трудомъ оконченный, послужилъ и служитъ и понынѣ мнѣ въ великую пользу и достоинъ быть преданъ тисненію.

На другой день встревожены мы были письмомъ, полученнымъ изъ Тулы отъ зятя моего Шишкова. Онъ, увѣдомляя насъ о смерти брата своего, просилъ, чтобъ жена моя какъ можно скорѣе пріѣхала въ Тулу, поелику дочь наша, а его жена, отъ печали и отъ простуды очень занемогла и желаетъ съ нею видѣться; что побудило огорчившуюся очень симъ извѣстіемъ жену мою тотчасъ начать собираться туда ѣхать. Мнѣ же никакъ не можно было ей сотовариществовать, потому что съ тою же почтою получилъ я отъ Дурова два ордера, изъ которыхъ первымъ назначалось 17 число сего мѣсяца для переторжки нашихъ отдаточныхъ въ наймы волостныхъ земель, и вслѣдствіе того приказываемо мнѣ было разослать во всѣ сосѣдственныя мѣста солдатъ, для публикованія, чтобъ всѣ желающіе нанимать наши земли къ сему числу съѣзжались, и я долженъ былъ тотчасъ заняться этимъ дѣломъ. А какъ къ самому сему числу назначенъ былъ и съѣздъ въ Тулу всему дворянству, для обыкновенныхъ выборовъ новыхъ судей, то изъ сего слѣдовало, что едва-ли мнѣ можно будетъ быть въ Тулѣ на сихъ выборахъ, какъ мнѣ было хотѣлось, равно какъ и то, что намъ пріѣзда г. Дурова уже вскорѣ ожидать надлежало.

Итакъ, я проводивъ жену мою, поѣхав-

шую въ тотъ же день въ Тулу съ дочерью нашею Ольгою, остался одинъ съ старушкою тещею въ Богородицкѣ; ибо сынъ мой находился въ сіе время съ меньшою нашею дочерью Катериною въ Головнинѣ, куда онъ дни за два до сего поѣхалъ съ тѣмъ, чтобъ оттуда проѣхать въ Тулу; а изъ ней еще разъ на короткое время съѣздить въ нашу деревню, для основанія при себѣ каменной ломки. Но и ему въ семъ намѣреніи произошло помѣшательство.

Оставшись помянутымъ образомъ одинъ, занялся я своими дѣлами. Но заѣхавшіе къ намъ и у насъ ночевавшіе гости дѣлали мнѣ великое помѣшательство, и я радъ былъ, что они, недождавшись нашего праздника Николина дни, отъ насъ уѣхали; ибо, по наступающей тогда уже зимѣ, сдѣлавшей недостатокъ въ свѣжей рыбѣ, угощать бы ихъ было нечѣмъ. Впрочемъ, въ сіе время ежедневно посѣщалъ меня весьма умный коломенскій священникъ Василій, отецъ овдовѣвшей молодой попадьи нашей и тесть покойнаго отца Ѳедота, пріѣхавшій къ намъ въ Богородицкъ, для отвоза къ себѣ своей дочери, которую мы вскорѣ потомъ и проводили отъ себя съ сожалѣніемъ. Мы и всѣ мои домашніе ее очень любили. Была она женщина умная, весьма хорошая и благороднаго поведенія, а лицомъ столь хороша, что ни одна во всемъ Богородицкѣ женщина не могла въ пригожствѣ и красотѣ равняться съ нею; почему и неудивительно, что впослѣдствіи сдѣлалась она счастливою и даже благородною, ибо въ Коломнѣ влюбись въ нее страстно и такъ сильно тамошній городничій, что, не могши преодолѣть любви своей, на ней женился. и она сдѣлалась чиновною особою.

Предъ наступленіемъ помянутаго нашего праздника, имѣли мы удовольствіе свидѣться съ нашими родными возвратившимися противъ всякаго нашего чаянія и гораздо скорѣе изъ Тулы, нежели мы узнали. Ибо какъ дочери моей Елизаветѣ полегчѣло и она оправилась, то жена моя не стала тамъ долѣе мѣшкать, но съ Ольгою и съ сыномъ моимъ поѣхала къ намъ обратно и дорогою претерпѣла великое безпокойство отъ непогоды и вьюги.

Праздникъ Николинъ день провели мы, по случаю бывшей тогда превеликой стужи, одни и безъ всякихъ гостей и увеселеній, и я занимался болѣе разговорами съ сыномъ моимъ о предстоящемъ намъ безпокойствѣ по случаю пріѣзда г. Дурова, которому вскорѣ воспослѣдовать надлежало, и готовились къ великимъ перемѣнамъ во всѣхъ тамошнихъ и собственно и нашихъ обстоятельствахъ. Чрезъ день послѣ сего, претерпѣли мы отъ жестокой бури, вьюги и мятели, бьющей прямо въ мой кабинетъ, превеликое безпокойсто. Она вынесла все тепло изъ онаго и изо всего почти дома, такъ что мы принуждены были искать мѣста въ другихъ и заднихъ покояхъ дома и отогрѣваясь сидѣть въ углу у печи. По сія стужа въ послѣдующій же день перемѣнилась въ большое тепло, пошелъ дождь и сталъ сгонять наставшую-было зиму нашу. Въ вечеру сего дня съ почтою получилъ я новое повелѣніе о сборѣ съ волости нѣсколько тысячъ четвертей муки, и чтобъ мы набили оную въ кули и приготовили въ наискорѣйшемъ времени. Я тотчасъ сдѣлалъ къ тому нужныя распоряженія, а между тѣмъ стали съ сыномъ думать, какъ бы намъ успѣть до пріѣзда г. Дурова съѣздить въ Тулу для посмотрѣнія игры комедіантовъ князя Щербатова, привезенныхъ на славу оныхъ въ Тулу, и положили ѣхать въ слѣдующій день, чтобъ поспѣть къ театру.

Сіе мы исполнили дѣйствительно, и не ѣхали, а плыли; ибо тепло такъ дружно распустило весь снѣгъ, что вездѣ была вода, озерки и зажоры на дорогѣ. Въ Дѣдиловъ пріѣхали мы уже поздно ночью и, ночуя тутъ при льющемъ безпрерывно дождѣ, горевали и не знали какъ добраться до Тулы. Но, къ обрадованію нашему, передъ утромъ вдругъ изъ большаго тепла сдѣлалась опять превеликая стужа, отчего дорога сдѣлалась еще хуже, и ѣхать было какъ по ножевому ребру

и съ ноги на ногу; почему и не могли мы прежде поспѣть въ Тулу, какъ къ обѣду и остановились опять, на квартерѣ моего зятя, не нашедъ его дома. Но не успѣли съ дочерью моею нѣсколько словъ сказать, какъ прислалъ зять мой сказать, что нашъ Сергѣй Алексѣевичъ изъ Петербурга уже пріѣхалъ, и что онъ его видѣлъ. Сіе перетревожило насъ до чрезвычайности и я тужилъ уже тогда что поѣхалъ, ибо предвидѣлъ, что мнѣ надобно будетъ тотчасъ ѣхать назадъ въ Богородицкъ. Итакъ, давай-давай скорѣе одѣваться и убираться, чтобъ ѣхать искать Дурова. Между тѣмъ пріѣхало нѣсколько къ намъ гостей, съ которыми отобѣдавъ и узнавъ, что Дуровъ остановился у Верещагина, тотчасъ поѣхалъ къ нему. Тутъ имѣлъ я съ нимъ первое свиданіе и крайне любопытенъ былъ узнать о успѣхѣ ѣзды его. Я ему отрепортовалъ о состояніи волости и разсказавъ, что у насъ дѣлалось, заводилъ съ нимъ рѣчь о многомъ; но не могъ узнать ничего о успѣхѣ ѣзды его; ибо онъ никому ни въ чемъ не открывался; а сколько казалось, то не привезъ онъ съ собою ничего рѣшительнаго; а только жаловался, что очень сухо принятъ былъ отъ намѣстника. Впрочемъ, онъ хотя дозволялъ мнѣ пробыть дня два въ Тулѣ, но я самъ не остался, но, распрощавшись съ нимъ, поѣхалъ на квартеру, а оттуда прямо въ театръ, вмѣстѣ съ моимъ зятемъ. Театръ былъ славный Щербатовскій, но, къ сожалѣнію, представляли извѣстную и недавно мною видѣнную комедію «Честное слово». Народа было великое множество. Послѣ комедіи представляли балетъ и довольно изрядный. Итакъ, сей вечеръ провели мы съ удовольствіемъ. По-утру, посовѣтовавъ съ своими родными, рѣшился ни мало не медля ѣхать назадъ въ Богородицкъ и, запрегши кибитку, пустился. Ѣхать намъ въ сей разъ было лучше. Въ Дѣдиловѣ кормили мы лошадей, и тутъ объѣхалъ меня г. Дуровъ. Я пріѣхалъ уже ночью домой, и нашелъ у себя зятя своего Воронцова, пріѣхавшаго хлопотать о землѣ наемной для себя.

По-утру пошелъ я къ Дурову: онъ принялъ меня также, какъ прежде, ни тепло ни холодно; все скромничалъ и ни о чемъ не сказывалъ, а я не спрашивалъ, да и спрашивать было неприлично. Только то было примѣтно, что онъ съ докладами у самой императрицы не былъ и не имѣлъ счастья быть ей представленнымъ; а всѣ свои представленія пустилъ чрезъ г. Трощинскаго, своего благодѣтеля, который, можетъ быть, и обѣщалъ ему и безъ него все желаемое и сдѣлать. Поговоривши нѣсколько съ нимъ и примѣтивъ, что ему надобно было писать, далъ я ему свободу и ушелъ къ себѣ въ домъ.

Въ послѣдующій за симъ день провелъ я опять все утро у своего начальника, показывалъ ему свою рекрутскую работу, и хотя вынуждалъ признаться, что она очень хороша, но благодарности за нее я никакой не получилъ отъ сего нечувствительнаго человѣка. Сіе меня нѣсколько поогорчило. Впрочемъ, о себѣ и въ сей день я ничего еще не узналъ, и узнать не могъ, а только могъ кое-что примѣтить перемѣнное въ распоряженіяхъ съ деньгами и въ прочемъ. Казалось, что ему, конечно, въ Петербургѣ говорено было, чтобъ онъ не слишкомъ умничалъ и не затѣвалъ новости, а держался бы болѣе старинѣ. Но какъ бы то ни было, но скромность его была непомѣрная, и ничего точнаго узнать было не можно, почему и я о судьбѣ своей ничего еще не зналъ и не вѣдалъ и былъ въ совершенной неизвѣстности.

Въ томъ же прошелъ у насъ и послѣдующій день, въ который ѣздилъ я къ нему съ зятемъ своимъ Воронцовымъ и имѣлъ удовольствіе сдѣлать сему маленькую услугу, выпросивъ у Дурова ему желаемое имъ число земли въ наемъ, безъ переторжки; а въ послѣдующій за симъ день и начали уже съѣзжаться дворяне, для торга землянаго. И какъ наѣхало ихъ довольно, то день сей былъ для насъ суетливой, и надобно было и къ торговлѣ сей все нужное готовить и заниматься пріѣзжими господами; изъ коихъ многіе изъ знакомыхъ квартиро-

вали у меня въ домѣ. Наконецъ, въ день, назначенной для сей торговли, оная у насъ и происходила. Съѣхалось для ней великое множество народа, а не мало было и дворянства. Все утро занимались мы отдачею земли въ оброкъ, и всѣ обѣдали у господина Дурова, и пробыли до вечера, а въ вечеру ходили опять въ свою отдаточную камору, и отдавали долго, но всего кончить не могли. Дуровъ велѣлъ мнѣ зайтить къ нему и тутъ мы просидѣли съ нимъ весь вечеръ и ранжировали земли. Онъ былъ въ сей день отмѣнно ко мнѣ благосклоненъ, и, раздавая особенныя земли не только удовлетворилъ мою просьбу вразсужденіе зятя моего, но на самаго меня почти навалилъ 100 десятинъ по самой низкой цѣнѣ и унялъ меня у себя ужинать. Словомъ, онъ былъ ко мнѣ отмѣнно добръ, и я былъ имъ доволенъ.

Торговля сія продолжалась и на другой день, но только до обѣда, и почти вся кончилась. Послѣ обѣда приходилъ ко мнѣ братъ г. Дурова, Алексѣй Степановичъ Козинъ, съ старшимъ сыномъ Дурова. Первый изъ нихъ лѣчился на машинѣ, и оба просидѣли долго, и я ихъ заговорилъ обо всемъ и обо всемъ.

Едва они отъ меня ушли, какъ получилъ я письмо отъ оставшагося въ Тулѣ сына моего, приведшее меня въ смущеніе превеликое. Онъ писалъ ко мнѣ, чтобъ я пріѣхалъ въ Тулу, хотя на короткое время, поелику намѣстникъ проговаривалъ, что онъ ѣдетъ въ Петербургъ и чтобъ я воспользовался его ѣздою туда вразсужденіе моей просьбы объ отставкѣ и пенсіонѣ. Я не зналъ, что̀ мнѣ дѣлать, ибо надлежало рѣшиться подавать о томъ просьбу, или нѣтъ. Весь послѣдующій засимъ день я о томъ и о непостижимой сокровенности своего начальника думалъ и размышлялъ и рѣшился наконецъ, для разрѣшенія своего сомнительства, спросить Дурова прямо о томъ, какъ онъ представилъ о моемъ мѣстѣ, и потомъ проситься въ Тулу, дабы тѣмъ разорвать все сомнѣніе и узнать оставаться-ли мнѣ тутъ, или перебираться въ деревню.

Итакъ, улучивъ такое время, когда онъ былъ одинъ, пошелъ я къ нему и, заведя рѣчь о тульской ѣздѣ, выпросился я у него туда, приводя въ предлогъ дѣло сыновнее, и открывшись ему дѣйствительно въ томъ, что у меня говорено было объ немъ съ намѣстникомъ. Получивъ къ ѣздѣ дозволеніе его, отважился я наконецъ спросить его о себѣ и, смѣючись говорилъ ему, что онъ намъ ничего не сказываетъ, въ какой силѣ представилъ объ насъ съ бобриковскимъ управителемъ и о моемъ мѣстѣ. Съ трепетомъ и смущеніемъ духа ожидалъ я, что̀ онъ скажетъ. Но какъ удивился, когда онъ сказалъ мнѣ въ отвѣтъ, что это окажется тогда, и притомъ спросилъ, на что̀ бы намъ это знать хотѣлось? «Какъ на что, сказалъ я; для того, чтобъ я могъ самъ о себѣ расположить, можно-ль мнѣ будетъ здѣсь остаться или нѣтъ». Онъ опять повторилъ, что все означится послѣ и, давая тонъ, что я буду доволенъ. «Мнѣ же ничего худого объ васъ написать и представить было не можно, равно какъ и о Семенѣ Алексѣевичѣ Верещагинѣ». Словомъ, хотя и не сказалъ, но я могъ догадаться, что онъ написалъ въ представленіи своемъ что-нибудь хорошее. Итакъ, сталъ я опять въ пень и остался въ прежней нерѣшимости, однако, сколько-нибудь поспокойнѣе въ мысляхъ. Самъ начальникъ мой сдѣлался съ сей минуты нѣсколько повѣреннѣе со мною. Мы говорили о Бобринскомъ, и онъ сказывалъ мнѣ, что онъ хочетъ жениться, и такъ далѣе. Потомъ согласились всѣ ѣхать кататься, и поѣхали на Лебедянскую дорогу, вмѣстѣ съ г. Козинымъ, его братомъ, и все было хорошо. При возвращеніи, зазвалъ я ихъ къ себѣ на перепутьи и постарался угостить ихъ всячески. Чѣмъ день сей былъ и конченъ, такъ что я почти сожалѣлъ, что просился въ Тулу; однако, ѣзды сей не отложилъ, и рѣшился ѣхать туда на другой день послѣ обѣда.

По-утру ходилъ я опять къ г. Дуро-

ву и нашелъ его упражняющагося въ отдачѣ въ оброкъ мельницъ, и имѣлъ опять съ нимъ одинъ-на-единѣ весьма важный разговоръ. Онъ все подозрѣвалъ меня, что я мучу на него намѣстника, и потому секретничалъ отъ меня безъ всякой нужды. Меня сіе очень разстрогало, и я всячески старался увѣрить его о противномъ и говорилъ много и долго. Онъ сдѣлался ко мнѣ ласковѣе и продержалъ меня такъ долго, что домой возвратился уже въ часъ. Тутъ давай скорѣе собираться и убираться и ѣхать въ Тулу. Я и дѣйствитительно успѣлъ не только выѣхать, но и доѣхать въ сумерки до Дѣдилова. Тутъ хотѣлъ-было я пристать по-прежнему у знакомаго мнѣ харчевника, но, размахавшись и вошедъ въ избу, увидѣлъ тутъ сидящую молодую госпожу Гагину и пьющую чай. Я скорѣе, скорѣе опять вонъ, и бѣжать къ старику Юлѣ и ночевалъ уже у сего моего стариннаго знакомца.

Наступившій за симъ день былъ также одинъ изъ достопамятныхъ въ моей жизни. Вознамѣрясь поспѣшить своимъ пріѣздомъ въ Тулу, и побывать еще въ тотъ же день у намѣстника, всталъ я очень рано и, воспользовавшись мѣсячною ночью и хорошею дорогою, пріѣхалъ еще досвѣта въ Тулу и засталъ всѣхъ своихъ родныхъ еще спящихъ и отдыхавшихъ послѣ послѣдняго и многочисленнаго маскарада, на которомъ они часа два за полночь пробыли. Я поспѣшилъ одѣться какъ-можно скорѣе и, переговоривъ обо всемъ съ своими, поѣхалъ къ намѣстнику, въ первой разъ въ своей новой и прекрасной двумѣстной каретѣ. Я не нашелъ у намѣстника никого, а самого его въ самый тотъ часъ принимающаго лѣкарство. Сіе было причиною, что онъ меня не принялъ, а велѣлъ пріѣзжать обѣдать. Получивъ сію отсрочку въ аудіенціи, пустился я назадъ, заѣхалъ къ Верещагину и, переговоривъ съ нимъ о многомъ, заѣзжалъ на часокъ домой, а оттуда съ сыномъ проѣхалъ къ г. Юшкову. Тамъ были намъ чрезвычайно ради, и я познакомился съ Яковомъ Ивановичемъ Протасовымъ, милымъ и любезнымъ человѣкомъ. Тутъ пробылъ я до второго часа, и потомъ поѣхалъ къ намѣстнику и имѣлъ случай, до обѣда еще, говорить съ нимъ опять одинъ-на-единѣ. Онъ говорилъ мнѣ все прежнее, а именно, чтобъ неотмѣнно писалъ я письмо къ государынѣ и просился въ отставку и о пенсіи, и совѣтовалъ мнѣ сіе, какъ истинный мой благодѣтель, убѣждая меня къ тому тѣмъ, что мнѣ, будучи отъ всѣхъ любимымъ и почитаемымъ человѣкомъ, неприлично и стыдно быть подъ командою у Дурова и служить, равно какъ своему брату. Вотъ всѣ резоны и причины, для чего онъ мнѣ сіе совѣтовалъ, а тоже и у всѣхъ было затвержено. Но я былъ отъ всѣхъ противнаго мнѣнія и думалъ, что едва-ли сообразно будетъ съ благоразуміемъ, чтобъ изъ единаго честолюбія отказаться самовольно отъ хорошаго и въ рукахъ имѣющагося мѣста и въ надеждѣ только неизвѣстной и пустой пенсіи, которая дастся, или нѣтъ—было неизвѣстно; да хотя бы и далась, такъ была бы очень ненадежна и кратковременна. Къ тому-жъ невеликая была надежда и на самого намѣстника. Ѣхалъ онъ въ Петербургъ не за добромъ, а боялся гнѣва и немилости отъ Императрицы, и потому едваль-бъ можно было ему мнѣ въ чемъ-нибудь помочь. Итакъ, я одобрилъ только его совѣтъ, а ничего достовѣрнаго не сказалъ. Поговоривъ со мною, велѣлъ онъ мнѣ оставаться у себя обѣдать, а самъ ушолъ въ свой кабинетъ; ибо былъ еще дѣйствительно расчесанъ и неодѣтый. Тутъ начали тотчасъ кое-кто съѣзжаться, вышла генеральша, сѣла на свою софу, и пошли обыкновенные разговоры. Немного погодя, прислалъ опять намѣстникъ человѣка за мною. Я-было и пошелъ, но г. Бахтинъ и вицъ-губернаторъ помѣшали намъ говорить, и все время, покуда онъ одѣвался, прошло такъ. Намѣстникъ вышелъ въ публику и тутъ было уже не до меня. Пошли обѣдать. Онъ остался одинъ; а послѣ обѣда сѣли играть въ карты. Я, видя, что ничего болѣе не будетъ, выждалъ какъ онъ пошелъ въ кабинетъ,

и, поймавъ его въ залѣ, съ нимъ распрощался и поѣхалъ на квартеру, всего меньше зная и воображая себѣ, что я тогда въ послѣдній разъ въ жизни моей видѣлъ сего милаго и любезнаго и толико ко мнѣ благопріятнаго и престарѣлаго вельможу, ибо онъ изъ Петербурга уже не возвращался, а тамъ отъ болѣзни своей и жизнь кончилъ. Возвратясь на квартеру, нашелъ я у родныхъ своихъ кое-кого и между прочимъ г. Бородина, и отъ него въ сей вечеръ была мнѣ опять чрезъ Егора Крюкова атака. Но я и въ сей разъ еще на нѣсколько времени отклонилъ сіе дѣло. Вскорѣ послѣ меня, пріѣхалъ и г. Григоровъ и сидѣлъ со мною вечеръ, но ничего не говорилъ, хотя я и отъ него ожидалъ равномѣрной атаки, а все хитрилъ и мастерилъ мой зятекъ, который и спалъ и видѣлъ только то, чтобъ дочь мою просватать за Бородина.

На утріе, переговоривъ и посовѣтовавъ между собою, рѣшились мы съ сыномъ ѣхать домой въ Богородицкъ. Итакъ, позавтракавъ и оставивъ Ольгу праздновать еще у сестры, и пустились въ сей путь и пріѣхали въ Богородицкъ уже ночью. Въ наступившій послѣ сего день, поѣхалъ я къ Дурову и нашелъ его собирающагося съ братомъ своимъ Козинымъ ѣхать въ Тулу, куда мы его и проводили. Какъ случилось сіе въ навечеріи Рождества Христова, то, проводивъ Дурова, начали мы готовиться къ празднику, но оной провели мы въ сей годъ не очень весело. Причиною тому было, что не все наше семейство было въ собраніи. Зять мой Шишковъ, съ Елизаветою и Ольгою, дочерьми моими, находился въ Тулѣ; дочь моя Настасья съ мужемъ была въ ихъ деревнѣ; сынъ мой, простудившись, былъ очень нездоровъ; итакъ, мы съ Катериною одною ѣздили и къ заутрени и къ обѣдни, а разговѣвшись и пообѣдавъ дома, къ госпожѣ Дуровой, и сидѣли у ней долго; а сынъ по болѣзни своей оставался дома.

Такимъ-же образомъ не очень весело провели мы и второй день нашихъ святокъ. Въ оный послѣ обѣда ѣздили мы къ нашему городничему и кой-къ-кому другимъ изъ нашихъ городскихъ, и проѣздили почти до вечера. Между тѣмъ сватовство Ольгино не выходило у насъ изъ ума. Г. Бородинъ не давалъ намъ покою; онъ былъ въ нее смертельно влюбленъ, но намъ очень, очень не хотѣлось ее ему жертвовать, а охотнѣе хотѣли-бъ отдать ее, если-бъ только [можно] было за г. Кокошкина, Петра Ѳедоровича. Это былъ также холостой, именитой фамиліи, и неподалеку отъ Богородицка, хорошія деревни имѣющій дворянинъ. Нѣкоторые изъ знакомыхъ ему и намъ дворянъ предлагали намъ его въ женихи за дочь нашу и увѣряли насъ, что онъ хочетъ жениться и ищетъ себѣ невѣсты, и что, наслышавшись о красотѣ моей дочери Ольги, желалъ ее видѣть. Сіе побуждало насъ уже за нѣсколько времени до сего искать съ нимъ познакомиться. Я его хотя и имѣлъ случай видѣть, пріѣзжавшаго ко мнѣ просить объ отдаточной волостной землѣ, и онъ мнѣ ни съ которой стороны не былъ противенъ; но все знакомство сіе было ничего еще незначущее, и мы искали случаевъ познакомиться съ нимъ короче и показать ему дочь нашу; и на сей конецъ препоручили сыну нашему съѣздить къ нему въ деревню, въ гости, и его чрезъ то заманить послѣ къ себѣ. Сынъ мой на третій день нашихъ святокъ и ѣздилъ и пріемомъ его былъ очень доволенъ, и, пригласивъ его и у насъ побывать, возвратился уже ночью. А мы между тѣмъ провели день сей въ скукѣ; жена съ Катериною ѣздила въ гости, а я оставался одинъ дома и долженъ былъ заниматься съ г. Челищевымъ, знакомцемъ и пріятелемъ нашимъ, привезшимъ къ намъ опасно занемогшую жену свою. Сіе увеличивало еще нашу скуку, а возвратился въ вечеру и г. Дуровъ опять въ Богородицкъ.

Четвертый день нашихъ святокъ, провели мы сколько-нибудь лучше. По-утру былъ я у Дурова и въ канцеляріи. Между тѣмъ отправили мы лошадей съ повозкою въ Тулу, для привозу нашей дочери. Пріѣхали къ намъ наши родные Воронцовы, а вечеръ весь провели мы у Дурова.

На утріе поѣхалъ отъ насъ г. Челищевъ, а жена его, оставшись у насъ, вдругъ занемогла наижесточайшимъ образомъ горячкою и бредомъ. Послѣ обѣда же пріѣхала къ намъ госпожа Дурова, и я встревоженъ былъ воспріятымъ намѣреніемъ г. Дурова отправить меня въ Тулу, для отвоза туда денегъ и отданія тамъ ихъ на почту, для пересылки въ Петербургъ. Вдругъ приди въ мудрую голову его капризъ, чтобъ отправить еще симъ годомъ 25 тысячъ въ Петербургъ. На что бы сіе точно было надобно, какой отъ того ожидалъ онъ пользы и какія притомъ были его виды, того всего, по скромности его, было неизвѣстно; а только наканунѣ сего дня говорили мы съ нимъ о семъ отправленіи съ тѣмъ, чтобъ отправить ихъ съ тутошнею Богородицкою почтою. Но для него казалось страшною бѣдою то, что почта сія должна была отходить не прежде 3 генваря слѣдующаго года. Я говорилъ ему, что не можетъ ничего произойтить, ежели отправитъ онъ ихъ 31 декабря, или депеши означитъ заднимъ числомъ. Но статочное-ли дѣло: привыкнувъ изъ мухи дѣлать слона, усумнился онъ невѣдомо-какъ и вдругъ, не говоря мнѣ ни слова, призываетъ секретаря и говоритъ ему обо мнѣ, что какъ я завтра ѣду въ Тулу, то сказалъ бы мнѣ, чтобъ я пришелъ въ канцелярію, для принятія 25 тысячъ, и готовилъ бы для себя двѣ пары лошадей съ двумя солдатами для охраненія казны и прочія. Господи сохрани, какія имѣлъ предосторожности! Досадно мнѣ сіе невѣдомо - какъ было, и въ Тулу ѣхать безъ всякой нужды, а по единной прихоти Дурова крайне не хотѣлось. Ѣзды тульскія уже и безъ того мнѣ наскучили; къ тому-жъ, въ послѣдующій день хотѣлъ къ намъ быть г. Кокошкинъ, и мы располагали такъ, чтобъ ему въ сей день имѣть случай видѣть дочь мою Ольгу, и для сего необходимо надобно мнѣ было быть дома. Итакъ, я тотчасъ одѣлся и поѣхалъ къ Дурову. Онъ предлагаетъ мнѣ сію ѣзду, а я ему говорю, что нѣтъ въ томъ никакой дальней нужды. Онъ споритъ. Я спорю еще больше; и у насъ съ нимъ сдѣлалась за сіе маленькая схваточка; но наконецъ я его преодолѣлъ доказавъ ему, что не произойдетъ отъ того никакого слѣдствія, если деньги сіи дня два пролежатъ на почтѣ, до отправленія почты. Но какъ онъ въ самомъ въ томъ находилъ сумнительство и никакъ не хотѣлъ на то согласиться, то убѣдилъ я его наконецъ тѣмъ, что деньги сіи послѣ отправленія ихъ отъ него 31 декабря пускай полежали-бъ два дни у насъ въ канцеляріи, и на почту бы ихъ отдать въ самый тотъ день, какъ ихъ везти. И симъ-то наконецъ я его и успокоилъ. Чудный, по истинѣ, человѣкъ! На-силу-на-силу я его уломалъ и на своемъ поставилъ, а то бы ѣхать мнѣ неотмѣнно въ Тулу, по пустому его капризу. Итакъ, вмѣсто того-чтобъ иттить въ канцелярію, просидѣлъ я у него весь вечеръ, а возвратясь домой, получилъ новую досаду. Изъ Тулы прислали ко мнѣ письмо, съ увѣдомленіемъ, что дочь моя Ольга въ сей день къ намъ не будетъ, а пріѣдетъ на другой день, а на другой день была она намъ совсѣмъ не надобна. Сіе меня огорчило и раздосадовало, ибо чрезъ то разрушилось все наше намѣреніе. Случись же такъ, и можетъ быть по устроенію судебъ, что на ту пору заболѣла у ней голова и она простудилась. Дочь моя Настасья была также нездорова. Больная же госпожа Челищева угрожала насъ своею смертью. Итакъ, всѣ обстоятельства въ совокупленіи своемъ производили бириберду и дѣлали намъ святки очень невеселыми, и не походили никакъ на святки, а были хуже будней.

Въ наступившій за симъ воскресный день, получилъ я съ почтою письмо отъ г. Нартова и сѣмена пихты и лиственницы. Къ г. Дурову ѣздилъ я послѣ обѣдни съ зятемъ моимъ Воронцовымъ. Онъ унималъ-было насъ у себя обѣдать, но мы отговорились тѣмъ, что къ намъ будутъ гости, какъ и дѣйствительно мы ждали къ себѣ Кокошкина, обѣщавшаго пріѣхать къ намъ обѣдать. Однако, мы прождали его до третьяго часа и онъ

не бывалъ, и мы обѣдали одни съ нашимъ лѣкаремъ. А послѣ обѣда, очень скоро пріѣхала къ намъ и Ольга изъ Тулы, выѣхавшая очень рано. И какъ пріѣхало къ намъ нѣсколько изъ городскихъ нашихъ знакомцевъ, то въ вечеру была у насъ вечеринка, играла музыка, и мы потанцовали. Словомъ, день сей былъ не скученъ, но того, чего мы ожидали въ оный не произошло. Сперва мы досадовали, что Ольги не было, а потомъ стали досадовать, что не было Кокошкина. Все какъ-то не ладилось и не клеилось.

Наконецъ, послѣдній день сего года провели мы благополучно. Я, по обыкновенію, былъ поутру у Дурова и послѣ обѣда разбиралъ въ канцеляріи ассигнаціи по годамъ. Воронцовы наши поѣхали въ сей день домой, а новость была только та, что г. Дуровъ вознамѣрился въ коммиссары къ магазейну опредѣлить г. Протопопова, Алексѣя Сергѣевича, пріѣхавшаго къ нему въ сіе время.

Симъ кончился сей 1795 годъ, а съ окончаніемъ онаго окончу и я сіе письмо мое, сказавъ, что я есмь вашъ, и прочая

(Октября 3 дня 1816 года. Дворениново)

Конецъ XXIX части.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО И ПОСЛѢДНЯГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

ЗАПИСОКЪ А. Т. БОЛОТОВА.

ЧАСТИ: XXII, XXIII, XXIV, XXV, XXVI, XXVII, XXVIII и XXIX.

1785—1795.

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Богородицкѣ послѣ отбытія Императрицы изъ Тулы до замужества старшей моей дочери.

1787—1788.

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Богородицкѣ со времени замужества старшей моей дочери до отбытія г. Давыдова изъ Богородицка.

1788—1789.

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Богородицкѣ со времени отбытія г. Давыдова изъ Богородицка до наступленія 1790 года.

1789—1790.

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Богородицкѣ.

1790.

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Богородицкѣ.

1791—1792.

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Богородицкѣ.

1792—1793.

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Богородицкѣ.

1794—1795.

Приложенія. Къ Запискамъ А. Т. Болотова, изд. „Русской Старины“, принадлежатъ слѣдующія приложенія: I. Точное изображеніе кабинета А. Т. Болотова и его самаго, сидящаго за составленіемъ своего жизнеописанія,— рисунокъ съ натуры, сдѣланный его сыномъ Павломъ Андреевичемъ, — гравировалъ Академикъ Л. А. Сѣряковъ. II. Портретъ А. Т. Болотова (писанъ масляными красками съ натуры, на шестидесятилѣтнемъ возрастѣ, подлинникъ принадлежитъ правнуку Андрея Тимоѳеевича—В. А. Болотову), гравировалъ съ фотографіи Н. Ѳ. Досса — Академикъ Л. А. Сѣряковъ. III. Снимокъ двухъ страницъ подлинной рукописи Записокъ А. Т. Боло-

това (т. I, ч. I, стр. 330—331); и IV. Азбучный указатель личныхъ именъ во всѣхъ четырехъ томахъ Записокъ А. Т. Болотова (29 частей), составленъ Ж. К. Піотровской, подъ наблюденіемъ Е. П. Карновича.

Кромѣ того, въ текстѣ четырехъ томовъ Записокъ помѣщено 31 рисунокъ (виньстокъ), сдѣланныхъ Павломъ Болотовымъ, по указаніямъ его отца, автора Записокъ, 2 снимка подписей и 3 плапа,—гравировалъ Академикъ Л. А. Сѣряковъ.

Примѣчаніе для переплетчика, Приложенія: рисунокъ кабинета и снимокъ съ рукописи Болотова—должны быть помѣщены вначалѣ I-го тома «Записокъ А. Т. Болотова»; его портретъ слѣдуетъ помѣстить въ началѣ IV тома; затѣмъ въ концѣ каждаго изъ четырехъ томовъ должно быть помѣщено оглавленіе, которое имѣетъ общую пагинацію страницъ. «Азбучный указатель личныхъ именъ» имѣетъ особую пагинацію страницъ (1 по 84) и можетъ быть помѣщенъ или въ концѣ IV-го тома, или въ самомъ началѣ I-го тома «Записокъ Болотова.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

къ

ЗАПИСКАМЪ А. Т. БОЛОТОВА

(изд. 1870—1873 гг., т. I, II, III и IV).

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

Л.

М.

Н.

П.

Р.

С.

Т.

Х.

Ц.

Ч.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.